
Петербургский государственный университет
БИБЛИОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИЗВѢСТІЯ и УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ XLVII. ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ. 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1-2

1880 г.

КАЗАНЬ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ УНИВЕРСИТЕТА.
~~1879.~~

Въ Редакціи „Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета" можно между прочимъ получать слѣдующія ея изданія:

Адамюкъ Е. Къ ученію о внутриглазномъ кровообращеніи и давленіи. 1867. Ц. 1 р.

Адамюкъ Е. Матеріалы къ этіологіи глявкомы и ея лѣченію. 1874. Ц. 50 к.

Адамюкъ Е. Офталмологическія наблюденія. Изъ глазнаго отдѣленія клиники Казанскаго Университета. 1876. Ц. 1 р. 50 к.

Буличъ Н. Къ столѣтней памяти Ломоносова. 1865. Ц. 50 к.

Буличъ Н. Біографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности. 1866. Ц. 75 к.

Владиміровъ П. Нѣсколько данныхъ для изученія Сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. К. 1878. Ц. 45 к.

Виноградскій В. Объ опредѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ. 1872. Ц. 1 р.

Глинскій Г. О радикалахъ въ органической химіи. 1872. Ц. 1 р.

Загоскинъ Н. П. Уставныя Грамоты XIV—XVI вв., съ сведеннымъ текстомъ ихъ и указателемъ къ нему. Два выпуска. К. 1875—1876. Ц. 1 р. 25 к.

Загоскинъ Н. П. Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси. К. 1876. Ц. 1 р. 20 к.

Загоскинъ Н. П. О правѣ владѣнія дворами въ Московскомъ государствѣ. К. 1877. Ц. 60 к.

Загоскинъ Н. П. Методъ и средства изученія обычнаго права Славянъ вообще и русскихъ въ особенности. К. 1877. Ц. 40 к.

Корсаковъ Д. Меря и Ростовское княжество. Очерки изъ исторіи Ростовско-Суздальской земли. 1872. Ц. 1 р. 50 к.

Кремлевъ Н. Къ ученію о правѣ добросовѣстнаго владѣльца на плоды по римскому праву. 1866. Ц. 50 к.

Кремлевъ Н. Сепарація, какъ способъ пріобрѣтенія собственности добросовѣстнымъ владѣльцемъ, по классическому римскому праву. 1867. Ц. 1 р. 50 к.

Львовъ Д. Промысловый налогъ и методы его установленія въ Западно-Европейскихъ государствахъ и Россіи. К. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

Леваковскій Н. О вліяніи нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій на форму корней. Съ 14 таб. рисунковъ. 1868. Ц. 1 р. 50 к.

Мандельштаммъ Л. Къ патологіи поджелудочной железы. 1873. Ц. 75 к.

Небосклоновъ А. Борьба Славянъ съ Нѣмцами за независимость въ средніе вѣка. К. 1875. Ц. 1 р. 50 к.

Осиповъ А. Брачное право древняго Востока. 1872. Ц. 1 р.

Осиповъ А. Вексель въ его прошедшемъ и настоящемъ. 1873 г. Ц. 50 коп.

Осокинъ Н. Савонарола и Флоренція. Историч монографія въ двухъ частяхъ. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Осокинъ Н. Исторія Альбигойцевъ до кончины папы Иннокентія III. 1869. Ц. 3 р.

Осокинъ Н. Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока Французами. 1872. Ц. 3 р.

Осокинъ Н. Неаполитанскіе государи въ XIV вѣкѣ. Разсказы изъ итальянской исторіи. К. 1873. Ц. 1 р.

Пашутинъ В. Лекціи Общей Патологіи. Ч. I. Патологія тканей. К. 1878. Ц. 3 р.

ИЗВѢСТІЯ и УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОДЪ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ.

1-2

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1880.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЗВѢСТІЯ.

Часть I.

Часть II.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ.

I ОТДѢЛЪ

Историко-филологическихъ наукъ:

II ОТДѢЛЪ

Физико-математическихъ наукъ.

III ОТДѢЛЪ

Юридическихъ наукъ:

IV ОТДѢЛЪ

Медицинскихъ наукъ:

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1880.

ТОМЪ XVI.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1880.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

ПРОТОКОЛЫ
ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
въ 1879 году.

4 Сентября.

Слушали:

Ст. 1. Приказы г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 13 и 17 іюня 1879 г. за №№ 4 и 5, которыми утверждаются: первымъ—лѣкарь Целерицкій ординаторомъ терапевтической госпитальной клиники Казанскаго Университета, согласно избранію Совѣта Университета, съ 28 мая 1879 г. и вторымъ: лѣкарь Николай Чаганакскій—ординаторомъ госпитальной хирургической клиники, согласно избранію Совѣта Университета, съ 30 мая 1879 г. и лѣкари: Львовъ, Флеринъ и Карповъ—ординаторами факультетской клиники сего Университета, согласно избранію Совѣта Университета, первые двое акушерскаго отдѣленія, съ 30-го 1879 г., а послѣдній терапевтическаго отдѣленія съ 31 мая 1879 года. Опредѣлено: Завести формулярные о службѣ вышепомянутыхъ лицъ списки.

Ст. 2. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 36 іюля сего года за № 4368, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета, для надлежащаго распо-

ряженія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 3 іюля сего года за № 796 о нижеслѣдующемъ: Казанская Казенная Палата, вслѣдствіе отношенія моего, увѣдомила меня, отъ 19 іюля сего года за № 4952, что по постановленію, 17 іюля сего года состоявшемуся, Арскаго мѣщанина Николая Александрова Пото, 27 л. отъ роду, какъ окончившаго въ 1879 г. курсъ наукъ въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, согласно увольнительному свидѣтельству Арскаго городоваго общественнаго Управленія, отъ 26 февраля 1874 года за № 108, на основаніи 311 и 312 ст. V т. уст. о под. изд. 1857 г. исключила изъ числа наличныхъ и оклада повинностей по Арскому мѣщанскому Обществу, со второй половины сего 1879 г., съ причитающимся окладнымъ сборомъ семнадцатью копѣйками. *Справка*: Николай Александровъ Пото въ 187$^8/_9$ акад. году кончилъ курсъ государственныхъ наукъ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, но не утвержденъ въ ономъ, по нахожденію его въ мѣщанскомъ званіи, объ исключеніи изъ котораго Совѣтомъ Университета и было представлено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 3 іюля № 796. Опредѣлено: Пото Николая утвердить въ званіи дѣйствительнаго студента, о чемъ и сообщить Правленію Университета.

Ст. 3. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 12 іюня сего года за № 3274, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета, для надлежащаго распоряженія въ отвѣтъ на представленіе отъ 3 октября 1874 года за № 1303, о нижеслѣдующемъ: Виленская Казенная Палата, вслѣдствіе отношенія моего, увѣдомила меня отъ 29 мая сего года за № 4121, что удостоенный званія аптекарскаго помощника мѣщанинъ Малятскаго Общества Хаимъ Шевелевъ Вайнбернъ, на основаніи 312 ст. т. V уст. о под., изъ оклада исключенъ. *Справка*: Аптекарскій ученикъ Вайнбернъ Хаимъ, какъ видно изъ представленія медицинскаго факультета отъ 16 ноября 1874 г. за № 323, факультетомъ былъ подвергнутъ испытанію на степень аптекарскаго помощника и, по удовлетворительномъ окончаніи онаго, 11 октября удостоенъ этой степени, но не утвержденъ въ оной по нахожденію его въ мѣщанскомъ званіи, объ исключеніи изъ котораго Совѣтомъ Университета и было представлено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 30 ноября 1874 г. № 1303. На это Его Превосходи-

тельство отъ 20 февраля 1875 г., № 870, увѣдомилъ Совѣтъ Университета, что о Вайнбернѣ, не оказавшемся значащимся по 10-й ревизіи въ Малятскомъ Обществѣ, какъ сообщила Его Превосходительству Виленская Казенная Палата отъ 31-го января № 914, ею сдѣлано сношеніе съ подлежащею Думою. Опредѣлено: Аптекарскаго ученика Вайнбрена Хаима утвердить въ степени аптекарскаго помощника, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 4. Предложеніе г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 13 іюня сего года за № 3439, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета, для надлежащаго распоряженія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 1 марта 1879 г. за № 287, о нижеслѣдующемъ: Виленская Казенная Палата, вслѣдствіе отношенія г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, увѣдомила отъ 8 іюня сего года за № 4311, что удостоенный званія аптекарскаго помощника мѣщанинъ Виленскаго еврейскаго Общества Мееръ Матысовъ Страшунскій, на основаніи 312 ст. V т. уст. о под., изъ оклада исключенъ. *Справка*: Аптекарскій ученикъ Страшунскій, какъ видно изъ представленія медицинскаго факультета отъ 16 февраля 1879 г. № 21, былъ подвергнутъ факультетомъ испытанію на степень аптекарскаго помощника и, по удовлетворительномъ окончаніи имъ онаго, удостоенъ означенной степени, но не утвержденъ въ оной Совѣтомъ Университета, по нахожденію его въ мѣщанскомъ званіи, объ исключеніи изъ котораго его, Страшунскаго, Совѣтомъ и было представлено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 1 марта за № 287. Опредѣлено: Аптекарскаго ученика Страшунскаго утвердить въ степени аптекарскаго помощника, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 5. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 12 іюля сего года за № 4186, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета, для надлежащаго распоряженія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 1 марта 1879 года за № 287, о нижеслѣдующемъ: Виленская Казенная Палата, вслѣдствіе отношенія моего, увѣдомила меня отъ 2 іюля сего года за № 5140, что удостоенный званія аптекарскаго помощника Виленскій мѣщанинъ Григорій Шмуеліовичъ Редель, на основаніи 312 ст. т. V уст. о под. изд. 1857 г., изъ оклада по Виленской губерніи исключенъ.

Справка: Аптекарскій ученикъ Редевъ Григорій, какъ видно изъ представленія медицинскаго факультета отъ 16 февраля 1879 г. № 21, факультетомъ былъ подвергнутъ испытанію на степень аптекарскаго помощника и, по удовлетворительномъ окончаніи онаго, удостоенъ означенной степени, но не утвержденъ въ оной Совѣтомъ Университета по нахожденію его въ мѣщанскомъ званіи, объ исключеніи изъ котораго его, Ределя, и было представлено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 1 марта за № 287. Опредѣлено: Аптекарскаго ученика Ределя Григорія утвердить въ степени аптекарскаго помощника, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 6. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 23 августа 1879 г. за № 4970, которымъ сообщаетъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета, для надлежащаго распоряженія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 20 іюня сего года за № 720, о нижеслѣдующемъ: „Казанская Казенная Палата, вслѣдствіе отношенія увѣдомила Его Превосходительство отъ 13 августа сего года за № 6333, что Лазарь-Берко Файвишовичъ Дзиканскій, удостоенный званія аптекарскаго помощника, какъ родившійся послѣ X ревизіи, въ окладѣ не состоитъ и потому исключенію изъ онаго не подлежитъ, и что о полученіи имъ означенной ученой степени сообщено вмѣстѣ съ тѣмъ подлежащему общественному управленію для исключенія его изъ счета“. *Справка*: Аптекарскій ученикъ Лазарь-Берко Дзиканскій, какъ видно изъ представленія медицинскаго факультета отъ 28 мая 1879 г. за № 296, былъ подвергнутъ факультетомъ испытанію на степень аптекарскаго помощника и, по удовлетворительномъ окончаніи имъ онаго, удостоенъ означенной степени, но не утвержденъ въ оной Совѣтомъ Университета. Опредѣлено: Дзиканскаго Лазаря-Берко утвердить въ степени аптекарскаго помощника, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 7. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 9 августа сего года за № 4561, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета, для надлежащаго распоряженія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 3 іюля сего года за № 796, о нижеслѣдующемъ: Вятская Казенная Палата, вслѣдствіе отношенія увѣдомила Его Превосходительство, отъ 30 іюля 1879 г. за № 7192, что Вятскій

2-й гильдіи купеческій сынъ Костантинъ Федоровъ Клячинъ, за окончаніемъ имъ курса въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, со степенью лѣкаря, на основаніи 311 и 312 ст. V т. уст. о под., Палатою исключенъ изъ купеческаго сословія со второй половины 1879 года. *Справка:* Клячинъ Костантинъ въ 187⁸/₉ акад. году кончилъ курсъ со степенью лѣкаря и званіемъ уѣзднаго врача, но не утвержденъ въ оныхъ по нахожденію его въ купеческомъ званіи, объ исключеніи изъ которыхъ его, Клячина, Совѣтомъ Университета и было представлено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 3 іюля за № 796. Опредѣлено: Клячина Костантина утвердить въ степени лѣкаря и званіи уѣзднаго врача, о чемъ и сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Ст. 8. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 4 августа 1879 года за № 4460, которымъ сообщаетъ Совѣту Казанскаго Университета, для надлежащаго распоряженія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 3 іюля 1879 года за № 796, о нижеслѣдующемъ: Лифляндская Казенная Палата, вслѣдствіе отношенія увѣдомила Его Превосходительство отъ 25 іюля сего года за № 2637, что дѣйствительный студентъ Антонъ Отто Петерсенъ исключенъ изъ податнаго состоянія. *Справка:* Петерсенъ Оттонъ въ 187⁸/₉ акад. году кончилъ курсъ историко-филологическихъ наукъ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, съ правомъ на степень кандидата, по представленіи диссертаціи, но не утвержденъ въономъ по нахожденію его въ податномъ состояніи, объ исключеніи изъ котораго его, Петерсена, и было представлено Совѣтомъ Университета г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 3 іюля за № 796. Опредѣлено: Петерсена Оттона утвердить въ званіи дѣйствительнаго студента и о томъ увѣдомить Правленіе Университета.

Ст. 9. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 13 августа 1879 года за № 4666, слѣдующаго содержанія. „Изъ представленнаго при донесеніи Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета отъ 3-го іюля 1876 г. за № 796 увольнительнаго свидѣтельства Финляндскаго уроженца, купеческяго сына изъ города Фредрихсгама Алексѣя Ѳедорова Долгова видно, что къ поступленію его въ Россійское учебное заведеніе на воспитаніе, а въ послѣдствіи и въ службу по Имперіи со стороны Фин-

ляндскаго Управленія препятствій не встрѣчается, по этому нѣтъ надобности исключать его изъ податнаго состоянія". *Справка*: Долговъ Алексѣй въ 187⁸/₉ акад. году кончилъ курсъ математическихъ наукъ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Опредѣлено: Долгова Алексѣя утвердить въ званіи дѣйствительнаго студента и о томъ увѣдодомить Правленіе Университета.

Ст. 10. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 23 августа 1879 г. за № 4971, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета къ надлежащему исполненію, вослѣдствіе представленія отъ 15 іюня сего года за № 659, о нижеслѣдующемъ: Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе представленія Его Превосходительства и согласно ходатайству Совѣта Казанскаго Университета, предложеніемъ отъ 11 августа сего 1879 гога за № 8804, разрѣшилъ перенести производство студентамъ 5 курса медицинскаго факультета означеннаго Университета практическихъ экзаменовъ въ первое полугодіе шестаго года, со введеніемъ этой мѣры съ 18⁷⁹/₈₀ акад. года. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоромъ Университета увѣдомленъ 25 августа за № 978 медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протололъ.

Ст. 11. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 23 августа 1879 года за № 4972, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета, для надлежащаго распоряженія, о нижеслѣдующемъ: Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 11 августа сего года за № 8811 увѣдомилъ Его Превосходительство, что Его Сіятельство поручилъ Департаменту Народнаго Просвѣщенія сдѣлать распоряженіе о переводѣ изъ освободившихся въ Казанскомъ Университетѣ 16 казенныхъ медицинскихъ стипендій вь Военно-Медицинскую Академію, съ половины текущаго августа мѣсяца: 9 стипендій для Военнаго и 2 для морскаго вѣдомствъ" остальныя же затѣмъ 5 стипендій могутъ быть предоставлены студентамъ Казанскаго Университета. Вмѣстѣ съ симъ Его Сіятельство проситъ Его Превосходительство предложить Правленію Казанскаго Университета, чтобы свѣдѣнія о числѣ освобождающихся въ Университетѣ казенныхъ медицинскихъ стипендій безотлагательно сообщались Департаменту Народнаго Про-

свѣщенія, для перевода ихъ пропорціонально, въ Военно-Медицинскую Академію, впредь до полнаго перечисленія изъ Казанскаго Университета всѣхъ стипендій Военнаго и Морскаго вѣдомствъ въ Академію. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи настоящаго предложенія г. Ректоромъ Университета увѣдомлены 25 августа: Правленіе Университета № 976 и медицинскій факультетъ № 977. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 12. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 12 августа 1879 года за № 4620, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета, для надлежащаго распоряженія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 3 іюля 1879 г. за № 796, о нижеслѣдующемъ: Пермская Казенная Палата, вслѣдствіе отношенія увѣдомила Его Превосходительство отъ 30 іюля сего года за № 6778, что государственный крестьянинъ Ирбитскаго уѣзда, Невьянскаго сельскаго общества, Аркадій Михайловъ Зенковъ исключенъ съ начала сего 1879 года, за окончаніемъ курса въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. *Справка*: Зенковъ Аркадій въ 187⁸/₉ акад. году кончилъ курсъ, со степенью лѣкаря и званіемъ уѣзднаго врача, но не утвержденъ въ оныхъ Совѣтомъ Университета по нахожденію его въ податномъ состояніи, объ исключеніи изъ котораго его, Зенкова, Совѣтомъ Университета и было представлено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 3-го іюля № 796. Опредѣлено: Зенкова Аркадія утвердить въ степени лѣкаря и званіи уѣзднаго врача, о чемъ и сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Ст. 13. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 9 августа 1879 г. за № 4559, слѣдующаго содержанія: Вслѣдствіе предписанія Департамента Народнаго Просвѣщенія отъ 21 минувшаго іюля за № 8201, покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорскаго Казанскаго Университета сообщить мнѣ, въ дополненіе къ представленію отъ 20 минувшаго іюня за № 719, свѣдѣніе о томъ, съ какой именно цѣлію рекомендуется Министерству окончившій въ семъ году курсъ наукъ по историко-филологическому факультету Казанскаго Университета студентъ Кукурановъ, для оставленія ли при Университетѣ, съ цѣлію приготовленія къ профессорскому званію, или для предоставленія ему нынѣ же преподавательской должности въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведе-

ній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. При слушаніи сего доложено, что о доставленіи означеннаго свѣдѣнія г. Ректоромъ Университета было сообщено въ историко-филологическій факультетъ отъ 20 августа № 960. На это факультетъ отъ 20 августа за № 63 донесъ Его Превосходительству, что, почитая г. Кукуранова способнымъ къ продолженію ученыхъ занятій, онъ рекомендовалъ его Министерству Народнаго Просвѣщенія главнымъ образомъ какъ способнаго къ занятію преподавательской должности въ гимназіяхъ по предмету Русскаго языка и Словесности. О чемъ г. Ректоромъ Университета донесено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 22 августа за № 966. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 14. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 10 іюля за № 4111 о нижеслѣдующемъ: Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу по Министерству Народнаго Просвѣщенія, въ 20 день іюля сего года, Высочайше соизволилъ на зачисленіе ординарному профессору Казанскаго Университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Нелидову, въ дѣйствительную учебную службу и на званіе заслуженнаго профессора времени, проведеннаго имъ въ званіи сверхштатнаго старшаго учителя 1 Казанской Гимназіи, съ прикомандированіемъ къ Казанскому Университету для преподаванія въ онымъ энциклопедіи законовѣдѣнія и Россійскихъ Государственныхъ законовъ, съ 15 декабря 1858 г. по 27 февраля 1861 г., 2 л. 2 м. и 12 д. и времени состоянія его причисленнымъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, съ предназначеніемъ для занятія каѳедры государственнаго права въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, съ 19 октября 1869 г. по 1 іюля 1870 г. 8 м. и 20 д. а всего 2 года 11 м. и 2 д. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи вслѣдствіе предложенія Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 27 минувшаго іюня за № 7231 имѣю честь сообщить Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета, для надлежащаго распоряженія, въ послѣдствіе представленія отъ 27 іюня 1878 г. за № 722. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоромъ сообщено въ юридическій факультетъ 12 іюня за № 871. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 15. Предложенiе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 27 iюня за № 3806 о нижеслѣдующемъ: Вслѣствiе представленiя отъ 20 сего iюня № 728 г. имѣю честь сообщить Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета, что я согласенъ на порученiе приватъ доценту Бергу преподаванiя греческаго языка въ 18$^{79}/_{80}$ академическомъ году студентамъ историко-филологическаго факультета Казанскаго Университета. При слушанiи сего доложено, что о содержанiи сего предложенiя г. Ректоромъ увѣдомлены 3 iюля Правленiе Университета и историко-филологическiй факультетъ за №№ 780 и 781. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 16. Предложенiе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 19 iюля за № 4287 о нижеслѣдующемъ: Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенiя, вслѣдствiе представленiя моего предложенiемъ отъ 7 сего iюля за № 7472 изъявивъ согласiе на продолженiе кандидату Казанскаго Университета Львову, оставленному при семъ Университетѣ для приготовленiя къ профессорскому званiю по каѳедрѣ политической экономiи и статистики, получаемаго имъ изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя содержанiя по шестисотъ руб. въ годъ, еще на одинъ годъ, считая съ 1 минувшаго iюня, присовокупилъ, что по Департаменту Народнаго Просвѣщенiя сдѣлано распоряженiе о переводѣ содержанiя Львова въ Правленiе Казанскаго Университета за каждые полгода впередъ. Имѣю честь сообщить объ этомъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета для надлежащаго распоряженiя въ послѣдствiе представленiя отъ 20 минувшаго iюня за № 727. При слушанiи сего доложено, что о содержанiи сего предложенiя 25 iюня за №№ 927 и 928 увѣдомлены г. Ректоромъ юридическiй факультетъ и Правленiе Университета. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 17. Предложенiе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 19 iюля за № 4289 о нижеслѣдующемъ: Господинъ Управляющiй Казанскимъ Учебнымъ Округомъ входилъ къ господину Министру Народнаго Просвѣщенiя съ представленiемъ о зачисленiи экстраординарному профессору Императорскаго Казанскаго Университета надворному совѣтнику Колли, въ ученую командировку времени, проведеннаго имъ въ отпуску для посѣщенiя Московской

Антропологической выставки, съ 27 апрѣля по 14 мая настоящаго года. Принимая во вниманіе, что упомянутые 17 дней бытности г. Колли въ отпуску не лишили его за время отлучки, права ни на сохраненіе содержанія по службѣ, ни на другія какія либо особыя преимущества, и не могутъ имѣть значенія при дальнѣйшемъ прохожденіи имъ службы, господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 7 сего іюля за № 7572 не призналъ приведенное ходатайство подлежащимъ удовлетворенію, тѣмъ болѣе, что выполненіе онаго дало бы поводъ домогаться тогоже и другимъ служащимъ, ѣздившимъ въ Москву для осмотра выставки. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ Университета 30 іюля № 939 увѣдомилъ г. экстраординарнаго профессора Колли. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 18. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 19 іюля за № 4290 о нижеслѣдующемъ: Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе представленія моего, изъявилъ согласіе на оставленіе кандидата Казанскаго Университета Архангельскаго при семъ Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по русской словесности, срокомъ на одинъ годъ, и сдѣлалъ по Департаменту Народнаго Просвѣщенія распоряженіе о производствѣ г. Архангельскому съ 1 сего іюля содержанія въ размѣрѣ шестисотъ руб. въ годъ изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, за удержаніемъ 2% въ пенсіонный капиталъ съ переводомъ этихъ денегъ въ Правленіе Казанскаго Университета за каждые полгода впередъ. Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 7 сего іюля за № 7470, сообщая объ этомъ мнѣ, проситъ меня предложить Совѣту Казанскаго Университета объ установленіи надлежащаго наблюденія за занятіями г. Архангельскаго и о поставленіи сего послѣдняго въ извѣстность, чтобы онъ къ вышеозначенному сроку привелъ свои занятія къ окончанію, такъ какъ никакая затѣмъ отсрочка не будетъ дана Министерствомъ. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ Университета увѣдомилъ за №№ 949, 950 и 951 Правленіе Университета, историко-филологическій факультетъ и кандидата Архангельскаго. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 19. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 19 іюля за № 6288, о нижеслѣдующемъ: Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія получены свѣдѣнія, что въ нашихъ Университетахъ нерѣдко назначаются педагогическія стипендіи студентамъ—иностраннымъ подданнымъ, которые затѣмъ, по окончаніи курса отказываются отъ данныхъ ими обязательствъ служить по назначенію Правительства и отправляются за границу. Признавая такой порядокъ назначенія казенныхъ обязательныхъ стипендій для Правительства и молодыхъ людей изъ русскихъ подданныхъ невыгоднымъ, господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 7 іюля за № 7483 проситъ меня предложить Совѣту Казанскаго Университета, чтобы казенныя стипендіи не назначались студентамъ—иностраннымъ подданнымъ, имѣющимъ всегда полную возможность уклониться отъ исполненія возлагаемаго на нихъ русскимъ Правительствомъ обязательства. Имѣя за симъ въ виду, что педагогическіе въ Университетахъ стипендіаты нерѣдко оставляютъ Университетъ до окончанія курса наукъ, и что затраченный на нихъ изъ казны расходъ становится непроизводительнымъ, Его Сіятельство призналъ необходимымъ дополнить положеніе о педагогическихъ стипендіяхъ правиломъ, чтобы педагогическіе стипендіаты, оставляющіе университеты до окончанія курса, отбывали обязательную службу въ училищахъ низшаго разряда Министерства Народнаго Просвѣщенія, или возвращали въ казну полученную ими въ стипендію сумму о чемъ и проситъ меня предложить Совѣту Университета къ руководству и исполненію. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ увѣдомилъ 3 августа за №№ 952 и 953 факультеты историко-филологическій и физико-математическій. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ, предложеніе же г. Попечителя принять къ руководству и исполненію, для каковой цѣли увѣдомить и Правленіе Университета.

Ст. 20. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 27 іюня за № 3809 о нижеслѣдующемъ: Вслѣдствіе представленія отъ 28 іюня за № 726 имѣю честь сообщить Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета, что я согласенъ на увольненіе изъ аптеки Казанскаго Университета аптекарскаго помощника Якубовскаго и на опре-

дѣленіе на его мѣсто аптекарскаго помощника Геллертова съ 1 мая сего года. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ увѣдомилъ 3 іюля за №№ 776 и 777, Правленіе Университета и медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 21. Представленіе историко-филологическаго факультета отъ 21 августа за № 67, о нижеслѣдующемъ: Представляя при семъ сочиненіе окончившаго курсъ въ прошломъ году по историко-филологическому факультету А. Кулагина, подъ заглавіемъ: „Историческіе герои русскаго народнаго пѣснотворчества,—Московскій періодъ", и подлинный отзывъ о немъ г. орд. пр. Ѳирсова, историко-филологическій факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать предъ Совѣтомъ Университета объ утвержденіи его въ степени кандидата историко-филологическихъ наукъ и объ освобожденіи г. Кулагина отъ коллоквіума, по отдаленности мѣста его службы отъ г. Казани. Опредѣлено: Объ освобожденіи г. Кулагина отъ коллоквіума представить г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа.

Ст. 22. Представленіе историко-филологическаго факультета отъ 21 августа за № 66 о нижеслѣдующемъ: Историко-филологическій факультетъ имѣетъ честь представить на утвержденіе Совѣта прилагаемое при семъ росписаніе часовъ преподаванія въ настоящемъ $18^{79}/_{80}$ академическомъ году. Опредѣлено: Росписаніе часовъ преподаванія историко-филологическаго факультета утвердить, о чемъ его увѣдомить.

Ст. 23. Представленіе юридическаго факультета отъ 23 августа за № 56 о нижеслѣдующемъ: Юридическій факультетъ честь имѣетъ представить при этомъ росписаніе часовъ преподаванія на $18^{79}/_{80}$ учебный годъ. Опредѣлено: Росписаніе часовъ преподаванія юридическаго факультета утвердить, о чемъ его увѣдомить.

Ст. 24. Представленіе медицинскаго факультета отъ 13 августа за № 327 о нижеслѣдующемъ: Медицинскій факультетъ имѣетъ честь представить при семъ въ Совѣтъ Университета росписаніе часовъ преподаванія въ медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Казанскаго Университета въ 1879—1880 академическомъ году. Опредѣлено: Росписанія

саніе часовъ преподаванія медицинскаго факультета утвердить, о чемъ его увѣдомить.

Ст. 25. Прошенія кандидата юридическихъ наукъ Дормидонтова и Губернскаго секретаря Пономарева о предоставленіи вакантной должности помощника библіотекаря Казанскаго Университета. Опредѣлено: Баллотировать гг. Дормидонтова и Пономарева въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта на вакантную должность помощника библіотекаря.

Ст. 26. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 12 августа за № 4621, слѣдующаго содержанія: „Въ дополненіе къ представленію отъ 25 іюля сего года за № 926 объ утвержденіи лѣкаря Вонгродскаго сверхштатнымъ ассистентомъ глазнаго отдѣленія факультетской клиники и окончившаго курсъ по физико-математическому факультету Земляницина сверхштатнымъ ассистентомъ при доцентурѣ общей и аналитической химіи, покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорскаго Казанскаго Университета сообщить мнѣ: изъ какихъ именно источниковъ и въ какомъ размѣрѣ предполагается производить вознагражденіе вышеозначеннымъ лицамъ". По выслушаніи сего заявили 1) г. ординарный профессоръ Адамюкъ: Въ виду недостатка средствъ для уплаты жалованья ассистенту глазнаго отдѣленія честь имѣю просить Совѣтъ Университета обратить вниманіе на прежнее мое заявленіе, то есть, чтобы сравнить жалованье всѣхъ сверхштатныхъ ассистентовъ до размѣра 600 руб., вмѣсто 800 теперешнихъ, такъ что тогда всѣ мѣста могутъ быть удовлетворены 2) г. ординарный профессоръ Ѳирсовъ: Въ виду современнаго состоянія суммы остатковъ отъ личнаго преподавательскаго состава, я нахожу совершенно невозможнымъ содержать сверхштатныхъ лаборантовъ и ассистентовъ на эти остатки безъ явнаго ущерба штатнымъ должностямъ. Въ настоящее время положеніе финансовыхъ дѣлъ въ Университетѣ таково, что факультеты лишены уже возможности кого либо изъ своихъ сочленовъ представить къ повышенію или новыхъ лицъ къ занятію штатныхъ вакантныхъ должностей. На этомъ основаніи я полагаю, что въ настоящее время не только слѣдуетъ отклонить представленіе о назначеніи новыхъ сверхштатныхъ ассистентовъ и лаборантовъ, но является настоятельная надобность въ изысканіи особыхъ источниковъ къ содержанію означеннаго рода должностныхъ лицъ 3) г. ординарный про-

фессоръ Кремлевъ: Вполнѣ соглашаясь съ заявленіемъ г. профессора Ѳирсова, вмѣстѣ съ тѣмъ считаю назначеніе въ настоящее время новыхъ сверхштатныхъ должностей ассистентовъ и лаборантовъ неправильнымъ въ виду того, что эти должности могутъ быть учреждаемы лишь при избыткѣ штатныхъ суммъ, между тѣмъ изъ прочитанной въ сегодняшнемъ засѣданіи справки о состояніи Университетскихъ суммъ оказывается, что на содержаніе клиники, даже за отчисленіемъ на этотъ предметъ всего остатка, ожидаемаго отъ статьи на содержаніе личнаго состава, въ размѣрѣ 3 тысячъ слишкомъ, все таки не достаетъ 927 руб., такъ что самое открытіе клиники въ текущемъ году подвергнуто было вопросу. Спеціальныя средства Университета также въ такомъ положеніи, что въ нихъ давно уже видится одинъ дефицитъ. Опредѣлено: Донести г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа, что сверхштатнымъ ассистентамъ глазнаго отдѣленія Вонгродскому и при доцентурѣ общей и аналитической химіи Земляницину Совѣтъ Университета предполагаетъ производить вознагражденіе изъ остатковъ личнаго состава по 600 руб. въ годъ каждому и что содержаніе изъ остатковъ личнаго состава Университета по симъ должностямъ производилось и ранѣе.

Ст. 27. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 18 минувшаго августа за № 4849, слѣдующаго содержанія: „Неоднократно замѣчено было Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, что посылаемыя начальниками учебныхъ заведеній опроверженія въ газеты и журналы противъ помѣщавшихся въ оныхъ невѣрныхъ сообщеній объ учебныхъ заведеніяхъ печатались, по распоряженію редакцій, съ значительными пропусками и измѣненіями, разсчитанными на то, чтобы смягчить вину редакцій въ распространеніи ложныхъ сообщеній, вслѣдствіе чего цѣль опроверженій оставалась въ такихъ случаяхъ недостигнутою. Въ виду этого и дабы Центральное Управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія могло имѣть наблюденіе за печатаніемъ въ періодическихъ изданіяхъ опроверженій ложныхъ извѣстій въ учебныхъ заведеніяхъ своевременно и въ томъ видѣ, въ какомъ опроверженія сдѣланы отъ имени учебныхъ заведеній, господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 3 августа за № 8706 проситъ меня предложить начальникамъ среднихъ

и низшихъ учебныхъ заведеній, чтобы въ случаяхъ появленія въ газетахъ и журналахъ ложныхъ извѣстій о завѣдываемыхъ ими учебныхъ заведеніяхъ разъясненія, какія отъ имени сихъ заведеній признано будетъ нужнымъ публиковать противъ подобнаго рода извѣстій, посылались начальствами учебныхъ заведеній не въ редакціи газетъ и журналовъ, помѣстившихъ ложныя извѣстія, а непосредственно въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, со стороны коего и будутъ дѣлаться распоряженія о напечатаніи помянутыхъ разъясненій въ подлежащихъ органахъ печати. Имѣю сообщить о вышеизложенномъ Совѣту Университета къ надлежащему исполненію, покорнѣйше прося одновременно съ представленіемъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія помянутыхъ разъясненій доставлять въ Управленіе Учебнаго Округа копіи съ этихъ разъясненій для свѣдѣнія. Опредѣлено: Принять къ руководству.

Ст. 28. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 21 минувшаго августа за № 4929, слѣдующаго содержанія: Совѣтъ одного изъ нашихъ Университетовъ, встрѣтивъ затрудненіе въ исполненіи § 2 утвержденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 25 ноября 1878 г. главныхъ основаній правилъ о библіотекахъ высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія относительно приложенія печати учебнаго заведенія къ систематическому и алфавитному каталогамъ библіотеки Университета,—вошелъ въ Министерство, чрезъ посредство Попечителя Учебнаго Округа, съ представленіемъ объ отмѣнѣ этого требованія, въ виду того обстоятельства, что для внесенія въ каталоги вновь поступающей книги, заглавіе коей пишется на отдѣльныхъ листахъ необходимо входить каждый разъ съ представленіемъ въ Правленіе Университета о снятіи, а потомъ о приложеніи печати. Вслѣдствіе этого и имѣя въ виду, что могли встрѣтиться при примѣненіи на практикѣ упомянутыхъ правилъ и другія неудобства, я, согласно предложенію господина Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 9 августа 1879 года за № 8741, покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорскаго Казанскаго Университета подвергнуть разсмотрѣнію всѣ вообще параграфы главныхъ основаній библіотечныхъ правилъ и о мнѣніи Совѣта въ отношеніи къ тѣмъ частямъ правилъ, которыя при примѣнеіи ихъ на

практикѣ могли оказаться неудобными, сообщить мнѣ для представленія господину Министру Народнаго Просвѣщенія". Опредѣлено: Правила о библіотекахъ съ изложеніемъ содержанія настоящаго предложенія передать г. библіотекарю Университета на предварительное его заключеніе.

Ст. 29. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 24 минувшаго августа за № 4993, слѣдующаго содержанія: „До свѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія дошло, что нѣкоторые Университеты принимаютъ въ число вольно-слушателей лицъ, окончившихъ курсъ въ православныхъ духовныхъ семинаріяхъ. Принимая во вниманіе, что, по силѣ Высочайше одобренныхъ 26 мая 1867 г. правилъ, изъ постороннихъ лицъ допускаются къ слушанію въ Университетахъ лекцій только служащіе и отставные чиновники, а равно лица всѣхъ состояній, имѣющія ужё опредѣленное общественное положеніе, господинъ Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія находитъ, что воспитанники православныхъ духовныхъ семинарій, въ силу Высочайшаго повелѣнія, какъ неимѣющіе никакого общественнаго положенія, не должны быть допускаемы въ число вольнослушателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что предварительно допущенія постороннихъ лицъ въ число вольнослушателей, Ректорамъ Университета предоставлено о тѣхъ изъ сихъ лицъ, кои неизвѣстны Университетамъ, требовать о ихъ поведеніи свѣдѣнія, какія признаются нужнымъ, не стѣсняясь никакими формальными свидѣтельствами. Его Сіятельство призналъ совершенно необходимымъ, чтобы о каждомъ, неизвѣстномъ Университету, просящемся къ зачисленію въ вольнослушатели, Ректоры Университетовъ входили въ предварительное сношеніе не только съ начальствомъ учебнаго заведенія, въ коемъ просящійся обучался, но также и съ мѣстными гражданскимъ и жандармскимъ управленіями. О вышеизложенномъ, вслѣдствіе предложенія господина Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 18 августа за № 9096, имѣю честь сообщить Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета къ точному и непремѣнному исполненію". Опредѣлено: Настоящее предложеніе принять къ свѣдѣнію и руководству, и о содержаніи онаго сообщить г. Ректору Университета.

Ст. 30. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 25 минувшаго августа за № 5018, слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 14 день сего августа, Высочайше соизволилъ на порученіе экстраординарному профессору Казанской Духовной Академіи Снегиреву преподаванія студентамъ историко-филологическаго факультета Казанскаго Университета логики и психологіи, въ $18^{79}/_{80}$ учебномъ году, съ производствомъ ему за этотъ трудъ вознагражденія въ размѣрѣ одной тысячи ста руб. изъ остатковъ отъ личнаго состава Казанскаго Университета. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, вслѣдствіе предложенія Господина Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарища Министра, отъ 18 августа за № 9080, имѣю честь сообщить Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета къ надлежащему исполненію въ послѣдствіе представленія отъ 26-го іюня сего года за № 755. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи настоящаго предложенія г. Ректоръ Университета увѣдомилъ 31 августа Правленіе Университета, № 982 и историко-филологическій факультетъ, № 983. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 31. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 25 минувшаго августа за № 5019, слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 14 день сего августа, Высочайше соизволилъ на порученіе въ $18^{79}/_{80}$ учебномъ году чтенія лекцій студентамъ Казанскаго Университета по вакантнымъ каѳедрамъ: церковнаго законовѣдѣнія—ординарному профессору Шпилевскому и исторіи иностранныхъ законодательствъ—ординарному профессору Нелидову, съ производствомъ имъ вознагражденія, согласно § 84 общаго устава Россійскихъ Университетовъ, въ размѣрѣ половиннаго оклада получаемаго ими содержанія, т. е. по тысячѣ двѣсти руб. каждому, изъ остатковъ отъ некомплекта преподавательскихъ должностей означеннаго Университета. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, вслѣдствіе предложенія Господина Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарища Министра, отъ 18 августа за № 9081, имѣю честь сообщить Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета къ надле-

жащему исполненію, въ послѣдствіе представленія отъ 13 іюня сего года за № 621". При слушаніи сего доложено, что г. Ректоръ Университета о содержаніи сего предложенія увѣдомилъ 30 августа Правленіе Университета № 980 и Юридическій факультетъ № 981. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 32. Журналъ присутствія Правленія Императорскаго Казанскаго Университета, 8-го минувшаго августа состоявшагося, переданный въ Совѣтъ Университета въ копіи 21 августа сего года за № 2453, слѣдующаго содержанія: Слушали прошеніе и. д. провизора университетской аптеки Оттона Карлова Герихъ отъ 8-го августа, коимъ объясняя, что завѣдываніе университетскою аптекою, а равно и касса отъ г. и. д. провизора Р. Вейерсбергъ имъ приняты 29 іюля, но самое имущество аптеки по каталогамъ, описямъ и документамъ не приведено еще въ полную извѣстность и въ непродолжительномъ времени имѣетъ быть оконченъ пріемъ всему имуществу аптеки, о чемъ за общимъ подписомъ какъ его, Герихъ, такъ г. Вейерсбергъ и г. декана медицинскаго факультета, согласно предписанію Правленія Университета 23 іюля за № 1320, имѣетъ быть имъ представлена общая опись, представляя при семъ копію съ диплома, выданнаго отъ Императорскаго Дерптскаго Университета 26-го ноября 1870 г. за № 236, на званіе провизора, служебный списокъ фармацевтической дѣятельности, выданный Врачебнымъ отдѣленіемъ Казанскаго Губернскаго Правленія 7 іюля сего 1879 года и свидѣтельство, выданное 7 іюля за № 4663 г. Казанскимъ Полицеймейстеромъ на свободное проживаніе во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи въ теченіи мѣсяца, проситъ Правленіе Университета сдѣлать распоряженіе о сообщеніи Врачебному отдѣленію Казанскаго Губернскаго Правленія о вступленіи его въ завѣдываніе университетскою аптекою съ 29 іюля и о томъ, что г. Вейерсбергъ съ 29 іюля аптекою и дѣлами при аптекѣ не завѣдуетъ, кромѣ какъ только приведеніемъ въ извѣстность всего имущества и матеріаловъ аптеки и сдачею оныхъ. *Справка:* Правленіе Университета, вслѣдствіе донесенія хозяйственнаго клиническаго совѣта отъ 30 апрѣля сего года за № 125, согласно постановленію 30 тогоже апрѣля состоявшемуся, отъ 29 мая за № 926 съ приложеніемъ кондицій, составленныхъ въ 1878 году на отдачу

въ арендное содержаніе управленія университетскою аптекою, просило ходатайства г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія на отдачу университетской аптеки въ арендное содержаніе Провизору Оттону Карлову Герихъ съ допущеніемъ его къ исправленію должности провизора аптеки съ положеннымъ по Университетскому штату содержаніемъ, срокомъ на шесть лѣтъ, считая таковой со дня принятія имъ въ свое управленіе аптеки и на условіяхъ, изложенныхъ въ кондиціяхъ, составленныхъ въ 1878 году и предъявленныхъ при торгахъ на отдачу въ арендное содержаніе аптеки. Вслѣдствіе каковаго представленія Правленія Университета, Его Превосходительство г. Попечитель Округа отъ 27 іюня за № 3801, сообщилъ Правленію Университета къ надлежащему распоряженію, что его Сіятельство г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 16 іюня за № 6631, разрѣшаетъ отдать Университетскую Аптеку въ арендное содержаніе провизору Оттону Карлову Герихъ срокомъ на шесть лѣтъ, считая таковой со дня принятія имъ въ свое управленіе аптеки и на условіяхъ, изложенныхъ въ кондиціяхъ, но въ разрѣшеніи о томъ не было упомянуто можетъ ли г. Герихъ по принятіи въ свое управленіе Аптеки, бывъ допущенъ къ исправленію въ этой аптекѣ должности провизора съ положеннымъ по Университетскому штату содержаніемъ, вслѣдствіе чего Правленіе Университета, согласно постановленію, 27 іюля состоявшемуся, отъ 10 іюля за № 1253 вновь входило объ этомъ съ представленіемъ къ г. Попечителю Округа, на что Его Превосходительство предложеніемъ отъ 17 іюля за № 4259, разрѣшилъ допустить г. Герихъ къ исправленію должности провизора при аптекѣ съ положеннымъ за исправленіе этой должности по штату содержаніемъ. Правленіе Университета, на основаніи вышеизложенныхъ разрѣшеній г. Министра Народнаго Просвѣщенія и Попечителя Округа, согласно постановленію, 21 іюля состоявшемуся, отъ 23 и 30 іюля за №№ 1320, 1321 и 2345 просило: а) г. провизора Оттона Карлова Герихъ о принятіи имущества и прочаго принадлежащаго университетской аптекѣ по каталогамъ, описямъ и документамъ отъ исправляющаго должность провизора г. Вейерсбергъ. б) Г. Вейерсбергъ, составивъ опись всему имуществу и матеріаламъ университетской аптеки по каталогамъ, описямъ

и документамъ, сдать все г. провизору Герихъ и съ тѣмъ, чтобы передача таковыхъ производилась въ присутствіи г. и. д. декана медицинскаго факультета и составленную опись за общимъ всѣхъ подписомъ доставить въ Правленіе, и в) съ изложеніемъ вышеизложенныхъ просить и. д. декана медицинскаго факультета, экстраординарнаго профессора А. Я. Щербакова о принятіи наблюденія за сдачею провизоромъ Вейерсбергъ провизору Герихъ всего имущества, матеріаловъ и прочаго принадлежащаго къ Университетской аптекѣ. Вслѣдствіе таковаго предписанія Правленія и поступило настоящее прошеніе г. провизора Герихъ. Опредѣлено: 1) Согласно прошенію провизора О. К. Герихъ сообщить въ врачебное отдѣленіе Казанскаго Губернскаго Правленія о принятіи имъ съ 29 іюля управленія университетскою аптекою съ присовокупленіемъ, что исправляющій должность провизора при аптекѣ Рейнгольда Вейерсбергъ съ 29 іюля дѣлами аптеки не завѣдуетъ, кромѣ какъ только составленіемъ совмѣстно съ г. Герихъ описи всему, матеріаламъ и прочимъ вещамъ принадлежащимъ аптекѣ и сдачею оныхъ г-ну Герихъ и 2) о всемъ вышеизложенномъ съ приложеніемъ представленныхъ провизоромъ Герихъ документовъ сообщить въ Совѣтъ Университета передачею копіи съ сего постановленія". Опредѣлено: Принять къ свѣдѣнію, и по документамъ Герихъ завести формулярный о службѣ его списокъ.

Ст. 33. 1) Отношеніе Правленія Университета отъ 28 августа за № 2494, слѣдующаго содержанія: „Начальникъ Императорской Медико-хирургической Академіи отъ 17 сего августа за № 2611, увѣдомилъ г. Ректора Университета, что Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству о чинахъ гражданскихъ отъ 29 минувшаго іюля за № 31, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета, докторъ медицины коллежскій совѣтникъ Пашутинъ переведенъ въ Императорскую Медико-хирургическую Академію ординарнымъ профессоромъ. Объ этомъ Правленіе Университета имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Университета и присовокупить, что о вышеизложенномъ сообщено вмѣстѣ съ симъ въ медицинскій факультетъ". 2) Переданное г. Ректоромъ Университета адресованное на его имя письмо г. ординарнаго профессора С.-Петербургской Медико-хирургической Академіи Пашутина, слѣдующаго со-

держанія: „Я не торопился безпокоить Васъ своимъ письмомъ, такъ какъ Высочайшій приказъ о переводѣ моемъ на службу въ Академію появился въ Казани вскорѣ послѣ моего отъѣзда въ отпускъ и Вамъ, конечно, уже давно извѣстенъ. Какъ я уже докладывалъ Вамъ ранѣе, появленіе приказа о моемъ переводѣ должно совершенно пріостановить то дѣло о повышеніи моемъ по Казанскому Университету, движеніе котораго было замедлено Вами по моей просьбѣ. Мнѣ весьма прискорбно, что я долженъ отклонить отъ себя ту высокую честь, которой удостоилъ меня Казанскій Университетъ, изыскивая различныя средства къ удержанію меня въ Университетѣ. Я буду весьма счастливъ, если мнѣ удастся заслужить столь же лестное о себѣ мнѣніе и въ новой коллегіи, въ члены которой я теперь вступаю. Я не могу забыть, что если у меня есть какія нибудь преподавательскія достоинства, о которыхъ столь обязательно нотируется въ извѣстномъ Вамъ постановленіи Совѣта, то во всякомъ случаѣ они получили свое развитіе только въ Казанскомъ Университетѣ, который, несмотря на ограниченность своихъ средствъ, съ замѣчательною энергіею поддерживаетъ каждаго изъ преподавателей въ его ученой и учебной дѣятельности. Казанскій Университетъ снабдилъ Петербургскія учебныя заведенія весьма многими полезными дѣятелями, изъ которыхъ нѣкоторые были моими учителями, и я постараюсь, по мѣрѣ своихъ силъ, поддержать то высокое мнѣніе о Казанскомъ Университетѣ, которымъ онъ пользуется вполнѣ заслуженно". Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ; дѣло-же о повышеніи г. бывшаго экстраординарнаго профессора Казанскаго Университета Пашутина въ ординарные оставить безъ исполненія.

Ст. 34. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго округа отъ 27 іюня сего года за № 3805, слѣдующаго содержанія: Вслѣдствіе представленія Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета отъ 20 іюня сего года за № 717, я утверждаю лѣкаря Львова ординаторомъ акушерскаго отдѣленія клиники Казанскаго Университета, согласно избранію Совѣта Университета, съ 30 мая сего года. Имѣю честь сообщить объ этомъ Совѣту Университета, для надлежащаго распоряженія, присовокупляя, что о такомъ утвержденіи Львова будетъ отдано въ приказѣ по округу. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего пред-

ложенія г. Ректоръ 3 іюля за №№ 782 и 783 увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій фекультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 35. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 27 іюня сего года за № 3807, которымъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Университета отъ 20 іюня за № 722, утверждаетъ лѣкаря Николая Флерина ординаторомъ акушерскаго отдѣленія факультетской клиники Казанскаго Университета, согласно избранію Совѣта Университета, съ 30 мая 1879 г., и увольняетъ отъ исправленія этой должности лѣкаря Котовщикова, о чемъ и увѣдомляетъ Совѣтъ Университета для надлежащаго распоряженія, присовокупляя, что о такомъ утвержденіи Флерина будетъ отдано въ приказѣ по округу. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ 7-го іюля за №№ 808 и 809 увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 36. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 27 іюня сего года за № 3808, которымъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Университета отъ 20 іюня за № 723, утверждаетъ лѣкаря Николая Чаганакскаго ординаторомъ госпитальной хирургической клиники Казанскаго Университета, согласно избранію Совѣта Университета, съ 30 мая 1879 года, о чемъ и сообщаетъ Совѣту Университета, для надлежащаго распоряженія, присовокупляя, что о такомъ утвержденіи Чаганакскаго будетъ отдано въ приказѣ по округу. При слушаніи сего доложено, что г. Ректоръ 3 іюля за №№ 778 и 779 о содержаніи сего предложенія увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 37. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 10 минувшаго іюля за № 4113, которымъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Университета отъ 3 іюля 1879 г. за № 795, разрѣшаетъ допустить студента 3 курса медицинскаго факультета Григорія Кошинскаго къ исправленію должности фельдшера при студентскомъ врачѣ, съ производствомъ ему вознагражденія изъ штатной суммы, положенной фельдшеру при студентской больницѣ, о чемъ и предоставляетъ Совѣту Казанскаго Университета сдѣлать

должное распоряженіе. При слушаніи сего доложено, что г. Ректоръ 12 іюля за №№ 869 и 870 увѣдомилъ Правленіе Университета и Медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протолъ.

Ст. 38. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 10 минувшаго іюля за № 4112, которымъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Университета отъ 3 іюля за № 770, разрѣшаетъ допустить канцелярскаго служителя Казанскаго Окружнаго Суда Ѳому Поплавскаго къ исправленію должности смотрителя факультетской клиники Казанскаго Университета, съ 15 августа 1879 года, о чемъ и предоставляетъ Совѣту Университета сдѣлать должное распоряженіе. При слушаніи сего доложено, что г. Ректоръ 12 іюля увѣдомилъ: Правленіе Университета за № 872, медицинскій факультетъ за № 873, г. Поплавскаго за № 874 и 20-го августа за № 919 хозяйственный клиническій совѣтъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 39. Предложеніе г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 15 іюня сего года за № 3441, которымъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Университета отъ 13 іюня 1879 года за № 624, разрѣшаетъ допустить студента 4 курса медицинскаго факультета сего Университета Петра Астанкова къ исправленію должности фельдшера при терапевтической клиникѣ Казанскаго Университета, о чемъ и предоставляетъ Совѣту Университета сдѣлать должное распоряженіе. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ Университета 23 іюня за №№ 748 и 749 увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій факультетъ Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 40. Предложеніе г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 16 іюня сего года за № 3443, которымъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Университета отъ 15 іюня 1879 г. за № 622, разрѣшаетъ допустить прикомандированнаго къ Казанскому Университету военнаго врача Чуваева къ исправленію должности помощника прозектора при каѳедрѣ физіологической анатоміи, съ производствомъ вознагражденія, въ видѣ платы, изъ присвоеннаго этой должности оклада жалованья, съ мая мѣсяца 1879 г., о чемъ и предоставляетъ Совѣту Университета сдѣлать должное распоряженіе. При слушаніи сего доложено, что г. Рек-

торъ Университета 23 іюня за №№ 746 и 747 увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 41. Предложеніе г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 18 іюня сего года за № 3469, которымъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Университета отъ 16 іюня 1879 г. за № 3850, утверждаетъ лѣкаря Карпова ординаторомъ терапевтической факультетской клиники Казанскаго Университета, согласно избранію Совѣта Университета, съ 31 мая 1879 г., о чемъ и сообщаетъ Совѣту Университета, для надлежащаго распоряженія, присовокупляя, что о такомъ опредѣленіи Карпова будетъ отдано въ приказѣ по округу. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ Университета 23 іюня за №№ 744 и 745 увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 42. Предложеніе г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 21 іюня сего года за № 3545, которымъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Университета отъ 16 іюня за № 691, разрѣшаетъ допустить студента 4 курса медицинскаго факультета Никольскаго къ исправленію должности фельдшера хирургической факультетской клиники Казанскаго Университета, о чемъ и предоставляетъ Совѣту Университета сдѣлать должное распоряженіе. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ Университета 26 іюня за №№ 761 и 762 увѣдомилъ Правленіе Университета и медицинскій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 43. Предложеніе г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 21 іюня 1879 года за № 3546, слѣдующаго содержанія: „Г. Государственный Секретарь сообщилъ Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, что, въ виду имѣющагося въ распоряженіи государственной канцеляріи довольно значительнаго числа экземпляровъ нѣкоторыхъ ея изданій по судебной части, онъ имѣлъ честь представить на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Высочества Предсѣдателя Государственнаго Совѣта предположеніе о возможно полезномъ употребленіи этихъ экземпляровъ. По разсмотрѣніи сихъ предположеній, Его Высочество, независимо отъ разсылки означенныхъ изданій въ библіотеки различ-

ныхъ учрежденій, изволилъ признать возможнымъ и желательнымъ, чтобы 2400 экземпляровъ „Судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. съ изложеніями разсужденій, на коихъ они основаны", были переданы въ распоряженіе Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и Министра Народнаго Просвѣщенія, пропорціонально числу молодыхъ людей, ежегодно оканчивающихъ курсъ въ юридическихъ факультетахъ Университетовъ, а также въ Училищѣ Правовѣдѣнія и въ Лицеяхъ: Александровскомъ и Демидовскомъ юридическомъ, для распредѣленія между сими заведеніями, и съ тѣмъ, чтобы начальства оныхъ раздавали, при выпускахъ, эти экземпляры, оканчивающимъ съ успѣхомъ курсъ наукъ молодымъ людямъ, предназначающимъ себя служенію или занятіямъ по судебной части. По всеподданнѣйшему докладу Его Высочества, Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ разрѣшить предположенія по сему предмету привести въ исполненіе. Предоставленные Министерству 2220 экземпляровъ Судебныхъ уставовъ распредѣлены Его Сіятельствомъ между Университетами, соразмѣрно числу студентовъ, оканчивающихъ въ оныхъ курсъ по юридическому факультету, причемъ Казанскому Университету назначено 190 экземпляровъ и вмѣстѣ съ симъ сдѣлано по Департаменту Народнаго Просвѣщенія распоряженіе объ отсылкѣ ихъ, по назначенію, чрезъ контору Россійскаго общества Транспортовъ. Сообщая объ этомъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета, вслѣдствіе предположенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 9 іюня сего года за № 6363, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Университета, по полученіи помянутыхъ книгъ, уплатить транспортной конторѣ причитающіяся за доставку оныхъ провозныя и страховыя деньги и выдавать эти изданія студентамъ юристамъ, оканчивающимъ курсъ со степенью кандидата. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи настоящаго предложенія г. Ректоромъ Университета 11 іюля за №№ 859 и 860 увѣдомлены: Правленіе Университета и юридическій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 44. Предложеніе г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 21 іюня сего года за № 3585, слѣдующаго содержанія: „Статьею IV Высочайше утвержденнаго

17 апрѣля 1814 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта по проэкту новаго устава о гербовомъ сборѣ, постановлено: сохранить впредь до времени изъятія отъ гербоваго сбора для тѣхъ частныхъ обществъ и учрежденій, а также для тѣхъ городовъ и мѣстностей, которые, на основаніи особыхъ о нихъ уставовъ и положеній, пользуются нынѣ льготою отъ употребленія гербовой бумаги по разнымъ дѣламъ и актамъ, если только объ отмѣнѣ этихъ льготъ не выражено положительно въ новомъ гербовомъ уставѣ. Въ ноябрѣ 1878 года г. Министръ Финансовъ входилъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ изъятій отъ гербоваго сбора, установленныхъ Высочайше утвержденнымъ 17 апрѣля 1874 г. уставомъ о семъ сборѣ, а равно и вышеприведеннаго общаго изъятія изъ того-же сбора для нѣкоторыхъ частныхъ обществъ, учрежденій, городовъ и мѣстностей. По разсмотрѣніи означеннаго представленія, Государственный Совѣтъ по предположенію Министерства Финансовъ объ отмѣнѣ тѣхъ льготъ отъ употребленія гербовой бумаги, коими нѣкоторые города, мѣстности и общества пользуются на основаніи особыхъ о нихъ уставовъ и положеній, призналъ необходимымъ собрать предварительно подробныя свѣдѣнія о томъ, когда, кому именно и при какихъ обстоятельствахъ дарованы эти льготы. Въ виду сего Государственый Совѣтъ постановилъ: поручить Министру Финансовъ приступить къ пересмотру изданныхъ, въ разное время, для существующихъ акціонерныхъ и другихъ обществъ, а также для нѣкоторыхъ учрежденій и мѣстностей, уставовъ и положеній, въ коихъ упоминается о льготахъ отъ уплаты гербоваго сбора, съ цѣлію отмѣны тѣхъ изъ числа этихъ льготъ, кои утратили съ теченіемъ времени свое прежнее значеніе и за симъ, если г. Министръ Финансовъ признаетъ нужнымъ, внести въ Государственный Совѣтъ, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, особое установленнымъ порядкомъ представленіе объ отмѣнѣ упомянутыхъ льготъ. Вслѣдствіе отношенія по сему предмету Генералъ-Адъютанта Грейга, Министерство Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 2 іюня сего года за № 6214 проситъ г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа сдѣлать распоряженіе о собраніи подробныхъ свѣдѣній о томъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ и какія именно льготы по гербовому сбору были дарованы подвѣ-

домственнымъ Казанскому Учебному Округу частнымъ обществамъ и учрежденiямъ, и, по собранiи таковыхъ свѣдѣнiй, не оставить сообщенiемъ оныхъ Министерства, съ заключенiемъ о томъ, какiя изъ помянутыхъ льготъ могутъ быть отмѣнены. Вслѣдствiе сего покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорскаго Казанскаго Университета сообщить мнѣ, при какихъ обстоятельствахъ и какiя именно льготы по гербовому сбору были дарованы по Казанскому Университету, съ заключенiемъ Совѣта Университета о томъ, какiя изъ помянутыхъ льготъ могутъ быть отмѣнены. При слушанiи сего доложено, что о содержанiи сего предложенiя г. Ректоромъ Университета увѣдомлено Правленiе Университета 7 iюля за № 807. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 45. Предложенiе г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 18 iюня сего года за № 3470, слѣдующаго содержанiя: „Вслѣдствiе представленiя Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета, отъ 13 iюня сего года за № 626, и на основанiи предложенiя Господина Управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя отъ 7-го августа 1871 г. за № 7702, я разрѣшаю освободить коллежскаго секретаря Павла Коробьина отъ коллоквiума на степень кандидата, въ уваженiе его служебныхъ обязанностей, по которымъ онъ не можетъ явиться въ Казань, о чемъ и предоставляю Совѣту Университета сдѣлать должное распоряженiе“. *Справка:* Вслѣдствiе донесенiя юридическаго факультета отъ 25 мая 1879 года за № 52, съ диссертацiею подъ заглавiемъ: „Общественный элементъ въ сферѣ полицiи благосостоянiя, по дѣйствующимъ законамъ въ Россiи“, представленною окончившимъ испытанiя въ 1878 году на степень кандидата государственныхъ наукъ означеннымъ Коробьинымъ, Совѣтъ Университета 26 мая опредѣлилъ утвердить Коробьина въ степени кандидата государственныхъ наукъ, но предварительно объ освобожденiи его отъ коллоквiума представить г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа, что исполнено 13 iюня за № 626 и выданъ Коробьину дипломъ 30 iюля № 937. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 46. Предложенiе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, отъ 20 iюня за № 3543, о нижеслѣдующемъ: „Вслѣдствiе представленiя Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета, отъ 16 iюня за № 689, я разрѣшаю допустить студента 4 к. медицинскаго факультета Чугунова

къ исправленію обязанностей помощника прозектора при зоотомическомъ кабинетѣ Казанскаго Университета, съ производствомъ вознагражденія, въ видѣ платы, изъ оклада этой должности присвоеннаго, о чемъ и предоставляю Совѣту Университета сдѣлать должное распоряженіе. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ увѣдомилъ 26 іюня за №№ 758 и 759 Правленія Университета и физико-математическій факультетъ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 47. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 28 августа 1879 г. № 5068, которымъ сообщаетъ Совѣту Казанскаго Университета для надлежащаго распоряженія въ отвѣтъ на представленіе отъ 13 іюня сего года за № 619 о нижеслѣдующемъ: Виленская Казенная Палата, вслѣдствіе отношенія моего, увѣдомила меня отъ 18 августа за № 6410, что удостоенный званія аптекарскаго помощника Виленскій мѣщанинъ Мендель Хайковичь Страшунскій, на основ. 312 ст. т. V уст. о под., изъ оклада по Виленской губ. исключенъ. *Справка:* Аптекарскій ученикъ Страшинскій, какъ видно изъ представленія медицинскаго факультета отъ 28 мая 1879 г. № 296, былъ подвергнутъ факультетомъ испытанію на степень аптекарскаго помощника и, по удовлетворительномъ окончаніи имъ онаго, удостоенъ этой степени, но не утвержденъ въ оной Совѣтомъ Университета по нахожденію его въ мѣщанскомъ званіи, объ исключеніи изъ котораго его, Страшунскаго, Совѣтомъ и было представлено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 13 іюня за № 619. Опредѣлено: Страшунскаго Менделя утвердить въ степени аптекарскаго помощника, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 48. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 28 августа 1879 г. за № 5067, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета для надлежащаго распоряженія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 15 іюня за № 627 о нижеслѣдующемъ: Виленская Казенная Палата вслѣдствіе отношенія моего увѣдомила меня отъ 18 августа за № 6413, что удостоенный званія аптекарскаго помощника мѣщанинъ Малятскаго Общества Іосель Менделевъ Гальберштадтъ, на основаніи 312 ст. т. V уст. о под., изъ оклада по Виленской губ. исключенъ. *Справка:* Аптекарскій ученикъ Іосель Менделевъ Гальберштадтъ, какъ видно изъ представленія ме-

дицинскаго факультета отъ 4-го мая № 142, былъ подвергнутъ факультетомъ испытанію на степень аптекарскаго помощника и, по удовлетворительномъ окончаніи имъ онаго, удостоенъ означенной степени факультетомъ 2 мая, но не утвержденъ въ оной Совѣтомъ Университета, по нахожденію его въ податномъ званіи, объ исключеніи, изъ котораго его, Гальберштадтъ, Совѣтомъ и было представлено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 13 іюня № 627. Опредѣлено: Аптекарскаго ученика Гальберштадтъ утвердить въ степени аптекарскаго помощника, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 49. Представленіе Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ отъ 27 августа за № 253 о нижеслѣдующемъ: „Общество Естествоиспытателей, предполагая устроить публичную выставку антропологическихъ коллекцій, большая часть которыхъ была на Московской антропологической выставкѣ, имѣетъ честь ходатайствовать предъ Совѣтомъ Университета о разрѣшеніи устроить эту выставку въ актовомъ залѣ Универтитета. Предполагается открыть выставку въ первыхъ числахъ сентября на одинъ мѣсяцъ, сборъ же передать въ общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. Опредѣлено: Просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа о разрѣшеніи на открытіе означенной выставки.

Ст. 50. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 5 іюня сего года за № 3092, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ о желаніи Медицинскаго Совѣта выразить глубокое вниманіе, питаемое имъ къ заслугамъ почетнаго своего члена, доктора медицины и хирургіи, тайнаго совѣтника Пирогова, какъ на научномъ, такъ и на практическо-врачебномъ и высшемъ педагогическо-административномъ поприщахъ, и для ознаменованія пятидесятилѣтняго юбилея дѣятельности этого медика,—въ 9 день марта сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе повсемѣстной между врачами и другими почитателями Пирогова добровольной подписки для составленія капитала, съ тѣмъ, чтобы положеніе объ употребленіи собранныхъ денегъ было представлено на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Вышеизложенное, вслѣдствіе отношенія Департамента Народнаго Просвѣщенія отъ 26 мая сего

года за № 5907, имѣю честь сообщить на усмотрѣніе Совѣта Университета, присовокупляя, что деньги, которыя будутъ по этому случаю собраны, подлежатъ отсылкѣ въ Медицинскій Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ". Опредѣлено: Съ положеніемъ содержанія настоящаго предложенія открыть подписку какъ между гг. преподавателями, такъ и прочими служащими лицами Казанскаго Университета.

Ст. 50. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 11 іюня сего года за № 3259, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета, къ надлежащему исполненію и руководству, о нижеслѣдующемъ: „По возбужденному мною вопросу о томъ, должно-ли Высочайшее повелѣніе 20 марта 1879 года относительно пріема въ Университеты воспитанниковъ православныхъ духовныхъ семинарій, быть распространено и на воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ, отъ 2 іюня за № 6071, увѣдомилъ Его Превосходительство, что такъ какъ воспитанники армяно-грегоріанскихъ семинарій и бывшихъ раввинскихъ училищъ имѣютъ меньшую научную подготовку противъ воспитанниковъ православныхъ духовныхъ семинарій, то Его Сіятельство находитъ справедливымъ, чтобы воспитанники армянскихъ семинарій и раввинскихъ училищъ, желающіе поступить въ Университетъ или ветеринарный институтъ были бы подчинены тѣмъ же условіямъ пріема, какія установлены Высочайшимъ повелѣніемъ 20 марта 1879 года для воспитанниковъ православныхъ духовныхъ семинарій". Опредѣлено: Настоящее предложеніе принять къ руководству и исполненію.

Ст. 51. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 4 минувшаго августа за № 4494, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по положенію Комитета гг. Министровъ, вслѣдствіе представленія Министра Финансовъ о разъясненіи статей 363 и 364 пенсіоннаго устава, въ 22 день іюня сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1, при увеличеніи жалованья размѣръ пенсіи и прибавокъ на службѣ по учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія не измѣняется, но при выходѣ чиновниковъ въ отставку пенсіи и прибавки назначаются по окладу ихъ послѣдней должности, и 2, пятилѣтнія прибавки къ пенсіи за службу по учебной части Министерства

Народнаго Просвѣщенія назначаются какъ на службѣ, такъ и при отставкѣ, только тѣмъ чиновникамъ, кои опредѣленные для того сроки 30, 35 лѣтніе и т. д. выслужили собственно по учебной части сего Министерства или въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ выпискою изъ журналовъ Комитета 13 и 29 іюня сего года, господинъ Товарищъ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 14 іюля сего года за № 7769, сообщая Его Превосходительству къ надлежащему исполненію и руководству, проситъ войти въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ представленіемъ въ установленномъ порядкѣ, какъ о тѣхъ лицахъ, коимъ при выходѣ въ отставку не были переассигнованы производившіяся имъ на службѣ пенсіи и прибавки пятыхъ долей на высшій присвоенный послѣдней ихъ должности окладъ, такъ и о семействахъ умершихъ на службѣ училищныхъ чиновниковъ, получавшихъ пенсіи не изъ окладовъ причитавшихся въ день смерти мужей или отцевъ пенсій и прибавокъ по послѣдней ихъ должности, а изъ производившихся на службѣ пенсій и прибавокъ пятыхъ долей оныхъ. Имѣю честь сообщить о вышеизложенномъ Совѣту Университета къ надлежащему исполненію и руководству, покорнѣйше прося войти ко мнѣ съ представленіемъ о пенсіи лицамъ, которымъ пенсіи и прибавки пятыхъ долей назначены не изъ оклада по послѣдней должности, а равно и о пенсіи семействамъ такихъ лицъ. Опредѣлено: Настоящее предложеніе принять къ руководству и исполненію.

Ст. 52. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 17 минувшаго августа за № 4757, которымъ проситъ Совѣтъ Университета избрать члена въ Попечительскій Совѣтъ, на мѣсто покойнаго П. И. Котельникова. При слушаніи сего, г. ординарный профессоръ Ѳирсовъ заявилъ, что такъ какъ онъ состоитъ членомъ сего Совѣта по должности Декана историко филологическаго факультета, то по исторіи членомъ Попечительскаго Совѣта онъ проситъ избрать вмѣсто него другое лицо. Опредѣлено: Донести г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа, что вмѣсто покойнаго г. заслуженнаго ординарнаго профессора Котельникова членомъ Попечительскаго Совѣта избранъ г. экстраординарный профессоръ Колли, а вмѣсто

г. ординарнаго профессора Ѳирсова г. ординарный профессоръ общей исторіи Осокинъ.

Ст. 54. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 17 минувшаго августа за № 4759, слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе представленія господина Министра Народнаго Просвѣщенія, послѣдовавшаго на основаніи Высочайше утвержденнаго 23 іюля сего года журнала особаго совѣщанія, о временномъ измѣненіи порядка управленія и надзора за студентами Университета, Комитетъ гг. Министровъ полагалъ: въ видѣ временной мѣры, впредь до утвержденія новаго общаго устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ: 1) Предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія составить, не стѣсняясь нынѣ дѣйствующимъ общимъ уставомъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, инструкцію для Университетской инспекціи, съ присовокупленіемъ правилъ о дарованіи разныхъ льготъ, пособій и стипендій, и ввести оную въ дѣйствіе во всѣхъ Университетахъ, управляемыхъ по вышеозначенному общему уставу. 2) Предоставить Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, въ случаяхъ, если ими самими или мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ существующая нынѣ Университетская инспекція будетъ признана несоотвѣтствующею своему назначенію, измѣнять ея составъ, по соглашенію съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, причемъ объ утвержденіи инспектора (или проректора) представлять Министру Народнаго Просвѣщенія, а помощниковъ инспекторовъ утверждать собственною властью и 3) предоставить Попечителямъ Учебныхъ Округовъ увеличивать составъ Университетской инспекціи, въ мѣрѣ надобности и возможности, назначеніемъ большаго противъ положеннаго по штатамъ числа помощниковъ инспектора, буде то окажется нужнымъ, съ отнесеніемъ потребныхъ по сему предмету расходовъ на спеціальныя средства Университетовъ. Государь Императоръ, во 2 день минувшаго августа, положеніе Комитета Высочайше утвердить соизволилъ. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ господину Министру Народнаго Просвѣщенія 3 августа, выпискою изъ журнала Комитета Министровъ и Его Сіятельствомъ доведенномъ до свѣдѣнія Правительствующаго Сената и объявленномъ подлежащимъ генералъ-губернаторамъ, господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 8 августа за № 8692 увѣдомилъ

Его Превосходительство, для надлежащаго съ его стороны исполненія, присовокупляя, что инструкція для Университетской инспекціи и правила для студентовъ будутъ препровождены къ нему немедленно по изготовленіи оныхъ. О вышеизложенномъ имѣю честь сообщить Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета для свѣдѣнія. Опредѣлено. Принять настоящее предложеніе къ свѣдѣнію.

Ст. 54. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 21 минувшаго августа за № 4921, слѣдующаго содержанія: „Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ дополненіе къ предложенію отъ 8 августа сего года за № 8692, предложеніемъ отъ 12 августа за № 8802, проситъ Его Превосходительство предложить Совѣту Казанскаго Университета пріостановиться выдачею студентамъ сего Университета дѣйствующихъ нынѣ правилъ впредь до присылки изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія вновь проэктированныхъ правилъ. Имѣю честь сообщить объ этомъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета для надлежащаго распоряженія, въ дополненіе къ предложенію моему отъ 17 сего августа за № 4759. „При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ Университета увѣдомилъ г. проректора 24 августа за № 970. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 55. Представленіе историко-филологическаго факультета отъ 20 минувшаго августа за № 62, слѣдующаго содержанія: „Хранитель музея этнографіи и древностей И. В. Соколовскій, по возвращеніи изъ учебной командировки для приготовленія къ профессорскому званію, оказался страдающимъ психическимъ разстройствомъ и отправленъ на излѣченіе въ Казанскую Окружную Лечебницу во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ. Донося о семъ Совѣту, историко-филологическій факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать о разрѣшеніи г. Директору музея Н. А. Ѳирсову приглашать къ занятіямъ въ музеѣ постороннихъ лицъ съ вознагражденіемъ въ видѣ платы изъ суммъ музея и кабинета монетъ и медалей отъ 10 до 15 руб. въ мѣсяцъ, съ тѣмъ чтобы такимъ лицамъ можно было пользоваться квартирой г. Соколовскаго на время его болѣзни“. Опредѣлено: Настоящее ходатайство факультета разрѣшить, о чемъ его и Правленіе Университета увѣдомить.

Ст. 56. Представленіе историко - филологическаго факультета отъ 20 минувшаго августа за № 65, слѣдующаго содержанія: „По раздѣленіи историко-филологическаго факультета, утвержденномъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, г. приватъ-доцентъ Казанскаго Университета И. Н. Смирновъ будетъ читать студентамъ историческаго отдѣленія по одному часу въ недѣлю физическую географію. Донося о семъ Совѣту, историко-филологическій факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать о назначеніи г. Смирнову вознагражденія изъ спеціальныхъ средствъ въ размѣрѣ 200 руб. за годовую лекцію по физической географіи". При слушаніи сего г. Деканъ историко-филологическаго факультета, ординарный профессоръ Ѳирсовъ заявилъ, что студентамъ филологическаго факультета должно преподаваться государственное право, и что г. ординарный профессоръ Нелидовъ выразилъ согласіе преподавать оное отдѣльно по 2 часа съ вознагражденіемъ по 200 руб. за каждую полугодовую лекцію, о выдачѣ таковаго вознагражденія изъ спеціальныхъ средствъ Университета онъ, г. Деканъ, ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ Опредѣлено: Настоящее ходатайство факультета и г. Декана разрѣшить, о чемъ Правленіе Университета и историко-филологическій факультетъ увѣдомить.

Ст. 57. Представленіе физико-математическаго факультета отъ 21 августа 1879 года за № 48, слѣдующаго содержанія: „Г. завѣдующій лабораторіей органической химіи ординарный профессоръ А. М. Зайцевъ 21 августа вошелъ въ факультетъ съ заявленіемъ слѣдующаго содержанія: „Въ виду отказа хранителя музея при химической лабораторіи г. Сорокина отъ должности консерватора химической лабораторіи по отдѣленію органической химіи, я имѣю честь покорнѣйше просить факультетъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ Университета о выборѣ на эту должность окончившаго въ настоящемъ году курсъ естественныхъ наукъ по спеціальности химіи и физики г. Широкова. О талантливости, прилежаніи и успѣхахъ г. Широкова, не только по избранной имъ спеціальности, но и по всѣмъ естественнымъ наукамъ, настолько часто было заявляемо въ факультетъ со стороны всѣхъ профессоровъ естественнаго разряда, что я считаю излишнимъ теперь вновь распространяться объ этомъ, а укажу только, что г. Широковъ въ по-

слѣдній годъ своего пребыванія въ Университетѣ, успѣлъ въ избранной имъ спеціальности зарекомендовать себя и со стороны научныхъ изслѣдованій. Напечатанная въ Annalen der Chemie und Pharmacie и въ журн. Русскаго Химическаго Общества, совмѣстно со мной работа объ аллилдіэтилкарбинолѣ была произведена въ большей ея части, г. Широковымъ. Кромѣ того г. Широковъ, занимаясь изслѣдованіемъ содержанія при окисленіи нѣкоторыхъ синтезированныхъ въ нашей лабораторіи непредѣльныхъ спиртовъ, получилъ много весьма интересныхъ результатовъ, которые будутъ собраны и изложены въ представляемой имъ въ скоромъ времени кандидатской диссертаціи. Все тотчасъ сказанное даетъ мнѣ полное право надѣяться, что я, въ лицѣ г. Широкова, пріобрѣту очень полезнаго помощника, а предоставленіе г. Широкову должности консерватора даетъ ему возможность продолжать научную дѣятельность". Физико-математическій факультетъ, вполнѣ раздѣляя мнѣніе г. ординарнаго профессора А. М. Зайцева, имѣетъ честь ходатайствова предъ Совѣтомъ Университета объ опредѣленіи г. Широкова на должность хранителя музея при химической лабораторіи по отдѣленію органической химіи". Опредѣлено: Утвердить Широкова въ званіи дѣйствительнаго студента и баллотировать его въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта на мѣсто хранителя музея химической лабораторіи.

Ст. 58. Донесеніе физико-математическаго факультета отъ 28 августа за № 51, слѣдующаго содержанія: „На предложеніе Совѣта отъ 15 іюня сего года за № 664 (выписка изъ протокола засѣданія его 30 мая), физико-математическій факультетъ имѣетъ честь донести, что со стороны его не встрѣчается препятствія къ продолженію на одинъ годъ командировки консерватору ботаническаго музея Казанскаго Университета Смирнову, находящемуся въ Туркестанскомъ краѣ для занятій въ экспедиціи, составленной для изслѣдованія этого края въ сельско-хозяйственномъ отношеніи". *Справка*: Г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа, въ предложеніи отъ 23 апрѣля 1879 г. № 2322 сообщилъ Совѣту Университета, что Вице-Президентъ Императорскаго Русско-Географическаго Общества обратился въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія объ исходатайствованіи у г. Министра Народнаго Просвѣщенія продолженія на одинъ годъ заграничной командировки консерватору бо

таническаго музея Казанскаго Университета Смирнову, находящемуся въ Туркестанскомъ краѣ для занятій въ экспедиціи, составленной генералъ-губернаторомъ того края при содѣйствіи Географическаго Общества для изслѣдованія края въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Согласно резолюціи г. Министра, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія отъ 12 апрѣля сего года № 4051 просилъ Его Превосходительство увѣдомить Департаментъ: не встрѣчается-ли со стороны Совѣта Казанскаго Университета препятствія къ продолженію командировки Смирнова еще на одинъ годъ, для доклада объ этомъ Его Сіятельству г. Министру. Вслѣдствіе сего Его Превосходительство просилъ Совѣтъ Университета сообщить ему: не встрѣчается-ли со стороны Совѣта препятствія къ продолженію означенной командировки Смирнову. О доставленіи каковаго свѣдѣнія, Совѣтомъ Университета было сообщено физико-математическому факультету 15 іюня № 664. Опредѣлено: О содержаніи сего представленія донести г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа.

Ст. 59. 1) Прошеніе г. заслуженнаго ординарнаго профессора Станиславскаго, слѣдующаго содержанія: „27 мая сего 1879 года истекъ срокъ втораго пятилѣтія, на которое я имѣлъ честь быть избраннымъ въ 1874 году. Позволяю себѣ высказать глубокую признательность господамъ членамъ Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета за ихъ постоянное дружественное ко мнѣ отношеніе въ теченіи десяти лѣтъ и за ихъ вниманіе къ посильнымъ моимъ трудамъ. Домашнія обстоятельства мои и разстроенное здоровье не позволяютъ мнѣ пытаться продолжать службу въ званіи профессора, поэтому честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Университета: 1-е ходатайствовать объ увольненіи меня отъ службы и, по полученіи таковаго, выдать мнѣ аттестатъ о службѣ; 2-е, выслать мнѣ по адресу, который сообщу впослѣдствіи, причитающееся содержаніе по день окончательнаго увольненія отъ службы; 3-е, ходатайствовать объ узаконенной за послѣднее пятилѣтіе прибавки къ получаемому мною пансіону и выдачѣ мнѣ оной изъ Варшавскаго губернскаго казначейства“, и 2) переданное г. Ректоромъ Университета въ Совѣтъ Университета письмо г. заслуженнаго ординарнаго профессора Станиславскаго, слѣдующаго содержанія: „На письмо Вашего Превосходительства отъ 13 іюля, № 739, въ которомъ, согласно постановленію Совѣта

Университета отъ 30 мая, Вы предлагаете мнѣ вопросъ: желаю-ли я подвергнуться баллотированію на слѣдующее пятилѣтіе, или нѣтъ?—долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, что равно семейныя мои обстоятельства, какъ и разстроенное здоровье заставляютъ меня отказаться отъ чести продолжать службу при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. При этомъ пользуюсь случаемъ еще разъ высказать живѣйшую и глубочайшую благодарность гг. Членамъ Совѣта Казанскаго Университета за ихъ вниманіе къ посильнымъ трудамъ моимъ". Опредѣлено: Просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа ходатайствовать предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ увольненіи, согласно прошенію, отъ службы г. заслуженнаго ординарнаго профессора Станиславскаго; къ представленію приложить копію съ формулярнаго о службѣ его списка.

Ст. 60. Переданный г. Ректоромъ въ Совѣтъ Университета рапортъ лаборанта В. Руднева, при которомъ представляя дипломъ С.-Петербургскаго Университета на степень магистра химіи, проситъ Его Превосходительство сдѣлать распоряженіе о внесеніи объ этомъ въ его формулярный списокъ. Опредѣлено: О пріобрѣтеніи г. лаборантомъ Рудневымъ степени магистра химіи показать въ формулярномъ о службѣ его спискѣ.

Ст. 62. Отношеніе Правленія Казанскаго Университета отъ 25 іюня за № 1193, при которомъ на основаніи § 54 устава Университета, препроводило въ Совѣтъ Университета 3 вѣдомости о суммахъ Университета, за февраль, мартъ и апрѣль мѣсяцы сего 1879 г. Изъ вѣдомостей видно: изъ первой, что къ 1 февралю оставалось: наличными 318295 р. 96½ к., билетами 152570 р., а всего 470865 р. 96½ к. въ февралѣ въ приходѣ: наличными 7075 р. 94 коп., въ расходѣ: наличными 29723 р. 57 к., къ 1 марту въ остаткѣ наличными 295648 р. 33½ коп., билетами 152570 р., а всего 448218 р. 33½; второй, что къ 1 марта оставалось: наличными 295648 33½ коп., билетами 152570 руб., а всего 448218 р. 33½ к. въ мартѣ въ приходѣ: наличными 3929 р. 72 к., билетами 1900 р. въ расходѣ: наличными 35099 р. 61 к. билетами 2581 р., къ 1 апрѣлю въ остаткѣ: наличными 264478 р. 44½ к., билетами 151889 р., а всего 416367 р. 44½ к., и третьей: къ 1 апрѣлю оставалось: наличными

264478 р. 44½ к., билетами 151889 р. въ апрѣлѣ въ приходѣ 3997 р. 57 к. наличными, въ расходѣ наличными 30134 р. 10 к., билетами 1900 р. къ 1 мая въ остаткѣ наличными 238341 р. 91½ к., билетами 149989 р., а всего 388330 р. 91½ к. Опредѣлено: Принять къ свѣдѣнію.

Ст. 63. Отношеніе Правленія Университета отъ 17 іюля за № 1286, при которомъ на основаніи § 54 Устава Университета препроводило въ Совѣтъ Университета вѣдомость о суммахъ Университета за май мѣсяцъ сего года. Изъ вѣдомости видно, что къ 1 мая осталось наличными 238341 р. 91½ к., билетами 149989 р., а всего 388330 р. 91½ к.; въ маѣ въ приходѣ 4536 р. 77 к., въ расходѣ 36860 р. 61 к.; къ 1 іюня въ остаткѣ: наличными 206018 р. 7½ к., билетами 149989 р., а всего 356007 р. 7½ к. Опредѣлено: Принять къ свѣдѣнію.

Ст. 64. Отношеніе Правленія Казанскаго Университета отъ 18 августа за № 2435, при которомъ, на основаніи § 54 Устава Университета, препроводило въ Совѣтъ Университета вѣдомость о суммахъ Университета за іюнь мѣсяцъ сего года. Изъ вѣдомости видно, что къ 1 іюня осталось: наличными 206018 р. 7½ к., билетами 149989 р., а всего 331615 р. 71½ к. Опредѣлено: Принять къ свѣдѣнію.

Ст. 65. Переданное г. Ректоромъ Университета представленіе физикоматематическаго факультета отъ 21 августа за № 47, слѣдующаго содержанія: Хранитель музея при химической лабораторіи по отдѣленію органической химіи В. И. Сорокинъ прошеніемъ отъ 21 августа ходатайствуетъ предъ факультетомъ объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности. Физикоматематическій факультетъ, представляя объ этомъ Вашему Превосходительству, имѣетъ честь покорнѣйше просить распоряженія Вашего Превосходительства объ увольненіи г. Сорокина отъ занимаемой имъ должности; приэтомъ физико-математическій факультетъ имѣетъ честь присовокупить, что со стороны факультета къ увольненію отъ должности г. Сорокина препятствій не имѣется. Опредѣлено: Объ увольненіи хранителя музея Сорокина отъ занимаемой имъ должности, согласно прошенію, представить г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа.

Ст. 66. Представленіе физико-математическаго факультета отъ 28 минувшаго августа за № 49, слѣдующаго со-

держанія: „На увѣдомленіе Совѣта отъ 14-го іюня сего года за № 656, выпиской изъ протокола засѣданія его 31 мая, о возобновленномъ ходатайствѣ медицинскаго факультета о перемѣщеніи аудиторіи, въ которой читаются лекціи фармакологіи и физіологической химіи, въ помѣщеніе, занимаемое агрономическимъ кабинетомъ, физико-математическій факультетъ имѣетъ честь донести, что относительно этого перемѣщенія онъ остается при прежнемъ мнѣніи, тѣмъ болѣе, что согласно его ходатайству и разрѣшенію Совѣта Университета, въ помѣщеніи агрономическаго кабинета сдѣланы уже приспособленія для лабораторныхъ занятій“. Опредѣлено: О содержаніи настоящаго представленія физико-математическаго факультета увѣдомить медицинскій факультетъ.

Ст. 67. Донесеніе физико-математическаго факультета отъ 28 минувшаго августа за № 50, слѣдующаго содержанія: „На предложеніе Совѣта отъ 18 іюня сего года за № 712, коимъ требуется заключеніе физико-математическаго факультета по содержанію докладной записки учителя французскаго языка Ржевской прогимназіи Гронтковскаго относительно пріобрѣтенія отъ него собранной имъ коллекціи ископаемыхъ, — физико-математическій факультетъ имѣетъ честь донести, что заочно покупка коллекцій г. Гронтковскаго состояться не можетъ, но факультетъ находилъ бы полезнымъ разсмотрѣть эту коллекцію и высказать свое мнѣніе о достоинствѣ ея и цѣнности, если она можетъ быть доставлена путемъ, указаннымъ въ докладной запискѣ г. Гронтковскаго“. Опредѣлено: О содержаніи донесенія физико-математическаго факультета представить г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа.

Ст. 68. Донесеніе юридическаго факультета отъ 31 минувшаго августа за № 58, слѣдующаго содержанія: „Преподаваніе Политической экономіи и статистики студентамъ юридическаго факультета въ настоящемъ 1879—1880 учебномъ году является существенною необходимостью. За отказомъ г. ординарнаго профессора Н. А. Кремлева отъ преподаванія политической экономіи, выраженнымъ имъ въ засѣданіи Совѣта 26 мая 1879 года и, вслѣдствіе неутвержденія Совѣтомъ представленія факультета о разрѣшеніи преподаванія политической экономіи и статистики между двумя преподавателями съ вознагражденіемъ каждаго изъ нихъ

по 1200 руб. въ годъ, юридическій факультетъ не находитъ другаго способа удовлетворить необходимости преподаванія означенныхъ предметовъ, какъ возложить оное на г. ординарнаго профессора Степанова, не смотря на сознаваемую факультетомъ и указанную въ его представленіи Совѣту отъ 23 мая крайнюю затруднительность вести преподаваніе обоихъ предметовъ одному лицу. На основаніи вышеизложеннаго, юридическій факультетъ честь имѣетъ просить Совѣтъ Университета ходатайствовать о порученіи ординарному профессору Я. С Степанову преподаванія политической экономіи и статистики въ $18^{79}/_{80}$ учебномъ году, съ вознагражденіемъ изъ остатковъ отъ личнаго состава въ размѣрѣ половиннаго оклада жалованья по должности ординарнаго профессора, т. е. по 1200 руб въ годъ, считая съ 15 августа 1879 года". *Справка*: Въ упоминаемомъ представленіи юридическаго факультета 23 мая за № 48 изложено было слѣдующее: „Имѣя въ виду необходимость преподаванія студентамъ въ будущемъ $18^{79}/_{80}$ учебномъ году политической экономіи и статистики, юридическій факультетъ имѣетъ честь просить Совѣтъ Университета ходатайствовать о порученіи преподаванія политической экономіи ординарному профессору Н. А. Кремлеву, а статистики—ординарному професору Я. С. Степанову, съ вознагражденіемъ каждаго изъ нихъ за этотъ трудъ, на основаніи § 84 университетскаго устава по 1200 руб. въ годъ изъ остатковъ отъ личнаго состава, считая съ 15 августа 1879 по 15 августа 1880 года". Совѣтъ Университета большинствомъ 17 противъ 14 опредѣлилъ 26 мая увѣдомить юридическій факультетъ, что Совѣтъ Университета не находитъ возможнымъ на основаніи § 84 университетскаго устава поручить преподаваніе политической экономіи и статистики гг. ординарнымъ профессорамъ Кремлеву и Степанову, съ вознагражденіемъ каждаго по 1200 руб. сер. Опредѣлено: Просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа ходатайствовать предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о порученіи въ 1879—80 акад. году преподаванія по вакантной каѳедрѣ политической экономіи и статистики г. ординарному профессору полицейскаго права Степанову, съ вознагражденіемъ изъ остатковъ отъ личнаго состава Казанскаго Университета, въ размѣрѣ половиннаго оклада жалованья ординарнаго профессора, т. е. 1200 руб. сер. въ годъ, съ 15 августа сего года.

Ст. 69. Представленіе юридическаго факультета отъ 31 минувшаго августа за № 59, въ которомъ изложено слѣдующее: „Признавая необходимымъ поручить преподаваніе по каѳедрѣ уголовнаго права въ наступившемъ $18^{79}/_{80}$ учебномъ году г. приватъ доценту Виноградскому, юридическій факультетъ честь имѣетъ просить Совѣтъ Университета ходатайствовать о вознагражденіи г. Виноградскаго за этотъ трудъ по 1200 руб. въ годъ, считая съ 15 августа текущаго года по 15 августа 1880 года, съ тѣмъ, чтобы 1100 р. изъ этой суммы выдавались изъ остатковъ отъ личнаго состава, а 100 руб. изъ спеціальныхъ средствъ Университета. Опредѣлено: Просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа ходатайствовать предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о вознагражденіи приватъ-доцента Виноградскаго за чтеніе уголовнаго права въ настоящемъ учебномъ году, начиная съ 15 августа сего года, въ количествѣ 1100 руб. сер. изъ остатковъ отъ личнаго состава Казанскаго Университета и 100 руб. изъ спеціальныхъ средствъ Университета.

Ст. 70. Представленіе юридическаго факультета отъ 1 сего сентября за № 61, слѣдующаго содержанія: „Юридическій факультетъ, разсмотрѣвъ и, согласно съ письменнымъ отзывомъ г. ординарнаго профессора Нелидова, одобривъ прилагаемую при этомъ диссертацію окончившаго курсъ по разряду юридическихъ наукъ студента Ивана Целебровскаго: „Основныя права и ихъ историческое развитіе во Франціи и Англіи“ и принимая во вниманіе также прилагаемое здѣсь медицинское свидѣтельство о невозможности Целебровскому, по болѣзни, явиться въ Казань для коллоквія по диссертаціи, честь имѣетъ просить Совѣтъ Университета ходатайствовать объ освобожденіи автора означенной диссертаціи отъ коллоквія и, въ случаѣ согласія г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа на такое освобожденіе, объ утвержденіи г. Целебровскаго въ степени кандидата юридическихъ наукъ. Опредѣлено: Просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа объ освобожденіи Целебровскаго отъ коллоквіума.

Ст. 71. Представленіе медицинскаго факультета отъ 28 августа сего года за № 343, слѣдующаго содержанія: „Аптекарскіе ученики: Гирша Аперкинъ, Александръ Рѣзцовъ и Эрнестъ Гревинка и аптекарскій помощникъ Александръ Рутковскій были подвергнуты медицинскимъ факуль-

тетомъ испытанію — первые трое на степень аптекарскаго помощника, а послѣдній на степень провизора и, по удовлетворительномъ окончаніи ими онаго, удостоены факультетомъ первые трое—степени аптекарскаго помощника, а послѣдній—степени провизора: о чемъ медицинскій факультетъ и имѣетъ честь представить въ Совѣтъ Университета на одобреніе". *Справка*: Аптекарскіе ученики Ацерконъ, а не Ацеркинъ, Рѣзцовъ, Гревинкъ и аптекарскій помощникъ Рутковскій представили всѣ документы, требуемые при утвержденіи первыхъ трехъ въ степени аптекарскаго помощника, а послѣдній—провизора, изъ нихъ Ацерконъ происходитъ изъ Виленскихъ мѣщанъ. Опредѣлено: 1) Утвердить Рутковскаго Александра въ степени провизора, - Рѣзцова Александра и Гревинку Эрнеста въ степени аптеакарскаго помощника, въ чемъ и выдать имъ свидѣтельства, 2) объ исключеніи Ацеркона Гирша изъ мѣщанскаго званія представить г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа.

Ст. 72. Представленіе медицинскаго факультета отъ 30 августа 1879 года за № 346, слѣдующаго содержанія: „Обучавшаяся повивальному искусству при родильномъ отдѣленіи Вятской губернской земской больницы Пульхерія Заплетаева была подвергнута медицинскимъ факультетомъ испытанію на званіе повивальной бабки и, по удовлетворительномъ окончаніи ею онаго, удостоена факультетомъ означеннаго званія, о чемъ факультетъ и имѣетъ честь представить въ Совѣтъ Университета на одобреніе". *Справка*: Заплетаева Пульхерія представила всѣ документы, требуемые при утвержденіи ея въ званіи повивальной бабки. Опредѣлено: Заплетаеву Пульхерію утвердить въ званіи повивальной бабки, въ чемъ и выдать ей свидѣтельство.

Ст. 73. Представленіе медицинскаго факультета отъ 30 августа сего года за № 347, слѣдующаго содержанія: „Окончившая курсъ повивальнаго искусства при родильномъ отдѣленіи Красноярской губернской земской больницы, Енисейской губерніи, Наталья Дмитріева Ледашнева была подвергнута медицинскимъ факультетомъ испытанію на званіе повивальной бабки и, по удовлетворительномъ окончаніи ею онаго, удостоена факультетомъ означеннаго званія, о чемъ факультетъ и имѣетъ честь представить въ Совѣтъ Университета на одобреніе" *Справка*: Ледашнева Наталья предста-

вила всѣ документы, требуемые при утвержденіи ея въ званіи повивальной бабки. Опредѣлено: Ледашневу Наталью утвердить въ званіи повивальной бабки, въ чемъ и выдать ей свидѣтельство.

Ст. 74. Докладъ о томъ, что окончившая курсъ повивальнаго искусства въ Пензенской земской повивальной школѣ Анна Тихомірова, какъ видно изъ представленія медицинскаго факультета отъ 28 мая 1879 г. № 290, была подвергнута факультетомъ испытанію на званіе повивальной бабки и, по окончаніи ею онаго, удостоена означеннаго званія, но не утверждена въ ономъ по непредставленію ею метрическаго о рожденіи свидѣтельства, каковое ею въ послѣдствіи доставлено. Опредѣлено: Тихомірову Анну утвердить въ званіи повивальной бабки, въ чемъ и выдать ей свидѣтельство.

Ст. 75. Представленіе медицинскаго факультета отъ 28 августа 1879 года за № 341, слѣдующаго содержанія: „Окончившій въ текущемъ году курсъ со степенью лѣкаря Викторъ Карповъ былъ подвергнутъ медицинскимъ факультетомъ испытанію на званіе уѣзднаго врача и, по удовлетворительномъ окончаніи имъ онаго, удостоенъ факультетомъ означеннаго званія; о чемъ факультетъ имѣетъ честь представить въ Совѣтъ Университета на одобреніе. Опредѣлено: Лѣкаря Карпова Виктора утвердить въ званіи уѣзднаго врача, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 76. Докладъ секретаря Совѣта о томъ, что г. ординарному профессору сего Университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Никольскому 7 іюля сего 1879 г. истекъ срокъ учебной службы. Опредѣлено: Просить г. Ректора Университета спросить г. орд. пр. Никольскаго, желаетъ ли онъ подвергнуться баллотированію на слѣдующее пятилѣтіе, и въ случаѣ согласія баллотировать его Никольскаго въ слѣдующее засѣданіе Совѣта.

Ст. 77. Донесенія факультетовъ: историко-филологическаго отъ 30 августа сего года за № 68, физико-математическаго отъ 1 сентября за № 52 и юридическаго отъ 1-го же сентября за № 63, при которыхъ представили вѣдомости о происходившихъ въ августѣ мѣсяцѣ 187⁸/₉ учебнаго года окончательныхъ и переводныхъ испытаніяхъ студентовъ, при чемъ разсматривали и самыя вѣдомости. Опредѣлено: 1) По экзаменамъ окончательнымъ: а) признать

заслуживающими по успѣхамъ въ наукахъ степени кандидата, если, на основаніи § 17 положенія объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на ученыя степени, представятъ въ узаконенный срокъ диссертаціи: студента IV курса юридическаго факультета, разряда государственныхъ наукъ Бекетова Леонида и стороннихъ лицъ: Диллона Макса и Стояновича Сергѣя: б) утвердить въ званіи дѣйствительнаго студента, студентовъ юридическаго факультета, разряда юридическихъ наукъ: Писарева Ивана и Прозорова Александра и разряда государственныхъ наукъ Ольдекопа Алексѣя; в) Уволить за неявку на испытаніе по неизвѣстной причинѣ студента физико - математическаго факультета, разряда математическихъ наукъ Соколова Николая г) оставить въ томъ же курсѣ студентовъ юридическихъ наукъ Кабалерова Павла и Шестакова Николая. II. По экзаменамъ переводнымъ: А, студентовъ, оказавшихъ удовлетворительные успѣхи, безусловно перевести по факультетамъ: историко-филологическому: изъ II въ III курсъ: Иконникова Владиміра и изъ III въ IV курсъ Доможирова Григорія, со смѣщеніемъ со стипендій; физико-математическому разряду математическихъ наукъ: изъ I-го во II курсъ Кирьянова Николая, изъ II въ III Славолюбова Павла, со смѣщеніемъ со степендіи, юридическому, разряду юридическихъ наукъ: изъ II въ III курсъ Гусева Алексѣя, изъ III въ IV курсъ Вертоградова Павла, Курочкина Григорія, Ломоносова Владиміра и Миловскаго Петра. Б) Оставить въ томъ же курсѣ студентовъ факультетовъ: Историко-филологическаго: III курса Ацерова Александра, со смѣщеніемъ со стипендіи; физико-математическаго, разряда математическихъ наукъ: Iкурса Архангельскаго Всеволода, Полежаева Андрея. Угрюмова Филиппа и Фадѣева Ѳедора, II курса Казакова Василія и Платунова Вячеслава, разряда естественныхъ наукъ: II курса Ольдекопа Николая. В) Уволить изъ Университета не явившихся на экзаменъ: по историко-филологическому факультету: 1 курса Галимскаго Леонида; физико-математическому, разряду естественныхъ наукъ, 1 курса Якимова Владиміра, и юридическому, разряду юридическихъ наукъ, II курса Фастрицкаго Петра. Г) Копіи съ сего опредѣленія, для зависящихъ распоряженій, передать въ Правленіе и г. Проректору Университета, а также въ факультеты: Историко-филологическій, физико-математическій, юри-

дический. Д) О всѣхъ переводныхъ и окончательныхъ испытаніяхъ донести г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа, съ представленіемъ вѣдомости о разультатахъ испытаній студентовъ.

Въ засѣданіи не присутствовали: а) по нахожденію въ отпуску: о. п. Ковалевскій, з. о. п. Станиславскій, Буличъ, о. п. Баронъ Розенъ, Никольскій, Мельниковъ, Осиповъ и э. о. п. Ворошиловъ и Колли, и б) въ командировкѣ: о. п. Бодуэнъ-де-Куртенэ и э. о. п. Сорокинъ.

22 Сентября.

Слушали:

Ст. 1. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 12 сего сентября за № 5457, которымъ сообщилъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета, для надлежащаго распоряженія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 3 іюля 1879 г. за № 796, о нижеслѣдующемъ: Вятская Казенная Палата отъ 5 сего сентября за № 8271 увѣдомила Его Превосходительство на отношеніе, что состоящій въ числѣ сельскихъ обывателей Глазовскаго уѣзда, Омутницкой волости, завода Омутницкаго Петръ Александровъ Голубевъ, за окончаніемъ имъ курса наукъ въ Казанскомъ Университетѣ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента и на основаніи 311 ст. V т. утр. о под., Палатою исключенъ изъ податнаго состоянія со 2-й половины 1879 года. *Справка*: Петръ Александровъ Голубевъ въ 187⁸/₉ академическомъ году кончилъ курсъ математическихъ наукъ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, но не утвержденъ въ ономъ Совѣтомъ Университета по нахожденію его въ податномъ состояніи, объ исключеніи изъ котораго его, Голубева, Совѣтомъ Университета и было представлено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 3 іюля за № 796. Опредѣлено: Голубева Петра Александрова утвердить въ званіи дѣйствительнаго студента.

Ст. 2. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 17 сего сентября за № 5520, которымъ сообщилъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета, для надлежащаго распоряженія, въ отвѣтъ на предста-

вленіе отъ 3 іюля 1879 г. за № 796, о нижеслѣдующемъ: „Енисейская Казенная Палата отъ 21 августа сего года за № 4745 увѣдомила Его Превосходительство на отношеніе, что окончившій курсъ въ Казанскомъ Университетѣ мѣщанинъ города Красноярска Михаилъ Кирилловъ Андреевъ, по заключенію Палаты, на 13 августа сего года состоявшемуся, исключенъ изъ числа мѣщанъ и оклада податей по г. Красноярску съ начала 1879 года. *Справка*: Андреевъ Михаилъ Кирилловъ 187⁸/₉ академическомъ году кончилъ курсъ математическихъ наукъ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, но не утвержденъ въономъ Совѣтомъ Университета по нахожденію его въ мѣщанскомъ званіи, объ исключеніи изъ котораго его, Андреева, Совѣтомъ Университета и было представлено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 3 іюля за № 796. Опредѣлено: Андреева Михаила Кириллова утвердить въ званіи дѣйствительнаго студента математическихъ наукъ.

Ст. 3. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 17 сего сентября за № 5521, которымъ сообщилъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета, для надлежащаго распоряженія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 3 іюля 1879 г. за № 796, о нижеслѣдующемъ: Таврическая Казенная Палата отъ 4 сентября сего года за № 4808 увѣдомила Его Превосходительство на отношеніе, что Алешковскій мѣщанинъ Исаакъ Абрамовъ Чудновскій исключенъ со 2-й половины 1879 года изъ мѣщанъ евреевъ города Алекъ, за полученіемъ степени лѣкаря. *Справка*: Чудновскій Исаакъ Абрамовъ въ 187⁸/₉ академическомъ году кончилъ курсъ медицинскихъ наукъ, со степенью лѣкаря и званіемъ уѣзднаго врача, но не утвержденъ въ оныхъ по нахожденію его въ мѣщанскомъ званіи, объ исключеніи изъ котораго его, Чудновскаго, Совѣтомъ Университета и было представлено г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа 3 іюля за № 796. Опредѣлено: Чудновскаго Исаака Абрамова утвердить въ степени лѣкаря и званіи уѣзднаго врача, о чемъ и сдѣлать должное распоряженіе.

Ст. 4. Отношеніе Казанскаго мѣстнаго управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, отъ 12 сего сентября за № 280, при которомъ препроводило копію

съ циркуляра Главнаго Управленія Общества краснаго креста отъ 17 августа за № 3658, о внесеніи въ формулярные списки, пожалованнаго знака краснаго креста, Высочайше установленнаго въ 13 день марта 1879 г., гг. профессорамъ Никольскому, Осокину, Боголюбову, Хомякову, Ге и ассистенту Соловьеву. Въ копіи съ циркуляра за № 3658, послѣдовавшаго Управленіямъ и Комитетамъ Общества Краснаго Креста, изложено: „Одно изъ мѣстныхъ Управленіи возбудило вопросъ: подлежитъ ли внесенію въ формулярные списки лицъ, состоящихъ на службѣ по гражданскому вѣдомству, пожалованіе знакомъ Краснаго Креста, Высочайше установленнымъ въ 13-й день марта 1879 г. Вслѣдствіе этого Главное Управленіе увѣдомило Управленія и Комитеты, что пожалованіе знакомъ Краснаго Креста должно быть вносимо подлежащими вѣдомствами въ формулярные списки служащихъ, на основаніи выдаваемыхъ изъ Главнаго Управленія свидѣтельствъ. Опредѣлено: Показать объ этомъ въ формулярныхъ о службѣ вышепоименованныхъ лицъ спискахъ.

Ст. 5. Докладъ: Въ настоящемъ засѣданіи Совѣта Казанскаго Университета, согласно опредѣленію предъидущаго, было произведено баллотированіе дѣйствительнаго студента естественныхъ наукъ Широкова Алексѣя въ хранители музеевъ химической лабораторіи по отдѣленію органической химіи. По баллотированію оказалось: избирательныхъ 31, неизбирательныхъ 4. Опредѣлено: Объ утвержденіи дѣйствительнаго студента Широкова хранителемъ музеевъ химической лабораторіи по отдѣленію органической химіи представить г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа; къ представленію приложить копію съ баллотировочнаго листа дѣйствительнаго студента Широкова.

Ст. 6. Докладъ о томъ, что аптекарскій ученикъ Александръ Виноградовъ, какъ видно изъ представленія медицинскаго факультета отъ 18 мая 1879 г. за № 296, имъ былъ подвергнутъ испытанію на степень аптекарскаго помощника и, по удовлетворительномъ окончаніи онаго, удостоенъ этой степени, но не утвержденъ въ оной Совѣтомъ Университета, по не представленію имъ метрическаго о рожденіи и крещеніи свидѣтельства, каковое имъ нынѣ представлено. Опредѣлено: Виноградова Александра утвердить въ степени аптекарскаго помощника, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 7. Докладъ о томъ, что окончившая курсъ повивальнаго искусства въ иногородномъ родовспомогательномъ учрежденіи Наталія Николаева Шептаева, какъ видно изъ представленія медицинскаго факультета отъ 5 ноября 1878 г. за № 425, была подвергнута факультетомъ испытанію на званіе повивальной бабки и, по удовлетворительномъ окончаніи ею онаго, удостоена этого званія, но не была утверждена въ ономъ Совѣтомъ Университета по непредставленію ею свидѣтельства о бракѣ, каковое ею нынѣ доставлено. Опредѣлено: Шептаеву Наталію утвердить въ званіи повивальной бабки, въ чемъ и выдать ей свидѣтельство.

Ст. 8. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 5 сего сентября за № 5242, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета, для надлежащаго распоряженія, въ послѣдствіе представленія отъ 4 іюля сего года за № 779 о нижеслѣдующемъ: „Департаментъ Народнаго Просвѣщенія отношеніемъ отъ 24 минувшаго августа за № 9311, увѣдомилъ Его Превосходительство, что ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кремлевъ приказомъ Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, господина Товарища Министра 18 августа 1879 г. за № 12, утвержденъ Деканомъ юридическаго факультета сего Университета, съ 26 мая 1879 г. по 10 октября 1880 г., т. е. по день выслуги 25 лѣтъ по ученой части". При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоромъ Университета 19 сентября увѣдомлены Правленіе Университета за № 1067 и юридическій факультетъ за № 1068. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 9. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Оруга отъ 17 сего сентября за № 5522, которымъ сообщаетъ Совѣту Университета, къ надлежащему исполненію, въ послѣдствіе представленія отъ 28 марта сего года за № 403, о нижеслѣдующемъ: „Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Государственной Экономіи, расмотрѣвъ представленіе Министра Народнаго Просвѣщенія о расходѣ на вознагражденіе приватъ-доцентовъ въ нѣкоторыхъ Университетахъ разрѣшилъ: предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, изъ остатковъ отъ кредита, ассигнованнаго по ст. 1 § 5 смѣты Министерства Народнаго Про-

свѣщенія 1879 года на содержаніе личнаго состава профессоровъ и преподавателей въ Университетахъ: С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ, Св. Владиміра и Казанскомъ, употребить двадцать четыре тысячи сто шестнадцать руб. на вознагражденіе приватъ-доцентовъ въ сихъ Университетахъ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: а) чтобы распредѣленіе означенной суммы было предоставлено ближайшему усмотрѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія и чтобы отпускъ сей суммы былъ разрѣшаемъ только на вознагражденіе приватъ-доцентовъ, и б) чтобы подобныя выдачи производились названнымъ университетамъ въ томъ только случаѣ, когда университеты сіи сами примутъ участіе въ вознагражденіи приватъ-доцентовъ, по мѣрѣ возможности, изъ принадлежащихъ университетамъ спеціальныхъ средствъ. Его Императорское Величество таковое мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ 24 день августа 1879 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Господинъ Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія-Товарищъ Министра, предложеніемъ отъ 6 сего сентября за № 9704 сообщая Его Превосходительству, разрѣшилъ: 1) изъ остатковъ отъ личнаго состава Казанскаго Университета (ст. 1 § 5 смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія 1879 г.) отдѣлить десять тысячъ двѣсти руб. на вознагражденіе приватъ-доцентовъ сего Университета за 1879 годъ, съ употребленіемъ на сей же предметъ до двухъ тысячъ руб. изъ спеціальныхъ средствъ Университета, и 2) израсходованную Университетомъ въ нынѣшнемъ году сумму на содержаніе приватъ-доцентовъ изъ спеціальныхъ средствъ онаго пополнить изъ вышеозначенныхъ 10200 рублей, отдѣленныхъ на вознагражденіе приватъ-доцентовъ изъ остатковъ отъ личнаго состава Казанскаго Университета". При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоромъ сообщено Правленію Университета 19 сентября за № 1069. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 10. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 17 сего сентября за № 5523, въ которомъ изложено слѣдующее: „Вслѣдствіе представленія Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета отъ 3 сего сентября за № 984 и по неимѣнію препятствія со стороны Казанскаго губернатора, я разрѣшаю открыть публичную

выставку антропологическихъ коллекцій въ актовомъ залѣ Казанскаго Университета въ теченіи сентября на одинъ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобы сборъ съ выставки былъ переданъ въ Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ Университета, о чемъ и предоставляю Совѣту Университета сдѣлать должное распоряженіе. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи сего предложенія г. Ректоръ Университета 20 сентября за № 1071 увѣдомилъ Общество Естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 11. Донесеніе медицинскаго факультета отъ 21 сего сентября за № 384, при которомъ представилъ вѣдомости о происходившихъ въ августѣ мѣсяцѣ 187⁸/₉ учебнаго года окончательныхъ и переводныхъ испытаніяхъ студентовъ, при чемъ разсматривались и самыя вѣдомости. Опредѣлено: I) По экзаменамъ окончательнымъ: студентовъ V курса: а) Тюшова Владиміра, неэкзаменовавшагося по болѣзни, допустить къ испытанію, на основаніи предложенія г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа 17 іюля за № 4260, по выздоровленіи, и б) Новицкаго Виталія, небывшаго на экзаменѣ по неизвѣстной причинѣ, оставить въ курсѣ. II. По экзаменамъ переводнымъ: А) студентовъ, оказавшихъ удовлетворительные успѣхи, безусловно перевести: изъ I во II курсъ: Делекторскаго Петра, Завитаева Василія, Іорданскаго Николая, Красовскаго Александра, Соковнина Сергѣя и Трипитатскаго Хрисанфа; изъ II въ III курсъ: Алѣева Николая и Пылаева Ивана; изъ III въ IV курсъ: Архангельскаго Виктора и Вишневскаго Александра. Б) Оставить въ курсѣ студентовъ, небывшихъ на экзаменѣ по неизвѣстной причинѣ: I курса Ильина Михаила, Киселёва Василія и Червякова Василія; II курса: Дудоладова Николая, Замятина Василія, Ключарева Михаила, Ліоренцевича Якова, Софотерова Леонида, по болѣзни Тыжнова Сосѳена, съ сохраненіемъ стипендіи; по неизвѣстной причинѣ: Широкихъ Николая, Юматова Николая и Дмитревскаго Ивана; III курса: Боголюбова Николая Вишневскаго Николая; по болѣзни IV курса Кузнецова Николая. В) Уволить изъ Университета, не бывшихъ на экзаменѣ по неизвѣстной причинѣ, студентовъ I курса Кречетникова Александра и Левитскаго Павла. III. О результатахъ переводныхъ и окончательныхъ испытаній стипендіатовъ увѣдомить: о Тыжновѣ—генералъ-губернатора Восточной Сибири, Кузнецовѣ—Общество

врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ и Новицкомъ—Вятскую Губернскую Земскую Управу. IV. Копіи съ сего опредѣленія, для зависящихъ распоряженій, передать въ Правленіе и г. Проректору Университета, а также въ медицинскій факультетъ. О всѣхъ переводныхъ и окончательныхъ испытаніяхъ донести г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа, съ представленіемъ вѣдомости о результатахъ испытаній студентовъ.

Ст. 12. Предложеніе г. Ректора Университета отъ 6 сего сентября за № 1081, слѣдующаго содержанія: „Господинъ Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 24 минувшаго августа за № 9355, увѣдомилъ г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, что профессоръ православнаго богословія Императорскаго Казанскаго Университета, протоіерей Михаилъ Зефировъ, 1879 г. Всемилостивѣйше пожалованъ за отлично усердную службу орденомъ Св. Владиміра 3 ст. Вслѣдствіе предложенія Его Превосходительства, г. Попечителя Учебнаго Округа, отъ 4 сего сентября за № 5197, имѣю честь сообщить объ этомъ въ Совѣтъ Университета". Опредѣлено: О содержаніи настоящаго предложенія показать въ формулярномъ о службѣ г. Профессора православнаго богословія спискѣ.

Ст. 13. Представленіе физико-математическаго факультета отъ 10 сего сентября за № 61, слѣдующаго содержанія: „Г. ординарный профессоръ В. В. Заленскій 7 сего сентября вошелъ въ физико-математическій факультетъ съ представленіемъ, слѣдующаго содержанія: „Въ засѣданіи физико-математическаго факультета 23 апрѣля при слушаніи предложенія г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа о томъ, не пожелаетъ ли кто изъ преподавателей воспользоваться столомъ въ Неаполитанской зоологической станціи для занятій средиземно-морскими животными, я изъявилъ желаніе и просилъ факультетъ исходатайствовать мнѣ командировку съ 1-го сентября 1879 г. по 1 іюня 1880 года въ Неаполь съ указанною цѣлію. Въ то время я не мотивировалъ подробнѣе своей просьбы, надѣясь сдѣлать это при слушаніи предложенія г. Попечителя Округа въ Совѣтѣ. Къ сожалѣнію, во время засѣданія Совѣта 30 мая, я не былъ въ Казани и такимъ образомъ не могъ лично разъяснить Совѣту свои намѣренія, какъ относительно предполагаемыхъ занятій на Неаполитанской зоологической станціи, такъ и относительно мѣръ, которыя

я принялъ бы къ тому, что бы преподаванiе сравнительной анатомiи и эмбрiологiи нисколько не пострадало бы отъ моей командировки. Вслѣдствiе моего отсутствiя и невозможности личнаго разъясненiя мотивовъ моей просьбы, ходатайство мое не могло получить надлежащаго движенiя. Такъ какъ интересы преподаванiя и мои личные заставляютъ меня возобновить вновь мое ходатайство, то я имѣю честь изложить факультету мотивы, побудившiе меня къ просьбѣ о командированiи меня за границу. Съ прошлаго года я началъ чтенiе отдѣльныхъ курсовъ сравнительной анатомiи и эмбрiологiи, это чтенiе, какъ чтенiе всякой изъ отраслей естествовѣденiя, тогда только можетъ быть успѣшно, если оно будетъ демонстративно. Хотя наши зоологическiй и зоотомическiй кабинеты имѣютъ довольно богатыя коллекцiи морскихъ животныхъ, удовлетворяющiя потребностямъ преподаванiя сравнительной анатомiи, но они настолько бѣдны эмбрiологическими объектами, что въ прошломъ академическомъ году, мнѣ приходилось довольствоваться при чтенiи лекцiй рисунками или восковыми моделями, изъ которыхъ конечно ни тѣ, ни другiя не достигаютъ вполнѣ цѣли. Такъ какъ однако эмбрiологическiе процессы такъ сложны, что уясненiе съ помощiю рисунковъ и даже моделей во многихъ случаяхъ даже не возможно, а изученiе эмбрiологiи становится все болѣе и болѣе важнымъ для морфологiи животныхъ, то я старался въ прошломъ году, насколько возможно, собрать матерiалъ для составленiя эмбрiологическаго музея и, конечно, долженъ былъ ограничиться исключительно прѣсноводными формами и зародышами высшихъ животныхъ. Но такое собранiе далеко не достигаетъ цѣли, не говоря о томъ, что прѣсноводныя формы безпозвоночныхъ животныхъ отличаются по развитiю отъ морскихъ и что развитiе первыхъ уясняется только развитiемъ послѣднихъ, между различными типами животныхъ существуютъ исключительно морскiя животныя, которыя въ прѣсныхъ водахъ совершенно не имѣютъ своихъ представителей, наприм. эхинодермы, туникаты и др. Недостатокъ тѣхъ формъ сложныхъ по развитiю и важныхъ въ эмбрiологiи не можетъ быть пополненъ покупкою. Ни въономъ изъ естественно-историческихъ магазиновъ, даже у Дорна при Неаполитанской зоологической станцiи, не существуетъ въ продажѣ зародышей и личинокъ

морскихъ животныхъ, такъ какъ добываніе ихъ крайне затруднительно. Единственный способъ полученія ихъ, есть собираніе на мѣстѣ самому. Это собираніе съ цѣлью составленія эмбріологической коллекціи, безусловно необходимой при чтеніи курса эмбріологіи, составляетъ первый существенный поводъ, побуждающій меня ходатайствовать о командировкѣ. Второй менѣе важный мотивъ моего ходатайства есть желаніе продолжать изслѣдованія, начатыя мною въ Неаполѣ въ 187³/₄ акад. году. Во время пребыванія моего въ Неаполѣ, я успѣлъ изслѣдовать и отчасти собрать для дальнѣйшаго изслѣдованія матеріалъ, для исторіи развитія сальпъ. Эти изслѣдованія мною окончены въ 1877 году и напечатаны въ трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Zeitschrift für wissenschafliche Zoologie и въ Morphologisches Jahrbuch (Zeitchr. Bch. XXV и XXX Supl. и Morph. Jahrb. Band. III). Факты, добытые мною при изслѣдованіи развитія сальпъ, навели меня на мысль, что развитіе этихъ туникатъ связывается съ развитіемъ ихъ родичей асцидій посредствомъ переходной формы, представителемъ которой долженъ быть доліовумъ. Если это такъ, то отъ исторіи развитія доліовума мы должны ожидать весьма плодотворныхъ выводовъ, могущихъ объяснить весь циклъ развитія туникатъ и уклоненіе этого типа отъ коренной формы, общей для туниката и позвоночныхъ. Въ Неаполитанскомъ заливѣ находится много доліовумовъ, и я могу, располагая болѣе или менѣе продолжительнымъ временемъ для изслѣдованія, быть почти обезпеченнымъ въ успѣхѣ моей работы въ этомъ направленіи. Затѣмъ я имѣю въ виду изслѣдовать развитіе членистыхъ червей и главнымъ образомъ способъ расчлененія ихъ тѣла, для того, чтобы рѣшить вопросъ объ отношеніи членистыхъ червей къ позвоночнымъ животнымъ, вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ на зародышахъ морскихъ червей, такъ какъ у нихъ встрѣчается болѣе примитивный типъ развитія, нежели у прѣсноводныхъ и наземныхъ червей. Наконецъ мнѣ бы хотѣлось изслѣдовать образованіе зародышевыхъ листовъ у молюсковъ, для того, чтобы уяснить себѣ отношеніе этого процесса къ таковому же другихъ животныхъ. Выполненіе всѣхъ этихъ задачъ, имѣющихъ какъ чисто коллекторскую, такъ и ученую цѣль, потребуетъ не мало времени, такъ какъ развитіе различныхъ животныхъ сопряжено съ различными временами го-

да, а слѣдовательно, какъ собираніе матеріала, такъ равно и изслѣдованіе надъ развитіемъ, можетъ быть произведено не всегда. По этому я имѣю честь покорнѣйше просить факультетъ исходатайствовать мнѣ командированіе для занятій на Неаполитанской зоологической станціи съ 1 сентября 1880 г. по 1 іюня 1881 г. Я избираю эти мѣсяцы по двоякой причинѣ: 1) потому, что большая часть животныхъ начинаетъ свое развитіе съ конца осени и продолжаетъ его до начала лѣта и 2) главное потому, что Неаполитанская зоологическая станція въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ закрыта; слѣдовательно, если бы я захотѣлъ воспользоваться для занятій только лѣтнимъ вакаціоннымъ временемъ, то пріѣхалъ бы въ Неаполь ко времени закрытія станціи, а долженъ былъ бы уѣхать ко времени ея открытія. Что касается наконецъ вопроса о преподаваніи, то этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно, если факультету угодно будетъ дозволить мнѣ читать по возвращеніи моемъ изъ заграницы часть сравнительной анатоміи и эмбріологіи въ IV курсѣ вмѣсто III-го. Нынѣшній третій курсъ оканчиваетъ въ этомъ году слушаніе сравнительной анатоміи и эмбріологіи. Вмѣстѣ съ нимъ будетъ слушать сравнительную анатомію (органы растительной жизни) и 2 курсъ. Въ случаѣ командированія меня за границу теперешній 2 курсъ будетъ оканчивать занятія по сравнительной анатоміи и эмбріологіи въ 4 курсѣ, а нынѣшній первый курсъ будетъ слушать сравнительную анатомію и эмбріологію въ 3 и 4 курсѣ. Такимъ образомъ вся разница въ преподаваніи будетъ заключаться только въ томъ, что студенты 4 курса въ продолженіи одного года будутъ слушать лишніе 5 часовъ въ недѣлю, что я полагаю нисколько не можетъ вредить ихъ спеціальнымъ занятіямъ, къ какой бы спеціальности они ни принадлежали. Въ заключеніе обращаясь къ факультету съ просьбою исходатайствовать мнѣ командировку за границу на вышеуказанный срокъ, имѣю честь заявить факультету, что я, какъ и въ первую мою командировку 187$^{3}/_{4}$ акад. году, буду считать себя нравственно обязаннымъ представить подробный отчетъ, какъ относительно моихъ спеціальныхъ занятій, такъ и относительно того матеріала, который мнѣ удастся собрать для музея эмбріологіи“. По выслушаніи настоящаго представленія г. ординарнаго профессора В. В. Заленскаго, физико-математическій факультетъ находитъ крайне необходимымъ дать

возможность г. профессору Заленскому продолжать его прежнія работы по эмбріологіи на Неаполитанской зоологической станціи и дать возможность собрать матеріалы для эмбріологическаго музея Казанскаго Университета, а потому физико-математическій факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать предъ Совѣтомъ Университета о командированіи г. профессора Заленскаго за границу съ 1 сентября 1880 года по 1 іюня 1881 года, съ сохраненіемъ содержанія, причемъ факультетъ полагаетъ, что при томъ распредѣленіи преподаванія, которое указываетъ г. профессоръ Заленскій въ своемъ представленіи и которое факультетъ находитъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, не можетъ произойдти никакого пропуска въ объемѣ преподаванія". Опредѣлено: Просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа ходатайствовать предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о командированіи съ ученой цѣлью за границу, срокомъ съ 1 сентября 1880 г. по 1 іюня 1881 г., г. ординарнаго профессора Казанскаго Университета Заленскаго.

Ст. 14. Представленіе физико-математическаго факультета отъ 20 сего сентября за № 69, въ которомъ изложено слѣдующее: „Въ засѣданіи физико-математическаго факультета 15 сего сентября, экстраординарный профессоръ Р. А. Колли сдѣлалъ заявленіе о томъ, что допущенный въ 1878 г. къ исправленію обязанностей хранителя музея физическаго кабинета. студентъ 4 курса математическаго разряда Соловьевъ нынѣ окончилъ курсъ наукъ, и съ 1 сентября прекратилъ производство математическихъ наблюденій, для которыхъ онъ былъ приглашенъ. Для продолженія этихъ наблюденій въ нынѣшнемъ году Р. А. Колли считаетъ необходимымъ пригласить студента 3 курса Вильковисскаго. Согласно этому заявленію г. профессора Колли, физико-математическій факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать предъ Совѣтомъ Университета о допущеніи студента 3 к. математическаго разряда Вильковисскаго къ исправленію вышеозначенной должности съ вознагражденіемъ его по 20 руб. въ мѣсяцъ, начиная съ 1 сентября, изъ суммы, отпускаемой на хранителей музеевъ. Опредѣлено: О допущеніи студента 3 курса математическаго разряда Вильковисскаго къ исправленію обязанностей хранителя музея, съ вознагражденіемъ по 20 руб. сер. въ мѣсяцъ изъ суммы, на этотъ предметъ отпускаемой, начиная съ 1 сентября сего года, представить г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа,

Ст. 15. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣта, согласно опредѣленію предъидущаго, произведено было баллотированіе на оставленіе на службѣ на первое пятилѣтіе, по выслугѣ 25 лѣтняго срока, г. ординарнаго профессора госпитальной клиники Никольскаго. По баллотированію оказалось: избират. 23, неизбират. 15. Опредѣлено: Просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа ходатайствовать предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ оставленіи г. ординарнаго профессора Никольскаго, по выслугѣ 25 лѣтъ ученой службы, на слѣдующее пятилѣтіе. Къ представленію приложить формулярный о службѣ его списокъ и копію съ избирательнаго листа.

Ст. 16. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣта, предъ баллотированіемъ, согласно опредѣленію предъидущаго, на вакантную должность помощника библіотекаря гг. Дормидонтова и Пономарева, г. секретарь Совѣта доложилъ, что на эту должность прислано еще прошеніе изъ Вильны г. Галимскимъ. По выслушаніи сего Совѣтъ опредѣлилъ: внести Галимскаго въ баллотировочный списокъ. По баллотированію оказалось: большее число избирательныхъ балловъ, противъ неизбирательныхъ, именно 29 избират. и 9 неизбир. получилъ кандидатъ юридическихъ наукъ Дормидонтовъ. Опредѣлено: Просить г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа объ опредѣленіи г. кандидата Дормидонтова на вакантную должность помощника библіотекаря, къ представленію приложить документы Дормидонтова и копію съ баллотировочнаго листа.

Ст. 17. Письмо профессора Вестфаля, которымъ проситъ о представленіи ему каѳедры латинской или греческой словесности. Опредѣлено: Настоящее отношеніе г. профессора Вестфаля съ приложеніемъ и книгами передать на заключеніе историко-филологическаго факультета, прося возвратить оныя по минованіи надобности.

Ст. 18. Представленіе юридическаго факультета отъ 21 сентября за № 68 о нижеслѣдующемъ: Доцентъ Н. П. Загоскинъ обратился въ факультетъ съ прошеніемъ о зачисленіи предпринятой имъ осенью 1878 г. поѣздки въ Москву для занятія историко-юридическими изслѣдованіями въ архивѣ Министерства Юстиціи въ командировку съ ученою цѣлію и о показаніи объ этой командировкѣ въ формулярномъ о службѣ его спискѣ. Имѣя въ виду, что г. Загоскинъ представилъ очевидныя доказательства научной цѣли

своей поѣздки въ видѣ отчета о своихъ занятіяхъ и что поѣздка эта была предпринята имъ для собранія матеріаловъ къ продолженію своего труда: „Исторія права Московскаго Государства„, юридическій факультетъ честь имѣетъ просить Совѣтъ Университета ходатайствовать о зачисленіи г. Загоскину означенной выше поѣздки въ Москву въ командировку съ ученою цѣлію и показаніи о томъ въ формулярномъ о службѣ его спискѣ. Опредѣлено: Просить г. Попечителя Каз. Учеб. Округа о зачисленіи г. доц. Загоскину предпринятой имъ въ Москву 1878 г. поѣздки въ командировку съ ученою цѣлію.

Ст. 19. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 18 сентября за № 5549, о нижеслѣдующемъ: Согласно полученному нынѣ увѣдомленію начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія отношеніемъ отъ 8 сего сентября за № 9815 увѣдомилъ меня, что г. Министръ Внутреннихъ дѣлъ освободилъ ординарнаго профессора Казанскаго Университета, дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Шпилевскаго отъ занятій по исправленію должности Казанскаго отдѣльнаго цензора. При слушаніи сего орд. пр. Шпилевскій доложилъ присутствію, что, какъ означено въ полученномъ отъ господина Начальника Губерніи отношенія и мѣсто отдѣльнаго цензора упразднено, вслѣдствіе чего и онъ, г. Шпилевскій освобожденъ отъ исправленія обязанности отдѣльнаго цензора. Опредѣлено: Показать о семъ въ формулярномъ о службѣ проф. Шпилевскаго спискѣ.

Ст. 20. Представленіе медицинскаго факультета отъ 28 августа за № 339 о нижеслѣдующемъ: „Медицинскій факультетъ имѣетъ честь препроводить при семъ на благоусмотрѣніе Совѣта заявленіе г. проф. Глинскаго, по обсужденіи котораго факультетъ въ засѣданіи 30 мая сего года единогласно призналъ необходимымъ удержать существующій порядокъ преподаванія химіи и постановилъ: отклонить просьбу проф. Глинскаго. Такъ какъ профессоръ Глинскій просилъ тѣмъ не менѣе передать его заявленіе въ совѣтъ, то факультетъ опредѣлилъ: препроводить это заявленіе вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ на благоусмотрѣніе Совѣта. При этомъ профессоры Щербаковъ, Гвоздевъ и Арнштейнъ просили занести въ протоколъ слѣдующее: Профессоръ Глинскій отказался въ нынѣшнемъ засѣданіи назначить часы

преподаванія неорганической химіи на слѣдующій академическій годъ; тѣмъ самымъ, по нашему мнѣнію, онъ отказывается отъ исполненія своихъ обязанностей. Поэтому факультету самому придется назначать часы въ росписаніи. На основаніи этого заявленія факультетъ постановилъ: оставить на будущій акад. годъ прежніе часы преподаванія неорганической химіи. Въ заявленіи г. проф. Глинскаго изложено слѣдующее: „Еще въ 1872 г.. въ виду нѣкоторыхъ неудобствъ, представляемыхъ существующимъ распредѣленіемъ преподаванія органической и аналитической химіи студентамъ медикамъ, г. э. о. профессоръ Арс. Як. Щербаковъ обратился въ медицинскій факультетъ съ предложеніемъ о томъ—не будетъ ли признано возможнымъ имѣть на медицинскомъ факультетѣ отдѣльнаго преподавателя общей и аналитической химіи. Затѣмъ въ 1875 г. гг. орд. пр. Е. В. Адамюкъ и э. о. пр. А. Я. Щербаковъ рекомендовали медицинскому факультету для замѣщенія доцентуры общей и аналитической химіи магистра химіи Ф. М. Флавицкаго. Въ засѣданіяхъ медицинскаго факультета 24 марта 1875 г. и Совѣта Университета 30 апрѣля того же года магистръ химіи Ф. М. Флавицкій избранъ въ доценты по названной каѳедрѣ. Приказомъ г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 7 сентября Ф. М. Флавицкій утвержденъ въ этой должности. Такимъ образомъ, еще сначала $187^5/_6$ уч. года медицинскій факультетъ имѣетъ отдѣльнаго преподавателя химіи, а между тѣмъ до настоящаго времени студенты медики вмѣстѣ со студентами Ветеринарнаго Института и фармацевтами слушаютъ у меня курсъ неорганической химіи, назначенный собственно для студентовъ физикоматематическаго факультета. Принимая во вниманіе, 1) что въ настоящее время, въ виду устройства особаго отдѣленія лабораторіи по неорганической химіи, значительно расширился и будетъ далѣе расширяться кругъ моихъ практическихъ занятій со студентами физико-математическаго факультета, 2) что чрезмѣрное переполненіе слушетелями аудиторій во время моихъ лекцій оказывается чрезвычайно стѣснительнымъ и представляетъ большія затрудненія, какъ для преподавателя, такъ и для слушателей экспериментальнаго курса и, наконецъ, 3) принимая въ соображеніе разнородность слушателей (пять различныхъ курсовъ), посѣщающихъ мои лекціи, я имѣю честь обратиться

въ медицинскій факультетъ съ покорнѣйшею просьбою освободить меня сначала будущаго академическаго года отъ преподаванія химіи студентамъ медикамъ. Такое измѣненіе представляется еще выгоднымъ въ томъ отношеніи, что контроль надъ занятіями студентовъ медицинскаго факультета по неорганической химіи можетъ быть поставленъ болѣе удовлетворительно; въ настоящее же время, въ виду того обстоятельства, что я не имѣю никакого отношенія къ ихъ практическимъ занятіямъ по химіи, контроль этотъ ограничивается только однимъ экзаменомъ въ концѣ года, что, конечно, представляетъ весьма мало гарантіи за безошибочность моихъ сужденій объ успѣхахъ студентовъ медиковъ по неорганической химіи". Такъ какъ по выслушаніи сего послѣдовали пренія, то г. Ректоръ, по сущности оныхъ, собралъ голоса по вопросу: согласиться ли съ донесеніемъ факультета или нѣтъ. По голосованію оказалось: согласиться 27, нѣтъ 2. Причемъ изъ подавшихъ отрицательный голосъ г. Э. П. Глинскій заявилъ, что по дѣлу сему онъ подастъ отдѣльное мнѣніе. Опредѣлено: Оставить существующій порядокъ въ распредѣленіи преподаванія химіи, о чемъ увѣдомить медицинскій факультетъ и г. э. о. пр. Глинскаго.

Ст. 21. Представленіе юридическаго факультета отъ 21 сентября № 67 о нижеслѣдующемъ. По поводу сообщеннаго выпискою изъ протокола засѣданія Совѣта Университета 31 мая предложенія Совѣта доставить заключеніе относительно проэкта духовнаго завѣщанія коллежскаго совѣтника Гладышева, юридическій факультетъ честь имѣетъ донести, что, по его мнѣнію, съ юридической точки зрѣнія, не встрѣчается никакихъ препятствій къ тому, чтобы Университетъ въ качествѣ наслѣдника г. Гладышева принялъ на себя выполненіе его духовнаго завѣщанія относительно выдачи процентовъ съ завѣщаннаго Университету капитала родственникамъ завѣщателя, пока они находятся въ живыхъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ Университетъ является не душеприкащикомъ завѣщателя, а только его наслѣдникомъ, обязаннымъ по завѣщанію извѣстными выдачами въ пользу другихъ лицъ. Опредѣлено: Донести г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа, что Совѣтъ Университета, раздѣляя настоящее мнѣніе юридическаго факультета, находитъ возможнымъ, въ качествѣ одного изъ

наслѣдниковъ, принять на себя выполненіе условій, означенныхъ въ проэктѣ духовнаго завѣщанія г. Гладышева. При семъ возвратить письмо и проэктъ духовнаго завѣщанія г. Гладышева, представленные имъ г. Попечителю, списавъ съ нихъ къ дѣлу копіи.

Ст. 22. Переданное г. Ректоромъ въ Совѣтъ Университета представленіе Декана медицинскаго факультета отъ 20 сего сентября за № 382, при которомъ представилъ вѣдомость о курсовомъ испытаніи постороннихъ слушателей I курса медицинскаго факультета, при чемъ разсматривалась и самая вѣдомость. Опредѣлено: Постороннихъ слушателей Троицкаго Николая, Соколова Павла, Аврова Ивана, Дроздова Николая, Несмѣлова Константина, Меньшикова Алексѣя и Соколова Николая перевести во II курсъ, если удовлетворятъ требованіямъ для зачисленія въ студенты и если Совѣтъ освободитъ послѣднихъ двоихъ отъ экзамена по предметамъ, сданнымъ ими въ Ветеринарномъ Институтѣ, о чемъ увѣдомить Правленіе, г. Проректора Университета и медицинскій факультетъ и донести г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа.

Ст. 23. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 5 сентября за № 5233 о нижеслѣдующемъ: Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія получены свѣдѣнія, что студенты, выбывающіе изъ Университета по собственному желанію или по опредѣленіямъ Совѣта, или Правленія, весьма часто уклоняются отъ полученія увольнительнаго изъ Университета свидѣтельства и оставляютъ всѣ свои документы въ Университетѣ на довольно продолжительное время, между тѣмъ, какъ самое мѣсто жительство ихъ Университету неизвѣстно. При такомъ положеніи дѣла, независимо отъ другихъ неудобствъ, Университетское Правленіе лишено возможности производить взысканіе недоимокъ за утерянныя казенныя книги, плату невнесенную за слушаніе лекцій, излишне выданныя стипендіи и т. п. Въ Дерптскомъ Университетѣ практикуется такъ, что, по увольненіи студента изъ Университета по какой бы то нибыло причинѣ, документы его тотчасъ же отсылаются въ управу Благочинія. Примѣненіе существующаго нынѣ въ Дерптскомъ Университетѣ порядка передачи такимъ вышедшимъ изъ Университета студентамъ документовъ чрезъ полицію къ другимъ Университетамъ Имперіи безъ сомнѣнія значитель-

но облегчило бы канцеляріи проректоровъ и Правленій Университетовъ, предотвративши нерѣдкія въ послѣднее время жалобы уволенныхъ студентовъ на невыдачу имъ вида для жительства Правленіемъ. Взысканіе же недоимокъ, въ такомъ случаѣ, могло бы быть возложено на полицію. Сверхъ сего Министерству сдѣлалось извѣстнымъ, что студенты, уволенные за невзносъ платы изъ одного Университета, причемъ они на основаніи Университетскаго Устава не иначе могли бы быть принимаемы въ Университетъ, какъ по уплатѣ числящейся на нихъ недоимки,—иногда переходятъ немедленно въ другой Университетъ, причемъ указанныя недоимки съ нихъ не взыскиваются. Такой порядокъ противорѣчитъ смыслу выше приведеннаго требованія устава и не выгодно отзывается на состояніи специальныхъ средствъ Университета, такъ что въ нѣкоторыхъ Университетахъ сумма невзысканной съ уволенныхъ студентовъ платы за слушаніе лекцій весьма значительна, а попытки Университетскаго начальства взыскать эту недоимку остаются всегда безплодными. Для предотвращенія такого ненормальнаго явленія казалось бы желательнымъ установить, чтобы уволенные за невзносъ платы въ одномъ Университетѣ не иначе были принимаемы въ студенты другаго, какъ по внесеніи вполнѣ недоимки въ тотъ Университетъ, изъ коего они уволены и, если сдѣлано будетъ общее указанное выше распоряженіе, чтобы документы всѣхъ увольняемыхъ изъ Университетовъ студентовъ, вмѣстѣ съ увольнительными свидѣтельствами, немедленно пересылались въ мѣстныя полиціи, то на послѣднія могла бы быть также возложена обязанность взыскивать университетскія недоимки и до внесенія оныхъ не выдавать документовъ уволеннымъ студентамъ. Вслѣдствіе предложенія господина Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 24 минувшаго августа за № 9261, сообщая о вышеизложенномъ Совѣту Императорскаго Казанскаго Университета, покорнѣйше прошу увѣдомить меня: какой порядокъ въ этомъ отношеніи соблюдается нынѣ въ Казанскомъ Университетѣ, и признаетъ ли Совѣтъ Университета удобнымъ принять предлагаемыя выше измѣненія. При слушаніи сего доложено, что о содержаніи настоящаго предложенія г. Ректоръ Университета увѣдомилъ 15 сентября за № 1063 Правленіе Университета. Опредѣлено: Записать о семъ въ протоколъ.

Ст. 24. Предложеніе г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 19 сентября за № 5565 о нижеслѣдующемъ: „Начальникъ Императорской Медико-Хирургической Академіи, отъ 17 истекшаго августа, сообщилъ Департаменту Народнаго Просвѣщенія, что Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству о чинахъ гражданскихъ отъ 29 іюня за № 31 экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ Пашутинъ переведенъ въ упомянутую Академію ординарнымъ профессоромъ". Опредѣлено: Показать о семъ въ формулярномъ о службѣ г. Пашутина спискѣ.

Ст. 25. Представленіе физико-математическаго факультета отъ 19 сентября за № 62 о нижеслѣдующемъ: „Г. ординарный профессоръ В. В. Заленскій представленіемъ отъ 7 сентября проситъ ходатайства физико-математическаго факультета предъ Совѣтомъ Университета о замѣщеніи вакантнаго мѣста помощника прозектора при зоотомическомъ музеѣ магистромъ ветеринарныхъ наукъ г. Гольцманомъ, каковую должность исправляетъ нынѣ студентъ С. М. Чугуновъ, который и будетъ исправлять таковую до 1 октября настоящаго года. Физико-математическій факультетъ, представляя объ этомъ въ Совѣтъ Университета, имѣетъ честь покорнѣйше просить объ избраніи на должность помощника прозектора при зоотомическомъ музеѣ съ 1 будущаго октября магистра ветеринарныхъ наукъ г. Гольцмана съ положеннымъ по этой должности жалованьемъ и, въ случаѣ избранія его, ходатайствовать предъ г. Попечителемъ Округа объ утвержденіи его въ этой должности съ 1 будущаго октября, т. е. со дня прекращенія занятій при музеѣ студентомъ С. М. Чугуновымъ. Опредѣлено: Въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта баллотировать г. магистра ветеринарныхъ наукъ Гольцмана на должность помощника прозектора.

Ст. 26. Представленіе юридическаго факультета отъ 12 сентября за № 65 о нижеслѣдующемъ: Представляя при этомъ диссертацію подъ заглавіемъ „Посошковъ, какъ полицеистъ", принадлежащую окончившему съ правомъ на степень кандидата студенту разряда государственныхъ наукъ Николаю Будаковичу, одобренную факультетомъ, согласно съ отзывомъ г. ординарнаго профессора Степанова и удовлетворительно защищенную авторомъ, юридическій факультетъ

честь имѣетъ просить Совѣтъ Университета объ утвержденіи г. Будаковича въ степени кандидата государственныхъ наукъ. Опредѣлено: Будаковича Николая утвердить въ степени кандидата государственныхъ наукъ.

Ст. 27 Представленіе юридическаго факультета отъ 12 сентября за № 66 о нижеслѣдующемъ: Представляя при этомъ диссертацію подъ заглавіемъ: „О соучастіи въ преступномъ дѣйствіи“, принадлежащую студенту IV к. разряда юридическихъ наукъ Ивану Лавровскому, окончившему испытаніе съ правомъ на степень кондидата, одобренную факультетомъ, согласно съ отзывомъ г. приватъ-доцента Виноградскаго и удовлетворительно защищенную авторомъ, юридическій факультетъ честь имѣетъ просить Совѣтъ Университета объ утвержденіи г. Лавровскаго въ степени кандидата юридическихъ наукъ. Опредѣлено: Лавровскаго Ивана утвердить въ степени кандидата юридическихъ наукъ.

Ст. 28. Представленіе медицинскаго факультета отъ 16 сентября за № 377 о нижеслѣдующемъ: Г. сверхштатный помощникъ прозектора при каѳедрѣ патологической анатоміи Казанскаго Университета, лѣкарь Н. М. Любимовъ, по сдачѣ имъ экзаменовъ и по защищеніи съ успѣхомъ написанной имъ диссертаціи подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о развитіи гигантскихъ клѣтокъ при туберкулезѣ“, признанъ 16 сентября медицинскимъ факультетомъ докторомъ медицины; о чемъ факультетъ и имѣетъ честь представить въ Совѣтъ Университета и просить о выдачѣ г. Любимову на пріобрѣтенную имъ степень свидѣтельства. При семъ прилагается 100 экз. диссертаціи г. Любимова. Опредѣлено: Утвердить г. лѣкаря Любимова въ степени доктора медицины, въ чемъ и выдать ему свидѣтельство.

Ст. 29. Отношеніе главнаго врача Казанскаго Военнаго Госпиталя отъ 17 сентября за № 1539 о нижеслѣдующемъ: Казанское Окружное Военно-медицинское Управленіе отъ 30 минувшаго августа за № 2778 дало мнѣ знать, что 11 того августа Высочайше разрѣшено зачислить экстраординарнаго профессa онаго Университета, по кафедрѣ теоретической хирургіи, доктора медицины, коллежскаго совѣтника Левшина по военно-медицинскому вѣдомству, съ прикомандированіемъ къ Казанскому Военному госпиталю, безъ содержанія отъ военнаго вѣдомства, съ оставленіемъ въ занимаемой должности, о чемъ тогда же сообщено Главному [illegible]

Штабу для внесеніе въ проэктъ Высочайшаго приказа о гражданскихъ чинахъ военнаго вѣдомства. Сообщая объ этомъ, имѣю честь просить распоряженія о высылкѣ полнаго послужнаго списка о службѣ г. Левшина. Опредѣлено: О содержаніи настоящаго отношенія показать въ формулярномъ г. Э. П. Левшина спискѣ, каковой препроводить къ главному врачу Казанск. Военнаго Госпиталя.

Ст. 30. Переданную г. Ректоромъ Университета докладную записку г. Почетнаго члена Казанскаго Университета Мѣшкова о нижеслѣдующемъ: По благосклонному вниманію Совѣта Казанскаго Университета къ сдѣланнымъ мною для библіотеки онаго приношеніямъ, которыя Совѣтъ въ полученномъ мною дипломѣ на званіе почетнаго члена назвалъ „весьма значительными", г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа въ августѣ 1870 г. представилъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія объ исходатайствованіи мнѣ Всемилостивѣйшей награды. Представленіе это осталось безъ послѣдствій по неправильности оцѣнки моихъ приношеній; онѣ оцѣнены были только въ 1000 р. тогда какъ самому мнѣ стоили около 3500 р. г. Попечитель, передавши мнѣ отказъ г. Министра, присовокупилъ что отказъ этотъ не отнимаетъ однакоже надежды на полученіе награды, въ случаѣ новыхъ съ моей стороны приношеній. Со времени упомянутаго, сдѣланнаго обо мнѣ представленія, я сдѣлалъ новыя для Университетской библіотеки приношенія, какъ Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть изъ общаго списка представленнаго Вамъ при докладной запискѣ моей 13 марта текущаго года. Хотя приношенія эти и не столько многочисленны, какъ прежнія; но въ замѣнъ того имѣю честь представить на благосклонное вниманіе Ваше, что независимо отъ нихъ я сдѣлалъ многія пожертвованія для другихъ завѣденій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вотъ ихъ изчисленіе: 1) Въ 1870 г. я предпринялъ переводъ съ французскаго языка на Россійскій такихъ сочиненій, которыя ни кѣмъ переведены не были, именно съ тою цѣлію, чтобы потомъ переводы эти поднести Императорской С-Петерб. Публичной библіотекѣ. Переводы эти, составивши 12 томовъ, въ листъ переписаны мною собственноручно набѣло и препровождены по назначенію 19 декабря 1875 г. и 19 сентября 1878 г. 2) При первомъ изъ этихъ случаевъ я отправилъ туда же „свою автобіографію" и составленныя мною записки о

г. Пензѣ два тома въ листъ же. 3) Изъ числа своихъ трудовъ, четыре тома, 21 октября 1876 г. препроводилъ въ Румянцевскій музей, въ Москву. О полученіи всѣхъ этихъ рукописей я имѣю увѣдомленіе какъ отъ библіотеки, такъ и отъ музея. 4) Въ 1863, для библіотеки бывшаго Пензенскаго дворянскаго института, я пожертвовалъ больше 300 томовъ книгъ, за что объявлена мнѣ признательность Пензенскаго дворянства и г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа. 5) Въ 1864, 1865, 1866 и 1867 сдѣланы мною приношенія для библіотеки Пензенской гимназіи, около 300 томовъ, за что неоднократно объявлено была мнѣ признательность г. Попечителя Округа съ опубликованіемъ оной въ Пензенскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. 6) Въ 1860 г. для Казанской Публичной библіотеки; пожертвовалъ 266 т. 7) Въ 1871 г. для библіотеки Императорской 1 Казанской Гимназіи пожертвовалъ 9 томовъ. 8) Въ 1877 г. для библіотеки Казанскаго реальнаго училища 6 т. книгъ, 4 рукописи, коллекцію остатковъ, портретовъ, картъ и плановъ. Всѣ пожертвованныя книги, около 1000 томовъ, стоили мнѣ по самой умѣренной оцѣнкѣ, до 1000 р., что же касается до собственныхъ семилѣтнихъ трудовъ моихъ въ отношеніи переводовъ и переписки ихъ на бѣло: въ оцѣнку ихъ входить я пе смѣю. Всѣхъ, сдѣланныхъ мною въ 1870 г. приношеній не было и нѣтъ въ виду Министра Народнаго Просвѣщенія; нѣтъ въ виду онаго и прочихъ поименованныхъ выше пожертвованій моихъ. Я далекъ отъ мысли, что онѣ на полученіе награды даютъ мнѣ право; но, удостоенный уже разъ представленія, полагаю, что въ случаѣ ежели бы приношенія эти и семилѣтніе труды по переводамъ въ совокупности съ тѣми предметами, которыя я имѣлъ честь представить для Университетской библіотеки были доведены до свѣдѣнія высшаго начальства, то можно было бы питать надежду что Министерство благоволило бы обратить на нихъ благосклонное вниманіе. Объ этомъ, можетъ быть и ошибочномъ убѣжденіи моемъ, я осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства. При докладной запискѣ своей г. Мѣшковъ представилъ 1) копію съ аттестата о службѣ своей явленную у исправ. долж. Нотаріуса Арцыбышева, г. Дитятева за № 3920 2) копію съ протокола о дворянствѣ за № 390 и 3) копію съ указа Правит. Сената о дворянствѣ за № 391. Опредѣлено: Увѣдо-

мить г. стат. сов. Мѣшкова, что Совѣтъ Казанскаго Университета съ полною признательностію относился и относится къ сдѣланнымъ имъ Университету пожертвованіямъ, каковую признательность выразилъ избраніемъ его въ почетные члены Университета и въ 1870 г. ходатайствовалъ о дарованіи ему Мѣшкову почетной награды. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, все, возможное съ своей стороны, Совѣтъ Университета не находитъ удобнымъ вновь испрашивать вознагражденіе за его пожертвованіе, собственно Университету принесенныя. Что же касается до пожертвованій, сдѣланныхъ г. Мѣшковымъ другимъ учрежденіямъ, то Совѣтъ не находитъ возможнымъ входить въ разсмотрѣніе дѣлъ и обстоятельствъ, не касающихся непосредственно до Университета. При семъ возвратить г. Мѣшкову представленные имъ документы.

СПИСОКЪ

ПОЧЕТНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

СО ВРЕМЕНИ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЕГО.

1. Членъ-корреспондетъ Казанскаго университета Ишанъ Сахибъ-Заде Наибъ-уль-Ашрафъ Хаджи *Мухаммедъ Халилъ* бенъ Гофранъ Алла, съ 30 іюля 1842 г.

2. Членъ Французской Академіи Надписей, оріенталистъ Гарсенъ *Де-Тасси*, съ 8 января 1848 г.

3. Предсѣдатель Ученаго Комитета Морскаго Министерства, Вице-Президентъ Русскаго Географическаго Общества, Генералъ-Адъютантъ, Вице-Адмиралъ Ѳеодоръ Петровичъ *Литке*, съ 10 марта 1849 г.

4. Заслуженный профессоръ Московскаго Университета, Статскій Совѣтникъ Дмитрій Матвѣевичъ *Перевощиковъ*, съ 10 марта 1849 г.

5. Членъ медицинскаго совѣта, ординарный профессоръ и Академикъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Ивановичъ *Пироговъ*, съ 15 декабря 1854 г.

6. Ординарный профессоръ Московскаго Университета, Статскій Совѣтникъ Григорій Ефимовичъ *Щуровскій*, съ 15 декабря 1854 г.

7. Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, съ 26 сентября 1858 г.

8. Его Императорское Высочество, Генералъ-Адмиралъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, съ 1 октября 1858 г.

9. Членъ медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Степанъ Яковлевичъ *Нечаевъ*, съ 28 августа 1858 г.

10. Вице-директоръ Медицинскаго Департамента Военнаго Министерства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Илларіоновичъ *Козловъ*, съ 28 августа 1858 г.

11. Берлинскій профессоръ *К. Б. Рейхертъ*, съ 21 іюля 1859 г.

12. Директоръ Гринвической обсерваторіи, *Эри*, съ 16 марта 1860 г.

13. Директоръ Зеебергской обсерваторіи *Ганзенъ*, съ 16 марта 1860 г.

14. Директоръ Альтонской обсерваторіи *Петеръ*, съ 16 марта 1860 г.

15. Членъ Парижской академіи наукъ *Флурансъ*, съ 8 іюня 1860 г.

16. Профессоръ въ Боннѣ *Аргеландеръ*, съ 8 іюня 1860 г.

17. Профессоръ въ Берлинѣ *Дюбуа-Реймонъ*, съ 8 іюня 1860 г.

18. Профессоръ въ Лейпцигѣ Вильгельмъ *Рошеръ*, съ 8 іюня 1860 г.

19. Ординарный профессоръ Дерптскаго университета *Биддеръ*, съ 8 іюля 1860 г.

20. Членъ Парижской Академіи Наукъ Эмиль *Бланшаръ*, съ 17 іюля 1862 г.

21. Профессоръ Варшавской Духовной Академіи Вячеславъ Александровичъ *Маціевскій*, съ 17 іюля 1862 г.

22. Профессоръ въ Тюбингенѣ Робертъ *фонъ-Моль*, съ 17 іюля 1862 г.

23. Профессоръ въ Віурцбургѣ *Келликеръ*, съ 17 іюля 1862 г.

24. Профессоръ въ Вѣнѣ *Людвигъ*, съ 17 іюля 1862 г.

25. Профессоръ въ Вѣнѣ *Брюке*, съ 17 іюля 1862 г.

26. Профессоръ въ Берлинѣ *Вирховъ*, съ 17 іюля 1862 г.

27. Профессоръ въ Гейдельбергѣ *Рау*, съ 17 іюля 1862 г.

28. Профессоръ въ Лондонѣ, членъ Royal College of chemistry *Гофманъ*, съ 17 іюля 1862 г.

29. Заслуженный профессоръ Казанскаго Университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Францъ Осиповичъ *Елачичъ*, съ 28 января 1864 г.

30. Профессоръ въ Марбургѣ Германъ *Кольбе*, съ 1-го марта 1865 г.

31. Ординарный профессоръ Гиссенскаго университета *Игерингъ*, съ 25 апрѣля 1865 г.

32. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Александровичъ, при посѣщеніи въ 1866 году Его Высочествомъ Казанскаго Университета.

33. Его Сіятельство Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, Гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, Сенаторъ, Графъ Дмитрій Андреевичъ *Толстой*, съ 9 сентября 1866 г.

34. Его Императорское Высочество Государь, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, при посѣщеніи Его Высочествомъ Казанскаго университета въ 1866 г.

35. Статскій Совѣтникъ Григорій Ивановичъ *Мѣшковъ*, съ 1 сентября 1867 г.

36. Профессоръ математики *Гуель* въ Бордо, съ 22 марта 1868 г.

37. Его Императорское Высочество, Государь, Великій Князь Алексій Александровичъ, при посѣщеніи Его Высочествомъ въ 1868 г. Казанскаго университета.

38. Ординарный профессоръ С. Петербургскаго Университета, Академикъ Александръ Михайловичъ *Бутлеровъ*, съ 22 февраля 1869 г.

39. Его Императорское Высочество Князь Николай Максимиліановичъ *Романовскій*, Герцогъ Лейхтенбергскій, съ 22 февраля 1869 г.

40. Академикъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ Николай *Кокшаровъ*, съ 27 мая 1869 г.

41. Сенаторъ, членъ Археографической Коммиссіи, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, Тайный Совѣтникъ Николай Васильевичъ *Калачовъ*, съ 21 октября 1872 г.

42. Членъ Государственнаго Совѣта, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ Константинъ Петровичъ *Побѣдоносцевъ*, съ 21 октября 1872 г.

43. Профессоръ Берлинскаго университета, докторъ Теодоръ *Моммсенъ*, съ 21 октября 1872 г.

44. Профессоръ Гейдельбергскаго университета, докторъ Бернардъ *Виндшейдъ*, съ 21 октября 1872 г.

45. Почетный лейбъ-медикъ, ординарный профессоръ С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи, докторъ медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Сергѣй Петровичъ *Боткинъ*, съ 24 февраля 1873 г.

46. Берлинскій профессоръ Рудольфъ *Гнейстъ*, съ 27 мая 1874 г.

47. Вѣнскій профессоръ Лоренцъ *Штейнъ*, съ 27 мая 1874 г.

48. Заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго Университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Антонъ Григорьевичъ *Станиславскій*, съ 30 мая 1874 г.

49. Высокопреосвященнѣйшій Макарій. Архіепископъ Литовскій и Виленскій, Свято-Духова Виленскаго монастыря священно-архимандритъ, присутствующій членъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода, докторъ Богословія, съ 5 октября 1874 г.

50. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа, Тайный Совѣтникъ Петръ Димитріевичъ *Шестаковъ*, съ 1 февраля 1875 г.

51. Голландскій ученый профессоръ Корнелій Фердинандъ *Дондерсъ*, съ 22 марта 1875 г.

52. Заслуженный ординарный профессоръ, докторъ медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Андреевичъ *Бунге*, съ 22 ноября 1875 г.

53. Горный Инженеръ, Генеръ-Лейтенантъ, Академикъ Григорій Петровичъ *ельмерсенъ*, съ 3 марта 1878 г.

54. Профессоръ Мюнхенскаго университета *Зибольдъ*, съ 1 апрѣля 1878 г.

55. Профессоръ Льежскаго университета *Шваннъ*, съ 29 апрѣля 1878 г.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
въ январѣ 1879 года.

1) *Ректоръ*, Заслуженный Ординарный Профессоръ по кафедрѣ *Финансоваго права*, докторъ политическихъ наукъ, *Тайный Совѣтникъ* Евграфъ Григорьевичъ *Осокинъ*.

2) *Проректоръ*, Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ *Ботаники*, докторъ ботаники, Д. С. С. Николай Ѳеодоровичъ *Леваковскій*.

Деканы факультетовъ:

3) *Историко-филологическаго*, Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ *Русской Исторіи*, докторъ русской исторіи, Д. С. С. Николай Алексѣвичъ *Ѳирсовъ*.

4) *Физико-математическаго*, Заслуженный Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ *Астрономіи*, докторъ математики и астрономіи, *Тайный Совѣтникъ* Маріанъ Альбертовичъ *Ковальскій*.

5) *Юридическаго*, Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ *Римскаго права*, докторъ гражданскаго права, Д. С. С. Николай Александровичъ *Кремлевъ*. (Онъ же инспекторъ Родіоновскаго Института благородныхъ дѣвицъ).

6) *Медицинскаго*, Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ *Физіологіи*, докторъ медицины, Д. С. С. Николай Осиповичъ *Ковалевскій*.

Профессоръ Православнаго Богословія:

7) Магистръ богословскихъ и философскихъ наукъ, протоіерей, Михаилъ Михаиловичъ *Зефировъ*. (Онъ же Настоятель Университетской церкви).

Заслуженные ординарные профессоры:

8) По каѳедрѣ *Русскаго языка и Русской литературы,* докторъ славяно-русской филологіи, *Тайный Совѣтникъ* Николай Никитичъ *Буличъ.*

9) По каѳедрѣ *Хирургической Факультетской Клиники,* докторъ медицины и хирургіи, Д. С. С. Андрей Николаевичъ *Бекетовъ,*

Ординарные профессоры:

10) По каѳедрѣ *Технологіи,* магистръ технологіи, *Тайный Совѣтникъ* Андрей Кириловичъ *Чугуновъ.*

11) По каѳедрѣ *Чистой Математики,* докторъ чистой математики, Д. С. С. Эрастъ Петровичъ Янишевскій. (Онъ же городской голова г. Казани).

12) По каѳедрѣ *Терапевтической Факультетской Клиники,* докторъ медицины Д. С. С. Николай Андреевичъ *Виноградовъ.*

13) По каѳедрѣ *Патологической Анатоміи,* докторъ медицины, Д. С. С. Александръ Васильевичъ *Петровъ.*

14) По каѳедрѣ *Терапевтической Госпитальной Клиники,* докторъ медицины, Д. С. С. Михаилъ Ѳедоровичъ *Субботинъ.*

15) По каѳедрѣ *Церковной Исторіи,* магистръ богословскихъ наукъ, Д. С. С. Иванъ Михайловичъ *Добротворскій.* (Секретарь историко-филологическаго факультета).

16) По каѳедрѣ *Минералогіи,* докторъ минералогіи, Д. С. С. Фридрихъ Фридриховичъ *баронъ Розенъ.*

17) По каѳедрѣ *Хирургической Госпитальной Клиники,* докторъ медицины, Д. С. С. Михаилъ Васильевичъ *Никольскій.*

18) По каѳедрѣ *Исторіи Русскаго Права,* докторъ государственнаго права, Д. С. С. Сергѣй Михайловичъ *Шпилевскій.*

19) По каѳедрѣ *Полицейскаго Права*, докторъ полицейскаго права Д. С. С. Яковъ Спиридоновичъ *Степановъ*.

20) По каѳедрѣ *Судебной Медицины*, докторъ медицины. Д. С. С. Иванъ Михаиловичъ *Гвоздевъ*.

21) По каѳедрѣ *Химіи*, докторъ химіи, Д. С. С. Александръ Михаиловичъ *Зайцевъ*.

22) По каѳедрѣ *Фармакологіи*, докторъ медицины, Д. С. С. Иванъ Михаиловичъ *Догель*.

23) По каѳедрѣ *Психіартіи*, докторъ медицины, Д. С. С. Александръ Юстиновичъ *Фрезе* (сверхштатный). (Онъ же директоръ Окружной лечебницы для умалишенныхъ во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ).

24) По каѳедрѣ *Всеобщей Исторіи*, докторъ всеобщей исторіи, Д. С. С. Николай Алексѣевичъ *Осокинъ*.

25) По каѳедрѣ *Офталмологіи*, докторъ медицины, Д. С. С. Емельянъ Валентіевичъ *Адамюкъ*.

26) По каѳедрѣ *Зоологіи*, докторъ зоологіи, Д. С. С. Николай Михайловичъ *Мельниковъ*.

27) По каѳедрѣ *Зоологіи*, докторъ зоологіи, Д. С. С. Владиміръ Владиміровичъ *Заленскій*.

28) По каѳедрѣ *Гражданскаго права и Гражданскаго удоустройства и Судопроизводства*, докторъ гражданскаго права, Д. С. С. Адольфъ Михайловичъ *Осиповъ*.

29) По каѳедрѣ *Государственнаго права*, докторъ государственнаго права, Д. С. С. Николай Константиновичъ *Нелидовъ*. (Секретарь юридическаго факультета).

30) По каѳедрѣ *Славянской филологіи*, докторъ славянской филологіи, С. С. Мемнонъ Петровичъ *Петровскій*.

31) По каѳедрѣ *Гистологіи*, докторъ медицины, С. С. Карлъ Августовичъ *Арнштейнъ*.

32) По каѳедрѣ *Физіологической Анатоміи*, докторъ медицины, С. С. Дмитрій Сергѣевичъ *Ермолаевъ*.

33) По каѳедрѣ *Геологіи и Палеонтологіи*, докторъ минералогіи и геологіи, С. С. Александръ Антоновичъ *Штукенбергъ*.

34) По каѳедрѣ *Сравнительной граматики Индо-Европейскихъ языковъ*, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія Иванъ Александровичъ *Бодуэнъ-де-Куртенэ.*

35) По каѳедрѣ *Частной Патологіи и Терапіи*, докторъ медицины, Д. С. С. Иванъ Ивановичъ *Зедерштедтъ.* (Сверхштатный).

36) По каѳедрѣ *Акушерства и женскихъ болѣзней*, докторъ медицины, Д. С. С. Василій Марковичъ *Флоринскій.*

37) По каѳедрѣ *Греческой словесности*, докторъ греческой словесности, Н. С. Дмитрій Ѳедоровичъ *Бѣляевъ.*

Экстраординарные профессоры:

38) По каѳедрѣ *Физіологической химіи*, докторъ медицины, С. С. Арсеній Яковлевичъ *Щербаковъ.* (Секретарь медицинскаго факультета).

39) По каѳедрѣ *Теоретической Хирургіи*, докторъ медицины К. С. Левъ Львовичъ *Левшинъ.*

40) По каѳедрѣ *Ботаники*, докторъ ботаники, К. С. Николай Васильевичъ *Сорокинъ.*

41) По каѳедрѣ *Физіологіи*, докторъ медицины, К. С. Константинъ Васильевичъ *Ворошиловъ.* (Секретарь физико-математическаго факультета).

42) По каѳедрѣ *Химіи*, докторъ химіи, К. С. Григорій Николаевичъ *Глинскій.*

43) По каѳедрѣ *Физики*, докторъ физики, Н. С. Робертъ Андреевичъ *Колли.*

44) По каѳедрѣ *Исторіи Русскаго Права*, докторъ государственнаго права, Николай Павловичъ *Загоскинъ.*

Доценты:

45) По каѳедрѣ *Фармаціи*, магистръ фармаціи, С. С. Робертъ Андреевичъ *Лангель.*

46) При каѳедрѣ *Чистой Математики*, магистръ чистой математики, К. С. Ѳедоръ Матвѣевичъ *Суворовъ.*

47) При каѳедрѣ *Русской Исторіи*, магистръ русской исторіи, С. С. Дмитрій Александровичъ *Корсаковъ.*

48) По каѳедрѣ *Частной Патологіи и Терапіи* докторъ медицины, К. С. Михаилъ Аристарховичъ *Хомяковъ.*

49) По доцентурѣ *Энциклопедіи и Исторіи Медицины, съ порученіемъ преподавать Ляринтоскопію,* докторъ медицины, К. С. Матвѣй Флоровичъ *Болдыревъ.*

50) По доцентурѣ *Оперативной Хирургіи,* докторъ медицины К. С. Николай Ивановичъ *Боголюбовъ.*

51) По доцентурѣ *Сифилидологіи и Дерматологіи,* докторъ медицины Александръ Генриховичъ *Ге.*

52) По каѳедрѣ *Философіи,* магистръ философіи К. С. Аполлонъ Ивановичъ *Смирновъ.*

53) По доцентурѣ *Отіатріи,* докторъ медицины, Н. С. Николай Ѳедоровичъ *Высоцкій.*

54) По каѳедрѣ *Международнаго права,* магистръ международнаго права, К. С. Николай Павловичъ *Ивановъ.*

55) По каѳедрѣ *Гигіены,* докторъ медицины, Н. С. Иринархъ Полихроніевичъ *Скворцовъ.* (Онъ же и. д. старшаго врача Казанской Земской больницы).

56) По доцентурѣ *Дѣтскихъ болѣзней,* докторъ медицины, Н. С. Николай Александровичъ *Толмачевъ.*

57) По доцентурѣ *Общей и аналитической химіи,* магистръ химіи, Н. С. Флавіанъ Михайловичъ *Флавицкій.*

58) По доцентурѣ *Десмургіи и Ортопедіи,* докторъ медицины, Н. С. Николай Ивановичъ *Студенскій.*

59) По каѳедрѣ *Прикладной математики,* магистръ прикладной математики Ипполитъ Степановичъ *Громека.*

Приватъ-доценты:

60) *Латинскаго языка,* кандидатъ историко-филологическихъ наукъ, Порфирій Петровичъ *Гвоздевъ.*

61) *Физической Географіи,* кандидатъ математическихъ наукъ, Иванъ Николаевичъ *Смирновъ.*

62) *Уголовнаго права,* магистрантъ Николай Нилаевичъ *Виноградскій.*

63) *Агрономической химіи,* магистръ химіи, Василій Ивановичъ *Сорокинъ.*

64) *Славянской филологіи*, кандидатъ историко-филологическаго факультета, Иванъ Алексѣевичъ *Снегиревъ*.

65) *Семіотики и Діагностики*, докторъ медицины, Николай Ивановичъ *Котовщиковъ*.

66) *Практическаго гражданскаго судопроизводства*, кандидатъ юридическихъ наукъ, Митрофанъ Васильевичъ *Шимановскій*, (Онъ же членъ Казанскаго Окружнаго Суда).

67) *Греческаго языка и Словесности*, Инспекторъ Казанской 2-й гимназіи, Леопольдъ Александровичъ *Бергъ*.

68) Санскрита и Сравнительной фонетики Русскаго языка, кандидатъ историко-филологическихъ наукъ Николай Вячеславовичъ *Крушевскій*.

69) Математической физики, кандидатъ математическихъ наукъ Георгій Николаевичъ *Шебуевъ*.

70) Общей Патологіи, докторъ медицины Павелъ Петровичъ *Асташевскій*.

Преподаватели:

71) *Логики и Психологіи*, Экстраординарный Профессоръ Казанской Духовной Академіи, магистръ богословскихъ наукъ, Веніаминъ Алексѣевичъ *Снегиревъ*.

72) *Римской Словесности*, Ординарный Профессоръ Казанской Духовной Академіи, докторъ богословія, Михаилъ Яковлевичъ *Красинъ*.

Лекторы:

73) *Французскаго языка*, К. С. Адольфъ Карловичъ *Леженъ*.

74) *Нѣмецкаго языка*, кандидатъ историко-филологическихъ наукъ Леонардъ Зеноновичъ *Колмачевскій*.

Прозекторы:

75) Докторъ медицины, К. С. Николай Михайловичъ *Малієвъ*.

76) Докторъ медицины, Николай Матвѣевичъ *Любимовъ*.

Помощники прозектора:

77) Магистръ ветеринарныхъ наукъ, Карлъ-Александръ Матвѣевичъ *Гольцманъ*.

78) Лѣкарь, Иванъ Михайловичъ *Шумковъ*.

79) Лѣкарь, Николай Өедоровичъ *Чуваевъ*.

80) Лѣкарь, Владиміръ Ивановичъ *Земблиновъ*. (сверхштатный).

Ординаторы:

81) Лѣкарь, Дмитрій Васильевичъ *Соловьевъ*.
82) Лѣкарь, Викторъ Васильевичъ *Васильевъ*.
83) Лѣкарь, Николай Сергѣевичъ *Зиминскій*.
84) Лѣкарь, Иванъ Васильевичъ *Годневъ*.
85) Лѣкарь, Викторъ Кузмичъ *Карповъ*.
86) Лѣкарь, Иванъ Моисѣевичъ *Львовъ*.
87) Лѣкарь, Николай Өедоровичъ *Флеринъ*.
88) Лѣкарь, Николай Николаевичъ *Чаганакскій*.
89) Лѣкарь, Александръ Михайловичъ *Дохманъ*.
90) Лѣкарь, Константинъ Михайловичъ *Целерицкій*.

Астрономъ-наблюдатель:

91) Магистрантъ астрономіи, Н. С. Платонъ Сергѣевичъ *Порѣцкій*.

Сверхштатные ассистенты:

92) При каѳедрѣ *Ботаники*, кандидатъ естественныхъ наукъ, Юліанъ-Просперъ Карловичъ *Шеллъ*.

93) При *Астрономической обсерваторіи*, кандидатъ математическихъ наукъ, Генрихъ Андреевичъ *Салинъ*.

94) При каѳедрѣ *Судебной медицины*, лѣкарь Константинъ Михайловичъ *Леонтьевъ*.

95) При каѳедрѣ *Физіологіи*, лѣкарь, Николай Александровичъ *Миславскій*.

96) При *Госпитальной клиникѣ*, лѣкарь, Михаилъ Александровичъ *Падаринъ*.

97) При *Гигіеническомъ кабинетѣ*, лѣкарь, Владиміръ Дмитріевичъ *Орловъ*.

98) При *Геологическомъ кабинетѣ*, кандидатъ естественныхъ наукъ, Петръ Ивановичъ *Кротовъ*.

99) При терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники, докторъ медицины, Павелъ Петровичъ *Асташеевскій*.

100) При акушерскомъ отдѣленіи факультетской клиники, лѣкарь, титулярный совѣтникъ Іосифъ Марковичъ *Рясенцовъ*.

Лаборанты:

101) Провизоръ, К. С. Гуго Іоахимовичъ *Ломанъ*.
102) Провизоръ, Т. С. Карлъ Ивановичъ *Кебель*.
103) Т. С. Эмануилъ Даниловичъ *Пельцамъ*.
104) Лѣкарь, Владиміръ Ивановичъ *Никольскій*.
105) Магистръ химіи Владимиръ Матвѣевичъ *Рудневъ*.
106) Кандидатъ естественныхъ наукъ, Иннокентій Ивановичъ *Каннонниковъ*.
107) Провизоръ, Коллежскій Ассесоръ Ромуальдъ Игнатьевичъ *Ключевскій*. (сверхшт.).
108) Лѣкарь, Александръ Порфирьевичъ *Сизовъ*. (сверхштатный).
109) И. д. Провизора, Оттонъ Карловичъ *Герихъ*.

Оставленные при Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію:

По Историко-филологическому факультету:

110) Кандидатъ Петръ Владиміровичъ *Владиміровъ*.
111) По каѳедрѣ Русской Словесности учитель Александръ Семеновичъ *Архангельскій*.
112) Кандидатъ, Николай Вячеславовичъ *Крушевскій*.
113) Кандидатъ, Иванъ Николаевичъ *Смирновъ*.

По физико-математическому факультету:

114) Кандидатъ математическихъ наукъ, Николай Владиміровичъ *Нечаевъ.*

По юридическому факультету:

115) По каѳедрѣ *Политической экономіи*, кандидатъ Дмитрій Михайловичъ *Львовъ.*

116) По каѳедрѣ *Государственнаго права*, кандидатъ, Владиміръ Егоровичъ *Щегловъ.*

117) По каѳедрѣ полицейскаго права кандидатъ Викторъ Викторовичъ *Ивановскій.*

По медицинскому факультету:

118) Лѣкарь, Иванъ Михайловичъ *Потѣхинъ.*

Библіотекарь:

119) Д. С. С. Іосифъ Ѳедоровичъ *Готвальдъ.*

Помощники библіотекаря:

120) К. С. Евстафій Ѳеменовичъ *Лешковскій.*
121) К. С. Василій Львовичъ *Кононовъ.*
122) Кандидатъ, Григорій Ѳедоровичъ *Дормидонтовъ.*

Хранители музеевъ:

123) Кандидатъ, Степанъ Кировичъ *Кузнецовъ.*
124) Сергѣй Михайловичъ *Смирновъ.*
125) Кандидатъ, естественныхъ наукъ Алексѣй Савиновичъ *Широковъ.*

Помощники проректора:

126) К. С. Карлъ Ивановичъ *Войцѣховичъ.*
127) С. С. Александръ Николаевичъ *Чемезовъ.*
128) Г. С, Илья Андреевичъ *Виноградовъ.*

---

129) Секретарь Совѣта, С. С. Николай Глѣбовичъ *Фастрицкій.*

130) Секретарь Правленія, Титулярный Совѣтникъ Константинъ Петровичъ *Красновъ.*

131) Секретарь по студентскимъ дѣламъ, К. А. Василій Герасимовичъ *Смоленскій.*

132) Казначей, К. А. Викторъ Костантиновичъ *Савельевъ.*

133) Бухгалтеръ, К. А. Петръ Ивановичъ *Ставропольскій.*

134) Экзекуторъ, Н. С. Ѳедоръ Ивановичъ *Омельяновичъ.*

135) Архитекторъ, К. А. Владиміръ Кузмичъ *Бечко-Друзинъ.*

136) Архиваріусъ, К. А. Петръ Ивановичъ *Шляпниковъ.*

137) Письмоводитель, медицинскаго факультета, Г. С. Михаилъ Николаевичъ *Глинскій.*

138) Студентскій врачъ, К. А. Александръ Александровичъ *Кремлевъ.*

139) Священникъ клинической церкви, Андрей Михаиловичъ *Черняевъ.*

140) Діаконъ Университетской церкви, Александръ Петровичъ *Чистосердовъ.*

141) Причетникъ Александръ Егоровичъ *Сперанскій.*

142) Механикъ, личный почетный гражданинъ, Фридрихъ Августовичъ *Генкель.*

143) Испр. д. Начальника Университетской Типографіи, Д. С. С. Іосифъ Ѳедоровичъ *Готвальдъ.*

144) Испр. должн. смотрителя клиники Ѳома Ивановичъ *Поплавскій.*

145) Повивальная бабка при Акушерской клиникѣ Анна Ивановна *Миллеръ.*

Состоящія при Университетѣ особыя учрежденія къ 1 января 1879 года.

1) Редакція „Извѣстій и Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета“, Редакторъ ординарный профессоръ А. М. *Осиповъ.*

2) Библіотеки главная и студентская въ завѣдываніи *I. Ѳ. Готвальда.*

3) Соединенные кабинеты: древностей и изящныхъ искусствъ и нумизматическій въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Н. А. Ѳирсова.*

4) Астрономическая обсерваторія въ завѣдываніи заслуженнаго ординарнаго профессора *М. А. Ковальскаго.*

5) Кабинетъ практической механики въ завѣдываніи доцента Н. С. *Громеки.*

6) Физическій кабинетъ съ лабораторіею, кабинетъ физической географіи, физическая и метеорологическая обсерваторія въ завѣдываніи экстраординарнаго профессора *Р. А. Колли.*

7) Кабинетъ органической химіи съ лабораторіею въ завѣдываніи ординарнаго профессора *А. М. Зайцева.*

8) Кабинетъ неорганической химіи, съ лабораторіею, въ завѣдываніи экстраординарнаго профессора *Г. Н. Глинскаго.*

9) Минералогическій кабинетъ съ лабораторіею въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Ф. Ф. барона Розена.*

10) Геологическій и Палеонтологическій кабинетъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *А. А. Штукенберга.*

11) Ботаническій садъ въ завѣдываніи экстраординарнаго профессора *Н. В. Сорокина.*

12) Ботаническій кабинетъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Н. Ѳ. Леваковскаго.*

13) Зоологическій кабинетъ съ лабораторіею въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Н. М. Мельникова.*

14) Зоотомическій кабинетъ съ лабораторіею въ завѣдываніи ординарнаго профессора *В. В. Заленскаго.*

15) Физіологическій кабинетъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Н. О. Ковалевскаго.*

16) Физіологическій кабинетъ физико-математическаго факультета въ завѣдываніи экстраординарнаго профессора *К. В. Ворошилова.*

17) Техническій кабинетъ съ лабораторіею и кабинетъ Агрономической Химіи съ лабораторіею въ завѣдываніи ординарнаго профессора *А. К. Чугунова.*

18) Музей Физіологической Анатоміи въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Д. С. Ермолава.*

19) Музей Патологической Анатоміи въ завѣдываніи ординарнаго профессора *А. В. Петрова.*

20) Гистологическій кабинетъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *К. А. Арнштейна.*

21) Фармацевтическій кабинетъ съ лабораторіею въ завѣдываніи доцента *Р. А. Лангеля.*

22) Фармакологическій кабинетъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *И. М. Догеля.*

23) Кабинетъ Судебной медицины въ завѣдываніи ординарнаго профессора *И. М. Гвоздева.*

24) Кабинетъ Гигіеническій въ завѣдываніи доцента *И. П. Скворцова.*

25) Медико-Химическій кабинетъ и лабораторія въ завѣдываніи экстраординарнаго профессора *А. Я. Щербакова.*

26) Кабинетъ теоретической Хирургіи въ завѣдываніи экстраординарнаго профессора *Л. Л. Левшина.*

27) Акушерскій кабинетъ и Акушерская клиника съ ея отдѣленіями въ завѣдываніи ординарнаго профессора *В. М. Флоринскаго.*

28) Терапевтическая Факультетская клиника съ кабинетомъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Н. А. Виноградова.*

29) Хирургическій кабинетъ и Хирургическая Факультетская клиника въ завѣдываніи заслуженнаго ординарнаго профессора *А. Н. Бекетова.*

30) Офталмологическая факультетская клиника и кабинетъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *Е. В. Адамюка.*

31) Терапевтическая Госпитальная клиника съ кабинетомъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *М. Ѳ. Субботина.*

32) Хирургическая Госпитальная клиника съ кабинетомъ въ завѣдываніи ординарнаго профессора *М. В. Никольскаго.*

УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА,
СОСТОЯЩІЯ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ:

I. Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Предсѣдатель П. Д. Шестаковъ, Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа.

Товарищъ Предсѣдателя орд. проф. С. М. Шпилевскій.

Секретарь экстраорд. проф. Н. П. Загоскинъ.

Казначей В. К. Савельевъ.

Члены Совѣта: протоіер. П. Е. Заринскій, Н. И. Золотницкій, И. А. Износковъ, В. В. Радловъ, орд. проф. Н. А. Ѳирсовъ.

II. Общество врачей.

Предсѣдатель проф. К. А. Петровъ.

Секретарь лѣкарь В. Д. Орловъ.

Второй Секретарь врачъ М. А. Падаринъ.

III. Общество Естествоиспытателей.

Вице-Президентъ А. А. Ворошиловъ.

Секретарь В. И. Сорокинъ.

IV. Общество Юридическое.

Предсѣдатель проф. Н. А. Кремлевъ.

Членъ правленія Л. Н. Карновичъ.

Секретарь Членъ Каз. Окр. Суда, прив. доц. М. В. Шимановскій.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Составленъ Секретаремъ Совѣта

Н. Г. ФАСТРИЦКИМЪ.

ЗА 1878 ГРАЖДАНСКІЙ ГОДЪ.

Императорскій Казанскій Университетъ, согласно § 49 Общаго Устава Россійскихъ Университетовъ 1863 г., имѣетъ честь представить при семъ Вамъ, мм. гг. извлеченіе изъ отчета за 1878 учебный годъ.

Казанскій Университетъ состоитъ изъ 4-хъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Изъ нихъ физико-математическій факультетъ раздѣляется на разряды: наукъ математическихъ и разрядъ наукъ естественныхъ.

Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ въ 1878 г. представляло слѣдующія цифры: профессоръ православнаго богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 38 (изъ нихъ 2 сверхштатныхъ), экстраординарныхъ 7, доцентовъ 16, прозекторовъ 1, помощниковъ прозектора 2 штатныхъ и 1 сверхштатный, астрономъ наблюдатель 1, лаборантовъ 8 (изъ нихъ 3 сверхштатныхъ), лекторовъ 2, сверхштатныхъ ассистентовъ 5, всего 82 лица.

Сверхштатныхъ преподавателей въ Казанскомъ Университетѣ состоитъ 2: по психіатріи и по частной патологіи и терапіи.

При факультетахъ: историко-филологическомъ, физико-математическомъ, юридическомъ и медицинскомъ въ 1878 г. состояло 11 приватъ-доцентовъ, которые читали: латинскій языкъ, славянскую филологію, греческій языкъ, физическую географію, уголовное право, агрономическую химію, теорію функцій, исторію русскаго права, семіотику и діагностику, практическое гражданское судопроизводство и акушерство и женскія болѣзни.

Сверхъ того, приглашены къ временному преподаванію въ историко-филологическомъ факультетѣ: римской словесности ординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи *Красинъ* и логики и психологіи—экстраординарный профессоръ той-же Академіи *Снегиревъ*.

Имѣются преподавательскія вакансіи по факультетамъ: а) историко-филологическому: римской словесности, исторіи всеобщей литературы, теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ, и положенныя по штатамъ Россійскихъ Университетовъ 1863 года двѣ каѳедры восточныхъ языковъ; б) физико-математическому: второй каѳедры математики, агрономической химіи и физической географіи; в) юридическому: каноническаго права, исторіи славянскихъ законодательствъ, политической экономіи и статистики и исторіи иностранныхъ законодательствъ.

Историко-филологическій факультетъ: въ 1878 году имѣлъ 16 засѣданій, въ числѣ которыхъ было 3 для производства испытаній на ученыя степени и званія и изъ послѣднихъ—два публичныхъ.

Касательно распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія, ихъ измѣненій въ отчетномъ году не было, кромѣ того только, что спеціальный курсъ доцента Корсакова по русской исторіи XVIII вѣка, съ 1725 по 1762 годъ сдѣланъ обязательнымъ въ 187⁸/₉ ак. году только для студентовъ, избравшихъ своей спеціальностью исторію. Но въ видахъ лучшаго распредѣленія предметовъ преподаванія факультетомъ составленъ проэктъ раздѣленій его на 3 отдѣленія: филологическое, словесное и историческое и представленъ къ утвержденію въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Изъ вакантныхъ каѳедръ историко - филологическаго факультета слѣдующія каѳедры не были занимаемы въ отчетномъ году и временными преподавателями: а) исторіи всеобщей литературы, б) теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ и в) каѳедры восточныхъ языковъ. Что касается до вакантной каѳедры римской словесности, къ постоянному и достойному замѣщенію которой всѣ мѣры, принятыя факультетомъ и въ томъ числѣ конкурсъ, оказались безуспѣшными, то преподаваніе по ней въ отчетномъ году, по примѣру предъидущаго, съ Высочайшаго соизволенія, было поручено инспектору 1-й Императорской Казанской гимназіи приватъ-доценту *Гвоздеву* и ординарному профессору Казанской Духовной Академіи *Красину*, изъ коихъ на обязанности перваго лежало преподаваніе латинскаго языка и объясненіе римскихъ авторовъ, а на обязанности втораго чтеніе лекцій по римскимъ древностямъ и исторіи римской литературы. Для усиленія преподаванія по каѳедрѣ греческой словесности учителю 3-й Казанской гимназіи *Бергу* поручено было преподаваніе греческаго языка и объясненія греческихъ авторовъ сначала въ первомъ, въ видѣ опыта, и потомъ во второмъ

полугодіи. Въ видахъ усиленія преподаванія по каѳедрѣ философіи, по примѣру предъидущаго года, былъ приглашенъ, съ Высочайшаго соизволенія, къ чтенію лекцій по логикѣ и психологіи экстраординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи *Снегиревъ*. Въ видахъ усиленія преподаванія по каѳедрѣ славянской филологіи, факультетомъ, съ одобренія Совѣта, поручено было преподаваніе нѣкоторыхъ частей этого предмета приватъ-доценту *Снегиреву*.

Вмѣсто командированнаго за границу для приготовленія къ профессорскому званію лектора *Колмачевскаго*, преподаваніе нѣмецкаго языка поручено факультетомъ, съ его согласія, ординарному профессору *Бодуэнъ-де-Куртенэ*. По конкурсу для замѣщенія лектуры англійскаго языка при Казанскомъ Университетѣ явились гг. *Гроссмитъ* и *Ходжетсъ*. Для приготовленія преподавателей на будущее время въ факультетѣ, по его ходатайству, командированы и находятся за границей по каѳедрѣ греческой словесности кандидатъ, приватъ-доцентъ *Егоровъ* и по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы лекторъ нѣмецкаго языка, кандидатъ *Колмачевскій* (оба на два года); въ Москву и С.-Петербургъ по каѳедрѣ русской исторіи, магистрантъ *Соколовскій* (на полтора года), для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ римской словесности командированъ въ Дерптъ (на одинъ годъ) профессорскій стипендіатъ кандидатъ *Кузнецовъ*. Въ тѣхъ же видахъ, согласно ходатайству факультета, оставлены профессорскими стипендіатами при Университетѣ на суммы Министерства Народнаго Просвѣщенія кандидатъ *Смирновъ* по каѳедрѣ всеобщей исторіи и кандидатъ *Владиміровъ* —по каѳедрѣ русской словесности; а бывшіе учители гимназій *Архангельскій* и *Крушевскій*, 1-й по каѳедрѣ русской

словесности, а 2-й по каѳедрѣ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, оставлены при факультетѣ сверхштатными профессорскими стипендіатами для приготовленія къ профессорскому званію, т. е. на собственный счетъ.

Кромѣ того, находились въ командировкѣ съ ученою цѣлію доцентъ *Корсаковъ* въ теченіе 1-го полугодія, въ С.-Петербургъ, Москву и Астрахань, о которой и представилъ въ факультетъ отчетъ и профессоръ *Бодуэнъ-де-Куртенэ* за границу съ 1-го іюня по 1 октября между прочимъ на 4-й международный съѣздъ оріенталистовъ во Флоренціи.

По примѣру предъидущихъ лѣтъ, кромѣ обыкновеннаго контроля надъ занятіями студентовъ, состоящаго въ переводныхъ испытаніяхъ, для студентовъ 1 курса факультетъ назначилъ въ декабрѣ репетиціи изъ пройденнаго въ послѣднее полугодіе по всѣмъ факультетскимъ предметамъ. Въ результатѣ оказалось, что изъ 20 студентовъ, получили въ среднемъ выводѣ—одинъ 5, четверо болѣе 4, одинъ 4 и трое болѣе 3; трое, неокончившіе репетицій по болѣзни, допущены къ окончанію ихъ въ январѣ; пятеро не держали репетицій по болѣзни, удостовѣренной Проректоромъ, и потому допущены къ экзамену въ маѣ, и трое не окончили репетицій по неизвѣстной причинѣ, почему относительно ихъ постановлено: не допускать ихъ къ переходному испытанію, если не представятъ законныхъ удостовѣреній объ уважительности причинъ ихъ не явки къ окончанію репетицій. Кромѣ того, репетиціямъ подвергнуты были два постороннихъ слушателя и получили въ среднемъ выводѣ не менѣе 3, и одинъ студентъ 2 курса, получившій болѣе 4 и потому удостоенный стипендіи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Относительно же студентовъ прочихъ курсовъ факультетъ, по примѣру предъ-

идущихъ лѣтъ, особенное вниманіе обращалъ на письменныя, болѣе или менѣе самостоятельныя работы, требуя отъ каждаго студента по крайней мѣрѣ одной работы въ годъ по какому либо изъ факультетскихъ предметовъ. Всѣхъ такихъ работъ въ отчетномъ году студентами 2, 3 и 4 курсовъ представлено было 26, а именно: а) по русской словесности одна студента 2 курса *Созонова* на тему: „Новый взглядъ на слово о полку Игоревѣ“, признанная весьма удовлетворительной (5); б) по русской исторіи девять, изъ которыхъ 5 признаны весьма удовлетворительными, а именно: студентовъ 2 курса—*Богородицкаго* Василія: „Характеръ Царя Ивана Васильевича по народнымъ преданіямъ“, *Потапова* Григорія: „Положеніе русской женщины въ домонгольскій періодъ по лѣтописямъ“; 3 курса *Шабердина* Владиміра: „Стоглавъ, какъ историческій памятникъ“ и 4 курса *Кулагина* Александра: „Иванъ Грозный по народнымъ пѣснямъ и преданіямъ“ и *Смирнова* Ивана „P. Oderbonni Iohannis Basilidis vita (изложеніе содержанія“), — а остальные 4 удовлетворительными; в) по всеобщей исторіи 4, изъ которыхъ одна студента 2 курса *Каменицкаго* Михаила: „Царствованіе въ Польшѣ Генриха Валуа“, признана весьма удовлетворительной и 3—удовлетворительными, г) по славянскимъ нарѣчіямъ одна студента 2 курса *Дмитріева* Петра: „Чешскія сатиры XIV вѣка“, признанная весьма удовлетворительной; д) по римской словесности 4, изъ которыхъ 3 признаны весьма удовлетворительными; а именно: студентовъ 2 курса: Григорія *Доможирова*: „Сатиры Ювенала“, *Звѣрева* Якова: „Переводъ и разборъ X сатиры Ювенала“, и *Миндалева* Петра: „Вторая книга писемъ Квинта Гораціи Флакка“,—и одна удостоена балла 3, е) по греческой словесности одна, удостоенная бал-

ла 3; ж) по сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ три, признанныя весьма удовлетворительными, а именно: студента 2 курса *Ацерова* Александра: „О мѣстномъ нарѣчіи родного села автора“,—4 курса *Анастасіева* Андрея: „Отношеніе звуковъ русскаго языка къ буквамъ русской азбуки“, и *Ахмерова* Шабгазъ Гарея: „Синтаксическій разборъ глагола въ Казанско-татарскомъ нарѣчіи“ и з) по философіи одна, студента 2 курса *Орлова* Сергѣя: „Законъ трехъ состояній и классификація наукъ Огюста Конта“, признанная также весьма удовлетворительной. За письменныя работы и по окончательнымъ испытаніямъ изъ всѣхъ факультетскихъ предметовъ студенты 4 курса: *Анастасіевъ*, *Кулагинъ* и *Смирновъ* признаны заслуживающими степени кандидата. Сверхъ годичныхъ письменныхъ работъ для стипендіатовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и другихъ студентовъ, готовящихся къ учительскому званію, въ III курсѣ, гдѣ каждый изъ нихъ долженъ опредѣлить свою спеціальность, и въ IV ведены были по примѣру предъидущихъ лѣтъ, особыя практическія занятія въ учрежденныхъ 5 лѣтъ тому назадъ семинаріумахъ подъ руководствомъ: по Русской словесности профессора *Булича*, въ которыхъ принимали участіе 2 студента; по Русской исторіи и Географіи—Профессора *Ѳирсова*, руководившаго занятіями 4-хъ студентовъ; по Всеобщей Исторіи и Географіи Профессора *Осокина*, имѣвшаго подъ своимъ руководствомъ 5 студентовъ; по Греческой и Римской словесности Э. профессора *Бѣляева* и приватъ-доцента *Гвоздева*, руководившихъ въ 1-е полугодіе 2 студентовъ, а во 2-е 8. Эти занятія, происходившія въ особые отъ лекцій часы, состояли въ ближайшемъ ознакомленіи студентовъ съ ученою и педагогическою лите-

ратурою предметовъ, въ непосредственномъ ознакомленіи съ источниками наукъ, въ чтеніи студентами пробныхъ уроковъ по предметамъ будущихъ ихъ профессій и въ разборѣ таковыхъ со стороны научной и педагогической, въ которомъ допускалось участіе и товарищей лекторовъ, въ переводѣ съ русскаго на классическіе языки и наконецъ въ разборѣ годичныхъ письменныхъ работъ студентовъ. Въ частности практическія занятія студентовъ III и IV курсовъ по Греческой словесности во 2-е полугодіе состояли главнымъ образомъ въ чтеніи и объясненіи греческихъ лириковъ, при чемъ студенты, сдѣлавъ историко-литературный обзоръ жизни и дѣятельности того и другаго поэта, объясняли отрывки или цѣлыя сочиненія со стороны грамматической, метрической и реальной. Кромѣ того, Ординарный профессоръ *Бодуэнъ-де-Куртенэ* въ 1-е полугодіе, т. е. съ января по апрѣль 1878 года читалъ для желающихъ всѣхъ факультетовъ Нѣмецкій языкъ, вмѣсто командированнаго за границу Лектора *Колмачевскаго*, по 3 часа въ недѣлю, а во 2-е полугодіе, т. е. съ октября по декабрь включительно, кромѣ, какъ и въ первомъ, нѣмецкаго языка (одинъ часъ въ недѣлю), онъ велъ слѣдующія практическія занятія: 1) по санскриту (начальный курсъ два часа въ недѣлю), 2) по высшему курсу Санскрита, состоявшему въ чтеніи и объясненіи Риг-Веды (Rig-Veda) два часа въ недѣлю), 3) по старославянскому языку и по славянской діалектологіи (три часа въ недѣлю), 4) ознакомленіе съ нѣкоторыми изъ новѣйшихъ лингвистическихъ сочиненій и разсужденій (три часа въ недѣлю). Въ этихъ занятіяхъ принимали участіе какъ желающіе изъ студентовъ, такъ и кандидаты, оставленные при Университетѣ въ качествѣ профессорскихъ стипендіатовъ: *Архангельскій*, *Влади-*

міровъ и *Крушевскій.* Въ отчетномъ году на тему: „о языкѣ русскихъ былинъ", назначенную факультетомъ для соисканія наградъ, согласно преподаванію профессора *Бодуэнъ-де-Куртенэ*, представлено сочиненіе, оказавшееся принадлежащимъ студенту 4 курса *Кукуранову*, который и удостоенъ за него золотой медали. Для помѣщенія въ „ученыхъ запискахъ" Казанскаго Университета факультетомъ въ отчетномъ году одобрены слѣдующіе труды: а) Доцента *Бѣляева:* „Къ вопросу о міровоззрѣніи Эврипида; б) нѣсколько литовскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ *А. И. Юшкевичемъ;* в) отчетъ доцента *Корсакова* о засѣданіяхъ его въ архивахъ и библіотекахъ С.-Петербурга и Москвы съ 5 октября 1877 по 1 сентября 1878 года; г.) Ординарнаго профессора *Бодуэнъ-де-Куртенэ*: „подробная программа лекцій въ 1877—78 уч. году", Руководство для желающихъ заниматься Санскритскимъ языкомъ по учебнику Штенцлера (Stenzler)"; „къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ Славянскихъ нарѣчій, Основной вокализаціи плавныхъ сочетаній конс + л, р + ъ б + конс 1. Сочиненіе Кочубинскаго etc. Одесса, 1877 г."; д) отчетъ Лектора Нѣмецкаго языка *Колмачевскаго* о занятіяхъ его въ Лейпцигскомъ Университетѣ по Исторіи Всеобщей Литературы.

Преподавателями Историко-филологическаго факультета въ отчетномъ году изданы слѣдующіе труды: Ординарнымъ Профессоромъ *Добротворскимъ:* „обличеніе на Соловецкую челобитную", сочиненіе Крижанича, переводъ Поликарпова — въ „Православномъ Собесѣдникѣ". Ординарный Профессоръ *Осокинъ* издалъ литографированный курсъ средневѣковой исторіи, отъ XIII до XV столѣтія (часть вторая, Казань, 1878 г.). Ординарный Профессоръ *Ѳирсовъ* написалъ, по

порученію Императорской Академіи наукъ, разборъ сочиненій Протоіерея *Заринскаго* „Очерки Казани преимущественно въ XVI столѣтіи 1877 года“, напечатанный въ запискахъ сей Академіи. Ординарный Профессоръ *Бодуэнъ-де-Куртенэ* напечаталъ: А) въ извѣстіяхъ и ученыхъ запискахъ Императорскаго Казанскаго Университета: 1) Окончаніе „подробной программы лекцій въ 1876—77 учебномъ году“ (вмѣстѣ съ началомъ, напечатаннымъ въ 1877 году. Программа эта вышла тоже отдѣльнымъ оттискомъ). 2) Критическіе разборы книгъ В. Ю. Хорошевскаго „Русскій букварь для польскихъ дѣтей и Поля (Pol), Historyczny obszor Polski „тоже отдѣльнымъ оттискомъ. 3) Критическій разборъ книги А. Кочубинскаго „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій (вышедшій тоже отдѣльнымъ оттискомъ). Б). Въ видѣ приложеній къ сочиненію И. И. Срезневскаго о Фріульскихъ славянахъ (изданному Императорской Академіей наукъ) 3) Образцы нѣсколькихъ Славянскихъ говоровъ Сѣверной Италіи: 4) Разсужденіе Клодича (Klodicz) „о нарѣчіи Венеціанскихъ Словенцевъ“ (по словински), 5) статью Валента (Valente) „о славянскомъ языкѣ въ Резьянской долинѣ во Фріулѣ“ (по итальянски). Кромѣ того, по порученію Императорской Академіи наукъ написалъ разборъ одного сочиненія, представленнаго для соисканія Уваровской преміи. Разборъ этотъ награжденъ золотою медалью, но, какъ не одобрительный, не напечатанъ въ отчетѣ о присужденіи наградъ графа Уварова.

Въ открытыхъ въ началѣ 1876—77 учебнаго года высшихъ женскихъ курсахъ читали лекціи: Ординарный Профессоръ *Осокинъ*— новую исторію съ половины XVII до 1790

года и Исторію Западно-европейской литературы въ XVIII столѣтіи. Ординарный Профессоръ *Ѳирсовъ* прочиталъ курсъ Русской исторіи за время отъ вступленія на престолъ Ивана IV Васильевича до смерти царя Михаила Ѳеодоровича. Заслуженный Ординарный профессоръ *Буличъ* въ 1-е полугодіе читалъ Исторію Русской словесности въ XVIII вѣкѣ. Кромѣ того, какъ въ 1876—77 г., такъ и въ отчетномъ году Ординарный профессоръ *Бодуэнъ-де-Куртенэ* читалъ въ Казанской Духовной Академіи русскій языкъ и славянскія нарѣчія въ качествѣ временнаго преподавателя. Въ отчетномъ году Доцентомъ *Бѣляевымъ* было представлено сочиненіе для полученія степени доктора греческой словесности: „Къ вопросу о міровоззрѣніи Эврипида", и послѣ публичнаго защищенія его, факультетъ призналъ его достойнымъ искомой степени, а Совѣтъ Университета утвердилъ въ оной. По представленію Ординарнаго Профессора *Петровскаго*, въ которомъ исчислены были многочисленные ученые труды и изданія библіотекаря Московскаго Университета *Безсонова* по славянской филологіи, онъ предложенъ былъ факультетомъ и утвержденъ Совѣтомъ Университета въ званіи почетнаго доктора славянской филологіи. Приватъ-доцентъ *Снегиревъ* приступилъ къ экзамену на степень Магистра славянской филологіи и изъ Исторіи славянской литературы выдержалъ его удовлетворительно. Степени кандидата Историко-филологическихъ наукъ удостоено 6 студентовъ, окончившихъ курсъ въ Казанскомъ Университетѣ. Члены Историко-филологическаго факультета совмѣстно съ членами Физико-математическаго факультета составляли правила объ испытаніи лицъ женскаго пола на званіе учительницъ въ женскихъ прогимназіяхъ и гимназіяхъ.

Физико-математическій факультетъ имѣлъ въ 1878 году 20 засѣданій. Составъ и распредѣленіе преподаванія по всѣмъ предметамъ на разрядѣ Математическихъ наукъ, въ отчетномъ 1878 году не подвергались ни какимъ перемѣнамъ. Въ распредѣленіе-же преподаванія предметовъ на разрядѣ естественныхъ наукъ, въ отчетномъ году, сдѣланы измѣненія, какъ въ отношеніи порядка и продолжительности преподаванія предметовъ въ общихъ курсахъ, такъ и въ отношеніи группировки предметовъ для спеціальныхъ курсовъ, при чемъ приняты раздѣленіе разряда естественныхъ наукъ на общіе и спеціальные курсы, а равно и относящіяся до нихъ правила сохранены въ прежней силѣ. Физико-математическій факультетъ, находя въ двухъ-годичный срокъ не возможнымъ преподаваніе всѣхъ предметовъ общаго курса въ томъ объемѣ, въ какомъ они должны преподаваться для будущихъ учителей и естествоиспытателей, принялъ за правило на будущее время: продолжать преподаваніе общихъ основныхъ предметовъ естественнаго разряда въ теченіи трехъ полныхъ лѣтъ, въ такой послѣдовательности: Въ первомъ курсѣ:

Богословіе въ теченіи	2	недѣльн. часовъ.
Математика	3	— —
Физика	5,	изъ нихъ 2 теоріи и 3 практ.
Химія неорганическая	7,	3 теоретич. и 4 практическ.
Кристаллографія . .	2	— —
Зоологія	3	— —
Ботаника	4	— —
	26	

Во второмъ курсѣ Богословіе въ теченіи	2	недѣльн.	часовъ.
Математика	2	—	—
Физика.	2	—	—
Минералогія.	3	—	—
Химія аналитическая. .	5	—	—
Химія органическая . .	3	—	—
Ботаника.	4	—	—
Зоологія	2	—	—
Сравнительн. анатомія	3	—	—
	26		
Въ третьемъ курсѣ:			
Минералогія.	1	—	—
Геологія	5	—	—
Аналитическая химія. .	5	—	—
Сравнител. анатомія .	3	—	—
Физіологія животныхъ.	6	—	—
Эмбріологія	2	—	—
Физическая Географія.	3	—	—
Ученіе о почвахъ . . .	1	—	—
	26		

Далѣе, чтобы дать возможность студентамъ практически ознакомится съ методами естественно-научныхъ изслѣдованій ходя въ одной какой либо области естествознанія, Физико-математическій факультетъ оставилъ четвертый курсъ по прежнему спеціальнымъ курсомъ, т. е. назначеннымъ для спеціальныхъ занятій, распредѣливши всѣ предметы на слѣдующія четыре группы: 1-я группа—ботаники, въ которую входятъ: морфологія, систематика, анатомія и физіологія растеній и агрономическая химія, 2-я группа зоологіи,—

въ которую входятъ: зоологія, сравнительная анатомія, физіологія животныхъ и эмбріологія, 3-я группа минералогіи и геологіи, и 4 группа химіи, въ которую входятъ: неорганическая, органическая, аналитическая и техническая химіи. Студенты специалисты каждой группы предметовъ обязаны вести практическія занятія подъ руководствомъ преподавателей въ лабораторіяхъ и слушать предлагаемые ими теоретическіе спеціальные курсы. Вообще, факультетъ, измѣнивши продолжительность преподаванія, оставилъ въ силѣ всѣ установленныя въ 1872 году правила, относящіяся какъ до общихъ, такъ и до спеціальныхъ курсовъ. Въ теченіи 1878 г. всѣ каѳедры Физико-математическаго факультета были замѣщены штатными преподавателями, за исключеніемъ 3-хъ, а именно: практической механики, физической географіи и агрономической химіи. Практическая механика совсѣмъ не преподавалась, за неимѣніемъ какъ штатнаго преподавателя, такъ и лицъ, которымъ-бы можно было поручить преподаваніе этого предмета. Преподаваніе-же физической географіи и агрономической химіи, за отсутствіемъ штатныхъ преподавателей, поручено было приватъ-доцетамъ. Преподаваніе первой поручено было г. Смирнову, а второй г. Сорокину. Преподаваніе по всѣмъ остальнымъ предметамъ обоихъ разрядовъ наукъ производилось штатными преподавателями по программамъ, утвержденнымъ факультетомъ, и безъ перерывовъ; не преподавалась только въ 1-й половинѣ 187⁸/₉ учебнаго года Систематика растеній студентамъ 2 курса, вслѣдствіе командированія г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія преподавателя этого предмета экстраординарнаго профессора Сорокина сначала въ Туркестанскій край, а потомъ за границу. Съ цѣлію усиленія учеб-

ной дѣятельности и наиболѣе дѣйствительнаго контроля надъ тѣмъ, чтобы студенты дѣйствительно занимались преподаваемыми предметами, факультетомъ были установлены: 1) обязательныя практическія занятія студентовъ по всѣмъ предметамъ обоихъ разрядовъ. 2) Полугодичныя репетиціи, замѣняемыя нѣкоторыми преподавателями, съ разрѣшенія факультета, письменными работами и 3) экзамены. По чистой математикѣ студенты 1 и 2 курсовъ математическаго разряда занимались подъ руководствомъ ординарнаго профессора *Янишевскаго* практическимъ рѣшеніемъ задачъ. Кромѣ того, студентамъ тѣхъ же 1 и 2 курсовъ математическаго разряда предлагались г. доцентомъ *Суворовымъ* задачи для письменнаго изложенія рѣшеній: студентамъ 1 курса изъ аналитической геометріи и сферической тригонометріи, а студентамъ 2 курса по интегрированію функцій одного перемѣннаго. Для разъясненія встрѣчаемыхъ студентами при рѣшеніи задачъ, недоразумѣній и затрудненій, назначались по взаимному соглашенію со студентами свободные отъ лекцій часы. По теоретической механикѣ подъ руководствомъ г. заслуженнаго ординарнаго прфессора *П. И. Котельникова*, студенты 4 курса занимались теоріею равновѣсія и движенія упругихъ тѣлъ.

По Астрономіи студенты 2 курса рѣшали практическія задачи и занимались изученіемъ инструментовъ; студенты 3 и 4 курсовъ въ лѣтнее время упражнялись въ астрономическихъ наблюденіяхъ малыми инструментами, подъ руководствомъ заслуженнаго ординарнаго профессора *Ковальскаго*. По Физикѣ студенты 1 курса обоихъ разрядовъ занимались практическимъ опредѣленіемъ: 1) удѣльнаго вѣса, 2) коэффиціента расширенія, 3) теплоемкости, 4) скрытой теп-

лоты. Студенты 2 курса математическаго разряда опредѣляли показателя преломленія. По химіи ординарный профессоръ *Зайцевъ* со студентами 2 курса естественнаго разряда велъ практическія занятія въ минеральномъ качественномъ анализѣ, со студентами 3 курса въ минеральномъ количественномъ анализѣ, а со студентами 4 курса спеціальныя изслѣдованія въ области органической химіи. Кромѣ того, экстраординарный профессоръ *Глинскій* читалъ по неорганической химіи курсъ демонстративный студентамъ 1 курса естественнаго разряда, а въ концѣ отчетнаго года открылъ практическія занятія для студентовъ 2 курса математическаго разряда по качественному химическому анализу, производилъ студентамъ 1 курса естественнаго разряда изъ пройденнаго курса химіи репетиціи, замѣнявшія собою практическія занятія, которыхъ, за недостаткомъ необходимыхъ принадлежностей, онъ не производилъ. Студенты 3 и 4 курсовъ естественнаго разряда занимались въ технической лабораторіи изученіемъ объемнаго анализа въ примѣненіи къ изслѣдованію матеріаловъ и продуктовъ техническихъ производствъ подъ руководствомъ лаборанта *Руднева*. По кристаллографіи студенты 1 курса естественнаго разряда занимались разборомъ комбинацій кристаллитическихъ формъ. Въ минералогіи студенты 2 и 4 курсовъ тогоже разряда занимались микроскопическимъ изслѣдованіемъ минералловъ, входящихъ въ составъ горныхъ породъ, подъ руководствомъ О. Проф. *Барона Розена*. По геологіи студенты 3 курса естественнаго разряда занимались опредѣленіемъ горныхъ породъ, а 4-го курса студентъ *Зайцевъ*—разработкой собраннаго имъ палеонтологическаго матеріала, во время экскурсіи въ Самарской губерніи, подъ руководствомъ

о. проф. *Штукенберга*. По ботаникѣ о. проф. *Леваковскій* велъ практическія занятія со студентами 1 курса естественнаго разряда по анатоміи растеній. По зоологіи, подъ руководствомъ О. П. *Мельникова*, студенты 1 курса естественнаго разряда занимались изученіемъ зоологическихъ препаратовъ для лучшаго усвоенія теоретическаго курса, распознаваніемъ формъ простѣйшихъ животныхъ и вообще упражнялись въ пріемахъ зоологическихъ изслѣдованій. Кромѣ того, г. Мельниковъ велъ обязательныя практическія занятія со студентами 2 курса естественнаго разряда, которыя состояли въ опредѣленіи относительнаго значенія признаковъ для установленія математическихъ группъ класса рыбъ. О. профессоръ *Заленскій* велъ практическія занятія по анатоміи органовъ животной жизни, со студентами 2 курса естественнаго разряда. По физіологіи, кромѣ демонстративнаго курса физіологіи животныхъ, читаннаго экстраординарнымъ профессоромъ *Ворошиловымъ*, студенты 3 курса практически изучали анатомическое и гистологическое строеніе тканей и органовъ по готовымъ препаратамъ и упражнялись въ производствѣ физіолого-химическихъ анализовъ тканей и отдѣленій, подъ руководствомъ г. Ворошилова. Въ отчетномъ 1878 году нѣкоторые преподаватели физико-математическаго факультета читали, кромѣ факультетскихъ курсовъ, еще отдѣльные курсы для студентовъ другихъ факультетовъ, какъ-то: Ординарный профессоръ *Мельниковъ* читалъ отдѣльные курсы зоологіи для студентовъ Медицинскаго факультета, Ветеринарнаго Института и фармацевтовъ. Ор. Пр. *Леваковскій* читалъ по одному часу отдѣльный курсъ анатоміи и физіологіи растеній для студентовъ медицинскаго факультета, Ветеринарнаго института и фармацевтовъ. Экстраордин. про-

фессоръ *Ворошиловъ* читалъ краткій курсъ анатоміи и физіологіи человѣка по два часа въ недѣлю для студентовъ 1 курса юридическаго факультета и фармацевтовъ, а въ 1-й половинѣ 1878 гражданскаго года курсъ спеціальной физіологіи для студентовъ 2 курса медицинскаго факультета; кромѣ того, во 2-й половинѣ 1878 г., онъ прочелъ 20 публичныхъ лекцій по физіологіи растительныхъ процессовъ въ животномъ организмѣ. Дѣятельность факультетскихъ преподавателей въ отчетномъ году, кромѣ преподаванія, посвящена была разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ изъ области тѣхъ наукъ, которыхъ представителями они служатъ въ Университетѣ. *А. М. Зайцевъ* напечаталъ въ Liebich's Annalen и въ журналѣ Русскаго химическаго общества: 1) совмѣстно съ профессоромъ *Зайцевымъ* объ діаллил пропил-карбинолѣ, 2) совмѣстно со студентомъ *Широковымъ* объ аллил-диэтилл-карбинолѣ, 3) совмѣстно со студентомъ *Рябининымъ* о діаллилизопропил-карбинолѣ, 4) совмѣстно съ *Земляницынымъ*: „Къ исторіи окиси валеріановой кислоты, получаемой окисленіемъ алила-диатилл-карбинола". 5) Совмѣстно съ *В. Никольскимъ* и *Зайцевымъ* предварительное сообщеніе объ углеводородахъ $C_6 H_{10}$, $C_{12} H_{20}$ и $C_{10} H_{18}$ и о строеніи терпеновъ. *В. В. Заленскій* напечаталъ: 1) въ Zeitchrift zur Siebold's Subelacum über den Bau der Salpehhoden ûnd über das Metagenesis der Salpen. 2) Исторія развитія стерляди (въ приложеніи къ протоколамъ Казанскаго Общества Естествоиспытателей), 3) Zur Embryologie der Ganoiden (въ Zoologischer Anzeiger № 11, 12 и 13). *А, А. Штукенбергъ* напечаталъ: 1) Европейская Россія прошлыхъ геологическихъ эпохъ— рѣчь сказанная на годичномъ актѣ Университета. 2) По поводу замѣтки *В. Мюллера*, 3) Девонскій бассейнъ Европейской Россіи (труды общества естествоиспытателей при

С.-Петербургскомъ Университетѣ). *Р. А. Колли* напечаталъ въ журналѣ Русскаго Физическаго и Химическаго Общества диссертацію о поляризаціи въ электролитахъ. *И. Н. Смирновъ* напечаталъ отчетъ о магнитныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ во время путешествія лѣтомъ 1877 года. *В. И. Сорокинъ* напечаталъ въ жур. химическаго общества объ окисленіи діаллила и происходящаго изъ него гексильнаго гликола. *Ю. К. Шелль* напечаталъ списокъ явно-брачныхъ растеній окрестностей Талицкаго завода (Перм. губ.) въ трудахъ общества естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ. *В. М. Рудневъ* напечаталъ въ журн. химическаго общества сообщеніе о соляхъ тримэтил-карбинамина. Въ отчетномъ 1878 г. Физико-математическимъ факультетомъ одобрены и напечатаны въ Ученыхъ Запискахъ на средства Университета письменный отвѣтъ г. привать-доцента математики *Васильева* „объ особенныхъ рѣшеніяхъ въ связи съ новыми взглядами на задачу интегрированія дифференціальныхъ уравненій перваго порядка“ и „систематическій каталогъ книгъ по чистой математикѣ, имѣющихся въ библіотекѣ Университета“. Въ отчетномъ году въ факультетѣ подвергались спеціальному испытанію на званіе учителя гимназіи и прогимназіи: 1) окончившій курсъ математическихъ наукъ Казанскаго Университета Николай *Бобровниковъ*, 2) кандидаты Казанскаго Университета Василій *Кирпѣевъ* и Иванъ *Михалевъ*, 3) бывшіе студенты 4 курса математическаго разряда Гурій *Вишневскій* и Михаилъ *Срѣтенскій*. По выдержаніи ими установленнаго испытанія, факультетъ удостоилъ ихъ искомаго званія. Кромѣ того, факультетомъ признанъ достойнымъ званія учителя естественныхъ наукъ г. *Суховъ*, окончившій въ 1868 г. курсъ наукъ въ Казанскомъ Университетѣ кандидатомъ по разряду естественныхъ

наукъ и исправляющій должность учителя Естественной Исторіи, Физики и Химіи въ Томскомъ реальномъ училищѣ, безъ выдержанія спеціальнаго испытанія, какъ лицо спеціально приготовленное къ замѣщенію учительскихъ вакансій.

Въ *Технической* лабораторіи занимались: а) студенты 3 и 4 курсовъ естественнаго разряда изученіемъ объемнаго анализа и изслѣдованіемъ матеріаловъ и продуктовъ техническихъ производствъ и б) студенты медицинскаго факультета, фармацевты и посторонніе слушатели (всего около 160 человѣкъ) изученіемъ общаго химическаго анализа. Доцентъ *Флавицкій*, лаборантъ *Рудневъ* и сверхштатный ассистентъ *Крыловъ* производили самостоятельныя химическія работы.

III. *Юридическій факультетъ* въ теченіи 1878 г. имѣлъ 16 засѣданій. Въ истекшемъ году, вслѣдствіе кончины ординарнаго профессора *Ю. А. Микшевича*, осталась вакантною каѳедра политической экономіи и статистики; временное преподаваніе перваго изъ этихъ предметовъ поручено ординарному профессору *Кремлеву*, а втораго—ординарному профессору *Степанову*. Въ видахъ постояннаго замѣщенія, какъ означенной каѳедры, такъ и каѳедры исторіи иностранныхъ законодательствъ, остающійся вакантною, факультетъ нашелъ нужнымъ объявить конкурсъ, срокомъ по 1 апрѣля 1879 года. Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и способы контроля надъ ихъ занятіями примѣнялись тѣже, что и въ предшествовавшіе годы, именно годовые экзамены при переходѣ въ слѣдующіе курсы, полугодовыя репетиціи, письменныя работы на предлагаемыя преподавателями тэмы и практическія занятія по нѣкоторымъ предметамъ. Въ теченіи отчетнаго года присуждены были три золотыя

медали, изъ которыхъ двѣ, за сочиненія на тэму по Русскому Государственному праву: „Организація высшаго управленія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го“, присуждены студентамъ 4 курса юридическаго разряда Виктору *Ивановскому* и Владиміру *Щеглову*, а третья за сочиненіе на тэму по Римскому праву: „переводъ и объясненія текста Dig. de adquirendo rerum dominio lib. 41, tit. 1“. Студенту того же курса и разряда Михаилу *Поляку*. Изъ числа преподавателей факультета помѣстили въ „ученыхъ запискахъ Университета“ свои труды: ординарный профессоръ *Степановъ*—„По поводу пересмотра устава университетовъ“ и доцентъ *Загоскинъ*—„Исторія права Московскаго Государства т. 1“. Означенное здѣсь сочиненіе г. Загоскина было представлено имъ, въ качествѣ диссертаціи на степень магистра государственнаго права, на разсмотрѣніе факультета, послѣ предварительнаго испытанія на эту степень, признаннаго вполнѣ удовлетворительнымъ. Послѣ одобренія факультетомъ, г. Загоскинъ въ маѣ 1878 г. публично защитилъ свое сочиненіе и былъ удостоенъ степени магистра государственнаго права. Въ истекшемъ 1878 году, вслѣдствіе представленія факультета и ходатайства Совѣта Университета, г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшено слить существовавшіе дотолѣ разряды 1) наукъ юридическихъ и 2) наукъ государственныхъ въ одинъ нераздѣльный факультетъ юридическихъ и государственныхъ наукъ. Мѣра эта съ начала текущаго 187⁸/₉ учебнаго года примѣнена къ студентамъ 1-го курса.

IV. *Медицинскій факультетъ* въ 1878 году имѣлъ 20 засѣданій, въ томъ числѣ одно публичное, назначенное для защищенія диссертаціи на степень доктора ме-

дицины. Измѣненій въ отношеніи распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія ихъ не было, за исключеніемъ того, что г. прозектору при каѳедрѣ Анатоміи *Малієву* было поручено во второмъ полугодіи чтеніе студентамъ 1 курса двухъ отдѣловъ физіологической анатоміи: остеологіи и синдесмологіи. На вакантную каѳедру госпитальной терапевтической клиники перемѣщенъ профессоръ по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи *Субботинъ*. На эту послѣднюю перемѣщенъ тѣмъ же званіемъ доцентъ семіотики и діагностики *Хомяковъ*. Состояли вакантными доцентуры: токсикологіи, семіотики и діагностики, медицинской географіи и статистики и ветеринарной полиціи. Чтеніе по вакантной доцентурѣ семіотики и діагностики поручено было привать-доценту *Котовщикову*. Къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ приняты были мѣры и способы контроля надъ занятіями ихъ тѣже, какія и въ 1877 году. Въ отчетномъ году на тэму: „Корни лимфатической системы и отношенія ихъ къ кровеноснымъ сосудамъ и влагалищамъ нервовъ", назначенную факультетомъ на соисканіе наградъ, согласно предложенію ординарнаго профессора *Арнштейна*, представлено было одно сочиненіе, которое оказалось принадлежащимъ студенту 4 курса (нынѣ 5 к.) *Догелю* и за которое авторъ удостоенъ золотой медали.

Вслѣдствіе увеличивающагося годъ отъ году числа студентовъ, какъ факультетскія, такъ равно и госпитальныя клиники требуютъ расширенія. Кромѣ того, для пользы преподаванія и образованія практическихъ врачей необходимо учрежденіе самостоятельныхъ клиникъ: глазной и дѣтскихъ болѣзней, а также венерическихъ болѣзней.

Въ отчетномъ году не производилось чтеній по доцентурамъ: токсикологіи, медицинской географіи и статистики, эпизоотіи и ветеринарной, полиціи по неимѣнію лицъ, желающихъ занять эти доцентуры, и механургіи, по причинѣ командировки преподавателя этого предмета на театръ военныхъ дѣйствій.

Для помѣщенія въ „ученыхъ запискахъ“ Казанскаго Университета факультетомъ одобрены: а) г. ординарнаго профессора *Петрова*: „отчетъ изслѣдованій, произведенныхъ въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ Казанскаго Университета въ 1877 г.“ b) Г. экстра-ординарнаго профессора *Левшина*: „Основы хирургіи“. с) Стипендіата по приготовленію къ профессорскому званію (нынѣ сверхштатнаго ассистента при терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники) доктора медицины Павла *Асташевскаго:* „О сравнительной діастатической способности слюны у различныхъ животныхъ“, и d) отчетъ о занятіяхъ за границей помощника прозектора при каѳедрѣ патологической анатоміи *Любимова* въ продолженіи зимняго семестра 1878 года. Преподавателями и прочими должностными лицами факультета изданы въ 1878 г. слѣдующіе труды: А) ординарнымъ профессоромъ *Ковалевскимъ:* Untersuchungen über die sensiblen Nerven der Muskeln (работа совмѣстная съ проф. Навроцкимъ въ Варшавѣ)—въ Centralblatt für die medicinischen Wissenschaften 1878, № 9 и въ журн. Medycina. т. VI: Б) Ординарнымъ профессоромъ *Виноградовымъ:* два сообщенія: 1) „случай febris intermittentis larvatae“ и 2) случай Syphilis congenitae“, въ трудахъ общества врачей при Казанскомъ Университетѣ. В) Ординарнымъ профессоромъ *Гвоздевымъ:* Переводъ со студентами Университета „Судебной Медицины Гофмана“. Г)

Ординарнымъ профессоромъ *Догелемъ*: Zur Kenntniss der Eiweissreactionen und von dem Verhalten des Albumins der lichbrechenden Medien des Auges". Въ Archiv fur die gesammte Physiologie von E. Pflüger. Д) Сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ *Фрезе*: „Бредъ о преслѣдованіи, разборъ дѣла о Л. К., обвиняемомъ въ покушеніи на убійство и подлогъ"—въ сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ и въ Friedreich's Blätter für gerichtliche Medicin. Е) Ординарнымъ профессоромъ *Адамюкомъ*: 1) „офтальмологическія наблюденія" — выпускъ второй, отдѣленіе второе—въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета; 2) „объ отсутствіи иннерваціи глазныхъ движеній" — на нѣмецкомъ языкѣ въ Берлинскомъ офтальмологическомъ журналѣ Гиршберга; 3) „случай разрыва сосудистой оболочки" — въ томъ же журналѣ; 4) „о началахъ общаго глазодвигательнаго нерва"—въ томъ же журналѣ; 5) „Новый способъ лѣченія воспаленій бѣлковинной оболочки глаза"—въ томъ же журналѣ. Отослано для печатанія въ нѣмецкій архивъ для офтальмологіи Кнаппа; 6) „объ патологіи линзы" и т. д. и 2) „объ глаукоматозномъ процессѣ". Ж) ординарнымъ профессоромъ *Арнштейномъ*: „Mola hydatidoza incipiens" (совмѣстно съ д-ромъ А. Н. Соловьевымъ) — въ трудахъ общества врачей при Казанскомъ Университетѣ. З) Экстраординарнымъ профессоромъ *Щербаковымъ*: „къ вопросу о дѣйствіи искусственнаго желудочнаго сока на фибринъ" (предварительное сообщеніе)—въ трудахъ общества врачей при Казанскомъ Университетѣ. И) Экстраординарнымъ профессоромъ *Левшинымъ*: 1) „о Казанской земской больницѣ" — въ протоколахъ очереднаго Казанскаго земскаго собранія и 2) „руководство къ общей хирургіи" (печатается). I) Экстраординарнымъ про-

фессоромъ *Пашутинымъ*: 1) „лекціи общей патологіи. Часть первая: патологія тканей“ и 2) „Отвѣтъ на статью Prof. Exner'a: Fortgesetzte Studien über die Endigungsweise des Geruchsnerven“. Медицинскій вѣстникъ. К) Доцентомъ *Болдыревымъ*: 1) „Polipus laryngis multiplex“—въ трудахъ общества врачей при Казанскомъ Университетѣ и 2) „обозрѣніе госпиталей, расположенныхъ въ Румеліи по южно-балканской желѣзной дорогѣ“—во врачебныхъ вѣдомостяхъ №№ 35, 36 и 37. Л) Доцентомъ *Высоцкимъ*: „о лимфатической системѣ надмышечныхъ апоневзоровъ“—въ трудахъ общества врачей при Казанскомъ Университетѣ. М) Доцентомъ *Скворцовымъ*: 1) „приспособляемость и цѣлесообразность“—въ журналѣ „Свѣтъ“, изд. проф. Вагнеромъ № 3, 1878 г., 2) „имѣютъ ли основаніе наши заботы о здоровьѣ“—въ томъ же журналѣ №№ 11 и 12, 1878 г.; „гигіена и медицина“—въ журналѣ Здоровьѣ №№ 101 и 102 и 4) „лекціи по гигіенѣ питанія, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Казани“—въ газетѣ, Врачебныя вѣдомости №№ 203—213 и 218—226. Н) Доцентомъ *Флавицкимъ*: 1) „о правомъ терпенѣ изъ русскаго скипидара“; 2) „взглядъ на строеніе терпеновъ“; 3) „замѣтка по поводу статьи г. Эльтекова о дѣйствіи воды въ присутствіи окиси свинца на галоидныя соединенія углеводородовъ этиленнаго ряда“ и 4 „о псевдопропил-ацетиленѣ“ (совмѣстно съ лаборантомъ Крыловымъ) въ журналѣ русскаго физико-химическаго общества. О) Доцентомъ *Студенскимъ*: 1) „Ein neuer Apparat für den Gypsverband bei Schenkelbrüchen“—въ Centralblatt. f. Chirurgie 1878. № 52 и 2) „болѣзненность въ Дунайской арміи по свѣдѣніямъ сортировочной коммиссіи во Фратешти“—въ трудахъ общества врачей при Казанскомъ Университетѣ. П) Прозек-

торомъ *Малiевымъ*: 1) „рѣдкiй случай неправильнаго образованiя черепа"—въ военно-медицинскомъ журналѣ; 2) „Военно-хирургическiя наблюденiя"—въ томъ же журналѣ и 3) „антропологическiя наблюденiя надъ Мордвою Самарской губ."—въ трудахъ общества естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ. Р) Приватъ-доцентомъ *Котовщиковымъ*: 1) „къ ученiю о пульсѣ"—въ медицинскомъ вѣстникѣ 1878 г., №№ 5, 6, 7, 33 и 34; 2) „къ ученiю о сердечномъ толчкѣ"—въ томъ же журналѣ №№ 48 и 49. С) Сверхштатнымъ помощникомъ прозектора *Любимовымъ*: „отчетъ о занятiяхъ своихъ за границею съ 23 сентября 1877 г. по 15 апрѣля 1878 г."—въ извѣстiяхъ и ученыхъ запискахъ Казанскаго Университета. Т) Сверхштатнымъ ассистентомъ при терапевтической факультетской клиникѣ *Асташевскимъ*: 1) „Reaction des Parotisspeichels beim gesunden Menschen" въ Centralblatt. f. die med. Wissensch. 1878. № 15 и въ журналѣ Medycina т. VI; 2) „о сравнительной дiастатической способности слюны у различныхъ животныхъ" (докт. диссерт.)—въ извѣстiяхъ и ученыхъ запискахъ Казанскаго Университета. У) Сверхштатнымъ помощникомъ прозектора *Земблиновымъ*: „очеркъ изслѣдованiй, произведенныхъ въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ Казанскаго Университета въ 1874 г."—въ извѣстiяхъ Казанскаго Университета 1878 № 2. Ф) Сверхштатнымъ ассистентомъ *Миславскимъ*: „о влiянiи дыханiя на кровообращенiе въ легкихъ"—въ протоколахъ общества естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ. Х) Лаборантомъ *Никольскимъ*: „провѣрка дѣйствiй камфоры на животный организмъ и нѣкоторыя замѣчанiя относительно физiологiи nervi erigentis"—въ трудахъ общества естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ,

Ц) Лаборантомъ *Крыловымъ*: 1) „матеріалы къ флорѣ Пермской губерніи", вып. 1 — въ трудахъ общества естествоисп. при Казанскомъ Университетѣ; 2) „матеріалы къ флорѣ Вятской губерніи"—тамъ же и 3) „каталогъ растеній, собранныхъ профессоромъ Штукенбергомъ и лаборантомъ Пельцамомъ въ Печерскомъ краѣ и на Тиманскомъ хребтѣ" (работа, совмѣстная съ лаборантомъ Шеллемъ)—тамъ же. Доцентъ Скворцовъ читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ въ 1-мъ полугодіи „о воспитаніи дѣтей съ гигіенической точки зрѣнія", а во 2-мъ полугодіи—„краткій очеркъ анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла", на сколько это необходимо для пониманія послѣдующихъ гигіеническихъ лекцій. Въ отчетномъ году испытанію на степень доктора медицины подвергались 6 лицъ. Разсмотрѣна и одобрена къ публичному защищенію диссертація на степень доктора медицины подъ заглавіемъ: „о сравнительной діастатической способности слюны у различныхъ животныхъ", авторъ котой и удостоенъ факультетомъ означенной степени.

О каѳедрѣ *офтальмологіи* и *офтальмологической клиникѣ* г. профессоръ Адамюкъ доставилъ слѣдующія свѣдѣнія: Дѣятельность преподавателя офтальмологіи распадается на двѣ половины: на теоретическое преподаваніе ученія о глазныхъ болѣзняхъ, что дѣлается въ 4 курсѣ, и на веденіе офтальмологической клиники, что имѣетъ мѣсто съ студентами 5 курса. Такъ какъ ни въ какомъ другомъ отдѣлѣ организма патологія органа не бываетъ такъ тѣсно связана съ физіологіею и анатоміею его, какъ это существуетъ въ глазѣ, то изложеніе болѣзней каждой части глаза всегда сопровождается предварительнымъ изложеніемъ анатоміи и физіологіи этой части, что поглощаетъ всегда очень много времени.

На этомъ основаніи, на теоретическое изложеніе этого предмета прежде употреблялось четыре и даже пять часовъ въ недѣлю, но въ настоящее время при значительномъ количествѣ предметовъ, на изложеніе болѣзней глаза возможно удѣлить лишь три часа въ недѣлю. При такомъ недостаткѣ часовъ приходится пополнять теоретическія данныя на такъ называемыхъ практическихъ занятіяхъ или курсахъ, которые ведутся отдѣльно въ послѣобѣденное время, съ отдѣльными группами изъ студентовъ курса. Въ эти часы приходится повторять практически данныя, излагаемыя на лекціяхъ теоретически и пополнять ихъ въ требуемой степени. При помощи только этихъ добавочныхъ курсовъ, при особомъ вниманіи къ предмету и прилежаніи слушателей, становится возможнымъ достигнуть въ теченіе года полнаго изложенія ученія о болѣзняхъ глаза. Умѣніе примѣнять результаты этихъ свѣдѣній въ случаяхъ заболѣваній глазъ достигается уже въ пятомъ курсѣ при посѣщеніи клиники. Здѣсь на многочисленныхъ амбуляторныхъ больныхъ 2 раза въ недѣлю, одинъ день два часа, и другой три, слушатели имѣютъ возможность приглядѣться къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя въ дѣйствительности выступаютъ на пораженныхъ глазахъ, а затѣмъ уклоненіямъ, которыя обыкновенно встрѣчаются, отъ той идеальной патологической формы, которая описывается въ теоретическихъ лекціяхъ. При этомъ повторяются при каждомъ случаѣ какъ тѣ теоретическія данныя вообще, такъ и тѣ измѣненія и уклоненія, которыя отличаютъ всякій данный случай отъ другихъ. При этомъ дальше обращается вниманіе на лѣченіе, которое часто, въ видѣ операцій, предоставляется самимъ слушателямъ. На стаціонарныхъ больныхъ, для которыхъ имѣется 10 крова-

тей въ хирургической клиникѣ, съ разрѣшенія Совѣта Университета, и число которыхъ иногда возрастаетъ до 14 (при свободныхъ мѣстахъ въ хирургическомъ отдѣленіи) слушатели имѣютъ возможность знакомиться съ болѣе серіозными операціями, съ ходомъ заживленія и лѣченія послѣ этихъ операцій, и нѣкоторые изъ гг. студентовъ при достаточномъ ознакомленіи съ операціями на глазахъ животныхъ, допускаются къ серіознымъ операціямъ и на глазахъ стаціонарныхъ больныхъ. Такимъ образомъ, четырьмя изъ гг. студентовъ были произведены даже операціи, извлеченіе катарактъ изъ глазъ, и всегда съ хорошимъ исходомъ. При такомъ ходѣ преподаванія какъ теоретическаго, такъ и практическаго слушателями пріобрѣтаются свѣдѣнія въ отношеніи пораженій глазъ очень достаточныя, и дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи можетъ быть обществу абсолютно полезна. Разумѣется, свѣдѣнія эти могли бы быть еще болѣе обширны и полны, если бы имѣлась здѣсь самостоятельная глазная клиника или больница. Теперь же многіе больные по недостатку мѣста не могутъ поступать въ клинику, такъ что наблюденіе хода болѣзни во многихъ интересныхъ случаяхъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ не требуется оперативное леченіе, для котораго преимущественно г. ординарнымъ профессоромъ Адамюкомъ кладутся больные въ клинику, ускользаетъ отъ наблюденія. Но ожидать устройства здѣсь клиники или глазной больницы на мѣстныя средства рѣшительно невозможно. Такимъ образомъ, приходится исчерпывать лишь тотъ матеріалъ, который доставляется амбуляторными больными, а затѣмъ тѣми немногими кроватями, которыя имѣются для стаціонарныхъ субъектовъ; въ какомъ же количествѣ былъ этотъ матеріалъ въ нынѣшнемъ году, можно

видѣть изъ приложенныхъ численныхъ данныхъ. Итакъ, въ 1878 году обращались за помощію въ клинику 1969 больныхъ, съ слѣдующими патологическими формами: аномалій рефракціи и аккоммодаціи было 561 случай; болѣзней: роговицы и передней камеры 360, линзы и стекловиднаго тѣла 130, сѣтчатки и зрительнаго нерва 49, сосудистой и радужной оболочекъ 65, бѣлковинной оболочки 54, вѣкъ 132, случая, соединительной оболочки 456, мышцъ глаза 13, слезныхъ органовъ 46, стафиломы и атрофа глаза 64, случаевъ отсутствія глазъ было 2, параличей: перваглазодвигательнаго 7 случаевъ, нерва лицеваго 1 случай, болѣзней глазницы 11, болей около глаза, какъ febris larvatae 3. Не дождались очереди и ушли безъ діагностики 15 субъектовъ. Изъ этого числа пользовалось помѣщеніемъ въ клиникѣ, какъ стаціонарные больные, 116 человѣкъ. Причина довольно значительнаго числа постоянныхъ больныхъ нынѣшній разъ зависѣла отъ того, что въ глазномъ отдѣленіи почти постоянно было 14 кроватей. Четыре, слѣдовательно, на счетъ хирургическихъ больныхъ. Надъ этими больными произведено было 159 операцій, и именно слѣдующихъ: извлеченіе линзы 64, вырѣзываній части радужной оболочки 68, разсѣченій линзы 11, срѣзываній стафилиса 1, разрѣзовъ слезнаго мѣшка 1, вылущеній одноглазнаго яблока 3, вырѣзываній глазнаго яблока вмѣстѣ съ мягкими частями въ глазницѣ при ракѣ его 3 и мелкихъ операцій 8, надъ амбуляторными больными произведено было 397 операцій и именно слѣдующихъ: операцій: косоглазія 10, разсѣченій капсулы линзы 2, извлеченіе линзы, выпавшей въ переднюю камеру 1, срѣзываній выпавшей радужной оболочки 7, закрашиваній бѣльма 2, срѣзываній стафиломы 5, экстирпацій халяціоновъ 6, операцій Еше 6, экстирпацій

хряща вѣкъ при амилоидѣ его 1, Гайлляровскихъ млахуръ, операцій Пагенштехера, срѣзываній птеригіона, срѣзываній гипертрофіи соединител. оболочки и другихъ мелкихъ операцій 357. Неблагопріятныхъ исходовъ послѣ операціи въ видѣ нагноенія глаза было пять случаевъ: три раза послѣ операціи катаракты, разъ послѣ вырѣзыванія радужной оболочки и разъ послѣ простой дисцизіи капсулы линзы. Расчитывая упомянутые случаи потери относительно всего количества этихъ операцій получимъ потери всего $3^1/_3\%$. Такимъ образомъ всѣхъ глазныхъ операцій въ истекшемъ году произведено было 556 — матеріалъ вполнѣ достаточный для того, чтобы познакомить студентовъ удовлетворительно и съ хирургическою офтальмологическою практикою. Для удовлетворительнаго веденія теоретическаго и практическаго преподаванія офтальмологической науки имѣется при глазномъ отдѣленіи клиники кабинетъ хирургическихъ и оптическихъ приборовъ и инструментовъ, въ которомъ къ началу 1879 года состоитъ всѣхъ инструментовъ и приборовъ въ офтальмологическомъ кабинетѣ на 3071 руб. $35^3/_4$ коп.

Въ *фармакологической лабораторіи* въ 1878 году занятія состояли: 1) въ демонстративномъ курсѣ фармакологіи для студентовъ 3 курса медицинскаго факультета и фармацевтовъ; 2) въ практическихъ занятіяхъ тѣхъ же студентовъ. Занятія эти состояли въ знакомствѣ съ физіологическими методами въ примѣненіи къ рѣшенію различныхъ фармакологическихъ вопросовъ. Студентамъ предоставлялось изслѣдовать дѣйствіе на животный организмъ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ лѣкарственныхъ веществъ. Кромѣ того, студентъ 4 курса *Щепотьевъ* продолжалъ изученіе хинина на кровообращеніе. Ветеринарный врачъ *Гольцманъ* занимался из-

слѣдованіемъ дѣйствія нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ веществъ на движеніе лимфы въ связи съ измѣненіемъ давленія крови въ сосудахъ и напечаталъ эти изслѣдованія, какъ диссертацію на степень магистра ветеринарныхъ наукъ. Лѣкарь *Егоровъ* началъ изслѣдованіе о вліяніи кровообращенія на измѣненіе зрачка. Лѣкарь *Леонтьевъ* занимался изученіемъ опредѣленія времени наступленія смерти при задушеніи. Лѣкарь *Никольскій* приготовлялъ мускаринъ изъ нѣкоторыхъ продуктовъ животнаго организма. Преподаватель окончилъ изслѣдованіе о реакціи на бѣлокъ и о содержаніи послѣдняго въ преломляющихъ средахъ глаза.

Общепатологическій кабинетъ, какъ извѣстно не имѣя штатной суммы, располагалъ въ 1878 г. на свое содержаніе и обзаведеніе 211 руб. 97 коп.; оставшимися отъ 1877 г. и 250 р. ассигнованными для кабинета въ прошломъ году изъ суммъ для чтенія публичныхъ лекцій. Изъ 461 р. 97 к., бывшихъ въ распоряженіи завѣдывающаго кабинетомъ, израсходовано въ 1878 г. 320 руб. 18 коп., а 141 р. 79 к. остается на 1879 годъ, на каковую сумму уже сдѣланы заказы. Стоимость вещей въ кабинетѣ, по документальной и матеріальной книгамъ, простирается теперь до 1743 руб. 35 коп. По ограниченности средствъ кабинета, занятія въ немъ состояли почти исключительно изъ работъ профессора, который продолжалъ въ 1878 г. свои изслѣдованія надъ вліяніемъ положенія тѣла животныхъ на состояніе кровяного давленія въ различныхъ провинціяхъ тѣла и старался анализировать наблюдавшіяся при этомъ явленія путемъ гидродинамическихъ опытовъ надъ глематическимъ кровообращеніемъ на трубкахъ. Кромѣ того, состоящая на службѣ въ Университетѣ г. Рѣшетина, окончившая курсъ меди-

цинскихъ наукъ на женскихъ курсахъ въ Петербургѣ, производила изслѣдованія надъ вліяніемъ смазыванія кожи животныхъ различными задерживающими перспирацію веществами.

Совѣтъ Университета въ 1878 году имѣлъ 14 засѣданій.

Изъ преподавателей Университета: г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія назначены экстраординарными профессорами доценты по каѳедрамъ: греческой словесности, докторъ греческой словесности *Бѣляевъ* и физики — надворный совѣтникъ *Колли* и затѣмъ первый изъ нихъ утвержденъ въ томъ же году ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ; утверждены ординарные профессоры: *Леваковскій*, *Ковальскій*, *Ѳирсовъ* и *Никольскій*: первый вновь проректоромъ, а остальные деканами факультетовъ: Ковальскій—физико-математическаго, Ѳирсовъ—историко-филологическаго и Никольскій—медицинскаго, а за увольненіемъ послѣдняго, согласно его прошенію, утвержденъ деканомъ ординарный профессоръ физіологіи *Ковалевскій*. Оставлены на службѣ еще на пять лѣтъ: заслуженные ординарные профессоры по каѳедрамъ: астрономіи *Ковальскій* — по выслугѣ 30 лѣтъ, механики *Котельниковъ* — по выслугѣ 45 лѣтъ, доцентъ по доцентурѣ дѣтскихъ болѣзней *Толмачевъ* и помощникъ проректора *Войцѣховичъ*—по выслугѣ 25 лѣтъ. Съ разрѣшенія г. Попечителя Казанскаго Учебнаго округа утверждены: университетскими судьями: ординарные профессоры: *Осиповъ*, *Виноградовъ* и *Ѳирсовъ* и кандидатами къ нимъ—ординарные профессоры: *Шпилевскій*, *Бодуэнъ-де-Куртенэ* и экстраординарный профессоръ *Ворошиловъ*, онъ же г. Ворошиловъ и секретаремъ физико-математическаго фа-

культета; доцентомъ по каѳедрѣ исторіи русскаго права приватъ-доцентъ, магистръ государственнаго права *Загоскинъ*; лаборантами штатными: при каѳедрѣ физіологической химіи — кандидатъ естественныхъ наукъ *Канонниковъ* и при техническомъ кабинетѣ и лабораторіи сверхштатный лаборантъ химической лабораторіи С.-Петербургскаго Университета *Рудневъ* и сверхштатнымъ при лабораторіи неорганической химіи, провизоръ клиники Университета *Ключевскій*; ординаторами клиникъ лѣкаря: *Васильевъ*, *Наумовъ* и *Годневъ*, первый факультетской хирургической, второй акушерской и третій госпитальной терапевтической. Уволены въ отставку: по прошенію: за болѣзнію—ординарный профессоръ *Микшевичъ*, лаборантъ технической лабораторіи *Зайцевъ*, помощникъ библіотекаря *Вигандъ* и, по прошенію, смотритель клиники Университета *Розенштейнъ* и за выслугою положеннаго срока: отъ должности секретаря физико-математическаго факультета, ординарный профессоръ *Мельниковъ*, ординаторы клиникъ: госпитальной хирургической *Падаринъ* и *Петровъ*, хирургической факультетской Александръ *Наумовъ* и по прошенію—терапевтической факультетской *Мумориевъ* и акушерской клиники Иванъ *Наумовъ*; допущены къ исправленію должностей: помощника библіотекаря кандидатъ юридическихъ наукъ *Ивановскій*, ординатора при терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники, докторъ медицины *Астащевскій* и провизора при клиникѣ Университета провизоръ *Вейерсбергъ*; опредѣленъ аптекарскимъ ученикомъ въ аптеку клиники аптекарскій помощникъ *Ивановъ*.

Совѣтомъ Университета издавались извѣстія и ученыя записки университета подъ редакціею ординарнаго профессора *Осипова*.

Утверждены въ ученыхъ степеняхъ: доктора: греческой словесности магистръ греческой словесности *Бѣляевъ*, славянской словесности — кандидатъ историко-филологическихъ наукъ *Безсоновъ* и медицины — лѣкарь *Асташевскій*, магистра государственнаго права *Загоскинъ*; кандидата: историко-филологическихъ наукъ: *Эккерманъ*, *Шемановскій*, *Тихановскій*, *Соловьевъ*, *Краснодэмбскій* и *Смирновъ*, математическихъ наукъ: *Нечаевъ*, естественныхъ наукъ *Кротовъ*, юридическихъ наукъ: *Нарциссовъ*, *Ерыклинцевъ*, *Альбинскій*, *Бѣлицкій*, *Стахіевъ*, *Чирихинъ*, *Ивановскій*, *Полякъ* и *Щегловъ*; лѣкаря 41, въ званіи уѣзднаго врача 21; въ степени провизора 7, аптекарскаго помощника 35, въ званіяхъ: оператора 5, дантиста 1 и повивальной бабки 42: изъ нихъ 13 изъ учеництъ повивальнаго класса Казанскаго университета и 29 изъ другихъ родовспомогательныхъ учрежденій. Оставлены стипендіатами при Университетѣ для усовершенствованія въ избранныхъ ими спеціальностяхъ кандидаты по факультетамъ: историко-филологическому — *Смирновъ*, юридическому — *Львовъ* и *Щегловъ* и медицинскому — лѣкарь *Потѣхинъ* и сверхштатными при факультетахъ: историко-филологическомъ преподаватель русской словесности Симбирской гимназіи *Архангельскій* и кандидатъ Варшавскаго Университета, учитель Троицкой гимназіи *Крушевскій* и юридическомъ кандидатъ юридическихъ наукъ *Соколовскій*.

Особыя порученія начальства исполняли: состояли членами въ попечительскомъ совѣтѣ: заслуженный ординарный профессоръ *Котельниковъ* по математикѣ, ординарные профессоры: *Петровскій* — по русскому языку и словесности, *Ѳирсовъ* — по исторіи, *Леваковскій* — по естественнымъ нау-

камъ и доцентъ (нынѣ ординарный профессоръ) *Бѣляевъ*— по древнимъ языкамъ.

Командированы были съ ученною цѣлію: за границу: ординарные профессоры: *Никольскій* и докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, *Бодуэнъ-де-Куртенэ*, лекторъ нѣмецкаго языка *Колмачевскій* и приватъ-доцентъ математики *Васильевъ;* въ губерніи: Пермскую, Уфимскую, Самарскую и Оренбургскую ординарный профессоръ *Штукенбергъ*; въ Москву бывшій доцентъ (нынѣ экстраординарный профессоръ) *Колли*; въ Уфимскую и Оренбургскую сверхштатный ассистентъ, кандидатъ естественныхъ наукъ *Шелль*; въ Туркестанскій край, въ качествѣ помощника почетнаго члена Императорской академіи наукъ Миддендорфа, для ботаническихъ работъ, испр. должность хранителя ботаническаго кабинета *Смирновъ*, и для магнитныхъ изслѣдованій въ Россіи приватъ-доцентъ *Смирновъ*, профессорскій стипендіатъ, кандидатъ *Кузнецовъ* въ Дерптъ для приготовленія къ профессорскому званію. Продолжены сроки командировокъ: командированному въ 1877 г. за границу съ ученою цѣлью— сверхштатному помощнику прозектора *Любимову* съ 1 сентября 1877 г. по 25 октября 1878 г. и выщепомянутому *Смирнову* на 8 мѣсяцевъ. Умеръ ординарный профессоръ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики *Микшевичъ*.

По финансовой смѣтѣ 1878 г. было назначено: 1) по § 5 ст. 1, на содержаніе личнаго состава 212,675 р. 60 к., въ томъ числѣ сверхштатныхъ 7268 руб.; 2) по ст. 2, на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 81563 р. 5 к., въ томъ числѣ сверхштаныхъ 20568 р. 5 к.; кромѣ того, обществу естествоиспытателей при Казанскомъ Универ-

ситетѣ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 7 октября 1868 г. мнѣнія государственнаго Совѣта 2500 руб.; 3) по ст. 3, на стипендіи и пособія студентамъ 40217 руб., а всего вообще 333,472 руб. 65 коп.

По смѣтѣ спеціальныхъ средствъ было назначено: 1) сбора за слушаніе лекцій 11440 руб.; 2) процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 5805 р. 90 к.; 3) съ типографіи Университета 12514 руб., а всего доходовъ 29759 руб. 90 коп. Расходовъ: 1) двухъ-процентнаго вычета, подлежащаго въ сумму ученаго комитета съ суммы сбора за слушаніе лекцій 228 р. 80 к. и процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 5642 р. 40 к.; 2) на добавочную плату механику Генкель 120 р.; 3) на стипендіи и пособія бѣднымъ студентамъ 2860 руб.; 4) на стипендію имени Государя Наслѣдника Цесаревича 250 руб.; 5) на наемъ пѣвчихъ для Университетской церкви 450 руб.; 6) на составленіе капитала для содержанія стипендіата Наслѣдника Цесаревича изъ процентовъ 250 руб.; 7) на вознагражденіе библіотекаря при читальной комнатѣ 360 руб.; 8) на вознагражденіе профессоровъ, приватъ-доцентовъ и чиновниковъ, содержаніе кабинетовъ и разные другіе расходы, по усмотрѣнію Совѣта Университета, на основаніи §§ 42 и 109 устава Университетовъ, Высочайше утвержденнаго 18 іюня 1863 г.,—6921 р. 20 к.; 9) на уплату причетнику клинической церкви въ добавокъ къ таковой же, производимой изъ штатной суммы—60 руб.; 10) на содержаніе въ Университетѣ стипендіатовъ: Мусина-Пушкина, Державиной, Михайлова, Ломоносова, Дубовицкаго, Лебедева, братьевъ Пащенко, Журавлева, въ память столѣтія со дня рожденія Карамзина, Т. С. Шестакова, графа

Сперанскаго, Пермскаго благороднаго собранія и коллежскаго ассесора Велигорскаго 4665 р. 19 к.; 11) на преміи студентамъ изъ % съ капитала, пожертвованнаго ординарнымъ профессоромъ Степановымъ 10 руб.; 12) на вознагражденіе студентовъ за ихъ сочиненія, изъ % съ капитала, пожертвованнаго купцомъ Плѣшановымъ 12 руб.; 13) на выдачу дѣйствительному статскому совѣтнику Ротштейну 800 руб.; 14) отчислено въ сумму ученаго комитета 2% 95 р. 21 коп. и 15) на содержаніе типографіи 12514 руб. Пособій выдано въ теченіи 1878 года: а) изъ остатковъ отъ суммы, ассигнованной по смѣтѣ 1878 г. § 5, ст. 3, на стипендіи и пособія 149 своекоштнымъ студентамъ по всѣмъ факультетамъ 5321 р. 78 к.; б) изъ суммы сбора за право слушанія лекцій своекоштнымъ студентамъ всѣхъ факультетовъ 3072 руб.; в) отъ комитета для вспомоществованія 28 бѣднымъ студентамъ 560 руб.; г) отъ Калужскаго общества вспомоществованія 1-му 70 р., 1-му 45 р., 2-мъ 50 р.; отъ Вятской губернской земской управы 1-му 30 р.; д) отъ общества вспомоществованія оканчивающимъ курсъ бѣднымъ воспитанникамъ Уфимской гимназіи при поступленіи въ Университетъ 1-му 50 р., 2-му 120 р. и 3-му 100 р., а всего 370 руб.; е) отъ Тобольскаго общества вспомоществованія двумъ по 40 р.,—80 р. и 2-мъ по 50 р.—100 руб., 1-му 75 р.; отъ Калужскаго общества вспомоществованія 1-му 25 руб.

Прошеній отъ студентовъ о предоставленіи льготъ относительно платы за слушаніе лекцій поступило 358, по которымъ освобождено отъ платы за весь годъ 67 студентовъ, а за половину года 102 студента, разсрочено 25 студентамъ, и затѣмъ прошенія остальныхъ студентовъ

оставлены безъ уваженія, или по неудовлетворительности успѣховъ или свидѣтельствъ о бѣдности. Кромѣ того, освобождено отъ платы за слушаніе лекцій въ теченіи всего Университетскаго курса, на основаніи Высочайше утвержденнаго 2 марта 1876 г. мнѣнія государственнаго Совѣта, 38 студентовъ медицинскаго факультета, согласно данныхъ обязательствъ, по окончаніи курса прослужить по назначенію правительства 2 года.

Суммы сбора за право слушанія лекцій къ 1 января 1878 г. оставалось 191 руб. 34½ коп., въ 1878 году дѣйствительно поступило на приходъ 22303 руб. 20 коп., употреблено въ расходъ 20460 руб. 62 коп., а именно: а) на предметы, указанные въ § 109 устава, на вознагражденіе профессоровъ и приватъ-доцентовъ за преподаваніе студентамъ лекцій, а также и прочихъ лицъ за исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей 17270 руб. 62 коп.; б) на ученыя командировки: ординарному профессору *Бодуэнъ-де-Куртенэ* 350 руб., доценту *Загоскину* 150 руб., приватъ доценту *Смирнову* 300 руб., сверхштатному помощнику прозектора *Любимову* 300 руб., ординарному профессору *Баронъ-Розену*, командированному въ г. Москву на юбилей профессора Московскаго Университета г. Щуровскаго 200 р.; в) подъемныхъ денегъ ординарному профессору *Флоринскому* 250 руб., лаборанту *Рудневу* 250 руб., г. помощнику библіотекаря *Виганду* при увольненіи его въ отставку пособія 300 руб., вдовѣ профессора *Соколовой* пособія 250 руб., на погребеніе 3-хъ студентовъ 90 руб. и стипендіату въ Бозѣ почившаго Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича 250 руб. и пріобрѣтено на учрежденіе этой стипендіи 5% бумагъ на 500 руб.

Пожертвованій поступило: 1) отъ одного изъ членовъ Совѣта 200 руб. для передачи ихъ въ распоряженіе юридическаго и медицинскаго факультета, по 100 руб. въ каждый, съ тѣмъ, чтобы сумма эта была выдана тому изъ студентовъ, кто по окончаніи курса изъявитъ желаніе спеціально заниматься психіатріей въ казанской окружной лечебницѣ и представитъ удостовѣреніе въ успѣхахъ своихъ занятій отъ профессора психіатріи; 2) отъ статскаго совѣтника *Прозорова* на учрежденіе стипендіи—ссуды 3000 р.; 3) оти коллежскаго совѣтника *Дертева* на учрежденіе стипендіи его имени 4000 руб. 4) отъ статскаго совѣтника *Парначева* на учрежденіе двухъ стипендій его имени 24500 р.

Изъ стипендій разныхъ наименованій состояло на лицо:

1) Въ память въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича одна въ 250 руб. въ годъ изъ суммы сбора за право слушанія лекцій.

2) Государя Великаго Князя Владиміра Александровича, въ память Карамзина 3, по 200 руб. каждая, изъ суммъ Его Императорскаго Высочества.

3) Министерства народнаго просвѣщенія 40 стипендій по 300 руб. въ годъ каждая.

4) Казеннокоштныхъ медицинскихъ 40 по 300 руб. въ годъ каждая.

5) Сибирскаго края полагалось 28, за переводомъ изъ нихъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 14 день ноября 1872 года мнѣнія государственнаго совѣта, 8-ми стипендіатовъ въ Императорскій историко-филологическій институтъ, осталось 20; изъ нихъ воспитывается въ Казанскомъ Университетѣ 15, С.-Петербургскомъ 2 и Московскомъ 3.

6) Оренбургскаго края изъ магометанъ 4-ре по 250 р.

7) Оренбургской губерніи 2 по 200 руб.

8) Уфимской губерніи 2 по 200 руб.

9) Астраханской губерніи 4 по 200 руб.

10) Пермской губерніи 4 по 200 руб.

11) Св. Кирилла и Меѳодія 4 по 300 руб.

Сумма на всѣхъ вышеозначенныхъ стипендіатовъ, исключая первыхъ двухъ стипендій, отпускается изъ государственнаго казначейства.

12) Одинъ стипендіатъ состоявшій отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, получилъ въ содержаніе съ 1 января по 1 іюля 1878 г. 100 руб. изъ особаго кредита, открытаго означеннымъ Министерствомъ.

13) Минина и Пожарскаго (нынѣ Нижегородскаго дворянства) три по 250 р. въ годъ каждая, изъ нихъ двѣ состоятъ свободными. Сумма на содержаніе этихъ стипендіатовъ отпускается изъ Нижегородскаго Александровскаго Дворянскаго банка.

На проценты съ пожертвованныхъ Университету капиталовъ:

14) Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Мусина-Пушкина 1-на въ 142 руб. 85 коп. въ годъ.

15) Братьевъ Пащенко 3 по 300 руб. каждая.

16) О. В. Журавлевой одна въ 200 руб.

17) Тайнаго совѣтника Дубовицкаго одна въ 300 руб.

18) Тайнаго совѣтника Шестакова одна въ 300 руб. (деньги за право слушанія лекцій взимаются).

19) Штабъ-лѣкаря Лебедева одна въ 200 руб.

20) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ротштейнъ двѣ по 300 руб.

21) Дѣйствительной статской совѣтницы Державиной 3 по 114 р. 28 к. въ годъ каждая.

22) Вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Грумъ-Гржимайло одна въ 250 руб.

23) Въ память событія 4 апрѣля 1866 года одна въ 200 руб. (изъ суммъ членовъ педагогическаго совѣта Томской гимназіи).

24) Пермскаго благороднаго собранія въ память событія въ Парижѣ 25 мая 1867 г. одна въ 200 руб.

25) Пермскаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ 1 въ 300 руб.

26) Саратовскаго Дворянскаго Депутатскаго собранія Колычева одна въ 200 руб.

27) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Галкина одна въ 300 руб. (изъ суммы, собранной гражданами г. Вольска Саратовской губерніи).

28) Генералъ-адъютанта Крыжановскаго 2 по 320 руб. каждая.

29) Статскаго совѣтника Парначева 2, по 300 руб.

30) Коллежскаго совѣтника Дертева одна въ 200 руб.

31) Ссуда—стипеднія статскаго совѣтника Прозорова въ 150 руб.

На счетъ суммъ Земскихъ Управъ:

Губернскихъ:

32) Вятской 7, каждая по 300 руб.

33) Вологодской одна въ 300 руб.

34) Пензенской въ память графа М. М. Сперанскаго одна въ 300 руб.

35) Самарской 4, каждая по 200 руб.

36) Симбирской 7, каждая по 300 руб.

Уѣздныхъ:

37) Бузулукской одна въ 300 руб.

38) Глазовской одна въ 300 руб.

39) Городинской одна въ 300 руб.

40) Гороховецкой 2 по 300 руб.

41) Инсарской одна въ 300 руб.

42) Керенской одна въ 300 руб.

43) Мензелинской 3 по 300 руб.

44) Новоузенской 2 по 250 руб.

45) Ставропольской одна въ 250 руб.

46) Чембарской одна въ 300 руб.

47) Царевококшайской одна въ 300 руб

Городскихъ:

48) Астраханской одна въ 300 руб.

49) Бирской одна въ 300 руб.

50) Симбирской одна въ 200 руб.

51) Тобольскаго общества для вспомоществованія учащимся 5, по 200 руб.

52) Саратовской гимназіи одна въ 200 руб.

53) Управленія калмыцкимъ народомъ одна въ 400 р.

54) Высочайше утвержденная 3 сентября 1875 г. на вѣчныя времена одна стипендія при Казанскомъ Университетѣ и 1-й гимназіи имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Маріи Александровны въ 300 р.

на счетъ ежегоднаго пожертвованія изъ городскихъ доходовъ города Чистополя.

Казачьихъ войскъ:

55) Астраханскаго одна въ 420 руб.
56) Оренбургскаго 6 по 340 руб.
57) Сибирскаго 2 по 340 руб.
58) Уральскаго 6 по 340 руб.
59) Семирѣченской области одна въ 300 руб.

Сверхъ того, согласно ходатайству Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, на который послѣдовало въ 23 день февраля 1877 года Высочайшее соизволеніе, открыта подписка на учрежденіе стипендіи бывшаго профессора Казанскаго Университета Е. Ф. Аристова.

Изъ состоящихъ при Университетѣ ученыхъ обществъ, имѣемъ честь доставить свѣдѣнія о дѣятельности Общества естествоиспытателей и общества археологіи, исторіи и этнографіи.

1) Научная дѣятельность *общества естествоиспытателей* въ 1878 г., какъ и въ предшествовавшіе годы, сосредоточивалась главнымъ образомъ на устройствѣ экскурсій для естественно-научнаго изслѣдованія различныхъ мѣстностей восточной полосы Россіи и Сибири. Лѣтомъ истекшаго года на средства общества были предприняты экскурсіи:

1) Ю. К. Шелль изслѣдовалъ флору Уфимско-оренбургскаго края. 2) П. Н. Крыловъ продолжалъ свои изслѣдованія флоры Урала въ сѣверной части Пермской губерніи.

3) А. М. Зайцевъ прослѣдилъ въ части Казанской и Самарской губерній ярусы пермскаго известняка и пестрыхъ мергелей, а также и послѣтретичныя образованія. 4) С. М. Чугуновъ производилъ въ г. Симбиркѣ раскопки древнихъ кладбищъ. 5) Э. Д. Пельцамъ ѣздилъ по Волгѣ для собиранія миногъ и молодыхъ стерлядей съ цѣлью изученія образа жизни послѣднихъ. 6) И. Н. Смирновъ производилъ магнитныя наблюденія въ Печерскомъ краѣ. Кромѣ указанныхъ, были предприняты отъ имени общества, хотя и безъ матеріальнаго содѣйствія съ его стороны, еще двѣ геологическихъ экскурсіи: А. А. Штукенбергомъ и П. П. Кротовымъ — по Камѣ, Чусовой и за Ураломъ, около г. Екатеринбурга и А. П. Ивановымъ—по верхнему теченію Камы.

Въ засѣданіяхъ обществъ были сдѣланы слѣдующія научныя сообщенія: В. В. Заленскій окончилъ изложеніе своихъ изслѣдованій объ исторіи развитія стерляди. А. П. Сизовъ сообщилъ объ окончаніи обонятельнаго нерва у лягушки. Н. А. Миславскій сообщилъ о кровообращеніи въ легкихъ при различныхъ фазахъ дыханія. А. А. Штукенбергъ, кромѣ представленія предварительныхъ отчетовъ о геологическихъ экскурсіяхъ 1878 г. сообщилъ еще о девонскихъ пластахъ въ Минусинскомъ округѣ. С. М. Чугуновъ представилъ свое изслѣдованіе о значеніи отношенія вышины черепа къ его ширинѣ, совмѣстно съ отношеніемъ длины къ основанію, какъ отличительнаго признака расъ. Ю. К. Шелль и Н. П. Крыловъ представили предварительные отчеты о своихъ экскурсіяхъ. Н. А. Толмачевъ сообщилъ объ организаціи и дѣятельности съѣзда Французской ассоціаціи для споспѣшествованія наукъ въ 1878 г. въ Парижѣ. Кромѣ того, представлены въ общество статьи С. М.

Чугунова: — „о костяхъ, найденныхъ въ г. Симбирскѣ". Н. М. Маліева — „общія свѣдѣнія о мордвѣ Самарской губерніи". А. А. Штукенберга—по поводу замѣтки Мюллера: къ геологическому очерку южной части Нижегородской губерніи". Ю. К. Шелля—„списокъ явнобрачныхъ растеній окрестностей Талицкаго завода Пермской губерніи". В. Н. Виноградскаго—„результаты 5-ти лѣтнихъ метеорологическихъ наблюденій при Вятскомъ земскомъ училищѣ".—„Каталогъ растеній, собранныхъ въ 1874 г. въ Печерскомъ краѣ и на Тиманскомъ хребтѣ Штукенбергомъ и Пельцамомъ, обработанный Шеллемъ и Крыловымъ".—„Plantae minusinensis exsiccatae. Collect. Martianow". Эти статьи, а также нѣкоторыя изъ указанныхъ сообщеній напечатаны въ изданіяхъ общества, которое въ 1878 г. выпустило въ свѣтъ 7 й томъ „Трудовъ" и одинъ томъ „протоколовъ съ приложеніями". Въ концѣ истекшаго года открылся при обществѣ анатомо-физіологическій отдѣлъ, имѣвшій одно засѣданіе, въ которомъ К. А. Арнштейнъ сообщилъ о Membrana Bruchii радужной оболочки человѣка. Въ теченіи года избраны: 2 почетныхъ члена, 6 дѣйствительныхъ и 1 членъ - сотрудникъ, такъ что къ концу года общество состояло изъ 20 почетныхъ членовъ, 51 дѣйствительнаго и 28 членовъ-сотрудниковъ. Общество имѣло въ теченіи года, не считая годичнаго и одного-экстреннаго засѣданія, 9 засѣданій Совѣта и 8 общихъ собраній. Поддерживая сношенія съ другими учеными обществами и учрежденіями, общество высылало свои изданія въ 58 ученыхъ учрежденій. Вслѣдствіе полученія въ обмѣнъ изданій другихъ обществъ, библіотека общества значительно пополнилась. Кромѣ книгъ пріобрѣтенія заключались: въ коллекціи растеній, собранныхъ дѣйствительнымъ

членомъ Мартьяновымъ около г. Минусинска, и въ геологическихъ коллекціяхъ, собранныхъ членами-сотрудниками Кротовымъ и Зайцевымъ.

2) Состоящее при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ *Общество археологіи, исторіи и этнографіи*, утвержденное 18 марта 1878 г., въ истекшемъ году вступило въ первый годъ своего существованія. Къ концу перваго года его существованія, въ обществѣ числилось всего 64 члена, изъ нихъ два почетныхъ, 51 дѣйствительный и 11 сотрудниковъ. Предсѣдателемъ общества состоитъ г. Попечитель Казанскаго Учебнаго округа, тайный совѣтникъ П. Д. Шестаковъ, Товарищемъ Предсѣдателя, ординарный профессоръ С. М. Шпилевскій, Секретаремъ—доцентъ Университета Н. П. Загоскинъ; членами Совѣта общества состоятъ: протоіерей Пл. Заринскій, руководитель частнаго миссіонерскаго института Н. И. Золотницкій, директоръ народныхъ училищъ Казанской губерніи И. А. Износковъ, инспекторъ татарскихъ, киргизскихъ и башкирскихъ школъ Казанскаго Учебнаго Округа В. В. Радловъ и ординарный профессоръ университета Н. А. Ѳирсовъ.

Въ отчетномъ году имѣли мѣсто семь общихъ собраній членовъ общества и семь засѣданій Совѣта общества. Въ очередныхъ общихъ собраніяхъ общества сдѣлано было 14 научныхъ сообщеній, слѣдующими именно лицами: 1) дѣйствительнымъ членомъ П. В. Владиміровымъ: „объ историческомъ значеніи рукописей библіотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи; 2) дѣйствительнымъ членомъ протоіереемъ П. Е. Заринскимъ: а) о древней каменной иконѣ XIII—XIV стол., открытой въ г. Козмодемьянскѣ „и b) легендарныя сказа-

нія о началѣ Казани". 3) Дѣйствительнымъ членомъ Золотницкимъ: „лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Морквашъ"; 4) членомъ, сотрудникомъ А. П. Ивановымъ: а) о слѣдахъ первобытнаго чудскаго населенія въ сѣв.-зап. части Пермской губерніи"; 5) дѣйствительнымъ членомъ Д. А. Корсаковымъ: „о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію Казанскаго края"; 6) дѣйствительнымъ членомъ А. Ѳ. Лихачевымъ: „предварительное сообщеніе объ открытіи слѣдовъ каменнаго вѣка въ окрестностяхъ г. Казани"; 7) дѣйствительнымъ членомъ П. А. Пономаревымъ: „о современныхъ слѣдахъ древняго города Укека въ Саратовской губерніи; 8) дѣйствительнымъ членомъ В. К. Савельевымъ: а) „описаніе Джучидскихъ монетъ, собранныхъ П. А. Пономаревымъ въ дер. Укекѣ" и b) „описаніе древнихъ русскихъ монетъ XV—XVI вѣковъ, составлявшихъ кладъ, открытый въ Казанскомъ кремлѣ 4 сентября 1878 г."; 9) дѣйствительнымъ членомъ С. М. Шпилевскимъ: а) обзоръ литературныхъ свѣдѣній о древнемъ Укекѣ" и b) имъ же прочитано сообщеніе профессора С.-петербургскаго университета В. П. Васильева „о замѣчательной китайской монетѣ 998—1009 г. нашей эры, пріобрѣтенной въ с. Болгарахъ въ августѣ 1877 г"; 10) дѣйствительнымъ членомъ А. А. Штукенбергомъ: а) о чудскомъ городищѣ, вновь открытомъ имъ на устьѣ р. Чусовой и b) имъ же прочитано сообщеніе П. И. Кротова „о нѣкоторыхъ мѣстонахожденіяхъ каменныхъ орудій въ Вятской и Казанской губерніяхъ".

При обществѣ учреждены: библіотека, архивъ рукописей и актовъ и археолого-этнографическій музей. Въ библіотекѣ общества имѣлось къ концу отчетнаго года 228

названій въ 381 томѣ книгъ, атласовъ и брошюръ. Архивъ рукописей и актовъ вмѣщалъ къ концу года до 90 отдѣльныхъ №№. Въ музеѣ числилось 370 нумеровъ предметовъ, касающихся мѣстной археологіи и этнографіи. Денежныя средства общества образуются исключительно лишь изъ единовременныхъ и годичныхъ членскихъ взносовъ, сумма которыхъ составила въ истекшемъ году 500 руб. Общество издаетъ, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, „извѣстія“ свои, а въ теченіи предстоящаго лѣта 1879 г. предполагаетъ издать сборникъ трудовъ членовъ своихъ. Въ настоящее время у общества стоитъ на очереди вопросъ объ учрежденіи въ г. Казани публичнаго Археологическаго и Этнографическаго музея, вопросъ, представляющійся дѣломъ настоятельной потребности, въ виду особеннаго богатства и значенія мѣстнаго края въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Разработка этого вопроса возложена на особую Коммиссію, избранную обществомъ изъ среды членовъ его.

3) *Общество врачей* въ теченіи 1878 г. имѣло 6 очередныхъ засѣданій и одно годичное.

Въ Обществѣ состояло 56 членовъ, изъ нихъ: почетныхъ 3, дѣйствительныхъ 53; живущихъ въ Казани 50, иногородныхъ 6.

Въ очередныхъ засѣданіяхъ гг. членами сдѣлано 15 научныхъ сообщеній, а именно:

1) *К. А. Арнштейномъ* и *А. Н. Соловьевымъ* — Mola hydatidoza incipiens.

2) *М. Ф. Болдыревымъ*—Polypus laryngis multiplex.

3) *Н. А. Виноградовымъ* — Два случая Febris intermittentis larvatae.

4) Имъ-же: Изъ терапевтическаго отдѣленія факультетской клиники Казанскаго Университета.

5) *М. Ѳ. Высоцкимъ*—Лимфатическая система обволакивающихъ апоневрозовъ.

6) *П. В. Кузнецкимъ* — О герметической повязкѣ съ камфорнымъ спиртомъ.

7) *Львовымъ* (студ. мед.)—Къ вопросу о леченіи несрастающихся переломовъ и ложныхъ суставовъ.

8) *Рудановскимъ П. В.*—Дополнительныя свѣдѣнія по строенію осевыхъ цилиндровъ, какъ трубокъ, заключающихъ въ себѣ содержимое и о механическихъ въ нихъ измѣненіяхъ.

9) *Соловьевымъ А. И.*—Случай остановки кровотеченія послѣ родовъ введеніемъ кусковъ льда въ полость матки.

10) Имъ-же — О сшиваніи промежности посредствомъ кэть-гуттъ.

11) Имъ-же—Краткое сообщеніе о полипѣ матки.

12) Имъ-же—Извлеченіе изъ 2 отчета по Лихачевскому родильному отдѣленію.

13) *Студенскимъ Н. И.*—Болѣзненность и смертность въ Дунайской арміи, по свѣдѣніямъ сортировочной коммиссіи во Фратештѣ. Предварительное сообщеніе.

14) *Толмачевымъ Н. А.*—Случай foetus in foetu.

15) *Щербаковымъ А. Я.*—Къ вопросу о дѣйствіи искуственнаго желудочнаго сока на фибринъ. Предварительное сообщеніе.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1879 года предъ началомъ курсовыхъ и окончательныхъ испытаній, *студентовъ состояло 640*, изъ нихъ переведено въ слѣдующіе курсы 449, осталось въ тѣхъ же курсахъ 86, уволено изъ Университета 19, окон-

чило курсъ 85 и 1 допущенъ къ испытанію, на основаніи предложенія г. Попечителя Казанскаго Учебнаго округа 17 іюля за № 4260, по выздоровленіи.

Поступило въ студенты въ началѣ сего 1879—80 академическаго года на факультеты: историко-филологическій 17, физико-математическій: разрядъ математическихъ наукъ 11, разрядъ естественныхъ наукъ 1, итого 12, юридическій 14 и медицинскій 76, а всего 119.

Изъ окончившихъ въ настоящемъ 1879 году курсъ наукъ удостоены степени кандидата: по историко-филологическому факультету—*Кукурановъ* Николай, юридическому факультету, разряду юридическихъ наукъ — *Сановъ* Василій, *Лавровскій* Иванъ и *Целебровскій* Иванъ; государственныхъ наукъ *Будаковичъ* Николай; признаны заслуживающими степени кандидата, если въ узаконенный срокъ по § 17 положенія объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на ученыя степени, представятъ диссертаціи, студенты IV курса: историко-филологическаго факультета,—*Ясницкій* Николай; физико-математическаго факультета, разряда математическихъ наукъ:—*Доронинъ* Алексѣй, *Перуанскій* Константинъ, *Толузаковъ* Василій; разряда естественныхъ наукъ: *Зайцевъ* Алексѣй, *Земляницынъ* Александръ и *Широковъ* Алексѣй; юридическаго факультета: разряда юридическихъ наукъ: *Преображенскій* Михаилъ, *Румянцевъ* Алексѣй, *Шестаковъ* Леонидъ; разряда государственныхъ наукъ: *Бобылевъ* Евгеній и *Бекетовъ* Леонидъ.

Съ званіемъ дѣйствительнаго студента окончили курсъ по факультетамъ: историко-филологическому: *Петерсенъ* Оттонъ; физико - математическому: разряда математическихъ наукъ: *Андреевъ* Михаилъ, *Голубевъ* Петръ, *Долговъ* Алексѣй, *Ива-*

новъ Касьянъ, *Пантелѣевскій* Александръ, *Стешинъ* Николай, *Фроловъ* Александръ и *Шавринъ* Василій; разряда естественныхъ наукъ *Рябининъ* Константинъ; юридическому: разряда юридическихъ наукъ: *Протопоповъ* Севиръ, *Шмидъ* Андрей, *Писаревъ* Иванъ и *Прозоровъ* Александръ; разряда государственныхъ наукъ: *Батуевъ* Иванъ, *Крыжановскій* Владиміръ, *Микулинъ* Ѳедоръ, *Поповъ* Всеволодъ, *Пото* Николай, *Третьяковъ* Александръ и *Ольдекопъ* Алексѣй и по медицинскому факультету окончили курсъ со степенью лѣкаря студенты V курса: *Бобровъ* Иванъ, *Брянцевъ* Владиміръ, *Вонгродскій* Виталій, *Вяльбутъ* Витольдъ, *Голубятниковъ* Ѳеогній, *Добросмысловъ* Николай, *Догель* Александръ, *Дроздовъ* Иванъ, *Дунаевъ* Иванъ, *Зворыкинъ* Николай, *Зенковъ* Аркадій, *Ивановъ* Михаилъ, *Карповъ* Викторъ, *Кекинъ* Ипполитъ, *Ключаревъ* Петръ, *Клячинъ* Константинъ, *Кунаевъ* Михаилъ, *Львовъ* Иванъ, *Любославовъ* Серафимъ, *Мизеровъ* Матвѣй, *Миловидовъ* Александръ, *Николаевъ* Николай, *Плѣшивцевъ* Рафаилъ, *Покровскій* Владиміръ, *Покровскій* Сергѣй, *Раевскій* Николай, *Разумовскій* Ѳедоръ, *Райскій* Дмитрій, *Скамницкій* Павелъ, *Слаута* Николай, *Соколовъ* Николай, *Соколовъ* Нилъ, *Счастливцевъ* Павелъ, *Талавриновъ* Яковъ, *Тепляшинъ* Александръ, *Тепляшинъ* Семенъ, *Туберовскій* Николай, *Флеринъ* Николай, *Цвѣтковъ* Петръ, *Чаганакскій* Николай, *Чудновскій* Исаакъ, *Шерстенниковъ* Николай, *Щепотьевъ* Николай и *Юшковъ* Владиміръ и изъ нихъ, кромѣ Вонгродскаго, Карпова, Николаева, Плѣшивцева, Скамницкаго, Соколова Николая, Чаганакскаго и Шерстенникова; остальные всѣ удостоены званія уѣзднаго врача.

На заданныя въ прошедшемъ году темы представлены **по факультетамъ:**

1) Историко-филологическому—сочиненіе подъ заглавіемъ: „Исторія языка и литературы Лужичанъ“.

2) Медицинскому—сочиненіе подъ заглавіемъ: „Экспериментальная разработка вопроса о присасываніи венозной крови къ сердцу“, съ девизомъ: „только опытомъ познается истина“. Сочиненія эти, согласно отзывамъ гг. ординарныхъ профессоровъ: о первой—*Петровскаго*, а послѣдней—*Догеля*, признаны факультетами заслуживающими награжденія серебряными медалями.

По вскрытіи, въ засѣданіи Совѣта, пакетовъ съ именами авторовъ, оказалось, что означенныя диссертаціи принадлежатъ: первая студенту 2 курса историко-филологическаго факультета Сергѣю *Буличу*, а послѣдняя лѣкарю Ивану *Львову*.

Совѣтъ Университета опредѣлилъ: наградить въ торжественномъ собраніи Университета студента 2 курса историко-филологическаго факультета *Булича* и лѣкаря *Львова* серебряными медалями.

Въ нынѣшнемъ году окончили земное, и вмѣстѣ съ нимъ и ученое поприще два мужа, столь долго украшавшіе собою Казанскій Университетъ: одинъ, окончившій службу нѣсколько лѣтъ тому назадъ и состоявшій почетнымъ его членомъ, другой профессоромъ, еще неоставившимъ службу. Оба профессоры математики: одинъ чистой математики, другой прикладной математики. Оба свое служеніе наукѣ въ универ-

ситетѣ продолжали одновременно, и оба его окончили въ одинъ годъ. Я говорю о профессорахъ *Поповѣ* и *Котельниковѣ*, желая почтить ихъ память на торжественномъ собраніи университета того года, въ который они скончались.

Почетный членъ Императорскаго Казанскаго Университета, членъ корреспондентъ Императорской Академіи наукъ, Московскаго общества испытателей природы, Казанскаго любителей отечественной словесности Александръ Өедоровичъ *Поповъ* былъ, по счету, третьимъ ординарнымъ профессоромъ *чистой математики* въ Казанскомъ Университетѣ. Но этотъ третій былъ ученикомъ предъидущаго, а сей послѣдній преемникомъ своего учителя. Такая преемственность, такая тѣсная нравственная связь лежитъ между всѣми троими, а потому, говоря о третьемъ, скажемъ и о двухъ первымъ.

Первымъ ординарнымъ профессоромъ чистой математики въ Казанскомъ Университетѣ былъ Іоаннъ Мартинъ Христіанъ *Бартельсъ* (род. 1769 въ Брауншвейгѣ и умеръ 1836 г. въ Дерптѣ) (¹). Бартельса въ числѣ другихъ извѣстныхъ ученыхъ (какъ то Литрова, Броннера и пр.) вызвалъ изъ за границы въ 1807 г. тогдашній (первый) Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа *Румовскій*, самъ извѣстный математикъ, астрономъ, ученикъ сначала Ломоносова и послѣ знаменитаго Эйлера. Университетъ и самъ высоко цѣнилъ заслуги Бартельса и сдѣлалъ его своимъ почетнымъ членомъ, когда онъ былъ профессоромъ съ 1806 г. астрономіи въ астрономическомъ институтѣ въ Брауншвейгѣ (²). Это былъ тотъ са-

---

(¹) Poggendorff's Biographisch-litterarisches Handwörterbuch et., Bd. I, 107.

(²) См. послужной списокъ Бартельса за 1808 г.

мый Бартельсъ, котораго Лапласъ, какъ говорятъ, называлъ первымъ математикомъ въ Германiи и кототорый былъ учителемъ знаменитаго Гаусса (3). Бартельсъ началъ преподавать въ Казанскомъ Университетѣ съ 1808 г. и оставался профессоромъ до 1816 года. Подъ его руководствомъ образовался и развился преемникъ его, второй ординарный профессоръ чистой математики Николай Ивановичъ *Лобачевскiй* (род. въ 1793 г. и умеръ въ 1856 году). Столь дорогое и вѣчное памятное собственно для Казанскаго университета какъ послѣдняго устроителя его, имя Лобачевскаго особенно извѣстно въ ученомъ мiрѣ. Но признавая высокiя природныя дарованiя Лобачевскаго, не можемъ отрицать и того, что дарованiя эти особенно развились подъ руководствомъ такого профессора, какъ Бартельсъ. „Профессоръ Бартельсъ, говоритъ А. Θ. Поповъ, не только усмотрѣлъ дарованiя въ Лобачевскомъ къ наукамъ математическимъ, но и полюбилъ сердечно ученика своего, съ отеческимъ попеченiемъ воздерживая его отъ порывовъ, свойственныхъ юношескому возрасту и рекомендуя начальству университета необыкно-

---

(3) *Сухомлинова*, Матерiалы для исторiи образ. стр. 98. Гауссъ (р. 1777, ум. 1855 г.) былъ ученикомъ Бартельса, вѣроятно, въ геттинскомъ университетѣ гдѣ съ 1794 г. Бартельсъ былъ сначала студентомъ, а потомъ преподавателемъ. (См. Pogg. т. I, стр. 854 и форм. списокъ Бартельса). Былъ-ли Гауссъ ученикомъ Бартельса, неизвѣстно, и мы здѣсь опираемся на свидѣтельство г. Сухомлинова, ссылающагося при этомъ на бiографiю Бартельса въ das Inland, 1837, №№ 50 и 51, но вѣрно, однако то, что Бартельсъ читалъ уже въ 1809 г. въ Каз. Университетѣ по Гауссу высшую ариѳмемику (см. первое по времени *печатное* «извѣщенiе о публичныхъ преподаванiяхъ, имѣющихъ быть въ Импер. Каз. Университетѣ». 1809 г. Сочиненiе Гаусса—Disquisitiones aritmeticae вышло въ Лейпцигѣ 1801 г. 4° (Pogg. ib. Pierer's Universal-lexicon, B. 4, 18.

венныя успѣхи своего любимца. Онъ поручилъ Лобачевскому объяснить для студентовъ первый томъ сочиненія Лапласа Mecanique céleste и Гаусса Disquisitiones arithmeticae. Это было задано въ 1811 г. и для дебюту молодому магистру" (³). Изъ своего ученика Бартельсъ образовалъ не только достойнаго себѣ преемника, но извѣстнаго ученаго. Имя Лобачевскаго и прежде знакомое европейскимъ ученымъ, особенно сдѣлалось извѣстнымъ, спустя много лѣтъ по смерти его, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда профессоръ Бордосской академіи Гуэль началъ переводить сочиненія его на французскій языкъ. „Всѣ сочиненіе Лобачевскаго отличаются оргинальностью и новостью взгляда, глубиною мысли и необыкновеннымъ умѣніемъ владѣть математическимъ анализомъ, говоритъ профессоръ Янишевскій (⁴). По словамъ Попова „въ аудиторіи Лобачевскій умѣлъ быть глубокомысленнымъ или увлекательнымъ, смотря по предмету изложенія. Между тѣмъ, какъ въ сочиненіяхъ своихъ онъ отличался слогомъ сжатымъ и невсегда яснымъ, въ аудиторіи онъ заботился объ изложеніи со всею ясностью, рѣшая сначала частныя задачи по способу синтетическому, а потомъ доказывая общія предложенія по способу аналитическому; онъ мало заботился о механизмѣ счета, но всего болѣе о точности понятія; онъ любилъ болѣе самъ учить, нежели излагать по авторамъ, предоставляя слушателямъ самимъ познакомиться съ подробностями ученой

(³) *Попова*, Воспоминанія о службѣ и трудахъ профессора Казанскаго Университета Лобачевскаго (Уч. Зап. Казанскаго Университета 1857 г. т. IV, стр. 154.

(⁴) *Янишевскаго*. Историч. записка о жизни и дѣятельности Н. И. Лобачевскаго 1868 г. стр. 55.

литературы. При испытаніихъ Лобачевскій былъ повидимому своеправенъ; иногда онъ довольствовался отвѣтомъ въ нѣсколькихъ словахъ, другой же разъ останавливалъ съ неудовольствіемъ бойкій отвѣтъ студента. Дѣло состояло въ томъ, что онъ всегда добивался развитія способностей и здраваго смысла, и почиталъ непрочнымъ пріобрѣтеніе молодой памяти".

Съ 1831 года въ Казанскомъ Университетѣ въ числѣ студентовъ 2 отдѣленія философскаго факультета (т. е. нынѣшняго физико-математическаго факультета, разряда математическихъ наукъ) сталъ слушать лекціи Лобачевскаго, поступившій въ этомъ году въ студенты ученикъ вятской гимназіи *Поповъ*. О его жизни и дѣятельности предоставимъ говорить ему самому (5).

Александръ Ѳедоровичъ Поповъ родился въ Вяткѣ 17 ноября 1815 года. Первоначальное образованіе какъ было упомянуто, профессоръ Поповъ получилъ въ Вятской гимназіи. Изъ этой поры самой ранней молодости у будущаго замѣчательнаго математика — профессора осталось навсегда въ памяти слѣдующее событіе. На торжественномъ актѣ гимназіи, происходившемъ 2 іюля 1829 года,

---

(5) А. Ѳ. Поповъ самъ составилъ свою краткую біографію и помѣстилъ ее въ вят. губ. вѣдомостяхъ, 1868 г., подъ названіемъ «Страница къ исторіи вятской гимназіи». Въ этой «страницѣ» напечатано письмо въ Совѣтъ Вятской гимназіи. Алек. Ѳедор. гдѣ онъ между прочимъ говоритъ: «Секретарь Совѣта Каз. Унив. г. Фастрицкій просилъ доставить ему матеріалы для моей біографіи, но я предпочитаю, чтобы поминокъ заживо сказался въ г. Вяткѣ. И такъ я просилъ бы, помѣстить въ Вятской газетѣ, какъ историческій отрывокъ прилагаемую при семъ біографическую записку». Въ отдѣльной брошюрѣ эту «страницу» и получилъ я впослѣдствіи отъ Александра Ѳедоровича.

привелось ему произнесть нѣкоторые драматическіе отрывки; маленькій, смуглый, смѣлый мальчикъ доставилъ истинное удовольствіе присутствовавшей на актѣ публикѣ своимъ мастерскимъ произношеніемъ. Въ числѣ присутствовавшихъ на этомъ актѣ былъ Преосвященный Кириллъ, тогдашній Епископъ Вятскій, впослѣдствіи архіепископъ Каменецъ-Подольскій, человѣкъ замѣчательный въ нашей духовной іерархіи, особенно памятный для Вятской епархіи по многимъ благодѣтельнымъ своимъ дѣйствіямъ и по своему истинно-архипастырскому характеру. Когда ученикъ Поповъ, послѣ произнесенія своихъ отрывковъ, подошелъ къ архипастырю для принятія обычнаго благословенія, бывшій тутъ учитель математики Наумовъ доложилъ преосвященному, что этотъ бойкій и даровитый ученикъ, къ сожалѣнію, вовсе не занимается математикой. Въ слѣдующее же утро благодушный архипастырь бесѣдовалъ въ своемъ кабинетѣ съ мальчикомъ гимназистомъ Поповымъ, объяснялъ ему достоинство и занимательность каждой науки, и подарилъ для поощренія книжку своего сочиненія съ собственно-ручною надписью. Задушевны и убѣдительны, вѣрно, были слова архипастыря и на воспріимчивую почву пали они, потому что съ этихъ поръ Поповъ началъ съ жаромъ заниматься математикой, и математическія науки сдѣлались на всю жизнь страстно-любимымъ предметомъ его изученія. Черезъ два года послѣ этаго обстоятельства, именно въ 1831 г., ученикъ Поповъ представилъ уже на публичное собраніе въ гимназіи собственное небольшое разсужденіе: „О взаимномъ тяготѣніи небесныхъ тѣлъ“; въ томъ же году явился на испытаніе въ Казанскій Университетъ, и во вниманіе къ отличнымъ успѣхамъ его и недостаточному состо-

нію, по ходатайству профессоровъ—математиковъ Брашмана и Симонова (*), немедленно помѣщенъ на казенное содержаніе. Въ 1835 г., по окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата математическихъ наукъ, Александръ Ѳеоровичъ Поповъ опредѣленъ старшимъ учителемъ математики въ 1-ю Казанскую гимназію. Случилось такъ, что дѣти бывшихъ учителей и профессоровъ и родные братья Попова сдѣлались его учениками. Такимъ образомъ, онъ началъ службу, какъ бы платя своимъ воспитателямъ воспитаніемъ ихъ собственныхъ дѣтей: рѣдкое стеченіе обстоятельствъ!

Пламенная любознательность молодаго учителя немогла удовлетвориться тѣсными рамками гимназическаго преподаванія; умъ его стремился къ уразумѣнію высшихъ началъ науки во всей ея глубинѣ и обширности. Бывшіе въ то время въ Казанскомъ Университетѣ знаменитые математики, Лобаческій и Симоновъ, не могли не возбуждать благороднаго честолюбія въ молодомъ ученомъ, потому онъ вскорѣ прекратилъ частные уроки, которые имѣлъ на пользу своихъ родныхъ, и посвятилъ два года неусыпнымъ занятіямъ, чтобы приготовиться къ экзамену на магистра математики, въ каковой степени, послѣ испытанія въ Казанскомъ Университетѣ, и былъ утвержденъ 12 февраля 1843 г. Затѣмъ въ 1845 г. по испытаніи также въ Казанскомъ Университетѣ, удостоенъ степени доктора математики и астрономіи.

(*) Брашманъ читалъ прикладную математику, а Симоновъ астрономію.

Докторская диссертація Попова: „Объ интегрированіи уравненій гидродинамики, приведенныхъ къ линейному виду“ удостоилась самаго лестнаго отзыва со стороны такого строгаго ученаго, каковъ былъ покойный Лобачевскій, и издана на казенной счетъ Университетомъ. Въ 1846 г. бывшій Ректоръ Казанскаго Университета Лобачевскій вступилъ въ управленіе казанскимъ учебнымъ округомъ и оставилъ вакантною каѳедру чистой математики; тогда Совѣтъ Казанскаго Университета почтилъ учителя Попова блистательнымъ избраніемъ на должность экстраординарнаго профессора помянутой каѳедры, а въ 1849 г. онъ избранъ ординарнымъ профессоромъ. Достигши, послѣ многихъ лѣтъ, того поприща, къ которому давно устремлены были самыя задушевныя его желанія, профессоръ Поповъ не почилъ на лаврахъ, а посвятилъ себя новой благородной дѣятельности съ энергіею и сосредоточностію истиннаго ученаго, не развлекаясь ни удовольстіями свѣта, ни мечтами о семейномъ счастіи. Этой-то сосредоточности А. Ѳ. Поповъ обязанъ тѣмъ, что живя вдали отъ столицъ, отъ ученыхъ знаменитостей, онъ не только всегда стоялъ въ уровень съ развитіемъ своей науки, но и самъ успѣлъ сдѣлать въ нее значительные вклады.

Плодотворная профессорская дѣятельность Попова навсегда останется памятною въ исторіи Казанскаго университета и въ умахъ многочисленныхъ его слушателей. Объ этой дѣятельности всего лучше свидѣтельствуютъ многочисленныя сочиненія его, напечатанныя частію отдѣльными книгами, частію помѣщенныя въ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ. Число сочиненій профессора По-

пова простирается по настоящее время до сорока (¹). Здѣсь не можетъ быть мѣста для оцѣнки ученыхъ заслугъ профессора Попова—это дѣло спеціалистовъ. Мы можемъ сказать только нѣсколько словъ о его ученыхъ трудахъ. Избранный предметъ его занятій составляетъ задача о распространеніи волнъ на поверхности жидкихъ тѣлъ. Эта задача разработана имъ съ разныхъ сторонъ во многихъ трактатахъ, рядъ которыхъ начинается магистерской диссертацiей, изд. 1843 г.: „Теорія волненія каплеобразныхъ жидкостей". Нѣкоторыя относящіяся сюда изслѣдованія профессора Попова переведены на нѣмецкій и французскій языки въ Берлинѣ и Парижѣ, какъ напр.: „Рѣшеніе задачи о волнахъ съ высшимъ приближеніемъ", 1860 г., гдѣ излагается вся сущность математическаго ученія о волнахъ. Въ какой мѣрѣ знакома профессору Попову математическая физика, объ этомъ онъ засвидѣтельствовалъ въ своей рѣчи—„Объ ученыхъ заслугахъ Пуассона", произнесенной въ 1849 г. на торжественномъ собраніи Казанскаго университета. Изъ его собственныхъ изслѣдованій по математической физикѣ можно указать: 1) Изслѣдованіе теоріи звука, помѣщенное въ журналѣ Ліуваля въ Парижѣ; 2) Возраженіе противъ новой теоріи движенія электричествъ, переведенное на нѣмецкій языкъ самими авторами теоріи, 1853 г.; 3) Интегрированіе уравненій, представляющихъ вибраціи въ упругой срединѣ на французскомъ языкѣ (Вѣд. Моск. Общ. испытателей природы, 1853 года); 4) О траекторіяхъ частичекъ при перемѣщеніи жидкой массы, (Зап. Акад. Н. 1867 г.); 5) Рѣшеніе одной геологической за-

(¹) Это было, какъ сказали мы выше, писалось въ 1868 году.

дачи, 1867 года (тамъ же). Изъ курсовъ своихъ лекцій профессоръ Поповъ издалъ двѣ части самостоятельныхъ изслѣдованій: 1) Основаніе варіаціоннаго изсчисленія, 1855 г. и 2) Ученіе объ опредѣленныхъ интегралахъ.

Ученые труды профессора Попова доставили ему заслуженное уваженіе какъ въ русскомъ, такъ и иностранномъ ученомъ мірѣ. Такъ въ 1855 году Казанскій университетъ избралъ его, какъ достойнаго своего члена, быть представителемъ на праздникѣ столѣтнаго юбилея Московскаго университета; въ 1857 г. онъ посѣтилъ Гельсингфорскій университетъ и познакомился лично съ Петербургскими академиками; въ 1861 г., во время заграничнаго отпуска для поправленія здоровья, принятъ былъ съ большею честію парижскими учеными знаменитостями, именно: президентомъ французскаго института Дюгамелемъ, также академиками—Бертраномъ, Гермитомъ и др. По возвращеніи изъ заграницы, въ бытность покойнаго Наслѣдника Цесаревича въ Казани имѣлъ счастіе прочесть въ присутствіи Его Высочества лекцію. Въ 1864 г. по порученію попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, профессоръ Поповъ прибылъ ревизоромъ въ ту гимназію, изъ которой назадъ тому 33 года вышелъ скромнымъ ученикомъ. Посѣщеніе родины, по собственному признанію профессора, оставило въ немъ самыя пріятныя воспоминанія.

Въ заключеніе не можемъ не сказать, что А. Ѳ. Поповъ, какъ профессоръ, отличался рѣдкимъ даромъ преподаванія, строго-серьезнымъ отношеніемъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, твердымъ характеромъ и непоколебимыми убѣжденіями, о чемъ единогласно могутъ засвидѣтельствовать его многочисленные слушатели, разсѣян-

ные по всему Казанскому округу, и изъ которыхъ многіе съ честію занимаютъ профессорскія и учительскія каѳедры. Проф. Поповъ умеръ 31 декабря 1878 года оставивъ послѣ себя 53 сочиненія, списокъ которымъ издалъ самъ въ 1876 году. Найденное имъ выраженіе остаточнаго члена для строки Лагранжа носитъ въ наукѣ имя А. Ѳ. Попова (8).

Заслуженный ординарный профессоръ прикладной математики, почетный членъ Казанскаго Университета, членъ Казанскаго Общества любителей отечественной словесности тайный совѣтникъ Петръ Ивановичъ *Котельниковъ* окончилъ курсъ въ Харьковскомъ Университетѣ въ 1828 году.

Это былъ тотъ годъ, когда учрежденъ былъ по Высочайшему повелѣнію профессорскій институтъ при Дерптскомъ Университетѣ для образованія университетскихъ преподавателей, изъ 20 лучшихъ природныхъ русскихъ студентовъ, съ тѣмъ чтобы, по окончаніи трехгодичнаго курса въ Дерптѣ, они отправляемы были для усовершенствованія въ избираемыхъ ими наукахъ, за границу. Вслѣдствіе этого, назначенные изъ всѣхъ русскихъ университетовъ 20 кандидатовъ и студентовъ присланы были въ Петербургъ, и по выдержаніи строгаго экзамена въ Академіи Наукъ, 19 были посланы въ Дерптъ, а одинъ (Мухлинскій) оставленъ при Петербургскомъ Университетѣ. Въ числѣ этихъ 19 былъ и воспитанникъ Харьковскаго Университета Котельниковъ (9). Въ

(8) Крест. кал. Гатцука на 1880.

(9) Въ біографическомъ очеркѣ покойнаго профессора Скандовскаго который тоже былъ изъ числа 19, мы назвали имена всѣхъ посланныхъ тогда за границу (см. извлеченіе изъ отчета Каз. Ун-та за 1866—1867 акад. годъ, стр. 12, прим.) молодыхъ людей, готовящихся къ профессорскому званію.

профессорскій институтъ Котельниковъ былъ принятъ въ 1830 г., пріобрѣлъ въ 1833 г. степень магистра свободныхъ наукъ и доктора философіи, и въ томъ же году былъ отправленъ за границу въ Берлинъ. Надзоръ за молодыми учеными, находящимися собственно въ Берлинѣ былъ порученъ, по Высочайшему соизволенію сначала профессору Берлинскаго Университета Краниxфельду, и въ послѣдствіи состоящему при русскомъ посольствѣ въ Пруссіи свиты Его Императорскаго Величества генералъ маіору Мансурову. Котельниковъ и съ нимъ еще 17 молодыхъ ученыхъ, посланныхъ за границу воротился въ Россію въ 1835 г.

Между тѣмъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія исходатайствовалъ въ іюнѣ того же года Высочайшее соизволеніе на то, чтобы ему самому, минуя право устава, было предоставлено право размѣщать по университетамъ молодыхъ ученыхъ. Представленіе свое Министръ оправдывалъ слѣдующими соображеніями. „Университеты имѣютъ право сами избирать на вакантныя каѳедры ученыхъ; но въ настоящемъ случаѣ допустить ихъ пользоваться симъ правомъ было-бы чрезвычайно неудобно: во первыхъ соблюденіе всѣхъ должныхъ при семъ случаѣ формъ и условій потребовало-бы слишкомъ много времени, во вторыхъ каждый университетъ обращая вниманіе только на свои нужды, не могъ бы дѣйствовать безъ нарушенія пользы прочихъ университетовъ, да и самимъ молодымъ ученымъ открылиоь бы способы къ разнымъ домогательствамъ, подъ разными предлогами, уклоняться отъ того, или другаго университета, для полученія мѣстъ, преимущественно въ столицахъ. Министръ испрашивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайшее соизволеніе и на то, что бы подъ его предсѣдательствомъ, составленъ былъ осо-

бый комитетъ для справедливаго и безотлагательнаго размѣщенія молодыхъ ученыхъ по университетамъ“ (¹⁰) Учрежденный вслѣдствіе сего комитетъ назначилъ прибывшимъ ученымъ предварительно темы для пробныхъ лекцій, которыя были читаны въ присутствіи комитета въ малой залѣ Академіи между 18 іюля и 5 сентября. Котельниковъ читалъ пробную лекцію на тему „Приложеніе исчисленія вѣроятностей къ физическимъ наукамъ“. Конспектъ ея слѣдующій: „разрѣшеніе нѣкоторыхъ задачъ, относящихся къ исчисленію вѣроятностей вообще; приложеніе сего исчисленія къ физическимъ наукамъ при опредѣленіи вѣроятнѣйшихъ результатовъ изъ великаго числа наблюденій, изложеніе такъ называемаго *способа наименьшихъ квадратовъ*.

Въ 1835 году Котельниковъ опредѣленъ преподавателемъ въ Казанскій Университетъ и факультетъ поручилъ ему преподаваніе аналитической механики, т. е. статики, динамики и гидравлики (²). Въ 1837 году, по преобразованіи университета по новому (тогда) уставу 1835 года, назначенъ экстраординарнымъ, а въ слѣдующемъ и ординарнымъ профессоромъ.

Едва Котельниковъ былъ утверденъ экстраординарнымъ профессоромъ, какъ ему уже поручено было исправленіе должности секретаря 2 отдѣленія философскаго факультета, который въ 1839 г. избираетъ его въ свои деканы. Въ этой должности профессоръ Котельниковъ остается до 1862 г.,

---

(¹⁰) Журн. М. Н. П. 1835 г. сентябрь, стр. 510 и пр.

(²) См. дѣло Совѣта 1835 г. № 212. Изъ посланныхъ за границу молодыхъ русскихъ ученыхъ въ Казанскій Университетъ назначены были трое: Котельниковъ, Скандовскій и Сокольскій: Котельниковъ прибылъ въ Казань 17 сентября 1835 года.

т. е. въ продолженіи 23 лѣтъ. Но весьма сложныя и хлопотливыя обязанности декана факультета не препятствовали Котельникову исправять другія обязанности, неразлучныя съ профессорскимъ званіемъ, и не только по университету, но и по округу. Такъ, въ продолженіи всего перваго 25-лѣтняго служенія, которое исполнилось 4 февраля 1858 г., профессоръ Котельниковъ неоднократно, почти безпрерывно, исправляетъ разныя обязанности по университету: члена комитета для испытанія кандидатовъ учительства (1839—1852 г.), члена испытательнаго комитета для поступленія въ студенты (1840 по 1858 г.), члена строительнаго комитета (1842 по 1848), члена педагогическаго при университетѣ института (1840 по 1850), члена коммиссіи для составленія исторіи Казанскаго Университета по случаю его пятидесятилѣтія (въ 1853 г.) (11); по выслугѣ 25-лѣтія, члена Совѣта при Попечителѣ съ 1842 г. по самую смерть, и наконецъ, неоднократно, исправляетъ должность Ректора университета, или вслѣдствіе отлучекъ настоящаго, или въ промежуткѣ между выходомъ прежняго и избраніемъ новаго. Я не говорю о менѣе крупныхъ порученіяхъ, даваемыхъ профессору Котельникову, какъ завѣдываніе разными кабинетами, порученіе обревизованія библіотеки и пр. Но всѣ эти мелкія и изчисленныя нами болѣе важныя порученія и особенно безсмѣнное замѣщеніе должности Декана факультета въ теченіи 23 лѣтъ (а слѣд. и члена правленія) лучше всего и прежде всего свидѣтельствуютъ о томъ глубокомъ довѣріи, которымъ дѣйствительно всю жизнь пользовался отъ всего университета и преимущественно отъ факультетской

---

(11) Пятидесятилѣтній юбилей не состоялся.

корпораціи профессоръ Котельниковъ, всегда неустанно трудолюбивый, безукоризненно честный, безкорыстный, математически точный и исполнительный и наименѣе поддававшійся вліянію. Такимъ же довѣріемъ пользовался профессоръ Котельниковъ всегда и отъ начальства округа. Уже въ 1838 г. Попечитель поручаетъ ему обозрѣніе сначала первой, а потомъ и второй казанскихъ гимназій. Въ 1840 г. Котельниковъ разсматриваетъ опыты занятій, представленные въ управленіе округомъ старшими учителями всѣхъ его гимназій. Въ 1841 г. представляетъ въ округъ планъ придуманныхъ ими педагогическихъ занятій. Въ 1841 г. Котельникову поручается обозрѣніе саратовской гимназіи и въ 1843 второй казанской гимназіи.

Кромѣ службы въ университетѣ Котельниковъ безмездно преподавалъ физику въ Родіоновскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ съ 1854 по 1862 г.

Обращаюсь собственно къ научной дѣятельности проф. Котельникова. „Ученики профессора Котельникова, говорилъ въ надгробной рѣчи одинъ изъ учениковъ его, г. доцентъ по каѳедрѣ математики *Ѳ. М. Суворовъ*, знаютъ, съ какою ясностію умѣлъ онъ излагать самые трудные вопросы прикладной математики, наукѣ нелегкой для преподаванія. Въ прикладной математикѣ отвлеченныя теоріи высшаго анализа прилагаются къ дѣйствительной жизни. Къ ней дается реальное значеніе идеальнымъ принципамъ, положеннымъ въ основаніе математической теоріи. Для достиженія этой цѣли мало одного знанія науки, нуженъ философски образованный умъ, который не смутился бы множествомъ признаковъ дѣйствительно существующей вещи, съумѣлъ бы выдѣлить существенные признаки, по которымъ изучаемая вещь подчиняется отвлечен-

ной теоріи. Покойный умѣлъ давать отдыхъ уму слушателей, утомленному усвоеніемъ новыхъ понятій: онъ развлекалъ слушателей разсказами изъ текущей жизни, относящимися къ изучаемому предмету, разсказами, иногда нелишенными глубокаго юмора.

Глубокое философское образованіе профессоръ Котельниковъ получилъ, по словамъ г. Суворова, въ Берлинѣ, подъ вліяніемъ философовъ, послѣдователей тогда только что умершаго Гегеля, и занятія философіей непокидалъ никогда, пріобрѣтя въ этой области обширную эрудицію.

Первая печатная работа проф. Котельникова была произнесенная имъ на актѣ 1842 г. рѣчь „О предубѣжденіи противъ математики" и вторая „О значеніи нѣкоторыхъ числовыхъ суммъ, изд. въ 1848 г. и кромѣ того: Объ успѣхахъ астрономіи въ царствованіе Импер. Николая Павловича. „Всѣ изслѣдованія, говоритъ г. Суворовъ, которыя производилъ проф. Котельниковъ, онъ хранилъ для себя и только изрѣдка въ аудиторіяхъ дѣлился съ своими слушателями. Такъ, онъ излагалъ на лекціяхъ очень простой и крайне удобный способъ „Преобразованія дифференціальнаго параметра 2-го порядка, основанной на теоремѣ Якоби о фонкціональныхъ опредѣленныхъ", но не напечаталъ его, между тѣмъ, какъ существовалъ только одинъ очень сложный способъ французскаго геометра Ламэ, занимавшагося тѣмъ же вопросомъ. Лишь въ 1873 году, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, послѣ настойчивыхъ просьбъ, согласился проф. Котельниковъ предложить свой способъ на обсужденіе математической секціи IV съѣзда русскихъ естествоиспытателей. Сообщеніе было встрѣчено съ большимъ восторгомъ и напечатано въ протоколахъ съѣзда".

Съ 1858 года, Совѣтъ университета избиралъ проф. Котельникова чрезъ каждое пятилѣтіе вновь на туже каѳедру и послѣдній разъ избралъ его на пятое пятилѣтіе въ 1878 г. при чемъ единогласно избралъ его и почетнымъ своимъ членомъ.

Прослуживъ слишкомъ 46 лѣтъ, Петръ Ивановичъ Котельниковъ скончался 28 мая сего 1879 года.

Такая многолѣтняя плодотворная дѣятельность постояно обращала на себя вниманіе начальства, и проф. Котельниковъ послѣдовательно награжденъ былъ орденами Св. Станислава, Св. Анны 1 степени и Св. Владимира 2 степени и чиномъ Тайнаго Совѣтника.

Многочисленная публика сослуживцевъ, бывшихъ и настоящихъ учениковъ и другихъ лицъ, просто только знавшихъ покойнаго пришло поклониться праху его во время его отпѣванія. Съ дѣятелемъ общественнымъ и государственнымъ умеръ и рѣдкій человѣкъ. „Для общества, въ которомъ онъ жилъ, для учрежденія, къ которому онъ принадлежалъ, эта смерть есть истинная потеря, говорилъ проф. богословія М. М. Зефировъ въ рѣчи, при отпѣваніи проф. Котельникова. Петръ Ивановичъ принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ высоконравственныхъ личностей, которымъ благожелательныя сердца желали бы вовсе невидать смерти. При безукоризненномъ исполненіи служебнаго долга, въ немъ не было и тѣни самомнѣнія, или чего нибудь похожаго на самодовольство и превозношеніе. Онъ отличался необычайною скромностью. Всегда снисходительный къ другимъ, онъ былъ крайне строгъ въ отношеніи къ себѣ. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ точной сообразности съ наставленіемъ Спасителя, записаннымъ въ Евангеліи: „если вы

исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоющіе, потому что сдѣлали только то, что должны были сдѣлать" (Лук. 17, 10). Съ скромностію въ немъ неразлучна была кротость, разлитая по всему его нравственному существу, невольно привлекавшая къ нему сердца и вынуждавшая самое искреннее уваженіе". Проф. Зефировъ свидѣтельствуетъ и о его глубокихъ христіанскихъ чувствахъ. Онъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее свѣдѣніе. „За недѣлю до смерти, 21 мая, въ бытность мою у него, онъ въ присутствіи своихъ дѣтей съ глубокимъ чувствомъ, но уже слабымъ прерывающимся голосомъ говорилъ о томъ, какимъ ничѣмъ незамѣнимымъ сокровищемъ обладаемъ мы въ Евангеліи Господа и Спасителя нашего, говорилъ о жертвѣ, принесенной имъ во спасеніе человѣчества, и при этомъ съ грустью и сожалѣніемъ отзывался о возникшемъ въ недавніе годы направленіи, кототое мечтаетъ обосновать жизнь частную и общественную помимо нравственныхъ христіанскихъ началъ, что, по его справедливому убѣжденію, не можетъ несопровождаться самыми гибельными послѣдствіями".

Его превосходительство г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа П. Д. Шестаковъ, почтившій своимъ присутствіемъ литургію и панихиду по усопшемъ, имѣя въ виду высокія христіанскія качества проф. Котельникова, произнесъ надъ гробомъ его многимъ памятное слово на вопросъ: „можетъ ли наука и высшее научное образованіе идти рука объ руку съ горячей вѣрой въ Бога—Искупителя, съ твердымъ чаяніемъ жизни будущаго вѣка, съ сердцемъ, просвѣщеннымъ евангельской простотою". И напомнивъ о личности покойнаго, о его научныхъ заслугахъ, о

его глубокихъ философскихъ знаніяхъ, онъ выразилъ, что покойный „воплотилъ въ себѣ сліяніе науки съ вѣрою, ума, просвѣтленнаго глубиною философскаго ученія съ крѣпкимъ, несокрушимымъ упованіемъ лучшей загробной жизни, съ сердцемъ чистымъ, полнымъ евангельской простоты и смиренія“.

Взглядъ свой на отношенія науки къ религіи и о мѣстѣ послѣдней въ ряду другихъ наукъ, проф. Котельниковъ изложилъ еще въ 1842 году въ своей прекрасной рѣчи „О предубѣжденіи противъ математики“, сказанной имъ на университетскомъ актѣ. „Первѣйшее мѣсто по всѣмъ священнымъ правамъ, должно занимать та наука, которая, будучи открыта человѣку свыше, поучаетъ насъ въ существеннѣйшихъ, истиннѣйшихъ, вѣчныхъ нашихъ потребностяхъ, возвышаетъ нашъ духъ надъ всѣмъ суетнымъ и тлѣннымъ, питаетъ его животворною небесною пищею—ея имя: ученіе о христіанскомъ Богѣ и религіозныхъ истинахъ—она начало и конецъ всяческаго просвѣщенія. Прочія науки, какъ благороднѣйшее произведеніе человѣческаго разума, запечатлѣнныя его высокою природою, должны, по закону противудѣйствія. служить къ развитію юныхъ умовъ. Всѣ они гармонируютъ въ общей цѣли познанія истины и усовершенствованія внутренней человѣческой натуры. Однѣ изъ нихъ раскрывая предъ нами чудный организмъ государственной жизни, знакомя съ отечественными учрежденіями, наставляя въ обязанностяхъ гражданина, указывая на минувшее, поясняя настоящее, болѣе всего способны развивать, укрѣплять и питать народный духъ — таковы науки юридическія, историческія и словесныя; другія, знакомя человѣка съ природою, вводятъ его въ святилище

вѣчныхъ ея законовъ, начертаныхъ премудрой рукою Творца, открываютъ ему дивныя ея красоты—этотъ высокій источникъ чистѣйшихъ наслажденій,—обогащаютъ его разнообразнѣйшими свѣдѣніями, служащими для удовлетворенія нашихъ нуждъ въ земной конечной жизни—таковы науки естественныя, физическія, врачебныя. Не меньшей важности суть науки чисто—раціональныя, при изученіи которыхъ, умъ, занимаясь отвлеченными предметами, воспитывается, такъ сказать, на своей родной почвѣ, чувствуетъ себя въ своей собственной стихіи, имѣетъ дѣло съ своими чистыми категоріями—таковы: логика и математика" ([12]).

Изученіе вотъ этихъ-то чисто—раціональныхъ наукъ, гдѣ умъ человѣческій имѣетъ дѣло только съ своими чистыми категоріями—философіи и математики, составляющихъ одинъ изъ аккордовъ гармоніи въ общей цѣли *познанія истины и совершенствованія внутренней человѣческой природы* и была честно посвящена вся многолѣтняя жизнь покойнаго профессора Котельникова.

([12]) Рѣчь стр 4.

Извѣстія Императорскаго Казанскаго Университета, 1880 г.

ДНЕВНИКЪ
КАЗАНСКАГО ОБЩЕСТВА ВРАЧЕЙ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

№ 1.

5 марта ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. **1880 года.**

Протоколъ II-го годичнаго засѣданія Общества Врачей при Императорскомъ Казанск. Университетѣ, 24 октября 1879.

Присутствовало 14 дѣйствительныхъ членовъ и 6 постороннихъ посѣтителей.

1) Секретарь Н. Ѳ. Высоцкій прочелъ слѣдующій *отчетъ о дѣятельности Общества за 1878—79 г.*

«Общество наше въ истекшемъ году состояло изъ 62 членовъ. Изъ нихъ было: почетныхъ 3, дѣйствительныхъ 59; живущихъ въ Казани 56 и иногородныхъ 6.

Общество имѣло 5 очередныхъ и 3 экстренныхъ засѣданія.

Дѣятельность его, главнымъ образомъ, сосредоточилась на вопросѣ, волновавшемъ тогда не только наше отечество, но и всю Европу—на вопросѣ о чумѣ.

25 января 1879 г. Предсѣдателемъ было собрано первое экстренное засѣданіе. Въ нѣсколькихъ словахъ указалъ онъ на то страшное бѣдствіе, которое обнаружилось въ сосѣдней съ нами мѣстности, на низовьяхъ Волги, указалъ на характеръ болѣзни, на тѣ опустошенія, которыя производила нѣкогда чума въ Европѣ. Указалъ на то, что длинный промежутокъ времени, втеченіи котораго не обнаруживалось въ Европѣ эпидемій чумы, заставилъ нѣкоторыхъ солиднѣйшихъ эпидеміологовъ высказать положеніе, что при настоящемъ уровнѣ цивилизаціи, появленіе

въ Европѣ чумы невозможно болѣе. Благодаря этому положенію современное поколѣніе врачей почти вовсе незнакомо съ этой страшной болѣзнью и въ лучшихъ современныхъ учебникахъ находятся только чрезвычайно краткія и неудовлетворительныя описанія ея. Поэтому на насъ—ученомъ университетскомъ Обществѣ, ближайшемъ къ краю заразы, лежитъ нравственный и гражданскій долгъ основательно изучить эту забытую форму болѣзни и познакомить съ нею нашихъ товарищей—провинціальныхъ врачей.

Вооруженные знаніемъ и опытомъ прежнихъ вѣковъ мы смѣло вступимъ въ бой съ врагомъ, если-бы онъ появился въ нашей мѣстности, и съ такимъ орудіемъ побѣда останется за нами.

Предложеніе Предсѣдателя было принято съ общимъ сочувствіемъ. Въ томъ же засѣданіи составлена Коммиссія, которой поручено, по возможности всесторонне разработать вопросъ о чумѣ. Въ Коммиссію эту вошли: К. А. Арнштейнъ, Н. Ѳ. Высоцкій, И. М. Догель, П. Т. Зейфманнъ, И. Ф. Кривошеинъ, Н. М. Маліевъ, Л. Б. Мандельштамъ, М. А. Падаринъ, В. В. Пашутинъ, А. В. Петровъ, И. П. Скворцовъ, Н. И. Студенскій, Н. А. Толмачевъ, В. М. Флоринскій и А. Я. Щербаковъ. Коммиссія, избравъ Предсѣдателемъ К. А. Арнштейна и дѣлопроизводителемъ Н. Ѳ. Высоцкаго, въ первомъ-же своемъ засѣданіи выработала общую программу для разработки даннаго ей вопроса и раздѣлила отдѣльные пункты ея между своими членами. Далѣе, такъ какъ по нѣкоторымъ изъ затронутыхъ программою вопросовъ члены Коммиссіи не считали себя вполнѣ компетентными, то въ составъ ея были приглашены профессоры: полицейскаго права Я. С. Степановъ и исторіи русскаго права С. М. Шпилевскій, кромѣ того въ занятіяхъ Коммиссіи принимали участіе профессоры: химіи А. М. Зайцевъ, минералогіи баронъ Ѳ. Ѳ. Розенъ и геологіи А. А. Штукенбергъ.

Коммиссія усердно работала втеченіи двухъ мѣсяцевъ. Краткій очеркъ дѣятельности Коммиссіи и результатовъ ею достигнутыхъ былъ, по порученію Коммиссіи, доложенъ мною Обществу въ третьемъ экстренномъ засѣданіи его, 20 апрѣля.

Ученыя же статьи и сообщенія представленныя Коммиссіи составили особый «Сборникъ» въ 2 выпускахъ, содержащихъ около 25 листовъ, съ картою и нѣсколькими таблицами рисунковъ. Въ сборникѣ этомъ, кромѣ членовъ Коммиссіи приняли участіе: почетный членъ Общества Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ, по предложенію котораго, единогласно принятому Обществомъ, вся выручка съ изданія должна поступить въ Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ нашего Университета, и дѣйствительный членъ—И. М. Потѣхинъ. Редактированіе «Сборника» Коммиссія поручила мнѣ. Въ «Сборникъ» вошли слѣдующія статьи—въ 1-й выпускъ: 1) Матеріалы для изученія чумы, проф. *В. М. Флоринскаго.* 2) Чума при Алексѣѣ Михайловичѣ 1653—1655 гг. (съ картой), *Н. Ѳ. Высоцкаго.* 3) О чумѣ въ Казани въ царствованіе Алексѣя Михайловича (замѣтка по поводу двухъ предъидущихъ сообщеній), проф. *С. М. Шпилевскаго.* 4) Показанія о чумѣ очевидцевъ не-медиковъ, почетнаго члена *П. Д. Шестакова.* 5) О заразныхъ болѣзняхъ вообще и о чумѣ въ частности съ этіологической и санитарной точекъ зрѣнія, *И. П. Скворцова.* 6) Пути зараженія чумнымъ ядомъ, средства уничтожающія его и предохраняющія человѣческій организмъ отъ его дѣйствія (съ 1 табл. рис.), проф. *И. М. Догеля.* 7) Понятіе о міазматическихъ и контагіозныхъ началахъ; мѣсто зани-

маемое чумою въ ряду другихъ заразныхъ болѣзней. Проэктъ изолирующаго костюма для лицъ посѣщающихъ зараженные фокусы (съ рисункомъ), проф. *В. В. Пашутина.* 8) Смертность въ Москвѣ въ чумную эпидемію 1771 г. (съ таблицею), проф. *А. Я. Щербакова.* 9) О матеріалахъ наиболѣе пригодныхъ для платья въ чумное время, *И. М. Потѣхина.* 10) Медицинское наблюденіе за существующими въ городѣ лихорадочными болѣзнями, какъ предохранительная мѣра противъ чумы, проф. *В. М. Флоринскаго.*

Во 2-й выпускъ вошли: 11) Симптоматологія и леченіе чумныхъ бубоновъ и карбункуловъ, *Н. И. Студенскаго.* 12) Очеркъ санитарныхъ мѣръ въ виду и во время эпидеміи, *И. П. Скворцова.* 13) О значеніи дезинфекціи и нѣкоторыхъ дезинфицирующихъ средствъ, проф. *А. Я. Щербакова.* 14) Докладъ о дезинфекціи, составленный гг. *А. М. Зайцевымъ, И. П. Скворцовымъ* и *А. Я. Щербаковымъ.* 15) Наше законодательство о мѣрахъ противъ чумы, а также «повальныхъ и заразительныхъ» болѣзней вообще. Краткая характеристика. Проф. *Я. С. Степанова.* 16) Къ вопросу о казанскомъ кладбищѣ, проф. *А. Я. Щербакова.* 17) Докладъ о дѣятельности особой Коммиссіи, назначенной Обществомъ врачей для разработки вопроса о чумѣ, *Н. Ѳ. Высоцкаго.* 18) Ветлянская эпидемія и вызванныя ею санитарно-медицинскія мѣры, *И. П. Скворцова.* 19) Болѣзнь г-жи Ландо, проф. *В. М. Флоринскаго.*

Гг. члены Общества знакомы со «Сборникомъ», знакомы и съ трудами другихъ Обществъ и отдѣльныхъ ученыхъ, посвященными тому-же вопросу о чумѣ, каковы напр. труды Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, надѣлавшая столько шуму брошюра проф. Чудновскаго и т. п. Сравненіе и оцѣнка нашихъ трудовъ съ чужими неизбѣжны. Не моя задача производить эту оцѣнку, но и я считаю себя въ правѣ сказать, что нашъ «Сборникъ» представляетъ одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ вкладовъ въ довольно скудную отечественную литературу чумы.

Въ заключеніе этого отдѣла отчета я долженъ упомянуть о томъ, что не разъ, отъ различныхъ членовъ Общества, слышалъ упреки за медленное изданіе Сборника. Онъ печатался дѣйствительно очень долго и Обществу слѣдуетъ знать причину этого замедленія, такъ какъ она не могла быть устранена администраціей и доселѣ. Большая часть нашихъ протоколовъ и трудовъ за истекшій годъ слишкомъ 2 мѣсяца уже лежатъ въ типографіи не напечатанными. Причины этого заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что для нашихъ трудовъ нѣтъ отдѣльныхъ наборщиковъ. Не разъ бывало, что наборъ и печатаніе Сборника прерывались потому, что наборщиковъ заставляли набирать другія сочиненія, требовавшія не менѣе спѣшнаго печатанія, какъ напр. диссертаціи. Въ концѣ минувшаго августа въ типографію поступила такая масса матеріала, что печатаніе нашихъ изданій было совершенно пріостановлено и когда оно возобновится—неизвѣстно.

Въ очередныхъ засѣданіяхъ Общества тоже не было недостатка въ ученыхъ сообщеніяхъ. На 5 засѣданій приходится 7 сообщеній сдѣланныхъ слѣдующими гг. членами. 1) *Е. В. Адамюкомъ:* объ амилоидномъ перерожденіи въ отношеніи глаза. 2) *Н. А. Виноградовымъ:* изъ терапевтической факультетской клиники Казанскаго Университета. 3) *А. Г. Ге:* можно-ли передать сифилисъ отдѣленіемъ мягкаго шанкра? 4) *П. В. Кузнецкимъ:* о герметической повязкѣ съ камфорнымъ спиртомъ. 5) *Студ. Мед. Львовымъ:* къ ученію о несростающихся переломахъ. 6) *П. В. Рудановскимъ:* о строеніи осевыхъ цилиндровъ. 7) *Н. И.*

Студенскимъ: болѣзненность и смертность въ дунайской арміи, по свѣдѣніямъ сортировочной Коммиссіи во Фратешты.

Сообщенія Н. А. Виноградова и Е. В. Адамюка вызвали въ Обществѣ постановку весьма важнаго, въ практическомъ отношеніи, вопроса о возможности излеченія амилоида. Вопросъ этотъ пространно обсуждался въ 2 засѣданіяхъ Общества, но дебаты по нему еще не окончены.

Извлеченіе изъ Отчета А. Н. Соловьева по лихачевскому родильному отдѣленію вызвало также оживленныя пренія относительно вліянія ранняго вставанія родильницъ на развитіе послѣродовыхъ болѣзней.

Кромѣ этихъ спеціально медицинскихъ занятій Общество наше приняло участіе въ Московской антропологической выставкѣ. На приглашеніе Предсѣдателя Медицинской Коммиссіи Комитета антропологической выставки: оказать посильное содѣйствіе въ дѣлѣ устройства этой выставки Общество наше отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ. Имъ была избрана особая Коммиссія для обсужденія вопроса о содѣйствіи, которое можетъ оказать наше Общество этому дѣлу, изъ гг. Ермолаева, Маліева, Толмачева и Высоцкаго. Коммиссіи предоставлено войдти въ сношенія съ Обществомъ Естествоиспытателей, а также съ другими учеными Обществами и лицами, интересующимися успѣхами антропологіи въ нашемъ отечествѣ. Коммиссія, при содѣйствіи представителя со стороны Общества Естествоиспытателей, А. А. Штукенберга, завѣдующаго этнографическимъ музеемъ университета проф. Н. А. Ѳирсова и нѣкоторыхъ другихъ, составила списокъ коллекцій и матеріаловъ, которые могли-бы съ пользою и интересомъ быть представлены на выставку. Практическое осуществленіе предпріятія было, за тѣмъ, передано въ особую Коммиссію образованную Обществомъ Естествоиспытателей. Кромѣ указанной иниціативы Общество наше помогло дѣлу выставки еще и передачей Обществу Естествоиспытателей на расходы по пересылкѣ матеріаловъ и пр. 100 рубл., пожертвованныхъ г. почетнымъ членомъ П. Г. Осокинымъ. Благодаря иниціативѣ нашего Общества на Московской выставкѣ появился особый «Казанскій Антропологическій отдѣлъ», который, какъ я могу здѣсь съ гордостью заявить, представлялся однимъ изъ наиболѣе видныхъ и интересныхъ среди другихъ отечественныхъ коллекцій.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о состояніи суммъ Общества: въ кассѣ Общества состояло остатковъ отъ 1877—78 г. 98 р. 25 к.

Въ теченіи истекшаго 1878—79 г. поступило 290 р. Итого 388 р. 25 к.

Израсходовано въ отчетномъ году 148 р. 1 коп. Состоитъ на лицо 240 р. 24 к.»

2) Приступлено къ выборамъ административныхъ лицъ Общества, записками. Передъ выборами предсѣдатель К. А. Арнштейнъ и секретарь Н. Ѳ. Высоцкій, поблагодаривъ Общество за честь, которую ему угодно было оказать имъ двукратнымъ избраніемъ, просили дальнѣйшей баллотировкѣ ихъ не подвергать.

3) По произведенной баллотировкѣ выбраны: въ секретари Общества Н. М. Маліевъ (11 голос.) и В. Д. Орловъ (3 гол.); членами Ревизіонной Коммиссіи: И. М. Гвоздевъ (9 гол.), Н. О. Ковалевскій (6 гол.) и В. М. Флоринскій (6 гол.). Въ предсѣдатели большинство голосовъ получилъ Е. В. Адамюкъ (11 гол.), но принять на себя это званіе отказался, ссылаясь на многочисленныя занятія. Тогда былъ произведенъ новый выборъ, на которомъ большинство получилъ В. М. Флоринскій (10 голосовъ). Но и онъ отказался отъ предсѣдательства по тѣмъ же причинамъ, что и Е. В. Адамюкъ.

Постановлено: признавъ секретарями Общества Н. М. Маліева и В. Д. Орлова, и членами Ревизіонной Коммиссіи И. М. Гвоздева, Н. О. Ковалевскаго и В. М. Флоринскаго, созвать новое засѣданіе для выбора предсѣдателя.

Предсѣдатель *Арнштейнъ.* Секретарь *Высоцкій.*

Протоколъ (дополнительнаго къ годичному) засѣданія Общества Врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, для выбора Предсѣдателя, 20 ноября 1879 г.

Въ засѣданіи присутствовало: 19 дѣйствительныхъ членовъ и 2 постороннихъ посѣтителя.

1) Гг. дѣйствительные члены — И. Г. Навалихинъ, И. П. Скворцовъ и А. У. Фрезе, записками, передали свои шары на баллотировку: первый Н. Ѳ. Высоцкому, второй В. Д. Орлову и третій И. Х. Акерблому. Такимъ образомъ баллотировка производилась 21 шаромъ и 19 лицами.

2) Приступлено къ выборамъ предсѣдателя записками. По нимъ получили: Н. А. Виноградовъ — 8 голосовъ, Н. О. Ковалевскій, И. М. Гвоздевъ, А. В. Петровъ—по 3 голоса, К. А. Арнштейнъ и Д. С. Ермолаевъ по 1 голосу. Н. А. Виноградовъ, Н. О. Ковалевскій и И. М. Гвоздевъ отказались отъ предсѣдательства, ссылаясь на многочисленность занятій.

3) Изъ оставшихся за тѣмъ лицъ, намѣченныхъ записками, баллотированы шарами: А. В. Петровъ и Д. С. Ермолаевъ. К. А. Арнштейнъ отъ баллотировки отказался. По баллотировкѣ: Д. С. Ермолаевъ получилъ 14 избирательныхъ и 6 неизбирательныхъ, а А. В. Петровъ 11 избирательныхъ и 9 неизбирательныхъ.

Д. С. Ермолаевъ отъ предсѣдательства отказался, ссылаясь на свои многочисленныя обязательныя занятія. А. В. Петровъ, не отказываясь принять на себя обязанности Предсѣдателя, просилъ не считать баллотировку законченною, въ виду того, что онъ избранъ лишь въ силу отказовъ другихъ членовъ, а продолжать ее и дозволить ему рекомендовать Обществу еще нѣсколькихъ лицъ для дополнительной баллотировки.

И. М. Гвоздевъ считаетъ баллотировку законченною и дальнѣйшее баллотированіе незаконнымъ. Къ его мнѣнію присоединились Н. О. Ковалевскій и К. А. Арнштейнъ.

Н. А. Виноградовъ, въ виду того, что отказы нѣкоторыхъ изъ выбранныхъ лицъ послѣдовали до баллотировки ихъ шарами, считаетъ баллотировку несогласною съ § 11 устава Общества и предлагаетъ кассировать ее.

Предсѣдатель, на основаніи этихъ несогласій во взглядахъ на правильность произведенныхъ выборовъ, предложилъ присутствующимъ рѣшить открытой подачей голосовъ вопросъ о томъ: считаютъ-ли они баллотировку законченною или желаютъ продолжать ее?

Большинствомъ 16 голосовъ противъ 2 *постановлено:* считать баллотировку законченною.

Предсѣлатель *Арнштейнъ.* За Секретаря *Высоцкій.*

Герметическая гипсовая повязка съ камфорнымъ спиртомъ. (Предварительное сообщеніе). П. В. Кузнецкаго.

(Читано въ засѣд. Общества 21 декабря 1878 г.).

Вопросъ о перевязкѣ ранъ, въ области практической хирургіи, въ наше время, представляется вопросомъ чрезвычайной важности и ни одинъ предметъ не даетъ такъ много поводовъ къ изысканіямъ и изслѣдованіямъ, съ цѣлью улучшенія разъ найденнаго, какъ леченіе ранъ. Судьба ранъ, наносимыхъ при операціи, очень близко касается хирурга и какъ-бы нравственною отвѣтственностью ложится на него. Они не должны бы были являться патологическими объектами и въ идеальномъ представленіи, операціонныя раны—есть только неизбѣжные физіологическіе факторы операцій. Но въ дѣйствительности видимъ противное. Такъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ случайныхъ болѣзней ранъ, которыя угрожаютъ своей опасностью жизни больнаго и вліяютъ на исходъ операціи, болѣе или менѣе удачно выполненной руками искустнаго и опытнаго хирурга.

Въ настоящее время, благодаря успѣшному прогрессу въ области оперативной хирургіи, въ перевязкѣ ранъ по способу Листера и открытомъ, аэраціонномъ, которые, какъ извѣстно, въ настоящее время получили довольно обширное примѣненіе, даны въ распоряженіе хирурга какъ бы болѣе или менѣе вѣрныя средства, судя по результатамъ, бороться съ врагами его дѣятельности — случайными болѣзнями ранъ— и вліять на ходъ леченія ихъ. Я не буду входить въ подробныя разсужденія и критическую оцѣнку этихъ способовъ и другихъ, но считаю себя въ правѣ, имѣя въ настоящее время цѣлый рядъ наблюденій, высказать нѣсколько словъ о моемъ способѣ перевязки ранъ и предложить его примѣнить для провѣрки и оцѣнки сотоварищамъ въ ихъ хирургической практикѣ.

Въ настоящее время главную причину, самыхъ опасныхъ госпитальныхъ заболѣваній ранъ инфекціонными хирургическими болѣзнями, какъ-то: рожей, піэміей, септицэміей и госпитальнымъ омертвеніемъ, почти всѣ хирурги видятъ въ одномъ и томъ же обширномъ процессѣ гніенія, ближайшіе возбудители котораго, или его зародыши, составляютъ постоянную примѣсь воздуха; пораненія которому открываютъ свободный доступъ внутрь организма. Исходя изъ этого Листеръ задался цѣлью устроить такую повязку, которая уничтожала-бы причину гніенія, для чего, какъ извѣстно, онъ предложилъ свой особенный способъ перевязки, извѣстный всѣмъ подъ его именемъ. Своею методическою дезинфекціею перевязки, направленной непосредственно противъ плавающихъ въ воздухѣ организованныхъ примѣсей, Листеръ, какъ извѣстно, совсѣмъ недопускаетъ въ рану воздуха, не дезинфицируя его во время самой операціи и перевязки, постоянною пульверизаціею раствора карболовой кислоты и защищаетъ рану отъ воздуха своею особенною повязкою. На этомъ же основаніи при леченіи и перевязкѣ ранъ я провожу, какъ общій принципъ,—защищеніе ихъ отъ этихъ повсюду распространенныхъ воздушныхъ возбудителей гніенія; но стараюсь достигнуть этого, употребленіемъ своей **герметической гипсовой повязки съ камфорнымъ спиртомъ**. Такая повязка дала мнѣ самые блестящіе результаты, при введеніи ея въ нижне-тагильскомъ заводскомъ

госпиталѣ, гдѣ я состою консультантомъ, года четыре тому назадъ—для леченія *открытыхъ переломовъ*.

Я употребляю слѣдующій методъ перевязки, при упомянутыхъ выше открытыхъ переломахъ: вся рана обмывается и въ глубинѣ проспринцовывается камфорнымъ спиртомъ; на нее кладется, не очень толстыхъ, три слоя гигроскопической ваты сильно смоченной въ камфорномъ спиртѣ ([1]). Слои эти далеко заходятъ за предѣлы раны, при постепенномъ увеличеніи ихъ въ объемѣ. Такой пріемъ даетъ возможность стекать камфорному спирту въ остающіеся промежутки между слоями ваты и вытѣснять изъ нихъ воздухъ при придавливаніи ея къ ранѣ ходами бинта. За тѣмъ конечность обертывается слоемъ гигроскопической ваты для всасыванія отдѣляемаго, если таковое будетъ, и слоемъ обыкновенной продажной ваты, служащей подкладкой для ходовъ туго накладываемаго фланелеваго или бумазейнаго бинта. Для воспрепятствованія же скорому испаренію камфорнаго спирта и доступа воздуха къ ранѣ, накладывается гипсовая безъ оконъ повязка такимъ образомъ, что поверхъ ходовъ фланелеваго бинта накладывается смоченный водою нагипсованный марлевый бинтъ, въ нѣсколько слоевъ, и на его поверхность намазывается тонкій слой жидкой гипсовой кашицы. Подобный же способъ перевязки я употребляю въ настоящее время при различнаго рода свѣжихъ раненіяхъ мягкихъ частей конечностей, и здѣсь успѣхъ бываетъ полный. Вотъ перечень случаевъ поврежденій конечностей, гдѣ употреблялась эта повязка:

Осложненный переломъ бедра	1.
— — голени . . .	8.
— — средняго плеча . .	2.
— — предплечія . . .	3 ([2]).
Разорванная рана на внутренней поверхности нижней половины предплечія съ разрывомъ мышцъ и сухожильныхъ влагалищъ	1.
Разорванная рана ладонной поверхности ручной кисти	2.
Огнестрѣльная рана ручной кисти съ раздробленіемъ первой фаланги большаго пальца и со вскрытіемъ сочлененія ея съ пястною костью . . .	1.
Рубленная проникающая рана колѣннаго сочлененія	1.

([1]) Ограничиваясь передъ этимъ однимъ тщательнымъ осмотромъ раны, отношеніемъ ея къ окружающимъ частямъ, и наружными ручными пріемами необходимыми для опредѣленія свойствъ поврежденія; при чемъ избѣгаю изслѣдованія раны пальцемъ или зондомъ.

([2]) Изъ случаевъ осложненныхъ переломовъ предплечія, въ одномъ былъ огнестрѣльный раздробленный переломъ обѣихъ костей предплечія. Во второмъ, при переломѣ обѣихъ костей предплечія, находящаяся разорванная рана на внутренней поверхности предплечія распространялась отъ нижней половины предплечія до основанія указательнаго пальца черезъ thenar, проникая въ глубину до мышцъ, изъ коихъ нѣкоторыя были разорваны; въ третьемъ—при переломѣ обѣихъ костей предплечія высунувшійся черезъ рану верхній отломокъ локтевой кости по невправимости былъ резецированъ почти на дюймъ.

Всѣ эти случаи имѣли благопріятный исходъ и протекали при заживленіи, безъ всякихъ осложненій, при ничтожной реакціи и умѣренномъ нагноеніи.

Для перевязки же *ампутаціонныхъ ранъ* и ранъ *послѣ резекцій*, мною введенъ слѣдующій способъ. Всѣ инструменты, употребляемые при операціи, какъ-то: ножи, ножницы, пинцетты, пилы и т. п. предварительно погружаются въ камфорный спиртъ. По окончаніи операціи рана хорошо обмывается, для чего я не употребляю ни губокъ, ни воды, а ту-же гигроскопическую вату и камфорный спиртъ. Кромѣ того, самая операція и весь послѣдующій актъ перевязки ранъ, производится при непрерывномъ орошеніи, изъ листеровскаго пульверизатора, камфорнымъ спиртомъ. Лигатуры на сосуды, швы и на рану накладываются тонкою шелковою ниткою, пропитанною тоже камфорнымъ спиртомъ. Часть раны, иногда очень незначительная, гдѣ при сильномъ измѣненіи мягкихъ частей въ области операціи нельзя разсчитывать на первичное натяженіе, оставляется открытой, именно нижній уголъ, для стока отдѣляемаго. Ни дренажей, ни турундъ, я никогда не вкладываю въ рану, желая избѣгнуть всякаго механическаго раздраженія; за тѣмъ накладывается выше описанная герметическая гипсовая повязка съ ватой и камфорнымъ спиртомъ (1). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ получается рана, лишенная зародышей гніенія и къ которой доступъ внѣшняго воздуха прегражденъ; такъ какъ слой гипса съ марлевымъ бинтомъ и слои ваты лежащія непосредственно на ранѣ, при высыханіи образуютъ, съ кристаллами камфоры и отчасти отдѣляемымъ раны, двойной, плотный, герметическій покровъ для раны.

Такая повязка снимается и возобновляется, при постоянномъ орошеніи камфорнымъ спиртомъ, каждый разъ, когда отдѣляемое раны просочилось до ея поверхности; при чемъ обыкновенно слой гипса разрыхляется и отдѣляемое разлагаясь при доступѣ воздуха издаетъ сильный запахъ, или же когда вечерняя температура, съ небольшимъ паденіемъ къ утру, поднимается у больнаго сряду дна два до 39°C или 40°C., что приходится дѣлать очень рѣдко, и во всякомъ случаѣ гораздо рѣже, чѣмъ при карболовой листеровской повязкѣ. Первое время послѣ операціи является необходимымъ снимать повязку при просачиваніи иногда крови на ея поверхность—дня черезъ четыре или пять, а впослѣдствіи, она можетъ оставаться, какъ показали наблюденія, среднимъ числомъ до десяти, двѣнадцати дней и даже болѣе.

Снимается повязка такимъ образомъ, что слой гипса съ марлевымъ бинтомъ разрѣзывается ножницами Эсмарха для гипсовыхъ повязокъ, а ходы фланелеваго бинта разрѣзываются обыкновенными прямыми ножницами до слоя ваты. Затѣмъ, раздвинувши края разрѣзанной повязки, она осторожно сдвигается съ члена или культы. Снявши слой обыкновенной ваты, гигроскопическая вата смачивается камфорнымъ спиртомъ и для болѣе легкаго удаленія съ поверхности раны подъ края ея подливается тоже камфорный спиртъ. По снятіи повязки, рана обмывается камфорнымъ спиртомъ и повязка вновь накладывается вышеописаннымъ

---

(1) Въ послѣднее время вмѣсто перевязки сосудовъ лигатурою при ампутаціи въ двухъ случаяхъ ампутацій предплечія и бедра производилось мною одно torsio и послѣдовательнаго кровотеченія при употребленіи этой повязки не замѣчалось.

способомъ; при чемъ она всегда заходитъ за предѣлы близлежащихъ сочлененій. Такой способъ леченія продолжается до конца полнаго зарубцеванія раны.

Эта повязка употреблялась мною послѣ всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ операцій, произведенныхъ въ прошедшіе три года въ нижнетагильскомъ госпиталѣ, а также послѣ операцій произведенныхъ мною въ выдвижномъ госпиталѣ Общества Краснаго Креста, организованномъ мѣстнымъ нижне-тагильскимъ комитетомъ Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, гдѣ я состоялъ въ продолженіи семи мѣсяцевъ старшимъ врачемъ.

Вотъ перечень операцій, послѣ которыхъ накладывалась мною герметическая гипсовая повязка съ камфорнымъ спиртомъ:

Ампутація бедра посредствомъ круговаго разрѣза .	2.
— голени посредствомъ круговаго разрѣза	3.
Вылущиваніе стопы по способу Пирогова . .	6.
— — — Шопарта . .	2.
— — — Лисфранка . .	3.
Резекція голенно-стопнаго сочлененія по способу Moreau	2 [1].
Ампутація предплечія посредствомъ круговаго разрѣза	3.
Вылущиваніе ручной кисти изъ состава плечевыхъ костей съ костями запястья посредствомъ круговаго разрѣза	2.
Резекція нижняго угла лопатки	1.
— головки плечевой кости по способу Лангенбека	1.
Резекція локтеваго сочлененія	1.
— нижнихъ концевъ лучевой и локтевой костей съ запястьемъ и основаніями пястныхъ костей	1.

Всѣ операціи имѣли благопріятный исходъ; причемъ раны, защищаемыя такой повязкой, имѣли совершенно асептическое теченіе, безъ всякихъ осложненій. Они были не очень болѣзненны, края ихъ никогда не вздувались, не краснѣли, часто заживали первичнымъ натяженіемъ, а тамъ, гдѣ замѣчалось отдѣляемое, оно было незначительное и при томъ только кровянисто-слизисто-гнойное.

Безлихорадочное же теченіе ранъ, при леченіи ихъ подъ герметической гипсовой повязкой съ камфорнымъ спиртомъ, наблюдалось только отчасти. Нѣкоторые больные, перенесшія большія операціи, или тяжолыя раненія, дѣйствительно не обнаруживали повышенія температуры; но такое счастливое теченіе замѣчалось далеко не всегда. Во многихъ случаяхъ, не смотря на полное отсутствіе всякой воспалительной реакціи въ ранѣ, повышеніе температуры наблюдалось въ теченіи извѣстнаго промежутка времени, отъ 38°C даже до 40°C. Но при этомъ больные имѣютъ отличный видъ общаго состоянія; они сидятъ въ постели (при

(1) При одной сдѣлано вылущеніе раздробленной таранной кости.

поврежденіяхъ нижнихъ конечностей), ходятъ (подвязывая на косынку верхнюю конечность), языкъ ихъ влаженъ, не сильно обложенъ, аппетитъ хорошъ; кожа не особенно горяча на ощупь, влажна; иногда они довольно сильно потѣютъ по ночамъ.

Такое повышеніе температуры, при наложеніи герметической гипсовой повязки послѣ первичныхъ ампутацій, резекцій и различнаго рода свѣжихъ раненій, держится обыкновенно, въ большинствѣ случаевъ, не долѣе трехъ, четырехъ дней и довольно быстро потомъ падаетъ до нормы. Тоже было наблюдаемо и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ операція производилась вслѣдствіе напр., хроническаго страданія костей (caries), но до операціи больные находились въ безлихорадочномъ состояніи.

При примѣненіи герметической гипсовой повязки, послѣ *вторичныхъ ампутацій и резекцій*, гдѣ имъ предшествовала лихорадка болѣе или менѣе септическаго свойства, съ повышеніемъ температуры до 39°С и 40°С, замѣчался болѣе долгій періодъ времени высокаго стоянія температуры, которая постепенно падала къ нормѣ. Но при этомъ общее состояніе больнаго быстро мѣнялось къ лучшему; сухой, обложенный языкъ дѣлался влажнымъ, подавленность общаго чувствилища пропадала; являлось веселое настроеніе духа; сухая кожа дѣлалась влажною; плохой сонъ и аппетитъ улучшались. Однимъ словомъ замѣчался полный переходъ типа септической лихорадки въ асептическій.

Я увѣренъ, что примѣняемый мною способъ леченія свѣжихъ раненій герметическою гипсовою повязкою съ камфорнымъ спиртомъ гарантируетъ возможно лучшій ихъ исходъ; представляетъ средство изолировать рану отъ находящихся въ воздухѣ септическихъ агентовъ, защитить её отъ всякаго зараженія и предотвратить не только развитіе опасныхъ осложненій, но и по возможности простое нагноеніе. Онъ имѣетъ, по моему мнѣнію, рѣшительное вліяніе на успѣхъ оперативнаго дѣла и можетъ получить довольно видное значеніе въ консервативной хирургіи. Только благодаря примѣненію этого способа перевязки мнѣ удалось сохранить нѣкоторымъ больнымъ конечности, при существованіи на нихъ такихъ поврежденій, которыя по свойству своему представляли прямыя показанія къ ампутаціи.

Такой способъ перевязки ранъ способенъ упростить уходъ за хирургическими больными, сократить ихъ страданія, устраняя частыя перевязки и предоставляя имъ покой. А кромѣ того, онъ облегчаетъ трудъ врачей по уходу за этими больными, и въ сравненіи съ другими до сихъ поръ извѣстными повязками требуетъ менѣе интеллигентныхъ рабочихъ рукъ, денегъ и времени. Такъ, если принять, что въ госпиталѣ находится ежедневно 50 человѣкъ больныхъ, которые по свойству ихъ ранъ требуютъ излечивающей повязки, и положимъ, среднiй срокъ необходимый для ихъ заживленія тридцать дней, стоимость же повязки при употребляемыхъ нынѣ способахъ, двадцать копѣекъ, а моей одинъ рубль, и времени нужнаго для наложенія первой повязки десять минутъ, моей двадцать минутъ; то при условіи что повязка, при нынѣ употребляемыхъ способахъ, должна быть мѣняема два раза въ сутки, а по моему способу накладывается всего три раза въ тридцать дней, мы получимъ, что для пятидесяти хирургическихъ больныхъ въ мѣсяцъ требуется:

При употребляемыхъ способахъ:		При моемъ способѣ:	
Повязокъ	3000 шт.	Повязокъ	150 шт.
Времени	500 час.	Времени	50 час.
Денегъ	600 руб.	Денегъ	150 руб.

Отсюда ясно сбереженіе денегъ, времени и рабочихъ рукъ.

Камфорный спиртъ я употребляю потому, что на основаніи опытовъ произведенныхъ мною надъ гніеніемъ бѣлковыхъ веществъ, онъ имѣетъ преимущество предъ другими антисептическими средствами; онъ скорѣе умерщвляетъ причину гнилостнаго разложенія (низшіе организмы). Кромѣ того по своей летучести, онъ дѣлаетъ безвреднымъ окружающій рану воздухъ (во время операціи или перевязки), при непосредственномъ же соприкосновеніи съ поверхностью раны, нисколько не раздражаетъ и не способенъ черезъ нее вызвать опасные общіе припадки отравленія, какъ карболовая кислота. Онъ даже способствуетъ, задерживая нагноеніе, заживленію раны первичнымъ натяженіемъ, которое, какъ извѣстно есть идеалъ хирурга; хотя онъ вызываетъ въ первое время при перевязкѣ сильное ощущеніе сженія, на что больные иногда сильно жалуются въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ по наложеніи повязки. Въ связи же съ гипсовой повязкой камфорный спиртъ даетъ возможность хирургу приблизиться къ выполненію задачи терапіи пораненія, т. е. устранить отъ раны всякую sepsis и повести её къ заживленію тѣмъ же путемъ, какимъ идутъ подкожныя нарушенія непрерывности.

Не могу не упомянуть о примѣненіи въ послѣднее время повязки въ случаѣ страданія костей стопы (osteitis), осложненнаго флегмонознымъ воспаленіемъ и затеками гноя; далѣе въ случаѣ рѣзаной раны большаго пальца руки, повлекшей за собою воспаленіе сухожильнаго влагалища и глубокіе затеки на предплечіе, и о двухъ случаяхъ затянувшихся огнестрѣльныхъ переломовъ голени, съ обширнымъ флегмонознымъ воспаленіемъ и затеками гноя,—гдѣ при помощи разрѣзовъ, промыванія гнойныхъ ходовъ камфорнымъ спиртомъ и наложенія за тѣмъ герметической гипсовой повязки удалось сохранить конечности, приговоренныя къ ампутаціи.

Случаи примѣненія герметической гипсовой повязки демонстрировались постоянно завѣдывающему нижне-тагильскимъ госпиталемъ д-ру Рудановскому; д-ру Падарину, который вмѣстѣ со мною находился въ выдвижномъ госпиталѣ Общества Краснаго Креста и д-рамъ Миславскому и Петрову. Всѣ они высказались въ пользу моей повязки, видятъ въ ней преимущество передъ открытымъ аэраціоннымъ способомъ леченія ранъ и листеровской повязкой и въ сравненіи съ послѣдней обладающей большими достоинствами.

Въ непродолжительномъ времени мною представлено будетъ вниманію Общества болѣе подробныя исторіи хирургическихъ больныхъ, гдѣ употреблялась герметическая гипсовая повязка, а также описаніе многихъ случаевъ оваріотоміи. Всѣ произведенныя мною оваріотоміи имѣли благопріятный исходъ тамъ, гдѣ употреблялась введенная мною особенная ватная повязка съ камфорнымъ спиртомъ, которая, по моему мнѣнію, имѣетъ, при послѣдовательномъ леченіи оваріотомій, не малую долю вліянія на благопріятный исходъ операціи. Способъ ея наложенія мною сообщенъ будетъ при описаніи оваріотомій.

Можно ли передать сифилисъ отдѣляемымъ мягкаго шанкра сифилитика. Доц. А. Г. Ге.

(Читано въ засѣд. Общества 22 января 1879 г.).

Различные способы зараженія сифилисомъ—то путемъ совокупленія, то путемъ поцѣлуя, то путемъ употребленія одной и той же папиросы и т. д. указываютъ безъ сомнѣнія, что сифилитическій ядъ не заключается лишь въ продуктѣ распаденія склероза, какъ это думали до 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія, а содержится и въ другихъ образованіяхъ, служащихъ выраженіемъ конституціональнаго сифилиса. Эти образованія однако по содержанію въ нихъ сифилитическаго яда должны быть раздѣлены на двѣ группы — на образованія кондиломатознаго періода, несомнѣнно содержащія въ себѣ сифилитическій ядъ, и на образованія гуммознаго періода, считающіяся въ настоящее время незаразительными. И тѣ и другія имѣютъ одну общую черту — онѣ суть патологическіе продукты всецѣло зависящіе отъ сифилитическаго худосочія.

Физіологическіе продукты сифилитика содержатъ сифилитическій ядъ далеко не всѣ; онъ находится лишь въ крови и въ сѣмени, да вѣроятно въ яйцѣ матери. Что касается пота, молока и слюны сифилитика, то до сихъ поръ не наблюдалось еще ни одного случая, гдѣ бы означенныя жидкости, будучи совершенно нормальными, т. е. безъ примѣси продуктовъ распаденія сифилитическаго образованія, служили источникомъ зараженія сифилисомъ. Напротивъ есть случай, напр. Lee ([1]), указывающій, что молоко сифилитической матери не заразительно. Padova ([2]) нѣсколько разъ прививалъ здоровымъ молоко сифилитическихъ женщинъ и получалъ всегда отрицательные результаты. Теперь спрашивается—какимъ образомъ относятся къ сифилитическому яду патологическіе продукты сифилитика, обязанные однако своимъ происхожденіемъ не сифилитическому худосочію, а какой либо другой причинѣ? Содержится ли сифилитическій ядъ напр. въ гною угря или уретрита сифилитика, въ гною слѣдовательно не специфическаго происхожденія.

Вопросъ этотъ уже и раньше занималъ ученыхъ, но мнѣнія ихъ далеко не одинаковы. Rinecker ([3]) напр. прививалъ гной угря сифилитическаго ребенка здоровому субъекту и перенесъ такимъ образомъ сифилисъ. Diday ([4]) при подобной же прививкѣ получалъ отрицательные результаты. Уретритъ сифилитика и fluor albus сифилитической женщины считаются большинствомъ неспособными передать сифилисъ, если только появленіе означенныхъ истеченій не обусловлено отложеніемъ сифилитическихъ продуктовъ. Въ послѣднее же время Lee, Berkeley, Hill и Marston стараются доказать, что бленнорройное истеченіе сифилитическихъ субъектовъ можетъ передавать сифилисъ.

Возможность передачи сифилиса оспопрививаніемъ вполнѣ констатирована, но мнѣнія объ отношеніи вакцинной лимфы къ сифилитическому яду очень разнорѣчивы. Одни (Viennois) утверждаютъ, что вакцинная лимфа сифилитика не содержитъ сифилитическаго яда, а пере-

---

([1]) Ziemssen, Handb. B. III. S. 47, и Brit. medical Journ. 1868. № 28.

([2]) Lancereaux, Traité de la syphilis, стр. 482. ([3]) Ziemssen, Handbuch. B. III. S. 44. ([4]) Lancereaux, Traité de la syphilis, стр. 473.

даетъ сифилисъ лишь въ случаяхъ примѣси къ ней крови; другіе же (Hutchinson) говорятъ, что и безъ примѣси крови вакцина сифилитика можетъ служить источникомъ зараженія сифилисомъ. Есть еще одно очень характерное наблюденіе, произведенное Auzias-Turenne'мъ (¹), а именно: изъ вакцинной пустулы одного сифилитическаго ребенка было сдѣлано оспопрививаніе троимъ здоровымъ дѣтямъ; двумъ изъ нихъ было привито совершенно прозрачное содержимое пустулы, взятое на восьмой день ея существованія, а третьему гнойное содержимое на 11-ый день существованія пустулы. Первые два ребенка остались здоровы, третій же заболѣлъ сифилисомъ.

Особенно разнорѣчивы мнѣнія о томъ,—можетъ ли отдѣляемое мягкаго шанкра сифилитика передать здоровому субъекту кромѣ шанкра и сифилисъ? Bäumler (²) говоритъ по этому поводу, что вопросъ этотъ окончательно не рѣшенъ и указываетъ только на два до сихъ поръ извѣстныя наблюденія Bidenkap'а съ діаметрально противоположными результатами.

Эксперименты съ прививкою отдѣляемаго мягкаго шанкра сифилитика были производимы и раньше, но исключительно лишь для доказательства существованія гибридныхъ формъ шанкровъ (Rollet). Для этого напр. Laroyenne (³), Bosset, Melchior Robert прививали мягкій шанкръ сначала на склерозъ, а потомъ уже здоровому субъекту и наблюдали развитіе сифилиса. Въ этихъ опытахъ слѣдовательно кромѣ отдѣляемаго мягкаго шанкра играютъ весьма важную роль и продукты распаденія склероза, которымъ собственно и долженъ быть приписанъ переносъ сифилиса. Что же касается до прививки съ сифилитика только отдѣляемаго мягкаго шанкра безъ примѣси продуктовъ распаденія сифилитическаго образованія, то до сихъ поръ существуютъ, какъ упомянуто выше, лишь два случая Bidenkap'а, результаты которыхъ совершенно противоположны одинъ другому. Самъ Bidenkap (⁴) и Boeck считаютъ впрочемъ результаты въ обоихъ случаяхъ тождественными, но Köbner и др., подвергая ихъ строгому анализу, находятъ разнорѣчивыми.—Другихъ опытовъ въ этомъ направленіи нѣтъ.

А между тѣмъ вопросъ о возможности или невозможности передачи сифилиса отдѣляемымъ мягкаго шанкра сифилитика очень важенъ и для дуалистической теоріи сифилиса, и для опредѣленія источниковъ распространенія его.

Въ предлежащихъ строкахъ я намѣренъ описать произведенный мною опытъ искуственной прививки здоровому субъекту отдѣляемаго мягкаго шанкра сифилитика. Опытъ былъ произведенъ надъ женщиной, страдающей cum spedalskhed, никогда не имѣвшей сифилиса и давшей на опытъ свое согласіе.

Привитое отдѣляемое добыто мною слѣдующимъ образомъ.

Выбранъ больной, М. С., 20 лѣтъ отъ роду, поступившій 8-го декабря 1877 года (№ 97) въ сифилитическое отдѣленіе земской больницы съ слѣдующими припадками: на внутреннемъ листкѣ препуціи на правой сторонѣ около sulci retroglandulare находится нечистая характерная мягкая шанкерная язва in stadio destructione. Въ правомъ паху флюк-

---

(¹) Archiv f. Dermatol. u. Syphilis v. Auspitz u. Pick. 1871. Heft II. S. 170. (²) Ziemssen, Handbuch, B. III. S. 92.

(³) Annales des maladies de la peau. 1859.

(⁴) Auspitz, Die Lehren von syphilitischen Contagium. Wien. 1866.

туирующій бубонъ. Отдѣляемое язвы обильно. Оно снято ланцетомъ и привито больной, А. С., 42 лѣтъ отъ роду, поступившей 8 декабря 1877 года (№ 63) въ сифилитическое отдѣленіе больницы съ слѣдующими припадками: распадающіяся слизистыя папулы на большихъ губахъ vulvae и на верхней губѣ рта. На туловищѣ roseola in stadio involutione; in sulco naso-labiale et mentale и на лбу syphilis cutanea papulosa lenticularis. Adenopathia universalis.

Прививка сдѣлана 9-го декабря 1877 г. двумя уколами ланцета на лѣвое среднее плечо.

11/XII—На мѣстахъ прививки развились пустулы съ значительной реакціей въ окружности. 14/XII—Пустулы лопнули и образовались двѣ характерныя шанкерныя язвы. Въ лѣвой подкрыльцовой впадинѣ опухшая и очень болѣзненная железа.

Отдѣляемое язвы собрано на ланцетъ, при этомъ особенное вниманіе было обращено на то, чтобъ не поранить дно язвы и чтобъ отдѣляемое ея было безъ примѣси крови. Такое отдѣляемое привито 14 декабря 1877 г. уколами на оба среднія плеча больной № 5, проводящей въ отдѣленіи уже вторую зиму. Больная 36 лѣтъ отъ роду, крѣпкаго тѣлосложенія, съ хорошимъ питаніемъ. Она никогда не имѣла сифилиса, но 7-й годъ страдаетъ cum spedalskhed.

15/XII—На мѣстахъ укола ясная, но не особенно сильная реакція. Еще сдѣлана прививка на плечо того же отдѣляемаго однимъ уколомъ ланцета.

16/XII—На мѣстахъ первыхъ прививокъ реакція значительно сильнѣе и въ центрѣ развились пустулы. 18/XII—Пустулы увеличились.

20/XII—Пустулы подсохли; подъ коростами глубокія и очень нечистыя язвы съ значительнымъ гнойнымъ отдѣленіемъ. Назначена примочка ex argent. nitric.

24/XII—Язвы увеличились — онѣ около сантиметра въ діаметрѣ. Empl. mercurial. 2/I. 1878—Язвы значительно очистились. Дно и края ихъ совершенно мягки. 9/I—Язвы зажили и рубцы ихъ совершенно мягки. Рубцы слегка возвышены. 18/I—Рубцы нѣсколько отвердѣли. 1/II—Рубцы опять совершенно мягки, но только нѣсколько возвышены.

25/IV—Больная выписалась. Рубцы остались совершенно мягки и непигментированы. Въ теченіе всего времени со дня прививки т. е. въ теченіе 132 дней никакихъ припадковъ со стороны другихъ органовъ при самомъ тщательномъ и неоднократно повторенномъ изслѣдованіи больной я незамѣтилъ.

Такимъ образомъ мы видимъ изъ этого опыта, что шанкры больной привились и протекали совершенно нормально. Что же касается зараженія или незараженія ея сифилисомъ, то тутъ является слѣдующій вопросъ: можно-ли считать 132 дня, проведенные больной подъ наблюденіемъ, вполнѣ достаточными для того, чтобъ быть увѣреннымъ, что больная не подверглась одновременно съ дѣйствіемъ шанкернаго яда и дѣйствію сифилитическаго яда? Можетъ быть срокъ наблюденія слишкомъ коротокъ, можетъ быть сифилитическій ядъ не успѣлъ еще обнаружить свое присутствіе въ организмѣ?

Отвѣтъ на эти вопросы мы можемъ получить лишь сравненіемъ даннаго случая съ другими уже извѣстными случаями искуственной прививки сифилиса здоровымъ.

Изъ послѣднихъ мы знаемъ, что ходъ развитія сифилиса дѣлится на два періода. Продолжительность перваго—со дня прививки и до по-

явленія первыхъ измѣненій на мѣстѣ укола—колеблется между 10 и 42 днями, обыкновенно же равняется 25—26 днямъ; продолжительность же втораго — со дня появленія склероза и до развитія общихъ припадковъ сифилиса—колеблется между 12 и 130 днями, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ не бываетъ долѣе 47 дней. Сравнивая теперь продолжительность моего наблюденія съ только что приведенными цифрами обыкновеннаго развитія сифилиса мы находимъ, что продолжительность эта была вполнѣ достаточна; если же сравнивать ее съ самымъ позднимъ развитіемъ сифилиса, то она повидимому недостаточна, но только повидимому, потому что кромѣ продолжительности наблюденія мы имѣемъ еще критеріумъ для заключенія, что въ данномъ случаѣ больная не подверглась дѣйствію сифилитическаго яда, это—отсутствіе припадковъ, которыми заканчивается первая инкубація, отсутствіе припадковъ начала второй инкубаціи, именно опуханія лимфатическихъ железъ, о которомъ еще Рикоръ сказалъ, что оно какъ тѣнь слѣдуетъ за твердымъ шанкромъ, т. е. за шанкромъ съ послѣдующимъ развитіемъ сифилиса, и наконецъ отсутствіе припадковъ конца второй инкубаціи. Положимъ, что склерозъ бываетъ иногда развитъ такъ слабо, что его легко просмотрѣть; положимъ, что въ данномъ случаѣ я его именно и просмотрѣлъ; но гдѣ же эта неизмѣнная adenopathia indolens, гдѣ тѣ измѣненія питанія организма, гдѣ тѣ измѣненія въ волосистой части головы, которыя несомнѣнно указываютъ на присутствіе сифилитическаго худосочія? Въ данномъ случаѣ ихъ нѣтъ, а потому я считаю себя вправѣ утверждать, что прививка отдѣляемаго мягкаго шанкра сифилитика перенесло только мягкій шанкръ безъ совмѣстнаго перенесенія сифилиса.

Личный составъ Общества Врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ въ 18⁷⁸/₇₉ акад. году.

Предсѣдатель: Арнштейнъ, *Карлъ Августовичъ*, ДМ., ордин. проф. гистологіи.

Секретари: Высоцкій, *Николай Θедоровичъ*, ДМ., доцентъ отіатріи, и Падаринъ, *Михаилъ Александровичъ*, ординаторъ городской александр. больницы.

Почетные члены:

Скарятинъ, *Николай Яковлевичъ*, начальникъ казанской губерніи.
Осокинъ, *Петръ Гавриловичъ*, б. казан. губ. предводит. дворянства.
Шестаковъ, *Петръ Дмитріевичъ*, попечит. казан. учебн. округа.

Дѣйствительные члены:

Адамюкъ, *Емильянъ Валентьевичъ*, ДМ., ордин. проф. офталмологіи.

Акербломъ, *Иванъ Христіановичъ*, пом. дирек. окр. лечеб. для умал.

Асташевскій, *Павелъ Петровичъ*, ДМ., прив.-доц. общ. патологіи.

Бекетовъ, *Андрей Николаевичъ*, ДМиХ., орд. проф. хир. фак. клин.

Боголюбовъ, *Николай Ивановичъ*, ДМ., доцентъ оперативной хирур.

Болдыревъ, *Матвѣй Фроловичъ*, ДМ., доцентъ ларингоскопіи.

Борисовъ, *Леонидъ Ивановичъ*, казан. городовой врачъ.

Бухвостовъ, *Алексѣй Константиновичъ*, практ. врачъ.

Васильевъ, *Викторъ Васильевичъ*, ординаторъ хирург. факул. клин.

Виноградовъ, *Николай Андреевичъ*, ДМ., орд. пр. терап. фак. клин.

Волянскій, *Григорій Ивановичъ*, земск. вр. въ Ромнахъ, полтав. губ.

Ге, *Александръ Генриховичъ*, ДМ., доцентъ сифилидологіи и дерматол.

Гвоздевъ, *Иванъ Михайловичъ*, ДМ., орд. проф. судебн. медицины.

Гроссъ, *Людвигъ Өедоровичъ*, практическій врачъ.

Догель, *Иванъ Михайловичъ*, ДМ., ордин. проф. фармакологіи.

Егоровъ, *Иванъ Елисѣевичъ*, земскій врачъ въ Сарапулѣ, вятск. губ.

Ермолаевъ, *Дмитрій Сергѣевичъ*, ДМ., ордин. проф. физіол. анатоміи.

Зедерштедтъ, *Иванъ Ивановичъ*, ДМ., св. ордин. проф. ч. патологіи.

Зейфманъ, *Петръ Товіевичъ*, МВ., директоръ ветеринарнаго института.

Инясевскій, *Николай Ивановичъ*, ордин. окр. лечеб. для умал.

Ключевскій, *Ромуальдъ Игнатьевичъ*, лаборантъ при каѳ. химіи.

Ковалевскій, *Николай Осиповичъ*, ДМ., ордин. проф. физіологіи.

Котовщиковъ, *Николай Ивановичъ*, ДМ., пр.-доцентъ діагностики.

Кремлевъ, *Александръ Александровичъ*, студент. врачъ при универ.

Кривошапкинъ, *Михаилъ Ѳомичъ*, ДМ., губ. медицин. инспекторъ.

Кривошеинъ, *Иванъ Филиповичъ*, стар. врачъ лазар. порохов. завода.

Кузнецкій, *Петръ Васильевичъ*, земск. врачъ въ Тагилѣ, перм. губ.

Купидоновъ, *Василій Гавриловичъ*, ордин. гор. алексан. больн.

Кушниковъ, *Дмитрій Алексѣевичъ*, зем. врач. въ Свіяжскѣ, каз. г.

Ланге, *Иванъ Николаевичъ*, МВ., ордин. проф. ветеринарнаго института.

Лангель, *Романъ Андреевичъ*, МФ., доцентъ фармаціи и фармакогнозіи.

Левшинъ, *Левъ Львовичъ*, ДМ., к.-орд. проф. теоретич. хирургіи.

Леонтьевъ, *Константинъ Михайловичъ*, ассист. при каѳ. суд. медиц.

Маліевъ, *Николай Михайловичъ*, ДМ., прозекторъ физіол. анатоміи.

Мандельштамъ, *Левъ Борисовичъ*, ДМ., пом. губ. медиц. инспектора.

Навалихинъ, *Иванъ Григорьевичъ*, ДМ., препод. ветерин. института.

Никольскій, *Михаилъ Васильевичъ*, ДМ., о. пр. хир. госпит. клин.

Орловъ, *Владиміръ Дмитріевичъ*, ассистентъ при каѳ. гигіены.

Петровъ, *Александръ Васильевичъ*, ДМ., ордин. проф. патолог. анатом.

Потѣхинъ, *Иванъ Михайловичъ*, проф.-стипен. по каѳ. физіол. хим.

Рудановскій, *Петръ Васильевичъ*, ДМ., глав. врачъ при Тагильс. зав.

Рясенцевъ, *Іосифъ Марковичъ*, св. ордин. акушер. факул. клиник.

Рѣшетина, *Марья Петровна*, пом. орд. терап. факул. клиники.

Сбоевъ, *Михаилъ Васильевичъ*, практическій врачъ.

Семченковъ, *Дмитрій Григорьевичъ*, ордин. губ. земской больницы.

Скворцевъ, *Иринархъ Полихроніевичъ*, ДМ., доцентъ гигіены.

Соколовскій, *Николай Петровичъ*, практическій врачъ.

Соколовъ, *Владиміръ Васильевичъ*, врачъ 8 пѣх. эстлянд. полка.

Соловьевъ, *Дмитрій Васильевичъ*, ординаторъ хирург. факул. клин.

Студенскій, *Николай Ивановичъ*, ДМ., доцентъ десмургіи и ортоп.

Суботинъ, *Михаилъ Ѳедоровичъ*, ДМ., орд. проф. терап. гос. клиник.

Толмачевъ, *Николай Александровичъ*, ДМ., доц. дѣтск. болѣзней.

Флоринскій, *Василій Марковичъ*, ДМ., ордин. проф. акушерства.

Фрезе, *Александръ Устиновичъ*, ДМ., проф., директ. лечеб. для умал.

Хомяковъ, *Михаилъ Аристарховичъ*, ДМ., доцентъ частной патологіи.

Щербаковъ, *Арсеній Яковлевичъ*, ДМ., э.-о. проф. медицинской химіи.

Напечатано по опред. Общества Врачей при Императорскомъ Казанск. Университ.
Предсѣдатель Проф. А. Петровъ.

Казань. Въ Университетской типографіи. 1880 г.

Извѣстія Императорскаго Казанскаго Университета, 1880 г.

ДНЕВНИКЪ
КАЗАНСКАГО ОБЩЕСТВА ВРАЧЕЙ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

№ 2.

12 марта ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. **1880 года.**

Протоколъ засѣданія Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, 18 января 1880 года.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Петрова присутствовало 56 дѣйствительныхъ членовъ и 65 постороннихъ посѣтителей.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ дополнительнаго къ годичному засѣданія 20 ноября 1879 года.

2) *Избраны* дѣйствительными членами:

Блюмбергъ, *Константинъ Густавовичъ*, МВ., э.-о. проф. ветер. инст.

Бронниковъ, *Василій Семеновичъ*, ДМ., ст. ордин. воен. госпиталя.

Брянцевъ, *Владиміръ Аполлоновичъ*, ордин. окр. лечебн. для умал.

Буслаевъ, *Василій Сергѣевичъ*, млад. врачъ 7 пѣх. ревел. полка.

Васяткинъ, *Василій Николаевичъ*, практич. врачъ въ Астрахани.

Вонгродскій, *Виталій Антоновичъ*, ассист. офталмол. клиники.

Годневъ, *Иванъ Васильевичъ*, ординат. терапев. отд. госпит. клиники.

Гольтерманъ, *Юлій Антоновичъ*, ДМ., каз. в.-окр. м. инспекторъ.

Дамперовъ, *Иванъ Евграфовичъ*, ординат. сифил. отд. земск. больн.

Декарлино, *Николай Николаевичъ*, практическ. врачъ въ Казани.

Дохманъ, *Александръ Михайловичъ*, ординат. терапев. фак. клиники.

Заржецкій, *Адамъ Осиповичъ*, ДМ., корпусн. врачъ 15 арм. корпуса.

Землиповъ, *Владиміръ Ивановичъ*, помощ. прозект. патол. анат.

Зимнинскій, *Николай Сергѣевичъ*, ордин. хирур. госпит. клиники.

Золотницкій, *Владиміръ Николаевичъ*, врачъ казацк. астрах. войск.
Идельсонъ, *Евгеній Марковичъ*, стар. врачъ 7 пѣх. ревел. полка.
Карповъ, *Викторъ Кузьмичъ*, ординат. терапевт. отд. факул. клиники.
Колонтаевъ, *Владиміръ Ивановичъ*, казанскій городовой врачъ.
Левицкій, *Порфирій Ивановичъ*, стар. врачъ 8 пѣх. эстл. полка.
Леманъ, *Эдуардъ Александровичъ*, МФ., доцентъ казан. ветер. инст.
Львовъ, *Иванъ Моисеевичъ*, ординат. акушер. отд. факул. клиники.
Любимовъ, *Николай Матвѣевичъ*, ДМ., прозекторъ патолог. анатоміи.
Миславскій, *Николай Александровичъ*, ассист. при каѳ. физіологіи.
Николаи, *Рудольфъ Ѳедоровичъ*, практическій врачъ въ Казани.
Никольскій, *Владиміръ Ивановичъ*, лаборантъ при каѳ. фармаколог.
Путиловъ, *Павелъ Васильевичъ*, врачъ для командир. при в.-окр. мед. упр.
Рябининъ, *Александръ Николаевичъ*, млад. врачъ 7 пѣх. ревел. полк.
Сущинскій, *Гавріилъ Петровичъ*, ДМ., дивизіон. врачъ 2 пѣх. дивизіи.
Талавриновъ, *Яковъ Николаевичъ*, гор. врач. въ Велижѣ, Витеб. г.
Терегуловъ, *Ибрагимъ Валиулличъ*, вет. вр., преп. уч. татар. шк.
Томаровъ, *Алексѣй Поліевктовичъ*, ДМ., пом. в.-окр. медиц. инсп.
Усольцевъ, *Николай Алексѣевичъ*, млад. врачъ 87 пѣх. резер. батал.
Флеринъ, *Николай Ѳедоровичъ*, ординат. акушер. отд. факул. клиники.
Целерицкій, *Константинъ Михайловичъ*, ордин. тер. госп. клин.
Чуваевъ, *Николай Ѳедоровичъ*, помощ. прозектора физіолог. анатоміи.
Шестаковичъ, *Витольдъ Петровичъ*, млад. врачъ 85 пѣх. рез. бат.
Шишковъ, *Александръ Семеновичъ*, млад. врачъ 86 пѣх. резер. батал.
Шумковъ, *Иванъ Михайловичъ*, помощ. прозект. при каѳ. физіол.
Юрьевъ, *Михаилъ Поліеновичъ*, ветеринар. врачъ въ Симбирскѣ.
Яковлевъ, *Иванъ Михайловичъ*, млад. врачъ 7 пѣх. ревел. полка.

3) **Предсѣдатель** обратился къ Обществу со слѣдующими словами (1):

«Я долженъ, по установившемуся обычаю, поблагодарить Васъ за оказанную мнѣ честь избранія въ Предсѣдатели Общества. Честь эта представляется мнѣ тѣмъ болѣе высокою, что ею удостоила меня не молодая, только что сформировавшаяся коллегія, безъ прошедшаго, еще готовящаяся къ труду, будущность которой неизвѣстна; наше Общество имѣетъ прошлое и при томъ такое прошлое, которымъ оно по справедливости можетъ и должно гордиться.

Въ этомъ прошломъ мы встрѣчаемъ не только обширные и многочисленные труды, опредѣляющіе физіономію Общества, но—что всего важнѣе, встрѣчаемъ доказательства постояннаго стремленія Общества разработывать постановленныя себѣ задачи коллективнымъ путемъ. Этотъ путь коллективной разработки вопросовъ науки, особенно тѣхъ, которые имѣютъ прямую, непосредственную связь съ жизнью и слѣдовательно возбуждающихъ общій интересъ, предохранялъ Общество отъ неподвижности и застоя, постоянно возвышая его энергію и усиливая дѣятельность.

И если я, вмѣстѣ съ другими, также позволилъ себѣ уклоняться отъ предложенной мнѣ чести, какъ это видно изъ только что прочитаннаго протокола дополнительнаго къ годичному засѣданія 20 ноября 1879 года, то вовсе не потому, чтобы я также желалъ указать на мое

---

(1) Рѣчь Предсѣдателя составлена по стенографическому отчету.

дѣйствительно разстроенное здоровье или многочисленныя занятія; нѣтъ, единственно только опасеніе не найдти въ себѣ достаточно силъ согласовать прошлое Общества съ его настоящими потребностями, отъ которыхъ въ послѣднее время я такъ далеко стоялъ, было причиною нѣкоторыхъ попытокъ съ моей стороны отклонить состоявшееся избраніе. Но какъ скоро значительное большинство воспротивилось этимъ попыткамъ, то я конечно былъ припужденъ уступить и во всякомъ случаѣ постараюсь оправдать довѣріе, которое Вамъ угодно было мнѣ оказать.

Теперь очень естественно ожидать отъ меня, какъ отъ новаго Предсѣдателя, и новыхъ соображеній относительно направленія дѣятельности Общества; но я позволю себѣ не оправдать этихъ ожиданій, будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что весь планъ дѣятельности долженъ быть установленъ самимъ Обществомъ. На мнѣ, какъ на Предсѣдателѣ Общества, имѣющаго уже за собою нѣсколько прожитыхъ годовъ, лежитъ теперь развѣ обязанность обратить Ваше вниманіе на нѣкоторые наиболѣе выдающіеся факты и особенности предшествовавшей жизни, изъ которыхъ мы могли бы извлечь не безполезные для насъ уроки при опредѣленіи наступающей дѣятельности. Исторія нашего Общества такъ поучительна въ этомъ отношеніи, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи тотчасъ же исполнить предполагаемую мною обязанность.

Изъ составленной мною «Записки о дѣятельности Общества» видно, что своимъ возникновеніемъ оно обязано новому университетскому уставу, подъ вліяніемъ котораго была привлечена въ Казань масса новыхъ научныхъ силъ. Еще задолго до утвержденія устава Общества врачей г. Казани, послѣдовавшаго 7 февраля 1868 года, существовала частнымъ образомъ небольшая коллегія, состоявшая преимущественно изъ лицъ принадлежащихъ къ университету и работавшая большею частью надъ случайнымъ матеріаломъ, не имѣя строгаго плана и опредѣленныхъ задачъ. Характеръ этой коллегіи былъ сообщенъ и возникшему изъ нея Обществу, которое однакоже, послѣ двухъ-лѣтней, весьма мало оживленной дѣятельности, остановилось на мысли попробовать свои силы въ разработкѣ вопросовъ, намѣченныхъ отчасти уставомъ и доступныхъ не только членамъ университета, но и всѣмъ вообще врачамъ, въ какой бы неблагопріятной для научной дѣятельности обстановкѣ они не находились.

Такимъ образомъ, отрѣшившись нѣсколько отъ задачъ всемірной науки, Общество склонилось къ изученію ближайшихъ предметовъ, стараясь ознакомиться съ особенностями въ медицинскомъ отношеніи мѣстности, въ которой ему суждено было дѣйствовать. Въ этомъ направленіи, встрѣченномъ отовсюду съ глубокимъ сочувствіемъ, скоро появилась цѣлая масса наблюденій, опредѣляющихъ характеръ болѣзненности г. Казани и окрестностей, степень смертности, различныя санитарныя особенности и т. п., такъ что оно сдѣлалось какъ бы господствующимъ, оказывая отчасти даже подавляющее вліяніе на труды другаго рода. Около этого времени, какъ извѣстно, готовился собраться въ Казани 4-й Съѣздъ русскихъ Естествоиспытателей и Общество, заранѣе систематизировавъ свои труды, внесло на обсужденіе Съѣзда составленную имъ при участіи другихъ медицинскихъ Обществъ—программу вопросовъ въ вышеуказанномъ направленіи, для чего и ходатайствовало объ открытіи Съѣздомъ особаго Статистико - Гигіеническаго отдѣленія, что и было исполнено. Изъ «Протоколовъ засѣданій и Трудовъ» этого отдѣленія Вы можете убѣдиться, что оно почти исключительно работало по представ-

ленной Обществомъ программѣ, при чемъ всѣ начинанія Общества въ статистико-гигіеническомъ направленіи встрѣтили горячее сочувствіе и полное одобреніе со стороны высоко-ученыхъ членовъ Съѣзда. При такихъ обстоятельствахъ Общество рѣшилось предаться исключительно этому направленію, задумавъ даже съ этою цѣлью періодическое изданіе «Журнала Общественной Медицины», которому однакожъ не суждено было появиться въ свѣтъ.

Но приступая къ такому серьозному труду, при веденіи котораго могли встрѣтиться неисчислимыя препятствія, Общество понимало, что кромѣ постояннаго запаса испытанныхъ научныхъ силъ, ему необходимо направляющее и поддерживающее вліяніе высоко-ученой коллегіи, каковою въ глазахъ его всегда былъ—университетъ. Отсюда понятно, почему давно таившееся желаніе присоединиться къ университету именно въ это время возгорѣлось съ новою силою, и къ благополучію Общества—было удовлетворено. Новый уставъ университетскаго Общества, утвержденный министромъ народнаго просвѣщенія 12 марта 1877 года, далъ ему новыя широкія университетскія права по отношенію къ печати, къ цензурѣ, къ почтовой корреспонденціи и т. п. Само собою разумѣется, что университетское Общество на первыхъ порахъ должно было нѣсколько замкнуться, накопляя въ нѣдрахъ своихъ большій запасъ ученыхъ силъ; точно также предметы его занятій должны были отвѣчать болѣе требованіямъ чистой науки, нежели практической, обыденной жизни, — хотя изъ протоколовъ его засѣданій за послѣдніе два года видно, что прежнее направленіе никогда не переставало его безпокоить. Въ его засѣданіяхъ постоянно какъ бы насильственно выдвигались именно тѣ вопросы, надъ которыми Общество въ прежнее время такъ усердно трудилось, какъ напр. вопросы о развитіи сибирской язвы, различныхъ формъ мѣстной перемежающейся лихорадки и т. п. Наконецъ вопросъ о чумѣ, выдвинутый внезапно, такъ сказать самою жизнью,—въ виду грозившей ей страшной опасности, окончательно связалъ Общество съ этою обыденною жизнью и привлекъ въ его безпримѣрно оживленныя засѣданія всѣхъ жаждущихъ орудія борьбы—знанія.

Изъ этого хотя и весьма краткаго очерка видно, что Общество 1) постоянно стремилось къ научнымъ изслѣдованіямъ имѣющимъ преимущественно мѣстный интересъ; 2) достигало своихъ цѣлей путемъ коллективной разработки намѣченныхъ вопросовъ, и 3) особенно заботилось объ основаніи органа, который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ направленію его дѣятельности.

Можетъ быть Вамъ угодно будетъ воспользоваться этими данными, почерпнутыми мною изъ прошлой жизни Общества, при опредѣленіи плана и объема будущей его дѣятельности?»

Н. А. Виноградовъ указалъ, что цѣль Общества опредѣляется § 1 Устава.

И. М. Гвоздевъ замѣтилъ, что онъ не видитъ разницы между всемірной и мѣстной наукой, точно также какъ между чисто научнымъ и практическимъ направленіемъ; научные вопросы одни и тѣ же, а выводы чистой науки основываются на данныхъ доставляемыхъ практикой.

Н. И. Студенскій напротивъ разграничиваетъ весьма цѣнный и наиболѣе желательный чисто научный матеріалъ отъ менѣе цѣннаго, практическаго, относя къ послѣднему различнаго рода казуистику.

Н. Ѳ. Высоцкій не соглашается съ этимъ, думая, что хорошо обработанная казуистика можетъ служить основаніемъ для солидныхъ научныхъ выводовъ.

И. М. Потѣхинъ находитъ, что было бы гораздо плодотворнѣе обратиться къ изученію мѣстнаго края въ медицинскомъ отношеніи.

П. В. Путиловъ затрудняется очертить предѣлы этихъ изслѣдованій; такъ напр. сообщенія въ этомъ направленіи сдѣланные изъ Туркестана будутъ-ли мѣстными?

Н. А. Виноградовъ рекомендуетъ не ограничивать программу дѣятельности какъ потому, что вслѣдствіе видимаго оживленія Общества и наплыва новыхъ силъ можно надѣяться, что ни одна изъ указанныхъ уставомъ цѣлей не будетъ забыта; такъ и потому, что едва-ли можно отрицать полезность всякаго сообщенія какъ бы маловажно оно не было; въ этомъ отношеніи даже казуистика, противъ которой такъ вооружаются нѣкоторые имѣетъ несомнѣнное значеніе.

И. М. Гвоздевъ замѣтилъ, что нельзя не сочувствовать изученію мѣстнаго края въ медицинскомъ отношеніи, но едва ли полезно ставить это исключительною задачею Общества. Изъ прежней дѣятельности его мы видимъ, что это исключительное направленіе дѣйствовало подавляющимъ образомъ на труды другаго рода, а едва ли правильно исключать ихъ такимъ насильственнымъ образомъ изъ круга занятій Общества, тѣмъ болѣе при томъ разнообразномъ и многочисленномъ составѣ его, какъ теперь.

А. Я. Щербаковъ сказалъ: на сколько я понимаю, вопросъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы принять какое либо исключительное направленіе дѣятельности, а напротивъ именно въ томъ, чтобы включить въ кругъ занятій тѣ изслѣдованія мѣстнаго края въ медицинскомъ отношеніи, которыя со времени присоединенія Общества къ университету были прерваны. Я говорю о собираніи и разработкѣ данныхъ, опредѣляющихъ характеръ болѣзненности города и окрестностей и вообще восточнаго края, точно также, какъ и данныхъ о смертности. Затѣмъ, какъ извѣстно, прежде также были производимы, какъ періодическія санитарныя наблюденія, такъ и постоянныя санитарныя изслѣдованія, имѣющія мѣстный интересъ. Всѣ относящіеся сюда матеріалы, какъ болѣе обработанные, такъ отчасти и сырые постоянно правильно публиковались въ особомъ изданіи Общества, «Дневникѣ» его, выходящемъ въ очень короткіе сроки. Вопросъ въ томъ: желательно ли и возможно ли возобновленіе этихъ работъ въ прежнемъ размѣрѣ и направленіи? —

При голосованіи вопроса о томъ: принять-ли какое либо исключительное направленіе или держаться одинаково всѣхъ пунктовъ § 1 Устава,

Постановлено: относительно направленія дѣятельности Общества держаться одинаково всѣхъ пунктовъ § 1 Устава.

(Засѣданіе прервано на нѣсколько минутъ).

4) Предсѣдатель, руководствуясь только что состоявшимся постановленіемъ и обращая вниманіе Общества на заявленіе А. Я. Щербакова, предложилъ обсудить: желательно ли возобновленіе прерванныхъ изслѣдованій въ статистико-гигіеническомъ направленіи, а именно: собиранія и разработки свѣдѣній о болѣзненности, о смертности, періодическихъ санитарныхъ наблюденій и другихъ сюда относящихся работъ, а равно и правильное публикованіе ихъ въ «Дневникѣ» Общества.

И. М. Гвоздевъ выразился съ глубокимъ сочувствіемъ къ издававшемуся Обществомъ «Дневнику», но замѣтилъ, что этому изданію весьма вредили полемическія статьи, а потому онъ желалъ бы видѣть въ

немъ на будущее время только медико-статистическій матеріалъ—безъ всякой полемики.

Н. А. Виноградовъ замѣтилъ, что содержаніе «Дневника» опредѣляется его матеріаломъ.

А. Я. Щербаковъ не видитъ причины, почему на страницахъ того же «Дневника» не можетъ быть допущена и критическая оцѣнка помѣщаемаго въ немъ матеріала.

Н. И. Студенскій, останавливаясь на собираніи и разработкѣ свѣдѣній о болѣзненности, замѣтилъ, что эти свѣдѣнія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть полными, такъ какъ они касаются лишь небольшой части населенія; значительная масса больныхъ, при настоящихъ условіяхъ, ускользаетъ отъ медицинскаго наблюденія Кромѣ того они всегда богаты одновременными повтореніями объ одномъ и томъ же больномъ, нерѣдко отмѣченномъ весьма различно, что понятно затрудняетъ регистрированіе. Все это дѣлаетъ весьма шаткими получаемые выводы, которые могутъ даже вводить въ заблужденіе относительно истиннаго характера и степени болѣзненности. А потому слѣдуетъ ли такъ серьёзно относиться къ матеріалу о болѣзненности?

А. Я. Щербаковъ, соглашаясь, что не только затрудненія, но даже и весьма грубыя, хотя и невольныя ошибки дѣйствительно вполнѣ возможны при регистрированіи, но это неудобство—общее всякому статистическому матеріалу — исчезаетъ предъ массою однородныхъ по достоинству наблюденій. Затѣмъ, хотя дѣйствительно нѣтъ возможности получить абсолютныя цифры о болѣзненности населенія, но приблизительные выводы изъ массы вполнѣ достовѣрныхъ случаевъ, сдѣланные на основаніи общепринятаго въ статистикѣ метода пропорціональныхъ отношеній, имѣютъ несомнѣнную цѣну и во всякомъ случаѣ далеки отъ заблужденій. Важно только, чтобы матеріалъ дѣйствительно былъ достовѣренъ и по возможности однороденъ; а потому не слѣдуетъ ли прежде всего отдѣлить при обработкѣ матеріалъ больничный отъ частной практики и амбуляторной. Кромѣ того я считалъ бы весьма полезнымъ собираніе и публикованіе свѣдѣній о болѣзненности по всей Казанской губерніи, что вполнѣ возможно при настоящемъ устройствѣ земско-медицинскаго дѣла въ губерніи, и слѣдуетъ надѣяться, что гг земскіе врачи не откажутся доставлять въ извѣстные сроки хотя бы самыя краткія указанія на степень и характеръ болѣзненности въ завѣдываемыхъ ими участкахъ. Затѣмъ для обсужденія плана относящихся сюда работъ, способа ихъ производства и публикованія слѣдовало бы назначить особую Коммисію.

По голосованіи: продолжать ли обсужденіе вопроса о собираніи и разработкѣ свѣдѣній о болѣзненности и смертности, а равно и о формѣ изданій Общества, или образовать для этого Коммисію,

Постановлено: образовать Коммисію, въ составъ которой вошли: И Х. Акербломъ, В. С. Бронниковъ, Н. А. Виноградовъ, И В. Годневъ, Н. И. Котовщиковъ, Л. Б. Мандельштамъ, Р. Θ. Николаи, А. В. Петровъ, И. П. Скворцевъ, Н. И. Студенскій, Г. П. Сущинскій и А. П. Томаровъ.

5) Н. И. Инясевскій, обращая вниманіе на постановленіе, которымъ отвергнуто исключительное направленіе дѣятельности Общества, находитъ противорѣчіе тому въ заявленіяхъ, старающихся придать характеръ исключительный «Дневнику Общества», какъ изданію, долженствующему вмѣщать въ себѣ только медико статистическій матеріалъ. Въ силу состоявшагося постановленія изданія Общества должны быть

также разнообразны, какъ разнообразны его цѣли, указанныя въ § 1 Устава.

Предсѣдатель указалъ, что вопросъ объ изданіяхъ Общества, переданный нынѣ на заключеніе особой Коммисіи, остается совершенно открытымъ и будетъ предложенъ на обсужденіе Общества тотчасъ по выслушаніи заключенія объ этомъ Коммисіи.

6) Доложены отношенія г. директора Императорской первой Казанской гимназіи отъ 18 сентября 1879 г. за № 799 и 11 октября за № 867, въ которыхъ онъ проситъ *о назначеніи стипендіата* имени покойнаго Медико-Хирурга Д. С. С. Л. В. Ротштейна, причемъ педагогическимъ Совѣтомъ гимназіи особенно рекомендуются ученики: 1 класса—Цилли Станиславъ и 2 класса—Ерофеевъ Василій и Сребровъ Владиміръ.

Н. А. Виноградовъ, Р. Ѳ. Николаи и Н. И. Студенскій заявили, что имъ извѣстна бѣдность ученика Цилли.

При баллотированіи получилъ большее число избирательныхъ шаровъ ученикъ 1 класса Цилли Станиславъ, почему и

Постановлено: признать его стипендіатомъ Л. В. Ротштейна, о чемъ и увѣдомить г. директора гимназіи.

7) Доложено предложеніе Медицинскаго и Климатологическаго Общества въ Ниццѣ (Société de médecine et de climatologie de Nice) отъ 3 января 1880 г., объ обмѣнѣ изданіями причемъ представлена издаваемая Обществомъ газета «Nice médical» № 1.

Постановлено: принять предложеніе.

Предсѣдатель *А. Петровъ.* Секретарь *В. Орловъ.*

Докладъ Коммисіи по вопросу о собираніи и разработкѣ медико-статистическаго матеріала. Состав. А. В. Петровъ.

(Читанъ въ засѣд. Общества 12 февраля 1880 г.)

Особая Коммисія, назначенная Обществомъ Врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ въ засѣданіи его 18 января 1880 года, по вопросу *о собираніи и разработкѣ медико-статистическаго матеріала,* окончила свои занятія въ продолженіи двухъ засѣданій, именно 25 января и 1 февраля.

Въ составъ Коммисіи вошли по назначенію Общества: И. Х. Акербломъ, В. С. Бронниковъ, Н. А. Виноградовъ, И. В. Годневъ, Н. И. Котовщиковъ, Л. Б. Мандельштамъ, Р. Ѳ. Николаи, А. В. Петровъ, И. П. Скворцевъ, Н. И. Студенскій, Г. П. Сущинскій и А. П. Томаровъ, но изъ нихъ И. П. Скворцевъ отказался отъ участія въ занятіяхъ Коммисіи, а Н. А. Виноградовъ и Г. П. Сущинскій не присутствовали по болѣзни. Затѣмъ Коммисія признала необходимымъ пригласить еще слѣдующихъ членовъ: И. М. Гвоздева, М. Ф. Кривошапкина, А. Я. Щербакова, В. М. Флоринскаго и—въ послѣднемъ засѣданіи — А. О. Заржецкаго, который, не имѣя возможности принять участіе въ трудахъ Коммисіи, но ознакомившись съ настоящимъ докладомъ, сдѣлалъ дополнительное предложеніе, о которомъ будетъ своевременно доложено.

Предметами занятій Коммисіи были вопросы: о собираніи и разработкѣ свѣдѣній о болѣзненности, о смертности и о формѣ изданій Общества.

А) По вопросу о собираніи и разработкѣ свѣдѣній *о болѣзненности* были приняты въ основаніе слѣдующія соображенія: матеріалъ, опредѣляющій степень и характеръ болѣзненности населенія, какъ и всякій вообще статистическій матеріалъ, тѣмъ большую имѣетъ цѣнность, чѣмъ онъ обильнѣе, хотя даже при самомъ обильномъ матеріалѣ мы только приближаемся къ той абсолютной цифрѣ, получить которую при настоящемъ состояніи общественной медицины вообще невозможно. Но при этомъ главнымъ условіемъ, опредѣляющимъ научное достоинство матеріала, должно признать полную его достовѣрность. Вотъ почему его собираніе должно бы быть поручаемо только врачамъ и притомъ только относительно тѣхъ случаевъ, которые лично ими наблюдаемы въ больничной, амбулянтной или частной практикѣ.

Но и такимъ образомъ собранный матеріалъ, не смотря на полную свою достовѣрность, будетъ имѣть не одинаковое достоинство, такъ какъ самымъ подробнымъ и точнымъ можно назвать только тотъ, который собирается въ больничныхъ заведеніяхъ, гдѣ врачъ въ большинствѣ случаевъ наблюдаетъ болѣзненныя формы въ продолженіи всего ихъ теченія, чего нельзя сказать о случаяхъ изъ частной или амбулянтной практики, не говоря уже о томъ, что эти случаи грозятъ повтореніями при регистраціи. Поэтому послѣдній матеріалъ, по крайней мѣрѣ при первоначальной обработкѣ, долженъ быть отдѣленъ отъ больничнаго.

Что касается до первоначальной обработки больничнаго матеріала то хотя и казалось бы правильнымъ предоставить это дѣло каждому изъ врачей доставившихъ матеріалъ, но по причинѣ крайней дробности такихъ свѣдѣній слѣдуетъ ограничить обработку отдѣльными больничными заведеніями, все же предоставивъ ее практикующимъ тамъ врачамъ, такъ какъ имъ, вполнѣ знакомымъ съ заведеніемъ, скорѣе можно избѣжать различныхъ ошибокъ, нежели постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ составу заведенія.

На основаніи этихъ соображеній Коммисія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Коммисія признаетъ за наилучшее, если собираніе и разработку свѣдѣній о болѣзненности будутъ производить исключительно члены Общества.

2) Для этого Коммисія рекомендуетъ Обществу просить гг. членовъ, какъ завѣдующихъ больничными отдѣленіями, такъ и занимающихся частной практикой, принять участіе въ собираніи свѣдѣній о болѣзненности по программѣ IV Съѣзда Русскихъ Естествоиспытателей въ Казани.

3) Свѣдѣнія, собранныя въ больничныхъ заведеніяхъ, по всѣмъ вообще болѣзненнымъ формамъ, было бы всего удобнѣе обработывать кому либо изъ завѣдующихъ больничными отдѣленіями этого заведенія— по взаимному между ними соглашенію.

4) Это не должно касаться спеціальныхъ отдѣленій, каковы: сифилитическое, гинекологическое, психіатрическое и другія, матеріалъ которыхъ было бы желательно видѣть обработаннымъ отдѣльно.

5) Коммисія рекомендуетъ Обществу не исключать изъ круга этихъ

работъ ни одного больничнаго заведенія (1)—какъ бы мало или спеціально оно не было.

6) Для обработки свѣдѣній по всѣмъ вообще болѣзненнымъ формамъ и для всѣхъ заведеній Коммисія рекомендуетъ *годовой* періодъ.

7) Доставленныя въ обработанномъ видѣ свѣдѣнія печатаются въ «Дневникѣ» Общества безъ измѣненій, а сопровождающія ихъ подлинныя бланки (карты) сохраняются въ архивѣ Общества.

8) Въ случаѣ, если по какимъ либо обстоятельствамъ нѣкоторые изъ гг. членовъ Общества, завѣдующіе больничными отдѣленіями и изъявившіе желаніе собирать свѣдѣнія о болѣзненности по программѣ IV Съѣзда и доставлять ихъ въ Общество, не найдутъ возможнымъ и обработывать ихъ для печати, Коммисія полагаетъ, что этотъ послѣдній трудъ должно предложить прежде всего другимъ членамъ Общества и лишь только въ исключительныхъ случаяхъ обращаться къ наемному труду.

9) Точно такимъ же образомъ было бы крайне желательно, чтобы и тѣ свѣдѣнія, которыя будутъ доставлять гг. члены Общества изъ своей частной или амбулянтной практики, т. е. о больныхъ, какъ пользуемыхъ въ ихъ собственныхъ жилищахъ, такъ и принимаемыхъ врачами у себя или въ различныхъ амбуляторіяхъ или пріемныхъ покояхъ, были обработываемы для печати отдѣльно отъ другихъ кѣмъ либо изъ членовъ Общества.

10) Самымъ цѣннымъ для медицинской практики, а равно и для населенія матеріаломъ Коммисія считаетъ свѣдѣнія *объ инфекціонныхъ и господствующихъ болѣзняхъ*, которыя должны быть обработываемы кѣмъ либо изъ членовъ Общества также отдѣльно отъ другихъ и публикуемы въ «Дневникѣ» Общества по прежнему *въ двух-недѣльный періодъ.*

Примѣчаніе. Во время эпидемій публикованіе дѣлается еще чаще, смотря по степени развитія эпидеміи и грозящей населенію опасности.

---

(1) Больничныя заведенія въ Казани суть: отдѣленія факультетской клиники Императорскаго Казанскаго университета: терапевтическое, хирургическое, офталмологическое, педіатрическое (амбул.), акушерское и гинекологическое; отдѣленія университетской госпитальной клиники въ губернской земской больницѣ: терапевтическое и хирургическое и собственно больничныя отдѣленія: общее, сифилитическое, педіатрическое (въ земскомъ сиротскомъ домѣ), гинекологическое и акушерское (въ лихачевскомъ родильномъ домѣ); отдѣленія городской александровской больницы: терапевтическое, хирургическое и гинекологическое; окружная лечебница для умалишенныхъ и земскій домъ для умалишенныхъ; военный госпиталь; лазаретъ пороховаго завода; больница тюремнаго пересыльнаго замка; лечебница для приходящихъ вольнаго экономическаго Общества; лазареты: родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ, училища для дѣвицъ духовнаго званія, духовной академіи, духовной семинаріи, Императорской первой гимназіи, учительской семинаріи, учительской инородческой семинаріи, земледѣльческой школы; больничныя отдѣленія при заводахъ: гг. Алафузова, Крестовниковыхъ, Романова и др.; земскій пріемный покой; лазареты, околодки или пріемные покои полковъ ревельскаго и эстляндскаго (или калужскаго и либавскаго) и 2-й артиллерійской бригады; также пѣхотныхъ резервныхъ батальоновъ 85, 86 и 87-го.

11) Для этого Коммисія предлагаетъ Обществу особенно просить какъ своихъ членовъ такъ и другихъ врачей *своевременно* доставлять Предсѣдателю Общества свѣдѣнія объ инфекціонныхъ и господствующихъ болѣзняхъ [1], какъ изъ частной и амбуляторной практики ихъ, такъ и изъ больничныхъ отдѣленій, причемъ подлинныя бланки доставляемыя этими послѣдними, по извлеченіи изъ нихъ данныхъ, возвращаются обратно, дабы по окончаніи полнаго наблюденія отмѣченной въ нихъ болѣзненной формы войдти въ составъ документовъ, сопровождающихъ свѣдѣнія, обработываемыя въ вышеупомянутый годовой періодъ.

12) Для облегченія труда при собираніи свѣдѣній объ инфекціонныхъ и господствующихъ болѣзняхъ съ цѣлью опубликованія ихъ въ двух-недѣльный періодъ, Коммисія считаетъ возможнымъ сдѣлать необязательными слѣдующія рубрики программы: степень образованія, семейное состояніе, мѣсто заболѣванія и продолжительность пребыванія въ немъ, причины болѣзни и исходъ.

13) И. Х. Акербломъ (помощ. директора казанской окружной лечебницы для умалишенныхъ), по вопросу о собираніи свѣдѣній о болѣзненности, представилъ составленную имъ программу для свѣдѣній *о психическихъ болѣзняхъ*, по которой свѣдѣнія будутъ имъ доставляемы въ Общество изъ казанской окружной лечебницы для умалишенныхъ, причемъ предложилъ, напечатавъ программу, просить всѣхъ врачей, завѣдующихъ домами для умалишенныхъ въ ближайшихъ къ Казани мѣстностяхъ, каковъ приволжскій край и вообще вся восточная полоса Россіи, доставлять свѣдѣнія о психическихъ болѣзняхъ, примѣняясь по возможности къ этой программѣ. Кромѣ того И. Х. Акербломъ заявилъ, что въ случаѣ, если матеріалъ будетъ доставленъ даже отрывочный и въ совершенно необработанномъ видѣ, онъ былъ бы готовъ принять на себя трудъ обработки этого матеріала для печатанія его въ «Дневникѣ».

По предложенію В. М. Флоринскаго, кромѣ того, 1) включенъ въ программу свѣдѣній о психическихъ болѣзняхъ вопросъ о томъ, въ какомъ размѣрѣ заведенія для умалишенныхъ отказываютъ въ пріемѣ больнымъ за недостаткомъ помѣщенія и 2) выражено согласіе И. Х. Акерблома обработывать матеріалъ по психическимъ болѣзнямъ и изъ частной и амбулянтной практики врачей, если онъ будетъ доставляемъ.

Коммисія рекомендуетъ Обществу принять предложеніе И. Х. Акерблома и поручить ему обработку свѣдѣній о психическихъ болѣзняхъ.

---

[1] Для опредѣленія наиболѣе господствующихъ въ Казани болѣзней, Коммисія поручила Н. И. Котовщикову составить таблицу мѣстной болѣзненности, руководствуясь опубликованнымъ ранѣе въ «Дневникѣ Общества» матеріаломъ, причемъ мѣста въ таблицѣ, занимаемыя нижеуказанными болѣзненными формами, опредѣлены поставленными при нихъ цифрами—въ нисходящемъ порядкѣ. Болѣзни, выбранные Н. И. Котовщиковымъ суть: перемежающаяся лихорадка (1), тифы: сыпной и брюшной (7) и возвратный (22), холера (8), холерина и желудочно-кишечный катарръ (17), диссентерія (13) и дифтеритъ (23), рожа (16), корь (18), скарлатина (15) и оспа (11), послѣродовая горячка (24), жаба (5) и ларингитъ (10), коклюшъ (20), гриппъ (21), крупозная пневмонія (9) и плевритъ (12), острый катарръ бронховъ (2), желудка (6) и кишекъ (4), ревматизмъ (3), остросочленовный ревматизмъ (19), delirium (14), сибирская язва (25), водобоязнь (26).

14) Въ дополненіе къ вопросу о болѣзненности Коммисія остановилась на мысли о необходимости имѣть хотя бы самыя краткія и отрывочныя свѣдѣнія объ инфекціонныхъ и господствующихъ болѣзняхъ въ ближайшей окружности Казани, напр. хотя бы *въ уѣздахъ Казанской губерніи*, каковыя данныя, особенно если бы они могли быть получаемы правильно, напр. ежемѣсячно, имѣли бы большое значеніе не только для медицинской практики, но и по вопросу о ходѣ и преемственности различныхъ болѣзненныхъ формъ. Въ этомъ отношеніи были бы наиболѣе цѣнны хотя бы самыя краткія, но частыя, напр. ежемѣсячныя указанія каждаго изъ гг. земскихъ и другихъ врачей на тѣ болѣзни, которыя наиболѣе выдавались въ его участкѣ въ данный періодъ времени. При этомъ конечно различныя подробности о мѣстѣ и условіяхъ происхожденія и развитія наблюдаемыхъ болѣзней, ихъ теченіи, осложненіяхъ и исходахъ, еще болѣе возвышали бы цѣнность этого матеріала. Само собою разумѣется, что всего болѣе были бы желательны сообщенія объ инфекціонныхъ болѣзняхъ, свѣдѣнія о которыхъ необходимы не только при самомъ слабомъ ихъ развитіи, но даже и объ одиночныхъ случаяхъ.

При этомъ Л. Б. Мандельштамъ (помощ. губернскаго медицинскаго инспектора) заявилъ, что Врачебное отдѣленіе владѣетъ приблизительно вѣрными и притомъ своевременными свѣдѣніями о господствующихъ эпидеміяхъ, сообщаемыхъ какъ врачами, такъ и земскими управами, которыми Общество могло бы воспользоваться.

Точно также, какъ сообщилъ М. Ѳ. Кривошапкинъ (губернскій медицинскій инспекторъ), Врачебное отдѣленіе имѣетъ свѣдѣнія о текущихъ эпизоотіяхъ, которыя онъ предлагаетъ доставлять Обществу.

По обсужденіи этихъ предложеній Коммисія нашла, что для Общества было бы не безполезно просить Врачебное отдѣленіе о доставленіи вышеупомянутыхъ свѣдѣній. Но преслѣдуя по вопросу о характерѣ и степени болѣзненности ближайшихъ мѣстностей исключительно научныя, а отнюдь не административныя или медико-полицейскія цѣли, Коммисія считаетъ вполнѣ соотвѣтствующимъ матеріаломъ только непосредственныя сообщенія врачей, почему и предлагаетъ Обществу особенно просить гг. земскихъ и другихъ врачей губерніи о правильномъ доставленіи желаемыхъ свѣдѣній, которыя и должны быть печатаемы въ «Дневникѣ» безъ измѣненій.

15) А. О. Заржецкій (корпусный врачъ 15 армейск. корпуса), ознакомившись съ настоящимъ докладомъ, сообщилъ г. Предсѣдателю Общества, что по его мнѣнію было бы не безполезно имѣть свѣдѣнія и *о болѣзненности въ войскахъ*, не только расположенныхъ въ Казани, но и во всемъ казанскомъ военномъ округѣ, такъ какъ этотъ округъ преимущественно занимаетъ собою весьма интересный для Общества камско-волжскій край. Можетъ быть, особенно при развитіи эпидемій и вообще господствующихъ въ Казани болѣзненныхъ формъ, открылась бы преемственная связь между заболѣваніями въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, вліяніе на ихъ распространеніе обширнаго воднаго пути и т. п. данныя, которыя теперь даже трудно предусмотрѣть. Что касается до полученія этихъ свѣдѣній, то здѣсь не представится особыхъ затрудненій, особенно при томъ вниманіи къ научно-медицинскому дѣлу, которымъ отличается высшая мѣстная военно-медицинская администрація. Врачи же, которымъ будетъ предложено ежемѣсячно доставлять желаемыя свѣдѣнія о болѣзненности въ войскахъ по эпидемическимъ и

господствующимъ болѣзнямъ, съ цѣлью напечатанія ихъ въ «Дневникѣ Общества», можно надѣяться, нисколько не затруднятся этимъ дѣломъ, особенно принимая во вниманіе его научное значеніе и несомнѣнную пользу для края.

Обращая особенное вниманіе Общества на предложеніе г. Заржецкаго, Предсѣдатель Общества находитъ, что имъ съ благодарностью слѣдуетъ воспользоваться при будущемъ собираніи медико-статистическаго матеріала.

Б) По вопросу о собираніи свѣдѣній *о смертности*, Коммисія прежде всего ознакомилась съ возникновеніемъ дѣла въ Обществѣ Врачей г. Казани, причемъ оказалось, что Общество было обязано этимъ матеріаломъ г-ну начальнику губерніи, который, по случаю бывшей въ $18^{70}/_{71}$ г. холеры и въ виду нерѣдкихъ въ Казани другихъ эпидемій, призналъ необходимымъ для медико-полицейскихъ мѣропріятій имѣть точныя и притомъ текущія свѣдѣнія о смертности г. Казани, почему 10 іюля 1872 года (см. Прот. Общ. Врач. г. Казани, 1872, № 10, стр. 62) и предложилъ Комитету Общественнаго здравія обязать настоятелей всѣхъ церквей г. Казани еженедѣльно доставлять свѣдѣнія о смертности по программѣ, составленной Предсѣдателемъ Общества Врачей, которому и были предоставлены эти свѣдѣнія для печатанія ихъ въ обработанномъ видѣ. Затѣмъ, по случаю пріостановленія всѣхъ изданій Общества, прекращено и доставленіе свѣдѣній о смертности, публикованіе которыхъ прерывается такимъ образомъ въ августѣ 1874 года. Находя, что эти свѣдѣнія отличаются несомнѣнной точностью, причемъ доставленіе ихъ было всегда своевременнымъ, Коммисія находитъ, что Общество должно просить Его Превосходительство о возобновленіи дѣла, присовокупивъ, что было бы весьма желательно получать свѣдѣнія о смертности не одного только православнаго, а всего населенія—безъ различія вѣроисповѣданій, а равно и получить для обработки и напечатанія можетъ быть еще сохранившійся матеріалъ, который долженъ былъ накопиться въ промежутокъ времени, отъ августа 1874 года и до настоящаго времени.

Кромѣ того Коммисія обращаетъ вниманіе Общества на то, что единственный хотя и самый существенный недостатокъ свѣдѣній—неполная достовѣрность причинъ смерти (болѣзни), обозначаемыхъ священниками, а не врачами, можетъ быть устраненъ только тогда, когда все дѣло перейдетъ въ руки городовыхъ врачей, при увеличенномъ конечно ихъ персоналѣ, т. е. какъ будетъ сдѣлано обязательнымъ во всѣхъ случаяхъ передъ погребеніемъ удостовѣреніе факта смерти городовымъ врачемъ, какъ это сдѣлано для столицъ и въ Одессѣ.

В) По вопросу *объ изданіяхъ* Общества, Коммисія нашла, что характеръ ихъ измѣнялся сообразно измѣненію дѣятельности Общества; а именно: когда предметомъ его занятій былъ случайный матеріалъ, оно ограничивалось печатаніемъ протоколовъ своихъ засѣданій и трудовъ, въ нихъ сообщаемыхъ, которые и появлялись отдѣльными выпусками въ неопредѣленные сроки; но какъ скоро были начаты коллективныя работы въ статистико-гигіеническомъ направленіи, тотчасъ же оказалось необходимымъ болѣе частое и даже правильное публикованіе различныхъ сообщеній, имѣющихъ особенно мѣстный и притомъ временный интересъ. Такимъ образомъ возникаетъ «Дневникъ Общества», какъ изданіе выходящее гораздо чаще «Протоколовъ» и «Трудовъ», а именно—не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, и скоро оказавшееся до такой степени

цѣлесообразнымъ, что оно замѣняетъ почти всѣ прочія изданія. Кромѣ цифровыхъ свѣдѣній и различныхъ сообщеній о болѣзненности и смертности, о періодическихъ санитарныхъ наблюденіяхъ и различныхъ другихъ текущихъ изслѣдованіяхъ, въ немъ печатаются «Протоколы засѣданій Общества», тотчасъ по ихъ утвержденіи, отчего они только значительно выигрываютъ. На томъ же основаніи въ немъ появляются и всѣ не очень объемистыя научныя сообщенія различнаго характера, одобряемыя къ печатанію самимъ Обществомъ или его Коммисіями и Отдѣлами. Болѣе объемистыхъ статей при такомъ порядкѣ оказалось такъ мало, что во второй годъ изданія «Дневника», они были выпущены въ видѣ очень тонкой брошюры, а въ третій и послѣдній годъ его существованія ихъ совсѣмъ не оказалось.

Такъ какъ Общество повидимому не желаетъ уклоняться отнынѣ отъ работъ въ статистико-гигіеническомъ направленіи, то этимъ и опредѣляется форма его изданій. По мнѣнію Коммисіи оно должно возобновить «Дневникъ» на прежнихъ основаніяхъ, оставляя для «Трудовъ» лишь только самые объемистые статьи, если таковыя окажутся.

Но достигнуть этого возобновленія можно двумя отчасти различными способами. Конечно, было бы гораздо желательнѣе тотчасъ же ходатайствовать объ изданіи «Дневника», какъ повременнаго изданія, какъ газеты, каковою онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ бы быть. Но при изданіи газеты, кромѣ удовлетворенія потребностей Общества, нужно принять во вниманіе и тѣ обязательныя отношенія, въ которыя Общество вступитъ съ посторонними лицами — съ подписчиками издаваемой имъ газеты. Нужно обеспечить эту газету постояннымъ матеріаломъ въ опредѣленномъ направленіи, ибо газета должна же имѣть извѣстные принципы, извѣстный характеръ и физіономію. Допустивъ даже, что Общество рѣшилось бы издавать самую плохую газету, то и для неё нужно же хотя какой нибудь матеріалъ; а пока не опредѣлились на практикѣ размѣры дѣятельности Общества, до тѣхъ поръ едвали можетъ быть и рѣчь о газетномъ въ немъ матеріалѣ. Когда, послѣ неудовлетворенной попытки издавать «Журналъ Общественной Медицины», для котораго было предварительно вполнѣ обезпечено правильное содѣйствіе весьма многихъ ученыхъ силъ и коллегій, Общество Врачей г. Казани, рѣшеніемъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, признавшаго всѣ изданія Общества, какъ то «Протоколы», «Записки» и «Дневникъ» — повременными, было поставлено въ необходимость дѣйствительно приступить къ повременному изданію и притомъ только собственными силами, или же прекратить свою литературную дѣятельность, Общество избрало послѣднее, какъ кажется, всего болѣе на основаніи вышеизложенныхъ соображеній.

Но между Обществомъ Врачей г. Казани и нынѣ существующимъ Обществомъ въ этомъ отношеніи есть значительная разница. Если Общество Врачей г. Казани могло продолжать свои пріостановленныя изданія не иначе какъ въ порядкѣ повременныхъ изданій, то потому, что они были самостоятельныя; Общество же Врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ — до сихъ поръ покрайней мѣрѣ — самостоятельныхъ изданій не имѣло. Постановленіемъ Совѣта Университета 27 мая 1878 года Обществу разрѣшено выпускать свои изданія въ «Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Казанскаго Университета» съ правомъ на полученіе 350 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ, причемъ г. редакторъ «Университетскихъ Извѣстій», внесшій въ Общество предложеніе объ этомъ, находилъ возможнымъ выпускать ихъ изъ типографіи одинъ

или два раза въ мѣсяцъ (Прот. зас. Общ. Врач. 8 апр. 1878 г.), слѣдовательно ранѣе выхода книжекъ университетскаго изданія, хотя Общество, по роду своихъ занятій, не имѣло до сихъ поръ надобности воспользоваться этою возможностью. Нынѣ, однако, съ возстановленіемъ прежней дѣятельности Общества, возможность получать отдѣльные оттиски своихъ текущихъ трудовъ не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ Общества въ этомъ отношеніи, нисколько не противорѣчитъ законамъ о печати и вполнѣ согласуется съ существующимъ обычаемъ. Поэтому, не смотря на противное мнѣніе одного изъ членовъ Коммисіи, именно И. М. Гвоздева, утверждающаго, что отдѣльные оттиски статей и листовъ можно получать только по выходѣ въ свѣтъ той книжкѣ въ цѣломъ, къ которой они принадлежатъ, — Коммисія рекомендуетъ Обществу не торопиться съ ходатайствомъ о разрѣшеніи повременнаго изданія, а держаться существующей практики, т. е. печатать въ формѣ «Дневника» весь текущій матеріалъ въ университетскомъ изданіи, своевременно получая оттиски для своихъ членовъ и обмѣна — въ количествѣ, разрѣшенномъ Совѣтомъ.

Въ заключеніе Коммисія считаетъ себя вправѣ высказаться и относительно *характера* будущаго изданія, тѣмъ болѣе, что въ засѣданіи Общества 18 января было указано съ сожалѣніемъ на полемическій тонъ прежняго изданія, вкравшійся въ него въ послѣднее время. Желая опредѣлить, какимъ образомъ въ изданіяхъ Общества появились статьи полемическаго характера, Коммисія нашла, что самая большая часть ихъ была одобрена къ напечатанію самимъ Обществомъ и лишь немногія были разсмотрѣны съ тою же цѣлію, по порученію Общества или его Предсѣдателя, особыми Коммисіями. Эти статьи не наполняютъ исключительно «Дневника» Общества, особенно въ послѣднее время его существованія, онѣ встрѣчаются одинаково и въ прочихъ изданіяхъ Общества, существовавшихъ гораздо ранѣе «Дневника». Отсюда слѣдуетъ, что не формою и планомъ изданій Общества объясняется полемическій характеръ нѣкоторыхъ статей, а снисходительнымъ отношеніемъ Общества къ чисто литературной сторонѣ ихъ, подъ вліяніемъ можетъ быть особыхъ обстоятельствъ, при которыхъ Общество дѣйствовало, или инаго духа времени. Нынѣ, какъ университетское Общество, оно несомнѣнно строже отнесется къ представляемымъ ему различнымъ ученымъ трудамъ, давая одобреніе къ ихъ напечатанію. Что же касается до мелкихъ статей и сообщеній въ статистико-гигіеническомъ направленіи и вообще по текущимъ изслѣдованіямъ, то хотя Коммисія и находитъ, что онѣ должны быть по прежнему печатаемы безъ особаго каждый разъ разрѣшенія Общества, но думаетъ, что Предсѣдатель, какъ отвѣтственный редакторъ всѣхъ изданій Общества (Устав. § 9, примѣч.), обратитъ особенное на нихъ вниманіе въ литературномъ отношеніи.

Къ вопросу о леченіи несростающихся переломовъ. Студ. И. М. Львова.

(Читано въ засѣд. Общества 21 декабря 1878 г.).

Леченіе ложныхъ суставовъ и несростающихся переломовъ — вопросъ очень важный для хирурговъ вообще и военныхъ въ особенности. Не говоря о всѣхъ тѣхъ способахъ, которые практиковались въ этихъ слу-

чаяхъ до послѣдняго времени, я остановлюсь лишь на одномъ изъ нихъ, правда, мало употребляемомъ до сихъ поръ, но, по моему мнѣнію, самомъ удобномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я говорю объ *электропунктурѣ*. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: берутъ двѣ длинныя, тонкія акупунктурныя иглы, втыкаютъ ихъ на мѣстѣ перелома до кости, а если можно, то концы ихъ проводятъ между несросшимися частями переломленной кости. Затѣмъ, наружные концы иголъ соединяютъ съ электродами гальванической баттареи и заставляютъ постоянный токъ проходить сквозь всю массу ткани, соединяющей переломленные концы кости, въ продолженіи отъ 5 до 10 минутъ. При этомъ всегда бываетъ сильная боль въ мѣстѣ дѣйствія тока. Главнымъ образомъ эта боль концентрируется около катода, именно, около конца иглы, соединенной съ отрицательнымъ полюсомъ баттареи, откуда уже эта боль распространяется и на всѣ прилежащія части. По прекращеніи дѣйствія тока, въ данной области является припухлость, краснота; температура повышается и ощущается боль въ этомъ мѣстѣ, усиливающаяся при давленіи на него и при движеніяхъ больнаго. Словомъ, является картина мѣстнаго остраго воспаленія мягкихъ частей вмѣстѣ съ надкостницею. Такого рода воспаленіе, понятно, необходимо нужно при данномъ страданіи, какъ и вообще при всякомъ переломѣ кости, потому что безъ него не можетъ произойдти сращеніе переломленныхъ концевъ кости. Значеніе этого воспаленія я предполагаю всѣмъ извѣстнымъ, почему и говорить о немъ здѣсь не буду.

Что же касается до преимущества электропунктуры предъ другими способами, то оно состоитъ въ томъ, что ею очень легко производится необходимое для сращенія переломленныхъ костей воспаленіе, причемъ мягкія части не подвергаются почти никакой травмѣ; что она скоро превращаетъ несростающійся, застарѣлый переломъ въ свѣжій, простой, ничѣмъ неосложненный, ставитъ его въ такія условія, при которыхъ заживленіе происходитъ удобно и продолжается столько же времени, сколько нужно и для заживленія совершенно свѣжаго перелома. Единственное неудобство электропунктуры состоитъ въ томъ, что она вызываетъ очень сильную боль. Но это неудобство въ настоящее время легко устранимо помощію хлороформа, почему оно и недолжно считаться противопоказаніемъ къ употребленію этого метода леченія несростающихся переломовъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго я опишу случай несросшагося перелома, излеченный помощію электропунктуры.

Больной, Егоръ Ивановъ Клиновъ, 23-хъ лѣтъ, крѣпкаго тѣлосложенія, никакими болѣзнями не страдалъ, за исключеніемъ лихорадки. Настоящее заболѣваніе его произошло слѣдующимъ образомъ: 1-го іюля 1877 года больной плылъ на плотахъ съ дровами по р. Волгѣ. Вблизи г. Сызрани, при опусканіи якоря, упалъ на лѣвую ногу Клинова, нѣсколько ниже колѣна, большой деревянный брусъ. Послѣ этого тотчасъ же нога отказалась служить и явилась сильная боль. Клинова отправили въ больницу, гдѣ на другой же день наложили крахмальную повязку на больную ногу. Эта повязка оставалась недѣли двѣ, послѣ чего она была снята и замѣнена шинной повязкой, которая тоже оставалась недѣли двѣ. По снятіи этой послѣдней повязки, ногу оставили безъ всякой перевязки въ продолженіе недѣли, послѣ чего была наложена гипсовая повязка. Гипсовая повязка оставалась нетронутой въ продолженіи шести

недѣль. По снятіи ея оказалось, что переломъ голени по прежнему находится въ несросшемся состояніи. Наложена была снова крахмальная повязка и больной отправленъ былъ въ Казань, прибывши куда, онъ 25 октября 1877 года поступилъ въ хирургическую факультетскую клинику.

При изслѣдованіи больной конечности оказалось, что имѣется полный поперечный переломъ лѣвой голени (fractura completa cruris) въ нижней части средней ея трети. Кромѣ того, замѣчено, что мышцы этой ноги, въ особенности голени, значительно атрофированы, а на мѣстѣ перелома никакой припухлости не найдено. Ходить больной совершенно не можетъ. Переломъ, какъ видно, существовалъ уже почти четыре мѣсяца. Въ первыхъ числахъ ноября мѣсяца произведена была, по совѣту А. Н. Бекетова, электропунктура. Хотя результаты и получились, но не особенно замѣтные, потому что дѣйствіе электричества продолжалось всего около пяти минутъ. По прекращеніи дѣйствія тока явилась небольшая краснота въ данной мѣстности, но опухоли и повышенія температуры не было, почему и сращенія переломленныхъ костей ожидать было нельзя. Вслѣдствіе этого, черезъ двѣ недѣли послѣ перваго сеанса (въ концѣ ноября), произведена была вторично электропунктура, при чемъ постоянный токъ дѣйствовалъ въ продолженіи десяти минутъ (больной въ обоихъ случаяхъ хлороформированъ не былъ). Результаты получились наилучшіе: явилась краснота, значительная опухоль, сильная острая боль и жаръ въ данномъ мѣстѣ (острый періоститъ на обоихъ концахъ переломленной кости). Послѣ начала быстро образоваться костная мозоль и больной оставилъ клинику 4-го февраля 1878 года вполнѣ здоровымъ. Переломъ впродолженіе двухъ мѣсяцевъ сросся совершенно правильно; укороченія конечности не было. Больной во все время пребыванія въ клиникѣ чувствовалъ себя хорошо; повышенія температуры не было. Для укрѣпленія конечности наложена была на все время леченія простая шинная повязка.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ, СДѢЛАВШИХЪ ВЗНОСЪ ЗА 18⁷⁹/₈₀ АК. Г.

В. Н. Васяткинъ, И. В. Годневъ, Н. Н. Декарлино, В. И. Земблиновъ, В. Н. Золотницкій, В. Д. Орловъ, П. В. Путиловъ, М. П. Рѣшетина, Н. Ѳ. Флеринъ, В. П. Шестаковичъ.

СОСТОЯНІЕ СУММЪ ОБЩЕСТВА КЪ 1 МАРТА 1880 ГОДА.

Оставалось	240 р. 24 к.	Израсходовано . . .	38 р. 62 к.
Поступило	50 р. —	Состоитъ	251 р. 62 к.

Въ «Личномъ составѣ» Общества по недосмотру пропущенъ дѣйствительный членъ Покровскій, *Иванъ Сидоровичъ*, врачъ въ Симбирскѣ.

Напечатано по опред. Общества Врачей при Императорскомъ Казанск. Университ.
Предсѣдатель Проф. А. Петровъ.

Казань. Въ Университетской типографіи. 1880 г.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ЗА 1879 ГОДЪ.

КАЗАНЬ.
Въ университетской типографіи.
1879.

Печатано согласно постановленій Собранія отъ 6 апрѣля и 30 сентября.

Секретарь Общества *М. Шимановскій.*

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ЧЛЕНОВЪ-ОСНОВАТЕЛЕЙ КАЗАНСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА (1).

1879 года марта 22 дня члены-основатели Юридическаго Общества выслушавъ выписку изъ протокола засѣданія Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета, изложенную въ отношеніи, отъ 21-го декабря 1878 года за № 1343, объ утвержденіи г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Устава этого общества, и разсмотрѣвъ списокъ лицъ, заявившихъ желаніе быть членами Юридическаго Об-

---

(1) Членами—основателями Юридическаго Общества на основаніи, *Приложенія* къ ст. 6 Устава считаются члены Юридическаго Факультета Казанскаго Университета. *Кремлевъ* Николай Александровичъ ординарный профессоръ по каѳедрѣ Римскаго Права докторъ Гражданскаго Права Деканъ Факультета. *Осокинъ* Евграфъ Григорьевичъ, заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ Финансоваго права, докторъ Политическихъ наукъ, Ректоръ Университета. *Станиславскій* Антонъ Григорьевичъ, заслуженный ординарный, профессоръ, по каѳедрѣ Энциклопедіи права, докторъ юридическихъ наукъ. *Шпилевскій* Сергѣй Михайловичъ, ординарный профессоръ, по кафедрѣ Исторіи русскаго права докторъ Государственнаго права. *Степановъ* Яковъ Спиридоновичъ, ординарный профессоръ, по кафедрѣ Полицейскаго права, докторъ Полицейскаго права. *Осиповъ* Адольфъ Михайловичъ ординарный профессоръ по кафедрѣ Гражданскаго права, Гражданскаго судоустройства и судопроизводства, доктора Гражданскаго права. *Нелидовъ* Николай Константиновичъ ординарный профессоръ по кафедрѣ Государственнаго права, докторъ Государственнаго права, Секретарь Факультета. *Ивановъ* Николай Павловичъ доцентъ по кафедрѣ Международнаго права, магистръ Международнаго права. *Загоскинъ* Николай Павловичъ, доцентъ по Исторіи русскаго права, Магистръ.

щества, на основаніи §§ 4, 5 и 6 Устава, *единогласно* избрали въ дѣйствительные члены этого Общества гг.:

Адамовича, членъ Военно-Окружнаго Суда.

Адоратскаго Виктора Степановича, дѣйствительный студентъ.

Алехина Ивана Никифоровича, товарищъ прокурора Каз. Окр. Суда.

Арбенева Владиміра Николаевича, товарищъ прокурора Каз. Военнаго Окр. Суда.

Арцыбышева Петра Николаевича, генералъ-маіоръ.

Балутина Флорентія Петровича, помощникъ секретаря Каз. Судеб. Палаты.

Бѣлицкаго Александра Илларіоновича, кандидатъ правъ, прапорщикъ.

Бономорскаго Павла Григорьевича, помощникъ секретаря Каз. Окруж. Суда.

Бобрищева-Пушкина Александра Михайловича, судебный слѣдователь Каз. Окр. Суда.

Буяльскаго Людвига Александровича, дѣйствительный студентъ.

Бармалѣева Василія Ивановича, товарищъ прокурора Каз: Окр. Суда.

Вархаловскаго Петра Осиповича, товарищъ прокурора Казан. Судебной Палаты.

Виноградскаго Николая Николаевича, приватъ доцентъ уголовнаго права.

Викторова Осипа Степановича, членъ Казанскаго Окружнаго Суда.

Вишневскаго, членъ Военно Окружнаго Суда.

Галкинъ-Врасскаго Николая Николаевича, членъ Казан. Судебной Палаты.

Гисси Сергѣя Антоновича, товарищъ прокурора Казанскаго Окружнаго Суда.

Глинку Ѳедора Сергѣевича, членъ Каз. Окружнаго Суда.

Гончарова Сергѣя Сергѣевича, прокуроръ Казанской Судебной Палаты.

Горбунова Алексѣя Ивановича, товарищъ прокура Каз. Окружнаго Суда.

Горемыкина Игнатія Ивановича, членъ Казанскаго Окружнаго Суда.

Грассъ Людвига Іеронимовича, предсѣдатель Казанскаго Окружнаго Суда.

Гswitch Николая Никифоровича, судебный слѣдователь Каз. Окруж. Суда.

Григорьева Сергѣя Александровича, членъ Казанскаго Окружнаго Суда.

Гроссмана Рудольфа Оттоновича, помощникъ секретаря Казан. Окруж. Суда.

Диллонъ Марка Львовича, членъ Казанскаго Окружнаго Суда.

Долгова Николая Михайловича, присяжный повѣренный Округа Каз. Судеб. Палаты.

Дормидонтова Григорія Ѳедоровича, кандидатъ правъ.

Дьяченко Сергѣя Викторовича, членъ Казанскаго Окружнаго Суда.

Елачичъ Михаила Францовича, членъ Казанскаго Окружнаго Суда.

Завойскаго Василія Михайловича, помощникъ секретаря Каз. Окруж. Суда.

Завьялова Герасима Петровича, судебный слѣдователь Казанскаго Окружнаго Суда по особо важнымъ дѣламъ.

Зимнинскаго Константина Николаевича, помощ. секретаря Каз. Окр. Суда.

Иванова Инокентія Григорьевича, секретарь при прокурорѣ Каз. Окруж. Суда.

Иванова Сергѣя Валентиновича, помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

Иващенко Порфирія Алексѣевича, предсѣдатель Каз. Военно-Окружнаго Суда.

Изергина Василія Семеновича, присяжный повѣренный.

Каземъ-Бекъ Александра Александровича, товарищъ пророра Каз. Суд. Палаты.

Карновичъ Лавра Ивановича, товарищъ прокурора Каз. Суд. Палаты.

Калашникова Ивана Игнатьевича, секретарь Чистопольской Уѣздной Земской Управы, кандидатъ правъ.

Квасникова Леонида Николаевича, помощникъ секретаря Каз. Суд. Палаты.

Кобелькова Егора Константиновича, помощникъ секретаря Каз. Судеб. Палаты.

Колбецкаго Владиміра Дмитріевича, чиновникъ особыхъ порученій Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Корноухова Александра Алэксѣевича, присяжный повѣренный.

Кривоногова Николая Герасимовича, помощникъ секретаря Каз. Окр. Суда.

Кроль Гаральда Егоровича, членъ Казанскаго Окружнаго Суда.

Лебедева Александра Васильевича, предсѣдатель Департамента Каз. Суд. Палаты.

Лебедева Александра Александровича, предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей Казанско-Царевококшайскаго Мироваго Округа.

Лобода Александра Васильевича, членъ Казанскаго Военно-Окружнаго Суда.

Любовидскаго Евгенія Леонардовича,— товарищъ предсѣдателя Каз. Окр. Суда.

Львова Дмитрія Михайловича, кандидататъ правъ.

Меринъ Михаила Густавовича, присяжный повѣренный.

Местергази Евгенія Өедоровича, присяжный повѣренный.

Мотова Михаила Степановича, помощникъ секретаря Каз. Окр. Суда.

Накарякова Всеволода Павловича, секретарь Съѣзда Мировыхъ Судей Казанско-Царевококшайскаго Мироваго Округа.

Нечаева Владиміра Александровича, старшій нотаріусъ Каз. Окр. Суда.

Окулова Николая Михайловича, старшій предсѣдатель Каз. Суд. Пвлаты.

Орлова Ивана Терентьевича, присяжный повѣренный.

Пащенко Евгенія Моисеевича, помощникъ секретаря Каз. Судебной Палаты.

Песлякъ Николая Алоизовича, товарищъ предсѣдателя Казан. Окруж. Суда.

Петропавловскаго Өеодосія Ивановича, членъ Казанскаго Окружнаго Суда.

Попова Эраста Никифоровича, присяжный повѣренный.

Полиновскаго Александра Михайловича, товарищъ председателя Казанскаго Окружнаго Суда.

Рейнгардтъ Николая Викторовича, присяжный поверенный.

Ридманъ Николая Адольфовича, председатель департамента Каз. Судеб. Палаты.

Рябчикова Александра Никитича, помощникъ секретаря Каз. Судеб. Палаты.

Ростковскаго Николая Ивановича, членъ Казанской Судебной Палаты.

Саульскаго Николая Филиповича, секретарь Казан. Окруж. Суда.

Сергіевскаго Ивана Философовича, помощникъ секретаря Каз. Окр. Суда.

Семпликевича, судебный следователь Военно-Окружнаго Суда.

Смирнова Константина Матвеевича, мировой судья г. Тетюшъ.

Сливицкаго Андрея Константиновича, товарищъ прокур. Каз. Окр. Суда.

Смирнова Александра Ивановича, товарищъ прокурора Каз. Окр. Суда.

Смельницкаго Юлія Михайловича, присяжный поверенный.

Снегирева Николая Леонтьевича, нотаріусъ г. Казани.

Соколова Николая Ивановича, судебный следователь Пермскаго Окр. Суда.

Соколова Өедора Авдеевича, секретарь Казанскаго Окружнаго Суда.

Соколовскаго Петра Николаевича, присяжный поверенный.

Соколовскаго Дмитрія Александровича, кандидатъ правъ.

Соколовскаго Владиміра Николаевича, кандидатъ на судебныя должности при прокуроре Казанскаго Окружнаго Суда, кандидатъ правъ.

Степанова Измаила Измаиловича, кандидатъ правъ.

Столбова Капитона Семеновича, присяжный поверенный.

Струзеръ Моисея Наумовича, присяжный поверенный.

Сципіонъ Михаила Адамовича, помощникъ секретаря Каз. Окр. Суда.

Сципіонъ Александра Адамовича, секретарь главной конторы Пермскихъ пушечныхъ заводовъ, дѣйствительный студентъ.

Сущевичъ Ѳому Ромуальдовича, товарищъ прокурора Каз. Окр. Суда.

Табенскаго Бронислава Константиновича, помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

Тарасова Алексѣя Алексѣевича, присяжный повѣренный.

Токарева Сергѣя Гавриловича, помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

Траубенбергъ Виктора Петровича, членъ Казанской Судебной Палаты.

Тресвятскаго Николая Сергѣевича, кандидатъ на судебныя должности при Казанскомъ Окружномъ Судѣ.

Тыртова Дмитрія Петровича, прокуроръ Казанскаго Окружнаго Суда.

Федотова-Чеховскаго Владиміра Александровича, секретарь при прокурорѣ Казанской Судебной Палаты.

Филипова Алексѣя Викторовича, товарищъ прокурора Каз. Окр. Суда.

Фитингофъ-Шелля Алексѣя Александровича, барона, товарищъ прокурора Казанскаго Окружнаго Суда.

Фуллонъ Александра Александровича, членъ Казанскаго Окружнаго Суда.

Хлопина Николая Никоноровича, присяжный повѣренный.

Худякова Николая Александровича, судебный слѣдователь Каз. Окруж. Суда.

Чирихина Ивана Панфиловича, кандидатъ правъ.

Шамраевскаго Аркадія Ѳедоровича, членъ Казанской Судебной Палаты.

Шимановскаго Митрофана Васильевича, приватъ-доцентъ гражданскаго судопроизводства, членъ Каз. Окр. Суда.

Шмидтъ Эдуарда Ивановича, прокуроръ Казанскаго Военно-Окружнаго Суда.

Щеглова Владиміра Егоровича, кандидатъ правъ.

Юшкова Константина Александровича, кандидатъ правъ.

Якубова Михаила Михайловича, членъ Казанскаго Военно-Окружнаго Суда.

Постановили: извѣстить вышеозначенныхъ лицъ о результатѣ избранія и пригласить ихъ въ Собраніе Общества на 6-е апрѣля сего года въ 12 часовъ дня въ актовую залу Универсисета для выбора должностныхъ лицъ общества и опредѣленія порядка дѣлопроизводства въ обществѣ.

№ 1. ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

КАЗАНСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

6-го Апрѣля 1879 года.

Въ засѣданіи присутствовало 82 члена.

Деканъ Юридическаго факультета *Н. А. Кремлевъ*, въ качествѣ члена основателя, открывая засѣданіе, произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на высокое значеніе, признанное у насъ судебною реформою за юристами, какъ проводниками правды и истолкователями права, и на возложенную тѣмъ самымъ на юристовъ святую обязанность быть, по призыву Русскаго Царя, руководителями и наставниками въ дѣлѣ воцаренія справедливости, въ дѣлѣ развитія и укорененія идеи правды на русской землѣ. Священная, великая задача—замѣтилъ далѣе г. профессоръ—требующая и трудовъ великихъ, и въ подтвержденіи этаго указалъ на обширное содержаніе права, на универсальный характеръ права, обнимающаго всѣ стороны народной жизни, на подавляющій своею массою громадный, но сырой, еще маловоздѣланный юридическій матеріалъ, который дается роднымъ бытомъ.—Экономическій законъ соединенія труда указываетъ и здѣсь тотъ путь, которымъ облегчается эта трудная задача. Путь этотъ—гармоническое сочетаніе, дружное напряженіе всѣхъ силъ способныхъ принести свою лепту на алтарь труда, подъемлемаго для достиженія цѣлей правосудія—одного изъ великихъ двигателей цивилизаціи народа. Въ этихъ видахъ желательно нетолько соединеніе индивидуальныхъ силъ въ общество, но и установленіе тѣсныхъ отношеній между самими обществами. И конечно Юридическое Общество, учрежденное при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, не замедлитъ войдти въ сношеніи съ другими обществами.—Затѣмъ, изложивъ вкратцѣ исторію возникно-

венія Юридическага Общества при Казанскомъ Университетѣ, пожелалъ жизни и процвѣтанія этому Обществу, и выразивъ твердую надежду, что оно своею скромною, научнаго характера дѣятельностью съ своей стороны поможетъ осуществленію глубокой мысли, лежащей въ словахъ Царя—Освободителя „милость и правда да царствуютъ въ судахъ“,—Н. А. Кремлевъ, согласно постановленію предъидущаго собранія членахъ—основателей общества, пригласилъ Гг. присутствующихъ членовъ общества къ избранію предсѣдателя и секретаря. — Избраны: Предсѣдателемъ— *Н. А. Кремлевъ* Секретаремъ *М. В. Шимановскій*.

Послѣ выборовъ прочтены была телеграмма на имя члена—основателя общества А. М. Осипова изъ Перми отъ члена общества А. А. Сципіонъ, привѣтствующаго открытіе Юридическаго Общества при Казанскомъ Университетѣ, и заслушаны слѣдующія поступившія въ общество бумаги:

I. Увѣдомленіе г. Ректора Казанскаго Императорскаго Университета на имя декана юридическаго факультета, отъ 26 марта 1879 года за № 397, о предоставленіи для засѣданій, учрежденнаго при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, Юридическаго Общества, актовой залы Университета какъ на 6 апрѣля такъ и на будущее время. *Постановлено:* принять къ свѣдѣнію.

II. Заявленіе смотрителя мамадышскаго уѣзднаго училища (Казанской губерніи) *Евпла Титовича Соловьева,* члена сотрудника общества археологіи, этнографіи и исторіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, о желаніи его быть членомъ сотрудникомъ Юридическомъ Общества.— *Постановлено:* принять г. *Соловьева* въ члены сотрудники Юридическаго Общества, о чемъ его и увѣдомить.

III. Заявленія дѣйствительныхъ членовъ *Н. Ф. Саульскаго, И. И. Горемыкина, М. В. Шимановскаго Е. Ф. Местергази, М. А. Сципіонъ* и члена сотрудника *Е. Т. Соловьева* о пожертвованіи ими для библіотеки Общества различнаго рода книгъ юридическаго содержанія. *Постановлено:* принять книги и выразить Гг. жертвователямъ благодарность отъ лица обществе.

IV. Счетъ переплетчика Ахметова за брошюрованіе 600 экземпляровъ устава и 200 экземпляровъ списка Гг. членовъ общества на сумму 4 рубл. *Постановлено:* уплатить

по этому счету и предоставить Предсѣдателю съ Секретаремъ производить мелочные расходы на сумму до 50 рубл., безъ особаго о томъ каждый разъ постановленія Общества.

V. По предложенному Предсѣдателемъ на обсужденіе общества вопросу о томъ, представляется ли нынѣ же надобность въ избраніи особаго лица, на которое, по § 10 Устава общества, возлагается завѣдываніе библіотекой,—Собраніе, находя, что въ настоящее время, при первоначальномъ образованіи библіотеки, не представляется еще необходимости въ избраніи отдѣльнаго лица для завѣдыванія ею и въ виду заявленнаго Секретаремъ общества согласія принять на себя эту обязанность, *постановило*: возложить завѣдываніе библіотекой Общества на секретаря, впредь до особыхъ распоряженій.

IV. Секретарь Общества заявилъ, что многими Гг. членами общества уплочены уже членскіе взносы, а потому предложилъ разрѣшить нынѣ же вопросъ о способѣ храненія денегъ Общества. *Постановлено*: хранить деньги Общества на текущемъ счету въ мѣстномъ Городскомъ Общественномъ Банкѣ.

VII. По предложенному Предсѣдателемъ на обсужденіе Общества вопросу о печатаніи протоколовъ и трудовъ Общества *постановлено*: ходатайствовать предъ Совѣтомъ Университета о разрѣшеніи печатать въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Казанскаго Университета протоколы и труды общества на тѣхъ же основаніяхъ, какія существуютъ для другихъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при Казанскомъ Университетѣ, и о выдачѣ безвозмездно обществу 300 экземпляровъ оттисковъ Устава его.

VIII. Вслѣдствіе заявленія Гг. членовъ *Н. М. Окуловъ*, *Л. И. Карновичь* и *М. В. Шимановскаго* о необходимости извѣстить возможно большее число ученыхъ обществъ и учрежденій, а также судебныя установленія округа Казанской Судебной Палаты объ открытіи дѣятельности Юридическаго Общества при Казанскомъ Университетѣ *постановлено*: извѣстить съ препровожденіемъ Устава общества.

IV. Предсѣдатель, заявляя, что Уставъ общества заключаетъ въ себѣ лишь общія начала и правила, развитіе которыхъ предоставлено самому Обществу, и что въ настоящее время представляется потребность въ начертаніи нѣкоторыхъ частныхъ правилъ, напримѣръ: а) о порядкѣ вне-

сенія рефератовъ на обсужденіе собранія, б) храненіи и расходованіи суммъ общества, в) о пользованіи библіотекой общества и т. п.—предложилъ собранію, не найдетъ ли оно нужнымъ для составленія правилъ по означеннымъ и другимъ касающимся администраціи общества вопросамъ, учредить коммисію.—Секретарь общества М. В. Шимановскій, указывая на необходимость учрежденія коммисіи для разработки правилъ внутренняго дѣлопроизводства, а также на то, что съ окончанія мая мѣсяца до сентября не можетъ быть очередныхъ собраній общества (§ 15 уст.), предложилъ теперь же назначить для коммисіи срокъ, именно такой, чтобы, имѣть возможность до наступленія, такъ сказать, вакантнаго времени, обсудить въ Собраніи, выработанныя коммисіею правила и установить ихъ для Общества, что и дало бы возможность въ сентябрѣ мѣсяцѣ Обществу приступить къ его ученымъ занятіямъ.—*Постановлено*: образовать коммисію изъ пяти членовъ, которую просить изготовить проэкты правилъ къ 1 мая.—Въ члены этой коммисіи избраны: *Н. А. Кремлевъ, Л. И. Карновичъ, Н. П. Загоскинъ, М. Н. Струзеръ* и *М. В. Шимановскій*.

X. Избраны въ дѣйствительные члены: *Сергѣй Александровичъ Хорошавинъ, Александръ Петровичъ Замятинъ*, предложенные *Н. Ф. Саульскимъ; Аполлонъ Николаевичъ Разумовскій*, предложенный *А. А. Каземъ-Бекъ; Карлъ Карловичъ Беймельбургъ, Владиміръ Карловичъ Рике* и *Кондрадъ Аполинаріевичъ Рыцкъ*, предложенные Э. И. Шмидтъ. *Опредѣлено:* извѣстить Гг. Хорошавина, Замятина, Разумовскаго, Беймельбургъ, Рике и Рыцкъ объ избраніи ихъ въ дѣйствительные члены Общества.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь Общества *М. Шимановскій.*

№ 2. ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

КАЗАНСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

6-го мая 1879 года

Въ засѣданіи присутствовало 28 членовъ.

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествующаго засѣданія, произведена была баллотировка лицъ, предложенныхъ въ дѣйствительные члены Общества, и, согласно § 6 Устава Общества, избраны: *Ярчевскій Василій Ивановичъ* Секретарь главной конторы Пермскихъ пушечныхъ заводовъ, Дѣйствительный студентъ Императорскаго Казанскаго Университета и *Долининъ Петръ Ильичъ* Секретарь Судебной Палаты Кандидатъ правъ, по предложенію М. В. Шимановскаго; *Ященко Леонидъ Нестеровичъ* присяжный повѣренный, Кандидатъ правъ, по предложенію Е. Ф. Местергази; *Михаловскій Эдмундъ Казиміровичъ* Секретарь Казанскаго Окружнаго Суда, по предложенію А. М. Осипова.

Затѣмъ были заслушаны:

I. Телеграмма Московскаго Юридическаго Общества, въ которой Общество Московское привѣтствуетъ Казанское Общество съ началомъ дѣятельности. *Постановлено*: благодарить Московское Юридическое Общество.

II. Сообщеніе Предсѣдателя Высочайше утвержденной Коммисіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, отъ 23 апрѣля за № 620, съ препровожденіемъ части 2 т. 1 Трудовъ Коммисіи, на имя Предсѣдателя Общества съ просьбою предложить Юридическому Обществу разработку, заключающихся въ препровождаемыхъ „Трудахъ"

намѣченныхъ судебною по желѣзнодорожнымъ дѣламъ практикою, вопросовъ гражданскаго и уголовнаго права, неразрѣшаемыхъ дѣйствующими законоположеніями, и о результатахъ трудовъ Общества, почтить его сообщеніемъ. *Постановлено:* даръ принять съ признательностью. Труды Коммиссіи разсмотрѣть въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій по изъявленіи кѣмъ либо изъ гг. Членовъ желанія составить по онымъ докладъ.

III. Письменное заявленіе дѣйствительнаго члена *М. М. Якубова* о пожертвованіи книгъ, вновь имъ изданныхъ, а также словесное заявленіе завѣдывающаго библіотекою Общества о пожертвованіи разными неизвѣстными лицами книгъ, въ количествѣ 9 названій. *Постановлено:* Принять книги и выразить гг. жертвователямъ благодарность отъ лица Общества.

IV. Счета: переплетчика Иванова на сумму 5 руб. 70 коп.; мастерской учебныхъ и воспитательныхъ пособій на 4 руб.; магазина писче-бумажныхъ товаровъ Казанкина на сумму 29 руб. 82 коп. *Постановлено:* уплатить по означеннымъ счетамъ, а равно утвердить расходъ на сумму 28 руб. 55 к., показанный въ приходо-расходной книгѣ, возобновивъ авансовую сумму въ размѣрѣ 50 руб.

V. Составленные Коммисіею проэкты правилъ: а) *о порядкѣ веденія занятій въ Собраніяхъ Общества;* б) *правилъ храненія и расходованія денежныхъ средствъ Общества и* в) *правила для библіотеки.*

Послѣ обсужденія этихъ проэктовъ Собраніе утвердило первый проэктъ съ измѣненіями и дополненіями, означенными на самомъ проэктѣ рукою Предсѣдателя, остальные же два проэкта безъизмѣненій (*).

VI. Заявленіе Предсѣдателя о томъ, что Коммисія по составленіи правилъ, при исполненіи возложеннаго на нее порученія, пришла къ заключенію, что было бы полезно во 1-хъ: въ виду достиженія наибольшей полноты въ составленіи отчетовъ, какъ по уголовному, такъ и гражданскому праву, усилить личный составъ Управленія Общества избраніемъ еще одного члена, согласно § 11 Устава; во 2-хъ для

(*) Правила эти напечатаны въ прилженія къ означенному протоколу.

первоначальнаго устроенія библіотеки Общества образовать Коммисію изъ спеціалистовъ различныхъ отраслей права, на которую и возложить пріобрѣтеніе книгъ, сообразно съ средствами Общества. *Опредѣлено*: одобрить предположенія Коммисіи и въ слѣдующемъ засѣданіи произвести выборы какъ члена правленія Общества, такъ и членовъ библіотечной коммисіи.

VII. Одобренъ рисунокъ для заказа печати Общества.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь Общества ***М. Шимановскій.***

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛУ № 2.

а) ПРАВИЛА

ПОРЯДКА ВЕДЕНІЯ ЗАНЯТІЙ ВЪ СОБРАНІЯХЪ ОБЩЕСТВА.

§ 1. Обыкновенныя Собранія Общества имѣютъ своимъ предметомъ преимущественно обсужденіе научныхъ вопросовъ и трудовъ членовъ Общества; но по мѣрѣ надобности могутъ быть назначаемы и для дѣлъ внутренняго распорядка.

§ 2. Собранія, назначаемыя для дѣлъ внутренняго распорядка, считаются состоявшимися при наличности не менѣе 10% общаго числа дѣйствительныхъ членовъ Общества, живущихъ въ г. Казани. Въ случаѣ не прибытія означеннаго числа членовъ назначается новое засѣданіе для рѣшенія тѣхъ же вопросовъ, съ указаніемъ въ повѣсткѣ на несостоявшееся засѣданіе. Засѣданіе вторичное считается состоявшимся, не зависимо отъ числа прибывшихъ членовъ.

§ 3. Засѣданіе открывается Предсѣдателемъ и начинается чтеніемъ протокола предъидущаго засѣданія, при чемъ исправляются недостатки, вкравшіеся въ ту или другую статью протокола.

§ 4. Избраніе въ члены дѣйствительные и почетные и принятіе въ сотрудники и соревнователи совершается непосредственно по прочтеніи протокола.

§ 5. Затѣмъ Предсѣдатель приступаетъ къ составленію программы занятій слѣдующаго засѣданія по предложеніямъ членовъ и рефератамъ.

§ 6. Предложенія, вносимыя членами, какъ непосредственно въ Собраніе, такъ и чрезъ Предсѣдателя Общества, должны быть вкратцѣ мотивированы съ указаніемъ тѣхъ

соображеній, въ силу которыхъ членъ, вносящій предложеніе, считаетъ полезнымъ обсудить его въ Обществѣ.

§ 7. Порядокъ Обсужденія дѣлъ, составляющихъ предметъ засѣданія, опредѣляется порядкомъ обозначенія ихъ въ повѣсткѣ.

§ 8. Членъ докладчикъ, по предположенію Предсѣдателя излагаетъ свои соображенія по вопросу, назначенному для настоящаго засѣданія, или прочитываетъ пригововленный для того рефератъ.

§ 9. Всѣ говорящія встаютъ и стоя произносятъ свои рѣчи, каждый по одной въ свою серію очередей, и всегда обращаясь рѣчью къ Предсѣдателю.

Примѣчаніе. При чтеніи рефератовъ читающему предоставляется сидѣть.

§ 10. Прервать рѣчь говорящаго въ свою очередь члена можетъ только Предсѣдатель, замѣчая какое нибудь отступленіе отъ принятыхъ въ публичныхъ собраніяхъ началъ и правилъ.

§ 11. Пренія по докладу или реферату открываются только по прочтеніи всего доклада или реферата, при чемъ желающіе принять участіе въ преніяхъ заявляютъ о томъ Предсѣдателю для установленія очереди преній по возбужденному вопросу. Референтъ или докладчикъ имѣетъ право возражать каждому своему оппоненту отдѣльно.

§ 12. Пренія считаются оконченными по заявленіи о томъ Предсѣдателя, съ согласія Общества, и затѣмъ, Предсѣдатель приступаетъ къ постановкѣ вопроса для голосованія.

13. Вопросы, служащіе темой рефератовъ, вообще баллотировкѣ неподвергаются, развѣ Общество найдетъ нужнымъ, въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ подвергнуть ихъ голосованію.

§ 14. Всѣ дѣла въ Обществѣ рѣшаются простымъ большинствомъ.

§ 15. Для составленія отчета по реферату, лица участвовавшія въ преніяхъ, обязаны доставить секретарю письменное изложеніе своихъ рѣчей, въ теченіи *пяти* дней послѣ состоявшагося засѣданія, въ противномъ случаѣ въ отчетъ вносится лишь сущность преній.

б) ПРАВИЛА

ХРАНЕНІЯ И РАСХОДОВАНІЯ ДЕНЕЖНЫХЪ СРЕДСТВЪ ОБЩЕСТВА.

§ **1**. Денежныя средства, потребныя для выполненія цѣлей Общества, составляются изъ а) ежегодныхъ и единовременныхъ взносовъ членовъ; б) пожертвованій; и в) суммъ, вырученныхъ отъ продажи изданій Общества.

§ **2**. Въ поступленіи всякаго рода денегъ въ Общество выдается квитанція, за подписью казначея изъ квитанціонной книги.

§ **3**. Всякое поступленіе денегъ должно быть записано въ приходорасходную книгу съ указаніемъ за какимъ номеромъ квитанціонной книги деньги вступили.

§ **4**. Денежныя средства Общества хранятся на текущемъ счету въ одномъ изъ Банковъ г. Казани, назначенномъ постановленіемъ Общества.

§ **5**. Казначей Общества, при поступленіи денегъ, еженедѣльно вноситъ, поступившія деньги въ Банкъ, если сумма ихъ превышаетъ 25 рублей.

§ **6**. Требованіе денегъ изъ Банка должно быть за подписью Предсѣдателя и Казначея.

§ **7**. Предсѣдателю предоставляется производить текущіе расходы на сумму до 50 руб., и такой авансъ возобновляется, по представленіи Собранію оправдательныхъ на эту сумму расходовъ.

§ **8**. Расходъ же свыше пятидесяти рублей (50 руб. сер.) можетъ быть произведенъ лишь по особому каждый разъ постановленію Собранія Общества.

§ 9. Изъ всѣхъ суммъ Общества, поступившихъ въ кассу дѣлается отчисленіе для образованія запаснаго капитала Общества.

Примѣчаніе. Запасный капиталъ Общества хранится въ процентныхъ бумагахъ, которыя въ свою очередь должны быть сданы на храненіе въ тотъ Банкъ, гдѣ помѣщаются суммы Общества.

§ 10. Размѣръ очисленія, означеннаго въ предъидущемъ § правилъ, опредѣляется ежегодно Собраніемъ впередъ на текущій годъ.

в) ПРАВИЛА

ДЛЯ БИБЛІОТЕКИ

§ **1.** Завѣдываніе биліотекою поручается одному изъ членовъ Общества (§ 10 Устав. Обществ.).

§ **2.** Библіотекарь обязанъ вести слѣдующія книги:

а) документальный каталогъ;

б) подвижной каталогъ;

в) книгу для записки требованій членовъ.

Примѣчаніе 1. Въ документальный каталогъ, вступившія въ Общество книги должны быть записаны библіотекаремъ въ теченіи 7 дней со дня вступленія.

§ **3.** Пользованіе книгами изъ библіотеки Общества предоставляется, кромѣ членовъ дѣйствительныхъ, членамъ почетнымъ, соревнователямъ и сотрудникамъ.

§ **4.** Пользованіе книгами заключается или во взятіи ихъ для зантій на домъ, или въ чтеніи ихъ въ самомъ помѣщеніи Общества.

§ **5.** Выдаются на домъ не иначе, какъ съ разрѣшенія на каждый отдѣльный случай Предсѣдателя для научныхъ занятій: а) рукописи всякаго рода; б) гравюры, эстампы, различнаго рода атласы и планы и в) книги разбитыя.

§ **6.** Для выдачи книгъ изъ библіотеки Общества Библіотекарь обязанъ присутствовать въ помѣщеніи библіотеки не менѣе одно раза въ недѣлю въ опредѣленный день и часъ. Кромѣ того выдача книгъ можетъ быть производима также и по окончаніи Собраній Общества.

§ **7.** Всякое лицо, берущее изъ библіотеки книгу для пользованія на дому, обязано оставить у Библіотекаря росписку въ полученіи книги.

§ 8. Лицо, желающее получить книгу, выданную уже изъ библіотеки, заявляетъ на нее требованіе въ особо заведенной для этого книгъ (§ 2 п. в.), и, въ такомъ случаѣ по возвращеніи книги, имѣетъ преимущественное предъ другими требователями право на полученіе ея; но не явившись за полученіемъ, ея въ назначенный для того день, теряетъ это право.

Примѣчаніе. Правомъ, указаннымъ въ этомъ параграфѣ, могутъ пользоваться только члены дѣйствительные.

§ 9. Выдача на домъ вновь поступившихъ въ библіотек укнигъ допускается лишь по истеченіи *семи* дней.

§ 10. Срокъ пользованія взятою изъ библіотеки книгою опредѣляется въ *три недѣли* (21 день) для изданій не періодическихъ и изданій періодическихъ не текущаго года. Періодическіе изданія текущаго года выдаются на срокъ не свыше *двухъ недѣль* (14 дней). Пользующійся книгою можетъ заявить желаніе оставить ее за собою на новый срокъ, если никѣмъ не предъявлено на эту книгу требованіе.

Примѣчаніе: Къ числу періодическихъ изданій относятся и выходящіе въ неопредѣленные промежутки времени выпусками, сборниками и т. п. изданія различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій.

§ 11. За продержаніе книгъ свыше установленныхъ въ § 10 сроковъ, взимается, въ видѣ штрафа, послѣ истеченія *трехъ* льготныхъ дней, за каждые послѣдующіе сутки просрочки по 20 к. съ тома или выпуска. Штрафныя деньги составляютъ спеціальныя средства библіотеки и, по представленіямъ библіотекаря Собранію, употребляется на ея внутреннее улучшеніе.

§ 12. Общая стоимость книгъ, выданныхъ одному лицу не должна превышать сумму 15 руб. (по оцѣнкѣ документальнаго каталога библіотеки).

§ 13. Запрещается дѣлать въ текстѣ или на поляхъ книгъ какія бы то ни было отмѣтки или приписки, чернилами или карандашемъ, а также загибать листы и складывать не переплетенныя книги вдвое.

§ 14. За утрату или порчу взятой изъ библіотеки книги лицо, за которымъ она числится, отвѣтствуетъ предъ Обществомъ въ той суммѣ, въ какой оцѣнена книга въ документальномъ каталогѣ библіотеки, съ прибавленіемъ 15% на

новую выписку (если книга не можетъ быть пріобрѣтена въ Казани) и стоимости переплета (если книга была переплетена). Въ случаѣ утраты или порчи книги, составляющей библіографическую рѣдкость или неимѣющейся въ продажѣ, —предоставляется мѣсячный срокъ для возмѣщенія ущерба библіотеки доставленіемъ другаго, равнаго въ качественномъ отношеніи экземпляра книги, съ истеченіемъ этого льготнаго мѣсяца размѣръ отвѣтственности опредѣляется постановленіемъ Собранія.

§ 15. Отвѣтственности, опредѣляемой въ § 14-мъ, подлежитъ и Библіотекарь за оказавшійся при повѣркѣ библіотеки и сдачѣ ея недочетъ въ книгахъ, обусловливаемый его упущеніями.

№ 3. ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

КАЗАНСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

30-го Сентября 1879 года.

Въ засѣданіи присутствовали 21 членъ, изъ живущихъ въ г. Казани и 1 иногородный.

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествующаго засѣданія, Предсѣдатель предложилъ Обществу, согласно постановленію предыдущаго засѣданія, приступить къ выбору одного Члена управленія Общества и членовъ библіотечной комиссіи. *Постановлено:* по малочисленности, явившихся гг. членовъ, выборы отложить и въ виду послѣдовавшихъ въ засѣданіи заявленій о томъ, что многіе изъ членовъ общества не видѣли тѣхъ особыхъ объявленій о предметахъ засѣданія, которыя, согласно установленному Обществомъ порядку, были приложены при разносной книгѣ и препровождены въ разныя учрежденія по мѣсту службы гг. членовъ Общества,—измѣнить этотъ порядокъ такимъ образомъ, чтобы предметы занятій обозначались въ печатныхъ повѣсткахъ, посылаемыхъ на имя каждаго члена Общества, и чтобы эти повѣстки разсылались при посредствѣ городской почты по крайней мѣрѣ за недѣлю до дня засѣданія, за симъ, разсылку особыхъ объявленій въ разныя учрежденія о предметахъ занятій отмѣнить.

Предложены въ дѣйствительные члены Юридичэскаго Общества гг. членами Общества:

1) *С. С. Гончаровымъ:*

а) Эдмундъ Петровичъ *Фальковскій*, Товарищъ Прокуро-

ра Казанской Судебной Палаты;

б) Владиміръ Ивановичъ *Михневичъ*, Секретарь при Прокурорѣ Палаты;

2) *М. В. Шимановскимъ*:

а) Николай Моисеевичъ *Пащенко*, Товарищъ Прокурора Казанскаго Окружнаго Суда;

б) Константинъ Никитичъ *Буличъ*, Секретарь Казанской Судебной Палаты;

в) Ѳедоръ Ѳедоровичъ *Микулинъ*, кандидатъ на судебныя должности при Казанскомъ Окружномъ Судѣ;

г) Василій Тихоновичъ *Сановъ*, кандитатъ на судебныя должности при Казанскомъ Окружномъ Судѣ.

3) *М. А. Сципіонъ*:

а) Валентинъ Павловичъ *Одинцовъ*, Кандидатъ на судебныя днлжности при Саратовскомъ Окружномъ Судѣ.

б) Николай Павловичъ *Михалевъ*, Кандидатъ физико-математическаго факультета, частный повѣренный.

4) *Н. В. Рейнгардтъ*:

а) Алексѣй Никитичъ *Казанцевъ*, Екатеринбургскій почетный мировой судья, дѣйствительный студентъ Московскаго Унверситета; *Постановлено*: баллотировать предложенныхъ лицъ въ слѣдующемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Юридическаго Общества.

Затѣмъ были заслушаны:

I. Заявленіе члена Юридическихъ Обществъ Московскаго, С.-Петербурскаго, Кіевскаго и члена многихъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, члена сотрудника Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи *Александра Дмитріевича Любавскаго*, о желаніи его быть членомъ сотрудникомъ Казанскаго Юридическаго Общества и о мѣрахъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ расширить кругъ дѣятельности Общества; причемъ г. Любавскій препроводилъ въ даръ обществу I т. своихъ Монографій. *Постановлено*: принять г. Любавскаго въ члены сотрудники Юридическаго Общества, о чемъ его и увѣдомить съ препровожденіемъ экземпляра Устава Общества, выразивъ благодарность за пожертвованіе.

II. Увѣдомленіе Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета, отъ 24 мая 1879 г. за за № 530, о разрѣ-

шеніи печатать въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета протоколы и труды Общества и о выдачѣ безвозмездно Обществу 300 оттисковъ Устава. *Постановлено*: выразивъ благодарность Совѣту Университета и обратиться къ нему съ просьбой о предоставленіи Обществу комнаты въ зданіи Университета для библіотеки Общества и храненія его дѣлъ.

III. Письмо г. Секретаря Московскаго Юридическаго Общества, отъ 2 мая 1879 г., съ препровожденіемъ экземпляра Юридическаго Вѣстника за 1879 годъ, устава Московскаго Юридическаго Общества и предложенія, внесеннаго въ годовое засѣданіе этого Общества, 5 марта 1879 года, о систематической разработкѣ вопросовъ гражданскаго и уголовнаго законодательства. *Постановлено*: сообщеніе принять къ свѣденію, а за пожертвованіе благодарить.

IV. Заявленіе члена Общества *М. В. Шимановскаго* о томъ, что онъ желалъ бы дать отвѣтъ на предложеніе Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, заслушанное въ прошломъ засѣданіи, причемъ г. Шимановскій объяснилъ, что въ настоящее время представлять рефератъ по этому вопросу, онъ считаетъ преждевременнымъ, такъ какъ коммиссія еще не препроводила въ Общество обѣщаннаго Сборника рѣшеній Кассаціоннаго Департамента Сената по желѣзнодорожнымъ дѣламъ. Затѣмъ Шимановскій, указывая на то, что вѣрная оцѣнка рѣшеній, помѣщенныхъ въ I част. II том. трудовъ коммисіи, не возможна безъ разсмотрѣнія вообще тарифа и правилъ о перевозкѣ и храненіи товаровъ и багажа, такъ какъ эти правила положены въ основу многихъ рѣшеній, приведенныхъ въ Сборникѣ, присланномъ коммиссіею, а также что полезно было бы, при разработкѣ предложеннаго коммиссіею вопроса, имѣть въ виду, выработаннные уже проэкты, а именно *положеніе объ эксплоатаціи паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ* 1871 года и проэктъ условій перевозки по Харьковско-Николаевской желѣзной дорогѣ,—предложилъ Обществу не признаетъ ли оно возможнымъ просить Высочайше утвержденную коммисію для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи поспѣшить выслать Обществу сборника рѣшеній Кассаціонаго Департамента Сената, а также правилъ тарифа платы за утрату

и недоставку груза и проэктовъ, по вопросу объ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, *Постановлено:* просить Высочайше учрежденную коммиссію подъ предсѣдательствомъ графа Баранова прислать Обществу Сборникъ рѣшеній Кассаціоннаго Департамента Сената, а также правилъ перевозки грузовъ, проэктовъ положеній и правилъ объ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь Общества *М. Шимановскій.*

№ 4. ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

КАЗАНСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

21-го Октября 1879 года.

Въ засѣданіи присутствовали 20 членовъ.

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествующаго засѣданія произведена была баллотировка лицъ предложенныхъ въ дѣйствительные члены Общества и, согласно § 6 Устава Общества, избраны: a) *Эдмундъ Петровичъ Фальковскій*, b) *Владиміръ Ивановичъ Михневичъ*, c) *Николай Моисеевичъ Пащенко*, d) *Константинъ Никитичъ Буличъ*, e) *Ѳедоръ Ѳедоровичъ Микулинъ*, g) *Василій Тихановичъ Сановъ*, z) *Валентинъ Павловичъ Одинцовъ*, i) *Николай Павловичъ Михалевъ* и k) *Алексѣй Никитичъ Казанцевъ*.

Согласно постановленію предшествующаго засѣданія Предсѣдатель предложилъ приступить къ выбору Члена Управленія и библіотечной коммисіи. Избраны: въ члены Управленія *Лавръ Ивановичъ Карновичъ*, а въ члены библіотечной коммисіи: *Яковъ Спиридоновичъ Степановъ*, *Николай Павловичъ Загоскинъ*, *Адольфъ Михаиловичъ Осиповъ*, *Николай Константиновичъ Нелидовъ* и *Эдмундъ Петровичъ Фальковскій*.

Членъ Общества А. В. Лобода предложилъ въ дѣйствительные члены Общества *Помпея Поликарповича Пузино* военнаго судью Казанскаго Окружнаго Суда. *Постановлено:* баллотировать предложенное лицо въ слѣдующемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества.

Затѣмъ были заслушаны:

I. Словесное заявленіе завѣдывающаго библіотекой о поступленіи въ библіотеку отъ членовъ Общества и посторон-

нихъ лицъ въ даръ Обществу различныхъ книгъ въ количествѣ 49 названій. *Постановлено*: книги принять и выразить гг. жертвователямъ благодарность отъ лица Общества.

II. Заявленіе члена Общества *Н. П. Рейнгардъ* о желаніи его внести на разсмотрѣніе Общества въ ближайшее засѣданіе рефератъ *„О порядкѣ совершенія выдѣла соучастника изъ общаго имущества“*. *Постановлено*: Рефератъ г. Рейнгардъ поставить па очередь.

III. Заявленіе члена Общества *Н. П. Заговкина* о томъ, что онъ имѣетъ въ виду представить Собранію Общества въ декабрѣ мѣсяцѣ рефератъ „О рукописномъ сборникѣ новоуказныхъ статей по вотчиннымъ и помѣстнымъ дѣламъ“. *Постановлено*: Заявленіе г. Загоскина занести въ протоколъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь Общества *М. Шимановскій.*

№ 5. ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

КАЗАНСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

26 ноября 1879 года.

Въ засѣданіи присутствовало 32 члена.

За неприбытіемъ въ засѣданіе г. Предсѣдателя Обще- *Н. А. Кремлева*, по болѣзни, Собраніемъ, на основаніи § 12 Устава, былъ избранъ Предсѣдательствующимъ г. членъ Правленія *Л. И. Карновичъ.*

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествующаго засѣданія произведена была баллотировка, предложеннаго въ дѣйствительные члены Общества Помпея Поликарповича *Пузино*, который и былъ избранъ, согласно § 6 Устава Общества.

Предложены въ дѣйствительные члены Общества гг. членами Общества:

1. *М. В. Шимановскимъ*—Владиміръ Владиміровичъ *Де-Бособръ*, старшій помощникъ Юрисконсульта Военнаго Министерства.

2. *Н. В. Рейнгардтъ*—Алексѣй Алексѣевичъ *Клоповъ*, присяжный повѣренный Округа Казанской Судебной Палаты, живущій въ г. Екатеринбургѣ.

Постановлено: баллотировать предложенныхъ лицъ въ слѣдующемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества.

Затѣмъ были заслушаны:

1. Письменное предложеніе членовъ Общества *А. М. Осипова, М. В. Шимановскаго, И. П. Чирихина* и *И. И.*

Степанова объ образованіи Коммисіи, санкціонированной Обществомъ для разработки вопросовъ: на сколько возможно замѣнить дѣйствующіе законы о векселяхъ Обще-Германскимъ вексельнымъ Уставомъ, а также на сколько начала Обще-Германскаго Вексельнаго Устава возможно согласовать съ особенностями русской правовой жизни.

Постановлено: образовать изъ лицъ подавшихъ предложеніе Коммисію, дѣйствующую отъ имени Общества, для разработки вопросовъ, изложенныхъ въ предложеніи.

II. Рефератъ *Н. В. Рейнгардтъ „О порядкѣ совершенія выдѣла соучастника изъ общаго имущества“*.

Референтъ выставилъ слѣдующія положенія:

1. Общее владѣніе недвижимымъ имуществомъ, относящимся къ категоріи дѣлимыхъ, произошло ли оно путемъ законнаго наслѣдованія или какимъ другимъ способомъ, прекращается одинаковымъ порядкомъ, независимымъ отъ способа происхожденія.
2. Одинъ изъ способовъ прекращенія общаго владѣнія заключается въ выдѣлѣ каждому соучастнику опредѣленной величины и въ опредѣленныхъ границахъ слѣдующей части недвижимаго имущества, что составляетъ раздѣлъ имѣнія.
3. А потому, размежеваніе имѣющее цѣлью опредѣленіе границъ въ натурѣ каждаго совладѣльца, составляетъ необходимый моментъ раздѣла, безъ котораго послѣдній не мыслимъ.
4. Раздѣлъ дѣлимаго недвижимаго имѣнія можетъ быть совершенъ между соучастниками по взаимному соглашенію или по опредѣленію Суда, въ случаѣ отсутствія соглашенія.
5. По взаимному соглашенію, или полюбовный раздѣлъ можетъ быть совершенъ въ формѣ раздѣльнаго акта, крѣпостнымъ порядкомъ, при чемъ необходимо, чтобы въ означенномъ актѣ не только опредѣлены были величина части каждаго совладѣльца, но и границы, Опредѣленіе послѣднихъ въ натурѣ будетъ уже вопросомъ техническимъ.
6. Выдѣлъ соучастника изъ общаго владѣнія имѣніемъ при отсутствіи полюбовнаго соглашенія, совершается судебно-межевымъ порядкомъ.
7. Окончательное признаніе дѣла подлежащимъ судеб-

по-межевому порядку есть признаніе права за лицомъ на удовлетвореніе въ означенномъ порядкѣ.

8. А такъ какъ всякое право разрѣшается Судомъ, то окончательное признаніе, о которомъ говоритъ 1 пун. Высочайше Утвер. Мнѣн. Госуд. Совѣта 16 января 1868 г., принадлежитъ судебной власти, а не Посредническимъ Коммисіямъ, на что онѣ закономъ не уполномочены.

9. Поэтому соучастникъ въ общемъ владѣніи, желающій получить себѣ слѣдующую часть опредѣленной величины и въ опредѣленныхъ границахъ, при несогласіи другихъ совладѣльцевъ, предварительно долженъ предъявить искъ о правѣ на выдѣлъ и уже послѣ этаго можетъ начать дѣло въ судебно-межевомъ порядкѣ.

Сущность реферата заключается въ слѣдующемъ.

Когда двое или нѣсколько лицъ имѣютъ право собственности на извѣстную идеальную часть одного и тогоже имущества, то такое право составляетъ, какъ гласитъ законъ (543 ст. I ч. X т.), *право общей собственности*, что называется также правомъ *общаго владѣнія*. Посвойству своему имущества, какъ извѣстно, бываютъ раздробляемыя и не раздробляемыя (393 ст. I ч. X.) Способы владѣнія и эксплоатаціи тѣмъ и другимъ родомъ имущества по нашему закону совершенно одинаковы, но способы прекращенія различны. Будетъ-ли имущество дѣлимымъ или не дѣлимымъ законъ, во всякомъ случаѣ, не обязываетъ соучастниковъ оставаться въ общемъ владѣніи и предоставляетъ имъ право выхода изъ этаго состоянія.

Между тѣмъ какъ при имуществѣ не раздѣльномъ можетъ быть только одинъ способъ выхода,—это пріобрѣтеніе однимъ лицомъ правъ прочихъ соучастниковъ, при имуществѣ же дѣлимомъ кромѣ этаго, можетъ быть еще и другой. Этотъ послѣдній заключается въ томъ, что изъ общаго недвижимаго имѣнія каждый соучастникъ получаетъ опредѣленной величины и въ опредѣленныхъ границахъ слѣдующую ему часть въ полную собственность, вслѣдствіе чего общее владѣніе прекращается. Этотъ способъ называется *раздѣломъ*. Опредѣленіе величины площади и границъ въ натурѣ каждаго владѣльца составляетъ *межеваніе*, а такъ какъ послѣднее необходимо для прекращенія общаго владѣнія, то межеваніе составляетъ существенный моментъ раз-

дѣла. Хотя нѣкоторые юристы проводятъ разграниченіе между раздѣломъ и размежеваніемъ, но это разграниченіе не существенное: оно относится скорѣе къ двумъ отдѣльнымъ моментамъ, совокупность которыхъ составляетъ раздѣлъ въ полномъ смыслѣ *этого* слова.

Если общее владѣніе возникло путемъ законнаго наслѣдованія, то порядокъ совершенія раздѣла довольно подробно опредѣленъ закономъ: онъ можетъ быть полюбовый т. е. повзаимному соглашенію,—и можетъ быть судебный, по постановленію судебной власти. Но общее владѣніе происходитъ не однимъ только путемъ законнаго наслѣдованія: оно можетъ происходить и другими путями, какъ на примѣръ: покупкою, даромъ и пр., а потому весьма важно опредѣлить какимъ образомъ долженъ быть произведенъ раздѣлъ имущества, когда соучастники пріобрѣли его по мимо законнаго наслѣдованія. Гг. *Полежаевъ* (1) и *Шимановскій* (2) отчасти затронули этотъ вопросъ, хотя окончатально его не разрѣшили. Я говорю отчасти, потому что они коснулись только того случая, когда относительно раздѣла существуетъ соглашеніе всѣхъ соучастниковъ, при чемъ главнымъ образомъ ихъ занималъ вопросъ, могутъ ли быть въ этихъ случаяхъ допущены раздѣльные акты и въ какой формѣ т. е. крѣпостной или явочной.

Имѣя въ виду, что хотя нашъ законъ установилъ правила только относительно раздѣла наслѣдственнаго имѣнія, но что въ главныхъ юридическихъ основаніяхъ несуществуетъ различія общей собственности наслѣдственной отъ общей собственности, происшедшей инымъ порядкомъ, вышеупомянуые авторы приходятъ къ заклюленію, что означенныя правила должны относится и къ раздѣлу вообще общей собствен ности. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ г. Полежаевъ и въ особенности г. Шимановскій ссылаются, какъ на историческія основанія происхожденія общей собственности, такъ и на общія начала права.

Такимъ образомъ въ окончательномъ выводѣ оба автора приходятъ къ тому, что соучастники общей собствен-

(1) *Пележаевъ. „О правѣ собственности по русскимъ законамъ“* Журн. Мин. Юстиціи стр 493.

(2) *Шимановскій. „О раздѣльныхъ актовъ“* Сборн. Юридическихъ и Практическихъ Замѣтокъ. стр. 1—24.

ности могутъ составлять между собою раздѣльные акты, которые должны совершатся явочнымъ порядкомъ. Совершенно соглашаясь съ общими соображеніями, высказанными какъ г. Полежаевымъ, такъ и г. Шимановскимъ, я немогу однакоже согласится съ послѣднею частью приведеннаго заключенія, относительно формы совершенія раздѣльныхъ актовъ. Прежде чѣмъ высказать свой взглядъ относительно послѣдняго обстоятельства считаю нужнымъ замѣтить, что общія соображенія означенныхъ лицъ допускаютъ болѣе широкіе выводы чѣмъ тѣ къ которымъ пришли они. Дѣйствительно такъ какъ юридическія основанія общей собственности, какъ наслѣдственной, такъ и возникшей другимъ порядкомъ, одни и тѣже, такъ какъ законъ, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, не обязываетъ соучастниковъ оставаться въ общемъ владѣніи, то порядокъ прекращенія подобнаго владѣнія долженъ быть одинаковъ, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ; этотъ порядокъ есть раздѣлъ имущества, который можетъ быть полюбовный и судебный. И такъ вообще для соучастниковъ общаго имѣнія, какъ и для сонаслѣдниковъ, существуетъ два способа раздѣла: полюбовный и судебный. Вотъ первый самый общій выводъ изъ тѣхъ началъ, которыя приняты Гг: Полежаевымъ и Шимановскимъ. Обращаясь къ первому способу, когда существуетъ полюбовное или взаимное соглашеніе, мы видимъ что это соглашеніе есть по существу своему договоръ, слѣдовательно оно должно и выразится въ соотвѣтственной формѣ. Такъ какъ подобный договоръ долженъ прекратить общее владѣніе и установить полное право собственности на опредѣленную вещь, то въ этомъ договорѣ должно быть обозначено не только количество, причитающее на долю каждаго соучастника, но и границы, отдѣляющія отъ другихъ владѣльцевъ, потому что безъ обозначенія границъ общая собственность не прекратится, не будетъ опредѣленному праву соотвѣтствовать извѣстная реальная вещь.

Договоры, прекращающіе общее владѣніе и предоставляющіе каждому соучастнику опредѣленную часть изъ общаго имущества, совершаются, на основаніи 4 п. 158 ст. полож. о Нотар. чсати, въ формѣ раздѣльнаго акта и притомъ крѣпостнымъ порядкомъ, но безъ взысканія крѣпостныхъ пошлинъ, такъ какъ тутъ нѣтъ ни перехода, ни уступки, правъ на недвижимое имущество.

Такимъ образомъ, относительно порядка совершенія раздѣльныхъ актовъ, я отступаю отъ взгляда г. Шимановскаго и нахожу, что подобные акты на основаніи прямаго и яснаго смысла закона, должны совершатся крѣпостнымъ порядкомъ. Опредѣленіе границъ въ натурѣ, межеваніе, будетъ вопросомъ чисто техническимъ и это опредѣленіе можетъ быть совершено или частнымъ или правительственнымъ техникомъ.

Обращаясь ко 2-му случаю, когда между всѣми соучастниками общаго владѣнія не существуетъ соглашенія относительно раздѣла, а между тѣмъ одинъ или нѣкоторые желаютъ выдѣлится и пріобрѣсти изъ общаго имѣнія слѣдующую имъ часть, мы видимъ, что законъ вовсе не обязываетъ не желающихъ оставаться въ общемъ владѣніи, а напротивъ предоставляетъ имъ право выйдти изъ этого состоянія, на что указываетъ 550 ст. I ч. X. т. и въ особенности 1 примѣч. къ 552 ст. т. Содержаніе этого примѣчанія въ связи со 2 п. 1144 ст. X. т. III. ч. опредѣляетъ и порядокъ совершенія подобнаго раздѣла: порядокъ этотъ долженъ быть судебно-межевой.

Такимъ образомъ дѣло о раздѣлѣ недвижимаго имѣнія, въ случаѣ отсутствія соглашенія, должно производится порядкомъ судебно-межевымъ. Повидимому вопросъ теоретически разрѣшается очень просто, но не такъ просто на практикѣ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ старыя судебныя учрежденія, этотъ вопросъ дѣйствительно не представляетъ ни какого затрудненія, потому что разрѣшается вполнѣ 1 пр. къ 552 ст. I ч. X. т., но тамъ, гдѣ введены судебныя уставы 20 ноября, дѣйствуетъ особый порядокъ для судебно-межеваго разбирательства, на основаніи времен. правилъ Выс. Утв. мнѣн. Госуд. Сов. отъ 16-го января 1868 года.

Между прочемъ 1-й п. этихъ правилъ гласитъ: „дѣла, окончательно признанныя судебно-межевому разбирательству, подлежатъ вѣдѣнію Окружнаго Суда“. Вотъ тутъ-то и возникаетъ весьма серьезный вопросъ: кѣмъ должны быть признаны дѣла подлежащими таковому разбирательству?

Большинство юристовъ полагаютъ, что окончательное признаніе дѣлъ подлежащимъ судебно-межевому разбирательству принадлежитъ Посредническимъ Коммиссіямъ и ссылаются при этомъ на рѣшеніи Сената по дѣлу Ладыженской, 1869 года за № 293, гдѣ этотъ вопросъ разрѣшенъ въ означенномъ смыслѣ. Сенатъ мотивировалъ свое

мнѣніе тѣмъ соображеніемъ, что „изъ смысла статей 772—822, 1143, 1144, т. X. ч. 3 Зак. Меж. несомнѣнно слѣдуетъ, что въ судъ 1 степени для судебно-межеваго разбирательства поступаютъ дѣла изъ Посредническихъ Коммисій и именно тогда, когда по дѣламъ симъ не достигнуто полюбовныхъ соглашеній. Посредническія Коммисіи получаютъ дѣла сіи отъ посредниковъ съ отчетомъ (прим. къ 778 ст.) и передаютъ оныя въ Судъ не прежде какъ по обревизованію ихъ дѣйствій“.

Вышеозначенное мнѣніе такъ и ссылку на это рѣшеніе я считаю не правильными,—и вотъ почему. Посредники полюбовнаго размежеванія и Посредническія Коммиссіи учрежденія временныя, установленныя съ особенною цѣлію, а именно, для полюбовнаго спеціальнаго размежеванія. По мѣрѣ окончанія дѣйствій по этому межеванію, означенныя учрежденія сокращаются и *наконецъ* когда въ извѣстной мѣстности всѣ дачи будутъ спеціально размежеваны, должности посредниковъ и Посредническія, Коммисія, уничтожаются, а между тѣмъ общее владѣніе, слѣдовательно и потребность выхода изъ него возникаютъ постоянно.

Посредники и Посредническія Коммиссіи могутъ принимать къ своему вѣдѣнію дѣла только по дачамъ спеціально не размежеванымъ, такъ какъ ихъ обязанность содѣйствовать спеціальному размежеванію, но тамъ гдѣ спеціальное размежеваніе уже окончено, а между тѣмъ послѣ того возникло общее владѣніе, тамъ уже дѣятельность посредника не имѣетъ болѣе мѣста.

Въ цитированномъ выше рѣшеніи Сената вопросъ шелъ о спеціальномъ размежеваніи, по этому высказанное мнѣніе если и считать справедливымъ то оно можетъ быть принято не безусловно, но относительно только дачь спеціально не размежеванныхъ. Впрочемъ и относительно этихъ случаевъ я не могу согласиться съ мнѣніемъ Сената, чтобы Посредническимъ Коммисіямъ принадлежало право окончательно признавать дѣла подлежащими судебно-межевому разбирательству, но такъ какъ это не относится непосредственно къ занимающему меня вопросу, то я пока воздержусь высказать окончательно свое мнѣніе, а замѣчу мимоходомъ, что 772—822 ст. Ш ч. X т. во все не даютъ права вывести то заключеніе къ которому пришелъ Сенатъ.

Примѣчаніе къ 778 ст. т. X. хотя и говоритъ какъ-бы въ пользу мнѣнію Сената, но оно имѣетъ въ виду не всѣ

дѣла, по которымъ не состоялось полюбовнаго соглашенія соучастниковъ, но извѣстную категорію этихъ дѣлъ.

Итакъ ни посредникамъ, ни посредническимъ коммисіямъ не могутъ подлежать дѣла о выдѣлѣ каждому соучастнику изъ общаго владѣнія слѣдующей части, когда имѣніе подлежитъ раздѣлу и когда оно уже ранѣе спеціально размежевано. Спрашивается кому же принадлежитъ право окончательнаго признанія дѣлъ подлежащимъ судебномежевому разбирательству.

До введенія въ дѣйствіе уставовъ 20 ноября такого признанія не требовалось и особой инстанціи для этаго не было. Высочайше Утвержденное 16-го января 1868 г. мнѣніе Государ. Совѣта, установившее правила по которому требуется предварительное признаніе о порядкѣ разбирательства точно также не указало инстанціи. Но это Высоч. Утвер. мнѣніе есть результатъ работъ коммисіи по преобразованіи судебно-межевой части, работъ, которыя предшествовали обширные труды по преобразованію вообще межеваго дѣла въ Россіи.

Въ матеріалахъ по преобразованію межевой части мы можемъ найдти ключь къ разрѣшенію занимающаго насъ вопроса, такъ какъ въ этихъ матеріалахъ установлены главные принципы, служащіе основаніемъ для преобразованія межевой и судебно-межевой части.

Въ пятой части упомянутыхъ матеріаловъ, въ ст. 127 говорится: „каждый соучастникъ общей или чрезполосной дачи, при не желаніи прочихъ соучастниковъ размежеваться къ однимъ мѣстамъ, а также *при недостиженіи раздѣла* чрезъ полюбовныя соглашенія, можетъ просить въ подлежащемъ Судѣ о выдѣлѣ слѣдующему ему участка по правамъ собственности.

Затѣмъ въ слѣдующей 128 ст.: „по дѣламъ упомянутымъ въ предшедшей статьѣ, вопросъ о томъ подлежитъ или не подлежитъ участокъ просителя судебному вымежеванію изъ общей дачи, рѣшается судомъ особо и первоначально“. Въ объясненіе къ этой статьѣ говорится: „судебный раздѣлъ обмежеванной дачи возможенъ только въ крайнихъ случаяхъ, но нельзя допускать его вездѣ, по требованію одной изъ двухъ не согласныхъ сторонъ. Бываютъ случаи гдѣ нарушеніе общаго владѣнія не избѣжно ведетъ къ разстройству поземельнаго хозяйства. Сверхъ того не всегда возможно выдѣлить одного соучастника изъ общей дачи такъ

чтобы границы прочихъ участниковъ остались не прикосновенными. Въ большей части случаевъ при этомъ слѣдуютъ перемѣны границъ, переносы усадьбъ, переселеніе крестьянъ, а гдѣ безъ желанія совершаются подобныя перемѣны, тамъ они нарушенія права владѣнія. Но если обязательный выдѣлъ нарушаетъ права и потому возможенъ не во всякой дачѣ, то отсюда слѣдуетъ: 1 что условія, допускающія возможность обязательнаго раздѣла обмежеванной земли, должны быть опредѣлены закономъ; 2 для практическаго примѣненія этаго закона (въ силу котораго нарушается право) не обходимъ приговоръ Суда и 3. судебные приговоры этаго рода (подлежитъ или не подлежитъ дача обязательному разверстанію на участки) очевидно должны предшествовать самому разверстанію".

Такимъ образомъ изъ приведеннаго видно, что прежде чѣмъ осуществить право на раздѣлъ судебно-межевымъ порядкомъ необходимо пріобрѣсти это право. Это самое и имѣетъ въ виду 1 п. Выс. Утв. мнѣнія Госуд. Сов. 16 января 1868 года. Всякое право разрѣшается Судомъ, а потому Судъ и долженъ предоставить подобное право. Очевидно означенный первый пунктъ имѣетъ въ виду постоянную судебную власть, но не переходящую administративъ въ видѣ посредническихъ коммиссій, которыя занимаются только окончаніемъ, давно начатаго дѣла обязательнаго спеціальнаго размежеванія. Наконецъ исходя изъ общаго принципа, установленнаго судебными уставами, отдѣленія судебной власти отъ административной, нельзя согласится, чтобы посредническимъ коммиссіямъ принадлежало право окончально разрѣшать вопросъ о направленіи дѣла, связанный съ весьма важными юридическими вопросами.

Вопросы эти могутъ быть двухъ родовъ 1) касающіеся вотчинныхъ правъ и лицъ и 2) касающіеся свойствъ имущества. Лицо хотя по крѣпостямъ, межевымъ книгамъ и пр. значится владѣльцемъ извѣстнаго имущества, но вслѣдствіе не осуществленія своего права въ теченіи 10 лѣтъ оно, потерявши право собственности, уже конечно не имѣетъ права на выдѣлъ; за тѣмъ самое имущество по свойству своему можетъ быть не раздробляемо, слѣдовательно не подлежащимъ раздѣлу. Ст. 393 I ч. X т. даетъ только общіе признаки раздробляемаго имущества, ст, 394 тт. перечисляетъ нѣкоторыя изъ не раздробляемыхъ имуществъ; но есть ли данное имущество раздробляемое или не раздробля-

емое, то это можетъ разрѣшить только Судъ въ каждомъ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ. Очевидно всѣ эти вопросы совершенно чуждые судебно-межевому процессу должны быть разрѣшены предварительно особо отъ сего, чтобы къ нимъ уже не возвращаться и не осложнять дѣла. Что право лица на выдѣлъ изъ общаго имущества должно быть предварительно признано Судомъ, а не Посреднической Коммисiей, подтверждается еше и слѣдующимъ соображенiемъ. На основанiи 10 п. Прав. Сен. 16 января 1868 г. дѣла о выдѣлѣ участниковъ изъ въѣзжихъ лѣсовъ производятся, согласно правилъ 1—9 пп. означеннаго мнѣнiя, т. е. судебно-межевымъ порядкомъ. Но прежде чѣмъ идти этимъ порядкомъ необходимо, на основ. 1 п. означеннаго мнѣнiя, чтобы дѣло было окончательно признано подлежащимъ Судебно-межевому порядку. Кѣмъ должно быкъ признаваемо въ этомъ случаѣ? Очевидно не Посреднической Коммисiей, такъ какъ къ ея обязанности подобныя дѣла совершенно не относятся. Но такъ какъ прежде чѣмъ вести дѣло о выдѣлѣ судебномежевымъ порядкомъ необходимо, чтобы за лицомъ признано было таковое право, а это можетъ быть признано только тогда, когда предварительно будутъ разрѣшены слѣдующiе вопросы: есть-ли данный лѣсъ въѣзжiй, имѣетъ ли ходатайствующiй о выдѣлѣ право на въѣздъ и на основанiи чего? Подобные вопросы могутъ быть только разрѣшены Судомъ, который разрѣшивши ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ право-на выдѣлъ судебно-межевымъ порядкомъ и дѣло такимъ образомъ будетъ окончательно признано подлежащимъ судебно-межевому разбирательству. Не соглашенiе на полюбовный раздѣлъ, споры, могутъ возникнуть не вслѣдствiе такъ сказать, психическихъ причинъ, сварливости характера, взаимной вражды и пр., но вслѣдствiе чисто юридическихъ основанiй, а именно сомнѣнiя въ правѣ соучастника на имущество или въ возможность раздѣла безъ ущерба имуществу. А такъ какъ всякiй споръ, всякое право должны быть, согласно 1 ст. Уст. Гр. Суд., разрѣшены судомъ, то соучастникъ общаго имущества желающiй выдѣлится изъ общаго имѣнiя долженъ, на основ. 202 ст. Уст. Гр. Суд., предъявить въ исковомъ порядкѣ требованiе о правѣ на выдѣлъ. Судъ даетъ этому дѣлу ходъ въ общемъ порядкѣ, такъ какъ оно не относится къ категорiи дѣлъ перечисленыхъ 340 ст. Уст. Гр. Суд. Если ходатайство просителя подлежитъ

удовлетворенію, то Судъ, признавая право на выдѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что дѣло объ этомъ подлежитъ разбирательству Судебно-межевымъ порядкомъ. Самый выдѣлъ послѣ этаго долженъ производится по правиламъ Выс. Утв. мнѣнія Госуд. Сов 16 января 1868 года. Судебно-межевой порядокъ, относительно выдѣла соучастниковъ изъ общаго владѣнія, представляется мнѣ въ нѣкоторомъ случаѣ аналогичнымъ исполнительному: какъ первому такъ и послѣднему должно предшествовать признанное право, которое дается судомъ и при томъ въ исковомъ порядкѣ.

Вотъ по моему мнѣнію самый нормальный путь для соучастника общаго владѣнія желающаго выдѣлится если нѣтъ полюбовнаго соглашенія; другаго мнѣ кажется быть не можетъ.

Пренія по реферату начались возраженіями, сдѣланными *М. В. Шимановскимъ.*

М. И. Шимановскій заявилъ, что серіозность вопросовъ, затронутыхъ рефератомъ должна вызвать и серіозныя возраженія а потому не имѣя намѣренія представлять возраженія, г. *Шимановскій* объяснилъ, что онъ желаетъ лишь указать въ настоящее засѣданіе на спорность тѣхъ положеній, которыя выставилъ г. референтъ, вполнѣ будучи убѣжденымъ, что въ настоящее засѣданіе не закончатся пренія по реферату. Свои замѣчанія г. *Шимановскій* началъ съ послѣднихъ тезисовъ реферата (6, 7, 8 и 9). Въ виду того что г. Референтъ, не придавая посреднической коммисіи значенія межевой инстанціи, передающей дѣла въ судъ для направленія въ порядкѣ судебно-межевомъ и находя, что посредническія коммисіи были компетентны въ отношеніи лишь тѣхъ дѣлъ, о которыхъ упомянуто въ примѣч. къ 778 ст. ч. 3 т. X,—приходитъ къ убѣжденію, что, согласно пун. 1 Высочайше Утвер. Мнѣн. Госуд. Совѣта 16-го января 1868 г. (составляющаго по продолж. 1869 г. примѣчаніе къ 202 ст. Устав. Гражд. Суд.) окончательное признаніе, что дѣло подлежитъ судебно-межевому разбирательству, подвѣдомо суду въ искѣ о признаніи права на выдѣлъ, г. Шимановскій нашелъ нужнымъ остановиться на разрѣшеніи вопроса, какое значеніе предоставлено по дѣйствующему законодательству Посреднической Коммисіи въ дѣлѣ межевомъ, и дѣйствительно ли это учрежденіе было такое мимолетное, преходящее, обязанности котораго при межеваніи обусловливались лишь примѣч. къ статьѣ 778 ч. 3 т. X;

или же это было нѣчто болѣе прочное? Учрежденіе посредническихъ коммисій не есть явленіе новое. Они впервыя встрѣчаются въ Указѣ 21 іюня 1839 года и въ особенности о нихъ говорится въ Указѣ 27 мая 1839 г. (1), а уже 12 іюля 1850 г. (П. Соб. № 24326) повелено было главномумежевому начальству и межевому департаменту строго наблюдать за успѣхомъ въ дѣйствіяхъ посредниковъ и посредническихъ коммисій и распоряжатся по мѣрѣ надобности о постепенномъ закрытіи послѣднихъ. 2-го же января 1856 года послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе о закрытіи Вятской Посреднической Коммисіи и о передачѣ всѣхъ не оконченныхъ этой Коммисіей дѣлъ для дальнѣйшаго производства въ губернское правленіе, каковое Высочайше Утвержд. Мнѣніе и составляетъ примѣч. къ ст. 325 ч. 3 т. X издан. 1857 г. Но такъ какъ посредническіе коммисіи еще во многихъ мѣстахъ оставались для осуществленія той цѣли, для которой они были учреждены, то и понятно, что въ 3 ч. X т. издан. 1857 года находится цѣлый рядъ узаконеній о посредническихъ коммисіяхъ.

Въ главѣ III ч. 3. т. X трактуется „*объ учрежденіи губернскихъ посредническихъ коммисій и уѣздныхъ посредниковъ*" а въ отдѣлѣ 1 этой же главы говорится о составѣ и значеніи посреднической коммисіи (ст. 321—330). Въ т. IX въ п. 5 ст. 167 и примѣч. 1 ст. 168 находятся указанія на составъ посредническихъ коммисій; въ ст. 5,321—325, 327 и 334 ч. 3 т. X опредѣленъ предмѣтъ вѣдомства Посредническихъ Коммисій, надъ дѣйствіями которыхъ имѣетъ наздоръ, согласно 330 ст. 3 ч. X т. главное межевое начальство и межевой департаментъ Сената — посредническія коммисіи наблюдаютъ за дѣйствіями посредниковъ (примѣчан. къ 778 ст. 3 т. X). Она ревизуетъ поступающія къ ней дѣла отъ посредпиковъ (324 ст. ч. 3 т. X) и наблюдаетъ чтобы ни землемѣры, ни посредники

---

(1) Полн. Собран. Законовъ 1839 г. іюня 21 дня № 12459 Высоч. утвер. Инструкція для руководства при исполненіи предварительныхъ мѣръ полюбовиаго специальнаго размежеванія; 1841 г. 27 мая 14573 *Им. док. Сенату* О продолженіи срока для полюбовнаго размежеванія общихъ чрезполосныхъ дачъ».

не ставили формальныхъ межъ до утвержденія полюбовныхъ актооъ. Жалобы на посредническія коммисіи, по силѣ 329 ст. ч. 3 т. X приносятся Межевому Департаменту Сената.

При такой полной картинѣ организаціи посреднической коммисіи самъ собою рождается вопросъ, что дало поводъ г. Референту игнорировать значеніе посреднической коммисіи какъ межевой инстанціи и находить рѣшеніе Сената по дѣлу *Ладыженскаго* не правильнымъ, въ виду ссылки сдѣланной въ рѣшеніи на *примѣч.* къ ст. 778 ч. 3 т. X. Дѣйствительно примѣч. къ ст. 778 ч. 3 т. X такъ редактировано, что даетъ возможность съ перваго взляда придавать дѣятельности Посреднической Коммисіи лишь значеніе *при разсмотрѣніи вытребованныхъ дѣлъ изъ архивовъ* „переданныхъ въ оные дѣла о тѣхъ дачахъ, по которымъ не достигнуто было полюбовнаго соглашенія . . . . .“ но едвали, по мнѣнію г. Шимановскаго, можно *примѣчанію* къ ст. 778 ч. 3 т. X. придавать такое исключительное значеніе и строить на этомъ одномъ положеніи все понятіе дѣятельности Посреднической Коммисіи? Сперваго взгляда дѣйствительно страннымъ кажется, какимъ образомъ дѣла, сданные уже въ архивъ вновь оттуда вытребываются и разсматриваются. Для дѣла судебнаго это было бы крайне аномальнымъ явленіемъ, такъ какъ въ архивахъ хранятся дѣла рѣшенныя; но если же было сдѣлано таковое распоряженіе въ отношеніи дѣлъ межевыхъ, то всѣ недоразуменія, которые могутъ возникнуть при прочтеніи этого *примѣчанія* объяснимы самимъ закономъ опредѣляющимъ цѣль и значеніе вообще межеванія. „Генеральное межеваніе, говоритъ, ст. 1 ч. 3 т. X, установлено для того: 1) чтобы привести въ извѣстность количество земель и угодій, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ частности казнѣ принадлежащихъ, и 2) чтобы утвердить спокойствіе владѣльцевъ постановленіемъ правильныхъ и несомнѣнныхъ границъ поземельнаго владѣнія“. Отличіе генеральнаго межеванія отъ спеціальнаго указано въ ст. 2, а въ ст. 1143 объяснена цѣль и значеніе *судебно межеваго разбирательства,* а именно: „Оно производится для разсмотрѣнія *правъ владѣльцевъ* въ дачахъ общаго и чрезполостнаго владѣнія, съ цѣлью опредѣлить симъ способомъ то, что имъ по правамъ принадлежитъ, и отдѣлить, по удобности, участки въ особое каждаго владѣніе, для собственнаго ихъ спокойствія и утвержденія, такимъ образомъ, на прочныхъ основаніяхъ, благосостоянія каждаго изъ нихъ“.

Изъ этихъ узаконенiй ясно усматривается характеръ межеваго производства, а отсюда, само собой понятно, что желанiе правительства объ указанiи границъ своего владѣнiя и границъ владѣнiя частныхъ лицъ, могло проявится во всякое время. Всегда можетъ явится желанiе, чтобы даже дѣла, переданные въ архивъ о размежеванiи, вновь были бы истребованы и дѣло о размежеванiи довести до конца. Отсюда понятно, что въ отношенiи дѣлъ межевыхъ государство въ интересѣ государственнаго спокойствiя,—предоставленiя каждому пользоватся своимъ, можетъ принимать тѣ или другiе мѣры и даже принуждать къ размежеванiю, а владѣльцевъ, явно уклоняющихся отъ размежеванiя, даже подвергать взысканiю штрафа (отъ 25 до 50 руб.). Такимъ образомъ въ примѣчанiи къ статьѣ 778 слѣдовательно выраженъ одинъ лишь изъ случаевъ принятыхъ для достиженiя размежеванiя, но на этомъ одномъ фактѣ еще нельзя строить положенiя вообще о дѣятельности посредническихъ коммисiй, которыя учреждены были далеко ранѣе изданiя правила, вошедшаго въ *примѣчанiе* къ ст. 778 ч. 3 т. X, въ основѣ котораго и лежитъ Указъ 1850 г. iюля 12 (24.326) (¹). Но если даже допустить что посредническiя коммисiи и были какимъ то утрежденiемъ со специальной задачей по примѣч. къ ст. 778, то остается помимо статьи 324 ч. 3 т. X, еще статья 802 ч. 3 т. X по прод. 1863 г., гдѣ говоритея, что если не смотря на всѣ соглашенiя посредника не послѣдуетъ соглашенiя то въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствiяхъ посредникъ руководствуется порядкомъ изъясненомъ въ примѣчанiи къ ст. 778, т. е. что дѣла чрезъ посредническiя коммисiи переходятъ въ уѣздный судъ, а въ ст. 1145 прямо сказано: „по полученiи *изъ посредническихъ коммисiй* дѣлъ *уѣздные суды*, внеся ихъ въ особый настольный реестръ о поступленiи оныхъ публикуютъ . . . .“. Здѣсь уже нѣтъ сомнѣнiя, что дѣла поступаютъ въ уѣздные суды изъ посредническихъ ком-

(¹) Въ Сводъ Законовъ издан. 1857 г. сдѣлана ссылка на № 24327, но эта ошибка, такъ какъ смыслъ *примѣчанiя* къ статьи 778 и вообще правила, изложенныя въ ней находятъ себѣ подтвержденiя въ Именномъ Указѣ данномъ Сенату «*О правилахъ нѣкоторыхъ должно быть продолжаемо дѣйствiе полюбовнаго размежеванiя земель*», помѣщенномъ подъ № 24326, а не въ Высочайше Утвержденномъ Мнѣнiи Государственнаго Совѣта: «О правилахъ для размежеванiя земель и общихъ дачъ съ государственными крестьянами», помѣщенномъ подъ № 24327.

мисій т. е. что дѣла получаютъ ходъ въ судебно-межевомъ порядкѣ послѣ того какъ они прошли инстанціи, установленныя для полюбовнаго размеженія. Защищая правильность Кассаціоннаго Рѣшенія по дѣлу *Ладыженскаго* (1869 г. № 293) въ окончательномъ выводѣ т. е., что вѣдѣнію окружныхъ судовъ подлежатъ дѣла окончательно, признанныя подлежащими судебно-межевому разбирательству, и что окончательное признаніе дѣла подлежащимъ судебно-межевому разбирательству можетъ послѣдовать не со стороны того или другаго участвующаго лица, *а того учрежденія коему закономъ сіе предоставлено* т. е. *Посреднической Коммисіи*, или гдѣ такихъ нѣтъ губернскимъ правленіямъ, г. Шимановскій однако счелъ нужнымъ замѣтить, что рѣшеніе по дѣлу Ладыженскаго, если можетъ быть названо неправильнымъ, то въ силу не удачнаго въ немъ приведенія законовъ. Такъ напримѣръ скорѣе слѣдовало бы указать на ст. 1145 нежели на статьи 1143 и 1144. Равно не понятна ссылка на пун. 8 Высочайше Утвержд. Мнѣн. 16 января 1868 г. въ подтвержденіе якобы, того что Губернскія Правленія замѣняютъ Посредническія Коммисіи—тогда какъ въ 8 пун. ничего подобнаго неговорится, а скорѣе слѣдовало бы указать на примѣч. къ 325 ст. 3 ч. X т. гдѣ прямо сказано, что дальнѣйшее производство дѣлъ по закрытіи Посредническихъ Коммисій возлагается на Губернскія Правленія (1). Но тѣмъ не менѣе въ окончательномъ выводѣ, онъ, Шимановскій, признавалъ рѣшеніе по дѣлу Ладыженскаго вполнѣ правильнымъ. Затѣмъ г. Шимановскій указалъ на то, что положеніе высказанное въ дѣлѣ Ладыженскаго повторяется и въ другихъ рѣшеніяхъ Кассац. Департ. Сената. Такъ въ рѣшеніи 1875 г. № 453 *(по иску дер. армянскихъ селъ Крымъ, Салы и Несвѣтай съ селъ Чалтырь и Султанъ-Салы)*, Сенатъ призналъ, что

---

(1) Если въ 8 п. Правилъ 16 января 1868 г., (составляющихъ примѣч. къ 202 ст. Устав. Гражд. Суд.) ничего объ этомъ не говорится, то тоже самое нужно сказать и о 8 п. Правилъ 16 января 1868 г., (составляющихъ продолженіе къ ст. 751 ч. 3 т. X) такъ какъ о томъ, что ревизія дѣлъ, подлежащихъ судебно-межевому разбирательству, производится Посредническими Коммисіями или Губернскими Правленіями,—упоминается въ пунк. 7 означенныхъ правилъ примѣч. къ ст. 751 ч. 3 т. X, а не въ п. 8.

судебныя мѣста не могутъ, вопреки 1 пункта примѣч. къ 202 ст. Устав. Гражд. Суд. по прод. 1869 г., признать требованіе о судебно-межевомъ разбирательствѣ преждевременнымъ подъ тѣмъ предлогомъ, что нѣкоторые изъ соучастниковъ общей дачи, о размежеваніи коей дѣло производится, не были привлечены къ соглашенію на полюбовное размежеваніе ея если Посредническія Коммисіи признали уже дѣло подлежащимъ судебно межевому разбирательству, такъ какъ если бы нѣкоторыя изъ совладѣльцевъ и дѣйствительно не были привлечены къ полюбовному соглашенію, то отъ нихъ зависитъ принести на Посредническія Коммисіи, на основаніи 329 ст. 3 ч. X т., жалобу межевому Департаменту Правительствующаго Сената; что практика здѣшнихъ Суда и Судебной Палаты требуютъ также постановленія посреднической коммисіи или мѣста ее замѣняющаго для признанія дѣла подлежащаго судебно-межевому разбирательству, и наконецъ, что въ рѣшеніи Сената по дѣлу *Бибиковой* (№ 980 за 1875 г.) въ мотивахъ Судебной Палаты между прочимъ сказано: „Принимая во вниманіе, что по точному смыслу примѣчанія къ ст. 324, 778 т. X ч. 3 ст. 1 и 7 Высочайше Утвер. 16 января 1868 г. правилъ о производствѣ межевыхъ дѣлъ, вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ подлежатъ только межевыя дѣла, кои окончательно признаны подлежащими судебно межевому разбирательству; признаніе же дѣлъ подлежащими судебно межевому разбирательству предоставлено, по приведеннымъ выше ст. 324 и 778 ч. 3. т. X, посредническимъ коммисіямъ, кои осемъ постановляютъ особое постановленіе и за симъ дѣла межевыя въ судебныхъ мѣстахъ начинаются, согласно ст. 1 и 7 означеныхъ правилъ, не иначе какъ по подачѣ исковаго прошенія . . . .“. Другими словами въ мотивахъ Палаты *примѣчанію* къ 778 ст. 3 ч. X т. придано опять общее значеніе, т. е. что посредническая коммисія обязана дѣлать постановленія отомъ, что дѣло подлежитъ судебно межевому разбирательству. Въ силу всего вышесказаннаго оппонентъ пришелъ къ выводу, что взглядъ г. Референта на примѣч. къ ст. 778 ч. 3 т. X въ отношеніи дѣятельности посредническихъ коммисій, является крайне одностороннимъ и не правильнымъ. Ставъ на точку не правильнаго толкованія примѣч. къ ст. 778 ч. 3 т. X, отрицая законность участія посредническихъ коммисій въ постановленіяхъ о признаніи дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію судебно

межевому, являются неправильными, по мнѣнію г. Шимановскаго, и дальнѣйшія положенія референта, какъ имѣющія въ основѣ неправильное толкованіе предмета вѣдомства Посредническихъ Коммисій.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію § 9 положеній реферата, въ которомъ сказано, что соучастникъ, желающій выдѣлится, долженъ предъявить въ судъ, по силѣ 1 ст. Устав., Гражд. Судопр., искъ о признаніи за нимъ права на выдѣлъ, Г. Шимановскій заявилъ, что онъ считаетъ это положеніе также не основательнымъ. Такъ какъ оппонентъ не находитъ въ такомъ признаніи права на выдѣлъ судомъ, ни юридической ни практической въ томъ надобности, при наличности правила, изложеннаго въ 550 ст. 1 ч. X т., въ которой сказано: что никто не обязанъ оставатся соучастникомъ въ общемъ имѣніи, подлежащемъ раздѣлу, если не изъявитъ на то согласія. Кромѣ то, если допустить, то что г. Референтъ проэктируетъ, то въ результатѣ выйдетъ что г. Референтъ готовитъ для дѣлъ о раздѣлѣ очень сложную и длинную процедуру. А именно, соучастникъ прежде всего долженъ будетъ ходатайствовать въ исковомъ порядкѣ (въ отличіи отъ охранительнаго) о признаніи за нимъ права на выдѣлъ, затѣмъ исковымъ же порядкомъ долженъ будетъ ходатайствовать объ опредѣленіи количества ему причитающейся земли (при раздѣлѣ имущества раздѣльнаго), согласно п. 1 правилъ 16 января 1868 г., каковое ходатайство должно производится по правиламъ, изложеннымъ въ пунктахъ 2, 3, 4, 5 и 6 и наконецъ, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ, состоявшагося рѣшенія объ опредѣленіи количества земли, причитающейся каждому изъ соучастниковъ и при отсутствіи добровольнаго соглашенія на отводъ земли къ участкамъ,—соучастникъ долженъ будетъ подать опять прошеніе о раздѣлѣ по участкамъ въ силу п. 7 правилъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго прошенія, поданаго на основаніи п. 7 правилъ, должна начатся опять еще очень сложная и длинная процедура о нарѣзкѣ участковъ каждому изъ соучастниковъ. Ясно до очевидности, по мнѣнію оппонента, что, установляемымъ порядкомъ, г. Референтъ не особенно спѣшитъ въ разрѣшеніи дѣлъ раздѣла. Далѣе г. опонентъ указалъ на то, что ссылка на 1 ст. Устав. Гражд. Суд. не заключаетъ въ себѣ ничего на столько вѣскаго чтобы можно было на основаніи одной лишь стат. 1 Уст. Гражд. Суд., изъ ничего, что называется, создать особый родъ исковъ о призна-

ніи права на выдѣиъ. Наконецъ положеніе, это по мнѣнію оппонента, не согласуется съобщей идеей, положенной въ основу русскаго судебно межеваго разбирательства, а также съ началомъ которое проводится въ законодательствѣ,въ отношенія этого вопроса. „Цѣль генеральнаго межеванія какъ говоритъ *Побѣдоносцевъ*, утвердить на всегда непремѣнныя границы окружныхъ владѣній, превратить неизвѣстное владѣніа въ извѣстное, такъ чтобы впредь не было уже владѣнія, безмѣрнаго; установить полное согласованіе границъ владѣнія съ предѣлами права, вообще владѣнія съ правомъ и права съ владѣніемъ“ (¹). Первая межевая инструкція Императрицы Елизаветы, утвержденная 13 мая 1754 г. (П. Соб. № 10237), была такъ редактирована, что при размежеваніи требовалась провѣрка правъ крѣпостныхъ на вотчину, а потому она и была встрѣчена со страхомъ, такъ какъ многіе владѣльцы не имѣли крѣпостей и оправдать своего владѣнія не могли. Вторая инструкція межевая Императрицы Екатерины II-й, изданная 19 сентября 1765 г. (Пол. Собр. № 12474), положенная въ основу нашего межеваго законодательства и нынѣ дѣйствующаго (²), поспѣшила искоренить этотъ страхъ торжественнымъ увѣреніемъ, что ревизіи правъ небудетъ и крѣпостей небудутъ требовать отъ всѣхъ владѣльцевъ безусловно; что здача межеванія есть *не разборъ* основанія *частнаго права*, но приведеніе въ извѣстность спокойно существующаго владѣнія для опредѣденія окружныхъ границъ каждой дачи. Такимъ образомъ *вотчинное право* и *разбирательство* положительно отдѣлено отъ *межеваго*, такъ сказать *охранительнаго производства*. Вотъ почему органическимъ правиломъ при размежеваніи было принято: гдѣ спора нѣтъ тамъ и крѣпостей не требовать, гдѣ окажется споръ тамъ крѣпости будутъ разсмотрѣны межевымъ судомъ.

Такимъ образомъ ясно, что между производствомъ о межахъ, граняхъ и производствомъ о правѣ на вотчину была положена рѣзкая граница. Достигнуть межеванія имѣлось въ виду путемъ чиновниковъ специально учрежденныхъ

(¹) *Побѣдоносцевъ:* Курсъ Гражданскаго права т. 1 стран. 138 изд. 2.

(²) *Стоцкій* Учебное Пособіе къ межевымъ законамъ стр. 2.

для этого и суда межеваго. Правда при производствѣ межеваго разбирательства въ случаѣ спора требовалось по инструкціи предъявленіе крѣпостей, но еще далеко было до того судебно-межеваго разбирательства, который былъ установленъ Указомъ 30 декабря 1853 г. (П. С. № 27.820), и положеннаго въ основаніе стат. 1143 3 ч. X т. и слѣдующихъ, трактующихъ о судебно-межевомъ разбирательствѣ. Въ судъ уѣздный дѣла передавались отъ посредниковъ и посредническихъ коммисіи (ст. 802 и 1145) для судебно межеваго разбирательства, если не состоится полюбовнаго соглашенія. Но и здѣсь въ уѣздномъ судѣ дѣла производились на тѣхъ же началахъ, которыя положены были въ производство о размежеваніи. Здѣсь не смѣшиваютъ размежеванія съ правомъ на вотчину. Это положеніе прямого высказано въ ст. 1152 въ который сказано: „При разсмотрѣніи представленныхъ отъ владѣльцевъ крѣпостей и документовъ, уѣздные суды ограничиваются однимъ только разборомъ и разрѣшеніемъ предъявленныхъ ими при специальномъ межаваніи взаимныхъ требованій и споровъ и опредѣленіямъ собственно права и степени участія каждаго изъ нихъ въ общей дачѣ. Что же касается споровъ между владѣльцами размежевываемой общей дачи, или съ сторонними лицами, вотчинномъ или *наслѣдственномъ правѣ, то таковые споры*, не останавливая не въ какомъ случаѣ размежеванія общей дачи, разрѣшаются отъ онаго отдѣльно тѣмъ же уѣзднымъ судомъ, на основаніи общихъ гражданскихъ узаконеніи". По правиламъ 16 января 1868 г. хотя, отчасти, характеръ порядка производства судебно межевыхъ дѣлъ и измѣненъ, но все же и въ этомъ производствѣ нельзя не усмотрѣть, что здѣсь окружный судъ дѣйствуетъ на основаніи тѣхъ же правилъ, что и уѣздный судъ. Кромѣ того въ дѣлахъ этого рода нельзя не замѣтить отступленія отъ основныхъ началъ процесса, выраженнаго въ Устав. Гражд. Суда. Такъ во 1-хъ дѣла, подлежащіе судебно-межевому разбирательству, передаются въ суды изъ посредническихъ коммисій помимо участія сторонъ, что дѣлается вопреки 3 ст. Устав. Гражд. Суд. а также п. 8 примѣч. къ ст. 751 ч. 3 т. X по продолж. 1869 г., и во 2-хъ самое производство дѣла и рѣшеніе его составляется при отсутствіи тѣхъ началъ процесса, которые составляютъ принадлежность нормаль-

наго процесса, гдѣ отыскивается извѣстнаго рода право, но все это производство имѣетъ скорѣе характеръ *судебно исполнительнаго расчетнаго производства*, совершающагося въ силу 896 и слѣд. статей Устав. Гражд. Суд. Это въ связи съ общимъ характеромъ законодательства о межеваніи не можетъ непривести, по мнѣнію оппонента, къ тому что желательно было бы пизвести судебно межевое разбирательство изъ того положенія, на которое оно было поставлено законами 3 ч. X т., и въ особенности правила 16 января 1868 г. гдѣ при всей подкладкѣ прежняго характера производства, выраженнаго въ ст. 3 ч. X т., придано однако этимъ дѣламъ значеніе дѣлъ исковыхъ, такъ какъ для начала въ Судѣ судебно межеваго дѣла слѣдуетъ подать исковое прошеніе, тогда какъ для начала разверстаній собственно по участкамъ, согласно 7 пункта нужно подать не исковое, а частное прошеніе, какъ это разъяснено Кассац. Департ. Сената въ № 980 за 1875 г. Въ подтвержденіе того, что такой взглядъ на судебно-межевое разбирательство не есть одна лишь абстракція г. Шимановскій указалъ на рѣшеніе Казанской Судебной Палаты по дѣлу здѣшняго Суда № $\frac{729}{\text{Ст. } 2}$ по иску *Котовщиковой* гдѣ Казанская Судебная Палата, разъясняя порядокъ судебно-межеваго производства и приводя статьи 1150. 1152 и 1154 ст. говоритъ: „Смыслъ этихъ узаконеній несомнѣнно убѣждаетъ въ томъ, что подъ опредѣленіемъ правъ владѣльцевъ въ судебно-межевомъ порядкѣ законъ разумѣетъ не разрѣшеніе спора о принадлежности тому или другому владѣльцу извѣстнаго количества земли, *но количественное установленіе степени участія въ дачѣ по правамъ безспорно опредѣляемымъ представленнымъ отъ владѣльцевъ доказательствами, въ зависимости отъ пропорціональнаго отношенія этихъ правъ къ наличному количеству земли, заключающейся въ генерально обмежеванной дачѣ*. Такимъ образомъ право владѣльца, выраженное въ крѣпостяхъ въ 100 десятинъ можетъ опредѣлится по судебно-межевому рѣшенію въ большей или меньшей величинѣ, т. е. можетъ опредѣлятся и въ 20 и въ 120 десят. . . . .“ Болѣе яснаго и точнаго опредѣленія понятія судебно-межеваго порядка, согласнаго вполнѣ съ историческими началами права, едвали, по мнѣнію оппонента, возможно сдѣлать. Въ виду этого онъ и не считаетъ возможнымъ соглашатся съ

проэктируемымъ г. Референтомъ искомъ о правѣ на выдѣлъ, который вполнѣ, по его мнѣнію, не имѣетъ за себя основаній въ нашемъ законодательствѣ.

Переходя за симъ къ первымъ тезисамъ реферата г. Шимановскій, указывая на то, что между постановленіемъ о судебномъ раздѣлѣ сонаслѣдниковъ, о которомъ говорится въ стат. 1409—1423 Уст. Гражд. Судопр. есть аналогія съ судебно-межевымъ опредѣленіемъ Суда о причитающейся части земли для каждаго изъ соучастниковъ, и что опредѣленіе самыхъ границъ и нарѣзка есть дѣло дальнѣйшаго производства, начинающагося въ силу 7 п. Правилъ 16 января 1868 г.,—высказалъ положеніе, что опредѣленіе границъ не есть принадлежность раздѣльнаго акта, а равно и постановленія Суда о судебномъ раздѣлѣ, состоявшагося въ силу 1409 и другихъ статей Устав. Гражд. Суд., подобно тому какъ это не составлять предмета постановленія въ силу 1—6 пун. правилъ 16 января 1868 г. Въ подтвержденіе этого своего положенія г. Шимановскій сослался на 1323 статью и допол. къ ней ч. 1. т. X.

Г. *Рейнгардтъ* возражая, указалъ на неправильное толкованіе г. Шимановскимъ статей 902 и 1145 ч. 3 т. X и, заявляя, что примѣч. къ ст. 778 ч. 3 т. X имѣетъ исключительный характеръ, настаивалъ на томъ взглядѣ, что въ кругъ вѣдомства Посреднической Коммисіи не входитъ совершеніе постановленій о признаніи дѣла подлежащаго судебно-межевому разбирательству. Что же касается взгляда г. Шимановскаго на раздѣлъ, то онъ заявилъ, что если не опредѣлить въ раздѣльномъ актѣ границъ владѣнія, то не будетъ совершенъ раздѣлъ объективно.

Въ виду поздняго времени Предсѣдатель закрылъ засѣданіе, объявивъ пренія не оконченными.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ
КАЗАНСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

14-го Декабря 1879 года.

Въ засѣданіи присутствовало 27 членовъ и 4 постороннихъ лица.

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествующаго засѣданія произведена была боллотировка лицъ предложенныхъ въ дѣйствительные члены и согласно § 6 Устава Общества избраны: Владиміръ Владиміровичъ *Де-Бособръ* и Алексѣй Алексѣевичъ *Клоповъ*.

Предложены въ дѣйствительные члены Общества гг. членами Общества.

1. *М. В. Шимановскимъ*,—Владиміръ Ивановичъ *Орловъ* дѣйствительный студентъ Московскаго Университета помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

2. *А. Н. Квасниковымъ*:

а) Леонидъ Владиміровичъ *Бекетовъ*, кандидатъ на судебныя должности при Казанской Судебной Палатѣ;

б) Константинъ Павловичъ *Соловьевъ* помощникъ секретаря Казанской Судебной Палаты.

3) *М. А. Сципіономъ*:

а) Александръ Людвиговичъ *Розенштейнъ* участковый мировой судья Цивильско-Ядринскаго округа;

б) Андрей Карловичъ *Шмидтъ* помощникъ присяжнаго повѣреннаго;

в) Владиміръ Ростиславовичъ *Самарцевъ* секретарь при прокурорѣ суда.

г) Александръ Михайловичъ *Ястребскій* судебный слѣдователь Казанскаго Окружнаго Суда.

4. *М. I. Мерингомъ*—Казанскій нотаріусъ Павелъ Михайловичъ *Ханыковъ*.

5) *А. Н. Рядчиковымъ*—Николай Александровичъ *Розеншильдъ Фонъ-Паулинъ*, кандидатъ на судебныя должности при прокурорѣ Казанской Судебной Палаты. *Постановлено*: баллотировать предложенныхъ лицъ въ слѣдующемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества.

Затѣмъ были заслушены:

I. Заявленіе дѣйствительнаго члена Императорскаго Россійского географическаго Общества и корреспондента Общества археологіи, исторіи и этнографіи при казанскомъ Университетѣ *Николая Николаевича Вакуловскаго* о желаніи его быть членомъ сотрудникомъ Юридического Общества. *Постановлено*: принять г. Вакуловскаго въ члены сотрудники Юридическаго Общества о чемъ его и увѣдомить.

II. Отношеніе г. Предсѣдателя Высочайше учрежденной коммисіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, отъ 30 ноября 1879 года за № 2274, въ которомъ онъ увѣдомляетъ Общество на отношеніи, его, отъ 14 октября за № 193, что Сборникъ извлеченій изъ кассаціонныхъ рѣшеній еще не изданъ и будетъ препровожденъ Обществу немедленно по выходѣ его изъ печати, вмѣстѣ съ другими матеріалами, которые Общество просило коммисію выслать. *Постановлено*: принять означенное отношеніе къ свѣдѣнію.

III. Отношеніе г. Казанскаго городскаго головы, отъ 12-го декабря 1879 года за № 6454, въ которомъ г. городской голова во исполненіе постановленія Казанской городской думы, проситъ Юридическое Общество разрѣшить вопросъ: *правильное ли правленіе банка допускаетъ къ учету такія векселя, которые будучи выданы отъ Торговыхъ фирмъ, подписываются не именами довѣренныхъ этихъ фирмъ, а обозначеніемъ на векселяхъ только фирмы торговаго дома? Постановлено:* передать означенный вопросъ для разработки, въ учрежденную при Обществѣ, коммисію разсматривающую Вексельный Уставъ.

IV. Заявленіе Секретаря Общества, что членъ Общества *И. И. Степановъ* желаетъ внести въ одно изъ ближнихъ засѣданіи Общества рефератъ *„О присвоеніи недвижимаго имущества“* (по поводу 1680 ст. Улож. о наказ.). *Постановлено:* рефератъ г. Степанова поставить на очередь.

V. Заявленіе члена Общества *М. В. Шимановскаго*, что онъ изготовилъ уже свой рефератъ „*О желѣзнодорожномъ дѣлѣ въ Россіи*" (по поводу трудовъ желѣзнодорожной коммисіи). *Постановлено:* заявленіе г. Шимановскаго занести въ протоколъ и имѣть въ виду его рефератъ на очереди.

Затѣмъ приступлено было къ преніямъ по реферату *Н. В. Рейнгардта* „*О порядкѣ совершенія выдѣла соучастника изъ общаго имущества*".

Въ преніяхъ принимали участіи: *Н. В. Рейнгардтъ, М. В. Шимановскій, С. М. Шпилевскій, М. Л. Диллонъ, И. И. Степановъ О. С. Викторовъ.*

Н. В. Рейнгардтъ объяснилъ, что г. Шимановскій, возражая и проводя различіе между раздѣломъ и размежеваніемъ, тѣмъ самымъ поддерживаетъ ту идею, которую онъ проводилъ гораздо ранѣе, а именно въ своей статьѣ „*О раздѣльныхъ актовъ*" напечатанной въ 1871 году. Давъ точное, философско-юридическое опредѣленіе раздѣлу, какъ объектированію правъ каждаго соучастника общаго владѣнія, г. Шимановскій нѣсколькими строками ниже совершенно испортилъ это опредѣленіе, желая отдѣлить понятіе раздѣла отъ размежеванія. Сущность размежеванія,—по мнѣнію референта,—заключается въ опредѣленіи въ натурѣ величины площади и границъ, а потому оно должно составлять существенную часть раздѣла; безъ этаго раздѣлъ, за который стоитъ г. Шимановскій, будетъ раздѣлъ только арифметическій, а не юридическій, ибо хотя при этомъ будетъ опредѣлена величина объекта, но гдѣ спрашивается этотъ объектъ находится, въ какихъ границахъ, все это останется не извѣстнымъ, слѣдовательно объектированія правъ не будетъ. Раздѣлъ имѣетъ цѣлью прекратить общее владѣніе; но при опредѣленіи одной только величины жеребья, безъ опредѣленія границъ и мѣста общее владѣніе не прекратится, а слѣдовательно и раздѣла не будетъ. Различіе между раздѣломъ и размежеваніемъ проводится не однимъ только г. Шимановскимъ оно проводилось и нашей практической, что имѣло послѣдствіемъ не опредѣленность, запутанность и приводило очень часто къ совершенно не вѣрнымъ выводамъ въ доказательство чего Референтъ согласился на рѣшеніе прежняго Сената № 322, Сборн. т. П.

Затѣмъ обращаясь къ возраженію по главному вопросу относительно порядка совершенія выдѣла изъ общаго владѣ-

нія при несогласіи другихъ соучастниковъ г. Рейнгардтъ счелъ не обходимымъ привести краткій историческій очеркъ межеванія въ Россіи въ связи съ развитіемъ права собственности, при чемъ указалъ что цѣль генеральнаго межеванія, по инструкціи Екатерины II была опредѣлить на всегда границы окружныхъ владѣній, межевать не къ лицамъ а къ селамъ, при чемъ межевщикамъ запрещалось входить въ провѣрку правъ владѣльцевъ. Но изъ этаго послѣдняго вовсе не слѣдуетъ, замѣтилъ Референтъ, какъ полагаетъ г. Шимановскій, чтобы при генеральномъ межеваніи не было судебно-межеваго разбирательства, и что оно явилось только со времени указа о спеціальномъ размежеваніи. Судебно-межевое разбирательство и тогда существовало но только оно не принадлежало межевщикамъ, а особымъ, учрежденіямъ которыя разрѣшали споры встрѣчавшіеся при межеваніи. За тѣмъ когда значительная часть Россіи была уже генерально обмежевана, когда были опредѣлены величины и границы генерально обмежеванныхъ дачъ, тогда и было приступлено къ спеціальному размежеванію т. е. къ опредѣленію величины и границъ участковъ, принадлежащихъ каждому владѣльцу съ цѣлью объектировать право каждаго. Какъ генеральное, такъ и спеціальное межеваніе есть межеваніе государственное, казенное имѣющее цѣлью прекратить не опредѣленное состояніе въ правѣ собственности, какъ послѣдствіе исторической неурядицы. Вотъ для этаго то спеціальнаго размежеванія учреждены были посредническія коммисіи и посредники полюбовнаго размежеванія, которые по мѣрѣ окончанія дѣйствій по означенному межеванію сокращались и даже уничтожались. Слѣдовательно дѣло о раздѣлѣ земель спеціально размежеванныхъ, когда нѣтъ между соучастниками согласія раздѣлится, не можетъ подлежать вѣдѣнію посредниковъ и посредническихъ коммисій. Посредники это хорошо знаютъ и не принимаютъ къ своему вѣдѣнію подобныхъ дѣлъ, что могутъ подтвердить всѣ лица, имѣвшія отношенія къ посредникамъ, которые всегда давали просителямъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „*не наше дѣло*". Ссылаясь въ рефератѣ на 127 и 128 ст. проэкта коммисіи (V части матер. о преобр. меж. части) референтъ не придавалъ имъ обязательной силы закона, а смотрѣлъ на нихъ, какъ на подтвержденіе своего мнѣнія къ которому онъ пришолъ; находя что эти статьи

проэкта составляютъ источникъ, изъ котораго возникъ 1 п. Высоч. Утв. мнѣнія Госуд. Совѣта 16 января 1868 года. Далѣе г. Референтъ заявилъ что онъ готовъ отказаться отъ высказаннаго имъ мнѣнія въ рефератѣ, а также въ 8 и 9 п. положеній, если ему будетъ доказано что по дѣламъ о которыхъ говоритъ примѣч. къ 552 ст. I ч. X т. нѣтъ надобности требовать примѣненія 1 п. правилъ 16 января 1868 г. Но такъ какъ содержаніе 1 прим. къ 552 ст. ч. I т. X въ связи съ 1 пун. 1143 ст. Ш ч. X т. приводятъ къ положительному убѣжденію, что дѣла о раздѣдахъ земель должны производится судебно-межевымъ порядкомъ, то безусловно отвергнуть въ этомъ случаѣ означенный пунктъ правилъ 16 января 1868 г. вполнѣ трудно и даже не возможно.

М. В. Шимановскій.—Повторять сказаннаго я не буду. Все недоразумѣніе между мной и г. Референтомъ происходитъ отъ той, самой причины, которая возбуждала недоразумѣнія и неурядицы въ нашей судебной практикѣ, какъ это совершенно правильно замѣтила и коммисія, работавшая надъ созданіемъ правилъ о преобразованіи межевой части въ Россіи. Дѣло въ томъ, что наше межевое законодательство, нынѣ существующее, не создалось въ другъ цѣлью, но оно образовывалось путемъ послѣдовательнаго наслоенія. Положенная въ основу нашего межеванія инструкція Екатерины II имѣла въ виду, не исключительно генеральное межеваніе, въ собственномъ смыслѣ этаго слова,—но предполагала конечную цѣль всякаго межеванія, опредѣленіе границами частной поземельной собственности (казны, общества и частныхъ лицъ и т. п.). По недостатку межевыхъ средствъ и по характеру тогдашняго землевладѣнія приступить къ достиженію этой цѣли, непосредственными путями, было не удобно. По этому и учрежденъ былъ сначала переходящей видъ межеваніе *генеральное*. На ряду съ этимъ можеваніемъ допущены *полюбовные разводы внутри генеральныхъ дачъ*. Затѣмъ правительство расширило кругъ межеванія учредивъ въ 1806 году особый видъ спеціальнаго межеванія чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ. Когда же было генерально обмежевано до 30 губерній, то въ 1836 и 1839 гг. открыто *общее* спеціальное межеваніе чрезъ *посредниковъ и посредническія коммисіи*. Наконецъ 30 декабря 1853 года были изданы правила *судебно-межеваго разбирательства*. Для каждаго изъ этихъ видовъ межеванія издавались особыя пра-

вила, имѣющія специальное значеніе. И всѣ означенные виды межеванія сохраняютъ и по нынѣ свою силу, получивъ мѣсто въ 3 ч. X т. При разрѣшеніи дѣлъ одни суды ссылались на статьи одного производства, а другіе на статьи другаго производства, а отсюда, само собой понятно, и происходила та путаница и замѣшательство, которыми вообще отличались наши межевыя дѣла.—Въ этомъ обстоятельствѣ я и вижу основу моего разнорѣчія съ г. Референтомъ. Я указываю на статьи судебно-межеваго производства, а онъ строитъ свои положенія о томъ же на другихъ статьяхъ закона. Я не буду приводить вновь статей, опредѣляющихъ родъ дѣятельности и значенія посредническихъ коммисій въ судебно-межевомъ производствѣ, но скажу лишь, что подтвержденіе того взгляда, который я приводилъ въ отношеніи значенія посредническихъ коммисій прошлый разъ, я нашелъ и въ *Матеріалахъ* коммисіи по преобразованію межевой части въ Россіи. Такъ напримѣръ въ ч. IV на стр. 42 и 43 и ч. II. на стр. 50 и 51 Матеріаловъ посреднической коммисіи придано значеніе второй инстанціи по всѣмъ дѣламъ посредниковъ; тоже самое говоритъ и г. *Стоцкій* въ соч. „*Учебное пособіе къ Межевымъ Законамъ*" на стр. 16. Наконецъ укажу и на законъ 16 января 1868 г. (составляющій примѣч. по продолж. 1869 г. къ ст. 751 ч. 3 т. X) гдѣ въ 7 сказано: „При несостоявшихся полюбовныхъ соглашеніяхъ на размежеваніе земель между владѣльцами, указанное статьею 324 и прим. къ ст. 778 обревизованіе дѣлъ спеціальнаго размежеванія, подлежащихъ судебно-межевому разбирательству, производится Посредническими Коммисіями, или, гдѣ такихъ нѣтъ, Губернскими Правленіями, безъ участія лицъ судебнаго вѣдомства"; а въ п. 8 того же примѣчанія говорится: „Обревизованныя, на основаніи предъидущаго (7) пункта, дѣла отсылаются въ Окружные Суды не прежде, какъ по предъявленіи, установленннаго статьею 452 Уст. Гражд. Суд., свидѣтельства". Мнѣ кажется, что послѣ всего сказаннаго въ прошломъ засѣданіи и подкрѣпленнаго нынѣ, нѣтъ сомнѣнія о значеніи Посредническихъ Коммисіи вообще и въ частности, что постановленія ихъ о признаніи дѣла подлежащаго судебно-межевому разбирательству, относятся не только до тѣхъ дѣлъ, о которыхъ говорится въ примѣч. къ 778 ст. 3 ч X. т., но ко всякаго рода дѣламъ, гдѣ не состоится полюбовнаго соглашенія. Но что бы окон-

чательно устранить тотъ взглядъ, который придаетъ Референтъ примѣненію 778 ст. 3 ч. X т., я считаю нужнымъ остановить болѣе подробное вниманіе гг. Членовъ на статьѣ 778 и примѣч. къ ней. Прежде всего посмотримъ, что вызвало узаконеніе, изложенное въ примѣч. 778 ст. 3 ч. X т.?— На этотъ вопросъ Матеріалѣ коммисіи даютъ намъ точныя и положительныя указанія. Вотъ что въ ч. I Матеріаловъ на стр. 67 сказано: „Къ 1850 году посредники, за недостиженіемъ *полюбовныхъ соглашеній*, сдали свои производства въ архивы уѣздныхъ судовъ по весьма многимъ дачамъ. Это обстоятельство заставило позаботиться *о понудительныхъ мѣрахъ относительно тѣхъ землевладѣльцевъ, которые уклонялись отъ всякихъ полюбовныхъ сдѣлокъ съ сосѣдями.* При генеральномъ межеваніи судъ гарантировалъ непремѣнное окончаніе споровъ; теперь при полюбовныхъ спеціальныхъ раздѣлахъ, судъ также сдѣлался необходимъ. Но какъ межеваніе по суду, въ видѣ понудительной мѣры, во первыхъ, предполагало рѣшительный отказъ землевладѣльцевъ составить съ общаго согласія полюбовную сказку, а во вторыхъ, требовало оффиціальнаго удостовѣренія въ томъ, что со стороны посредника дѣйствительно были истощены всѣ предписанныя закономъ средства къ убѣжденію владѣльцевъ на полюбовный разводъ земель, то отсюда явилась необходимость установленія для посредническихъ коммиссій опредѣленный порядкъ, на предметъ строгаго разсмотрѣнія дѣйствій посредниковъ по всѣмъ дачахъ, которыя подлежали бы судебному размежеванію. Вслѣдствіе этаго повелѣно посредникамъ: а) немедленно вытребовать изъ архивовъ уѣздныхъ судовъ дѣла, переданныя туда за недостиженіемъ полюбовныхъ соглашеній; б) по всѣмъ такимъ дѣламъ вновь вызвать соучастниковъ и еще разъ предложить имъ раздѣлиться полюбовно; в) при несогласіи на полюбовный раздѣлъ или на общее владѣніе, представлять подобнаго рода дѣла въ посредническія коммисіи, съ отчетомъ о своихъ дѣйстіяхъ; г) коммисіямъ ревизовать эти дѣла и, въ случаѣ отступленій отъ установленнаго порядка, возвращать ихъ къ посредникамъ, для исправленія, а въ противномъ случаѣ препровождать въ уѣздные суды, для судебно-межеваго разбирательства подвергая при томъ владѣльцевъ, явно уклонявшихся отъ подачи требуемыхъ закономъ сказокъ, взысканію денежнаго штрафа, отъ 25 до 50 рублей; д) для обревизованія

дѣлъ этаго рода, приглашать въ присутствіе коммисіи товарища предсѣдателя гражданской палаты, а по дѣламъ, въ которыхъ учавствуютъ государственные или удѣльные крестьяне,—совѣтника палаты государственыхъ имуществъ или управляющаго удѣльною конторою; и е) всѣ такія постановленія приводить въ исполненіе по просмотрѣ ихъ губернскимъ прокуроромъ и съ утвержяенія начальника губерніи ([1])". Эти историческія факты вызвавшіе изданіе именнаго указа даннаго Сенату 12 іюля 1850 года ([2]) „*О правилахъ по которымъ должно быть продолжаемо дѣйствіе полюбовнаго размежеванія земель*" и послужили основаніемъ *примѣчанія* къ статьѣ 778 3 ч. X т. изд. 1857 г.

Статья 778 и ея примѣчаніе стоитъ въ главѣ II „*О спеціальномъ межеваніи чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ*". Статья 803, гдѣ сдѣлана сссылка на это же *примѣчаніе*, находится въ той же рубрикѣ; равно въ этомъ же отдѣлѣ стоитъ и статья 751 съ своимъ примѣчаніемъ, по продолженію 1869 года, гдѣ въп. 7 сдѣлана ссылка на примѣчаніе къ статьѣ 778. Статья же 324, въ которой также сдѣлано указаніе на примѣчанія къ статьѣ 778 и на которую сдѣлана ссылка и въ 8 пун. примѣч. къ статьѣ 751 ч. 3 т. X, по продолж. 1869 г.,—помѣщана въ главѣ III въ отдѣлѣ „*О составѣ и значеніи посредническихъ коммисіи*".

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ я прихожу къ тому окончательному выводу, что примѣчаніе къ 778 ст. вначалѣ, имѣвшее по видимому, спеціальный характеръ, въ отношеніи дѣлъ архивныхъ, было однако помѣщено въ ряду правилъ „*на которыхъ должны быть продолжены дѣйстія полюбовнаго размеженія земель*",—а въ законѣ получило мѣсто въ отдѣлѣ „*о спеціальномъ межеваніи чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ, а также и чрезъ посредниковъ и посредническія коммисіи*", что еще болѣ закрѣплено 8 п. примѣч. къ статьѣ 751 ч. 3 т. X по продолж. 1869 г. Въ силу этихъ соображеній я и не могу согласится со взглядомъ г. Референта на примѣч. къ 778 ст. ч. X т.

Не останавливаясь болѣе на этомъ законѣ, я перейду къ разсмотрѣнію вопроса, служащаго основаніемъ реферата, а именно: *какимъ образомъ выдѣлиться соучастнику изъ*

([1]) Матеріалы ч. I. стр. 67—68.

([2]) Полное Собраніе Законовъ № 24326.

общаго имущества при отсутствіи согласія на то другихъ соучастниковъ?

Вопросъ о томъ: какимъ порядкомъ долженъ быть произведенъ выдѣлъ изъ общаго имущества, на основаніи ли законовъ *о раздѣлѣ наслѣдства*, или же по законамъ *межевымъ* т. е. по правиламъ генеральнаго или коштоваго, или спеціальнаго межеванія, подымался неоднократно и литературой и судебной практикой. Очень подробно и именно въ такой формѣ вопросъ этотъ обсуждался въ дѣлѣ *Коллежскаго Регистратора Назарбегова и княгини Баратовой и князей Багратіонъ-Мухронскихъ о раздѣлѣ имѣнія* (Сборн. Сената т. I № 479 годъ 1854), Обстановка, при которой разрѣшено было это дѣло крайне любопытна. Совѣтъ главнаго управленія закавказскимъ краемъ, принимая во вниманіе, что большая часть имѣній находится въ общемъ владѣніи, *полагалъ*, что раздѣлы имѣній *сего рода* на основиніи 1079 ст. т. X. закон. гражд. изданія 1842 г. должны производиться *межевымъ порядкомъ*. Но Общее Собраніе нашло нужнымъ для разрѣшенія вопроса, постановленнаго въ этомъ дѣлѣ потребовало свѣдѣнія о способѣ рѣшеній этихъ дѣлъ. Въ затребованныхъ, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, примѣрныхъ рѣшеній Тифлиской Палаты и 4-го Департамента Правительствующаго Сената по сему предмету за десять лѣтъ оказалось: „что раздѣлъ *имѣній общаго владѣнія производился* въ закавказскомъ краѣ по правиламъ, *установленнымъ для раздѣла наслѣдства вообще*. Обращаясь за симъ къ даннымъ дѣла *Назарбегова* Общее Собраніе Сената, указывая на существующіе указы, положенные въ основу законовъ межеванія и объясняя смыслъ и значеніе судебно-межеваго производства, а также, находя что къ настоящему дѣлу не примѣнимы законы о межеваніи, и признавая, что предположенія Совѣта главнаго управленія о производствѣ въ закавказскомъ краѣ подобныхъ дѣлъ *межевымъ порядкомъ неподтвердилось*, истребованными по Высочайшему повелѣнію свѣдѣніями, а на противъ того оказывается несогласнымъ и съ тамошнею судебною практикою,— Общее Собраніе Правительсвующаго Сената *признало*: что настоящее дѣло о выдѣлѣ коллежскаго регистратора Назарбегова изъ общаго владѣнія, должно производится *не по правиламъ межевыхъ законовъ, а по постановленіемъ о раздѣлѣ имѣній, а потому полагало*: опредѣленіе 4 Департа-

мента Правительствующаго Сената 15 мая 1850 года по означенному дѣлу послѣдовавшее оставить въ своей силѣ".

Я остановилъ вниманіе гг. Членовъ Общества на этомъ рѣшеніи, такъ какъ въ немъ выразился взглядъ нашей старой практики, который осуществлялся и въ рѣшеніяхъ нѣкоторыхъ новыхъ судебныхъ установленіяхъ. Такъ продолжалось до 1871 г. т. е. того времени когда состоялось рѣшеніе касаціоннаго Департамента Сената (№ 432), которое высказало котегорическое положенія, что правила *судебнаго раздѣла* установлены лишь для сонаслѣдниковъ, а не для соучастниковъ. Рѣшеніе это, какъ затрогивающее вопросъ большей важности неосталось безслѣднымъ. *Г. Градъ* (въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1873 г. декабря стр. 32) посвятить этому рѣшенію статью „*О правѣ соучастниковъ на раздѣлъ общаго имѣнія*", гдѣ разбирая его по пунктамъ доказалъ всю его полноту и недостаточность. Но какъ бы то ни было, какой неполнотой не отличалось бы рѣшеніе кассац. Департ. Сената 1871 г. № 432, нельзя однако не признать что правила „*о судебномъ раздѣлѣ*", установленныя въ ст. 1409—1423 ст. Уст. Гражд. Судопр. дѣйствительно опредѣляютъ правила раздѣла сонаслѣдниковъ, а не соучастниковъ общаго имущества. Такимъ образомъ та практика, которой держались прежнія судебныя учрежденія является въ настоящее время не пригодною.

Обращаясь къ способу разрѣшенія этаго вопроса согласно предложенію г. Референта, я небуду остонавливатся вновь на тѣхъ соображеніяхъ, по этому вопросу, которыя я сдѣлалъ въ сѣданіи 25 ноября, но разберу то основаніе, которое привело г. Референта убѣжденію, что работы коммисіи, по преобразованію межевой части въ Россіи, послужили основаніемъ къ созданію правилъ 16 января 1868 г. и отсюда какъ къ выводу о возможности разрѣшить, предложенный имъ вопросъ, путемъ примѣненія §§ 127 и 128 правилъ проэкта.

Спрашивается возможно ли настоящій порядокъ, нынѣ существующій строить на проэктѣ, имѣющемъ еще получить когда то, еще не извѣстно, когда именно, свое бытіе,—а съ другой стороны спрашиванія на нѣсколько правила проэкта коммисіи дѣйствительно разутныя? Безспорны ли тѣ положенія, которыя въ нихъ выражены? Проэктъ коммисіи такъ составленъ, что даетъ большой просторъ для критики и анализа. Для того чтобы критически отнестись

къ правиламъ §§ 127 л. 128 ст. проэкта, необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ общихъ положеніяхъ, которыя легли въ основу этаго проэкта. Начала положенныя въ основу проэкта главнымъ образомъ тѣже, которыя были и прежде въ нашемъ законѣ, какъ это и выражено въ мотивахъ къ статьѣ 45 (ч. V Матер. стр. 129), при чемъ редакторы заявлячто они не намѣрены при созданіи проэкта „все старое ломать, но лишь измѣнить старое, согласно потребностямъ новаго строя жизни". Проэктъ знатъ *межеваніе, обмежеваніе и размежеваніе. Утвержденія межъ* производится только для ограниченія одной поземельной собственности отъ другой (ст. 49). Утвержденіе межъ производится согласно: а) полюбовной сказки, б) полюбовнаго (безспорнаго) отвода, в) судебнаго рѣшенія г) указа сената и д) гражданскихъ актовъ (купчая крѣпость, дарственная запись, духовное завѣщаніе, раздѣльный актъ, выкупная сдѣлка и проч.) (ст. 50). *Обмежеваніе* земель производится: а) по полюбовной сказкѣ, б) по безспорному отводу границъ и в) по судебному рѣшенію (ст. 112). *Размежеваніе* земли на участки всегда предшествуетъ обмежеванію ея окружными межами (ст. 124). *Размежеваніе* земель производится: а) по полюбовной сказскѣ, б) по судебному рѣшенію и б) по гражданскому акту (ст. 125) *Судебное размежеваніе* можетъ возникнуть въ силу обязательнаго развода, подъ которымъ разумѣется вымежеваніе земель одного или нѣсколькихъ владѣльцевъ изъ пространствъ общаго или чрезполоснаго владѣнія, въ томъ случаѣ, когда остальные владѣльцы тѣхъ пространствъ или вовсе не желаютъ размежеванія, или недостигли при ономъ полюбовныхъ соглашеній (стран. 27 ч. V Матеріаловъ) Основныя положенія этаго производства *Судебнаго размежеванія* изложены на страницѣ 29 и 30 ч. V Матеріаловъ, а въ проэктѣ они выражены начиная со статьи 127—142. Я не буду приводить ни основныхъ положеній этаго порядка производства, ни статей проэкта, но скажу лишь словами редакторовъ, что приведенный порядокъ въ основныхъ положеніяхъ производства обязательныхъ разводовъ, посредствомъ судебныхъ установленій, при содѣйствіи межеваго управленія, основанъ на началахъ *строгаго отдѣленія судебной власти отъ административной* (приложеніе на страницы 30 ч. V). Но подобное положеніе, по моему не выдерживаетъ критики, такъ какъ ни основныя положенія, ни проэктъ не проводятъ этаго

раздѣленія, а напротивъ смѣшиваютъ двѣ эти власти и ставятъ судъ вполнѣ не самостоятельно и даже въ зависимость отъ межевыхъ установленій.—Вопросъ о томъ, должно ли составлять все то, что проэктируетъ Коммисія предметъ вѣдомства Суда, еще вопросъ спорный. Въ Коммисіи даже высказывались голоса, что въ дѣлѣ вымежеванія нѣтъ ничего того, что составило бы предметъ вѣдомства суда. Подобные вопросы также въ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы рѣшаются не судебными, но административными учрежденіями (Матеріалы ч. III стр. 35). Подъ вліяніемъ такого взгляда *на обязательное вымежеваніе*, которое должно производится, при наличности заранѣе установленныхъ и опредѣленныхъ обстоятельствъ, въ Коммисіи и былъ составленъ особый проэктъ о разсмотрѣніи этихъ дѣлъ *не судебнымъ*, а *административнымъ* порядкомъ (примѣч. матер. ч. V стр. 32 и 33). Вслѣдствіе этого, въ окончательномъ выводѣ по поводу обязательнаго размежеванія и было высказано: „При разнородности взглядовъ на существо *обязательнаго межеванія* и на способы его производства, помѣщаемые ниже сего проэкты о преобразованіи межевой части вообще, не касаются настоящаго вопроса въ собственномъ его значеніи, ограничиваясь указаніями на обязанность *межевыхъ учрежденій содѣйствовать судебнымъ* установленіямъ въ производствѣ и рѣшеніи всѣхъ вообще межевыхъ дѣлъ, въ томъ числѣ и по обязательнымъ разводамъ. *Съ разрѣшеніемъ же вопроса куда слѣдуетъ отнести производство этихъ дѣлъ*, означенный пробѣлъ можетъ быть пополненъ изъ содержанія приводимыхъ здѣсь соображеній, или на основаніи какихъ либо новыхъ указаній, *которыя явятся слѣдствіемъ болѣе подробнаго обсужденія этаго предмета*“. (М. ч. V ст. 34 примѣч.). Изъ приведенныхъ мною соображеній Матеріаловъ коммисіи ясно, что вопросъ объ обязательномъ разводѣ вообще далеко не былъ еще окончательно выработанъ, но что это еще дѣло будущаго и тогда разрѣшится вопросъ также и о томъ принадлежатъ ли эти дѣла суду или административнымъ учрежденіямъ, т. е. вопросъ этотъ остался открытымъ, для котораго нужны, какъ заявляютъ редакторы *„болѣе подробныя обсужденія этаго вопроса“*, а отъ сюда, само собой слѣдуетъ, что правила, изложенныя въ 127 и 128 ст. проэкта, далеко не представляютъ еще собою, окончательно выработанныхъ положеній Коммиссіи, а потому и построй-

ка чего либо, на основаніи ихъ, должна отличатся той же шаткостью и не основательностью, которою отличаются и эти статьи проэкта. Прочитавъ статьи 127 и 128 проэкта, а также всѣ тѣ статьи, которые послужили къ созданію этихъ правилъ, я однако не могъ составить себѣ яснаго понятія о томъ: въ какой формѣ должно состоятся обращеніе къ Суду съ просьбой объ обязательномъ вымежеваніи. Въ ст. 127 проэкта сказано: „можетъ просить въ подлежащемъ Судѣ о выдѣлѣ . . .". Но въ судъ гражданскій, какъ извѣстно, можно обращатся въ порядкѣ исковомъ и въ порядкѣ охранительномъ. Выраженіе *„могутъ просить"* удержано въ нашихъ Уставахъ Гражданскаго Судопроизводства и для дѣлъ охранительныхъ; такъ напримѣръ въ ст. 1404 и 1438 и въ особенности въ ст. 1451 Уст. Гр. Суд.. Г. Референтъ заявляетъ что *обращеніе* къ Суду, о которомъ говорится въ ст. 127 проэкта, должно быть въ формѣ *иска* и что это искъ о правѣ на выдѣлъ. Противъ этаго то положенія я и ратую и направляю всѣ свои возраженія. Я повторяю что не вижу ни какого основанія въ искѣ на выдѣлъ, а тѣ мотивы, въ силу которыхъ редакторы проэкта объясняютъ необходимость обращенія къ Суду за признаніемъ права на выдѣлъ и, которыя раздѣляетъ г. Референтъ, я нахожу положительно преувеличенными. Сами редакторы заявляютъ, что законодательнымъ путемъ еще нужно будетъ установить условія, при которыхъ долженъ быть запрещенъ выдѣлъ, а слѣдовательно не будетъ ни какой трудности рѣшить вопросъ: можетъ ли быть выдѣлъ, или нѣтъ при наличности тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ и административному учрежденію. Но если даже и допустить возможность такихъ вопросовъ только для Суда, что административнымъ учрежденіямъ, такъ сказать, не по силамъ будетъ разрѣшить такой вопросъ, то спрашивается по чему же при *судебномъ раздѣлѣ наслѣдства*, который также совершается въ силу понудительнаго отвода, тамъ эти вопросы не имѣютъ мѣста. Редакторы проэкта совершенно умалчиваютъ объ этомъ и это обстоятельство даетъ мнѣ право еще съ большею увѣренностью сказать, что всѣ мотивы о необходимости иска на выдѣлъ являются преувеличенными. Суду, какъ разрѣшающему споръ борьбу между сторонами, нѣтъ мѣста въ дѣлѣ о выдѣлѣ соучастника изъ общаго имущества, если же и

можно допустить здѣсь какое либо право Суда то лишь смыслѣ *охранительномъ*, или какъ прежде называли „*судебнаго управленія*", куда наша старая практика относила дѣла межевыя и куда относила также раздѣлъ наслѣдства и раздѣлъ между соучастниками. Однимъ словомъ, я стою за то, что если ужъ создавать проэктъ выхода соучастника изъ общаго имущества, то путемъ *судебнаго раздѣла*,— по тѣмъ же правиламъ, какъ это совершается нынѣ между наслѣдниками. Основаній къ этому по моему много. Характеръ ходатайства о выдѣлѣ вполнѣ тождественъ съ характеромъ ходатайства о раздѣлѣ наслѣдства; юридическія условія правъ между соучастниками и сонаслѣдниками одни и тѣже; характеръ судебно-межевыхъ дѣлъ, согласно идеи своего возникновенія, отличается охранительнымъ началомъ и наконецъ уравненіе этихъ дѣлъ съ дѣлами о раздѣлѣ будетъ согласно и съ той судебной практикой, которая господствовала въ нашихъ старыхъ судебныхъ установленіяхъ, которыя хотя и отжили, но указанія которыхъ неоднократно служили и новой практики въ лицѣ Кассаціонаго Сената руководствомъ для разрѣшенія недоразумѣній и различнаго рода вопросовъ. Наконецъ за уравненіе этихъ дѣлъ отчасти говоритъ и статья 158 *Нотар. полож.*, въ силу которой, раздѣльные акты возможны не только между сонаслѣдниками, но и соучастниками общаго имущества.

Въ заключеніи я считаю нужнымъ сдѣлать еще одно замѣчаніе, по поводу того смѣшенія, которое допускаетъ г. Референтъ въ отношеніи понятія *раздѣльнаго акта и полюбовной сказки*, а также раздѣла съ размежеваніемъ. Говорить объ этомъ подробно не буду, а укажу лишь на статьи закона. Въ 1341—1344 ст. 1 ч. X т. говорится о содержаніи раздѣльнаго акта тогда какъ о полюбовной сказки сказано въ примѣч. къ ст. 399 ч, 3 т. X. Разница между этими узаконеніями ясна до очевидности безъ всякихъ комментарій. Что раздѣлъ и размежеваніе два совершенно различныя понятія и одно другимъ не обусловливается, то, помимо рѣшенія, приведеннаго мною по дѣлу коллежскаго регистратора *Назарбегова* (р. II № 479), а также всего того, что мною высказано въ статьѣ моей „*О раздѣльныхъ актахъ*" стр. 1 (Сборникъ Юридич. и Практич. Замѣтокъ по Гражданскому Праву и Судопроизв.), считаю нужнымъ лишь указать на рѣшеніе Сената по дѣлу

Мардвиновой (9 января 1875 г.) гдѣ Сенатъ высказалъ, что Судъ вправѣ отказать въ просьбѣ о судебно-межевомъ разбирательствѣ, если признаетъ, что общая дача не находится въ чрезполосномъ владѣніи и раздѣлена полюбовно между соучастниками на отдѣльные участки.

Резюмируя все сказанное мною, какъ въ прошлое засѣданіе такъ и въ настоящее, я дѣлаю слѣдующія положенія:

1) Посредническія Коммисіи хотя и имѣли первоначально характеръ временныхъ учрежденій, но со временемъ утратили свой первоначальный характеръ и сохраняютъ и по нынѣ свое бытіе, въ смыслѣ межевой инстанціи, тамъ гдѣ они существуютъ, а гдѣ они закрыты, ихъ обязанности исполняютъ Губернскія Правленія впредь до составленія и утвержденія окончательнаго положенія объ устройствѣ межевой части.

2) Посредническія Коммисіи или гдѣ ихъ замѣняютъ Губернскія Правленія обязаны совершать постановленія о признаніи дѣла, подлежащимъ судебно-межевому разбирательству, и этому не противорѣчитъ правило, изложенное въ *примѣчаніи* 778 ст. 3 ч. X т., такъ какъ оно изданное первоначально въ отношеніи одной категоріи дѣлъ, (истребованныхъ изъ архива) послѣдующими узаконеніями, разспространено было на всякаго рода дѣла.

3) Судебно-межевое разбирательство, нынѣ дѣйствующее, возведенное правил. 16 января 1868 г. на степень дѣлъ исковыхъ не имѣетъ себѣ въ этомъ подтвержденія ни въ исторіи образованія судебно-межеваго разбирательства, ни въ характерѣ самого производства.

4) Производство судебно-межеваго процесса, нынѣ дѣйствуемаго, отличается характеромъ исполнительныхъ производствъ и очень мало имѣетъ тѣхъ условій, при которыхъ производятся дѣла исковыя, спорныя, тяжебныя.

5) Реформа судебно-межеваго разбирательства должна стремится, если не къ исключенію этихъ дѣлъ изъ вѣдомства Суда вообще, то во всякомъ случаѣ, къ низведеніюдѣлъ судебно-межевыхъ въ область охранительнаго судопроизводства и наконецъ

6) Что выходъ соучастника изъ общаго имущесста, въ силу тождественности правъ общей собственносви при со-

участіи и сонаслѣдствѣ, долженъ производится по правиламъ судебнаго раздѣла.

С. М. Шпилевскій указалъ на то что и въ XVII столѣтіи существовалъ Судъ межевой, и объяснилъ самую форму этого судопроизводства.

М. А. Диллонъ находилъ нужнымъ при разрѣшеніи вопроса, поставленнаго г. Референтомъ, имѣть въ виду строгое разграниченіе понятій межеваго производства отъ вотчиннаго, а потому находилъ въ этомъ отношеніи замѣчанія г. Шимановскаго правильными.

И. И. Степановъ не соглашаясь съ Референтомъ въ отношеніи вопроса о необходимости предъявленія иска о выдѣлѣ, такъ какъ это было бы искомъ объ искѣ, заявилъ что по его мнѣнію ни какого постановленія о признаніи дѣла подлежащимъ судебно-межевому разбирательству не нужно, но достаточно будетъ если лицо, заявляющее требованіе о судебномъ раздѣлѣ, докажетъ, что оно употребляло всѣ старанія раздѣлиться полюбовно, но что это соглашеніе не состоялось.

О. С. Викторовъ, соглашаясь съ тѣмъ, что искъ о выдѣлѣ совершенно излишенъ, объяснилъ, что предложенный Референтомъ вопросъ, разрѣшается 2 п. 1144 ст. 3 ч. X т., въ силу котораго судебно-межевому разбирательству подлежатъ тѣ поступившія въ Уѣздные Суды за недостиженіемъ полюбовныхъ соглашеній дѣла" . . . . 2) по которымъ поступили просьбы, хотя отъ одного изъ владѣльцевъ о вымежеваніи его въ отдѣльный участокъ . . .", а потому, по его мнѣнію, ни какихъ постановленій Посредническихъ Коммисій или другихъ межевыхъ инстанцій для признанія дѣла подлежащимъ судебно-межевому разбирательству и не надо. Въ подтвержденіе того, что и практика этотъ взглядъ раздѣляетъ, г. Викторовъ сослался на рѣшеніе Казанской Судебной Палаты и Кассац. Рѣш. по дѣлу *Галкина-Враскаго*.

Такъ какъ еще нѣкоторые изъ гг. Членовъ заявили желаніе сдѣлать замѣчанія по поводу реферата и преній, происходившихъ, то продолженіе преній по реферату за позднимъ временемъ было отложено до слѣдующаго засѣданія.

Предъ закрытіемъ Собранія г. Предсѣдатель, обращая вниманіе Собранія на окончаніе года и что для разсмотрѣнія годовой отчетности Общества, согласно § 15 Уст.,

слѣдуетъ избрать Ревизіонную Коммисію,—предложить избрать Коммисію изъ трехъ Членовъ, съ тѣмъ что бы заключеніе ее было доложено слѣдующему Собранію. *Постановлено*: Избрать въ Члены Коммисіи *Я. С. Степанова, Э. П. Фальковскаго* и *А. М. Осипова* поручивъ имъ обревизировать отчетъ, составленный г. Секретаремъ Общества, который и разсмотрѣть въ *очередномъ Собраніи* 15 января, а *годичное Собраніе* Общества назначить на 30-е января.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

1880.

ГОДЪ XLVII

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1880.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

ОТДѢЛЪ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

КАЗАНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ
ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКУЮ ЭПОХУ.
I) ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА РУМОВСКАГО И САЛТЫКОВА.

(Продолженіе)(¹).

Въ концѣ 1805 года совѣтъ гимназіи, разсуждая о нуждахъ постепенно возрастающаго числа членовъ университета, замѣтилъ, что „здоровье каждаго можетъ быть подвержено разнымъ болѣзнямъ" и что университетъ „по сіе время не имѣетъ достойнаго и опытнаго между своими сочленами врача, который бы, какъ сотрудникъ, поставлялъ особенною своею обязанностію, пещися о сохраненіи здоровья и всевозможномъ вспомоществованіи въ приключающихся университета членамъ болѣзняхъ, а особливо, что опытомъ уже дознано, что климатъ Казани подвергаетъ въ извѣстныя времена жителей труднымъ, тяжкимъ и продолжительнымъ хроническимъ болѣзнямъ, содѣлывающимся опасными отъ опущенія въ надлежащее время потребныхъ мѣръ, и что находящіеся въ Казани врачи, каждый обязанъ будучи собственною своею должностью, не могутъ себѣ вмѣнять въ обязанность врачевать членовъ университета такъ какъ бы къ тому въ особенности по совѣсти своей обязанъ былъ сочленъ онаго (²)". Это разсужденіе побудило совѣтъ ходатайствовать предъ попечителемъ „о дарованіи университету достойнаго, опытнаго и искуснаго врача въ члены онаго". Мотивы просьбы были искренни со стороны членовъ начинающагося университета; всѣ они, по большей части пріѣзжіе люди, страдали отъ казанскаго климата и жаловались; Яковкинъ называлъ эту просьбу „гласомъ бѣдствующаго человѣчества". Желаніе совѣта Румовскій поспѣшилъ исполнить; онъ выставилъ это же-

---

(¹) См. Уч. Зап. Каз. Унив. 1875 г. стр. 3—48, 242—288 и 439—488.

(²) Проток. засѣд. совѣта 18 ноября, 1805 года.

ланіе въ представленіи министру народнаго просвѣщенія главнымъ поводомъ къ открытію въ Казани медицинскаго преподаванія тѣмъ изъ студентовъ, которые старше другихъ и болѣе успѣли въ словесныхъ наукахъ. Что это не было дѣйствительное открытіе медицинскаго факультета въ Казани, видно изъ словъ представленія Румовскаго министру: „По сіе время *въ гимназіи* Казанской (слово университетъ даже не употреблено) преподаваемы были профессорами *пріуготовительныя студентамъ наставленія*; въ теченіе будущаго года преимущественно тѣже наставленія будутъ продолжаемы, но по окончаніи года, смотря на возрастъ студентовъ, на успѣхи въ словесныхъ наукахъ и на ихъ желаніе, надобно будетъ нѣкоторымъ преподавать лекціи въ наукахъ, до прочихъ отдѣленій принадлежащихъ“. На первый разъ открывалась одна изъ каѳедръ врачебнаго отдѣленія.

Первымъ дѣйствительно читавшимъ профессоромъ врачебныя науки въ Казанскомъ университетѣ былъ докторъ медицины Иванъ Петровичъ *Каменскій* (род. въ 1773 году). Уроженецъ Малороссіи, сынъ войсковаго товарища, онъ учился въ Полтавской семинаріи и, по окончаніи въ ней богословскаго курса, поступилъ въ 1793 году въ Московскую Медико-хирургическую академію. Учился онъ съ такимъ успѣхомъ, что еще будучи студентомъ, за сочиненіе „De ulcere ventriculi penetrante“, исправлялъ два года должность прозектора. Получивъ въ 1797 году степень кандидата хирургіи, Каменскій съ годъ пробылъ при Московскомъ госпиталѣ и при родильной палатѣ Воспитательнаго Дома, а въ 1798 году, уже съ званіемъ лѣкаря, опредѣленъ въ Навагинскій мушкатерскій полкъ, гдѣ пробылъ однако очень не долго, такъ какъ въ слѣдующемъ же году поступилъ на прежнюю ученую службу—прозекторомъ въ туже академію, гдѣ получилъ медицинское образованіе, и нѣкоторое время исправлялъ тамъ же должность адъюнктъ-профессора. Степенью доктора медицины Каменскій былъ удостоенъ по экзамену и послѣ публичнаго защищенія диссертаціи: „De restringendo sordibus quamvis in primis viis praesentibus evacuantium usu“. Когда вскорѣ за тѣмъ Медико-хирургическая академія въ Москвѣ была упразднена, Каменскій принужденъ былъ искать другой службы и въ 1804 году поступилъ врачемъ при Ассигнаціонномъ и Заемномъ

банкѣ въ С.-Петербургѣ, откуда уже перешелъ въ Казанскій университетъ.

Опредѣленіемъ Каменскаго, состоявшимся 6 января 1806 года, замѣщалась первая изъ шести медицинскихъ каѳедръ, положенныхъ для Казанскаго университета по уставу 1804 года, а именно: анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, но Каменскій, какъ мы увидимъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ и главнымъ образомъ вслѣдствіе столкновеній своихъ съ Яковкинымъ, пробылъ въ Казани очень не долго. Онъ оставилъ службу въ Казанскомъ университетѣ съ большимъ шумомъ и не имѣлъ ни возможности ни времени положить основаніе медицинскому преподаванію. Столкновенія съ Яковкинымъ произошли изъ за того, что Каменскій, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Казань, вмѣсто исключительнаго занятія наукой и преподаваніемъ, слишкомъ ревностно отдался хозяйственнымъ дѣламъ соединенныхъ гимназіи и университета. Въ конторѣ, гдѣ сосредоточивались и велись всѣ эти дѣла, имѣвшей тогда функцію настоящаго правленія университета, съ основаніемъ университета и съ необходимостью удовлетворять постоянно возрастающимъ нуждамъ новорожденнаго высшаго учрежденія, занятій оказалось теперь больше чѣмъ вдвое. Если съ одной стороны совѣтъ управлялъ дѣлами университетскими и гимназическими, то контора, это оригинальное явленіе, существовавшее тогда только въ Казани, удовлетворяла хозяйственнымъ потребностямъ обоихъ учрежденій. Она была въ полномъ распоряженіи директора-инспектора, но члена отъ университета въ ней не было. Отсюда возникали естественно жалобы и этимъ положеніемъ дѣлъ, какъ и вообще ихъ увеличеніемъ въ конторѣ, Яковкинъ тяготился. Онъ искалъ себѣ помощника, но иностранцы, окружавшіе его въ совѣтѣ, по незнанію ими русскаго языка и мѣстныхъ отношеній, не годились для того и потому понятно, что онъ обрадовался, узнавъ о назначеніи новаго, русскаго по происхожденію профессора. Румовскій обѣщалъ ему помощника по конторѣ. „О, если бы я возмогъ его обрѣсти въ г. Каменскомъ, писалъ онъ къ попечителю (20 февраля 1806 года), что особенно нужно какъ по частымъ припадкамъ усерднаго моего сотрудника Баннера, такъ и по начавшимся выдачамъ суммы университетской, по крайней мѣрѣ хотя для присмотру отъ лица университета, вмѣсто

того, что нынѣ *незнающіе обстоятельствъ думаютъ, что сумма университетская употребляется по однимъ токмо назначеніямъ моимъ и конторы*".

Яковкинъ ждалъ Каменскаго нетерпѣливо; по желанію Румовскаго онъ намѣревался „разсмотрѣть его покороче", и конечно обрадовался, когда тотъ наконецъ явился въ засѣданіе совѣта 10 марта 1806 года. Лекціи его начались тогда же. По его заявленію „за недостаткомъ многихъ пособій, для полнаго курса потребныхъ, онъ намѣренъ преподавать учащимся: 1) науку о костяхъ, со включеніемъ ученія объ образованіи оныхъ; потомъ 2) изъ физіологіи—о дѣйствіяхъ живаго здороваго человѣческаго тѣла, сколько можно будетъ занять объясненіе оныхъ изъ разсматриванія животныхъ". Это и было исполнено имъ въ немногіе мѣсяцы 1806 года, остававшіеся до лѣтней вакаціи. О костяхъ Каменскій училъ на принадлежащемъ ему, привезенномъ съ собою скелетѣ, а связки и мышцы объяснялъ на такихъ животныхъ, строеніе которыхъ сходно съ человѣческимъ. „Остается проходить ученіе о кровеносныхъ сосудахъ, нервахъ и внутренностяхъ, коихъ организмъ поелику не разнится отъ человѣческаго, то я также намѣренъ показать на животныхъ четвероногихъ, особливо тѣхъ, кои употребляются въ пищу. Тѣмъ лучше, что сей видъ анатоміи, не производя отвращенія въ учащихся, еще къ ней непривыкшихъ, между тѣмъ представляетъ имъ такіе предметы, кои возбуждаютъ любопытство и охоту къ изслѣдованіямъ строенія самаго человѣческаго тѣла"—писалъ Каменскій къ Попечителю. Читалъ онъ шесть часовъ въ недѣлю и такъ какъ былъ единственнымъ преподавателемъ по медицинѣ и началъ свои лекціи въ половинѣ учебнаго года, то для доставленія времени ему пришлось у слушателей отнять одни часы (1-е два часа) отъ иностранныхъ языковъ и одни же отъ искусствъ.

Необходимость имѣть мертвыя тѣла для предстоящихъ анатомическихъ лекцій заставила совѣтъ тогда же ходатайствовать предъ попечителемъ снестись съ казанскимъ гражданскимъ начальствомъ о томъ, чтобы тѣла скоропостижно умершихъ были присылаемы въ университетъ. На это представленіе, черезъ три недѣли, пришла отъ Румовскаго слѣдующая резолюція: „По мнѣнію моему къ вскрытію труповъ какъ по настоящему лѣтнему времени, такъ

и по не имѣнію еще потребныхъ къ тому пособій, приступить съ удобностію не можно; но нужно чтобы для сего назначенъ былъ внѣ университетскаго дома, гдѣ совѣтъ за способнѣе признаетъ, отдѣленной и особливой покой, и чтобы приготовлены были всѣ нужныя къ тому вещи; сколько же на то потребно будетъ суммы, сдѣлать соображеніе и мнѣ представить; а до того времени г. профессоръ Каменскій потщился бы при преподаваніи лекцій дѣлать возможныя объясненія по рисункамъ". Только къ концу 1806 года отдѣленныя для анатомическаго театра двѣ комнаты въ Тенишевскомъ домѣ были готовы и на новое ходатайство предъ попечителемъ о полученіи мертвыхъ тѣлъ, Румовскій предписалъ, чтобы сама контора отнеслась въ полицію или къ г. губернатору о доставленіи ихъ въ зимнее время. Думалъ также Каменскій и о томъ, что ему надобенъ будетъ прозекторъ и заранѣе представлялъ попечителю въ это званіе лѣкаря Европеуса, обучавшагося подъ его руководствомъ въ Москвѣ. Съ этимъ былъ согласенъ и Румовскій. Въ началѣ академическаго года Каменскій представилъ два списка вещей, необходимыхъ для анатомическихъ лекцій (покуда онъ употреблялъ собственныя). Однѣ изъ этихъ вещей можно было пріобрѣсть въ Казани, другія приходилось выписывать, но въ разсужденіе выписки Каменскій находилъ „великое затрудненіе" и рѣшено было обратиться за помощью въ этомъ дѣлѣ къ попечителю въ С.-Петербургъ. Въ теченіе слишкомъ кратко-временной службы Каменскаго въ Казанскомъ университетѣ изъ вещей, предназначенныхъ къ пріобрѣтенію для анатомическаго театра, едва ли было что либо куплено. Каменскій на первыхъ порахъ заботился очевидно о томъ, чтобъ обставить свое преподаваніе научнымъ образомъ и снабдить его пособіями. Проѣздомъ изъ Петербурга чрезъ Москву, онъ узналъ, что препараты и уродцы упраздненной, или какъ онъ выражается, уничтоженной Московской Медико-хирургической академіи находятся безъ употребленія и назначенія и написалъ о томъ къ Румовскому. Достоинства и свойства этихъ предметовъ Каменскому, какъ служившему въ Медико-хирургической академіи прозекторомъ, были хорошо извѣстны. Румовскій не оставилъ безъ вниманія письма профессора и тотчасъ же завелъ переписку о пріобрѣтеніи пособій для Казанскаго университета. Министръ внутреннихъ дѣлъ,

въ вѣдѣніи котораго находилась прежняя академія, изъявилъ полное согласіе на уступку, по оцѣнкѣ, ученаго имущества академіи (главныя части его впрочемъ, а именно анатомическій кабинетъ и физическіе инструменты были уже уступлены Московскому университету); попечитель московскаго округа Муравьевъ доставилъ списокъ вещамъ и инструментамъ, отъ которыхъ университетъ Московскій отказался и Румовскій поручилъ разсмотрѣть его особой коммиссіи, состоящей изъ профессоровъ Каменскаго и Фукса и адъюнкта Евеста. Между тѣмъ Каменскій былъ уволенъ отъ службы, а остальные члены коммиссіи донесли, что лучшіе препараты и уродцы Московской академіи выбраны и пересланы въ Петербургскій хирургическій институтъ, что за оставшимися присмотръ былъ не надлежащій, а потому вещи могли попортиться и что вообще назначеніе цѣны имъ, безъ предварительнаго осмотра на мѣстѣ, затрулнительно. Такъ устройство анатомическаго кабинета при Каменскомъ не было даже начато. О немъ вновь приходилось хлопотать другому лицу, вскорѣ занявшему туже каѳедру.

Но преподаваніе и забота о наукѣ скоро отошли у Каменскаго въ Казани на второй планъ. Отпуская его изъ Петербурга, Румовскій намекнулъ ему о возможности быть помощникомъ Яковкину по конторѣ, на что тотъ согласился. Опредѣленіе впрочемъ зависѣло отъ согласія и удостоенія директора. Румовскій ждалъ мнѣнія Яковкина, но этотъ послѣдній медлилъ и изучалъ человѣка. Каменскій не выдержалъ и напомнилъ о дѣлѣ попечителю: „При отправленіи моемъ въ Казань, дабы имѣть честь служить въ университетѣ, попеченію вашему Высочайше ввѣренномъ, писалъ онъ черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ, я неоднократно имѣлъ счастіе слышать намѣреніе ваше препоручить мнѣ смотрѣніе за больницей и быть въ коммиссіи о строеніи попеченіе имѣющей. Никогда не предполагая отказываться выполнять препорученія и приказанія начальства, я ожидалъ на то вашего повелѣнія, но медленность онаго заставила меня думать, не требуется ли, чтобы я донесъ Вашему Превосходительству о согласіи моемъ, тѣмъ болѣе, что я помню, какъ Ваше Превосходительство не оставили упомянуть мнѣ и о томъ, чтобы я познакомяся на мѣстѣ съ существомъ дѣла, письменно

вамъ донесъ". Съ тою же почтою Румовскій получилъ и рекомендацію Каменскаго отъ Яковкина: „Какъ со стороны совѣта необходимо нужно имѣть въ конторѣ еще члена университета, коему особенно можно препоручить университетскія экономическія по конторѣ дѣла, писалъ директоръ 22 мая 1806 года, то не благоугодно ли будетъ Вашему Превосходительству предписать совѣту и конторѣ, дабы профессоръ Каменскій засѣдалъ въ конторѣ преимущественно для университетскихъ экономическихъ дѣлъ, *за что не благоугодно ли будетъ назначить ему и казенную квартиру съ дровами*, чѣмъ надѣюсь будетъ онъ особенно доволенъ, по причинѣ трудности пріисканія здѣсь квартиръ. Причиною медленности представленія о семъ Вашему Превосходительству была потребная осторожность въ выборѣ и время разсмотрѣнія человѣка". Тогда только Румовскій далъ предписаніе совѣту объ опредѣленіи Каменскаго членомъ конторы, согласно представленію Яковкина.

Но едва только Каменскій сдѣлался сочленомъ Яковкина по конторѣ, какъ оказалось, что директоръ не хорошо разсмотрѣлъ его и нажилъ въ немъ врага. „Позвольте Ваше Превосходительство признаться чистосердечно, писалъ онъ Румовскому (31 іюля 1806 года), что соприсутствіемъ его, вмѣсто ожиданной помощи и слѣдовавшей кажется признательности, *навязалъ я себѣ камень на шею* и едино только благорасположеніе Вашего Превосходительства подкрѣпляетъ еще меня въ плачевной юдоли нынѣшняго моего прискорбнаго состоянія". Каменскій одновременно повелъ аттаку и въ конторѣ и въ совѣтѣ. Онъ повидимому сталъ въ главѣ всѣхъ враговъ Яковкина. Въ конторѣ Каменскій не подписывалъ многихъ опредѣленій объ уплатахъ изъ университетскихъ суммъ, начиная съ уплаты сорока пяти рублей за какой то особенный мѣхъ для химическихъ опытовъ, сдѣланный по заказу адъюнкта Евеста университетскому машинисту Горденину и нужный Евесту при испытаніи водъ, находя, по всей вѣроятности, сумму за мѣхъ высокою. Обстоятельство это Яковкинъ тотчасъ же постарался представить начальству весьма вреднымъ для теченія дѣлъ. „Университетскія экономическія дѣла, по причинѣ многихъ приглашеній г. Каменскаго въ присутствіе конторы и обѣщанныхъ имъ, но съ 13 августа неиспол-

ненныхъ приходовъ, теперь остановились, такъ что ни голоса не подаетъ и не соглашается подписывать опредѣленій, *особливо такихъ, кои постановлены по даннымъ отъ меня конторѣ именемъ Вашего Превосходительства предложеніямъ*. По сей же самой причинѣ и кровля на главномъ корпусѣ по наступающему позднему времени едва ли успѣетъ быть выкрашена, какъ и изъ меморій конторы Ваше Превосходительство усмотрѣть соизволите". Едва прошолъ мѣсяцъ со времени опредѣленія Каменскаго въ члены конторы, какъ Яковкинъ хлопоталъ уже о возвращеніи прежняго порядка въ ней. „По причинѣ обнаружившихся пустыхъ споровъ и противозаконныхъ противорѣчій, также нарушенія порядка законами приказамъ предписаннаго, удаленіе Каменскаго отъ соприсутствія въ конторѣ и оставленіе теченія и экономическихъ дѣлъ обоихъ заведеній на прежнемъ, какъ было до Каменскаго основаніи, впредь до начальственнаго распоряженія доставить могутъ на первый случай болѣе спокойствія Вашему Превосходительству: но все сіе зависитъ отъ начальственнаго благоусмотрѣнія"— писалъ Яковкинъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма (въ началѣ сентября 1806 года) Каменскій былъ уже уволенъ отъ званія университетскаго члена въ конторѣ. Въ своемъ предложеніи Румовскій оправдывалъ безусловно всѣ распоряженія Яковкина о разныхъ денежныхъ выдачахъ, конторскіе журналы которыхъ Каменскій не хотѣлъ подписывать и иронически заключалъ: „А какъ г. профессоръ Каменскій, въ письмѣ отъ 14 августа, между прочимъ пишетъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, выведенномъ изъ терпѣнія, который въ послѣдніе дни былъ мученикомъ своей должности, и не могъ предвидѣть сотой доли огорченій, которыя встрѣтили его въ конторѣ, то для спокойствія толико нужнаго по главной его должности, т. е. по должности профессора, и прекращенія въ конторѣ распрей, служащихъ единственно къ остановкѣ теченія дѣлъ, увольняется онъ отъ присутствія въ конторѣ, а сумму университетскую принять конторѣ въ свое вѣдомство и въ чрезвычайныхъ выдачахъ спрашивать моего разрѣшенія" (¹).

(¹) Протоколы засѣд. сов. 19 сент. 1806 года.

Этому увольненію Каменскаго предшествовала личная переписка его съ попечителемъ, въ которой онъ рѣшился поколебать довѣріе Румовскаго къ Яковкину. Онъ рѣшился не вдругъ; прошло четыре мѣсяца со времени пріѣзда его въ Казань: „надобно было узнавать положеніе всего заведенія, ходъ дѣлъ и характеры лицъ, вліяніе имѣющихъ"—говоритъ онъ. Только послѣ того, какъ всѣ обстоятельства стали ему извѣстны, Каменскій сообщилъ свои наблюденія. Вотъ какую характеристику дѣлаетъ онъ лицу, всѣмъ управлявшему въ соединенныхъ университетѣ и гимназіи и пользовавшемуся полною довѣренностью попечителя: „Сожалѣю, что я вынужденъ былъ начать самымъ непріятнымъ. Сожалѣю, что долженъ писать противу такого человѣка, который пользуется совершенною довѣренностію; долго колебался, но мѣра исполнилась: дерзость и личность вывели изъ терпѣнія. Все вызвало меня, чтобы для пользы общей и чести начальника, отважиться на самый гнѣвъ его, если бы это было возможно. Съ самаго пріѣзда въ Казань, я старался имѣть связь съ такимъ человѣкомъ, который столь выгодно обратилъ на себя вниманіе своего начальника. Я былъ хорошо имъ принятъ сначала; имѣлъ нѣкоторую его довѣренность, старался узнать чрезъ него людей; между тѣмъ наблюдалъ его самого, и скоро стало открываться, что подъ прекраснѣйшею наружностью скрывались такія свойства, которыя ни мало ей не отвѣчали. Извините, Ваше Превосходительство! Быть не можетъ, чтобы это не было Вамъ огорчительно читать, но смѣю Васъ увѣрить, что придетъ время, когда сія истина можетъ быть разительно отдастся въ чувствительномъ и невинномъ вашемъ сердцѣ. Въ продолженіе времени находилъ я, что почти всегда въ вѣрномъ контрастѣ были тѣ хороши, коихъ онъ худо описывалъ; напротивъ того, нѣкоторые изъ самыхъ худыхъ были имъ покровительствуемы". (Здѣсь Каменскій приводитъ въ примѣръ Евеста и слова его о немъ, или по выраженію Румовскаго „извѣтъ", дали поводъ къ особому дѣлу, возбудившему личныя страсти въ совѣтѣ, о чемъ было говорено выше). „Таковыя превратныя дѣйствія, соображаемыя съ личными видами, съ планами его пріязни или вражды противу того или другаго, естественно ведутъ за собой всеобщій безпорядокъ". Каменскій указываетъ далѣе на разныя упущенія по гимназіи, на то что

у учителей нѣтъ общаго плана преподаванія, на слабость успѣховъ учениковъ. Совѣтъ съ сожалѣніемъ видитъ всѣ эти безпорядки, но долженъ уступать обстоятельствамъ, „чтобъ безъ пользы не дѣлать шуму; „неудовольствіе членовъ возрастаетъ; грубости чувствуются всѣми; тоны какого-то неограниченнаго ректорства становятся оскорбительны. *Человѣкъ съ обыкновенными способностями, невидавшій организма университетовъ, отставшій отъ книгъ*, имѣетъ однакожъ столько дерзости, чтобы говорить: я того и того могу сдѣлать счастливымъ или несчастливымъ.... Многіе въ городѣ знаютъ его приватную жизнь, хотя онъ столько остороженъ, что не выводитъ себя въ общество. *Покупка домовъ во всеобщей молвѣ*: одинъ изъ нихъ былъ проданъ за четыре тысячи пятьсотъ рублей, но отъ него отказались; онъ же потомъ взялъ въ казну за шесть тысячъ".

Нельзя сказать, чтобы эти обвиненія, кромѣ послѣдняго, имѣли опредѣлительный характеръ. Мы склонны думать, что они были вполнѣ справедливыми, такъ какъ повторяются съ разныхъ сторонъ и наблюдателями позднѣйшихъ лѣтъ, но Каменскій не могъ ихъ сдѣлать точными и опредѣленными; для этого онъ слишкомъ не долго жилъ въ провинціи и писалъ вѣроятно подъ первыми впечатлѣніями слуховъ, чѣмъ нибудь обиженный со стороны Яковкина. Послѣдній пользовался полною довѣренностью попечителя и эта довѣренность давала ему тѣ „тоны какого-то неограниченнаго ректорства", о которыхъ говоритъ Каменскій. Такимъ образомъ мысль нѣмецкаго ученаго Мейнерса, что пребываніе попечителя въ томъ же городѣ, гдѣ находится университетъ, весьма вредно, такъ какъ попечитель, живя постоянно въ университетскомъ кругу, подвергается опасности поддаться вліянію партіи или кружка и уклониться отъ начала невмѣшательства во внутреннія дѣла университета [1], мысль которую приводили въ исполненіе на практикѣ попечители Александровской эпохи, была не совсѣмъ справедлива. Румовскій, живя въ Казани, безъ сомнѣнія разглядѣлъ бы лицо, которому безусловно вѣрилъ и спасъ бы университетъ отъ будущихъ смутъ и жалкихъ пререканій между членами.

---

[1] М. И. Сухомлиновъ, Матер. для исторіи образ. I. 42.

Письмо Каменскаго нисколько не поколебало довѣрія попечителя къ директору. Онъ отвѣчалъ Каменскому длиннымъ письмомъ, въ которомъ совершенно справедливо доказавъ, что большая часть высказанныхъ имъ обвиненій слишкомъ общи, опровергалъ эти обвиненія всѣ до одного, а неопредѣленное обвиненіе *о страсти* Евеста, которую Каменскій не желалъ назвать пьянствомъ, предписалъ разсмотрѣть въ совѣтѣ. Въ совѣтѣ Каменскій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами, стоялъ за отдѣленіе гимназическихъ дѣлъ и за самоуправленіе университета. Тамъ онъ повелъ борьбу съ Яковкинымъ, подкрѣпляемый нѣкоторыми членами, кончившуюся для него удаленіемъ отъ должности, какъ мы постараемся разсказать въ слѣдующей главѣ, посвященной дѣламъ совѣтскимъ. На эту борьбу Каменскій былъ вынужденъ силою обстоятельствъ. „Къ несчастію дѣла заведены слишкомъ далеко, чтобы можно было отступить съ честію; и такъ я долженъ буду защищать то, чего нѣтъ дороже для меня“.... „Я долженъ имѣть дѣло съ самымъ необыкновеннымъ человѣкомъ, говоритъ онъ о Яковкинѣ, которому чужда та людкость, тотъ просвѣщенный благонамѣренный образъ мыслей, то деликатное обращеніе, которыя украшаютъ человѣка его званія“. Къ сожалѣнію многое въ этихъ словахъ оказалось фразою; Каменскій писалъ еще нѣсколько писемъ къ попечителю и тотъ замѣтилъ, сообщая о перепискѣ Яковкину, что онъ „инымъ голосомъ пѣть начинаетъ“. Мелкій и личный интересъ проглядываетъ въ жалобахъ на Яковкина: „профессору Фуксу, по представленію г. Яковкина, дана квартира и больше и лучше моей. Секретарь конторы занимаетъ въ Тенишевскомъ домѣ цѣлое отдѣленіе нижняго этажа, пользуется конюшнею и сараемъ, между тѣмъ какъ я совершенно стѣсненъ. Извините Ваше Превосходительство,—это несносная обида!“ Румовскій справедливо могъ замѣтить, въ письмѣ къ директору: „г. Каменскій письмами своими лучше обнаружилъ качества свои, нежели ваши жалобы и учиненныя вамъ огорченія“.

Борьба Каменскаго въ совѣтѣ кончилась для него очень печально. „Чтобы прекратить существующіе въ совѣтѣ Казанской гимназіи безпорядки, писалъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, 14 ноября 1806 года, за № 603, къ Попечителю Румовскому, о которыхъ Ваше Превосходительство

мнѣ представили, обуздать непослушаніе и тѣмъ отвратить вредное вліяніе ихъ примѣровъ, предоставляю Вамъ главныхъ виновниковъ неустройства: профессора Каменскаго, адъюнкта Карташевскаго и другихъ имъ подобныхъ отрѣшить отъ ихъ должностей". Яковкинъ считалъ Каменскаго главнымъ своимъ врагомъ. По словамъ его противъ него начался *комплотъ* съ самаго пріѣзда Каменскаго въ Казань. Комплотъ этотъ собирался въ домѣ вице-губернатора, съ которымъ Каменскій былъ знакомъ. У него, и въ другихъ казанскихъ домахъ, обсуждался образъ жизни Яковкина. „Старались внушить, пишетъ онъ, что жизнь моя безпорядочна и невоздержна, и что ей одной только приписывать должно продолжаемое мною уединеніе отъ обществъ и посѣтительныхъ поклоновъ, а не приверженности моей къ должностямъ"..... Каменскій, какъ кажется, не смотря на недавнее пребываніе свое въ Казани, пользовался во многихъ домахъ ея извѣстностію, какъ врачъ. Послѣ отрѣшенія отъ должности профессора, онъ даже думалъ остаться въ этомъ городѣ и жить практикою. Иронически говорилъ о своемъ врагѣ Яковкинъ: „Говорилъ почтенный Стародумъ: на умъ мода, на пряжки мода, и на докторовъ мода, межъ коими Каменскій не послѣднюю ролю играетъ на сей сценѣ. Однакожъ другъ мой статскій совѣтникъ Геркенъ и жена его, люди очень умные и безпристрастные, возъимѣли о г. Каменскомъ не такъ выгодныя мысли; они въ городѣ имѣютъ сильный голосъ". Не преминулъ Яковкинъ сообщить начальнику и о неудачныхъ случаяхъ практики Каменскаго, конечно съ особеннымъ злорадствомъ и непріязнью ([1]).

([1]) Приводимъ отрывокъ изъ письма его, любопытный, какъ образщикъ тогдашняго положенія врача: «Г. Каменскій доказалъ себя нынѣ въ полной мѣрѣ по Казани. У жены полковника Мергасова, не болѣе четырехъ лѣтъ женатаго, на груди отъ пришибу оказалась маленькая опухлость, которую теплыми мокрыми припарками Каменскій превратилъ въ рака, а преждевременнымъ употребленіемъ хины произвелъ въ животѣ страшную обструкцію, такъ что нѣтъ уже никакихъ средствъ спасти больную и всѣ прочіе врачи отказались. Отчаянный мужъ, окруженный пятерыми малолѣтними дѣтьми, просилъ врачебную управу разсмотрѣть лѣкарства и образъ лѣченія. Изслѣдованіе сіе учинено 26 ноября, по настоянію г. Губернатора въ домѣ его и при немъ. Всѣ единогласно охулили и лѣкарства и образъ лѣченія, основываясь на самыхъ неоспо-

Но тогдашнее казанское общество, котораго Яковкинъ чуждался по разнымъ причинамъ, предпочитая быть царемъ въ своемъ болотѣ, было какъ кажется на сторонѣ отрѣшенныхъ и винило Яковкина. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное отрѣшеніемъ: „Шумъ, произведенный отрѣшеніемъ и удаленіемъ, содѣлался необычайнымъ: сколько ни приходило ко мнѣ здравомыслящихъ и благонамѣренныхъ, всякій объявлялъ мнѣ новости, а рѣдко подтвержденія прежде слышаннаго. Разнесеніе самыхъ непріятныхъ обо мнѣ слуховъ въ дворянскомъ и англійскомъ общественныхъ собраніяхъ, въ маскарадѣ и театрѣ, усильныя просьбы гг. Молоствова Порфирія и родственника его Пушкина, также почтъ-директора Карпеки къ г. Губернатору о заступленіи невинно отрѣшенныхъ и притѣсненныхъ (слѣдствія дровянаго дѣла, также уклончивости и врачеванія г. Каменскаго въ ихъ семействахъ),— всѣхъ ихъ ходатайство за него предъ бывшимъ тогда въ Казани графомъ Головкинымъ (посолъ въ Китай),—обѣщаніе г. Карпеки писать о семъ произшествіи прямо къ Его Сіятельству г. Министру Просвѣщенія, якобы по старинному знакомству,—письменныя гг. Каменскаго и Германа, поданныя на меня г. графу Головкину жалобы и доносы,— увѣреніе его, будто бы онъ о семъ дѣлѣ самъ представитъ Государю Императору въ защищеніе невинности,—мятежныя совѣщанія въ вечернихъ собраніяхъ по домамъ единомышленниковъ о погубленіи меня, — повсюдное описаніе всего меня самыми постыдными и черными красками суть послѣднія *усилія издыхающей гидры*“..... (Письмо 11 декаб. 1806 года). Эти слова Яковкина, который имѣлъ возможность знать даже отъ кого и кому въ Петербургъ пошли съ казанскою почтою жалобы отрѣшенныхъ, эти, какъ онъ

римыхъ правилахъ медицины. Каменскій, не имѣя что отвѣчать далѣе словесно, обѣщалъ управѣ дать отвѣтъ на письмѣ. Губернаторъ упрашивалъ членовъ ея пощадить его доктора, какъ человѣка женатаго и семейнаго, а отчаянный мужъ требуетъ настоятельно всей строгости законовъ. Чѣмъ окончится сія трагедія, еще неизвѣстно теперь,—только не добромъ. Такимъ же образомъ Каменскій прежде сего простуду простую почтъ-директорши Карпеки превратилъ въ чахотку, что и было причиною ея смерти». (Письмо 3 дек. 1807 года).

выражается, „разныя покушенія наказуемаго буйства и злобы“, очень живо изображаютъ университетскую исторію въ провинціальномъ городѣ. Тѣже сплетни и толки, такіе же крики и угрозы повторялись и много лѣтъ спустя въ подобныхъ этому случаяхъ. Всѣ увлекались волною событій и принимали участіе въ нихъ и словомъ и дѣломъ. Казанскій гражданскій губернаторъ, письмомъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, не говоря прямо о послѣднихъ событіяхъ, доносилъ ему о разстройствѣ всѣхъ дѣлъ въ гимназіи и объ упущеніи въ ней воспитанія вообще. Яковкину пришлось отписываться, но онъ былъ большой мастеръ этого дѣла.

Отрѣшенный Каменскій, для очищенія своей прежней службы, сталъ хлопотать о томъ, чтобъ ему выдали аттестатъ, въ которомъ бы значилось, что онъ уволенъ по прошенію. Съ этою цѣлью онъ подалъ въ совѣтъ Казанской гимназіи прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ просилъ о выдачѣ ему разныхъ копій съ предписаній и протоколовъ дѣлъ, участіе въ которыхъ повело его къ отрѣшенію, и аттестата о службѣ. Тутъ, по предварительному уговору съ Румовскимъ на письмѣ, Яковкинъ не долженъ былъ исполнить этой просьбы, но онъ облекъ все дѣло въ канцелярскія формальности. Прошеніе уволеннаго тогда же Карташевскаго о томъ же предметѣ, писанное на простой бумагѣ и присланное въ совѣтъ не запечатаннымъ, было по опредѣленію совѣта возвращено ему, какъ „не по формѣ писанное и поданное“. Каменскій прислалъ свое и на гербовой бумагѣ и запечатанное, но „по разсмотрѣніи его оказалось, что оно писано не по формѣ, законами предустановляемой, какъ то: писано и по самому штемпелю и слова упущены или перемѣнены противу самой формы, а потому и возвращено ему съ надписью“. Черезъ нѣсколько дней Каменскій подалъ вторичную просьбу о томъ же. На этотъ разъ состоялось такое опредѣленіе совѣта, управляемаго теперь неограниченно Яковкинымъ: „Возвратить означенное прошеніе г. профессору Каменскому съ надписью, что оно написано въ противность указовъ 1723 года ноября 5 дня и 1762 года іюля 2 дня, ибо онъ въ 1-мъ пунктѣ, прежде объясненія дѣла, помѣстилъ просительные термины, кои опять повторяетъ во 2-мъ пунктѣ. Означенную же надпись на прошеніи скрѣпить одному изъ членовъ

совѣта“. Въ третій разъ Каменскій, „пришедъ въ комнату канцеляріи совѣта, еще до открытія засѣданія, положилъ на столъ конвертъ запечатанный и надписанный на имя совѣта, заключающій, по надписи, прошеніе его; но какъ таковая подача просьбы противна узаконенію генеральнаго регламента, то и велѣлъ я письмоводителю Курбатову оставить оной конвертъ тамъ, гдѣ онъ положенъ самимъ г. Каменскимъ, не вводя его въ дѣло и не распечатывая“ (письмо Яковкина къ Румовскому отъ 15 января 1807 года).

Каменскому, какъ онъ и самъ излагалъ въ прошеніи, нужно было оправдаться; онъ хотѣлъ жаловаться: быть отрѣшеннымъ отъ должности, то есть опороченнымъ, ему было тяжело и онъ добивался получить отъ казанскаго совѣта въ копіи всѣ тѣ протоколы его, въ которыхъ были записаны дѣла, давшія поводъ къ его обвиненію, его мнѣнія, опредѣленія совѣта и разныя предписанія попечителя и министра; онъ просилъ также, чтобъ ему выданъ былъ аттестатъ по прежней службѣ его въ Ассигнаціонномъ банкѣ, представленный имъ при опредѣленіи въ Казань и формулярный списокъ о профессорской службѣ. Наконецъ 17 января 1807 года была заслушана въ совѣтѣ четвертая просьба Каменскаго, на сей разъ оказавшаяся написанною по формѣ. Но и въ этотъ разъ онъ не получилъ желаемыхъ копій съ дѣлъ и опредѣленій совѣтскихъ. Совѣтъ, въ мотивированномъ отказѣ своемъ, ссылался на предписанія Попечителя, писанныя на имя директора, которыми это запрещалось даже для членовъ совѣта, почему совѣтъ на выдачу просимыхъ копій „самъ собою рѣшиться не можетъ, да и приступить къ сему почитаетъ несоотвѣтственнымъ съ указами“ (слѣдуетъ перечисленіе нѣсколькихъ указовъ отъ 1737 до 1800 года, касающихся копій съ дѣлъ тяжебныхъ и судныхъ). Что касается до прежняго аттестата и формулярнаго списка о послѣдней службѣ Каменскаго, то они были выданы ему, но только вслѣдствіе особеннаго на то разрѣшенія Румовскаго, сообщеннаго Яковкину. На выдачу просимыхъ копій Румовскій не согласился потому, что Каменскій принесъ уже на него жалобу министру народнаго просвѣщенія.

Въ то время, какъ Яковкинъ придумывалъ, съ помощью старыхъ подъячихъ, которые сидѣли въ его канце-

ляріи, эти хитрые извороты съ безконечными ссылками на лабиринтъ русскихъ указовъ, Свода Законовъ еще не существовало. Ему легко было жечь на медленномъ огнѣ юридическихъ крючковъ и канцелярскихъ кляузъ своихъ враговъ—профессоровъ, чуждыхъ этому темному міру, разъѣдавшему тогда юридическую жизнь Россіи и очень хорошо понятому въ то время Сперанскимъ. Съ этими печальными условіями приходилось бороться при началѣ своемъ наукѣ и университетскому преподаванію. Язва крючкотворства, желаніе прикрыть темные личные разсчеты покровомъ легальности, непонятнымъ для человѣка, искренно преданнаго наукѣ, проникала и водворялась въ молодые университеты наши. Старые профессора ихъ, на нашей памяти, были большими законниками; они носили въ головѣ готовый запасъ ссылокъ и пугали имъ всегда молодыхъ членовъ, умѣя по своему истолковывать простой смыслъ параграфовъ университетскаго устава. Да, этотъ старый юсъ Яковкинъ, не зналъ организаціи университетовъ. Мы имѣли терпѣніе провѣрить его ссылки на указы и смѣемъ увѣрить читателя, что они совершенно правильны. Но какимъ пугаломъ должны были являться эти secreta secretorum старыхъ указовъ для профессоровъ иностранцевъ, вовсе незнавшихъ по русски! Яковкинъ въ самомъ дѣлѣ былъ мастеръ пугать ихъ.

Эта недостойная процедура мелкихъ уколовъ, которою Яковкинъ преслѣдовалъ врага своего, была извѣстна Румовскому. О всемъ директоръ сообщалъ попечителю и находилъ въ немъ одобреніе и поддержку. „Г. Каменскій опоздалъ въ намѣреніи своемъ отдалиться отъ университета, писалъ Румовскій къ Яковкину въ то время, когда уже представилъ министру объ его отрѣшеніи. Я жалѣлъ о судьбѣ его, а теперь хотя и жалѣю, но не столько“. Попечитель успокоиваетъ Яковкина, ободряетъ его, напуганнаго криками казанскаго общества при отрѣшеніи непокорныхъ профессоровъ: „Произведенный отрѣшеніемъ по городу шумъ ни малѣйшаго уваженія недостоинъ. Празднымъ людямъ надобна пища, и въ то время, когда сіе пишу, я думаю, что онъ, ежели не совсѣмъ умолкъ, то весьма уменьшился“. Не придаетъ онъ значенія и обѣщанію графа Головкина, данному отрѣшеннымъ, представить о ихъ дѣлѣ Государю Императору: „Навѣрное можно сказать, что Госу-

дарь Императоръ жалобу ихъ отдастъ на разсмотрѣніе министру народнаго просвѣщенія, потому что отрѣшеніе послѣдовало по его предписанію". Каменскій, получивъ наконецъ аттестатъ и формуляръ, ѣздилъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ Карташевскимъ, онъ подалъ прошеніе графу Завадовскому о томъ, чтобъ въ аттестатѣ не значилось слово *отрѣшеніе*, а увольненіе по прошенію, съ одобреніемъ его профессорской службы. „Гг. Каменскій и Карташевскій *выплакали* у министра народнаго просвѣщенія, чтобы я далъ имъ аттестатъ, писалъ Румовскій, съ прописаніемъ что они по прошенію отпускаются. Графъ Головкинъ много говорилъ г. министру въ пользу выходцевъ казанскихъ, но ничего успѣть не могъ. Они думали, что возмутятъ съ письмомъ г. губернатора весь городъ; но здѣсь есть чѣмъ заниматься". При личномъ посѣщеніи попечителя, Каменскій произвелъ на него впечатлѣніе благопріятное, тогда какъ Карташевскому за его крикъ, онъ долженъ былъ „показать двери". „Первый въ разговорахъ своихъ соблюдалъ надлежащую умѣренность". „Онъ со слезами просилъ меня, чтобы я доставилъ ему способъ къ оправданію"... Въ Казань воротился Каменскій въ іюлѣ 1807 года. И объ этомъ сообщилъ Яковкинъ въ письмѣ къ попечителю: „Въ нынѣшнюю субботу возвратился г. Каменскій въ Казань; разсказы его и пускаемые по городу слухи напоминаютъ пословицу, что ни одна лиса хвоста своего не замараетъ".

Такъ кончилось кратковременное служеніе перваго медицинскаго профессора въ Казанскомъ университетѣ. Мы принуждены были однако разсказать о немъ довольно подробно: факты характерны для первоначальной исторіи этого университета (¹).

(¹) По своемъ увольненіи, Каменскій жилъ нѣкоторое время и даже служилъ въ Казани. Некрологъ его (*Украинскій Вѣстникъ*, 1819 года, книжка 8-я, августъ, стр. 239) говоритъ, что онъ «преподавалъ всѣ медицинскія науки студентамъ Казанской духовной академіи; но въ книгѣ «Старая Казанская Академія» (г. *Можаровскаго*, 1877) объ этомъ обстоятельствѣ не упомянуто, помѣщено только свѣдѣніе, что Каменскій былъ лѣкаремъ при академической больницѣ, преподавателемъ же медицинскаго класса было другое лицо. Въ 1809 году Каменскій перешелъ на службу въ Воронежъ акушеромъ при врачебной управѣ, а въ 1811

Не скоро Румовскому удалось замѣстить даже и эту первую медицинскую каѳедру въ открывающемся Казанскомъ университетѣ, послѣ отставки Каменскаго. „Не взирая на всѣ мои старанія, ни единая каѳедра врачебнаго отдѣленія въ Казани не замѣщена по сіе время"—представлялъ онъ въ декабрѣ 1806 года министру народнаго просвѣщенія. „Три извѣстные въ Европѣ человѣка, приглашаемые мною, соглашались переселиться въ Казань, но въ самое то время, когда въ путь отправиться имѣли намѣреніе, одного послѣ другаго смерть похищала" (1). Правда

году занялъ каѳедру повивальнаго искусства въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ умеръ въ Кіевѣ, куда поѣхалъ по семейнымъ дѣламъ, въ августѣ 1819 года. Учитель математики въ Кіевской гимназіи Завиновскій говорилъ при погребеніи надгробную рѣчь. Она не даетъ ничего для характеристики Каменскаго, какъ профессора и человѣка. Некрологъ же выставляетъ особенно то обстоятельство, что Каменскій старался объ образованіи дѣтей своихъ; «произведенія пера старшей дочери его украшали нѣкоторыя книжки сего журнала» («Укр. Вѣстн.»). Въ воспоминаніяхъ Роммеля (Bülau, Geheime Geschichten und räthselhaften Menschen, V-ter Band, Leipz. 1854. S. 525) о Каменскомъ сказано только нѣсколько словъ, какъ объ умѣломъ и ловкомъ практикѣ и преподавателѣ по его спеціальности. Въ русской ученой литературѣ имя его встрѣчается на переводѣ сочиненія Фуркроа («Химическая философія». Владиміръ. 1799) и на небольшой брошюркѣ по діэтетикѣ («Краткое начертаніе наблюденій и опытовъ о вредности молочной и другой пищи для дѣтей». Спб. 1805. 12°). Въ Харьковѣ онъ издалъ «Латинскій словарь» (Двѣ части. 1816—1817).

(1) Попечитель говоритъ здѣсь по всей вѣроятности о Протасовѣ и Гедвигѣ. О первомъ было уже нами упомянуто (см. *Уч. Зап.* 1875 г. стр. 275—276). Второй былъ молодой лейпцигскій профессоръ Романъ Адольфъ, сынъ извѣстнаго въ исторіи ботаники Іоганна Гедвига, тоже профессора ботаники и медицины въ Лейпцигѣ, сочиненіе котораго Theoria generationis et fructificationis plantarum cryptogam., было увѣнчано преміей нашею Академіею Наукъ и напечатано въ Петербургѣ (1784). Весьма тонкія и трудныя наблюденія надъ тайнобрачными растеніями для втораго изданія этого сочиненія дѣланы были сыномъ подъ надзоромъ отца. Молодой Гедвигъ устраивалъ и ботаническій садъ въ Лейпцигѣ. Румовскій представлялъ его въ маѣ 1806 года на каѳедру патологіи, терапіи и клиники и чрезвычайно хвалилъ его знанія и сочиненія, въ особенности по ботаникѣ. Самъ Гедвигъ, въ письмѣ къ одному изъ академическихъ друзей своего отца въ Петербургѣ, высказывалъ полную готовность «къ болѣе широкой дѣятельности на службѣ столь же великому, какъ и благородному правительству Александра»; далекая Казань не пугала его: «гдѣ бы ни представлялся широкій кругъ для моей

недостатка въ желающихъ занять мѣсто профессора медицинскихъ наукъ въ Казани, особенно между иностранными медиками, находящимися въ русской службѣ, не было. Охотники являлись: ихъ привлекало и большее содержаніе, сравнительно съ жалованьемъ даже инспектора врачебной управы и независимое положеніе профессора. Румовскій однако былъ строгъ на выборъ и руководствовался въ этихъ случаяхъ, какъ и вообще при опредѣленіи профессоровъ въ Казань, или вѣсскими рекомендаціями извѣстныхъ лицъ или собственною опытностью. Онъ обращался обыкновенно *съ приглашеніемъ* къ лицу, въ достоинствахъ котораго убѣждался, но не совсѣмъ благосклонно смотрѣлъ на тѣхъ, которые сами искали мѣста [1]. Для замѣщенія медицинскихъ

дѣятельности, но тамъ гдѣ я могу свободно работать для общаго блага и науки, тамъ готовъ я жить и умереть» писалъ онъ. Гедвигъ былъ уже утвержденъ профессоромъ въ Казань, какъ 19 мая того же 1806 года умеръ въ Лейпцигѣ послѣ кратковременной болѣзни. Кто былъ третій покойникъ изъ профессоровъ врачебнаго отдѣленія, предназначенныхъ въ Казань — намъ неизвѣстно. Одновременно съ Каменскимъ, Румовскій представлялъ министру на каѳедру патологіи, терапіи и клиники полковаго врача Курфирста Саксонскаго въ Кенигштейнѣ доктора медицины Вильгельма Фридриха Дрейссига, нѣкоторыя медицинскія сочиненія котораго получили такую извѣстность, что парижскій факультетъ поручилъ академику Репольдену перевести ихъ на французскій языкъ, но Дрейссигъ предпочелъ Казани Харьковъ.

(1) Такъ Яковкинъ, въ іюлѣ 1805 года, по просьбѣ своего вятскаго пріятеля Николая Камашева-Средняго, передалъ Румовскому желаніе инспектора Вятской врачебной управы доктора медицины Вѣнскаго университета Соломона *Либошица* занять мѣсто профессора въ Казани. «Я его лично не знаю, писалъ онъ; но зная доброту души и благородство друга моего, могу увѣрить В. П. предъ моимъ Сердцевѣдцемъ, что Камашевъ о другомъ человѣкѣ писать не сталъ бы, а особливо ко мнѣ, зная меня совершенно». Румовскій потребовалъ его сочиненія и захотѣлъ узнать «о нихъ мнѣніе людей въ медицинѣ упражняющихся». Давалъ ли онъ разсматривать кому либо эти сочиненія, — мы не знаемъ, но только онъ скоро возвратилъ ихъ, ссылаясь на сдѣланное уже имъ приглашеніе за границею. — Въ октябрѣ того же года директоръ нижегородскихъ училищъ Кужелевъ рекомендовалъ попечителю нижегородскаго врача-практиканта, удостоеннаго степени доктора медицины въ 1789 году Медицинскою Коллегіею въ Петербургѣ, галиційскаго дворянина и краковскаго академика наукъ свободныхъ и философіи Феликса Лаврентія *Лоевскаго*. Сочиненій у него тогда не было никакихъ. (Въ 1818 году онъ напечаталъ «Полный па-

каѳедръ, изъ которыхъ ни одна не была занята въ Казани, послѣ отставки Каменскаго, Румовскій обратился къ лейбъ-медику Франку, прося его указать достойныхъ кандидатовъ. Франкъ въ ноябрѣ 1806 года рекомендовалъ двухъ: доктора медицины Флиса, практикующаго въ городѣ Познани, въ прусской Польшѣ, человѣка, по его словамъ научно образованнаго, напечатавшаго нѣсколько статей въ „Журналѣ практической медицины" Гуфеланда и знающаго нѣсколько языковъ, и другаго тоже доктора медицины и хирургіи *Іоанна Баптиста Брауна*, учившагося въ Вѣнскомъ университетѣ и уже три года находящагося на службѣ въ званіи прозектора при Виленской медико-хирургической академіи; Франкъ въ особенности хвалилъ его хорошія практическія свѣдѣнія въ глазныхъ болѣзняхъ. Румовскій тотчасъ же предложилъ каѳедру анатоміи Брауну, на что тотъ съ большою охотою согласился, такъ какъ не надѣялся повышенія въ Вильнѣ, гдѣ каѳедра анатоміи занята была профессоромъ Лебенвейномъ. Румовскій впрочемъ сообщилъ ему предварительно положеніе вещей въ Казани. „Такъ какъ возникающій университетъ не открытъ еще формально по малому числу дѣйствительныхъ профессоровъ, писалъ онъ ему по французски, то я долженъ предупредить васъ, что онъ соединенъ съ гимназіей и управляется по уставу ея, утвержденному покойнымъ Императоромъ,

---

стоящій простонародный Россійскій Лѣчебникъ»), но рекомендація директора весьма любопытна: «пріемлю смѣлость *по долгу моему,* писалъ онъ, рекомендовать безпристрастно со стороны его свѣдѣній, кромѣ знанія собственно принадлежащаго къ части медицинскихъ наукъ, чему онъ довольно доказалъ опытовъ десятилѣтнею здѣсь практикою, великимъ любителемъ философіи и опытной физики, которыхъ былъ профессоромъ, и свѣдущимъ въ латинскомъ и французскомъ языкахъ». Румовскій отвѣчалъ, что у него уже есть кандидаты на всѣ каѳедры.—Былъ даже случай, что одинъ изъ претендентовъ, иностранный докторъ медицины и акушерства, физикъ и акушеръ Лихтенбергскаго округа въ Гессенѣ Бонгардъ, обратился прямо въ Казань, приславъ письмо на Высочайшее имя и нѣмецкое руководство для повивальныхъ бабокъ, съ цѣлью получить каѳедру повивальнаго искусства. Въ первый разъ тогда совѣтъ гимназіи заплатилъ за заграничную посылку 11 рублей портовыхъ денегъ и долженъ былъ просить разрѣшенія у попечителя какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. Сочиненіе поручено было разсмотрѣть профессорамъ Фуксу и Брауну, а мнѣнія ихъ были представлены попечителю.

что тамъ есть совѣтъ, состоящій изъ профессоровъ и адъюнктовъ, завѣдывающій всѣмъ, что касается науки, и контора—для дѣлъ экономическихъ. Предсѣдателемъ въ совѣтѣ и конторѣ—директоръ, въ тоже время старѣйшій изъ профессоровъ; онъ правитъ должность ректора". Опредѣленіе Флиса не состоялось, Браунъ же былъ утвержденъ министромъ въ званіи ординарнаго профессора анатоміи, физіологіи и судебной медицины 15 мая 1807 года. „Въ Казанскомъ университетѣ, сообщалъ ему попечитель, нѣтъ ни анатомическихъ, ни хирургическихъ инструментовъ; даже самыхъ необходимыхъ нельзя тамъ пріобрѣсть". И онъ переслалъ ему 200 рублей на покупку ихъ въ Вильнѣ или проѣздомъ въ Москвѣ. Анатомическіе инструменты Браунъ купилъ въ Москвѣ; изъ хирургическихъ же онъ не привезъ ни одного, такъ какъ въ Москвѣ не нашелъ ничего сколько нибудь порядочнаго. Онъ предлагалъ выписать нужные ему инструменты изъ Вѣны, ссылаясь на готовность услужить ему въ лучшемъ ихъ выборѣ вѣнскаго профессора анатоміи и физіологіи, и его искренняго друга, извѣстнаго Прохаски.

Выѣхавъ изъ Вильны въ концѣ іюня, Браунъ пріѣхалъ въ Казань 28 іюля 1807 года. На другой день онъ явился къ всесильному Яковкину. „Онъ еще весьма молодъ и не имѣетъ кажется еще 25 лѣтъ. Дай Богъ, чтобъ душею и служеніемъ былъ старъ" писалъ послѣдній о Браунѣ, по первому впечатлѣнію, къ попечителю (30 іюля, 1807 года). Первою заботою Брауна было помѣщеніе. Яковкинъ далъ ему въ началѣ казенную квартиру, чѣмъ онъ остался очень доволенъ, въ виду квартирныхъ неудобствъ и дороговизны въ Казани. Въ началѣ августа Браунъ представилъ въ совѣтъ, что лекціи его въ текущемъ году будутъ состоять въ преподаваніи физіологіи по курсу Прохаски, съ объясненіемъ, на сколько возможно, анатомическихъ препаратовъ, а если позволитъ время, то онъ будетъ читать и судебную медицину по книгѣ Мецгера Systema Medicinae forensis. Тогда же представилъ онъ совѣту и планъ анатомическаго театра. Оказалось, что въ проэктѣ университетскихъ зданій предполагаемыхъ къ постройкѣ, представленномъ попечителю, не было ни анатомическаго театра, ни клиническаго института, ни лабораторіи. Въ сентябрѣ пошло представленіе къ Румовскому о необходимости по-

стройки анатомическаго театра по плану Брауна, выбравшаго и мѣсто для него въ нижнемъ углу пустыря Спижарнаго, выходящаго на нижнюю улицу (т. е. то мѣсто, которое теперь занято обсерваторіею). Планъ, фасадъ и расположеніе комнатъ, представленные Брауномъ, сохранились въ существующемъ зданіи театра, но оно выстроено было не скоро. „Къ строенію театра приступить время еще не приспѣло, писалъ совѣту Румовскій. Надобно прежде воздвигнуть главное зданіе и потомъ, имѣя въ виду строенія, къ ботаническому саду принадлежащія, лабораторію, клинической институтъ и обсерваторію, назначить мѣста гдѣ какое зданіе мѣстное положеніе удобнѣе и приличнѣе воздвигнуть позволитъ“ (Предлож. 12 сент. 1807 г. № 473) и тогда же указывалъ, какъ видно изъ письма его къ Брауну (11 ноября 1807 года), на главный недостатокъ плана: „c'est la grandeur du bâtiment qui demanderait de grandes dépenses, auxquelles les circonstances actuelles ne permettent pas aspirer“. Въ 1811 году, по предложенію Румовскаго, составленъ былъ совѣтомъ университета комитетъ изъ нѣкоторыхъ членовъ, съ приглашеніемъ губернскаго архитектора, для составленія плана, фасада и смѣты анатомическаго театра. Университетъ настаивалъ на его необходимости: „Никто изъ слушателей, писалъ онъ (28 авг. 1811 г. № 373), не можетъ сдѣлать въ университетѣ постоянныхъ, надежныхъ и дальнѣйшихъ успѣховъ въ медицинскихъ наукахъ, проходя анатомію и не видя на практикѣ строенія человѣческаго тѣла, между тѣмъ, какъ успѣхи отъ таковыхъ слушателей нынѣ чрезвычайно нужны, какъ для правительства, дабы болѣе имѣть людей способныхъ къ отправленію медицинской практики, такъ и для университета, дабы съ большею пользою гг. преподаватели по части медицины могли отправлять свою должность, а слушатели достигать высшихъ степеней и тѣмъ скорѣе содѣйствовать къ устройству медицинскаго факультета“. Но прошло тридцать лѣтъ до того времени, когда анатомическія лекціи начались въ отдѣльномъ и приспособленномъ для нихъ помѣщеніи.

Большими затрудненіями было обставлено для профессора Брауна начало его преподаванія. Онъ дѣлалъ все, что могъ и сколько позволяли ему средства, въ той средѣ, гдѣ наука являлась случайною и гдѣ все преподаваніе ме-

дицины ограничивалось пока его лекціями. „Для сравнительной анатоміи, писалъ онъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности, къ покровителю своему Франку, я сдѣлалъ нѣсколько сухихъ препаратовъ; что же касается до препаратовъ, которые должны храниться въ спирту, то въ Казани вовсе нельзя найти для нихъ стекляной посуды. Все, что я могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, состоитъ лишь въ томъ, что я потребовалъ спиртъ и посуду. Если получу требуемое, то у меня не будетъ недостатка въ препаратахъ, особенно по ихтіологіи; но для меня будетъ большое счастіе, если мнѣ удастся получить эти предметы въ теченіе года. Моя аудиторія состоитъ изъ трехъ слушателей, которымъ я читаю по латыни физіологію Прохаски. Анатомическихъ свѣдѣній у нихъ вовсе нѣтъ, такъ какъ предшественникъ мой демонстрировалъ имъ строеніе человѣческаго тѣла по овцамъ. Я постараюсь изучить съ ними отдѣльные органы, на сколько позволятъ то обстоятельства, чтобъ дать имъ нѣкоторыя понятія объ анатоміи" (1).

Браунъ повидимому разсчитывалъ для себя въ Казани на практическую дѣятельность, но на первыхъ порахъ ея почти вовсе у него не было, да и потомъ онъ не пользовался въ городѣ особенною славою, за исключеніемъ нѣсколькихъ глазныхъ операцій. Любопытны его замѣтки въ этомъ отношеніи: „Врачъ-практикъ не сдѣлаетъ себѣ фортуны здѣсь,

(1) Какъ велики должны были быть препятствія при преподаваніи анатоміи и какъ трудно было сдѣлать что либо въ этомъ отношеніи Брауну, могутъ свидѣтельствовать слова Магницкаго объ анатомическомъ театрѣ, въ его запискѣ о Казанскомъ университетѣ, представленной министру народнаго просвѣщенія тотчасъ послѣ ревизіи: «Ничего не можетъ быть постыднѣе, говоритъ онъ, для публичнаго учебнаго заведенія, какъ то, что при Казанскомъ университетѣ называется *анатомическимъ театромъ*. Онъ есть изба, довольно неопрятная, съ русскою печью, въ которой стоитъ на столѣ ящикъ съ инструментами, и недалеко небольшой шкапъ, съ набранными, какъ бы по случаю, человѣческими разныхъ частей костями, изъ коихъ нѣкоторыя объѣдены крысами. Есть только полный скелетъ четвероногаго пѣтуха и двухъ утокъ. Причиною того, что нѣтъ остатковъ человѣческихъ тѣлъ, мужескаго и женскаго, сказано мнѣ медико-хирургомъ, что три мужскія тѣла, два женскія, одинъ медвѣдь и лошадь размачиваются уже три года въ особенномъ домѣ, который купленъ для сего за городомъ». С. *Ѳеоктистова*, Магницкій, Спб. 1865, стр. 47.

такъ какъ русскій человѣкъ вообще рѣдко нуждается въ медикѣ. Случится заболѣть ему,—онъ идетъ въ свою баню и заставляетъ натирать спину тертою рѣдькою, или пьетъ огуречный разсолъ, прибавляя въ него обыкновенно меду для лучшаго дѣйствія; не поможетъ и это—пьетъ водку и тогда только шлетъ за докторомъ, когда смерть на носу. Здѣсь еще вовсе не знаютъ разницы между врачемъ и фельдшеромъ, такъ какъ ни одинъ искусный врачъ не захаживалъ въ эти страны, а еслибъ и случилось что либо подобное, то господа *штабные* врачи, ставящіе себя гораздо выше Гиппократа и выдающіе себя за величайшихъ врачей въ мірѣ, вовсе не дадутъ ему хода. Изъ подобныхъ людей состоитъ здѣшняя *управа* и весь практикующій цѣхъ. Моя практика ограничивается одною пока истерическою женщиною, да еще другою, у которой большая наклонность къ чахоткѣ. Глазныхъ паціентовъ еще не видалъ. Слава Богу, что жалованье въ 2000 рублей на столько достаточно здѣсь, что освобождаетъ отъ всякихъ разсчетовъ на такіе невѣрные источники дохода. Не смотря на то, что сначала все это произвело на меня въ высшей степени непріятное впечатлѣніе, теперь я уже привыкъ нѣсколько, и, если расширится кругъ моихъ знакомыхъ, я надѣюсь совершенно быть довольнымъ Казанью. Къ чему человѣкъ однако ни привыкаетъ!" А привыкать было конечно не легко, такъ какъ условія казанской жизни не походили на тѣ, посреди которыхъ выросъ Браунъ. Приведемъ еще описаніе города, сдѣланное имъ въ одномъ изъ своихъ писемъ; оно любопытно, какъ наглядное изображеніе Казани болѣе чѣмъ за семьдесятъ лѣтъ до нашего времени:

«Городъ расположенъ въ остромъ углѣ, образуемомъ Казанкою, текущею съ сѣвера, и Волгою, въ которую Казанка впадаетъ. Послѣдняя проходитъ подъ крѣпостью и до впаденія своего въ Волгу, течетъ по болотистому полю, покрытому кустарникомъ на протяженіи семи верстъ. Это поле, называемое лугомъ, лѣтомъ служитъ для пастьбы скота, а въ сырые годы обращается въ болото. Городъ очень великъ, такъ что по объему не уступитъ Вѣнѣ, но такъ раскинутъ по холмамъ и долинамъ, что въ самомъ городѣ есть площади, напоминающія степи. Холмы большею частію состоятъ изъ глины: между ними водою вымыло глубокіе овраги. Большая часть города лежитъ на болотистой равнинѣ, на Юго-Западъ, по направленію къ Волгѣ, и эта часть въ свою очередь дѣлится на двое длиннымъ озеромъ Кабаномъ (воду котораго, за не имѣніемъ луч-

шей, пьетъ цѣлый городъ) и отводнымъ каналомъ изъ него—Булакомъ, впадающимъ въ Казанку. Другая часть города, къ Сѣверу, лежитъ на лѣвомъ берегу Казанки. Большая часть города вообще расположена въ болотѣ. Весною, вслѣдствіе разлива Волги до самаго города, это болото становится озеромъ, такъ что лодки съ товарами по Булаку входятъ въ самый городъ. Сверхъ того, частію внутри города, частію въ его окрестностяхъ, находятся еще пять озеръ, или лучше сказать—болотъ съ стоячею водою. При здѣшнихъ сильныхъ жарахъ, вода загниваетъ и дѣлаетъ очень нездоровыми прилежащія части города. Дома по большей части выстроены изъ дерева, безъ этажей, притомъ весьма некрасивы и неудобны. Очень часто дѣлаются они добычею пламени. Такой печальный случай былъ и сегодня: отъ 6 до 10 часовъ вечера два дома, со всѣми принадлежащими къ нимъ строеніями, обращены въ пепелъ. Внутреннія стѣны домовъ покрыты только известью; двери не притворяются плотно, замки весьма дурны, а печи никуда не годятся; погреба встрѣчаются весьма рѣдко. Кухни вообще удалены отъ главнаго строенія, такъ какъ хозяйка считаетъ за стыдъ появляться на кухнѣ. Немногіе каменные дома непрочны. Всѣ они выстроены изъ кирпича, сдѣланнаго изъ одной глины и только на половину высушеннаго, почему онъ скоро вывѣтривается, а дома смотрятъ развалинами. Только въ крѣпости есть небольшой клочокъ мостовой, всѣ же остальныя улицы не вымощены. При сухой погодѣ можно еще ходить пѣшкомъ, но въ дождь и осенью нельзя обойтись безъ экипажа, особенно въ низкихъ частяхъ города, куда стекаетъ сверху вся вода и гдѣ грязь подымается до самыхъ осей дрожекъ. Какъ скоро однако вода стекла, размягченная глина такъ пристаетъ къ колесамъ, что пара лошадей съ большимъ трудомъ вытаскиваетъ экипажъ. Въ Казани до 17/т. жителей, но число это нѣсколько уменьшается лѣтомъ, когда помѣщики разъѣзжаются по деревнямъ; зимою они возвращаются, чтобъ повеселиться. Знатныхъ фамилій, по европейскимъ понятіямъ, между ними нѣтъ однако вовсе. Большая часть населенія въ городѣ состоитъ изъ Русскихъ; Татаръ считается около 5/т.; они живутъ въ особой части города; нѣмецкихъ семействъ около ста; это по большей части ремесленники». Далѣе Браунъ сообщаетъ цѣны на жизненные припасы, замѣчаетъ, что въ теченіи двухъ большихъ постовъ чрезвычайно трудно купить мяса; «за то иностранныхъ винъ много въ Казани, но они большею частью представляютъ поддѣлку: привозятъ плохое вино изъ Тамани и въ большомъ употребленіи цимлянское».

Любопытнѣе всего для насъ на первыхъ порахъ дѣятельности Брауна въ Казанскомъ университетѣ должны бы быть его отношенія къ самовластному Яковкину, но объ этомъ у насъ мало свѣдѣній. Браунъ былъ „человѣкомъ характера чрезвычайно серьезнаго и стойкаго“, какъ выражается о немъ его пасынокъ, профессоръ К. К. Фойгтъ,

и весьма сдержаннаго и осторожнаго, прибавимъ мы отъ себя. Пріѣхавъ въ Казань вскорѣ послѣ увольненія нѣкоторыхъ профессоровъ, такъ неудачно боровшихся съ Яковкинымъ, онъ очень хорошо понималъ свое положеніе, хотя и выражался объ окружавшей его жизни нѣсколько аллегорически: „Никогда ни одинъ городъ, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, не производилъ на меня столь непріятное впечатлѣніе, какъ Казань, не по мѣстоположенію своему, которое весьма пріятно, но потому что все здѣсь такъ сказать находится еще въ мукахъ рожденія и потому каждый, владѣющій двумя крѣпкими кулаками, думаетъ о себѣ, что онъ призванъ быть помощникомъ въ этихъ родахъ, не смотря на слабость собственной головы. Бѣдные люди эти не знаютъ того, что нельзя вызывать на Божій свѣтъ еще несозрѣвшие зародыши, не разрушая вмѣстѣ съ тѣмъ и слабую жизнь. Много неловкихъ опытовъ произвели наконецъ то, что честный и миролюбивый человѣкъ едва ли рѣшится предпринять что либо для общаго блага, если не желаетъ, чтобъ съ нимъ поступлено было какъ съ этими людьми. Тутъ болѣе одной гидры, у которой надобно отрубить голову, но это сдѣлается еще не скоро: гидры живутъ и пугаютъ во мракѣ, а испорченное дѣло поправить не легко. Все это однако не должно охлаждать моего стремленія быть полезнымъ. Для меня это только предостереженіе и оно заставляетъ меня быть осмотрительнымъ и осторожнѣе приниматься за дѣло, для того чтобъ не погубить и ту частицу добра, которую я въ состояніи принести“.

Эти достоинства характера были причиною, что Браунъ въ теченіе двѣнадцатилѣтней жизни своей въ Казани успѣлъ пріобрѣсти всеобщее уваженіе, не только въ средѣ близкихъ ему нѣмецкихъ профессоровъ, для которыхъ онъ былъ, по выраженію Яковкина, „оракуломъ“, но и между русскими, даже въ городѣ, мало сочувствовавшемъ университету. Яковкинъ очень хорошо понималъ, что рядомъ съ нимъ, по немногу, выростаетъ въ общемъ мнѣніи человѣкъ нравственной силы, который долженъ смѣнить его и потому конечно старался представить его не въ благопріятномъ свѣтѣ въ глазахъ Румовскаго. На первыхъ порахъ онъ видимо расположенъ къ Брауну: „отъ праводушія его, особенной ревности его къ должности и откровеннаго безпристрастія здѣшній университетъ много добраго ожидать

можетъ“ сообщаетъ онъ попечителю (12 мая 1808 г.), но когда въ концѣ 1810 года сдѣлана была со стороны министра народнаго просвѣщенія и попечителя неудавшаяся попытка дать самоуправленіе университету, и при избраніи ректора большинство голосовъ соединилось въ пользу Брауна, Яковкинъ видимо сталъ преслѣдовать его. Онъ иначе не называетъ Брауна какъ оракуломъ между нѣмцами, его общество считаетъ онъ „предосудительнымъ“, жалуется на его самолюбіе, сообщаетъ о его *нетерпимомъ характерѣ* и о скупости, когда около того времени Браунъ, послѣ неутвержденія его ректоромъ, рѣшался было совсѣмъ оставить Казанскій университетъ: „Имѣя до пятидесяти тысячъ рублей, какъ знающіе увѣряютъ, (что доказывается и здѣсь тѣмъ, что разные профессоры ему должны, а учитель Стефани переводилъ ему съ русскаго на нѣмецкій языкъ ломбарда московскаго билетъ на сорокъ пять тысячъ, собранные имъ изъ долговъ въ Вильнѣ и отданные въ проѣздъ чрезъ Москву) въ процентахъ, свободно можетъ онъ жить и безъ должности; но непомѣрная его скупость того ему не позволитъ, когда онъ и здѣсь имѣетъ себѣ постояннымъ правиломъ, чтобъ и съ кухаркою не издерживать въ день болѣе пятидесяти копѣекъ на все содержаніе“ (6 ноября 1811 г.) ([1]). Мелкія преслѣдованія Яковкина были въ то время на столько важны, что даже такое пустое обстоятельство, какъ поѣздка Брауна на нѣсколько дней въ вакаціонное время въ сосѣдній Свіяжскъ, была поводомъ къ оффиціальной перепискѣ. „Своевольнаго отъѣзда Брауна я не хвалю, отвѣчалъ Румовскій Яковкину на увѣдомленіе его объ этомъ обстоятельствѣ, но надобно дать ему время еще посвоевольничать“; тѣмъ не менѣе онъ тогда же (21 авг. 1811 г., № 848) донесъ министру, что „профессоръ Браунъ отлучился изъ Казани, не предъувѣдомя ни совѣтъ ни директора объ отъѣздѣ своемъ, въ городъ Свіяжскъ, чтобы воспользоваться временемъ отдохновенія, въ уставѣ назначеннымъ“ и просилъ постановленія, такъ какъ въ уставѣ ничего не сказано о правѣ отлучки безъ отпуска въ другіе города на вакаціонное время.

([1]) Въ 1811 году Браунъ имѣлъ намѣреніе купить деревню, но гражданская палата отказала ему въ томъ, вѣроятно потому что онъ не былъ потомственнымъ дворяниномъ.

До этого выбора въ ректоры, столь не понравившагося Румовскому. последній относился къ Брауну съ полнымъ уваженіемъ и участіемъ. У Брауна было личное дѣло. Находясь еще на службѣ въ Вильнѣ, онъ сговорилъ за себя дочь гейдельбергскаго профессора Лангсдорфа и имѣлъ намѣреніе въ каникулярное время 1807 года жениться и переѣхать уже съ женою въ Казань, но тогда не удалось это сдѣлать за военными обстоятельствами. Лѣтомъ 1808 года онъ ходатайствовалъ о дозволеніи ему съѣздить въ Германію, сверхъ вакаціоннаго времени, на которое полагалось тогда только одинъ мѣсяцъ, еще на два мѣсяца, безъ вычета жалованья. Два раза представлялъ объ этомъ Румовскій министру, и очень энергически, но сохранить содержаніе на три мѣсяца министръ не согласился. Посылая Брауну заграничный паспортъ, попечитель писалъ ему: „Довѣріе, питаемое мною къ вашему уму и познаніямъ, побудило меня просить васъ поискать во время путешествія ученаго, который согласился бы ѣхать въ Казань въ званіи профессора патологіи, терапіи и клиники, съ нужными для того свѣдѣніями". Свадьба Брауна состоялась однако безъ поѣздки за границу [1]. Тѣмъ не менѣе онъ рекомендовалъ Румовскому Шмидтмюллера, профессора въ Ландсгутѣ, Здекауэра и Субботина, военнаго врача, котораго онъ зналъ еще въ Вильнѣ. Поступленіе ихъ въ Казанскій университетъ не состоялось однако по разнымъ причинамъ. Точно также онъ хвалилъ для замѣщенія каѳедры акушерства Бонгарда и, входя въ кругъ требованій Румовскаго и Яковкина отъ профессора, онъ писалъ о Бонгардѣ: „Le caractère moral de M-r Bonhard est tel,

---

[1] Отецъ невѣсты требовалъ непремѣнно, чтобъ женихъ самъ пріѣхалъ за нею въ Гейдельбергъ и долго не отпускалъ ее. Наконецъ она пріѣхала въ Москву въ декабрѣ 1808 года съ какимъ то нѣмецкимъ купцомъ, давно жившимъ въ этомъ городѣ; туда же пріѣхалъ и Браунъ изъ Казани. Свадьба была въ концѣ декабря, Браунъ тотчасъ же воротился въ Казань и, совершенно счастливый, какъ писалъ онъ къ Румовскому, занялся устройствомъ своего маленькаго хозяйства и казенной квартиры, не топленной въ его отсутствіе, гдѣ онъ не находилъ мѣста отъ страшнаго холода. Жена его умерла въ Казани черезъ четыре мѣсяца, вслѣдствіе нервной горячки, а Браунъ года чрезъ три женился на вдовѣ профессора Фойгта.

qu'il doit être pour l'université naissante de Kasan, si elle doit prospérer. Il est tranquille, pacifique, il aime à faire son devoir et ne se mêle pas dans les affaires, qui ne sont pas de son ressort, en un mot: il est un honnête homme". Этими моральными свойствами безъ сомнѣнія обладалъ и Браунъ или по крайней мѣрѣ онъ старался быть такимъ. Такой характеръ, въ соединеніи съ сдержанностью и стойкостью, и былъ причиною, что на долю Брауна выпала честь быть первымъ выборнымъ ректоромъ Казанскаго университета въ 1814 году, когда онъ дѣйствительно былъ открытъ, согласно уставу (¹). Высказывая въ своей латинской рѣчи въ торжественномъ собраніи университета по поводу его открытія, значеніе для жизни университета выборнаго ректора, когда Императоръ Александръ „mediis in castris (т. е. въ заграничномъ походѣ) jussit, ut Rector praeesset is, qui plurimorum suffragiis creatus", Браунъ говорилъ и о личномъ чувствѣ своемъ, въ виду важной и тяжелой обязанности возложенной на него довѣріемъ товарищей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указалъ и на тѣ нравственныя качества, которыя всегда были вѣрными помощниками ему въ различныхъ обстоятельствахъ жизни и которыя считаетъ онъ необходимыми

(¹) Браунъ умеръ 8 января 1819 года, на 44 году жизни, будучи выбранъ въ должность ректора на второй срокъ. Нѣсколькими недѣлями онъ не дожилъ до ревизіи Магницкаго. Съ какимъ почетомъ и уваженіемъ университетъ хоронилъ своего перваго ректора, можно видѣть изъ современнаго печатнаго описанія (*Казанскія Извѣстія* 1819 года, № 6) и изъ церемоніала, составленнаго въ совѣтѣ университета и сохранившагося въ дѣлахъ. Очевидно, что Браунъ, не смотря на уединенную жизнь свою, пользовался общимъ уваженіемъ. Для насъ въ особенности любопытно, что его, представителя свѣтской науки въ молодомъ университетѣ, и притомъ, какъ кажется католика, почтили участіемъ представители высшаго духовенства въ краѣ, единственные хранители науки въ провинціи до созданія Александровскихъ университетовъ. Въ это свѣтлое время (передъ самой однакожъ реакціонной бурей) антагонизма не было. Брауна полнымъ православнымъ обрядомъ, по личному желанію, отпѣвалъ извѣстный проповѣдникъ, архіепископъ Казанскій и Симбирскій Амвросій Протасовъ, въ церкви Покрова Богородицы, и провожалъ его въ полномъ облаченіи до церкви Грузинской Божіей Матери, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ, а ректоръ семинаріи, въ которую была только что преобразована академія, архимандритъ Θеофанъ, говорилъ покойному надгробное слово (Браунъ былъ врачемъ при академической больницѣ).

для ректора: conscia mens recti, vitae integritas, religiosissima officiorum cura et fiducia in Deo opt. maximo reposita“ (¹).

Въ теченіе двѣнадцатилѣтней профессорской службы Браунъ читалъ по латыни: 1) физіологію, пользуясь сочиненіями по этой части учителя своего Прохаски. Вотъ конспектъ его лекцій, насколько можно было составить его изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей о преподаваніи, представляемыхъ попечителю. „Отправленія нервовъ души; чувства внѣшнія и внутренія; расположеніе и строеніе органовъ чувствъ; строеніе кровевозвратныхъ и біющихся жилъ, кругообращеніе крови; силы производящія сіе движеніе; различія движеній крови и ея употребленія и пользы; о всасываніи (absorbtio), о преобращеніи вообще (de assimilatione in genere); о голодѣ и жаждѣ, о пищѣ и питіи; о жеваніи и глотаніи; о вареніи пищи; о приготовленіи питательнаго сока и испражненіяхъ вообще, de omento, de pancreate, о селезенкѣ, о печени и желчи и объ отправленіяхъ кишекъ толстыхъ и тонкихъ; о кровотвореніи; о кровопроизвожденіи (sanguificatio); о питаніи; отдѣленіи (secretio); объ отправленіяхъ половыхъ; о различіи пола вообще; о зачатіи и рожденіи человѣка; о зародышѣ; объ обезображеніи плода или объ уродахъ, о кровяной пасокѣ, кровяномъ пирогѣ, о волокнистой части крови и о кровяныхъ шарикахъ; о воздухѣ и водѣ; о климатѣ и электричествѣ; о свѣтѣ, пищѣ, лѣкарствахъ; объ эѳирѣ, магнитѣ и вліяніи звѣздъ и организаціи; объ инстинктѣ; о силѣ производящей; о привычкѣ, темпераментѣ и собственномъ здоровьи.“ (²). По открытіи университета и образованіи медицинскаго факультета, Браунъ читалъ 2) анатомію, руководствуясь сочиненіемъ Видемана. Практическая часть преподаванія сильно страдала. Часто въ отчетахъ мы встрѣчаемъ такого рода извѣстія: „Профессоръ Браунъ, за неимѣніемъ кадаверовъ, на коихъ бы нужно было показать строеніе мозга и происхожденіе нервовъ, прервалъ порядокъ автора (Прохаски) и показывалъ мозгъ на Лодеро-

(¹) Oratio solemnia inaug. V Julii an. 1814. p. 3.

(²) Все это совершенно соотвѣтствуетъ оглавленію книги Прохаски: Lehrsätze aus der Physiologie des Menschen. Zum Gebrauch seiner Vorlesungen. 1—2. Wien 1797. 8°.

выхъ таблицахъ". Изъ дѣлъ видно, что Браунъ нѣсколько разъ представлялъ совѣту о неимѣніи для лекцій труповъ, совѣтъ писалъ о томъ въ полицію, жаловался на нее губернатору, представлялъ Попечителю, но отвѣта ни откуда не получалъ. Анатомическія лекціи происходили лишь въ зимнее время и то только въ такомъ случаѣ, если доставлялись трупы. Пришлось ограничиваться Лодеровыми таблицами и объяснять напр. внѣшнія чувства и физіологическіе процессы „сколько можно", на препаратахъ изъ „безсловесныхъ животныхъ: четвероногихъ, птицъ, питающихся зернами, рыбъ и насѣкомыхъ".—Кромѣ упомянутыхъ предметовъ Браунъ читалъ 3) судебную медицину, по сочиненію Мецгера и медицинскую полицію по книгѣ Шрауда. Въ составъ этого курса входили слѣдующія части: „О качествахъ судебнаго врача, о вспомогательныхъ наукахъ судебной медицины; о смертельности поврежденій всякой части нашего тѣла (головы, груди, брюха) въ разсужденіи ихъ положенія и дѣйствій". Въ 1817 году онъ принялъ на себя чтеніе 4) хирургіи, за неимѣніемъ профессора этого предмета, съ половиннымъ окладомъ жалованья. До открытія университета лекціи Брауна имѣли совершенно случайный характеръ и случайныхъ слушателей; врача изъ этихъ слушателей конечно не вышло ни одного. Такъ, въ теченіе трехъ лѣтъ у него было два студента. Эти студенты обязаны были слушать кромѣ его лекцій слѣдующіе пр дметы: греческую и латинскую словесность, химію и матерію медику; одинъ изъ нихъ слушалъ кромѣ того философію, а другой технологію (вмѣсто химіи); оба занимались сверхъ того живописью. Большаго труда стоило Яковкину, при опредѣленіи всякаго новаго профессора, вербовать для него добровольныхъ и недобровольныхъ слушателей. Только въ 1812 году, вѣроятно подъ вліяніемъ войны, набралось у Брауна 12 студентовъ.

Кромѣ упомянутой рѣчи при открытіи университета, Браунъ произнесъ и напечаталъ въ 1817 году еще рѣчь: „De circulatione sanguinis ejusque organis", p. 1—14.

Въ засѣданіе совѣта 9 октября 1807 года въ первый разъ явился, не задолго до того (3 августа) утвержденный министромъ народнаго просвѣщенія профессоромъ на единственную каѳедру восточныхъ языковъ, положенную уста-

вомъ 1804 года, докторъ *Христіанъ Мартинъ Френъ*, столь извѣстный въ послѣдствіи въ наукѣ членъ С. Петербургской Академіи Наукъ. На долю этого человѣка выпало быть начинателемъ и *восточнаго отдѣленія* или факультета, которымъ когда-то гордился Казанскій университетъ и дѣйствительной, строгой науки, посвященной изученію восточнаго міра, къ чему казалось призывали Россію и историческія судьбы и географическое ея положеніе.

Казань этимъ восточнымъ положеніемъ своимъ была въ самомъ дѣлѣ, какъ думали тогда, предназначена для того, чтобъ сдѣлаться дѣятельнымъ центромъ изученія Востока въ Россіи. Столица когда-то сильнаго татарскаго царства, она и до сихъ поръ сохранила слѣды татарскаго періода и въ памятникахъ, и въ значительной части своего населенія, отличающейся и одеждой, и обликомъ. Въ татарскихъ слободахъ вѣетъ Востокомъ; съ минаретовъ мечетей звучатъ горловыя призыванія на молитву правовѣрныхъ. Тамъ и ученость восточная въ многолюдныхъ медресе, образовывающихъ муллъ и изучаемая иногда въ теченіе многихъ лѣтъ. Этотъ восточный характеръ города и необходимость изучать въ немъ восточные языки сознаны были очень рано, еще въ первые годы существованія гимназіи въ Казани. Уже первый директоръ этой гимназіи, тотъ при которомъ учился Державинъ, сознавалъ необходимость изученія здѣсь, на мѣстѣ, татарскаго языка: „Здѣшній городъ, писалъ онъ въ рапортѣ своемъ въ Московскій университетъ 18 сентября 1759 года, есть главный цѣлаго царства татарскаго національнаго діалекта. Не повелѣно ли будетъ завести при гимназіяхъ классъ татарскаго языка? Современемъ на ономъ отыскиваемы быть могутъ многіе манускрипты; *правдоподобно, что оные подадутъ нѣкоторый можетъ быть не малой свѣтъ въ русской исторіи*“ (¹). Выгодность и удобства положенія Казани для изученія Востока и восточныхъ языковъ были не разъ указываемы въ разныхъ актовыхъ рѣчахъ и въ сочиненіяхъ, посвященныхъ успѣхамъ и развитію восточной словесности въ царствованіе Императора Николая (²), когда

(¹) Русская Бесѣда 1860. ч. I. Біографія Веревкина, стр. 16.

(²) См. напр. акад. *Дорна*: «Ueber die hohe Wichtigkeit und die nahmhaften Fortschritte der asiatischen Studien in Russland» въ Recueil des

собственно и существовало въ Казани восточное отдѣленіе или факультетъ.

Научное изученіе восточныхъ языковъ, начиная съ татарскаго, какъ мѣстнаго и ближайшаго, возникло изъ практическихъ потребностей, сознаваемыхъ уже въ царствованіе Екатерины II. Эта государыня, во время своего перваго путешествія по Россіи, передъ самымъ созваніемъ депутатовъ, наглядно узнала какимъ разнообразнымъ и разноплеменнымъ міромъ народовъ выпало на долю ея управлять. Безъ сомнѣнія въ самой Коммиссіи встрѣчались затрудненія при заявленіяхъ желаній депутатовъ отъ инородцевъ, и это обстоятельство, а также гуманное желаніе правительства точно знать нужды разноязычныхъ народовъ указали на необходимость имѣть знающихъ и образованныхъ переводчиковъ. Это былъ естественный ходъ науки и практическая цѣль должна была превратиться въ научную, именно ту, которая остается въ исторіи духа. Такъ успѣхи и громадное развитіе знанія о Востокѣ въ Англіи, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, обязаны началомъ своимъ сильнѣйшему стимулу въ душѣ такого практическаго народа, какъ англичане,—интересу, собственной выгодѣ, какъ это прямо и высказываетъ знаменитый орьенталистъ сэръ Вильямъ Джонсъ. Выгода привела къ научному изслѣдованію; послѣднее скрѣпило англійскія завоеванія на Востокѣ. Точно такъ и у насъ потребность въ переводчикахъ вызвала первые классы восточныхъ языковъ въ разныхъ училищахъ при Екатеринѣ. Съ 12 мая 1769 года въ Казанскихъ гимназіяхъ введено преподаваніе татарскаго языка. Указъ Императрицы Екатерины отъ этого числа на имя казанскаго губернатора Квашнина-Самарина прямо говоритъ о необходимости переводчиковъ съ татарскаго и заключаетъ въ себѣ повелѣніе: „учредить *единожды навсегда* (послѣднимъ уставомъ гимназій 1874 года этотъ указъ Екатерины отмѣненъ) при Казанской гимназіи для охотниковъ *классъ того языка* и опредѣлить учителемъ онаго Старой и Новой татарскихъ слободъ *депутата* (т. е. въ Коммисіи о сочи-

actes, SPB. 1840, S. 93. Или: *Ковалевскаго*: «Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ до настоящаго времени». Казань. 1842. 8°.

пеніи проэкта новаго уложенія) и тамошней адмиралтейской конторы толмача *Сагита Хальфина*, котораго пожаловавъ въ переводчики съ чиномъ и жалованьемъ противъ губернскаго переводчика, какъ его самаго, такъ и дѣтей его мы исключили изъ податнаго оклада, дабы онъ съ своей стороны къ обоимъ ему поручаемымъ должностямъ прилежаніе, а дѣти его къ наученію себя впредь годными къ службѣ надежное одобреніе имѣть могли (1)". Этотъ Сагитъ былъ потомъ переводчикомъ въ слѣдственной коммиссіи по Пугачевскому бунту (2). Тотчасъ по присоединеніи Крыма оказалась опять надобность въ знатокахъ татарскаго языка, и для сношеній съ Татарами во всѣхъ учрежденіяхъ новой Таврической области должны были быть надежные переводчики и знатоки татарскаго языка. Потемкинъ за такими лицами обратился къ Казанскому генералъ-губернатору князю Мещерскому, а тотъ естественно написалъ въ гимназію. Доставила ли гимназія переводчиковъ — неизвѣстно. Но тогдашній директоръ Казанскихъ гимназій подполковникъ Иванъ Ѳедоровичъ Людеманъ, въ благодарность Потемкину за лично оказанныя ему милости съ самаго вступленія его въ службу россійскую, поднесъ ему въ 1785 году словарь и грамматику татарскія, составленныя по его порученію при гимназіяхъ (3). „Нѣтъ надобности упоминать,

---

(1) *Ковалевскій,* Обозрѣніе стр. 3. *Артемьева,* Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи. Спб. 1874. стр. 90.

(2) *Артемьевъ,* ibid. Сагиту принадлежитъ «Азбука татарская, съ россійскимъ переводомъ, и съ обстоятельнымъ описаніемъ буквъ и складовъ». М. 1778. 8°. Она, по указанію Артемьева, служила руководствомъ при преподаваніи. Сагитъ былъ учителемъ до 1785 года, когда отказался по старости.

(3) Рукопись библіотеки Каз. Унив. подъ № 1582: «Татарскій словарь и краткая татарская грамматика въ пользу обучающагося при Казанскихъ гимназіяхъ юношества татарскому языку. Сочиненный при оныхъ же гимназіяхъ». Прекрасный экземпляръ этотъ въ двухъ частяхъ, съ виньеткою и съ золотымъ обрѣзомъ, безъ сомнѣнія тотъ самый, который былъ посланъ Потемкину. Очень можетъ быть, что онъ остался безъ употребленія, вслѣдствіе разности нарѣчія крымскихъ Татаръ съ нарѣчіемъ казанскихъ и черезъ 15 лѣтъ снова воротился въ Казань, вмѣстѣ съ библіотекою князя Потемкина. Когда Румовскій прислалъ въ 1806 году десять экземпляровъ русско-татарскаго словаря, составленнаго въ Тобольскѣ свя-

говорилъ въ своемъ посвященіи книги Principi pacificatori Crimeae Людеманъ, о тѣхъ бѣдствіяхъ, какъ всѣмъ уже довольно извѣстныхъ, которые Россіи отъ опой безпокойной области издревле причиняемы были, ниже о тѣхъ великихъ, также небезпримѣтныхъ выгодахъ, кои отъ нынѣшняго щастливаго опой присоединенія проистекаютъ. При таковомъ преславномъ произшествіи всевозможно присовокуплять, есть долгъ каждаго вѣрноподданнаго, но послику до нынѣшняго времени словаря татарскаго для дѣлъ съ онымъ народомъ потребнаго, еще не находилось, то я, имѣя дирекцію надъ Казанскими гимназіями, съ радостію предпріялъ о сочиненіи онаго, тоже и краткой татарской грамматики приложить стараніе". Принималъ ли Сагитъ Хальфинъ участіе въ составленіи этого словаря—неизвѣстно. Замѣчательно, что предпріятіе Людемана совпало по времени съ составленіемъ словарей инородческихъ нарѣчій для общаго сравнительнаго словаря, задуманнаго Екатериною. Въ 1784 году она поручила Казанскому архіепископу Антонію составить татарскій словарь (1), какъ поручила въ тоже время такое же дѣло составленія иноязычныхъ словарей Нижегородскому епископу Дамаскину (2), какъ поручала и другимъ, доставляя и планъ работы. Архіепископъ Антоній не обошелся безъ помощи гимназіи, которая доставила ему для этого дѣла ученика Семена Мальцева и солдата Имангула Чурикова. О словарѣ Антонія свѣдѣній у насъ не имѣется.

Послѣ Сагита Хальфина татарскій языкъ въ гимназіи преподавалъ до 1800 года сынъ его *Искакъ* (3), а съ 1800 по 1828 годъ внукъ — *Ибрагимъ* Хальфинъ, впослѣдствіи

щенникомъ *Гигановымъ* (Спб. 1804 г.), Яковкинъ, какъ кажется ошибочно, писалъ, что вѣроятно списокъ Потемкинскаго словаря какъ нибудь попалъ въ Тобольскъ: «Напечатанъ онъ изъ слова въ слово съ нашимъ и со всѣми находящимися въ немъ ошибками и пропусками».

(1) *Артемьевъ* ibid. стр. 180.

(2) *Русская Старина*, 1878 г. XXIII, 705—707.

(3) Искакъ по порученію правительства перевелъ на татарскій языкъ «Учрежденіе о губерніяхъ» и «Уставъ Управы Благочинія», которые были напечатаны въ Спб. въ 1792 году въ особой типографіи. За трудъ этотъ Искакъ получилъ чинъ губернскаго секретаря и 1000 рублей. Во время отсутствія его для этого дѣла въ Петербургъ, должность учителя исправлялъ братъ его Измаилъ.

адъюнктъ университета. Этого послѣдняго засталъ Френъ, сблизился съ нимъ, познакомился съ его помощью съ казанско-татарскимъ нарѣчіемъ, завелъ черезъ него связи съ учеными муллами и не прерывалъ съ нимъ сношеній и по переѣздѣ въ Петербургъ. По представленію Френа въ 1811 году, Ибрагимъ Хальфинъ, сверхъ учительства въ гимназіи, сдѣланъ былъ лекторомъ татарскаго языка при университетѣ. Преподаваніе семьи Хальфиныхъ не могло имѣть никакого другаго характера кромѣ практическаго; оно давало возможность изучать живой разговорный языкъ и изъ школы Хальфиновъ вышли отличные переводчики, по свидѣтельству Ковалевскаго. Этотъ практическій характеръ, необходимый для надобностей государства, считающаго въ предѣлахъ своихъ милліоны людей восточнаго племени, остался бы на долго, и въ царствованіе Александра, еслибъ не были основаны въ университетахъ каѳедры восточныхъ языковъ и, еслибъ самая наука изученія Востока не получила около того времени, подъ вліяніемъ событій историческихъ и въ области духа, особеннаго и весьма важнаго содержанія.

Дѣйствительно тогда знакомство съ Востокомъ получило особенно широкое развитіе. Не говоря уже объ успѣхахъ еврейскаго изученія, начавшагося въ Германіи со времени Лютеровой реформы и представлявшаго тогда много блестящихъ ученыхъ именъ, вспомнимъ какія событія сопровождали расширеніе свѣдѣній о Востокѣ. Египетская экспедиція Наполеона, вызвавшая ученую экспедицію, раскрыла передъ Европой впервые таинственную страну пирамидъ и чудеса ея древней мудрости, которой поучались основатели греческой цивилизаціи; Анкетиль Дю-Перронъ открылъ и издалъ отрывки знаменитой книги Ирана, трактующей о борьбѣ добра и зла съ основанія міра, труды Азіатскаго королевскаго общества въ Лондонѣ и изданія восточно-индійскихъ англійскихъ обществъ въ Батавіи, Мадрасѣ, вызванныя политическими нуждами Англіи, раскрыли мысль, поэзію, всю цивилизацію и языкъ Ведъ и браминовъ, и дали содержаніе для нѣмецкой науки. Рядомъ съ этими явленіями шло и развивалось изученіе мухамеданскаго Востока, главнымъ центромъ котораго сдѣлалось Парижское Азіатское Общество. Наука, ея содержаніе и направленіе всегда даются и создаются общимъ духомъ времени, невидимымъ вліяніемъ переживаемыхъ событій, которыя направ-

ляютъ теченіе мысли человѣческой. Такъ было и въ то время, о которомъ мы говоримъ. Для людей. потрясенныхъ сильными революціонными бурями въ концѣ вѣка, изученіе Азіи, далекаго Востока, древнихъ преданій, получило особенную, съ современнымъ почти содержаніемъ, прелесть. Это дѣлалось невольно, но иногда и высказывалось. Такъ высказалъ глубокое значеніе для современной эпохи изученія Востока одинъ изъ самыхъ развитыхъ русскихъ людей времени, сдѣлавшій потомъ, въ званіи министра народнаго просвѣщенія такъ много для изученія Востока, въ нашемъ отечествѣ (1). „Измученные кровавыми неистовствами, совершенными во имя разума человѣческаго, мы не должны ждать повторенія потрясеній, говорилъ онъ. Мы призваны на защиту громадныхъ развалинъ, къ возстановленію, а не къ постройкѣ новаго зданія. Одинаковыя причины и насъ, какъ Неоплатониковъ, заставляютъ обратиться къ далекой древности, изучать ее. Это изученіе дастъ благородное занятіе взволнованному духу и окажетъ услуги европейской цивилизаціи, опредѣляя первоначальныя основы ея происхожденія. А въ этомъ отношеніи какой предметъ человѣческой любознательности можетъ сравниться съ изученіемъ Азіи? Расширеніе знаній объ этой обширной и чудесной странѣ можетъ быть дастъ намъ нить въ лабиринтѣ человѣческаго духа, можетъ быть откроются древніе, забытые, скрытые подъ развалинами источники и они-то дадутъ этому духу и силу и новую свѣжесть, предвѣстниковъ великихъ эпохъ, когда раждаются геніальныя созданія“. „Juvat integros accedere fontes“ — приводилъ онъ стихъ Лукреція, говоря объ изученіи Востока.

Отъ изученія Востока ждали обновленія. Азія являлась колыбелью всемірной цивилизаціи; въ ней думали найти источники просвѣщенія, начала всѣхъ наукъ, прославившихъ европейскій Западъ; это подтверждалось и библейскими разсказами и преданіями Грековъ. Источникъ умственнаго развитія Греціи искали въ древней Индіи, въ Египтѣ; на Востокѣ—древнѣйшіе памятники исторіи; самая древняя и самая священная по религіознымъ преда-

---

(1) Мы говоримъ о графѣ С. С. Уваровѣ. См. его «Projet d'une académie asiatique. SPB. 1810. p. 28—29.

ніямъ наука человѣчества—астрономія родилась на Востокѣ; Востокъ — родина самаго древняго и самаго совершеннаго языка браминовъ; на немъ писаны Веды—самый древній памятникъ, предшествующій исторіи. Тогда еще не знали сравнительнаго языкознанія. „Изучать языкъ народа" значило тогда „изучать рядъ его идей". Вниманіе орьенталиста, какъ и изучающаго классическіе языки, все было сосредоточено тогда на одномъ какомъ либо языкѣ, на его грамматикѣ, на его особенностяхъ, на знакомствѣ и объясненіи его литературныхъ памятниковъ. „Аналитическое изученіе языка вводитъ насъ въ геній народа"—говорили тогда, а за изученіемъ восточныхъ языковъ скрывалось „раскрытіе забытыхъ, но вѣчныхъ и великихъ тайнъ человѣческаго развитія".

Такое обще-человѣческое, культурное и цивилизаціонное значеніе получило тогда въ Европѣ изученіе восточныхъ языковъ и литературъ, тогда какъ у насъ существовали только низшіе практическіе классы для переводчиковъ съ языковъ тѣхъ народовъ, съ которыми Россія входила въ сношенія или которые жили въ ея предѣлахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каѳедры восточныхъ языковъ въ уставахъ Александровскихъ университетовъ учреждены были отчасти подъ вліяніемъ общихъ европейскихъ взглядовъ на эту отрасль науки, успѣхи которой были уже извѣстны составителямъ уставовъ, но незначительное число этихъ каѳедръ (по одной на университетъ) и неопредѣленность состава каждой (она называлась вообще каѳедрою восточныхъ языковъ), указываютъ на то, что это была лишь дань духу времени, а не дѣйствительное сознаніе необходимости дать широкое развитіе этой наукѣ, особенно важной для Россіи по ея географическому положенію, международнымъ и внутреннимъ отношеніямъ и по ея исторической миссіи на Востокѣ. Между тѣмъ около того же времени государственный умъ Уварова понималъ и высказывалъ это общее гуманитарное и спеціальное для Россіи значеніе изученія Востока: „Въ эпоху возрожденія изученія Востока, останется ли Россія позади всѣхъ европейскихъ народовъ?—говорилъ онъ въ мемуарѣ, посвященномъ тогдашнему нашему министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому. Россія, сопредѣльная съ Азіей, обладательница всей сѣверной части этого материка, не можетъ не раздѣлять съ

прочими народами общаго нравственнаго побужденія въ ихъ благородныхъ предпріятіяхъ, но у ней есть особенное, политическое побужденіе къ тому; при одномъ взглядѣ на географическую карту, оно становится яснымъ и несомнѣннымъ. Россія опирается, такъ сказать, на Азію. Сухопутная граница громаднаго протяженія приводитъ ее въ соприкосновеніе почти со всѣми народами Востока; между тѣмъ едва ли можно повѣрить тому, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, въ Россіи меньше всего сдѣлано для изученія Азіи. Довольно самыхъ первоначальныхъ политическихъ свѣдѣній для пониманія тѣхъ выгодъ, которыя Россія могла бы извлечь изъ серьезнаго изученія Азіи. Россія, имѣя самыя близкія сношенія съ Турціей, Китаемъ, Персіей, Грузіей, легко могла бы не только способствовать чрезвычайно успѣхамъ всеобщаго просвѣщенія, но преслѣдовать и свои, самые близкіе и дорогіе интересы. Никогда государственная польза не являлась въ такомъ согласіи съ обширными видами цивилизаціи нравственной (1)". Этотъ упрекъ въ недостаткѣ изученія Востока, столь необходимаго для насъ въ политическомъ отношеніи, Уваровъ старался устранить потомъ, когда сталъ министромъ народнаго просвѣщенія. Никогда у насъ не было сдѣлано такъ много для изученія Востока; никогда не было открыто столько восточныхъ каѳедръ и факультетовъ, какъ въ его управленіе. Здѣсь конечно не мѣсто распространяться объ успѣхахъ восточнаго знанія въ министерство графа Уварова, но мы обязаны напомнить, что при немъ возникла, развилась и исчезла слава восточнаго отдѣленія въ Казанскомъ университетѣ. Правда польза, принесенная этимъ отдѣленіемъ имѣла больше практическій характеръ; „успѣхи всеобщаго просвѣщенія" отъ изученія Востока у насъ были не очень значительны, но это уже зависѣло отъ общаго хода развитія науки и отъ особенныхъ историческихъ условій ея въ нашемъ отечествѣ. Тѣмъ не менѣе почтенныя имена Френа, Эрдмана, Ковалевскаго, Казембека, Попова, Петрова, И. Н. Березина, В. П. Васильева пріобрѣли извѣстность въ исторіи науки и способствовали славѣ Казанскаго университета. И между студентами встрѣчались, правда не многія лично-

(1) Projet, стр. 8—9.

сти, съ чистымъ и идеальнымъ, вполнѣ научнымъ, не „ташкентскимъ“ рвеніемъ, отдававшіяся изученію Востока, его мысли, его исторіи, его поэзіи. Графъ Уваровъ, какъ человѣкъ государственный понималъ, что нашимъ завоеваніямъ на Востокѣ необходима санкція интеллигенціи, что одна только она дастъ имъ прочность. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Россія уже не „опирается, такъ сказать, на Азію“: вся средняя Азія вошла въ составъ ея. Наши завоеванія и ближайшія сношенія съ Азіей разогнали много иллюзій; таинственный покровъ снятъ съ Востока, поблѣднѣла та „дивная прелесть неправославныхъ земель“, которая увлекла Грибоѣдова въ Персію, но права науки остались. Между тѣмъ мы не видимъ увеличенія нашихъ научныхъ свѣдѣній о Востокѣ, не слышимъ, чтобъ огромныя пространства, завоеванныя русскимъ оружіемъ для всемірной культуры, нуждались въ знающихъ орьенталистахъ и знатокахъ Востока (¹).

Но обратимся къ началу преподаванія восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ. Едва только былъ учрежденъ университетъ, какъ уже Государственная Коллегія иностранныхъ дѣлъ обратилась къ Румовскому съ просьбою о переводчикахъ съ восточныхъ языковъ: „Князь Адамъ Адамовичъ (Чарторысскій) предоставилъ мнѣ имѣть честь изъясниться съ Вашимъ Пр-ствомъ, писалъ тайный совѣтникъ Вейдемейеръ (12 августа 1805 года), нельзя ли съ вашей стороны поручитъ ректору Казанскаго университета, или кому заблагоразсудите, чтобы приложилъ стараніе, чтобы пріискать двухъ или хотя одного искуснаго и испы-

(¹) Еще въ 1836 году профессоръ Казембекъ, воспитанный и образованный впрочемъ Англичанами, въ рѣчи своей «О появленіи и успѣхахъ восточной словесности въ Европѣ и упадкѣ ея въ Азіи», жаловался, съ англійской точки зрѣнія, что «прихоти страсти и *собственная выгода* у насъ еще мало имѣютъ вліянія на судьбу восточныхъ языковъ». Онъ объяснялъ это обстоятельство тѣмъ, что у насъ «вкусъ къ ученію не такъ замѣтенъ въ кругу средняго класса», что у насъ «*число людей необходимыхъ для сношеній съ азіатскими племенами менѣе того, которое могутъ выпускать всѣ учебныя заведенія по сей части*». См. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. XI, стр. 249). Слѣдовательно спросъ правительства на знатоковъ восточныхъ языковъ былъ весьма незначителенъ; оно не нуждалось въ интеллигенціи и знаніи. Вотъ почему оканчивавшіе курсъ въ восточномъ отдѣленіи выбирали весьма часто карьеру, чуждую ихъ спеціальности и должны были забывать то, чему учились.

таннаго въ татарскомъ и россійскомъ языкахъ человѣка, изъ находящихся въ семъ университетѣ, или и изъ постороннихъ людей, но такого, который бы при похвальномъ поведеніи, имѣя достаточное въ обоихъ языкахъ познаніе, былъ въ состояніи переводить вѣрно и безошибочно. А какъ нужно Коллегіи имѣть надежный способъ къ снабдѣнію себя и впредь хорошими татарскаго языка переводчиками, то Вашему Пр-ству много бы я былъ обязанъ, еслибы, сообщая мнѣ по оному предмету ваши мысли, изволили увѣдомить меня и о томъ, не можно ли распорядиться такъ, чтобы всегда трое изъ находящихся на казенномъ содержаніи студентовъ онаго университета, по склонности своей и по выбору начальниковъ, особливо приготовляемы были для означенной должности". Румовскій на другой же день предписалъ совѣту гимназіи „поискать въ Казани человѣка такихъ качествъ, какихъ требуетъ г. Вейдемейеръ и учинить ему испытаніе въ общемъ собраніи посредствомъ учителя татарскаго языка" и кромѣ того „выбрать изъ учениковъ, обучающихся татарскому языку, съ согласія ихъ и по склонности, троихъ и ученіе ихъ такъ расположить, чтобы они наиболѣе времени употребляли на татарскій языкъ и на другіе языки". Такимъ образомъ опредѣленіе Френа было ускорено этимъ требованіемъ Иностранной Коллегіи. Сверхъ общаго числа казенныхъ воспитанниковъ, по ея желанію, предполагалось еще имѣть человѣкъ 20 для восточныхъ языковъ, человѣка четыре для татарскаго, „прочіе же 16 человѣкъ, писалъ Румовскій, должны посвятить себя не татарскому, но другимъ языкамъ, какъ то: турецкому, персидскому, мунгальскому, китайскому и пр. Съ симъ наипаче намѣреніемъ и Френъ выписывается". Но Румовскій вѣроятно понималъ невозможность устройства такого института при одномъ профессорѣ и одномъ учителѣ татарскаго языка и не спѣшилъ этимъ дѣломъ. Рѣшились пока ограничиться однимъ татарскимъ языкомъ. Не теряя времени совѣтъ доносилъ попечителю (18 сент. 1805 г.), что директоръ-профессоръ Яковкинъ изъ казенныхъ воспитанниковъ гимназіи, преимущественно для обученія татарскому языку, выбралъ пятерыхъ, на что они изъявили ему собственное свое согласіе, „а что число ихъ превышаетъ предписанное, то сіе признаетъ онъ, г. профессоръ, нужнымъ для лучшаго достиженія цѣли и предполагаемой отъ

сего пользы для иностранной коллегіи и для самой гимназіи". Яковкинъ распорядился удвоить для нихъ число учебныхъ часовъ, „отдѣливъ ихъ отъ искусствъ, какъ менѣе нужнаго для нихъ предмета". Онъ писалъ о неимѣніи татарскаго лексикона и просилъ купить для азіатской типографіи, существовавшей при гимназіи, гдѣ восточнаго шрифта было много, русскихъ литеръ хотя бы на три съ половиною листа, чтобъ можно было приступить къ печатанію необходимыхъ для преподаванія книгъ: букваря и этимологіи сначала, а потомъ и лексикона (1). „Кажется что и шести человѣкъ для одного татарскаго не будетъ достаточно, писалъ не задолго до прибытія въ Казань Френа Яковкинъ къ Попечителю (24 сент. 1807 г.): поелику кромѣ двоихъ, предназначаемыхъ для иностранной коллегіи, какъ университету для себя особенно нужно заготовлять ихъ, такъ и приготовлять еще въ званіе учителей для такихъ губернскихъ гимназій, въ коихъ неминуемо долженъ быть назначенъ татарскій языкъ, каковы уфимская, астраханская, симбирская и другія, по причинѣ обитающихъ въ нихъ Татаръ, а особливо, что съ самаго начала обученія сему языку въ здѣшней гимназіи, *по моему предположенію* учащіеся руководствуются и въ древнемъ аравійскомъ, какъ корнѣ (?) турецкаго, персидскаго и татарскаго, различествующихъ между собою весьма не во многомъ; слѣдовательно, хотя

---

(1) Румовскій немедленно прислалъ въ Казань десять экземпляровъ татарско-русскаго словаря *Гиганова*, напечатаннаго по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1804, а первоначальное руководство, состоящее въ азбукѣ и грамматикѣ татарскаго языка, съ правилами арабскаго чтенія, составленное Ибрагимомъ Хальфинымъ, напечатано въ Казани, 1809. 8°, 106 стр.—Азіатская типографія заведена была въ Казани, по просьбѣ оренбургскихъ, казанскихъ и другихъ губерній Татаръ для печатанія алкорановъ, молитвенниковъ и другихъ подобныхъ книгъ Высочайшимъ повелѣніемъ въ маѣ 1800 года. Два стана азіатской типографіи, состоящей на содержаніи Шнора, были перемѣщены въ Казань. Она находилась въ вѣдѣніи гимназіи, а потомъ университета и впослѣдствіе времени слилась съ университетскою. По большей части ее сдавали по контракту Татарамъ. Цензура лежала на обязанности гимназіи и университета. Типографія эта много помогла Френу при печатаніи имъ первыхъ его сочиненій въ Казани. Съ 1800 по 1808 годъ, т. е. до пріѣзда Френа, въ этой типографіи азбукъ, корана и разныхъ назидательныхъ и богословскихъ сочиненій и стихотвореній вышло числомъ 26. (См. *Dorn*, Chronol. Verzeichn. 307—308). Въ 1807 году все напечатанное, по одному экземпляру, было послано въ Ростокъ въ Тихсену.

не собственно, но уже во многомъ готовятся у насъ ученики и для обоихъ первыхъ языковъ. Надѣюсь, что г. Френъ будетъ доволенъ успѣхами ихъ и *стараніями начальства* по сей части". Для Френа же безъ сомнѣнія Яковкинъ распорядился въ лексиконѣ Гиганова, вмѣсто татарскихъ словъ, писанныхъ русскими буквами, что „для умѣющаго читать по татарски совершенно ненадобно", вставлять латинскій переводъ изъ словаря Менинскаго. Это дѣлали студентъ Риттау, учившійся татарскому языку и самъ Хальфинъ, который „довольно разумѣетъ полатыни". Студента Риттау особенно хвалилъ Яковкинъ. Для большихъ успѣховъ въ татарскомъ языкѣ, Яковкинъ просилъ для Риттау разрѣшенія пожить нѣсколько времени въ домѣ Хальфина въ Татарской слободѣ (1) и ходить даже въ мечеть для „пріобученія произношенія и познанія арабскаго языка".

Опредѣленіе Христіана Даниловича Френа профессоромъ восточныхъ языковъ въ Казанскій университетъ произошло при содѣйствіи одного изъ первыхъ казанскихъ профессоровъ, мекленбургскаго уроженца и бывшаго студента въ Ростокскомъ университетѣ Цеплина. Не прерывая своихъ связей съ родиною, онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ извѣстному орьенталисту, профессору Ростокскаго университета Олаю Гергарду Тихсену (1734—1815), знаменитому гебраисту и нумизмату, упомянулъ о томъ, что въ недавно основанномъ Казанскомъ университетѣ находится вакантною каѳедра восточныхъ языковъ и Тихсенъ немедля обратился съ письменнымъ вопросомъ къ ученику своему Френу: не пожелаетъ ли онъ занять эту каѳедру. Для Яковкина то обстоятельство, что Френъ былъ землякомъ Цеплину, врагу его въ совѣтѣ, казалось очень опаснымъ. „Профессоръ Френъ, какъ землякъ, а можетъ быть и соученикъ Цеплина, писалъ онъ Румовскому, не преминетъ свести съ нимъ тѣсную дружбу. Дай Богъ, чтобъ характеръ его не походилъ на Цеплиновъ и чтобъ предъопасеніе сіе было напрасно! въ противномъ случаѣ не оставятъ они оба возбуждать новыхъ, вящихъ безпокойствъ" (4 дек. 1806 г.).

---

(1) Это сдѣлалось потомъ обычнымъ средствомъ для казанскихъ *востоковѣдовъ* знакомиться практически не только съ языкомъ татарскимъ, но и съ арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ, такъ какъ въ слободахъ были знатоки ихъ и заѣзжіе мухаммедане-иностранцы жили обыкновенно между Татарами.

Френу было двадцать четыре года, когда по предложенію Тихсена открылась ему возможность получить каѳедру въ Казани. Френъ родился въ Ростокѣ, въ великомъ герцогствѣ Мекленбургъ-Шверинскомъ 23 мая (4 іюня) 1782 года. Изъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о Френѣ (¹), мы знаемъ весьма мало существеннаго объ его первоначальномъ образованіи. Послѣ курса городской латинской школы, Френъ въ 1800 году началъ слушать лекціи въ Ростокскомъ университетѣ по богословскому факультету, гдѣ, подъ руководствомъ Тихсена, особенно пристрастился къ восточнымъ языкамъ и мухамеданскимъ древностямъ и нумизматикѣ. Въ Ростокѣ онъ пробылъ болѣе трехъ лѣтъ. Всего болѣе онъ обязанъ былъ лекціямъ Тихсена, такъ что лекціи, которыя онъ слушалъ въ Геттингенѣ въ 1803 году, уже не удовлетворяли Френа. Въ 1804 году Френъ напечаталъ свое первое произведеніе: „Aegyptus auctore Ibn-el-Vardi. Ex apographo Escorialensi etc. (арабскій текстъ и латинскій переводъ), Halae. Очень короткое время Френъ пробылъ и въ Тюбингенѣ, гдѣ слушалъ лекціи профессора Шнуррера. Отсюда Френъ весною 1804 года переѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ пробылъ два года, сначала учителемъ латинскаго языка въ извѣстномъ педагогическомъ институтѣ Песталоцци въ Бургдорфѣ, а потомъ домашнимъ учителемъ въ Обоннѣ, въ Ваатландскомъ кантонѣ. Здѣсь въ первый и какъ кажется въ послѣдній разъ посѣтило его поэтическое вдохновеніе, плодомъ котораго было стихотвореніе „Die Abendstunden des einsamen Fremdling's“ (²). Здѣсь же получилъ онъ изъ Ростока дипломъ на степень доктора философіи и магистра liberalium artium. Въ 1806 году въ Ростокѣ, куда онъ воротился, Френъ напечаталъ свое второе сочиненіе „Curarum exegetico-criticarum in Nahumum specimen“, за которое онъ получилъ степень доктора богословіи и званіе приватъ-доцента въ Ростокскомъ университетѣ. Въ этомъ сочиненіи Френъ ста-

---

(¹) См. *Савельева*, П. «О жизни и ученыхъ трудахъ Френа». Съ портретомъ. Спб. 1855. 8° и *Bernh. Dorn*, «Fraehn's Leben въ Fraehnii opusculorum postumorum pars prima. Petrop. 1855. 8° p. 407—414.

(²) Оно напечатано въ Петербургскомъ нѣмецкомъ журналѣ «Ruthenia, 1807.

рался объяснить темныя мѣста еврейскаго текста въ пророкѣ Наумѣ языкомъ арабскимъ. Такимъ образомъ имя Френа пользовалось уже извѣстностью въ области изученія еврейскаго и арабскаго языковъ, когда пришлось ему собираться въ Казань. Вотъ въ какихъ словахъ, по собственному почину, рекомендовалъ въ письмѣ своемъ къ Румовскому, познанія и нравственныя достоинства молодаго ученаго учитель его Тихсенъ: „Vir juvenis est in flore aetatis constitutus, quem merito suo, cum ob morum suavitatem, modestiam, vitae innocentiam, caeteraque animi et corporis ornamenta, tum ob singularem eruditionem, et strenuam, quam in litteris elegantioribus et orientalibus navavit operam, impense amo. Persicas quidem et turcicas linguas a limine solummodo salutavit, quas tamen usu et consuetudine harum gentium facile sibi familiares reddet. Gallicas, anglicas et italicas linguas quoque callet“ (XVIII iunii 1806).

Съ чувствомъ молодой радости принялъ Френъ предложеніе своего учителя. Оно совпало съ желаніемъ его сердца; онъ былъ въ восторгѣ даже отъ предстоящихъ ему трудностей пути въ далекій чужой городъ, находящійся чуть не въ самой Азіи [1]. Онъ былъ убѣжденъ, что въ Ка-

---

[1] Vous me proposez la chaire de professeur des langues orientales à Kasan et Vous me demandez mon sentiment à cet égard. Si Vous connaissez, monsieur, mieux qu'un autre, le zèle avec lequel j'ai devoué presque tout mon tems à l'étude de ces langues, si Vous connaissez mon attachement à cette littérature et l'amour ardent, avec lequel je l'embrasse et qui va toujours en augmentant, si Vous connaissez enfin le penchant, nourri dans mon coeur il y a déjà longtems, *de saluer une fois en personne les contrées chéries de l'Orient* ou au moins de m'approcher d'elles d'avantage que je ne le suis ici sur le bord de la mer Baltique: Vous en jugerez facilement, si l'espérance que votre lettre hon. m'a excitée de voir peut être bientôt rempli le souhait de mon coeur, me pouvait surprendre autrement que d'une manière très agréable. Aussi connaissez Vous mon inclination pour les voyages, Vous savez que j'ai encore l'âge où les voyages même les plus longs et les plus fatigants se font avec plaisir et sans faire beaucoup de tort à la santé, et qu'ainsi le long trajet ne saurait pas me décourager. Et fût-il même le double aussi long qu'il ne l'est pas, la pensée d'aller prendre une place où je ne serais occupé que de ma science favorite, où je pourrais agir pour elle avec succès, où *aidé par la situation favorable de l'université*, je serais à même de faire des recherches, me ferait sans doute oublier toutes les fatigues et les désagrémens qui pourraien

зани откроется ему неизвѣстная область для науки. Было и другое чувство въ душѣ Френа, совершенно понятное и созданное обстоятельствами времени, чувство политическое, которое облегчало ему разлуку съ родиною, повидимому имъ горячо любимою. Это было печальное для Германіи время, вскорѣ послѣ Іены. Несчастія Германіи, гдѣ не было простора для мысли, облегчали для людей экспатріацію и давали возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ замѣщать, часто людьми очень достойными, вакантныя каѳедры нашихъ университетовъ. И Френъ, въ письмѣ своемъ къ Румовскому, просилъ его покровительства „à celui, qui voyant sa patrie qu'il aime tendrement, foulée aux pieds et presque anéantie, la quittera afin de chercher une autre patrie dans le sein de la grande monarchie du grand empereur de toutes les Russies". Вотъ почему между прочимъ Френъ съ такою готовностью рѣшился ѣхать въ Казань. Румовскій предложилъ ему званіе ординарнаго профессора, съ жалованьемъ въ 2000 р. и 800 рублей на путешествіе (500 р. до Петербурга и 300 р. оттуда до Казани). Но тогдашнія обстоятельства, наша война съ Наполеономъ замедлили нѣсколько отъѣздъ Френа изъ Ростока. Румовскій затруднялся высылкою ему векселя; даже письма Тихсена и Френа писались изъ осторожности дубликатами. Переписка о замѣщеніи каѳедры Френомъ началась въ іюнѣ 1806 года, а еще въ началѣ іюля слѣдующаго года Френъ былъ въ Ростокѣ, затрудняясь выборомъ пути въ Россію. Блокада гавани въ Варнеминде и другихъ ближайшихъ къ Ростоку мѣшала выходу въ море судамъ мекленбургскимъ и любекскимъ; Френъ рѣшился ѣхать на кораблѣ американскомъ, чрезъ Копенгагенъ, не смотря на дороговизну и окольность этого пути и 26 іюля явился къ Румовскому въ Петербургѣ. Здѣсь онъ обратился съ просьбою къ по-

---

arriver». Френъ очевидно былъ чрезвычайно радъ неожиданному предложенію и этою радостью объясняетъ даже то обстоятельство, что вздумалъ писать Тихсену не на родномъ языкѣ, а по французски: «C'est un phénomène assez singulier, que j'ai souvent apperçu chez moi-même, qu'étant enjoué, j'aime à user de la langue des Français enjoués, qu'au contraire il me serait impossible d'exprimer des sentiments pénibles dans la langue d'un peuple, que je n'ai vu que riant et badinant«.

печителю, прося его о выдачѣ ему впередъ за треть его жалованья, объясняя, что сборы въ далекій путь, желаніе обзавестись всѣмъ необходимымъ и въ особенности пополненіе библіотеки необходимыми пособіями, принудили его надѣлать долговъ въ Ростокѣ, расплатиться съ которыми онъ обязанъ еще до выѣзда изъ Петербурга. „C'ést le poid de ces dettes-là, qui m'accable comme le poid d'un péché et qui m'a ôté depuis plusieures semaines toute tranquillité de mon ame"— писалъ онъ Румовскому. Лично Френъ произвелъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе на Румовскаго и онъ выхлопоталъ у министра не только лишніе 100 рублей на проѣздъ отъ Петербурга до Казани (съ Френомъ было три сундука книгъ по его спеціальности [1] и, какъ иностранецъ, онъ не находилъ другаго способа доставки ихъ въ Казань, какъ везти съ собою), но и выдачу ему впередъ третнаго жалованья, конечно съ вычетомъ потомъ. „Профессоръ Френъ, писалъ Румовскій къ министру, имѣя не больше двадцати шести или семи лѣтъ, горитъ желаніемъ видѣть въ Казани Татаръ и другихъ азіатскихъ народовъ, и, судя по его готовности и простому, ничѣмъ не прикрашенному обращенію, имѣю причину ожидать отъ него желаемыхъ успѣховъ". Румовскій же помогъ Френу развязаться скорѣе съ петербургскою таможнею и писалъ къ Яковкину о приготовленіи ему на первое время казенной квартиры. Френъ выѣхалъ 30 августа чрезъ Москву въ двухъ кибиткахъ и на четырехъ лошадяхъ, въ сопровожденіи слуги француза, родомъ изъ Монпелье.

Десять лѣтъ профессорской жизни Френа въ Казани, десять молодыхъ и дѣятельныхъ лѣтъ, очень важны въ томъ отношеніи, что они положили основаніе строго-научному преподаванію восточныхъ языковъ въ университетѣ: передъ глазами казанскихъ ученыхъ всегда былъ примѣръ трудолюбиваго, точнаго и осмотрительнаго ученаго, умѣвшаго воспользоваться для науки тѣмъ, что давала ему окружающая его среда и мѣстность. Въ ученомъ развитіи самаго Френа пребываніе его въ Казани важно въ томъ отноше-

---

[1] Нѣсколько книгъ изъ своего запаса Френъ тотчасъ по пріѣздѣ принесъ въ даръ библіотекѣ университета, въ пользу слушателей, у которыхъ не было никакихъ руководствъ.

ніи, что новый міръ окружившій его, далъ направленіе его ученой дѣятельности и нѣтъ никакого сомнѣнія, что начало его столь драгоцѣнныхъ для древней русской исторіи трудовъ, основанныхъ на изученіи арабскихъ историковъ и географовъ, было положено здѣсь, въ Казани, подъ вліяніемъ исторической почвы здѣшняго края и памятниковъ, преимущественно нумизматическихъ, которые онъ нашелъ здѣсь. Древній, татарскій періодъ края скоро сталъ для Френа предметомъ самаго внимательнаго изслѣдованія и едва ли что либо существенное было прибавлено послѣдующими разысканіями.

Тотчасъ по пріѣздѣ, 23 октября 1807 года, Френъ представилъ въ совѣтъ записку о томъ, что онъ намѣренъ преподавать до начала новаго года. Это была *этимологія арабскаго языка* и, „ежели позволятъ время и успѣхи слушателей", то объясненіе Африки у Абульфеды или Локмановыхъ басенъ. Не смотря на чувство радости, съ которымъ онъ приступалъ къ преподаванію любимаго имъ круга знаній („Intranda enim palaestra a Te mihi patefacta, in qua sola multis inde annis subactus mihi placeo"—писалъ онъ Румовскому), Френу пришлось примѣняться къ новой дѣйствительности и измѣнить даже направленіе своихъ занятій. „Вы полагаете, пишетъ онъ Румовскому, что я въ состояніи распространить знакомство съ *учеными* восточными языками, почти неизвѣстными въ Россіи. Я въ состояніи сдѣлать это только отчасти; говорю — *отчасти*, потому что сознаю всю слабость моихъ силъ. Прибавьте и то, о чемъ я не долженъ молчать, что въ Россіи приходится мнѣ отказаться отъ прежнихъ занятій. Къ области моего преподаванія изъ языковъ восточныхъ, или сказать правильнѣе, изъ нарѣчій семитическихъ, принадлежали бы въ нѣмецкихъ университетахъ нарѣчія: еврейское, раввинское, талмудическое, халдейское, самаританское, эѳіопское. Здѣсь совершенно другія условія. Знаніе упомянутыхъ выше языковъ, хотя нельзя отрицать вообще важности и значенія ихъ изученія, больше всего однако служитъ для лучшаго пониманія и истолкованія книгъ Ветхаго Завѣта, вмѣстѣ съ языками сирійскимъ и арабскимъ; молодые же люди, которые будутъ слушать меня, не предназначаютъ себя къ духовному званію, поэтому я намѣренъ эту часть ученой дѣятельности моей предоставить въ настоящее время ученымъ

духовной семинаріи (какъ будто бы въ ней преподавалось что либо подобное). Съ большою неохотою оставляю я эту часть моихъ занятій, такъ какъ они были главнымъ моимъ дѣломъ прежде, но радуюсь, что въ числѣ предметовъ, которые придется мнѣ излагать, находится ученый арабскій языкъ (lingua arabica erudita) и на немъ сосредоточу я теперь всю любовь и все рвеніе. Имъ я и сдѣлаю начало моихъ лекцій".

Главнымъ предметомъ преподаванія Френа въ теченіе десяти лѣтъ былъ арабскій языкъ. Онъ начиналъ съ азбуки, передавалъ грамматику и переводилъ съ арабскаго, мѣняя каждый годъ авторовъ. Онъ переводилъ басни Локмана, географическія сочиненія Абульфеды и Ибнъ эль Варди, Абульфараджа и въ особенности долго останавливался на исторіи Мусульманъ (Тарихъ-эль муслеминъ), сочиненіи Ешшайха ель Мацина; за тѣмъ шли Коранъ (главнымъ образомъ 7-я часть его Гефтіекъ), Исторія десяти визирей, поэма Эль-Борда, сочиненіе Шерефъ эдъ-динъ эль Бузири, моаллакаты и нѣкоторыя другія стихотворенія, отчасти изданныя самимъ Френомъ въ Казани (1). Другою весьма любимою частью преподаванія Френа была восточная нумизматика, сначала куфическая (по сочиненію Тихсена и по сочиненію Макризія „Исторія монетъ арабскихъ", а потомъ Золотой Орды. Онъ знакомилъ съ нею только „успѣвшихъ" и

(1) Въ 1814 году. См. *Dorn*, Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten arabischen, türkischen etc. Werke въ Bulletin de l'Acad. de St. Pétersb. 1867. t. XI, p. 310. Прося совѣтъ о напечатаніи этихъ стихотвореній, чтобъ дать какую либо книгу студентамъ для перевода, на казенный счетъ, Френъ выговаривалъ себѣ только 25 экз. и увѣрялъ, что печатаніе не будетъ въ убытокъ. «Эти двѣ арабскія поэмы пользуются большою извѣстностью у мусульманъ, писалъ онъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ будутъ покупать Татары изъ русскихъ подданныхъ, между которыми не мало ученыхъ». Въ 1810 году Френъ представлялъ въ совѣтъ о необходимости издать для своихъ слушателей не хрестоматію, которую онъ считалъ безполезною, но «Исторію Мусульманъ», отъ Магомета до династіи Атабековъ auctore Dschirsifio Ibn el 'amid, съ комментаріями и лексикономъ, и также татарскую книгу, которую бы напечаталъ Хальфинъ, съ тѣмъ, чтобъ ему и Хальфину выдано было за каждый отпечатанный листъ по десяти рублей, но представленіе это не было уважено попечителемъ, за неимѣніемъ въ штатѣ назначенной на то суммы.

приватно „любителямъ татарскихъ древностей“ излагалъ нумизматику въ продолженіе царствованія хановъ Золотой Орды, главный предметъ его ученыхъ трудовъ въ Казани. Намъ совершенно неизвѣстно много ли было этихъ „любителей“ или другихъ также „кои изъявятъ желаніе учиться еврейскому, раввинскому, халдейскому, сирійскому и друг. восточнымъ языкамъ“, о чемъ онъ объявилъ въ обозрѣніи университетскихъ преподаваній на 1815-1816 годъ.

Преподаваніе Френа вообще было случайно; онъ имѣлъ совершенно неподготовленныхъ слушателей и притомъ они являлись на его лекціи часто и противъ желанія и безъ призванія, по выбору и указанію директора-инспектора. Студентъ Риттау, котораго приготовлялъ Яковкинъ для Френа, скоро поступилъ въ учители гимназіи, четыре или пять его слушателей, въ началѣ профессорства, потомъ сократились до двухъ и наконецъ до одного, а въ случаѣ болѣзни или отпуска этого единственнаго слушателя, лекціи вовсе не читались. Сильно возмущался этимъ Яковкинъ. „Г. Френъ, съ самаго начала получивъ шестерыхъ слушателей, пишетъ онъ къ попечителю, занялся только съ однимъ Кручининымъ, а по смерти его съ однимъ только Ярцовымъ, хотя и послѣ нынѣшняго производства (т. е. въ студенты) назначены къ нему еще трое, коихъ онъ *самъ собою* предоставилъ только Ярцову ([1]), произведенному въ кандидаты (и Ярцовъ и Кручининъ подъ руководствомъ Френа занимались арабскимъ языкомъ съ начинающими). За 2500 рублей въ годъ заниматься только съ однимъ слушателемъ кажется весьма несовмѣстно, какъ и изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей Ваше Пр-ство всегда усматривать изволили; а между тѣмъ Ярцовъ собственнымъ своимъ особеннымъ стараніемъ столько успѣлъ въ аравійскомъ языкѣ, что съ нѣкоторою помощью лексикона свободно читаетъ и переводитъ книги, а въ татарскомъ, коего г. Френъ совсѣмъ не

([1]) Занятія Ярцова съ новыми слушателями, состоявшія въ первоначальномъ ознакомленіи ихъ съ алфавитомъ и грамматическими правилами, допущены были съ разрѣшенія совѣта. Такія же точно приготовительныя занятія съ начинающими восточные языки велъ, съ разрѣшенія совѣта и съ согласія попечителя, въ 1809 году Кручининъ. Тотчасъ послѣ письма Яковкина, попечитель воспретилъ это.

разумѣетъ, успѣлъ столько, что *перевелъ на татарскій языкъ мою Россійскую исторію, долженствующую вскорѣ поступить въ печать*; сверхъ того, занимаясь особенно съ троими младшими слушателями восточныхъ языковъ, наставилъ уже ихъ столько, что они весьма хорошую подаютъ надежду къ успѣхамъ въ восточныхъ языкахъ. Ежели бы благоугодно было Ярцова и еще съ нимъ двоихъ, по подобію Московскаго университета, отправить для усовершенствованія въ какой либо нѣмецкій университетъ, то *гораздо съ большею выгодою и съ лучшими успѣхами можно бы было обойтись и въ семъ дѣлѣ безъ иностранцевъ*, презирающихъ россійскій языкъ" (21 ноября 1811 года) ([1]).

([1]) Изъ этого Ярцова, о которомъ упоминаетъ Яковкинъ въ письмѣ своемъ и о которомъ Френъ, его любившій, отзывался всегда съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ, при талантѣ, способностяхъ и знаніяхъ его, при особенной любви къ предмету, могъ бы образоваться *свой* профессоръ восточныхъ языковъ, еще до образованія восточнаго отдѣленія, еслибъ не обстоятельства. Имя его во всякомъ случаѣ достойно воспоминанія, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ Казанскаго университета на этихъ страницахъ, посвященныхъ его исторіи. Януарій Осиповичъ Ярцовъ, сынъ губернскаго секретаря, родился въ Екатеринбургѣ 10 марта 1792 года, поступилъ въ Казанскую гимназію на казенное содержаніе въ 1803 году (въ ней онъ между прочимъ учился у Хальфина татарскому языку) и, получая ежегодно награды, перешелъ въ университетъ въ 1809 году. Въ 1812 году, въ ноябрѣ, по экзамену, состоявшему изъ словесныхъ и *семи* письменныхъ вопросовъ, онъ удостоенъ былъ степени студента-кандидата восточной словесности, при чемъ Френъ далъ о немъ самый лестный отзывъ. Судя по обширной программѣ Френа для экзамена, можно съ большимъ вѣроятіемъ предположить, что экзаменъ былъ очень строгъ. До этого экзамена Ярцовъ, вмѣстѣ съ четырьмя своими товарищами, подъ вліяніемъ тогдашнихъ событій, подали на Высочайшее имя прошеніе въ совѣтъ университета о переименованіи ихъ изъ студентовъ «въ кадеты втораго волонтарнаго корпуса, гдѣ бы, приуготовивъ себя нужнѣйшими воинскими познаніями, могли мы встать въ сонмѣ достославнаго и побѣдоноснаго Вашего Императорскаго Величества воинства на защиту престола и государства». Попечитель не согласился уволить казенныхъ студентовъ. Ярцовъ остался при университетѣ. Въ 1814 году Астраханскій губернаторъ просилъ совѣтъ университета уволить Ярцова въ Астраханскую губернію для опредѣленія въ должность переводчика съ жалованьемъ, но совѣтъ, по новому, въ высшей степени лестному для Ярцова представленію Френа, который называлъ его Jartsovius meus, удержалъ его, увѣдомивъ губернатора, что «Ярцовъ приготовляется для занятія мѣста адъюнкта или ма-

Въ одномъ изъ своихъ латинскихъ писемъ къ Румовскому, написанномъ чрезъ два года своей профессорской

гистра по части восточныхъ языковъ, въ вспоможеніе г. профессору Френу, въ случаѣ умножающихся слушателей». Съ какимъ трудомъ однако приходилось Ярцову заниматься своимъ дѣломъ видно изъ того обстоятельства, что ему надобно было подавать просьбу въ совѣтъ университета о выдачѣ на домъ ему арабскаго лексикона Менинскаго, доказывать въ просьбѣ, что «безъ лексиконовъ ни въ какомъ языкѣ не можно пріобрѣсть надлежащихъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе въ языкахъ восточныхъ, обильнѣйшихъ и труднѣйшихъ передъ прочими», что библіотекарь тогдашній, профессоръ Броннеръ, соглашался выдать лексиконъ не иначе, какъ въ особомъ ящикѣ подъ замкомъ (ea conditione, ut illud (lexicon) in scrinio, quod hac de causa confici curabo, claustello munitum, solerter conservet) и ручался, что Ярцовъ книгъ не продастъ (vix puto periculum subesse, ne librum divendat). Ярцовъ, съ позволенія попечителя, жилъ съ 1815 года на вольной квартирѣ въ Татарской слободѣ, для практическаго изъ разговоровъ съ учеными муллами усвоенія татарскаго и персидскаго языковъ, а въ 1816 году лѣтомъ, въ деревнѣ Саба, въ ста верстахъ отъ Казани, въ обществѣ ученаго муллы Сейфуддина, учившагося въ Бухарѣ и Самаркандѣ, путешествовавшаго по Востоку въ теченіе десяти лѣтъ и собравшаго «лучшую и многочисленнѣйшую библіотеку восточныхъ писателей въ здѣшнихъ мѣстахъ». Только съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія можно было выдать Ярцову на эту поѣздку сто рублей. Въ томъ же году Ярцовъ, послѣ экзамена и за представленную латинскую диссертацію «О восточныхъ словахъ, находящихся въ русскомъ языкѣ», которую онъ 12 мая публично защищалъ, былъ удостоенъ степени магистра словесныхъ наукъ. Не задолго до диспута, онъ читалъ по латыни публичную лекцію «De indole et consilio poëmatis Seif ül-mülk». Отдѣленіе словесныхъ наукъ доносило, что оно «почло бы нужнымъ напечатать его разсужденіе, еслибы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онаго сдѣлана была бо́льшая отдѣлка и еслибы самъ сочинитель захотѣлъ обработать предметъ свой пространнѣе», а Френъ писалъ въ Германію съ большою похвалою о немъ. Въ началѣ 1817 года магистръ Ярцовъ, по именному Высочайшему соизволенію на ходатайство тогдашняго попечителя Салтыкова, былъ помѣщенъ на штатное мѣсто канцелярскаго служителя при нашемъ Персидскомъ посольствѣ, на время пребыванія его въ Персіи, съ производствомъ жалованья по 50 р. сер. въ мѣсяцъ. Ровно черезъ годъ воротился Ярцовъ въ Казань и тотчасъ же представилъ въ совѣтъ, правда въ черновомъ видѣ: 1) Дневныя записки о провинціяхъ отъ Тифлиса до Астрахани, 2) Разсужденіе о религіи Персіянъ и при немъ сводъ Аль-Корана и 3) Краткій журналъ путешествія по Персіи. Все это Ярцовъ предполагалъ потомъ обработать. «Поелику же, писалъ о немъ въ совѣтъ университета изъ Тифлиса (1 ноября 1817 года) нашъ посланникъ, столь извѣстный Ермоловъ, какъ благоповеденіемъ своимъ, такъ и усерднымъ

дѣятельности, Френъ откровенно сознается въ неуспѣхѣ своего преподаванія въ Казани. Письмо это, обрисовывая

исполненіемъ должности и порученій, каковыя по службѣ составляли его обязанность, заслужилъ онъ мое одобреніе, то я не преминулъ представить о немъ въ числѣ прочихъ министерству иностранныхъ дѣлъ, яко о чиновникѣ, достойномъ награды отъ монаршихъ щедротъ, и за долгъ себѣ вмѣнилъ довесть чрезъ сіе до свѣдѣнія совѣта Казанскаго университета». Отъ Шаха Ярцовъ получилъ знакъ ордена Льва и Солнца 2 степени. Въ маѣ 1818 года Ярцовъ, уже по переходѣ Френа въ С.-Петербугскую Академію Наукъ, удостоенъ совѣтомъ университета званія адъюнкта восточной словесности, но въ росписаніи лекцій на 1818—1819 годъ преподаваніе его не указано, потому что въ іюнѣ того же года поступило въ совѣтъ университета увѣдомленіе попечителя о томъ, что президентъ Академіи Наукъ представилъ къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объ утвержденіи магистра Ярцова адъюнктомъ Академіи Наукъ по части восточныхъ языковъ. Попечитель спрашивалъ совѣтъ: нѣтъ ли препятствій къ увольненію Ярцова и есть ли собственное желаніе его быть помѣщеннымъ въ академію? Въ своемъ отзывѣ на запросъ совѣта, Ярцовъ писалъ: «Отказаться отъ столь лестнаго для меня званія я не могу, какъ потому, что оно открываетъ мнѣ новый путь и средства къ дальнѣйшему усовершенствованію, такъ особенно и потому, что я, зная пособія академическія, самъ искалъ онаго, и самъ давно уже изъявилъ мое желаніе открытымъ письмомъ къ г. академику Френу, предлагавшему мнѣ мѣсто именемъ Его Превосходительства господина президента Академіи Наукъ. Сверхъ сего, *получивъ образованіе въ сихъ языкахъ попеченіями г. академика Френа*, бывшаго при семъ университетѣ профессоромъ восточныхъ языковъ, *я особеннымъ для себя почту счастіемъ и нынѣ находиться подъ его руководствомъ и* отдавать труды мои на судъ его, какъ цѣнителя достойнѣйшаго и ученѣйшаго». Впрочемъ Ярцовъ не отказывался остаться на нѣкоторое время въ университетѣ, но «съ жалованьемъ э. о. профессора и не лишаясь имени адъюнкта академіи». Совѣтъ университета не удерживалъ Ярцова. Вскорѣ послѣ того каѳедру восточныхъ языковъ въ Казани, по рекомендаціи Френа, занялъ другой ученикъ Тихсена—докторъ Ѳ. И. Эрдманъ изъ Ростока. Съ переходомъ Ярцова въ Петербургъ, не смотря на близость къ Френу, ученая дѣятельность его прекратилась. О петербургской жизни его намъ мало извѣстно. Ярцовъ служилъ драгоманомъ въ азіатскомъ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ и послѣ изданія Френомъ въ Казани въ 1825 году на счетъ графа Румянцева текста «Исторіи Монголовъ и Татаръ» Абулгази Багадуръ Хана, предпринялъ было русскій переводъ этого важнаго для русской исторіи сочиненія, но смерть графа Румянцева помѣшала его изданію (см. *Dorn*, Ueber die hohe Wichtigkeit etc. S. 88). Судьба перевода Ярцова неизвѣстна. Объ этомъ трудѣ не упоминаютъ: ни Сенковскій

положеніе ученаго нѣмецкаго профессора передъ слушателями, которымъ онъ не имѣетъ способовъ передать свои знанія, на столько любопытно, что мы сочли возможнымъ передать его содержаніе, извлекая его изъ замысловатыхъ и цвѣтистыхъ фразъ Френовой латыни. Френъ называетъ это письмо своею исповѣдью.

«Она не сбылась, не оправдалась, та надежда, которую вы возлагали на меня. Почему не сбылась она, почему не могла она сбыться, чья тутъ вина: моя или учениковъ моихъ или кого другаго—убѣдительно прошу васъ выслушать благосклонно мой чистосердечный разсказъ. Конечно нельзя ожидать, чтобы молодые люди, совершенно незнакомые съ наукою, мною излагаемою, успѣли много въ теченіе двухъ неполныхъ лѣтъ моего преподаванія, но я ждалъ больше. Угодно знать причины такого неуспѣха? Ихъ три главныхъ: *Первая* и важнѣйшая конечно заключается *въ полномъ незнаніи со стороны всѣхъ студентовъ латинскаго языка;* всѣ, отъ перваго до послѣдняго, страдаютъ этимъ; *вторая* состоитъ въ неосмотрительномъ выборѣ студентовъ, способныхъ слушать мои лекціи, *третья*—въ недостаткѣ лексиконовъ. Довольно и одной изъ этихъ причинъ для неуспѣха, а тутъ онѣ дѣйствуютъ всѣ три въ одно время.

«При личномъ свиданіи вы сказали мнѣ, что сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобъ ни одинъ ученикъ гимназіи не переходилъ въ студенты безъ полнаго знанія латинскаго языка. Вы сами рѣшили, чтобъ лекціи мои читались по латыни: это соотвѣтствовало и свойству предмета, и моей привычкѣ, и моему убѣжденію. Мнѣ пришлось однако имѣть дѣло съ молодыми людьми, посвящающими себя изученію языковъ, но не знающими языка латинскаго. Употребляя на лекціяхъ одинъ языкъ, я бы меньше терялъ времени, чѣмъ теперь, когда мнѣ приходится говорить

(Энц. Лекс. Плюшара т. I, сл. Абульгази), ни новый русскій переводчикъ хана Саблуковъ (Родословная тюркскаго племени. Соч. Абуль-Гази. Каз. 1854), ни г. Березинъ (Энц. Лекс. 1861. ч. I, сл. Абулъ-Гази), ни наконецъ Демезонъ (1874). Ярцовъ былъ очень друженъ съ нашимъ извѣстнымъ археографомъ П. М. Строевымъ и въ книгѣ *г. Барсукова* «Жизнь и труды Строева» (Спб. 1878) есть нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ и отрывки писемъ его, касающихся впрочемъ больше Строева. Въ одномъ изъ отрывковъ онъ говоритъ, что занятъ переводомъ Абулъ-Гази. Ярцовъ объяснялъ восточныя слова въ «Путешествіи Аѳанасія Никитина», напечатанномъ Строевымъ въ *Софійскомъ Временникѣ*, разбиралъ иностранныя книги въ библіотекѣ графа Толстаго и былъ еще живъ въ 1856 году. Графъ Толстой писалъ о Ярцовѣ: «онъ человѣкъ съ достоинствомъ, но кажется имѣетъ грѣшокъ» (*Барсуковъ*, стр. 121).

иногда на трехъ языкахъ и объяснять и по французски, и по нѣмецки то, чего не понимаютъ по латыни. Съ глубокимъ сердечнымъ сожалѣніемъ пришлось однако убѣдиться, что нѣкоторые изъ моихъ слушателей вовсе не сильны и въ этихъ языкахъ. На какомъ же, спрашиваю я васъ, языкѣ долженъ я говорить съ ними? Мнѣ показалось, что я, по арабской пословицѣ, кую холодное желѣзо и, продолжая читать по латыни, я искренно жалѣлъ молодыхъ людей, которые скучали на моихъ лекціяхъ и такъ печально теряли дорогое время. Было однако и утѣшеніе; его нашелъ я въ двухъ студентахъ, которые при бо́льшемъ знаніи латинскаго языка, успѣли опередить своихъ товарищей въ изученіи арабскаго, хотя латинскія свѣдѣнія ихъ весьма вообще не достаточны.

«Тяжело преподавателю, если ученики, передъ нимъ сидящіе, или мало или ничего не понимаютъ, не менѣе тяжело однако и то обстоятельство (его я называю *второю причиною* неуспѣха), если ученики эти чужды вовсе любви ко всѣмъ языкамъ и въ особенности восточнымъ. Послѣдніе требуютъ отъ изучающихъ ихъ особенной любви, сердечнаго стремленія. Человѣкъ не имѣющій твердаго характера (tenaci proposito qui caret), никогда не проникнетъ во внутреннее святилище арабскаго языка; ему не станутъ улыбаться азіатскія музы. Самое свойство предмета требуетъ такой любви. Такою любовью, если я не ошибаюсь, проникнутъ только одинъ изъ моихъ слушателей; говорятъ и о другомъ, но онъ только что зачисленъ въ студенты (Ярцовъ). Всѣ остальные, кажется мнѣ, ходятъ на мои лекціи по принужденію, противъ желанія. Этотъ одинъ—Семенъ Кручининъ—юноша, полный скромности, рвенія и старанія; одного его я и Ибр. Хальфинъ, учитель татарскаго языка, всегда хвалили; онъ одинъ ходитъ на мои приватныя лекціи о Коранѣ; его одного по совѣсти я могу рекомендовать вамъ». (Этотъ талантливый юноша вскорѣ послѣ письма Френа умеръ и Френъ искренно сожалѣлъ о немъ).

«*Третья причина* неуспѣшности преподаванія татарскаго и арабскаго языковъ заключается въ *неимѣніи словарей*. Вы конечно согласитесь, что нельзя успѣть въ изученіи языка безъ словаря. Если вамъ невозможно или покрайней мѣрѣ затруднительно устранить двѣ первыя причины неуспѣха, то въ этомъ случаѣ я разсчитываю на вашу помощь. Тутъ помочь легко» (Френъ проситъ рублей 40 на покупку словарей Менинскаго и Голія). «Эти словари много помогутъ, пока не будетъ оконченъ мой собственный критическій словарь языка арабскаго, который около двухъ лѣтъ уже поглощаетъ всю мою мысль и весь мой трудъ. Но мнѣ придется работать надъ нимъ еще года съ четыре или пять (Френъ работалъ до самой смерти надъ словаремъ). Я считаю это дѣло очень труднымъ и медленнымъ, принимая въ соображеніе точность для него необходимую и собственный планъ, котораго я намѣренъ держаться. Кромѣ того лексиконъ требуетъ и значительныхъ расходовъ, такъ какъ приходится выписывать пособія для него изъ Италіи, Франціи, Бельгіи, Испаніи. И въ этомъ отношеніи я прошу вашей помощи. Я былъ бы счастливъ, еслибъ можно было пріобрѣсти на счетъ универ-

ситета нѣкоторыя изданія, слишкомъ для меня дорогія и, еслибъ при вашемъ участіи я могъ получить доступъ къ библіотекѣ петербургской Академіи Наукъ, гдѣ навѣрное, подъ слоями пыли, скрывается много драгоцѣнныхъ и мнѣ чрезвычайно необходимыхъ книгъ и рукописей. Но я отклонился отъ предмета: возвращаюсь къ юношамъ, судьба которыхъ заботитъ меня.

«Я слышу, что они предназначены быть переводчиками. Не думайте однако, что они когда либо будутъ годными для этого дѣла, безъ измѣненія или расширенія того способа, какъ они знакомятся съ языкомъ. Есть между ними такіе, которые отъ четырехъ до пяти лѣтъ уже учатся по татарски и не смотря на то не въ состояніи понимать самой легкой книги на этомъ языкѣ. Опасаюсь, что тоже можетъ случиться съ моими слушателями и въ отношеніи арабскаго языка. Но пусть они и хорошо понимаютъ арабскія и татарскія книги, пусть они вполнѣ знакомы съ грамматикою этихъ языковъ, все же они никогда не будутъ хорошими переводчиками для восточныхъ языковъ. Имъ нужна практика, имъ нуженъ разговоръ на арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ, а этой практики у нихъ нѣтъ и ея не будетъ, пока не измѣнится самый способъ приготовленія ихъ въ переводчики. Такая практика нигдѣ не можетъ быть устроена лучше Казани, посреди мусульманъ, а между тѣмъ до сихъ поръ на эти удобства не обращали никакого вниманія. Вы сами лично указали мнѣ планъ восточнаго училища, подобнаго тѣмъ, какія существуютъ уже въ Вѣнѣ, Парижѣ и другихъ городахъ Европы, гдѣ изучающіе восточные языки живутъ вмѣстѣ и пользуются въ одно время и обществомъ европейскихъ профессоровъ, излагающихъ часть ученую и учителей мухамеданъ, которые пріучаютъ молодыхъ людей къ разговору. Вамъ извѣстно, что ни одинъ изъ русскихъ университетовъ столь не удобенъ для осуществленія этого плана, какъ Казанскій. Не откладывайте же на долго его исполненіе. Татарскія слободы, гдѣ раздаются только азіатскіе звуки (ubi non strepunt nisi soni asiatici)—въ самомъ городѣ; дома тамъ гораздо дешевле. Пусть съ молодыми людьми живетъ учитель Ибрагимъ Хальфинъ, съ которымъ они могли бы постоянно говорить по татарски, пусть поселится съ ними и какой нибудь ученый имамъ, который пріучилъ бы ихъ къ народной арабской рѣчи; полагаю, что легко найдутся и такіе, съ кѣмъ можно говорить и по персидски. Прислуга должна быть непремѣнно изъ Татаръ, чтобы студенты самою практикою жизни привыкли къ нравамъ и обычаямъ мусульманъ. Пусть они воображаютъ, что живутъ на Востокѣ. Или я очень ошибаюсь, или это единственный способъ приготовить дѣльныхъ переводчиковъ восточныхъ языковъ. Я съ удовольствіемъ готовъ удвоить число часовъ моего преподаванія, чтобъ преподавать и грамматическое начало и высшія части моей науки: объясненіе трудныхъ писателей, поэтовъ, археологію, нумизматику; если желаете—буду преподавать и латинскій языкъ. Ради Бога не думайте, что я говорю все это изъ денежнаго разсчета; только изъ любви къ наукѣ и къ юношамъ я рѣшился напомнить вамъ о вашемъ же планѣ».

Почти въ такомъ видѣ, хотя и не въ Татарской слободѣ, было образовано гораздо позже при первой Казанской гимназіи такъ называемое *Восточное Отдѣленіе*, гдѣ въ обществѣ представителей разныхъ восточныхъ національностей, между которыми бывали и буддійскій лама, и бѣглый, спасшійся отъ катастрофы при Махмудѣ II, турецкій янычаръ, жили студенты, не кончившіе и кончившіе курсъ. Но во время Френа не было, да и не могло быть ничего подобнаго. Продолженіе войнъ съ Наполеономъ и отечественная война скоро измѣнили направленіе правительства при Александрѣ; гуманитарныя цѣли мало по малу забывались, стремленія съуживались. Такъ къ числу ожиданій того времени, въ сферѣ изученія восточныхъ языковъ принадлежала возможность, съ учрежденіемъ преподаванія ихъ, „открыть въ учебныя заведенія свободный входъ чадамъ Азіи", „озарить ихъ благотворными лучами истиннаго просвѣщенія". Этихъ „чадъ Азіи", воспитывавшихся въ казанской гимназіи и въ университетѣ было самое ничтожное количество, а на сколько они были „озарены лучами истиннаго просвѣщенія"—судить мы отказываемся. „Въ прошедшій вторникъ приходилъ ко мнѣ здѣшній старшій ахунъ отъ имени муфтія съ просьбою о принятіи тринадцатилѣтняго сына его въ гимназію для обученія, знающаго уже хорошо читать и писать по татарски, арабски, французски, а по русски и говорить, но *съ тѣмъ, чтобъ онъ жилъ у меня подъ особеннымъ моимъ руководствомъ* и имѣлъ бы особливый для себя столъ по ихъ обычаю, что я ему и обѣщалъ. *Примѣръ сей конечно послужитъ къ вящему распространенію просвѣщенія между мослемами*". Такъ сообщаетъ Яковкинъ Румовскому (12 янв. 1809 г.). Но дѣло ничѣмъ не кончилось. Въ 1815 году „высокостепенный" ханъ меньшой киргизской орды Ширгазый Айчуваковъ задумалъ было отдать въ казанскую гимназію двухъ своихъ сыновей и племянника, сына хана Джантюри и обратился о томъ съ просьбою къ тогдашнему Оренбургскому генералъ-губернатору князю Волконскому, который сообщилъ о томъ министру народнаго просвѣщенія. „Я увѣренъ, писалъ послѣдній совѣту, что университетъ, дабы поддержать довѣренность сего народа къ нашимъ учебнымъ заведеніямъ, при малѣйшей возможности дастъ приказаніе о помѣщеніи въ гимназію означенныхъ дѣтей". Совѣтъ, съ своей стороны, распорядился сдѣлать все чтобъ

угодить хану. „Для нихъ назначится, писалъ онъ между прочимъ, особенная комната, гдѣ помѣстятся еще двое или трое лучшихъ питомцевъ, кои могли бы споспѣшествовать какъ образованію ума ихъ, такъ и пріучали бы ихъ къ европейскому просвѣщенію.... Какъ для стола питомцевъ никогда не приготовляются кушанья изъ свинаго мяса, по сему сіи трое киргизъ-кайсаковъ могутъ свободно продовольствоваться общимъ столомъ. Чтобъ религія, въ коей они воспитываются, не ослабѣвала въ сердцахъ ихъ, то начальство гимназіи,—въ дни особенно для нихъ священные,—можетъ отпускать ихъ для совершенія молитвъ въ мечети, подъ надзоромъ какого либо чиновника магометанскаго исповѣданія изъ служащихъ въ гимназіи". Но и эти „чада Азіи", уже „высокостепенные", не вкусили плодовъ европейскаго образованія. Ханъ повидимому шутилъ и высказалъ свое желаніе за обѣдомъ, угощая въ степной кибиткѣ заѣхавшаго къ нему генералъ-губернаторскаго чиновника по особымъ порученіямъ. Вотъ что въ заключеніе писалъ совѣту по этому дѣлу князь Волконскій: „Нынѣ высокостепенный ханъ увѣдомилъ меня, что онъ *безъ вспомоществованія отъ казны не согласенъ дѣтей своихъ и племянника отдавать обучаться на собственномъ иждивеніи въ казанскую гимназію*, но желаетъ обучить ихъ въ ближнихъ здѣшнихъ магометанскихъ школахъ. Зная достаточное состояніе хана Ширгазыя Айчувакова, я заключаю изъ таковаго его отзыва уклоненіе отъ прежняго намѣренія, и признаю перемѣну его мыслей тѣмъ основательнѣйшею, что дѣти ханскіе, и наипаче племянникъ, достигаютъ уже такого возраста, въ который азіатцы вступаютъ въ брачные союзы и уже получили въ управленіе особенныя отдѣленія ордынцевъ". Боязнь ли свинаго мяса, которую не могли разогнать увѣренія совѣта Казанскаго университета, была слишкомъ сильна въ ханѣ или у него вовсе не было намѣренія учить дѣтей своихъ въ Казани—мы не знаемъ, но увѣрены въ томъ, что отдѣльные случаи воспитанія „чадъ Азіи" въ Казанской гимназіи, и непремѣнно на казенномъ содержаніи, происходили отнюдь не добровольно, а вслѣдствіе принудительныхъ мѣръ (¹).

(¹) Ханъ впрочемъ посылалъ въ Казань своего секретаря «для узнанія здѣшняго учебнаго порядка». См. *Каз. Изв.* 1814 г. № 31, стр. 420.

Если Френъ сознавалъ самъ малоуспѣшность своего преподаванія въ Казани, то за то этотъ городъ, съ своими историческими воспоминаніями изъ татарскаго періода, этотъ край „классическій въ мірѣ татарщины", по выраженію біографа Френа, съ разрушенными болгарскими городами и другими памятниками древности, долженъ былъ дать богатое содержаніе и новое направленіе научной дѣятельности Френа, посвященной, въ бытность его въ Казани, почти исключительно объясненію татарскаго періода русской исторіи. Говорить о всѣми признанныхъ заслугахъ Френа въ этомъ отдѣлѣ науки—не наше дѣло: имя Френа, начиная съ Карамзина и до историковъ и археологовъ нашихъ дней, встрѣчается въ безчисленныхъ ссылкахъ на его труды, какъ только рѣчь зайдетъ или о древнѣйшихъ мусульманскихъ извѣстіяхъ о Россіи, или о Золотой Ордѣ. Въ изученіи древней исторіи нашего края все сдѣланное Френомъ до настоящаго времени не утратило нисколько значенія и можетъ служить образцомъ глубокаго знанія, необходимаго въ этомъ дѣлѣ (т. е. знанія языковъ восточныхъ), тонкой критики и осмотрительнаго сужденія. Новымъ изслѣдователямъ въ этой области часто приходилось лишь пользовались тѣмъ, что было сдѣлано этимъ ученымъ.

Въ школѣ Тихсена Френъ привыкъ къ изслѣдованію монетъ, какъ историческихъ памятниковъ прошедшаго. Какъ ученый, онъ былъ совершенно чуждъ наивной страсти собирателя, но умѣлъ пользоваться монетою, какъ документомъ, который говорилъ ему объ исчезнувшей жизни. Исторія многихъ странъ Востока создалась исключительно по монетамъ и Френъ по монетамъ создалъ исторію Золотой Орды и древняго Булгара на Волгѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ Казань, то нашелъ въ ней уже нѣсколько замѣчательныхъ нумизматическихъ кабинетовъ, принадлежавшихъ разнымъ иностранцамъ, жившимъ здѣсь. Въ ту пору такія собранія составлялись легко, край изобиловалъ древностями, монетные клады находились и исчезали, переплавляясь пудами, и Френъ нашелъ множество совершенно неизвѣстныхъ ему монетъ въ собраніяхъ Пото, Лудовика Венга и профессора Фукса, которыя естественно должны были обратить на себя его вниманіе (1). Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, познако-

(1) Иванъ Осиповичъ *Пото*, учредитель перваго пансіона для благородныхъ дѣвицъ въ Казани, остался въ памяти у старожиловъ Казани

мившись съ этими собраніями, Френъ уже описывалъ монеты, и прежде всего тѣ изъ нихъ, которыя ему были от-

---

только въ шуточномъ четверостишіи: «Madame Пото не знаетъ про то, что Monsieur Пото — играетъ въ лото». Онъ жилъ въ Казани съ 1803 года, а до того времени имѣлъ довольно пеструю судьбу. По его собственнымъ словамъ, съ четырехлѣтняго возраста, онъ воспитывался при Вѣнскомъ дворѣ на счетъ Эрцъ-герцогини Елизаветы; черезъ восемь лѣтъ Пото поступилъ въ Штутгардтскую академію, гдѣ пробылъ четыре года, а потомъ два года вояжировалъ по Европѣ на счетъ своей благодѣтельницы. Между тѣмъ послѣдняя умерла и Пото прибѣгнулъ къ покровительству ея родной сестры, Великой Княгини Маріи Ѳедоровны, которая была воспріемницею двухъ сыновей его. Въ Россіи онъ служилъ съ 1790 года то квартермистромъ въ кирасирскомъ полку, то архитекторскимъ помощникомъ, то смотрителемъ казеннаго конскаго завода, то экзекуторомъ губернскаго Правленія, то наконецъ частнымъ приставомъ въ Казани. Въ 1806 году онъ выстроилъ манежъ въ Казани и предлагалъ свои услуги въ качествѣ берейтора гимназистамъ и студентамъ; въ томъ же году онъ перешолъ на педагогическое поприще, подавалъ прошеніе на мѣсто главнаго надзирателя гимназіи и, не получивъ его, открылъ свой пансіонъ для дѣвицъ. Собраніе монетъ Пото сдѣлалъ въ Казани; главная часть его состояла изъ монетъ восточныхъ, здѣсь найденныхъ и главнѣйшія изъ нихъ описаны Френомъ въ его «Numophylacium orientale Pototianum», Cas. 1813. 8°. (Это первая книга, напечатанная латинскимъ шрифтомъ въ университетской типографіи). Френъ чрезвычайно цѣнилъ собраніе Пото и въ своемъ сочиненіи высказывалъ наивное желаніе, чтобъ между *русскими магнатами* нашелся другой Борджіа, который пріобрѣлъ бы его на пользу науки и сдѣлалъ общественнымъ достояніемъ, боялся за судьбу собранія по смерти Пото и за возможность, впрочемъ совершенно естественную, перехода его въ Англію. Собраніе восточныхъ монетъ Пото было куплено университетомъ у сына этого Пото только въ 1827 году за 2 т. руб. сер., но тѣ ли это монеты, надъ которыми работалъ Френъ — намъ неизвѣстно. — 2) Личность *Лудовика де Венга*, на собраніе котораго такъ часто ссылался Френъ въ своихъ первыхъ нумизматическихъ сочиненіяхъ, намъ совершенно неизвѣстна. Изъ того обстоятельства, что Френъ, въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи напечатанномъ въ Петербургѣ «Die Münzen der Chane von Ulus Dschutschi's» ни разу уже не ссылается на Венга, а на новое казанское собраніе Д. И. Нѣелова, о которомъ прежде не упоминалъ, можно съ вѣроятностью заключить, что собраніе Венга куплено этимъ казанскимъ помѣщикомъ. (Впрочемъ изъ одной замѣтки Френа видно, что кабинетъ Венга былъ въ 1816 году уже въ Москвѣ). Нумизматическій кабинетъ Нѣелова, весьма богатый рѣдкими восточными монетами, по смерти владѣльца и по раззореніи его промотавшихся наслѣдниковъ, былъ проданъ въ

части извѣстны уже въ Германіи, но которыя онъ нашелъ здѣсь въ значительномъ количествѣ: монеты восточныхъ

Казани въ разныя руки съ публичнаго торга за безцѣнокъ.—3) Собраніе *Фукса*, «составленное съ столь же достохвальнымъ рвеніемъ, какъ и необыкновенно счастливымъ успѣхомъ», по словамъ Френа, обязано своимъ происхожденіемъ также здѣшнему краю и его историческимъ условіямъ, хотя Фуксъ пополнялъ его и изъ другихъ источниковъ, чему способствовала большая медицинская практика его, и во время своихъ путешествій на Кавказъ, въ Сибирь, къ развалинамъ Сарая и т. д., или чрезъ разныхъ знакомыхъ ему лицъ. (Такъ Френъ упоминаетъ о какомъ-то армянскомъ купцѣ, который доставилъ Фуксу много монетъ). Весною 1816 года Френъ привелъ въ порядокъ кабинетъ Фукса и сдѣлалъ ему каталогъ. Это превосходное собраніе заключало въ себѣ тогда 650 монетъ, безъ множества дублетовъ. Однѣхъ монетъ джучидскихъ было болѣе 400. Описаніе Фуксова нумизматическаго кабинета сдѣлалъ Френъ уже по переѣздѣ своемъ въ Петербургъ, выбравъ изъ него въ хронологическомъ порядкѣ монеты хановъ Золотой Орды (Die Münzen der Chane von Ulus Dschutschi's. SPB. 1832. 4° и русскій переводъ *Волкова* «Монеты хановъ улуса Джучіева» 1832. Семнадцать таблицъ къ этому сочиненію рѣзаны были въ Казани подъ личнымъ надзоромъ Френа рѣзчикомъ печатей евреемъ Ліономъ Кальмономъ, котораго онъ и пріучилъ къ этому дѣлу. Первая его халкографія казанская, приложенная къ сочиненію Френа «De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo, Lib. I.) относится къ 1815 году. Френъ постарался, что эти рисунки «wenn auch gerade nicht sehr elegant, doch wenigstens möglichst treu sind»).—Собраніе Фукса было куплено для университета еще въ 1824 году, за 12 т. рублей ассигн, но сдача его почему то затянулась до 1832 года, а между тѣмъ профессоръ Эрдманъ, заступившій Френа въ Казани и бывшій посредникомъ при покупкѣ монетъ между университетомъ и Фуксомъ, поспѣшилъ самъ сдѣлать его описаніе («Numophylacium univers. Casan. orientale», Cas. 1826). Описаніе это было чрезвычайно странно. Френъ замѣтилъ справедливо, что въ немъ помѣщена только часть Фуксова кабинета, и при томъ неважная, что нѣтъ значительнаго количества прежнихъ монетъ Фукса, и между ними самыхъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ, уже описанныхъ Френомъ. Нумизматическій дебютъ Эрдмана былъ неудаченъ; въ его описаніи съ трудомъ можно было узнавать уже извѣстное; на каждомъ шагу, по словамъ Френа, оно давало поводъ къ критикѣ. Есть основаніе полагать, что многія, и притомъ для науки важныя монеты изъ кабинета Фукса, не достались университету. Упреки Френа задѣли заживое Эрдмана, его земляка мекленбургца, имъ же рекомендованнаго въ Казанскій университетъ. Онъ отвѣчалъ новымъ каталогомъ монетъ въ обширныхъ размѣрахъ: «Numi Asiatici musei universitatis Caes. litterarum Casanensis» Pars I, Vol. I и II. 1834. Эти огромные два квартанта въ 827 стр., напечатанные

династій Саманидовъ и Буидовъ или Буваидовъ, съ конца IX и до первой половины XI вѣка ([1]). Находка ихъ въ краѣ, и притомъ въ значительномъ количествѣ, указывала на древнѣйшія торговыя сообщенія народовъ, жившихъ по берегамъ Волги съ тѣми областями на восточныхъ и южныхъ окраинахъ Каспійскаго моря, которыя находились подъ властью этихъ династій. Уже это обстоятельство заставило Френа обратить самое тщательное вниманіе на ту историческую почву, которая была подъ ногами его. Въ Казани онъ не разъ слышалъ о развалинахъ Болгаръ и Билярска, которыя въ то время находились не въ такомъ печальномъ состояніи какъ теперь. Онъ не разъ бывалъ въ Болгарахъ и въ первые годы своей казанской жизни, и лѣтомъ 1817 года, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Историческая судьба города и вещественные памятники древней жизни въ его развалинахъ, а особенно свидѣтельства арабскихъ писателей о мѣстности заинтересовали его въ высшей степени, и конечно Френу мы обязаны первыми и точными свѣдѣніями о до-татарскомъ и послѣ-татарскомъ періодахъ мѣстной исторіи. До Френа это была невоздѣланная почва и для него дѣло новое.

на казенный счетъ и обращенные потомъ въ макулатуру, представляютъ курьезъ въ своемъ родѣ. Они вызвали чрезвычайно злую критику Френа, напечатанную въ Лейпцигѣ: Die Regenwürmer auf den Feldern der orientalischen Numismatik». 1836. Остроумный памфлетъ этотъ разоблачалъ глубокое невѣжество въ нумизматикѣ Востока казанскаго профессора и его претензіи. Весь безполезный трудъ Эрдмана состоялъ въ напечатаніи надписи каждой монеты и ея латинскаго перевода, не всегда вѣрнаго. Въ наукѣ каталогъ этотъ не имѣлъ никакого значенія. Новый каталогъ восточныхъ монетъ университета былъ напечатанъ профессоромъ Березинымъ въ тотъ самый годъ, когда эти монеты переселились въ Петербургъ, вмѣстѣ съ восточнымъ факультетомъ: «Catalogue des monnaies et des médailles etc. Cas. 1855. 4°. №№. 1—4494.—Въ бытность Френа въ Казани, на его глазахъ, образовалось и четвертое собраніе восточныхъ монетъ изъ мѣстныхъ находокъ, и онъ ссылался на него. Оно принадлежало товарищу его по университету профессору медицины (Іоганну Фридриху *Эрдману* (1778—1846), но съ переселеніемъ послѣдняго въ Дерптъ (1817) и потомъ за границу, въ Казани не осталось.

([1]) Небольшая книжка эта была напечатана Френомъ въ типографіи университета въ 1808 году на языкѣ арабскомъ, такъ какъ латинскій шрифтъ не былъ еще заведенъ.

Руководительною нитью для него въ этой области долго была нумизматика. Одобреніе Сильвестра де Саси и Тихсена ([1]), для которыхъ въ трудахъ Френа раскрывалось такъ много неизвѣстнаго въ научномъ отношеніи, побудило его продолжать работать въ этомъ направленіи. Френъ знакомился съ такими монетами, какихъ онъ никогда не встрѣчалъ; онъ видѣлъ въ нихъ памятники такой исторіи, съ какою вовсе не былъ знакомъ. Таковы были напримѣръ монеты хановъ джучидскихъ или Золотой Орды, властителей Дештъ-Кипчака. Ихъ едва зналъ Френъ (только нѣкоторые экземпляры ихъ онъ видѣлъ въ Геттингенскомъ университетѣ). Въ другихъ частяхъ восточной нумизматики многіе работали до него. Здѣсь приходилось начинать съ начала. Онъ сознаетъ самъ нѣкоторую странность своего положенія, какъ ученаго нѣмца, приступающаго по монетнымъ памятникамъ, къ изученію столь важнаго въ русской исторіи періода, какимъ былъ татарскій, когда не было еще ни одного русскаго труда по этой части. Съ помощью краткаго конспекта хронологическаго и историческаго, который составилъ для Френа въ Петербургѣ землякъ его Цеплинъ, онъ приступилъ къ изученію татарскихъ монетъ и пересмотрѣлъ, по его собственнымъ словамъ, цѣлыя миріады ихъ. Результаты этихъ работъ Френа всѣми признаны въ наукѣ. „Болѣе четырехъ сотъ видовъ монетъ Золотой Орды, имъ открытыхъ, представили почти полный рядъ хановъ, прежнихъ властителей Руси — говоритъ біографъ Френа П. С. Савельевъ. Изученіе этихъ монетъ повело его къ объясненію собственныхъ именъ и титуловъ хановъ ([2]), къ изслѣдованіямъ о мѣстоположеніи городовъ Орды, о русско-татарскихъ монетахъ, о происхожденіи слова „деньги“ и т. д. ([3]). Это была первая важная услуга русской исторіи, оказанная Френомъ, которому суждено было впослѣдствіи открыть въ восточной литературѣ еще важнѣйшіе источники

([1]) Имъ посвятилъ онъ второе свое сочиненіе Numophylacium orientale Pototianum.

([2]) Nonnulla de titulorum et cognominum honorificorum, quibus chani hordae aureae usi sunt, origine, natura atque usu. Cas. 1814. 4°.

([3]) De origine vocabuli rossici *деньги*. Cas. 1815. 4°.

для древней исторіи Руси". И самъ Френъ такъ смотрѣлъ на свои труды этого рода. Онъ требовалъ, чтобъ въ аттестатѣ, выданномъ ему изъ Казанскаго университета, между прочими учеными заслугами его, было упомянуто то обстоятельство, что онъ „нѣкоторыми своими сочиненіями, касающимися вопросовъ русско-азіатской древности, въ особенности объяснилъ, до него покрытое глубокимъ мракомъ, знаніе монетъ хановъ Золотой Орды".

Френа долго занимала мысль написать сочиненіе о булгарскомъ городѣ и объяснить его по монетамъ, памятникамъ и восточнымъ авторамъ съ того самаго времени, какъ онъ познакомился съ болгарскими развалинами и сталъ встрѣчать въ массѣ разбираемыхъ имъ восточныхъ монетъ такія, на которыхъ стоитъ имя Булгара и Биляра (¹). Значительная часть его изслѣдованій въ Казани была посвящена этому вопросу, и потомъ, когда онъ былъ уже академикомъ въ Петербургѣ, Френъ не разъ возвращался къ нему въ статьяхъ своихъ. По монетамъ слѣдилъ онъ за началомъ исламизма на Волгѣ и за вѣроятнымъ началомъ монетнаго дѣла въ Булгарѣ (²). Легенды всѣхъ извѣстныхъ ему болгарскихъ монетъ объяснены были имъ съ замѣчательною обстоятельностью; но онъ не остановился на этомъ, а пошелъ дальше. Онъ объяснялъ важнѣйшія историческія даты этихъ монетъ, имена болгарскихъ хановъ, отношенія ихъ къ халифату, указывалъ на поводъ къ чеканкѣ монеты на Волгѣ и дѣлалъ общіе выводы о степени культуры въ булгарскомъ ханствѣ. Онъ доказывалъ по монетамъ, что здѣсь, на Волгѣ, за долго до татарскаго нашествія, а именно уже въ VIII или по крайней мѣрѣ въ X вѣкѣ былъ распространенъ исламъ, что Булгары были сунниты секты Абу Ханифа, что они были татарско-тюркское племя, познакомившееся съ арабскимъ языкомъ посредствомъ ислама и т. д. Его занимали и надгробныя надписи въ Болга-

---

(¹) Bulgharum urbem... e numis monumentisque et auctoribus illustrare in animo habeo. *Numophyl Potot*. p. 42—43.

(²) De numorum bulgharicorum forte antiquissimo, Liber primus et secundus. Cas. 1816. 4°. Впослѣдствіи въ Петербургѣ Френъ нашелъ еще болѣе древнюю булгарскую монету: Drei Münzen der Wolga - Bulgharen (1832).

рахъ. Услышавъ, что въ Академіи Наукъ находятся копіи съ нихъ, онъ просилъ прислать ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Казань. „Изъ этихъ копій булгарскихъ надписей, которыя какъ я лично убѣдился при поѣздкѣ въ Болгары, находятся далеко не въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ были за 70 или 60 лѣтъ, когда ихъ копировали, я надѣялся извлечь какой либо положительный результатъ для татарской исторіи, пишетъ онъ, но въ просьбѣ о присылкѣ ихъ было мнѣ отказано (¹). Френъ на столько сдѣлался знатокомъ мѣстныхъ древностей, что къ нему прибѣгали съ просьбами объяснить ихъ. Къ сожалѣнію это случалось рѣдко, такъ какъ на всѣ находки въ историческихъ мѣстностяхъ края тогда, да и долгое время спустя, смотрѣли исключительно только съ точки зрѣнія цѣнности металла (²); сохранялись только не цѣнныя въ этомъ отношеніи вещи. Френъ призывалъ въ своихъ рѣчахъ и юношей-студентовъ и общество къ изученію мѣстныхъ древностей, и доказывалъ ихъ важность и значеніе для русской исторіи, говорилъ какъ много достойнаго вниманія скрывается въ камняхъ, старыхъ монетахъ, говорилъ съ глубокимъ чувствомъ и убѣжденіемъ, но къ сожалѣнію говорилъ на латинскомъ языкѣ и рѣчь его была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ этой „Musarum ultima Thule“, какъ называлъ онъ Казанскій университетъ, дѣло его не скоро нашло продолжателей.

(¹) Leipzig. Litter. Zeitung. 1815. № 134.

(²) Такъ въ 1815 году духовная академія въ Казани прислала для объясненія въ университетъ нѣсколько мѣдныхъ вещей, найденныхъ въ развалинахъ Бюляра лѣтъ за сорокъ. Съ нѣкоторыхъ, болѣе любопытныхъ, Френъ дѣлалъ свинцовыя копіи для Тихсена, Уварова и барона де Саси. Объясненія вещей Френомъ приведены въ книгѣ г. *Шпилевскаго* «Древніе города и пр. стр. 357—359. Приведемъ сужденіе Френа объ одномъ мѣдномъ блюдѣ изъ болгарскихъ древностей, неизвѣстномъ г. Шпилевскому, фигуры на которомъ Френъ описалъ: «Какъ вы видите, пишетъ онъ въ заключеніе къ Тихсену, вещь эта не восточнаго, а можетъ быть нѣмецкаго происхожденія. Она служила вѣроятно подставкою для чаши, или, принимая во вниманіе металлъ, можетъ быть для умывальника. Ее занесли сюда когда-то или европейскіе путешественники или послы, а можетъ быть это была военная добыча монголо-татарскихъ ордъ». *Leipz. Litter. Zeit.* 1815, №, 134.

Совершенно темная, полная только разнообразныхъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ исторія булгарскаго царства или ханства, вызывавшаго такъ много нападеній со стороны Русскихъ, начиная съ великаго князя Владиміра, отношенія древняго Булгара къ халифату и къ татарскимъ завоевателямъ отъ Батыя до Тамерлана, связь этого царства съ Казанью, судьба разныхъ болгарскихъ городовъ занимали Френа не только во время службы его въ Казани, но и потомъ. Для рѣшенія этого вопроса у него было довольно источниковъ: кромѣ памятниковъ, надписей, монетъ, онъ владѣлъ полною начитанностью во всѣхъ извѣстныхъ тогда и ему доступныхъ арабскихъ географическихъ и историческихъ сочиненіяхъ; онъ собиралъ и пользовался татарскими лѣтописями, приводя ихъ въ отрывкахъ и разбирая ихъ неоднократно критически (1). Изъ его собственныхъ словъ видно, что онъ намѣревался писать о разныхъ вопросахъ этой темной исторіи (2) и отъ него конечно, при глубокомъ знаніи восточныхъ языковъ и древностей, при его ученой осмотрительности и осторожной критикѣ, можно было ожидать дѣйствительнаго освѣщенія, но переходъ въ Петербургъ долженъ былъ дать другое направленіе его ученой дѣятельности. Тѣмъ не менѣе отъ Френа, за время его казанской жизни, мы все же имѣемъ полную и точную, хотя и очень краткую исторію древняго Булгара на Волгѣ. Если къ ней и слѣдуетъ прибавить нѣсколько новыхъ фактовъ, тогда неизвѣстныхъ, то и эти послѣд-

---

(1) Bülariae urbis origo atque fata, tatarice et latine. Fundgruben d. Orients. 1816. T. V. p. 205. Отрывки изъ другихъ лѣтописей въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. Исторіи Абуль-Гази въ Казани Френъ не имѣлъ, но онъ указалъ на ея важность и значеніе извѣстному любителю и покровителю историческихъ изслѣдованій о Россіи канцлеру графу Румянцеву. Послѣдній былъ въ Казани въ началѣ августа 1819 года и отсюда проѣхалъ для осмотра болгарскихъ развалинъ. Онъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ ректора Брауна, Цеплина и Френа.

(2) «Ad hujus nominis origines ipsiusque *fata Bulghariae* ad Volgam quae spectant, *peculiari libello* reservantes..... *De num. Bulgh.* I. p. 26. «De *Brächimow*, quae ad Kamam fluvium sita erat, et de *Bulghar*, quas urbes passim confunderunt auctores, *tractabo* in Symbolis ad Bulghariae historiam»... Ib. II. 6. Вѣроятно много отдѣльныхъ замѣтокъ Френа есть въ его бумагахъ, хранящихся въ Азіатскомъ музеѣ Академіи Наукъ.

ніе были пріобрѣтены для науки имъ же Френомъ (¹). Въ Казани для изученія мѣстной исторіи и древностей онъ сдѣлалъ все что былъ въ состояніи, и примѣръ этого ученаго нѣмца, который съ такою любознательностью относился къ тому, что его окружало, касаясь его спеціальности, весьма поучителенъ. Къ сожалѣнію Френъ не зналъ русскаго языка, а потому сфера дѣятельности его была незначительна.

Мы ограничились изъ ученой дѣятельности Френа только тѣмъ, что было сдѣлано имъ въ Казани для изученія татарскаго періода русской исторіи и мѣстныхъ древностей. Изложеніе прочей научной дѣятельности Френа не входитъ въ нашъ планъ. Замѣчательно то однако, что вниманіе Френа и въ Казани было направлено главнымъ образомъ на арабскихъ

(¹) Мы говоримъ здѣсь о статьѣ Френа «Geschichte Bulghar's», составляющей вторую половину часто цитируемой статьи профессора Эрдмана «Die Ruinen Bulghars», помѣщенной въ первый разъ въ *Bertuch's*, Neue allgemeine geographische Ephemeriden, 1820. VII B. S. 412—434. Принадлежность этой статьи Френу мы основываемъ на словахъ самаго Эрдмана. Этотъ образованный медикъ говоритъ: «Die historischen Notizen welche ich hier mittheile verdanke ich *fast alle* (за исключеніемъ ссылокъ на русскія лѣтописи, сдѣланныхъ проф. Цеплинымъ) dem Fleisse des Herrn Prof. Fraehn» и указанію академика Дорна, который статью эту включилъ въ сдѣланный имъ списокъ сочиненій Френа. Эта только историческая часть статьи Эрдмана, подъ названіемъ «Исторія Булгаровъ» была переведена Языковымъ въ *Сынѣ От.* 1821 г. № VI, 241—252 и № VII, 289—306. Она, по своимъ многочисленнымъ указаніямъ на восточныхъ писателей, извѣстныхъ только въ подлинныхъ рукописяхъ, могла принадлежать только орьенталисту. Къ сожалѣнію безчисленныя цитаты изъ нея приводятся невѣрно съ именемъ Эрдмана. Статья Френа была написана въ 1817 году. Въ этомъ году, передъ самымъ отъѣздомъ въ Петербургъ, онъ сдѣлалъ послѣднюю поѣздку къ Болгарскимъ развалинамъ въ обществѣ Эрдмана, учителя живописи при университетѣ Крюкова (отца извѣстнаго московскаго профессора) и студента барона Юлія Врангеля. Кстати замѣтимъ, что общій видъ развалинъ, изображенія четырехъ главныхъ зданій и два плана, награвированные по рисункамъ Крюкова въ Веймарскомъ Географическомъ Институтѣ и приложенные къ статьѣ Эрдмана въ журналѣ Бертуха, даютъ отличное понятіе о состояніи знаменитыхъ развалинъ за 60 лѣтъ тому назадъ. Указаній на эти рисунки мы нигдѣ не встрѣчали.

историковъ, къ разработкѣ которыхъ онъ обратился въ Петербургѣ ([1]). Но любимымъ трудомъ его былъ арабскій словарь. Къ нему онъ обращался ежедневно. Онъ разсчитывалъ кончить трудъ этотъ, какъ мы видѣли въ семь лѣтъ, но объемъ его выросталъ постепенно вмѣстѣ съ трудностями; часто приходилось Френу жаловаться на недостатокъ въ Казани рѣдкихъ и дорогихъ пособій, жалѣть, что живетъ онъ не вблизи Парижской или Лейденской библіотеки и срокъ окончанія уже отодвигается на двадцать лѣтъ, (въ 1815 году). Френъ однако въ такомъ возрастѣ, что эти двадцать лѣтъ впереди представляются ему полными безконечнаго труда.

Первый ректоръ университета Браунъ съ 1814 года завелъ въ Казани обычай печатать на латинскомъ языкѣ при окончаніи года, передъ днемъ торжественнаго собранія, которое обыкновенно происходило 5 іюля, такъ называемые *панегирики*, нѣчто въ родѣ пригласительной программы того, что будетъ происходить на актѣ. Панегирики эти обыкновенно, отъ лица ректора и совѣта, сочинялъ Френъ, считавшійся знатокомъ латинскаго языка. Онъ пользовался всякій разъ этимъ случаемъ для того, чтобъ присоединить къ панегирику какое нибудь спеціальное изслѣдованіе свое. Въ томъ же качествѣ знатока латинскаго языка, Френъ ежегодно переводилъ *обозрѣніе преподаваній* въ университетѣ и долженъ былъ составлять дипломы почетнымъ членамъ. Отъ этихъ дипломовъ требовалось тогда, чтобъ въ нихъ высказано было не только выраженіе уваженія университета къ избираемому имъ члену, но и по возможности точное опредѣленіе его научныхъ заслугъ, или вообще сдѣланнаго имъ на пользу просвѣщенія. Френу же поручено было сочинить дипломъ избранному въ почетные члены Оренбургскому Муфтію и онъ исполнилъ это порученіе съ честію. Дипломъ былъ написанъ на арабскомъ языкѣ риѳмованною прозою (sedshâ), со всѣми условными красотами восточнаго краснорѣчія и съ выписками изъ

([1]) Сюда относится его Prologus: «De auctorum etiam libris vulgatis crisi poscentibus emaculari, deque criticâ conjecturali; probans dictâ exemplo Historiae Saracenicae Elmacini». Cas. 1815. 4°.

Корана. Онъ былъ значительно длиннѣе обыкновенныхъ латинскихъ дипломовъ. Френъ постарался, чтобъ дипломъ этотъ, подносимый лицу, считающемуся знатокомъ арабскаго языка, сдѣлалъ честь и орьенталисту и университету. До напечатанія онъ давалъ его на разсмотрѣніе двумъ ученымъ казанскимъ мулламъ. Послѣдніе вполнѣ его одобрили и только въ двухъ мѣстахъ одинъ изъ нихъ совѣтовалъ замѣнить форму единственнаго числа формою множественнаго, съ чѣмъ Френъ и согласился. Все это Френъ съ большимъ торжествомъ сообщилъ въ Германію въ письмѣ (1).

Въ жизни молодаго Казанскаго университета Френъ является вообще лицомъ чрезвычайно дѣятельнымъ. Кромѣ профессорской, онъ несетъ и другія обязаности: въ 1811—1814 году онъ членъ училищнаго комитета; въ 1815-1816 году—деканъ отдѣленія словесныхъ наукъ. Его корреспонденціи о внутренней жизни этого университета и о трудахъ его членовъ, напечатанныя въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ литературныхъ газетахъ того времени, свидѣтельствуютъ о томъ участіи, какое онъ принималъ въ мало знакомой ему на первыхъ порахъ умственной жизни. Если его латинскія рѣчи, произносимыя въ торжественныхъ собраніяхъ университета и по языку, и по исключительному спеціальному содержанію своему, были доступны ничтожному меньшинству, то нѣмецкая церковная община въ Казани могла восторгаться ораторскимъ талантомъ Френа, такъ какъ передъ нею и по просьбѣ ея членовъ, въ лютеранской церкви, онъ говорилъ два раза: по случаю торжества Лейпцигской побѣды и въ празднованіе занятія Парижа. Гулъ міровыхъ событій того времени достигъ и Казани, и въ сердцѣ Френа, котораго несчастія его родины заставили переселиться въ Россію, долженъ былъ съ особою силою и особеннымъ чувствомъ отразиться всеобщій восторгъ, вызван-

---

(1) Leipz. Litter. Zeitung. 1817. №№. 24—25. Тамъ же напечатаны, кромѣ нѣмецкаго перевода этого арабскаго диплома и нѣсколько латинскихъ дипломовъ, сочиненныхъ Френомъ. Особенно замѣчателенъ дипломъ Тихсену, выбранному въ почетные члены по предложенію Френа, на что онъ испросилъ заранѣе разрѣшеніе попечителя. Дипломъ этотъ проникнутъ самымъ теплымъ выраженіемъ любви къ уважаемому учителю.

ный всюду паденіемъ Наполеона. Френъ говорилъ о возвращеніи человѣчеству его нарушенныхъ, оскверненныхъ, похищенныхъ правъ, объ освобожденіи міра отъ оковъ и цѣпей, о возстановленіи престоловъ ландесфатеровъ, о паденіи деспота и тирана. Его нѣмецкое сердце съ восторгомъ отзывалось на пробужденіе Германіи, на возрожденіе старыхъ нѣмецкихъ университетовъ и ихъ подавленной свободы. Но, высказывая ненависть къ падшему притѣснителю Германіи, Френъ не распространяетъ ее на Французовъ: они для него великая нація и онъ приводитъ сказанныя въ томъ же смыслѣ слова русскаго Высочайшаго манифеста. За одно съ русскимъ народомъ и образованнымъ обществомъ того времени, Френъ говоритъ и объ императорѣ Александрѣ, какъ о героѣ и человѣкѣ, какъ о другѣ народовъ и защитникѣ ихъ свободы (1).

Только одинъ этотъ разъ Френъ уходитъ изъ сферы науки въ область современности; событія времени сильно затронули его нѣмецкое сердце и напомнили о далекой родинѣ, пробужденной теперь для новой политической жизни. И въ университетской жизни онъ, по его собственнымъ словамъ, бѣжалъ отъ всякихъ споровъ, искалъ только мира и согласія, ненавидѣлъ смуты и ссоры, „remotus a celebritate et a strepitu alienus, non amo nisi umbram, non delector nisi secessu"—писалъ онъ. Главною заботою его были книги, но книги по его спеціальности были дороги, особенно вслѣдствіе длиннаго пути до Казани. На это онъ жаловался даже ученымъ друзьямъ своимъ въ Германіи, которымъ онъ высказывалъ свое сожалѣніе, что не въ состояніи уже покупать столько книгъ, сколько могъ бы ихъ покупать въ Германіи, тѣмъ болѣе, что совѣтъ не разъ ему отказывалъ въ пріобрѣтеніи новыхъ книгъ, за недостаткомъ суммъ. Съ большимъ трудомъ удалось ему выхлопотать разрѣшеніе на покупку за 240 р. асс. новаго

(1) Первая рѣчь Френа осталась въ рукописи, вторая же напечатана по нѣмецки и по русски (Каз. 1814. 4°. 51 стр.) «въ пользу россійскихъ инвалидовъ въ Казани». Это *первая печатная нѣмецкая книга* въ университетской типографіи. Наборщикъ, незнакомый съ нѣмецкимъ языкомъ, набиралъ латинскими литерами. О томъ какъ праздновалось въ Казани взятіе Парижа см. *Каз. Изв.* 1814 г. №№. 19 и 20.

изданія большаго извѣстнаго словаря Менинскаго. Френа, какъ и другихъ иностранныхъ профессоровъ, сильно озабочивало сверхъ того помѣщеніе. На первыхъ порахъ онъ, подобно прочимъ помѣщался, съ разрѣшенія попечителя, па казенной квартирѣ (квартирныя деньги стали выдавать не вдругъ (1); она дана ему была на время, пока не сыщетъ наемную, но очень скоро онъ долженъ былъ уступить ее для ожидаемаго въ Казань проф. Бартельса, человѣка семейнаго и „въ нѣмецкой землѣ званіе профессора уже имѣвшаго“. Френа перевели на другую казенную квартиру, на дворѣ и потѣснѣе, но и эту послѣднюю Яковкинъ попросилъ его въ мартѣ 1808 года очистить къ пріѣзду проф. Фойгта, что весьма ему не понравилось. Пришлось нанимать квартиру, но частныя квартиры въ то время въ Казани соединены были съ большими неудобствами. Едва только Френъ нанялъ себѣ помѣщеніе въ домѣ Апѣхтина, какъ квартира была занята военнымъ постоемъ. Пришлось жаловаться и доказывать права и преимущества, дарованныя профессорамъ университета Высочайшею грамотою. „Въ разсужденіи г. Френа полиція безбожно отказываетъ и упорствуетъ, пишетъ Яковкинъ (въ маѣ 1808 года), когда онъ нанялъ весь корпусъ, но въ немъ же самомъ, и еще въ самыхъ лучшихъ четырехъ покояхъ, полиціею поставленъ офицеръ съ шестью солдатами“. Дѣло не скоро уладилось. За то владѣлецъ дома черезъ годъ увеличилъ плату за квартиру съ 300 до 400 рублей въ годъ.

---

(1) Жалобы на дороговизну квартиръ часто доходили до Румовскаго. «Я сдѣлалъ представленіе, писалъ онъ Яковкину (12 сент. 1807 г.), чтобы для двухъ профессоровъ и четырехъ адъюнктовъ исходатайствованы были квартирныя деньги, разумѣя тутъ отапливаніе и освѣщеніе, и полагая, что четыре профессора помѣстятся надъ типографіей, но не по причинѣ дороговизны въ Казани, а потому что дерптскіе профессоры пользуются сею милостью. Сколь счастливы бы были петербургскіе жители, ежели бы съѣстные припасы были въ такой цѣнѣ, какъ въ Казани. Куль муки продается здѣсь по 12 р., а пудъ мяса по 4 и по 3½ рубли. Не смотря на то чиновники, получающіе въ годъ по 2000 р. и не меньше 400 р. платящіе за квартиру, не жалуются на постыдное содержаніе. Казанскій житель, недовольный 2000 рублями, въ Петербургѣ недоволенъ будетъ и 4000. Самые академики не имѣютъ больше какъ 2200 р. Кто не ограничиваетъ своихъ желаній, тотъ никогда и ни чѣмъ не будетъ доволенъ».

Считая такую сумму высокою и опасаясь, что через годъ она еще можетъ подняться, Френъ рѣшился купить маленькій домъ на Новогоршечной улицѣ (потомъ онъ продалъ его и купилъ другой—на Поповой горѣ), но у него недоставало на уплату 450 рублей. Не желая платить высокихъ процентовъ и не имѣя близкихъ знакомыхъ, которые могли бы его ссудить этими деньгами, Френъ обратился съ просьбою къ Румовскому разрѣшить выдачу ему этой суммы впередъ, въ счетъ его жалованья будущаго (т. е. 1810 года). Онъ надѣялся на благосклонное расположеніе попечителя „d'autant plus, писалъ онъ, comme je suis jeune et en bonne santé". На эту просьбу Румовскій просилъ передать Френу: „Я отъ всего сердца желаю, чтобы Господь жизнь его дотолѣ продлилъ, доколѣ ему угодно, но не могу согласиться, чтобы упомянутая сумма выдана была безъ поручительства. Ежели г. Френъ сыщетъ кого либо изъ собратій своихъ поручителемъ, то я въ разсужденіи прописанныхъ имъ причинъ, согласенъ чтобы 450 рублей выданы ему были изъ суммы университетской, съ вычетомъ въ продолженіе 1810 года". Поручителемъ былъ Браунъ.

Былъ у Френа въ теченіе казанской жизни его и романъ, романъ весьма обыкновенный въ жизни профессора стараго времени, возможный всегда для людей занятыхъ и преданныхъ дѣлу, но не утратившихъ естественныхъ человѣческихъ стремленій. Въ старое время такіе случаи, особенно между иностранными профессорами, случались довольно часто. „Извѣстно, что въ Казани не возможно обойтись безъ женской прислуги, если не хочешь лишиться самыхъ необходимыхъ удобствъ" объяснялъ такой случай одинъ изъ нихъ. Уединенная жизнь, недостатокъ общества за незнаніемъ русскаго языка, пустота такъ называемой свѣтской жизни въ провинціи, глубокое ничтожество тогдашнихъ женскихъ натуръ, воспитанныхъ только въ любви къ разсѣянію и въ уваженіи къ внѣшнему блеску, понемногу пріучали профессора искать въ прекрасной половинѣ человѣческаго рода не равноправную подругу, которая могла бы раздѣлять его умственные интересы и стремленія, а хозяйку или какъ тогда выражались—*домоводку*. Это казалось и спокойнѣе и дешевле, при жизни только на трудовыя деньги. Романъ Френа былъ для него и причиной огорченій, и источникомъ сплетней, долго незабываемыхъ: черезъ восемь лѣтъ, въ извѣстномъ отчетѣ своемъ Магницкій упомянулъ о немъ съ злорадствомъ,

представивъ его какъ обращикъ профессорскихъ нравовъ въ Казани. Исторія на столько рисуетъ взгляды и убѣжденія русскихъ и иностранныхъ профессоровъ, такъ какъ романъ этотъ послужилъ источникомъ служебныхъ пререканій, что мы нашли возможнымъ передать акты его читателямъ.

Вѣроятно самъ Френъ чувствовалъ нѣкоторую ненормальность своего брака, слышалъ доходящія до него сплетни, а потому и рѣшился увѣдомить о немъ попечителя слѣдующимъ латинскимъ письмомъ:

«Считаю своею обязанностью довести до вашего свѣдѣнія, что разставшись съ холостою жизнью, я вступилъ назадъ тому двѣ недѣли въ бракъ. Давно уже познакомился я съ одною дѣвушкою нѣмкою, уроженкою Москвы; я увидѣлъ, что она соединяла въ себѣ всѣ тѣ хорошія свойства, которыя необходимы для брачной жизни. Я нашелъ въ ней скромность и умѣренность, простоту и нелюбовь къ роскоши; она думаетъ только о домашнемъ хозяйствѣ и въ немъ совершенно опытна. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ она съ величайшею преданностью несла заботы о моемъ домѣ, и какъ безпристрастный судья, я не находилъ никого болѣе ея достойною моей любви. И хотя я знаю, что не за долго до того времени, какъ она поселилась у меня, она разсчитывала на бракъ съ какою то вѣроломною личностью, коварно обманувшею ее пустыми обѣщаніями, но клянусь Богомъ и душею, призываю въ свидѣтели и друзей моихъ, невинность и чистота души ея остались неизмѣнными. Мнѣ казалось, что эти добродѣтели ея и честные нравы смываютъ пятно, лежащее на ней, или покрайней мѣрѣ закрываютъ его. Найдя въ душѣ этой дѣвушки полную гармонію съ моею, чего я напрасно искалъ въ другихъ, и глубокую любовь ко мнѣ, я нисколько не поколебался предложить, въ доказательство неизмѣнной любви своей, руку ей, рожденной отъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей. Чистоту моего намѣренія оцѣнили и тѣ немногіе строгіе друзья, которые ближе знаютъ меня и жену мою; они были и виновниками моего намѣренія и свидѣтелями брачнаго обряда, какъ сослуживецъ мой Бартельсъ. Если иные здѣсь и не одобряютъ моего брака, то это нисколько не удивительно: я давно уже оставилъ казанскія собранія и живу исключительно для себя, для немногихъ близкихъ и для науки. Я убѣдился, что бракъ мой доставляетъ мнѣ величайшее личное счастье, а это конечно главное; другой образъ дѣйствій былъ бы противенъ моей совѣсти. Вотъ, уважаемый попечитель, все что я счелъ нужнымъ изложить Вамъ прямо и чистосердечно, будучи совершенно увѣренъ, что по добротѣ своей вы порадуетесь радостью ближняго».

Безъ сомнѣнія Френу было извѣстно и то, что на другой же день послѣ его брака пошло къ попечителю такое донесе-

ніе, которое забрасывало густою грязью его интимную жизнь и онъ желалъ и ослабить впечатлѣніе, и высказать свое убѣжденіе, но онъ конечно не догадывался съ какою безстыдною наглостью оцѣняли, съ иной точки зрѣнія то, что считалъ онъ и обыкновеннымъ и честнымъ дѣломъ съ своей стороны (¹). Агитація противъ него со стороны людей, воспитанныхъ въ правилахъ условной морали, была на столько сильна въ Казани, что одинъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, его сослуживцевъ, Финке—не знаемъ на сколько онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ самостоятельно и по собственному почину—подалъ, въ одно число съ письмомъ Яковкина къ попечителю, заявленіе, писанное по нѣмецки, въ училищный комитетъ о томъ, что на будущій декабрь мѣсяцъ онъ „находясь въ засѣданіяхъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Френомъ не можетъ быть спокоенъ, не можетъ

(¹) Вотъ что писалъ Яковкинъ: «Наши иностранные чудаки не перестаютъ проказами своими наносить университету новыя причины къ безславію и нареканію, даже какъ будто нарочно стараются облагородить всѣхъ казанскихъ публичныхъ непотребницъ люди—наставники юношества, долженствующіе служить ему примѣромъ въ правилахъ нравственности и общежитія.—Примѣру сумасшедшаго слѣпца Сторля послѣдовалъ нынѣ близорукій слѣпецъ Френъ. Нѣкогда я имѣлъ честь донести Вашему Превосходительству, что у послѣдняго жила публичная блудница, непотребствовавшая прежде у многихъ, какъ нѣмцевъ, такъ и русскихъ, пришедшая и къ нему съ кузовомъ и—вытряхнувшая у него мальчика, признаннаго отъ Френа сыномъ. У нѣмцевъ есть обыкновеніе по три воскресенья объявлять о бракосочетавающихся; а у насъ въ Казани—видно по татарски, а не по нѣмецки—въ прошедшее воскресенье, 19 сего ноября, пасторъ послѣ обѣдни вдругъ трижды объявилъ объ имѣющемъ быть бракѣ профессора Казанскаго университета Христіана Мартина Френа съ—тутъ и запнулся и вмѣсто обыкновенной Jungfer сказалъ mit Demoiselle Jönson.—Въ понедѣльникъ совершился и бракъ—къ крайнему стыду всего университета и явному негодованію даже самихъ нѣмецкихъ профессоровъ. Нѣкоторые приходили было ко мнѣ и въ воскресенье и понедѣльникъ съ представленіемъ, дабы воспрепятствовать таковому постыдному браку; но я не могъ на то рѣшиться, не находя закона на таковое дѣло. Даже располагались было и молодые члены совѣта представить въ наступающемъ совѣтѣ, что стыдно имъ сосѣдать и служить съ таковымъ чиновникомъ; но я и то отклонилъ, обѣщавъ имъ съ сею же почтою довести о семъ дѣлѣ до свѣдѣнія вашего превосходительства» (21 ноября 1811 года).

сидѣть рядомъ съ человѣкомъ, который бракомъ своимъ, позорнымъ для профессора, нанесъ оскорбленіе университету“. Не смотря на гуманное, полное любви и уваженія къ Френу мнѣніе одного изъ членовъ училищнаго комитета профессора физики Броннера, возставшаго противъ дикой выходки Финке, въ комитетѣ восторжествовало мнѣніе Яковкина, согласно которому членами на декабрь мѣсяцъ выбраны были профессоры Томасъ и Городчаниновъ, а о всемъ дѣлѣ, съ копіей заявленія Финке, рѣшено было представить попечителю на разрѣшеніе. Напрасно съ своей стороны Бартельсъ, мнѣніемъ котораго дорожилъ Румовскій, писалъ къ нему, побуждаемый чувствомъ дружбы и уваженіемъ коллегіальныхъ отношеній, и объяснялъ бракъ Френа совершенно такъ какъ понимали его и самъ Френъ и Броннеръ. Онъ говорилъ, что отъ всего сердца одобряетъ его рѣшеніе, не смотря на то, что „дружескія отношенія его къ Френу, при глубокомъ уваженіи его самаго и въ особенности жены его къ мнѣнію общества должны нѣсколько пострадать“. Возмутительнымъ кажется ему неожиданный поступокъ Финке, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо зналъ отношенія Френа, постоянно искалъ его общества и легко могъ воспользоваться временемъ между формальнымъ объявленіемъ о бракѣ Френа, о которомъ всѣ знали и пасторскимъ благословеніемъ, чтобъ высказать свои сомнѣнія и недовольство гдѣ слѣдуетъ. Румовскій взглянулъ на дѣло иначе. Чѣмъ руководствовался онъ, давая ходъ этому дѣлу—намъ неизвѣстно, но по его предложенію (отъ 4 янв. 1812 года) всѣ обстоятельства, сопровождавшія заявленіе Финке, переданы были на разсмотрѣніе совѣта университета. И въ совѣтѣ дѣйствительно *было разсуждаемо о свойствахъ брака профессора, о нравственныхъ качествахъ той, которую онъ предъ олтаремъ назвалъ своею женою.* Тотъ же Францискъ Ксаверій Броннеръ, честный и горячій защитникъ своего сослуживца въ улилищномъ комитетѣ, человѣкъ испытавшій такъ много въ жизни своей, полной приключеній (мы надѣемся разсказать ихъ въ послѣдствіи, на основаніи его собственной автобіографіи), выступилъ и въ совѣтѣ въ обширномъ, раздѣленномъ на параграфы латинскомъ мнѣніи (Votum de recusatione domini professoris Finke sedendi in coetu scholastico cum dom. prof. Fraehn) на его защиту:

I. «Никто не имѣетъ права отказываться, говорилъ онъ, засѣдать въ коллегіи, законами установленной съ человѣкомъ, который ни законами, ни опредѣленіемъ суда не лишенъ гражданской чести; въ противномъ случаѣ всякій злонамѣренный человѣкъ можетъ разсѣять коллегію, правительствомъ учрежденную: стоитъ только ему заявить, что не желаетъ засѣдать съ тѣми, которые ему не нравятся. Бракомъ своимъ проф. Френъ не сдѣлалъ ничего такого, что было бы запрещено законами, тѣмъ менѣе такого, за что бы онъ могъ быть лишенъ гражданской чести. Нѣтъ закона, который воспрещалъ бы бракъ съ дѣвушкой обманутой и обольщенной; несчастны такія женщины: онѣ достойны жалости, а не преслѣдованія и на такой-то женился г. Френъ. Ergo: онъ поступилъ не противъ закона; на него нельзя смотрѣть, какъ на человѣка, лишеннаго чести гражданской; не могъ г. Финке ссылаться на законъ, отказываясь нести вмѣстѣ съ г. Френомъ служебныя обязанности.—II. Но можетъ быть есть такіе, которые желали бы заклеймить женщину, названную женою г. Френомъ, именемъ блудницы? Такое обвиненіе безчестно, хотя оно легко дѣлается, но съ трудомъ подтверждается сильными доводами. Вмѣсто несправедливаго оскорбленія чести другаго лица, пусть лучше хлопочутъ они о своей незавидной репутаціи (gloriola). Но предположимъ случай, не дѣйствительный, но худшій (онъ никого не касается), что кто либо изъ насъ женился на дѣйствительной проституткѣ, то и это никого изъ насъ не уполномочиваетъ въ отказѣ засѣдать съ нимъ въ коллегіи, прежде чѣмъ законы и судебный приговоръ признаютъ его недостойнымъ быть въ нашемъ обществѣ. Я отрицаю, чтобъ могъ и послѣдовать такой приговоръ. Нѣтъ закона, который запрещалъ бы бракъ даже съ проституткой и сама русская исторія представляетъ не одинъ примѣръ браковъ людей высокопоставленныхъ съ женщинами, не отличавшимися ни благородствомъ происхожденія, ни незапятнанною славою. Почему, допустивъ даже ложное и самое худшее предположеніе, г. Финке не имѣлъ права отказываться отъ совмѣстной службы съ г. Френомъ.—III. Но профессоръ Френъ, говорятъ, своимъ бракомъ нанесъ безславіе университету. Считаю долгомъ объявить: *честь университета зависитъ вовсе не отъ тѣхъ или другихъ профессорскихъ браковъ, а отъ познаній, нравовъ и честности самихъ его членовъ*. Никто полагаю не станетъ отрицать ни достоинствъ, ни извѣстности г. Френа въ наукѣ; но и нравственности и честности его этотъ бракъ служитъ доказательствомъ: два способа дѣйствія были предоставлены его волѣ—или скрыть фактъ или жениться. Онъ могъ конечно послѣдовать жалкому, обыкновенному и довольно употребительному примѣру людей развращенныхъ, достойныхъ осужденія не только за ничтожность характера, но и за безчеловѣчіе и за нравственную испорченность, т. е. сдѣлать ребенка подкидышемъ, отдать его тайно въ воспитательный домъ (corotrophium), лишить его правъ законнаго происхожденія и предать его всѣмъ житейскимъ страданіямъ людей такого происхожденія. Кто же рѣшится одобрить такой родъ дѣйствія и назоветъ его болѣе почтеннымъ того, какой избралъ г. Френъ? Онъ посту-

нилъ благородно, справедливо, гуманно; честность его одержала побѣду надъ ложнымъ стыдомъ; презрѣвъ ничтожныя сплетни, онъ исполнилъ нравственный долгъ свой, какъ добрый отецъ, объявивъ женою своею ту, съ которою онъ жилъ, какъ мужъ. Вотъ почему я радуюсь и сердечно поздравляю г. Френа, что онъ рѣшился на бракъ. Конечно я желалъ бы, чтобы невѣста его была и цѣломудренна (illibata virgo), и благороднаго происхожденія, и богата, но *такъ какъ я не имѣю права давать направленіе его сердечнымъ склонностямъ*, то долженъ довольствоваться тѣмъ, что онъ своимъ честнымъ поступкомъ загладилъ чужую легкомысленность, женившись на дѣвушкѣ, происходящей отъ честныхъ родителей и, хотя не совсѣмъ съ чистымъ именемъ, но доброй душею, скромныхъ нравовъ, въ теченіе двухъ лѣтъ ему одному преданной, опытной въ домашнемъ хозяйствѣ, такой, какую онъ считалъ достойною, чтобъ быть матерью его будущихъ дѣтей. Я полагаю, что слѣдуетъ презрѣть сплетни, когда у насъ столько сильныхъ доказательствъ противнаго. Не отрицаю впрочемъ желанія, чтобъ сердечныя отношенія многихъ нашихъ товарищей были лучше направлены, но полагаю мы обязаны дружески простить нашему товарищу за похвальное его рѣшеніе прикрыть свою связь покровомъ христіанской любви. Относительно же г. Финке я полагаю, что онъ своимъ дикимъ и позорнымъ отказомъ засѣдать вмѣстѣ съ Френомъ, недостойно и грубо оскорбилъ душу почтеннаго человѣка и дѣйствовалъ не гуманно, а жестоко».

Высказавъ всѣ эти доводы (rationes opinionis), Броннеръ перешелъ къ слѣдующему заключенію (conclusio):

«Такъ какъ во первыхъ г. Финке совершенно безъ всякаго права отказался засѣдать съ г. Френомъ и такъ какъ, во вторыхъ, порицая, въ противность христіанской любви, нравственную и похвальную цѣль г. Френа, нагло оскорбилъ его, я полагаю: 1) слѣдуетъ объявить, что г. Финке не имѣлъ никакого права отказываться засѣдать вмѣстѣ съ г. Френомъ и что отказъ этотъ недѣйствителенъ; 2) слѣдуетъ убѣдить г. Финке доказать приличнымъ образомъ передъ г. Френомъ раскаяніе въ своемъ поступкѣ; 3) если г. Финке будетъ настаивать на своемъ отказѣ, то считать его самого отказавшимся отъ участія въ нашихъ засѣданіяхъ. Таково мое мнѣніе, по крайнему моему разумѣнію».

Это мнѣніе подписали восемь профессоровъ нѣмцевъ, даже Бартельсъ, въ засѣданіи совѣта при обсужденіи дѣла не бывшій, но подъ мнѣніемъ не встрѣчаемъ ни одной русской подписи, не смотря на то, что дѣло касалось вопросовъ общей нравственности: такъ глубока была разница въ нравственныхъ понятіяхъ и въ развитіи университетскихъ преподавателей, принадлежавшихъ къ двумъ

разнымъ національностямъ и можетъ быть уже созрѣвшій антагонизмъ этихъ національностей. Резолюція совѣта опредѣляла „считать прошеніе Финке объ увольненіи его изъ засѣданій училищнаго комитета, гдѣ присутствуетъ Френъ, не имѣющимъ никакого законнаго основанія“, но адъюнктъ и секретарь совѣта Кондыревъ представилъ противное мнѣніе и протестъ. Этотъ любимый ученикъ не бывшаго въ засѣданіи Яковкина, человѣкъ самый близкій къ нему, повидимому стоялъ на легальной почвѣ, ссылался подобно учителю на законы, на непреложную волю начальства, но не высказывалъ никакихъ нравственныхъ убѣжденій, не выражалъ никакого участія къ жизни ученаго профессора и къ самому университету. Вотъ это мнѣніе:

«Его Превосходительство господинъ попечитель и кавалеръ начальственнымъ своимъ предписаніемъ *желаетъ узнать истинную справедливость о представляемомъ г. профессоромъ Финке и должное по тому разсмотрѣніе,* — почему и приказалъ совѣту изслѣдовать: 1) Отзывъ г. профессора Финке къ г. директору и кавалеру Яковкину, чтобы на мѣсяцъ декабрь сотоварищемъ его былъ назначенъ иной, а не профессоръ Френъ и 2) причины отъ него сему полагаемыя.— Когда въ совѣтѣ прочитано было объ ономъ дѣлѣ представленіе училищнаго комитета, то г. профессоръ Броннеръ, не наблюдая положенной университетскимъ уставомъ § 55, отд. 2, очереди, началъ первый читать прежде уже изготовленный имъ свой голосъ; за тѣмъ господинъ предсѣдательствующій (Эрдманъ) собиралъ мнѣнія и голоса по очереди: имѣлъ ли г. профессоръ Финке законную причину желать заниматься дѣлами въ училищномъ комитетѣ не вмѣстѣ съ г. Френомъ? Утвержденіе было такое, что не имѣлъ. Когда же я спрошенъ былъ послѣ всѣхъ, то отвѣчалъ, что *ничего не знаю и знать не могу, ибо сперва надлежало бы узнать самыя причины* отъ господина Финке и тогда судить о семъ. Сверхъ того *дѣло воспріяло ходъ незаконнымъ порядкомъ, не соотвѣтственно предписанію начальства и кажется не безпристрастно.* 1) Незаконно потому, что члены совѣта изъ одного прочтеннаго представленія комитета ничего знать не могутъ и слѣдовательно разсуждать и заключать. Надлежало бы сперва прочесть всѣ бумаги (?), касающіяся сего дѣла, потомъ положить какъ приступить законно къ разсмотрѣнію сего дѣла; отъ г. профессора Финке потребовать объясненія подробнѣйшаго, по какимъ причинамъ думаетъ онъ быть уволеннымъ отъ засѣданія съ г. проф. Френомъ: законнымъ ли или по одному снисхожденію къ чувствованіямъ (какъ благороднаго человѣка), желаетъ ли онъ сего только, или требуетъ? *Отъ г. Френа также слѣдовало бы потребовать обстоятельнаго историческаго свѣдѣнія въ разсужденіи жены его.* Такимъ образомъ сообщенное однимъ должно предоставить другому, дабы они другъ друга представленія, въ присутствіи

совѣта, могли опровергать, подтверждать и защищать. Послѣ того совѣтъ изъ ими сказаннаго и *закономъ опредѣленныхъ справокъ* могъ бы сдѣлать заключеніе. Г. профессоръ Финке поставляетъ въ причину удаленія себя отъ сообщества съ г. проф. Френомъ то, что нанесенное отъ сего г. профессора университету безславіе нарушаетъ его душевное спокойствіе и слѣдовательно потому не можетъ онъ рѣшать съ нимъ основательно дѣлъ. Достовѣрно мнѣ неизвѣстны причины сего безславія, но я полагаю, что можетъ быть есть законы, даже естественные, кои по нѣкоторымъ причинамъ могутъ сіе позволять и кои уважаютъ человѣческія чувствованія. Кромѣ того г. проф. Финке желаетъ только перемѣны своего времени въ засѣданіи комитета. И такъ обвиненіе г. проф. Финке отъ совѣта по моему мнѣнію кажется сдѣлано безъ законнаго изслѣдованія, безъ разсмотрѣнія причинъ и слѣдовательно противозаконно.

II. «Рѣшеніе совѣта не можетъ быть соотвѣтственно и предписанію Его Превосходительства г. попечителя и кавалера, въ коемъ именно упомянуто, чтобы войти въ причины. Послѣдняго не учинено. Г. профессоръ Финке подъ именемъ безславія *можетъ разумѣть и какое либо преступленіе*, каковое же оно изъ письма г. профессора Финке—неизвѣстно. Г. профессоръ Броннеръ поданнымъ голосомъ обнаруживаетъ только нѣкоторыя черты прелюбодѣйства. Самъ г. профессоръ Броннеръ, только усердно поступокъ г. проф. Френа защищающій, кажется признается, что онъ желалъ бы видѣть бракъ г. о. проф. Френа иной. Мнѣ изъ сего ничего неизвѣстно, *я не дерзаю ничего говорить худаго* ни объ одномъ изъ гг. профессоровъ Финке и Френѣ, желалъ бы видѣть ихъ въ мирѣ и согласіи и не разсуждать о дѣлахъ такого рода; но *воля высшаго начальства налагаетъ на меня священныя обязанности исполнять его предписанія,* согласно съ законами, честью и совѣстью».

Если можетъ быть въ этомъ мнѣніи Кондырева и есть доля насмѣшки, безопасность которой увеличивалась для него тѣмъ обстоятельствомъ, что иностранные члены совѣта не понимали всей отнюдь не аттической соли ея, то съ другой стороны нельзя не видѣть въ немъ также и желанія скандала, желанія, происходящаго отъ ничтожности интересовъ, наполняющихъ жизнь. Съ личностью Кондырева въ разныхъ отношеніяхъ, намъ можетъ быть удастся познакомить читателя этого разсказа; онъ былъ созданіемъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета и весьма дѣятельнымъ въ той сферѣ, какую указывалъ примѣръ Яковкина; это былъ любимый ученикъ послѣдняго, раздѣлявшій взгляды его и убѣжденія. Какъ бы то ни было, бракъ Френа сильно занималъ современное общество профессоровъ въ Казани, да безъ сомнѣнія и городское, которое конечно не знало

Френа орьенталиста, нумизмата, изслѣдователя первыхъ темныхъ періодовъ русской исторіи. Едва ли и самъ Яковкинъ зналъ это. Онъ спѣшилъ передавать въ Петербургъ собранныя имъ скандальныя извѣстія (1).

Только этотъ эпизодъ нарушилъ спокойную, исключительно посвященную наукѣ казанскую жизнь Френа. Восточный городъ давалъ ему для изученія Востока вообще такъ много, что его не манило даже желаніе воротиться на родину въ званіи профессора. Въ 1810 году онъ былъ приглашаемъ въ Ростокскій университетъ на открывшуюся тамъ богословскую каѳедру, но рѣшительно отказался, мотивируя отказъ свой тѣмъ, что онъ отсталъ отъ богословія. Та библейская экзегеза, которая занимала его въ Германіи, должна была уступить изученію Востока—съ совершенно иною цѣлью—изученія древняго періода русской исторіи. Но въ 1815 году умеръ учитель его Тихсенъ. Френа пригласили занять его каѳедру. Это приглашеніе такъ льстило научному самолюбію казанскаго профессора, что онъ нисколько не колебался принять его. Безъ сомнѣнія необходимость дослужить десятилѣтіе удержала Френа въ Казани еще на нѣкоторое время, но оффиціально онъ не объявлялъ о своемъ переходѣ въ Ростокъ. Только въ маѣ 1817 года онъ взялъ отпускъ для поѣздки въ Москву и Петербургъ. Уѣзжая онъ получилъ, согласно прошенію, отъ совѣта университета аттестатъ или свидѣтельство о всемъ ходѣ его университетской службы, объ исполненіи порученій, даваемыхъ ему совѣтомъ, о сочиненіяхъ имъ

---

(1) «Необычайныя дѣла влекутъ за собою необычайныя и послѣдствія. На другой день послѣ свадьбы Френовой по утру найдена у самыхъ воротъ его дому большая куча нечистотъ, въ коей усмотрѣны многіе лоскутки писемъ, писанныхъ къ проф. Герману. За сіе произошла бумажная язвительная и яростная перестрѣлка, которая говорятъ окончится только судебнымъ разбирательствомъ университетскимъ; но время все лучше окажетъ» (5 дек. 1811 г.). Замѣтимъ, что Германъ не подписалъ мнѣніе Броннера. Страсть къ скандальнымъ разсказамъ жила въ Казани долго. Магницкій собиралъ сплетни объ университетѣ и въ Симбирскѣ, во время своего губернаторства, и на ревизіи. По нимъ онъ написалъ и отчетъ свой. Это видно изъ того между прочимъ, что исторію съ Френомъ онъ отнесъ по разсказамъ къ 1813 году. См. *Ѳеоктистова*, Магницкій, стр. 89—90.

напечатанныхъ и проч. Въ Петербургѣ Академія Наукъ, воспользовавшись его пребываніемъ тамъ, поручила Френу разборъ своего минцъ-кабинета; эта работа требовала нѣсколькихъ лѣтъ и Френъ подалъ прошеніе объ увольненіи его вовсе изъ Казанскаго университета, что и послѣдовало распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія 3 августа 1817 года. Въ сентябрѣ совѣтъ заслушалъ прощальное латинское письмо Френа, обращенное къ ректору, профессорамъ и адъюнктамъ.

Ученость Френа и латинскіе труды его въ Казани, о которыхъ мы говорили, не могли однако оставить глубокихъ слѣдовъ въ умственной жизни университета; единственный ученикъ его Ярцовъ, на котораго можно было бы разсчитывать, какъ на преемника Френу по каѳедрѣ, уѣхалъ въ Петербургъ въ одно время съ нимъ. Слишкомъ большія требованія отъ одного только профессора восточныхъ языковъ,—приготовленіе переводчиковъ, когда самъ профессоръ не зналъ русскаго языка, неимѣніе никакой связи преподаваемой имъ спеціальности, т. е. арабскаго языка, съ другими предметами тогдашняго курса, неприложимость этого знанія въ дальнѣйшей карьерѣ студента—вотъ тѣ причины, которыя обусловливали неуспѣхъ преподаванія Френа. Только въ старой, вѣковой умственной и научной жизни могли бы найтись для Френа дилеттанты слушатели, которые стали бы интересоваться и арабскимъ языкомъ и археологіею Востока, и восточною нумизматикою. Студенты молодыхъ русскихъ университетовъ, въ едва пробужденной умственной жизни, могли съ любовью заниматься только такими предметами, къ которымъ они были болѣе или менѣе приготовлены, которые находили примѣненіе и въ жизни ихъ окружающей, и въ той служебной карьерѣ, которую они выбирали по окончаніи курса. Наука, ея содержаніе и направленіе вездѣ находятся въ непосредственномъ отношеніи къ историческому ходу общей культуры страны. Этимъ объясняемъ мы фактъ успѣха математическаго преподаванія съ первыхъ годовъ Казанскаго университета и то обстоятельство, что съ перваго профессора до нашего времени мы видимъ въ преподаваніи этой науки преданіе безъ перерыва. Здѣсь, при передачѣ научнаго со-

держанія студентамъ, иностранцу профессору даже не мѣшало незнаніе имъ языка русскаго: языкъ математики былъ понятенъ для всѣхъ. Реформа Петра В., нужды жизни, историческія условія—создали и укрѣпили это направленіе у насъ. Ни отвлеченная философская мысль, толчокъ которой данъ былъ свободнымъ движеніемъ Лютеровой реформы, ни изученіе классическаго міра, тѣсно связаннаго со всею умственною жизнью Европы съ эпохи Возрожденія, какъ извѣстно, не привились къ нашимъ университетамъ и пусть преподаютъ съ этихъ каѳедръ, еслибъ это было возможно, такъ какъ и самые люди создаются страною и отъ ея внутренняго развитія зависитъ интензивность самаго талата, величайшія свѣтила въ этихъ наукахъ—успѣхъ ихъ преподаванія, въ научномъ смыслѣ, а не для приготовленія профессіональныхъ преподавателей, будетъ сравнительно весьма не великъ. И то и другое направленіе науки въ Европѣ вызваны были исторіей; другая исторія создала другія требованія. Впрочемъ въ лицѣ перваго профессора чистой математики *Бартельса* Казанскій университетъ получилъ весьма достойнаго ученаго и человѣка (¹).

Іоганнъ Мартинъ Христіанъ Бартельсъ пріѣхалъ въ Казань въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ; имя его уже пользовалось нѣкоторою извѣстностью въ Германіи и тѣ же политическія обстоятельства родины заставили Бартельса, какъ и другихъ, переселиться въ Россію. Онъ родился 12 августа 1769 года въ Брауншвейгѣ. Предназначаемый родителями къ изученію ремесла, Бартельсъ получилъ первыя основанія грамотности въ школѣ-пріюта для сиротъ (Waisenhausschule). Это было нѣчто въ родѣ реальной школы, по словамъ самаго Бартельса. Потомъ онъ ходилъ въ одно изъ городскихъ училищъ, гдѣ все ученіе заключалось въ чистописаніи, при чемъ обращалось вниманіе на грамматику, въ ариѳметикѣ и Законѣ Божіемъ. Позднѣе въ этомъ же училищѣ получилъ первоначальныя свѣдѣнія и землякъ Бартельса знаменитый геометръ Гауссъ (род. 1777). Бартельсу не было и четырнадцати лѣтъ, когда онъ получилъ мѣ-

(¹) Для изложенія жизни Бартельса мы пользовались его автобіографіею, заключающеюся въ предисловіи къ сочиненію «Vorlesungen über mathemathische Analysis». Erster Band. Dorpat. 1833. 4°, S. I—IX, пополняя ее архивными бумагами и другими источниками.

сто помощника учителя въ этой же школѣ. Надобно было работать изъ за куска хлѣба. Посвящая ежедневно семь часовъ на занятія въ училищѣ, Бартельсъ еще былъ переписчикомъ и сверхъ того составлялъ и сводилъ счеты церковные и опекунскіе за нѣкоторую плату, такъ что у него едва ли въ сутки оставалось болѣе одного часа, которымъ онъ могъ бы воспользоваться для собственныхъ занятій. Желанія Бартельса шли не далѣе приготовленія себя къ занятію мѣста городскаго счетчика, но онъ однако сознавалъ скоро, что масса непроизводительной работы, къ которой онъ не чувствовалъ вовсе склонности, была вредна для него и въ духовномъ и въ физическомъ отношеніи. Онъ рѣшился въ 1788 году искать высшаго образованія, хотя и сознавалъ совершенный недостатокъ приготовительныхъ свѣдѣній. Къ счастью для него, въ высшее учебное заведеніе Брауншвейга collegium Carolinum можно было поступить безъ экзамена: для этого слѣдовало только представить свидѣтельство о хорошемъ поведеніи и внести плату за ученіе. Упорное прилежаніе Бартельса побѣдило трудности и онъ могъ съ пользою слушать лекціи по латинскому и греческому языку; послѣдній впрочемъ онъ оставилъ потомъ за недостаткомъ времени. Сверхъ древнихъ языковъ, Бартельсъ ходилъ на лекціи и по разнымъ наукамъ и въ особенности успѣлъ въ изученіи новыхъ языковъ: французскаго, англійскаго и даже итальянскаго, такъ что безъ большаго труда могъ читать прозаиковъ на этихъ языкахъ, а печатные переводы съ нихъ доставляли Бартельсу даже деньги. Бартельсъ переводилъ съ англійскаго сочиненія и статьи естественно-историческаго и географическаго содержанія. Преподаваніе математики въ брауншвейгскомъ коллегіумѣ ограничивалось алгеброй, геометріей и тригонометріей. Умѣньемъ рѣшать алгебраическія и геометрическія задачи Бартельсъ обратилъ на себя вниманіе учителя Циммермана. Онъ полюбилъ ученика и Бартельсъ говоритъ, что никогда не забудетъ благодѣтельнаго вліянія этого наставника на все его образованіе и даже на житейскія отношенія. Большое значеніе для духовнаго развитія Бартельса имѣлъ также небольшой кружокъ учащихся, къ которому онъ принадлежалъ. Обсужденіе вопросовъ науки и литературы было содержаніемъ собраній этого кружка. Всѣ члены его, по

свидѣтельству Бартельса, сдѣлались или извѣстными въ наукѣ и литературѣ или полезными обществу людьми.

Университетское образованіе свое Бартельсъ началъ въ существовавшемъ тогда небольшомъ брауншвейгскомъ университетѣ въ Гельмштедтѣ (университетъ этотъ, основанный въ 1575 году герцогомъ Юліемъ брауншвейгскимъ, былъ упразднёнъ въ 1809 году королемъ вестфальскимъ). Бартельсъ предназначалъ себя къ судебной службѣ и выслушалъ здѣсь полный курсъ юридическихъ наукъ. Это не помѣшало однако его занятіямъ математикою, отъ которой онъ не отставалъ: у извѣстнаго тогда аналитика профессора Пфаффа въ Гельмштедтѣ, съ которымъ онъ соединёнъ былъ и дружескими отношеніями, Бартельсъ слушалъ privatissimum объ интегральномъ счисленіи. По совѣту Пфаффа, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Гельмштедтскомъ университетѣ, Бартельсъ перешолъ въ Геттингенъ, чтобъ вполнѣ посвятить себя математическимъ наукамъ. „Здѣсь не проходили сколько нибудь полнаго курса высшей математики, говоритъ онъ; тоже можно сказать и почти о всѣхъ тогдашнихъ нѣмецкихъ университетахъ, почему всѣ нѣмецкіе математики этого времени были болѣе или менѣе самоучками. И студентовъ математиковъ въ Геттингенѣ было чрезвычайно мало: изъ общаго числа ихъ тогда, доходившаго до тысячи, математику изучали не болѣе шести человѣкъ". Бартельсъ надѣялся получить въ Геттингенѣ степень доктора и сдѣлаться тамъ доцентомъ. Частные уроки математики давали ему достаточныя средства для жизни; онъ разсчитывалъ на поддержку профессоровъ математики, но сомнѣніе въ неподготовленности заставило его на время отложить намѣреніе и принять учительское мѣсто въ семинаріи Рейхенау въ швейцарскомъ кантонѣ Граубюнденъ. Воспитательное учрежденіе въ Рейхенау, основанное владѣльцами замка этого имени, у верховьевъ Рейна, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка пользовалось большою извѣстностью; здѣсь въ 1793—1794 годахъ преподавалъ математику бѣжавшій отъ революціи герцогъ Шартрскій, впослѣдствіи Людовикъ Филиппъ, король Французовъ и Бартельсъ продолжалъ курсъ для многихъ учениковъ, начавшихъ ученіе у герцога. Заведеніе это сдѣлалось потомъ собственностью извѣстнаго нѣмецкаго писателя Цшокке, но скоро перестало существовать

вслѣдствіе военныхъ событій. Во время своего учительства здѣсь, Бартельсъ перевелъ съ французскаго извѣстное сочиненіе Байльи: „Исторія новой астрономіи“ (¹).

Посѣтивъ на короткое время родину, Бартельсъ воротился въ 1800 году въ Швейцарію и сдѣлался снова учителемъ. По его словамъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи и устройствѣ центральнаго училища кантона, основаннаго гражданами Аарау. Это была реальная школа, вполнѣ соотвѣтствовавшая швейцарскимъ потребностямъ, что доказывалось быстрымъ увеличеніемъ въ ней числа учениковъ. Но измѣненія въ устройствѣ этого училища, задуманныя по словамъ Бартельса вовсе не къ лучшему и несогласныя съ его взглядами, ему не нравились.

Въ это именно время, въ 1805 году, Бартельсъ получилъ отъ Румовскаго приглашеніе на каѳедру въ Казань. Положеніе математическаго преподаванія въ Казанской гимназіи при учителѣ Карташевскомъ, который, какъ мы видѣли, получилъ только званіе адъюнкта, было вообще удовлетворительно. Это свидѣтельствовалъ самъ Яковкинъ, не любившій Карташевскаго: „Судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ гимназіи и университета, писалъ онъ (25 апр. 1805 г.) нуженъ кажется къ іюлю мѣсяцу еще одинъ математикъ, знающій и по латыни хорошо: старшіе и лучшіе студенты, числомъ болѣе десяти, прослушавшіе еще прежде у г. Карташевскаго курсъ математическій, съ особенною пользою могутъ заняты быть пространнѣйшимъ курсомъ высшихъ частей математики и *скорѣе прочихъ приготовлены быть къ учительской должности*“. Правда, въ желаніи получить скорѣе профессора математики была у Яковкина и другая цѣль: „*противоставить имъ преграду молодому высокоумію*“ (это намекъ на Карташевскаго), но тоже самое имѣлъ въ виду и Румовскій: „Ежелибъ Богъ помогъ мнѣ доставить ихъ въ Казань (Бартельса и другаго профессора), писалъ онъ (24 апрѣля 1805 года), то думаю, что молодые адъюнкты, почувствовавъ свои недостатки, принуждены будутъ отложить высокомѣрныя о себѣ мысли. Въ противномъ случаѣ сами на себя навлекутъ ка-

---

(¹) Geschichte der neuern Astronomie. Uebers. mit Anmerkk. 2 Thle. Leipz. 1796—1797. 8°.

кія нибудь непріятности“. Бартельса письмомъ рекомендовалъ Румовскому тогдашній непремѣнный секретарь нашей Академіи Наукъ Николай Фуссъ; къ нему за помощью вѣроятно и обратился Румовскій. Фуссъ препроводилъ при письмѣ мемуаръ Бартельса по математическому анализу, сочиненіе тогда печатавшееся Бартельсомъ, называлъ его учителемъ Гаусса и хвалилъ по слухамъ его нравственный характеръ. Безъ сомнѣнія Бартельсъ, въ перепискѣ своей съ Фуссомъ, недовольный своимъ положеніемъ въ Аарау, искалъ мѣста съ ученой дѣятельностью въ Россіи. Математическое сочиненіе Бартельса нашло въ Румовскомъ компетентнаго судью и очень ему понравилось; немедленно вступилъ онъ въ переписку съ Бартельсомъ и предложилъ ему мѣсто ординарнаго профессора въ Казанскомъ университетѣ и 1000 рублей на путевыя издержки отъ Аарау. Бартельсъ также скоро изъявилъ согласіе въ маѣ 1805 года. „Въ первыя минуты, писалъ онъ, меня испугало нѣсколько громадное разстояніе Казани отъ моего отечества, въ особенности потому, что я женатъ и у меня и у жены еще живы родители, но убѣжденіе, что я буду находиться въ кругѣ дѣятельности, соотвѣтствующемъ моимъ желаніямъ и возможность доставить семьѣ обезпеченную и довольную жизнь, скоро разогнали всѣ мои сомнѣнія“. Бартельсъ просилъ только не торопить его поѣздкою, чтобъ имѣть возможность привести въ порядокъ нѣкоторыя семейныя дѣла, напечатать свое сочиненіе и пожить нѣсколько времени въ Брауншвейгѣ. Бартельсъ справлялся и о состояніи математическаго отдѣла въ библіотекѣ университета. Румовскій представилъ Бартельса къ утвержденію въ іюнѣ того же года. „Разсматривая его сочиненія, писалъ онъ между прочимъ въ своемъ представленіи Главному Правленію училищъ, съ удовольствіемъ увидѣлъ я, что г. Бартельсъ толь глубокія и превосходныя имѣетъ въ высшей математикѣ свѣдѣнія, что безъ всякаго прекословія можетъ онъ занять мѣсто въ числѣ искуснѣйшихъ математиковъ въ Нѣмецкой землѣ“. Онъ считалъ весьма важнымъ „пріобрѣтеніе толь искуснаго математика, которому вся Германія имѣетъ мало подобныхъ“ и выхлопоталъ ему не только тысячу рублей на проѣздъ, но и безпошлинный пропускъ пожитковъ на границѣ, на сумму въ 3000 рублей. Посылая вексель Бартельсу и увѣдомляя объ его утвер-

жденіи, Румовскій просилъ его указать только тѣ пограничные города или гавани, чрезъ которые онъ поѣдетъ, дабы заранѣе можно было сдѣлать распоряженіе по таможнѣ. Но изъ Брауншвейга, въ августѣ того же 1805 года, Бартельсъ, ссылаясь на свои домашнія обстоятельства, писалъ къ Румовскому, что онъ принужденъ отказаться отъ каѳедры въ Казани. „Я принялъ чрезвычайно лестное и выгодное предложеніе ваше, писалъ онъ, не смотря на нежеланіе семьи и въ особенности жены моей ѣхать въ такую даль, въ той надеждѣ, что для нея мысль о разлукѣ съ родными и отечествомъ перестанетъ казаться страшною, но къ сожалѣнію ошибся въ моемъ ожиданіи. Слабость здоровья еще усилила ея тоску и боязнь продолжительной поѣздки. Никакими разумными доводами я не въ состояніи убѣдить ее, тѣмъ болѣе, что теперь и на родинѣ я имѣю возможность получить занятіе меня удовлетворяющее. Вы конечно отецъ семейства или были имъ, а потому можете нѣкоторымъ образомъ извинить мой образъ дѣйствій, который я самъ вовсе не оправдываю".

Эта будущая дѣятельность въ Брауншвейгѣ конечно могла вполнѣ удовлетворить Бартельса. Предложеніе ему сдѣлано было герцогомъ Карломъ Вильгельмомъ Фердинандомъ. Этотъ герцогъ, извѣстный военными подвигами въ семилѣтнюю войну и неудачами въ походѣ коалиціи противъ революціонной Франціи, вызвавшій озлобленное чувство Французовъ своимъ манифестомъ къ нимъ, по возвращеніи изъ этого похода, въ своемъ маленькомъ герцогствѣ Брауншвейгскомъ былъ умнымъ правителемъ, отличался бережливостью и все свое вниманіе обращалъ на развитіе внутреннихъ силъ и естественныхъ богатствъ страны. Одновременно съ Бартельсомъ приглашенъ былъ въ Брауншвейгъ и Гауссъ, геніальный математикъ, лично съ дѣтскихъ лѣтъ извѣстный герцогу, который помогъ ему получить математическое образованіе въ Геттингенѣ. Гауссъ уже пользовался славою въ ученомъ мірѣ за свои Disquisitiones arithmeticae (1795) и за вычисленіе элементовъ телескопическихъ планетъ Цереры и Паллады, открытыхъ въ 1801 и 1802 годахъ, когда покровитель его герцогъ пригласилъ его въ Брауншвейгъ для устройства обсерваторіи, въ званіи ея директора. Астрономія съ конца прошлаго вѣка въ Германіи, при нѣкоторыхъ дворахъ, была настоя-

щею science royale, ею занимались не только люди науки, но она стала въ высшей степени привлекательною для развитыхъ и образованныхъ умовъ вѣка. Всѣ умѣли обращаться съ телескопомъ и астрономическими инструментами для измѣренія небесныхъ пространствъ и разстояній. Великіе теоретическіе труды Ньютона и его послѣдователей, французскихъ математиковъ, гдѣ теорія до малѣйшихъ подробностей согласовалась съ практическимъ измѣреніемъ, подымали духъ и наполняли его благоговѣйнымъ удивленіемъ къ могуществу ума человѣческаго. Идеальный, нѣсколько мистическій характеръ носило преподаваніе и перваго профессора астрономіи въ Казанскомъ университетѣ Литтрова, какъ мы увидимъ впослѣдствіи и какъ мы сами слышали о томъ отъ ученика его профессора Симонова. Въ высшемъ обществѣ Европы считалось возвышеннымъ наслажденіемъ самому дѣлать астрономическія вычисленія, приходить въ восторгъ, когда теорія оказывалась вполнѣ согласною съ практикою, понимать движеніе въ небесныхъ пространствахъ и т. п. Астрономы, подобно прежнимъ составителямъ гороскоповъ, нерѣдко являлись интимными друзьями владѣтельныхъ лицъ. Таковы были отношенія Цаха къ герцогу Эрнсту Саксенъ-Готскому и потомъ къ женѣ его, у которой онъ былъ оберъ-гофмейстеромъ. Для него была выстроена обсерваторія въ Зеебергѣ близъ Готы и другая при собственномъ дворцѣ герцогини въ окрестностяхъ Іены [1]. Таковы же были и отношенія Гаусса къ герцогу Брауншвейгскому. Для Гаусса онъ и намѣревался строить обсерваторію. Деньги, матеріалы для постройки и превосходные инструменты были уже готовы для нея. Предполагалось соединить съ нею высшее математическое учебное заведеніе, которое дополняло бы курсъ collegium Carolinum въ Брауншвейгѣ. Главная дѣятельность при устройствѣ этого послѣдняго учрежденія должна была принадлежать Бартельсу; постройки опредѣлено было начать въ

---

[1] Чрезвычайно поэтическое изображеніе отношеній астронома Цаха къ герцогинѣ сдѣлано Гёте въ X гл. 1-й кн. *Wilhelm Meister's* Wanderjahre (русск. перев. въ изданіи Гербеля 1879 года, т. VI, стр. 129 сл.). См. *Forster*, «Zur Geschichte einer astronom. Episode in Wilh. Meisters Wanderjahren» въ *Westermann's*, Deutsche Monatshefte, 1879. Iuni. S. 330—336.

1806 году. Будущая дѣятельность Бартельса представлялась ему отрадною; по его словамъ теперь осуществлялись молодыя мечты его—служить наукѣ и образованію юношества въ томъ самомъ учрежденіи, которому онъ былъ обязанъ и своими познаніями и счастливѣйшими днями жизни, и притомъ въ обществѣ людей, на которыхъ онъ смотрѣлъ съ чувствомъ уваженія благодарнаго ученика. Въ ожиданіи этой дѣятельности, Бартельсъ жилъ безъ занятій въ Брауншвейгѣ, получая ежегодно отъ герцога 800 талеровъ, при другихъ доходахъ.

Мечтамъ и ожиданіямъ Бартельса не суждено было осуществиться, какъ и намѣреніямъ герцога. Война 1806 года положила имъ конецъ. Командуя прусскими войсками, этотъ герцогъ былъ смертельно раненъ въ сраженіи подъ Ауерштедтомъ, гдѣ рѣшилась судьба и Пруссіи и его собственныхъ владѣній, вошедшихъ въ составъ новаго Вестфальскаго королевства. Едва спасшись бѣгствомъ отъ французскаго плѣна, герцогъ умеръ отъ ранъ въ началѣ ноября въ мѣстечкѣ Оттензенъ близъ Альтоны, не попавъ даже въ свою столицу вслѣдствіе запрещенія Наполеона. Съ вступленіемъ французовъ въ Брауншвейгъ, Бартельсъ пересталъ получать опредѣленное ему герцогомъ содержаніе и остался съ семьею безъ средствъ. Новыя власти не хотѣли его знать. Это заставило его подумать о казанскомъ мѣстѣ и обратиться съ просьбою о немъ къ Румовскому.

Румовскій очень высоко цѣнилъ Бартельса; отказъ ѣхать въ Казань не поколебалъ ни его уваженія, ни его довѣрія къ нему, а потому онъ обратился къ Бартельсу съ просьбою пріискать вмѣсто себя въ Германіи ученаго для занятія въ Казани каѳедры чистой математики. По этому дѣлу началась дѣятельная переписка между ними, продолжавшаяся года два. Бартельсъ принялъ къ сердцу порученіе Румовскаго и горячо взялся за его исполненіе. Переписка съ нѣмецкими учеными и приглашеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Казань на каѳедру чистой математики при участіи Бартельса были однако безплодны. Однихъ пугала чрезвычайная отдаленность восточнаго города отъ Европы, другіе ставили такія требованія и условія, что самъ Бартельсъ находилъ ихъ преувеличенными. По поводу желаній одного изъ пяти или шести ученыхъ, рекомендованныхъ Бартельсомъ, доктора Рёсслинга, Румовскій писалъ къ Бартельсу

слѣдующее: „Я не стану разсматривать, что побудило доктора Рёсслинга выставить въ письмѣ своемъ такія чрезвычайныя требованія, но долженъ сказать, что они превосходятъ даже тѣ, при которыхъ пріѣхалъ въ Россію Эйлеръ. Не смотря на то, что въ теченіе моей пятидесятитрехлѣтней службы при Петербургской Академіи Наукъ, много изъ иностранныхъ ученыхъ было приглашаемо ею, ни одинъ изъ нихъ однако не имѣлъ подобныхъ притязаній, кромѣ д'Аламбера. Сравнивъ требованія послѣдняго съ тѣми, какія я прочиталъ въ письмѣ Рёсслинга, нахожу, что они совершенно одинаковы, за исключеніемъ одной лишней статьи, выговариваемой для себя д'Аламберомъ—находиться въ одинаковомъ рангѣ съ иностранными послами". Впрочемъ Казанскій университетъ получилъ по его рекомендаціи нѣкоторыхъ преподавателей. Потомъ, когда самъ Бартельсъ занялъ въ Казани каѳедру чистой математики, по его указанію были приглашены: докторъ Реннеръ—профессоромъ прикладной математики, другой Реннеръ, двоюродный братъ его—профессоромъ скотолѣченія и Броннеръ—физики.

Эта переписка съ Бартельсомъ о замѣщеніи математической каѳедры, уваженіе, какое имѣлъ Румовскій къ его познаніямъ и талантамъ и увѣренность, что Бартельсъ будетъ полезенъ университету, побудили попечителя, съ согласія самаго Бартельса, предложить совѣту Казанской гимназіи избрать его въ почетные члены, а такъ какъ согласно § 38 и 39 устава 1804 года четыре изъ почетныхъ членовъ (по факультетамъ), дѣятельнѣйшіе между ними, которые „ведутъ съ университетомъ переписку, доставляютъ ему свѣдѣнія о новыхъ въ наукахъ изобрѣтеніяхъ, и исправляютъ препорученія университета, касающіяся до выписыванія предметовъ къ наукамъ относящихся", пользуются пенсіею по 200 рублей въ годъ, то и Бартельсу съ 1 января 1806 года отпускались эти деньги. Контора гимназіи донесла только попечителю, что „къ переводу отсель въ Брауншвейгъ денегъ векселями на Гамбургъ никакого способу не имѣетъ" и отправляла ихъ къ попечителю, который уже переводилъ ихъ отъ себя. Это, сколько намъ извѣстно, былъ первый случай въ Казанскомъ университетѣ примѣненія упомянутыхъ §§ устава о почетныхъ членахъ. Онъ допущенъ былъ Румовскимъ, не смотря на то, что университетъ не былъ еще открытъ и никакіе факультеты въ

немъ не существовали, по личному его уваженію къ Бартельсу.

Тотчасъ по полученіи письма Бартельса о желаніи поступить опять на службу, успокоивъ его на счетъ будущей пенсіи женѣ, что сильно озабочивало ученаго, Румовскій сдѣлалъ представленіе министру въ іюлѣ 1807 года о немъ, которое было утверждено чрезъ пять дней, и любезно распорядился облегчить ему переѣздъ, а когда получилъ извѣстіе, что онъ уже на границѣ, въ Мемелѣ, то писалъ къ Яковкину, чтобъ тотъ приготовилъ ему одну изъ четырехъ квартиръ въ *новомъ строеніи*: „ежели бы паче чаянія случилось, что всѣ четыре заняты, то объявить изъ занимающихъ холостому, чтобъ очистилъ къ пріѣзду Бартельса, потому что онъ съ тѣмъ уговоромъ вызванъ, чтобъ имѣть ему казенную квартиру“. Квартира должна быть такая, которую Яковкинъ признаетъ „лучше, выгоднѣе и приличнѣе для помѣщенія столь почтеннаго гостя съ семействомъ его. Г. Бартельсъ, какъ я къ вамъ писалъ, есть одинъ изъ первыхъ математиковъ нѣмецкой земли, и для того прошу васъ обращаться съ нимъ ласковѣе и оказывать ему особливое уваженіе“. Нельзя не видѣть въ этой особенной заботливости Румовскаго о Бартельсѣ, уваженія къ его достоинствамъ, какъ ученаго математика.

Бартельсъ не скоро однако выѣхалъ изъ Брауншвейга; его задержали и сборы для переѣзда съ семьею, состоящею изъ жены и двухъ маленькихъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ полугодовой, и желаніе получить слѣдующее ему за нѣсколько мѣсяцевъ содержаніе. Послѣднее не удалось ему исполнить и 700 талеровъ онъ получилъ уже въ Казани, послѣ возстановленія Брауншвейгскаго герцогства. Переѣздъ Бартельса до Казани продолжался съ конца октября до 15 февраля 1808 года съ разными, весьма непріятными приключеніями, такъ какъ онъ ѣхалъ въ собственной повозкѣ, которая ломалась. Путь шелъ на Мемель, Полангенъ, Ригу, Петербургъ; онъ самъ называетъ этотъ путь „затруднительнымъ и дорогимъ“. Затрудненія увеличивались еще отъ незнанія русскаго языка и полнаго незнакомства съ способами путешествія по Россіи. „Купивъ въ Москвѣ, по совѣту людей, которыхъ я считалъ опытными въ этомъ дѣлѣ, новый зимній ходъ подъ мою повозку за 40 рублей, чтобъ не рисковать въ третій разъ жизнію моихъ дѣтей, пишетъ

онъ въ одномъ письмѣ, я принужденъ былъ продать въ Муромѣ за 25 рублей эту повозку и купить кибитку на полозьяхъ (Kibitkenschlichten), чтобъ имѣть возможность доѣхать до Казани". Яковкинъ, предъувѣдомленный Румовскимъ, старался все приготовить къ пріѣзду Бартельса съ семьею. „Изъ всѣхъ пріѣзжавшихъ профессоровъ ни одинъ, писалъ онъ, какъ я увѣренъ, не можетъ жаловаться, чтобъ мною не былъ хорошо принятъ и обласканъ, потому что успокоеніе иностранца въ незнакомомъ мѣстѣ, и особливо еще сотоварища, было всегда для сердца моего усладительнымъ долгомъ, а потому надѣюсь, что и г. Бартельсъ не будетъ имѣть причины на меня жаловаться въ чемъ либо, ежели только о чемъ просить будетъ". Къ квартирѣ Бартельсу назначенной, онъ прибавилъ нѣсколько комнатъ въ мезонинѣ и, по казанскимъ привычкамъ того времени, устроилъ большой каретникъ изъ строильнаго сарая и конюшню на 12 стойловъ.

Бартельсъ пріѣхалъ въ Казань 15 февраля 1808 года. Предупредительная встрѣча Яковкина и удобная, совсѣмъ готовая казенная квартира, произвели на него чрезвычайно пріятное впечатлѣніе; онъ и семья скоро забыли о дорожныхъ трудностяхъ. Казанская жизнь улыбалась въ будущемъ Бартельсу, какъ это видно изъ перваго письма его. Это пріятное настроеніе Бартельса еще увеличилось, когда онъ началъ 2-го марта свои лекціи и познакомился съ своими слушателями; число ихъ доходило до 15. „Бартельсъ пишетъ свои лекціи на французскомъ языкѣ, сообщаетъ Яковкинъ, по причинѣ недостаточнаго *своего* свѣдѣнія въ латинскомъ (передъ нами однако лежатъ бумаги Бартельса, писанныя на очень хорошемъ латинскомъ языкѣ), что нѣсколько примѣтно поохладило въ студентахъ привязанность къ латинскому. Много объясняетъ и по нѣмецки, но какъ формулы всѣ одинаковы, то матерія сія имъ довольно извѣстна еще и изъ россійскихъ лекцій. Окончивъ плоскую геометрію, приступилъ онъ къ тригонометріи и знаніями студентовъ отзывается весьма довольнымъ".

Въ самомъ дѣлѣ изъ тогдашнихъ писемъ Бартельса и изъ позднѣйшихъ его заявленій мы убѣждаемся, что онъ имѣлъ передъ собою и хорошо приготовленныхъ и талантливыхъ слушателей, изъ которыхъ нѣкоторые пріобрѣли потомъ извѣстность въ наукѣ. „Къ величайшей моей радо-

сти, пишетъ онъ уже въ позднѣйшіе годы жизни, въ Дерптѣ, вспоминая свою профессорскую дѣятельность въ Казани, я нашелъ тамъ, не смотря на незначительное число студентовъ, необыкновенно много любви къ изученію математическихъ наукъ. Въ моихъ лекціяхъ о высшемъ анализѣ я могъ разсчитывать по крайней мѣрѣ на двадцать слушателей, по немногу составилась небольшая математическая школа, изъ которой вышло нѣсколько дѣльныхъ учителей математики для русскихъ гимназій и университетовъ, особенно въ Казанскомъ учебномъ округѣ. Они способствовали распространенію математическихъ наукъ въ Россіи (1)". Можно конечно отнести успѣхъ этого преподаванія математики и на долю тѣхъ уроковъ, которые выслушали студенты Казанскаго университета еще въ гимназіи у Карташевскаго, но этотъ послѣдній оставилъ службу почти за два года до пріѣзда Бартельса; можно часть успѣха приписывать и тому, что студенты переходили къ высшему математическому курсу у Бартельса, прослушавъ пріуготовительный у магистра Никольскаго, одновременно съ нимъ пріѣхавшаго въ Казань (2); но безъ сомнѣнія

---

(1) Vorles. üb. mathem. Analysis, p. IX.

(2) *Никольскій*, Григорій Борисовичъ, заслуженный профессоръ по каѳедрѣ прикладной математики, весьма извѣстная университетская личность въ позднѣйшіе годы университета, при попечителяхъ Магницкомъ и Мусинѣ-Пушкинѣ, бывшій не разъ ректоромъ и извѣстный своею строительною дѣятельностью по университетскимъ зданіямъ, личность оригинальная, религіозная, съ нѣкоторою примѣсью фанатическаго мистицизма, очень напоминающая собою извѣстную въ нашихъ литературныхъ преданіяхъ фигуру М. И. Невзорова — можетъ быть найдетъ мѣсто на этихъ страницахъ (Есть краткіе и малосодержательные некрологи его профессоровъ Суровцова, *Каз. Губ. Вѣд.* 1844 г. №. 33 и Скандовскаго, *Уч. Зап. Каз. унив.* 1855 г. кн. IV, стр. 129-141). Никольскій, сынъ дьякона погоста Николы-Новаго Судогодскаго уѣзда Владимірской губерніи, получилъ образованіе во Владимірской семинаріи, а потомъ (1803—1808 гг.) въ Педагогическомъ институтѣ. Здѣсь учился Никольскій, по словамъ представленія Румовскаго министру народнаго просвѣщенія, «чистой и прикладной математикѣ съ неподражаемымъ прилежаніемъ и безподобными успѣхами». Въ особенности понравились попечителю два его сочиненія по математикѣ и онъ былъ опредѣленъ въ университетъ со степенью магистра, съ жалованьемъ старшихъ учителей гимназіи съ тѣмъ, чтобъ онъ

главною причиною очевиднаго успѣха преподаванія Бартельса слѣдуетъ назвать съ одной стороны—глубокое жизненное значеніе математическихъ истинъ, особенно въ ихъ разнообразныхъ практическихъ примѣненіяхъ для русскаго ума, а съ другой—высокое научное достоинство самаго преподаванія, полнаго содержаніемъ и чуждаго рутины, о которомъ съ увлеченіемъ вспоминали его ученики.

могъ, подъ руководствомъ Бартельса, достигнуть званія адъюнкта математическихъ наукъ, о чемъ Румовскій особо писалъ къ Бартельсу. Лѣтомъ 1808 года Никольскій пріѣхалъ въ Казань и вотъ что чрезъ полгода сообщалъ о немъ Бартельсъ попечителю: „Радуюсь чрезвычайно, что все, могущее быть Вамъ сообщеннымъ мною по совѣсти касательно Никольскаго, какъ объ его талантахъ, такъ и объ его неутомимой дѣятельности и нравственныхъ свойствахъ характера, совершенно оправдываетъ счастливый выборъ вашъ и ожиданія. Если не встрѣтятся въ будущемъ такія обстоятельства, которыя могутъ помѣшать успѣхамъ этого молодаго человѣка, то я увѣренъ, что въ области математическихъ наукъ онъ будетъ украшеніемъ не только нашего университета, но и своей великой родины. По моему совѣту, съ самаго начала, онъ употребляетъ свободное отъ математическихъ занятій время, чтобъ понимать французскихъ математиковъ,—на изученіе этого языка. Съ нѣкоторою помощью съ моей стороны онъ скоро такъ успѣлъ, что въ состояніи читать не только математическія, но и литературныя произведенія, напр. Лафонтеновы басни. Онъ занимается теперь, подъ моимъ руководствомъ, чтеніемъ Лагранжевой Théorie des Fonctions analytiques и Гауссовыхъ Disquisitiones. Можно надѣяться, что Никольскій чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаетъ общедоступными въ Россіи остроумныя и всѣ части математики объемлющія, и только величайшими математиками до сихъ поръ затронутыя изслѣдованія о свойствахъ чиселъ» (28 дек. 1808 г.). Надежды Бартельса научныхъ успѣховъ со стороны Никольскаго однако не оправдались: это былъ первый и единственный отчетъ его о занятіяхъ Никольскаго. На другой годъ Бартельсъ писалъ уже, что Никольскому мѣшаютъ то болѣзни, то уроки въ гимназіи заняться тѣми частями математики, которыя необходимы для собственной производительности. Онъ разсчитываетъ теперь только на то, что Никольскій обработаетъ свои лекціи для печати. «Вскорѣ *начальству благоугодно было* перемѣнить мое назначеніе» (т. е: приготовленіе подъ руководствомъ Бартельса)—пишетъ самъ онъ. Въ томъ же 1808 году Никольскій сталъ читать для студентовъ «Начальныя основанія чистой математики» и продолжалъ это до 1819 года. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ преподавать латинскій языкъ въ высшемъ классѣ гимназіи, а въ 1811 году сдѣланъ былъ секретаремъ училищнаго комитета; кромѣ того онъ несъ и многія другія обязанности. «Хотя таковыя занятія и отвлекали меня,

Бартельсъ пробылъ въ Казани двѣнадцать лѣтъ и въ теченіе этого времени онъ успѣлъ положить прочное основаніе математическому преподаванію. Онъ началъ съ изложенія 1) *аналитической тригонометріи*, плоской и сферической, руководствуясь сочиненіемъ Каньоли (Cagnoli), Trigonometria piana e sferica 1789, 1804). „Это руководство, не смотря на простоту его заглавія, пишетъ онъ, достав-

---

говоритъ самъ Никольскій, отъ настоящей моей цѣли, усовершенствованія въ математическихъ познаніяхъ, въ чемъ другіе изъ почтеннѣйшихъ моихъ сотоварищей, свободные отъ постороннихъ обязанностей, имѣли великое преимущество, и труды ихъ, сообразно цѣли профессорскаго званія, награждены щедро попечительнымъ начальствомъ, но *по силамъ и возможности я не преставалъ заниматься и математическими науками* и удостоенъ былъ чрезъ три года по опредѣленіи моемъ магистромъ званія адъюнкта въ 1810 году, потомъ чрезъ три же года, въ 1814 году званія экстраординарнаго профессора, а въ прошломъ 1816 году, по кончинѣ профессора прикладной математики Реннера, почтеннѣйшему совѣту благоугодно было поручить мнѣ и чтеніе оной для студентовъ съ умноженіемъ жалованья моего 800 рубл.» Замѣчательно, что по тогдашнимъ обычаямъ, каждое повышеніе Никольскаго слѣдовало по его собственному прошенію, подаваемому имъ въ совѣтъ. Такимъ образомъ успѣхъ по службѣ Никольскаго происходилъ въ университетѣ безъ ученыхъ заслугъ съ его стороны и безъ печатныхъ трудовъ. Правда въ дѣлахъ есть списокъ его рукописныхъ сочиненій, числомъ 15, но всѣ они касаются или первоначальной математики или представляютъ переводы небольшихъ статей. Два печатныя произведенія Никольскаго: «Слово о пользѣ математики», говоренное въ торжественномъ собраніи университета 5 іюля 1816 года и другое, произнесенное имъ въ званіи ректора 17 янв. 1821 года «О достоинствѣ и важности воспитанія на христіанской вѣрѣ основанныхъ» (*Каз. Вѣстн.* 1821 г. кн. 2-я стр. 21—84) ничего не имѣютъ общаго съ наукою.—Первое свидѣтельствовало уже о томъ направленіи, какое получило министерство народнаго просвѣщенія при князѣ А. Н. Голицинѣ и выгодно рекомендовало Никольскаго въ глазахъ Магницкаго, второе было яростнымъ осужденіемъ прежней жизни университета до знаменитой ревизіи, доказывало, что въ немъ господствовалъ лишь «духъ лжемудрія, преобладанія и вольности», на борьбу съ которымъ, какъ архангелъ съ пламеннымъ мечемъ, всталъ «высокій въ христіанскихъ чувствованіяхъ и доблестяхъ попечитель». Слово проникнуто было ненавистью къ наукѣ. Никольскій, на фанатическомъ языкѣ своемъ, называлъ ее «дымомъ отверзстаго студенца бездны» и «надменными волнами лжемудрія»; передъ молодыми слушателями онъ рисовалъ не чистые идеалы научныхъ стремленій, съ довѣріемъ въ разумъ, поды-

ляетъ мнѣ часто случаи дѣлать полезныя отступленія въ область высшаго анализа; будь у меня астрономическіе часы, нѣкоторыя другія пособія и удобное мѣсто для наблюденій, мои лекціи изъ послѣдняго отдѣла Каньоли принесли бы больше пользы и были бы гораздо интереснѣе". Дѣйствительно Бартельсъ въ первый же годъ читалъ приложеніе тригонометріи къ сферической астрономіи и математической географіи и занималъ студентовъ разными практическими задачами, напр. задачею Кеплера, опредѣленіемъ долготы и широты мѣста на морѣ и вообще нахожденіемъ видимаго разстоянія двухъ небесныхъ тѣлъ и пр. Это въ высшей степени интересовало студентовъ и развивало въ нихъ самодѣятельность. Дополняя въ этомъ послѣднемъ случаѣ Каньоли, Бартельсъ пользовался сочиненіемъ Боненбергера (Anleit. zur geograph. Ortsbestimmung, vorzüglich vermittelst des Spiegelsextanten, 1795). До прибытія профессора астрономіи Литтрова въ 1810 году, Бартельсъ кромѣ упомянутыхъ практическихъ задачъ, излагалъ своимъ слушателямъ изъ астрономіи и первыя главы сочиненія Лапласа: „Exposition du Système du Monde". Далѣе содержаніемъ лекцій, которыя онъ мѣнялъ ежегодно, у Бартельса были: 2) *Высшая ариѳметика* (1809-1810), по Гауссу (Recherches arithmétiques); 3) *Дифференціальное* (1809-1810) и *интегральное* счисленіе (1811-1812)—по Эйлеру; 4) *Приложеніе аналитики къ геометріи* (1810-1811) — по Монжу (Application de l'Analyse à la Géométrie, 1807; 5) *Аналитическая механика* (1810-1811)—по Лагранжу (Mécanique analytique 1787); 6) *Аналитическая геометрія* (1813-1814, 1818-1819) — по Біо (Traité analytique des courbes et des surfaces du second degré (1802); 7) *Аналитическая геометрія и сферическая тригонометрія* (1815-1816)—по Гарнье (Géometrie analytique, 1813); 8) *Дифференціальное и интегральное* счисленіе (1812—1813, 1814—1815, 1816—1817, 1817—1818 и 1819—1820), по сочиненію Локроа (Traité du calcul différentiel et intégral).—Изъ этого обозрѣнія препо-

---

мающимъ духъ, а образъ великаго аскета въ пустынѣ, св. Антонія, (память его празднуется въ тотъ день), житіе котораго передавалъ съ каѳедры. За участіе въ постройкахъ университетскихъ зданій и за безкорыстные и неутомимые труды въ этомъ дѣлѣ, Никольскій получилъ, согласно представленію попечителя Мусина - Пушкина и по

данія Бартельса можно видѣть, что его слушатели знакомились, подъ его руководствомъ и при его объясненіяхъ, съ самыми вліятельными, сдѣлавшими эпоху трудами великихъ французскихъ математиковъ того времени, съ тѣмъ, что выдавалось тогда въ области идей, что господствовало въ мірѣ (понятно почему наполеонъ отличалъ своихъ современниковъ, французскихъ геометровъ и аналитиковъ и любилъ съ ними бесѣдовать). Такимъ образомъ студенты математики Казанскаго университета, слушатели Бартельса, сравнительно съ своими товарищами, стояли на высотѣ. Большое значеніе для этихъ слушателей въ научномъ отношеніи имѣли также лекціи Бартельса по *Исторіи математики*, излагаемыя имъ по собственнымъ запискамъ. Судя по сохранившемуся конспекту, можно заключить объ ихъ широкомъ содержаніи. Это была исторія успѣховъ человѣческаго духа въ области наукъ точныхъ, начиная съ востока и древности; въ ней было много обобщеній и естественныхъ отклоненій въ другія области, но она удерживала мысль въ сферѣ самыхъ возвышенныхъ интересовъ. „Мои лекціи, по хорошимъ успѣхамъ большинства слушателей, доставляютъ мнѣ много удовольствія“ — писалъ Бартельсъ къ Румовскому въ началѣ своего курса и тоже самое повторялъ онъ и потомъ, указывая на лучшихъ учениковъ своихъ. Съ самаго начала своихъ лекцій, Бартельсъ, какъ это видно изъ замѣтокъ его, держался одной, строгой методы въ преподаваніи, считая ее лучшею для цѣли приготовленія учителей математическихъ наукъ: „Для перваго курса я выбралъ тригонометрію Каньоли. Сочиненіе это помогало мнѣ для сообщенія предварительныхъ понятій о теоріи строкъ, о дифференціальномъ счисленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ давало основательныя свѣдѣнія изъ обѣихъ тригонометрій. Какъ ни важна впрочемъ эта книга, но я считалъ нужнымъ во многихъ мѣстахъ совершенно

опредѣленію Комитета министровъ, Высочайше утвержденному въ 1838 году, однако щедрую награду: ему пожаловано было 1000 десятинъ земли, — случай, сколько намъ извѣстно, единственный въ профессорской служебной карьерѣ. Такимъ образомъ заботы его о постройкѣ университетскихъ зданій, теперь къ сожалѣнію уже неудовлетворяющихъ потребностямъ болѣе развившейся научной жизни, были достаточно оцѣнены. Въ 1839 году онъ оставилъ службу при университетѣ и въ томъ же

измѣнять ея изложеніе, держаться ея только въ общихъ чертахъ. Весьма пріятный опытъ, сдѣланный мною на моихъ слушателяхъ, доказалъ мнѣ всю цѣлесообразность моей методы. Мнѣ удалось даже слабѣйшихъ такъ подвинуть, что они въ состояніи съ довольною легкостью рѣшать почти всѣ задачи тригонометріи; въ тоже время они на столько усвоили изъ дифференціальнаго счисленія и изъ теоріи строкъ, что могутъ примѣнять это знаніе къ логариѳмическимъ функціямъ. Естественно, что было большое различіе между этими слушателями и тѣми, которые успѣли усвоить уже сообщаемыя имъ истины. На второмъ курсѣ я излагалъ теорію чиселъ по Гауссу (конечно только нѣкоторыя главы) и дифференціальное счисленіе съ большею подробностью, съ тѣмъ чтобъ приготовить моихъ слушателей къ третьему курсу, въ теченіе котораго я буду излагать аналитическую геометрію и механику".

Этими подробностями, весьма вѣроятно любопытными для того, кто желаетъ познакомиться съ исторіею науки въ нашемъ краю и съ развитіемъ у насъ университетскаго преподаванія, мы обязаны тому обстоятельству, что первый попечитель Казанскаго университета былъ математикъ, искренно любившій свою науку, желавшій ея развитія и отдававшій ей преимущество по своему оффиціальному положенію. Въ началѣ 1809 года всѣмъ студентамъ и кандидатамъ университета были прочитаны слѣдующія слова Румовскаго изъ предложенія его на имя профессора-директора (24 марта № 32): „Желалъ бы я, чтобы между студентами и кандидатами больше находилось такихъ, кои бы пріуготовляли себя къ математическимъ, физическимъ и философическимъ, нежели къ историческимъ наукамъ, потому что *первыя требуютъ напряженія разума, а послѣднія памяти*". Безъ сомнѣнія такой взглядъ попечителя, съ своей стороны тоже вызывалъ большее стремленіе студентовъ къ наукамъ математическимъ. Бартельсъ въ своихъ письмахъ къ Румовскому, называетъ лучшихъ учениковъ своихъ изъ перваго времени своей профессорской дѣятель-

---

году избранъ въ почетные его члены, но разбитый параличемъ на другой годъ, Никольскій прожилъ еще въ страданіяхъ года четыре. Онъ умеръ 11 мая 1844 года.

ности. Это были: Линдегренъ, Кайсаровъ, тогда уже магистръ, Лобачевскій младшій (Алексѣй), Симоновъ и Лобачевскій старшій (Николай Ивановичъ) [1]. За исключеніемъ перваго, остальные четыре были преподавателями въ Казанскомъ университетѣ и указаніе на ихъ способности и успѣхи Бартельсомъ сдѣлано было не даромъ.

Изъ этихъ учениковъ Бартельса долгую и честную службу сослужилъ Казанскому университету *Н. И. Лобачевскій* (1793—1856). Его ученые труды оставили глубокій слѣдъ въ физико-математическомъ факультетѣ и сдѣлали имя его извѣстнымъ и за предѣлами Россіи, а дѣятельность административная совпала съ хорошими годами нашего университета. Эта послѣдняя нисколько однако не мѣшала его научнымъ трудамъ и въ самые дѣятельные годы свои по администраціи, когда онъ былъ и деканомъ, и ректоромъ, и несъ другія разнообразныя и сложныя обязанности по управленію, Лобачевскій печаталъ свои сочиненія. Его глубокій и своеобразный умъ, въ соединеніи съ разностороннимъ образованіемъ (имъ Лобачевскій конечно обязанъ былъ гораздо больше самому себѣ, чѣмъ университету), не мельчалъ посреди мелкой дѣятельности и общественныхъ отношеній провинціальной жизни. Его независимый и самостоятельный характеръ выдержалъ такую нравственную ломку, какъ тяжелое время реакціи въ послѣдніе годы царствованія Александра I и попечительство въ Казани Магницкаго, не поступившись своими убѣжденіями, не измѣнивъ имъ и унеся въ старость молодое стремленіе къ наукѣ, уваженіе къ ней и восторги духовнаго наслажденія. Если спеціалисты говорятъ о его „по истинѣ глубокомысленныхъ лекціяхъ“, доступныхъ однако только избранной аудиторіи, въ

---

[1] У Лобачевскихъ былъ еще старшій братъ *Александръ*, поступившій одновременно съ младшими въ гимназію (5 ноября 1802 года), избранный въ студенты университета при его основаніи (18 февраля 1805 года) и утонувшій въ Казанкѣ (19 іюня 1807 г.), когда ему минуло только 16 лѣтъ. И онъ, какъ и меньшіе братья, своими природными дарованіями обѣщалъ много. Лобачевскіе были дѣтьми бѣднаго чиновника, уѣзднаго землемѣра изъ Макарьева, Нижегородской губерніи; въ оффиціальныхъ актахъ они показаны изъ *разночинцевъ*, а это означаетъ только не принадлежность ихъ къ сословію потомственныхъ дворянъ.

послѣдніе годы его жизни, то мы прибавимъ къ этому личное воспоминаніе о его публичныхъ лекціяхъ по физикѣ, гдѣ ему удавалось излагать науку популярно и гдѣ раскрывалъ онъ массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Въ старые глухіе и спящіе годы провинціи, когда все было такъ смирно, гладко и довольно кругомъ, когда однообразныя явленія жизни только скользили по душѣ, не задѣвая и не возбуждая ее, такія лекціи, какъ Лобачевскаго, были отраднымъ явленіемъ. Лобачевскій читалъ просто, безъ желанія придать внѣшнюю красоту своей рѣчи, безъ реторической эмфазы и крика; но въ словахъ его слышался и его логическій умъ и широкое образованіе. Спокойнымъ, ровнымъ голосомъ онъ дѣлалъ свои широкія обобщенія, вызывалъ увлекательные образы и возбуждалъ мысль. Оставляя спеціалистамъ говорить о научныхъ заслугахъ Лобачевскаго и опредѣлять его мѣсто въ исторіи европейской науки (1), мы скажемъ здѣсь только о его молодыхъ годахъ и отношеніяхъ къ Бартельсу.

Въ первый годъ своего студенчества (вспомнимъ, что тогда не было никакого раздѣленія на факультеты), Лоба-

---

(1) См. *А. Ѳ. Попова.* «Воспоминаніе о службѣ и трудахъ Лобачевскаго». *Уч. Зап.* 1857 г. IV. стр. 153-159 и *Е. П. Янишевскаго* «Историческая записка о жизни и дѣятельности Н. И. Лобачевскаго». Казань, 1868. 8°. Собраніе его геометрическихъ сочиненій уже напечатано Казанскимъ университетомъ и скоро должно появиться въ свѣтъ. Извѣстность въ наукѣ этихъ сочиненій началась недавно, со времени французскаго перевода ихъ, сдѣланнаго Гуэлемъ, но уже въ 30-хъ годахъ, въ то время какъ въ Россіи игнорировали труды Л—аго, или смѣялись надъ ними, Гауссъ писалъ къ Шумахеру о научномъ значеніи геометріи, построенной казанскимъ профессоромъ на гипотезѣ, отличной отъ Эвклидовыхъ началъ (См. *Льюисъ,* Вопросы о жизни и духѣ, Спб. 1876. т. II, стр. 491). Въ біографіи Лобачевскаго всего интереснѣе было бы прослѣдить какимъ образомъ развилось его глубокое абстрактное мышленіе. Лобачевскій не бывалъ въ Европѣ; двѣ-три поѣздки въ русскія столицы были кратковременны; онъ почти не оставлялъ Казани. Къ сожалѣнію и внутреннее развитіе и интимная жизнь Лобачевскаго мало извѣстны, не смотря на то, что живы еще нѣкоторые, бывшіе съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Принадлежа по женѣ къ тому, что называлось въ то время казанскимъ обществомъ, Лобачевскій появлялся и въ немъ, но представлялъ изъ себя скорѣе задумчивую, чѣмъ дѣятельную фигуру, особенно въ послѣдніе годы своей жизни. Сколько намъ извѣстно, даже близкіе къ нему люди смотрѣли на него съ точки зрѣнія, раскрывающейся въ обыденной морали Хемницеровой басни «Метафизикъ».

чевскій и не занимался математикой, за неимѣніемъ профессора этого предмета. „Онъ примѣтно предъуготовляетъ себя для медицинскаго факультета“—писалъ о немъ къ попечителю Яковкинъ, замѣтившій его дарованія. Но пріѣздъ Бартельса и его лекціи опредѣлили выборъ любимаго предмета для занятій со стороны Лобачевскаго и вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и болѣе другихъ успѣвавшихъ учениковъ Бартельса. Съ своей стороны и Бартельсъ полюбилъ Лобачевскаго и его заступничество не разъ помогало молодому и нѣсколько вѣтренному студенту при столкновеніяхъ съ университетскою полиціею. Инспекторскій журналъ за годы пребыванія Лобачевскаго въ студентахъ, даетъ нѣсколько свидѣтельствъ объ этихъ столкновеніяхъ, причина которыхъ лежала въ живомъ характерѣ молодаго студента, въ естественномъ чувствѣ свободы, которое проявлялось какъ своеволіе, въ желаніи отстоять свою самостоятельность, что считалось дерзостью. Самыя шалости характеризуютъ тогдашнихъ студентовъ. Лобачевскій, какъ и многіе изъ его товарищей, казенныхъ студентовъ, жившихъ въ университетѣ, любилъ заниматься пиротехникою. Разъ Лобачевскій сдѣлалъ ракету и вмѣстѣ съ другими пустилъ ее въ одиннадцать часовъ вечера на университетскомъ дворѣ. За это и за то, „что учинилъ непризнаніе, упорствуя въ немъ, подвергъ наказанію многихъ, совершенно сему не причастныхъ“,—былъ посаженъ въ карцеръ по опредѣленію совѣта. Въ другой разъ, будучи уже правящимъ должность *камернаго студента* („Камерный студентъ есть помощникъ помощника инспектора казенныхъ студентовъ“—по опредѣленію правилъ того времени), Лобачевскій былъ замѣченъ „въ соучавствованіи и потачкѣ проступкамъ студентовъ, грубости и ослушаніи“. За эти проступки онъ наказанъ былъ публичнымъ выговоромъ отъ инспектора студентовъ, лишенъ званія правящаго должность камернаго студента, 60 рублей на книги и учебныя пособія, которые только что были ему назначены „за особенные успѣхи въ наукахъ и благоповеденіе“ и отпуска до разрѣшенія начальства. Все это происходило на святкахъ 1810 года. Лобачевскому шелъ 18-й годъ, онъ былъ въ послѣднемъ курсѣ, молодость требовала удовлетворенія, а потому совершенно естественно и простительно, что по словамъ инспекторскаго журнала „въ генварѣ мѣсяцѣ Лобачевскій первый оказался самаго худаго поведенія. Не смо-

тря на приказаніе начальства не отлучаться изъ университета, онъ въ новый годъ, а потомъ еще разъ, ходилъ въ маскарадъ и многократно въ гости, за что опять наказанъ написаніемъ имени на черной доскѣ и выставленіемъ оной въ студентскихъ комнатахъ на недѣлю. Не смотря на сіе, онъ послѣ того снова еще былъ въ маскарадѣ". Студенческая жизнь Лобачевскаго отличалась вообще нѣсколько бурнымъ характеромъ, но изъ среды своихъ сверстниковъ онъ выдавался далеко впередъ, какъ по уклоненіямъ отъ тогдашнихъ правилъ благоповеденія, вызывавшимъ карательныя мѣры противъ него, такъ и по своимъ дарованіямъ и успѣхамъ въ математикѣ. Вотъ почему только о немъ одномъ дошло до насъ *историческое изображеніе поведенія* его; проступки Лобачевскаго называются *достопримѣчательными*, характеръ—упрямымъ, нераскаяннымъ, „весьма много мечтательнымъ о самомъ себѣ", его мнѣніе „получило многія ложныя понятія" (такъ въ журналѣ инспектора, помощникомъ его Кондыревымъ, было записано, что Лобачевскій „въ значительной степени явилъ *признаки безбожія*" (!)—обвиненіе, которое имѣло бы во время Магницкаго весьма печальныя послѣдствія). Требовались инспекціею противъ Лобачевскаго рѣшительныя мѣры, „самыя побудительныя средства со стороны милосердія или строгости, каковыя найдетъ благоразуміе начальства". Вопросъ о судьбѣ Лобачевскаго перенесенъ былъ въ совѣтъ. Только настоянія Бартельса и тѣхъ професоровъ, у которыхъ Лобачевскій занимался, доставили ему возможность получить степень кандидата, а вскорѣ за тѣмъ и магистра, наравнѣ съ прочими его товарищами.

Бартельсъ считалъ Лобачевскаго лучшимъ изъ учениковъ своихъ. Вотъ что писалъ онъ къ попечителю объ успѣхахъ своихъ слушателей и въ особенности о Лобачевскомъ около того времени (приводимъ слова его въ современномъ переводѣ, сдѣланномъ самимъ Румовскимъ и представленномъ имъ министру: „Послѣдніе два (Симоновъ и Лобачевскій), особливо же Лобачевскій оказали столько успѣховъ, что они даже на всякомъ нѣмецкомъ университетѣ, были бы отличными, и я льщусь надеждою, что если они продолжать будутъ упражняться въ усовершенствованіи своемъ, то займутъ значущія мѣста въ математическомъ кругу. О искусствѣ послѣдняго предложу хотя одинъ примѣръ. Лекціи свои располагаю я такъ, что студенты мои

въ одно и тоже время бываютъ слушателями и преподавателями. По сему правилу поручилъ я предъ окончанiемъ курса старшему Лобачевскому предложить подъ моимъ руководствомъ пространную и трудную задачу о кругообращенiи (Rotation), которая мною для себя уже была по Лагранжу въ удобопонятномъ видѣ обработана. Въ тоже время Симонову приказано было записывать теченiе преподаванiя, которое я въ четыре прiема кончилъ, дабы сообщить его прочимъ слушателямъ. Но Лобачевскiй, не пользовавшись сею запискою, при окончанiи послѣдней лекцiи подалъ мнѣ рѣшенiе сей столь запутанной задачи, на нѣсколькихъ листочкахъ въ четвертку написанное. Г. академикъ Вишневскiй, бывшiй тогда здѣсь, неожидаемо восхищенъ былъ симъ небольшимъ опытомъ знанiй нашихъ студентовъ". Эти успѣхи въ математикѣ, за которые Лобачевскiй получилъ вмѣстѣ съ другими благодарность отъ министра народнаго просвѣщенiя и были причиною снисходительности къ нему совѣта, возведшаго его, вмѣстѣ съ прочими, въ степень магистра, т. е. оставившаго его при университетѣ (въ педагогическомъ институтѣ) съ цѣлью приготовленiя къ профессорскому званiю. Впрочемъ и самъ Лобачевскiй сознавалъ свое положенiе. „Вчера по позволенiю явившись въ совѣтъ, пишетъ Яковкинъ, оказалъ совершенное признанiе и раскаянiе въ прежнихъ своихъ поступкахъ, публично обѣщавши совершенно исправиться, а по сему совѣтъ и рѣшился его помѣстить въ число представляемыхъ къ удостоенiю званiя магистровъ, дабы излишнею строгостью не привести его, какъ весьма лестную надежду дарованiями и успѣхами подающаго для университета, въ отчаянiе и не убить духъ его" (12 iюля 1811 года). Защитниками Лобачевскаго въ совѣтѣ были профессоры Бартельсъ, Германъ, Литтровъ и Броннеръ. Румовскiй утвердилъ представленiе совѣта, но далъ съ своей стороны предостереженiе Лобачевскому: „А студенту Николаю Лобачевскому, писалъ онъ въ своемъ предложенiи совѣту (7 августа 1811 г., № 787), занимающему первое мѣсто по худому поведенiю, объявить мое сожалѣнiе о томъ, что онъ отличныя свои способности помрачаетъ несоотвѣтственнымъ поведенiемъ, и для того, чтобы онъ постарался перемѣнить и исправить оное, — въ противномъ случаѣ, если онъ совѣтомъ моимъ не захочетъ воспользоваться, и опять принесена будетъ жалоба на него, тогда я принужденъ буду

довести о томъ до свѣдѣнія г. министра просвѣщенія". Званіе магистра возлагало на него, по тогдашнимъ правиламъ, „споспѣшествованіе профессору или адъюнкту въ разсужденіе большихъ успѣховъ ихъ слушателей". Магистры должны были заниматься съ студентами повтореніемъ пройденнаго (не въ часы однако назначенные для лекцій) и „объясненіемъ слушателямъ того, что они не понимаютъ, такъ какъ многіе изъ гг. профессоровъ преподаютъ и объясняютъ лекціи на иностранныхъ языкахъ, слушатели же ихъ, преимущественно же вновь поступившіе, часто особенно въ началѣ курса, по причинѣ объясненія на иностранномъ языкѣ для матеріи совсѣмъ новой, не могутъ иногда всего понимать предлагаемаго профессоромъ ясно". За это магистры получали жалованье. Лобачевскій какъ магистръ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Бартельсу. Онъ занимался у него на дому по четыре часа въ недѣлю, и у насъ есть свѣдѣнія, что на первыхъ порахъ магистерства, предметами изученія Лобачевскаго, подъ руководствомъ Бартельса, были ариѳметика Гаусса и первый томъ Лапласовой „Небесной механики" (1). Въ 1814 году Лобачевскій былъ повышенъ въ званіе адъюнкта чистой математики и началъ читать свои лекціи. Курсъ его стоялъ выше курса Никольскаго, который постоянно называется *приготовительнымъ* и былъ предназначенъ для студентовъ, посвятившихъ себя математикѣ. Онъ читалъ: 1) *прямолинейную тригонометрію* и 2) *теорію чиселъ* по Гауссу и Лежандру (1814-1815 и 1815-1816). Въ 1816 году Лобачевскій былъ повышенъ въ званіе экстраординарнаго профессора и излагалъ (2), до перехода Бартельса въ Дерптъ:

---

(1) Считаемъ нужнымъ исправить здѣсь преувеличеніе у біографа Лобачевскаго Попова, который говоритъ, что Бартельсъ поручилъ молодому магистру объяснять для студентовъ первый томъ сочиненія Лапласа Mécanique céleste и Гаусса Disquisitiones (*Уч. Зап.* Каз. Ун. 1857, IV, 154). По подлиннымъ документамъ дѣло происходило такъ, какъ сказано въ нашемъ текстѣ.

(2) Въ дѣлахъ архива къ сожалѣнію нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ и Лобачевскій и товарищъ его по университету и по службѣ Симоновъ были повышаемы въ званія адъюнктовъ, какъ и вообще о ихъ первыхъ ученыхъ опытахъ. Безъ сомнѣнія для нихъ не могло быть сдѣлано исключенія и они подверглись общей для всѣхъ процедурѣ, но *дѣлопроизводство о нихъ по какому либо случаю не сохранилось.*

обѣ *тригонометріи*, главнымъ образомъ по тому же руководству Каньоли, которымъ пользовался и Бартельсъ и точно также обращая преимущественно вниманіе на практическую сторону, *аналитическую геометрію* по Монжу (1816-1817, 1817-1818 и 1819-1820), *дифференціальное и интегральное счисленіе* по Лакруа (1818-1819). Съ 1819 года, въ отсутствіе профессора астрономіи Симонова для кругосвѣтнаго плаванія, Лобачевскій въ теченіе двухъ лѣтъ читалъ астрономію и завѣдывалъ обсерваторіею. Развитіе глубины его преподаванія, ученые труды и обширная административная дѣятельность Лобачевскаго принадлежатъ однако къ позднѣйшимъ періодамъ университетской жизни[1].

---

[1] Меньшаго брата *Алексѣя Ивановича* Лобачевскаго Бартельсъ также хвалилъ, но «избравъ предметомъ своимъ химію, пишетъ онъ, отстаетъ онъ отъ старшаго Лобачевскаго и Симонова». Онъ былъ моложе старшаго на одинъ годъ (род. 1794 г.), но вмѣстѣ съ нимъ поступилъ въ студенты, какъ и тотъ не разъ попадалъ на замѣчаніе инспектора, даже по окончаніи курса («20 мая пропалъ безъ вѣсти магистръ Алексѣй Лобачевскій» записано въ инспекторской книгѣ 1812 года и потомъ «17 іюня явился въ домъ своей матери изъ Нижняго Новгорода»). Одновременно съ старшимъ братомъ онъ удостоенъ званія магистра химіи и технологіи и оставленъ въ педагогическомъ институтѣ. Но старшій братъ опередилъ его по службѣ и повышеніе меньшому досталось гораздо труднѣе. Вотъ нѣсколько словъ о процедурѣ этого повышенія. Въ концѣ 1816 года, когда тотъ уже былъ э. о. профессоромъ, Алексѣй Лобачевскій вошелъ въ совѣтъ съ просьбою объ адъюнктскомъ званіи по химіи. Онъ представилъ два рукописныя сочиненія: 1) «О невидимомъ внутреннемъ движеніи жидкостей» и 2) «О томъ, что если при возвышеніи температуры тѣла претерпѣваютъ перемѣну, сопровождаемую явленіемъ огня, то сей самый огонь причиною, почему при возстановленіи преждебывшей температуры, тѣла не приходятъ въ прежнее свое состояніе». Разсматривавшіе эти сочиненія экстраординарный профессоръ Никольскій и адъюнктъ Дунаевъ нашли въ сочинителѣ «склонность къ глубокому вницанію въ природу физическихъ вещей и способность къ умозрѣніямъ», «отличныя способности вообще къ *умозрительному* разсматриванію природы и къ изъисканію причинъ для объясненія явленій въ оной происходящихъ, но нѣкоторый недостатокъ практическихъ опытовъ; почему отдѣленіе физико-математическихъ наукъ и совѣтъ потребовали отъ него, согласно §§ 57—59 устава, представленіе обозрѣнія науки технологіи и опыты практическихъ свѣдѣній въ ней. Лекціи химіи читалъ уже адъюнктъ Дунаевъ и совѣтъ предложилъ Лобачевскому каѳедру *технологіи и наукъ относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ*. Въ обширномъ и резонномъ новомъ прошеніи своемъ, А. Лобачевскій отказался отъ предлагаемаго ему мѣста,

Бартельсъ же указалъ на способности и особенную любовь къ математическимъ наукамъ Ивана Михайловича *Симонова* (род. 20 іюня 1794 † 10 января 1855 года), впослѣдствіи столь извѣстнаго профессора астрономіи въ нашемъ университетѣ и ректора по назначенію отъ правительства въ теченіе десяти лѣтъ. Математическими свѣдѣніями и любовью къ астрономіи, получившею полное

ссылаясь на то, что онъ вовсе не имѣетъ свѣдѣній въ коммерческихъ наукахъ, что въ библіотекѣ почти вовсе нѣтъ книгъ, нужныхъ для преподаванія технологіи, что въ университетѣ нѣтъ ни моделей, ни чертежей машинъ, а въ уставѣ не назначено для технологіи ни особенной лабораторіи, ни особливой суммы для опытовъ, что онъ не видалъ ни фабрикъ, ни заводовъ, что для профессора технологіи нужны практическія свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя путешествіемъ, что онъ всегда болѣе занимался химіей и имѣетъ въ ней гораздо болѣе познаній, чувствуетъ къ ней добровольное влеченіе, «почему было бы противъ честности выбрать мнѣ то мѣсто изъ двухъ, которое я могу занимать съ меньшею исправностью». А. Лобачевскій просилъ совѣтъ, если нельзя имѣть втораго адъюнкта по химіи, только *титла, чина и другихъ правъ адъюнкта* и соглашался довольствоваться своимъ магистерскимъ окладомъ. На ходатайство объ этомъ совѣта, министръ отвѣчалъ отказомъ. Лобачевскій рѣшился тогда заняться технологіей и съ этою цѣлью получилъ лѣтомъ 1817 года полугодовой отпускъ для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній въ С.-Петербургъ, гдѣ и былъ 29 октября утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта технологіи. На другой годъ, согласно представленію попечителя, Главное Правленіе Училищъ разрѣшило А. Лобачевскому двухлѣтнее путешествіе по Сибири «для обозрѣнія и описанія горныхъ заводовъ и сдѣланія подробныхъ замѣчаній о самой Сибири, касательно металлургіи и минералогіи». Ему отпускалось въ годъ сверхъ жалованья по 1000 р. Изъ этого путешествія А. Лобачевскій воротился въ Казань 24 ноября 1820 года. Путешествіе длилось два года и доходило до Иркутской губерніи. Лобачевскій писалъ рапорты, представлялъ подробныя записки о томъ какъ онъ осматривалъ, ревизовалъ и открывалъ училища. Въ печати изъ всей этой дѣятельности Лобачевскаго не появилось ничего, да и въ бумагахъ архивныхъ не всѣ рапорты и записки въ цѣлости. Слѣды этого путешествія однако остались въ университетѣ въ большомъ количествѣ минераловъ (числомъ до 2500), собранныхъ Лобачевскимъ въ Сибири и частію присланныхъ, частію привезенныхъ съ собою. Между ними встрѣчались въ то время нѣкоторые особенные виды породъ или даже особенныя породы, иногда совсѣмъ не опредѣленныя въ системѣ минералогіи. «Большая часть сихъ минераловъ стоила мнѣ чрезвычайныхъ

удовлетвореніе въ лекціяхъ Литтрова, Симоновъ первоначально обязанъ былъ Бартельсу, который принималъ въ немъ самое живое участіе. Рекомендуя Симонова попечителю, Бартельсъ писалъ, что онъ отличается какъ прилежаніемъ, такъ и особенными дарованіями, даже математическимъ геніемъ. Симоновъ былъ сыномъ купца изъ города Гороховца Владимірской губерніи, но учился въ Астрахани, гдѣ торговалъ его отецъ, и по окончаніи тамъ гимназическаго курса поступилъ въ студенты Казанскаго университета въ декабрѣ 1808 года. Отецъ его умеръ около этого времени, оставивъ жену и нѣсколько человѣкъ дѣтей безъ всякихъ средствъ. Симоновъ не поступилъ на казенный счетъ, но къ окончанію курса нужно было увольненіе отъ того общества, въ которомъ Симоновъ былъ записанъ чтобъ остаться при университетѣ, а въ то время сдѣлать это было не легко. Яковкинъ, по просьбѣ Бартельса, и самъ любя Симонова, устроилъ однако скоро это дѣло и Симоновъ въ концѣ 1811 года былъ возведенъ въ степень магистра и оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. „Жалко будетъ, писалъ Яковкинъ къ попечителю передъ производствомъ Симонова въ магистры, ежели университетъ лишится въ немъ достойнаго

и изнурительнѣйшихъ трудовъ, пишетъ Лобачевскій, каковые долженъ употребить на то и всякій, кто бы захотѣлъ собрать ихъ съ такою же точностію, съ какою собраны они мною; а многіе изъ нихъ или получены мною за деньги или, весьма цѣнные подарены мнѣ моими друзьями». Преподаваніе технологіи Лобачевскимъ продолжалось только два года. Въ началѣ 1823 года А. Лобачевскій вышелъ въ отставку по собственному желанію. Повидимому онъ разсчитывалъ на болѣе выгодную частную практическую дѣятельность въ качествѣ технолога. Нѣкоторое время онъ управлялъ мѣдоплавильнымъ заводомъ гг. Осокиныхъ, а въ 1827—1837 годахъ арендовалъ ихъ же суконную фабрику въ Казани. «Это десятилѣтіе было самымъ невыносимымъ временемъ для суконщиковъ, говоритъ авторъ статьи «Какъ добились себѣ воли казанскіе суконщики» (*Первый шагъ*, сборникъ, Каз. 1876. стр. 427—428). Арендаторъ имѣлъ крутой и необузданный нравъ, и притѣснялъ рабочихъ чрезмѣрною строгостью». Слѣдовательно дѣло шло тутъ вовсе не о новыхъ техническихъ приспособленіяхъ. Лобачевскій имѣлъ отношеніе къ фабрикѣ до ея пожара въ 1848 году, но за тѣмъ былъ безъ дѣла. Человѣкъ безсемейный, онъ велъ совершенно уединенную жизнь, чуждаясь людей и даже брата, въ особенности ненавидя женскій полъ. Онъ умеръ весною 1872 года.

молодаго человѣка, подающаго пріобрѣтенными успѣхами весьма лестную надежду, поелику онъ начинаетъ поговаривать о вступленіи въ службу Академіи Наукъ при академикѣ Вишневскомъ, но я все еще удерживаю его надеждою на милостивое ваше къ нему расположеніе“ (16 окт. 1811 года). Яковкинъ вообще принималъ въ Симоновѣ живое участіе; два года съ половиною, изъ участія къ его бѣдности, онъ держалъ его у себя неоффиціально на казенномъ содержаніи, что и давало возможность Симонову искать мѣста по окончаніи курса у академика Вишневскаго. Въ 1811 году онъ и Лобачевскій дѣлали, подъ руководствомъ и въ присутствіи проф. Литтрова, наблюденія надъ кометою того года (1), за что они получили особую благодарность отъ попечителя. Румовскій, интересуясь какъ спеціалистъ успѣхами Симонова въ астрономіи, присылалъ ему изъ Петербурга разныя задачи. Такъ въ концѣ 1811 года Симоновъ доставилъ попечителю чрезъ Яковкина „повѣрки квадранта и выкладки о ускореніи часовъ противъ средняго времени“. Въ 1813 году магистръ Симоновъ уже преподавалъ физику для чиновниковъ, желающихъ получить чинъ коллежскаго ассесора, согласно указу 1809 года, а въ 1814 году получилъ званіе адъюнкта астрономіи. При Литтровѣ Симоновъ преподавалъ: 1) *основанія практической геометріи и геодезіи*, а зимою для студентовъ занимающихся астрономіею 2) *высшую геодезію* по сочиненію Пюиссана и способъ исчисленія для опредѣленія долготы и широты мѣстъ (1814—1815 и 1815—1816). Съ 1816 года, послѣ отъѣзда Литтрова изъ Казани, Симоновъ, утвержденный вмѣстѣ съ Н. И. Лобачевскимъ министромъ, безъ выбора совѣтскаго, въ званіи экстраординарнаго профессора, читалъ астрономію до 1845 года, когда сдѣлался ректоромъ университета. Въ 1817 году Симоновъ провелъ полгода въ коммандировкѣ въ С.-Петербургѣ съ цѣлью усовершенствовать себя въ практической астрономіи (по уставу 1804 года было два профессора на этой каѳедрѣ: профессоръ астрономъ-наблюдатель и профессоръ теоретической астрономіи) и работалъ на академической обсерваторіи, подъ руководствомъ академиковъ Шуберта и Вишневскаго; послѣдній зналъ его еще студентомъ. Во время отсутствія Симонова, Бартельсъ обра-

(1) Напечатаны въ *Каз. Извѣстіяхъ* 1811 г. № 21.

тился въ совѣтъ съ просьбою о томъ, чтобъ ему, сверхъ занимаемой имъ каѳедры чистой математики, предоставлено было преподаваніе и *теоретической астрономіи*, которую онъ и прежде, до пріѣзда Литтрова (1808—1810 гг.), преподавалъ. Совѣтъ вполнѣ согласился на это и представилъ о порученіи Бартельсу этой каѳедры „съ положеннымъ по уставу жалованьемъ". Противъ этого ходатайства возсталъ тогдашній попечитель Салтыковъ, мотивируя свое возраженіе тѣмъ, что Симоновъ до того времени преподавалъ обѣ астрономіи, что отдѣленіе одной каѳедры отъ другой можетъ имѣть вредныя послѣдствія, такъ какъ „разные профессоры могутъ имѣть разные методы преподаванія и тѣмъ затруднить понятіе и успѣхъ слушателей" и наконецъ тѣмъ существенно важнымъ обстоятельствомъ, что Симоновъ будетъ преподавать астрономію на русскомъ языкѣ, а Бартельсъ объясняется на иностранныхъ языкахъ. Мнѣніе попечителя въ Главномъ Правленіи Училищъ принято было въ уваженіе и Симонову поручено было преподаваніе и теоретической астрономіи, сверхъ практической. Совѣту осталось только „принять къ исполненію", но онъ все же донесъ попечителю, что Бартельсъ употреблялъ въ своихъ преподаваніяхъ россійскій языкъ, что какъ кажется было не вполнѣ справедливо (1).

Занятія Симонова на академической обсерваторіи и вообще пребываніе его въ Петербургѣ имѣли большое вліяніе на его судьбу и выгодно зарекомендовали его въ глазахъ петербургскихъ ученыхъ и власти. По представленію Академіи Наукъ въ 1819 году, чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, Симоновъ съ Высочайшаго соизволенія былъ назначенъ въ качествѣ астронома-наблюдателя

---

(1) На другой годъ Бартельсъ, по смерти учителя Ибрагимова, получилъ въ Казанской гимназіи *высшій математическій классъ*, съ содержаніемъ въ 1100 р. ежегодно. Какъ кажется, это исканіе стороннихъ преподаваній мѣшало Бартельсу въ его собственной производительности, которая началась только по переѣздѣ въ Дерптъ. Нѣкоторые изъ иностранныхъ профессоровъ не пренебрегали лишнимъ вознагражденіемъ. Такъ Браунъ, уже будучи ректоромъ, хлопоталъ с вознагражденіи себя за исполненіе въ теченіе десяти лѣтъ, должности прозектора по 800 р. за каждый годъ, а мы видѣли насколько онъ нуждался въ прозекторѣ при преподаваніи анатоміи.

въ извѣстную морскую экспедицію къ южному полюсу, подъ начальствомъ Беллинсгаузена и Лазарева. Экспедиція отправилась изъ Кронштадта 3 іюля 1819 года, а воротилась 24 іюля 1821 года. Въ теченіе этого двухлѣтняго путешествія, простиравшагося до 70° Ю. Ш., Симоновъ усердно дѣлалъ астрономическія наблюденія и краткій отчетъ о своихъ занятіяхъ представилъ совѣту университета, а наблюденія и результаты своего путешествія изложилъ въ двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ торжественныхъ собраніяхъ университета ([1]), которыя тогда же были напечатаны. Для университетскихъ музеевъ Симоновъ принесъ въ даръ нѣсколько вещей изъ Новой Зеландіи, Отаити, съ острововъ Фиджи и другихъ мѣстъ. Этими подарками, какъ извѣстно, воспользовался Магницкій для доказательства своихъ излюбленныхъ идей ([2]). Впрочемъ главная уче-

([1]) «Слово объ успѣхахъ плаванія шлюповъ Востока и Мирнаго около свѣта и особенно въ Южномъ Ледовитомъ морѣ». Каз. 1822, 8°, съ эпиграфомъ изъ Давидовыхъ Псалмовъ, поставленнымъ въ угоду новому университетскому направленію и «О разности температуры въ южномъ и сѣверномъ полушаріи». 1825. Въ рукописяхъ осталась еще большая поэма, заключающая въ себѣ стихотворное описаніе плаванія, подъ названіемъ «Востокъ» (по имени шлюпа). Она написана довольно гладкими для того времени стихами и служитъ свидѣтельствомъ значительнаго литературнаго образованія Симонова. И потомъ Симоновъ, въ описаніяхъ своихъ путешествій и нѣкоторыхъ мелкихъ статьяхъ, заботился о литературной отдѣлкѣ. Описанія явленій природы у него напоминаютъ манеру Бернарденъ де Сенъ-Пьера и Шатобріана. Этихъ писателей Симоновъ усердно читалъ.

([2]) Магницкій тотчасъ послѣ ревизіи въ отчетѣ своемъ о ней называлъ Симонова «молодымъ человѣкомъ, отличнымъ познаніями и поведеніемъ, подающимъ самую большую надежду на будущее время», а по возвращеніи изъ экспедиціи весьма любилъ его. Если можетъ быть Симоновъ и принадлежалъ къ разряду *искательныхъ людей*, то онъ не игралъ однако никакой выдающейся роли въ попечительство Магницкаго, подобно другимъ. Нѣсколько строкъ относящихся къ нему въ «Воспоминаніяхъ В. И. Панаева» (*Вѣстникъ Европы* 1867 г. т. IV, стр. 103), гдѣ Симоновъ выставленъ не совсѣмъ въ привлекательномъ свѣтѣ, едва ли могутъ быть справедливы. Въ это время Симоновъ былъ вполнѣ самостоятеленъ и не былъ *облагодѣтельствованъ* Магницкимъ. Воспоминанія Панаева, тенденціозность которыхъ не разъ была замѣчена въ литературѣ, имѣютъ цѣлью между прочимъ представить автора ихъ главнымъ виновникомъ паденія Магницкаго.

ная и литературная дѣятельность этого казанскаго профессора, имя котораго сдѣлалось извѣстнымъ ученой Европѣ, его путешествія, его литературные труды, знакомства съ свѣтилами науки въ Европѣ, постройка обсерваторіи два раза (1833-1837) и потомъ послѣ пожара (1843-1847), его ректорство, его отношенія къ молодому поколѣнію, отличавшіяся благодушіемъ,—вся эта любопытная жизнь можетъ найти настоящее мѣсто только на позднѣйшихъ страницахъ нашего разсказа (¹).

Воротившись изъ кругосвѣтнаго плаванія, Симоновъ уже не засталъ въ Казани своего перваго учителя. Въ 1820 году Бартельсъ получилъ приглашеніе изъ Дерпта занять тамъ вакантную послѣ смерти Гута каѳедру чистой и прикладной математики и принялъ его. Мы не знаемъ, какія собственно обстоятельства и отношенія заставили Бартельса оставить Казань, къ которой онъ привыкъ въ теченіе двѣнадцатилѣтней жизни въ ней, гдѣ онъ пользовался большимъ уваженіемъ (со времени открытія университета въ 1814 году Бартельсъ постоянно былъ деканомъ физико-математическаго отдѣленія), гдѣ преподаваніе его, по собственному разсказу, имѣло такой значительный успѣхъ посреди цѣлой группы внимательныхъ и даровитыхъ слушателей, но должны однако сказать, что впослѣдствіи объяснимъ подробнѣе, что послѣдніе годы его казанской жизни не походили на первые. Въ 1812 году умеръ Румовскій, цѣнившій научныя достоинства Бартельса, лично уважавшій его, принимавшій самое живое участіе въ его дѣятельности, какъ

(¹) Четвертый рекомендованный Бартельсомъ слушатель его былъ Андрей Васильевичъ *Кайсаровъ*, старшій между своими сверстниками (1784—1855). Онъ стоитъ въ спискѣ первыхъ студентовъ, поступившихъ въ университетъ при его основаніи. Въ 1811 году онъ былъ уже магистромъ физико-математическихъ наукъ. «Магистръ Кайсаровъ, пишетъ о немъ Бартельсъ, весьма достойный человѣкъ, который *недостатокъ свой въ дарованіяхъ къ математикѣ замѣняетъ прилежаніемъ*. Г. профессоръ Яковкинъ весьма благоразумно предложилъ его для преподаванія физики на россійскомъ языкѣ, подъ руководствомъ проф. Броннера». Эти слова Бартельса вполнѣ справедливы. Кайсаровъ не пошелъ дальше званія адъюнкта физики, которое онъ получилъ въ 1820 году, въ наукѣ остался неизвѣстенъ, не напечаталъ ничего, читалъ лекціи не дававшія званій и безполезныя, но несъ много должностей при университетѣ, исполняя ихъ съ добросовѣстнымъ сознаніемъ долга. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ начальникомъ университетской типографіи и ктиторомъ церкви.

человѣка науки и какъ преподавателя. У новаго попечителя Салтыкова не было ни научныхъ заслугъ, ни даже стремленія въ умственной дѣятельности къ какой либо сферѣ; въ его отношеніяхъ къ университету проглядывала скорѣе всего нелюбовь къ иностранному элементу, своею численностью далеко превосходившему русскія силы,—чувство извинительное, но не вполнѣ удобное въ международной области науки. Близкіе къ Бартельсу и вполнѣ достойные люди, какъ Френъ, Литтровъ, Броннеръ еще раньше его оставили Казань. Бартельсъ былъ свидѣтелемъ ревизіи Магницкаго и потомъ такъ называемаго *преобразованія* университета, совершенно измѣнившаго его. Хотя Магницкій не могъ не признать заслугъ Бартельса (онъ называлъ его въ своемъ отчетѣ „человѣкомъ отлично знающимъ"), но цѣнить эти заслуги былъ не въ состояніи; онъ не видалъ даже успѣховъ въ его преподаваніи. „Онъ кажется лучше могъ бы быть академикомъ, чѣмъ преподавателемъ"—писалъ Магницкій и искалъ въ профессорѣ того, что называлось имъ *нравственными достоинствами*. Не дѣятельность въ чистой и свободной области духа выдвигала теперь въ университетѣ впередъ человѣка, а другія дѣянія, другія свойства; нравственныя понятія спутались; лицемѣріе, ханжество, наушничество, доносы, ненависть къ уму и презрѣніе къ наукѣ стали ставить въ достоинство профессору. Безъ сомнѣнія все это хорошо понималъ Бартельсъ и это пониманіе было причиною того, что онъ уѣхалъ изъ Казани съ легкимъ сердцемъ, если не на нѣмецкую родину, гдѣ теперь, послѣ освободительныхъ войнъ, было уже меньше поводовъ къ экспатріаціи, то все же въ нѣмецкій городъ.

Разсказанное нами о Бартельсѣ въ Казани имѣло цѣлью показать и общія и частныя причины успѣха преподаванія математики въ Казанскомъ университетѣ. Пришлось коснуться отчасти и школы, т. е. учениковъ Бартельса, хотя ихъ дѣятельность переходитъ въ другое время. Бартельсомъ мы пока прерываемъ біографическую часть нашего разсказа и обращаемся къ другимъ сторонамъ первоначальной жизни университета.

(Продолженіе слѣдуютъ).

ОТДѢЛЪ

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

О ЗАКОНѢ
СОХРАНЕНІЯ ЭНЕРГІИ.

Глава I.

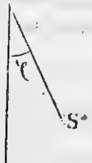
Теорема о работѣ и живой силѣ.

§ 1.

Въ общежитіи съ понятіемъ о работѣ связываютъ понятіе о приложеніи нѣкотораго усилія, для преодолѣнія на извѣстномъ протяженіи извѣстнаго сопротивленія. Въ этомъ смыслѣ напр. называютъ работой пиленіе дерева, поднятіе груза на высоту и т. д.

Научно работа опредѣляется какъ произведеніе нѣкоторой силы F на путь s, пройденный ея точкой приложенія, предполагая, что перемѣщеніе послѣдней происходитъ по линіи, указывающей направленіе самой силы. Это произведеніе Fs есть работа силы F и обозначается иногда символомъ T (F). Если направленія силы и перемѣщенія точки приложенія не совпадаютъ, а дѣлаютъ между собой нѣкоторый уголъ φ, (Черт. 1), то работа будетъ $T(F) = F.s.cs\varphi$.

Черт. 1.

Легко видѣть, что это послѣднее опредѣленіе общѣе, и заключаетъ въ себѣ первое какъ частный случай, (именно случай $\varphi = 0$).

Если перемѣщеніе происходитъ перпендикулярно къ силѣ, т. е. если $\varphi = 90°$, то при этомъ сила не производитъ работы. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ $cs\varphi = 0$, а слѣд. и $T(F) = 0$.

Произведенiе Fs csφ можно разсматривать двояко: во первыхъ какъ F (s csφ), т. е. произведенiе силы на проложенiе пути s на направленiе силы, во вторыхъ какъ (Fcsφ). s, т. е. произведенiе пути s на проложенiе силы, или, что тоже самое, произведенiе пути s на слагающую силы, направленную по направленiю перемѣщенiя. Если мы силу F разложимъ на двѣ слагающихъ, одну по направленiю s, равную Fcsφ, и другую перпендикулярную, Fsnφ, то работа послѣдней будетъ равна нулю, и вся работа Fcsφ. s выпадетъ на долю первой.

Во всѣхъ высказанныхъ выше положенiяхъ мы предполагали, что сила F постоянна, т. е., что она имѣетъ одну и ту же величину во всѣхъ точкахъ пути s, и что она не мѣняетъ направленiя, т. е., что csφ также остается постояннымъ. Если эти условiя не будутъ выполнены, то мы весь путь s можемъ разбить на малыя части Δs, такiя, чтобы силу F и уголъ φ на протяженiи каждаго участка пути Δs можно было считать постоянными. Обозначимъ черезъ F_1 φ_1, F_2 φ_2 и т. д. соотвѣтственныя величины F и φ на участкахъ 1-мъ, 2-мъ и т. д.; прилагая къ каждому участку предъидущее опредѣленiе, имѣемъ для общей величины T работы.

$$T = F_1 \operatorname{cs}\varphi_1 \, \Delta s + F_2 \operatorname{cs}\varphi_2 \, \Delta s + \cdots$$

или

$$T = \Sigma \, F \operatorname{cs}\varphi \, \Delta s.$$

Въ предѣлѣ, когда Δs безконечно мало, имѣемъ $T = \int F \operatorname{cs}\varphi \, ds$, причемъ интегралъ распространяется на всю длину пути s. Понятно, что величины F и φ должны быть таковы, чтобы ихъ можно выразить какъ функцiи одного только s, или вообще всѣ величины, стоящiя подъ знакомъ интеграла, какъ функцiи одного перемѣннаго, иначе самый интегралъ не будетъ имѣть никакого опредѣленнаго смысла.

Перемѣщенiе точки приложенiя можетъ происходить либо въ ту сторону, куда дѣйствуетъ сила F, или слагающая Fcsφ, либо въ сторону противоположную. Отсюда ясно, что работа есть величина имѣющая извѣстный *знакъ*, ибо мы можемъ себѣ представить два рода работы, въ извѣстномъ смыслѣ другъ другу противуположные, и взаимно уничтожающiеся. Знакъ работы, также какъ и знакъ вся-

кой другой величины, есть дѣло условное. Мы условимся называть *положительной* работой силы F такую, при которой перемѣщеніе происходитъ по направленію самой силы F или слагающей Fcsφ, *отрицательной* работой силы F, или работой *противъ силы* F, такую, при которой перемѣщеніе происходитъ въ противоположную сторону. Тоже самое можно выразить и иначе: мы можемъ сказать, что работа будетъ положительная, когда уголъ φ острый, а отрицательная, когда онъ будетъ тупой; легко видѣть, что это опредѣленіе сводится къ предъидущему; произведеніе Fcsφ будетъ отрицательное, если φ тупой уголъ, ибо косинусъ тупаго угла есть отрицательная величина.

Самый типическій примѣръ работы есть поднятіе и опусканіе нѣкотораго груза. Въ самомъ дѣлѣ дѣйствіе тяжести на тѣло можно себѣ представить въ видѣ системы паралельныхъ силъ, приложенныхъ къ отдѣльнымъ частицамъ тѣла и направленныхъ вертикально внизъ. Силы эти можно замѣнить одной равнодѣйствующей, равной вѣсу тѣла, и приложенной въ опредѣленной точкѣ, называемой центромъ тяжести. При движеніи тѣла, сопровождаемомъ перемѣщеніемъ центра тяжести, будетъ слѣдовательно перемѣщатся точка приложенія силы тяжести, и слѣдовательно будетъ происходить работа. При опусканіи груза тяжесть будетъ совершать положительную работу, при поднятіи будетъ происходить работа противъ силы тяжести.

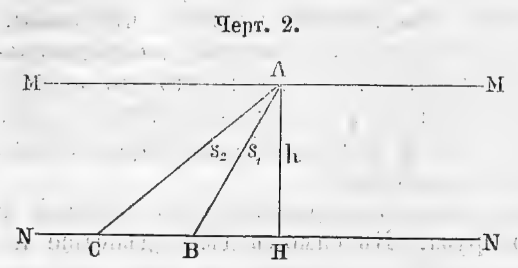
За единицу силы можно принять килограммъ, т. е. вѣсъ одного кубическаго дециметра воды при 4° Цельзія; если за единицу длины принять метръ, то единица работы будетъ произведеніе этихъ двухъ величинъ; это будетъ слѣдовательно работа при опусканіи одного килограмма съ высоты одного метра. Единица эта носитъ названіе *килограмметра* (kgmt). Работу въ 10 kgmt можно понимать или какъ опусканіе 1 kg съ высоты 10 м., или какъ опусканіе 10 kg съ высоты одного метра, или 5 kg съ 2 метровъ и т. д.

Если мы игнорируемъ вращательное движеніе, которое можетъ имѣть твердое тѣло конечныхъ размѣровъ, и сосредоточимъ наше вниманіе исключительно на движеніи поступательномъ, то мы въ большинствѣ случаевъ можемъ значительно упростить разсужденія, если представимъ себѣ всю массу тѣла сосредоточенной въ его центрѣ тяжести, кото-

рый такимъ образомъ является *матерьяльной точкой*, коей масса равна массѣ всего тѣла.

Докажемъ слѣдующую теорему: *Если матерьяльная тяжелая точка опускается съ уровня MM до уровня NN*, (Черт. 2), *то работа силы тяжести при этомъ всегда одна и та же, какоъ бы ни былъ путь проходимый точкой*; она равна вѣсу точки, умноженному на разность высоты уровней.

Черт. 2.

Предположимъ спачала путь прямолинейнымъ; назовемъ h, s_1, s_2 длины перпендикуляра AH и наклонныхъ AB и AC, дѣлающихъ съ AH углы $BAH = \varphi_1$ и $CAH = \varphi_2$.

Если F есть вѣсъ точки, то работа въ первомъ случаѣ выразится черезъ Fh, во 2-мъ и 3-мъ черезъ $Fs_1 cs\varphi_1$ и $Fs_2 cs\varphi_2$; но изъ чертежа видно, что $s_1 cs\varphi_1 = h$ и также $s_2 cs\varphi_2 = h$; слѣд. $Fs_1 cs\varphi_1 = Fs_2 cs\varphi_2 = Fh$, что и требовалось доказать.

Если бы путь былъ криволинейный, то рядомъ уровней можно бы было разбить его на части, изъ коихъ каждую по малости ея, безъ большой погрѣшности, можно бы было считать за прямолинейную. Тогда къ каждой части примѣнялась бы предъидущая теорема. Суммируя работы, соотвѣтствующія прохожденію точкой каждой отдѣльной части ея пути, мы получили бы въ итогѣ работу, равную вѣсу точки, умноженному на разность высотъ начальнаго и конечнаго уровня.

И такъ работа при перемѣщеніи точки зависитъ лишь отъ ея начальнаго и конечнаго положенія; она не зависитъ ни отъ пути, проходимаго точкой, ни отъ времени, въ теченіи котораго она проходила этотъ путь, ибо время ни прямо ни косвенно не входило въ предъидущія разсужденія.

Въ аналитической механикѣ таже теорема доказывается въ болѣе общемъ видѣ, для произвольнаго числа точекъ, и для силъ непостоянныхъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что примѣнимость ея подлежитъ нѣкоторому ограниченію, о коромъ будетъ сейчасъ сказано. Если мы представимъ себѣ

такъ наз. матерьяльную систему, состоящую изъ нѣкотораго числа матерьяльныхъ точекъ, между которыми дѣйствуютъ силы, то, при перемѣщеніи точекъ, силы, приложенныя къ нимъ, совершатъ работу. Названная общая теорема выражаетъ, что общая величина этой работы, т. е. алгебраическая сумма работъ всѣхъ силъ, приложенныхъ къ отдѣльнымъ точкамъ системы, зависитъ лишь отъ начальнаго и конечнаго распредѣленія точекъ системы.

Но для примѣнимости этой теоремы необходимо, чтобы силы, дѣйствующія въ системѣ, удовлетворяли слѣдующему условію. Онѣ должны быть направлены по прямымъ, соединяющимъ точки, и зависѣть только отъ ихъ взаимныхъ разстояній. Такого рода силы, по предложенію Гельмгольца, называются *центральными*. Если бы напротивъ силы зависѣли напр. отъ времени или отъ скоростей точекъ, то теорема не имѣла бы мѣста.

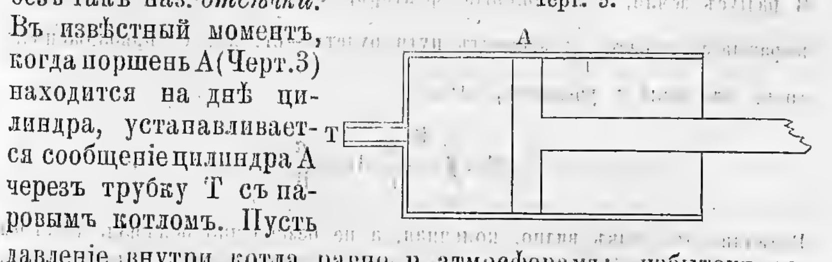
Впослѣдствіи мы увидимъ важное значеніе этого ограниченія.

Постоянная сила тяжести, которую мы разсматривали въ нашихъ примѣрахъ, есть частный случай центральныхъ силъ. Мы должны представлять себѣ ее исходящей изъ центра земли, безконечно удаленнаго, сравнительно съ размѣрами разсматриваемыхъ нами перемѣщеній, и потому не мѣняющей замѣтно своей величины на протяженіи этихъ перемѣщеній.

Для уясненія предшествующаго прилагаемъ нѣсколько задачъ.

Задача 1. Вычислить работу пара въ паровой машинѣ, при каждомъ прохожденіи поршня по всей длинѣ цилиндра. Мы предполагаемъ машину простѣйшаго устройства, безъ такъ наз. *отсѣчки.*

Черт. 3.

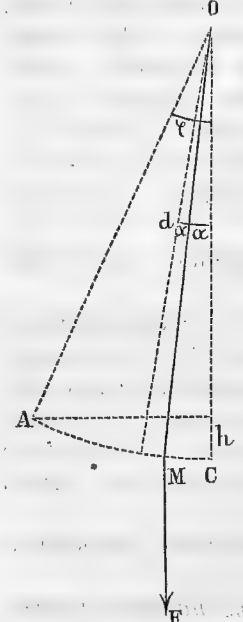

Въ извѣстный моментъ, когда поршень А (Черт. 3) находится на днѣ цилиндра, устанавливается сообщеніе цилиндра А черезъ трубку Т съ паровымъ котломъ. Пусть давленіе внутри котла равно n атмосферамъ; избытокъ давленія надъ внѣшнимъ слѣдовательно равенъ n—1 атмосф.,

поверхность поршня пусть будетъ q квадр. цент., путь проходимый имъ l метровъ. Одна атмосфера давитъ на квадр. цент. съ силой въ 1,033 килограммовъ, слѣд. сила, съ которой паръ будетъ давить на весь поршень, будетъ (n—1). 1,033 q. килограммовъ; работа (n—1). 1,033. q. l килограмметровъ.

Задача 2. Работа тяжести при качаніи маятника. Пусть будетъ F (Черт. 4) вѣсъ матерьяльной точки M, повѣшенной на нити, l длина послѣдней, φ наибольшій уголъ отклоненія маятника Обозначимъ черезъ α уголъ, который дѣлаетъ съ отвѣсомъ маятникъ въ нѣкоторомъ произвольно выбранномъ промежуточномъ положеніи. Слагающая тяжести, дѣйствующая по направленію движенія, будетъ, какъ видно изъ чертежа, $Fcs\,(90^0-\alpha)$ или $Fsn\alpha$. Элементъ дуги ds можно выразить чрезъ $-ld\alpha$, ибо уголъ α убываетъ при движеніи маятника внизъ. Работа для половины размаха будетъ

Черт. 4.

$$T=\int_{\varphi}^{0} -F.\,Sn\alpha\, l\, d\alpha = Fl.\int_{0}^{\varphi} Sn\,\alpha\, d\alpha = Fl\,(1-cs\varphi)$$

или $T=Fh$. Мы видимъ здѣсь слѣдовательно подтвержденіе на частномъ случаѣ теоремы, уже доказанной выше.

Задача 3. Тяжелая точка падаетъ на поверхность земли съ безконечной высоты. Вычислить работу силы тяжести, принимая, что послѣдняя измѣняется по закону Ньютона. Пусть r обозначаетъ разстояніе точки отъ центра земли, R радіусъ земли, a постоянный факторъ; сила дѣйствующая на точку выражается черезъ $\frac{a}{r^2}$; элементъ пути будетъ—dr, ибо съ приближеніемъ точки къ землѣ r убываетъ, слѣд.

$$T=\int_{\infty}^{R} -\frac{a}{r^2}\,dr = \frac{a}{R}$$

Величина эта, какъ видно, конечная, а не безконечно большая. Если бы вообще притяженіе происходило обратно пропорціонально n-ной степени разстоянія, (выражалось бы черезъ $\frac{a}{r^n}$), то разсужденіемъ, во всемъ сход-

нымъ съ предъидущимъ, можно бы было убѣдится, что работа была бы величина конечная, если только n число большее единицы.

§ 2.

Всякая машина состоитъ изъ двигателя и механизма.

Двигатель доставляетъ машинѣ опредѣленный запасъ работы. Помощью его во первыхъ производится, при посредствѣ механизма, то полезное дѣйствіе, для котораго машина предназначена, а во вторыхъ преодолѣвается треніе самихъ частей механизма. Оба эти дѣйствія представляютъ нѣкоторую отрицательную работу, работу противъ силъ, называемыхъ сопротивляющимися.

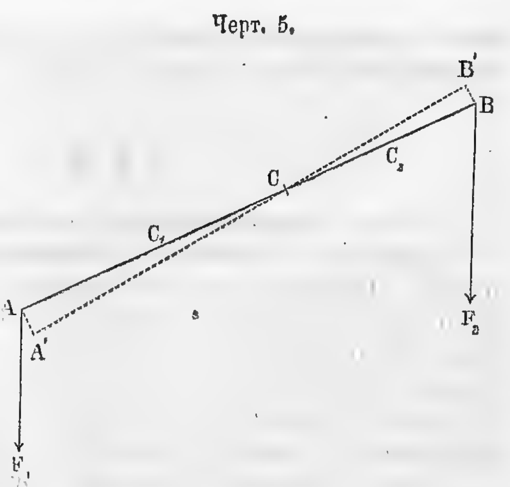
Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ машина пущена въ ходъ, уставливается равномѣрное движеніе всѣхъ отдѣльныхъ ея частей (*). Но извѣстно, что равномѣрное движеніе, какъ поступательное, такъ и вращательное, можетъ быть только тогда, когда всѣ силы, приложенныя къ тѣлу, взаимно уравновѣшаны. Потому силы „двигающія“ и „сопротивляющіяся“, приложенныя къ какой либо части механизма, должны взаимно уравновѣшиваться, или, что все равно, дѣло должно происходить такъ, какъ будто никакая сила не была приложена къ этой части механизма. Но если нѣтъ силы то нѣтъ и работы, т. е. общій итогъ работы равенъ нулю; а такъ какъ каждая изъ силъ въ отдѣльности производитъ работу, то работа силъ двигающихъ и работа силъ сопротивляющихся должны быть равны и противоположны по знаку. Все сказанное нисколько не зависитъ отъ того или другаго устройства механизма.

Изъ предъидущаго ясно, что механизмъ можетъ только преобразовать работу двигателя, замѣнить одну форму ея другою, полезною для человѣка, но никогда не можетъ увеличить запаса работы доставляемаго двигателемъ. Поясимъ

(*) Имѣя въ виду лишь объяснить дѣло на простѣйшемъ примѣрѣ, я неразсматриваю случая періодическаго движенія, которое могутъ имѣть разныя части механизма.

это положеніе примѣромъ простѣйшаго механизма, рычага, къ которому, какъ извѣстно, приводятся теоретически многіе другіе. Предположимъ что рычагъ АВ (черт. 5) движется равномѣрно вокругъ неподвижной оси С. Назовемъ F_1 равнодѣйствующую силъ двигающихъ, а F_2 силъ сопротивляющихся l_1 и l_2 плечи рычага(*); условіе равносѣвія, какъ извѣстно. будетъ $F_1 l_1 = F_2 l_2$. Предположимъ, что рычагъ повернулся въ сторону силы F_1 на весьма малый уголъ $ACA' = \omega$. Докажемъ, что сумма работъ двухъ силъ F_1 и F_2 при этомъ равна нулю; такимъ образомъ будетъ доказано, что рычагъ ничего не прибавляетъ къ запасу работы, доставляемому двигателемъ. Если уголъ ω малъ, то дугу $AA' = l_1 \omega$, представляющую перемѣщеніе точки приложенія силы F_1, можно считать за прямую. Тоже самое можно сказать о дугѣ $BB' = l_2 \omega$. Назовемъ φ уголъ $F_1 AA'$; легко видѣть, что $F_2 BB'$ будетъ равно $180° - \varphi$. Общій итогъ работы Т будетъ:

Черт. 5.

$$T = F_1 \operatorname{cs}\varphi \, l_1 \, \omega + F. \operatorname{cs}(180° - \varphi) \, l_2 \, \omega.$$

Принимая во вниманіе, что $\operatorname{cs}(180° - \varphi) = -\operatorname{cs}\varphi$, имѣемъ

$$T = (F_1 l_1 - F_2 l_2) \operatorname{cs}\varphi . \omega$$

Но такъ какъ вслѣдствіе условія равновѣсія рычага $F_1 l_1 - F_2 l_2 = 0$, то слѣдовательно и $T = 0$.

Вычисленіе работы двигателя въ большинствѣ случаевъ непредставляетъ затрудненія. Возмемъ напр. случай, когда двигателемъ служитъ стремящаяся сверху внизъ вода. Пусть мы имѣемъ прудъ, (запруженную рѣку), гдѣ высота плотины равна h метрамъ. Если въ извѣстный промежутокъ времени рѣка доставитъ n литровъ, т. е. n килограммовъ во-

(*) На чертежѣ они ошибочно обозначены буквами C_1 и C_2.

ды, то вода эта, спускаясь съ высоты h метровъ, представитъ запасъ работы въ nh килограмметровъ. Для выраженія количества работы въ теченіи извѣстнаго времени существуетъ особая единица, называемая *лошадиной силой*. Работа равная 75 килиграмметрамъ въ секунду, есть работа одной лошадиной силы. Двигатель въ 10 силъ обозначаетъ слѣдовательно такой, который въ секунду доставляетъ 750 kgmt работы.

Какая доля работы двигателя можетъ быть утилизирована, и сколько пропадаетъ даромъ, зависитъ отъ устройства механизма. Вопросъ этотъ относится къ области практической механики.

Выше, въ задачѣ 1-й, мы видѣли, какимъ образомъ вычисляется работа пара. Если поршень въ теченіи секунды N разъ пройдетъ взадъ и впередъ по цилиндру, то (сохраняя обозначенія задачи 1-й) мы будемъ имѣть двигатель въ $\frac{(n-1).\,1{,}033.\,q.\,l.\,N}{75}$ лошадиныхъ силъ.

§ 3.

Мы до сихъ поръ разсматривали лишь такіе случаи, гдѣ силы непосредственно и непрерывно приложены къ различнымъ частямъ механизма. Но можно себѣ представить и иного рода случай; пусть напр. двигатель, падающая вода, дѣйствуя на водяное колесо, приводитъ въ вращательное движеніе нѣкоторый валъ A (Черт. 6), снабженный зубцомъ B; послѣдній захватываетъ другой зубецъ C, и поднимаетъ кверху молотъ P. Въ извѣстный моментъ зубецъ B освобождается изъ подъ C, и молотъ падаетъ.

Черт. 6.

Ударами молота можно размельчать руду, ковать желѣзо, вбивать въ грунтъ сваю и т. д. Допустимъ, для большей опредѣленности нашихъ представленій, что дѣйствіе состоитъ въ вбиваніи сваи. Пусть при каждомъ ударѣ молота свая углубляется въ землю на нѣкоторую длину s; назовемъ Q силу, сопротивляющуюся углубленію сваи; тогда, при каждомъ ударѣ, будетъ

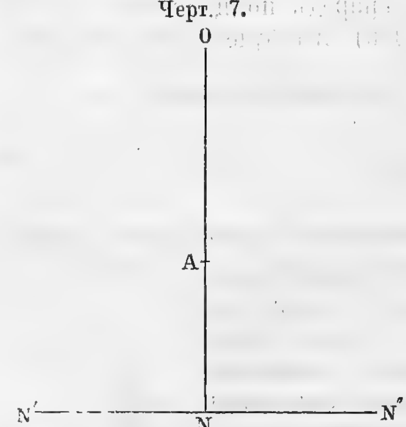
совершаться противъ силы Q работа, равная —Qs. Если бы молотъ просто лежалъ на сваѣ, то онъ своей тяжестью не вдавилъ бы ее въ землю; онъ можетъ произвести свое дѣйствіе, т. е. работу —Qs, только благодаря тому, что онъ не вдавливаетъ, а вколачиваетъ сваю, другими словами потому что масса молота ударяется о нее съ нѣкоторой скоростью.

Съ другой стороны при паденіи молота тяжесть совершаетъ положительную работу, благодаря которой масса молота пріобрѣтаетъ свою скорость, и получаетъ въ свою очередь способность произвести работу —Qs противъ силы Q.

Такимъ образомъ является понятіе о массѣ, движущейся съ нѣкоторой скоростью, какъ о величинѣ такъ сказать однородной съ работой.

Разсмотримъ этотъ вопросъ подробнѣе. Представимъ себѣ, что вся масса молота сосредоточена въ его центрѣ тяжести, т. е. вообразимъ себѣ нѣкоторую матеріальную тяжелую точку P (Черт. 7), которая падаетъ подъ дѣйствіемъ силы тяжести. Назовемъ m массу точки P, разсмотримъ ея движеніе начиная съ нѣкоторой точки O, гдѣ она въ моментъ $t=0$ имѣетъ скорость v_0, направленную по линіи OA. Пусть въ моментъ t она находится въ точкѣ A, имѣя скорость v и пройдя путь $OA=s$; такъ какъ движеніе точки P происходитъ подъ дѣйствіемъ постоянной силы, направленной по линіи движенія, то оно, какъ извѣстно, будетъ равномѣрно измѣненное и выразится уравненіями

Черт. 7.

$$s=v_0 t+\frac{gt^2}{2} \quad \ldots\ldots\ldots (1)$$

$$v=v_0+gt \quad \ldots\ldots\ldots (2)$$

гдѣ g ускореніе тяжести.

Назовемъ F вѣсъ точки; припоминая, что онъ равенъ произведенію массы ея m на ускореніе g, напишемъ тождество

$$Fs=mgs \quad \ldots\ldots\ldots (3)$$

Выразимъ посредствомъ ур. (1) а (2) величину s помимо t, и внесемъ въ ур. (3). Изъ ур. (2) имѣемъ $t = \frac{v - v_0}{g}$, внося въ (1) получаемъ

$$s = \frac{v_0 (v - v_0)}{g} + g \frac{(v - v_0)^2}{2 g^2}$$

$$s = \frac{v^2 - v_0^2}{2 g}$$

Внося въ (3) $Fs = \frac{mv^2}{2} - \frac{mv^2_0}{2}$ . . . . . . (4)

Величина $\frac{mv^2}{2}$ называется *живой силой* или *кинетической энергіей* (*) точки P; эта живая сила соотвѣтствуетъ моменту t, когда точка находится въ A. Точно также $\frac{mv^2_0}{2}$ есть живая сила въ моментъ $t = 0$, когда точка находится въ 0. Итакъ *работа силы F на протяженіи пути s равна приращенію живой силы на томъ же протяженіи.*

Въ этомъ заключается извѣстная *теорема живыхъ силъ* для разсмотрѣннаго нами частнаго случая тѣла, падающаго подъ дѣйствіемъ постоянной силы тяжести.

Если скорость v_0 направлена къ низу, то тѣло будетъ продолжать двигаться внизъ съ возрастающею скоростью, т. е. мы будемъ всегда имѣть $v > v_0$, и приращеніе живой силы $\frac{mv^2}{2} - \frac{mv_0^2}{2}$ будетъ величина положительная; изъ этого слѣдуетъ, что Fs также должно быть положительнымъ; и въ самомъ дѣлѣ мы видѣли, что паденіе тѣла сопровождается положительной работой силы тяжести. Напротивъ если начальная скорость v_0 направлена кверху, то $v < v_0$; $\frac{mv^2}{2} - \frac{mv_0^2}{2}$ и Fs будутъ величины отрицательныя, до тѣхъ поръ точка не достигнетъ своего наивысшаго положенія.

Такъ какъ приравнивать можно только однородныя величины, то изъ предъидущихъ ур. слѣдуетъ, что живая

(*) Слово энергія нужно понимать въ смыслѣ способности производить работу. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ, молотъ вколачиваетъ сваю благодаря его кинетической энергіи. Нѣкоторые авторы называютъ живой силой не половину mv^2, а самое mv^2.

сила выражается въ тѣхъ же единицахъ какъ работа, (въ килограмметрахъ).

Въ § 1 мы доказали, что величина работы въ случаѣ тяжести зависитъ лишь отъ начальнаго и конечнаго положенія (или уровня), въ которомъ находится точка, но не отъ пути проходимаго ею. Отъ того же самаго очевидно должна зависѣть и вторая часть ур. (4), выражающая приращеніе живой силы. Абсолютная величина живой силы $\frac{mv^2}{2}$, которую можно разсматривать какъ начальную живую силу $\frac{mv^2_0}{2}$ плюсъ приращеніе $\frac{mv^2}{2} - \frac{mv^2_0}{2}$, очевидно зависитъ еще отъ начальной скорости v_0. Вообще слѣдовательно кинетическая энергія $\frac{mv^2}{2}$ зависитъ лишь отъ начальныхъ и конечныхъ условій движенія точки, но не отъ того какъ происходило движеніе. Въ курсахъ физики доказываютъ теорему, что скорость, пріобрѣтаемая точкой, опускающейся отъ одного уровня до другаго, зависитъ лишь отъ разности уровней и начальной скорости. Теорема эта по смыслу и по способу доказательства есть въ сущности ничто иное, какъ то же уравненіе живыхъ силъ, только разрѣшенное относительно другой величины, именно скорости; и въ самомъ дѣлѣ очевидно, что для данной массы конечная живая сила опредѣляется конечной скоростью, и также на оборотъ, зная первую, можно вычислить послѣднюю.

Не трудно теорему живыхъ силъ обобщить на движеніе, происходящее подъ вліяніемъ перемѣнной силы по произвольной кривой· Разобьемъ, какъ мы уже дѣлали выше, путь s на участки $\triangle s_1$, $\triangle s_2$, и т. д. столь малые, что для каждаго изъ нихъ F и φ можно считать постоянными, тогда $F_1 cs\varphi_1$, $F_2 cs\varphi_2$, и т. д. будутъ слагающія силы по направленію движенія на 1-мъ, 2-мъ и т. д. участкѣ. Примѣняя къ каждому участку предъидущую теорему, и называя v_1, v_2 и т. д. скорости въ концѣ 1-го, 2-го и т. д. участка, имѣемъ

$$F_1 cs\varphi_1 \triangle s_1 = \frac{mv_1^2}{2} - \frac{mv_0^2}{2}$$

$$F_2 cs\varphi_2 \triangle s_2 = \frac{mv_2^2}{2} - \frac{mv_1^2}{2}$$

. . . .

$$F_n \, cs\varphi_n \, \triangle s_n = \frac{mv^2_n}{2} - \frac{mv^2_{n-1}}{2}$$

складывая, сокращая члены съ противуположными знаками, и обозначая v_n просто черезъ v, получаемъ

$$T = \Sigma \, F \, cs\varphi \, \triangle s = \frac{mv^2}{2} - \frac{mv_0^2}{2} \quad . \; . \; . \; . \; . \quad (5)$$

Если F и φ могутъ быть выражены какъ функціи одного s, то въ предѣлѣ получимъ

$$T = \int F \, cs\varphi \, ds = \frac{mv^2}{2} - \frac{mv_0^2}{2} \quad . \; . \; . \; . \; . \quad (6)$$

Интегралъ распространяется на всю длину пути.

§ 4.

Возвратимся къ случаю падающей тяжелой точки, и преобразуемъ нѣсколько уравненіе живыхъ силъ. Представимъ себѣ, что существуетъ нѣкоторый уровень N′ N″ (Черт. 7), ниже котораго наша точка проникнуть не можетъ. Достигнувъ этого уровня, она будетъ находиться въ положеніи устойчиваго равновѣсія (*). Обозначимъ черезъ S разстояніе ON отъ O до уровня N′ N″, черезъ h высоту NA точки надъ уровнемъ въ моментъ t. Изъ чертежа видно, что $S = s + h$, или $s = S - h$. Внося эту величину въ ур. (4) имѣемъ

$$FS - Fh = \frac{mv^2}{2} - \frac{mv_0^2}{2}$$

или

$$\frac{mv^2}{2} + Fh = \frac{mv_0^2}{2} + FS.$$

(*) Положеніемъ устойчиваго равновѣсія называется такое, изъ котораго тѣло не можетъ быть выведено въ другое возможное для него при данныхъ условіяхъ очень близкое положеніе безъ затраты нѣкоторой работы. Въ частномъ случаѣ тяжелаго тѣла, при выведеніи его изъ этого положенія, центръ тяжести всегда повышается, слѣд. тратится работа противъ тяжести. Для одного и того же тѣла иногда возможны нѣсколько положеній устойчиваго равновѣсія, изъ коихъ одно наиболѣе устойчивое; такъ напр. тѣло болѣе высокое чѣмъ широкое можетъ находиться въ равновѣсіи стоя на горизонтальной подставкѣ; но въ лежачемъ положеніи равновѣсіе будетъ наиболѣе устойчивое. Тоже самое опредѣленіе примѣняется и къ матерьяльной системѣ состоящей изъ нѣсколькихъ точекъ или тѣлъ.

Вторая часть ур. не содержитъ ничего зависящаго отъ времени, т. е. мѣняющагося во время полета точки. Величины v_0 и S, входящія въ нее, характеризуютъ начальное и конечное состояніе. Поэтому обозначая черезъ U постоянную величину, зависящую лишь отъ начальнаго и конечнаго состоянія точки, можемъ написать:

$$\frac{mv^2}{2} + Fh = U \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (7)$$

Величина Fh носитъ названіе *потенціальной энергіи* нашей падающей точки. Изъ математическаго смысла ея видно, что это есть работа, которую можетъ еще произвести сила F, если точка, изъ занимаемаго ею въ моментъ t положенія, достигнетъ уровня N′ N″, гдѣ способность производить положительную работу для силы F будетъ такъ сказать исчерпана. Fh есть слѣдовательно нѣкоторая возможная работа, энергія in potentia, откуда и самое названіе. Величина потенціальной энергіи нашей точки обусловливается положеніемъ ея относительно уровня N′ N″.

Въ этомъ измѣненномъ видѣ теорема живыхъ силъ болѣе извѣстна подъ названіемъ *закона сохраненія энергіи*. Законъ этотъ выражаетъ, что сумма кинетической и потенціальной энергіи во время движенія точки остается постоянной. Она равна величинѣ U, носящей названіе полной энергіи.

Легко видѣть, что оба члена первой части уравненія (7) суть величины положительныя. Въ самомъ дѣлѣ каковъ бы ни былъ знакъ v, $\frac{mv^2}{2}$ всегда положительно. Силу F мы приняли дѣйствующую всегда въ одномъ направленіи, и слѣд. не мѣняющую знака; точно также h не можетъ перемѣнить знака, ибо мы допустили, что точка не можетъ проникнуть по другую сторону уровня N′ N″, отъ котораго мы считаемъ разстояніе h. Изъ этого слѣдуетъ, что увеличеніе одного изъ членовъ первой части ур. (7) должно всегда сопровождаться равнымъ уменьшемъ другого. Кинетическая энергія можетъ возрастать лишь на счетъ потенціальной и наоборотъ. Обыкновенно говорятъ, что одна форма энергіи *превращается* въ другую. Выраженіе *сохраненіе энергіи* нужно понимать въ смыслѣ несоздаваемости и неразрушимости ея. Если напр. начальная скорость нашей точки на-

правлена кверху, то движенiе будетъ замедляться, $\frac{mv^2}{2}$ будетъ убывать; но вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствiе поднятiя точки надъ уровнемъ $N'N''$, увеличится положительная работа Fh, которую можетъ совершить тяжесть при ея обратномъ паденiи, слѣд. кинетическая энергiя будетъ превращаться въ потенцiальную. При движенiи точки внизъ напротивъ $\frac{mv^2}{2}$ постепенно возрастаетъ на счетъ Fh, т. е. происходитъ превращенiе потенцiальной энергiи въ кинетическую.

Въ механикѣ теорема живыхъ силъ или законъ сохраненiя энергiи доказывается въ общемъ видѣ. Представимъ себѣ матерiальную систему, подверженную дѣйствiю внутреннихъ центральныхъ силъ. Подъ влiянiемъ этихъ силъ и начальныхъ скоростей матерiальныя точки системы перемѣщаются. Кинетической энергiей системы въ моментъ t называется сумма живыхъ силъ всѣхъ отдѣльныхъ точекъ ($\Sigma\frac{mv^2}{2}$), потенцiальной энергiей (Π) та положительная работа, которую могутъ еще совершить силы системы, если точки изъ распредѣленiя, соотвѣтствующаго данному моменту t, перейдутъ въ распредѣленiе, соотвѣтствующее положенiю устойчиваго равновѣсiя, когда способность производить работу для силъ системы будетъ исчерпана, (напр. точки взаимно притягивающiяся сблизятся насколько возможно).

Законъ сохраненiя энергiи выражаетъ, что сумма кинетической и потенцiальной энергiи равняется постоянной величинѣ U.

$$\Sigma\frac{mv^2}{2} + \Pi = U \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (8)$$

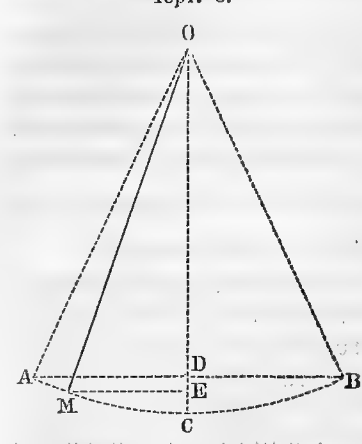
Можно и въ этомъ случаѣ убѣдиться, что оба члена первой части ур. (8) суть величины положительныя, такъ что кинетическая энергiя можетъ возрастать лишь въ ущербъ потенцiальной или потенцiальная въ ущербъ кинетической, т. е. здѣсь можетъ происходить лишь превращенiе одной формы энергiи въ другую.

Разсмотрѣнный нами случай тяжелой точки, или точнѣе: системы, состоящей изъ тяжелой точки и притягивающей ее земли, есть частный случай настоящаго.

Для уясненiя теоремы прилагаемъ нѣсколько задачъ.

Задача 4. Законъ сохраненія энергіи для случая качаній маятника. Пусть маятникъ въ моментъ t занимаетъ нѣкоторое положеніе OM (Черт. 8), дѣлающее съ отвѣсомъ уголъ φ. Пусть l будетъ длина маятника, F вѣсъ тяжелой точки, φ_0 наибольшій уголъ отклоненія. Потенціальная энергія маятника или работа тяжести въ случаѣ прохожденія имъ пути отъ M до C (положенія устойчиваго равновѣсія) будетъ, согласно доказанной выше теоремѣ о точкѣ, опускающейся отъ одного уровня до другаго:

Черт. 8.

$$F. \overline{EC} = F.(\overline{OC} - \overline{OE}) = Fl\,(1 - cs\varphi).$$

Скорость его v будетъ скорость точки, падающей съ высоты $\overline{DE}$ (*), именно:

$$v = \sqrt{2\,g\,DE} = \sqrt{2\,g\,(OE - OD)} = \sqrt{2\,g\,l\,(cs\varphi - cs\varphi^0)}$$

Внося эти выраженія въ ур. (8) получаемъ

$$mgl\,(cs\varphi - cs\varphi_0) + Fl\,(1 - cs\varphi) = U \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (9)$$

Легко видѣть, что сумма двухъ членовъ первой части въ самомъ дѣлѣ остается постоянной, каковъ бы ни былъ уголъ φ, мѣняющійся во время качанія маятника. Если замѣнить F равной ему величиной mg, то φ изъ уравненія можно сократить, и мы получимъ:

$$mgl\,(1 - cs\varphi_0) = U.$$

Когда маятникъ приближается къ среднему положенію, то φ уменьшается, csφ возрастаетъ. Кинетическая энергія увеличивается на счетъ потенціальной; при $\varphi = 0$ послѣдняя равна нулю, а первая достигаетъ наибольшей величины, имен-

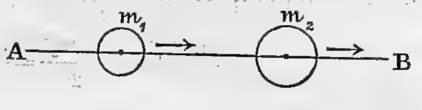
(*) Выраженіе скорости для точки падающей съ извѣстной высоты получится, если исключить время изъ ур. движенія (1) и (2), причемъ начальная скорость v_0 въ данномъ случаѣ равна нулю.

но дѣлается равной U. При удаленіи маятника изъ средняго положенія происходитъ обратное явленіе, и когда маятникъ на мгновеніе остановится, достигнувъ наибольшаго отклоненія $\varphi=\varphi_0$, то, какъ видно изъ ур. (9), первый членъ дѣлается равнымъ нулю, а второй равнымъ U.

Задача 8. Сохраненіе энергіи при ударѣ упругихъ тѣлъ.

При столкновеніи двухъ упругихъ тѣлъ происходитъ временное измѣненіе ихъ формы (деформація). Такіе деформированныя тѣла должны быть разсматриваемы какъ запасы потенціальной энергіи, ибо принимая прежній видъ, они могутъ дѣйствіемъ силы упругости, сообщить своей собственной или другой массѣ извѣстную скорость, т. е. быть источниками живой силы. При ударѣ слѣдовательно часть кинетической энергіи превращается въ потенціанальную, и затѣмъ опять въ кинетическую. Но если мы разсмотримъ нашу матерьяльную систему, состоящую изъ двухъ упругихъ тѣлъ, до удара, и затѣмъ когда столкновеніе уже кончилось и тѣла разошлись принявъ прежнюю форму, то вся энергія системы въ обоихъ случаяхъ будетъ исключительно кинетическая. На основаніи закона сохраненія энергіи, выражаемаго ур. (8), мы слѣд. должны имѣть $\Sigma\frac{mv^2}{2}=U=\text{const}$. т. е. сумма живыхъ силъ двухъ тѣлъ послѣ удара должна равняться суммѣ ихъ живыхъ силъ до удара. Разсмотримъ въ частности два упругихъ шара, коихъ массы пусть будутъ m_1 и m_2, а скорости, направленныя по прямой AB (Черт. 9), v_1 и v_2. Если $v_1>v_2$, то первый шаръ догонитъ второй и произойдетъ столкновеніе.

Черт. 9.

Въ первой фазѣ столкновенія деформація постепенно увеличивается, пока не достигнетъ извѣстнаго предѣла; въ этотъ моментъ оба шара двигаются съ одной и той же скоростью. Пусть скорость шара m_2 увеличилась на нѣкоторую величину x_2, а скорость шара m_1 напротивъ уменьшилась на величину x_1. Согласно сказанному мы должны имѣть:

$$v_1-x_1=v_2+x_2 \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (10)$$

Начиная съ момента наибольшей деформаціи, шары, расправляясь въ теченіи такого же времени, какъ они сжимались въ первой фазѣ, подвергаются вліянію упругой си-

лы, убывающей потому же закону, по которому она возрастала; потому эта сила должна во второй фазѣ произвести такое же дѣйствіе, какъ въ первой, т. е. уменьшить скорость перваго шара на такую же величину x_1 и увеличить скорость второго на величину x_2. Если w_1 и w_2 обозначаютъ скорости шаровъ по прекращеніи столкновенія, то слѣдовательно:

$$\left.\begin{array}{l} w_1=v_1-2\,x_1 \\ w_2=v_2+2\,x_2 \end{array}\right\} \quad . \quad . \quad . \quad , \quad . \quad (11)$$

Скорости x_1 и x_2, которыя алгебраически суммировались съ начальными, должны кромѣ того удовлетворять слѣдующему условію: такъ какъ онѣ происходятъ отъ дѣйствія одной и той же упругой силы въ теченіи одного и того же времени на массы m_1 и m_2, то онѣ должны быть обратно пропорціональны массамъ, слѣд.:

$$\frac{x_1}{x_2}=\frac{m_2}{m_1} \text{ или } m_1\,x_1=m_2\,x_2 \quad . \quad . \quad ; \quad . \quad . \quad (12)$$

Если изъ ур. (10) и (12) опредѣлить двѣ величины x_1 и x_2 и внести въ уравненія (11), то получатся для w_1 и w_2 выраженія, содержащія лишь массы и начальныя скорости. Но даже не производя этаго исключенія x_1 и x_2 можно удостовѣриться, что w_1 и w_2 удовлетворяютъ закону сохранеція энергіи, т. е. въ данномъ случаѣ уравненію:

$$\frac{m_1\,w_1^2}{2}+\frac{m_2\,w_2^2}{2}=\frac{m_1\,v_1^2}{2}+\frac{m_2\,v_2^2}{2}$$

Въ самомъ дѣлѣ возведя въ квадратъ уравненія (11), умножимъ ихъ соотвѣтственно на $\frac{m_1}{2}$ и $\frac{m_2}{2}$ и сложимъ:

$$\frac{m_1\,w_1^2}{2}+\frac{m_2\,w_2^2}{2}=\frac{m\,v_1^2}{2}+\frac{m\,v_2^2}{2}+2\,m_1x_1^2+2\,m_2x_2^2-2\,m_1v_1x_1+2\,m_2v_2x_2.$$

Замѣняя изъ ур. (12) x_2 черезъ $\frac{m_1}{m_2}.\,x_1$ и взявши за скобку въ 4-хъ послѣднихъ членахъ величину $2\,m_1\,x_1$, имѣемъ:

$$\frac{m_1\,w_1^2}{2}+\frac{m_2\,w_2^2}{2}=\frac{m\,v_1^2}{2}+\frac{m\,v_2^2}{2}+2\,m_1\,x_1\left[x_1+\frac{m_1}{m_2}.\,x_1-v_1+v_2\right]$$

Но на основаніи ур. (10) величина въ скобкахъ равна нулю, слѣд.

$$\frac{m_1 w_1^2}{2}+\frac{m_1 w_2^2}{2}=\frac{m v_1^2}{2}+\frac{m v_2^2}{2}$$

что и требовалось доказать.

Замѣтимъ въ заключеніе, что закономъ сохраненія энергіи доказывается невозможность такъ наз. perpetuum mobile. Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ механизмъ, который самъ собой находился бы въ вѣчномъ движеніи, безъ приложенія работы какого либо двигателя, т. е. безъ израсходыванья какого либо запаса потенціальной энергіи. Разсмотрѣнные нами идеальные случаи: математическій маятникъ, система совершенно упругихъ тѣлъ, гдѣ мы предполагали, что движеніе не встрѣчаетъ никакихъ препятствій и въ родѣ напр. сопротивленія среды и т. п., на самомъ дѣлѣ представляютъ намъ „вѣчное движеніе". Здѣсь можетъ происходить *полное* превращеніе потенціальной энергіи въ кинетическую и обратно. Но во всякомъ дѣйствительномъ, практически осуществимомъ механизмѣ никогда не бываетъ, чтобы *вся* потенціальная энергія его превращалась въ кинетическую. Часть ея всегда идетъ на совершеніе отрицательной работы, на преодолѣніе тренія, сопротивленія среды и проч. При обратномъ превращеніи получится уже меньшее количество потенціальной энергіи. Хотя въ будущей главѣ мы увидимъ, что энергія, потраченная на преодолѣніе сопротивленій, не можетъ считаться *уничтоженной*, но во всякомъ случаѣ она потеряна для механизма. Въ немъ слѣдовательно мало по малу будетъ растрачиваться существующій запасъ энергіи, и рано или поздно механизмъ долженъ остановиться, если этотъ запасъ не будетъ пополняться извнѣ.

Глава II.

Механическая работа и теплота.

§ 1.

Возвратимся снова къ нашему частному случаю падающаго тѣла, массу котораго мы для простоты воображали сосредоточенной въ его центрѣ тяжести. Законъ сохраненія энергіи для него выражается уравненіемъ

$$\frac{m v^2}{2} + Fh = U \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (7).$$

Если тѣло неупруго, и если, достигнувъ при паденіи уровня NN, отъ котораго мы условились считать высоту h, оно ударится о неупругую подставку, то оно остановится; движеніе его прекратится. Въ этомъ положеніи тѣла $Fh = 0$, ибо $h = 0$; первый членъ уравненія также обращается въ нуль, вслѣдствіе того, что скорость v становится равной нулю; слѣдовательно послѣ остановки тѣла законъ сохраненія энергіи къ явленію повидимому уже не примѣняется, ибо сумма двухъ членовъ первой части ур. (7) даетъ нуль, а не величину U.

Одинъ изъ важнѣйшихъ шаговъ впередъ, который сдѣлала физика въ послѣднія десятилѣтія, состоялъ въ допущеніи, что примѣнимость закона сохраненія энергіи не ограничивается только разсмотрѣннымъ нами случаемъ массы m двигающейся какъ цѣлое. Шагъ этотъ состоялъ въ обобщеніи этого закона, въ распространеніи его отъ видимыхъ движеній конечныхъ массъ. перемѣщающихся какъ цѣлое, на невидимыя движенія отдѣльныхъ частицъ и атомовъ тѣлъ. Обобщеніе это конечно гипотетическое, ибо примѣнимость

закона сохраненія энергіи связана съ условіемъ, чтобы силы, дѣйствующія въ системѣ, были центральныя, и a priori нисколько не очевидно, чтобы всѣ силы природы, въ томъ числѣ и молекулярныя, принадлежали къ этой категоріи. Но гипотеза эта, какъ мы увидимъ, оправдалась самымъ блестящимъ образомъ во всѣхъ выведенныхъ изъ нея слѣдствіяхъ, гдѣ только была возможна и была произведена опытная провѣрка, и съ достовѣрностью неизвѣстенъ ни одинъ фактъ противорѣчащій ей.

Давно уже извѣстно, что когда движеніе тѣла прекращается или замѣдляется вслѣдствіе встрѣтившихся препятствій, т. е. удара, тренія и т. п., другими словами, если происходитъ исчезновеніе или уменьшеніе живой силы, то всегда при этомъ развивается тепло. Такъ напр. при ударѣ пули о металлическую мишень она можетъ нагрѣться на столько, что частію расплавится; метеоритъ, быстро летящій, и попадающій въ атмосферу земли, накаляется вслѣдствіе тренія о воздухъ, такъ что становится свѣтящимся; вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе его замедляется. Также извѣстно, что когда производится положительная работа, не сопровождаемая эквивалентной ей отрицательной и безъ появленія живой силы видимаго движенія, то всегда является тепло. Такъ напр. треніемъ другъ о друга двухъ кусковъ дерева можно довести ихъ до воспламененія. Оба названные случая можно резюмировать такъ: когда изчезаетъ механическая энергія, то появляется тепло.

Въ прежнее время, когда на тепло смотрѣли какъ на вещество, какъ на нѣкоторою невѣсомую жидкость, факты этого рода служили главнѣйшимъ затрудненіемъ для теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, откуда берется напр. то неограниченное количество тепла, которое можно добыть путемъ тренія, если тепло есть вещество, создать которое слѣдовательно не во власти человѣка. Предложенныя объясненія, въ родѣ измѣненія теплоёмкости тѣлъ отъ удара, тренія и т. п., вскорѣ оказались несостоятельными.

Въ настоящее время принимаютъ другое воззрѣніе на тепло. Его разсматриваютъ какъ живую силу нѣкотораго внутренняго частичнаго движенія. Какого рода это движеніе, т. е. что именно движется, частицы ли тѣла или отдѣльные атомы изъ которыхъ онѣ слагаются, и какъ движется, мы не знаемъ; отно-

сительно этого мы можемъ дѣлать лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія (*). Но дѣлать какія либо спеціальные гипотезы относительно молекулярныхъ силъ и движеній для нашей цѣли и не представляется надобности. Въ выраженіе кинетической энергіи $\Sigma \frac{m v^2}{2}$ не входятъ ни знаки ни направленія скоростей; въ суммѣ $\Sigma \frac{m v^2}{2}$, которую мы должны себѣ представить въ видѣ ряда членовъ $\frac{m_1 v_1^2}{2} + \frac{m_2 v_2^2}{2} + \frac{m_3 v_3^2}{2} + \ldots$, могутъ мѣняться скорости v_1, v_2, v_3 и т. д. такимъ образомъ, что $\Sigma \frac{m v^2}{2}$ остается неизмѣнной. Примѣръ такого рода мы видѣли при столкновеніи упругихъ тѣлъ. Намъ достаточно знать, что кинетическая энергія матерьяльной системы равна извѣстному числу килограмметровъ; для этого нѣтъ необходимости входить въ разсмотрѣніе того, какъ распредѣляется энергія между отдѣльными частицами, и какъ она мѣняется для каждой отдѣльной частицы съ теченіемъ времени.

(*) Какъ въ химіи, такъ и въ физикѣ принимаютъ, что частицы не только сложныхъ но даже и простыхъ тѣлъ состоятъ по меньшей мѣрѣ изъ двухъ атомовъ. Исключеніе составляютъ лишь весьма не многія тѣла, какъ ртуть и кадмій въ парообразномъ состояніи. Предполагаютъ, что въ твердыхъ тѣлахъ частицы и атомы колеблятся около опредѣленныхъ положеній равновѣсія. Въ жидкихъ тѣлахъ (по Клаузіусу) существуетъ родъ молекулярнаго равновѣсія, который можно назвать подвижнымъ; сосѣднія частицы могутъ обмѣниваться атомами, и сами онѣ не занимаютъ или неколеблятся около опредѣленныхъ мѣстъ въ тѣлѣ, но могутъ перемѣщаться, не выходя изъ сферы дѣйствія сосѣднихъ частицъ. Наконецъ въ газахъ разстоянія между частицами очень велики сравнительно съ тѣмъ разстояніемъ, на которое распространяется дѣйствіе молекулярныхъ силъ; поэтому частицы, не подверженныя большую часть времени дѣйствію никакихъ силъ, имѣютъ поступальное движеніе на прямой линіи, пока не столкнутся и не оттолкнуться другими частицами или стѣнками сосуда, заключающаго газъ. Кромѣ того атомы составляющіе частицу могутъ колебаться или вращаться вокругъ ихъ общаго центра тяжести. Ученіе о газообразномъ состояніи, благодаря относительной простотѣ основныхъ представленій, можно сказать уже вышло въ настоящее время изъ области гипотезъ, и выработалось въ теорію, весьма послѣдовательную и изящную.

Но если тепло есть форма кинетической энергіи, и если законъ сохраненія энергіи остается вѣрнымъ и послѣ прекращенія видимаго движенія массъ, то изъ этого вытекаютъ слѣдующія слѣдствія: 1) если ударомъ, треніемъ и т. д. прекращается движеніе массы, то величина появившейся тепловой энергіи, т. е. живой силы тепловаго движенія, должна быть равна изчезнувшей живой силѣ движенія видимаго. 2) Если тратится работа, (т. е. расходуется нѣкоторый запасъ потенціальной энергіи), безъ появленія живой силы видимаго движенія, то появившаяся тепловая энергія равна потраченной работѣ. Другими словами, если механическая энергія, т. е. кинетическая или потенціальная энергія системы матерьяльныхъ массъ, превращается въ энергію тепловую, то величина послѣдней должна быть равна первой. Всѣ упомянутыя величины мы предполагаемъ выраженными въ принятыхъ нами единицахъ работы, т. е. въ килограмметрахъ.

Но для измѣренія тепловой энергіи, или того, что называютъ количествомъ тепла, издавна приняты другія единицы. Всякое вполнѣ опредѣленное превращеніе, происходящее въ тѣлѣ подъ вліяніемъ тепла, можетъ служить мѣрою для количества тепла. Такъ напр.: для превращенія одного килограмма льда при 0° Цельзія въ воду при той же температурѣ нужно опредѣленное количество тепла; точно тоже можно сказать относительно превращенія одного килограмма воды въ паръ кипяченіемъ въ открытомъ сосудѣ подъ нормальнымъ давленіемъ атмосферы. Что количества эти неизмѣнны можно догадаться уже изъ того, что взаимное ихъ отношеніе остается постояннымъ (въ данномъ случаѣ равнымъ $\frac{79}{537}$) какова бы ни была форма опыта, служащаго для опредѣленія этаго отношенія. Общепринятой единицей для количества тепла въ настоящее время служитъ *калорія*. Это количество тепла, потребное для того, чтобы 1 килограммъ воды нагрѣть отъ 0° до 1° Цельзія. Отношеніе сейчасъ упомянутыхъ двухъ количествъ тепла къ калоріи таково, что первое равняется 79 калоріямъ, а второе 537 калоріямъ.

Если тепло есть форма энергіи, то слѣдовательно калорія и килограмметръ суть двѣ единицы, служащія для измѣренія одной и той же величины. Связь между ними такая

же, какъ напр. между сажепью и футомъ, которые оба служатъ для измѣренія длины. Одна единица должна извѣстное (цѣлое или дробное) число разъ содержаться въ другой.

Калорія должна содержать нѣкоторое вполнѣ опредѣленное число килограмметровъ, также точно какъ сажень содержитъ извѣстное число футовъ.

Если при нѣкоторомъ процессѣ происходитъ превращеніе работы или живой силы въ тепло, т. е. изчезаетъ извѣстное количество T механической энергіи, которую мы можемъ измѣрить въ килограмметрахъ, и въ замѣнъ ея появляется энергія Q въ формѣ тепла, которую мы можемъ измѣрить въ калоріяхъ, и если мы знаемъ, что при этомъ процессѣ общее количество энергіи остается неизмѣннымъ, то, раздѣливши другъ на друга двѣ названныя величины, мы можемъ узнать, сколько килограмметровъ содержится въ одной калоріи, подобно тому какъ мы могли бы узнать сколько футовъ въ сажени, измѣряя этими единицами двѣ равныхъ длины.

Частое $\frac{T}{Q}$, которое мы назовемъ E, т. е. число килограмметровъ содержащаяся въ одной калоріи, есть слѣдовательно нѣкоторая неизмѣнная и постоянная величина, независимая отъ того, какимъ путемъ происходитъ превращеніе механической энергіи въ тепло. Эта величина носитъ названіе *механическаго эквивалента теплоты* (*).

Какъ извѣстно посредствомъ тепла можно произвести работу противъ силъ, и создать нѣкоторый запасъ потенціальной энергіи; напр. при помощи паровой машины можно поднять грузъ на высоту. Если принять воззрѣніе на тепло, какъ на форму энергіи, то такая работа можетъ быть произведена не иначе, какъ при единовременномъ исчезновеніи извѣстнаго количества тепла. Мы можемъ сказать, что въ этомъ случаѣ тепловая энергія превращается въ механическую. Количества появившейся и исчезнувшей энергіи должны быть равны, и если они выражены въ раз-

---

(*) Обратная величина $\frac{1}{E}$, выражающая число калорій содержащихся въ килограмметрѣ, носитъ названія *термическаго эквивалента работы*.

ныхъ единицахъ, килограмметрахъ и калоріяхъ, то частое ихъ $\frac{T}{Q}$ должно равняться той же величинѣ E.

Обратно мы можемъ заключить: если опытомъ будетъ доказано постоянство механическаго эквивалента теплоты, то этимъ самымъ a posteriori оправдается распространеніе закона сохраненія энергіи на молекулярныя движенія, и допущеніе, что тепло есть форма живой силы.

§ 2.

Мысль объ эквивалентности механической энергіи и теплоты впервые была опредѣленно высказана въ 1842 г. I. Р. Майеромъ (*). Онъ же первый вычислилъ механическій эквивалентъ теплоты, пользуясь экспериментальными данными, весьма впрочемъ неточными, извѣстными въ его время. Исходной точкой его вычисленія служилъ фактъ, что теплоемкость воздуха при постоянномъ давленіи, т. е. количество калорій тепла, потребное для нагрѣванія единицы вѣса воздуха на 1° Цельзія, давая ему свободно расширяться при неизмѣнномъ давленіи, больше чѣмъ теплоемкость воздуха при постоянномъ объемѣ, или соотвѣтствующее количество тепла когда воздуху не даютъ расширяться.

Представимъ себѣ цилиндръ, коего площадь основанія равна 1 кв. метру, наполненный воздухомъ при 0° и нормальномъ давленіи атмосферы; на высотѣ 1 метра отъ дна этого цилиндра находится поршень, двигающійся совершенно свободно безъ тренія, который отграничиваетъ слѣдовательно 1 кубическій метръ воздуха. Если мы будемъ нагрѣвать этотъ воздухъ, то при повышеніи его температуры на каждый градусъ Цельзія, объемъ его увеличится на $\frac{1}{273}$ первоначальной величины. При нагрѣваніи на 273° объемъ слѣдовательно удвоится, и поршень отодвинется еще на

(*) J. R. Mayer. Ueber die Kräfte der unbelebten Natur. Ann. d. Chem. u Pharm. 1842. Сочиненія Майера собраны и изданы отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: Die Mechanik der Wärme. Stuttgart. 1867.

одинъ метръ. Но если мы поршень укрѣпимъ неподвижно, то воздухъ при такихъ условіяхъ, понятно, не можетъ расшириться при нагрѣваніи. Назовемъ m вѣсъ нашего воздуха, C и c теплоемкости при постоянномъ давленіи и постоянномъ объемѣ. Количество тепла въ калоріяхъ, которое нужно сообщить воздуху для нагрѣванія его до 273° въ первомъ случаѣ будетъ равно произведенію m. C. 273, во второмъ случаѣ оно будетъ равно mc 273. По мнѣнію Майера избытокъ первой величины надъ второй, именно (C—c) m 273, представляетъ тепло, которое въ первомъ случаѣ превращается въ работу. Въ самомъ дѣлѣ поршень двигается, и проходитъ путь равный одному метру; онъ оттѣсняетъ на такое же разстояніе дѣйствующее на него снаружи давленіи атмосферы (*). Работа, въ килограмметрахъ, которая при этомъ производится, равна величинѣ давленія на всю площадь поршня, умноженной на путь, пройденный поршнемъ. Если p есть это давленіе въ килограммахъ, то p, умноженное па единицу (1 метръ), или просто p, выразить число килограмметровъ работы. Во второмъ случаѣ напротивъ нѣтъ никакой работы, такъ какъ поршень остается неподвижнымъ. Частное отъ раздѣленія работы на количество тепла дастъ механическій эквивалентъ теплоты:

$$E = \frac{p}{(C-c).\ m\ 273}$$

Число, которое такимъ образомъ получилъ Майеръ, было 367. Оно не точно, потому что числовыя данныя, которыми онъ въ то время могъ располагать, были не совсѣмъ точны. Такъ для опредѣленія c были извѣстны лишь опыты Деляроша и Берара, давшіе совершенно ошибочное, слишкомъ большое число. Если принять, согласно болѣе новымъ экспериментальнымъ опредѣленіямъ: $p = 10330$ kg., $\frac{C}{c} = 1{,}41$, $m = 1{,}293$ kg. и наконецъ, согласно опытамъ Реньо, $C = 0{,}2374$ калорій, то получится $E = 423{,}8$.

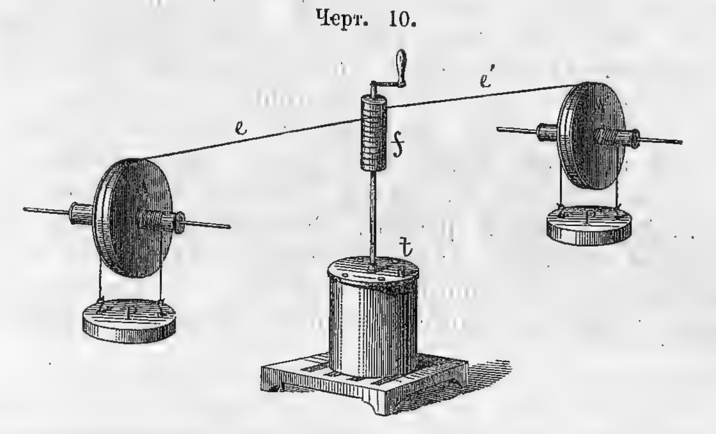
(*) При этомъ предполагается, что расширеніе воздуха несопровождается никакой внутренней молекулярной работой. Это предположеніе въ послѣдствіи дѣйствительно было подтверждено опытами Джоуля, но у Майера оно является лишь гипотезой ничѣмъ не доказанной.

Весьма точныя опредѣленія механическаго эквивалента теплоты, при весьма разнообразныхъ экспериментальныхъ условіяхъ, были сдѣланы англійскимъ физикомъ Джоулемъ (Joule) (*), и въ болѣе новое время французскимъ ученымъ Гирномъ (Hirn) (**). Въ этихъ опытахъ изслѣдовалось какъ превращеніе работы въ тепло, такъ и обратное превращеніе тепла въ работу. Обратимся сначала къ опытамъ перваго рода.

Принципъ опытовъ ясенъ изъ предъидущаго. Измѣрялась работа, потраченная на нагрѣваніе извѣстнаго снаряда, и количество появившагося въ снарядѣ тепла; раздѣливъ первую величину на вторую, получался механическій эквивалентъ тепла. При этомъ разумѣется нужно было имѣть въ виду, что кромѣ названной работы, могла при опытѣ происходить еще другая, съ измѣряемымъ дѣйствіемъ ничего общаго не имѣющая, и которую нужно было вычесть изъ общаго итога работы.

Опыты Джоуля: I. Треніе твердыхъ тѣлъ. Существенная часть снаряда (Черт. 10) состояла изъ калориметра,

Черт. 10.

т. е. металлическаго сосуда B, наполненнаго водой, и въ который черезъ отверстіе t могъ вставляться термометръ.

(*) Собраніе статей Джоуля въ нѣмецкомъ переводѣ издано подъ заглавіемъ: Das mechanische Wärmeäquivalent. Braunschweig. 1872.

(**) Théorie mécanique de la Chaleur. Paris. 1875.

Внутри этого сосуда помѣщались другъ надъ другомъ два чугунныхъ диска, на подобіе жернововъ обыкновенной мукомольной мельницы; нижній былъ неподвижный, а верхній могъ быть приведенъ во вращательно движеніе вокругъ вертикальной оси, и при этомъ терся о нижній дискъ и развивалъ тепло. Вращеніе производилось помощью двухъ снурковъ l и l' намотанныхъ на ось f, и на валы A и A', которые приводились въ движеніе двумя опускающимися равными грузами P и P. Общій итогъ работы при опытѣ очевидно равнялся вѣсу двухъ грузовъ 2 P, умноженному на высоту съ которой они опускались. Но не вся работа опускающихся грузовъ тратилась на треніе чугунныхъ дисковъ; часть ея шла на преодолѣніе тренія въ разныхъ другихъ частяхъ снаряда. Для того чтобы опредѣлить эту часть, которую нужно было вычесть изъ общаго итога, Джоуль поступалъ такимъ образомъ: раздвинувши диски настолько, чтобы они не могли тереться другъ о друга, онъ наматывалъ снурки l и l' на ось f такимъ образомъ, чтобы опусканіе одного груза могло совершаться не иначе, какъ съ поднятіемъ другого, такъ что грузы во всякомъ положеніи были въ равновѣсіи, какъ гири Атвудовой машины. Затѣмъ онъ эмпирически опредѣлялъ тотъ добавочный вѣсъ, который нужно было прибавить къ одному изъ грузовъ, для того чтобы произвести вращеніе съ такой же скоростью, какъ при главномъ опытѣ. Вѣсъ этотъ, умноженный на высоту съ которой онъ опускался, очевидно выражалъ величину этой добавочной работы. Обозначимъ черезъ q величину этого прибавка; далѣе назовемъ p вѣсъ воды въ калориметрѣ; A приведенный къ водѣ вѣсъ (*) самаго сосуда, дисковъ и прочихъ частей снаряда, которыя нагрѣвались

(*) Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ такое количество воды, которое для своего нагрѣванія требуетъ столько же тепла, какъ названныя части снаряда. Величина A равна суммѣ вѣсовъ этихъ частей, умноженныхъ соотвѣтственно на теплоемкости (удѣльныя теплоты) тѣхъ веществъ, изъ которыхъ онѣ сдѣланы.

вмѣстѣ съ калориметромъ. Пусть t будетъ начальная, θ конечная температура калориметра; $2P$ вѣсъ двухъ движущихъ гирь, h высота съ которой онѣ опустились во время опыта. Раздѣливши опять потраченную на треніе дисковъ работу на количество выдѣлившагося тепла, получимъ для опредѣленія E уравненіе:

$$E=\frac{2Ph-qh}{(p+A)(\theta-t)}.$$

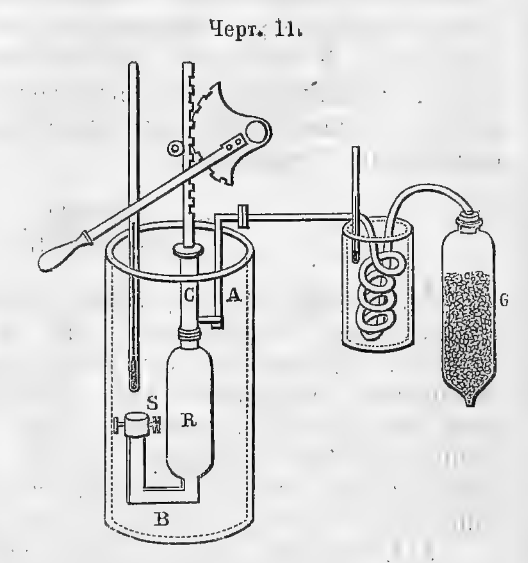
II. Опыты надъ треніемъ жидкостей отличались отъ предъидущихъ только тѣмъ, что въ калориметрѣ, вмѣсто чугунныхъ дисковъ, на оси были придѣланы лопатки; такія же лопатки, но неподвижныя, былъ прикрѣплены къ стѣнкамъ калориметра и при томъ такъ, чтобы первыя при вращеніи оси могли проходить между вторыми. При помощи этой системы лопатокъ жидкость сильно взбалтывалась; частицы ея вслѣдствіе взаимнаго тренія развивали тепло.

III. Сжатіе газовъ. Давно уже было извѣстно, что вообще сжатіе газа сопровождается нагрѣваніемъ, а расширеніе охлажденіемъ. Но Джоуль доказалъ слѣдующій замѣчательный фактъ: что расширеніе газа, когда оно происходитъ безъ совершенія какой либо внѣшней работы, не сопровождается ни выдѣленіемъ ни поглощеніемъ тепла; изъ чего слѣдуетъ, что при этомъ процессѣ въ газѣ не производится никакой внутренней работы. Джоуль бралъ два замкнутыхъ сосуда изъ толстой листовой мѣди, которые сообщались между собою трубкой съ краномъ, и были погружены въ одинъ общій калориметръ. Въ одинъ изъ нихъ накачивался воздухъ, пока давленіе не достигало примѣрно 20 атмосферъ, изъ другаго напротивъ выкачивался по возможности весь воздухъ. При открытіи крана газъ расширялся, и наполнялъ оба сосуда; но внѣшней работы при этомъ очевидно не происходило. Оказалось, что послѣ открытія крана, не замѣчалось ни малѣйшаго измѣненія температуры воды калориметра, т. е. не было ни выдѣленія ни поглощенія тепла. Поэтому при измѣненіи объема газовъ можно всегда ограничиться разсмотрѣніемъ лишь происходящей при этомъ внѣшней работы.

Для опредѣленія механическаго эквивалента теплоты помощью сжатія газовъ, Джоуль устроилъ снарядъ, изображен-

ный на Черт. 11. Газъ (воздухъ), пройдя черезъ осушительную трубку G и змѣевикъ W, гдѣ онъ принималъ нѣкоторую неизмѣнную температуру, вступалъ въ нагнетательный насосъ C, при помощи котораго онъ сгущался въ резервуарѣ R; насосъ и резервуаръ помѣщались въ калориметрѣ B.

Черт. 11.

Работа въ данномъ случаѣ производилась мышцами экспериментатора и состояла изъ двухъ частей: первая часть работы тратилась на сгущеніе газа, а вторая на преодолѣнія тренія поршня насоса въ цилиндрѣ; и та и другая превращалась въ тепло, отдаваемое калориметру. Количество выдѣлившагося тепла опредѣлялось извѣстными уже способами. Но тепло отъ второй части работы необходимо было опредѣлить отдѣльно, и вычесть изъ общаго итога. Для этой цѣли, въ отдѣльномъ опытѣ, резервуаръ R сообщался съ наружнымъ воздухомъ, и производилось столько же размаховъ поршня, какъ при главномъ опытѣ, при чемъ наблюдалось количество выдѣлившагося тепла. Что касается до работы сжатія газа, то величину ея можно было вычислить. Она равнялась $u_0 p_0 \text{ lognat } \frac{u_1}{u_0}$, гдѣ p_0 обозначаетъ давленіе атмосферы, u_1 вмѣстимость резервуара R, u_0 объемъ, который занялъ бы сжатый газъ, еслибы давленіе уменьшилось до атмосфернаго. Символъ lognat обозначаетъ натуральный (Неперовъ) логириѳмъ. Джоуль опредѣлялъ u_0 выпуская по окончаніи опыта газъ изъ резервуара въ градуированный газометръ.

Вычисленіе работы T сжатія газа можно произвести слѣдующимъ образомъ. Прерставимъ себѣ для простоты, что мы сжимаемъ газъ вдавливая въ нѣкоторый цилиндръ поршень A (Черт. 12) двигающійся безъ тренія. Разсмотримъ его въ нѣкоторомъ произвольно взятомъ положеніи на разстояаіи h отъ дна цилинлра. Упругость газа, и приложенное извнѣ давленіе для преодолѣнія ея, равное этой упругости, отнесенное къ единицѣ площади, пусть будетъ p. Давленіе на весь поршень коего площадь равна s будетъ ps. Безконечно малая работа dT при углубленіи поршня на безконечно малую величину—dh будетъ

Черт. 12.

$$dT = -ps.\,dh.$$

Но sdh=du, безконечно малому уменьшенію объема u газа. Кромѣ того мы имѣемъ по закону Маріотта $pu = p_0 u_0$, откуда $p = \frac{p_0 u_0}{u}$ слѣд.

$$dT = -p_0 u_0 \frac{du}{u}$$

Такъ какъ газъ до начала опыта занимаетъ объемъ u_0, а послѣ сгущенія объемъ u_1, то, интегрируя между этими предѣлами имѣемъ:

$$T = -p_0 u_0 \int_{u_0}^{u_1} \frac{du}{u} = p_0 u_0 \ \text{lognat} \frac{u_0}{u_1}$$

Приводимъ таблицу результатовъ Джоуля:

Названіе опытовъ.		E
Треніе чугунныхъ дисковъ	1-й опытъ . . .	426,7
	2-й опытъ . . .	425,6
Толченіе воды.		424,9
„ ртути.	1-й опытъ . . .	425,0
	2-й опытъ . . .	426,3
Сжатіе воздуха.	до 21,5 атмосф. .	452,5
	до 10,5 атмосф. .	437,2

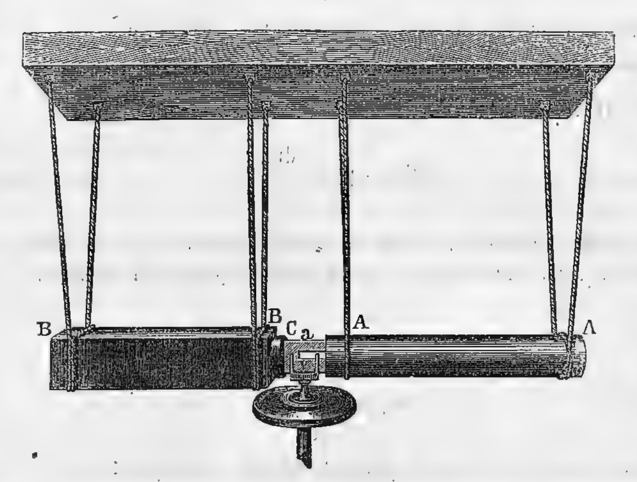
Какъ видно, величину E, въ предѣлахъ неизбѣжныхъ ошибокъ наблюденія, можно считать постоянной.

Мы уже упомянали, что французскій ученый Гирнъ также произвелъ рядъ опытовъ для определенія механическаго эквивалента теплоты. Нѣкоторые изъ его опытовъ были повтореніемъ опытовъ Джоуля, и дали результаты близкіе къ приведеннымъ выше, (въ большинствѣ случаевъ немного большіе). Но кромѣ того онъ опредѣлилъ еще величину E двумя совершенно новыми методами.

IV. Ударъ тѣлъ неупругихъ. Къ потолку комнаты на веревкахъ были привѣшаны тяжелый желѣзный цилиндръ A (Черт. 13) и каменная глыба B, призматической формы,

Черт. 13.

снабженная въ передней части желѣзнымъ кружкомъ C. Первый изъ нихъ игралъ роль молота, а вторая наковальни. Если валъ A отвести въ сторону, и затѣмъ пустить, то онъ съ большой силой ударится о C. Между A и C Гирнъ помѣщалъ кусокъ свинца *a* снабженный углубленіемъ, какъ показано на фигурѣ (въ разрѣзѣ). Послѣ удара кусокъ вынимался, вѣшался на заранѣе привязанныхъ къ нему нитяхъ, и въ углубленіе наливалось отмѣренное количество воды при 0°, и вставлялся термометръ. Зная температуру свинца до удара, вѣсъ его и удѣльную теплоту, вѣсъ прилитой воды, и замѣчая ея температуру послѣ удара, можно было вычислить количество тепла развиваемое ударомъ. Что касается

до работы, то величина ея равнялась произведенію вѣса молота A на высоту его паденія, т. е. ту высоту, на которую до удара былъ повышенъ его центръ тяжести. Къ этой работѣ необходимо было впрочемъ ввести небольшую поправку, происходящую отъ того, что ударяющіяся тѣла не были совершенно лишены упругости, и послѣ удара какъ A такъ и B отскакивали въ разныя стороны. Работа поднятія этихъ двухъ тѣлъ послѣ удара, равная ихъ вѣсамъ, умноженнымъ на соотвѣтствующія высоты поднятія, должна была быть вычтена изъ общаго итога работы, какъ не превратившаяся въ тепло. Опыты Гирна по этому методу дали число 425.

V. Прогонъ воды черезъ капиллярную трубку. Снарядъ состоялъ изъ цилиндра, наполненнаго водой, и снабженнаго поршнемъ. Изъ нижней части цилиндра выходила трубка, загнутая кверху въ видѣ буквы S, и оканчивающаяся стеклянной капилярной трубочкой. Цилиндръ, большая часть трубки, за исключеніемъ кончика, были погружены въ большой чанъ съ водой, гдѣ поддерживалась неизмѣнная температура, тщательно измѣряемая. На поршень, посредствомъ рычага, можно было произвести давленіе, величину котораго не трудно было вычислить. По мѣрѣ вытеканія воды поршень опускался, и слѣд. происходила работа. Видимой живой силы вода не пріобрѣтала, такъ какъ вытекала изъ капилярной трубки весьма медленно; но треніемъ ея о стѣнки трубки развивалось тепло. Все это тепло можно было считать пріобрѣтеннымъ водой, ибо трубка хотя тоже нагрѣвалась отъ тренія, но не могла нагрѣться выше температуры протекающей воды и слѣдовательно претерпѣвала лишь нѣкоторое небольшое повышеніе температуры при началѣ опыта. Принимая во вниманіе ея незначительный вѣсъ, можно было вовсе пренебречь пріобрѣтеннымъ ею тепломъ. Температура вытекающей воды была тщательно измѣряема.

Чтобы яснѣе себѣ представить принципъ метода, мы можемъ вообразить, что давленіе производится не рычагомъ нажимающимъ поршень, но столбомъ воды приличной высоты h. При вытеканіи изъ нижней части нѣкотораго малаго количества воды, весь столбъ жидкости какъ бы опускается съ нѣкоторой высоты Δh. Работа при этомъ равна Δh умноженному на вѣсъ столба, который въ свою очередь равенъ произведенію его объема sh (s сѣченіе) на его

плотность ρ. И такъ работа будетъ $\rho s h \Delta h$. Но эту величину можно разсматривать также какъ произведеніе высоты h на $\rho s \Delta h$, вѣсъ вытекшей воды. Представимъ себѣ, что опытъ продолжался напримѣръ столько времени, что вытекъ одинъ килограммъ воды, и что избытокъ температуры вытекшей воды надъ температурой воды въ цилиндрѣ равенъ θ°. Тогда величина работы будетъ h килограмметровъ, а количество выдѣлившаго тепла θ калорій, слѣд.

$$E = \frac{h}{\theta}.$$

Замѣтимъ, что такъ какъ величина работы и количество тепла оба пропорціональны количеству вытекшей воды, то послѣднее, понятно, нѣтъ надобности измѣрять, ибо оно изъ формулы сокращается. Въ опытахъ Гирна было $h = 452{,}82$ метра $\theta = 1^\circ{,}0457$; откуда $E = 433$ kgmt.

Итакъ опыты Гирна подтверждаютъ постоянство величины E. Замѣчаемыя разности лежатъ въ предѣлахъ ошибокъ наблюденія.

§ 3.

Мы уже упоминали о томъ, что превращеніе тепла въ работу должно подчиняться тому же закону, какъ превращеніе работы въ тепло. На каждую калорію изчезнувшаго тепла, должно появляться E килограмметровъ работы, причемъ E должно имѣть ту же величину какъ при обратномъ превращеніи.

Осуществить превращеніе тепла въ работу при такихъ условіяхъ, чтобы обѣ величины съ точностію можно было измѣрить, возможно лишь въ сравнительно немногихъ случаяхъ. Поэтому опредѣленія механическаго эквивалента теплоты такимъ путемъ весьма не многочисленны. Тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ, они достаточны, чтобы убѣдиться, что получаемая величина E тождественна съ предъидущей.

Съ однимъ изъ такихъ способовъ опредѣленія E мы уже ознакомились выше; это разсужденіе Майера. Если воспользоваться новѣйшими болѣе точными числовыми данными, то изъ него, какъ мы видѣли, получается $E = 423{,}8$.

Джоуль опредѣлялъ Е прямымъ опытомъ, заставляя разрѣжаться сгущенный воздухъ, причемъ послѣдній охлаждался. Онъ употреблялъ для этой цѣли тотъ же резервуаръ, который служилъ ему для опытовъ надъ сгущеніемъ воздуха, описанныхъ выше. Въ этотъ резервуаръ, погруженный по прежнему въ калориметръ, накачивался воздухъ примѣрно до 20 атмосферъ давленія, и затѣмъ выпускался медленной струей, открывая кранъ, находящійся также внутри калориметра. Выйдя изъ крана воздухъ протекалъ черезъ длинный змѣевикъ, погруженный въ воду того же калориметра, по выходѣ изъ котораго онъ слѣдовательно имѣлъ температуру калориметра и ничтожную скорость движенія. Если мы назовемъ q вѣсъ воды, A приведенный къ водѣ вѣсъ калориметра и всѣхъ погруженныхъ въ воду частей снаряда, t начальную, θ конечную температуру, то количество Q поглощеннаго тепла будетъ: $Q=(q+A)(t-\theta)$.

Что касается до работы, то ее не трудно вычислить. Представимъ себѣ опять, что газъ находится въ нѣкоторомъ цилиндрѣ съ поршнемъ и сжатъ черезъ давленіе, производимое на послѣдній. Допустимъ, что когда поршевь находится у выхода изъ цилиндра, давленіе внутри цилиндра равняется внѣшнему.

Назовемъ s сѣченіе цилиндра, l общую длину его, h разстояніе поршня отъ дна, когда газъ сжатъ, p_0 давленіе атмосферы, отнесенное къ единицѣ площади. Тогда sp_0 будетъ давленіе атмосферы на весь поршень, $sl=u_0$ объемъ газа подъ давленіемъ p_0, а $sh=u_1$ объемъ сжатаго газа. Если бы поршень двигался безъ тренія, то работа силы внутренняго давленія (равная той, которая была потрачена на сжатіе газа) произвела бы при освобожденіи поршня два дѣйствія: 1) оттѣснила бы на разстояніе $l-h$ атмосферное давленіе p_0s, дѣйствующее снаружи на поршень, т. е. произвела бы работу $p_0s(l-h)$ или $p_0(u_0-u_1)$, и 2) сообщила бы поршню нѣкоторую живую силу, такъ что онъ вылетѣлъ бы изъ цилиндра какъ пробка духоваго ружья. Но если поршень движется съ треніемъ и доходитъ до отверстія цилиндра съ ничтожною скоростью, то сія послѣдняя живая сила снова превращается въ тепло. Въ снарядѣ Джоуля токъ газа регулировался краномъ, такъ что газъ выходилъ наружу съ весьма малой скоростью. Но внутри крана происходило треніе газа, порождавшее тепло, и такъ

какъ кранъ, и слѣдующій за онымъ змѣевикъ находились внутри самаго калориметра, то часть тепла, заимствованнаго отъ охлаждающаго черезъ расширеніе газа, снова возращалась калориметру. Весь этотъ послѣдній процессъ мы поэтому можемъ оставить безъ вниманія. Оставшееся затѣмъ поглощеннымъ тепло $(q+A)(t-\theta)$ мы можемъ считать превратившимися во внѣшнюю работу $p_0(u_0-u_1)$ слѣд.

$$E = \frac{p_0(u_0-u_1)}{(q+A)(t-\theta)}$$

Джоуль бралъ воздухъ сгущенный до различнаго давленія, и давалъ ему разрѣжаться вполнѣ или отчасти; въ послѣднемъ случаѣ величинѣ u_0 нашей формулы нужно приписать нѣсколько иное значеніе, а именно объема газа при томъ давленіи, которое остается при концѣ опыта. Онъ получилъ слѣдующіе результаты:

Воздухъ разрѣжается:	E
Отъ 21 до 1 атмосф.	450,9
„ 10 „ 1 „	447,6
„ 23 „ 14 „	417,9

Въ заключеніе упомянемъ вкратцѣ еще объ опытахъ Гирна надъ превращеніемъ тепла въ работу помощью паровой машины. Хотя здѣсь, вслѣдствіе сложности аппарата, и невозможности съ точностью опредѣлить ту часть работы, которая тратится на преодолѣніе тренія въ различныхъ частяхъ самой машины, нельзя было ожидать полученія точнаго числа для механическаго эквивалента теплоты, но тѣмъ не менѣе Гирну удалось доказать, что количество произведенной работы и количество исчезнувшаго тепла всегда между собой пропорціональны, какимъ бы образомъ машина ни работала. Количества тепла можно было опредѣлить зная температуры, при которыхъ паръ входилъ и выходилъ изъ цилиндра, и зная его такъ наз. скрытую и удѣльную теплоту. Работа машины опредѣлялась помощью тормаза

Прони, описаніе котораго можно найти въ учебникахъ практической механики.

Изъ всѣхъ опытовъ, описанныхъ въ настоящей главѣ, видно, что механическій эквивалентъ теплоты, въ предѣлахъ неизбѣжныхъ ошибокъ наблюденія, въ самомъ дѣлѣ можно считать величиной постоянной. Наиболѣе вѣроятное число, выводимое изъ опытовъ, есть E=425. На каждые 425 килограмметровъ затраченной работы появляется 1 калорія тепла, и наоборотъ затратой 1 калоріи можно произвести 425 килограмметровъ работы.

Р. Колли.

Глава III.

Явленія химическія и теплота.

§ 1.

Въ предъидущей главѣ мы разсмотрѣли тепло, появляющееся вслѣдствіе затраты работы механическихъ силъ, какъ напр. силы тяжести. Полученные нами выводы мы можемъ обобщить. Въ самомъ дѣлѣ, если тепло есть форма энергіи, то появленіе его иначе и не мыслимо, какъ при единовременной затратѣ работы какихъ либо силъ (*). Источники и свойство этой работы мы должны теперь стараться разъяснить насколько это окажется возможнымъ.

Главнѣйшимъ источникомъ тепла на землѣ, не считая солнца, которое передаетъ его намъ такъ сказать въ готовомъ видѣ, служатъ химическіе процессы, преимущественно процессъ горѣнія.

Въ главѣ I задача 3 мы разсмотрѣли случай точки, падающей на землю изъ безконечно далекаго разстоянія. Мы видѣли, что въ случаѣ силы, достаточно быстро убывающей съ разстояніемъ, величина работы есть величина конечная, а не безконечно большая. Аеролиты, падающіе на землю изъ безконечной дали и обладающіе хотя и значительной, но всетаки измѣримой живой силой, подтверждаютъ фактически этотъ выводъ теоріи.

(*) Возможенъ еще случай непосредственно превращенія въ тепло какой либо другой формы кинетической энергіи. Такого рода явленіе представляетъ напр. нагрѣваніе проводника гальваническимъ токомъ, о которомъ я надѣюсь поговорить во второй части этого труда.

Всѣ такъ называемыя молекулярныя силы, къ которымъ принадлежатъ и силы химическія, весьма быстро убываютъ съ разстояніемъ; ихъ дѣйствіе ощутительно лишь на томъ очень близкомъ, хотя и конечномъ разстояніи, которое мы въ общежитіи называемъ прикосновеніемъ. Поэтому два тѣла, отстоящія другъ отъ друга на видимую величину, по отношенію къ молекулярнымъ силамъ, можно разсматривать какъ бы безконечно удаленныя.

Представимъ себѣ атомъ углерода и два атома кислорода. Пусть сначала послѣдніе удалены на значительное разстояніе отъ перваго. Допустимъ далѣе, что вслѣдствіе движенія, которое имѣютъ атомы кислорода, они на столько приблизятся къ атому углерода, что оба за разъ, или одинъ за другимъ, взойдутъ въ его сферу дѣйствія. Тогда возможно, что вслѣдствіе нѣкоторой притягательной силы, существованіе которой мы можемъ принять между разнородными атомами, оба атома кислорода устремяться такъ сказать на атомъ углерода, и расположатся вблизи его въ нѣкоторыхъ новыхъ положеніяхъ равновѣсія. Матерьяльная система, состоящая изъ названныхъ трехъ атомовъ, перешла отъ одного распредѣленія ея составныхъ частей, когда ихъ можно было считать безконечно удаленными другъ отъ друга, къ другой болѣе тѣсной группировкѣ, называемой химическимъ соединеніемъ. Изъ углерода и кислорода образовалось новое тѣло, углекислота, отличное по своимъ свойствамъ отъ прежнихъ.

По такому представленію явленіе соединеніи двухъ атомовъ кислорода съ атомомъ углерода совершенно аналогично паденію двухъ аеролитовъ на землю изъ такихъ сферъ, гдѣ притяженіе земли не замѣтно. Въ случаѣ аеролитовъ живая сила, пріобрѣтаемая вслѣдствіе работы тяжести, превращается въ тепло; соединеніе углерода съ кислородомъ также выдѣляетъ тепло, которое мы имѣемъ право считать эквивалентомъ затраченной работы химическихъ силъ. Разъединенные углеродъ и кислородъ представляютъ намъ такой же запасъ потенціальной энергіи, какъ не упавшіе еще на землю аеролиты.

Мы ничего не знаемъ о свойствахъ силы такъ назыв. „химическаго сродства", которая заставляетъ соединяться разнородные элементы; но если мы допустимъ: 1) что она принадлежитъ къ силамъ *центральнымъ*, (см. выше опредѣ-

ленie этого термина), 2) что она весьма быстро убываетъ съ разстоянiемъ, то изъ этого, помимо всякихъ дальнѣйшихъ гипотезъ о сущности ея, вытекаютъ для нашего случая слѣдующiя слѣдствiя:

1) Величина работы при соединенiи двухъ атомовъ кислорода съ однимъ атомомъ углерода должна быть конечная.

2) Она должна зависѣть лишь отъ начальнаго и конечнаго состоянiя разсматриваемыхъ тѣлъ, а не отъ промежуточныхъ стадiй. Такъ напр. она будетъ одна и та же, сожжемъ ли мы углеродъ прямо до степени угольной кислоты, или заставимъ соединиться сначала съ однимъ атомомъ кислорода, образуя окись углерода, которую затѣмъ уже превратимъ въ углекислоту.

Обратно: если опытъ оправдаетъ эти слѣдствiя, то мы изъ этого можемъ заключить, что сила химическаго сродства не есть какая либо сила sui generis, но такая же какъ и другiя, извѣстныя намъ механическiя и молекулярныя силы. Она направлена по прямой, соединяющей взаимодѣйствующiя массы (*), и зависитъ только отъ ихъ специфическихъ свойствъ и взаимнаго разстоянiя.

Никто конечно не изолировалъ до сихъ поръ атома углерода и не производилъ съ нимъ опыта; но не трудно произвести опытъ надъ вполнѣ опредѣленнымъ, хотя и неизвѣстнымъ намъ количествомъ атомовъ, которое содержится напр. въ 1 граммѣ углерода. Общую величину работы мы можемъ опредѣлить по количеству выдѣляющагося при реакцiи тепла.

Необходимо впрочемъ имѣть въ виду, что большинство химическихъ процессовъ всегда сопровождаются процессами чисто физическими; происходитъ перемѣна состоянiя аггрегацiи, измѣненiе объема и проч. Эти послѣднiе процессы также представляютъ извѣстную работу, такъ что количество тепла, выдѣленное при реакцiи есть только выраженный въ калорiяхъ общiй итогъ, или алгебраическая

(*) Очевидно нѣтъ надобности и повода предполагать непремѣнно атомы матерьяльными точками. Они могутъ имѣть и конечные размѣры; тогда различныя *части* ихъ могутъ притягиваться, и могутъ явится пары извѣстнымъ образомъ орiентирующiя атомы.

сумма работъ при всѣхъ отдѣльныхъ химическихъ и физическихъ процессахъ, составляющихъ или сопровождающихъ реакцію. Напримѣръ такъ наз. „скрытая теплота", выдѣляющаяся при застываніи жидкостей, кристаллизаціи растворовъ солей, образованіи осадковъ и проч., есть ничто иное, какъ термическій эквивалентъ работы, которая производится внутренними силами, когда атомы тѣла группируются въ положеніе равновѣсія, соотвѣтствующее твердому состоянію. Если происходитъ обратный процессъ, то онъ понятно поглощаетъ такое же количество тепла, какое выдѣлялъ бы процессъ прямой. Тоже самое примѣняется и къ переходу тѣлъ изъ жидкаго состоянія въ газообразное и обратно. При послѣднихъ превращеніяхъ кромѣ того всегда происходитъ положительная или отрицательная внѣшняя работа, вслѣдствіе того, что тѣла весьма значительно измѣняются въ объемѣ, находясь подъ давленіемъ, которое будетъ давленіе нашей атмосферы, если опытъ производится въ сосудахъ, сообщающихся съ наружнымъ воздухомъ. Если давленіе всегда одно и тоже и не измѣняется во время опыта, то величина внѣшней работы будетъ зависѣть только отъ начальнаго и конечнаго состоянія разсматриваемыхъ тѣлъ. Но если условія опытовъ таковы, что тѣла въ разныхъ случаяхъ измѣняютъ объемъ подъ различнымъ, и различнымъ образомъ мѣняющимся давленіемъ, то и внѣшняя работа будетъ различна. Мы оставимъ пока въ сторонѣ эти болѣе сложные случаи, могущіе встрѣтится только если производить опыты въ закрытыхъ сосудахъ.

И такъ, если согласно нашему предположенію сила химическаго сродства ничѣмъ существенно не отличается отъ прочихъ силъ природы, то количество тепла, выдѣляемое химическимъ процессомъ, зависитъ лишь отъ начальныхъ и конечныхъ продуктовъ реакціи и отъ ихъ физическаго состоянія, т. е. ихъ объема, температуры и давленія. Опытъ на самомъ дѣлѣ вполнѣ подтверждаетъ высказанныя предположенія, и притомъ во всѣхъ безъ исключенія изслѣдованныхъ до сихъ поръ случаяхъ. Въ приведенномъ нами примѣрѣ сгаранія одного грамма угля до степени угольной кислоты подъ давленіемъ атмосферы, выдѣляется всегда одно и то же количество тепла, происходитъ ли горѣніе скоро или медленно, обращается ли уголь прямо въ

углекислоту или сначала въ окись углерода, которая затѣмъ съ новымъ количествомъ кислорода даетъ углекислоту.

Этотъ простой фактъ, имѣетъ капитальную важность. Онъ доказываетъ примѣнимость теоремы живыхъ силъ къ движеніямъ, производимыхъ силой химическаго сходства, и такимъ образомъ вводитъ ее въ кругъ другихъ знакомыхъ намъ силъ. Явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, служитъ основаніемъ новой науки, которую можно назвать *химической* или *атомной динамикой*, въ противуположность къ *химической статикѣ*, которая одна до сихъ поръ изучалась химиками. Вслѣдствіе того, что количество молекулярной работы измѣряется чаще всего соотвѣтствующимъ количествомъ тепла, этотъ отдѣлъ химіи получилъ также названіе *термохиміи*, подъ которымъ болѣе всего и извѣстенъ (*).

Привожу для примѣра нѣсколько числовыхъ данныхъ, добытыхъ экспериментальными методами, которые будутъ описаны ниже, и показывающихъ величину работы при различныхъ реакціяхъ. Приведенныя величины отнесены не къ единицѣ вѣса тѣлъ, но символомъ H обозначенъ 1 граммъ водорода, а химическими знаками другихъ тѣлъ, количество граммовъ пропорціональное ихъ атомнымъ вѣсамъ; (напр. O значитъ 16 граммовъ кислорода). Данныя эти извлечены изъ работъ Томзена.

Реакціи.	Общая величина химической работы.	
	Въ калоріяхъ.	Въ килограмметрахъ.
$H_2 + Cl_2 = 2\,HCl$ (газообразн.) . .	44,0	18700
$H_2 + Br_2 = 2\,HBr$ (газообразн.) . .	16,9	7174
$H_2 + O = H_2O$ (паръ при 100°) .	58,9	24570
„ „ (вода жидкая при 18°)	68,4	29050
$C + O_2 = CO_2$ (газообразн.). . .	93,6	39780

(*) Эта отрасль науки разрабатывалась преимущественно нижеслѣдующими учеными, къ знакомству съ трудами которыхъ настоящій очеркъ можетъ служить введеніемъ: 1) Berthelot; статьи его помѣщались преиму-

Изъ таблицы видно, какъ значительна вообще работа при химическихъ процессахъ. Если припомнить, что работа есть произведеніе силы на путь, и принять во вниманіе, что траэкторія атомовъ, когда они вступаютъ въ сферу взаимодѣйствія, и двигаются подъ вліяніемъ химическихъ силъ, весьма мала (*), то ясно, какую страшную интенсивность должна вообще имѣть сила химическаго сродства. Понятно, что мы механическими силами, сравнительно ничтожными, не можемъ разщепить напр. частицу воды на ея составляющіе атомы.

§ 2.

Если реакція прямая, т. е. реакція соединенія, выдѣляетъ извѣстное количество тепла, то реакція обратная (распаденія) должна сопровождаться поглощеніемъ того же самаго количества тепла. Отрицательная работа противъ химическихъ силъ во второмъ случаѣ должна равняться положительной работѣ, производимой ими въ первомъ случаѣ.

Источниками энергіи для такой отрицательной работы могутъ служить: электрическій токъ, тепло (очень высокая температура) и наконецъ другая, совмѣстно происходящая реакція. Послѣднимъ источникомъ энергіи чаще всего пользуются химики. Предположимъ напр., что мы на бромистый водородъ дѣйствуемъ хлоромъ; произойдетъ образованіе хлористаго водорода съ выдѣленіемъ брома.

$$Cl_2 + 2\,HBr = 2\,HCl + Br_2.$$

щественно въ Annales de Chimie et de Physique и въ Comptes Rendus de l'Académie des Sciences за послѣдніе годы. 2) Thomsen, которому наука обязана наибольшимъ числомъ точныхъ экспериментальныхъ данныхъ; (статьи въ Pogg. Annalen и въ Journal fur practische Chemie), затѣмъ Favre и Silbermann, Andrews, Лугининъ и другіе. Сводъ термохимическихъ данныхъ можно найти въ сочиненіи Rühlmann'a: Handbuch der Mechanischen Wärmetheorie и въ Физической химіи г. Любавина. Прекрасная книга Naumann'a: Grundzüge der Thermochemie, Braunschweig 1869, успѣла уже нѣсколько устарѣть при быстрыхъ успѣхахъ этой науки.

(*) По нѣкоторымъ новѣйшимъ опредѣленіямъ, построеннымъ на вполнѣ основательныхъ данныхъ, радіусъ сферы молекулярнаго (въ томъ числѣ и химическаго) взаимодѣйствія измѣряется милліонными и даже десятимилліонными долями миллиметра. См. O. E. Meyer. Kinetische Theorie der Gase. Cap. X.

Назовемъ С общее количество тепла, выдѣляемаго при этой реакціи, когда въ взаимодѣйствіе вступаютъ количества веществъ, эквивалентныя 2 граммамъ водорода. Процессъ этотъ мы можемъ разсматривать состоящимъ изъ двухъ:

1) Разщепленіе бромистаго водорода $2\,HBr = H_2 + Br_2$.

2) Соединеніе хлора съ водородомъ $H_2 + Cl_2 = 2\,HCl$.

Второй изъ этихъ процессовъ выдѣляетъ количество тепла А, приведенное въ таблицѣ на предъидущей страницѣ. Назовемъ В количество тепла, выдѣляемое при соединеніи брома съ водородомъ; тогда распаденіе бромистаго водорода, согласно нашему воззрѣнію, должно сопровождатся поглощеніемъ такого же количества тепла В; по этому количество тепла С, выдѣляемое реакціей вытѣсненія брома хлоромъ, должно быть равно А — В.

Опытъ вполнѣ подтверждаетъ предсказанія теоріи при этой и другихъ подобныхъ реакціяхъ.

Есть основаніе думать, что всякая химическая реакція есть въ сущности реакція сложная. Выше уже было упомянуто о томъ, что частицы простыхъ тѣлъ, за немногими исключеніями, состоятъ по меньшей мѣрѣ изъ двухъ атомовъ. На отдѣленіе этихъ атомовъ другъ отъ друга необходимо потратить нѣкоторую работу, такъ что образованіе хлористаго водорода изъ элементовъ принципіально не отличается отъ образованія его изъ бромистаго водорода и хлора. Этими соображеніями объясняются многія явленія, которыя иначе были бы непонятными. Хлоръ съ водородомъ, водородъ или углеродъ съ кислородомъ могутъ находится въ прикосновеніи не соединяясь химически. Свѣтовыя колебанія эфира, тепло и т. д., вообще всѣ тѣ причины, которыя способны такъ сказать разшатать связь между атомами частицы, вызываютъ химическое соединеніе. Матерьяльная система, находившаяся въ равновѣсіи при попарномъ соединеніи однородныхъ атомовъ, переходитъ въ другое положеніе равновѣсія, болѣе устойчивое, при которомъ соединены между собой разнородные атомы. Процессъ этотъ въ итогѣ сопровождается положительной работой, т. е. выдѣленіемъ тепла. Нужно замѣтить, что и между сложными тѣлами множество реакцій наступаютъ также не иначе, какъ при нагрѣваніи, дѣйствіе свѣта и т. д. Если позволить себѣ грубое сравненіе съ явленіемъ чисто механическимъ, то можно привести слѣдующій примѣръ; тяжелое тѣло болѣе высокое чѣмъ ши-

рокое стоитъ стоймя на горизонтальной плоскости. При паденіи его на бокъ тяжесть совершитъ положительную работу; но для того чтобы его уронить необходимо сообщить ему толчекъ, такъ какъ оно и въ стоячемъ положеніи находится въ равновѣсіи, хотя и менѣе устойчивомъ чѣмъ въ лежачемъ; работа при выведеніи его изъ стоячаго положенія настолько, чтобы оно могло упасть, во всякомъ случаѣ менѣе работы тяжести при его паденіи, такъ что итогъ работы будетъ положительнымъ.

Химикамъ давно извѣстно, что тѣла in statu nascendi, т. е. только что выдѣляющіяся при какомъ либо химическомъ процессѣ, несравненно болѣе активны, т. е. обладаютъ несравненно большей способностью соединятся съ другими тѣлами, чѣмъ въ обыкновенномъ состояніи. Принимаютъ (*), что въ тѣлѣ in statu nascendi атомы не успѣли еще сгруппироваться попарно, поэтому здѣсь нѣтъ никакой траты работы на ихъ разъединеніе. Въ этомъ состояніи напр. водородъ и кислородъ соединяются прямо; нѣтъ надобности для этого зажигать смѣсь этихъ двухъ газовъ.

Есть случаи, когда распаденіе тѣла сопровождается выдѣленіемъ тепла, т. е. положительной работой; обыкновенно при этомъ тѣло распадается не на элементы (**), а лишь на тѣла болѣе простаго состава. Примѣрами могутъ служить: распаденіе перекиси водорода на кислородъ и воду, распаденіе всѣхъ такъ наз. взрывчатыхъ веществъ, какъ напр. пироксилина, нитроглицерина и проч., распаденіе паточнаго сахара на спиртъ и углекислоту при броженіи и многіе другіе случаи.

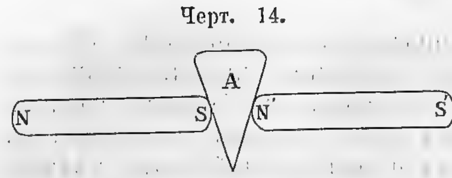
Для того чтобы уяснить себѣ съ точки зрѣнія механики возможность совершенія положительной работы при этихъ процессахъ, обратимся снова къ примѣру явленія чисто механическаго. Представимъ себѣ матерьяльную систему, со-

---

(*) Lothar Meyer. Die modernen Theorien der Chemie 3-e Aufl. Стр. 62.

(**) Есть впрочемъ случаи и такого рода распаденія; примѣромъ можетъ служить хлористый азотъ. Въ силу вышеприведенныхъ соображеній о сложности частицъ простыхъ тѣлъ, эти случаи не представляютъ принципіальнаго отличія отъ прочихъ.

Черт. 14.

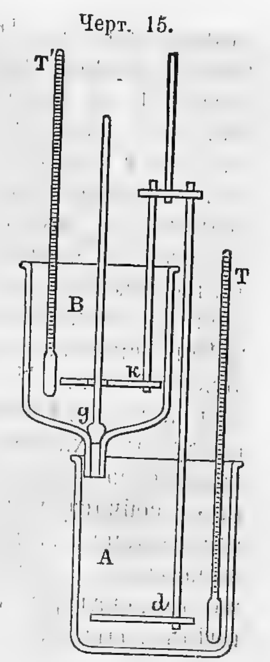

стоящую изъ двухъ магнитовъ NS и N'S' (Черт. 14), обращенныхъ другъ къ другу разноименными полюсами, и изъ клина A. Допустимъ, что клинъ сначала удерживается между полюсами магнита какимъ либо препятствіемъ, которое затѣмъ устраняется. Если треніе незначительно, то взаимное притяженіе полюсовъ S и N' вышибетъ клинъ A, при чемъ онъ вылетитъ съ нѣкоторой скоростью, обладая слѣдовательно извѣстной живой силой; кромѣ того самые магниты, послѣ удаленія клина, ударяется другъ о друга. Система, съ совершеніемъ положительной работы, перейдетъ въ новое, болѣе устойчивое положеніе равновѣсія, при чемъ она распадется на двѣ части, отнынѣ ничѣмъ уже не связанныя и вполнѣ самостоятельныя; одна изъ частей состоитъ изъ двухъ магнитовъ NS и N'S', другая изъ клина A.

Не должны ли мы предполагать нѣчто подобное при распаденіи напр. перекиси водорода? Если это тѣло имѣетъ структуру H—O—O—H и если мы примемъ во вниманіе, что размѣщеніе двухъ атомовъ водорода вблизи одного только атома кислорода въ водѣ H—O—H представляетъ положеніе равновѣсія несравненно болѣе устойчивое, то понятно, что удаленіе втораго атома кислорода можетъ сопровождается положительной работой силъ системы. Этотъ атомъ, какъ клинъ A нашего примѣра, въ извѣстныхъ случьаяхъ можетъ вылетѣть изъ соединенія, а прочіе атомы принять болѣе тѣсную группировку. Возвышенная температура, усиливая движенія атомовъ, ведетъ къ нарушенію того мало устойчиваго положенія равновѣсія, которое соотвѣтствуетъ группировкѣ атомовъ въ перикиси водорода.

§ 3.

Количество тепла, выдѣляемаго химическими процессами, опредѣляется тѣми же экспериментальными методами, которые служатъ для опредѣленія количествъ тепла въ другихъ случаяхъ. Для этой цѣли можно воспользоваться любымъ изъ употребительныхъ калориметровъ, приспособивъ его нѣсколько для данной цѣли.

Черт. 15.

Томзенъ, изслѣдовавшій по преимуществу взаимодѣйствіе тѣлъ въ очень разжиженныхъ водныхъ растворахъ, (какъ напр. соединеніе кислотъ съ основаніями), употреблялъ снарядъ, который схематически изображенъ на Черт. 15. Одна изъ вступающихъ въ реакцію жидкостей помѣщена въ платиновомъ калориметрѣ A, снабженномъ термометромъ T и мѣшалкой d; надъ нимъ помѣщенъ платиновый же воронкообразный сосудъ B съ другой жидкостью, снабженный также термометромъ T' и мѣшалкой k, Открывая затычку g можно было жидкость изъ B выпустить въ A, гдѣ происходило взаимодѣйствіе. Оба сосуда были помѣщены еще внутри другихъ, не изображенныхъ на фигурѣ сосудовъ, служащихъ для того, чтобы по возможности уничтожить обмѣнъ тепла черезъ радіацію. Растворы Томзена были настолько разжижены, что теплоемкость ихъ можно было принять равной единицѣ, т. е. теплоемкости воды; поэтому называя P_a и P_b вѣсы, t_a и t_b температуры жидкостей до реакціи, θ температуру послѣ реакціи, A приведенный къ водѣ вѣсъ колориметра съ мѣшалкой и термометромъ, Q выдѣляемое реакціей количестео тепла, имѣемъ:

$$Q = (P_a + A)(\theta - t_a) + P_b(\theta - t_b).$$

Для опытовъ, при которыхъ газы вступаютъ въ реакцію между собою и съ другими тѣлами, употреблялись различными наблюдателями платиновыя, со всѣхъ сторонъ замкнутыя камеры, погружаемыя въ калориметръ съ водою, и снабженныя вводящими и выводящими трубками; послѣднимъ иногда давалась форма змѣевика, помѣщеннаго внутри калориметра, для болѣе полнаго обмѣна тепла между камерой и водой. Изъ повышенія температуры калориметра можно было, способомъ подобнымъ вышеописанному, вычислить количество выдѣлившаго тепла.

По поводу количествъ тепла, выдѣляемыхъ химическими процессами, прибавимъ еще слѣдующее замѣчаніе, выска-

занное Бертело. Представимъ себѣ, что одна и таже химическая реакція происходитъ въ одномъ случаѣ при температурѣ t въ другомъ при болѣе высокой температурѣ T, при чемъ начальные и конечные продукты реакціи также находятся соотвѣтственно при t и T; давленіе пусть остается неизмѣннымъ. Количества тепла Q_t и Q_T, выдѣляемыя реакціей въ двухъ случаяхъ, будутъ вообще говоря не одинаковы. Въ самомъ дѣлѣ представимъ себѣ начальные продукты реакціи при температурѣ t; вмѣсто того, чтобы при этой же температурѣ вызвать взаимодѣйствіе, мы ихъ нагрѣемъ сначала отъ t до T, причемъ поглотится ими количество тепла U, затѣмъ при T заставимъ реагировать, при чемъ выдѣлится тепло Q_T, и въ заключеніи конечные продукты охладимъ отъ T до t; они при этомъ отдадутъ количество тепла V. Произойдетъ ли реакція при описанныхъ сейчасъ условіяхъ, или же прямо при t, общее количество тепла выдѣляемаго ею должно быть одинаково, ибо начальные и конечные продукты тѣже и находятся при той же температурѣ и томъ же давленіи. Потому мы должны имѣть уравненіе:

$$Q_t = Q_T - U + V$$

Изъ этого уравненія видно, что Q_t будетъ равно Q_T только если $V = U$. Но послѣднее равенство существуетъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Если даже въ предѣлахъ температуры отъ t до T и не происходитъ перемѣны состоянія аггрегаціи тѣлъ, то существованіе этого равенства требовало бы, чтобы сумма такъ наз. частичныхъ теплоемкостей, т. е. произведеній теплоемкости на вѣсъ частицы, была бы одинакова какъ для начальныхъ такъ и для конечныхъ продуктовъ реакціи, чего вообще говоря нѣтъ.

Смотря потому будетъ ли $V - U > 0$ или $V - U < 0$, мы будемъ имѣть $Q_T < Q_t$ или $Q_T > Q_t$. Бертело, принимая во вниманіе, что V и U неодинаково измѣняются съ температурой, предвидитъ возможность случая, что для нѣкоторой (высокой) температуры $V - U = Q_t$ и слѣд. $Q_T = o$; т. е. образованіе и распаденіе химическаго соединенія не сопровождается никакой работой. Сложное тѣло можетъ слѣд. само собой распасться на элементы. Въ этомъ состоитъ явленіе такъ наз. *диссоціаціи*, уже давно извѣстное химикамъ. Опытъ

показываетъ и вода и многія другія не менѣе стойкія соединенія распадаются при очень высокой температурѣ. Работа разрушенія сложнаго тѣла $-Q_t = -V + U$ здѣсь совершается на счетъ тепловой энергіи, ибо количество тепла V, которое поглощаетъ тѣло до распаденія, больше количества U отдаваемаго послѣ онаго. Относительно самаго механизма диссоціаціи принимаютъ, что движеніе атомовъ внутри частицы при очень высокой температурѣ дѣлается настолько сильнымъ, что они вылетаютъ изъ сферы взаимодѣйствія и частица распадается.

§ 4.

Представимъ себѣ матерьяльную систему, точки которой относительно другъ друга находятся первоначально въ состояніи покоя, въ которомъ удерживаются какими нибудь препятствіями. Пусть на эту систему не дѣйствуютъ никакія силы внѣшнія, т. е. исходящія отъ тѣлъ, не принадлежащихъ къ системѣ. Точки этой системы по устраненіи препятствій могутъ очевидно принять лишь такое движеніе, при которомъ внутреннія силы совершатъ въ итогѣ положительную работу. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь нѣтъ источника, изъ котораго могла бы заимствоваться энергія для работы отрицательной. Кромѣ того ясно, что если точки свободны, то прійдя въ движеніе изъ состоянія покоя, онѣ будутъ двигаться по направленію дѣйствующихъ на нихъ силъ. Если же онѣ связаны между собой такъ, что напр. движеніе однѣхъ въ одну сторону возможно не иначе какъ вмѣстѣ съ движеніемъ другихъ въ противуположную, то возможенъ конечно случай, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ движеніе сопровождается отрицательной работой дѣйствующихъ на нихъ силъ, но всетаки общій итогъ работы будетъ положительный. Самую причину движенія мы даже можемъ формулировать такимъ образомъ: точки системы потому пришли въ движеніе, что для силъ системы представилась возможность совершить положительную работу.

Если я тяжелое тѣло выпускаю изъ рукъ, оно падаетъ. Я могу конечно сказать, что оно падаетъ потому, что земля его притягиваетъ; но туже самую мысль я могу выразить и такимъ образомъ: тѣло падаетъ потому, что для си-

лы тяжести представляется возможность совершить положительную работу.

Такъ же точно если я на чашки вѣсовъ положу неравные грузы, то, по освобожденіи арретировки, большій грузъ перетянетъ меньшій. Я могу сказать, что въ этомъ случаѣ вѣсы потому движутся въ сторону большаго груза, что тяжесть можетъ совершить работу, коей итогъ положительный. Въ самомъ дѣлѣ работа состоитъ изъ суммы двухъ факторовъ: опусканіе большаго груза представляетъ положительную работу, подпятіе на такую же высоту меньшаго груза—отрицательную. Первый факторъ очевидно больше втораго и потому алгебраическая сумма ихъ положительна.

Если бы мы всегда имѣли право игнорировать собственное движеніе атомовъ въ частицѣ сложнаго тѣла, то приложеніе предъидующаго принципа къ химическимъ явленіямъ вело бы къ весьма важнымъ слѣдствіямъ. Помощью его можно бы было безошибочно предсказывать химическія реакціи между тѣлами, предполагая разумѣется, что имѣются для этого необходимыя числовыя данныя. Постараемся пояснить нашу мысль. Изъ таблицы въ § 1 видно, что соединеніе двухъ граммовъ водорода съ эквивалентнымъ количествомъ хлора сопровождается работой въ 18700 килограмметровъ; соединеніе водорода съ бромомъ даетъ 7174 kgmt. Если мы на газообразный бромистый водородъ будемъ дѣйствовать хлоромъ, то мы напередъ можемъ сказать, что произойдетъ вытѣсненіе брома хлоромъ, ибо при такомъ процессѣ химическія силы могутъ совершить положительную работу. Въ самомъ дѣлѣ выше уже было объяснено, что процессъ этотъ мы можемъ разсматривать какъ алгебраическую сумму двухъ другихъ: расщепленія бромистаго водорода, сопровождаемаго отрицательной работой равной 7174 килограмметрамъ, и соединенія хлора съ водородомъ, при которомъ происходитъ положительная работа въ 18700 kgmt. Алгебраическая сумма ихъ $18700 - 7174 = 11526$ положительна. Потому процессъ этотъ столь же необходимо долженъ произойти, какъ на вѣсахъ большій грузъ долженъ перетянуть меньшій, а обратный процессъ самопроизвольнаго вытѣсненія хлора бромомъ изъ хлористаго водорода столь же мало возможенъ, какъ наклоненіе вѣсовъ въ сторону меньшаго груза. Бертело называетъ высказанный сейчасъ принципъ „принципомъ наибольшей работы“, ибо по-

лучается то соединеніе, при образованіи котораго силы могутъ совершить наибольшую положительную работу. Принципъ этотъ, какъ мы видѣли, есть прямое слѣдствіе закона сохраненія энергіи.

Выше уже было указано, что числа въ родѣ приведенныхъ въ таблицѣ § 1 выражаютъ лишь общій итогъ какъ химическій такъ и физическій работы при реакціи. Эта послѣдняя играетъ далеко не послѣднюю роль, и часто отъ нея зависитъ образованіе тѣхъ или другихъ соединеній. Приведу примѣръ. Изслѣдованія Томзена и другихъ показали, что соединеніе сильныхъ минеральныхъ кислотъ, (соляной, азотной и др.), съ сильными основаніями, (щелочами и щелочными землями), въ водныхъ растворахъ, выдѣляетъ при компатной температурѣ приблизительно одинаковое количество тепла, какую бы кислоту и какое основаніе мы мы взяли. Поэтому при смѣшеніи напр. растворовъ хлористаго барія и азотнокослаго натра, или же азотнокислаго барита и хлористаго натрія, весьма легко происходитъ обмѣнъ кислотъ съ основаніями, ибо положительная работа взаимно уравновѣшивается. Смотря по температурѣ, концентраціи и т. д. изъ раствора выкристаллизовываются тѣ или другія изъ названныхъ четырехъ солей. Но если мы смѣшаемъ растворы хлористаго барія и сѣрнокислаго натра, то уже не будетъ никакой неопредѣленности относительно того, какая кислота будетъ соединена съ какимъ основаніемъ. Весь или почти весь баритъ выдѣлится въ видѣ осадка сѣрнокислаго барита; въ растворѣ останется хлористый натрій. Дѣло въ томъ, что хотя собственно химическая работа соединенія барита съ сѣрной кислотой величина такого же порядка, какъ и прочія, но образованіе осадка, т. е. переходъ изъ жидкаго состоянія въ твердое, сопровождается весьма значительной положительной работой, (выдѣленіемъ скрытой теплоты). Поэтому общій итогъ положительной работы, состоящей изъ 1) образованія сѣрнокислаго барита, 2) выдѣленія его въ видѣ осадка и 3) образованія хлористаго натрія, больше отрицательной работы разщепленія хлористаго барія и сѣрнокислаго натра. Въ силу высказаннаго сейчасъ принципа, эта реакція слѣдовательно необходимо должна произойти при смѣшеніи хлористаго барія съ сѣрнокислымъ натромъ. Примѣровъ подобныхъ настоящему можно привести множество. Химиками

давно было замѣчено стремленіе тѣлъ къ растворѣ къ образованію нерастворимыхъ соединеній. Главнѣйшіе методы аналитической химіи, (анализъ мокрымъ путемъ), имѣютъ основаніемъ это положеніе.

Въ дѣйствительности дѣло происходитъ не всегда такъ просто, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ. Въ настоящее время несомнѣнными опытами доказано, что, при взаимодѣйствіи между нѣкоторыми тѣлами, сами собой, безъ приложенія внѣшнихъ источниковъ энергіи, могутъ происходить реакціи, сопровождаемыя отрицательной работой. Такого рода реакціи слѣдовательно сопровождаются не выдѣленіемъ а *поглощеніемъ* тепла. Химики называютъ ихъ *эндотермическими*, въ отличіе отъ реакцій *экзотермическихъ*, выдѣляющихъ тепло. Поглощеніе тепла можетъ происходить не только вслѣдствіе физическихъ процессовъ, какъ напр. выдѣленія паровъ и газовъ, растворенія (какъ въ холодящихъ смѣсяхъ), но и при процессахъ чисто химическихъ. Такъ въ водномъ растворѣ обыкновенный (средній) сѣрнокислый натръ съ сѣрной кислотой отчасти превращается въ кислый сѣрнокислый натръ, съ поглощеніемъ тепла. Съ точки зрѣнія механики конечно непредставляетъ затрудненія вообразить себѣ такой процессъ въ матерьяльной системѣ, при которомъ она переходитъ въ новое положеніе равновѣсія съ совершеніемъ работы противъ силъ, на счетъ ея кинетической энергіи (*), такъ что упомянутыя явленія отнюдь не служатъ опроверженіемъ какихъ либо изъ высказанныхъ выше положеній; на счетъ кинетической энергіи тепловаго движенія атомовъ и происходитъ здѣсь работа. Но затрудненіе представляется въ томъ, чтобы съ точностію опредѣлить, когда, при какихъ условіяхъ, происходятъ эндотермическія и когда экзотермическія реакціи. На сколько мнѣ извѣстна литература предмета, химики до сихъ поръ не выработали еще никакого общаго закона касательно этого важнаго пункта. Пока можно только сказать, что эндотермическія реакціи весьма немногочисленны, и притомъ поглощеніе тепла всегда сравнительно не велико. Когда

(*) Шаръ, пущенный съ нѣкоторой скоростью, который вкатился на гору и остановился на устроенной на вершинѣ ея горизонтальной площадкѣ, представляетъ намъ случай такого рода.

итогъ работы сколько нибудь значительный, то реакція происходитъ всегда въ такомъ смыслѣ (имѣетъ такой знакъ), чтобы этотъ итогъ былъ положительный. Часто съ переменой знака итога мѣняется знакъ реакціи. Бертело (*) приводитъ слѣдующій примѣръ. Хлористоводородный газъ, дѣйствуя на сухую синеродистую ртуть, образуетъ хлористую ртуть съ выдѣленіемъ синеродистаго водорода. По его опытамъ, реакція, при употребленіи количествъ вещества эквивалетныхъ одному грамму водорода, выдѣляетъ 5,3 калорій тепла. Напротивъ въ водномъ растворѣ синильная кислота вытѣсняетъ хлористоводородную, выдѣляя 6,0 калорій. Процессъ слѣдовательно всегда происходитъ такъ, чтобы итогъ работы былъ положительный. Бертело справедливо замѣчаетъ, что хлористоводородная кислота въ водномъ растворѣ потому оказывается слабѣе чѣмъ въ газообразномъ состояніи, что самый актъ поглощенія ея водою сопровождается значительнымъ выдѣленіемъ тепла, совершающимся на счетъ той потенціальной энергіи, которую она представляетъ соединясь съ металлическимъ основаніемъ.

Но если существованіе самопроизвольныхъ эндотермическихъ реакцій и составляетъ усложненіе и затрудненіе на первыхъ же шагахъ термохиміи, то съ другой стороны отъ изученія именно ихъ можно можетъ быть скорѣе всего ожидать нѣкотораго разъясненія вопроса о самой сущности тепловаго движенія, доселѣ необъясненнаго (*). Необходимое условіе для того, чтобы могла произойти эндотермическая реакція, заключается именно въ присутствіи этого движенія, и при этомъ очевидно не все равно, какого рода будетъ это движеніе. Законъ сохраненія энергіи, будучи независимъ отъ всякихъ спеціальныхъ гипотезъ о сущности молекулярныхъ движеній и силъ, требуя только, чтобы послѣднія были центральныя, именно по этой то причинѣ не можетъ самъ по себѣ служить къ разъясненію сущности тепловой энергіи.

Въ настоящей главѣ я имѣлъ главнымъ образомъ въ виду лишь выяснить механическія основы химической дина-

---

(*) Annales de Chimie et de Physique. 5 Ser. T. 4, p. 58.

(**) Только для случая газовъ добыты уже нѣкоторые результаты, бросающіе немного свѣта въ эту темную область.

міи или термохиміи. Основы эти, какъ видно, свободны отъ всякихъ произвольныхъ гипотезъ, что объусловливается упомянутымъ сейчасъ свойствомъ закона сохраненія энергіи, на которомъ построено все зданіе этой науки. Для болѣе подробнаго ея изученія отсылаю читателя къ сочиненіямъ неоднократно упоминаемыхъ авторовъ, трактующихъ объ этой интересной отрасли человѣческаго знанія.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

КЪ ВОПРОСУ О СТРОЕНІИ НѢКОТОРЫХЪ НЕПРЕДѢЛЬНЫХЪ СОЕДИНЕНІЙ СЪ ПОВТОРЯЮЩЕЮСЯ ДВОЙНОЮ СВЯЗЬЮ.

ОКИСЛЕНІЕ ДІАЛЛИЛА И ДІАЛИЛМЭТИЛКАРБИНОЛА.

Въ настоящее время, когда соединенія перваго непредѣльнаго ряда $C_nR'_{2n}$ изслѣдованы уже достаточно подробно, непредѣльныя соединенія втораго ряда $C_nR'_{2n-2}$ извѣстны еще крайне мало. Если углеводороды ацетиленные, имѣющіе тройную связь углеродныхъ атомовъ, и изъучены нѣсколько, то другой рядъ углеводородовъ C_nH_{2n-2}, характеризующійся присутствіемъ повторяющейся двойной связи углеродныхъ атомовъ, почти совершенно неизвѣстенъ. Только одинъ членъ этаго ряда—діаллилъ—служилъ предметомъ изслѣдованій, но этѣ послѣднія не привели до сихъ поръ даже къ установленію его формулы. Что касается другихъ членовъ того же ряда, къ которому принадлежитъ діаллилъ то изъ числа ихъ мы знаемъ только два соединенія, относительно строенія которыхъ не можетъ быть сомнѣнія; это—валериленъ Reboul'я (¹) и тетрамэтилалленъ Herny (²):

$$(CH_3)(CH_3)C{=}C{=}CH_2 \quad \text{и} \quad (CH_3)(CH_3)C{=}C{=}C(CH_3)(CH_3)$$

(¹) An. Ch. Phar. *131*. 238.

(²) Berichte d. deut. Chem. Gesel. *8*, 400.

Что же касается нѣкоторыхъ другихъ соединенiй, причисляемыхъ къ этой же группѣ, какъ изоаллиленъ и нѣкоторые высшiе углеводороды, то мы имѣемъ о нихъ такiя смутныя свѣденiя, что на основанiи ихъ невозможно составить никакого опредѣленнаго представленiя о строенiи этихъ соединенiй.

Между тѣмъ изслѣдованiе соединенiй этой группы представляетъ большой интересъ; имѣя повторяющуюся двойную связь, этѣ соединенiя должны представлять особенности, отличающiя ихъ отъ соединенiй этиленнаго ряда. Выясненiе этихъ особенностей и представляется желательнымъ, такъ какъ этимъ путемъ, можетъ быть, удастся достичь пониманiя характера углеводородовъ, еще болѣе непредѣльныхъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и терпены, или, покрайней мѣрѣ, опредѣлить путь для изслѣдованiя этихъ послѣднихъ.

Такой же интересъ представляетъ и изученiе алкоголей, отвѣчающихъ углеводородамъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Изслѣдованiе алкоголей $C_nH_{2n-3}OH$, характеризующихся присутствiемъ повторяющейся двойной связи, начато въ недавнее время полученiемъ дiаллилкарбинола. Вслѣдъ за полученiемъ его, А. М. Зайцевъ и я приготовили его высшiй гомологъ—дiаллилмэтилкарбинолъ, изслѣдованiемъ котораго я и занялся. Вмѣстѣ съ этимъ я приступилъ къ изслѣдованiю дiаллила (1), имѣя цѣлiю разрѣшенiе вопроса о строенiи этаго углеводорода. Результаты, полученные мною при изслѣдованiи дiаллила и дiаллилмэтилкарбинола, и изложены въ предлагаемой статьѣ.

Работа эта произведена въ лабораторiи органической химiи Казанскаго Университета. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы высказать мою глубокую признательность проф. Александру Михайловичу Зайцеву за то содѣйствiе, какое онъ мнѣ постоянно оказывалъ при исполненiи этаго изслѣдованiя.

(1) Благодаря любезности А. М. Зайцева я получилъ въ свое распоряженiе большое количество дiаллила, вещества, добыванiе котораго сопряжено съ большими затрудненiями. Этотъ дiаллилъ былъ полученъ какъ побочный продуктъ при приготовленiи алкоголей, заключающихъ радикалъ аллилъ.

ДІАЛЛИЛЪ.

I.

Berthelot и Luca ([1]), дѣйствуя натріемъ на іодистый аллилъ, или іодопропиленъ, какъ они его называютъ, получили въ 1856 г. углеводородъ состава C_3H_5, который они сочли за свободный радикалъ аллильныхъ соединеній и назвали *аллиломъ*, по аналогіи съ этиломъ, полученнымъ Frankland'омъ ([2]) дѣйствіемъ цинка на іодистый этилъ. Berthelot и Luca изслѣдовали полученный ими углеводородъ и нашли, что онъ образуетъ съ бромомъ и іодомъ кристаллическія соединенія состава $C_3H_5Br_2$ и $C_3H_5J_2$. Такъ какъ послѣднее соединеніе отличается отъ іодопропилена C_3H_5J только содержаніемъ одного атома іода, то названные изслѣдователи и старались перевести этѣ соединенія одно въ другое. Оказалось однако, что такой переходъ невозможенъ. Такъ, при дѣйствіи эквивалентныхъ количествъ аллила и іода получается все таки іодюръ аллила $C_3H_5J_2$, и часть аллила остается неизмѣненной. Дальше, іодюръ аллила при дѣйствіи ртути и хлороводорода невыдѣляетъ газа. Съ другой стороны іодопропиленъ, хотя и растворяетъ іодъ, но не измѣняется при этомъ; обработкой ртутью и хлороводородомъ онъ даетъ пропиленъ. Отсюда авторы вывели такое заключеніе, что соединенія C_3H_5J и $C_3H_5J_2$ не находятся другъ къ другу въ такомъ же отношеніи, какъ два іодистыхъ соединенія ртути, но соотвѣтствуютъ двумъ различнымъ молекулярнымъ состояніямъ аллила; такъ, углеводо-

---

([1]) Comptes rend. *42*, 233. An. Chem. Phar. *100*, 361.
([2]) An. Chem. Phar. *71*, 171.

родъ не представляетъ къ іодопропилену такого отношенія, какое долженъ имѣть радикалъ къ его іодюру.

Странно, что Berthelot и Luca, опредѣливъ этѣ отношенія, не пришли къ разъясненію ихъ причины. Какъ извѣстно, вслѣдъ за полученіемъ изолированныхъ алкогольныхъ радикаловъ Frankland'омъ и Kolbe появились со стороны Laurent и Gerhardt, Hoffmann'a и Brodi возраженія противъ тѣхъ формулъ, какими изображали составъ свободныхъ радикаловъ химики, получившіе ихъ. Послѣдніе придавали напр. этилу формулу C_2H_5, тогда какъ ихъ противники доказывали необходимость удвоенія этой формулы, превращенія ея въ C_4H_{10}, и соотвѣтственно этому измѣненія названія углеводорода въ діэтилъ. Это послѣднее мнѣніе получило блестящее подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ Wurtz'a [1], приготовившаго цѣлый рядъ смѣшанныхъ радикаловъ, какъ этилбутилъ, этиламилъ и т. д. Странно, что это изслѣдованіе, появившееся въ 1855 г., т. е. за годъ до работы Berthelot и Luca надъ аллиломъ, не навело этихъ химиковъ на мысль, что полученный ими углеводородъ представляетъ не аллилъ C_3H_5, а соединеніе двухъ такихъ группъ — діаллилъ — C_6H_{10}.

Какъ бы то ни было, но только Wurtz [2] разъяснилъ натуру углеводорода, полученнаго Berthelot и Luca, и показалъ, что это соединеніе не представляетъ аллила—радикала аллильныхъ производныхъ, а происходитъ вслѣдствіе соединенія двухъ такихъ радикаловъ, связанныхъ углероднымъ сродствомъ такъ, что ихъ невозможно раздѣлить. Вслѣдствіе этого углеводородъ долженъ имѣть формулу C_6H_{10} и названіе *діаллилъ*. Далѣе Wurtz пришелъ къ заключенію, что вещество это относится къ тому же непредѣльному ряду C_nH_{2n-2}, какъ и ацетиленъ, хотя и не составляетъ прямаго гомолога послѣдняго, что выведено Wurtz'емъ на основаніи извѣстной правильности измѣненія температуръ кипѣнія при переходѣ углеводородовъ ряда C_nH_{2n} въ углеводороды ряда C_nH_{2n-2}. Непредѣльность діаллила и его способность соединяться съ четырьмя одноатомными паями доказана Wurtz'емъ полученіемъ двухъ рядовъ производныхъ:

---

(1) An. de chim. et de phys. (3) *44*, 275.
(2) Ib. (4) *3*, 155.

предѣльныхъ, въ которыхъ діаллилъ соединенъ съ 4 атомами, и непредѣльныхъ, принадлежащихъ къ ряду C_nH_{2n}, въ которыхъ діаллилъ соединенъ съ двумя атомами. Такимъ образомъ это изслѣдованіе Wartz'a разъяснило химическій характеръ діаллила и опредѣлило его мѣсто въ системѣ органическихъ соединеній.

Дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ предстояло разрѣшить вопросъ о строеніи діаллила. Понятно, что вопросъ этотъ могъ быть рѣшенъ только послѣ того, какъ было опредѣлено строеніе радикала аллильныхъ соединеній.

Какъ извѣстно, Erlenmeyer (1), изслѣдуя образованіе іодистаго аллила изъ глицерина и его превращенія, пришелъ къ заключенію, что онъ имѣетъ такую формулу строенія $CH_2{=}CH\,CH_2J$. Послѣ этаго были высказаны иныя предположенія о строеніи аллильныхъ соединеній; такъ Kolbe (2) давалъ аллильному алкоголю формулу:

$$\left.\begin{matrix} CH_3 \\ CH \\ H \end{matrix}\right\} C.\,OH$$

Linnemann (3) принималъ для іодистаго аллила слѣдующее строеніе $CH_3CH\,CHJ$, а Carstanjen (4) находилъ въ аллильныхъ соединеніяхъ замкнутую группировку:

$$\begin{matrix} & CH_2 & \\ & \bigwedge & \\ CH_2 & — & CH\,X. \end{matrix}$$

Однако обстоятельныя изслѣдованія аллильныхъ соединеній Tollens'a (5) и Henry (6) приводятъ къ заключенію о правильности формулы Erlenmeyer'a, что подтверждается и

(1) An. Chem. Phar. *139*, 224.

(2) Ib. *150*, 350.

(3) Ib. *161*, 201. Linnemann вообще высказываетъ сомнѣніе въ правильности общепринятыхъ формулъ аллильныхъ соединеній. Berichte deut. chem. Gesel. *6*, 1520; *7*, 854.

(4) Berichte deut. chem. Gesel. *5*, 810.

(5) An. Chem. Phar. *156*, 129; *159*, 92; *167*, 222.

(6) Bullet. de l'Académ. de Belgique. *37*, 357, 521.

изслѣдованіями Kekule и Rinne (1). Такимъ образомъ въ настоящее время формула $CH_2=CH\,CH_2X$ можетъ считаться прочно установленной.

Когда былъ разрѣшенъ вопросъ о строеніи аллильныхъ соединеній, можно было приступить къ разрѣшенію вопроса о строеніи діаллила. Но еще раньше этаго мы находимъ попытку опредѣленія послѣдняго. Henry (2) получилъ въ 1869 г. соединенія діаллила съ хлорноватистой кислотой и двуокисью азота такого состава $C_6H_{10}Cl_2(OH)_2$ и $C_6H_{10}(NO_2)_2$. Чтобы показать аналогію, существующую между діаллиломъ и этиленомъ, Henry, принимая для аллила формулу $\begin{matrix}CH_2\\CH\\CH_2\end{matrix}$, приписываетъ діаллилу и происходящему изъ него „гексилендихлоргидрину“ формулы:

$$\begin{matrix}CH<\begin{matrix}CH_2\\CH_2\end{matrix}\\ |\\ CH<\begin{matrix}CH_2\\CH_2\end{matrix}\end{matrix} \quad \text{и} \quad \begin{matrix}CH<\begin{matrix}CH_2OH\\CH_2Cl\end{matrix}\\ |\\ CH<\begin{matrix}CH_2Cl\\CH_2OH\end{matrix}\end{matrix}$$

При этомъ Henry замѣчаетъ, что діаллилъ является эквивалентнымъ двумъ частицамъ этилена.

Но когда строеніе радикала аллила было опредѣлено, и когда, съ другой стороны, было введено въ науку представленіе о двойной связи углеродныхъ атомовъ и о несуществованіи соединеній съ свободнымъ сродствомъ, формула Henry уже не могла считаться правильной; да и самъ авторъ ея не упоминаетъ о ней въ своихъ послѣдующихъ работахъ.

Въ 1873 г. появились два изслѣдованія, въ которыхъ поднятъ былъ вопросъ о строеніи діаллила; это—работы Wagner'а и Tollens'а и Herny.

Wagner и Tollens (3), имѣя въ виду полученіе аллилбензола, примѣнили для реакціи бромистый аллилъ, такъ какъ съ іодистымъ по изслѣдованіямъ Fittig'а и Bigot не образуется искомый углеводородъ. Но оказалось, что и съ бромистымъ аллиломъ реакція въ желаемомъ направленіи нейдетъ, такъ какъ происходитъ главнымъ образомъ діаллилъ. Послѣдній былъ переведенъ въ бромистое соединеніе

(1) Berichte deut. chem. Gesel. *6*, 386.
(2) Ib. *2*, 279.
(3) Ib. *6*, 588.

$C_6H_{10}Br_4$, которое послѣ очищенія перекристаллизованіемъ плавилось при 62°,5—63°,5. Такъ какъ по показаніямъ Berthelot и Luca точка плавленія бромюра діаллила, полученнаго изъ іодистаго аллила, 37° (1), то являлся вопросъ, объусловливается-ли такое различіе нечистотой діаллила Berthelot и Luca, или оно зависитъ отъ изомеріи углеводородовъ, получаемыхъ изъ бромистаго и іодистаго аллила. Поэтому Wagner и Tollens получили діаллилъ различными путями; такъ изъ бромистаго аллила они получили его дѣйствіемъ натрія въ присутствіи алкоголя и дѣйствіемъ серебра, а изъ іодистаго аллила по способу Oppenheim'a (2), дѣйствуя на іодистый меркураллилъ ціанистымъ каліемъ. Во всѣхъ случаяхъ получался одинъ и тотъ же діаллилъ съ точкой кипѣнія 58°—60°, дающій бромистое соединеніе, плавящееся при 63°. Такъ какъ строеніе бромистаго и іодистаго аллила выражается формулой $CH_2{=}CH\,CH_2Br(J)$, то отсюда, по мнѣнію Wagner'a и Tollens'a, строеніе діаллила должно быть такое:

$$CH_2{=}CH\,CH_2CH_2CH{=}CH_2.$$

Но противъ такой формулы говорятъ нѣкоторыя соображенія. Именно, во многихъ случаяхъ оказывается соотвѣтствіе точекъ кипѣнія аллильныхъ соединеній съ точками кипѣнія нормальныхъ пропильныхъ соединеній. Соотвѣтственно этому діаллилъ долженъ имѣть точку кипѣнія туже, какъ и дипропилъ. Между тѣмъ, по изслѣдованіямъ Schorlemmer'a, послѣдній кипитъ при 69°—71° (3), тогда какъ діизопропилъ имѣетъ туже температуру кипѣнія, какъ и діаллилъ, т. е. 58° (4). На этомъ основаніи Wagner и Tollens предполагаютъ, что діаллилъ долженъ имѣть строеніе аналогичное съ строеніемъ діизопропила:

$$\begin{array}{ccc} \begin{matrix} CH_3 & CH_3 \\ | & | \\ CH - & CH \\ | & | \\ CH_3 & CH_3 \end{matrix} & \begin{matrix} CH_3 & CH_3 \\ | & | \\ C - & C \\ \| & \| \\ CH_2 & CH_2 \end{matrix} \quad \text{или} \quad & \begin{matrix} CH_3 & CH_3 \\ | & | \\ CH & CH \\ \| & \| \\ CH - & CH \end{matrix} \end{array}$$

діизопропилъ — діаллилъ.

(1) Comptes rend. *42*, 236.
(2) Berichte deut. Chem. Gesel. *4*, 672.
(3) An. Chem. Phar. *161*, 277.
(4) Ib. *144*, 185.

Для объясненія образованія такого соединенія изъ соединенія съ формулой $CH_2 = CH\ CH_2X$, Wagner и Tollens предлагаютъ объясненіе, аналогичное высказанному раньше того Kekule (¹), и состоящее въ томъ, что при реакціи вначалѣ отпадаютъ элементы галоидоводородной кислоты, которая разлагается натріемъ, и выдѣляющійся водородъ встаетъ на мѣсто, занятое прежде галоидомъ. Такимъ путемъ изъ $CH_2 = CH\ CH_2X$ образуется группа:

$$\begin{matrix} CH_2 = C' \\ | \\ CH_3 \end{matrix} \quad \text{или} \quad CH_3CH = C'H$$

которыя и соединяются для образованія діаллила.

Какъ дальнѣйшее доказательство того, что при образованіи діаллила происходитъ перегруппировка въ радикалѣ C_3H_5, Wagner и Tollens указываютъ еще на то, что по изслѣдованіямъ Linnemann'a (²) точка кипѣнія бромюра мэтилаллила на 10° ниже температуры кипѣнія бромюра этилвинила. Допуская возможность перегруппировки въ C_3H_5, легко объяснить изомерію этихъ бутиленовъ. Однако, не смотря на указанныя обстоятельства, Wagner и Tollens, опираясь на тотъ фактъ, что и при дѣйствіи серебра на бромистый аллилъ, при условіяхъ слѣд., при которыхъ трудно допустить отпаденіе HBr, образуется тотъ же самый діаллилъ, считаютъ нужнымъ отказаться пока отъ объясненія аномалій и принять для діаллила формулу

$$CH_2 = CH\ CH_2CH_2CH = CH_2.$$

Однако, вслѣдъ за появленіемъ этой статьи, Tollens (³), на основаніи изслѣдованій Kekule и Rinne о перегруппировкѣ, происходящей при переходѣ іодистаго аллила въ ціанистый, высказываетъ положительно, что при дѣйствіи натрія и серебра на іодистый аллилъ происходитъ такая же перегруппировка, вслѣдствіе чего строеніе діаллила должно быть такое:

$$CH_3CH = CH\ CH = CH\ CH_3.$$

(¹) An. Chem. Phar, *162*, 320.

(²) Ib. *161*, 200.

(³) Berichte deut. chem. Gesel. *6*, 518.

Вторая изъ упомянутыхъ работъ—изслѣдованіе Henry (¹) также касается вопроса о строеніи діаллила. Henry отнятіемъ 4-хъ частицъ HBr отъ четырехъбромистаго діаллила получилъ углеводородъ C_6H_6—изомеръ бензола, который былъ названъ дипропаргиломъ или діаллилениломъ. Первое названіе дѣйствительно вполнѣ отвѣчаетъ свойствамъ этаго соединенія. Такъ, дипропаргилъ при дѣйствіи брома даетъ жидкое соединеніе $C_6H_6Br_4$, аналогично аллилену, дающему также жидкій дибромидъ; при дальнѣйшемъ дѣйствіи брома дипропаргилъ образуетъ кристаллическій октобромидъ $C_6H_6Br_8$ (²). Дальше, дипропаргилъ раздѣляетъ съ аллиленомъ и пропаргильными соединеніями способность давать металлическія производныя при дѣйствіи на соли мѣди и серебра; но такъ какъ дипропаргилъ представляетъ соединеніе двухъ группъ C_3H_3, то онъ дастъ не однометаллическія производныя, какъ аллиленъ и пропаргильныя соединенія, а двуметаллическія такого состава: $C_6H_4Ag_2+2H_2O$ и $C_6H_4Cu_2+2H_2O$. На основаніи этихъ свойствъ легко было заключить, что дипропаргилъ представляетъ соединеніе двухъ группъ C_3H_3 такихъ же, какія входятъ въ составъ пропаргильныхъ соединеній. Такъ какъ дальше строеніе послѣднихъ несомнѣнно таково: $CH{\equiv}C\,CH_2X$, то отсюда вытекаетъ для дипропаргила такая формула: $CH{\equiv}C\,CH_2CH_2C{\equiv}CH$. Разъ это установлено, то для діаллила остается возможнымъ только одно строеніе: $CH_2{=}CH\,CH_2CH_2CH{=}CH_2$, потому что соединеніе съ формулой $CH_3CH{=}CH\,CH{=}CH\,CH_3$ не можета дать углеводорода C_6H_6, содержащаго двѣ группы $HC{\equiv}$; а присутствіе двухъ такихъ группъ необходимо допустить въ дипропаргилѣ въ виду способности его вымѣнивать два водорода на металлъ (³).

Высказавъ такимъ образомъ о строеніи діаллила взглядъ, не согласующійся съ указаннымъ выше мнѣніемъ Tollens'a, Henry разсматриваетъ и аргументъ, приводимый первымъ въ защиту своего предположенія, именно: совпаденіе точекъ

(¹) Bullet. de l'Academ. de Belgique *36*, 41. Berichte deut. chem. Gesel. *6*, 955.

(²) Bull. de l'Acad de Belgique. *37*, 36.

(³) Кромѣ указанной статьи Henry развиваетъ этотъ взглядъ и въ статьѣ своей въ Bull. de la Soc. chim. de Paris. *30*, 50.

кипѣнія діаллила и діизопропила. Henry [1] говоритъ, что хотя онъ придаетъ большое значеніе заключеніямъ, выведеннымъ на основаніи сравненія температуръ кипѣнія, тѣмъ не менѣе, если этѣ заключенія противорѣчатъ химическимъ даннымъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, то онѣ должны быть принимаемы съ осмотрительностью, потому что температура кипѣнія можетъ измѣняться отъ различныхъ условій, которыя часто остаются неизвѣстными. Если діаллилъ представляетъ аномальную температуру кипѣнія, то тоже самое замѣчается и въ дипропаргилѣ. Дѣйствительно, пропаргильныя соединенія кипятъ приблизительно на 20° выше, чѣмъ соотвѣтствующія аллильныя:

C_3H_5OH—т. кип. 96°—97° C_3H_3OH—т. кип, 115°

Разница 19°—20°

$$\begin{matrix} C_3H_5 \\ | \\ C_3H_5 \end{matrix} \quad \text{т. кип. } 58^\circ-60^\circ \qquad \begin{matrix} C_3H_3 \\ | \\ C_3H_3 \end{matrix} \quad \text{т. кип. } 82^\circ-85^\circ$$

Разница 20°—25°

Такъ какъ разница точекъ кипѣнія діаллила и дипропаргила остается приблизительно таже, то ясно, что температура кипѣнія послѣдняго представляетъ такую же аномалію, какъ и температура кипѣнія діаллила. Это обстоятельство даетъ основаніе предполагать, что то постоянное соотношеніе температуръ кипѣнія, какое замѣчается между производными нормальнаго пропила и аллила съ одной стороны и производными аллила и пропаргила—съ другой, не примѣняется уже, какъ скоро группы C_3H_5 и C_3H_3 соединяются для образованія діаллила и дипропаргила.

Такимъ образомъ мы видимъ, что мнѣнія о строеніи діаллила расходятся. Обращаясь еще разъ къ разсмотрѣнію тѣхъ аргументовъ, которые приводятся въ подкрѣпленіе того и другаго взгляда, я нахожу, что соображенія Henry о значеніи соотношенія температуръ кипѣнія имѣютъ большое основаніе. Дѣйствительно, какъ скоро этѣ данныя не сходятся съ тѣми, которыя вытекаютъ изъ изученія химическихъ превращеній, то едвали есть основаніе придавать первымъ бо́льшое значеніе, чѣмъ вторымъ. А что касается хи-

---

[1] Bull. de l'Académ de Belgique, *36*, 64.

мическихъ данныхъ, то, по моему мнѣнію, превращеніе діаллила въ дипропаргилъ — соединеніе, обладающее такимъ характернымъ свойствомъ, какъ способность давать металлическія производныя, что несомнѣнно опредѣляетъ его строеніе, является чрезвычайно важнымъ аргументомъ въ пользу формулы діаллила, принимаемой Henry.

Tollens, высказываясь за перегруппировку аллила при его переходѣ въ діаллилъ, опирается главнымъ образомъ на то превращеніе, которое происходитъ при образованіи изъ іодистаго аллила ціанюра. Хотя этѣ реакціи имѣютъ нѣкоторую аналогію, состоящую въ томъ, что при той и другой совершается синтезъ соединеній, болѣе богатыхъ углеродомъ, но тѣмъ не менѣе едвали возможно, заключеніе, выведенное при изъученіи одной реакціи, прямо и непосредственно переносить на другую. Правда, мы имѣемъ и другой случай перегруппировки аллила, именно при образованіи мэтилаллила. Какъ извѣстно, Wurtz (¹) дѣйствіемъ цинкмэтила на іодистый аллилъ или дѣйствіемъ натрія на смѣсь іодистыхъ мэтила и аллила получилъ бутиленъ, кипящій при $-4^\circ - +8^\circ$ и дающій бромюръ, съ точкой кипѣнія 156°—159°, а съ HJ образующій іодюръ, кипящій при 116°—118°. Одновременно съ этимъ Chapmann (²) дѣйствіемъ бромистаго винила на цинкэтилъ получилъ углеводородъ, кипящій при 12°—14°, бромюръ котораго перегонялся при 158°—160°. Судя по этимъ даннымъ бутилены Wurtz'а и Chapmann'а тождественны, что и слѣдовало ожидать на основаніи строенія іодистаго аллила и бромистаго винила; формула ихъ должна была быть: $CH_3CH_2CH=CH_2$. Однако Wurtz (³), повторяя опыты Chapmann'а, пришелъ къ другимъ результатамъ. Бутиленъ, полученный имъ изъ цинкэтила и бромистаго винила, имѣлъ постоянную температуру кипѣнія -5°, бромюръ его кипѣлъ при 166°, а соединеніе съ HJ—при 120°—121°.

Такимъ образомъ мэтилаллилъ и этилвинилъ оказались нетождественными. Вопросъ о строеніи того и другаго угле-

(¹) An. Chem. Pharm. *144*, 234.

(²) Ib. *144*, 255.

(³) Ib. *152*, 21.

водорода разрѣшенъ изслѣдованіемъ А. М. Зайцева и Грабовскаго (1). Они изъ іодюра нормальнаго бутильнаго алкоголя получили бутиленъ, строеніе котораго несомнѣнно такое $CH_3CH_2CH=CH_2$; бромюръ его кипитъ при 164°—165°. Такимъ образомъ онъ оказался тождественнымъ съ этилвиниломъ; строеніе мэтилаллила слѣд. такое $CH_3CH=CH\,CH_3$, а отсюда выводъ, что при реакціи въ аллильной группѣ произошла перегруппировка.

Но если при двухъ указанныхъ реакціяхъ происходитъ перегруппировка аллила, то отсюда нельзя заключать, что тоже самое имѣетъ мѣсто и при другихъ реакціяхъ. Дѣйствительно, мы знаемъ случаи, гдѣ аллилъ, входя въ реакцію, не измѣняетъ своего строенія. Такъ, не говоря уже объ образованіи этилаллила Wurtz'a (2), потому что строеніе этаго углеводорода еще не опредѣлено достаточно точно, я укажу, что изслѣдованіе діаллилкарбинола, аллилдимэтилкарбинола и діаллилмэтилкарбинола (3) несомнѣнно доказало, что заключающійся въ нихъ аллилъ имѣетъ строеніе $CH_2=CH\,CH'_2$. Дальше, изслѣдованіе Wislicenus'a и Zeidler'a (4) показываетъ, что при реакціи іодистаго аллила на натріевое производное уксуснаго эфира такой перегруппировки непроисходитъ, такъ какъ аллилоуксусная кислота даетъ при окисленіи янтарную. Сопоставленіе этихъ фактовъ приводитъ насъ къ заключенію, что извѣстные случаи перегруппировки не могутъ служить критеріемъ для сужденія о другихъ случаяхъ. Да и естественно, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ опредѣлены условія, вызывающія перегруппировку аллильной группы, невозможно на основаніи отдѣльныхъ фактовъ выводить общія заключенія.

Изъ всего сказаннаго видно, что имѣющіяся данныя не разрѣшаютъ вопроса о строеніи діаллила, и что опредѣленныя заключенія могутъ быть получены только путемъ непосредственнаго изслѣдованія. Это обстоятельство и побудило меня приняться за ислѣдованіе діаллила съ цѣлю

---

(1) Жур. Рус. Хим. Общ. *7*, (1) 317.

(2) An. Chem. Phar. *123*, 202; *142*, 131.

(3) Жур. Рус. Хим. Общ. *8*, (1) 358, 380.

(4) Berichte deut. chem. Gesel. *8*, 1035.

путемъ опыта разрѣшить вопросъ о его строеніи. Способъ, какимъ я надѣялся придти къ достиженію предположенной цѣли, состоялъ въ окисленіи какъ самаго углеводорода, такъ и нѣкоторыхъ изъ его производныхъ, потому что изученіе продуктовъ окисленія въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, является однимъ изъ надежнѣйшихъ способовъ опредѣленія строенія.

II.

Приготовленіе діаллила. Главная масса діаллила, употребленнаго мною при изслѣдованіи (1), получена какъ побочный продуктъ при приготовленіи непредѣльныхъ алкоголей, заключающихъ радикалъ аллилъ. Этотъ діаллилъ очищался промываньемъ и фракціонированными перегонками надъ натріемъ, и для опытовъ употреблялась порція, перегонявшаяся при 58°—60°. Впрочемъ этотъ діаллилъ употреблялся почти исключительно для приготовленія іодюра. Изъ опасенія, что онъ можетъ содержать, въ небольшомъ хотя количествѣ, нѣкоторыя примѣси (напр. ацетонъ), я почти совсѣмъ не употреблялъ его для окисленія, а для этой цѣли приготовлялъ діаллилъ изъ іодистаго аллила. Я надѣялся получить діаллилъ прямымъ дѣйствіемъ цинка на іодистый аллилъ; оказалось, однако, что смѣсь этихъ веществъ не реагируетъ даже при нагрѣваніи на водяной банѣ. Но если къ іодистому аллилу прибавить очень небольшое количество муравейнаго эфира, то при приливаніи этой смѣси къ цинку, реакція замѣчается уже на холоду, а при нагрѣваніи на водяной банѣ образовавшійся діаллилъ закипаетъ. Случай этотъ совершенно аналогиченъ отношенію бромистаго аллила къ натрію, указанному Wagner'омъ и Tollens'омъ (2); тамъ тоже реакція между этими веществами нейдетъ и начинается только послѣ прибавленія нѣсколькихъ капель алкоголя. Діаллилъ, полученный изъ іодистаго аллила съ цинкомъ и муравейнымъ эфиромъ, кипѣлъ при 58°—61°. Этотъ способъ приготовленія діаллила

---

(1) Часть этой работы уже опубликована въ Жур. Рус. Хим. Общ. *10* (1) 396.

(2) Berichte deut. chem. Gesel. *6*, 590.

однако мало удобенъ вслѣдствіе незначительнаго выхода діаллила, что опредѣляется, можетъ быть, образованіемъ пропилена, такъ какъ трудно избѣжать присутствія влажности. Поэтому я искалъ другаго способа приготовленія діаллила.

Способъ Vurtz'a (1)—дѣйствіе на іодистый аллилъ сплава олова и натрія—далъ мнѣ тоже неудовлетворительный выходъ; при томъ діаллилъ содержалъ іодъ, отъ котораго его трудно было освободить. Я остановился наконецъ на способѣ Linnemann'a (2) – сухой перегонкѣ іодистаго меркураллила. Полученное ртутное соединеніе, послѣ отжиманія между бумагой, я нагрѣвалъ на масляной банѣ до тѣхъ поръ, пока происходила перегонка. Дистиллятъ при фракціонировкахъ, въ концѣ производившихся надъ натріемъ, легко выдѣлялъ діаллилъ, кипѣвшій при 58°—61°. Что касается выхода діаллила при этой реакціи, то онъ доходитъ до 60% теоретическаго количества; изъ 2000 гр. C_3H_5HgJ я получилъ 133 гр. діаллила, должно получиться – 221 гр.

Окисленіе діаллила. Я производилъ окисленіе діаллила различными окисляющими веществами, именно: смѣсью хромовокислаго калія и сѣрной кислоты, хромовой кислотой и марганцовокислымъ каліемъ.

Хромовая смѣсь для окисленія употреблялась въ 10% растворѣ, и обыкновенно на 10 гр. діаллила я бралъ 120 гр. $K_2Cr_2O_7$, 163 гр. H_2SO_4 и 1000 гр. воды. Къ половинѣ раствора хромовой соли прибавлялся діаллилъ, другая же половина этаго раствора, смѣшанная съ сѣрной кислотой, постепенно приливалась къ первой жидкости. Окисленіе діаллила происходитъ уже при обыкновенной температурѣ и обнаруживается измѣненіемъ цвѣта жидкости; но оно усиливается при нагрѣваніи, причемъ я поддерживалъ такую температуру, чтобы діаллилъ не приходилъ въ кипѣніе, и сопровождается выдѣленіемъ угольной кислоты. Хотя такимъ образомъ окисленіе діаллила происходитъ сравнительно легко, тѣмъ не менѣе мнѣ не удавалось довести его до конца, не смотря на долгое нагрѣваніе жидкости или на продол-

(1) An. de chim. et de phys. (4) *3*, 157.
(2) An. Chem. Phar. *140*, 180.

жительное стояніе ея при обыкновенной температурѣ (разъ смѣсь стояла въ теченіи 7 недѣль), всегда почти $^2/_3$ взятаго діаллила оставались неокисленными. Имѣя въ виду изслѣдованіе главнымъ образомъ летучихъ кислотъ, я послѣ окисленія или прямо отгонялъ жидкость почти до суха, или же, чтобы избѣжать дальнѣйшаго окисленія при перегонкѣ, обработывалъ жидкость эфиромъ, отгонялъ послѣдній, а остатокъ растворялъ въ водѣ и подвергалъ перегонкѣ. Оказалось однако, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ получаются одинаковые продукты. Дистиллятъ я или прямо переводилъ въ свинцовую соль, или же раздѣлялъ по способу Либиха. Свинцовая соль приготовлялась съ цѣлію выдѣлить такимъ образомъ муравейную кислоту; однако мнѣ не удалось получить кристалловъ этой соли, хотя я обратилъ особенное вниманіе на выдѣленіе муравейной кислоты, такъ какъ въ то время, когда я производилъ это изслѣдованіе, появилась статья Henry [1], который утверждалъ, что при окисленіи діаллила хромовой смѣсью образуется муравейная кислота. Свинцовую соль я переводилъ въ серебряную; растворъ этой послѣдней при выпариваніи обыкновенно чернѣлъ, но послѣ фильтрованія выдѣлялъ игольчатые кристаллы, характерные для уксуснокислаго серебра, что подтвердили и анализы соли.

Оп. I. Изъ раствора серебряной соли получены 3 кристаллизаціи, изъ которыхъ анализировались первая и послѣдняя.

1. 0,3055 гр. соли 1-й кристаллизаціи дали 0,197 гр. Ag.
2. 0,298 гр. соли 3-й кристаллизаціи дали 0,192 гр. Ag.

Оп. II. При отгонкѣ кислоты собраны отдѣльно первый и второй дистилляты; соль изъ перваго дистиллята дала двѣ кристаллизаціи.

3. 0,199 гр. соли 1-й кристаллизаціи дали 0,129 гр. Ag.
4. 0,1025 гр. соли 2-й кристаллизаціи дали 0,066 гр. Ag.

Соль, полученная изъ втораго дистиллята, дала двѣ кристаллизаціи, изъ которыхъ анализировалась только послѣдняя.

5. 0,2035 гр. этой соли дали 0,1305 гр. Ag.

---

(1) Bull. de la Soc. chim. de Paris. *30*, 51.

	Найдено:				Вычислено
	1	2	3	4	5	для $C_2H_3O_2Ag$:
Ag.—	64,48	64,43	64,82	64,39	64,12	64,67.

Такимъ образомъ при окисленіи діаллила хромовою смѣсью образуются только *угольная* и *уксусная кислоты*. Изъ остатка послѣ отгона кислоты эфиръ не увлекалъ ничего.

Henry въ указанной выше статьѣ говоритъ, что при окисленіи діаллила азотной кислотой не образуется уксусная кислота. Я провѣрилъ это показаніе и получилъ тотъ же результатъ. Для этого я поступалъ слѣдующимъ образомъ: кислая жидкость, полученная послѣ окисленія, нейтрализовалась углекислымъ каліемъ, выпаривалась до суха, и калійныя соли органическихъ кислатъ извлекались алкоголемъ По удаленіи послѣдняго, соли разлагались сѣрной кислотой, и жидкость перегонялась. Летучія кислоты переводились въ серебряныя соли; растворъ ихъ при выпариваньи сильно чернѣлъ и невыдѣлялъ кристалловъ уксуснаго серебра.

При окисленіи *хромовой кислотой* я употреблялъ 10% или 5% растворъ ея, при чемъ на 10 гр. діаллила бралъ 120 гр. CrO_3. Окисленіе производилось или при нагрѣваніи, и въ этомъ случаѣ было констатировано выдѣленіе угольной кислоты, или при обыкновенной температурѣ. Въ послѣднемъ случаѣ смѣсь оставлялась стоять 2—3 недѣли при частомъ взбалтываньи; по прошествіи этаго времени обыкновенно уже не замѣчалось слоя діаллила на поверхности воднаго раствора. Когда такимъ образомъ окисленіе совершилось, жидкость обработывалась эфиромъ; остатокъ по отгонкѣ эфира растворялся въ водѣ и подвергался перегонкѣ. И въ этомъ случаѣ мнѣ не удалось выдѣлить муравейной кислоты въ видѣ свинцовой соли. Для раздѣленія летучихъ кислотъ я обработывалъ ихъ по способу Либиха нейтрализованіемъ половины жидкости углекислымъ натріемъ и отгонкой всей жидкости, при чемъ перегонялась кислота I; натронная соль дальше разлагалась сѣрной кислотой, и отгонялась кислота II. Обѣ кислоты отдѣльно превращались въ серебряныя соли. Такъ какъ серебряная соль изъ кислоты I при выпариваньи сильно чернѣла, то она переведена въ кальціевую соль, выдѣляющуюся въ кристаллическомъ видѣ.

O, 4155 гр. этой соли дали 0,3255 гр. $CaSO_4$, что отвѣчаетъ—23,03% Са.—$(C_2H_3O_2)_2Ca$ содержитъ 25,30% Са.

Первая кристаллизація серебряной соли изъ кислоты II имѣла характерный для уксуснокислаго серебра видъ; вторая кристаллизація выдѣлялась въ видѣ мелкихъ, сгруппированныхъ въ бородавки кристалловъ.

Анализы соли первой кристаллизаціи:

Оп. I. 1. 0,2625 гр. соли дали 0,17 гр. Ag.
2. 0,245 гр. тойже соли дали 0,158 гр. Ag.

Оп. II. 3. 0,2225 гр. соли дали 0,143 гр. Ag.
4. 0,3725 гр. тойже соли дали 0,239

Анализы соли второй кристаллизаціи:

Оп. I. 5. 0,25 гр. соли дали 0,1575 гр. Ag.
6. 0,2725 гр. тойже соли дали 0,1715 гр. Ag.

Оп. II. 7. 0,269 гр. соли дали 0,172 гр. Ag.
8. 0,186 гр. тойже соли дали 0,119 гр. Ag.

Найдено серебра въ процентахъ:

1	2	3	4	5	6	7	8
64,76	64,49	64,27	64,16	63,0	62,93	63,94	63,97

Эти анализы показываютъ, что при окисленіи образуется главнымъ образомъ *уксусная кислота*, къ которой однако примѣшана какая-то высшая кислота; но вслѣд. малаго количества этой послѣдней мнѣ не удалось отдѣлить ее отъ большой массы уксусной кислоты.

Если остающуюся послѣ отгонки эфира жидкость поставить подъ колоколъ надъ известью для поглощенія летучихъ кислотъ, то остается густая сиропообразная масса. Часть ея при обработкѣ водой переходитъ въ растворъ, при чемъ остаются нерастворимыя смолистыя вещества. Водный растворъ, имѣющій кислую реакцію, я нейтрализовалъ углекислымъ свинцемъ, при чемъ получались и растворимая свинцовая соль, и не растворимая. Изъ послѣдней дѣйствіемъ сѣроводорода выдѣлена кислота, которая по испареніи воды остается въ видѣ кристаллической массы. Растворимая свинцовая соль по выпариваньи раствора остается въ видѣ сиропа; и кислота, выдѣленная изъ нея, также сиропообразна. Описываемыя кислоты образуются въ чрезвычайно незначительномъ количествѣ; такъ, окисливши до 80 гр. діал-

лила, я получилъ менѣе 1 гр. кальціевой соли сиропообразной кислоты; кристаллическая кислота образуется еще въ меньшемъ количествѣ. Поэтому я и не могъ съ достаточною опредѣленностью изслѣдовать натуру этѣхъ кислотъ.

Что касается кристаллической кислоты, то по всей вѣроятности это—*янтарная кислота*. Такъ она при нагрѣваніи въ сухомъ видѣ возгоняется въ видѣ игольчатыхъ кристалловъ, чрезвычайно похожихъ на янтарный ангидридъ. Этотъ возгонъ былъ растворенъ въ водѣ и, по выпариваньи, выдѣлившаяся кислота употреблена для опредѣленія точки плавленія. Около 180° масса сплавилась, хотя и не вполнѣ, такъ какъ часть осталась не сплавившейся и только почернѣвшей, что указывало на присутствіе примѣсей въ этой кислотѣ Послѣдняя даетъ кристаллическую кальціевую соль, растворъ которой при прибавленіи азотнокислаго серебра выдѣляетъ серебряную соль въ видѣ желтоватаго осадка, нерастворимаго въ горячей водѣ. Анализъ этой серебряной соли далъ слѣдующій результатъ:

0, 1905 гр. ея дали 0,1185 гр. Ag или 62,2%.

Янтарнокислое серебро содержитъ 65,03% Ag.

Такимъ образомъ, хотя составъ серебряной соли и не подходитъ къ формулѣ янтарнокислаго серебра, что можно объяснить нечистотой вещества, но, принимая въ расчетъ другія свойства кислоты, какъ способность ея возгоняться и температуру плавленія, я нахожу вѣроятнымъ, что эта кислота есть именно янтарная. Такое предположеніе становится еще болѣе вѣроятнымъ вслѣд. того, что, какъ мы сейчасъ увидимъ, марганцовокислый калій окисляетъ діаллилъ въ янтарную кислоту.

Что касается сиропообразной кислоты, то я приготовилъ изъ нея соли K, Ca, Ba, Zn и Pb, но всѣ они оказались не кристаллизующимися и выдѣлялись изъ раствора въ видѣ сиропа. Это обстоятельство не давало увѣренности, что я имѣлъ чистое вещество; и дѣйствительно, анализы кальціевой соли не дали никакихъ опредѣленныхъ результатовъ.

Діаллилъ легко окисляется *марганцовокислымъ каліемъ* какъ въ нейтральномъ, такъ и въ кисломъ растворѣ.

Что касается дѣйствія марганцовокислаго калія въ *нейтральномъ* растворѣ, то особенно легко окисленіе происходитъ въ 10% растворѣ, при чемъ на 10 гр. діаллила

было взято 120 гр. $KMnO_4$ и 1200 гр. воды. Измѣненіе цвѣта раствора и выдѣленіе осадка было замѣтно тотчасъ по прибавленіи діаллила къ раствору, и черезъ двое сутокъ стоянія смѣси при обыкновенной температурѣ жидкость была совершенно безцвѣтной. Съ 5% растворомъ $KMnO_4$ окисленіе происходило менѣе энергично, и по прошествіи четырехъ сутокъ жидкость сохранила еще розовый цвѣтъ, который изчезъ только послѣ нагрѣванія смѣси на водяной банѣ. Безцвѣтный щелочный растворъ отфильтровывался отъ осадка перекиси марганца, сгущался выпариваньемъ и разлагался сѣрной кислотой, при чемъ происходило выдѣленіе большаго количества угольной кислоты. Затѣмъ жидкость перегонялась для отдѣленія летучихъ кислотъ а изъ остатка извлекались эфиромъ кислоты нелетучія.

Что касается летучихъ кислотъ, то дистиллятъ, содержащій ихъ, нейтрализовался углекислымъ свинцемъ. Свинцовая соль не кристаллизовалась и выдѣлялась въ сиропообразномъ видѣ. Она переведена въ серебряную, растворъ которой при выпариваньи чернѣлъ, а по охлажденіи выдѣлялъ соль въ видѣ мелкихъ, соединенныхъ въ бородавки кристалловъ (1-я кристаллизація). По удаленіи ихъ, маточный растворъ, испаряясь надъ сѣрной кислотой, выдѣлилъ соль въ видѣ кристаллической пленки (2-я кристаллизація).

1. 0,1635 гр. соли 1-й кристаллизаціи дали 0,104 гр. Ag.
2. 0,2655 гр. соли 2-й кристаллизаціи дали 0,1675 гр. Ag.

	Найдено:		Вычислено
	1	2	для $C_2H_3O_2Ag$:
Ag.	63,6	63,08	64,67.

Эти числа указываютъ на смѣсь, состоящую главнымъ образомъ изъ *уксусной кислоты* съ примѣсью какой-то высшей кислоты. Такъ какъ при окисленіи діаллила марганцовокислымъ каліемъ образуется очень мало летучихъ кислотъ, то о раздѣленіи ихъ нельзя было и думать.

Какъ сказано, изъ остатка послѣ отгона эфиръ извлекаетъ нелетучія кислоты, которыя по удаленіи эфира остаются въ видѣ кристаллической массы. Такъ какъ изслѣдованіе показало, что кристаллы эти состоятъ изъ смѣси щавелевой и янтарной кислотъ, то для раздѣленія я переводилъ ихъ въ кальціевыя соли дѣйствіемъ $CaCO_3$. При этомъ янтарнокислая соль оставалась въ растворѣ, а щавелево-

кислый кальцій вмѣстѣ съ углекислымъ находился въ осадкѣ. Этотъ послѣдній я обработывалъ уксусной кислотой, нерастворяющійся въ ней щавелевокислый кальцій растворялъ въ HCl, растворъ осаждалъ амміакомъ и подкислялъ уксусной кислотой. Обработанный такимъ образомъ CaC_2O_4 былъ совершенно чистъ. При нагрѣваніи его съ крѣпкой сѣрной кислотой происходило выдѣленіе газовъ, дающихъ осадокъ въ баритовой водѣ; кислота при этомъ оставалась безцвѣтной. Анализъ этой соли далъ слѣдующій результатъ.

0,237 гр. соли, высушенной при 110°, дали 0,2155 гр. $CaSO_4$, что соотвѣтствуетъ 26,75% Ca.

$C_2O_4Ca + H_2O$ содержитъ 27,39% Ca.

Растворимая кальціевая соль по испареніи раствора выдѣлялась въ видѣ длинныхъ игольчатыхъ кристалловъ. Высушенная при 110°, она была взятя для анализа.

0,2295 гр. соли дали 0,179 гр. $CaSO_4$, что отвѣчаетъ 22,94% Ca.

$C_4H_4O_4Ca + H_2O$ содержитъ 22,98% Ca.

Выдѣленная изъ этой соли кислота, полученная при двухъ различныхъ опытахъ, плавилась: одинъ образецъ при 182°, другой—при 181°. При нагрѣваніи кислоты она возгонялась въ игольчатыхъ кристаллахъ. Амміачная соль ея съ растворомъ хлорнаго желѣза давала характерную для янтарной кислоты реакцію. Таже соль съ азотнокислымъ серебромъ давала бѣлый осадокъ, который былъ промытъ и высушенъ для анализа.

0,154 гр. соли дали 0,1005 гр. Ag, что отвѣчаетъ 65,25%.

$C_4H_4O_4Ag_2$ содержитъ 65,03% Ag.

Указанные факты не оставляютъ никакого сомнѣнія, что при окисленіи діаллила марганцовокислымъ каліемъ въ нейтральномъ растворѣ кромѣ уксусной и угольной кислотъ образуются еще *щавелевая* и *янтарная*.

Въ *кисломъ* растворѣ марганцовокислаго калія окисленіе діаллила происходитъ еще легче, чѣмъ въ нейтральномъ. При прибавленіи 5 гр. діаллила къ раствору, содержащему 20 гр. $KMnO_4$, 20 гр. H_2SO_4 и 400 гр. воды, сейчасъ же замѣчалось измѣненіе цвѣта раствора, сопровождавшееся довольно сильнымъ разогрѣваніемъ жидкости, почему смѣсь была поставлена въ холодную воду. Черезъ 3 часа жидкость была уже безцвѣтной; тогда она перегонялась для

отдѣленія летучихъ кислотъ, а остатокъ обработывался эфиромъ.

Летучихъ кислотъ образовалось и въ этомъ случаѣ также сравнительно мало, какъ и при окисленіи въ нейтральномъ растворѣ; по свойствамъ свинцовой и серебряной солей кислота была и здѣсь таже. Растворъ серебряной соли далъ двѣ кристаллизаціи: 1-я въ видѣ кристалловъ, соединенныхъ въ бородавки, 2-го въ видѣ кристаллической пленки.

1. 0,304 гр. соли 1-й кристаллизаціи дали 0,194 гр. Ag.

2. 0,25 гр. соли 2-й кристаллизаціи дали 0,158 гр. Ag.

	Найдено:		Вычислено
	1	2	для $C_2H_3O_2Ag$:
Ag	63,81	63,2	64,67.

Кристаллическая кислота, извлеченная эфиромъ, была переведена въ соль кальція, при чемъ оказалось, что нерастворимой соли нѣтъ, слѣд. щавелевая кислота не образуется. Растворимая соль выдѣлялась въ кристаллахъ, характерныхъ для янтарнокислаго Ca, что подтвердилъ и анализъ.

0,221 гр. соли дали 0,173 гр. $CaSO_4$, что отвѣчаетъ 23,02% Ca.

$C_4H_4O_4Ca + H_2O$ содержитъ 22,98% Ca.

Выдѣленная изъ соли кислота плавилась при 182°.

Такимъ обрнзомъ марганцовокислый калій при окисленіи діаллила и въ кисломъ растворѣ даетъ тѣже продукты, какъ и въ нейтральномъ, за исключеніемъ только щавелевой кислоты; а именно: *янтарную кислоту*, какъ главный продуктъ, и затѣмъ *уксусную* и еще какую-то высшую летучую кислоту.

III.

Обратимся теперь къ результатамъ, доставленнымъ изслѣдованіемъ окисленія діаллила и посмотримъ, какое заключеніе о строеніи этаго углеводорода мы можемъ отсюда вывести.

Я показалъ, что при окисленіи діаллила хромовокислымъ каліемъ и сѣрной кислотой, хромовой кислотой и марганцовокислымъ каліемъ образуется одинъ общій продуктъ— уксусная кислота. Образованіе этаго вещества, казалось-бы даетъ положительное основаніе принимать въ діаллилѣ существованіе мэтильной группы. Но, по справедливому замѣчанію Henry [1], этотъ результатъ можетъ быть объясненъ инымъ путемъ, именно гидратаціей діаллила и окисленіемъ образовавшагося такимъ образомъ продукта. Henry думаетъ что заключающіяся въ діаллилѣ группы — $CH=CH_2$ подъ вліяніемъ сѣрной кислоты присоединяютъ воду, переходя въ—$CH(OH)CH_3$, и образовавшійся гидратъ, гликолъ:

$$\begin{array}{l} CH_2CH(OH)CH_3 \\ | \\ CH_2CH(OH)CH_3 \end{array}$$

или его ангидридъ—окись гексилена:

$$\begin{array}{l} CH_2CH\,CH_3 \\ |\quad\;\; >O \\ CH_2CH\,CH_3 \end{array}$$

подвергаются окисленію. Въ подтвержденіе этаго мнѣнія Henry приводитъ то обстоятельство, что уксусная кислота образуется изъ діаллила при дѣйствіи на него хромовокислаго калія или марганцовокислаго калія *въ присутствіи сѣрной кислоты*, тогда какъ она не происходитъ при дѣйствіи

([1]) Bull. de la Soc. chim. de Paris *30*. 51.

азотной кислоты. По моимъ наблюденiямъ образованiе уксусной кислоты совершается не только въ присутствiи сѣрной кислоты, но также и въ присутствiи другой кислоты—хромовой, и даже въ отсутствiи кислоты—въ нейтральномъ растворѣ марганцовокислаго калiя. Что касается образованiя уксусной кислоты подъ влiянiемъ хромовой, то разъ мы допускаемъ возможность гидратацiи при дѣйствiи сѣрной кислоты, мы не имѣемъ основанiй отрицать гидратирующее дѣйствiе и хромовой кислоты. Что же касается образованiя уксусной кислоты при окисленiи дiаллила нейтральнымъ растворомъ марганцовокислаго калiя, то прежде всего надо замѣтить, что въ этомъ случаѣ уксусной кислоты образуется сравнительно очень мало—обстоятельство, указывающее на то, что гадратацiя идетъ при этихъ условiяхъ трудно. Чѣмъ вызывается здѣсь гидратацiя, сказать трудно; можетъ быть, она происходитъ подъ влiянiемъ щелочи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что образованiе уксусной кислоты не даетъ намъ никакихъ опредѣленныхъ указанiй, такъ какъ происхожденiе ея можетъ быть объясняемо различнымъ образомъ, и сообразно этому можно приписывать дiаллилу различное строенiе. Слѣд. надо обратиться къ другому продукту, образующемуся при окисленiи дiаллила,—къ янтарной кислотѣ. Чтобы понять процессъ образованiя этой кислоты изъ дiаллила, необходимо разсмотрѣть процессъ окисленiя другихъ непредѣльныхъ углеводородовъ жирнаго ряда съ цѣлiю выяснить ту правильность, какую онъ представляетъ.

Хотя въ химической литтературѣ имѣется довольно много изслѣдованiй относительно окисленiя непредѣльныхъ углеводородовъ, главнымъ образомъ этиленнаго ряда, тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ не можетъ считаться разъясненнымъ настолько же, насколько разъясненъ вопросъ объ окисленiи напр. алкоголей или кетоновъ. Это обстоятельство опредѣляется несомнѣнно бóльшею сложностью явленiя вызываемою тѣмъ, что при окисленiи непредѣльныхъ углеводородовъ реакцiя въ одно и тоже время идетъ по различнымъ направленiямъ. Но все же вопросъ этотъ на столько разъясненъ, что по имѣющимся теперь даннымъ возможно вывести слѣдующiя общiя положенiя:

1. Непосредственое дѣйствiе кислорода въ непредѣльныхъ углеводородахъ обращается на паи углерода, связанные вдвойнѣ, результатамъ чего является распаденiе соединенiя на этомъ мѣстѣ:

2. Рядомъ съ непосредственнымъ окисленіемъ обыкновенно происходитъ присоединеніе воды съ образованіемъ гидрата, который и подвергается дальнѣйшему окисленію сообразно своему строенію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ углеводородъ можетъ подвергаться послѣдовательной гидратаціи и дегидратаціи.

Этѣ положенія, высказываемыя уже давно, были вполнѣ подтверждены А. М. Бутлеровымъ при изслѣдованіи окисленія продуктовъ уплотнѣнія изобутилена — изодибутилена и изотрибутилена. Я останавливаюсь прежде всего на этихъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ здѣсь былъ обстоятельно изъученъ механизмъ реакціи окисленія.

При окисленіи изодибутилена (¹) смѣсью хромовокислаго калія и сѣрной кислоты въ очень концентрированномъ растворѣ получались, какъ главные продукты,—триметилоуксусная кислота и ацетонъ; на счетъ дальнѣйшаго окисленія послѣдняго происходили уксусная и угольная кислоты. Такъ какъ изодибутиленъ представляетъ диметилбутилэтиленъ, то образованіе указанныхъ продуктовъ опредѣляется распаденіемъ на мѣстѣ двойной связи:

$$\begin{array}{l} CH\,C(CH_3)_3 \\ \| \\ C(CH_3)_2 \end{array} + O_3 = \begin{array}{l} C(CH_3)_3 \\ | \\ CO_2H \end{array} + CO(CH_3)_2.$$

Кромѣ этихъ веществъ при окисленіи изодибутилена получаются нейтральное масло и кислота октиловая — $C_8H_{16}O_2$ Такъ какъ образованіе ея совершенно аналогично образованію изобутириновой кислоты изъ тримэтилкарбинола, и такъ какъ изодибутолъ, алкоголь, образующійся изъ изодибутилена, является аналогомъ тримэтилкарбинола, то А. М. Бутлеровъ даетъ этой октиловой кислотѣ строеніе аналогичное изобутириновой:

$$\begin{array}{l} CH_3 \\ CH_3 \\ CH_3 \end{array} \!\!> C\,OH \qquad \begin{array}{l} CH_3 \\ CH_3 \end{array} \!\!> CH\,CO_2H$$

$$\begin{array}{r} [C(CH_3)_3]CH_2 \\ CH_3 \\ CH_3 \end{array} \!\!> C\,OH \qquad \begin{array}{r} [C(CH_3)_3]CH_2 \\ CH_3 \end{array} \!\!> CH\,CO_2H.$$

(¹) Жур. Рус. Хим. Общ. *9* (1) 50.

Образованіе такой кислоты изъ изодибутилена возможно объяснить только однимъ способомъ: гидратаціей изодибутилена съ образованіемъ изодибутола, дегидратаціей этаго послѣдняго съ образованіемъ изомера изодибутилена и наконецъ послѣдующей гидратаціей этаго изомера, какъ это показываютъ формулы, въ которыхъ Bt означаетъ изобутилъ—$C(CH_3)_3$:

$$1.\quad \begin{array}{l} Bt\,CH \\ \;\;\;\;\;\;\| \\ (CH_3)_2C \end{array} + H_2O = \begin{array}{l} Bt\,CH_2 \\ (CH_3)_2 \end{array}\!\!>\!C\,OH$$

$$2.\quad \begin{array}{l} Bt\,CH_2 \\ (CH_3)_2 \end{array}\!\!>\!C\,OH - H_2O = \begin{array}{l} Bt\,CH_2 \\ CH_3 \end{array}\!\!>\!C \begin{array}{l} \\ \! /\!/ \\ CH_2 \end{array}$$

$$3.\quad \begin{array}{l} Bt\,CH_2 \\ CH_3 \\ CH_2 \end{array}\!\!>\!C + H_2O = \begin{array}{l} Bt\,CH_2 \\ CH_3 \end{array}\!\!>\!CH—CH_2OH.$$

Образовавшійся первичный алкоголь и окисляется въ октиловую кислоту. Что реакція происходитъ дѣйствительно такъ, А. М. Бутлеровъ доказалъ такимъ образомъ, что онъ выдѣлилъ изъ маслообразныхъ продуктовъ кетонъ $C_7H_{14}O$, имѣющій такое строеніе:

$$\begin{array}{l} Bt\,CH_2 \\ CH_3 \end{array}\!\!>\!CO$$

Это строеніе выведено изъ окисленія кетона, который далъ при этомъ кислоты уксусную и тримэтилоуксусную. Кетонъ этотъ могъ образоваться только на счетъ углеводорода:

$$\begin{array}{l} Bt\,CH_2 \\ CH_3 \\ CH_2 \end{array}\!\!>\!C$$

который при окисленіи, распадаясь на мѣстѣ двойной связи, и переходитъ въ этотъ кетонъ и угольную кислоту. Такимъ образомъ присутствіе продуктовъ окисленія этаго углеводорода несомнѣнно доказываетъ его образованіе изъ изодибутилена при реакціи.

Это изслѣдованіе доказало такимъ образомъ справедливость выставленныхъ выше общихъ положеній объ окисле.

нiи непредѣльныхъ соединенiй; оно указало кромѣ того еще и то, что при этой реакцiи путемъ послѣдовательныхъ гидратацiй и дегидратацiй могутъ происходить весьма разнообразные продукты.

Окисленiе изотрибутилена должно, при распаденiи его на мѣстѣ двойной связи, вести къ образованiю двухъ кетоновъ—ацетона и дiизобутилкетона:

$$\begin{matrix} C\,Bt_2 \\ \| \\ C\,(CH_3)_2 \end{matrix} + O_2 = CO\,Bt_2 + CO\,(CH_3)_2$$

совершенно аналогично тому, какъ тетрамэтилэтиленъ даетъ при окисленiи ацетонъ [1]. При окисленiи изотрибутилена, произведенномъ А. М. Бутлеровымъ [2], дѣйствительно получаются ацетонъ, уксусная и тримэтилоуксусная кислоты, представляющiя продукты дальнѣйшаго окисленiя дiизобутилкетона. Но кромѣ этихъ веществъ получается еще кислота состава $C_{11}H_{22}O_2$—мэтилдiизобутило-уксусная:

$$\begin{matrix} [C(CH_3)_3]_2 \\ CH_3 \end{matrix} \rangle C\,CO_2H$$

Образованiе этой кислоты А. М. Бутлеровъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, пинаконъ подъ влiянiемъ кислоты переходитъ въ пинаколинъ—соединенiе, заключающее третичный радикалъ; реакцiя слѣд. состоитъ въ перемѣщенiи мэтильной группы отъ однаго углероднаго атома къ другому. Изотрибутиленъ, представляющiй сполна замѣщенный этиленъ, подъ влiянiемъ кислоты можетъ образовать аналогъ пинаколина:

$$\begin{matrix} C \begin{matrix} \diagup Bt_2 \\ \diagdown CH_3 \end{matrix} \\ | \\ CO\,CH_3. \end{matrix}$$

который и даетъ дибутилмэтилоуксусную кислоту. Вѣрность такого предположенiя А. М. Бутлеровъ подтвердилъ двумя способами. Съ одной стороны онъ доказалъ, что тетрамэтилэтиленъ при дѣйствiи хромовой смѣси образуетъ кромѣ

---

(1) Павловъ Жур. Рус. Хим. Общ. *10* (1), 289.

(2) Ib. *11* (1) 203.

ацетона и уксусной кислоты еще кислоту тримэтилоуксусную, и при томъ тѣмъ больше ея, чѣмъ болѣе взято сѣрной кислоты. Таже зависимость образованія дибутилмэтилоуксусной кислоты отъ количества сѣрной найдена имъ и для изотрибутилена. Съ другой стороны А. М. Бутлеровъ доказалъ, что такая перегруппировка не совершается при окисленіи изотрибутилена въ жидкости, несодержащей кислоты. Дѣйствіемъ марганцовокислаго калія на изотрибутиленъ онъ получилъ только уксусную и тримэтилоуксусную кислоты; дибутилмэтилоуксусная при этомъ не образовалась. Это изслѣдованіе снова подтвердило, что при окисленіи непредѣльныхъ углеводородовъ распаденіе совершается на мѣстѣ двойной связи, все равно, производится-ли оно дѣйствіемъ хромовой смѣси или марганцовокислаго калія. Это же изслѣдованіе указало и еще на одинъ процессъ, совершающійся при окисленіи подъ вліяніемъ кислоты,—процессъ перегруппировки, ведущій къ образованію третичнаго радикала; впрочемъ этотъ процессъ имѣетъ мѣсто для небольшаго числа углеводородовъ, представляющихъ сполна замѣщенный этиленъ.

Посмотримъ теперь, представляетъ-ли окисленіе другихъ непредѣльныхъ углеводородовъ туже правильность, какая указана сейчасъ.

Окисленіе перваго члена ряда—*этилена* было изслѣдовано многими химиками. Результаты этѣхъ изслѣдованій сводятся къ тому, что этиленъ при окисленіи частію распадается на соединенія съ однимъ атомомъ угля, частію же образуетъ кислоты съ двумя атомами углерода. Вообще этиленъ окисляется трудно. При дѣйствіи хромовой кислоты онъ даетъ по показаніямъ Berthelot (1) альдегидъ, по изслѣдоніямъ же О. и F. Zeidler (2)—угольную кислоту и очень мало муравейной и уксусной; относительно альдегида они не даютъ опредѣленныхъ указаній. По опытамъ Ludwig'а (3) этиленъ съ хромовой кислотой даетъ не одну угольную кислоту, а образуетъ и органическую кислоту, хотя авторъ

(1) An. de chim. de phys. (4) *19*, 427.

(2) An. Chem. Pharm. *197*, 248.

(3) Ib. *162*, 52.

не рѣшаетъ, была ли то муравейная или уксусная. Съ хромовой смѣсью этиленъ окисляется по изслѣдованіямъ Chapmann'a и Thorp'a (1) въ угольную кислоту и воду, а по опытамъ O. и F. Zeidler даетъ тѣже продукты, что и съ хромовой кислотой. Что касается дѣйствія на этиленъ марганцовокислаго калія, то оказывается, что окисленіе въ этѣхъ условіяхъ происходитъ много легче. Truchot (2) нашелъ, что при этомъ образуются только угольная и муравейная кислоты и не происходитъ уксусной. По изслѣдованіямъ Berthelot (3) кромѣ кислотъ, указанныхъ Truchot, образуется еще щавелевая, а O. и F. Zeidler нашли и уксусную кислоту при окисленіи какъ въ нейтральномъ, такъ и въ кисломъ, и въ щелочномъ растворѣ.

Рядомъ съ этимъ разсмотримъ результаты, полученные при окисленіи углеводорода слѣдующаго ряда — *ацетилена*. По изслѣдованіямъ Berthelot (4) этотъ углеводородъ окисляется свободнымъ кислородомъ въ присутствіи щелочи, образуя уксусную кислоту. Таже кислота образуется и при дѣйствіи хромовой кислоты, и особенно интересно при этомъ то, что результатъ окисленія измѣняется, смотря по условіямъ реакціи. Такъ, уксусная кислота образуется только при употребленіи слабаго раствора хромовой кислоты и воднаго раствора ацетилена; съ крѣпкимъ растворомъ первой происходитъ рядомъ съ образованіемъ различнаго количества уксусной кислоты распаденіе углеводорода на угольную и муравейную. Дѣйствіемъ марганцовокислаго калія ацетиленъ окисляется въ щавелевую кислоту, вмѣстѣ съ которой происходятъ угольная и муравейная (5).

Образованіе изъ этилена и ацетилена кислотъ съ тѣмъ же количествомъ угля O. и F. Zeidler объясняютъ гидратаціей и послѣдующимъ окисленіемъ образовавшагося гидрата. Такое объясненіе механизма реакціи окисленія въ высшей степени вѣроятно, даже болѣе, такъ какъ инымъ пу-

---

(1) An. Chem. Phar. *142*, 180.

(2) Bull. soc. chim. de Paris *6*, 479.

(3) An. chim. phys. (4) *15*, 346.

(4) Ib. (4) *23*, 212.

(5) Ib. (4) *15*, 343.

тѣмъ невозможно представить себѣ образованіе уксусной кислоты изъ ацетилена. Тѣмъ не менѣе фактическаго доказательства такой гидратаціи при реакціи окисленія мы не имѣемъ. Нѣкоторый намекъ на это даетъ отношеніе ацетилена къ хромовой кислотѣ, именно вліяніе концентраціи кислоты на направленіе реакціи въ ту или другую сторону([1]). Но если гидратація, происходящая при окисленіи хромовой кислотой и хромовой смѣсью, обусловливается вліяніемъ кислоты, то она является менѣе понятной при окисленіи нейтральнымъ растворомъ марганцовокислаго калія. Это наводитъ на мысль, не происходитъ-ли здѣсь щавелевая кислота путемъ прямаго окисленія безъ предварительной гидратаціи, какъ это предполагаетъ Berthelot. Правда, такому предположенію противорѣчитъ указаніе O. и F. Zeidler на образованіе уксусной кислоты изъ этилена при дѣйствіи марганцовокислаго калія, хотя Berthelot при тѣхъ же условіяхъ не нашелъ ее. Но при опытахъ послѣдняго могло происходить дальнѣйшее окисленіе уксусной кислоты въ щавелевую; хотя по изслѣдованіямъ Berthelot ([2]) такое окисленіе совершается только при 100°, при обыкновенной же температурѣ оно происходитъ чрезвычайно медленно, тѣмъ не менѣе самъ Berthelot принимаетъ, что щавелевая кислота при окисленіи пропилена и аллилена происходитъ на счетъ уксусной.

Изъ всего сказаннаго, полагаю, можно вывести заключеніе, что имѣющіяся данныя, не разрѣшая вполнѣ вопроса о способѣ образованія щавелевой кислоты изъ ацетилена и этилена при дѣйствіи марганцовокислаго калія, хотя и есть основанія предполагать здѣсь предварительную гидратацію, тѣмъ не менѣе указываютъ несомнѣнно на распаденіе углеводородовъ по мѣсту двойной связи и на гидратацію ихъ въ кислой жидкости.

При окисленіи *пропилена* и *аллилена* хромовой кислотой Berthelot ([3]) получилъ пропіоновую, уксусную и муравейную кислоты; кромѣ того пропиленъ далъ ацетонъ, а аллиленъ—

([1]) Можетъ быть, здѣсь происходитъ полимеризація съ образованіемъ кротоноваго альдегида.

([2]) An. chim. phys. (4) *15*, 368.

([3]) Ib. (4) *19*, 428.

окись аллилена. Съ этимъ расходятся результаты O. и F. Zeidler, которые при окисленіи пропилена получили только уксусную, муравейную и угольную и не нашли ни пропіоновой кислоты, ни ацетона. Описываемые углеводороды относятся по Berthelot (¹) совершенно одинаково и къ марганцовокислому калію и переходятъ въ кислоты маллоновую, уксусную и угольную, при чемъ образуются еще щавелевая и муравейная. Truchot при окисленіи пропилена получилъ только уксусную и муравейную кислоты, а O. и F. Zeidler при этѣхъ же условіяхъ кромѣ уксусной и угольной получили еще щавелевую и очень небольшое количество какой-то нелетучей кислоты, которая по свойствамъ болѣе подходитъ къ гликоловой, чѣмъ къ маллоновой. Разсматривая этѣ результаты, мы видимъ, что образованіе пропіоновой и маллоновой кислотъ, констатированное впрочемъ только Berthelot, представляетъ нѣкоторое затрудненіе для объясненія. Дѣйствительно, по всѣмъ аналогіямъ гидратація пропилена можетъ вести только къ образованію псевдопропильнаго алкоголя и ацетона; образованіе нормальнаго алкоголя и альдегида, хотя и находитъ аналогію въ образованіи изобутириновой кислоты изъ триметилкарбинола, тѣмъ не менѣе является нѣсколько страннымъ.

При окисленіи *изобутилена* по опытамъ O. и F. Zeidler распаденіе совершается по мѣсту двойной связи; съ хромовой смѣсью образуются ацетонъ, уксусная и муравейная кислоты, а съ марганцовокислымъ каліемъ—тѣ же продукты, за исключеніемъ ацетона, и вмѣстѣ съ ними щавелевая кислота.

Что касается *амилена*, то изслѣдованія Wurtz'а (²) и Erlenmeyer'а (³) дали согласный результатъ; при окисленіи углеводородовъ, полученныхъ изъ амильнаго алкоголя и изъ іодистаго амила, образуются одни и тѣже продукты: ацетонъ и угольная кислота, что по Erlenmeyer'у служитъ однимъ изъ подтвержденій формулы амилена $CH_2=CH\,CH(CH_3)_2$. Впослѣдствіи Truchot нашелъ, что при дѣйствіи марганцо-

(¹) An. chim. phys. (4) *15*, 347.
(²) An. Chem. Phar, *132*, 134.
(³) Zeitschr. f. Ch, 1865, 363. An. Chem. Phar. Suppl. *5*, 337.

вокислаго калія амиленъ даетъ бутириновую, пропіоновую, уксусную и муравейную кислоты. Chapmann и Thorp ([1]) при окисленіи амилена хромовой смѣсью и кислымъ растворомъ марганцовокислаго калія получили только уксусную и угольную кислоты, при чемъ по ихъ опредѣленію частица C_5H_{10} даетъ 2 частицы уксусной кислоты. Провѣряя опыты Truchot, они пришли къ заключенію, что дѣйствительно при окисленіи нейтральнымъ растворомъ марганцовокислаго калія образуются кромѣ уксусной и высшіе кислоты, судя по анализамъ солей; но это по ихъ мнѣнію зависитъ отъ нечистоты амилена или отъ недостаточнаго окисленія. По показаніямъ Berthelot ([2]) марганцовокислый калій окисляетъ амиленъ въ цѣлый рядъ двуосновныхъ кислотъ, изъ которыхъ впрочемъ выдѣлена только щавелевая. Berthelot думаетъ, что вмѣстѣ съ ней образуются ея высшіе гомологи: маллоновая, янтарная и пировиннокаменная. Дѣйствіе хромовой кислоты на амиленъ по Berthelot ([3]) различно, смотря по условіямъ. Такъ при окисленіи жидкаго углеводорода образуется только уксусная кислота; если же взять водный растворъ амилена, то происходитъ нейтральное масло, содержащее ацетонъ и, по предположенію Berthelot, соединеніе состава $C_5H_{10}O$, и вмѣстѣ съ этимъ цѣлый рядъ жирныхъ кислотъ, начиная съ муравейной и оканчивая валерьяновой.

Остановимся пока на этѣхъ результатахъ. Какъ видно изъ сказаннаго, только одинъ Berthelot получилъ изъ амилена валерьяновую кислоту; другіе изслѣдователи нашли при этомъ только уксусную, не принимая въ соображеніе опытовъ Truchot, опровергнутыхъ Chapmann'омъ и Thorp. Образованіе цѣлаго ряда кислотъ изъ амилена Berthelot объясняетъ такимъ образомъ: основываясь на постоянствѣ валерьяновой кислоты, неизмѣняющейся при дѣйствіи такаго сильнаго окислителя, какъ хромовая смѣсь, Berthelot не находитъ возможнымъ объяснять образованіе низшихъ кислотъ путемъ распаденія валерьяновой и приписываетъ обра-

(1) An. Chem. Phar. *142*, 180.
(2) An. chim. phys. (4) *15*, 350.
(3) Ib. (5) *6*, 450.

зованіе первыхъ или непосредственному окисленію амилена, сопровождающемуся распаденіемъ его, или же дальнѣйшему окисленію образовавшагося изъ амилена рядомъ съ валерьяновой кислотой вещества $C_5H_{10}O$. Не входя въ дальнѣйшее развитіе взгляда Berthelot, я замѣчу только, что его объясненіе механизма реакціи въ этомъ случаѣ близко къ тому, какое даетъ теорія строенія.

Какъ извѣстно, изслѣдованія Вышнеградскаго (1) разъяснили натуру обыкновеннаго амилена изъ алкоголя броженія и показали, что онъ представляетъ смѣсь по крайней мѣрѣ 3-хъ изомеровъ, именно: триметилэтилена, несимметрическаго мэтилэтилэтилена $CH_2=C(CH_3)(C_2H_5)$ и еще однаго изомера, іодоводородное соединеніе котораго превращается въ мэтилпропилкарбинолъ. На этомъ основаніи Вышнеградскій заключаетъ, что это или нормальный пропилэтиленъ, или симметрическій мэтилэтилэтиленъ

$$1.\ CH_3CH_2CH_2CH=CH_2 \text{ или } 2.\ CH_3CH=CH\,CH_2CH_3$$

и болѣе склоняется въ пользу первой формулы. Но Флавицкій (2) изъ бромистаго амилена получилъ два гликола: триметилгликолъ и мэтилэтилгликолъ, вслѣдствіе чего онъ и думаетъ, что въ обыкновенномъ амиленѣ находится изомеръ съ формулой 2. Къ тому же заключенію приходитъ и Эльтековъ (3), получившій изъ бромистаго амилена валериленъ, недающій серебрянаго производнаго и потому имѣющій строеніе $CH_3C\equiv C\,CH_2CH_3$; а такое соединеніе могло образоваться только изъ амилена съ формулой 2. Но изслѣдованіе O. и F. Zeidler (4), произведенное также съ цѣлію разъяснить вопросъ, какой изъ этѣхъ изомеровъ содержится въ обыкновенномъ амиленѣ, дало иной результатъ. Они нашли, что при окисленіи амилена марганцовокислымъ каліемъ въ щелочномъ растворѣ образуются бутириновая и янтарная кислоты; такъ какъ этѣ кислоты не могутъ образоваться изъ симметрическаго мэтилэтилэтилена, то авторы

(1) Жур. Рус. Хим. Общ. *9*, (1) 150, 192.
(2) Жур Рус. Хим. Общ. *8*, (2) 339; *10* (1) 128.
(3) Жур. Рус. Хим. Общ. *9* (1), 377.
(4) An. Chem. Phar. *197*, 253.

и заключили отсюда о присутствіи въ амиленѣ пропилэтилена. Хотя этотъ результатъ можно объяснять иначе и приписывать образованіе янтарной и бутириновой кислотъ на счетъ высшихъ гомологовъ амилена и пентана, содержащихся въ амиленѣ, но такое объясненіе не будетъ имѣть достаточныхъ основаній. Поэтому я и считаю въ высшей степени вѣроятнымъ присутствіе въ обыкновенномъ амиленѣ нормальнаго пропилэтилена; принимая это, легко можно объяснить всѣ факты, полученные при окисленіи амилена. Наконецъ, должно упомянуть, что по изслѣдованіямъ Эльтекова амиленъ содержитъ и изопропилэтиленъ.

Такимъ образомъ обыкновенный амиленъ состоитъ изъ смѣси: 1. триметилэтилена, 2. несимметрическаго мэтилэтилэтилена, 3. симметрическаго мэтилэтилэтилена, 4. псевдопропилэтилена и 5. нормальнаго пропилэтилена. При окисленіи амилена 1 и 2 изомеры должны дать уксусную кислоту и при томъ 2 частицы ея изъ 1 частицы C_5H_{10}; это дѣйствительно и было получено Chapmann'омъ и Thorp. 3 изомеръ долженъ дать пропіоновую и уксусную, 4—изобутириновую (1) и 5—нормальную бутириновую кислоту. На счетъ этаго послѣдняго можетъ образоваться и валерьяновая кислота, такъ какъ гидратаціей пропилэтилена возможенъ переходъ къ нормальному амильному алкоголю. Такимъ образомъ, выяснивъ составъ амилена, мы можемъ понять образованіе всѣхъ полученныхъ при его окисленіи продуктовъ.

Теперь мнѣ остается еще указать на результаты окисленія амилена Zeidler'a (2). Онъ при своихъ опытахъ употреблялъ амиленъ различнаго происхожденія. 1. C_5H_{10} съ точкой кипѣнія 35°, полученный изъ недѣятельнаго амильнаго алкоголя дѣйствіемъ хлористаго цинка; 2. C_5H_{10} съ т. кип. 22°—23° изъ іодюра недѣятельнаго алкоголя; 3. C_5H_{10} съ т. кип. 33° изъ этиламильнаго эфира дѣйствіемъ фосфорнаго ангидрида. Окисленіе производилось марганцовокислымъ каліемъ въ кисломъ, нейтральномъ и щелочномъ растворѣ, хромовой кислотой, хромовой смѣсью, іоднокислымъ каліемъ съ сѣрной кислотой и азотной кислотой.

(1) Она вмѣстѣ съ ацетономъ и уксусной кислотой и получена Флавицкимъ. Жур. Рус. Хим. Общ. *10* (1) 173.

(2) Sitzungsber. d. Wien. Akad. Bd. 74, Abth. 2, S. 292.

Два послѣдніе окислителя превращали всѣ амилены въ угольную и уксусную кислоты. Остальные окислители производили одинаковые кислоты съ тѣмъ только различіемъ, что при дѣйствіи марганцовокислаго калія образовались кромѣ одноосновныхъ и двуосновныя кислоты. Амилены 1 и 2 дали въ общемъ одни и тѣже продукты только въ нѣсколько различномъ относительномъ количествѣ; они окислялись въ бутириновую, янтарную, уксусную, щавелевую и муравейную кислоты; по мнѣнію автора вмѣстѣ съ этѣми кислотами образовалась и пропіоновая. Амиленъ 3 далъ угольную, уксусную и щавелевую кислоты, можетъ быть и пропіоновую. Такъ какъ этотъ амиленъ по своему образованію и температурѣ кипѣнія представляетъ чистый тримэтилэтиленъ, то, если не обращать вниманія на образованіе изъ него пропіоновой кислоты, что, собственно говоря, и не доказано Zeidler'омъ, то распаденіе его на угольную и уксусную кислоты совершенно отвѣчаетъ теоріи. Что касается двухъ остальныхъ амиленовъ, то, несомнѣнно, они представляли смѣси различныхъ изомеровъ C_5H_{10}.

Что касается углеводородовъ слѣдующаго непредѣльнаго ряда съ 5 атомами угля, то извѣстно окисленіе *псевдопропилацетилена* $(CH_3)_2CH\,C{\equiv}CH$ и *мэтилэтилацетилена* $CH_3CH_2C{\equiv}CCH_3$. По изслѣдованіямъ Флавицкаго и Крылова (1) первый при окисленіи даетъ угольную, изобутириновую, ацетонъ и уксусную кислоту; послѣднія два вещества происходятъ несомнѣнно на счетъ изобутириновой кислоты. Такимъ образомъ этотъ углеводородъ распадается на мѣстѣ тройной связи.

Мэтилэтилацетиленъ по изслѣдованіямъ Эльтекова (2) при окисленіи даетъ пропіоновую и уксусную кислоты, т. е. распадается также на мѣстѣ тройной связи.

Обращаясь къ высшимъ углеводородамъ, мы встрѣчаемся съ очень интереснымъ обстоятельствомъ. Chapmann и Thorp (3) при окисленіи *β—гексилена* получили пропіоновую, угольную и уксусную кислоты, на основаніи чего и припи-

---

(1) Жур. Рус. Хим. Общ. *10* (1) 342.

(2) Жур. Рус. Хим. Общ. *9* (1) 395.

(3) An. Ch. Phar. *142*. 182.

сали ему ненормальное строеніе. Это между тѣмъ находилось въ противорѣчіи съ происхожденіемъ углеводорода изъ вторичнаго іодистаго гексила, откуда для гексилена выводилась формула $CH_3CH_2CH_2CH=CH\,CH_3$; при окисленіи надо было ожидать слѣд. уксусной и бутириновой кислотъ. Дѣйствительно недавнія изслѣдованія Hecht'а (1) вполнѣ подтвердили это, такъ какъ при окисленіи гексилена были получены уксусная и нормальная бутириновая кислоты.

Изъ другихъ гексиленовъ извѣстно содержаніе при окисленіи двухъ изомерныхъ *димэтилэтилэтиленовъ*.

$$1.\quad \begin{array}{l} C(CH_3)_2 \\ \| \\ CH\,C_2H_5 \end{array} \qquad и\ 2.\quad \begin{array}{l} CH\,CH_3 \\ \| \\ C(CH_3)(C_2H_5) \end{array}$$

По опытамъ Явейна (2), первый, полученный изъ димэтилпропилкарбинола, при окисленіи даетъ ацетонъ, пропіоновую и уксусную кислоты; второй, происходящій изъ діэтилмэтилкарбинола, окисляется въ уксусную кислоту и, вѣроятно, мэтилэтилкетонъ. Такимъ образомъ оба этѣ углеводорода распадаются на мѣстѣ двойной связи. Окисленіе тетрамэтилэтилена уже указано. Углеводородъ ацетиленнаго рода—*гексоиленъ* $CH_3CH_2CH_2C \equiv C\,CH_3$ по изслѣдованіямъ Hecht'а (3) окисляется въ уксусную и нормальную бутириновую кислоты.

Что касается высшихъ членовъ, то окисленіе изодибутилена и изотрибутилена уже изложено.

Изъ представленнаго очерка результатовъ, полученныхъ при окисленіи непредѣльныхъ углеводородовъ, мы видимъ, что всѣ факты, за малыми исключеніями, могутъ быть подведены къ двумъ высказаннымъ принципамъ, именно: къ непосредственному окисленію по мѣсту двойной связи, или къ гидратаціи углеводорода и послѣдующему окисленію гидрата. Тѣ исключенія, о которыхъ сейчасъ упомянуто, имѣютъ мѣсто или въ томъ случаѣ, гдѣ недостаточно точно опредѣлено строеніе окисляемаго вещества, какъ образованіе валерьяновой или частію янтарной кислоты изъ нѣкоторыхъ изомеровъ амилена, или тамъ, гдѣ невполнѣ выяснены усло-

(1) Berichte deut. chem. Gesel. *11*, 1152.
(2) Жур. Рус. Хим. Общ. *10* (1) 249.
(3) Berichte deut. Chem. Gesel. *11*, 1050.

вія гидратаціи углеводорода, какъ образованіе уксусной и щавелевой кислотъ изъ этилена и ацетилена. Но этѣ немногіе случаи, находящіе все таки болѣе или менѣе вѣроятное объясненіе, едвали могутъ поколебать правильность высказанныхъ положеній.

Приложимъ теперь этѣ положенія къ случаю окисленія діаллила. Рѣшающимъ фактомъ въ этомъ процессѣ является, по моему мнѣнію, образованіе янтарной кислоты при дѣйствіи марганцовокислаго калія и хромовой кислоты. Такъ какъ при дѣйствіи нейтральнаго раствора марганцовокислаго калія всего менѣе возможна гидратація діаллила, то образованіе при этѣхъ условіяхъ янтарной кислоты прямо указываетъ на непосредственное окисленіе по мѣсту двойной связи; а отсюда для діаллила выводится такое строеніе:

$$CH_2 = CH\ CH_2CH_2CH = CH_2$$

потому что другая формула

$$CH_3CH = CH\ CH = CH\ CH_3$$

должна была бы вести къ образованію щавелевой и уксусной кислоты. Правда и та, и другая кислота и образуются при этомъ, но образованіе ихъ несомнѣнно зависитъ отъ побочныхъ реакцій.

Такъ, что касается щавелевой кислоты, то по изслѣдованіямъ Berthelot (¹) янтарная кислота при дѣйствіи марганцовокислаго калія переходитъ въ щавелевую. Такъ какъ Berthelot допускаетъ возможность распаденія, при дѣйствіи марганцовокислаго калія двуосновныхъ кислотъ на угольную кислоту и низшій членъ изъ ряда жирныхъ кислотъ, то я и повторялъ опыты Berthelot съ янтарной кислотой, имѣя цѣлію главнымъ образомъ опредѣлить, не происходитъ-ли при ея окисленіи образованія жирныхъ кислотъ, главнымъ образомъ уксусной.

Янтарная кислота окисляется марганцовокислымъ каліемъ какъ въ нейтральномъ, такъ и въ кисломъ растворѣ съ той только разницей, что въ послѣднемъ случаѣ окисленіе совершается легче и происходитъ при обыкновенной температурѣ. Для опытовъ я бралъ на 20 гр. $KMnO_4$, растворенныхъ въ 400 гр. воды, 5 гр. янтарной кислоты, ко-

(¹) An. chim. phys. (4) *15*, 371.

торая нейтрализовалась углекислымъ каліемъ. Послѣ 10-ти дневнаго стоянія смѣси измѣненія не было замѣтно, почему жидкость нагрѣвалась на водяной банѣ. Послѣ нагрѣванія въ теченіи 20—30 часовъ (при различныхъ опытахъ) окисленіе совершалось, и растворъ былъ безцвѣтенъ. Онъ отфильтровывался отъ осадка, сгущался выпариваньемъ и разлагался сѣрной кислотой, при чемъ происходило обильное выдѣленіе угольной кислоты. При перегонкѣ оказалось, что летучихъ кислотъ нѣтъ. Остатокъ отъ перегонки извлеченъ эфиромъ, и полученныя кристаллическія кислоты переведены въ кальціевыя соли. Нерастворимая соль, обработанная такимъ же образомъ, какъ это было описано при окисленіи діаллила, оказалась чистымъ щавелевокислымъ кальціемъ, что подтвердилъ и анализъ.

0,3855 гр. соли дали 0,3545 гр. $CaSO_4$, что отвѣчаетъ 27,02% Ca.

$C_2O_4Ca + H_2O$ содержитъ 27,39% Ca.

Растворимая кальціевая соль при анализѣ оказалась чистою янтарнокислою солью.

0,2855 гр. соли, высушенной при 110°, дали 0,2245 гр. $CaSO_4$, что отвѣчаетъ 23,11% Ca.

$C_4H_4O_4Ca + H_2O$ содержитъ 22,98% Ca.

Такимъ образомъ при окисленіи янтарной кислоты въ щелочномъ растворѣ образуются только угольная и щавелевая кислоты.

Окисленіе въ кисломъ растворѣ совершается энергичнѣе. Смѣсь 7 гр. $KMnO_4$, 7 гр. H_2SO_4 и 140 гр. воды съ прибавленіемъ 5 гр. янтарной кислоты была оставлена при обыкновенной температурѣ, при чемъ быстро становилось замѣтнымъ измѣненіе цвѣта раствора, сопровождавшееся выдѣленіемъ угольной кислоты. Послѣ 10-ти дневнаго стоянія жидкость была безцвѣтной. Она перегонялась, но дистиллятъ не содержалъ кислотъ. Изъ остатка послѣ отгона эфиръ извлекъ чистую янтарную кислоту. При превращеніи въ кальціевую соль образовалась только растворимая соль, анализъ которой далъ слѣдующій результатъ.

0,3515 гр. соли, высушенной при 110°, дали 0,2735 гр. $CaSO_4$, что отвѣчаетъ 22,88% Ca.

$C_4H_4O_4Ca + H_2O$ содержитъ 22,98% Ca.

Въ кисломъ растворѣ янтарная кислота окисляется слѣд. только въ угольную, что совершенно естественно, такъ какъ щавелевая кислота въ этѣхъ условіяхъ разлагается.

Такимъ образомъ происхожденіе щавелевой кислоты при окисленіи діаллила объясняется дальнѣйшимъ окисленіемъ янтарной кислоты.

Что же касается уксусной кислоты, то она происходитъ вѣроятно путемъ гидратаціи діаллила. Но въ такомъ случаѣ надо было ожидать образованія этой кислоты въ кисломъ растворѣ марганцовокислаго калія въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ нейтральномъ; между тѣмъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ уксусная кислота образуется въ крайне незначительномъ и при томъ въ одинаковомъ количествѣ, насколько объ этомъ можно судить, не имѣя количественныхъ опредѣленій. Не смотря на это, я считаю все таки необходимымъ допустить и здѣсь гидратацію діаллила, хотя и трудно происходящую, которая за то такъ легко происходитъ въ кислыхъ жидкостяхъ, какъ хромовая кислота и хромовая смѣсь.

Образованіе изъ діаллила янтарной кислоты совершенно исключаетъ возможность придавать ему формулу $CH_3CH=CH\ CH=CH\ CH_3$, такъ какъ изъ такого соединенія не можетъ образоваться янтарной кислоты. Тѣмъ не менѣе можно представить себѣ, что соединеніе, изомерное діаллилу, съ только что указаннымъ строеніемъ, содержится въ немъ какъ примѣсь; при такомъ предположеніи можно хорошо объяснить образованіе уксусной кислоты при дѣйствіи марганцовокислаго калія. Но если и допустить это, то придется признать, что такой изомеръ содержится въ діаллилѣ только въ очень незначительномъ количествѣ, такъ какъ и уксусной кислоты образуется мало. Слѣд. и при такомъ допущеніи мы должны будемъ признать гидратацію діаллила при дѣйствіи хромовой кислоты или хромовой смѣси, когда углеводородъ почти нацѣло превращается въ уксусную и угольную кислоты. Кромѣ того, при такомъ допущеніи придется еще принять, что діаллилъ и его изомеръ имѣютъ такую близкую температуру кипѣнія, что ихъ невозможно раздѣлить перегонкой.

Что касается этаго изомера діаллила съ формулой $CH_3CH=CH\ CH=CH\ CH_3$, который, по его отношенію къ пропилену, можетъ быть названъ дипропениломъ, то онъ,

вѣроятно, былъ уже въ рукахъ Wurtz'а. По показаніямъ послѣдняго ([1]), двуіодоводородное соединеніе діаллила при обработкѣ ѣдкимъ кали даетъ снова діаллилъ. Такъ какъ строеніе іодюра несомнѣнно такое $CH_3CHJ\ CH_2CH_2CHJ\ CH_3$, то отпаденіе отъ него HJ, согласно взгляду, развитому А. М. Зайцевымъ ([2]) и подтвержденному опытами его и Е. Вагнера ([3]), должно происходить такимъ образомъ, что J уводитъ H отъ менѣе гидрогенизированнаго пая углерода, т. е. отъ группы CH_2; результатомъ этаго должно быть образованіе дипропенила $CH_3CH=CH\ CH=CH\ CH_3$. Такимъ образомъ то вещество, которое Wurtz счелъ за діаллилъ, было, вѣроятно, дипропенилъ. Этотъ же углеводородъ долженъ, несомнѣнно, образоваться и при дѣйствіи на двуіодгидратъ окиси серебра; по показанію Wurtz'а ([4]) при этой послѣдней реакціи образуется діаллилъ, кипящій при 60°. Я не буду дальше развивать этотъ взглядъ, такъ какъ имѣю въ виду осуществить на опытѣ этотъ переходъ отъ діаллила къ дипропенилу.

Въ заключеніи я укажу на нѣкоторые факты, показывающіе, что при окисленіи соединеній, заключающихъ аллильную группу $CH_2=CH\ CH_2$, окисленіе происходитъ на мѣстѣ двойной связи. До сихъ поръ изъ алкоголей, содержащихъ аллилъ, только для одного, именно аллилдимэтилкарбинола, было доказано А. М. и М. М. Зайцевыми ([5]) распаденіе при окисленіи на мѣстѣ двойной связи съ образованіемъ оксивалерьяновой кислоты. Окисленіе діаллилмэтилкарбинола, произведенное мною, показало, что и онъ подчиняется этой правильности и, распадаясь на мѣстѣ двойной связи, даетъ двуосновную окси кислоту—мэтилоксиглютаровую. Но не только алкоголи, а и кислоты, заключающія группу C_3H_5, подчиняются тому же правилу. По изслѣдованіямъ Wislicenus'а и Zeidler'а ([6]) аллилоуксусная

([1]) An. chim. phys. (4) *3*, 160.

([2]) Жур. Рус. Хим. Общ. *7* (1) 289.

([3]) Ib. 302.

([4]) An. chim. phys. (4) *3*, 174.

([5]) Жур. Рус. Хим. Общ. *8* (3) 369.

([6]) Berichte deut. chem. Gesel. *8*, 1035.

кислота при дѣйствіи хромовой кислоты распадается на янтарную и муравейную. Сопоставивъ рядомъ съ этимъ образованіе янтарной кислоты изъ діаллила, мы должны будемъ придти къ заключенію, что діаллилъ представляетъ соединеніе двухъ аллильныхъ группъ, неизмѣнившихъ своего строенія, и что слѣд. формула его такова:

$$CH_2 = CH\ CH_2CH_2CH = CH_2.$$

IV.

Для разъясненія строенія діаллила я обратился, не ограничиваясь изъученіемъ самаго углеводорода, къ изслѣдованію нѣкоторыхъ изъ его производныхъ.

Wurtz (1), дѣйствуя іодоводородомъ на діаллилъ, получилъ два соединенія: $C_6H_{11}J$—моноіодгидратъ и $C_6H_{12}J_2$—двуіодгидратъ; въ томъ и другомъ іодъ былъ замѣщенъ водяннымъ остаткомъ, и такимъ образомъ получены два гидроксильныхъ производныхъ, названныхъ Wurtz'емъ: $C_6H_{11}(OH)$—діаллиленовымъ псевдоалкоголемъ и $C_6H_{12}(OH)_2$—дигидратомъ діаллила, или гексильнымъ псевдогликоломъ.

Строеніе этаго послѣдняго могло быть опредѣлено уже a priori, такъ какъ, исходя изъ обоихъ предложенныхъ для діаллила формулъ, мы придемъ къ одной и тойже формулѣ гликола. Дѣйствительно, сообразно взгляду, развитому А. М. Зайцевымъ (2), элементы HJ распредѣляются такимъ образомъ, чтобы образовалась мэтильная группа; вслѣд. этаго строеніе двуіодгидрата должно быть такое

$$CH_3CHJ\,CH_2CH_2CHJ\,CH_3$$

все равно, будетъ-ли строеніе діаллила

$$CH_2=CH\,CH_2CH_2CH=CH_2 \text{ или } CH_3CH=CH\,CH=CH\,CH_3.$$

Отсюда строеніе гликола $CH_3CH(OH)\,CH_2CH_2CH(OH)\,CH_3$. Мысль о такомъ строеніи этаго гликола была высказана еще В. В. Марковниковымъ (3).

Что касается строенія алкоголя $C_6H_{11}(OH)$, то было несомнѣнно, что онъ заключаетъ группу $CH_3CH(OH)$; а подробная формула его была бы различна въ зависимости оттого, какую формулу избрать для діаллила.

---

(1) An. chim. phys. (4) 3, 155.

(2) Жур. Рус. Хим. Общ. 7 (1) 289.

(3) Матеріалы по вопросу о взаимномъ вліяніи атомовъ стр. 24.

Для разъясненія этѣхъ отношеній я и ввелъ въ кругъ своихъ изслѣдованій гликолъ (¹) и алкоголь, хотя и долженъ сознаться, что изслѣдованіе послѣдняго мной едва только начато.

Вторично-вторичный двуметилированный нормальный бутиленгликолъ (²). Гликолъ этотъ я приготовлялъ изъ двуіодгидрата діаллила. Wurtz получалъ послѣдній нагрѣваніемъ въ запаянныхъ трубкахъ діаллила съ воднымъ растворомъ HJ; я же приготовлялъ іодюръ прямо пропусканіемъ газообразной іодоводородной кислоты въ сильно охлажденный діаллилъ, продолжая это до тѣхъ поръ, пока не оканчивалось поглощеніе газа, и жидкость не начинала сильно дымить. Эту жидкость при первыхъ опытахъ я нагрѣвалъ на водяной банѣ, но потомъ нашелъ, что безъ нагрѣванія продуктъ получается болѣе чистый. Полученный такимъ образомъ іодюръ послѣ промывки и высушиванья я прямо превращалъ въ уксусный эфиръ, дѣйствуя уксуснокислымъ серебромъ въ эфирномъ растворѣ. Продуктъ реакціи извлекался эфиромъ и послѣ отгонки послѣдняго нагрѣвался до 180°, при чемъ отгонялись уксусная кислота и уксусный эфиръ алкоголя $C_6H_{11}(OH)$, образовавшійся изъ

(¹) Изслѣдованіе гликола уже опубликовано въ Жур. Рус. Хим. Общ. *10* (1) 398.

(²) Названіе это, хотя нѣсколько неудобное, кажется мнѣ единственнымъ раціональнымъ для этаго соединенія. Кромѣ нормальныхъ гликоловъ и гликоловъ, происходящихъ изъ этиленгликола путемъ замѣщенія, мы имѣемъ еще группу гликоловъ, къ которой принадлежитъ и гликоль изъ діаллила,—группу, заключающую вторичные, третичные или смѣшанные первично-вторичные, первично-третичные и вторично-третичные гликолы, общая формула которыхъ будетъ такая

$CHR(OH)$	$CR_2(OH)$	$CHR(OH)$	$CR_2(OH)$	$CHR(OH)$
C_nH_{2n}	C_nH_{2n}	C_nH_{2n}	C_nH_{2n}	C_nH_{2n}
$CHR(OH)$	$CR_2(OH)$	$CH_2(OH)$	$CH_2(OH)$	$CR_2(OH)$

Названіе гликоловъ этой группы можетъ быть, по моему мнѣнію, произведено отъ соотвѣтствующаго нормальнаго гликола;

$$\begin{matrix} CH_2(OH) \\ C_nH_{2n} \\ CH_2(OH \end{matrix}$$

съ указаніемъ замѣщающихъ радикаловъ и степени замѣщенія.

моноіодгидрата $C_6H_{11}J$, содержащагося въ іодюрѣ. Жидкость, не перегоняющаяся до 180° и состоящая изъ уксуснаго эфира гликола, разлагалась растворомъ ѣдкаго барита, и гликолъ выдѣлялся перегонкой. Что касается выхода гликола, то онъ не достигаетъ и 30% теоретическаго количества; такъ изъ 167 гр. уксуснаго эфира (образовавшихся изъ 575 гр. іодюра) я получилъ 26 гр. гликола

Точка кипѣнія и удѣльный вѣсъ полученнаго мною гликола нѣсколько отличны отъ указанныхъ Wurtz'емъ. Такъ я нашелъ, что гликолъ кипитъ при 219°—220° (термометръ весь въ парахъ, высота барометра 745,2 mm. при 0°), тогда какъ Wurtz опредѣлилъ точку кипѣнія своего гликола при 212°—215°. При опредѣленіи удѣльнаго вѣса я получилъ слѣдующіе результаты:

Вѣсъ воды при 0°	2,0025 гр.
„ гликола при 0°	1,9542 „
„ „ при 24°	1,9225 „
Удѣльный вѣсъ гликола при 0° . . .	0,9759
„ „ „ при 24° относительно воды при 0°	0,9605
Коэфиціентъ расширенія для 1° между 0°—24°.	0,00064
По Wurtz'у уд. в. гликола при 0° . .	0,9638

Въ чистотѣ гликола я убѣдился слѣдующими анализами:

1. 0,1555 гр. гликола дали 0,3465 гр. CO_2 и 0,1735 гр. H_2O.
2. 0,167 гр. „ „ 0,371 гр. CO_2 и 0,1875 гр. H_2O.

	Найдено:		Вычислено
	1	2	для $C_6H_{14}O_2$:
C	60,77	60,59	61,01.
H	12,39	12,45	11,86.

Окисленіе гликола хромовой смѣсью было произведено также, какъ и окисленіе діаллила; на 2 гр. гликола взято: 17 гр. $Cr_2K_2O_7$, 22 гр. H_2SO_4 и 170 гр. воды. Уже при стояніи смѣси при обыкновенной температурѣ окисленіе совершилось, и цвѣтъ раствора былъ почти совершенно зеленый. При нагрѣваніи смѣси на водяной банѣ замѣчалось выдѣленіе угольной кислоты. Жидкость была отогнана почти до суха, и летучія кислоты раздѣлены на двѣ части по способу Либиха; каждая часть была переведена въ свинцо-

вую соль, но характерныхъ кристалловъ муравейной соли не образовалось, почему обѣ свинцовыя соли переведены въ серебряныя. При этомъ изъ кислоты I, полученной прямой перегонкой, анализированы двѣ кристаллизаціи соли, а изъ кислоты II, выдѣленной изъ натронной соли, — одна кристаллизація.

1. 0,2215 гр. соли 1-й кристаллизаціи дали 0,142 гр. Ag.
2. 0,3285 гр. соли 2-й кристаллизаціи дали 0,2115 гр. Ag.
3. 0,292 гр. соли изъ кислоты II дали 0,187 гр. Ag.

Найдено:			Вычислено для
1	2	3	$C_2H_3O_2Ag$:
64,10	64,38	64,04	64,67% Ag.

Такимъ образомъ, гликолъ при окисленіи хромовой смѣсью распадается на угольную и уксусную кислоты, что и слѣдовало ожидать на основаніи его строенія.

Мэтилкротилкарбинолъ. Такъ какъ опыты окисленія діаллила доказали, что его строеніе выражается формулой $CH_2=CH\,CH_2CH_2CH=CH_2$, то отсюда строеніе происходящаго изъ него алкоголя $C_6H_{11}(OH)$ должно быть таково $CH_2=CH\,CH_2CH_2CH(OH)CH_3$, т. е. онъ долженъ представлять *мэтилкротилкарбинолъ*. Справедливость этаго доказывается синтезомъ алкоголя. Crow (1) возстановленіемъ аллилацетона $C_3H_5CH_2CO\,CH_3$, полученнаго изъ аллилацетоуксуснаго эфира по способу Zeidler'a, получилъ алкоголь, строеніе котораго несомнѣнно такое $C_3H_5CH_2CH(OH)CH_3$. Этотъ алкоголь кипитъ при 138°—139°; уд. вѣсъ его при 16°,2 = 0,842. При нагрѣваніи съ уксуснымъ ангидридомъ онъ образуетъ уксусный эфиръ, кипящій при 147°—149°. Алкоголь соединяется съ бромомъ, образуя $C_6H_{11}Br_2(OH)$ въ водѣ густой, тягучей жидкости; на этотъ бромюръ Crow реагировалъ уксуснокислымъ серебромъ и растворомъ углекислаго калія; въ послѣднемъ случаѣ онъ получилъ соединеніе $C_6H_{11}Br(OH)_2$. Алкоголь, образующійся изъ моноіодгидрата діаллила, кипитъ по показаніямъ Wurtz'a (2) около

---

(1) Jour. of the chem. Soc. *33*, 53.

(2) An. chim. phys. (4) *3*, 172.

140° и имѣетъ уд. вѣсъ при 0° 0,8604—0,8625; уксусный эфиръ его кипитъ при 150°—160°.

Сопоставляя этѣ показанія, невозможно отрицать тождества этихъ соединеній; что же касается строенія алкоголя, полученнаго Crow, то оно несомнѣнно таково:

$$CH_2 = CH\ CH_2CH_2CH\ (OH)\ CH_3.$$

Это я вывожу изъ того, что въ аллилацетонѣ мы имѣемъ радикалъ аллилъ съ нормальнымъстроеніемъ $CH_2 = CH\ CH_2$', такъ какъ по приведеннымъ выше изслѣдованіямъ Wislicenus'a и Zeidler'a ([1]) аллилоуксусная кислота окисляется въ янтарную; предполагать же перегруппировку аллильной группы при возстановленіи аллилацетона нѣтъ никакихъ основаній. Такимъ образомъ изслѣдованіе Crow, доказывающее происхожденіе изъ діаллила мэтилкротилкарбинола, подтверждаетъ принимаемую мной формулу строенія діаллила. Для полнаго доказательства формулъ діаллила и алкоголя $C_6H_{11}(OH)$ слѣдовало еще окисленіемъ послѣдняго получить γ оксивалерьяновую кислоту $CH_3CH(OH)CH_2CH_2CO_2H$.

Имѣя эту цѣль я и приступилъ къ изслѣдованію мэтилкротилкарбинола. При приготовленіи гликола вмѣстѣ съ его уксуснымъ эфиромъ я получилъ уксусный эфиръ алкоголя. Послѣдній я переводилъ въ алкоголь по способу Wurtz'a перегонкой надъ ѣдкимъ кали. Послѣ нѣсколькихъ перегонокъ я выдѣлилъ порцію съ точкой кипѣнія 136°—139°, которая при анализѣ дала числа, указывающія на присутствіе эфира. Поэтому она еще перегонялась надъ KOH, послѣ чего точка кипѣнія понизилась еще; вещество, переходившее при 133°—136° анализировано.

1. 0,268 гр. вещества съ тем. кип. 136°—139° дали 0,682 гр. CO_2 и 0,28 г. H_2O.

2. 0,181 гр. вещества съ тем. кип. 133°—136° дали 0,4665 гр. CO_2 и 0,2015 гр. H_2O.

	Найдено:		Вычислено для	
	1	2	$C_6H_{11}(OH)$	$C_6H_{11}(OC_2H_3O)$
C	69,4	70,33	72	67,6
H	11,6	12,37	12	9,86

([1]) Berichte deut. chem. Gesel. *8*, 1035.

Такимъ образомъ, хотя эти числа указывали на присутствіе въ алкоголѣ уксуснаго эфира, я, имѣя мало вещества, не подвергалъ его дальнѣйшему очищенію и прямо окислилъ.

Для окисленія на 8 гр. алкоголя взято: 32 гр. $Cr_2K_2O_7$, 42 гр. H_2SO_4 и 320 гр. воды, и обработка велась также, какъ и съ діалилломъ. Окисленіе идетъ при обыкновенной температурѣ очень легко; черезъ сутки стоянія растворъ былъ совершенно зеленый. Онъ обработанъ эфиромъ, послѣдній отогнанъ, а остатокъ растворенъ въ водѣ и подвергнутъ перегонкѣ. Остатокъ послѣ отгонки содержалъ только нѣсколько смолистыхъ веществъ, въ дистиллятѣ же находились кислоты. Послѣднія были переведены въ свинцовыя соли, но такъ какъ муравейной соли невыдѣлилось, то приготовлены серебряныя соли. Растворъ ихъ при выпариваньи нѣсколько чернѣлъ, а по охлажденіи выдѣлялъ соль въ видѣ мелкихъ кристалловъ, соединенныхъ въ бородавки.

1. 0,2595 гр. соли 1-й кристаллизаціи дали 0,1665 гр. Ag.
2. 0,242 гр. соли 2-й кристаллизаціи дали 0,154 гр. Ag.

Найдено:		Вычислено для
1	1	$C_2H_3O_2Ag$:
64,54	63,22	64,67%.

Такимъ образомъ ясно, что образуется уксусная кислота съ примѣсью какой-то высшей кислоты.

Я производилъ окисленіе алкоголя и марганцовокислымъ каліемъ. Но имѣя очень мало вещества, я не пришелъ пока къ положительнымъ результатамъ и могъ только констатировать образованіе нелетучихъ кислотъ.

Окончивъ изложеніе своихъ изслѣдованій надъ діаллиломъ и нѣкоторыми изъ его производныхъ, я для полноты очерка присоединяю еще указанія относительно другихъ производныхъ діаллила.

Окись псевдогексилена. Wurtz [1] дѣйствіемъ окиси серебра на двуіодгидратъ діаллила получилъ вмѣстѣ съ діаллиломъ, алкоголемъ $C_6H_{11}(OH)$ и его эфиромъ $(C_6H_{11})_2O$

---

[1] An. chim. phys. (4) *3*, 174.

еще соединеніе состава $C_6H_{12}O$, которое онъ назвалъ моногидратомъ діаллила; образованіе этаго соединенія Wurtz объясняетъ замѣщеніемъ двухъ паевъ іода въ двуіодгидратѣ паемъ кислорода. Что касается реакцій этаго соединенія, то оно отличается отъ своего изомера, мэтилкротилкарбинола, и имѣетъ характеръ соединенія предѣльнаго. Такъ, дѣйствіемъ уксуснаго ангидрида оно переходитъ въ уксусный эфиръ дигидрата діаллила; при дѣйствіи хлороводорода даетъ двухлоргидратъ діаллила. Съ іодоводородомъ полученъ менѣе опредѣленный результатъ; по мнѣнію Würtz'a при этомъ образуется смѣсь двуіодгидрата и іодгидрина $C_6H_{12}J(OH)$. На основаніи этѣхъ реакцій Wurtz считаетъ моногидратъ діаллила окисью или ангидридомъ гликола, совершенно аналогичнымъ окиси гексилена (1), происходящей изъ гексильнаго гликола (изъ гексилена), и даетъ на этомъ основаніи моногидрату также названіе *окиси псевдогексилена.*

Тоже вещество было получено Jekyll'емъ (2) инымъ путемъ: дѣйствіемъ сѣрной кислоты на діаллилъ. При этомъ вмѣстѣ съ полимеризацiей происходитъ присоединеніе воды съ образованіемъ окиси псевдогексилена. Она, по опытамъ Jekyll'я, нагрѣваніемъ съ іодоводородомъ превращается въ іодюръ, совершенно отвѣчающій по свойствамъ іодистому β-гексилу, полученному Wanklyn'омъ и Erlenmeyer'омъ изъ маннита. Этотъ іодюръ былъ переведенъ въ гексанъ съ точкой кипѣнія 68°—69°. При окисленіи іодюръ далъ только угольную и уксусную кислоты, тогда какъ іодистый β-гексилъ образуетъ и бутириновую. Это неодинаковое отношеніе при окисленіи іодюра изъ окиси псевдо-гексилена и іодистаго гексила остается совершенно непонятнымъ, такъ какъ по теоріи этѣ вещества должны быть тождественны. Дѣйствительно, строеніе окиси псевдогексилена, судя по ея происхожденію и свойствамъ, должно быть таково:

$$\begin{array}{l} CH_2\,CH\,CH_3 \\ |\qquad | \\ |\qquad O \\ |\qquad | \\ CH_2\,CH\,CH_3 \end{array}$$

(1) l. c. p. 184.

(2) Zeit. f. Ch. 1871, 36.

При дѣйствіи HJ изъ нея долженъ образоваться двуіодгидратъ діаллила $CH_3CHJ\,CH_2CH_2CHJ\,CH_3$, который дальнѣйшимъ дѣйствіемъ іодоводорода долженъ возстановляться въ іодистый β-гексилъ $CH_3CH_2CH_2CH_2CHJ\,CH_3$. То вещество, которое на основаніи анализовъ, показавшихъ бóльшее содержаніе C и меньшее J, чѣмъ того требуетъ формула $C_6H_{12}J_2$, Wurtz принялъ за смѣсь двуіодгидрата и іодгидрина, содержало, вѣроятно, не іодгидринъ, а іодистый β-гексилъ.

Что касается, другихъ реакцій окиси псевдогексилена, изслѣдованныхъ Jekyll'емъ, то онъ нашелъ, что вещество это невозстановляется водородомъ при дѣйствіи амальгамы натрія, что отличаетъ это соединеніе отъ другихъ окисей. При дѣйствіи хромовокислаго калія и сѣрной кислоты окись эта даетъ голубое окрашиванье, подобно перекиси водорода, и затѣмъ окисляется въ угольную и уксусную кислоты.

Указанныя реакціи опредѣляютъ характеръ этаго соединенія и подтверждаютъ приведенную выше формулу его строенія.

Полимеры діаллила. Уже было сказано, что по изслѣдованіямъ Jekyll'я при дѣйствіи сѣрной кислоты вмѣстѣ съ гидратаціей идетъ и полимеризація діаллила, какъ это было замѣчено еще раньше Berthelot и Luca ([1]) и Schorlemmer'омъ ([2]). Изъ продуктовъ, образующихся при этой реакціи, Jekyll выдѣлилъ фракціонировкой 3 порціи съ точками кипѣнія 205°—215°, 240°—245° и 275°—280°, составъ которыхъ отвѣчалъ формулѣ C_6H_{10}. Судя по температурѣ кипѣнія, можно думать, что первая порція содержала удвоенный полимеръ, а послѣдняя—вѣроятно утроенный. Къ сожалѣнію, этѣ вещества совершенно неизслѣдованы, между тѣмъ какъ онѣ представляютъ очень большой интересъ. А. М. Бутлеровъ разъяснилъ, что процессъ полимеризаціи этиленныхъ углеводородовъ состоитъ въ замѣщеніи водорода въ углеводородѣ радикаломъ соотвѣтствующаго алкоголя, и что самая реакція происходитъ между углеводородомъ и алкоголемъ, образующимся изъ перваго вслѣдствіе гидрата-

---

([1]) C. rend. *42*, 236.

([2]) An. Chem. Phar. *139*, 249.

ціи. Такимъ же путемъ, по мнѣнію А. М. Зайцева (¹), происходитъ полимеризація углеводорода C_6H_{10} изъ аллилдимэтилкарбинола. Но діаллилъ представляетъ условія, нѣсколько отличныя отъ указанныхъ; именно, при его гидратаціи образуется не алкоголь, какъ это имѣетъ мѣсто для этиленныхъ углеводородовъ и для углеводорода А. М. Зайцева, который и образуется изъ алкоголя, а окись. Это различіе, какъ можно думать, не остается безъ вліянія на самый процессъ полимеризаціи діаллила; разъясненіе строенія его полимеровъ оказывается вслѣд. этаго чрезвычайно интереснымъ.

Изомеры діаллила. Въ заключеніе этаго очерка діаллила и его производныхъ я приведу здѣсь данныя о другихъ соединеніяхъ съ той же формулой — C_6H_{10}.

Въ настоящее время извѣстенъ только одинъ изомеръ діаллила, принадлежащій къ тому же ряду углеводородовъ съ повторяющейся двойною связью. Это углеводородъ, полученный А. М. и М. М. Зайцевыми (²) изъ хлорюра аллилдимэтилкарбинола дѣйствіемъ алкогольнаго раствора ѣдкаго кали; онъ же происходитъ и при дѣйствіи на аллилдимэтилкарбинолъ сѣрной кислоты (³). Углеводородъ этотъ кипитъ около 80°; онъ соединяется съ бромомъ, образуя жидкое вещество состава $C_6H_{10}Br_4$. Что касается его строенія, то на основаніи происхожденія углеводорода оно несомнѣнно таково: $CH_2=CH\,CH=C(CH_3)_2$. По своему строенію этотъ углеводородъ очень близокъ къ діаллилу. Если послѣдній можно разсматривать, какъ кротилэтиленъ:

$$\begin{array}{l} CH\,CH_2CH_2CH=CH_2 \\ \| \\ CH_2 \end{array}$$

то первый можно разсматривать какъ изокротилэтиленъ:

$$\begin{array}{l} CH\,CH=C(CH_3)_2 \\ \| \\ CH_2 \end{array}$$

(¹) Жур. Рус. Хим. Общ. *10* (1) 365.

(²) Ib. *8* (1) 369.

(³) Ib. *10* (1) 365.

Другой углеводородъ съ формулой C_6H_{10} принадлежитъ уже къ ацетиленному ряду и имѣетъ тройную связь. Это—*гексоиленъ*, полученный Caventou (1) изъ бромистаго гексилена, точка кипѣнія его 80°—85°. Тоже вещество изслѣвали Reboul и Truchot (2) и нашли, что оно кипитъ при 76°—80°. Съ бромомъ углеводородъ даетъ жидкія дву-и четырехбромистое соединенія. Тотъ же гексоиленъ былъ полученъ Hecht'омъ (3) изъ обромленнаго гексилена (изъ маннита). Онъ кипитъ при 80°—83°; легко соединяется съ бромомъ, образуя жидкій дибромюръ, при дальнѣйшемъ же дѣйствіи брома образуется смѣсь тетрабромюра и продуктовъ замѣщенія. При окисленіи его хромовой смѣсью образуются угольная, уксусная и нормальная бутириновая кислоты. Что выдѣленіе угольной кислоты независитъ отъ распаденія углеводорода съ образованіемъ уксусной и пропіоновой кислотъ, а происходитъ вслѣд. распаденія бутириновой, Hecht доказалъ прямымъ опытомъ съ этой послѣдней кислотой. Такимъ образомъ, на основаніи окисленія гексоилена въ уксусную и бутириновую кислоты, для него выводится слѣдующая формула $CH_3CH_2CH_2C{\equiv}C\,CH_3$.

Наконецъ углеводородъ C_6H_{10}, отличный отъ указанныхъ, содержится въ маслѣ, получаемомъ при сухой перегонкѣ богедскаго угля. Этотъ углеводородъ не былъ изолированъ, но Schorlemmer (4) получилъ его соединеніе съ бромомъ—$C_6H_{10}Br_4$ въ видѣ длинныхъ игольчатыхъ кристалловъ, плавящихся при 112° и перегоняющихся безъ разложенія при 318°.

---

(1) An. Chem. Phar. *135*, 125.

(2) Ib. *144*, 246.

(3) Berichte deut. chem. Gesel. *11*, 1050.

(4) An. Chem. Pharm. *139*, 251.

ДІАЛЛИЛМЭТИЛКАРБИНОЛЪ.

Какъ извѣстно, А. М. Зайцевъ и Е. Вагнеръ [1] дали способъ для синтеза вторичныхъ алкоголей дѣйствіемъ смѣси муравейнаго эфира и іодюра на цинкъ. Вскорѣ при этой реакціи былъ примѣненъ непредѣльный іодюръ—іодистый аллилъ, и одновременно съ одной стороны М. М. Зайцевъ [2], дѣйствуя смѣсью муравейнаго эфира и іодистаго аллила на цинкъ, а съ другой—А. М. Зайцевъ и Канонниковъ [3], дѣйствіемъ смѣси іодистаго этила, іодистаго аллила и муравейнаго эфира на цинкъ, получили одно и тоже вещество—діаллилкарбинолъ,—первый представитель ряда алкоголей $CnH_{2n-3}(OH)$, содержащихъ двѣ аллильныхъ группы. Такъ какъ іодистый аллилъ легко реагировалъ съ муравейнымъ эфиромъ, то естественно было испробовать его реакцію съ другими сложными эфирами съ цѣлію полученія гомологовъ діаллилкарбинола, уже третичныхъ алкоголей того же непредѣльнаго ряда. Надежда полученія этѣхъ соединеній особенно усилилась вслѣд. найденной А. М. и М. М. Зайцевыми [4] способности іодистаго аллила реагировать съ ацетономъ, образуя аллилдимэтилкарбинолъ. Дѣйствительно, опытъ, произведенный А. М. Зайцевымъ и мною [5], оправдалъ наши ожиданія: дѣйствіемъ іодистаго аллила и уксуснаго эфира на цинкъ мы получили *діаллилмэтилкарбинолъ.*

---

(1) Жур. Рус. Хим. Общ. *6* (1) 122. 290.

(2) Ib. *7* (1) 328; *8* (1) 341.

(3) Ib. *7* (1) 329; *8* (1) 359.

(4) Ib. *8* (1) 8, 363.

(5) Ib. *8* (1) 42.

Впослѣдствіи этотъ синтезъ былъ распространенъ А. М. Зайцевымъ и на другія соединенія. Такъ изъ бутиринового эфира онъ вмѣстѣ съ П. Зайцевымъ (1) получилъ діаллилпропилкарбинолъ, а изъ изобутиринового эфира онъ и Рябининъ (2) получили діаллилизопропилкарбинолъ. Такимъ образомъ мы знаемъ теперь 4 члена изъ ряда алкоголей $CnH_{2n-3}(OH)$, содержащихъ двѣ аллильныхъ группы.

Результаты, полученные мною при изслѣдованіи діаллилмэтилкарбинола, часть которыхъ была уже опубликована (3), я и изложу здѣсь.

Что касается реакціи образованія діаллилмэтилкарбинола, то, по объясненію, данному А. М. Зайцевымъ (4), она совершается такимъ образомъ. Іодистый цинкаллилъ C_3H_5ZnJ дѣйствуетъ на кислородъ уксуснаго эфира, связанный обѣими единицами съ углеродомъ, такъ, что происходитъ отщепленіе одной единицы сродства кислорода отъ угля; освободившееся сродство угля насыщается радикаломъ C_3H_5, а сродство кислорода—группой ZnJ. Остатокъ этоксилъ—OC_2H_5 отпадаетъ отъ угля, сродство котораго насыщается радикаломъ C_3H_5, и соединяется съ ZnJ:

$$\begin{matrix} CH_3CO \\ | \\ OC_2H_5 \end{matrix} + \begin{matrix} C_3H_5ZnJ \\ C_3H_5ZnJ \end{matrix} = \begin{matrix} CH_3C\!<\!\begin{matrix} OZnJ \\ C_3H_5 \end{matrix} \\ | \\ C_3H_5 \end{matrix} + C_2H_5O\,ZnJ$$

Образовавшееся соединеніе при дѣйствіи воды разлагается такимъ образомъ, что остатокъ OZnJ превращается въ OH и ZnJ(OH), результатомъ чего является образованіе діаллилмэтилкарбинола и этильнаго алкоголя. Дѣйствительно этѣ вещества и найдены въ продуктахъ реакціи іодистаго аллила и уксуснаго эфира на цинкъ. Вмѣстѣ съ ними находятся еще діаллилъ и нѣсколько высококипящихъ продуктовъ, образованіе которыхъ объясняется побочными реакціями.

---

(1) Жур. Рус. Хим. Общ. *10* (1) 272.

(2) Ib. *11* (1) 29.

(3) Ib. *9* (1) 12.

(4) Ib. *9* (1) 17.

Діаллилмэтилкарбинолъ въ чистомъ видѣ представляетъ жидкость съ характернымъ запахомъ, кипящую при 158°,4(¹) (съ поправкой). Онъ нерастворимъ въ водѣ и легче ея; при опредѣленіи удѣльнаго вѣса получены слѣдующіе результаты:

Вѣсъ воды при 0° . . . . 1,0025 гр.
„ того же объема діаллилмэтилкарбинола при 0° . . . . 0,886 „
„ „ „ „ при 13° 0,8545 „
Уд. вѣсъ діаллилмэтилкарбинола при 0° . 0,8638
„ „ „ „ при 13°, относительно воды при 0° 0,8523
Коэфиціентъ расширенія для 1° между 0° и 13° 0,00109.

Анализъ далъ результаты, хорошо согласующіеся съ формулой $C_8H_{14}O$:

1. 0,3835 гр. вещества дали 1,062 гр. CO_2 и 0,3945 гр. H_2O.
2. 0,25 „ „ „ 0,697 гр. CO_2 и 0,265 гр. H_2O.

	Найдено: 1	2	Вычислено для $C_8H_{14}O$:
C	75,52	76,03	76,19
H	11,42	11,77	11,11

Хотя способъ образованія этаго вещества не оставлялъ сомнѣнія въ его строеніи, но все таки я не считалъ излишнимъ убѣдиться путемъ опыта въ его алкогольной натурѣ и въ присутствіи въ немъ непредѣльныхъ группъ. Этаго я достигъ реакціями съ уксуснымъ ангидридомъ и съ бромомъ.

Уксусный эфиръ діаллилмэтилкарбинола получался нагрѣваніемъ алкоголя съ уксуснымъ ангидридомъ въ запаянныхъ трубкахъ до 180°.

Эфиръ этотъ кипитъ при 177,°3 (²) (съ поправкой) и обладаетъ запахомъ, отличнымъ отъ запаха алкоголя. При опредѣленіи удѣльнаго вѣса я получилъ слѣдующіе результаты:

(¹) Наблюдаемая температура кипѣнія 157° при атмосферномъ давленіи 758,2 mm при 0°; термометръ погружался въ пары до 80°, температура около перегоннаго снаряда 45°.

(²) Наблюдаемая температура кипѣнія 175° при атмосферномъ давленіи 764 mm. при 0°; термометръ погружался въ пары до 50°, температура около перегоннаго снаряда 48°.

Вѣсъ воды при 0° . . . . 1,0025 гр.
„ того же объема уксуснаго эфира при 0° 0,902 „
„ „ „ „ „ при 15° 0,8895 „
Уд. вѣсъ уксуснаго эфира при 0° . . . 0,8997
„ „ „ „ при 15° относительно воды при 0° 0,8872
Коэфиціентъ расширенія для 1° между 0° и 15° 0,00094

Анализъ уксуснаго эфира далъ слѣдующіе результаты:
1, 0,157 гр. вещества дали 0,419 гр. CO_2 и 0,1435 гр. H_2O
2. 0,2075 „ „ „ 0,549 гр. CO_2 и 0,191 гр. H_2O

	Найдено:		Вычислено для
	1	2	$C_{10}H_{18}O_2$:
C	72,78	72,15	71,43
H	10,15	10,22	9,53

Нѣсколько бо́льшее содержаніе углерода объусловливалось, вѣроятно, небольшой примѣсью алкоголя.

Реакція съ бромомъ. Діаллилмэтилкарбинолъ присоединяетъ бромъ и, несомнѣнно, образуетъ соединеніе $C_8H_{14}Br_4O$; но это вещество очень непостоянно, такъ что я не могъ получить его въ чистомъ видѣ. Полученіе бромюра производилось такимъ образомъ, что къ эфирному раствору отвѣшеннаго количества алкоголя прибавлялся осторожно, при охлажденіи, бромъ до окрашиванья. При приливаніи брома проиходитъ энергическая реакція, но выдѣленія бромоводорода не замѣчается, и жидкость остается совершенно прозрачной. По удаленіи большей части эфира (выпариваньемъ въ разрѣженномъ пространствѣ надъ сѣрной кислотой и известью) жидкость дѣлается болѣе и болѣе темной и начинается выдѣленіе бромоводорода. Взвѣшиванье, произведенное въ это время, показало, что присоединилось почти теоретическое количество брома.

4,124 гр. алкоголя присоединили 10,5915 гр. брома; по теоріи, если присоединяется 4 атома брома, требуется 10,4737 гр. брома.

Анализъ этаго продукта далъ, однако, меньшее, сравнительно съ вычисленнымъ, количество брома, что обусловливалось, конечно, выдѣленіемъ H Br.

0,8355 гр. вещества дали 1,3015 гр. AgBr, что отвѣчаетъ 66,27% Br; $C_8H_{14}Br_4O$ содержитъ 71, 74% Br.

Эти результаты, хотя далеко неудовлетворительные, указываютъ однако несомнѣнно, что діаллилмэтилкарбинолъ присоединяетъ 4 атома брома.

Уксусный эфиръ діаллилмэтилкарбинола тоже соединяется съ бромомъ, но образующееся здѣсь вещество еще болѣе не постоянно. Уже при самомъ приливаніи брома замѣчается сильное выдѣленіе бромоводорода. При удаленіи эфира жидкость очень быстро чернѣетъ, и выдѣленіе HBr происходитъ постоянно, такъ что невозможно было взвѣшиваньемъ опредѣлить количество присоединившагося брома.

Сравнивая свойства бромистыхъ соединеній діаллилкарбинола, діаллилмэтил — и діаллилпропилкарбинола, мы видимъ, что съ усложненіемъ состава бромюры эти являются соединеніями менѣе постоянными: тогда какъ бромюръ перваго алкоголя представляетъ вещество очень постоянное, бромюръ послѣдняго спирта не могъ быть даже полученъ вслѣд. выдѣленія HBr при дѣйствіи брома на алкоголь.

Окисленіе діаллилмэтилкарбинола. Изъученіе окисленія этаго алкоголя представляло большой интересъ. А. М. Зайцевъ [1], на основаніи превращенія аллилдимэтилкарбинола въ оксивалерьяновую кислоту

$$\begin{array}{c} CH_3CH_3 \\ \vee \\ C\,OH \\ CH_2 \\ CH{=}CH_2 \end{array} \qquad\qquad \begin{array}{c} CH_3CH_3 \\ \vee \\ C\,OH \\ CH_2 \\ CO_2H \end{array}$$

высказалъ предположеніе, что окисленіе непредѣльныхъ алкоголей, содержащихъ радикалъ аллилъ, и самаго аллильнаго спирта происходитъ не по общему закону окисленія алкоголей предѣльныхъ, а подчиняется иной правильности, именно: окисленію подвергается не тотъ атомъ угля, который связанъ съ водяннымъ остаткомъ, а атомы углерода, соединенные двойною связью. Слѣдуя этой правильности, діаллилмэтилкарбинолъ долженъ былъ при окисленіи пере-

---

[1] Жур. Рус. Хим. Общ. 9 (1) 22.

ходить въ двуосновную оксикислоту такого строенія:

$CH=CH_2$	CO_2H
CH_2	CH_2
$C(CH_3)OH$	$C(CH_3)OH$
CH_2	CH_2
$CH=CH_2$	CO_2H

Такъ какъ до сихъ поръ такое предположеніе имѣло въ свою пользу, не считая результатовъ окисленія аллильнаго алкоголя, только одинъ фактъ — образованіе оксивалерьяновой кислоты изъ аллилдиметилкарбинола, то было чрезвычайно интересно изслѣдованіе отношенія діаллилмэтилкарбинола при окисленіи. Первые мои опыты въ этомъ направленіи дали результаты, хотя и не противные взгляду А. М. Зайцева, но и не подтверждающіе его. Въ послѣднее же время мнѣ удалось получить изъ діаллилмэтилкарбинола двуосновную оксикислоту, что и служитъ подтвержденіемъ вѣрности указаннаго взгляда.

Для окисленія алкоголя я употреблялъ или смѣсь хромовокислаго калія и сѣрной кислоты, или же марганцовокислый калій.

При дѣйствіи *хромовой смѣси* на діаллилмэтилкарбинолъ окисленіе, сопровождавшееся выдѣленіемъ угольной кислоты, замѣчалось при стояніи смѣси при обыкновенной температурѣ, но оно усиливалось при нагрѣваніи. Для изслѣдованія образующихся при этомъ летучихъ кислотъ, жидкость послѣ окисленія перегонялась, и дистиллятъ нейтрализовался углекислымъ свинцемъ. Растворъ свинцовой соли по сгущеніи не выдѣлялъ, однако, кристалловъ муравейнокислаго свинца. Поэтому свинцовая соль переводилась въ серебряную, которая выдѣлялась изъ раствора въ видѣ бородавчатыхъ кристалловъ. При раствореніи этихъ кристалловъ въ водѣ и при испареніи раствора замѣчалось осажденіе серебра; но профильтрованный растворъ по охлажденіи выдѣлялъ характерные кристаллы уксуснокислаго серебра, чистоту которыхъ показали анализы.

1. 0,19 гр. соли дали 0,1225 гр. Ag.
2. 0,202 гр. „ „ 0,1305 гр. Ag.

Найдено:		Вычислено для $C_2H_3O_2Ag$:
1	2	
64,48	64,6	64,67% Ag

Такимъ образомъ изъ этаго видно, что при окисленіи діаллимэтилкарбинола кромѣ угольной изъ летучихъ кислотъ образуется только одна *уксусная*.

Но кромѣ этихъ продуктовъ алкоголь при окисленіи даетъ еще какія-то нелетучія кислоты, изслѣдованіе которыхъ, вслѣд. малаго ихъ количества, не дало опредѣленныхъ результатовъ. Для полученія ихъ остатокъ послѣ отгонки, при нѣкоторыхъ же опытахъ прямо смѣсь, не подвергавшаяся нагрѣванію, обработывалась эфиромъ. Соли, полученные изъ этѣхъ кислотъ, или не кристаллизовались, или кристаллизовались плохо. Вслѣд. всего этого я и могъ констатировать только образованіе не летучихъ кислотъ, натура же ихъ осталась совершенно неопредѣленной.

Въ виду этаго я обратился къ другимъ окислителямъ и избралъ марганцовокислый калій, какъ вещество, дѣйствующее обыкновенно энергичнѣе и дающее въ большей части случаевъ начало двуосновнымъ кислотамъ.

Дѣйствительно, *марганцовокислый калій* сильно дѣйствуетъ на діаллимэтилкарбинолъ: при прибавленіи алкоголя къ раствору соли происходитъ тотчасъ окисленіе, сопровождающееся возвышеніемъ температуры и выдѣленіемъ осадка перекиси марганца. Я употреблялъ вначалѣ 5% растворъ и бралъ на 1 часть алкоголя 8 частей $KMnO_4$, что соотвѣтствуетъ 10 атомамъ кислорода на частицу спирта, по реакціи:

$$C_8H_{14}O + 5O_2 = C_6H_{10}O_5 + 2\,CO_2 + 2\,H_2O.$$

Къ такому раствору, охлажденному льдомъ, приливался алкоголь, и смѣсь оставлялась на сутки. Впослѣдствіи я убѣдился, что лучше брать менѣе окисляющаго вещества, именно, на 1 часть алкоголя 5 ч. соли въ 4% растворѣ, что отвѣчаетъ 6 атомамъ кислорода на частицу алкоголя. При этомъ лучше приливать растворъ марганцовокислаго калія къ спирту, такъ какъ при обратной операціи часть послѣдняго остается неокисленной. По окончаніи реакціи безцвѣтный щелочный растворъ отфильтровывался отъ осадка, выпаривался до появленія кристалловъ и затѣмъ разлагался сѣрной кислотой, при чемъ всегда выдѣлялась въ большомъ количествѣ угольная кислота. При одномъ опытѣ я перегонялъ эту кислую жидкость; но дистиллятъ имѣлъ очень слабую

кислую реакцію, почему я не изслѣдовалъ его и впослѣдствіи не перегонялъ жидкость. Эта кислая жидкость обрабатывалась эфиромъ, по испареніи котораго оставалось кристаллическое вещество, смѣшанное съ густой жидкостью. Для отдѣленія образовавшихся кислотъ я переводилъ ихъ въ свинцовыя соли дѣйствіемъ углекислаго свинца. Отдѣленіе этимъ путемъ удается, такъ какъ образуются растворимая и нерастворимыя свинцовыя соли. Первая по выпариваньи раствора остается въ видѣ сиропа; кислота, выдѣленная изъ нея, остается по испареніи воды въ видѣ очень густаго, окрашеннаго въ болѣе или менѣе темный желтый цвѣтъ, сиропа, который послѣ долгаго стоянія въ безвоздушномъ пространствѣ надъ сѣрной кислотой не представлялъ и слѣдовъ кристаллизаціи. Для очищенія я переводилъ кислоту въ калійную соль, послѣднюю осаждалъ азотнокислымъ серебромъ и нерастворимую серебряную соль разлагалъ сѣроводородомъ; но и послѣ этой обработки кислота оставалась сиропообразной. Кислота эта обладаетъ сильно выраженными кислотными свойствами и разлагаетъ углекислыя соли не только при нагрѣваніи, но и при обыкновенной температурѣ.

Что касается солей ея, то полученныя мною соли K, Ca, Ba, Zn и Pb по испареніи растворовъ остаются въ видѣ сиропа, застывающаго въ аморфную массу; только серебряная и мѣдная соли кристаллизуются. Анализы солей дали числа, отвѣчающія формулѣ двуосновной кислоты $C_6H_{10}O_5$.

Кальціевая соль получалась дѣйствіемъ кислоты на на $CaCO_3$. При выпариваньи раствора она остается въ видѣ сиропа, который при стояніи надъ сѣрной кислотой, а скорѣе при нагрѣваніи на водяной банѣ, затвердѣваетъ въ видѣ аморфной, хрупкой массы, легко превращающейся въ порошокъ. Такая растертая соль, обработанная кипящимъ алкоголемъ, въ которомъ она нерастворяется, и высушенная при 110°, взята для анализа.

1. 0,2295 гр. соли при сожиганіи въ лодочкѣ въ трубкѣ съ окисью мѣди въ струѣ кислорода дали: 0, 244 гр. CO_2, 0,0935 гр. H_2O и 0,1195 гр. $CaCO_3$, что соотвѣтствуетъ 0,0478 гр. Ca и 0,05258 гр. CO_2; по обработкѣ $CaCO_3$ сѣрной кислотой получено 0,161 гр. $CaSO_4$, что отвѣчаетъ 0,04735 гр. Ca.

2. 0,356 гр. соли другаго приготовленія дали 0,237 гр. $CaSO_4$, или 0,0697 гр. Ca.

По теоріи:	Найдено: 1	2
C_6—72—36%	35,24	—
H_8— 8— 4 „	4,53	—
O_5—80—40 „	—	—
Ca—40—20 „	20,82(¹)—20,63(²)	19,58

Серебряная соль. При смѣшеніи растворовъ калійной соли и азотнокислаго серебра выдѣляется желтоватый осадокъ. Онъ при нагрѣваніи съ водой чернѣетъ и большею частію разлагается, однако отфильтрованный растворъ по охлажденіи выдѣляетъ соль въ видѣ неясныхъ кристалловъ, которые на свѣтѣ быстро чернѣютъ. Такая выкристаллизовавшаяся изъ раствора соль высушена надъ сѣрной кислотой для анализа.

0,1125 гр. соли дали 0,065 гр. Ag. что отвѣчаетъ 57,77% Ag.

$C_6H_8O_5Ag_2$ содержитъ 57,44% Ag.

Цинковая соль получена насыщеніемъ кислоты углекислымъ цинкомъ. Она по свойствамъ совершенно сходна съ кальціевою солью: изъ воднаго раствора выдѣляется въ видѣ сиропа, который при высушиваньи превращается въ аморфную массу. Послѣдняя обработана горячимъ алкоголемъ, и нерастворившаяся часть, высушенная при 110°, анализирована.

0,2605 гр. соли при сожиганіи въ лодочкѣ въ трубкѣ съ окисью мѣди въ струѣ кислорода дали: 0,28 гр. CO_2, 0,1055 гр. H_2O и 0,0995 ZnO, что отвѣчаетъ 0,07984 гр. Zn.

По теоріи:	Найдено:
C_6—72—32,0%	29,33
H_8— 8— 3,55 „	4,45
O_5—80—35,55 „	—
Zn—65—28,88 „	30,64

Числа анализа показываютъ, что я имѣлъ основную соль.

(¹) Вычислено по количеству $CaCO_3$.

(²) Вычислено по количеству $CaSO_4$.

Мѣдная соль приготовлена нейтрализованіемъ кислоты углекислой мѣдью при обыкновенной температурѣ. При выпариваньи раствора соли на водяной банѣ замѣчается выдѣленіе осадка, почему выпариванье произведено надъ сѣрной кислотой, при чемъ соль выдѣляется въ видѣ мелкихъ, пластинчатыхъ кристалловъ. Послѣдніе отдѣлены отъ маточнаго раствора и по высушиваньи надъ сѣрной кислотой взяты для анализа.

1. 0,3285 гр. соли при высушиваньи при 110°—115° потеряли 0,042 гр. воды.

2. 0,295 гр. соли, высушенной при 110°, дали 0,127 гр. CuO.

3. 0,207 гр. соли другаго приготовленія, высушенной надъ сѣрной кислотой, дали 0,078 гр. CuO.

Найдено:	1.	2.	3.
H_2O	12,79	—	—
Cu	—	34,33	30,04

Этѣ числа указываютъ, что соль основная, такъ какъ средняя соль $C_6H_8O_5Cu$ содержитъ 28,25% Cu. Числа анализа ближе всего подходятъ къ такой основной соли

$$(C_6H_8O_5Cu)_2+CuH_2O_2+5\,H_2O,$$

которая содержитъ:

H_2O	14,21%
Cu	29,85 „

Таже соль безъ кристаллизаціонной воды $(C_6H_8O_5Cu)_2 + CuH_2O_2$ содержитъ 34,8% Cu.

Калійная соль получена нейтрализованіемъ кислоты углекислымъ каліемъ и извлеченіемъ алкоголемъ, въ которомъ она растворяется очень трудно. По испареніи алкоголя соль выдѣляется въ видѣ твердой массы, повидимому кристаллической, смѣшанной съ очень густымъ сиропомъ. Такъ какъ мнѣ не удалось отдѣлить твердую соль отъ сиропа, то я и не производилъ анализа ея.

Баріевая и свинцовая соли также имѣютъ видъ сиропа.

Числа, полученныя при анализахъ солей, характеризуютъ эту кислоту какъ двуосновную трехатомную состава $C_6H_{10}O_5$. Строеніе ея несомнѣнно на основаніи способа ея

образованія:

$$\begin{array}{l} CO_2H \\ CH_2 \\ C(CH_3)OH \\ CH_2 \\ CO_2H \end{array}$$

и соотвѣтственно этому она можетъ быть названа *симметрической* или *βмэтилоксиглютаровой кислотой.*

Полученная мною кислота является уже не первымъ соединеніемъ съ формулой $C_6O_{10}H_5$, такъ какъ до сихъ поръ были извѣстны уже три соединенія такаго состава, но всѣ онѣ отличаются отъ мэтилоксиглютаровой кислоты.

Одинъ изъ этихъ изомеровъ—*адипомалевая кислота* полученъ Gal'емъ и Gay-Lussac'омъ [1] изъ адипиновой кислоты такимъ образомъ, что послѣдняя нагрѣваніемъ съ бромомъ переводилась въ монобромадипиновую, а эта дѣйствіемъ ѣдкаго кали въ адипомалевую. Эта послѣдняя представляетъ сиропообразную массу, въ которой при стояніи выдѣляются неясные кристаллы. Изъ солей получены: калійная—некристаллизующаяся и амміачная—кристаллизующаяся плохо. Свинцовая соль не растворима въ водѣ, но растворяется въ уксуснокисломъ свинцѣ и изъ этаго раствора выдѣляется въ видѣ чешуйчатыхъ кристалловъ. Изъ этихъ данныхъ нельзя сдѣлать никакихъ заключеній о строеніи этой кислоты; но такъ какъ она образуется изъ нормальной адипиновой кислоты, и такъ какъ съ другой стороны бромъ обыкновенно замѣщаетъ водородъ, ближайшій къ карбоксилу, то съ нѣкоторой вѣроятностью можно дать адипомалевой кислотѣ формулу:

$$CO_2H\,CH_2CH_2CH_2CH(OH)CO_2H.$$

Другой изомеръ—*кислота парадипималевая*—полученъ Wislicenus'омъ [2] при нагрѣваніи гидракриловыхъ солей, которыя переходятъ при этомъ въ акриловыя и діакриловыя соли, а послѣднія дѣйствіемъ воды превращаются въ парадипималевыя. Парадипималевая кислота образуется и прямо изъ βіодопропіоновой при дѣйствіи окиси серебра. Сама пара-

[1] Bull Soc. chim. de Paris. *14*, 8.

[2] An. Chem. Phar. *166* ,1; *174*, 285.

дипималевая кислота—сиропообразна; соли ея тоже не кристаллизуются; изъ нихъ соли Ba, Cu и Pb не растворимы въ водѣ. Что касается строенія этой кислоты, то Wislicenus не высказывается опредѣленно на этотъ счетъ.

Наконецъ третій изомеръ формулы $C_6H_{10}O_5$, названный *этилиденгидратянтарной кислотой*, полученъ Ganterr'омъ[1] дѣйствіемъ амальгамы натрія на ацетоянтарный эфиръ. Отсюда выводится такая формула этой кислоты:

$$\begin{array}{c} CH_3CH(OH)CH\,CO_2H \\ | \\ CH_2CO_2H \end{array}$$

Кислота эта сиропообразна, но при стояніи въ безвоздушномъ пространствѣ образуетъ кристаллическій ангидритъ, соотвѣтствующій лактиду; а при нагрѣваніи кислоты образуется другой, также кристаллическій ангидридъ. Кальціевая соль кислоты этой имѣетъ видъ гумми, серебряная— очень непостоянна.

И такъ мы видимъ, что 4 извѣстныхъ теперь кислоты состава $C_6H_{10}O_5$ нетождественны, хотя и сходны по своимъ свойствамъ. Изъ нихъ для двухъ кислотъ—мэтилоксиглютаровой и этилиденгидратянтарной строеніе опредѣляется способомъ ихъ образованія; относительно же строенія двухъ другихъ мы не имѣемъ положительныхъ указаній.

Обращаюсь теперь къ разсмотрѣнію другихъ кислотъ, образующихся при дѣйствіи марганцовокислаго калія на діаллилмэтилкарбинолъ. Я уже сказалъ, что для раздѣленія кислотъ я ихъ переводилъ въ свинцовыя соли, при чемъ мэтилоксиглютаровокислый свинецъ находился въ растворѣ. При разложеніи нерастворимыхъ свинцовыхъ солей сѣрководородомъ получается смѣсь кристаллическихъ кислотъ, которыя могутъ быть раздѣлены при помощи кальціевыхъ солей, такъ какъ одна изъ нихъ растворима, другая — нерастворима въ водѣ. Послѣдняя, послѣ обработки уксусной кислотой, растворенія въ соляной и осажденія амміакомъ, оказалась чистымъ щавелевокислымъ кальціемъ, что подтвердилъ и анализъ

---

[1] Staedel's Jahresber d. rein. Ch. Jahrg. 7, 204.

0,302 гр. соли, высушенной при 110°, дали 0,2765 гр. $CaSO_4$, что отвѣчаетъ 26,92% Ca.

$C_5O_4Ca + H_2O$ содержитъ 27,39% Ca.

Растворимая кальціевая соль выдѣляется при испареніи раствора въ видѣ желтоватой кристаллической корки, состоящей, повидимому, изъ пластинчатыхъ кристалловъ. Имѣя очень мало этой соли (¹), я не подвергалъ ее дальнѣйшему очищенію и прямо употребилъ для анализа.

0,3275 гр. соли, высушенной при 110°, дали 0,25 гр. $CaSO_4$, что отвѣчаетъ 22,44% Ca.

Это число всего ближе подходитъ къ содержанію кальція въ янтарной соли (22,98% Ca); но я сомнѣваюсь, чтобы это былъ янтарнокислый кальцій. Не говоря уже о томъ, что кристаллы соли были совершенно не похожи на игольчатые кристаллы янтарнокислаго кальція, самая кислота, выдѣленная изъ соли сѣрной кислотой и извлеченная эфиромъ, была совершенно не похожа на янтарную. Она плохо кристаллизовалась, и къ кристалламъ было примѣшано сиропообразное вещество. Такимъ образомъ несомнѣнно, что это не была чистая соль.

Сводя результаты, полученные при окисленіи діаллилмэтилкарбинола, мы видимъ, что, согласно предположенію А. М. Зайцева, распаденіе совершается на мѣстѣ двойной связи углеродныхъ атомовъ, результатомъ чего является образованіе β мэтилоксиглютаровой кислоты. Надо думать, что эта кислота образуется не только при дѣйствіи марганцовокислаго калія, но происходитъ и при окисленіи хромовой смѣсью; несомнѣнно, что нелетучія кислоты, образующіяся въ этомъ случаѣ, содержатъ мэтилоксиглютаровую кислоту, въ пользу чего говоритъ неспособность къ кристаллизаціи солей кислоты, образующейся тамъ. Но при дѣйствіи хромовой смѣси большая часть мэтолоксиглютаровой кислоты подвергается дальнѣйшему окисленію, распадаясь въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится гидроксилъ; результатомъ этаго и является образованіе уксусной кислоты.

Что касается гомологовъ діаллилмэтилкарбинола, то они при окисленіи содержатся аналогично. Діаллилпропилкар-

---

(¹) Изъ 35 гр. алкоголя, употребленнаго для окисленія, я получилъ около 0,5 гр. этой соли.

бинолъ съ хромовой смѣсью даетъ бутириновую и уксусную кислоты, а также двѣ нелетучихъ кислоты: одну кристаллическую, другую—сиропообразную (¹). Послѣдняя по всей вѣроятности представляетъ гомологъ мэтилоксиглютаровой кислоты. Образованіе же уксусной кислоты происходитъ, надо думать, вслѣд. окисленія бутириновой, такъ какъ послѣдняя по опытамъ Hecht'a (²) распадается при дѣйствіи хромовой смѣси на угольную и уксусную кислоты. Діаллилизопропилкарбинолъ при тѣхъ же условіяхъ окисленія даетъ главнымъ образомъ уксусную кислоту (³), которая несомнѣнно является продуктомъ распаденія кислоты изобутириновой.

Въ общемъ дѣйствіе окислителей на описываемые алкоголи сводится къ слѣдующему: окисленіе углеродныхъ атомовъ, соединенныхъ двойною связью, даетъ начало образованію двуосновныхъ оксикислотъ такаго строенія:

$$\begin{array}{l} CO_2H \\ CH_2 \\ CR(OH) \\ CH_2 \\ CO_2H \end{array}$$

Этѣ кислоты распадаются дальше такимъ образомъ, что группа CR (OH) переходитъ въ соотвѣтствующую жирную кислоту $R\,CO_2H$. Такъ какъ въ діаллилкарбинолѣ вмѣсто предѣльнаго радикала R находится водородъ, то изъ него должна образоваться муравейная кислота, которая вмѣстѣ съ угольной и является продуктомъ окисленія діаллилкарбинола.

На окисленіи я остановилъ свои изслѣдованія діаллилмэтилкарбинола; дальнѣйшія изслѣдованія его высшихъ гомологовъ также еще непубликованы. Между тѣмъ то, что извѣстно о превращеніяхъ діалликарбинола, обѣщаетъ интересные результаты при изслѣдованіи его гомологовъ. М. М. Зайцевъ, какъ извѣстно, изслѣдовалъ превращенія діаллилкарбинола въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны при посредствѣ бромистаго соединенія уксуснаго эфира этаго

(¹) Жур. Рус. Хим. Общ. 10 (1) 274.

(²) Berichte deut. chem. Gesel. 11, 1053.

(³) Жур. Рус. Хим. Общ. 11 (1) 30.

спирта онъ перешелъ къ производнымъ 5-атомнаго алкоголя; съ другой стороны онъ получилъ хлорюръ діаллилкарбинола и изъ него углеводородъ C_7H_{10}. Вслѣд. большаго непостоянства бромюровъ діаллилмэтилкарбинола и его гомологовъ трудно расчитывать на возможность перехода при ихъ посредствѣ къ 5 атомнымъ соединеніямъ. Но за то реакція отнятія воды и переходъ къ углеводородамъ терпеннаго ряда теперь, когда А. М. Зайцевъ далъ такой удобный способъ для перехода отъ алкоголей къ соотвѣтствующимъ углеводородамъ (1), обѣщаетъ крайне интересные результаты. Особенно интереснымъ является въ этомъ отношеніи изслѣдованіе діаллилпропил—и діаллилизопропилкарбинола, такъ какъ они должны дать изомеры терпеновъ и такимъ образомъ послужить къ разъясненію натуры послѣднихъ.

В. Сорокинъ.

---

(1) Жур. Рус. Хим. Общ. 10 (1) 365.

ОТДѢЛЪ

ЮРИДИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета, печатать дозволяется. Казань, 17 октября 1879 года.
Секретарь Совѣта *Н. Фастрицкій*

ИСТОРІЯ ПРАВА
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ИСТОРІЯ ЦЕНТРАЛЬНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

ВВЕДЕНІЕ.

Причины по которымъ не могло образоваться центральныхъ правительственныхъ установленій въ удѣльно-вѣчевой Руси. —Княжеская Дума удѣльно-вѣчевой Руси и основы ея организаціи.—Общій взглядъ на органы центральнаго управленія въ Московскомъ Государствѣ.

Въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ развитія русской государственной жизни не образовалось опредѣленнаго различія между управленіемъ центральнымъ и управленіемъ мѣстнымъ. Образованію въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ центральнаго управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова препятствовали весьма многія условія. Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Во первыхъ, самыя волости, находившіяся въ управленіи удѣльныхъ князей, были въ большинствѣ случаевъ весьма не обширны по территоріальному протяженію своему, вслѣдствіе чего князю не представлялось никакихъ трудностей лично, безъ посредства особыхъ центральныхъ установленій, слѣдить за ходомъ правительственной жизни въ подвластныхъ ему мѣстностяхъ.

Къ этой первой причинѣ предвходитъ и вторая,—несложность самыхъ функцій княжескаго управленія. На первомъ планѣ стоитъ княжескій судъ, тѣсно связанный съ

самою администраціею, а затѣмъ дѣятельность финансовая, отправлявшаяся черезъ посредство особыхъ даньщиковъ, посылавшихся по волости для сбора дани изъ центральнаго стольнаго города княженія. Если мы будемъ имѣть въ виду обширное значеніе земскаго общиннаго суда въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ и значительную долю самодѣятельности земщины въ сферѣ финансовыхъ отношеній ея къ княжеской власти — то мы увидимъ, что самые размѣры дѣятельности княжеской власти не вызывали потребности въ организаціи болѣе или менѣе сложнаго центральнаго управленія.

Третьею причиною того обстоятельства, что въ удѣльно-вѣчевой Руси не образовалось центральныхъ правительственныхъ установленій,—служило полное отсутствіе въ самой жизни сознанія твердаго разграниченія управленій центральнаго и мѣстнаго. Извѣстно, что князья и сами въ извѣстномъ отношеніи носили характеръ правителей областныхъ; сажая по городамъ посадниками мужей своихъ, они обыкновенно удерживали извѣстное пространство территоріи въ непосредственномъ, личномъ вѣданіи своемъ — являясь здѣсь представителями мѣстной власти, наравнѣ съ посадниками посаженными ими въ другихъ округахъ ([1]). Такимъ образомъ, въ подобныхъ округахъ князь, какъ представитель центральной правительственной власти, сливался съ посадникомъ, какъ представителемъ мѣстной правительственной власти. Извѣстно наконецъ, что и по отношенію къ округамъ подвѣдомственнымъ особымъ посадникамъ, князья нерѣдко принимали характеръ представителей мѣстной власти, исключая на извѣстное время компетентность нормальной мѣстной власти первыхъ. Это имѣло именно мѣсто при княжескихъ *полюдьяхъ*, при объѣздахъ князьями волостей своихъ. Эти полюдья, носившія первоначально характеръ чисто фискальный, вскорѣ пріобрѣли уже, сверхъ того, характеръ судебный и административно-ревизіонный, являясь средствомъ контроля дѣятельности органовъ мѣстной власти. И такъ не существуетъ еще представленія о стольномъ городѣ волости, какъ о правительственномъ центрѣ, въ которомъ сходились бы всѣ нити мѣстнаго управленія, органи-

([1]) **Сергѣевичъ: Вѣче и Князь, стр. 351.**

ческое маневрированіе которыми сосредоточивалось бы въ рукахъ особыхъ центральныхъ установленій. Центральный городъ волости продолжаетъ сохранять первенствующее значеніе свое не столько въ качествѣ центра правительственнаго, сколько въ качествѣ центра земскаго, естественнаго, въ качествѣ города *старѣйшаго* сравнительно съ пригородами его, старѣйшаго въ смыслѣ естественнаго тяготѣнія къ нему волостныхъ земель.

При наличности указанныхъ выше условій—при которыхъ не могло возникнуть ощутительной потребности въ созданіи болѣе или менѣе сложной системы центральныхъ правительственныхъ установленій—единственными органами центральной власти являлись *вѣче* и *князь съ думою его*. Вѣче, какъ институтъ выразившій въ себѣ, послѣ факта призванія князей, значеніе компромисса между княжескою властью и автономіею земщины, какъ институтъ на почвѣ котораго сходились для преслѣдованія общихъ цѣлей начало княжеско-дружинное и начало земское, народное,—имѣло особое значеніе въ дѣлѣ призванія князей на столы, въ дѣлѣ ряда съ призванными князьями, для рѣшенія такого рода дѣлъ, въ которыхъ на помощь князю должны были прійти силы самой земщины и, весьма вѣроятно, въ важнѣйшихъ вопросахъ текущаго законодательства (¹).

Такимъ образомъ для дѣлъ текущаго управленія вѣче могло имѣть лишь значеніе чрезвычайной инстанціи, къ содѣйствію которой обращались князья въ тѣхъ случаяхъ, когда являлось для нихъ необходимымъ знать воззрѣніе земщины на то или другое отношеніе или мѣропріятіе, заручиться ея сочувствіемъ или содѣйствіемъ; вѣче пріобрѣтало также подобное значеніе и по собственной иниціативѣ, когда земщина, выведенная изъ терпѣнія злоупотребленіями князя или агентовъ его, въ лицѣ вѣча требовала отъ князя устраненія невыгоднаго для нея порядка управленія (²). Вслѣдствіе высказанныхъ сейчасъ соображеній, нормальными, обыкновенными органами центральнаго управленія въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ—на сколько конечно можетъ идти

(¹) На что впрочемъ, за исключеніемъ Новгорода и Пскова и указаній на ряды съ князьями, не сохранилось прямыхъ указаній.

(²) Наприм. Полн. Собр. Лѣтоп., т. II. 2, 22 (1146 г.).

рѣчь о центральномъ управленіи за это время—являлись *князь* и *дума его*.

Въ княжеской думѣ удѣльно-вѣчеваго періода не слѣдуетъ видѣть правительственнаго установленія съ извѣстною правильною организаціею, съ опредѣленными предметами компетентности, съ твердо регулированныммми отношеніями къ князю съ одной стороны и къ мѣстному управленію съ другой стороны. Княжеская дума этого періода не представляла установленія юридически-опредѣленнаго. Она была явленіемъ чисто фактическимъ, начало котораго коренилось въ самыхъ условіяхъ государственнаго быта древней Руси—что не препятствовало ей пріобрѣсти тѣмъ не менѣе громадное значеніе въ жизни удѣльно-вѣчеваго періода. Будучи по существу своему княжескимъ совѣтомъ, Дума княжеская, въ силу условій быта удѣльно-вѣчевой Руси, дѣлается существеннымъ моментомъ государственной жизни этого періода, проникаетъ всѣ его отношенія, дѣлается главнымъ факторомъ всѣхъ явленій внутренней жизни этой эпохи. Князь и дума его представляются понятіями нераздѣльными; князь немыслимъ безъ думы: въ ней все его значеніе, все его могущество, вся его сила. Таково было фактическое состояніе отношеній между княземъ и думою его; съ такой же точки зрѣнія смотрѣло на эти отношенія и само современное общество.

Совѣщанія русскихъ князей съ дружинниками ихъ—давшія начало учрежденію извѣстному подъ названіемъ княжеской Думы—восходятъ до самаго корня русской государственной жизни, будучи непосредственнымъ продуктомъ договорнаго начала въ отношеніяхъ князей къ дружинникамъ ихъ. Подобнаго рода совѣщанія, указанія на которыя находимъ мы съ первыхъ страницъ древней русской лѣтописи —непрерывною цѣпью продолжаются во все теченіе удѣльно-вѣчеваго періода. Трудно найти страницу лѣтописи, на которой не было-бы извѣстія о совѣщаніяхъ князей съ дружинниками [1] Типъ князя, постоянно совѣщающагося съ дружинниками своими какъ о ратныхъ дѣлахъ, такъ и о земскомъ строеньи—представляетъ намъ Владиміръ Св., прі-

---

[1] См. мое изслѣдованіе: «Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси», (Каз., 1876), стр. 29—30.

обрѣтшій себѣ за эту черту политики своей расположеніе окружающихъ его и горячую похвалу лѣтописца.

Развитіе удѣльной системы не только не стѣснило обычая совѣщанія князей съ дружинниками, но даже послужило къ дальнѣйшему развитію и усиленію его. Пока княжеская власть не была еще раздроблена по удѣламъ, пока областямъ не представлялось возможности выбора въ князьяхъ первоначально совершенно, а съ теченіемъ времени являлось возможнымъ дѣлать подобный выборъ лишь изъ нѣсколькихъ князей, весьма тѣсно связанныхъ еще узами ближайшаго родства,—до тѣхъ поръ князья находили главную опору власти своей въ самомъ народонаселеніи, опираясь на которое могли они еще въ значительной степени игнорировать притязанія дружинниковъ своихъ. Но съ раздробленіемъ русской земли на цѣлую систему удѣльныхъ княженій, съ появленіемъ для отдѣльныхъ волостей ея возможности широкаго выбора между князьями развѣтвившагося рода Рюриковичей, съ появленіемъ начала *подъискиванія* лучшихъ столовъ одними князьями подъ другими, —высказывается теперь съ полною силою договорное начало въ отношеніяхъ князей къ городамъ, которое при предшедствовавшемъ единовластіи не могло вполнѣ рельефно выразиться во внѣшнихъ фактахъ. Подъискиванія столовъ въ большинствѣ случаевъ проявлялись во внѣшней силѣ, въ видѣ безпрерывныхъ усобицъ между удѣльными князьями, которыми переполнена эта эпоха развитія русской государственной жизни. Ясно, что удѣльному князю, желавшему твердо обладать столомъ и, въ случаѣ утраты его, имѣть возможность добыть себѣ новый—слѣдовало позаботиться о томъ, что бы заручить на свою сторону возможно болѣе фактической силы; а это послѣднее естественно вело къ заботамъ о возможно лучшемъ составѣ дружины, составѣ лучшемъ въ смыслѣ преобладанія какъ нравственной, такъ и физической силы. Подобное положеніе не противорѣчитъ договорному началу въ отношеніяхъ князей къ волостямъ. Нельзя не отдать полной справедливости мѣткому замѣчанію проф. Сергѣевича, что волость безъ князя была какъ безъ рукъ, а потому отказывала въ пріемѣ на княженіе первому изъ претендентовъ лишь въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ,—слѣдовательно въ подобныхъ случаяхъ весь успѣхъ князей зависѣлъ только отъ болѣе или менѣе

удачнаго устраненія другихъ претендентовъ. Сама волость въ большинствѣ случаевъ оставалась равнодушною къ борьбѣ и, урядившись съ выигравшимъ дѣло претендентомъ, признавала его до тѣхъ поръ, пока былъ онъ ей любъ или, если имѣла основанія быть къ нему равнодушною, пока не изгонялъ его новый претендентъ. Бывали конечно примѣры участія самихъ земщинъ въ усобицахъ князей, бывали примѣры земщинъ поголовно ополчавшихся за право излюбленнаго ею князя,—но, вообще говоря, народонаселеніе, по вѣрному замѣчанію С. М. Соловьева, крайне неохотно вмѣшивалось въ княжескія усобицы (¹): главными дѣйствующими лицами послѣднихъ являются князья съ дружинами своими. Отсюда потребность тѣснаго союза между князьями и дружинниками; отсюда то явленіе, что въ дружинахъ ищутъ князья главной опоры для упроченія власти своей. Такимъ образомъ въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ вырабатываются два элемента,—народонаселенія волостей съ одной стороны, и князья съ дружинниками съ другой стороны, причемъ князь и дружина тѣсно соединены между особою общностью интересовъ и другими матеріально-нравственными узами. Дружинники, ввѣряя судьбу свою князю, не могли чуждаться его политики, особенно въ виду шаткости отношеній, господствовавшей въ удѣльномъ періодѣ. Это было для нихъ дѣломъ личнаго интереса. Потому то дружинники в. к. Ростислава, сѣвшаго въ 1154 г. на Кіевскій столъ, не допускаютъ его предпринять военныхъ дѣйствій, пока не урядится онъ съ Кіевлянами: „поѣде лѣпле въ Кіевъ, говорятъ они ему, же съ людьми утвердится“ (²). Дружинники, изъ собственнаго интереса, считали себя вправѣ требовать что бы князья безъ ихъ вѣдома не предпринимали никакого значительнаго предпріятія: князь легко могъ поступить опрометчиво, а всякаго рода неосторожность могла быть гибельною для князя и опасною для интересовъ окружающихъ его (³).

Изъ сказаннаго выше явствуетъ, что съ развитіемъ удѣльной системы совѣщанія князей съ дружинниками не

(¹) Исторія Россіи, III, 5.

(²) П. С. Р. Л. II, 76.

(³) См. мое изслѣдованіе: «Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси», стр. 32 и сл.

только не могли умалиться, но, напротивъ, должны были имѣть мѣсто еще чаще прежняго. И въ самомъ дѣлѣ, дружинники—какъ это вполнѣ ясно усматривается изъ лѣтописей—смотрятъ на совѣщанія, на *думу* съ ними князей, какъ на свое неотъемлемое право. Добровольно содѣйствуютъ они лишь такимъ мѣропріятіямъ князя, которыя имъ вѣдомы, которыя задуманы княземъ съ ихъ согласія; припомнимъ надменный отвѣтъ лучшихъ дружинниковъ в. к. Владиміра Мстиславича, мотивирующихъсвой отказъ участвовать въ распрѣ его съ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ: „О собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали!" (1).

Нельзя не замѣтить наконецъ, что само современное общество считало думу князя съ дружиною необходимымъ условіемъ мудраго управленія областью; вслѣдствіе этого лѣтописцы вмѣняютъ князьямъ въ высокое нравственное качество частое совѣщаніе съ мужами своими. Лѣтописецъ укоряетъ галицкаго князя Владиміра за то, что онъ „бѣ любезнивъ питію многому и *думы не любяшетъ* съ мужми своими"; извѣстна похвала лѣтописца в. к. Владиміру Св. за то, что онъ „бѣ любя дружину, и съ ними думая о строѣ земленѣмъ и о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ" (2). Дума съ дружиною была и въ интересахъ самихъ князей, давая послѣднимъ возможность пользоваться житейскою мудростью людей опытныхъ и предотвращая ихъ отъ ошибокъ и заблужденій въ дѣлѣ управленія; послѣднее объясняется какъ тѣмъ, что въ числѣ дружинниковъ находились земскіе бояре и люди, вступавшіе въ княжескую службу, такъ и тѣмъ, что въ думу свою князья допускали, какъ ниже увидимъ мы это, и лучшихъ представителей земщины. Мудрые князья любили разумныхъ совѣтниковъ, выдвигая впередъ и жалуя ихъ; „гдѣ бояре *думающіе*, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный"?—восклицаетъ разбитый Половцами Игорь Святославичъ (3). Совѣщанія князей съ дружинниками дѣлали солидарными интересы обѣихъ сторонъ; сообща задуманное предпріятіе должно было вести

---

(1) П. С. Р. Л. II, 97.

(2) П. С. Р. Л. I, 1, 54; II, 136.

(3) П. С. Р. Л. II, 131.

князя и дружинниковъ къ общей радости въ случаѣ успѣха, къ общему горю въ случаѣ неудачи. Этимъ объясняется то, что всякого рода насильственныя дѣянія направленныя противъ князя, распространялись всегда и противъ дружинниковъ — совѣтниковъ его; такъ въ 1177 г., послѣ пораженія княземъ Всеволодомъ Рязанскаго князя Глѣба, послѣдній захваченъ былъ въ плѣнъ а съ нимъ побѣдители „и думцы его извязаша вcѣ, и Бориса Жидиславича, и Олстина, и Дѣдилца, и иныхъ множество (1).

Таковы были условія быта удѣльно-вѣчеваго періода, содѣйствовавшія развитію княжеской думы въ этомъ періодѣ. Разсмотримъ самую внутреннюю организацію *княжеской думы*, на сколько возстановляется она по дошедшимъ до насъ лѣтописнымъ извѣстіямъ.

Думу княжескую составляла вся совокупность лицъ, созванныхъ княземъ для совѣщанія объ извѣстномъ предметѣ; словомъ *дума* обозначался равнымъ образомъ и самый процессъ совѣщанія. Княжеская дума собиралась въ княжескихъ хоромахъ для обсужденія всѣхъ вообще дѣлъ касающихся междукняжескихъ отношеній, законодательства и текущаго управленія — тѣхъ дѣлъ, причастными которымъ не представлялось необходимости дѣлать все населеніе; въ противномъ случаѣ дума замѣнялась вѣчемъ, которое какъ бы поглощало въ себя первую. Дума княжеская собиралась не только въ мирное время, но и въ походахъ, принимая въ послѣднемъ случаѣ характеръ военныхъ совѣтовъ, на которые допускались и вожди вспомогательныхъ войскъ, выступавшихъ съ княземъ въ походъ. Что касается княжеской думы собиравшейся въ мирное время — то мы имѣемъ основанія полагать, что она носила характеръ совѣщаній въ извѣстномъ смыслѣ постоянныхъ, обыденныхъ—въ чемъ и лежитъ существенное отличіе княжеской думы отъ вѣча созываемаго княземъ, какъ явленія исключительнаго, чрезвычайнаго. Въ своемъ знаменитомъ „Поученіи дѣтямъ", в. к. Владиміръ Мономахъ, говоря о дневныхъ занятіяхъ князя, рекомендуетъ имъ вставъ отъ сна до восхода солнца и воздавъ хвалу Богу „*сѣдше думати* съ дружиною, или люди оправливати или на ловъ поѣздити" (2). Здѣсь великій князь

(1) П. С. Р. Л. I, 162.
(2) П. С. Р. Л. I, 103.

говоритъ о думѣ съ дружиною какъ о явленіи совершенно нормальномъ, обыденномъ, стоящемъ во главѣ ежедневнаго теченія княжескихъ занятій; лишь за отсутствіемъ необходимости думы рекомендуетъ онъ другаго рода занятія и развлеченія. Поученіе указываетъ намъ и на время засѣданій княжеской думы — раннее утро; съ этимъ вполнѣ согласуется одно мѣсто изъ житія св. Θеодосія, въ которомъ говорится, что однажды на утренней зарѣ Θеодосій встрѣтилъ бояръ, ѣдущихъ къ князю на думу (¹). Наконецъ самое выраженіе Поученія „*сѣдше* думати“ — указываетъ на извѣстную правильность, на извѣстную регулярность княжеской думы.

Обращаемся къ разсмотрѣнію *личнаго состава княжеской думы*. Уже изъ самаго происхожденія и существа княжеской думы явствуетъ, что преобладающимъ элементомъ являются здѣсь лучшіе представители княжеской дружины. Но само собою разумѣется, что въ интересахъ самихъ князей было привлеченіе къ участію въ думѣ возможно большаго количества лицъ опытныхъ и разумныхъ, а такъ какъ право призывать въ думу совѣтниковъ всецѣло принадлежало князю, — то вслѣдствіе этого въ составъ княжеской думы нерѣдко входили какъ лучшіе земскіе люди, такъ и представители высшаго духовенства. Извѣстно, напримѣръ, что в. к. Владиміръ обсуждалъ вопросъ о крещеніи русской земли съ своими боярами и старцами градскими (²). Духовенство привлекалось къ участію въ думѣ княжеской преимущественно для обсужденія вопросовъ касающихся духовныхъ предметовъ; такъ въ 1159 г. князь Святославъ Черниговскій совѣтуется съ мужами своими и съ епископомъ относительно похоронъ кіевскаго митрополита Константина (³). Впрочемъ высшіе церковные іерархи — какъ представители класса, всегда пользовавшагося особымъ значеніемъ и почетомъ со стороны князей — будучи привлечены къ участію въ княжеской думѣ, оказывали рѣшительное вліяніе и на вопросы гражданскаго строенія; припомнимъ вліяніе епископовъ на св. Владиміра въ вопросѣ объ отмѣнѣ виръ и установленіи

(¹) Бестужевъ-Рюминъ: Русская Исторія, I, 204.
(²) П. С. Р. Л. I, 1, 45—46.
(³) П. С. Р. Л. I, 149.

на мѣсто ихъ казни за разбои. Вообще, проведеніе въ русскій юридическій строй началъ римско-византійскаго права представляло широкую почву, на которой постоянно могли активно дѣйствовать въ княжеской думѣ высшіе представители греко-русскаго духовенства. Въ походахъ къ участію въ княжеской думѣ, принимавшей въ подобныхъ случаяхъ характеръ военныхъ совѣтовъ, допускались, наравнѣ съ дружиною, и представители земскихъ воевъ, а иногда даже и вспомогательныхъ инородческихъ ратниковъ, какъ-то половцевъ, берендичей, черныхъ клабуковъ — но конечно только для обсужденія вопросовъ, касающихся плана военныхъ дѣйствій или преодолѣнія встрѣтившихся препятствій, не касаясь дѣлъ между — княжеской политики ([1]).

Самая компетентность и предполагаемая мудрость рѣшеній княжеской думы требовали, что-бы количество княжескихъ совѣтниковъ не было слишкомъ ограничено; вслѣдствіе этого въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ встрѣчаемъ мы горькія сѣтованія на князей, ограничивающихъ количество своихъ совѣтниковъ. Такъ, лѣтописецъ осуждаетъ в. к. Всеволода Ярославича за то, что онъ подъ старость началъ совѣтоваться съ младшими дружинниками въ ущербъ старшимъ, вслѣдствіе чего первые стали интриговать противъ послѣднихъ; въ 1180 г. князь Святославъ Всеволодовичъ нападаетъ на Давида Ростиславича „сдумавъ съ княгинею своею и съ Кочкаремъ милостьникомъ своимъ и не повѣда сего *мужемъ* своимъ лѣпшимъ *думы своея*“ ([2]). Въ числѣ княжескихъ совѣтниковъ особымъ вліяніемъ пользовались старшіе дружинники—бояре и мужи—и это вполнѣ понятно: они составляли силу, игнорировать которою представлялось князю дѣломъ крайне рискованнымъ ([3]). Впрочемъ нѣтъ достаточнаго основанія полагать, чтобы князья призывали въ думу свою единственно только лучшихъ мужей своихъ; существуютъ свидѣтельства—хотя и рѣдкія—указывающія на совѣщанія князей даже съ одною меньшею дружиною, помимо старшей ([4]). Далѣе важнымъ руководящимъ

([1]) См. мое изслѣдованіе: «Очерки орган. и происх. служилаго сословія и пр.», стр. 39.

([2]) П. С. Р. Л. II, 122, 136.

([3]) Сергѣевичъ: В. и К. 360.

([4]) Сергѣевичъ: В. и К, 360.

началомъ для призыва княземъ къ участію въ думѣ совѣтниковъ служило *старшинство физическое*, въ смыслѣ возраста; съ старѣйшимъ возрастомъ соединялось представленіе о большей житейской мудрости, почему людямъ пожилымъ, убѣленнымъ сѣдинами, считалось особенно приличнымъ засѣдать въ княжеской думѣ. Вспомнимъ, что Владимиръ Мономахъ училъ дѣтей своихъ чтить „старыя яко отца"; подобнымъ же образомъ и князь Константинъ Всеволодовичъ Ростовскій, разсылая сыновей по княженіямъ, учитъ ихъ имѣть „послушаніе къ старѣйшимъ ваю, иже васъ на добро учатъ" (¹); мы знаемъ также, что в. к. Владиміръ призывалъ къ себѣ въ совѣтъ вмѣстѣ съ боярами своими и старцевъ городскихъ, съ которыми, будучи язычникомъ, совѣщается относительно жертвоприношеній богамъ, а затѣмъ — относительно своего намѣренія креститься (²). Участіе въ княжеской думѣ старѣйшихъ по лѣтамъ дружинниковъ считалось въ древне-русскомъ государственномъ быту явленіемъ столь естественнымъ и обычнымъ, что лѣтописецъ не упускаетъ случая, при видѣ нарушенія извѣстнымъ княземъ этого обыкновенія, съ энергіею возставать противъ нарушителя и даже воскликнуть подъ 1015 годомъ: „Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любя вино пити съ гусльми и *младыми совѣтники!*" или подъ 1093 г., лѣтописецъ укоряетъ в. к. Всеволода Ярославича, который „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ створя съ ними" (³). Въ числѣ княжескихъ совѣтниковъ нерѣдко выдѣляются отдѣльныя личности, въ особенности пользующіяся расположеніемъ князя и вліяніемъ на него, которыя постоянно окружаютъ князя, становятся его „*милостьниками*" и преимущественно передъ другими получаютъ названіе *думцевъ* его (⁴).

Сообразно различнымъ нравственнымъ и интелектуальнымъ качествамъ княжескихъ совѣтниковъ, лѣтопись, кромѣ вышеуказаннаго различія совѣтниковъ старшихъ или луч-

---

(¹) П. С. Р. Л. I, 102, 187.

(²) П. С. Р. Л. I, 35, 45, 46.

(³) П. С. П. Л, I, 60, 94.

(⁴) См. мое изслѣдованіе: «Очерки орган. и происх. и пр.», стр. 41—42.

шихъ и молодшихъ—говоритъ нерѣдко о совѣтникахъ смышленныхъ, несмышленныхъ, безумныхъ, добрыхъ, злыхъ, корыстолюбивыхъ, приписывая имъ то или другое доброе или злое вліяніе на современныя событія (1).

Весьма мало свидѣтельствъ сохранила намъ лѣтопись относительно самаго *порядка совѣщанія* въ княжеской думѣ. Нельзя впрочемъ не отмѣтить широкой свободы мысли и личнаго убѣжденія, господствовавшей здѣсь, что вполнѣ согласуется съ самымъ характеромъ отношеній между княземъ и его окружающими. Въ княжеской думѣ каждый призванный открыто предъявлялъ свое мнѣніе, не опасаясь навлечь на себя за то княжескую опалу; думцы могли даже предъявлять мнѣнія совершенно противныя личному воззрѣнію князя, могли оспаривать послѣдняго, что технически называлось говорить „*встрѣчу*“. Нерѣдко *встрѣча* въ думѣ вела за собою оставленіе княземъ задуманнаго имъ намѣренія, относительно котораго встрѣчалъ онъ протестъ со стороны совѣтниковъ своихъ. При рѣшеніи въ думѣ извѣстнаго вопроса голоса раздѣлялись обыкновенно за и противъ, при чемъ князь, выслушавъ доводы обѣихъ сторонъ, склонялся къ тому или другому мнѣнію, если только думавшіе не приходили къ одиначеству. Возраженіе одной стороны на доводы другой носило названіе отвѣта; цѣль преній для каждой изъ сторонъ клонилась къ тому, чтобы поставить другую сторону въ невозможность *отвѣчать*, слѣдовательно принудить ее признать основательность доводовъ противниковъ (2).

Таково было устройство княжеской думы въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторической жизни. Мы видимъ, что личный составъ ея не носилъ твердо-опредѣленнаго характера,—съ какимъ позже встрѣтимся мы въ боярской думѣ Московскаго періода,—что онъ былъ чисто случайнымъ, завися отъ усмотрѣнія князя и степени значенія и вліянія тѣхъ или другихъ лицъ въ дружинѣ княжеской, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и сознавались извѣстныя принципіальныя требованія относительно качества лицъ, долженствующихъ засѣдать въ княжеской думѣ.

---

(1) Ibid., стр. 42—44.

(2) См. мое изслѣдованіе: «Очерки орган. и происх. и пр.», стр. 36—37.

Но на ряду съ княжескою думою тщетно стали бы мы искать въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ слѣдовъ центральныхъ установленій для завѣдованія отдѣльными вѣтвями управленія. Мы видѣли уже выше причины, по которымъ и не могло возникнуть въ этомъ періодѣ сколько нибудь организованной системы центральныхъ правительственныхъ установленій. Нѣчто напоминающее центральныя установленія для завѣдыванія отдѣльными родами дѣлъ могло образоваться развѣ только въ сферѣ вѣдомства княжескаго двора и княжескаго фиска, не твердо различавшагося еще отъ фиска государственнаго. Дѣйствительно, уже довольно рано встрѣчаемъ мы должности: княжескихъ дворскихъ (съ XII-го вѣка),—впослѣдствіе дворецкихъ, вѣдавшихъ дворъ князя и пользовавшихся высокимъ положеніемъ среди лицъ окружающихъ князя (1); конюшихъ тіуновъ, съ состоящими подъ ними рядовыми конюхами, вѣдавшихъ княжескія конюшни, также пользовавшихся высокимъ общественнымъ положеніемъ, что усматривается уже изъ высшаго размѣра виры (въ 80 гривенъ) опредѣляемаго за убійство конюшаго тіуна (2); ключниковъ и тіуновъ, вѣдавшихъ казну княжескую (3); ловчихъ, вѣдавшихъ княжескую звѣриную охоту (4).

Нѣтъ сомнѣнія, что вѣдомство всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ—подъ которыми состояло болѣе или менѣе значительное количество второстепенныхъ и низшихъ служителей—носило признаки извѣстной организаціи,—но тѣмъ не менѣе развѣ только съ значительною натяжкою можно видѣть въ вѣдомствахъ указанныхъ должностныхъ лицъ извѣстную организацію центральнаго управленія, хотя болѣе или менѣе ясная генетическая связь ихъ съ послѣдующими дворцовыми и казенными приказами и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Организація центральныхъ правительственныхъ установленій въ собственномъ смыслѣ этого выраженія—составляетъ достояніе Московскаго періода развитія русской государственной жизни. Въ этомъ періодѣ центральное управ-

(1) Сергѣевичъ: В. и К., 377.

(2) Текстъ Рус. Правды, изд. Н. В. Калачова, III, ст. 9—10. П. С. Р. Л. II, 1, 133.

(3) Сергѣевичъ: В. и К.. 380.

(4) П. С. Р. Л. I, 1, 104. (Поученіе Владиміра Мономаха).

ленiе представляется уже въ двоякой инстанцiи: верхнюю ступень его представляетъ государь съ состоящимъ при немъ совѣщательнымъ учрежденiемъ—*Государевою или Боярскою Думою*, развившеюся естественнымъ, историческимъ, путемъ изъ княжеской думы предшествовавшаго перiода; вѣдомство Думы Боярской не ограничивалось какимъ либо опредѣленнымъ родомъ дѣлъ—что вытекаетъ уже изъ самаго значенiя Думы, какъ органа непосредственно состоящаго при государѣ: всякое вообще дѣло, доходившее до послѣдняго,—тѣмъ самымъ могло подлежать компетентности Думы Боярской.

Вторую ступень его представляютъ *приказы*—центральныя правительственныя установленiя, вѣдомства которыхъ опредѣлялись или по роду дѣлъ, или по пространству управляемой территорiи или, наконецъ, по обоимъ признакамъ въ совокупности. Позже при изложенiи исторiи Московскихъ приказовъ, увидимъ мы, какимъ образомъ и изъ какихъ элементовъ образовались эти центральныя установленiя. Мы увидимъ, что ихъ возникновенiе—наравнѣ со всѣми вообще явленiями государственной жизни Московскаго государства —было естественнымъ и необходимымъ послѣдствiемъ совершившагося факта централизацiи русской земли, а ихъ дальнѣйшее развитiе — непосредственнымъ отраженiемъ постепеннаго роста и внутренняго развитiя самаго государства.

Въ виду сейчасъ лишь указаннаго двойственнаго расчлененiя его, — изложенiе центральнаго управленiя Московскаго государства распадется въ нашемъ трудѣ на двѣ основныя части: I) изложенiе организацiи и дѣятельности Думы Боярской и II) изложенiе организацiи и дѣятельности приказовъ. Вторая часть въ свою очередь распадется на двѣ книги: а) изложенiе общихъ началъ организацiи и дѣятельности приказовъ и b) изложенiе исторiи отдѣльныхъ московскихъ приказовъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БОЯРСКАЯ ИЛИ ГОСУДАРЕВА ДУМА.

Общее понятіе о Думѣ Боярской и ея виды.

Дума Боярская, въ эпохи нормальнаго хода жизни Московскаго государства, при наличности на престолѣ совершеннолѣтняго государя, способнаго лично сосредоточивать въ своихъ рукахъ высшее вѣданіе дѣла государственнаго управленія — носила характеръ высшаго совѣщательнаго учрежденія при особѣ государя, съ которымъ раздѣлялъ послѣдній бремя правительственной дѣятельности своей. Какъ учрежденіе совѣщательное, а не ограничительное, Московская Боярская Дума на столько лишь обладала правомъ окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ предоставлявшимся ея обсужденію, — на сколько предоставлялъ ей это право государь, какъ представитель верховной государственной власти. Въ справедливости высказаннаго положенія убѣдимся мы изъ послѣдующаго изложенія организаціи и дѣятельности Думы Боярской.

Но Дума съ обыкновенною, нормальною степенью власти, о которой сейчасъ говорили мы — не была единственнымъ возможнымъ видомъ Думы Боярской. Всѣ писатели, затрогивавшіе вопросъ о центральномъ правительственномъ управленіи въ Московскомъ государствѣ, съ полнымъ основаніемъ различаютъ два вида ея: a) *Думу обыкновенную, съ нормальною властью*, собиравшуюся при наличности на престолѣ государя, лично способнаго къ управленію государствомъ и b) *Думу съ чрезвычайною властью*, учреждавшуюся (изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ составлялась и нормальная Дума) въ случаѣ вакантности престола или не-

совершеннолѣтія вступившаго на престолъ государя. Согласно съ двумя указанными возможными причинами возникновенія Думы съ чрезвычайною властью, самое значеніе послѣдней является опять таки двоякимъ: въ случаѣ вакантности престола — Дума Боярская олицетворяла въ себѣ верховную государственную власть; въ случаѣ несовершеннолѣтія государя — она принимала характеръ правительства (регентства). Оба эти вида Думы съ чрезвычайною властью уже были разсмотрѣны нами въ первомъ томѣ „Исторіи права Московскаго государства", при изслѣдованіи вопроса объ организаціи верховной власти въ Московскомъ государствѣ (1), — потому въ настоящее время, во избѣжаніе повторенія, мы не имѣемъ надобности надолго останавливаться на этомъ вопросѣ.

Здѣсь нелишнимъ считаемъ мы лишь припомнить, что единственный, основанный на болѣе или менѣе твердыхъ началахъ примѣръ Боярской Думы, олицетворяющей въ себѣ верховную государственную власть — имѣемъ мы въ эпоху великаго междуцарствія 1610—1613 годовъ, когда, послѣ низложенія царя Василія Ивановича Шуйскаго, низложившій его фиктивный земскій соборъ, до предстоявшаго избранія на престолъ царя новой династіи, вручилъ управленіе государствомъ Думѣ Боярской съ бояриномъ княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ во главѣ, которой и цѣловали крестъ города, съ обязательствомъ слушаться новаго правительства, во всемъ подчиняться его суду и вмѣстѣ съ нимъ твердо стоять за государство. Въ составъ этого боярскаго правительства вошелъ весь наличный комплектъ Думы, входившій въ ея составъ до низложенія царя Василія, — за исключеніемъ только бояръ князей Дмитрія и Ивана Шуйскихъ, которые исключены были изъ состава правительствующей Думы очевидно въ видахъ родства ихъ съ низложеннымъ царемъ (2). Въ февралѣ 1611 года, въ двухъ грамотахъ изданныхъ боярскимъ правленіемъ, находимъ мы подписи всѣхъ членовъ его, изъ которыхъ и открывается, что въ составъ правительства, за исключеніемъ

(1) См. «Исторію права Московскаго государства», т. I, стр. 175 и сл., 178 и сл.

(2) Акты Ист. II, № 287 («. . . . а князю Дмитрею да князю Ивану Шуйскимъ съ бояры въ приговорѣ не сидѣти»).

указанныхъ нами двухъ князей Шуйскихъ, дѣйствительно вошелъ весь нормальный составъ обыкновенной Думы, безъ всякихъ дальнѣйшихъ ограниченій. Подъ первою изъ этихъ грамотъ подписалось 17 бояръ, 7 окольничихъ, 2 думныхъ дворянъ, одинъ печатникъ, 4 думныхъ дьяковъ (1). До насъ дошло довольно много актовъ правительственной дѣятельности этой Думы Боярской, которые закрѣплялись печатью боярина князя Ѳ. И. Мстиславскаго, какъ старшаго изъ членовъ Думы (2). Формула, подъ которою исходили всѣ акты боярскаго правительства, была слѣдующая: „Великаго Россійскаго царствія бояре, Ѳедоръ Мстиславской съ товарищи“ (3). Боярское правительство 1610—1613 гг., скоро потерявшее впрочемъ, благодаря своимъ симпатіямъ къ королевичу Владиславу и наступившимъ событіямъ смутнаго времени, фактическую власть надъ русскими областями—продолжало тѣмъ не менѣе приписывать себѣ ее до самаго очищенія Москвы отъ поляковъ и созванія земскаго собора 1613 года (4).

Сохранились еще извѣстія о попыткѣ членовъ Думы Боярской стать во главѣ управленія государствомъ и заставить народъ цѣловать себѣ крестъ въ 1598 году, послѣ бездѣтной кончины царя Ѳеодора Ивановича и отказа отъ престола вдовствующей царицы Ирины; но извѣстно также, что бояре потерпѣли въ этомъ замыслѣ неудачу и временное междуцарствіе окончилось воцареніемъ Бориса Годунова (5).

Примѣръ правительства бояръ при малолѣтнемъ государѣ имѣемъ мы въ 1534—1547 гг. Въ 1534 году умирающій в. к. Василій Ивановичъ, оставляя преемникомъ своимъ трехлѣтняго сына Іоанна, назначилъ при немъ правительницею мать его, великую княгиню Елену, а для вспомоществованія ей въ дѣлѣ государственнаго управленія учредилъ при ней особый совѣтъ изъ бояръ: но въ сущности вся власть перешла въ руки любовника Елены—князя Ивана Телепнева-Оболенскаго. Со смертью въ 1538 году пра-

(1) Акты Ист. II, №№ 321, 322.

(2) См. «Ист. права Моск. госуд.», т. I. стр. 179.

(3) Наприм. Акты Ист. II, № 316.

(4) См. «Ист. права Моск. госуд.», т. I, стр. 179.

(5) Тамже, стр. 178.

вительницы Елены, дѣло государственнаго управленія всецѣло перешло въ руки Думы Боярской, далеко, какъ извѣстно, не оправдавшей своего назначенія при малолѣтнемъ государѣ. Это правленіе бояръ ознаменовалось безконечными интригами, коварствомъ, взаимною борьбою партій, съ полнымъ забвеніемъ интересовъ народа и государства (1).

Установивъ общее понятіе о Думѣ Боярской, указавъ различіе Думы съ чрезвычайною властью и Думы нормальной и представивъ тѣ немногія свѣдѣнія, какія дошли до насъ о первомъ видѣ Думы, — мы посвятимъ дальнѣйшее изложеніе наше уже преимущественно разсмотрѣнію организаціи и дѣятельности Думы нормальной, съ обыкновенною степенью власти, дѣйствовавшей при наличности на престолѣ государей, лично способныхъ сосредоточивать въ себѣ высшее вѣданіе дѣла государственнаго управленія.

Изслѣдованіе наше о Думѣ Боярской въ Московскомъ государствѣ распадется на три отдѣла. Въ *первомъ отдѣлѣ* разсмотримъ мы историческій очеркъ развитія Думы; *во второмъ отдѣлѣ*—внутреннюю организацію, *въ третьемъ отдѣлѣ*—предметы вѣдомства Думы Боярской.

---

(1) «Ист. права Моск. госуд.», т. I, стр. 175 и сл. Интересенъ отзывъ объ эпохѣ боярскаго правленія 1538—1547 гг. иноземца Петра Фрязина «.... нынѣ государь малъ, бояре живутъ по своей волѣ, а отъ нихъ великое насиліе, а управы въ землѣ никому нѣтъ, а промежъ бояръ великая рознь,—того дѣля есми мыслилъ отъѣхати прочь, что въ землѣ въ русской великій мятежъ и безгосударство» (Изъ розыскнаго дѣла 1539 г. о побѣгѣ за границу П. Фрязина. Акты Ист. I, № 140).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ДУМЫ БОЯРСКОЙ.

Измѣненіе началъ княжеской думы въ эпоху Московской централизаціи.—Боярская Дума въ концѣ XV вѣка.—Боярская Дума въ государствованіе в. к. Василія Ивановича.—Боярская Дума въ малолѣтство в. к. Іоанна IV.—Боярская Дума въ царствованіе Іоанна IV до удаленія Сильвестра и Адашева.—Измѣненія въ значеніи и составѣ Думы Боярской послѣ удаленія Сильвестра и Адашева.—Окончательное выясненіе физіономіи Думы Боярской и позднѣйшія попытки боярства возвысить правительственное значеніе ея.

Хотя Боярская Дума, въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ она въ Московскомъ государствѣ, и составляетъ собственное явленіе послѣдняго—тѣмъ не менѣе всѣ изслѣдователи русской старины вполнѣ сходятся между собою въ томъ безспорномъ положеніи, что корень ея таится въ глубинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, восходя до самаго начала русской государственной жизни. Зародышъ Думы Боярской коренится въ древней княжеской думѣ, въ исконномъ обычаѣ князей русскихъ совѣщаться съ дружинниками своими относительно всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ междукняжеской политики и внутренняго управленія.

Но Боярская Дума, историческимъ путемъ развившаяся изъ княжеской думы, естественно должна была на пути развитія своего существеннымъ образомъ видоизмѣнять начала, лежавшія въ основѣ послѣдней. Это видоизмѣненіе началъ—какъ и самое видоизмѣненіе основъ государственнаго строя на рубежѣ періодовъ удѣльно-вѣчеваго и Московскаго—совершается исподоволь, постепенно, безъ рѣзкихъ нововведеній и преобразованій. Мало дошло до насъ свѣдѣній о постепенномъ ходѣ реорганизаціи всего государственнаго строя въ теченіи конца XIII—середины XVI вѣ-

ковъ вообще и по отношенію къ реорганизаціи думы въ частности. Въ XIII в. видимъ мы еще княжескую думу на основахъ удѣльно-вѣчеваго государственнаго строя,—къ концу XVI вѣка встрѣчаемъ мы уже боярскую думу реорганизованную по началамъ Московскаго государственнаго строя; какъ совершалось постепенное измѣненіе организаціи этого учрежденія—объ этомъ можемъ мы судить лишь относительно, соображаясь съ общимъ ходомъ государственнаго развитія въ эту эпоху.

Мы видѣли, что однимъ изъ существеннѣйшихъ моментовъ существа княжеской думы удѣльно-вѣчеваго періода—служили свободныя, договорныя отношенія между князьями и дружинниками, полное отсутствіе обязательнаго начала въ службѣ послѣднихъ, что, въ связи съ обширною возможностью отъѣздовъ дружинниковъ, давало послѣднимъ возможность и основаніе смотрѣть на совѣщанія съ ними князей какъ на существенное и неотъемлемое право свое, нарушеніе котораго со стороны князя могло вести къ нарушенію договорнаго отношенія между послѣднимъ и его дружинникомъ. Такимъ образомъ дума князя съ дружинниками представлялась для перваго—требованіемъ фактической необходимости, для послѣднихъ—существеннымъ правомъ. Извѣстно, что съ постепеннымъ успѣхомъ централизаціонныхъ стремленій Московскихъ государей—который въ свою очередь обусловливался взаимодѣйствіемъ многихъ уже разсмотрѣнныхъ нами историческихъ причинъ и вліяній (¹)—терпитъ коренное измѣненіе характеръ отношеній между князьями и дружинниками. Быстрый ростъ Московскаго великаго княженія, въ связи съ развивающимся самодержавіемъ великихъ князей его, идущимъ въ паралель съ разложеніемъ удѣльно-вѣчевыхъ элементовъ государственной жизни, постепенная централизаціи у Московскаго престола лучшихъ служилыхъ силъ русской земли, въ ряды которыхъ должны были стать и представители княжескихъ родовъ поглощенныхъ Москвою удѣльныхъ княженій, наконецъ постепенное фактическое и юридическое стѣсненіе возможности отъѣздовъ, въ связи съ развивающеюся вотчинною и помѣстною системою—неукоснительно подрывали удѣльно-

(¹) Исторія права Московъ. государства, т. I, стр. 11 и слѣд.

вѣчевыя договорныя основы княжеской службы, заслоняя ихъ началами крѣпости и обязательной службы (¹). Прежній дружинникъ замѣняется *служилымъ человѣкомъ*, связаннымъ съ великимъ княземъ вѣрноподданническою присягою, землевладѣніемъ и соединенною съ послѣднимъ обязательною службою.

Само собою разумѣется, что измѣненіе характера отношеній между вел. князьями и служилыми людьми ихъ—не могло оставаться безъ вліянія на совѣщанія великихъ князей съ послѣдними. Если князь удѣльно-вѣчевой Руси считалъ себя обязаннымъ въ силу самаго порядка вещей обо всемъ *думать* съ своими дружинниками, если фактическая необходимость думы съ ними сводилась для него почти къ юридической обязанности, — то для Московскихъ великихъ князей, при измѣняющемся соотношеніи между государственными элементами, эта фактическая необходимость и обязательность должна была все болѣе и болѣе умаляться, представляться все болѣе и болѣе слабою. Все это должно было повести, и дѣйствительно повело, съ одной стороны къ паденію для служилыхъ людей *права* на совѣщаніе съ ними великихъ князей, съ другой стороны—къ ограниченію круга лицъ, призываемыхъ въ думу.

До тѣхъ поръ, пока централизаціонная дѣятельность Московскихъ великихъ князей не успѣла еще заручиться рѣшительнымъ перевѣсомъ надъ отживающими началами удѣльно-вѣчеваго строя, пока не завершилась еще вполнѣ политика закрѣпленія служилаго класса — великіе князья Московскіе еще всецѣло признаютъ, по крайней мѣрѣ за вліятельнѣйшими представителями служилыхъ людей своихъ, право на подачу голоса въ думѣ своей по важнѣйшимъ предметамъ управленія, продолжаютъ смотрѣть на признаніе этого права какъ на нравственную, если и не юридическую, обязанность свою. Такъ въ 1389 г. умирающій в. к. Дмитрій Ивановичъ, давая наставленіе дѣтямъ своимъ, внушаетъ имъ слѣдующія нравственныя обязанности: „.... бояре своя любите, честь имъ достойную воздавайте противу служеній ихъ, *безъ воли ихъ ничто же творити*, привѣтливи будете

(¹) Подробнѣе см. въ моихъ: «Очеркахъ организ. и происх. служилаго сословія и пр.», стр. 60 и сл., 103 и сл.

ко всѣмъ слугамъ своимъ (¹)"; въ 1400 г. в. к. Тверской Михаилъ Александровичъ, умирая, проситъ бояръ своихъ напоминать дѣтямъ его „чтобы въ любви были, якоже указахъ имъ (²)". Вообще, совѣщанія великихъ князей съ лучшими представителями служилыхъ людей своихъ безпрерывно продолжались во все продолженіе XIV—XV вѣковъ; въ этомъ убѣждаютъ насъ всѣ лѣтописныя извѣстія этой эпохи (³). Но съ конца XV вѣка великіе князья Московскіе измѣняютъ свой взглядъ на участіе служилыхъ людей въ думѣ своей, начинаютъ смотрѣть на это участіе уже не какъ на право, а какъ на обязанность служилыхъ людей, подчиняютъ думу своимъ интересамъ, видятъ въ ней учрежденіе вспомогательное, облегчающее имъ несенія государственнаго бремени, но уже ни въ чемъ не ограничивающаее ихъ полнаго самодержавія.

Еще рѣзче сказывается вторая перемѣна въ организаціи думы—ограниченіе круга лицъ въ нее допускаемыхъ. Мы видѣли, что въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ личный составъ княжеской думы не имѣлъ ничего опредѣленнаго, но на каждый данный случай представлялъ сумму всѣхъ тѣхъ дружинниковъ, мнѣніемъ и значеніемъ которыхъ не представлялось князю возможнымъ игнорировать. Князь видѣлъ себя вынужденнымъ призывать въ думу свою и такихъ дружинниковъ, отъ которыхъ могъ онъ заранѣе ожидать противодѣйствія намѣреніямъ и видамъ своимъ, но службою которыхъ приходилось ему дорожить по тѣмъ или другимъ причинамъ. Не было слѣдовательно опредѣленныхъ разрядовъ дружинниковъ, которымъ бы, уже въ силу самаго чина своего, присвоялось право засѣдать въ думѣ княжеской. Съ измѣненіемъ въ великомъ княженіи Московскомъ прежняго воззрѣнія на совѣщанія князей съ дружинниками и съ развитіемъ у престола великихъ князей іерархической лѣствицы придворныхъ чиновъ, вырабатывается воззрѣніе на соединеніе права и обязанности засѣданія въ Думѣ именно съ обладаніемъ однимъ изъ высшихъ придворныхъ чиновъ—

(¹) П. С. Р. Л. т. VIII, 56.

(²) П. С. Р. Л. т. VIII, 74.

(³) П. С. Р. Л., т. VI, 50, 176, 206, 224, 246, 274 и мн. др.

боярина или *окольничаго*. Боярство, бывшее въ удѣльно-вѣчевой періодъ терминомъ для обозначенія извѣстнаго фактическаго состоянія превосходства,—со времени татарскаго погрома стремится пріобрѣсти опредѣленное юридическое значеніе, значеніе высшаго придворнаго чина, который непосредственно уже можетъ быть жалуемъ княземъ. Представленіе о боярствѣ, какъ о *чинѣ*, вырабатывается довольно опредѣленно въ теченіи XIV вѣка; такъ въ 1332 г. в. к. Иванъ Калита „даде болярство на Москвѣ“ кіевскому выходцу Родіону Несторовичу,—слѣдовательно уже въ эту эпоху существовало понятіе о боярствѣ, какъ о чинѣ (1). Съ половины XIV вѣка встрѣчаемся мы и съ окольничествомъ, въ качествѣ опредѣленнаго придворнаго чина (2). Такимъ образомъ вырабатывается сознаніе о соединенности права засѣданія въ Думѣ съ обладаніемъ однимъ изъ этихъ двухъ высшихъ придворныхъ чиновъ. Служилый человѣкъ сказанный въ чинъ боярина или окольничаго—тѣмъ самымъ становился и членомъ Думы, хотя бы и былъ онъ человѣкомъ новымъ, подобно вышеупомянутому кіевскому выходцу Родіону Нестеровичу. Предоставленіе званія членовъ Думы исключительно боярамъ и окольничимъ имѣло уже мѣсто, какъ имѣются основанія полагать, во второй половинѣ XIV вѣка—когда укрѣпилось и самое понятіе боярства и окольничества, какъ высшихъ чиновъ служилой придворной іерархіи; такъ въ 1356—1387 гг. в. к. рязанскій Олегъ Ивановичъ жалуетъ монастырю село, „сгадавъ“ съ своими боярами,—„а бояре со мною были: Софоній Алтыкулачевичъ, Семенъ Ѳедоровичъ, Микита Андреевичъ, Тимошь Олександровичъ, Манасѣя дядько, Юрьи *окольничій*, Юрій чашникъ, Семенъ Микитичъ съ братьею, Павелъ Соробичъ“ (3). Если въ источникахъ XIV—XVI вв. и не встрѣчаемъ мы указаній на окольничихъ, какъ членовъ Думы,—а напротивъ, говорится лишь о совѣщаніяхъ съ одними боярами,—то это обстоятельство еще не доказываетъ отсутствія окольничихъ

(1) Погодинъ: Древ. Рос. Аристократія. Москвит. 1847 г. I. 98.

(2) Напр. П. С. Р. Л. VIII, 21; Собр. Гос. Гр. и Дог. I, №№ 23 и 30.

(3) Акты Историч., I, № 2.

въ Думѣ; и позже, въ XVII вѣкѣ, когда въ Думѣ засѣдали вмѣстѣ съ боярами окольничіе и думные дворяне, постоянно встрѣчаемъ мы выраженіе „поговоря съ бояры", и даже обычною формулою думныхъ рѣшеній были слова „бояре приговорили", безъ особаго упоминанія о прочихъ чинахъ думныхъ людей.

Необходимымъ результатомъ указанныхъ выше измѣненій въ началахъ организаціи Думы, въ связи съ усиливающимся самодержавіемъ великихъ князей Московскихъ — должно было воспослѣдовать и паденіе широкой свободы мысли и слова, господствовавшихъ въ прежней княжеской думѣ. Теперь эта свобода мысли и слова имѣетъ возможность проявляться лишь на столько, на сколько допускаетъ ее въ своей Думѣ тотъ или другой государь. Великій князь Іоаннъ III, которому предстояло еще довершить дѣло предшественниковъ своихъ нанесеніемъ окончательныхъ ударовъ остаткамъ до Московскихъ формъ государственнаго строя земли, которому предстояла задача окончательнаго сверженія съ себя татарской зависимости—еще сознаетъ необходимость дорожить расположеніемъ и поддержкою лучшихъ служилыхъ людей своихъ, еще соблюдаетъ старинные обычаи думныхъ совѣщаній, не только допуская „встрѣчи" себѣ въ Думѣ, но даже поощряя думныхъ совѣтниковъ своихъ къ свободному выраженію ихъ мнѣній и воззрѣній.

Иначе опредѣлилъ отношенія свои къ Думѣ сынъ и преемникъ Іоанна III, в. к. Василій Ивановичъ, который не только до крайности стѣснилъ кругъ активныхъ совѣтниковъ своихъ, ограничивъ его лишь ближайшими любимцами своими, но даже стремится стѣснить свободу слова и убѣжденій думныхъ людей своихъ, строго преслѣдуя тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли достаточно гражданскаго мужества чтобы высказывать мнѣнія, противныя личному воззрѣнію своего государя. Вдумываясь въ историческія условія государствованія в. к. Василія Ивановича, мы находимъ вполнѣ естественнымъ подобнаго рода отношенія его къ Думѣ своей. Великій князь Василій окончательно довершилъ дѣло своихъ предковъ и своего отца присоединеніемъ послѣднихъ русскихъ областей, сохранявшихъ еще большую или меньшую самостоятельность свою; зависимость отъ Орды окончательно порвана была еще въ 1480 г. в. к. Іоанномъ III и в. к. Василій, вступая на престолъ отцовскій,

съ полнымъ убѣжденіемъ могъ признать себя государемъ вполнѣ самодержавнымъ; бракъ отца его съ греческою царевною Софіею Палеологъ повлекъ за собою обширную эмиграцію къ Московскому двору вельможъ павшей Византійской имперіи и внесъ въ государственную жизнь воззрѣніе на существо верховной власти, въ духѣ традицій византійскаго цезаризма; съ объединеніемъ русской земли уничтожилась самая фактическая возможность отъѣздовъ служилыхъ людей въ другія русскія княженія, а отъѣзды за рубежъ русской земли получили значеніе государственной измѣны. Всѣ эти обстоятельства, возвысивъ самодержавіе государя и уронивъ въ соотвѣтствующей степени значеніе высшихъ представителей служилыхъ людей,—дали великому князю Василію полную возможность игнорировать значеніе Думы, сведя ее не только на степень пассивно-совѣщательнаго учрежденія, но и стѣснивъ еще до крайнихъ предѣловъ совѣщательную функцію ея. Значеніе Думы низко пало въ государствованіе Василія Ивановича. Хотя въ лѣтописяхъ и встрѣчаются въ это государствованіе постоянныя формулы „приговоривъ съ бояры“, „поговоря съ бояры“, „совѣтовавъ съ бояры“—но всѣ эти обычныя выраженія скрываютъ за собою формальныя, безцвѣтныя совѣщанія, на которыхъ воля великаго князя не смѣла быть въ существенныхъ основаніяхъ своихъ оспариваема никѣмъ изъ думныхъ людей—за исключеніемъ развѣ только ближайшихъ любимцевъ государевыхъ; Герберштейнъ свидѣтельствуетъ, что между совѣтниками великаго князя Василія „никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ нибудь противорѣчить ему или быть другаго мнѣнія“. Бояринъ Берсень-Беклемишевъ жаловался Максиму Греку, что в. к. Василій „... упрямъ, и встрѣчи противъ себя не любитъ, кто ему встрѣчу говоритъ и онъ на того опаляется; а отецъ его князь великій противъ себя стрѣчю любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали“ (¹). Въ подтвержденіе своихъ словъ, Берсень приводитъ случай изъ своей собственной думной практики: когда онъ осмѣлился однажды говорить великому князю встрѣчу по Смоленскому вопро-

(¹) Акты Археогр. Эксп., I, № 172 (Отрывокъ слѣдственнаго дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Θедорѣ Жареномъ).

су,—государь опалился и устранилъ его отъ себя, сказавъ: „пойди, смердъ, прочь, ненадобенъ ми еси".

Таково было значеніе Думы около первой четверти XVI вѣка.

Какъ же отозвалось это паденіе значенія Думы въ умахъ Московской служилой аристократіи? Само собою разумѣется, что она не могла оставаться равнодушною въ виду игнорированія единственнаго изъ сохранившихся правъ ея, — права вліянія на государственное управленіе, путемъ свободнаго выраженія мнѣній своихъ въ засѣданіяхъ государевой Думы. Это тѣмъ болѣе понятно, что съ паденіемъ удѣльныхъ княженій, представители владѣтельныхъ родовъ послѣднихъ вступили въ ряды служилыхъ людей московскихъ, живо сохраняя еще воспоминаніе о недавней самостоятельности своей. Представители этихъ княжескихъ родовъ въ началѣ XVI вѣка стояли во главѣ всей служилой аристократіи Московской. Такъ, при вступленіи на престолъ в. к. Ивана III было всего пять бояръ (изъ нихъ два дворецкихъ) и одинъ окольничій: изъ этихъ шести лицъ лишь одно (кн. Стрига-Оболенскій) было представителемъ рода удѣльныхъ князей—Рюриковичей, именно отрасли князей Тарусскихъ, и одно — представителемъ княжескаго рода, ведущаго свое начало отъ в. к. Гедимина Литовскаго (кн. Патрекѣевъ) [1]. Въ государствованіе Ивана III воспослѣдовало присоединеніе къ великому княженію Московскому великаго княженія Тверскаго и княженій Ярославскаго и Ростовскаго, представители владѣтельныхъ родовъ которыхъ обращаются въ служилыхъ князей Московскихъ. Дѣйствительно, при вступленіи на престолъ в. к. Василія Ивановича (1505 г.) числилось 20 бояръ и окольчихъ, въ числѣ которыхъ насчитываемъ мы пять представителей рода князей Тверскихъ, двухъ представителей рода князей Ярославскихъ, двухъ представителей рода князей Ростовскихъ, по одному представителю родовъ Тарусскихъ и Стародубскихъ, — и того 11 представителей княжескихъ родовъ, лишь незадолго до того ут-

---

(1) Это исчисленіе, равно и дальнѣйшія, дѣлаются мною на основаніи „Послужнаго списка старин. чиновниковъ въ Россіи», находящагося въ XX т. Др. Рос. Вивліоики, и собственныхъ моихъ изысканій, находящихся въ третьемъ отдѣлѣ моего изслѣдованія: «Очерки организ. и происх. служилаго сословія и пр.» (Казань, 1876).

ратившихъ свою независимость. Затѣмъ въ 28-ми лѣтнее государствованіе в. к. Василія Ивановича, изъ 81 лица, сказанныхъ въ различные годы въ бояре и окольничіе, насчитываемъ мы 37 князей—Рюриковичей (10 изъ рода удѣл. кн. Тарусскихъ, 8—Ярославскихъ, 4—Суздальскихъ, 4—Глуховскихъ и Новосильскихъ, 3—Ростовскихъ, 3—Стародубскихъ, 2—Рязанскихъ и по одному отъ удѣльн. князей Тверскихъ, Карачевскихъ и Смоленскихъ) и 8 князей изъ родовъ, ведущихъ свое начало отъ в. к. Литовскаго Гедимина. Въ моментъ смерти в. к. Василія Ивановича изъ 21 боярина и окольничаго насчитываемъ мы 13 лицъ изъ родовъ князей — Рюриковичей (4—потомковъ удѣл. князей Суздальскихъ, 3—Тарусскихъ, 2—Ярославскихъ, 2—Глуховскихъ и Новосильскихъ, 1 — Тверскихъ, 1 — Ростовскихъ) и 2 лицъ изъ родовъ князей—Гедиминовичей. Остальныя лица находившіяся въ чинахъ боярина и окольничаго въ государствованіе Василія Ивановича—принадлежали къ болѣе или менѣе именитымъ родамъ, ведущимъ свое начало отъ татаръ и выходцевъ изъ различныхъ восточныхъ и западныхъ земель.

Таковъ былъ личный составъ государевой Думы, игнорировать значеніе котораго рѣшился в. к. Василій Ивановичъ. Реакція служилыхъ людей противъ измѣнившихся отношеній къ нимъ государя выразилась въ образованіи при дворѣ оппозиціонной партіи и въ усилившейся эмиграціи ихъ въ Литву. Но попытки оппозиціонной партіи противостать великому князю не могли увѣнчаться успѣхомъ при измѣнившемся строѣ государственныхъ отношеній; одинъ изъ представителей этой партіи, Берсень-Беклемишевъ, долженъ былъ поплатиться своею головою, другой, кн. Василій Холмскій, былъ заточенъ, а третій, кн. Семенъ Курбскій, удаленъ отъ двора. Изъ слѣдственнаго дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Ѳедорѣ Жарпомъ узнаемъ мы и мотивы неудовольствія оппозиціонной партіи противъ великаго князя: „.... добръ деи былъ отецъ великаго князя Васильевъ, князь великій Иванъ, и до людей ласковъ, говорилъ Берсень Максиму Греку, ... а нынѣшней Государь не по тому, людей мало жалуетъ; ... какъ пришла сюда мати великаго князя великая княгиня Софія съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалась .... здѣсь у насъ *старые обычьи* князь великій перемѣнилъ... Лучше старыхъ обычаевъ держатися, и людей жаловати и старыхъ почитати; а нынѣ деи Государь нашъ

запершися самъ третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ (¹)". Что касается отъѣздовъ представителей Московской аристократіи въ Литву—то, просматривая современные историческіе памятники, невольно поражаешься двумя явленіями: съ одной стороны огромнымъ наплывомъ лицъ, приходящихъ служить развивающемуся государству Московскому, а съ другой стороны—огромною массою служилыхъ лицъ отъѣзжающихъ съ Московской службы въ Литву. Особенно рельефно выдаются отъѣзды князей—Рюриковичей, перешедшихъ передъ тѣмъ только въ Московское подданство изъ Литвы. Относительно послѣднихъ не трудно провести разграниченіе двухъ періодовъ: до 1515 года и послѣ 1515 года. Въ первомъ періодѣ замѣчается сильное стремленіе этихъ князей переходить на Московскую службу, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ воздвигнутаго въ Литвѣ гоненія на православіе; во второмъ періодѣ замѣчаемъ обратное движеніе: многіе князья, отошедшіе къ Москвѣ, бросаютъ Московскую службу и отъѣзжаютъ обратно въ Литву, увлекая въ этомъ движеніи и представителей коренныхъ Московскихъ служилыхъ родовъ (²). Умаленіе значенія въ Думѣ представителей Московскаго родовитаго боярства повлекло за собою еще другое явленіе: возвышеніе людей неродовитыхъ, взятыхъ нерѣдко изъ народныхъ массъ, которые, не имѣя въ своемъ прошломъ тѣхъ традицій, которые выпали на долю Московской служилой аристократіи, были душою и тѣломъ преданы государямъ, приблизившимъ ихъ къ себѣ и предоставившимъ имъ вліяніе на дѣла государственныя. Въ XVI вѣкѣ получаетъ уже важное значеніе классъ дьяковъ—будущихъ воротилъ всего многосложнаго государственнаго механизма; вспомнимъ значеніе дьяка Далматова при в. к. Василіѣ Ивановичѣ, одного изъ членовъ интимныхъ совѣщаній государя „самъ третей у постели", на которыя такъ негодовалъ Берсень-Беклемишевъ, и дьяковъ Меньшого Путятина и Ѳедора Мишурина, пользовавшихся близкимъ

(¹) А. А. Э. I. № 172. Здѣсь Берсень разумѣетъ интимныя совѣщанія великаго князя съ двумя любимцами его—дворецкимъ Шигоною Поджогинымъ и дьякомъ Далматовымъ.

(²) См. мое изслѣдованіе: «Очерки орган. и происх. и пр.», стр. 108—113.

довѣріемъ государя (1). Къ числу незнатныхъ лицъ, выдвинутыхъ в. к. Василіемъ впередъ, съ обходомъ представителей боярской аристократіи, принадлежитъ его любимецъ—дворецкій Шигона Поджогинъ и „ближніе люди“ его, Василій Андреевъ Коробовъ, Иванъ Григорьевъ Мамоновъ, Дмитрій Загряжскій и др. (2). Наконецъ долженъ быть упомянутъ въ числѣ подобныхъ случайныхъ людей и Михаилъ Глинскій, передъ тѣмъ только перешедшій изъ Литвы на службу Василія Ивановича и къ которому далеко не дружелюбно относились родовитые бояре Московскіе, такъ что великому князю, передъ смертью своею, пришлось просить бояръ не укорять его недавнимъ пріѣздомъ, а держать за „здѣшняго уроженца,—занеже *мнѣ онъ прямой слуга* (3)“; положеніе М. Глинскаго дѣлалось такъ шатко со смертью в. к. Василія, что при предсмертномъ совѣщаніи государя съ боярами о строеніи послѣ него государства возникъ даже вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допустить его въ думу, имѣвшую стоять во главѣ правленія государствомъ въ малолѣтство наслѣдника в. к. Василія,—что и было рѣшено въ положительномъ смыслѣ единственно только въ видахъ родства его съ великою княгинею, будущею правительницею (4).

Со смертью в. к. Василія Ивановича наступаетъ положеніе дѣлъ, вновь благопріятное для Московскаго боярства: на престолѣ остался трехлѣтній сынъ его Іоаннъ IV при которомъ, согласно волѣ умирающаго Василія, находилась въ качествѣ правительницы мать его, великая княгиня Елена Глинская, правившая государствомъ совмѣстно съ Думою Боярскою. Казалось бы, что наступило выгодное для боярства время, пользуясь которымъ могло бы оно возстановить утраченное значеніе свое, возвысить служившую выраженіемъ послѣдняго Думу Боярскую, сдѣлавъ ее учрежденіемъ ограничивающимъ самодержавіе. Но современное русское боярство не было достаточно сильно, достаточно сплочено для успѣшнаго выполненія подобной задачи. Раздираемое

(1) П. С. Р. Л. VI, 268, 272.

(2) П. С. Р. Л. VI, 257, 258.

(3) П. С. Р. Л. VI, 271.

(4) П. С. Р. Л. VI, 270.

безпрестанными интригами и мѣстничествомъ, пререканіями между родами мѣстными и выѣзжими—оно не могло расчитывать и на содѣйствіе не только земщины, но и низшихъ служилыхъ людей. Земщина хорошо видѣла, что въ основѣ тенденцій боярства лежатъ узко-сословные, а не обще-государственные интересы, что успѣхъ замысловъ бояръ грозитъ ей олигархіею; низшіе служилые люди съ своей стороны не имѣли ничего общаго съ боярствомъ, были отдѣлены отъ него такими преградами, случайное преодоленіе которыхъ было для нихъ возможнымъ единственно только при посредствѣ самодержавной власти государей. Стремясь возвысить свое собственное значеніе и государственное вліяніе—боярство ничего не могло обѣщать для интересовъ обще-государственныхъ. И дѣйствительно, эпоха боярскаго правленія въ малолѣтство Іоанна IV (правительница Елена скоропостижно скончалась на пятомъ году правительства, отравленная, какъ подозрѣваютъ, боярами) ознаменовалась лишь ожесточенною борьбою между боярскими родами князей Телепневыхъ-Оболенскихъ, Шуйскихъ, Бѣльскихъ и Глинскихъ; представители каждаго рода хотѣли стоять во главѣ Думы, выказывая непосредственное и преобладающее вліяніе на ходъ государственной жизни, каждый родъ старался „засѣсть" другой. Пошли въ ходъ обоюдныя клеветы, подозрѣнія, заточенія, убійства. Особенно отличались своимъ деспотизмомъ правители—Шуйскіе, оскорблявшіе безъ всякаго стѣсненія самолюбіе ребенка-государя, грабившіе казну и народъ, забывавшіе за личными интересами своими интересы государства и земщины, воспитавшіе въ Іоаннѣ будущую подозрительность, мстительность и жестокость его, какъ-бы народно „ретящеся", по словамъ кн. Курбскаго, „на свою и дѣтей своихъ бѣду" (¹). Извѣстно, какъ отозвалось правленіе бояръ на интересахъ народа: намѣстники грабили и самовластвовали „аки львы", правда перестала доходить до государя, усилились разбои, подати и различнаго рода тягости изнуряли жизненныя силы народа и, по словамъ самаго Грознаго, весь государственный строй „поисшатался". Земля могла ясно увидѣть, къ чему вели стремленія боярства и какъ во внѣшности выражалась почти

(¹) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 6.

самодержавная власть Думы Боярской; вторая четверть XVI стол. должна была навсегда оттолкнуть народъ отъ желанія видѣть Думу Боярскую, при настоящей организаціи ея, во главѣ правительственнаго строя.

Тяжкая эпоха боярскаго правленія не могла не отозваться на впечатлительномъ характерѣ юноши-государя: она опредѣлила его отношенія къ боярству въ послѣдующіе годы государствованія его. Переходимъ къ разсмотрѣнію этихъ отношеній, опуская общеизвѣстные факты кровавой расправы Іоанна съ правителями—Шуйскими, первыхъ годовъ самостоятельнаго и порочнаго правленія его, принятія царскаго титула и чудеснаго исправленія царя въ эпоху Московскихъ пожаровъ и мятежа. Послѣ усмиренія Московскаго бунта и послѣдовавшаго исправленія царя (1547 г.) —первенствующее вліяніе на него пріобрѣтаютъ три лица: протопопъ Сильвестръ, Алексѣй Адашевъ и митрополитъ Макарій. Одною изъ первыхъ заботъ ихъ была реорганизація Думы Государевой, обратившейся въ предшествовавшіе годы въ истинное горнило интригъ, зла и всякой неправды. По свидѣтельству кн. Курбскаго, лица эти прибираютъ царю совѣтниковъ изъ лицъ преклонныхъ лѣтъ, отличающихся разумомъ и опытностью, а также и изъ лицъ, хотя и среднихъ лѣтъ, но отличающихся качествами своими. Они убѣждаютъ царя руководствоваться мудростью этихъ совѣтниковъ и „безъ ихъ совѣту ничесоже устроити или мыслити“ (1). Курбскій свидѣтельствуетъ, что совокупность этихъ совѣтниковъ называлась „избранная рада“—но это послѣднее выраженіе не должно насъ смущать: это одинъ изъ усвоенныхъ Курбскимъ полонизмовъ, подъ которымъ мы узнаемъ ничто иное какъ Государеву Думу, очищенную и обновленную въ своемъ составѣ; въ эрмитажномъ спискѣ записокъ Курбскаго взамѣнъ этого выраженія поставленъ древній русскій терминъ—*дума* (2). Царь совѣтовался съ этою Думою о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ: при посредствѣ ея отправлялся судъ, производилось назначеніе воеводъ и военное устроеніе, раздавались вотчины и помѣстья, сказы-

---

(1) Сказаніе кн. Курбскаго (3 изд.), стр. 10.

(2) См. сноску *g* на стр. 10 «Сказаній кн. Курбскаго».

вались высшіе придворные чины. Разсматривая списки лицъ, произведенныхъ въ эту эпоху въ высшіе чины боярина и окольничаго—мы дѣйствительно замѣтимъ, что въ 1547—1551 гг. было значительное количество новыхъ производствъ, обновившихъ личный составъ Думы, а въ 1546—47 г. выбыло 12 бояръ и окольничихъ, изъ которыхъ 9 умерли и убиты во время Московскаго мятежа, а про троихъ бояръ просто сказано „выбыли". Въ теченіи 1547—1551 гг. вновь сказано въ чины боярина и окольничаго сорокъ лицъ, изъ нихъ 11 князей—Рюриковичей, одинъ князь—Гедиминовичъ и 28 лицъ некняжескаго происхожденія (¹). Такимъ образомъ составъ новой Думы представляетъ какъ-бы компромисъ между стремленіями представителей княжескихъ родовъ, потомковъ владѣтельныхъ удѣльныхъ князей, и желаніемъ обновить составъ Думы введеніемъ въ него свѣжихъ элементовъ. Новая Дума оказалась вполнѣ на высотѣ призванія своего и ея вліяніе слѣдуетъ видѣть въ созваніи перваго земскаго собора, исправленіи Судебника и во всѣхъ лучшихъ начинаніяхъ этой свѣтлой эпохи царствованія Іоанна. Значеніе этой Думы было весьма велико,—она оказывала рѣшительное вліяніе на ходъ государственной жизни. Указанія на это находимъ мы въ перепискѣ царя съ кн. Курбскимъ, въ которой, говоря о событіяхъ послѣдовавшихъ за 1547 годомъ, царь явно укоряетъ Сильвестра, Адашева и партію ихъ въ стремленіи ограничить его самодержавіе, въ желаніи оставить ему лишь предсѣдательство въ Думѣ и честь царскаго сана, перемѣстивъ центръ государственнаго правленія въ Боярскую Думу. „Или убо сіе *свѣтло*, писалъ царь кн. Курбскому, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтенну быти, властію же ни чѣмъ же лучше быти раба?... Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?". Царь укоряетъ далѣе партію Сильвестра и Адашева въ томъ, что представители ея положили „совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ государь, а вы бъ съ попомъ владѣли", въ томъ, что Сильвестръ и Адашевъ „по-малу всѣхъ бояръ начаша въ самовольство при-

(¹) См. «Послужной списокъ и пр.» въ XX т. Др. Росс. Вивліоѳики.

водити, нашу же власть съ насъ снимающе и въ противословіе васъ приводяще, и честію мало васъ (т. е. бояръ) не съ нами равняюще"... (¹). Если мы и предположимъ, что въ перепискѣ царя съ кн. Курбскимъ многое преувеличено царемъ, что многіе изъ высказываемыхъ имъ упрековъ были плодомъ разстроеннаго воображенія его, въ родѣ, напримѣръ, укора Курбскому въ замыслѣ сдѣлаться государемъ Ярославскимъ—тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ непосредственно вытекающимъ изъ нея доводомъ въ пользу того, что Дума Сильвестра и Адашева въ значительной степени стѣсняла самостоятельность власти Іоанна.

Но вскорѣ въ Іоаннѣ проявляется, подъ вліяніемъ наущеній партіи противниковъ Сильвестра и Адашева, реакція противъ Думы съ такимъ либеральнымъ направленіемъ. Реакція началась уже вскорѣ послѣ покоренія Казани. Курбскій свидѣтельствуетъ будто царь, уже на третій день послѣ паденія Казани, разгнѣвавшись на одного изъ воеводъ, сказалъ: „Нынѣ боронилъ мя Богъ отъ васъ". Курбскій объясняетъ значеніе этихъ словъ тѣмъ, будто царь хотѣлъ высказать ими боярству, что онъ давалъ ему волю до тѣхъ поръ, пока держалась Казань, такъ какъ нуждался въ немъ для покоренія этого царства, но что теперь является ему возможность игнорировать его значеніе (²). Но особенно подѣйствовалъ на царя поступокъ бояръ—приверженцевъ Сильвестра и Адашева—во время тяжкой болѣзни его 1553 года: эти бояре у постели находившагося при смерти царя отказались цѣловать крестъ четырехлѣтнему сыну его Дмитрію, имѣя въ виду возвести на престолъ двоюроднаго брата царя, князя Владиміра Андреевича. Этотъ поступокъ, глубоко затронувшій самую чувствительную сторону сердца Іоанна—уже не могъ быть забытъ имъ по выздоровленіи. Оправившись отъ болѣзни, Іоаннъ поѣхалъ на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; по пути, въ Пѣсношскомъ монастырѣ, посѣтилъ онъ бывшаго Коломенскаго епископа, Вассіана Топоркова, пользовавшагося большимъ вліяніемъ при в. к. Василіѣ Ивановичѣ и затѣмъ, въ эпоху боярскаго правленія, лишеннаго епархіи, извѣстнаго приверженца абсолю-

(¹) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 149, 150, 163, 195.
(²) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 33.

тизма и яраго противника боярства. На вопросъ царя о средствахъ лучшаго управленія государствомъ, Вассіанъ даетъ ему извѣстный совѣтъ: „Аще хощеши самодержцемъ быти, не держи собѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя.... Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу собя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ“. Князь Курбскій замѣчаетъ по этому поводу, что Вассіанъ далъ царю этотъ совѣтъ по „древней своей обыкновенной злости, яко и отцу его древле ложное сикованціе шепталъ“, тогда какъ, по мнѣнію Курбскаго, ему надлежало бы посовѣтовать царю „самому быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды“ (¹). Такимъ образомъ умъ царя, подстрекаемый врагами Сильвестра и Адашева, сталъ склоняться къ политикѣ отца его: Іоаннъ рѣшается принизить значеніе боярства и Думы своей. Съ 1560 года Іоаннъ начинаетъ открытую борьбу съ боярами. Сильвестръ и Адашевъ удалены отъ двора, царь подпадаетъ вліянію новыхъ совѣтниковъ, противниковъ партіи Сильвестра и Адашева, таившихся во время силы послѣдней и теперь рѣшившихся поднять головы свои: началась мрачная эпоха опалъ и казней. Князь Курбскій, во второмъ посланіи своемъ къ Іоанну, укоряетъ его, что онъ возвратился къ порокамъ юности своей „за совѣтомъ и думою любимыхъ ласкателей (льстецовъ)“ своихъ; пишетъ что самъ дьяволъ поднесъ ему „вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей, правду ти глаголющихъ не стыдяся, прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ, вмѣсто крѣпкихъ стратиговъ и стратилатовъ, прегнуснодѣйныхъ и богомерзкихъ Бѣльскихъ съ товарищи“ (²). Дума Сильвестра и Адашева падаетъ: часть членовъ ея кончаетъ жизнь отъ руки палача или удаляется въ изгнаніе, другая часть постепенно вытѣсняется новыми элементами, направленными въ новомъ духѣ политики Іоанна.

Преслѣдуя боярство и вводя въ составъ Думы своей людей приверженныхъ самодержавію и чуждыхъ аристократическимъ тенденціямъ боярства, царь Іоаннъ создаетъ новый придворный чинъ *думнаго дворянина*, который становится третьимъ въ порядкѣ придворной служилой іерархіи, непосредственно слѣдуя за чинами боярина и окольничаго;

(¹) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 37—38.
(²) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 215.

лица имъ облекаемыя, получаютъ право засѣдать въ Думѣ Боярской наравнѣ съ боярами, и окольничими. Учрежденіе чина думнаго дворянина должно было служить средствомъ умѣренія аристократическаго элемента въ составѣ Думы Боярской; оно давало возможность вводить въ составъ Думы людей незнатнаго происхожденія, людей для которыхъ въ силу послѣдняго обстоятельства закрытъ или, по крайней мѣрѣ, до крайности затрудненъ былъ доступъ къ высшимъ чинамъ боярина и окольничаго, но дарованія и опытность которыхъ могли быть полезны въ Думѣ. Для царя Іоанна учрежденіе новаго чина представлялось особенно выгоднымъ потому, что давало ему возможность вводить въ Думу свою вновь возвышаемыхъ имъ любимцевъ своихъ, не прибѣгая къ пожалованію имъ двухъ высшихъ чиновъ и тѣмъ представлять въ лицѣ ихъ противовѣсъ аристократическимъ элементамъ Думы,—окончательное изгнаніе которыхъ изъ Думы не могло быть предпринято царемъ безъ окончательной ломки древнихъ обычаевъ и понятій. Въ боярскихъ спискахъ чинъ думнаго дворянина впервые встрѣчается въ 1572 году, подъ названіемъ „дворянинъ въ Думѣ", причемъ первымъ дворяниномъ въ Думѣ показанъ Романъ Васильевичъ Олферьевъ, вторымъ—Михаилъ Андреевичъ Безнинъ (¹). Но въ источникахъ нашли мы случай, относящійся еще къ 1562 году, нахожденія въ составѣ Думы лица, не имѣющаго ни чина боярина, ни чина окольничаго; именно въ разрядѣ этого года, при исчисленіи лицъ, бывшихъ въ походѣ съ государемъ, послѣ перечисленія думныхъ людей, подъ рубрикой „въ судѣ у бояръ", упомянутъ нѣкто Петръ Васильевичъ Зайцевъ (²). Въ слѣдующемъ 1563 году это лице было сказано въ окольничіе (³). Въ 1578 г. было уже пять дворянъ „которые въ думѣ" (⁴).

Преслѣдуя боярство и стараясь по возможности устранять его отъ непосредственнаго вліянія на дѣла государственнаго управленія, Іоаннъ, подобно отцу своему, обра-

---

(¹) См. «Послужной списокъ и пр.» въ XX т. Др. Росс. Вивліоѳики, стр. 52—53.

(²) Др. Росс. Вивл., т. XIII (изд. 2), стр. 331.

(³) Др. Росс. Вивл., т. XX, стр. 46.

(⁴) Др. Росс. Вивл., т. XIV, 351 (Разрядъ 1578 г.).

щаетъ особое вниманіе на усилившійся съ конца XV вѣка классъ дьяковъ, людей пера а не меча,—возвышая ихъ и вручая имъ центральное управленіе различными родами дѣлъ; дьяки являются въ XVI вѣкѣ правителями приказовъ и проявляютъ въ этомъ званіи непосредственное вліяніе на дѣла государственнаго управленія, мало по малу забирая въ свои руки отдѣльныя нити, приводящія въ движеніе весь механизмъ государственной жизни. Въ эти приказы мало по малу перетягивается изъ Думы Боярской центръ тяжести правительственной дѣятельности. Въ лицѣ кн. Курбскаго—Московское боярство негодуетъ на подобное усиленіе дьяческаго приказнаго начала: „*писари* же наши русскіе,—пишетъ кн. Курбскій въ своей исторіи царя Іоанна,—имъ же князь великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ“ (¹).

Подъ вліяніемъ рѣзкаго и крутаго оборота въ отношеніяхъ царя Іоанна IV къ боярству во вторую половину его государствованія—надломленно было значеніе боярства, низвергнуты были стремленія бояръ бороться съ развивающимся абсолютизмомъ во имя традицій предшествовавшаго періода русской исторической жизни, и тѣмъ положенъ былъ царемъ Іоанномъ IV завершающій камень въ зданіе, въ теченіи трехъ вѣковъ возводившееся его предшественниками. Дума Боярская окончательно выяснила свою будущую физіономію: она получила значеніе высшаго совѣщательнаго учрежденія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, безъ всякаго ограничительнаго для представителя верховной государственной власти начала; правительственная же функція ея, во всемъ подчиненная волѣ государя, свелась къ значенію высшей судебно-административной инстанціи. Степень автори-

(¹) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 3), стр. 43. Терминъ «*писарь*»—одинъ изъ употребляемыхъ авторомъ полонизмовъ, соотвѣтствующій Московскому термину «*дьякъ*». Для убѣжденія въ этомъ см. П. С. Р. Л., т. VI, стр. 52, 248, 250, 251, 259, 300 и др.; здѣсь вездѣ, при описаніи дипломатическихъ сношеній съ Литвою, литовскіе *писари* сопоставляются съ Московскими *дьяками*.

тетности и власти Думы стала отнынѣ въ зависимости отъ той степени значенія, которую придавалъ ей тотъ или другой государь, какъ непосредственно подчиненному ему вспомогательному правительственному установленію.

Если мы и въ послѣдующія эпохи встрѣчаемъ стремленія боярства поднять Думу до значенія учрежденія ограничительнаго по отношенію къ власти государей Московскихъ, —то мы вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что эти стремленія проявлялись лишь въ эпохи междуцарственныя, въ виду избиранія на престолъ государей новой династіи; видимъ также, что эти стремленія были чисто-сословными, не находившими себѣ отголоска въ низшихъ разрядахъ служилыхъ людей и въ народныхъ массахъ.

Укажемъ важнѣйшія изъ проявленій аристократически-сословныхъ тенденцій боярства.

Въ 1598 г. умеръ бездѣтнымъ царь Өедоръ Ивановичъ, завѣщавъ престолъ супругѣ своей царицѣ Иринѣ, которая, какъ извѣстно, отказалась отъ принятія царскаго сана, удалившись въ Новодѣвичій монастырь. Пользуясь наступившимъ междуцарствіемъ, бояре вознамѣрились захватить власть въ свои руки что-бы, облекшись ею, устроить государство согласно своимъ видамъ и интересамъ. И вотъ, во время большаго народнаго совѣщанія въ Кремлѣ по поводу воспослѣдовавшаго передъ тѣмъ отреченія вдовствующей царицы Ирины—вышелъ къ народу печатникъ и дьякъ посольскаго приказа Василій Щелкаловъ съ предложеніемъ цѣловать крестъ Боярской Думѣ. Но народъ отнесся къ этому предложенію крайне несочувственно; раздались возгласы: „Не знаемъ ни князей ни бояръ, знаемъ только царицу: мы ей дали присягу и другой не дадимъ никому!“ Василій Щелкаловъ, удалившись къ боярамъ и переговоря съ ними, вторично вышелъ къ народу съ новымъ требованіемъ дачи присяги на имя Думы Боярской, заявивъ объ окончательномъ отреченіи Ирины отъ своихъ правъ на престолъ,—но народъ, съ своей стороны, вторично отказавшись цѣловать крестъ боярамъ, превозгласилъ царемъ брата вдовствующей царицы, боярина Бориса Өеодоровича Годунова. Но бояре и при этомъ оборотѣ дѣлъ не упали духомъ, надѣясь принудить Бориса цѣловать государству крестъ на ограничивающей самодержавную власть его грамотѣ,—но осторожный

Годуновъ дождался утвержденія себя земскимъ соборомъ и тѣмъ избѣгъ принятія условій, подготовлявшихся для него боярами (¹).

Попытка бояръ, неудавшаяся по отношенію къ Борису Годунову, вполнѣ удалась имъ по отношенію къ кн. Василію Ивановичу Шуйскому, избранному на Московскій престолъ послѣ убіенія самозванца. Шуйскій долженъ былъ, между прочимъ, въ клятвенной записи своей дать обѣщаніе не судить и не наказывать никого безъ боярскаго приговора. Существуютъ свидѣтельства, что и эта мѣра бояръ не встрѣтила особеннаго сочувствія въ народныхъ массахъ (²).

Затѣмъ ограничительныя условія предложены были и польскому королевичу Владиславу, при избраніи его въ 1610 году на Московскій престолъ. Въ числѣ этихъ условій встрѣчаемъ мы слѣдующія: a) Держать по достоинствамъ бояръ и всякихъ чиновъ людей Московскаго государства; b) Не тѣснить и не принижать въ чести Московскія княжескія и боярскія роды передъ пріѣзжими иноземцами; c) Измѣненія въ законодательствѣ производить не иначе какъ по совѣщанію съ *боярами* и всею землею; d) Безъ боярскаго суда и приговора не казнить смертью, не посылать въ заточенье и не конфисковать имуществъ; e) Не набавлять податей и налоговъ и не вводить новыхъ безъ вѣдома бояръ (³).

Наконецъ и при избраніи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова бояре расчитывали усилить свое значеніе и, въ лицѣ Думы Боярской, поставить противовѣсъ самодержавной власти государя. Но результаты достигнутые въ этомъ отношеніи боярами не были уже исключительно сословными: благодаря самодѣятельности земщины въ дѣлѣ возстановленія въ русской землѣ потрясеннаго смутнымъ временемъ государственнаго наряда, причемъ земщинѣ приходилось стать даже въ явный антагонизмъ съ боярствомъ, и благодаря избранію царя Михаила на престолъ земскимъ соборомъ—главнымъ подспорьемъ молодому царю въ дѣятельности

(¹) Соловьевъ: «Исторія Россіи», VIII, стр. 10 (втораго изд.).
(²) См. мою: «Исторію права Московскаго государства», т. I, стр. 148.
(³) А. А. Э. II, № 165.

его служили земскіе соборы. Со времени воцаренія династіи Романовыхъ, въ критическіе моменты государственной жизни, государи обращались за поддержкою непосредственно къ самому народу, и боярство должно было окончательно отказаться отъ послѣдней надежды ограничить самодержавіе посредствомъ усиленія значенія Боярской Думы, неизлечимые удары которой нанесъ еще царь Іоаннъ IV.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ДУМЫ БОЯРСКОЙ.

Глава I.

Названіе и личный составъ Думы.

I. Названіе.—II. Думные чины. Происхожденіе и значеніе чина думныхъ дьяковъ.—Личный составъ Думы въ разл. эпохи.—Частное значеніе терминовъ «думные люди» и «бояре».—Бояре и окольничіе большихъ и меньшихъ статей, ближніе и комнатные.—Мнѣніе о реформахъ Лжедмитрія въ личномъ составѣ Думы.—Пожалованіе въ думные чины и соотношеніе ихъ съ точки зрѣнія производства въ нихъ.—Обрядность сказыванія думныхъ чиновъ и послѣдствія его (крестное цѣлованіе).—Жалованье думныхъ людей, денежное и помѣстное.—Общественное значеніе и преимущества думныхъ людей.—Случаи расширенія нормальнаго состава Думы.—Участіе въ Думѣ лицъ царскаго рода, патріарха и членовъ освященнаго собора.—Эксперты въ Думѣ.—Случаи сокращенія нормальнаго состава Думы —Ближняя и Тайная Дума.

Названіе разсматриваемаго нами учрежденія Думою *Боярскою*—не есть историческое: оно создано уже наукою, путемъ общей концепціи существа самаго учрежденія. Въ источникахъ Московскаго періода мы не встрѣчаемъ этого термина,—его не приводитъ и Котошихинъ, современникъ царя Алексѣя, обстоятельно описавшій намъ государственное устройство своей эпохи. Въ источникахъ рѣдко встрѣчаемъ мы даже названіе *Дума*, да и то безъ прилагательнаго *боярская*,—а еще рѣже присоединялся къ этому термину эпитетъ *государевой* (1). Чаще всего понятіе Думы Боярской

---

(1) Изъ случаевъ послѣдняго рода укажемъ слѣдующій: Въ 1614 г. посылается польскимъ панамъ грамота «отъ бояръ и отъ окольничихъ и ото всее *Царскаго величества думы*». Собр. Гос. Гр. и Дог., III, № 24.

выражается въ источникахъ описательно, напримѣръ: „Бояре окольничіе и думные люди“, „всѣ бояре“, „поговоря съ бояры и думными людьми,“ „бояре приговорили“, „царь указалъ и бояре приговорили“, „царь съ бояры приговорилъ“, „взнести къ боярамъ“ и т. п. Часто также понятіе Думы Боярской выражалось словомъ *палата* (¹) и терминомъ *верхъ* (²); послѣднее слово обозначало вообще верхніе этажи царскихъ хоромъ, въ которыхъ помѣщались палаты торжественныхъ собраній, совѣтовъ и аудіенцій и жилые покои царскаго семейства. Въ отдѣльныхъ случаяхъ къ общему названію *палата* присоединялось наименованіе той именно изъ палатъ, въ которой имѣло въ данномъ случаѣ мѣсто засѣданіе Думы; такимъ образомъ для выраженія понятія Думы Боярской создавались для отдѣльныхъ случаевъ наименованія *Золотой Палаты*, *Золотой меньшой Палаты*, *Переходной Палаты*, *Столовой Палаты* (³). Въ тѣхъ случаяхъ, когда засѣданіе Думы имѣло мѣсто во внутреннихъ покояхъ государя, въ кабинетѣ его,—выражаясь языкомъ нашихъ дней,—тогда въ источникахъ для обозначенія понятія Думы Боярской употребляется выраженіе „*въ комнатѣ* (⁴)“.

Но, въ виду необходимости для науки имѣть твердоопредѣленные термины для выраженія тѣхъ или другихъ понятій и въ виду замѣчательной мѣткости и характерности названія Думы Боярской для выраженія понятія разсматриваемаго нами учрежденія, мы, сдѣлавъ вышеприведенную оговорку о условно-истрическомъ его характерѣ—будемъ также употреблять его въ дальнѣйшемъ изложеніи.

(¹) Уложеніе, гл. X, 2; П. С. З. № 838. Припомнимъ молитву возглашаемую въ эктеніѣ: «о всей *полатѣ* и воинствѣ ихъ Господу помолимся».

(²) П. С. З. №№ 582, 621; Акты Истор., II, №№ 63, 85 (I), 92 (IX); IV, № 26 (V); А. А. Э. II, № 64; Дворц. Разр. I, 140 и др.

(³) П. С. З. №№ 460, 461, 885; Др. Росс. Вивл., т. XX, 312; П. С. З. № 1491; А. А. Э. IV, № 240; Дворц. Разр. III, 1365; П. С. З. № 617; Дв. Разр. III, 1392; Др. Росс. Вивл. т. XVII, стр. 133.

(⁴) Напримѣръ: «Великіе Государи, сей докладной выписки слушавъ въ *комнатѣ*, указали и бояре приговорили . . .». См. П. С. З. № 965; Акты Арх. Экс. IV, №№ 278, 280, 287, 288, Акты Ист. V, № 226 и др.

Переходимъ къ расмотрѣнію *личнаго состава* Думы Боярской.

Въ предшествовавшей главѣ, говоря о ходѣ измѣненій, имѣвшихъ мѣсто въ организаціи княжеской думы паралельно съ успѣхомъ развитія Московскаго великаго княженія, замѣтили мы, что кругъ лицъ, пользующихся правомъ быть призываемыми въ Думу, постепенно стѣсняется и въ результатѣ вырабатывается сознаніе о соединенности званія думнаго совѣтника съ нахожденіемъ служилаго человѣка въ одномъ изъ двухъ высшихъ придворныхъ чиновъ—*боярина* и *окольничаго*. Съ конца третьей четверти XVI вѣка, какъ мы видѣли также, вводится въ Боярскую Думу новый разрядъ совѣтниковъ — *думные дворяне*, чинъ которыхъ становится третьимъ въ порядкѣ старшинства придворной лѣствицы чиновъ; мы видѣли и вліяніе, которое должно было имѣть введеніе въ Думу лицъ, облеченныхъ этимъ новымъ чиномъ, на общій характеръ этого учрежденія. Съ конца XVI вѣка появляется въ Думѣ Боярской новый разрядъ членовъ — *думные дьяки*. Чинъ думнаго дьяка сдѣлался четвертымъ въ служилой придворной іерархіи, непосредственно слѣдуя въ порядкѣ старшинства за чиномъ думнаго дворянина. Время учрежденія чина думнаго дьяка неизвѣстно; весьма вѣроятно, что оно восходитъ къ эпохѣ царствованія царя Іоанна IV. По крайней мѣрѣ въ 1588 году, какъ свидѣтельствуетъ Флетчеръ, уже было 4 думныхъ дьяка, входившихъ въ составъ Думы Боярской и вмѣстѣ съ тѣмъ находившихся во главѣ управленія четырьмя четвертями того времени—Разрядомъ (Вас. Щелкаловъ), Посольскимъ приказомъ (Андрей Щелкаловъ), Помѣстнымъ (Елизаръ Вылузгинъ) и Казанскимъ Дворцомъ (Дружина Петелинъ) (1). Имѣя въ виду это двоякое значеніе думныхъ дьяковъ, во первыхъ — какъ

(1) Giles Fletcher: La Russie au XVI siècle. (Leipzig et Paris, 1864). I, 93—94 и 109. Замѣтимъ, что Флетчеръ путаетъ должности Василія Щелкалова и еще одного думнаго дьяка—Сапуна Абрамова. Онъ говоритъ, что въ Разрядѣ засѣдаетъ Вас. Щелкаловъ, но должность его *теперь* отправляетъ нѣкто Сапунъ Абрамовъ. Дѣло оказывается въ томъ, что въ годъ его пребыванія въ Москвѣ произошло перемѣщеніе думныхъ дьяковъ: Василій Щелкаловъ переведенъ изъ Разряда въ Посольскій Приказъ, на мѣсто выбывшаго брата своего Андрея Щелкалова, а на мѣсто В. Щелкалова назначенъ думнымъ дьякомъ Разряда С. Абрамовъ (см.

членовъ засѣдающихъ въ Думѣ Боярской, а во вторыхъ — какъ первоприсутствующихъ четырехъ основныхъ приказовъ конца XVI вѣка, мы легко можемъ себѣ представить, какъ именно образовалась должность ихъ. Мы уже въ предшествующей главѣ замѣтили, что съ конца XV вѣка получаетъ особое значеніе классъ дьяковъ, которымъ поручается вѣданіе тѣхъ или другихъ вѣтвей современной администраціи, — откуда и возникло начало Московскихъ приказовъ. Съ развитіемъ приказной дѣятельности и съ окончательнымъ принятіемъ Боярскою Думою значенія высшей судебной и административной инстанціи — должно было возникнуть постоянное общеніе, постоянныя правильныя отношенія, между Думою и приказами. Дума должна была быть постоянно знакома съ направленіемъ дѣятельности приказовъ; послѣдніе въ свою очередь должны были быть знакомы съ направленіемъ господствующимъ въ Думѣ, для сообразованія съ нимъ собственной дѣятельности своей. Словомъ — должна была быть сознана потребность въ живой связи Думы съ приказами. Самымъ естественнымъ средствомъ удовлетворенія этой потребности могло быть соединеніе званія членовъ Думы Боярской съ званіемъ первоприсутствующихъ важнѣйшихъ приказовъ. И вотъ тѣмъ дьякамъ — первоприсутствующимъ приказовъ, которымъ присвоивалось государемъ право присутствія въ Думѣ Боярской, и давалось названіе *думныхъ дьяковъ*, обратившееся скоро въ четвертый по порядку старшинства придворный чинъ. Таково несомнѣнное происхожденіе думныхъ дьяковъ. Мы сейчасъ видѣли, что въ 1588 году званіе четырехъ думныхъ дьяковъ дѣйствительно соединялось съ званіями первоприсутствующихъ четырехъ основныхъ приказовъ. Но можно думать, что дьяки, вѣдавшіе первоначальные четвертные приказы, и раньше допускались къ участію въ засѣданіяхъ Думы Боярской; такъ еще въ 1547 году находимъ извѣстіе что на судѣ у царя сидѣли всѣ бояре, одинъ окольничій и *четыре дьяка* (1). Естественнымъ образомъ возникаетъ слѣ-

---

Разряды 1588 г. въ XVI т. Др. Росс. Вивл.), такъ что съ 1588 г. четырьмя думными дьяками являются слѣдующіе: Вас. Щелкаловъ (Посол. пр.), Сап. Абрамовъ (Разрядъ), Елиз. Вылузгинъ (Помѣстн. пр.) и Друж. Петелинъ (Казан. дворецъ). (См. А. И. II, № 7; Др. Рос. Вивл. XVI, 412; А. А. Э. II, стр. 42; А. И. I, № 133).

(1) Акты отн. до юрид. быта др. Россіи, I, стр. 214.

дующій вопросъ: были ли думные дьяки, въ качествѣ лицъ входящихъ въ составъ Думы Боярской, активными членами послѣдней, другими словами, предоставлялось ли имъ право голоса въ думныхъ засѣданіяхъ или они были исключительно лишь главно-завѣдующими думнымъ дѣлопроизводствомъ? Мы лично съ полнымъ убѣжденіемъ склоняемся къ первому предположенію, т. е. что думные дьяки были активными, имѣющими право голоса, членами присутствія Думы. И въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить что-бы думные дьяки, состоявшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и приказными судьями,—мы не видимъ примѣровъ думныхъ дьяковъ которые состояли бы исключительно при Думѣ, не будучи вмѣстѣ съ тѣмъ приказными судьями,—не имѣли права голоса въ засѣданіяхъ Думы Боярской, а были бы лишь простыми дѣлопроизводителями и исполнителями думныхъ рѣшеній. Въ запискѣ о царскомъ дворѣ и государственномъ устройствѣ, составленной въ 1610—1613 гг. для королевича Владислава, въ видахъ избранія его на Московскій престолъ, читаемъ мы: „Повинность бояромъ, и окольничимъ, и *дьякомъ думнымъ* быти всегда на Москвѣ, при Государѣ безотступно, и *засѣдать* въ Палатѣ, *думати* о всякихъ дѣлѣхъ, о чемъ государь раскажетъ" (1); здѣсь ясно говорится о думныхъ дьякахъ вовсе не какъ о завѣдующихъ думною канцеляріею— какъ обыкновенно понимаютъ значеніе ихъ въ Думѣ—а какъ объ активныхъ, имѣющихъ право голоса, членахъ Думы. Флетчеръ также, исчисливъ всѣхъ современныхъ ему думныхъ людей, а въ числѣ ихъ и четырехъ думныхъ дьяковъ,— замѣчаетъ про перечисленныхъ имъ лицъ: „.... всѣ они *члены* совѣта" (2). Наконецъ въ грамотахъ посылавшихся въ эпоху смутнаго времени отъ имени Боярской Думы, думные дьяки всегда исчисляются заурядъ съ высшими разрядами думныхъ людей, какъ активные члены Думы, и, въ качествѣ таковыхъ, прикладываютъ къ этимъ грамотамъ свои руки вмѣстѣ съ прочими думными людьми, а не просто закрѣпляютъ ихъ, какъ слѣдовало бы ожидать отъ лицъ

(1) Акты Историч., II, № 355.

(2) G. Fletcher: La Russie etc., I, 109.

исключительно завѣдующихъ дѣлопроизводствомъ (1). Активное участіе думныхъ дьяковъ въ засѣданіяхъ думы усматривается и изъ формы крестоприводныхъ записей для нихъ (2). Думные дьяки не могли быть исключительно завѣдующими дѣлопроизводствомъ и канцеляріею Думы (какъ называютъ ихъ многіе изслѣдователи, и въ томъ числѣ Неволинъ) уже и потому, что при Боярской Думѣ въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ не видимъ мы никакихъ слѣдовъ канцеляріи. Да въ ней, съ развитіемъ приказной администраціи, и не представлялось надобности: дѣла изъ приказовъ вносились въ Думу судьями послѣднихъ и самые доклады изготовлялись въ приказахъ, а не въ Думѣ; равнымъ образомъ и рѣшенія Думы сообщались къ исполненію въ тотъ или другой приказъ, къ вѣдомству котораго они относились. Слѣдовательно отсутствіе собственной канцеляріи въ Думѣ безъ всякаго ущерба восполнялось канцеляріями отдѣльныхъ приказовъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ Приказы стали назначаться, кромѣ дьяковъ, также и лица принадлежащія къ тремъ высшимъ разрядамъ думныхъ людей, и съ развѣтвленіемъ съ конца XVI вѣка самой системы приказовъ,—думные дьяки получаютъ значеніе приказныхъ судей не имѣющихъ одного изъ трехъ высшихъ чиновъ, дающихъ право на засѣданіе въ Думѣ, но которымъ предоставлено это право или въ виду отсутствія въ данномъ приказѣ судьи трехъ высшихъ чиновъ или, при наличности таковаго, въ уваженіе личныхъ достоинствъ лица: а каждый приказъ долженъ былъ имѣть хотя бы одного судью—думнаго человѣка, черезъ посредство котораго вносились бы въ Думу дѣла и поддерживалась съ нею органическая связь.

Посмотримъ теперь, какъ великъ былъ въ различныя эпохи наличный составъ Думы Боярской. При вступленіи на престолъ в. к. Ивана III наличный составъ Думы былъ весьма ограниченъ: въ ней числилось всего пять бояръ (изъ нихъ два дворецкихъ) и одинъ окольничій,—всего слѣдовательно шесть членовъ. Въ государствованіе Іоанна III этотъ составъ значительно усиливается медіатизованными родами,

---

(1) См. Акты Ист., II, №№ 321, 322. Собр. Гос. Гр. и Дог. II стр. 399, 405, 407.

(2) Др. Росс. Вивл., т. VIII (изд. 2), стр. 64, 94.

удѣльныхъ князей, такъ что при восшествіи на престолъ в. к. Василія Ивановича находимъ мы уже 13 бояръ, одного дворецкаго, одного казначея и 6 окольничихъ; но вмѣстѣ съ этимъ усиленіемъ личнаго состава Думы начинаетъ падать, какъ мы выше видѣли, самое значеніе этого учрежденія. При вступленіи на престолъ Іоанна IV (1533 г.) было 20 бояръ, одинъ казначей и одинъ окольничій.

При воцареніяхъ послѣдующихъ государей, личный составъ Думы выражается въ слѣдующихъ цифрахъ.

При воцареніи:

Ѳедора Ивановича—10 бояръ, 1 окольничій, 1 крайчій, 1 казначей и 8 думныхъ дворянъ.

Бориса Годунова — 18 бояръ, 8 окольничихъ, 3 думныхъ дворянъ.

Дмитрія Самозванца—18 бояръ, 10 окольничихъ, 2 думныхъ дворянина.

Василія Шуйскаго—29 бояръ, 14 окольничихъ, 4 думныхъ дворянъ.

Михаила Ѳеодоровича Романова—20 бояръ, 9 окольничихъ, 1 думный дворянинъ.

Алексѣя Михаиловича—13 бояръ, 4 окольничихъ, 1 казначей, 1 дум. дворянинъ.

Ѳедора Алексѣевича—23 боярина, 12 окольничихъ, 1 крайчій, 1 казначей, 1 постельничій, 21 думный дворянинъ, 6 думныхъ дьяковъ.

Іоанна и Петра Алексѣевичей—67 бояръ, 3 крайчихъ, 57 окольничихъ, 2 постельничихъ, 38 думныхъ дворянъ, 14 думныхъ дьяковъ.(¹)

Но само собою разумѣется, что исчисленный составъ Думы представляется идеальнымъ, представляющимъ собою лишь сумму лицъ, имѣющихъ по своему положенію *право* присутствовать въ Думѣ; *фактически же* лишь часть этихъ лицъ, и безъ сомнѣнія меньшая, принимала постоянное участіе въ засѣданіяхъ Думы. Другая часть служила внѣ Москвы, такъ какъ званіе члена Думы не обусловливало специальнаго вида службы, но обыкновенно соединялась съ другими видами службы, или въ самой Москвѣ, или внѣ ея.

(¹) См. въ XX т. Др. Росс. Вивл. «Послужные списки, и пр.», стр. 2, 12, 26, 59, 68, 74, 79, 87, 101, 126, 421.

въ Москвѣ думные люди назначались приказными судьями, что вносило живую органическую связь между Думою и отдѣльными приказами. Внѣ Москвы думные люди опредѣлялись воеводами по городамъ, отправлялись съ войсками въ походы, командировались на посольскіе съѣзды или назначались править посольства въ иноземныя государства.

Изъ приведеннаго исчисленія думныхъ людей въ различныя эпохи замѣчаемъ мы, что количество думныхъ дьяковъ указывается здѣсь лишь съ воцаренія Өедора Алексѣевича, когда оно было уже довольно значительно — именно равнялось шести. До восшествія на престолъ ц. Өеодора количество думныхъ дьяковъ не указывается въ послужныхъ спискахъ—быть можетъ потому, что до конца царствованія Алексѣя Михаиловича оно было ограничено извѣстнымъ maximum'омъ, именно количествомъ четырехъ, что служило продолженіемъ стариннаго воззрѣнія на думныхъ дьяковъ, какъ допущенныхъ въ Думу дьяковъ—завѣдующихъ четырмя основными четвертными приказами. Современникъ ц. Алексѣя, Григорій Котошихинъ, бывшій подъячій Посольскаго приказа, слѣдовательно человѣкъ близко знакомый съ приказною организаціею описываемой имъ эпохи (1660—1664 г.), пишетъ, что думныхъ дьяковъ бываетъ „три или четыре, а болши четырехъ не бываетъ (¹)"; и дѣйствительно, въ 1661 г. встрѣчаемъ мы только трехъ думныхъ дьяковъ: Сем. Заборовскаго (въ Разрядѣ), Алмаза Иванова (въ Посольскомъ и Новгородскомъ приказахъ) и Лар. Лопухина (въ Казанскомъ дворцѣ) (²). Въ восполненіе свѣдѣній о количествѣ думныхъ дьяковъ въ различныя эпохи предшествовавшія концу царствованія Алексѣя Михаиловича, т. е. той эпохи, когда изчезаетъ старинное представленіе объ ограниченіи количества думныхъ дьяковъ четырьмя, представлю собранныя мною свѣдѣнія о количествѣ думныхъ дьяковъ въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣковъ. Мы уже знакомы съ свидѣтельствомъ Флетчера о четырехъ думныхъ дьякахъ (Вас. Щелкаловъ, Андрей Щелкаловъ, Елиз. Вылузгинъ и Дружина Петелинъ) бывшихъ въ Россіи въ его время (1588 г.); замѣтимъ здѣсь, что свидѣтельство Флетчера съ матема-

(¹) Котошихинъ (изд. 2), стр. 19.

(²) Дворц. Разряды, III, 539; III, 538; Акты Ист., IV, № 157.

тической точностью подтверждается отечественными источниками ([1]). Въ томъ же 1588 г. Ан. Щелкаловъ выбылъ и четвертымъ думнымъ дьякомъ является Сапунъ Абрамовъ ([2]). Затѣмъ, въ годъ воцаренія Бориса Годунова (1598 г.), подъ утвежденною грамотою объ его избраніи подписались четыре-же думные дьяка: Елиз. Вылузгинъ, Сапунъ Абрамовъ, Иванъ Нармацкій, Аѳон. Власьевъ ([3]). Въ 1600 году нашли мы извѣстія о трехъ думныхъ дьякахъ: Елиз. Вылузгинъ (Помѣстн. пр.), Сапунъ Абрамовъ (Разряда) и Аѳан. Власьевъ (Казанск. Дв.) ([4]); неизвѣстно, оставался ли въ это время въ думныхъ дьякахъ Ив. Нармацкій. Въ 1606 г., при Самозванцѣ, упоминаются четыре думные дьяка: Иванъ Грамотинъ, Аѳон. Власьевъ, Андрей Ивановъ и Василій Ивановъ ([5]). Въ 1611 г., подъ граматами отъ Боярской Думы, подписывались четыре думные дьяки: Василій Яновъ, Василій Телепневъ, Иванъ Чичеринъ, Овдокимъ Витовтовъ ([6]). Въ 1613 г., подъ грамотою объ избраніи на царство Михаила Романова, подписался лишь одинъ думный дьякъ—Сыдавный Васильевъ,—но уже въ первые два года царствованія этого государя (1913—1914 гг.) встрѣчаемъ мы извѣстія о трехъ думныхъ дьякахъ: Сыдавномъ Васильевѣ (въ Разрядѣ), Петрѣ Третьяковѣ (въ Посол. Пр.) и Алексѣѣ Шапиловѣ (въ Казанск. Дворцѣ) ([7]); былъ ли вмѣстѣ съ ними и думный дьякъ помѣстный — объ этомъ не могли мы найти свѣдѣній. Въ 1637 году числилось три думныхъ дьяка: Иванъ Гавреневъ

([1]) Вас. Щелкаловъ думный дьякъ Разряда: Др. Росс. Вивл., т. XVI, 412, Доп. къ А. И. I, ст. 203; Ан. Щелкаловъ—Посол. Приказа: Доп. къ А. И. I, ст. 193 и 205; Ел. Вылузгинъ—Помѣстнаго Приказа: Симбирскій Сборникъ, Разрядовъ стр. 143; Др. Петелинъ—Казанскаго Дворца: Доп. къ А. И. I, № 157, А. И. I, № 133.

([2]) См. выше примѣч. къ стр. 41.

([3]) А. А. Э. II, стр. 42—43.

([4]) Симбирскій Сборн., Разрядовъ стр. 143; также, стр. 146; А. И. II, № 20 и 38.

([5]) Устряловъ: «Сказанія соврем. о Дмитріѣ Самозванцѣ», II, 202, 216, 224 и примѣчаніе 108.

([6]) Акты Ист. II, №№ 321, 322.

([7]) Собр. Гос. Гр. и Дос. III, № 18, Акты Ист. III, № 31; А. А. Э. III. № 21; Викторовъ: Описанія записныхъ книгъ и бумагъ дворцов. приказовъ, I, 84, Акты Ист. III, № 7.

(въ Разрядѣ), Θедоръ Лихачевъ (въ Посольскомъ пр. и Новгор. Четверти) и Михайло Даниловъ (въ Помѣст. Пр.); въ Казанскомъ Дворцѣ не было думнаго дьяка, такъ какъ его вѣдалъ бояринъ (кн. Бор. Мих. Лыковъ) [1]. Въ 1645 г.,— годъ воцаренія Алексѣя Михайловича,—состояло также три думныхъ дьяка: Иванъ Гавреневъ (по прежнему въ Разрядѣ), Мих. Волошениновъ (второй Разрядный думный дьякъ) и Григорій Львовъ (въ Посол. пр. и Новгор. четверти); въ Казанскомъ Дворцѣ первоприсутствовалъ бояринъ (кн. Ник. Ив. Одоевскій), а въ Помѣстномъ Приказѣ должность думнаго дьяка, послѣ выбытія Мих. Данилова, была въ этомъ году вакантна [2]. Въ 1658 году было четыре думныхъ дьяка: Сем. Ив. Заборовскій, Лар. Дм. Лопухинъ, Алмазъ Ивановъ и Дем. Мин. Башмаковъ [3]. Такимъ образомъ вполнѣ подтверждается историческими фактами свидѣтельство Котошихина о томъ, что думныхъ дьяковъ бывало трое или четверо, а болѣе четырехъ не бывало [4]. Но съ конца царствованія Алексѣя Михайловича теряетъ значеніе это историческое начало и исчезаетъ связь званія думныхъ дьяковъ съ должностями первоприсутствующихъ четырехъ основныхъ приказовъ; мы видимъ примѣры появленія думныхъ дьяковъ и въ другихъ приказахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое увеличеніе количества ихъ—которое доходитъ при воцареніи Θеодора Алексѣевича до 6, а при воцареніи Іоанна и Петра Алексѣевичей—до 14.

---

(1) Дворц. Разр. II, 500 и 619, также, II, 483 и Дум. къ А. И. II, № 56; Архива Минист. Юстиціи Записн. книги Московскаго Стола № 4, листы 1—3; Акты Ист. III, № 184 и Дворц. Разр. II, 571.

(2) Дворц. Разр. III, 13 и 33; Дворц. Разр. II, 750 и Акты Ист. IV, № 6 (I); Дворц. Разр. II, 730 и Записная кн. Моск. Стола (Архива Мин. Юстиціи) № 6, л. л. 1—3; Акты Истор. III, № 240. Въ Помѣстномъ Приказѣ думн. дь. Мих. Даниловъ былъ еще въ 1640 г., а въ 1646 назначенъ думнымъ дьякомъ Θедоръ Елизаровъ (Зап. кн. Моск. ст. № 5; Акты Ист. III. № 232 и Дворц. Разр. III, 34).

(3) Списки боярскіе, хранящ. въ Архивѣ Мин. Юстиціи, кн. 5 (1658 г.), листъ 23 обор.

(4) Впрочемъ думный дьякъ получавшій званіе *печатника* исключался изъ общей нормы четырехъ думныхъ дьяковъ и въ Посольскомъ приказѣ все таки, и помимо его, сидѣлъ думный дьякъ. См. Ак. Ист., II. №№ 321, 322.

Маржеретъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, будто число думныхъ дворянъ также ограничивалось извѣстнымъ количествомъ,—именно говоритъ, что ихъ не бывало болѣе шести человѣкъ (¹); но свидѣтельство его не вполнѣ подтверждается историческими фактами: мы видѣли, что при вступленіи на престолъ Ѳедора Іоанновича количество думныхъ дворянъ доходило до восьми, хотя въ послѣдующее время, до воцаренія Іоанна и Петра Алексѣевичей, количество ихъ дѣйствительно не превышало шести человѣкъ.

Какъ члены Думы Боярской—бояре и окольничіе противопоставлялись думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ; послѣднимъ двумъ разрядамъ членовъ присвоивалось наименованіе *думныхъ людей* по преимуществу. Такимъ образомъ въ источникахъ, когда имѣется въ виду исчислить составъ лицъ, образующихъ Думу или, вообще, дѣлается исчисленіе служилыхъ людей различныхъ чиновъ—обыкновеннымъ является употребленіе выраженія: „бояре, окольничіе *и думные люди*" (²). Съ другой стороны замѣчается расширеніе выраженія *бояре* для обозначенія имъ всѣхъ вообще разрядовъ членовъ Думы; въ такомъ смыслѣ должны быть понимаемы обычныя формулы „бояре приговорили", „говоря съ своими Государевыми бояры" и т. п., въ которыхъ не исчисляются въ отдѣльности различные разряды думныхъ членовъ (³).

Кромѣ дѣленія всѣхъ вообще членовъ Думы по придворнымъ чинамъ, которыми они облечены, т. е. на бояръ, окольничихъ и думныхъ людей въ тѣсномъ смыслѣ слова—думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ—члены Думы пер-

---

(¹) Устряловъ: Сказанія современ. о Дмитріѣ Самозванцѣ, I. 281.

(²) Наприм. Дворц. Разр. II, 100, 141, 150, 204, 208, 213; III, 379; А. А. Э. IV, № 59; Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, стр. 403 и в. мн. др. случаи.

(³) Замѣчательный образецъ расширенія понятія *бояръ* въ смыслѣ *всѣхъ* членовъ Думы видимъ у Котошихина: «А бываютъ съ тѣми послами *въ отвѣтѣхъ бояре*: одинъ бояринъ изъ первые статьи родовъ, третей или четвертой человѣкъ; другой менши того той же статьи родовъ, или другой; да *окольничей*, или два, *да думной посольской діакъ*. Или нѣсколькими строками выше: «.... и царь посылаетъ къ посламъ *изъ нихъ же отвѣтныхъ бояръ* думнаго *дьяка*» (Котошихинъ, гл. V, ст. 4—5)

выхъ двухъ чиновъ, бояре и окольничіе, различались также по степени знатности ихъ родовъ—по чести—и по степени близости ихъ къ особѣ государя. Въ первомъ отношеніи различались бояре и окольничіе родовъ *большихъ* и *меньшихъ статей*; принадлежность боярина или окольничаго по своему роду къ большей или меньшей статьѣ играла особенно важную роль при назначеніи ихъ въ чужія края послами, причемъ назначеніе послами представителей болѣе знатныхъ родовъ служило выраженіемъ уваженія къ тому государству, въ которое они отправлялись (1). Основаніемъ указаннаго различенія бояръ и окольничихъ по статьямъ служило начало, по которому роды болѣе знатнаго происхожденія съ большею легкостью достигали высшихъ придворныхъ чиновъ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи всѣ роды Московской служилой аристократіи могутъ быть сгруппированы въ три категоріи: одни роды проходили службу исключительно только въ боярахъ, другіе роды проходили службы какъ въ чинахъ боярина, такъ и въ чинахъ окольничаго, но не спускаясь ниже этихъ чиновъ, наконецъ третьи роды служили только въ окольничихъ и думныхъ дворянахъ, не достигая боярства (2). Такимъ образомъ бояринъ изъ рода относящагося къ первой категоріи—долженъ быть отнесенъ къ большей статьѣ; бояринъ-же изъ рода относящагося ко второй категоріи—къ меньшей статьѣ. Точно также окольничій, который по породѣ своей могъ дослужиться до боярства—относится къ числу окольничихъ большей статьи; окольничій же, достигшій этимъ чиномъ вершины карьеры своей и который по своей породѣ не можетъ достигнуть боярства—есть окольничій меньшей статьи (3). Во второмъ отношеніи, т. е. по степени близости ихъ къ особѣ государя, нѣкоторые бояре и окольничіе выдѣлялись изъ среды собратій своихъ въ качествѣ *комнатныхъ* или *ближнихъ*. Котошихинъ связываетъ понятіе комнатнаго или ближняго боярина и окольничаго съ прохожденіемъ лицемъ службы, до полученія одного изъ выс-

---

(1) Котошихинъ, гл. IV, ст. 1—3.

(2) Котошихинъ, гл. II, ст. 1—3. Сравни въ моемъ изслѣдованіи: «Очерки орган. и происх. служил. сословія въ до-Петровской Руси (Каз. 1876 г.) стр. 179—185.

(3) Котошихинъ, гл. IV, ст. 1—3.

шихъ чиновъ, въ должности спальника, которая, уже по самому существу своему, сближала облеченнаго ею человѣка съ особою государя. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что въ спальники, по выбору царя, опредѣлялись лишь дѣти бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, „а иные въ такой чинъ добиваются и не могутъ до того прійти". И вотъ съ теченіемъ времени спальники сказывались, принадлежащіе къ большимъ родамъ — въ бояре, принадлежащіе къ меньшимъ родамъ — въ окольничіе, „кого чѣмъ царь пожалуетъ, по своему разсмотрѣнію, и называютъ ихъ комнатный бояринъ или окольничей, а въ посольственныхъ письмахъ пишутъ ближними бояры и окольничими, потому что *отъ близости* пожалованы" (1).

Здѣсь умѣстнымъ считаемъ мы указать неосновательность мнѣнія, существующаго въ литературѣ, о преобразованіяхъ, будто-бы произведенныхъ Дмитріемъ Самозванцемъ въ личномъ составѣ Думы Боярской. Карамзинъ, а за нимъ и Троцинъ, утверждаютъ, будто Самозванецъ переименовалъ всѣхъ думныхъ людей въ *сенаторы*, увеличилъ число ихъ до 70 человѣкъ, введя въ составъ Думы патріарха, четырехъ митрополитовъ, семь архіенисковъ и трехъ епископовъ (2). Мнѣніе о *преобразованіи* Думы Самозванцемъ не находитъ себѣ никакаго оправданія. Основаніемъ его послужила польская записка о лицахъ духовнаго и свѣтскаго состоянія, составлявшихъ „совѣтъ Его Цесарской милости", составленная секретаремъ Самозванца Яномъ Бучинскимъ (3). На оборотѣ ея надписано „Ordo senatorum Moskiewskich", — и въ этой то надписи лежитъ корень ошибочнаго мнѣнія. Второе основаніе его — наименованіе Беромъ (Конрадъ Буссовъ) членовъ Думы сенаторами (4). Врядъ-ли нужно доказывать, что наименованіе полякомъ, вдобавокъ на странной смѣси латинскаго и польскаго языковъ, русскихъ думныхъ людей — сенаторами, да такое же наименованіе ихъ иностранцемъ, безъ наличности какихъ либо другихъ дока-

---

(1) Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

(2) Карамзинъ: Ист. Гос. Росс., т. 11, стр. 208 (изд. 1853 г.); Троцинъ: Исторія судебн. учрежденій въ Россіи, стр. 60.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 93.

(4) Устряловъ; Сказ. соврем. о Дм. Сам., I, 49.

зательствъ—вовсе не служитъ доводомъ въ пользу переименованія русскихъ думныхъ людей сенаторами; если мы будемъ основываться на тѣхъ терминахъ, которыми окрещивали иноземцы древнія русскія учрежденія и должности—то рискуемъ дойти до крайне фантастическихъ результатовъ. Сейчасъ убѣдимся мы, что не воспослѣдовало даже никакого увеличенія личнаго состава Думы. Высшіе представители русской церковной іерархіи призываемы были во многихъ случаяхъ къ участію въ думныхъ совѣщаніяхъ, какъ скоро увидимъ мы, и до и послѣ Самозванца,—слѣдовательно обозначеніе въ запискѣ Бучинскаго, въ числѣ совѣтниковъ царскихъ,—пятьнадцати высшихъ церковныхъ іерарховъ, не можетъ считаться указаніемъ нововведеній Самозванца, тѣмъ болѣе что въ самой запискѣ духовные совѣтники исчислены подъ рубрикою „Совѣта духовныхъ" (Rada ducgowna), свѣтскіе—подъ рубрикою „Совѣта свѣтскихъ" (Rada swiecka); слѣдовательно ясно указывается различіе совѣтовъ духовнаго и свѣтскаго (т. е. Освященнаго Собора и Думы)—внѣшнимъ образомъ соединяемыхъ лишь для извѣстныхъ дѣлъ. А что участіе въ царскомъ совѣтѣ духовныхъ особъ не было постояннымъ—это выясняется, во первыхъ тѣмъ, что немыслимо, что бы наприм. митрополитъ Казанскій или Новгородскій, или архіепископы Смоленскій или Астраханскій, или епископъ Корельскій—могли быть членами обыкновенной, повседневной Думы, а во вторыхъ и тѣмъ, что мы имѣемъ примѣръ *боярскаго* приговора въ царствованіе Самозванца, изложеннаго по обычной формѣ думныхъ рѣшеній, въ которомъ, какъ и во всѣхъ актахъ его правленія, ни слова не говорится ни о *сенаторахъ*, ни о постоянныхъ духовныхъ членахъ Думы [1]. Что касается исчисленныхъ въ запискѣ свѣтскихъ членовъ *сената* Самозванца (31 боярина, 16 окольничихъ и 6 думныхъ дворянъ), то общее число ихъ, сравненное съ числомъ думныхъ людей всѣхъ трехъ разрядовъ при царяхъ Василіѣ Шуйскомъ и Михаилѣ Ѳеодоровичѣ—также не укажетъ на искуственное усиленіе личнаго состава Думы. Такимъ образомъ, при всемъ уваженіи къ памяти Н. М. Карамзина, оказывается невозможнымъ согласиться съ его замѣчаніемъ о преобразовані-

---

[1] **Акты Истор., II, № 63.**

яхъ сдѣланныхъ будто бы въ Думѣ при Самозванцѣ: организація Думы оставалась неизмѣнною въ его кратковременное царствованіе.

Пожалованіе думными чинами, какъ и пожалованіе во всѣ чины и должности вообще, носило техническое названіе *„сказки чина“* и вполнѣ зависѣло, какъ и дальнѣйшее повышеніе думными чинами—отъ непосредственнаго усмотрѣнія государя: „А кому, говоритъ Котошихинъ, царь похочетъ вновь дати боярство, и окольничество и думное дворянство . . . . и такимъ даетъ честь и службу, по своему разсмотрѣнію, кто въ какой чинъ и честь годенъ“. Нѣсколько выше имѣли мы уже случай замѣтить, что существовала извѣстная связь между родовитостью лица, „его породою“, и большею или меньшею легкостью съ какою удавалось ему достигать высшихъ придворныхъ чиновъ. Такъ, существовали именитые роды (до 31), которые во все теченіе Московскаго періода бывали въ боярствѣ; существовали роды (до 71) которые достигали окольничества, но для которыхъ недостижима была боярская честь; наконецъ остальной массѣ служилыхъ родовъ никогда не удавалось достигать даже окольничьей чести [1]. Нѣкоторые роды проходили службу исключительно лишь въ боярскомъ чинѣ, которое представлялось для нихъ какъ-бы наслѣдственнымъ [2]; слѣдовательно наслѣдственный характеръ принимало для нихъ и самое право засѣданія въ Думѣ Боярской. Въ этомъ, до извѣстной степени аристократическомъ характерѣ высшихъ чиновъ боярина и окольничаго проявляется начало, которое успѣла отвоевать себѣ русская служилая аристократія въ XVI вѣкѣ, въ эпоху борьбы ея съ развивающимся самодержавіемъ, уступивъ послѣднему въ своихъ стремленіяхъ ограничить его собственнымъ значеніемъ своимъ. Самъ Грозный царь счелъ себя безсильнымъ открыто демократизировать аристократическій характеръ этихъ высшихъ чиновъ и, желая

---

(1) См. мое изслѣдованіе: «Очерки орган. и происх. служ. сосл. и пр.», стр, 182.

(2) Котошихинъ, гл. II, ст. 1. См. также въ моемъ изслѣд.: «Очерки орган. и происх. служилаго сословія и пр.» выводы на стр. 149 и 152—153, изъ которыхъ выясняется, что главный контингентъ этихъ родовъ дали потомки удѣльныхъ князей—Рюриковичей.

умѣрить его въ Думѣ своей, долженъ былъ искать выходъ въ учрежденіи чина думнаго дворянина; вынужденными уважать его видѣли себя и государи послѣдующаго времени, пока не сокрушила его табель о рангахъ Петра I.

Въ Московскомъ государствѣ не было твердо опредѣленнаго іерархическаго порядка перехода, въ постепенности прохожденія службы, изъ низшаго служилаго чина въ высшій,—что вполнѣ вѣрно и по отношенію къ сказыванію въ думные чины. Все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія царя и родовитости служилаго человѣка.

Разсматривая отдѣльные случаи сказыванія думныхъ чиновъ, мы увидимъ, что идеально-нормальнымъ путемъ пожалованія боярства было производство въ этотъ чинъ изъ чина окольничаго ([1]); но въ отдѣльныхъ случаяхъ находимъ мы примѣры производства въ бояре, минуя промежуточные чины, изъ стольниковъ ([2]) и даже изъ дворянъ ([3]),—что имѣло впрочемъ мѣсто лишь по отношенію къ наиболѣе родовитымъ служилымъ людямъ, къ молодымъ людямъ принадлежащимъ къ сливкамъ Московской аристократіи, предки которыхъ постоянно служили въ боярахъ и для которыхъ чинъ стольника или дворянина служилъ лишь временною подготовкою къ служилой карьерѣ. Изъ чина думнаго дворянина не бывало непосредственнаго производства въ бояре,—да и вообще достиженіе думнымъ дворяниномъ боярства, хотя бы и съ прохожденіемъ промежуточнаго чина окольничаго, составляло явленіе крайне рѣдкое и обусловливалось лишь особымъ желаніемъ государя выдвинуть своего любимца. Къ такимъ рѣдкимъ примѣрамъ относятся карьеры Аѳ. Лавр. Ордынъ-Нащокина и Кир. Пол. Нарышкина. Первый сказанъ въ 1658 г. думнымъ дворяниномъ, въ 1665 г., окольничимъ, а въ 1672 г. постригся уже будучи бояриномъ ([4]); второй сказанъ въ думные дворяне въ 1671 г., въ окольничіе въ 1672 г.—и является уже бояриномъ въ 1673 году ([5]).

([1]) Дворц. Разр. I, 507, 508; II, 365; III, 15, 87, 116, 225, 347, 897. 1070.

([2]) Дворц. Разр. I, 506; II, 365; III, 78, 897.

([3]) Дворц. Разр. I, 651—652; II, 360; III, 13, 33, 459.

([4]) Др. Рос. Вивл. XX. (послужной списокъ), стр. 113, 118, 124.

([5]) Древ. Рос. Вивл., т. XX (Послужной списокъ), стр. 123 и 125

Въ окольничіе производились, какъ указываютъ имѣющіеся примѣры, изъ чина думнаго дворянина (¹), а также — что опять таки относится къ болѣе или менѣе именитымъ родамъ или къ представителямъ родовъ находящихся въ случаѣ — и непосредственно изъ стольниковъ (²) и дворянъ (³).

Производство въ чинъ думнаго дворянина, что естественно вытекаетъ уже изъ самаго историческаго значенія его — не было стѣсняемо уже никакими іерархическими соображеніями. Этотъ думный чинъ носитъ характеръ вполнѣ демократическій, доступъ въ который обусловливается единственно волею государя и соображеніями личныхъ достоинствъ лица; мы въ этомъ можемъ вполнѣ убѣдиться, просматривая фамиліи думныхъ дворянъ въ „Послужномъ спискѣ“ напечатанномъ въ XX томѣ Древн. Росс. Вивліоѳики. Чинъ этотъ служилъ между прочимъ промежуточною ступенью для достиженія окольничества думными дьяками — хотя безъ сомнѣнія и въ рѣдкихъ случаяхъ: мы нашли лишь два подобные примѣра, относящихся къ служебнымъ поприщамъ окольничихъ Ив. Аѳ. Гавренева и Ѳед. Кузм. Елизарова. Первый изъ этихъ лицъ, бывшій въ 1632 г. думнымъ разряднымъ дьякомъ, является въ 1653 г. думнымъ дворяниномъ, а въ 1658 г. — окольничимъ (⁴). Карьера втораго еще замѣчательнѣе: простой дьякъ Помѣстнаго Приказа въ 1644 году, въ послѣдующее время является онъ въ томъ же приказѣ, въ 1646 г. — думнымъ дьякомъ, въ 1652 г. — думнымъ дворяниномъ, а въ 1659 г. — уже окольничимъ (⁵). Примѣръ производства думнаго дьяка въ думные дворяне представляетъ намъ Ѳед. Ѳед. Лихачевъ, произведенный въ этотъ чинъ въ 1644 году (⁶), и Лар. Дм. Лопухинъ, въ 1647 г. простой дьякъ Казанскаго Дворца, въ 1651 году — думный дьякъ, а въ 1668 году — думный дворянинъ въ томъ же приказѣ (⁷).

(¹) Дворц. Разр. III. 459—460, 460, 976—977.
(²) Дворц. Разр. III, 33, 74, 86, 110, 116, 460.
(³) Дворц. Разр. II, 360; III, 33, 74, 87, 145, 225, 226.
(⁴) Дворц. Разр. II, 264; III, 343 и 493.
(⁵) Акты Ист. III, № 232; Дворц. Разр. III, 34; А. А. Э. IV, № 61; Архива Мин. Юстиціи Записная кн. Моск. стола № 10, л. л. 3—5.
(⁶) Дворц. Разр. II, 441.
(⁷) Акты Ист. IV, № 20; Дворц. Разр. III, 236 и 839.

Думные дьяки сказывались, по свидѣтельству Котошихина, изъ дворянъ, гостей и подъячихъ (1); но нормальнымъ способомъ производства въ этотъ чинъ служило сказываніе въ него приказныхъ дьяковъ. Мы имѣемъ подъ руками большое количество случаевъ сказыванія рядовыхъ (2) дьяковъ думными; такъ изъ рядовыхъ дьяковъ сказаны въ думные дьяки: Ал. Шапиловъ (3), Лар. Лопухинъ (4), Аѳ. Зыковъ (5), Мих. Даниловъ (6), Вас. Семеновъ (7), Перф. Оловенниковъ (8), Алмазъ Ивановъ (9) и мн. др. Нѣкоторые думные дьяки доходили до этого чина даже изъ приказныхъ подъячихъ, будучи повышены въ рядовые дьяки, затѣмъ сказаны и въ думные (10). Мы имѣемъ также случай сказанія въ чинъ думнаго дьяка гостя (11).

Кромѣ занесенія въ записныя разрядныя книги—пожалованіе думныхъ чиновъ не выражалось ни въ какомъ письменномъ документѣ и совершалось словесно—„сказывалось",—на что имѣемъ мы прямое указаніе Котошихина, свидѣтельствующаго, что царь „грамотъ и гербовъ на дворянства и на боярства никому не даетъ" (12).

---

(1) Котошихинъ, гл. II, ст. 4.

(2) Термины *дьякъ рядовой* и *дьякъ думный* встрѣчаются въ источникахъ. См. Дворц. Разр. I, 575.

(3) А. А. Э. II., № 75 и Акты Ист. III, № 7.

(4) Дворц. Разр. Ш, 236.

(5) Дворц. Разр. Ш, 839 и Доп. къ А. Ист. VП, № 29.

(6) Дворц. Разр. II., 470.

(7) Дворц. Разр. III, 1208 и Доп. къ А. Ист. VП, № 50.

(8) Дворц. Разр. IV, 675.

(9) Дворц. Разр. III, 369.

(10) Такъ наприм. Ем. Игн. Украинцевъ,—въ 1673 г. подъячій Посольскаго Приказа (Доп. къ А. Ист. VI, № 35), въ 1675 г. дьякъ (Дворц. Разр. III. 1358), а въ 1689 г. думный дьякъ того же Приказа (Дворц. Разр. IV, 492).

(11) Замысловскій: Царствованіе Ѳед. Алек-ча, I, 012 (именно, въ 1677 г. назначенъ думнымъ дьякомъ въ Новгородскій приказъ гостя Ав. Ст. Кириловъ). Акты Ист. V, № 20.

(12) Котошихинъ, гл. II, ст. 13.

Котошихинъ передаетъ, будто сказаніе въ думные чины пріурочивалось къ извѣстнымъ праздникамъ и торжественнымъ днямъ: „А жалуетъ царь въ бояре и во окольничіе и въ думные люди, хотя которого и на Москвѣ не бываетъ, въ новое лѣто сентября въ 1 день, на Свѣтлое Христово Воскресеніе, на день рожденія празднества его“ (¹). Свидѣтельство Котошихина является въ данномъ случаѣ не вполнѣ достовѣрнымъ. Мы дѣйствительно видимъ въ источникахъ случаи пожалованія думныхъ чиновъ въ указанные Котошихинымъ дни, но сверхъ того находимъ примѣры пожалованія ихъ какъ и въ другіе праздничные дни (наприм. Богоявленіе, Успеніе, памяти св. Московск. Чудотворцевъ, Покровъ, Срѣтеніе, Рождество, имянины царицъ и царевенъ (²), такъ и въ дни обыкновенные, непраздничные (³).

Сказываніе въ думные чины обставлялось извѣстною обрядностью, которая была тѣмъ болѣе торжественна, чѣмъ высшій чинъ сказывался и чѣмъ родовитѣе было лице имъ жалуемое. Есть основаніе полагать, что сказываніе думныхъ чиновъ имѣло мѣсто въ царскомъ дворцѣ; мы по крайней мѣрѣ имѣемъ примѣръ сказанія боярства въ Столовой избѣ и примѣръ сказанія чина думнаго дворянина въ Передней избѣ (⁴). Сказываніе чиновъ боярина и окольничаго совершалось въ большинствѣ случаевъ при участіи двухъ лицъ: одно *стояло*, т. е. просто присутствовало при „сказкѣ“ чина, второе-же *сказывало*, т. е. объявляло о пожалованіи чина (⁵). Стоять при сказкѣ назначалось лице, облеченное однимъ изъ трехъ высшихъ думныхъ чиновъ; самая же сказка возлагалась на одного изъ думныхъ дьяковъ (обыкновенно разряднаго, хотя возлагалась и на другихъ (⁶). Общимъ

(¹) Котошихинъ, го. II, ст. 5.

(²) Дворц. Разр., I, 410, 532; II, 108, 129, 294, 354, 360, 365, 456, 656; III, 77, 87 110; 113, 145 и др.

(³) Дворц. Разр. I, 438; II, 470, 673; III, 15, 34, 379, 459, 897, 1070.

(⁴) Дворц. Разр. I, 651—652; II, 731.

(⁵) Напримѣръ; ... «пожаловалъ Государь изъ стольниковъ въ бояре Ив. Вас. Морозова; а у сказки стоялъ окольничій М. М. Салтыковъ, а сказывалъ думной разрядной дьякъ Ив. Гавреневъ». Дв. Разр. II, 365.

(⁶) Напр. Дворц. Разр. III, 116, 347, 976—977, 1070, Доп. къ II, 225.

правиломъ было при этомъ то, что лице высшаго чина никогда не назначалось стоять при сказкѣ чина низшаго; такъ бояринъ не могъ быть назначенъ стоять при сказкѣ окольничества.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ сказываній думныхъ чиновъ видимъ мы слѣдующія комбинаціи: при сказкѣ боярства думнымъ дьякомъ стоитъ бояринъ, окольничій или думный дворянинъ (¹); при сказкѣ окольничества — окольничій или думный дворянинъ (²); сравнительно рѣдко встрѣчаемъ сказку боярства однимъ бояриномъ или окольничимъ (³), и сказку окольничества однимъ окольничимъ, думнымъ дворяниномъ или думнымъ дьякомъ (⁴), безъ назначенія особаго ассистента для присутствія при актѣ сказанія. Выборъ лица назначаемаго „стоять у сказки", какъ легко усматривается изъ отдѣльныхъ случаевъ сказокъ, всегда строго сообразовывался съ честью лица сказываемаго,—отсюда разнообразіе чиновъ назначаемыхъ присутствовать при сказкѣ того или другого думнаго чина. Назначеніе извѣстнаго лица сказывать думный чинъ другому лицу—нерѣдко давало поводъ къ вчинанію мѣстническаго спора (⁵), такъ что въ 1622 году состоялся царскій приговоръ о томъ, что не должно считаться порухою отечества, если лице болѣе родовитое будетъ назначено къ сказкѣ боярства или окольничества лицу меньшему себя по отечеству,—что не прекратило впрочемъ этого вида мѣстничества (⁶). Существуютъ основанія, дающія право думать, что на обязанность лица назначеннаго „стоять у сказки", возлагалось „объявленіе", т. е. представленіе государю сказываемаго, въ томъ случаѣ конечно, если сказка происходила въ присутствіи царя (⁷). При ска-

(¹) Дворц. Разр. II, 360; III, 13, 78, 225, 897. Id., II, 365; III, 15, 33, 87. 116, 459. Id., III, 347, 897, 1070.

(²) Дворц. Разр., II, 129: III, 74, 116, 379. Id., III, 33, 74, 976—977.

(³) Дворц. Разр. I, 438; II, 455.

(⁴) Дворц. Разр. I, 410; II, 108, 294, 360; III, 74, 145, 460.

(⁵) Наприм. Дворц. Разр. II, 456; III, 74.

(⁶) Дворц. Разр. I, 506; II, 456; III, 74.

(⁷) «.. а у сказки стоялъ и великому Государю объявлялъ думной дворянинъ Аѳ. Ив. Нестеровъ». Дворц. Разр. III, 977, 1070.

званіи чиновъ думнаго дворянина и думнаго дьяка не назначалось особаго ассистента „у сказки“; думное дворянство всегда сказывалось однимъ думнымъ разряднымъ дьякомъ (¹), а думное дьячество — рядовымъ дьякомъ соотвѣтствующаго приказа (²).

Въ силу соображеній родовой чести, бывали случаи недовольства думнымъ чиномъ со стороны лица пожалованнаго имъ. Такъ, 30 марта 1651 года былъ пожалованъ изъ дворянъ въ окольничіе Петръ Петровичъ Головинъ, и окольничество долженъ былъ сказать ему разрядный думный дьякъ Семенъ Заборовскій. Но Головинъ билъ челомъ Государю, что „въ окольничихъ въ его пору нѣтъ“ и что отецъ его былъ при покойномъ Государѣ въ боярахъ,—за что и былъ посланъ въ тюрьму, не будучи произведенъ и въ окольничіе, а черезъ день былъ ему сказанъ на Постельномъ крыльцѣ указъ о написаніи его въ наказаніе по Московскому списку,—„что впредь ни въ какой чести ему у Государя не быть“. На слѣдующій годъ Головинъ былъ все таки произведенъ въ окольничіе, но прежнее недовольство царскою милостью отозвалось для него въ двухъ отношеніяхъ: у сказки сдѣланъ былъ ему выговоръ за непринятіе въ минувшемъ году окольничества, а самое окольничество сказано ему уже не думнымъ, а рядовымъ дворцовымъ дьякомъ (³). Въ томъ случаѣ, когда лице пожалованное думнымъ чиномъ служило внѣ Москвы—по мѣсту служенія отправлялась къ нему царская грамота съ извѣщеніемъ о воспослѣдовавшей милости. Такъ въ 1658 г. подобная грамота послана была Аѳ. Лавр. Ордыну Нащокину, бывшему въ то время Щацкимъ воеводою, въ которой, по исчисленіи всѣхъ какъ нравственныхъ, такъ и служебныхъ достоинствъ его, — объявлялось ему думное дворянство; грамота эта отпущена изъ приказа Тайныхъ дѣлъ (⁴).

(¹) Дворц. Разр. II, 380, 488, 656, 731. 741; III. 47 и др.

(²) Дворц. Разр. II, 294, 470, 711, 743; III, 34, 113, 369, 597. Отмѣтимъ здѣсь выраженіе «*сказать думу*»—равносильное выраженію «сказать чинъ думнаго дьяка», Дворц. Разр., III, 34.

(³) Дворц. Разр. III, 226, 228. 322.

(⁴) Акты Ист., IV, № 118.

Лице пожалованное думнымъ чиномъ—если оно не служило внѣ Москвы или не получало вновь назначенія въ полкъ или въ городъ—обязано было жительствовать въ столицѣ и не могло безъ царскаго указа отлучаться отсюда. Если-же такому лицу встрѣчалась надобность отъѣхать въ деревни свои и вообще отлучиться изъ столицы—оно било государю челомъ объ отпускѣ,—„и царь ихъ отпущаетъ съ срокомъ, а безъ отпуску изъ бояръ, и изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей . . . . съ Москвы съѣхать не смѣетъ никто, ни на одинъ день (¹).

Вѣрность службы думныхъ чиновъ гарантировалась крестнымъ цѣлованіемъ, присягою, дававшеюся ими по особо составленнымъ съ этою цѣлью формальнымъ записямъ. Хотя мы и не имѣемъ на то прямыхъ указаній, но тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что присяга бралась непосредственно за пожалованіемъ думнымъ чиномъ, такъ какъ прежняя присяга, данная при вступленіи государя на престолъ (присяга вѣроподанническая) или присяга данная при вступленіи въ службу въ недумный чинъ—не могла теперь считаться продолжающею свою силу: съ пожалованіемъ думнаго чина, служилый человѣкъ вступалъ въ новое отношеніе къ царю, принималъ на себя новыя обязанности, которыя до сихъ поръ не были его удѣломъ. Намъ извѣстны три дошедшія до нашего времени общія формы крестоцѣловальныхъ записей на вѣрность службы вообще и на вѣрность думной службы въ частности, относящіяся по времени къ 1626, 1637 и 1653 годамъ; всѣ эти три формы не представляютъ въ себѣ существенныхъ различій (²). Во всѣхъ трехъ формахъ во главѣ стоитъ общая запись на вѣрность службы вообще, а затѣмъ слѣдуютъ особыя, спеціальныя приписи для тѣхъ или другихъ чиновъ,—и въ томъ числѣ „припись бояромъ, окольничимъ и думнымъ людемъ“ и особая „припись думнымъ дьякамъ“; эти то приписи и соста-

---

(¹) Котошихинъ, гл. II, ст. 18.

(²) Первая напечатана въ Древн. Рос. Вивл., т. VIII (втораго изд.), стр. 60—83; вторая находится на л. л. 13 и сл. Записной книги № 3 Моск. стола Разряда, хранящейся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи; третья напечатана въ VIII т. Др. Рос. Вивл. (стр. 83 и сл.) и въ П. С. Зак., № 114.

вляли содержаніе присяги, по отношенію къ лицамъ давшимъ уже общую присягу, при пожалованіи думными чинами. По этимъ спеціальнымъ приписямъ, бояре, окольничіе и думные люди цѣлуютъ крестъ на томъ, что имъ государю „служити и прямити во всемъ и государскія *думы и* боярскаго *приговору* до государева указа *никому не проносить* и не сказывати, и всякія государевы и земскія дѣла дѣлати, и ихъ государевымъ землямъ всякаго добра хотѣти безо всякія хитрости, и *самовольствомъ* безъ государева вѣдома и мимо правды никакихъ дѣлъ *не дѣлати*". Въ припискѣ для думныхъ дьяковъ читаемъ: „А что велѣлъ государь . . . быти у себя государя въ Думѣ, и мнѣ будучи у государева дѣла . . . . служити и прямити и добра хотѣти во всемъ въ правду, и государскія думы и боярскаго приговору и государскихъ тайныхъ дѣлъ русскимъ всякимъ людемъ (и) иноземцамъ не проносить и не сказывать, и мимо государской указъ ничего не дѣлати, и съ иноземцы про Московское государство и про всѣ великія государства Россійскаго царствія ни на какое лихо не ссылаться и не думати". Далѣе идутъ обязательства относящіяся собственно уже къ приказной сторонѣ дѣятельности думныхъ дьяковъ— „судныя и всякія дѣла дѣлати и судити въ правду", судомъ никому не мстить и не дружить, не корыстоваться государевою казною и т. п. (¹).

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о *средствахъ вознагражденія* думныхъ чиновъ за службу ихъ. Было бы ошибочно полагать, будто думные люди всѣхъ чиновъ получали жалованье именно *какъ члены* Думы Боярской. Особыхъ окладовъ жалованья служилымъ людямъ, какъ членамъ Думы, не опредѣлялось: они пользовались жалованьемъ въ общемъ порядкѣ вознагражденія всѣхъ вообще чиновъ Московской служилой іерархіи, какъ и самая обязанность ихъ засѣдать въ Думѣ не была исключительною, но обыкновенно соединялась съ другими должностями и службами и весьма часто даже исключалась послѣдними, если думному человѣку, по дѣламъ службы, оказывалось необходимость пребывать внѣ столицы.

(¹) Древн. Росс. Вивл., т. VIII, 86 и 91.

Но само собою разумѣется что члены Думы, какъ лица облеченныя высшими придворными чинами—пользовались и высшими окладами жалованья, которое представляется двоякимъ: въ видѣ окладовъ денежныхъ и окладовъ помѣстныхъ. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ нормальное новичное („первое верстанье") жалованье составлялось изъ 200 рублей денежнаго и 1000 четей помѣстнаго жалованья каждому (¹). Мы увидимъ, что это свидѣтельство Котошихина не подтверждается источниками оффиціальнаго характера.

Оффиціальный и вполнѣ достовѣрный источникъ для почерпанія извѣстій, какъ о новичныхъ окладахъ денежнаго жалованья различныхъ чиновъ служилымъ людямъ, такъ и о послѣдующихъ прибавкахъ къ нему—представляютъ Боярскія Книги и Списки, хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Позволю представить себѣ свѣдѣнія, представляемыя книгою боярскихъ списковъ № 5, заключающею въ себѣ списки 1658 года, слѣдовательно какъ разъ эпохи Котошихина (²). Въ этомъ году показано 44 боярина, 40 окольничихъ, 15 думныхъ дворянъ и 4 думныхъ дьяка, причемъ отмѣченъ подъ каждымъ лицемъ размѣръ денежнаго оклада его и послѣдующихъ къ нему придачъ. Оказывается, что новичный окладъ бояръ, безъ придачь, представлялся въ двухъ нормахъ — въ 400 р. и въ 500 р. (³); дальнѣйшія придачи къ первоначальному окладу, дававшіяся за службы, значительно увеличивали его въ послѣдующее время. Такъ бояринъ Б. И. Морозовъ получалъ уже съ 1647 года 1200 р. ден. жалованья (⁴), — высшій размѣръ денеж-

---

(¹) Котошихинъ, гл. VII, кон. ст. 8.

(²) Въ этой книгѣ см. свѣдѣнія о боярахъ на л. л. 1—9, окольничихъ на л. л. 9—17, думныхъ дворянъ на л. л. 20—22, думныхъ дьяковъ на л. 23.

(³) Признакомъ новичнаго оклада явл. здѣсь слова: «.... учиненъ ему окладъ вновь». Окладомъ въ 500 р. были вновь поверстаны бояре: кн. Г. С. Черкасскій. П. М. Салтыковъ. кн. Я. Н. Одоевскій. кн. А. А. Голицинъ; окладомъ въ 400 р. бояре: кн. И. И. Ромадановскій, кн. И. Б. Рѣпнинъ, кн. Ѳ. Ѳ. Куракинъ и кн. Г. Г. Ромадановскій.

(⁴) Здѣсь именно сказано, что по боярской книгѣ 155 (1647) г. денежный окладъ его съ придачами 1200 рублей.

наго жалованья въ 1658 году; за нимъ слѣдуютъ по размѣрамъ окладовъ бояре: кн. А. Н. Трубецкой, получающій 1050 р. и кн. Я. К. Черкасскій, получающій 1000 р. денежнаго жалованья. Затѣмъ одинадцать бояръ получали отъ 500 до 800 р. жалованья, одинадцать бояръ по 500 р. и десять по 400 р. жалованья. Низшій размѣръ жалованья получали бояре: кн. И. И Лобановъ—Ростовскій (380 р.), за которымъ сохранялся окладъ жалованья по прежнему чину окольничаго (300 р.), съ придачею 80 р. за службу (¹),—и кн. С. В. Прозоровскій, получавшій 300 рублей; за послѣднимъ очевидно также числился еще прежній окладъ по чину окольничаго. Денежные оклады остальныхъ семи бояръ не показаны.

Новичный денежный окладъ окольничихъ былъ въ 300 рублей (²),—но этотъ нормальный окладъ также увеличивался послѣдующими придачами. Въ 1658 г. высшій окладъ получалъ окольничій А. В. Бутурлинъ—440 руб. (300 нов. оклада и двѣ придачи по 70 р.); низшіе оклады имѣли: окольничій Ж. В. Кондыревъ—250 рубл., за которымъ сохранялся еще прежній окладъ по чину думнаго дворянина, и кн. В. П. Львовъ, получавшій 280 рубл. Затѣмъ одинъ окольничій получалъ 400 р., двѣнадцать—отъ 300 до 400 рубл., девять—по 300 рубл.; оклады остальныхъ пятьнадцати окольничихъ не показаны.

Новичный денежный окладъ думныхъ дворянъ заключался въ 250 рубляхъ; его получали въ 1658 г. девять думныхъ дворянъ, затѣмъ, благодаря позднѣйшимъ придачамъ, одинъ думный дворянинъ получалъ 300 рубл., двое по 330 рубл.; оклады остальныхъ трехъ лицъ не показаны.

Изъ числившихся въ томъ же году четырехъ думныхъ дьяковъ, Сем. Заборовской имѣлъ по боярской книгѣ 155 (1647 г.) денежнаго оклада 250 рубл.; Лар. Лопухинъ по той же книгѣ—300 р., да за Конотопскій бой 50 руб. при-

(¹) «Въ боярской книгѣ 155 году денежный окладъ, какъ онъ былъ *въ окольничихъ*, 300 р.; ему жъ за Быховскую службу придано 80 р.,—всего ему 380 рублей».

(²) Этотъ окладъ былъ учиненъ «вновь» окольничимъ; А. В. Бутурлину, кн. О. И. Щербатого, О. И. Сукину, кн. И. П. Барятинскому, кн. Н. Я. Львову.

дачи, Дем. Башмаковъ пользовался окладомъ въ 150 рубл. по предшествовавшей должности дьяка Тайнаго приказа, „а въ думныхъ дьяцѣхъ не верстанъ“; окладъ Алмаза Иванова за смертью его не показанъ. Изъ приведенныхъ указаній явствуетъ, что окладъ денежнаго жалованья думныхъ дьяковъ не разнствовалъ отъ денежныхъ окладовъ думныхъ дворянъ.

Распоряженіе о назначеніи думнымъ людямъ окладовъ денежнаго жалованья исходило отъ самаго государя и отмѣчалось думнымъ дьякомъ на подававшейся государю по этому поводу докладной выпискѣ или на челобитной, если пожалованный въ чинъ собственною инициативою возбуждалъ вопросъ о поверстаніи его соотвѣтствующимъ чину его окладомъ (¹). Дальнѣйшія придачи къ денежному окладу за службы назначались по памятямъ изъ тѣхъ приказовъ, къ вѣдомству которыхъ относились эти службы (²). Въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное лицо не было еще поверстано по окладу соотвѣтствующему его чину, приказу, по вѣдомству котораго состоялась та или другая служба этого лица, предоставлялось представлять его, въ видѣ награды, къ поверстанію такимъ окладомъ (³).

Что касается размѣра помѣстныхъ окладовъ опредѣленныхъ для думныхъ людей всѣхъ четырехъ чиновъ, то прямое и ясное указаніе на него находимъ мы въ „новоуказныхъ статьяхъ о раздачи земель въ Заоцкихъ городахъ“, отъ 21 іюня 1672 года. Здѣсь указными размѣрами помѣстнаго оклада показаны: для бояръ — 1000 четвертей, для окольничихъ — 800, для думныхъ дворянъ — 600, для думныхъ

(¹) Напримѣръ: «Петръ Михаиловичъ Салтыковъ. 171 году октября 1 дня, по помѣтѣ на выпискѣ думнаго дьяка Семена Заборовскаго, учиненъ ему Государева жалованья денежный окладъ вновь 500 рублей». См. также отмѣтки при именахъ бояръ кн. И. Б. Рѣпнина, кн. Ѳ. Ѳ. Куракина, окольн. Н. Я. Львова и др. Назначеніе оклада по челобитной,—см. имена думн. дворянъ И. П. Матюшкина и Г. М. Аничкова.

(²) Такъ, боярину кн. В. Г. Ромадановскому дана придача за Астраханскую службу, по памяти изъ Казанскаго Дворца; боярину кн. И. С. Прозоровскому за посольскій съѣздъ, по памяти изъ Посольскаго Приказа и т. п.

(³) См. имена боярина А. А. Ордына—Нащокина и окольн. кн. И. П. Барятинскаго.

дьяковъ — 500 четвертей ([1]). Количество помѣстной земли, которою могъ владѣть думный человѣкъ, въ предѣлахъ оклада своего, въ Московскомъ уѣздѣ, было ограничено: для бояръ—200 четвертями, для прочихъ думныхъ чиновъ—150 четвертями ([2]).

Лица облеченныя думными чинами, находясь во главѣ всей служилой іерархіи Московской, пользовались *особымъ значеніемъ и почетомъ* какъ при дворѣ царскомъ, такъ и въ средѣ всей массы столичнаго населенія вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ присваивались и *нѣкоторыя частныя льготы*, непредоставлявшіяся служилымъ людямъ низшихъ чиновъ.

Значеніе думныхъ чиновъ при царскомъ дворѣ выражалось въ широкомъ правѣ пріѣзда ихъ ко двору. Ежедневно, съ ранняго утра, являлись они во дворецъ ударить государю челомъ, — что вмѣнялось имъ не только въ право, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ непремѣнную обязанность; непріѣздъ думнаго человѣка безъ уважительной причины влекъ за собою царскій гнѣвъ и подвергалъ виновнаго взысканію. При этомъ бояре и думные люди сходили съ коней или выходили изъ экипажей у въѣзда въ царскій дворъ, не въѣзжая въ послѣдній; люди прочихъ чиновъ не могли подъѣзжать даже близко къ царскому двору, но спѣшивались „далеко у царскаго двора, на площади". Пріѣхавъ къ царскому двору, бояре и думные люди шли въ „государевъ верхъ", т. е. жилые покои, гдѣ и ожидали выхода его въ Передней палатѣ, ближніе же бояре, выждавъ удобное время, входили даже въ „комнату", т. е. внутренній покой царя; служилые люди низшихъ чиновъ въ „верхъ" не подымались, но, въ случаѣ пріѣзда, останавливались на среднемъ крыльцѣ, передъ „палатами непокоевыми" ([3]). Ударивъ царю челомъ, бояре и думные люди сопровождали его для слушанія обѣдни въ одну изъ „верховыхъ" придворныхъ церквей, если же день былъ праздничный—то въ одинъ изъ соборовъ. Послѣ обѣдни имѣло мѣсто „сидѣнье царя съ боярами", т. е. засѣ-

---

([1]) Полн. Собр. Зак. № 522.

([2]) Уложеніе, гл. XVI, ст. 1. П. С. З. №№ 633 и 700 (отд. I, ст. 4).

([3]) Котошихинъ, гл. II, ст. 14—16.

даніе Думы, или въ „комнатѣ" или въ одной изъ палатъ (¹). Далѣе боярамъ и думнымъ людямъ предоставлялось пріѣзжать ударить царю челомъ въ день своего рожденія, или даже въ день рожденія дѣтей своихъ, причемъ они подносили царю „имянинные калачи", послѣ чего отправлялись съ этою же цѣлью къ царицѣ, царевичамъ и царевнамъ; при этомъ лично являлись послѣднимъ лишь „свойственные бояре", т. е. родственные царицѣ (²). Какъ сами бояре и думные люди пользовались правомъ свободнаго пріѣзда къ царю, такъ и жены и вдовы ихъ, а также незамужнія и вдовыя дочери ихъ, пользовались тѣмъ же правомъ по отношенію къ царицѣ и царевнамъ (³).

Само собою разумѣется, что бояре и думные люди занимали первенствующее мѣсто во всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ, обѣдахъ, церемоніяхъ и придворныхъ празднествахъ. При торжественныхъ пріемахъ пословъ въ Грановитой палатѣ, бояре и думные люди, сидя на лавкахъ по правую сторону царскаго мѣста, въ парчевыхъ одеждахъ и высокихъ горлатныхъ шапкахъ—не мало способствовали общему величію и эффекту обстановки, всегда импонировавшей на иностранцевъ.

Значеніе бояръ и думныхъ людей при особѣ Царя, въ Думѣ, въ приказахъ, въ войскѣ и во всѣхъ вообще сферахъ государственной и общественной жизни,—проникало благоговѣйнымъ почтеніемъ къ нимъ не только массу простаго народа, но даже стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и другихъ представителей низшихъ разрядовъ служилаго класса. Въ 1681 году состоялся царскій именной указъ, въ которомъ находимъ запрещеніе стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ и другихъ чиновъ служилымъ людямъ спѣшиваться и кланяться въ землю при встрѣчахъ на дорогѣ съ боярами, думными и ближними людьми, такъ какъ „съ лошадей вамъ сходить пристойно и бить челомъ одному ему, великому государю",—говоритъ указъ. „И вамъ бы, читаемъ далѣе, впредь ихъ бояръ и думныхъ и ближнихъ людей

(¹) Забѣлинъ: «Домашній бытъ русскихъ царей». I. 316.
(²) Котошихинъ. гл. II, ст. 19.
(³) Котошихинъ, II, ст. 20 (12 п.).

почитать и достойную имъ *честь воздавать*, а гдѣ на дорогѣ случится кому съ ними съѣхаться: и вамъ съ лошадей не сходить, и уступя съ дороги, поворотя на лошади, кланяться по обычаю" [1].

Почетное преимущество бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ передъ служилыми людьми низшихъ чиновъ—выражалось и въ правѣ на писаніе отечества ихъ съ окончаніемъ *„вичъ"*; низшіе чины служилыхъ людей были лишены этого преимущества [2]. Съ 21 декабря 1680 года право это распространено и на думныхъ дьяковъ [3]. Это преимущество распространялось и на женъ лицъ, облеченныхъ чинами боярина, окольничаго и думнаго дворянина [4].

Любопытное, чисто внѣшнее, почетное преимущество бояръ и думныхъ людей установлено указомъ 28 декабря 1681 года. По этому указу лицамъ, облеченнымъ думными чинами, разрѣшено выѣзжать, лѣтомъ—въ каретахъ, зимою—въ саняхъ, на двухъ лошадяхъ; боярамъ же, сверхъ того, въ праздничное время на четырехъ лошадяхъ, а въ случаѣ свадьбы или сговора—даже на шести лошадяхъ. Низшимъ чинамъ предписано ѣздить, лѣтомъ—верхами, зимою—въ саняхъ въ одну лошадь; употребленіе каретъ и парнаго выѣзда совершенно запрещено имъ [5].

Далѣе думнымъ чинамъ предоставлялись также нѣкоторыя преимущества въ сферѣ правъ уголовнаго, процессуальнаго и финансоваго. Такъ, напримѣръ, бояре, окольничіе и думные люди за безчестіе патріарха выдавались ему головою, а за безчестіе митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ платили 400, 300 и 200 рубл. пени; недумные-же служилые люди наказывались за тоже самое батогами и тюремнымъ заключеніемъ [6]. Затѣмъ лица состоящія въ думныхъ чинахъ были вообще освобождены отъ всякаго ро-

(1) П. С. З., № 875.

(2) Ихъ писали просто, напримѣръ: «Иванъ Петровъ сынъ Орлова» или др.

(3) П. С. З., № 851.

(4) П. С. З., № 1106.

(5) Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № 129.

(6) Уложеніе, гл. X ст. 27—30.

да тѣлесныхъ наказаній; вслѣдствіе этого къ нимъ не примѣнялся и правежъ для взысканія денегъ, который имѣлъ полную силу по отношенію къ служилымъ людямъ недумныхъ чиновъ (1). За неправильные же мѣстническіе споры тѣлесное наказаніе замѣнялось для нихъ тюремнымъ заключеніемъ, выдачею головою, запрещеніемъ въ теченіи извѣстнаго времени „видѣть царскія очи“, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, сопряженныхъ съ открытымъ неповиновеніемъ государю, удаленіемъ отъ двора и даже пониженіемъ въ чинахъ (2). Отнятіе „чести“, т. е. думнаго чина, было вообще обыкновеннымъ наказаніемъ для бояръ и другихъ думныхъ людей въ случаѣ неповиновенія государямъ и другихъ проступковъ, за которые служилымъ людямъ низшихъ чиновъ угрожали тѣлесныя наказанія (3).

Въ процессуальномъ отношеніи весьма любопытная льгота установлена для бояръ и другихъ думныхъ людей указомъ 21 мая 1677 года, которымъ предписывается допрашивать ихъ на дому относительно поступокъ и мѣнъ помѣстій ихъ, для чего велѣно присылать къ нимъ съ этою цѣлью дьяка изъ Помѣстнаго приказа (4); лицамъ прочихъ чиновъ допросъ подобнаго рода производился въ самомъ приказѣ.

Наконецъ бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки освобождались отъ взысканія печатныхъ пошлинъ съ жалованныхъ грамотъ, даваемыхъ имъ на вотчины и помѣстья, а также и отъ платежа пошлинъ съ грамотъ и наказовъ, посылаемыхъ въ города по ихъ челобитнымъ и дѣламъ (5).

Въ заключеніе обзора организаціи нормальнаго личнаго состава Думы Боярской, слѣдовало бы намъ разсмотрѣть мѣры взысканія съ бояръ и думныхъ людей, установленныя закономъ за неправосудіе и другія преступленія по должно-

---

(1) Кавелинъ: Основныя начала русск. судоустройства и пр. Сочиненія его, I, 195.

(2) Котошихинъ, гл. IV, ст. 12, 13 и 15. Дворц. Разр. III дополн., стр. 374—375. П. С. З. №№ 775 и 1101.

(3) Дворц. Разр. IV, 613. П. С. З. № 168.

(4) П. С. З., № 692.

(5) Уложеніе, гл. XVIII, ст. 16 и 56.

сти. Но, въ видахъ того, что московскій законъ не предусматриваетъ возможности подобныхъ преступленій со стороны лицъ облеченныхъ думными чинами, какъ *именно* членовъ Думы, а предусматриваетъ ихъ со стороны думныхъ людей какъ судей и должностныхъ лицъ *вообще* (или въ качествѣ приказныхъ судей, или въ качествѣ городовыхъ или ратныхъ воеводъ, и т. п.),—то мы откладываемъ разсмотрѣніе этого вопроса до предстоящаго изложенія внутренней организаціи приказовъ.

До сихъ поръ мы разсматривали нормальный личный составъ Думы Боярской, разсматривали кругъ лицъ, засѣдающихъ въ Думѣ по самому званію членовъ ея. Но кромѣ этихъ лицъ, въ Думѣ Боярской засѣдали также лица, пользовавшіяся этимъ правомъ по своему рожденію и члены почетные. Къ первымъ относятся члены царскаго рода, ко вторымъ—высшіе представители русской церковной іерархіи.

Въ начальную пору жизни Московскаго государства, присутствіе въ Думѣ ближайшихъ родственниковъ государя было явленіемъ вполнѣ обыкновеннымъ и нормальнымъ: удѣльные князья Московскаго великаго княженія привлекались великимъ княземъ къ совѣщаніямъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, подлежавшимъ обсужденію въ Думѣ Боярской. Такъ, въ 1477 году, в. к. Іоаннъ III рѣшается идти на Новгородъ „*братіи* своихъ думою и бояръ своихъ" ([1]); въ 1506 году в. к. Василій Ивановичъ подверждаетъ договоръ отца своего съ Крымомъ „приговоривши съ своею *братьею* и съ бояры" ([2]), а въ 1517—1519 гг. постановляетъ приговоры по посольскимъ дѣламъ „съ братьею своею и съ бояры" ([3]); извѣстно наконецъ, что Судебники 1497 и 1550 гг. изданы великими князьями Іоанномъ III и Іоанномъ IV, первый при участіи дѣтей великаго князя и бояръ, второй—*братьи* и бояръ государя. Участіе въ Думѣ двоюроднаго брата государя, князя Владиміра Андреевича, а затѣмъ царевича Ивана—встрѣчается, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ

([1]) П. С. Р. Л., VI, 206.

([2]) П. С. Р. Л., VI, 50, 246.

([3]) Памятники дипломатическихъ сношеній Др. Россіи, I, 223, 232,

дѣламъ, и въ царствованіе Іоанна IV (1). Примѣръ участія въ Думѣ вмѣстѣ съ государемъ сына его, царевича Ѳеодора, имѣемъ мы и изъ эпохи государствованія царя Бориса Годунова (2). Но съ воцаренія дома Романовыхъ участіе въ Думѣ родственниковъ и дѣтей царствующаго государя не имѣетъ уже мѣста, какъ вслѣдствіе того обстоятельства, что въ теченіе всего XVII вѣка царствующій домъ не развѣтвлялся, такъ и потому, что московскіе цари XVII вѣка вступали на престолъ въ весьма юныхъ лѣтахъ, слѣдовательно при жизни родителей своихъ врядъ-ли и были въ состояніи принимать активное участіе въ думныхъ совѣщаніяхъ. Правда, что съ 1682 года, въ эпоху соправленія малолѣтнихъ царей Іоанна и Петра, вмѣстѣ съ ними засѣдала въ Думѣ сестра ихъ, царевна Софія; но она пользовалась этимъ правомъ какъ правительница государства, а не просто въ качествѣ сестры царствующихъ государей.

Въ качествѣ членовъ почетныхъ привлекались къ участію въ засѣданіяхъ Думы Боярской высшіе представители русской церковной іерархіи. Высшіе представители церкви съ древнѣйшихъ временъ пользовались въ русской землѣ особымъ значеніемъ и почетомъ и мы видѣли, что еще во времена удѣльной Руси, князья привлекали ихъ къ участію въ думѣ своей. Подобное же отношеніе сохраняютъ къ русскимъ церковнымъ іерархамъ и великіе князья Московскіе,— и это тѣмъ болѣе естественно, что послѣдніе имѣли въ русскомъ духовенствѣ надежнаго союзника въ своей борьбѣ съ отживающими началами до-Московскаго періода русской жизни (3). Извѣстно, что самъ Іоаннъ IV, болѣе всѣхъ русскихъ государей содѣйствовавшій реорганизаціи на новыхъ началахъ Боярской Думы,—открыто заявилъ на Стоглавомъ соборѣ свое желаніе совѣщаться съ представителями русскаго духовенства о важнѣйшихъ дѣлахъ не только церковнаго, но и гражданскаго устройства, и просилъ содѣйствія себѣ въ этомъ отношеніи духовенства: „мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ и совѣтовати съ вами

(1) Др. Росс. Вивл., XIII, 263, 411; XIV, 318. 334, 336.

(2) Акты Ист., II, № 44.

(3) См. «Исторію права Моск. госуд.», I, 19 и сл.

желаемъ о Бозѣ" (¹),—говорилъ царь духовенству передъ открытіемъ собора. Вспомнимъ, что самое изданіе своего Судебника Іоаннъ IV предпринялъ по благословенію митрополита, архіепископовъ, епископовъ и всего освященнаго собора (²), какъ сто лѣтъ спустя и царь Алексѣй Михаиловичъ, предпринимая составленіе своего Уложенія, „совѣтовалъ съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, Святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Русіи, и съ митрополиты, и со архіепископы, и съ епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и говорилъ съ своими государевыми бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми" (³). Вообще, во все теченіе Московскаго періода русской государственной жизни, продолжался обычай приглашенія въ Думу представителей русскаго духовенства, для совѣщанія съ ними о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи участіе въ Думѣ представителей русской церковной іерархіи можетъ быть раздѣлено на три вида: участіе одного патріарха (⁴), участіе патріарха съ большимъ или меньшимъ количествомъ „властей" (⁵), т. е. высшихъ іерарховъ, и наконецъ участіе въ Думѣ всего Освященнаго Собора (⁶); въ послѣднемъ случаѣ—что конечно имѣло мѣсто по отношенію къ наиболѣе важнымъ дѣламъ, или къ дѣламъ, въ которыхъ были непосредственно затрогиваемы интересы духовенства—мы видимъ соединеніе подъ предсѣдательствомъ царя двухъ высшихъ правительственныхъ совѣтовъ, гражданскаго—Думы Боярской, и духовнаго—Освященнаго Собора (⁷). Самою обыкновенною формою участія духовнаго

(¹) Стоглавъ (Спб. 1863 г.), стр. 40.

(²) Стоглавъ, стр. 39.

(³) Уложеніе, предисловіе.

(⁴) Напр. А. А. Э. IV, 214, 240; Акты Ист. IV, 233; V, 29; II С. З. №№ 796, 832, 985 и др.

(⁵) Напр. А. А. Э. IV, 189; Дворц. Разр. III, 1364—1365.

(⁶) Уложеніе, предисловіе; Собр. Гос. Гр. и Дос. IV, 130; А. А. Э. IV, 59; Дворц. Разр. Доп. III т., 110.

(⁷) Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что совѣщанія царя съ Освященнымъ Соборомъ и Думою имѣли, между прочимъ, мѣсто при намѣреніи его объявить войну сосѣдственному государству. (гл. IX, ст. I).

элемента въ засѣданіяхъ Думы—было участіе въ нихъ патріарха, или одного, или съ находящимися въ данную минуту въ Москвѣ членами Освященнаго Собора. Мы не будемъ конечно говорить здѣсь о непосредственномъ отношеніи къ дѣламъ государственнаго управленія патріарха Филарета, отца царя Михаила Θеодоровича, который былъ не царскимъ совѣтникомъ, а въ полномъ смыслѣ слова царемъ,—вторымъ по сану, но первымъ по значенію; не будемъ говорить и о патріархѣ Никонѣ, стремившемся пріобрѣсти при особѣ царя Алексѣя Михаиловича тоже значеніе и вліяніе на государственныя дѣла, какими пользовался при его отцѣ патріархъ Филаретъ, вслѣдствіе чего и пришлось ему пасть, встрѣтивъ энергическій отпоръ со стороны окружавшаго царя боярства. Мы укажемъ лишь нормальное участіе русскихъ патріарховъ въ Боярской Думѣ. Патріархъ весьма часто приглашался въ ея засѣданія, даже для дачи совѣта по такимъ дѣламъ, которыя не имѣли никакого отношенія къ сферѣ духовной жизни,—напримѣръ мы встрѣчаемъ участіе его въ обсужденіи дѣлъ посольскихъ, дѣлъ о размежеваніи земель, возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, изготовленіи клеймленныхъ торговыхъ мѣръ, ратномъ устроеніи и т. п. (1). Можно даже думать, что присутствіе въ Думѣ патріарха носило болѣе или менѣе обычный характеръ, что онъ являлся сюда въ сопровожденіи особаго секретаря; въ челобитной чернеца Варлаама царю Василію Ивановичу, приводятся слова Григорія Отрепьева, разсказывавшаго Варлааму, будто во время пребыванія его въ Чудовомъ монастырѣ, патріархъ Іевъ, замѣтивъ его способности, „учалъ на царскую думу въ верхъ съ собою имати“ (2). Маржеретъ въ своихъ запискахъ также свидѣтельствуетъ объ обычаѣ приглашать въ царскую Думу патріарха „съ нѣкоторыми епископами“ (3). Наконецъ въ Дворцовыхъ Разрядахъ находимъ мы слѣдующее любопытное указаніе на

(1) Дворц. Разр. III, 1364—1365; П. С. З., № 832, 985; А. А. Э. IV, 240; Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № III; Акты Ист. IV, № 233, V, 29.

(2) А. А. Э. II, № 64.

(3) Устряловъ: Сказанія современ. о Дм. Самозванцѣ. I, 265.

участіе въ Думѣ патріарха: „того жъ числа былъ у великого государя, послѣ соборной обѣдни, великій господинъ Святѣйшій Іакимъ, патріархъ Московскій и всея Росіи со властми въ верху въ Передней, и сидѣли о посольскомъ дѣлѣ" (1). Изъ случаевъ включенія въ наличный составъ Думы, для разсмотрѣнія опредѣленнаго дѣла, Освященнаго Собора въ полномъ составѣ его,—можемъ мы указать слѣдующіе примѣры: въ 1648 году происходило совмѣстное засѣданіе Думы и всего Освященнаго Собора, на которомъ рѣшено было изданіе Уложенія и начертана самая программа редакціонныхъ работъ по его составленіи (2),—подлинный актъ котораго до насъ не дошелъ; въ 1652 году на совмѣстномъ засѣданіи Думы и Освященнаго Собора установлены новыя правила продажи вина и управленія кружечными дворами (3); въ 1657 году было совмѣстное засѣданіе обоихъ совѣтовъ по вопросу о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ епархіальномъ управленіи (4); въ 1682 году совмѣстнымъ совѣщаніемъ Думы и Освященнаго Собора опредѣлено было уничтоженіе обычая мѣстничества (5).

Наконецъ въ Думу Боярскую призывались иногда представители торговыхъ классовъ, для подачи мнѣній своихъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, обсуждаемымъ боярами и думными людьми, по которымъ полезнымъ считалось узнать образъ мыслей ихъ. Являясь въ подобныхъ случаяхъ съ характеромъ экспертовъ — эти лица не пользовались конечно и правомъ голоса въ рѣшеніи вопросовъ, къ разъясненію которыхъ привлекались. Съ такимъ характеромъ является совѣщаніе въ 1660 г. бояръ съ представителями торговыхъ классовъ о причинахъ вздорожанія въ Москвѣ съѣстныхъ продуктовъ и о средствахъ уравненія цѣнъ ихъ, а также совѣщаніе ихъ въ 1676 г. съ гостями по нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся торговли шелкомъ съ Персіею (6).

---

(1) Дворц. Разр. III. 1364—1365.

(2) Уложеніе, предисловіе.

(3) А. А. Э. IV, № 59.

(4) Дворц. Разр., доп. къ III т., 110.

(5) Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № 130; П. С. З., № 905.

(6) Собр. Гос. Гр. и Дог. IV. №№ 18 и 105. Подробнѣе см. въ I. томѣ «Исторіи права Моск. государства», стр. 297—299.

Мы видимъ такимъ образомъ, что бывали случаи расширенія нормальнаго состава Думы Боярской, путемъ введенія въ него лицъ, по званію своему не принадлежащихъ къ числу думныхъ людей. Укажемъ теперь возможность сокращенія нормальнаго состава Думы Боярской.

Нерѣдко государи, не желая передавать извѣстное дѣло на обсужденіе всѣхъ членовъ Думы своей—призывали къ его обсужденію лишь наиболѣе довѣренныхъ и близкихъ къ себѣ лицъ. Такимъ образомъ возникаетъ понятіе *Думы Тайной* или *Ближней*. Въ этомъ видѣ Думы находимъ мы отраженіе удѣльно-вѣчевыхъ совѣщаній князя съ милостьниками своими и продолженіе совѣщаній „самъ—третей у постели“, столь обычныхъ при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ. О тайныхъ совѣщаніяхъ государей съ ближайшими къ себѣ лицами, съ устраненіемъ остальныхъ членовъ Думы, или о формальномъ только предоставленіи на разсмотрѣніе послѣднихъ дѣлъ, въ сущности уже предрѣшенныхъ тайнымъ совѣтомъ—свидѣтельствуютъ какъ иноземныя, такъ и отечественныя извѣстія. О тайныхъ совѣщаніяхъ царя съ своими приближенными свидѣтельствуютъ намъ Маржеретъ, Рейтенфельсъ, Мейрбергъ (1). О тайныхъ совѣщаніяхъ царя съ наиболѣе близкими къ нему сановниками свидѣтельствуетъ и Котошихинъ: „А какъ, говоритъ онъ, царю лучится о чемъ мыслити тайно, и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и окольничіе ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ, или которымъ приказано бываетъ приходити; а иные бояре, и окольничіе, и думные люди въ тоѣ полату въ думу и ни для какихъ нибуди дѣлъ не ходятъ, рѣзвѣе царь укажетъ“ (2). Результатомъ этихъ тайныхъ, интимныхъ совѣщаній царей съ наиболѣе близкими къ себѣ членами Думы должно было быть естественнымъ образомъ то, что различіе между заурядными боярами и думными людьми *ближними*, обусловливаемое, по свидѣтельству Котошихина, самымъ способомъ достиженія думнаго чина (3), видоизмѣнялось путемъ чисто

---

(1) Устряловъ: Сказ. соврем. о Дм. Сам., I, 265; Сказанія Рейтенфельса (Журн. Мин. Нар. Прос. 1839 г., ч. XXIII), стр. 26; Mayerberg: «Relation d'un voyage en Moscovie», (Paris, 1858), II, 107.

(2) Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

(3) См. выше стр. 51—52.

фактическимъ: бояринъ или думный человѣкъ могъ быть пожалованъ „изъ близости"—и тѣмъ не менѣе не быть членомъ интимнаго совѣта, между тѣмъ какъ членомъ послѣдняго могъ сдѣлаться человѣкъ неродовитый, дослужившійся до думнаго чина изъ людей приказныхъ и вошедшій въ милость къ государю, примѣры чего часто представляють намъ XVI и XVII столѣтія.

Глава II.

Думныя Коммиссіи. Дума въ составѣ другихъ учрежденій и вопросъ объ отдѣленіяхъ Думы. Расправная Палата.

I. Временныя коммиссіи изъ членовъ Думы. Коммиссіи для вѣданія Москвы въ отсутствіе государя.—Коммиссіи для посольскихъ отвѣтовъ.—Спеціальныя коммиссіи для дѣлъ различнаго рода.—II. Дума въ составѣ другихъ учрежденій: земскихъ и духовныхъ соборовъ.—III. Неосновательность мнѣнія объ отдѣленіяхъ Думы.—Расправная Палата и ея вѣроятное происхожденіе.

Нерѣдко, для цѣлей правительственныхъ или для преслѣдованія какихъ либо отдѣльныхъ задачъ, Дума выдѣляла изъ себя часть членовъ своихъ въ спеціальныя коммиссіи; члены этихъ спеціальныхъ коммиссій назначались на каждый отдѣльный случай государемъ.

Во главѣ такихъ спеціальныхъ коммиссій поставимъ мы коммиссіи, назначавшіяся для „вѣданія Москвы" въ отсутствіе государя и коммиссіи изъ думныхъ людей, назначенныхъ царемъ къ бытію „въ отвѣтѣ" съ иноземными послами.

Московскіе цари весьма часто отлучались изъ столицы, или въ подгородныя села свои, или въ подгородныя монастыри для богомолья, или, что случалось особенно часто, въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Подобныя поѣздки носили техническое названіе „походовъ". Обыкновенно въ подобныхъ „походахъ" сопровождали государя всѣ бояре и думные люди, исключая нѣсколькихъ изъ числа послѣднихъ, которые оставлялись въ Москвѣ „дѣла вѣдать, какія прилучатся" (1); въ большинствѣ случаевъ обязанности оставлен-

(1) Дворц. Разр. IV, 1127.

ныхъ съ этою цѣлью лицъ носили техническое названіе „вѣданія Москвы". Оставленные въ Москвѣ бояре и думные люди обязаны были по очереди ночевать „въ верху", т. е. въ государевыхъ хоромахъ, вмѣстѣ съ назначенною на дежурство каждаго изъ нихъ, по особой росписи, смѣною дворянъ, жильцовъ и дьяковъ. Коммиссіи для вѣданія Москвы назначались даже и въ случаѣ самыхъ непродолжительныхъ отлучекъ государя изъ Москвы (¹). Составъ чиновъ, назначенныхъ къ вѣданію Москвы, бывалъ не всегда однообразенъ. Мы видимъ примѣры назначенія съ этою цѣлью: 3 бояръ, 1 окольничаго и 1 думнаго дьяка (²); 2 бояръ, 1 окольничаго, 1 печатника и думнаго дворянина и 3 думныхъ дьяковъ (³); 2 бояръ, 1 окольничаго, 1 печатника и думнаго дьяка и 2 думныхъ дьяковъ (⁴); 2 бояръ, 1 окольничаго и 1 думнаго дьяка (⁵); 2 бояръ и 1 думнаго дьяка (⁶); 1 боярина, 3 окольничихъ и 1 думнаго дворянина (⁷); 1 боярина, 1 окольничаго, 1 думнаго дворянина и 1 думнаго дьяка (⁸); 1 боярина, 1 окольничаго и 1 думнаго дьяка (⁹).

Назначеніе лицъ къ вѣданію Москвы на время отсутствія государя шло черезъ Разрядъ, изъ котораго посылались подъячіе объявлять этимъ лицамъ, что-бы они ѣхали „въ верхъ", т. е. въ государевы хоромы; здѣсь государь, послѣ напутственнаго богослуженія, допускалъ ихъ къ своей рукѣ и они вступали въ отправленіе своихъ обязанностей.

При подобнаго рода назначеніяхъ случались мѣстническіе споры, что иногда вызывало распоряженія о томъ, что-

---

(¹) Такъ въ 1665 г. была назначена коммиссія для вѣданія Москвы во время отлучки государя въ село Измайлово всего на одинъ день.

(²) Дворц. Разр. II, 384, 473.

(³) Дворц. Разр. III, 86—87.

(⁴) Дворц. Разр. II, 521, 712.

(⁵) Дворц. Разр. I, 615, 644, 818, 857, 861; II, 9.

(⁶) Дворц. Разр. I, 680, 697, 724, 749.

(⁷) Дворц. Разр. III, 630.

(⁸) Дворц. Разр. III, 1013.

(⁹) Дворц. Разр. I, 1012; II, 70.

бы лицамъ вѣдающимъ Москву „быть всѣмъ на Москвѣ безъ мѣстъ“ (¹).

Сношенія коммиссій вѣданія Москвы съ отсутствующимъ государемъ производились отъ имени старшаго изъ ея членовъ „съ товарищи“ — о чемъ бывали особыя распоряженія государя; равнымъ образомъ и царскія грамоты въ Москву адресовались по этой же формулѣ (²).

Какъ коллегія, замѣняющая государя и Думу его (такъ какъ бояре и думные люди, какъ мы выше замѣтили, большею частью сопровождали государя въ его походахъ,— коммиссія во время отсутствія государя принимала доклады изъ приказовъ. Важнѣйшіе изъ нихъ она препровождала по мѣсту пребыванія царя и Думы его, незначительные же, согласно предоставленнымъ ей на каждый данный случай полномочіямъ, коммиссія разрѣшала собственною властью (³). Такъ, во время пребыванія въ концѣ 1674 года царя въ селѣ Преображенскомъ, Москву вѣдали бояринъ кн. А. А. Голицинъ, окольничій кн. И. П. Борятинскій, думный дворянинъ И. А. Прончищевъ и разрядный думный дьякъ Г. С. Дохтуровъ. И вотъ мы видимъ, что кн. Голицинъ съ товарищами принимаютъ челобитье, распоряжаются о направленіи по нему дѣла въ извѣстный приказъ, слушаютъ докладъ по этому дѣлу изъ послѣдняго и, наконецъ, доведя дѣло до конца—посылаютъ его въ село Преображенское къ докладу государю „объ указѣ“, гдѣ государь и слушаетъ его съ боярами (⁴). Или, въ томъ же году, въ бытность государя въ походѣ въ селѣ Коломенскомъ, вѣдающіе Москву бояринъ кн. Г. С. Куракинъ съ товарищами принимаютъ доклады изъ Приказа Казанскаго Дворца и „указываютъ“ пре

(¹) Дворц. Разр. I, 697—698; III, 630; IV, 1127.

(²) Дворц. Разр. I, 926; III, 413, 461, 1014.

(³) Такъ напр. въ ноябрѣ 1674 года государь «сидитъ о всякихъ дѣлехъ» съ боярами въ селѣ Преображенскомъ, въ то время какъ Москву вѣдаютъ бояринъ кн. Г. С. Куракинъ съ товарищами. Дв. Разр. III, 1008—1009.

(⁴) Котошихинъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ степень полномочія лицъ, вѣдующихъ Москву: «.... и лучатся какіе дѣла изъ полковъ или изъ городовъ, и они тѣ дѣла кромѣ, тайныхъ, *смотря* посылаютъ къ царю въ походъ, а по инымъ дѣламъ *указъ чинятъ, не писавъ* къ царю, по которымъ мочно (гл. II, ст. 17)».

проводить ихъ „въ походъ къ великому государю“ (1). Такимъ образомъ бояре и думные люди, вѣдающіе Москву въ отсутствіе государя,—могутъ быть вполнѣ признаны особою думною коммиссіею, являющеюся за отсутствіемъ Думы Боярской представительницею послѣдней. Обыкновенно, какъ усматривается изъ отдѣльныхъ описаній царскихъ „походовъ“—съ государемъ выѣзжали не только бояре и думные люди не занимающіе никакихъ особыхъ постовъ, но и всѣ думные люди сидящіе судьями по приказамъ,—такъ что въ послѣднихъ оставались слѣдовательно одни дьяки и подъячіе. Само собою разумѣется, что подобный порядокъ, обусловливаемый выѣздомъ за государемъ всей Думы его, не могъ быть въ выгодахъ приказнаго управленія—и вотъ видимъ случаи ограниченія этого обыкновенія. Такъ, въ маѣ 1675 года, предпринявъ походъ на Воробьеву гору и назначивъ коммиссію для вѣданія Москвы — царь распорядился оставленіемъ въ Москвѣ также всѣхъ бояръ и думныхъ людей „которые сидятъ въ приказахъ у его государевыхъ дѣлъ, и велѣно имъ всякіе дѣла дѣлать, въ докладъ вносить спорные дѣла къ бояромъ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ боярамъ, думнымъ людямъ и приказнымъ судьямъ велѣно три раза въ недѣлю пріѣзжать къ государю „въ походъ“ для вершенія всякихъ дѣлъ (2).

Весьма интересный случай учрежденія думной коммиссіи для вѣданія Москвы представляется въ 1654 году. Въ виду возникшей войны съ Польшею, царь Алексѣй Михаиловичъ лично выступилъ въ походъ съ ратью, оставивъ для вѣданія Москвы коммиссію изъ 2 бояръ, 3 окольничихъ и одного думнаго дьяка; всѣ остальные бояре и думные люди сопровождали государя въ походѣ. Сноситься съ собою указалъ государь именемъ старшаго изъ бояръ—князя М. П. Пронскаго „съ товарищи“ (3). Но, какъ оказывается изъ до-

---

(1) Дворц. Разр. III, 1109, 1118—1119. Дворц. Разр. III, 1013—1015. Иногда-же видимъ случаи докладовъ царю «въ походъ» непосредственно изъ приказовъ—и государь слушаетъ дѣла «въ походѣ» съ своею Думою (напр. Дв. Разр. III, 1111—1112).

(2) Дворц. Разр. III, 1409. Сравни Дворц. Разр. III, 1095 (гдѣ въ 1674 г. предписано боярамъ и думнымъ людямъ пріѣзжать къ государю «въ походъ», въ с. Преображенское, четыре раза въ недѣлю «челомъ ударить и *для сидѣнья*»).

(3) Дворц. Разр. III, 413.

шедшихъ до насъ актовъ, кн. Пронскій съ товарищами сносится не непосредственно съ государемъ, а съ остававшимися въ окрестностяхъ Москвы царицею Марьею Ильиничною и царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ (съ послѣднимъ, за дѣтствомъ его, конечно лишь номинально), которые и являются какъ бы временными правителями; важнѣйшія дѣла посылаются послѣдними для доклада къ Государю въ походъ,—менѣе же важныя рѣшаются ими самостоятельно ([1]). Этому временному правительству выпала на долю борьба съ моровою язвою, свирѣпствовавшею въ Россіи лѣтомъ того года: до насъ дошелъ цѣлый рядъ актовъ, свидѣтельствующихъ о ходѣ этой борьбы, жертвою которой сдѣлались трое изъ лицъ, оставленныхъ царемъ для вѣданія Москвы ([2]).

Переходимъ къ коммиссіямъ „*отвѣтнымъ*".

Подъ выраженіемъ „быти въ отвѣтѣ (или въ отвѣтѣхъ) съ послами"—разумѣлась обязанность бояръ и думныхъ людей, назначенныхъ къ тому на каждый отдѣльный случай государемъ, вести съ прибывшими въ Москву иноземными послами дипломатическіе переговоры, составляющіе предметъ миссіи послѣднихъ. Посольскому отвѣту всегда предшествовалъ торжественный пріемъ царемъ посольства въ одной изъ палатъ царскаго двора, имѣвшій мѣсто вскорѣ послѣ прибытія пословъ въ Москву и который носилъ техническое названіе „пріема на пріѣздѣ", но на этой аудіенціи послы не касались предметовъ миссій своихъ: для послѣдней цѣли, черезъ нѣсколько дней послѣ торжественнаго пріема, государь указывалъ посламъ быть у бояръ въ отвѣтѣ. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что въ отвѣтъ назначались два боярина, одинъ или два окольничіе и думный посольскій дьякъ ([3]). Но, какъ оказывается изъ источниковъ, составъ отвѣтной коммиссіи не всегда былъ однообразенъ: такъ мы имѣемъ примѣры назначенія въ отвѣтъ 2 бояръ, 1 окольничаго, 1 думнаго дворянина и посольскаго думнаго дьяка ([4]); 2 бояръ, 1 окольничаго, двухъ думныхъ дья-

([1]) Доп. къ Акт. Ист. III, № 119.

([2]) Доп. къ Акт. Ист. III, см. цѣлый рядъ актовъ подъ № 119.

([3]) Котошихинъ, гл. V, ст. 5.

([4]) Дворц. Разр. ,III 560.

ковъ—посольскаго и помѣстнаго—и одного простаго дьяка (1); 2 бояръ, 1 окольничаго и думнаго посольскаго дьяка (2); 2 бояръ, думнаго посольскаго дьяка и простаго посольскаго дьяка (3); 2 бояръ, 1 окольничаго и 3 думныхъ дьяковъ—посольскаго, помѣстнаго и разряднаго (4); 1 боярина, 1 окольничаго и посольскаго думнаго дьяка (5), 1 боярина, 1 окольничаго и 2 думныхъ дьяковъ—посольскаго и разряднаго (6); 1 боярина, 2 думныхъ посольскихъ дьяковъ и простаго посольскаго дьяка (7); 1 окольничаго, думнаго посольскаго дьяка и 3 простыхъ посольскихъ дьяковъ (8); 1 окольничаго и простаго дьяка помѣстнаго приказа (9). Пріѣхавъ къ царскому двору для отвѣта, послы снова принимаемы были царемъ въ одной изъ парадныхъ палатъ, откуда, послѣ обычныхъ церемоній, удалялись въ другую палату, гдѣ имъ надлежало находиться въ отвѣтѣ у бояръ. Обыкновеннымъ мѣстомъ посольскихъ отвѣтовъ служила Отвѣтная Палата; впрочемъ, по исключенію, имѣли они мѣсто и въ Золотой Палатѣ, а также и въ Посольскомъ приказѣ (10). Самый порядокъ отвѣта подробно описанъ у Котошихина и у Мейерберга; онъ происходилъ по изстари установившимся обычнымъ формамъ (11). Выслушавъ рѣчи пословъ, отвѣтные бояре и думные люди выходили въ палату, въ которой на-

---

(1) Дворц. Разр. II, 546.

(2) Дворц. Разр. III, 941.

(3) Дворц. Разр. III, 240.

(4) Дворц. Разр. II, 612.

(5) Дворц. Разр. I, 224—225.

(6) Дворц. Разр. II, 505.

(7) Дворц. Разр. III, 678.

(8) Дворц. Разр. III, 912—913.

(9) Дворц. Разр. Доп. III т., 86.

(10) Дворц. Разр. III, 678, 912—913. Имѣется даже примѣръ отвѣта на Казенномъ Дворѣ: Дв. Разр. II, 612. Въ концѣ XVI в. отвѣтъ въ Набережной Палатѣ: Карамзинъ, X, прим. 111. Памятники дипломат. сношеній, I, 470.

(11) «.... указалъ государь ему быть у бояръ въ отвѣтѣ, по прежнему посольскому обычаю ....». Дворц. Разр. III, 560.

ходился царь, и передавали ему сущность переговоровъ; государь обыкновенно высылалъ къ остававшимся въ Отвѣтной Палатѣ посламъ объявить имъ, что отвѣтъ его будетъ сообщенъ имъ въ другой разъ, послѣ чего послы отпускались къ дворамъ своимъ (1). Иногда отвѣтныя сидѣнія возобновлялись до трехъ разъ (2), причемъ внѣшній порядокъ ихъ былъ совершенно сходенъ съ первымъ засѣданіемъ. Послѣ того какъ отвѣтная коммиссія доводила дипломатическіе переговоры до окончательнаго результата, послы получали извѣстный отвѣтъ по предмету миссіи своей и допускались къ торжественной прощальной аудіенціи у царя (носившей техническое названіе „быть на отпускѣ")— послѣ чего пускались въ возвратный путь къ своему отечеству.

Боярамъ назначавшимся къ бытію „въ отвѣтѣ" съ послами, а также получавшимъ и другія дипломатическія порученія, всегда предоставлялось почетное званіе намѣстниковъ различныхъ городовъ, напр. „бояринъ и намѣстникъ Тверской Н. Р. Юрьевъ", „бояринъ и намѣстникъ Можайскій кн. В. А. Сицкой" и т. п. Большая или меньшая значительность города, почетное намѣстничество котораго предоставлялось, всегда строго сообразовывалась съ честью, съ родовитостью, боярина; представители болѣе родовитыхъ фамилій получали и почетное намѣстничество болѣе значительныхъ городовъ. Въ видахъ послѣдняго существовало особое раздѣленіе городовъ на степени, сообразно съ ихъ большею или меньшею значительностью (3).

Кромѣ коммиссій для вѣданія Москвы во время отсутствія царя и коммиссій отвѣтныхъ—изъ членовъ Думы Боярской, по указамъ на каждый данный случай государя, выдѣлялись также спеціальныя коммиссіи для разсмотрѣнія какаго либо выдающагося дѣла или случая, требующаго обстоятельнаго и всесторонняго разсмотрѣнія; къ участію

(1) Котошихинъ, гл. V, ст. 4—6. Mayerberg: Relation d' un voyage en Moscovie (Paris, 1858) II, 115—122. Описаніе Мейерберга подтверждаетъ вполнѣ всѣ подробности приводимыя Котошихинымъ. См. также описанія отвѣтовъ въ Памятникахъ дипломат. сношеній, напр. III, 380 и сл., 823 и сл. и мн. др.

(2) Наприм. Дворц. Разр. III, 943.

(3) Памятн. дипломат. снош. I, XXI. «Собр. Госуд. Гр. и Дог. IV, № 116.

въ этихъ коммиссіяхъ иногда привлекались и лица непринадлежащія къ нормальному составу Думы, но содѣйствіе которыхъ могло быть въ интересахъ обсуждаемаго дѣла.

Укажемъ примѣры подобныхъ коммиссій.

Въ декабрѣ 1662 года учреждена царемъ особая коммиссія, которой велѣно „сидѣть о патріарховѣ (Никона) дѣлѣ и выписывать изъ правилъ". Въ эту коммиссію назначены два духовныхъ члена—Ростовскій митрополитъ Іона и Рязанскій архіепископъ Иларіонъ, а изъ свѣтскихъ чиновъ слѣдующіе: бояре кн. Н. И. Одоевскій и П. М. Салтыковъ, думный дворянинъ П. К. Елизаровъ, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ и (вѣроятно для письмоводства) дьякъ Голосовъ (1).

Затѣмъ, въ 1682 году, назначена была коммиссія изъ членовъ Думы, подъ предсѣдательствомъ боярина князя В. В. Голицина и съ участіемъ выборныхъ отъ служилыхъ людей различныхъ чиновъ, для пересмотра всего ратнаго устройства, сообразно съ происшедшимъ развитіемъ ратнаго дѣла въ другихъ земляхъ. Первоначальный указъ объ учрежденіи этой коммиссіи до насъ не дошелъ,—но свѣдѣнія объ ней почерпаемъ мы изъ извѣстнаго акта объ уничтоженіи мѣстничества; здѣсь сказано, что „боярамъ кн. В. В. Голицину съ товарищи" велѣно узнать мнѣнія по этому вопросу выборныхъ отъ служилыхъ людей,—„а что... учнутъ тѣ выборные говорити, и о томъ бы о всемъ имъ боярамъ докладывать себя великаго государя" (2).

Въ дополненіе обзора видовъ Думы и различныхъ коммиссій изъ нея выдѣлявшихся—должны мы указать на случаи вхожденія Думы, въ полномъ ея комплектѣ, въ составъ другихъ органовъ. Такъ, напримѣръ, уже извѣстенъ намъ изъ исторіи земскихъ соборовъ фактъ вхожденія Думы въ составъ послѣднихъ; бояре и думные люди засѣдали здѣсь всѣ поголовно, тогда какъ не-думные чины давали на земскіе соборы лишь представителей своихъ, — слѣдовательно Дума Боярская должна была ясно выдѣляться въ общемъ составѣ собора. Это выдѣленіе было особенно наглядно въ земскомъ соборѣ 1649 года; извѣстно что царь, Дума его и члены Освященнаго Собора слушали здѣсь чтеніе санкці-

---

(1) Дворц. Разр. Доп. III т, 362—363.

(2) П. С. З. № 905. Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № 130.

онировавшагося Уложенія отдѣльно отъ выборныхъ отъ другихъ чиновъ служилыхъ людей и отъ земскихъ представителей ([1]). Затѣмъ Дума Боярская, въ полномъ комплектѣ своемъ, входила въ составъ важнѣйшихъ духовныхъ соборовъ. Такъ еще въ 1455 году въ церковномъ соборѣ, созванномъ для обсужденія вопросовъ чисто духовныхъ, принималъ участіе „великій государь *земьскій*, в. к. Василій Васильевичъ всея Руси, съ своимъ синклитомъ" ([2]). Затѣмъ братья царя, князья и бояре его засѣдали на извѣстномъ Стоглавомъ соборѣ 1551 года ([3]). Извѣстно наконецъ, что бояре и думные люди засѣдали и на церковномъ соборѣ 1666 года, на которомъ четыре восточные патріарха и весь русскій Освященный Соборъ производили судъ надъ патр. Никономъ; на этомъ соборѣ члены Царской Думы, даже по мѣстамъ ими занимаемымъ, выдѣлялись изъ общаго состава собора ([4]).

Въ литературѣ исторіи русскаго права возбуждался вопросъ о дѣленіи Думы Боярской на отдѣленія, между которыми распредѣлялись будто бы всѣ дѣла, восходившія до этого центральнаго правительственнаго установленія. Поводомъ къ поднятію этого вопроса послужило то отсутствіе въ источникахъ юридически-опредѣленнаго термина для обозначенія Думы Боярской, на которое указали уже мы въ началѣ предшествовавшей главы ([5]). Мы видѣли, что понятіе Думы Боярской выражается въ источникахъ или описательно, или же наименованіемъ того помѣщенія, въ которомъ происходило данное засѣданіе; а такъ какъ въ царскихъ хоромахъ не было опредѣленнаго помѣщенія для думныхъ засѣданій—то вслѣдствіе этого является большое разнообразіе въ наименованіяхъ Думы. Такимъ образомъ встрѣчаемъ мы понятія: Верха, Комнаты, Грановитой Большой Золотой Палаты, Золотой средней или меньшей Палаты, Золотыхъ Подписныхъ Палатъ, Столовой Палаты, Отвѣтной Палаты. Естественно, что въ начальную пору раз-

---

([1]) «Исторія права Моск. госуд., стр. 287.

([2]) Акты Ист., I, № 57.

([3]) Стоглавъ (Спб. 1863), стр. 27.

([4]) Соловьевъ: Исторія Россіи т. XI (изд. 1861 г.), стр. 356—357.

([5]) См. выше стр. 40—41.

витія науки изученія русскихъ юридическихъ древностей, при весьма еще небольшомъ количествѣ доступныхъ для изученія памятниковъ—это разнообразіе могло дать поводъ къ принятію многихъ изъ этихъ наименованій за особыя отдѣленія Думы. Въ такую именно ошибку первый впалъ Новиковъ въ своей статьѣ „Московскіе старинные приказы“ (¹)—гдѣ онъ описываетъ, въ качествѣ отдѣльныхъ учрежденій: Большую Думу, Золотую Расправную Палату (²), Переднюю Палату и Расправную Палату. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей въ тоже заблужденіе впадаетъ профес. Дмитріевъ, высказывающій въ своей „Исторіи судебныхъ инстанцій“ слѣдующее положеніе: „Боярская Дума въ настоящее время называлась: Золотою, Золотою Меньшею и Переднею Палатами, иногда Золотою Расправною и просто Палатою. Это были *отдѣленія* Думы, кажется постоянныя, потому что о каждой палатѣ есть особые указы. По всей вѣроятности, отдѣленія завѣдывали различными дѣлами“ (³).

Положеніе, высказанное проф. Дмитріевымъ, не находитъ себѣ никакаго оправданія въ источникахъ. Не находимъ мы и указовъ, свидѣтельствующихъ объ отдѣленіяхъ Думы,—а тѣ указы, на которые ссылается авторъ, говорятъ лишь о различныхъ, хорошо извѣстныхъ лицамъ знакомымъ съ русскими древностями, помѣщеніяхъ или палатахъ Московскихъ царскихъ хоромъ. До послѣдней четверти XVII стол. ни одно мѣсто источниковъ—ни акты, ни разрядныя, ни записныя книги—не даетъ намъ указаній на существованіе какаго либо постояннаго опредѣленнаго отдѣленія Думы Боярской; напротивъ, въ Уложеніи весьма опредѣленно предписывается боярамъ и думнымъ людямъ „сидѣти въ полатѣ и . . . . *всякія* дѣла дѣлати *всѣмъ вмѣстѣ*“ (⁴). Лишь въ послѣдней четверти XVII стол. возникаетъ при Думѣ особое отдѣленіе, съ опредѣленнымъ личнымъ составомъ и извѣстною организацією, для вѣданія расправныхъ (т. е.

(¹) Древн. Росс. Вивл. т. XX (изд. второе).

(²) Эту послѣднюю онъ смѣшиваетъ, какъ оказывается изъ приводимаго имъ личнаго состава въ разл. годы этого *отдѣленія* Думы, съ извѣстнымъ Приказомъ Золотаго Дѣла,—доказательство шаткости выводовъ Новикова по этому вопросу.

(³) Дмитріевъ: Исторія судебн. инстанцій», 341.

(⁴) Уложеніе, гл. X, ст. 2.

судныхъ) дѣлъ, переносимыхъ на разсмотрѣніе Думы изъ отдѣльныхъ приказовъ. Это чисто судебное отдѣленіе, возникшее вѣроятно въ виду необходимости придать болѣе твердую и правильную организацію судебно-инстанціонной функціи Думы, которая не могла правильно отправляться Думою въ полномъ составѣ ея—въ первые годы своего существованія упоминается описательно („быть“ или „сидѣть у росправныхъ дѣлъ“), а съ начала послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка получаетъ уже постоянное и юридически-опредѣленное названіе *Расправной Палаты*.

Первымъ дошедшимъ до насъ извѣстіемъ о существованіи уже Расправной Палаты, какъ особаго суднаго отдѣленія Думы Боярской—если не извѣстіемъ о первомъ учрежденіи ея,—оказывается разрядная запись, напечатанная въ IV т. Дворцовыхъ Разрядовъ: „189 году (1681 г.) мая въ 9 день, вел. государь ц. и в. к. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всея В. и М. и Б. Россіи Самодержецъ, указалъ *у росправныхъ дѣлъ*, и какъ онъ вел. государь *изволитъ быть въ походѣхъ, и имъ быти на Москвѣ* съ бояриномъ со княземъ Ник. Ив. Одоевскимъ въ товарищахъ....“, — слѣдуютъ имена трехъ бояръ (кн. Ю. М. Одоевскаго, кн. И. П. Барятинскаго и кн. П. С. Прозоровскаго), трехъ окольничихъ (М. П. Головина, П. Т. Кондырева и кн. Д. А. Барятинскаго), трехъ думныхъ дворянъ (Г. С. Караулова, А. И. Ружевскаго и Б. Ѳ. Полибина) и двѣнадцати думныхъ дьяковъ (А. Степанова, П. Оловенникова, Л. Кондратова, А. Мискова, Н. Зотова, П. Бѣлянинова, С. Павловскаго, Ѳ. Посникова, Е. Украинцова, А. Ѳедорова, В. Купріянова, Л. Порѣцкаго) (¹). Въ августѣ того же 1681 г. снова упоминается о боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ сидящихъ съ княземъ Н. И. Одоевскимъ „у росправныхъ дѣлъ въ Золотой Палатѣ“,—какъ объ учрежденіи постоянномъ, съ извѣстною правильною организаціею (²). Въ 1689 г. видимъ мы уже новый составъ Расправной Палаты: 14 сентября этого года указано сидѣть „въ Полатѣ у росправныхъ дѣлъ“ боярину князю Як. Никит. Одоевскому, а съ нимъ тремъ боярамъ (М. П. Головину, кн. К. А. Козлов-

(¹) Дворц. Разр. IV, 187.

(²) П. С. З. № 885.

скому и М. С. Пушкину), четыремъ окольничимъ (М. П. Измайлову, кн. Ѳ. И. Шаховскому, кн. Д. Н. Щербатому и кн. Ѳ. Л. Волхонскому), двумъ думнымъ дворянамъ (Ѳ. С. Нарбекову и Ѳ. А Зыкову) и двумъ думнымъ дьякамъ (П. И. Никифорову и Я. А. Кирилову) (¹). Въ томъ же году, 14 октября, велѣно сидѣть съ бояриномъ кн. Я. Н. Одоевскимъ, „въ Полатѣ у расправныхъ дѣлъ", окольничему И. С. Хитрому; въ январѣ слѣдующаго 1690 г.—думному дьяку П. Возницину, а въ маѣ—окольничему И. А. Мусину-Пушкину (²). Объ этомъ составѣ Расправной Палаты снова упоминается въ іюлѣ 1690 года: 2-го числа этого мѣсяца цари, отправляясь изъ Москвы въ село Коломенское, въ сопровожденіи боярь и думныхъ людей, оставляютъ на Москвѣ боярина кн. Я. Н. Одоевскаго съ товарищами, —„которые въ Расправной Палатѣ" (³). Въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ впервые является въ источникахъ терминъ „Расправная Палата". Въ ноябрѣ 1691 года видимъ новаго первоприсутствующаго въ Расправной Палатѣ: 15-го числа этого мѣсяца велѣно „въ Росправной Палатѣ, съ бояриномъ со княземъ Мих. Як. Черкасскимъ съ товарищи, быть думному дьяку Михаилу Прокофьеву, сыну Проковьеву, а думному дьяку Протасью Никифорову въ Росправной Палатѣ не быть, а быть ему въ Помѣстномъ приказѣ по прежнему" (⁴). Въ іюнѣ 1692 г. получили указы сидѣть въ Расправной Палатѣ, съ бояриномъ кн. М. Я. Черкасскимъ: окольничій кн. П. И. Шаховской и думный дворянинъ И. Б. Ловчиковъ (⁵).

Вникая въ мѣста источниковъ, сохранившія намъ извѣстія о Расправной Палатѣ,—мы довольно близко приблизимся къ разрѣшенію вопроса о причинахъ ея образованія. Во второй половинѣ XVII вѣка дѣлаются весьма обыкновенными выѣзды царей изъ Москвы „въ походы" въ подгородныя села свои, гдѣ они и пребывали нерѣдко въ продолженіи весьма значительныхъ промежутковъ времени; мо-

---

(¹) Дворц. Разр. IV, 483.
(²) Дворц. Разр. IV, 490, 523, 557.
(³) Дворц. Разр. IV, 569—570.
(⁴) Дворц. Разр. IV, 623—624.
(⁵) Дворц. Разр. IV, 693.

жно смѣло сказать, что начиная съ конца третьей четверти XVII вѣка, время пребыванія царей въ походахъ едва ли не превышало времени пребыванія ихъ въ столицѣ. По придворнымъ обычаямъ того времени—какъ не трудно убѣдиться въ томъ изъ простаго перелистыванія Дворцовыхъ Разрядовъ—царей сопровождали въ этихъ походахъ всѣ бояре и думные люди, что не могло не отзываться весьма вреднымъ образомъ на судебной дѣятельности Думы Боярской и на самомъ порядкѣ суда, правильное теченіе котораго должно было требовать извѣстной постоянной организаціи. Этой послѣдней цѣли не трудно было достигнуть, сдѣлавъ коммиссіи, учреждавшіяся для вѣданія Москвы въ отсутствіе государя (1), постояннымъ учрежденіемъ, увеличивъ количество членовъ ихъ и поручивъ имъ, во время присутствія государя въ столицѣ—вѣдать судныя дѣла изъ приказовъ, а во время выѣздовъ государя въ походы—сверхъ того вѣдать и Москву. Этимъ достигалось разомъ двѣ цѣли,—интересы правосудія не страдали во время выѣздовъ изъ Москвы вмѣстѣ съ царемъ членовъ Думы, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалась необходимость въ учрежденіи особой коммиссіи для вѣданія Москвы на случай каждой отлучки царя изъ столицы. Таково несомнѣнное происхожденіе Расправной Палаты, какъ постоянной Думной коммиссіи или отдѣленія для производства судныхъ дѣлъ; оно вполнѣ подтверждается тѣмъ, что со времени учрежденія Расправной Палаты—не назначается уже въ случаѣ царскихъ походовъ особыхъ коммиссій для вѣданія Москвы, а съ другой стороны тѣмъ, что съ этихъ поръ, въ случаѣ царскихъ походовъ, вѣданіе Москвы постоянно возлагается уже на Расправную Палату (2).

---

(1) См. выше стр. 76—80.

(2) Дворц. Разр. IV, 569—570, 689, 699, 708, 721, 731 и мн. др.

Глава III.

Мѣсто и время думныхъ засѣданій.

I. Царскія палаты, какъ мѣсто думныхъ засѣданій.—Очеркъ царскаго двора, историческое значеніе отдѣльныхъ частей и палатъ его; палаты служившія мѣстомъ думныхъ засѣданій.—Засѣданія Думы внѣ царскихъ палатъ.—Засѣданія Думы внѣ столицы.—II. Время думныхъ засѣданій. Свидѣтельства иноземныхъ и отечественныхъ источниковъ о часахъ и дняхъ думныхъ засѣданій.

Продолжая разсмотрѣніе внутренней организаціи Думы Боярской, переходимъ къ вопросу о мѣстѣ засѣданій ея.

Мы уже знаемъ, что Дума Боярская не занимала опредѣленнаго помѣщенія, но что засѣданія ея происходили обыкновенно въ различныхъ палатахъ царскаго двора. Мы увидимъ скоро, что разнообразіе мѣстъ засѣданій Думы идетъ еще далѣе: они могли имѣть мѣсто въ самой же Москвѣ, но внѣ предѣловъ царскаго двора, и наконецъ, весьма часто происходили даже внѣ Москвы, что имѣло именно мѣсто во время отлучекъ царя изъ столицы. Отсутствіе постояннаго помѣщенія для Думы, ея, такъ сказать, кочевой характеръ—легко объясняется между прочимъ отсутствіемъ при ней канцелярской организаціи, которое, какъ ниже увидимъ мы, обусловливалось самымъ порядкомъ думнаго дѣлопроизводства. Опредѣленное помѣщеніе имѣла кажется лишь Расправная Палата—возникшее въ послѣдней четверти XVII стол. постоянное судебное отдѣленіе Думы,—преимущественнымъ мѣстомъ засѣданія которой служила Золотая Палата, отчего она и называлась иногда Золотою Расправною.

Согласно сейчасъ высказанному нами, вопросъ о мѣстахъ засѣданій Думы Боярской разсмотримъ мы съ трехъ сторонъ: засѣданія Думы въ царскихъ хоромахъ, засѣданія ея внѣ царскихъ хоромъ, но въ самой же Москвѣ, и, наконецъ, засѣданія Думы внѣ предѣловъ столицы.

Чтобы дать читателю болѣе или менѣе ясное понятіе о мѣстахъ засѣданія Думы Боярской въ предѣлахъ Московскихъ царскихъ хоромъ—мы представимъ общее расположеніе ихъ, которое будетъ вполнѣ понятно каждому, хотя нѣсколько знакомому съ расположеніемъ Московскаго Кремля и взаимнымъ соотношеніемъ соборовъ и Грановитой Палаты. Болѣе подробное изложеніе этого вопроса считаемъ

мы вполнѣ умѣстнымъ, такъ какъ оно укажетъ старинное мѣстоположеніе многихъ палатъ, въ которыхъ, кромѣ думныхъ сидѣній, происходили засѣданія земскихъ соборовъ, пріемы пословъ и другія торжественныя событія Московской государственной жизни; оно послужитъ и къ выясненію названій различныхъ частей царскаго двора, игравшихъ видную роль въ государственномъ быту Московскаго царства.

До конца XV вѣка великіе князья Московскіе жили въ деревянныхъ хоромахъ, которыя были разобраны въ 1492 году, по повелѣнію в. к. Іоанна III, а взамѣнъ ихъ предпринято было сооруженіе каменныхъ хоромъ, въ которыя, въ 1508 году, и перешелъ жить в. к. Василій Ивановичъ [1]. Этотъ каменный дворъ находился съ западной стороны Благовѣщенскаго собора и, паралельно теченію Москвы рѣки, простирался отъ собора по направленію къ Боровицкимъ воротамъ. Дальнѣйшее распространеніе каменнаго двора совершено въ правленія в. к. Василія Ивановича и царя Іоанна IV: уже къ половинѣ XVI в. каменный корпусъ двора повернулъ отъ Благовѣщенскаго собора къ сѣверу и примкнулъ къ Грановитой Палатѣ (оконченной итальянскими зодчими постройкою еще въ 1491 году), образовавъ такимъ образомъ прямой уголъ, вершину котораго составлялъ Благовѣщенскій соборъ. Наконецъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича послѣдовало еще одно капитальное распространеніе царскаго двора: къ западу отъ Грановитой Палаты въ 1635—1636 гг. воздвигнуты каменныя хоромы — нынѣшній теремной дворецъ — которыя и служили съ тѣхъ поръ внутренними жилыми покоями царскаго семейства, взамѣнъ старинныхъ набережныхъ палатъ [2]. Такимъ образомъ, къ половинѣ XVII стол., весь фасадъ царскаго двора имѣлъ подобіе буквы П, вершиною обращенной къ востоку; правой вертикальной линіи соотвѣтствовали набережныя палаты, лѣвой вертикальной линіи — теремныя хоромы, верхней горизонтальной линіи — восточный фасадъ, ограни-

---

(1) Софійскій Временникъ, II, 241, 282 («. . . тоя же весны (1508 г.), . . . вышолъ князь велики . . . въ новой дворъ кирпичной жити, его же заложилъ отецъ его . . . *на старомъ мѣстѣ* у Благовѣщенія»).

(2) «Выходы Царей», изд. Арх. Ком., указатель, стр. 20—21.

ченный, съ юга—Благовѣщенскимъ соборомъ, съ сѣвера—Грановитою Палатою. Внутреннее пространство между тремя частями царскихъ палатъ, съ расположенными на немъ хозяйственными и приказными постройками — носило названіе „дворца", т. е. двора въ собственномъ смыслѣ слова. Къ западу дворецъ оканчивался зданіями Конюшеннаго приказа, царскими конюшнями и различными другими постройками дворцоваго вѣдомства. Укажемъ теперь въ общихъ чертахъ мѣста расположенія въ различныхъ частяхъ царскихъ хоромъ тѣхъ палатъ или помѣщеній, ко-рыя играли болѣе или менѣе видную роль въ Московской государственной жизни, на сколько возстановляются они по источникамъ XVII вѣка. Въ части набережныхъ палатъ, смежной съ Благовѣщенскимъ соборомъ и южнымъ угломъ восточнаго фасада (такъ будемъ мы для краткости называть фасадъ царскаго двора между Блaговѣщенскимъ соборомъ и Грановитою Палатою)—примыкала палата Столовая; вдоль восточнаго фасада, начиная отъ Благовѣщенскаго собора и слѣдуя на сѣверъ къ Грановитой Палатѣ, въ послѣдовательномъ порядкѣ расположены были: Золотая Меньшая или Золотая подписная или Средняя Золотая Подписная Палата, затѣмъ Проходныя сѣни или Проходная Палата (¹), составлявшая, такъ сказать, аванзалу первой, далѣе Отвѣтная Палата и наконецъ слѣдовали сѣни Грановитой Палаты, изъ которыхъ на право входили въ Грановитую или Большую Золотую Палату, а на лѣво выходили на внутреннее Постельное Крыльце, отъ котораго каменная лѣстница вела въ верхній ярусъ нынѣшняго терема, гдѣ были жилые покои государей.

Что бы яснѣе представить себѣ взаимное соотношеніе отдѣльныхъ палатъ царскаго двора половины XVII стол.,—вообразимъ себя подходящими къ нимъ съ востока, пространствомъ площади, заключающимся между Архангельскимъ соборомъ и колокольнею Ивана Великаго, оставляя влѣво корпусъ Казеннаго двора, расположенный между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. Первое что

(¹) Которую не должно смѣшивать съ другими Проходными палатами,—наприм. находившеюся у Постельнаго крыльца и примыкавшею къ царицынымъ палатамъ.

представилось-бы нашимъ взорамъ—это каменный двуярусный восточный фасадъ царскихъ хоромъ, примыкающій съ южной стороны къ Благовѣщенскому собору, съ сѣверной—къ сѣнямъ Грановитой Палаты, и расположенный по линіи заднихъ (западныхъ) стѣнъ обоихъ зданій, представлявшихъ какъ бы два колоссальныхъ крайнихъ выступа изъ этого фасада. Отъ собора до сѣней Грановитой Палаты, вдоль всего втораго яруса фасада, тянулась длинная крытая галлерея,—достопамятное Красное Крыльце Московскаго царскаго двора ([1]). Такимъ образомъ до конца XVII стол. подъ названіемъ Краснаго Крыльца разумѣлась не лѣстница, примыкающая къ Грановитой Палатѣ и ведущая съ площади въ такъ называемыя нынѣ Святыя Сѣни передъ Грановитою Палатою, которая извѣстна и до нашихъ дней подъ этимъ названіемъ,—но вся галлерея, тянувшаяся вдоль верхняго яруса восточнаго фасада; впрочемъ уже въ концѣ XVII стол. названіе, сперва Красной Лѣстницы, а затѣмъ и Краснаго Крыльца, стало придаваться преимущественно лѣстницѣ, извѣстной и нынѣ подъ этимъ наименованіемъ ([2]). Отъ площади соборовъ вели на Красное Крыльце три всхода: первый изъ нихъ (южный) образовывала сѣверная паперть Благовѣщенскаго собора; второй (сѣверный) образовывала такъ называемая въ источникахъ „лѣстница у Грановитой Палаты“—Красное Крыльце нашихъ дней; третій всходъ составляла „середняя лѣстница“, находившаяся между двумя предъидущими и ведшая къ средней части Краснаго Крыльца ([3]). Между середнею лѣстницею и лѣстницею у Грановитой Палаты находились ворота, ведшія съ площади на „дворецъ“ ([4]),—внутренній дворъ царскихъ хоромъ; вхо-

---

([1]) Оно называлось также *переходами*. Памятники дипломат. сношеній, II, 486, III, 371.

([2]) Дворц. Разр. IV, 254, 309, 353, 720.

([3]) Для соотношенія Краснаго Крыльца и трехъ всходовъ на него см. Дворц. Разр. II, 175 (сноска), 205, 216, 418, 421—422, III, 556—558, 562, 581, Доп. III, 441, IV, 720; Карамзинъ, X, прим. 111, Памятники диплом. снош. I, 1266—1267; II, 486; III, 371 и мн. др. При перестройкѣ царскаго двора при импер. Елизаветѣ изъ трехъ лѣстницъ оставлена лишь одна сѣверная—нынѣшнее Красное Крыльце («Выходы Царей», указат. 46).

([4]) Дворц. Разр. IV, 720.

дившій на „дворецъ" этими воротами, пройдя ихъ, имѣлъ во внутренности дворца съ правой руки Постельное Крыльце, служившее соединительнымъ звѣномъ между палатами восточнаго фасада и зданіемъ нынѣшняго теремнаго дворца, въ которое вела съ этого крыльца каменная лѣстница. Указанныя выше три лѣстницы, ведшія съ площади на Красное Крыльце — служили мѣстами торжественныхъ входовъ въ царскія палаты. Лѣстница у Грановитой Палаты служила для царскихъ выходовъ; остальныя двѣ служили, между прочимъ, для введенія въ царскія палаты иноземныхъ пословъ, причемъ черезъ Благовѣщенскую паперть, считавшуюся входомъ болѣе почетнымъ сравнительно съ середнею лѣстницею, вводили лишь пословъ христіанскихъ государствъ (1). Съ Краснаго Крыльца вели во внутреннія палаты три двери, которыя мы назовемъ южными, средними и сѣверными. Первыя должны были находиться на южной оконечности Краснаго Крыльца, на лѣво отъ паперти Благовѣщенскаго собора, и вели въ Столовую Палату (2); вторыя двери находились въ средней части Краснаго Крыльца, противъ середней лѣстницы его (3); третьи двери, находившіяся въ сѣверной части Краснаго Крыльца и существующія донынѣ, вели въ сѣни передъ Грановитою или Золотою Большою Палатою (4).

Взойдя на Красное Крыльце Благовѣщенскою папертью, мы имѣли-бы, на лѣво—южную дверь, на право—все протяженіе Краснаго Крыльца; поворотивъ на лѣво и взойдя въ южную дверь,—мы прежде всего вошли бы въ „сѣни

---

(1) Это легко усматривается изъ находящихся въ Дворц. Разрядахъ описаній посольскихъ пріемовъ. Черезъ середнюю лѣстницу вводятъ нехристіанскихъ пословъ: I, 671—672; II, 421—422, 191 (сноска), 205 и др.

(2) Дворц. Разр. III, 559—560, 586—587; Карамзинъ: Ист. Гос. Рос., X, прим. 111 («..... и шелъ вверхъ середнею лѣстницею, да по крыльцу (Красному) въ Набережную палату .... а отъ Благовѣщенья до дверей Набережной палаты .... стояли дѣти боярскіе и пр.»

(3) Дворц. Разр. I, 671—672; II, 183; Доп. III т., 441; здѣсь ясно указано соотношеніе крыльца и дверей: «А на Красномъ Крыльцѣ стояли со свѣчами жъ стрѣльцы: у дверей (грановитыхъ сѣней) ...., противъ золотой палаты у дверей ...., въ Благовѣщенской паперти"....

(4) Дворц. Разр. II, 442, 464.

передъ Столовою", откуда другая дверь провела бы насъ уже въ самую Столовую палату. Обширныя сѣни Столовой палаты расположены были смежно съ Золотою Меньшею Палатою (¹). Если бы мы, взойдя на Красное Крыльце Благовещенскою папертью, повернули вправо (причемъ оставили бы влѣво ходъ въ Столовую Палату), то, дойдя до половины Краснаго Крыльца, имѣли бы, на право — сходъ на площадь середнею лѣстницею, а на лѣво—среднюю дверь, ведущую уже во внутренность восточнаго корпуса. Этою дверью мы вошли бы въ обширныя Проходныя Сѣни (изрѣдко называвшіяся также Проходною Палатою)—которые занимали слѣдовательно среднюю часть корпуса. Изъ этихъ сѣней, въ лѣвой (отъ входа) стѣнѣ ихъ, находилась дверь въ Золотую Меньшую или Золотую Подписную или Среднюю Золотую Подписную Палату (²) — занимавшую южную часть восточ-

---

(¹) Дворц. Разр. III, 559—560, 586—587. Въ описаніи стѣнной живописи Золотой Палаты, составленномъ въ 1672 году, сказано, что эта палата обращена одною стѣною (восточною) къ Красному крыльцу, второю *къ Панахидной*, третьею къ *Столовой* Палатамъ, четвертою—къ сѣнямъ съ дверью (Проходныя сѣни). Карамзинъ, т. X, прим. 453. Въ Дворц. Разрядахъ сказано про лицъ, стоящихъ въ сѣняхъ Столовой Палаты, что они поставлены «межъ Золотою и Панихидною Полатою» (III, 587); сѣни Столовой Палаты были глубиною не менѣе шести саженъ, такъ какъ въ нихъ, отъ двери палаты до Краснаго крыльца устанавливались въ два ряда 50 человѣкъ (Ibid., 559). Если Панахидная Палата была смежна съ южною стѣною Столовыхъ сѣней (которыя отдѣляли ее такимъ образомъ отъ Золотой)—то изъ сопоставленія приведенныхъ цитатъ окажется, что Золотая Палата дѣйствительно была обращена южною стѣною къ Панахидной и западною стѣною къ Столовой Палатѣ, которая сѣверною стѣною образовывала на внутреннемъ «дворцѣ» уголъ съ западною стѣной Золотой Палаты; смежными же быть обѣ послѣднія не могли вслѣдствіе значительной длины Столовыхъ сѣней, которыя соприкасались со всей южной стѣной золотой Палаты.

(²) Для опредѣленія соотношенія Краснаго Крыльца, Золотой Меньшой Палаты и Проходныхъ сѣней—см. Дворц. Разр. I, 672; II, 98—100, 102—104, 116—117—119—120, 183, 202—203, 213—214, 434—435; III, 515 и др. Что Золотая Меньшая и Золотая Подписная — различныя наименованія одной и той-же палаты, явствуетъ изъ сличенія текста и сносокъ къ нему въ слѣдующ. мѣстахъ: II, 98—100 и сноска къ послѣдней, 102—104 и сн. къ посл., 116—117 и сн. къ посл., 202—204 и сн. къ посл. и др. Названіе этой же Палаты *Средней* Золотой Подписной (II, 202—203 и сн. къ посл.)—отличаетъ ее отъ выстроенной

наго фасада, отъ Проходныхъ сѣней до сѣней Столовой Палаты (1). Сѣверную часть восточнаго фасада, отъ Проходныхъ сѣней до сѣней Грановитой Палаты,—должна была занимать Отвѣтная Палата (2). Восточный корпусъ и находившіяся въ южной и средней части его Золотая Палата и Проходныя сѣни—существовали уже со временъ царя Іоанна IV; но въ сѣверной части его до царствованія Михаила Ѳеодоровича (быть можетъ до большаго пожара 1626 года) на мѣстѣ Отвѣтной Палаты половины XVII вѣка находилось нѣсколько покоевъ—именно „палата Передняя да двѣ комнаты, гдѣ живалъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ" (3).

не ранѣе эпохи Михаила Ѳедоровича Меньшей или Царицыной Золотой Палаты—когда вмѣсто прежнихъ двухъ, стало три Золотыя Палаты (Выходы Царей, указатель, 29).

(1) Это ясно изъ Дворц. Разр. III, 587; «. . . отъ сѣнныхъ дверей (Столовой Палаты), межъ *Золотою* и Панахидные Полаты, до Благовѣщенской паперти . . .».

(2) Мѣстоположеніе Отвѣтной Палаты опредѣляемъ мы на основаніи слѣдующихъ мѣстъ Дворц. Разрядовъ: II, 101—102, 431—435; III, 560—563. Изъ этихъ мѣстъ оказывается, во первыхъ, что взойдя на Красное крыльце Благовѣщенскою папертью, къ Отвѣтной Палатѣ нужно было идти этимъ крыльцемъ, значитъ по направленію къ Грановитой Палатѣ («а отъ Благовѣщенья на Красномъ крыльцѣ до Отвѣтныя Полаты стояли жильцы и пр.» III, 562), а во вторыхъ, что она находилась вблизи Грановитой Палаты: въ ожиданіи приглашенія его къ царскому столу въ послѣднюю, англ. посолъ Гавортъ сидѣлъ въ Отвѣтной Палатѣ (ib.). Изъ этихъ мѣсто ясно,—если мы будемъ имѣть въ виду мѣстоположенія Золотой Палаты и Проходныхъ сѣней,—что Отвѣтная Палата *должна была* занимать сѣверную часть восточнаго фасада царскаго двора.

(3) Въ 1613 году, еще до прибытія въ Москву вновь избраннаго царя Михаила Ѳеодоровича, бояре доносятъ ему, что на царскомъ дворѣ отдѣлали для его пріѣзда «полату Золотую, что отъ Благовѣщенья къ Красному крыльцу, да отъ нее сѣни Передняя (*Проходныя*, сличи Дв. Разр. I, 1141), полату Переднюю, да двѣ комнаты, гдѣ живалъ государь ц. и в. к. Иванъ Васильевичъ всеа Руси, что слылъ чердакъ государыни царицы Настасьи Романовны, да полату Грановитую, и въ нихъ внутри все строеніе подѣлано на ново . . .», но что остальныя хоромы не отдѣланы за недостаткомъ денегъ (Дворц. Разр. I, 1152—1153). Это мѣсто важно тѣмъ, что здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ перечисляются, очевидно, палаты восточнаго фасада, отъ Благовѣщенскаго собора до Грановитой Палаты.

Войдя наконецъ въ сѣверную дверь, ведущую съ Краснаго Крыльца въ сѣни Грановитой Палаты (въ которую упиралось Красное крыльце сѣверною оконечностью своею) мы, очутившись въ послѣднихъ, имѣли бы, на правой сторонѣ— дверь въ самую Грановитую Палату, а на лѣвой сторонѣ— дверь выходящую на внутреннее Постельное Крыльце, въ уголъ образуемый соединеніемъ восточнаго фасада царскаго двора и нынѣшняго теремнаго дворца (1).

Отъ Постельнаго Крыльца начиналась лѣстница, по которой подымались до верхняго яруса нынѣшняго теремнаго дворца, гдѣ находились собственные жилые покои государя. Что-бы достигнуть послѣднихъ, нужно было пройти цѣлый рядъ крылецъ, переходовъ и площадокъ, которые заканчивались „верхнимъ каменнымъ крыльцемъ", изъ котораго переходили въ сѣни, находящіяся передъ Переднею Палатою—первымъ жилымъ покоемъ государя. Изъ Передней Палаты переходили въ „Комнату", говоря современнымъ языкомъ—кабинетъ царя, доступъ въ который былъ открытъ лишь для наиболѣе приближенныхъ къ государю лицъ (2). За Комнатою слѣдовали еще два внутреннія покоя—крестовая (молельня) и опочивальня. Изъ всего сказаннаго выше явствуетъ, что на Постельное Крыльце, а слѣдовательно и въ царскіе покои, можно было проникнуть съ площади двоякимъ путемъ: черезъ ворота, находившіяся подъ Краснымъ

---

(1) Дворц. Разр. II. 175 (сноски посл. строки), 216. 418, 421—422; III. 515; Доп. III. 441 («. . . у дверей, что ходятъ съ Постельнаго крыльца въ Грановитые сѣни . . .»).

(2) Дворц. Разр. III, 579—580; Доп. III. 440—441. Сравнимъ свидѣтельство *Котошихина*: «А пріѣзжаючи бояре, и думные и ближніе люди, ходятъ къ царю въ Верхъ въ Переднюю Палату и ожидаютъ царскаго выходу изъ покою; а ближніе бояре, уждавъ время, ходятъ въ Комнату; а . . . иные служилые чины къ царю въ Верхъ не ходятъ, бываютъ на крыльцѣ на середнемъ, передъ полатами непокоевыми; а инымъ чиномъ и до тѣхъ мѣстъ ходити не велѣно . . . » (II гл., ст. 16). Сличи также описанный Мейербергомъ пріемъ царемъ его и другихъ товарищей его въ своихъ жилыхъ покояхъ («dans son Cabinet»). Mayerberg: Relation d'un voyage en Moscovie (Paris, 1858), II. 146 и сл. («Nous montâmes donc au plus haut étage du Palais du czar, par des escaliers et des galeries . . . Il etait (царь) dans la seconde chambre de son appartement . . .»).

крыльцемъ, между среднею лѣстницею и лѣстницею у Грановитой Палаты и черезъ Красное Крыльце и сѣни Грановитой Палаты; второй путь носилъ оффиціально-торжественный характеръ и этимъ то путемъ проводили въ царскіе покои иноземныхъ пословъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда царь удостоивалъ принимать ихъ тамъ. Они шли сюда слѣдующимъ именно путемъ: поднявшись на Красное Крыльце Благовѣщенскою папертью, проходили всѣмъ Краснымъ Крыльцемъ, миновавъ Золотую Палату, въ Грановитые сѣни, а отсюда выходили на Постельное Крыльце, съ котораго вступали уже на лѣстницу, ведущую въ царскіе верхніе покои (¹).

И такъ, въ общемъ расположеніи царскихъ хоромъ XVII стол., опредѣлили мы мѣстонахожденіе слѣдующихъ палатъ: Грановитой, Золотой Меньшей (она же Меньшая Золотая Подписная и Золотая Средняя), Столовой, Отвѣтной, Передней и Комнаты. Остановимся нѣсколько на названіи *Золотая Палата*, которое представляется еще сбивчивымъ, благодаря различнымъ эпитетамъ къ нему прилагаемымъ. Названіе палатъ *золотыми*—какъ не трудно догадаться—имѣетъ основаніе въ самомъ способѣ украшенія ихъ посредствомъ позолоты, также какъ названіе *подписная палата* произошло отъ живописи, украшавшей стѣны и потолки Золотой Меньшей и Грановитой Палатъ (²). Во второй половинѣ XVI стол. позолотою и живописью разукрашены были двѣ палаты—Грановитая и первая отъ Благовѣщенскаго собора палата восточнаго корпуса, вслѣдствіе чего обѣ эти палаты и именовались *золотыми* и *подписными* (³), а для ихъ различенія первая называлась Золотою Большою или Грановитою (⁴), вторая—Золотою Меньшею, названіе при-

---

(¹) Дворц. Разр. III, 579—580; Доп. III, 440—441.

(²) Оно придавалось и Грановитой Палатѣ: Карамзинъ, т. X, прим. 315, 452 и 453.

(³) Въ Никоновской лѣтописи (VII, 56) читается при описаніи пожара 1547 года: «сгорѣли Благовѣщеніе златоверхое, *полаты златомъ украшенныя*, избы деревяныя, всякая казна и пр.» (Выходы царей, указ. 20); Карамзинъ, X, прим. 452 и 453.

(⁴) Она продолжала иногда называться такъ и въ XVII вѣкѣ: Дворц. Разр. II, 175, сноска); III, 556. Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 57.

своивавшееся послѣдней и въ теченіи XVII вѣка. Наконецъ со временъ Михаила Θеодоровича является еще третья золотая палата—Царицина, находившаяся подъ дворцовою церковью Всемилостиваго Спаса ([1]). Съ этихъ поръ эта послѣдняя стала называться, въ отличіе отъ двухъ первыхъ— Меньшею Золотою или Царициною Золотою Палатою,—а прежнюю Меньшую Золотую стали иногда называть уже Середнею Золотою; но сила привычки была такъ велика, что ее несравненно чаще продолжали называть по старинному— Золотою Меньшею, а названіе Середней Золотой примѣнялось къ ней лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ ([2]). Къ концу XVII вѣка вся эта путаница въ названіяхъ золотыхъ палатъ изчезаетъ, и названіе *Золотой*, безъ всякихъ прилагательныхъ — становится собственнымъ названіемъ южной палаты восточнаго корпуса царскаго двора, ближайшей къ Благовѣщенскому собору. Таковы были отдѣльныя части царскаго двора, игравшія не послѣднюю роль въ государственной жизни Московскаго періода русской исторіи. Оба крыльца—внѣшнее Красное и внутреннее Постельное—были мѣстомъ объявленія царскихъ указовъ, распоряженій и боярскихъ приговоровъ по мѣстническимъ дѣламъ;—Грановитая и Золотая Палата были мѣстомъ торжественныхъ царскихъ аудіенцій иноземнымъ посламъ; въ Отвѣтной Палатѣ бывали Московскіе бояре и думные люди въ *отвѣтѣ* съ послами и вели съ ними дипломатическіе переговоры; въ Грановитой Палатѣ происходили засѣданія земскихъ соборовъ 1621 и 1653 годовъ; въ Столовой Палатѣ засѣдалъ земскій соборъ 1634 г. и знаменитый земскій соборъ 1642 г., собранный по поводу Азовскаго вопроса; въ Отвѣтной Палатѣ слушали выборные земскаго собора 1649 г. чтеніе вновь составленнаго Уложенія; въ сѣняхъ передъ Переднею Палатою сожжены были въ 1682 году разрядныя книги съ мѣстническими случаями; сама Передняя Палата служила мѣстомъ

([1]) «Выходы Царей», указатель, стр. 29. Собр. Гос. Гр. и Дог. III, стр. 289.

([2]) Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ Дворцовыхъ Разрядовъ. Примѣры названія Меньшей Золотой Палаты XVI вѣка — Середнею Золотою: Дворц. Разр. II, 202—203 и сноска къ послѣдней; Собр. Гос. Гр. и Дог. III, №№ 61, 72.

ежедневнаго утренняго сбора бояръ и думныхъ людей для челобитья государю и т. п. Много можно бы было привести еще историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ тою или другою частью Московскаго царскаго двора XVI—XVII вѣковъ.

Различныя указанныя нами помѣщенія царскаго двора—служили также мѣстомъ обыкновенныхъ засѣданій Боярской Думы. Весьма часто источники, упоминая о томъ или другомъ засѣданіи Думы, въ особенности до 1635—1636 г., не указываютъ самаго мѣста его, но выражаются весьма общимъ образомъ—„въ Верху", „къ боярамъ въ Верхъ" (¹) и т. п., что даетъ лишь указаніе на царскій дворъ вообще, притомъ какъ на жилые покои государя, такъ и на нижнія „непокоевыя" (т. е. нежилыя) палаты, расположенныя по линіи Краснаго крыльца. Въ другихъ случаяхъ (съ 1635—1636 г.) видимъ мы опредѣленныя указанія на засѣданія Думы въ верхнемъ ярусѣ нынѣшняго теремнаго дворца, въ собственныхъ жилыхъ покояхъ государя—причемъ засѣданія происходятъ или въ Передней Палатѣ (²) или въ Комнатѣ (³). Засѣданія въ Комнатѣ носили по всей вѣроятности болѣе интимный характеръ, сравнительно съ засѣданіями въ Передней, и происходили всегда подъ предсѣдательствомъ самаго государя; это-же помѣщеніе служило и рабочею комнатою царя, гдѣ онъ выслушивалъ восходившіе до него лично доклады. Въ 1685 г., въ правленіе царевны Софіи, въ выстроенныхъ для нее и для другихъ царевенъ каменныхъ палатахъ о трехъ ярусахъ,—въ нижнемъ ярусѣ была устроена комната „гдѣ сидѣть съ бояры—слушать всякихъ дѣлъ". Съ 1685 г. эта то „Комната" и упоминается въ качествѣ обычнаго мѣста думныхъ совѣщаній (⁴). Затѣмъ видимъ мы примѣры засѣданій Думы Боярской въ

(¹) П. С. З. №№ 582, 621; Акты Ист. II, №№ 63, 85 (I), 92 (IX), IV, № 6 (V); А. А. Э. II. № 64, Дворц. Разр. I, № 140 и др.

(²) П. С. З. № 1491; А. А. Э. IV, № 240; Дв. Разр. III, 1365.

(³) П. С. З. № 965; Акты Ист. V, № 226; А. А. Э. IV, №№ 278, 280, 287, 288, 289.

(⁴) Забѣлинъ: Домашній бытъ русск. царей (изд. 2-е), I, 67.

нижнихъ непокоевыхъ палатахъ — въ Золотой Палатѣ (1), въ Столовой (2) и въ Отвѣтной Палатахъ (3); Золотая Палата, какъ выше замѣтили мы, дѣлается въ концѣ XVII вѣка обычнымъ мѣстомъ засѣданій Расправной Палаты. Замѣчательно, что въ Грановитой Палатѣ никогда не происходили засѣданія Боярской Думы. До 1635—1636 г., пока не былъ еще выстроенъ теремной дворецъ—Дума засѣдала въ нижнихъ палатахъ; но съ тѣхъ поръ какъ выстроенъ былъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ послѣдній (на который и переходитъ преимущественное названіе „верха")—Передняя и Комната становятся обыкновеннымъ, хотя и не исключительнымъ, мѣстомъ засѣданій Думы (4).

До сихъ поръ мы говорили о засѣданіяхъ Думы Боярской въ предѣлахъ царскаго двора; но засѣданія ея могли имѣть мѣсто, что случалось впрочемъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, которыхъ мы отыскали только три—и внѣ предѣловъ его. Такъ, въ 1653 и 1674 гг., засѣданія Думы Боярской, въ полномъ составѣ ея, были открываемы *на Земскомъ Дворѣ*, для распроса и пытки, въ первомъ случаѣ—самозванца Тимошки Анкудинова, а во второмъ случаѣ—самозванца Ивашки Воробьева, называвшаго себя царевичемъ Семіономъ; бояре и думные люди, производя здѣсь допросъ, о результатахъ его и объ указѣ посылали на царскій дворъ докладывать государя (5). Третій случай относится къ 1628 году; въ этомъ году, 25 іюня, Дума Боярская засѣдала „*у* великого государя, Святѣйшаго Филарета

(1) П. С. З. №№ 460, 461, 885; Дворц. Разр. I, 435.

(2) П. С З. № 617; Древн. Росс. Вивл. XVII, 133 (1543 года); Дворц. Разр. III. 1392.

(3) Собр. Гос. Гр и Дог. IV, № 105.

(4) Это вполнѣ явствуетъ изъ сопоставленія дошедшихъ до насъ извѣстій объ отдѣльныхъ случаяхъ думныхъ засѣданій.

(5) «А боярамъ и окольничимъ и думнымъ дворяномъ и думнымъ дьякомъ указалъ великій государь ѣхать *всѣмъ* на Земской Дворъ въ патомъ часу дня, тотчасъ не мѣшкавъ, и указано имъ воровъ распрашивать накрѣпко и пытать .... А что они воры станутъ ... боярамъ сказывать, и в. г. указалъ о томъ прислать .... къ себѣ ...., а имъ указалъ бояромъ ждать своего в. г. указу .... съ Верху». Акты Ист. IV, № 247; Дворц. Разр. III, 1019; Доп. къ Акт. Ист. III. № 73 (IV).

Никитича, *патріарха* Московскаго и всея Русіи *передъ Крестовою Полатою въ сѣняхъ*",—гдѣ она постановляетъ приговоры по вопросамъ уголовнаго судопроизводства, по докладу изъ Разбойнаго приказа (¹).

Затѣмъ бывали случаи засѣданій Думы Боярской и внѣ Москвы. Это имѣло именно мѣсто во время царскихъ выѣздовъ изъ столицы, когда вслѣдъ за царемъ выѣзжали изъ города всѣ бояре и думные люди, за исключеніемъ лишь оставленныхъ для вѣданія Москвы. Въ послѣдней четверти XVII стол., когда любимою подгородною резиденціею Московскихъ царей сдѣлалось село Преображенское,—мы видимъ весьма частые случаи засѣданій здѣсь Думы Боярской, причемъ пріѣзжаютъ сюда съ докладами начальники Московскихъ приказовъ (²). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда большинство бояръ и думныхъ людей не сопровождало государя въ его отъѣздѣ и оставалось въ Москвѣ — государь самъ пріѣзжалъ иногда въ Москву, всего на нѣсколько часовъ, для слушанія съ боярами дѣлъ поступавшихъ въ Думу изъ приказовъ (³).

Наконецъ, въ разрядахъ второй половины XVI стол., находимъ мы примѣры совѣщаній и приговоровъ царя съ боярами и воеводами во время ратныхъ походовъ; эти совѣщанія касаются впрочемъ исключительно вопросовъ ратнаго дѣла и носятъ характеръ военныхъ совѣтовъ (⁴).

(¹) Акты Ист. III. № 167 (стр. 304).

(²) Случаи засѣданія Думы въ «походѣ» въ селѣ Преображенскомъ: Акты Ист. V, № 200; Дворц. Разр. III, 1095, 1109, 1111, 1119, 1409, 1579. Въ 1674 г., выѣхавъ въ Преображенское, царь указалъ всѣмъ боярамъ и думнымъ людямъ, остававшимся въ Москвѣ, четыре раза въ недѣлю пріѣзжать «въ походъ къ себѣ вел. государю челомъ ударить и *для сидѣнья*» (Дворц. Разр. III. 1095, 1409). Засѣданія Думы въ Преображенскомъ, на Генеральномъ Дворѣ: Записки Желябужскаго (изд. 1840 г.), 149, 151.

(³) «188 г. Іюня въ 21 д., въ 7 часу дня, вел. государь . . . . изволилъ изъ своего в. г. походу, изъ села Воробьева, приттить къ Москви слушать съ бояры изъ Посольскаго и иныхъ приказовъ дѣлъ. И того числа, за 3 часа до вечера, изволилъ в. г. съ Москвы иттить въ тожъ село Воробьево по прежнему». Дворц. Разр. III. 163, 165.

(⁴) Древн. Росс. Вивл. XIII, 411, 437; XIV, 305.

Что касается *времени засѣданій* Думы Боярской—то по этому вопросу имѣемъ мы весьма немного положительныхъ свѣдѣній.

Мы уже во введеніи къ настоящему труду имѣли случай замѣтить, что раннее утро было преимущественнымъ временемъ засѣданія княжеской думы въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской жизни. Утро продолжаетъ считаться самымъ удобнымъ временемъ для думныхъ сидѣній и въ Московскомъ періодѣ, хотя въ этомъ періодѣ встрѣчаемъ мы уже и засѣданія вечернія. Флетчеръ (конецъ XVI в.) свидѣтельствуетъ, что засѣданія Думы Боярской начинались обыкновенно съ 7 часовъ утра (¹). Маржеретъ (нач. XVII в.), описывая образъ жизни высшихъ служилыхъ людей русскихъ, говоритъ, что они „встаютъ лѣтомъ обыкновенно при восхожденіи солнца и отправляются во дворецъ, гдѣ присутствуютъ въ Думѣ отъ перваго часа до шести часовъ дня; потомъ идутъ съ государемъ въ церковь, гдѣ онъ слушаетъ литургію отъ 7 до 8 часовъ. По выходѣ государя изъ церкви, возвращаются домой обѣдать; послѣ обѣда отдыхаютъ и спятъ часа два или три. Въ 14 часовъ, по звону колокола, снова посѣщаютъ дворецъ, гдѣ проводятъ около 2 или 3 часовъ вечера; потомъ удаляются, ужинаютъ и ложатся спать" (²). Переводя приводимые Маржеретомъ часы на современные (³) (принявъ среднее время лѣтняго восхожденія солнца въ 3 часа утра)—мы найдемъ, что утреннее засѣданіе Думы продолжалось въ эпоху Моржерета до 9 часовъ, послѣ чего наступало время литургіи; время же начала вечерняго засѣданія будетъ соотвѣтствовать пяти часамъ вечера (звонъ колокола, упоминаемый Маржеретомъ—есть вѣроятно благовѣстъ къ вечерни). Приведенное свидѣтельство совершенно подтверждается свидѣтельствомъ Котошихина (полов. XVII в.), что „бояре, и околничіе и думные и ближніе люди, пріѣзжаютъ къ царю челомъ ударить

(¹) Fletcher: La Russie au XVI siecle (Leip. et Paris, 1864), I, 110.

(²) Устраловъ Сказ. соврем. о Дм. Самозванцѣ, I, 267—268.

(³) Въ XVI—XVII в. в. денные часы считали отъ восхожденія до захожденія солнца, ночные—отъ захода до слѣдующаго восхода его. Ясно, что количество денныхъ и ночныхъ часовъ было различно въ различныя времена года.

съ утра рано, на всякой день . . . также и послѣ обѣда пріѣзжаютъ къ нему, въ вечерни, по вся дни" (1). Въ дополненіе вышеприведенныхъ свидѣтельствъ современниковъ, мы имѣемъ нѣсколько указовъ второй половины XVII стол., свидѣтельствующихъ о времени засѣданій Думы Боярской. Такъ, 3 дек. 1668 г., указано боярамъ и думнымъ людамъ съѣзжаться въ Золотую Палату, для сидѣнья за дѣлами, въ первомъ часу ночи, т. е. между $3\frac{1}{2}$—$4\frac{1}{2}$ часами вечера по нашему раздѣленію дня (2); 17 іюля 1674 года указано имъ съ 20 числа пріѣзжать съ тою же цѣлью „въ верхъ" въ 10 часу дня, т. е., по нашему дѣленію дня, во 2 часу пополудни (3); 1 февраля 1676 года указано съѣзжаться „въ верхъ" для сидѣнья за дѣлами въ 1 часу, т. е. въ 6 часу вечера (4). Приведенныя сейчасъ опредѣленія не представляютъ законодательныхъ актовъ—ими не опредѣляются какіе либо новые виды собраній думныхъ людей, или хотя бы даже новые засѣданія ихъ. Это—простыя записи въ Разрядѣ распоряженій объ измѣненіи для различныхъ временъ года часовъ вечернихъ думныхъ сидѣній (5). Въ наши дни подобныя распоряженія были-бы излищни при современной системѣ дѣленія сутокъ на часы: опредѣленіе начала вечерняго засѣданія, напримѣръ, въ 3 часа пополудни—имѣло бы постоянный характеръ для всѣхъ временъ года. Но въ Московскомъ государствѣ, съ подвижностью счисленія ден-

---

(1) Котошихинъ, гл. II, ст. 14.

(2) П. С. З. № 461. 3 Декабря солнце заходитъ въ Москвѣ около $3\frac{1}{2}$ часовъ попол., слѣдовательно *первый* часъ ночи стараго счисленія часовъ—соотвѣтствуетъ нашимъ $3\frac{1}{2}$—$4\frac{1}{2}$ час. пополудни. Вообще переводъ старинныхъ Московскихъ часовъ на современные весьма простъ: стоитъ только справиться въ календарѣ, въ какомъ часу восходитъ или заходитъ солнцѣ въ Москвѣ въ данное число мѣсяца и затѣмъ, помня что старинный первый часъ дня—есть первый часъ послѣ восхожденія, а первый часъ ночи—первый часъ послѣ захожденія солнца, сдѣлать простое перечисленіе.

(3) Такъ какъ солнце восходитъ въ Москвѣ 20 іюля ок. 4 ч. утра П. С. З. № 582.

(4) Такъ какъ солнце заходитъ въ Москвѣ 1 февраля ок. 5 ч. пополудни. П. С. З. № 621.

(5) Поэтому весьма страннымъ представляется мнѣніе проф. Дмитріева, заявляющаго, что «до 1669 года, какъ видно, Дума присутствовала *только* по утрамъ». (Ист. суд. инст. 343).

ныхъ и ночныхъ часовъ для различныхъ чиселъ и мѣсяцевъ—необходимы были отъ времени до времени измѣненія часовъ вечернихъ засѣданій, паралельно съ измѣняющимся временемъ восхода и захода солнца: первый часъ ночи соотвѣтствовалъ въ XVII вѣкѣ, лѣтомъ—нашему 10 часу вечера, зимою—нашему 4 часу пополудни, что должно бы было вести къ величайшей неравномѣрности въ истинномъ времени вечернихъ сидѣній. И вотъ приведенные нами распоряженія восполняютъ недостатокъ стариннаго счисленія часовъ: въ лѣтніе мѣсяцы назначаются болѣе ранніе часы вечернихъ засѣданій, сравнительно съ мѣсяцами зимними. Если мы не встрѣчаемъ особыхъ опредѣленій о времени утреннихъ засѣданій Думы—то это легко объясняется тѣмъ, что они обусловливались временемъ утренняго съѣзда бояръ и думныхъ людей въ царскій Верхъ, а послѣднее въ свою очередь опредѣлялось для каждаго даннаго дня временемъ восхожденія солнца,—вслѣдствіе чего не было надобности въ особыхъ опредѣленіяхъ часовъ ихъ.

Флетчеръ оставилъ намъ свидѣтельство о дняхъ засѣданій Думы Боярской. Онъ заявляетъ, что обыкновенными днями думныхъ засѣданій служили понедѣльникъ, среда и пятница, хотя, въ случаѣ какого либо чрезвычайнаго обстоятельства, думное сидѣнье могло быть назначено и въ другой день, о чемъ и оповѣщались члены Думы ([1]). Само собою разумѣется, что извѣстіе приводимое Флетчеромъ относится къ регулярнымъ засѣданіямъ Думы, какъ высшей административной и судебной инстанціи, собирающейся въ одной изъ палатъ царскаго двора для слушанія „изъ приказовъ всякихъ росправныхъ дѣлъ" ([2]); что оно не можетъ относиться къ думѣ совѣщательной—нерѣдко обращавшейся въ думу тайную—каждое утро собиравшуюся, въ лицѣ всѣхъ бояръ и думныхъ людей, въ жилыхъ покояхъ государя. Во второй половинѣ XVII вѣка уже не встрѣчаемъ мы пріурочиванія къ опредѣленнымъ днямъ регулярныхъ засѣданій Думы Боярской: по указамъ 1668 и 1676 гг. засѣданія ея имѣютъ мѣсто во всѣ дни, за исключеніемъ лишь Субботы и Воскресенья ([3]). Впрочемъ указанія на приводи-

---

([1]) Fletcher, I, 110.

([2]) П. С. З. № 582 (сличи съ № 460).

([3]) П. С. З. №№ 460 и 656. Сравни Уложенія гл. X, ст. 25.

мые Флетчеромъ дни—какъ предпочитаемые для засѣданій Думы Боярской — находимъ мы въ двухъ свидѣтельствахъ Дворцовыхъ Разрядовъ: находясь въ походѣ въ селѣ Преображенскомъ, государь указываетъ боярамъ и думнымъ людямъ пріѣзжать къ себѣ съ докладами изъ приказовъ и для сидѣнья, въ 1674 году—по Воскресеньямъ, *Понедѣльникамъ*, *Средамъ* и *Пятницамъ*, въ 1675 году—по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ (¹). Быть можетъ совпаденіе послѣднихъ фактовъ съ свидѣтельствомъ Флетчера—случайность; но мы безъ достаточно уважительныхъ основаній не можемъ безусловно отвергать справедливость показанія Флетчера, писателя наблюдательнаго и вообще правдиваго (²).

Глава IV.

Дѣлопроизводство и порядокъ засѣданій въ Думѣ.

I. Упрощенность думнаго дѣлопроизводства.—Дѣлопроизводство по дѣламъ, вносимымъ въ Думу самимъ государемъ.—Дѣлопроизводство по докладамъ изъ приказовъ.—Дѣлопроизводство по челобитнымъ, поступающимъ на разсмотрѣніе Думы.—Почему не дошли до насъ дѣла Думы Боярской; отсутстіе въ Думѣ канцелярской организаціи.—Вопросъ о силѣ боярскихъ приговоровъ. Случаи докладовъ дѣлъ изъ Думы государю.—II. Назначеніе думныхъ засѣданій.—Вопросъ о предсѣдательствѣ въ Думѣ.—Порядокъ занятія мѣстъ и мѣстничество въ Думѣ.—Совѣщаніе и составленіе приговора. Вопросъ о способѣ рѣшенія дѣлъ въ Думѣ.

Всматриваясь въ историческія и юридическія памятники, сохранившіе намъ извѣстія о Думѣ Боярской, нельзя не остановиться въ удивленіи передъ крайнею упрощенностью и быстротою ея дѣлопроизводства. Вслѣдствіе этого здѣсь находимъ мы врядъ ли возможною „волокиту",—составлявшую страшное зло въ приказахъ Московскихъ.

Выше имѣли мы уже случай замѣтить, что при Думѣ

(¹) Дворц. Разр., III, 1094—1095, 1409.

(²) Замѣчательно что впослѣдствіе, указами 1716, 1722 и 1724 гг., предписано было въ указанные дни (т. е. въ понедѣльникъ, среду и пятницу) засѣдать и въ Сенатѣ (См. Петровскаго: «О Сенатѣ въ царств. Петра Вел.», 348), а еще раньше, указомъ 1708 г., въ тѣ же дни велѣно присутствовать въ Ближней Канцеляріи (П. С. З. № 2188).

Боярской не было никакой канцеляріи: доклады дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію Думы, подготовлялись соотвѣтствующими приказами; въ послѣдніе же поступали изъ Думы и вершенныя дѣла къ исполненію. Такимъ образомъ на долю Думы выпадало разсмотрѣніе обстоятельствъ, указанныхъ въ докладѣ уже вполнѣ подготовленномъ: оставалось лишь оцѣнить эти обстоятельства и постановить извѣстное рѣшеніе, „приговоръ“. Упрощенность какъ самой организаціи Думы, такъ и дѣлопроизводства ея, доходитъ до того, что нѣтъ возможности указать, если можно такъ выразиться, самой формы, въ которой выражалась бы постоянная наличность Думы. Если бы мы, перенесясь въ Московскую эпоху, спросили кого либо въ моментъ, когда не было засѣданія Думы, —гдѣ найти Думу Боярскую,—то конечно не могли бы получить опредѣленнаго отвѣта. Намъ бы отвѣтили, что такой-то бояринъ находится въ полку, другой—посланъ на воеводство, третій—присутствуетъ въ приказѣ Казанскаго Дворца; что такой-то думный дьякъ сидитъ въ Посольскомъ приказѣ, другой въ Разрядѣ и т. д.; намъ бы указали цѣлый рядъ думныхъ людей, засѣдающихъ въ различныхъ учрежденіяхъ и облеченныхъ различными должностями,—но Думы Боярской, въ собственномъ и конкретно-опредѣленномъ смыслѣ, никто не былъ бы въ состояніи намъ указать. Даже и въ томъ случаѣ, когда въ данный моментъ имѣло мѣсто засѣданіе Думы—человѣкъ непосвященный въ тайны приказной администраціи не могъ бы съ точностью указать намъ, гдѣ происходитъ это засѣданіе: мы уже знаемъ, что Дума Боярская не имѣла и опредѣленнаго помѣщенія. Не смотря на всѣ указанныя особенности, которыя съ перваго взгляда могутъ дать понятіе о Думѣ Боярской, какъ объ учрежденіи фиктивномъ, воображаемомъ — мы видимъ, что она является вмѣстѣ съ тѣмъ государственнымъ *установленіемъ* въ полномъ смыслѣ послѣдняго слова, что она является завершающимъ звѣномъ всей правительственной системы Московской, дающимъ послѣдней гармоническое единство и опредѣленное направленіе. Вся эта кажущаяся неопредѣленность организаціи Думы Боярской проистекаетъ именно изъ указанной нами крайней упрощенности ея дѣлопроизводства, въ которой мы вполнѣ убѣдимся, разсмотрѣвъ, какимъ порядкомъ поступали и имѣли дальнѣйшее движеніе въ Думѣ вопросы и дѣла подлежавшіе ея обсужденію.

Ниже, при изслѣдованіи вопроса о кругѣ вѣдомства Думы Боярской, увидимъ мы, что различные вопросы и дѣла могли поступать въ Думу троякимъ путемъ: a) или самъ государь вносилъ ихъ на обсужденіе бояръ и думныхъ людей своихъ, b) или они поступали сюда въ видѣ докладовъ изъ приказовъ, c) или, наконецъ, возбуждались въ Думѣ путемъ поступавшихъ на ея разсмотрѣніе челобитій.

Обратимъ вниманіе на каждый изъ этихъ трехъ путей возбужденія думнаго дѣлопроизводства въ частности.

Нѣтъ сомнѣнія—что усматривается уже изъ самаго значенія Думы Боярской, какъ совѣщательнаго органа состоящаго непосредственно при государѣ — что государи Московскіе весьма часто предлагали на обсужденіе бояръ и думныхъ людей своихъ различныя внѣшнія и внутреннія мѣропріятія, на необходимость которыхъ наталкивались они въ своей политикѣ. До насъ мало дошло свидѣтельствъ о подобныхъ совѣщаніяхъ въ Думѣ, возбужденныхъ иниціативою самаго государя; это объясняется тѣмъ, что мѣропріятія, бывшія результатомъ этихъ совѣщаній, предпринимались обыкновенно отъ государева имени, безъ упоминанія въ большинствѣ случаевъ о боярскомъ приговорѣ—быть можетъ потому, что въ большинствѣ случаевъ дѣло ограничивалось простымъ совѣщаніемъ полу - частнаго характера, такъ что отъ бояръ и не требовалось особаго приговора, въ смыслѣ опредѣленнаго рѣшенія. Котошихинъ, говоря о Думѣ Боярской, затрогиваетъ вопросъ о порядкѣ внесенія государемъ въ Думу тѣхъ или другихъ вопросовъ и объ ихъ обсужденіи здѣсь; этотъ порядокъ характеристиченъ своею патріальхальною простотою: „А лучитца царю мысль свою о чемъ объявити—говоритъ Котошихинъ—и онъ имъ объявя приказываетъ, чтобъ они бояре и думные люди помысля къ тому дѣлу дали способъ . . . . . А на чемъ которое дѣло быти приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякомъ помѣтить, и тотъ приговоръ записать“ [1]. Затѣмъ приговоръ, если результатомъ его должно быть извѣстное исполненіе, передается съ послѣднею цѣлью въ одинъ изъ приказовъ. А эта процедура въ свою очередь до крайности несложна, —не нужно ни предварительнаго обращенія приговора для

[1] Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

изготовленія въ окончательной формѣ въ думную канцелярію (которой и не существовало), ни препровожденія его при мудреномъ отношеніи въ соотвѣтствующій приказъ: каждый приказъ, какъ мы уже знаемъ, имѣлъ въ Думѣ своего представителя—которому тутъ же и передавался состоявшійся приговоръ. Поступивъ въ приказъ—онъ заносился здѣсь въ записную книгу, обнародовался (если это нужно) и обращался къ исполненію. Котошихинъ, продолжая выписанное нами сейчасъ свидѣтельство, заявляетъ: „А лучится (какъ результатъ приговора) писати о чемъ грамоты во окрестные государства, и тѣ грамоты прикажутъ готовить посольскому думному дьяку (моментъ передачи приговора къ исполненію въ приказъ), а думный дьякъ приказываетъ подъячему (исполненіе въ приказѣ), а самъ не готовитъ и пр.“ Котошихинъ приводитъ здѣсь образецъ приговора, обращаемаго къ исполненію въ Посольскій приказъ: самъ онъ бывшій подъячій этого приказа—и вслѣдствіе этого посольское дѣло ближе всего касается его сердца. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обсужденію Думы Боярской предлагался государемъ вопросъ важный по могущимъ наступить послѣдствіямъ своимъ записывался не только приговоръ, но и самыя мнѣнія думныхъ людей. Такъ въ 1566 г. были записаны рѣчи думныхъ людей, обсуждавшихъ, по предложенію царя, вопросъ о мирѣ или войнѣ съ Польшею; на эти записанныя рѣчи ихъ ссылаются они царю на имѣвшемъ въ этомъ году мѣсто земскомъ соборѣ [1]. Это свидѣтельство даетъ намъ основаніе предполагать, что въ наиболѣе важныхъ случаяхъ составлялось нѣчто въ родѣ протокола думныхъ засѣданій; составленіе его возлагалось вѣроятно на государева дьяка или на одного изъ думныхъ дьяковъ, по принадлежности дѣла. Существуютъ свидѣтельства въ пользу того, что въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстные вопросы и дѣла вносились государемъ на разсмотрѣніе Думы Боярской, программа ихъ предварительно составлялась въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, имѣвшимъ характеръ собственной царской канцеляріи, при личномъ и непосредственномъ участіи въ томъ государя. Во второмъ томѣ Записокъ Императ. Русск. Археолог. Об—ва, по отдѣленію русск. и славянск. археологіи,

---

[1] Собр. Гос Гр. и Дог. I, № 192 (стр. 548).

въ которомъ изданы бумаги и дѣла Приказа Тайныхъ Дѣлъ, находимъ мы документъ, озаглавленный, „Писмо, о какихъ дѣлѣхъ говорить бояромъ“, съ помѣткою въ концѣ, сдѣланною государевою рукою. Здѣсь, въ качествѣ программы вопросовъ, по которымъ, выражаясь словами Котошихина, имѣлъ государь въ виду объявить въ Думѣ мысль свою и предложить думнымъ людямъ, „помысля, къ тому дѣлу дать способъ“,—читаемъ мы: „Поговорить боярамъ о Свѣйскихъ послѣхъ, что присылаютъ бити челомъ намъ, великому государю, чтобъ отпустить человѣка своево въ Свѣю, для доброво дѣла, а сидѣть де надокучило. А отъ себя имъ (боярамъ?) и отпустить велѣть не будетъ худа. А будетъ что для вѣстей не отпускать, и они и давно все вѣдаютъ и кромѣ сего гонца“; или: „Боярину Вас. Шереметеву въ Борисовѣ зимовать ли, и ратнымъ людемъ кому съ нимъ зимовать, или съ инымъ воеводою зимовать и воеводѣ кому быть“ и др. (1). Слѣдуя свидѣтельству Котошихина, всѣ писатели, затрогивавшіе вопросъ о Московскихъ приказахъ, утверждаютъ, что Приказъ Тайныхъ Дѣлъ возникъ впервые въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича. Это мнѣніе не можетъ считаться вполнѣ справедливымъ. Выраженіе Котошихина, заявляющаго что этотъ приказъ „устроенъ.... при нынѣшнемъ царѣ, для того чтобъ его царская мысль и дѣла исполнялися всѣ по его хотѣнію, а бояре бъ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали (2)“—указываетъ лишь на измѣненіе теперь значенія его или на закрытіе его передъ тѣмъ въ теченіи извѣстнаго промежутка времени. Учрежденіе, вѣдавшее царскія „тайныя дѣла“, существовало и до царствованія Алексѣя Михаиловича: въ одной изъ расходныхъ книгъ денежной казнѣ Казеннаго приказа, относящейся къ 1613—1614 году, подъ девятнадцатымъ числамъ Августа, помѣщена статья расхода, въ которой упоминается о подъячемъ государевыхъ *тайныхъ дѣлъ* (3)“. Затѣмъ Флетчеръ еще въ 1588

---

(1) Записки Императ. Русс. Арх. Об—ва по отдѣл. рус. и слав. археологіи, т. II, стр. 733—735.

(2) Котошихинъ, гл. VII, ст. 1.

(3) Викторовъ: Описаніе книгъ и бумагъ старин. дворцовыхъ приказовъ (М. 1877 г.), I. стр. 71.

Г. упоминаетъ о тайныхъ посыльщикахъ, отправляемыхъ царемъ по областямъ для конфиденціальнаго донесенія ему о положеніи въ нихъ дѣлъ (1), — которые напоминаютъ довѣренныхъ подъячихъ Тайнаго Приказа, о которыхъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ. Наконецъ самый здравый смыслъ заставляетъ насъ предполагать, что при всѣхъ государяхъ должно было состоять болѣе или менѣе организаванное бюро для вѣданія дѣлъ, къ которымъ вступали они въ болѣе или менѣе непосредственное отношеніе; начало этого учрежденія можно видѣть въ дьякахъ „въ государевѣ имени", которыхъ находимъ мы уже въ XVI вѣкѣ. Здѣсь-то конечно и подготовлялись дѣла, которыя имѣли государи въ виду внести на обсужденіе бояръ и думныхъ людей своихъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію порядка поступленія въ Думу Боярскую дѣлъ по докладамъ изъ приказовъ.

Въ какихъ случаяхъ поступали дѣла изъ приказовъ на разсмотрѣніе Думы Боярской — этотъ вопросъ затронутъ будетъ нами ниже, при обозрѣніи круга вѣдомства Думы Боярской; въ настоящую же минуту будетъ насъ занимать лишь внѣшній порядокъ внесенія въ нее докладовъ изъ приказовъ. Въ случаѣ оказавшей необходимости доклада дѣла государю и Думѣ его, — въ приказѣ составлялась особая „докладная выписка" по дѣлу. Докладная выписка изготовлялась въ такой формѣ, чтобъ изъ нея съ достаточною ясностью и полнотою усматривались всѣ обстоятельства докладываемаго дѣла; если встрѣчалась въ томъ надобность, въ выпискѣ приводились различнаго рода справки и ссылки на предшествовавшія узаконенія, относящіяся непосредственно или косвеннымъ образомъ къ отношенію или вопросу, составляющему содержаніе докладываемаго дѣла. Докладная выписка оканчивалась обыкновенно изложеніемъ спорныхъ или сомнительныхъ обстоятельствъ, не допустившихъ составленія окончательнаго рѣшенія дѣла въ приказѣ, съ обращеніемъ къ государю въ вопросительной формѣ объ указѣ по докладываемому дѣлу (2). Если къ докладу государю и боярамъ накоп-

(1) Fletcher: La Russie etc. (P. 1864). II, 37 (гл. XVIII).

(2) Образцы докладныхъ выписокъ: Владимірскій-Будановъ «Христоматія и пр.», вып. III, стр. 25, 28, 38, 193, 224 и сл., 256 и сл.; Акты Ист. IV, № 6 (V); П. С. З. №№ 651, 675, 754 и мн. др.

ялось въ приказѣ болѣе или менѣе значительное количество близко соприкасающихся вопросовъ, или если одинъ докладываемый вопросъ естественнымъ образомъ распадался на нѣсколько частныхъ вопросовъ,—въ такомъ случаѣ всѣ эти отдѣльные вопросы, хотя и вносились въ одну и туже докладную выписку, но уже, въ видахъ большаго удобства ихъ обсужденія, располагались по отдѣльнымъ перенумерованнымъ статьямъ, вслѣдствіе чего самая выписка получала названіе „статейнаго списка (1)". Докладныя выписки вносились въ Думу судьями соотвѣствующихъ приказовъ, которые конечно давали при этомъ и необходимыя объясненія по докладываемымъ вопросамъ. Уже Флетчеръ (1588 г.) свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, что дѣла изъ приказовъ вносятся въ Думу начальниками ихъ (2). Этотъ порядокъ докладовъ вполнѣ подтверждается и отечественными свидѣтельствами; въ немъ легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія дополнительныхъ къ Судебнику указовъ и Новоуказныхъ статей. Такъ, въ 1601—1602 гг., судьи Приказа Казанскаго Дворца Аѳ. Власьевъ и Нечай Ѳедоровъ докладываютъ боярамъ по дѣлу о ссылкѣ Романовыхъ (3); такъ, въ 1625 и 1628 гг., встрѣчаемъ мы доклады въ Думу изъ Разбойнаго Приказа, вносимые судьями послѣдняго, бояриномъ кн. Д. М. Пожарскимъ и дьякомъ С. Головинымъ (4), а въ 1680 г. судьею того же приказа, бояриномъ И. Ѳ. Трескуровымъ, и мн. др. примѣры (5).

Существуютъ указанія на извѣстное распредѣленіе дней между приказами, для внесенія судьями ихъ докладовъ въ

---

(1) Образцы подобныхъ «статейныхъ» докладовъ или списковъ см. П. С. З. №№ 626, 628, 632, 637, 695, 752, 789, 859; Владимірскаго-Буданова «Христом.», вып. III, стр. 134 и сл., 143 и сл.

(2) Fletcher: «La Russie au XVI siècle» (P. 1864), II, стр. 109—110.

(3) Акты Ист. II, № 38 (VIII).

(4) Уставная кн. Разб. приказа (въ III вып. Христоматіи Влад.-Буданова), стр. 73, 75, 76. См. также Указную кн. Холопья Суда, ib. стр. 107—108, 110 и др.

(5) Акты Ист. III, № 167 (стр. 301); П. С. З. № 630 и др. Въ № 462 П. С. З. читаемъ: «... да имъ же (приказнымъ судьямъ) *съ дѣлами всходить въ Верхъ* передъ бояръ и сидѣть въ приказѣхъ до 8 часа, съ 1 часа ночи».

Думу. Указанія эти относятся, правда, уже ко второй половинѣ XVII вѣка, — но не можетъ быть ничего невѣроятнаго въ продположеніи, что подобное распредѣленіе дней практиковалось и ранѣе. Въ 1668 г., 29 ноября, предписано вносить изъ приказовъ доклады въ Думу по слѣдующему росписанію: въ понедѣльникъ—изъ Разряда и Посольскаго приказа; во вторникъ—изъ приказовъ Большой Казны и Большаго Прихода; въ среду—изъ приказовъ Казанскаго Дворца и Помѣстнаго; въ четвергъ—изъ приказовъ Большаго Дворца и Сибирскаго; въ пятницу—изъ судныхъ приказовъ Владимірскаго и Московскаго ([1]). Здѣсь очевидно росписаніе дней для докладовъ расчитано на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ 1674 г., 17 іюля, указано съ 20 іюля слушать въ Думѣ „изъ приказовъ всякихъ расправныхъ дѣлъ по прежней росписи“ ([2]). Въ другихъ случаяхъ росписаніе составлялось лишь на нѣсколько дней впередъ, не имѣя постояннаго характера. Такъ, 4 августа 1676 г., составлено было росписаніе дней докладовъ изъ приказовъ всего на одну недѣлю, съ 4 по 11 число, именно, указано взносить доклады къ боярамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ пятницу 4 числа изъ приказовъ Разряднаго, Посольскаго, Малороссійскаго, Новгородскаго и изъ Чети (?); въ понедѣльникъ 7 числа изъ приказовъ Больш. Казны, Иноземскаго и Рейтарскаго, Больш. Прихода и Ямскаго; во вторникъ 8 числа изъ приказовъ Казанскаго Дворца, Помѣстнаго, Сибирскаго и Челобитнаго; въ среду 9 числа изъ приказовъ Больш. Дворца, Суднаго Дворцоваго, Оружейнаго, Костромской чети и Пушкарскаго; въ четвергъ 10 числа изъ судныхъ приказовъ Владимірскаго и Московскаго и приказа Земскаго; въ пятницу 11 числа изъ приказовъ Стрѣлецкаго, Разбойнаго, Хлѣбнаго и Устюжской чети ([3]). Боярскій приговоръ по дѣлу, перенесенному изъ приказа въ Думу, помѣчался однимъ изъ думныхъ дьяковъ на самой докладной выпискѣ; если послѣдняя заключала въ себѣ нѣсколько статей, въ такомъ случаѣ боярскій приговоръ по

([1]) П. С. З. № 460.
([2]) П. С. З. № 582.
([3]) П. С. З. № 656.

каждой статьѣ помѣчался подъ самою статьею ([1]). Мы не имѣемъ ни одного примѣра боярскаго приговора въ видѣ самостоятельнаго акта: боярскіе приговоры, помѣщенные въ Полномъ Собраніи Законовъ и въ другихъ собраніяхъ—представляютъ или самыя докладныя выписки, съ помѣченными на нихъ думными дьяками боярскими приговорами, или извлеченія изъ записныхъ книгъ приказовъ, въ которыя, какъ извѣстно, заносились указы и приговоры состоявшіеся по вѣдомствамъ ихъ ([2]). Это отсутствіе въ источникахъ до-Петровскаго періода боярскихъ приговоровъ, какъ самостоятельныхъ актовъ—является опять таки новымъ подтвержденіемъ нашего положенія о крайней упрощенности думнаго

([1]) См. для образца П. С. З. №№ 637, 667, 736, 752 и др., №№ 634 и 700 и др. Владимірскій-Будановъ, Христ. вып. III, стр. 107 и слѣд., 188 и др.; Акты Ист. II, № 85 (II), IV, № 6 (V, X); Доп. къ Акт. Ист. VIII, № 108 (3, 9, 10 и др.). Лишнее было бы выписывать болѣе примѣровъ.—каждый можетъ найти ихъ при самомъ поверхностномъ просмотрѣ указныхъ книгъ и Полн. Собр. Законовъ.

([2]) Образцы перваго рода: П. С. З. №№ 643, 644, 654, 700, 705 и др. Образцы втораго рода: Акты Ист. IV, № 6 (X); Доп. къ Акт. Ист. VIII, № 108 (3, 9, 10, 13 и др.); Акты Арх. Эксп. IV, № 236; П. С. З. №№ 641, 657, 660, 733 и др.

Здѣсь вполнѣ умѣстнымъ считаемъ мы замѣтить, что въ Полн. Собр. Законовъ, кромѣ достаточно уже выяснившагося недостатка его—крайней *неполноты* его,—усматривается еще одинъ недостатокъ: произвольное сокращеніе первоначальной редакціи актовъ, съ опущеніемъ цѣнныхъ для историка-юриста указаній на старинное дѣлопроизводство, не говоря уже о постоянныхъ сокращеніяхъ титула и разл. рода обрядовыхъ формулъ, извинительныхъ еще въ видахъ громадности сборника. Но во всякомъ случаѣ, было бы научнѣе, если бы редакторы оставили въ первоначальной полной редакціи хотя бы однѣ новоуказныя статьи. Справедливость сейчасъ высказаннаго обнаруживается сличеніемъ П. С. З-въ съ рукописными сборниками новоуказныхъ статей. Я имѣлъ случай произвести подобнаго рода сличеніе П. С. З-въ съ рукописнымъ сборникомъ новоуказныхъ статей (списокъ конца XVII вѣка) по вотчиннымъ и помѣстнымъ дѣламъ, извлеченнымъ изъ цѣлаго вороха старыхъ бумагъ (XVIII и нач. XIX вв.), доставленныхъ къ IV Археологич. съѣзду и хранящемся нынѣ въ библіотекѣ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казан. Ун-тѣ; результатъ моихъ работъ надъ этимъ сборникомъ (въ которомъ я нашелъ пока одну новую новоук. статью)—надѣюсь я изложить въ непродол. времени въ особой статейкѣ.

дѣлопроизводства, не вызывавшей даже необходимости при Думѣ особой канцеляріи. Докладная выписка, съ помѣченнымъ на ней думнымъ дьякомъ боярскимъ приговоромъ, обращалась къ исполненію въ соотвѣтствующій приказъ, гдѣ приговоръ предварительно заносился въ записную книгу; самая процедура исполненія въ приказахъ по приговорамъ Думы Боярской будетъ разсмотрѣна нами въ своемъ мѣстѣ. Замѣтимъ лишь здѣсь, что предписаніе о занесеніи боярскаго приговора въ записную приказную книгу иногда давалось въ самомъ приговорѣ (¹).

Третій видъ возбужденія думнаго дѣлопроизводства—это поступленіе на разсмотрѣніе Думы челобитныхъ.

Уложеніе 1649 г. воспрещаетъ подачу челобитныхъ государю по дѣламъ подвѣдомственнымъ приказамъ, безъ предварительнаго челобитья въ одномъ изъ послѣднихъ, смотря по предмету челобитья. По дѣламъ этого рода дозволялось непосредственное челобитье на государево имя лишь въ томъ случаѣ, если въ соотвѣтствующемъ приказѣ не учинятъ указа или не дадутъ суда (²). Затѣмъ допускалась подача государю челобитныхъ на всякаго рода злоупотребленія обыкновенныхъ судей. Наконецъ подача на государево имя челобитныхъ допускалась и по вершеннымъ дѣламъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда недовольная сторона обжаловывала въ апелляціонномъ порядкѣ рѣшеніе приказа или другой судебной инстанціи (³). Конечно, по всякаго рода челобитнымъ, подававшимся на государево имя, указъ могъ воспослѣдовать и непосредственно, лично, отъ самаго государя; но обыкновенно государи предоставляли разсмотрѣніе челобитныхъ и чиненіе по нимъ указовъ Думѣ своей. Мы уже знаемъ, что для разсмотрѣнія судныхъ дѣлъ, восходившихъ до Думы Боярской, организовано было въ послѣдней четверти XVII стол. особое судное отдѣленіе при ней—Расправная Палата. Указъ отъ 18 окт. 1680 г. (который мы считаемъ простою повѣсткою о засѣданіи Думы),

---

(¹) Владимірскій—Будановъ: «Христоматія и пр.», вып. III, стр. 5, 12, 14, 106, 107 и др.; Акты Ист. II, №№ 63, 85; Акты Арх. Эксп. IV, №№ 280, 288; П. С. З. № 715.

(²) Уложеніе, гл. X, ст. 20.

(³) Объ этомъ подробнѣе скажемъ ниже, при изложеніи вопроса о предметахъ вѣдомства Думы Боярской.

предписываетъ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ сидѣть въ Палатѣ и „слушать изо всѣхъ приказовъ спорныхъ дѣлъ и *челобитныя принимать*, и его вел. государя указъ по тѣмъ дѣламъ и по челобитнымъ чинить“ (¹). Указъ отъ 17 марта 1694 г. опредѣляетъ самый порядокъ поступленія челобитныхъ и производства по нимъ въ Думѣ. Этотъ указъ предусматриваетъ вообще три рода дѣлъ, могущихъ поступить на разсмотрѣніе Думы Боярской: a) дѣла по которымъ „въ приказахъ судьямъ указу зачѣмъ учинить будетъ немочно“ (докладъ), b) дѣла вершенныя въ приказахъ, по которымъ „на вершенья учнетъ кто .... бить челомъ и вершенья чѣмъ спорить“ (аппеляція), и c) челобитныя „о иныхъ о какихъ дѣлѣхъ“. По дѣламъ всѣхъ трехъ родовъ велѣно въ Вверху, въ Передней, —„тѣхъ изъ приказовъ дѣлъ и челобитенъ слушать ... бояромъ и думнымъ людемъ, всѣмъ, и по тѣмъ дѣламъ и челобитнымъ свой вел. государей указъ чинить“ (²).

Челобитчики лично являются на царскій дворъ для подачи своихъ челобитныхъ, которыя и принимаются у нихъ здѣсь думными дьяками (³). Челобитчики высшихъ чиновъ приходятъ для подачи челобитныхъ въ Золотую Палату; челобитчики нисшихъ чиновъ лишены этого преимущества: они дожидаются принятія отъ нихъ челобитныхъ на площади, около Краснаго Крыльца (⁴). Принятыя думными дьяками челобитныя „взносятся“ ими въ Думу и докладываются присутствію бояръ и думныхъ людей, которые и „чинятъ государевъ указъ“. Послѣдній помѣчается думнымъ дьякомъ на самой челобитной, которая съ этого момента получаетъ техническое названіе „подписной челобитной“. Такая „под-

---

(¹) П. С. З. № 838.

(²) П. С. З. № 1491.

(³) Кромѣ этого, такъ сказать, нормальнаго порядка подачи челобитныхъ, — послѣднія подавались и непосредственно самому государю, при выходахъ его—въ походахъ и во время праздниковъ. См. Котошихина, гл. VII, ст. 28.

(⁴) По свидѣтельству К. Буссова (по Устрялова ошибочно смѣшеннаго съ Беромъ), Дмитрій Самозванецъ два раза въ недѣлю лично принималъ на крыльцѣ челобитныя. Устрялова: Сказ. соврем. о Дм. Сам-цѣ (изд. 1859 г.), I, 49.

писная челобитная“ пріобрѣтаетъ уже полную силу царскаго указа и препровождается къ челобитчику для обращенія ея къ дальнѣйшему исполненію въ соотвѣтствующемъ приказѣ (¹).

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ всѣ три возможныя формы возбужденія дѣлопроизводства въ Думѣ—мы убѣждаемся, что это дѣлопроизводство представляется до крайности упрощеннымъ, свободнымъ отъ всякаго канцеляризма. Теперь понятнымъ дѣлается, почему мы не видимъ при Думѣ Боярской никакихъ признаковъ канцелярской организаціи: послѣдняя замѣнялась подготовительною и исполнительною дѣятельностью отдѣльныхъ приказовъ, да помѣтами думныхъ дьяковъ на докладныхъ выпискахъ и челобитныхъ. Теперь понятнымъ будетъ, почему не встрѣчаемъ мы боярскихъ приговоровъ, какъ самостоятельныхъ актовъ, изготовленныхъ и обнародованныхъ самою Думою,—но встрѣчаемъ лишь докладныя выписки съ помѣченными на нихъ думными дьяками резолюціями бояръ и думныхъ людей, да простыя извлеченія изъ записныхъ книгъ приказовъ занесенныхъ въ нихъ боярскихъ приговоровъ. Теперь ясною представляется неосновательность нерѣдко раздающихся сѣтованій на то, что до нашихъ дней *не дошло никакихъ дѣлъ* Думы Боярской, а дошли лишь дѣла приказныя, изъ которыхъ мы лишь косвеннымъ образомъ знакомимся съ дѣятельностью Думы: подобнаго рода дѣла и *не могли* дойти до насъ потому именно, что въ Думѣ Боярской не было собственнаго канцелярскаго дѣлопроизводства. Дѣйствительно, если бы при Думѣ существовала какая либо канцелярская организація,—возможенъ ли былъ бы фактъ утраты всякихъ слѣдовъ ея, возможно ли было бы допустить, что бы до насъ не дошло *ни одного акта* внутренняго думнаго дѣлопроизводства? А между тѣмъ ни одного такого акта не находимъ мы въ изданныхъ до нашихъ дней собраніяхъ ихъ; ни одного такого акта не могли мы найти и въ приказныхъ дѣлахъ Архива Министерства Юстиціи, кромѣ обыкновенныхъ помѣтъ думныхъ дьяковъ на актахъ приказныхъ и на чело-

(¹) П. С. З. № 1491. Сравни Котошихина гл. VII, ст. 28, и Акты Ист. II, № 92 (IX), III, № 92 (XXIII, XXVIII, XXXVIII); Fletcher «La Russie etc» (P. 1864), I, 110 (глава IX).

битныхъ, да записей боярскихъ приговоровъ въ сохранившихся записныхъ книгахъ приказовъ. Отсутстіе при Думѣ Боярской канцеляріи особенно ясно усматривается и изъ того, что при мѣстническомъ судѣ,—когда являлась необходимость въ письмоводствѣ,—судъ записывался привлекаемымъ къ тому подъячимъ Разряднаго Приказа ([1]); оно усматривается и изъ того, что въ 1653 и 1674 гг., когда Думѣ Боярской приходилось производить допросъ и пытку самозванцамъ Анкудинову и Воробьеву — она, очевидно вслѣдствіе отсутствія собственной приказной организаціи, должна была переносить засѣданія свои въ Земскій Приказъ ([2]).

Въ заключеніе разсмотрѣнія порядка дѣлопроизводства въ Думѣ Боярской, скажемъ мы нѣсколько словъ о силѣ ея рѣшеній, носившихъ техническое названіе „боярскихъ приговоровъ". Вообще приговоръ бояръ и думныхъ людей, по внутренней силѣ своей, вполнѣ уравнивался съ царскимъ указомъ. Это прямо вытекаетъ уже изъ того, что приговоры Думы Боярской составляются „по указу государя", подъ его авторитетомъ. Въ предписаніяхъ государей объ обыкновенныхъ засѣданіяхъ Думы Боярской, всегда употребляется выраженіе „его великаго государя указъ чинить", „свой великихъ государей указъ чинить" ([3]) и т. п. Такимъ образомъ бояре и думные люди, обсуждая извѣстное дѣло, приговоромъ своимъ чинятъ „государевъ указъ", хотя бы государь лично и не засѣдалъ въ Думѣ; государь какъ бы уполномочиваетъ бояръ и думныхъ людей учинить „его указъ" по дѣлу. Отсюда и обычная формула боярскихъ приговоровъ: „По указу царя .... бояре приговорили" или „царь .... указалъ и бояре приговорили". Но иногда встрѣчались и такого рода случаи, что государь, поручая извѣстное дѣло разсмотрѣнію бояръ и думныхъ людей, приказывалъ по окончательномъ выясненіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла доложить его себѣ для окончательнаго указа. Такимъ образомъ возникали случаи доклада изъ Думы государю, которые бывали особенно часты въ мѣстническихъ процессахъ: часто

([1]) Наприм. Дворц. Разр. I, стр. 834, 897 и др.

([2]) См. выше, стр. 100.

([3]) Наприм. П. С. З. №№ 838, 1491.

государь, приказавъ боярамъ судить мѣстническій споръ, велитъ имъ „судивъ доложити себя великаго государя" (¹). Точно также въ 1674 г. боярамъ и думнымъ людямъ велѣно производить распросъ и пытку самозванцу Воробьеву,— но для окончательнаго указа по дѣлу велѣно доложить царю результатъ боярскаго распроса (²). Существовалъ наконецъ еще одинъ поводъ для доклада дѣла изъ Думы самому государю,—это случаи, когда бояре и думные люди не въ состояніи были сами „учинить государева указа" по дѣлу; по этому поводу указъ отъ 17 марта 1694 г. даетъ слѣдующее опредѣленіе: „А которыхъ дѣлъ имъ, бояромъ и думнымъ людемъ, за чѣмъ безъ ихъ великихъ государей именнаго указу вершить будетъ немочно, и по тѣмъ дѣламъ докладываться великихъ государей" (³). Трудно сказать, какого именно рода могли быть эти случаи, въ которыхъ не могло состояться по дѣлу боярскаго приговора; самъ указъ словами „за чѣмъ" даетъ видѣть, что подобнаго рода случаи не могутъ быть конкретно опредѣлены. Конечно, здѣсь прежде всего слѣдуетъ предположить докладъ Думѣ дѣла на столько важнаго или сомнительнаго, что бояре и думные люди не рѣшались „учинить указа" безъ личнаго вѣдѣнія государя; быть можетъ относится это опредѣленіе и къ такимъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ не могло состояться въ Думѣ вслѣдствіе разномыслія членовъ присутствія ея. За исключеніемъ дѣлъ, по которымъ сами государи удерживали за собою право окончательнаго указа, а также дѣлъ, по которымъ не можетъ составиться въ Думѣ окончательнаго приговора по какой либо другой причинѣ,—всѣ остальные приговоры бояръ и думныхъ людей, какъ вполнѣ замѣняющіе собою царскіе именные указы—считались окончательными и не подлежали измѣненію иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ (⁴).

(¹) Древн. Росс. Вивл., (изд. 2), XIV, стр. 398, 492; Дворц. Разр. I, 730, III, 1355 и др.

(²) Акты Ист. IV, № 247.

(³) П. С. З. № 1491.

(⁴) Указомъ 1684 г. подъ страхомъ смертной казни запрещено подавать въ приказахъ челобитныя по вершеннымъ дѣламъ, докладывавшимся

Переходимъ къ разсмотрѣнію самаго внѣшняго порядка засѣданій Думы Боярской.

Мы уже видѣли выше, что въ Думѣ практиковалось распредѣленіе дней для слушанія дѣлъ, вносимыхъ въ докладъ изъ тѣхъ или другихъ приказовъ, что существовала слѣдовательно извѣстная опредѣленность въ думныхъ засѣданіяхъ. Мы видѣли также, что опредѣлялись и особые часы дня для этихъ засѣданій, которые, вслѣдствіе особенностей московскаго счисленія часовъ, должны были измѣняться для различныхъ временъ года. Въ тѣхъ случаяхъ, когда время года требовало измѣненія въ прежнихъ часахъ засѣданій, или встрѣчалась необходимость въ созваніи экстреннаго засѣданія, или, наконецъ, когда послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго перерыва въ засѣданіяхъ Думы (наприм. вслѣдствіе бытія думныхъ людей въ „походѣ“ съ государемъ) нужно было сдѣлать распоряженіе о возобновленіи обыкновенныхъ засѣданій—тогда члены Думы извѣщались о томъ черезъ посылавшихся къ нимъ на дома подъячихъ Разряднаго Приказа, а самое распоряженіе записывалось въ послѣднемъ (1). Ничѣмъ инымъ, какъ записями подобныхъ распоряженій, можно признать №№ 461, 582, 621 и 838 Полнаго Собранія Законовъ; весьма вѣроятно, что съ разрядными подъячими посылались думнымъ людямъ, въ видѣ повѣстокъ, копіи съ этихъ записей. Дѣйствительно, чѣмъ инымъ можно признать слѣдующій именной указъ—какъ называетъ его Полное Собраніе Законовъ (приводимъ его въ полномъ видѣ): „Бояромъ, окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣть въ Золотой Полатѣ за дѣлы по вечерамъ, а съѣзжаться въ 1 часу ночи“ (2)?

государямъ, или подъ которыми подписаны указы, закрѣпленные думными дьяками; самимъ же приказамъ запрещено принимать подобныя челобитныя и выписывать по нимъ (П. С. З. № 1092).

(1) П. С. З. № 582 («. . . и о томъ на дворы послать къ нимъ изъ Разряду подъячихъ»). Извѣстно, что въ Разрядѣ вообще записывались указы и приговоры общаго характера, не касавшіеся вѣдомства какого либо одного приказа, или которые слѣдовало довести до свѣдѣнія всѣхъ приказовъ.

(2) П. С. З. № 461 (1668 г.).

Предсѣдателемъ Думы является самъ государь. Это вполнѣ явствуетъ какъ изъ самаго характера Думы, такъ и изъ того, что объ Думѣ Боярской упоминается всегда безъ означенія имени старшаго изъ бояръ „съ товарищи“ (1), что практиковалось во всѣхъ коллегіальныхъ установленіяхъ съ старшинствомъ (предсѣдательствомъ) одного изъ членовъ. Исключеніе представляетъ лишь Расправная Палата, какъ особое отдѣленіе Думы, въ которой одинъ изъ назначенныхъ въ нее членовъ писался именно, а остальные его товарищами,—но и то только при разрядныхъ записяхъ, касающихся этого отдѣленія (2), а не въ приговорахъ ея, которые имѣли форму общую съ формою рѣшеній цѣлой Думы. Государи не всегда лично присутствовали въ засѣданіяхъ Думы, особенно въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ ея, въ которыхъ разсматривались текущія дѣла, нормальнымъ порядкомъ поступавшія сюда изъ приказовъ; въ этомъ не трудно убѣдиться изъ простаго пересмотра боярскихъ приговоровъ (3). Но съ другой стороны находимъ мы множество указаній на личное предсѣданіе царя въ Думѣ Боярской, съ непосредственнымъ участіемъ какъ въ слушаніи дѣла, такъ и въ постановленіи по нему рѣшенія (4). Трудно сказать, кто руководилъ засѣданіями Думы Боярской въ тѣхъ случаяхъ, когда государь не засѣдалъ здѣсь лично; весьма вѣроятно что обязанность эта выпадала на долю старшаго честью боярина, такъ какъ въ Думѣ мѣстническіе счеты господствовали съ полною силою.

---

(1) Этому съ перваго взгляда противорѣчитъ № 652 Полн. Собр. Законовъ; но здѣсь, какъ оказывается, редакторы ошибочно назвали боярскимъ приговоромъ рѣшеніе Помѣстнаго Приказа.

(2) П. С. З. № 885; Дворц. Разр. IV, 187, 483, 490 и др.

(3) См. напр. П. С. З. №№ 667, 675, 686, 695, 697, 700, въ которыхъ форма приговоровъ «*по указу* в. государя бояре приговорили» даетъ видѣть, что государь лично не присутствовалъ въ разсмотрѣніи дѣла. См. также Дворц. Разр. III, стр. 1392 («. . . . сидѣли бояре безъ государя . . . . и многія дѣла приказные (и) челобитчиковы вершили»). См. также прямыя указанія на отсутствіе государя въ П. С. З. №№ 838 и особенно 1491.

(4) Акты Ист. I, № 221 (II). II, № 44; Дворц. Разр. I, 140, 516, IV, 163, 165; П. С. З. №№ 651, 770, 814, 859, 951, 967 и др.

Бояре и думные люди разсаживались въ Думѣ въ извѣстномъ порядкѣ, по чинамъ, т. е. выше всѣхъ садились бояре, за ними окольничіе, затѣмъ думные дворяне; думные дьяки стояли въ присутствіи государя и садились лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приглашалъ ихъ къ тому самъ царь. Но, въ предѣлахъ мѣстъ, занимаемыхъ лицами равнаго чина, мѣста занимались не по старшинству нахожденія въ данномъ чинѣ, а уже по соображенію „породы" каждаго отдѣльнаго лица (1); такимъ образомъ здѣсь открывалось обширное поле для мѣстническихъ споровъ. Такъ, 22 ноября 1651 г., мѣстничались во время сидѣнья государя съ боярами бояринъ Гр. Пушкинъ и братъ его окольничій Ст. Пушкинъ съ бояриномъ княземъ Юр. Долгорукимъ и съ окольничимъ княземъ Дм. Долгорукимъ; за что первые и были приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ, съ объявленіемъ неосновательности претензій ихъ (2). При слушаніи въ Думѣ дѣла, касающагося одного изъ присутствующихъ членовъ, или родственниковъ его—этотъ членъ долженъ былъ оставлять засѣданіе; распоряженіе подобнаго рода встрѣчаемъ мы отъ 12 авг. 1681 г. именно относительно Расправной Палаты: „... какъ учнутъ дѣла чьи, или свойственниковъ ихъ, слушать, и тѣмъ въ то время изъ полаты выходить, а въ полатѣ имъ въ то время не быть" (3).

Что касается самаго порядка обсужденія дѣлъ, порядка преній и составленія приговора—объ этомъ, за отсутствіемъ свидѣтельствъ, нельзя сказать ничего положительнаго. Котошихинъ, трактуя о Думѣ Боярской, весьма кратко замѣчаетъ: „... и о чемъ лучитца мыслити,—мыслятъ съ царемъ, *яко обычай и индѣ* въ государствахъ. А лучитца царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ объявя приказываетъ, чтобъ они бояре и думные люди помысля къ тому дѣлу дали способъ" (4). Не всѣ думные члены прини-

---

(1) Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

(2) П. С. З. № 75; Дворц. Разр. III. 297—298. Считаемъ не безъинтереснымъ указать здѣсь весьма любопытный и рѣдкій случай мѣстничества (хотя и не въ Думѣ)—думнаго дьяка съ окольничимъ, находящійся въ Дворц. Разр., Доп. къ III т., стр. 374—375.

(3) П. С. З. № 885.

(4) Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

маютъ участіе въ обсужденіи вопроса или дѣла,—наиболѣе разумные или опытные „мысль свою къ способу объявливаютъ; а иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные, однако сыщется и окромѣ ихъ кому быти на отвѣты разумному изъ большихъ и изъ меншихъ статей бояръ“ (¹). Если государственные таланты многихъ московскихъ бояръ были такъ незначительны даже въ эпоху Котошихина,—то мы вполнѣ можемъ повѣрить свидѣтельству К. Буссова (по Устрялову—Бера), передающаго, будто Дмитрій Самозванецъ нерѣдко смѣялся, слушая долговременныя и безплодныя пренія членовъ Думы своей и, въ минуту разрѣшая къ общему удивленію трудный для бояръ вопросъ, ласково упрекалъ ихъ въ невѣжествѣ, говоря что они ничего не видѣли и ничему не учились (²).

Выше, разсматривая вопросъ о личномъ составѣ Думы Боярской, указали мы, что въ засѣданія Думы весьма нерѣдко приглашался патріархъ и другіе высшіе представители русской церковной іерархіи. Здѣсь припоминаемъ мы это съ тою цѣлью, что бы указать различіе выраженій, которыми характеризуется въ источникахъ отношеніе царя въ Думѣ къ нормальному составу ея и къ этимъ, такъ сказать, почетнымъ членамъ: съ боярами и думными людьми царь „говоритъ“, съ духовенствомъ—„совѣтуется“ (³); быть можетъ это различіе выраженій имѣетъ своею цѣлью дать понять, что представители духовенства—по крайней мѣрѣ по дѣламъ не касающимся предметовъ вѣдомства ихъ—пользовались въ Думѣ лишь почетнымъ, совѣщательнымъ, голосомъ, не участвуя непосредственно въ составленіи приговоровъ по обсуживаемымъ въ Думѣ дѣламъ.

Невольно возникаетъ передъ нами слѣдующій вопросъ: допускалось ли въ Думѣ Боярской рѣшеніе дѣлъ по боль-

---

(¹) Котошихинъ, гл II, ст. 5.

(²) Устряловъ: Сказ. соврем. о Дм. Сам-цѣ, (изд. 1859 г.), I, 49. Сравни свидѣтельство Маржерета, тамъ же, стр. 300.

(³) Наприм. Акты Арх. Эксп. IV, №№ 59, 189, 214, 233; Акты Ист. IV, № 233, V, № 29 и др.

шинству голосовъ, или же требовалось непремѣнно рѣшеніе единогласное? Само собою разумѣется, что этотъ вопросъ имѣетъ значеніе лишь для засѣданій Думы безъ личнаго присутствія государя, такъ какъ голосъ послѣдняго, несогласный съ мнѣніемъ большинства или даже всего присутствія—могъ парализовать послѣднее. Источники не даютъ намъ на этотъ счетъ прямыхъ указаній; но, соглашаясь съ общепринятымъ мнѣніемъ, что рѣшеніе по большинству голосовъ не было въ духѣ старинной русской жизни, а также имѣя въ виду выраженія источниковъ, предписывающихъ боярамъ дѣлать дѣла „всѣмъ", „всѣмъ вмѣстѣ" (1)—мы склонны думать, что въ Думѣ Боярской требовалось рѣшеніе единогласное въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло разсматривалось безъ государя. Невозможность достиженія единогласія и имѣется быть можетъ въ виду опредѣленіями, предусматривающими случаи, когда боярамъ и думнымъ людямъ „немочно" будетъ рѣшить извѣстное дѣло безъ имяннаго указа и когда въ Думѣ не возможнымъ окажется почему либо постановить приговора по судному дѣлу, перенесенному сюда изъ приказа въ апелляціонномъ порядкѣ, причемъ, въ первомъ случаѣ—требуется докладъ дѣла государю, во второмъ случаѣ—дача въ томъ дѣлѣ суда „съ головы" (2).

Какимъ образомъ формулировались и помѣчались боярскіе приговоры и какъ обращались они къ дальнѣйшему исполненію—эти вопросы въ своемъ мѣстѣ уже были нами затрогиваемы.

---

(1) Уложеніе, гл. X. ст. 2, 20; П. С. З. № 1491.

(2) П. С. З. № 1491; Уложеніе, гл. X, ст. 10.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПРЕДМЕТЫ ВѢДОМСТВА ДУМЫ БОЯРСКОЙ.

Тщетно стали бы мы искать въ памятникахъ Московскаго періода какихъ либо опредѣленныхъ указаній относительно круга дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству Думы Боярской. Да сфера вѣдомства этого установленія и не могла быть твердо опредѣленною и ограниченною какими либо предѣлами, что вполнѣ согласуется съ самымъ характеромъ его, какъ ближайшаго и непосредственнаго органа выраженія воли и дѣятельности представителя верховной государственной власти: всякаго рода дѣло, которое могло восходить до разсмотрѣнія государя—могло быть подвергаемо имъ обсужденію Думы. А какъ до непосредственнаго разсмотрѣнія государя могли восходить вопросы и дѣла касающіяся самыхъ различныхъ сторонъ государственной и юридической жизни,—то уже изъ этого открывается разнообразіе дѣлъ, на которыя могла простираться кемпетентность Думы Боярской. Большая или меньшая степень участія Думы въ обсужденіи дѣлъ, восходившихъ на личное усмотрѣніе государя, большая или меньшая степень допущенія ея къ обсужденію мѣропріятій, инціатива которыхъ шла и непосредственно отъ самаго государя—всецѣло зависѣла отъ воли и усмотрѣнія послѣдняго. Часты были въ практикѣ Московскаго государственнаго быта случаи, въ которыхъ государи единолично рѣшали тѣ или другіе вопросы, или единолично издавали указы и возбуждали извѣстныя мѣропріятія, безъ привлеченія къ участію въ подобныхъ дѣлахъ бояръ и думныхъ людей своихъ; подобнаго рода случаи имѣли обыкновенно мѣсто въ дѣлахъ несложныхъ, рѣшеніе которыхъ не требовало

глубокихъ соображенiй и представлялось государю болѣе или менѣе очевиднымъ, такъ что особое совѣщанiе съ думными людьми представлялось бы въ данномъ случаѣ лишь излишнимъ усложненiемъ дѣлопроизводства. Съ другой стороны, бывали и такаго рода случаи, въ которыхъ государь всецѣло передавалъ Думѣ Боярской обсужденiе и разрѣшенiе извѣстнаго дѣла или вопроса, лично устраняясь отъ участiя въ его производствѣ, въ которыхъ онъ предоставлялъ Думѣ право самостоятельнаго приговора, хотя и подъ своимъ авторитетомъ, „по своему государеву указу“.

Отсюда различiе трехъ формъ, въ которыя облекались издававшiяся законоположенiя: a) царскiй имянной указъ, b) царскiй имянной указъ съ боярскимъ приговоромъ и c) боярскiй приговоръ по государеву указу,—смотря потому, состоялось ли законоположенiе безъ совѣщанiя съ Думою, состоялось ли оно путемъ обсужденiя вопроса государя съ Думою или, наконецъ, состоялось ли оно путемъ обсужденiя и рѣшенiя вопроса одною Думою, безъ непосредственнаго участiя государя, хотя и подъ его авторитетомъ. Несомнѣнно впрочемъ, что подъ формою имянныхъ указовъ во многихъ случаяхъ могли скрываться результаты тайныхъ совѣщанiй государей съ ближними людьми своими или съ нѣсколькими излюбленными совѣтниками, съ устраненiемъ всего нормальнаго состава Думы, результаты „тайныхъ думъ“ упоминаемыхъ Котошихинымъ и составляющихъ продолженiе дѣланiя дѣлъ „самъ третей у постели“, на которыя горько жаловался Берсень-Беклемишевъ въ первой четверти XVI вѣка.

Разсматривая дошедшiя до насъ извѣстiя о предметахъ вѣдомства Думы Боярской, мы увидимъ, что они вообще могутъ быть сведены къ тремъ группамъ: a) Участiе Думы Боярской въ правительственной (исполнительной) дѣятельности, b) Участiе ея въ дѣлахъ законодательства и c) Судебная функцiя ея. Участiе Думы Боярской въ правительственной функцiи было сравнительно необширно,—это объясняется тѣмъ, что нормальная исполнительная дѣятельность всецѣло лежала на приказахъ и проявлялась, по отношенiю къ Думѣ Боярской, главнымъ образомъ въ высшемъ вѣданiи внѣшнихъ международныхъ сношенiй, въ высшемъ вѣданiи военныхъ мѣропрiятiй, въ общемъ надзорѣ надъ центральнымъ и мѣстнымъ управленiемъ и въ вѣданiи различнаго рода чрезвычайныхъ исполнительныхъ мѣръ, не присущихъ

нормальному теченію государственной жизни. Такимъ образомъ исполнительная дѣятельность Думы Боярской носила исключительный, случайный, характеръ. Главными же и основными моментами дѣятельности разсматриваемаго нами учрежденія—являются участіе въ законодательной дѣятельности и функція судебная.

Разсмотримъ отдѣльно каждую изъ указанныхъ нами трехъ группъ предметовъ вѣдомства Думы Боярской.

Глава I.

Участіе Думы Боярской въ правительственной (исполнительной) дѣятельности.

Участіе Думы въ дѣлахъ внѣшней политики.—Участіе Думы въ высшемъ вѣданіи ратныхъ дѣлъ въ военное и мирное время.—Участіе Думы въ высшемъ вѣданіи дѣлъ центральнаго и мѣстнаго управленія.—Участіе Думы въ предпринятіи чрезвычайныхъ правительственныхъ мѣръ.

Здѣсь прежде всего встрѣчаемся мы съ участіемъ Думы Боярской въ *дѣлахъ внѣшней политики*.

Этого рода дѣла, какъ требующія особой осторожности и осмотрительности, особо глубокаго обсужденія вопроса, весьма естественнымъ предоставлялось государямъ передавать на разсмотрѣніе бояръ и думныхъ людей своихъ. Мы уже ознакомились выше и съ тѣмъ активнымъ участіемъ, которое принадлежало членамъ Думы въ дѣлѣ веденія дипломатическихъ переговоровъ; мы видѣли уже, что для переговоровъ съ прибывавшими въ Москву чужеземными послами, „для бытія въ отвѣтѣ“ съ ними, составлялись изъ бояръ и думныхъ людей особыя на каждый данный случай коммиссіи (¹). Изъ акта земскаго собора 1566 года, созваннаго для обсужденія Литовскаго дѣла и вопроса о мирѣ или войнѣ съ Польскимъ королемъ, узнаемъ мы, что этотъ вопросъ, до предоставленія его на разсмотрѣніе собора, обсуживался царемъ съ боярами своими; послѣдніе, подавая на соборѣ мнѣніе свое, говорятъ: „И государю нашему царю и в. к. наша мысль, что *прежде сего* о Литовскомъ дѣлѣ *говорили* есмя, и наши рѣчи и записаны, которые бояре тог-

(¹) См. выше стр. 80—82.

ды были въ приговорѣ" (1). Въ 1580 г. посылается грамота польскимъ раднымъ панамъ „отъ бояръ государя нашего, отъ боярина и намѣстника Володимерскаго ото кн. И. Ѳ. Мстиславскаго съ товарищи" (2); въ 1614 г. посылается грамота польскимъ раднымъ панамъ „отъ бояръ и отъ окольничихъ и ото всее царскаго Величества Думы", которая и была закрѣплена печатями бояръ и думныхъ людей (3). Участіе Думы Боярской въ дѣлахъ внѣшней политики особенно наглядно проявляется въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній". Здѣсь, подъ 1488 г., находимъ мы извѣстіе, что в. к. Іоаннъ III, не смотря на требованіе цесарскихъ пословъ, отказывается слушать рѣчей ихъ безъ бояръ, наединѣ (4); здѣсь же находимъ мы царскіе указы и боярскіе приговоры объ отправленіи посольствъ къ иноземнымъ государямъ, о встрѣчѣ иноземныхъ пословъ и о назначеніи имъ кормовъ и содержанія (5); здѣсь встрѣчаемъ мы и приговоръ царя Ѳедора Ивановича съ боярами объ отправленіи къ императору австрійскому посольства съ извѣщеніемъ о восшествіи своемъ на престолъ (6). Объ участіи Думы Боярской въ обсужденіи важнѣйшихъ дѣлъ внѣшней политики свидѣтельствуетъ и Котошихинъ. Изъ извѣстнаго его описанія порядка думныхъ сидѣній и дѣлопроизводства открывается, что результатомъ думныхъ совѣщаній бывали посылки грамотъ въ окрестныя государства, составленіе которыхъ и предписывалось посольскому думному дьяку, какъ представителю Посольскаго Приказа въ Думѣ; проэкты этихъ дипломатическихъ грамотъ, составленные въ Посольскомъ Приказѣ, слушались и конечно обсуждались въ засѣданіи Думы Боярской (7).

---

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 548.

(2) Акты Ист. I, № 206.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 24. Къ этой грамотѣ приложили печати свои 11 бояръ, 5 окольничихъ, 1 казначей, 1 кравчій, 1 постельничій, 1 думн. дворянинъ, 2 думн. дьяка.

(4) Пам. диплом. снош. I. стр. 1. См. также Дворц. Разр. III, 582.

(5) Пам. диплом. снош. I, стр. 151, 481, 1004; II, 189, 287.

(6) Пам. диплом. снош. I, стр. 909.

(7) Котошихинъ, гл. II, статья 5.

Въ 1674 г. царь, бояре и думные люди слушаютъ посольскія отписки по докладу изъ Посольскаго Приказа (1); въ іюлѣ 1680 года царь Өеодоръ Алексѣевичъ экстренно пріѣзжаетъ изъ села Воробьева въ Москву для слушанія „посольскихъ дѣлъ" изъ Посольскаго Приказа (2). Само собою разумѣется, что въ непосредственной связи съ обсужденіемъ вопросовъ внѣшней политики, должно было стоять и обсужденіе государемъ съ Думою своею вопросовъ о мирѣ и войнѣ, какъ непосредственно вытекающихъ изъ неудавшихся или не приведшихъ къ удовлетворительному концу дипломатическихъ переговоровъ. Такъ мы видѣли, что въ 1566 г. вопросъ о мирѣ или войнѣ съ Польшею предложенъ былъ царемъ на обсужденіе, сперва Думы своей, а затѣмъ земскаго собора. Такъ же точно въ 1577 г. царь и бояре приговариваютъ „прося у Бога помощи, итти очищати свою вотчину Лифляндскую землю" (3).

Отъ участія Думы Боярской въ дѣлахъ внѣшней политики, естественнымъ будетъ переходъ въ *высшему вѣданію ратнаго дѣла*,—какъ гарантіи внѣшней безопасности государства.

Участіе Думы Боярской въ вѣданіи ратнаго дѣла представляется въ двоякомъ видѣ: въ видѣ вѣданія организаціи государственной защиты въ случаѣ угрожающей или начавшейся уже войны и въ видѣ высшаго вѣданія ратнаго устроенія въ мирное время.

Совѣщанія государей съ думными людьми своими относительно организаціи военныхъ дѣйствій, относительно „розряда" воинскихъ силъ по полкамъ и городамъ—представляютъ явленіе весьма древнее и обыкновенное, перешедшее и въ государственную практику Московскую. Разсматривая разряды второй половины XVI вѣка—мы постоянно будемъ встрѣчать указанія на совѣщанія государя съ боярами относительно военныхъ мѣропріятій и дислокаціи военныхъ силъ. Такъ, въ 1578 г., Іоаннъ IV приговариваетъ съ сыномъ сво-

(1) Дворц. Разр. III, стр. 1111.

(2) Дворц. Разр. IV, 165.

(3) Древн. Росс. Вивл. (изд. 2), XIV, стр. 324 (Разряды 1577 года).

имъ и „со всѣми бояры . . . . какъ ему, прося у Бога милости, итти на свое государево дѣло и на земское, на нѣмецкую и на литовскую землю, и которымъ бояромъ и воеводамъ въ которомъ полку быти“,—вслѣдъ зачѣмъ составлена была подробная роспись воеводъ и программа мобилизаціи воинскихъ силъ (1). Въ 1586 г. царь Ѳеодоръ Ивановичъ „приговорилъ со всѣми бояры, какъ ему государю на своего непослушника на Свѣйскаго короля наступивъ, прося у Бога милости, своимъ и земскимъ дѣломъ промышляти“,—вслѣдъ зачѣмъ также составлено было росписаніе воеводъ по полкамъ (2). Въ 1622 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, говоря съ боярами, предписываетъ усилить составъ служилыхъ людей по Литовской украйнѣ (3). Въ 1629 г., по царскому указу и боярскому приговору, сдѣлано распоряженіе о порядкѣ очередной службы служилыхъ людей въ Калугѣ и о сборѣ ихъ въ этомъ городѣ въ полномъ составѣ „по вѣстемъ“, т. е. въ случаѣ полученія извѣстія объ опасности грозящей со стороны непріятельскихъ людей (4). Въ 1673 г. состоялся царскій указъ и боярскій приговоръ объ усиленіи численности ратныхъ людей въ Сѣверскихъ городахъ, въ виду предстоящаго вторженія турецкаго султана на русскую украйну (5). Въ 1678 г. царь Ѳедоръ Алексѣевичъ совѣщается съ патріархомъ и боярами о средствахъ отраженія турокъ въ случаѣ нападенія ихъ на Московскія земли; въ результатѣ совѣщанія была отправка по этому вопросу наказныхъ статей воеводамъ, находившимся подъ Чигириномъ (6).

Въ мирное время вѣданіе ратныхъ и служилыхъ дѣлъ сосредоточивалось въ Разрядѣ и отдѣльныхъ военныхъ приказахъ,—вслѣдствіе чего Дума Боярская вѣдала подобнаго рода дѣла лишь въ случаяхъ исключительныхъ: къ ней восходили изъ этихъ приказовъ преимущественно дѣла вызы-

(1) Древн. Росс. Вивл. (изд. 2), стр. 349 и слѣд.

(2) Древн. Росс. Вивл., XIV, стр. 490.

(3) Разр. Книги, I, стр. 832.

(4) Разр. Книги, II, стр. 173.

(5) Акты Ист. IV, № 233.

(6) Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № 111; Разр. Кн. II, стр. 1045.

вавшія разсмотрѣніе ихъ въ порядкѣ законодательномъ и дѣла судныя. Изъ дѣлъ исполнительныхъ разсматривались въ Думѣ вѣроятно лишь мѣропріятія, инициатива которыхъ шла сверху, отъ самаго государя, и которыя, будучи обсуждены имъ съ думными людьми своими, передавались уже затѣмъ въ соотвѣтствующій приказъ для дальнѣйшаго исполненія, а также дѣла казуистическія, которыя докладывались государю изъ приказа безъ указанія примѣрнаго рѣшенія и вслѣдствіе того передавались государемъ на обсужденіе Думы своей. Изъ разсматриваемаго рода дѣлъ встрѣчаемъ мы участіе Думы Боярской въ распоряженіяхъ объ осмотрѣ и ремонтѣ укрѣпленныхъ границъ и засѣкъ (1), о высылкѣ служилыхъ людей и нѣтчиковъ на службу въ опредѣленныя мѣстности (2), о взысканіяхъ съ ратныхъ людей не явившихся по наряду на службу (3), о написаніи служилыхъ людей извѣстнаго разряда за службы, по челобитью ихъ, въ высшій разрядъ (4) и т. п.

Участіе Думы Боярской въ высшемъ вѣданіи *дѣлъ центральнаго и мѣстнаго управленія*—на сколько оно касается функціи правительственной—является, по крайней мѣрѣ по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, весьма незначительнымъ. Но за то, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, Дума Боярская имѣла близкое и непосредственное отношеніе къ административно-судебнымъ лицамъ и установленіямъ въ сферахъ дѣятельности законодательной и судебной. Лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ передавались государемъ на обсужденіе Думы Боярской докладывавшіяся ему изъ приказовъ дѣла, касающіяся исполнительной дѣятельности послѣднихъ. Рѣшенія подобнаго рода дѣлъ составляли предметъ самостоятельной дѣятельности приказныхъ судей и, лишь въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, докладывались послѣдними на утвержденіе государя, а еще рѣже предлагались послѣднимъ обсужденію Думы. Изъ примѣровъ послѣдняго рода укажемъ на внесеніе изъ соотвѣтствующаго приказа на обсужденіе

---

(1) П. С. З. № 728.

(2) П. С. З. №№ 1280, 1440.

(3) П. С. З. №№ 1042, 1218.

(4) П. С. З. № 736.

Думы вопроса о воеводѣ, болѣзнь котораго не дозволяла ему пріѣзжать въ съѣзжую избу и исполнять свои обязанности, вслѣдствіе чего царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ велѣно было отпустить его къ Москвѣ ([1]); или укажемъ на заботы Думы Боярской о сохранности приказныхъ архивовъ: въ 1682 г. царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ велѣно было доставить въ Москву списки съ грамотъ, отпуски которыхъ уничтожены были въ приказахъ ([2]); или наконецъ въ 1675 г. дѣлается докладъ государю и боярамъ изъ Посольскаго приказа о Кіевскомъ гонцѣ, потерявшемъ въ дорогѣ ввѣренныя ему бумаги, вслѣдствіе чего состоялся въ Думѣ приговоръ о строгомъ допросѣ и пыткѣ гонца въ приказѣ, для вывѣданія, не скрывается ли подъ этимъ событіемъ воровскаго умысла ([3]). Изъ приказовъ дѣлались государю и боярамъ доклады и по открывавшимся въ нихъ злоупотребленіямъ; такъ въ 1613 году докладывался государю фактъ изчезновенія части казенныхъ денегъ изъ приказа Казеннаго Двора, со взломомъ печати у денежной коробки и, по указу царя и приговору бояръ, въ приказѣ произведенъ былъ распросъ и пытка сторожамъ, заподозрѣннымъ въ этой кражѣ ([4]).

Изъ *чрезвычайныхъ правительственныхъ мѣръ*, предпринимаемыхъ при участіи Думы Боярской, укажемъ на совѣщанія съ Думою государей по вопросамъ объ организаціи и роспускѣ созываемыхъ въ Москвѣ земскихъ соборовъ и другихъ собраній выборныхъ. Изъ предисловія къ Уложенію 1649 г. почерпаемъ мы извѣстіе, что организація созваннаго для его утвержденія земскаго собора обсуживалась царемъ съ патріархомъ и боярами; боярскимъ приговоромъ опредѣлено было самое количество выборныхъ, которыхъ должны были прислать отдѣльные классы населенія ([5]). Цар-

---

([1]) Дворц. Разр. III, стр. 1175.

([2]) П. С. З. № 965.

([3]) Дворц. Разр. III, стр. 1205.

([4]) Викторовъ: Описаніе книгъ и бумагъ дворцов. приказовъ (М. 1877), I. стр. 70.

([5]) Уложеніе 1649 г., предисловіе.

скимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ опредѣленъ былъ и роспускъ въ 1683 г. по домамъ „двойниковъ", созванныхъ передъ тѣмъ въ Москву для уравненія службъ и податей (¹).

Наконецъ къ правительственной дѣятельности Думы Боярской должно быть отнесено и *вѣданіе Москвы* въ отсутствіе государя, которое, какъ мы выше видѣли, поручалось особымъ коммиссіямъ, назначавшимся для того изъ членовъ Думы.

Глава II.

Участіе Думы Боярской въ законодательной дѣятельности.

Характеръ участія Думы въ законодательной дѣятельности Московскихъ государей. — Три способа возбужденія закодательной дѣятельности Думы. Личное усмотрѣніе государя. Челобитья частныхъ лицъ, общинъ и классовъ населенія. Указанія практики.—Доклады изъ приказовъ, какъ средство возбужденія законодательной дѣятельности, и общій характеръ развитія этимъ путемъ Московскаго законодательства.— Отношеніе отдѣльныхъ боярскихъ приговоровъ къ общей системѣ законодательства. Подтвержденіе силы закона, дополненіе и отмѣна закона, возстановленіе силы закона. Вопросъ объ обратной силѣ боярскихъ приговоровъ.—Сферы права и жизни, на которыя распространялась законодательная дѣятельность Думы: организація управленія, регулированіе правилъ и нормъ суда, право уголовное и гражданское, вѣданіе службъ и служилаго класса, устройство быта сословій, финансы и торговля, межевое и писцовое дѣло, полиція безопасности и благоустройство.

Уже въ первомъ томѣ „Исторіи права Московскаго государства", представляя общія понятія о характерѣ законодательной дѣятельности Московской, имѣли мы случай замѣтить, что Дума Боярская служила нормальнымъ установленіемъ для разсмотрѣнія и рѣшенія вопросовъ текущаго законодательства. Въ настоящую минуту болѣе подробнымъ образомъ разсмотримъ мы участіе Думы Боярской въ законодательной дѣятельности Московскихъ государей.

Приступая къ изслѣдованію этого вопроса, мы прежде всего еще разъ должны оговориться, что Дума Боярская, въ нормальномъ теченіи государственной жизни, не облада-

---

(¹) Акты Ист. V, № 83.

ла *правомъ* законодательства въ собственномъ смыслѣ этого слова; какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, она и въ дѣлѣ законодательства не выходила изъ рамокъ учрежденія вспомогательнаго, совѣщательнаго. Она обсуживала и разрѣшала извѣстные вопросы текущаго законодетельства не въ силу *права* своего на это, не въ силу какого либо основнаго закона, — но единственно въ силу добровольнаго предоставленія ей участія въ законодателкной дѣятельности со стороны представителя верховной государственной власти, который въ извѣстномъ конкретномъ случаѣ всегда могъ и отказать ей въ этомъ участіи.

Въ вопросѣ о законодательной дѣятельности Думы Боярской прежде всего возстаетъ передъ нами слѣдующій основной вопросъ: отъ какихъ лицъ или учрежденій шла инициатива возбужденія законодательныхъ вопросовъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе Государя и Думы его? Изученіе памятниковъ Московскаго періода указываетъ намъ на слѣдующіе три источника возбужденія законодательныхъ вопросовъ и законодательной дѣятельности: a) личное усмотрѣніе государя, b) челобитья отдѣльныхъ частныхъ лицъ, общинъ и классовъ населенія и c) указанія приказной практики.

Личное усмотрѣніе государя являлось источникомъ возбужденія законодательной дѣятельности въ тѣхъ случаяхъ, когда законодательная инициатива шла отъ него самаго, когда государь, помимо видимаго по крайней мѣрѣ участія другихъ элементовъ государственной жизни, самъ, лично, вносилъ тотъ или другой законодательный вопросъ на обсужденіе Думы своей; когда, какъ выражается Котошихинъ, государь, объявивъ боярамъ и думнымъ людямъ мысль свою, „объявя приказываетъ, что бъ они бояре и думные люди помысля къ тому дѣлу дали способъ“. Это слѣдовательно случаи, когда законодательная инициатива идетъ не снизу, не отъ указаній приказной практики и петицій лицъ заинтересованныхъ, но сверху, отъ самаго представителя верховной государственной власти. Къ сожалѣнію источники не даютъ намъ прямыхъ указаній на возбужденіе законодательной дѣятельности самимъ государемъ, за исключеніемъ случаевъ изданія цѣлыхъ законодательныхъ сборниковъ—двухъ Судебниковъ и Уложенія 1649 г.,—которые сами свидѣтельствуютъ о себѣ, что инициатива составленія ихъ принадлежитъ государю „по совѣту съ боярами“ его.

Впрочемъ не мало законоположенiй, иницiатива которыхъ шла отъ самаго государя, скрывается по всей вѣроятности подъ формою напечатанныхъ въ Полномъ Собранiи Законовъ царскихъ имянныхъ указовъ съ боярскими приговорами, въ которыхъ не указывается на приказную практику (доклады изъ приказовъ) и на челобитья частныхъ лицъ и отдѣльныхъ классовъ населенiя, какъ на причины вызвавшiя ихъ къ жизни.

Челобитья отдѣльныхъ частныхъ лицъ, общинъ и классовъ населенiя—являются вторымъ источникомъ возбужденiя законодательной дѣятельности. Какъ средство возбужденiя законодательной дѣятельности—челобитья государямъ частныхъ лицъ, а въ особенности общинъ и отдѣльныхъ классовъ населенiя, всегда были важнымъ факторомъ государственной жизни до-Петровской Руси. Перелистывая любой томъ актовъ, изданныхъ Археографическою Коммиссiею—даже неспецiалистъ въ состоянiи будетъ замѣтить обширную массу челобитныхъ служилыхъ людей и земскихъ состоянiй государю относительно потребностей, нуждъ и интересовъ своихъ, по которымъ можно прослѣдить болѣе или менѣе обстоятельную картину внутренняго быта Московской Руси. Но особое значенiе прiобрѣтаютъ эти челобитныя въ рукахъ историка-юриста, проливая свѣтъ на весьма знаменательную сторону государственной жизни того времени: оказывается, что важнѣйшiя внутреннiя мѣропрiятiя Московскаго правительства являлись результатомъ петицiй государямъ служилаго и земскаго состоянiй. Обстоятельное изслѣдованiе этого вопроса, вполнѣ достойнаго вниманiя нашихъ историковъ-юристовъ—не можетъ войти въ рамки настоящаго изслѣдованiя нашего. Припомнимъ лишь общеизвѣстные факты, что челобитьями земщинъ вызваны были къ жизни уставныя грамоты XV—XVI вв. и губное право съ регулировавшими его губными грамотами; что челобитья вотчинниковъ и помѣщиковъ существеннымъ образомъ повлiяли на закрѣпленiе въ концѣ XVI вѣка крестьянскаго волостнаго населенiя; что челобитья городскихъ общинъ вызвали въ первой половинѣ XVII вѣка цѣлый рядъ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, исподоволь подготовлявшихъ закрѣпленiе и посадскаго населенiя, окончательно и ясно выразившееся въ Уложенiи 1649 года. Непосредственное влiянiе челобитiй на характеръ и направленiе законодатель-

ства съ несомнѣнною ясностью отражается и въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича ([1]). Наконецъ и во многихъ новоуказныхъ статьяхъ находимъ мы ясныя указанія на то, что изданіе ихъ вызвано челобитьями со стороны служилыхъ и земскихъ людей ([2]). Московское правительство нерѣдко и само принимало мѣры къ выясненію взглядовъ и мнѣній по извѣстнымъ вопросамъ, подлежавшимъ обсужденію Думы Боярской, лицъ, интересы которыхъ затрогивались этими вопросами; такъ, мы выше видѣли примѣры призыванія въ Думу представителей торговыхъ людей, для дачи заключеній по дѣламъ торговымъ, находившимся на обсужденіи бояръ и думныхъ людей. Выше, разсматривая вопросъ о дѣлопроизводствѣ въ Думѣ Боярской,—видѣли мы и самый порядокъ поступленія въ Думу челобитныхъ.

Указанія приказной практики представляютъ третій и важнѣйшій источникъ возбужденія законодательной дѣятельности государя и Думы его.

Московскимъ приказамъ, въ разносторонней административной и судебной практикѣ ихъ, безпрестанно приходилось становиться лицемъ къ лицу съ фактами, явленіями и отношеніями дѣйствительной жизни, которые не находили себѣ разрѣшенія въ предшествовавшемъ законодательствѣ, или же прежняя законодательная регламентація которыхъ перестала соотвѣтствовать требованіямъ развивающейся жизни, или, наконецъ, въ предшествовавшей законодательной регламентаціи которыхъ оказывалось противорѣчіе или неполнота. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ приказамъ предоставлялось черезъ первоприсутствующихъ своихъ входить по поводу возникшаго недоразумѣнія съ докладомъ къ государю и Думѣ его. Здѣсь, на точномъ основаніи представленнаго изъ приказа доклада—вопросъ получалъ законодательное разрѣшеніе свое. Нерѣдко докладъ составлялся изъ нѣсколькихъ

([1]) *Щаповъ*: «Земскій соборъ 1648—1649 г.г. и пр.», Отеч. Зап 1862 г., № 11, стр. 6—11; *Сергѣевичъ*: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», въ Сборн. Государ. Знаній: т. II, стр. 42—43; *моя* «Исторія права Моск. госуд.» т. I. стр. 284 и слѣд.

([2]) Напримѣръ Акты Арх. Эксп. IV, № 141; Акты Ист. V, № 226; П. С. З. №№ 643, 686, 697, 700 (I. ст. 28, 30, 31; II, ст. 7, 8) и др.

статей, число которыхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ бывало весьма значительно, и изъ которыхъ каждая представляла изложеніе отдѣльнаго сомнительнаго вопроса; въ этихъ случаяхъ и рѣшеніе постановлялось по отдѣльнымъ статьямъ доклада. Такимъ именно путемъ совершалось развитіе Московскаго законодательства въ промежутки времени между изданіями общихъ законодательныхъ сборниковъ: такъ развивалось оно въ промежутокъ времени между изданіями Судебника 1550 г. и Уложенія 1649 г. (*дополнительные указы*) (¹); такъ развивалось оно и послѣ изданія Уложенія 1649 года (*новоуказныя статьи*). Уложеніе 1649 г. свело, какъ извѣстно, къ общему итогу предшествовавшее ему развитіе законодательства путемъ указаній практической жизни, свело и поглотило въ себѣ дополнительные указы къ Судебнику. Но за то на долю Московскаго государства уже не выпало выполненіе задачи систематической кодификаціи законодательнаго матеріала представляемаго новоуказными статьями, хотя онѣ, благодаря быстро двинувшемуся впередъ ходу государственной и общественной жизни, уже во второй половинѣ XVII вѣка стали подавлять русскаго юриста практика своею казуистичностью и своими внутренними противорѣчіями; почти полтора вѣка послѣ конца Московскаго періода суждено имъ было еще, во многихъ случаяхъ потерявъ практическое значеніе, лежать тяжелымъ баластомъ въ лабиринтѣ зданія русскаго законодательства.

Характеристическую черту боярскихъ приговоровъ составляетъ казуистичность ихъ. Большая часть боярскихъ приговоровъ представляетъ собою случаи разрѣшенія въ Думѣ сомнительныхъ вопросовъ, встрѣчавшихся въ Московской административной и судебной практикѣ. Въ этомъ не трудно убѣдиться по отношенію къ дополнительнымъ къ Судебнику указамъ, разсматривая указныя книги приказовъ, напримѣръ „Указную книгу вѣдомства казначеевъ", „Уставную книгу Разбойнаго приказа", указныя книги приказовъ Холопья, Земскаго и Помѣстнаго; здѣсь мы ясно можемъ

(¹) Судебникъ 1550 г. самъ установляетъ что « . . . которые будутъ дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева *докладу и со всѣхъ бояръ приговору* вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати».

прослѣдить постепенное наслоеніе узаконеній, образовавшихся путемъ боярскихъ приговоровъ по докладамъ приказныхъ судей, относительно затруднительныхъ случаевъ, встрѣченныхъ ими въ практикѣ своей ([1]). Въ этомъ не трудно убѣдиться по отношенію ко второй половинѣ XVII вѣка, взявъ первые три тома Полнаго Собранія Законовъ и просматривая напечатанныя въ нихъ новоуказныя статьи ([2]); при нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо указывается конкретный случай, съ указаніемъ именъ частныхъ лицъ, въ немъ заинтересованныхъ, который получаетъ разрѣшеніе свое путемъ боярскаго приговора съ прибавленіемъ, что этимъ рѣшеніемъ слѣдуетъ руководствоваться и въ дальнѣйшей практикѣ ([3]). Результатъ подобнаго направленія законодательной дѣятельности во второй половинѣ XVII в. очевиденъ: Уложеніе, которое далеко не могло отвѣчать всѣмъ отдѣльнымъ, частнымъ запросамъ современнаго ему государственнаго и юридическаго быта, стало дополняться и разъясняться боярскими приговорами на отдѣльные практическіе случаи; въ эти приговоры—что будетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ неправильность въ распредѣленіи вѣдомствъ между приказами, при которой одинъ и тотъ же предметъ вѣдомства часто распредѣлялся между нѣсколькими приказами—постепенно вкрадывались внутреннія противорѣчія, какъ между собою, такъ и съ Уложеніемъ. Эти противорѣчія вызывали появленіе новыхъ боярскихъ приговоровъ, разъясняющихъ и примиряющихъ ихъ,—эти послѣдніе въ свою очередь впадали въ коллизію, или съ Уложеніемъ, или съ другими приговорами; приказные доклады, ссылаясь на обнаруживающійся разладъ въ законодательныхъ опредѣленіяхъ, опять обращаются за указомъ къ государю и Думѣ его, опять

([1]) Эти книги изданы проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ III вып. его «Христом. по ист. русск. права». См. также у Шалфѣева: «Объ уставной книгѣ Разбойнаго приказа», стр. 8 и слѣд.

([2]) Напримѣръ №№ 633, 700, 860—представляющіе изъ себя обширные доклады по изв. роду дѣлъ, съ указаніемъ по каждой отдѣльной статьѣ боярскаго приговора.

([3]) Напримѣръ П. С. З. №№ 390, 803, 1020, 1034, 1255, 1341. Указная книга Помѣст. Приказа (въ III вып. Христ. Влад.-Буданова), ст. 6, 8, 9.

являются новые боярскіе приговоры и т. д. и т. д. Такимъ путемъ накоплялся обширный законодательный матеріалъ, внутренними противорѣчіями и отсутствіемъ общей руководительной нити положительно давившій приказную практику, и вмѣстѣ съ тѣмъ воспитавшій на себѣ обширный классъ дѣльцовъ—дьяковъ и подъячихъ,—съ успѣхомъ ловившихъ рыбу въ мутной водѣ современнаго законодательства, подтасовывавшихъ законы какъ карты, по мѣткому замѣчанію Петра I. Въ видѣ примѣровъ того, какъ возбуждали приказные доклады законодательную дѣятельность Думы Боярской — приведемъ, въ общихъ чертахъ, изъ новоуказныхъ статей, сущность нѣсколькихъ приказныхъ докладовъ, поступавшихъ въ Думу для разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Въ Уложеніи регламентируется извѣстное отношеніе, но ни само Уложеніе, ни послѣдующія „новыя статьи" не предусматриваютъ частностей его, встрѣтившихся на практикѣ; дѣло докладывается боярамъ: бояре дѣлаютъ приговоръ—и создается новая новоуказная статья, дополняющая Уложеніе ([1]). Въ Уложеніи получило регламентацію свою извѣстное отношеніе, но уже въ 1650 г. состоялся боярскій приговоръ, противорѣчащій опредѣленію Уложенія,—и на основаніи этого приговора данное отношеніе регулировалось вплоть до 1676 года, когда возникло наконецъ въ приказѣ сомнѣніе въ правильности регулированія его на основаніи приговора 1650 года; дѣло докладывается боярамъ: послѣдніе новымъ приговоромъ отмѣняютъ силу приговора 1650 г. и предписываютъ на будущее время руководствоваться опредѣленіемъ Уложенія ([2]). Извѣстное отношеніе Уложеніемъ не предусмотрѣно, но регламентировано боярскимъ приговоромъ 1667 года, а затѣмъ въ 1674, 1676, 1677 и 1685 гг. состоялись боярскіе приговоры, опредѣлявшіе частности этого отношенія, которые не вполнѣ согласовывались съ приговоромъ 1667 г. и въ которыхъ путалась приказная практика; дѣло докладывается боярамъ: въ результатѣ является подтвержденіе силы бояр-

---

([1]) П. С. З. №№ 749, 765 (оба 1679 года).

([2]) П. С. З. № 634, ст. 3.

скаго приговора 1667 г., въ противность позднѣйшимъ новоуказнымъ статьямъ (¹).

Разсматривая въ частности отношеніе тѣхъ или другихъ новыхъ боярскихъ приговоровъ къ общей системѣ современнаго права, мы найдемъ что, помимо созданія новыхъ законодательныхъ опредѣленій, боярскими приговорами или подтверждается сила предшествовавшихъ боярскихъ приговоровъ, или дополняются въ частностяхъ прежнія законоположенія, или отмѣняется сила предшествовавшаго законодательнаго опредѣленія, или наконецъ возстановляется сила закона передъ тѣмъ отмѣненнаго.

Подтвержденіе силы прежняго боярскаго приговора выражается въ новоуказныхъ статьяхъ слѣдующею формулою: „... бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: быть по прежнему великаго государя указу и по ихъ боярскому приговору" (²).

Дополненіе прежняго законодательнаго опредѣленія технически называлось „пополненіемъ" его, и въ новоуказныхъ статьяхъ выражается формулою: „... бояре, сей статьи слушавъ, приговорили пополнить: (слѣдуетъ сущность приговора)" (³).

Отмѣна силы предшествовавшаго законоположенія технически называлась „отставленіемъ" его, а боярскій приговоръ, опредѣлявшій такую отмѣну, формулировался слѣдующимъ образомъ: „... бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: отставить, (слѣдуетъ изложеніе опредѣленія замѣняющаго отмѣненный законъ)" (⁴); отмѣна закона всегда сопровождалась замѣною его въ томъ же приговорѣ новымъ опредѣленіемъ. Иногда отмѣна закона сопровождалась *возстановленіемъ силы* предшествовавшаго ему законоположенія, какъ было сдѣлано въ 1685 г. относительно одного

(¹) П. С. З. № 1204.

(²) Наприм. П. С. З. № 700, I, ст. 1—4, 6, 10—12, 17, 37; II, ст. 1, 12 и др.

(³) Наприм. П. С. З. №№ 643; 700, I, ст. 23, 27, 31, II, ст. 14 и др.

(⁴) Наприм. П. С. З, №№ 700, I, ст. 8, 18, 26, 30, II, 7; 1022 и др.; Указная книга Приказа Холопья Суда (въ III вып. Христоматіи Владим.-Буданова (статья VI (стр. 110).

указа 1677 г., сила котораго возстановлена въ этомъ году одновременно съ отмѣною парализовавшаго ея указа 1682 года ([1]). Если новымъ боярскимъ приговоромъ измѣнялась лишь часть прежняго законодательнаго опредѣленія, то въ такомъ случаѣ въ приговорѣ дѣлалась оговорка о томъ, что неизмѣненныя части закона должны сохранять на будущее время обязательную силу свою ([2]). Иногда извѣстный законодательный актъ вносился въ докладъ въ Думу Боярскую съ спеціальною цѣлью пересмотра и измѣненій его опредѣленій, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами времени. Такъ, въ 1683 г., съ подобною цѣлью внесенъ былъ на обсужденіе государей и Думы ихъ наказъ сыщикамъ, представлявшій сводъ боярскихъ приговоровъ о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ, для руководства посылавшихся по городамъ сыщикамъ; слушавъ статей этого наказа, государи „указали и бояре приговорили: въ тѣхъ статьяхъ *пополнить*, а изъ иныхъ статей *убавить*“, что и было приведено въ исполненіе ([3]).

При отсутствіи твердаго направленія въ ходѣ законодательной дѣятельности второй половины XVII вѣка, при казуистическомъ происхожденіи самыхъ законоположеній, весьма существеннымъ представлялся вопросъ объ *обратной силѣ боярскихъ приговоровъ*. Вслѣдствіе этого въ боярскихъ приговорахъ, по вопросамъ и отношеніямъ, которыя могли затрогивать интересы частныхъ лицъ, помѣщалась обыкновенно оговорка о томъ, что новый указъ не имѣетъ обратной силы: „что до сего государева указу учинено, тому быть такъ“, „которыя дѣла вершены до сего Государева указу, и тѣмъ дѣламъ быть такъ, какъ они вершены“,— говорится по этому поводу въ боярскихъ приговорахъ ([4]). Но обратная сила новаго закона не распространялась лишь на дѣла вершеныя и на дѣла и отношенія по которымъ,

---

([1]) П. С. З. № 1132.

([2]) Наприм. П. С. З. № 20.

([3]) П. С. З. № 998.

([4]) Наприм. Акты Ист. IV, № 158 (II); П. С. З. №№ 633 (ст. 13), 657, 700 (I, ст. 26. 30), 765, 1020, 1132, 1214, 1236, 1255 и др.

до составленія приговора, не было предъявлено спора и челобитья; если же въ моментъ изданія новаго закона имѣлся споръ или челобитье по регулируемому отношенію, то послѣднее подлежало уже дѣйствію новаго закона (1). Рѣшительнымъ моментомъ для разграниченія пространства дѣйствія стараго и новаго законодательнаго опредѣленія является при этомъ число мѣсяца, въ которое состоялось послѣднее (2).

Что касается *обнародованія закона*—то оно не входило въ кругъ обязанностей Думы Боярской, но возлагалось на центральныя исполнительныя установленія — приказы. Боярскіе приговоры въ нѣкоторыхъ лишь случаяхъ заключаютъ въ себѣ самыя общія распоряженія о записи ихъ въ Разрядѣ или въ тѣхъ приказахъ, по докладу которыхъ они состоялись, и о посылкѣ на основаніи ихъ грамотъ въ города (3). Что касается вопроса о томъ, какова была дальнѣйшая судьба боярскаго приговора, переданнаго изъ Думы Боярской въ соотвѣтствующій приказъ—къ нему возвратимся мы впослѣдствіи, при изложеніи приказнаго дѣлопроизводства.

Познакомившись съ общимъ характеромъ участія Думы Боярской, въ законодательной дѣятельности—переходимъ къ разсмотрѣнію въ краткихъ чертахъ тѣхъ отдѣльныхъ сферъ современной государственной и юридической жизни, на которыя это участіе распространялось.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ поставимъ мы участіе Думы Боярской, направленное на *организацію правительственныхъ установленій* и опредѣленіе порядка функціонированія ихъ. Этотъ видъ законодательной дѣятельности сводится главнымъ образомъ къ распредѣленію вѣдомствъ между приказами и къ частнымъ опредѣленіямъ формъ и порядка приказнаго дѣлопроизводства (4).

---

(1) Наприм. П. С. З. №№ 765, 1020, 1132 и др.

(2) Наприм. П. С. З. №№ 1020, 1132, Акты Ист. IV, № 158 (II).

(3) Владимірскій-Будановъ: Христоматія по ист. русск. права, вып. III, стр. 5, 12, 14 и др.; Акты Ист. II, №№ 63; 85; А. А. Э. IV, № 287, 288; П. С. З. №№ 1019, 1022 и др.

(4) Наприм. П. С. З. №№ 526, 639, 746, 951, 964, 1112; Записки Императ. Русск. Археол. Об—ва по Отдѣл. Русск. и Слав. Археологіи, т. II, стр. 45—46, 50; Доп. къ Акт. Ист. IV, № 136.

Затѣмъ поставимъ участіе Думы Боярской въ законодательной дѣятельности направленной на *организацію порядка и правилъ суда* (1), какъ гражданскаго (2), такъ и уголовнаго (3).

Законодательная дѣятельность Думы Боярской распространялась далѣе на *право уголовное*; здѣсь имѣемъ мы преимущественно дѣло съ опредѣленіями видовъ и мѣры наказаній за различнаго рода уголовныя правонарушенія (4).

Гражданское матеріальное право зиждилось на неписанномъ обычномъ правѣ и вслѣдствіе этого—какъ и въ самыхъ законодательныхъ сборникахъ—почти не затрогивалось законодательною дѣятельностью Думы Боярской. Косвенныя опредѣленія, касающіяся матеріальнаго гражданскаго права, встрѣчаются, да и это рѣдко, лишь въ боярскихъ приговорахъ регулирующихъ порядокъ гражданскаго процесса (5). Изъ всей системы гражданскаго матеріальнаго права болѣе всего посчастливилось въ этомъ отношеніи правамъ наслѣдственному и семейному, но и то настолько лишь, на сколько они касались правъ вотчинныхъ и помѣстныхъ, которыя, въ силу государственнаго значенія своего, составляли предметъ постоянной заботливости Московскаго законодательства. До насъ дошло весьма много боярскихъ приговоровъ, регулирующихъ права наслѣдованія въ вотчинахъ и помѣстьяхъ, порядокъ раздѣла вотчинъ между родственниками, право выкупа вотчинъ и т. п. (6).

---

(1) Въ смыслѣ *процесса*,—такъ какъ терминъ «судъ» нерѣдко распространялся въ до-Петровской Руси и для означенія нормъ права матеріальнаго.

(2) См. Указную Книгу вѣдомства Казначеевъ (въ III вып. Хрестоматіи проф. Владимірскаго-Буданова), ст. III—VI, XIV, XVI; П. С. З. №№ 55, 497, 553, 687, 717, 733, 740, 784. 968, 1092, 1126, 1135, 1156, 1158, 1240, 1363, 1369, 1386, 1732 и др.

(3) См. Уставную Книгу Разб. Пр—за (въ III вып. Христ. Влад.-Буданова), ст. 15, 29, 43, 45 и др.; П. С. З. №№ 561, 669, 868, 970, 1000, 1239, 1321 и др.

(4) См. Уставную Кн. Разб. Пр—за (у Влад.-Буданова), ст. 9—10; Указную Кн. вѣд. Казначеевъ (ib.), ст. XX; П. С. З. №№ 68, 441, 843, 846, 972, 1055, 1335, 1374 и др.; Акты Ист. IV. № 158.

(5) Наприм. въ Указной Книгѣ вѣдомства Казначеевъ (въ III вып. Христоматіи Владим.—Буданова), статьи VII, IX. XXI.

(6) Указная Книга вѣдомства Казначеевъ (у Влад.-Буданова въ III вып. Христоматіи), ст. XVIII и XIX; П. С. З. №№ 14, 15, 33, 389, 633, 634, 700, 765, 860, 1020, 1236, 1255 и мн. др.

Вѣданіе служебныхъ отношеній и служилаго класса весьма часто также давало матеріалъ для законодательной дѣятельности Думы Боярской. Сюда относятся боярскіе приговоры объ испомѣщеніи служилыхъ людей, о порядкѣ отправленія службъ съ вотчинъ и помѣстій и различные частныя опредѣленія по вопросамъ касающимся помѣстной системы ([1]); боярскіе приговоры о замѣнѣ личнаго отбыванія службы денежною повинностью ([2]); объ измѣненіяхъ въ организаціи извѣстнаго разряда ратныхъ людей ([3]). Сюда же относятся различные приговоры касающіеся мѣстничества, какъ-то о бытіи при томъ или другомъ служебномъ разрядѣ безъ мѣстъ ([4]), о почитаніи одного чина честью выше другаго ([5]) и т. п.

За вѣданіемъ отношеній служебныхъ и класса служилаго—слѣдуютъ заботы объ *устройствѣ быта другихъ состояній*, также вызывавшія оживленную законодательную дѣятельность Думы Боярской. Сюда относятся боярскіе приговоры о крестьянахъ ([6]), боярскіе приговоры о внутреннемъ устройствѣ быта городскаго посадскаго населенія ([7]) и наконецъ законоположенія касающіяся холоповъ и условій вступленія въ это состояніе вольныхъ людей ([8]).

([1]) Указная Книга Помѣстнаго Приказа (въ III вып. Христоматіи Владим.-Буданова), I, статьи 4, 6, II, ст. 1, 6, 8, 9; П. С. З. №№ 16, 17, 20, 26, 117, 389, 630, 632. 1034 и др.

([2]) Напрім. П. С. З. № 186; Акты Ист. III, № 201.

([3]) Акты Арх. Эксп. IV, № 280.

([4]) Указная Книга вѣдом. Казначеевъ, статья I (по изд. въ III вып. Христоматіи Влад.-Буданова); С. Г. Г. и Д. III, № 52; Дворц. Разр. I, 235, 298, 396; III, 379.

([5]) П. С. З. № 247.

([6]) Акты Арх. Эксп. IV, № 287; П. С. З. №№ 333, 997, 998, 1364, 1370.

([7]) Акты Ист. V, № 200; П. С. З. №№ 796, 1195, 1234, 1308, 1357.

([8]) Акты Ист. II, № 44; Указная Книга Прик. Холопья Суда (въ III вып. Христом. Владим.-Буданова), статьи I—IV, VI, IX; Указная Книга вѣдом. Казначеевъ (ib.), ст. XIV; П. С. З. №№ 992, 1229, 1364, 1490.

Вопросы *финансоваго управленія* и близко соприкасающіеся съ ними вопросы касающіеся *торговли*—постоянно обращали на себя заботливое вниманіе Московскаго законодательства, которое, не говоря уже о многихъ имянныхъ указахъ, выражалось и въ появленіи значительнаго количества боярскихъ приговоровъ, регламентирующихъ различныя стороны этихъ вопросовъ. Въ числѣ боярскихъ приговоровъ, касающихся права финансоваго, встрѣчаемъ мы какъ приговоры о самой организаціи и порядкѣ финансовыхъ сборовъ различнаго рода (1), такъ и приговоры о размѣрѣ взыманія тѣхъ или другихъ финансовыхъ сборовъ и объ установленіи новыхъ (2). Въ числѣ боярскихъ приговоровъ, касающихся торговли, находимъ мы приговоры о составленіи въ 1667 г. новаго Торговаго Устава (3), объ изгнаніи въ 1649 г. англійскихъ торговцевъ изъ Россіи (4) и цѣлый рядъ приговоровъ, регламентирующихъ основанія и порядокъ торговли иностранцевъ въ Россіи (5).

Въ связи съ заботами Московскаго законодательства о регламентаціи финансовой жизни, стоятъ попеченія его *о межевомъ и писцовомъ дѣлѣ*. До насъ дошли боярскіе приговоры о разсылкѣ по всѣмъ городамъ межевщиковъ и валовыхъ писцовъ для межеванія и описанія городскихъ и уѣздныхъ земель (6) и объ организаціи самаго писцоваго дѣла (7); сюда же можетъ быть отнесенъ весьма любопытный боярскій приговоръ 1696 г. о снятіи на холстѣ чертежа Сибири (8).

---

(1) Акты Арх. Эксп. IV, №№ 246, 289; Акты Ист. V, № 83; П. С. З. №№ 343, 499, 679, 770, 859, 876, 879, 999, 1037, 1276, 1595.

(2) Акты Арх. Эксп. IV, № 251; Акты Ист. V, №№ 29, 144, 195; Доп. къ Акт. Ист. V, № 32, VIII, № 28 (VI); П. С. З. №№ 107, 322, 492, 494, 652, 693, 750, 799, 861, 977, 1319.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, № 55 и П. С. З. № 408.

(4) П. С. З. № 9.

(5) П. С. З. №№ 408, 536, 659, 1129.

(6) П. С. З. №№ 785, 813, 926, 1005, 1284.

(7) П. С. З. №№ 830, 832, 886, 888, 893, 1019, 1125.

(8) П. С. З. № 1532.

Законодательная дѣятельность Думы Боярской распространялась наконецъ и на нѣкоторые вопросы касающіеся *полиціи безопасности и благоустройства.* Здѣсь находимъ мы приговоры направленные къ предупрежденію опасностей могущихъ угрожать обществу со стороны злой воли и неосторожности отдѣльныхъ личностей (1) и къ предупрежденію опасностей могущихъ угрожать ему отъ разрушительныхъ дѣйствій природы (2); здѣсь же находимъ мы приговоры касающіеся полиціи народонаселенія, напр. опредѣляющіе порядокъ и способы водворенія Корелъ, выселяющихся изъ Щвеціи (3), приговоры имѣющіе въ виду интересы нравственно-религіознаго быта общества (распространеніе православія, устроеніе епархій—совмѣстно съ Освященнымъ соборомъ, мѣры противъ раскола) (4), приговоры касающіеся вопросовъ торговой полиціи (ярмарки, опредѣленіе извѣстныхъ мѣстностей для производства оптовой и розничной торговли и т. п.) (5) и наконецъ приговоры направленные къ регламентаціи ямскаго дѣла, какъ средства облегченія сношеній и передвиженій въ предѣлахъ государства (6).

Изъ сдѣланнаго нами краткаго обозрѣнія уже открывается, что участіе Думы Боярской въ законодательной дѣятельности распространялось на всѣ сферы современной государственной и юридической жизни.

---

(1) П. С. З. №№ 1093, 1171, 1181.

(2) П. С. З. № 858.

(3) П. С. З. №№ 1619, 1656, 1734.

(4) Акты Арх. Эксп. IV, № 284; Дворц. Разр. доп. къ III т., 110; П. С. З. №№ 1117, 1163.

(5) Акты Ист. V, № 45; Акты Арх. Эксп. IV, № 236; П. С. З. №№ 660, 904, 1480.

(6) П. С. З. №№ 541, 542.

Глава III.

Судебная дѣятельность Думы Боярской.

Виды судебной дѣятельности Думы.—I. Судебная компетентность Думы въ качествѣ первой инстанціи.—Судъ преступленій политическихъ.—Судъ преступленій по должности.—Судъ по дѣламъ мѣстническимъ.—II. Судебная компетентность Думы въ качествѣ высшей инстанціи и двоякій характеръ ея.—Докладъ судныхъ дѣлъ изъ приказовъ. Поводы къ нему.—Челобитья на рѣшенія приказовъ (апеляція).

Анализируя дошедшія до насъ извѣстія о судебной дѣятельности Думы Боярской, мы увидимъ, что она представляется двоякою: одни судныя дѣла разсматривались здѣсь въ первой инстанціи, между тѣмъ какъ по отношенію къ другимъ суднымъ дѣламъ Дума Боярская являлась съ характеромъ высшей инстанціи, въ которую въ обыкновенномъ инстанціонномъ порядкѣ поступали дѣла изъ различныхъ приказовъ.

Въ качествѣ *первой инстанціи*—принадлежалъ Думѣ Боярской судъ преступленій политическихъ, преступленій по должности и судъ по дѣламъ мѣстническимъ.

Дѣла, поступавшія на разсмотрѣнія Думы Боярской, какъ *высшей инстанціи*,—въ свою очередь распадаются на двѣ группы: одни дѣла переносятся изъ приказовъ на разсмотрѣніе Думы Боярской путемъ *доклада* ихъ приказными судьями, слѣдовательно по инціативѣ самихъ приказовъ; другія дѣла переносятся въ Думу Боярскую въ порядкѣ *аппеляціонномъ*, *по челобитью* сторонъ на неправильное рѣшеніе дѣла въ приказѣ.

Разсмотримъ подробнѣе всѣ эти виды судебной дѣятельности Думы Боярской, на сколько позволятъ намъ это сдѣлать дошедшіе до насъ источники.

I. Судебная компетентность Думы въ качествѣ первой инстанціи.

Въ первой инстанціи вѣдала Дума Боярская судъ преступленій политическихъ, преступленій по должности и дѣлъ мѣстническихъ.

Изъ *преступленій политическихъ* можемъ мы указать на производившееся въ Думѣ Боярской въ 1601—1602 гг.

дѣло о ссылкѣ Романовыхъ ([1]), на производившееся здѣсь въ 1634 году дѣло объ измѣнѣ Шеина и заподозрѣнныхъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ ([2]), на производившійся здѣсь-же въ 1653 и 1674 гг. судъ надъ самозванцами Анкудиновымъ и Воробьевымъ ([3]), а въ 1689 г.—судъ объ измѣнѣ и бунтѣ Ѳ. Шакловитаго и его единомышленниковъ и т. п. ([4]). Само собою разумѣется, что суду Думы Боярской предавались государемъ лишь наиболѣе значительныя, наиболѣе выдающіяся политическія преступленія; менѣе важныя дѣла этого рода производились въ приказахъ, по вѣдомству которыхъ они обнаруживались. Слѣдовательно въ указанныхъ случаяхъ судебная дѣятельность Думы Боярской можетъ быть названа *чрезвычайною.*

Преступленія по должности подлежали кажется компетентности Думы Боярской лишь преданіемъ суду и постановкою окончательнаго указа; самый розыскъ дѣла передавался соотвѣтствующему приказу. Такъ въ 1614 г. въ Приказѣ Казеннаго Двора обнаружилась покража изъ ящика казенныхъ денегъ, при чемъ подозрѣніе пало на приказныхъ сторожей; изъ приказа воспослѣдовалъ докладъ о томъ государю и боярамъ и, по указу государя и по боярскому приговору, подозрѣваемыхъ велѣно подвергнуть въ томъ же приказѣ распросу и пыткѣ ([5]).

Въ 1676 г. въ Думѣ Боярской начато было дѣло о противозаконныхъ дѣйствіяхъ воеводы И. Мещеринова при взятіи Соловецкаго монастыря, которое, послѣ предварительной постановки его здѣсь, по царскому указу и боярскому приговору передано было для дальнѣйшаго производства въ Новгородскій Приказъ ([6]). Если мы въ приведенныхъ сейчасъ случаяхъ видѣли Думу Боярскую направляющею и

([1]) Акты Ист. II, № 38 (см. II, VII, VIII).

([2]) Акты Арх. Эксп. III, № 335.

([3]) Доп. къ Акт. Ист. III, № 73 (IV); Акты Ист. IV, № 247; Дворц. Разр. III, 1019—1022.

([4]) П. С. З. №№ 1349, 1359. См. также П. С. З. № 351.

([5]) Викторовъ: Описаніе книгъ и бумагъ дворцов. приказовъ (М. 1877 г.), I, стр. 70. См. также подоб. примѣръ Акты Ист. II, № 38 (VIII).

([6]) Акты Арх. Эксп. IV, № 215.

предающею суду дѣла о преступленіяхъ по должности—то съ другой стороны имѣемъ мы также примѣры окончательныхъ приговоровъ Думы по дѣламъ этого рода; такъ, въ 1682 г., боярскимъ приговоромъ опредѣлено наказаніе стрѣлецкому полковнику за превышеніе и злоупотребленіе предоставленною ему властью и за притѣсненіе своихъ подчиненныхъ (¹). Имѣя въ виду общій характеръ и духъ современнаго дѣлопроизводства, не трудно себѣ представить тотъ порядокъ, которымъ должны были производиться дѣла о преступленіяхъ по должности. Во время обычнаго утренняго пріема въ Комнатѣ или Передней, государю докладывалось обнаружившееся преступленіе по должности—или первоприсутствующимъ соотвѣтствующаго приказа, если оно открывалось административнымъ порядкомъ, или думнымъ дьякомъ—если по дѣлу подана была челобитная на государево имя. Если дѣло было яснымъ и не требовало дальнѣйшихъ соображеній, государь тутъ же давалъ указъ свой; въ противномъ случаѣ государь приказывалъ изготовить дѣло къ докладу въ обычномъ засѣданіи Думы Боярской. Здѣсь, если дѣло достаточно выяснялось самимъ докладомъ, немедленно слѣдовалъ указъ по дѣлу; если же дѣло требовало дальнѣйшаго розыска—слѣдовалъ приговоръ о дальнѣйшемъ направленіи его съ этою цѣлью въ соотвѣтствующій приказъ, откуда, послѣ выясненія всѣхъ обстоятельствъ, дѣло снова докладывалось государю и Думѣ его для окончательнаго указа.

Къ числу преступленій по должности, которыя могли восходить до разсмотрѣнія Думы Боярской, можетъ быть отнесенъ отказъ судей въ правосудіи и злоупотребленія ихъ при отправленіи суда. Судебникъ 1550 г. грозитъ государевою опалою судьѣ, который безъ основанія откажетъ челобитчику въ управѣ; здѣсь, подъ словомъ „опала", проф. Владимірскій-Будановъ справедливо разумѣетъ не опалу въ собственномъ смыслѣ этого слова, но угрозу наказанія вообще. Затѣмъ, за неправильное рѣшеніе дѣла изъ за посула, Судебникъ угрожаетъ судьѣ пенею—„что государь укажетъ"(²). Затѣмъ Уложеніе дозволяетъ истцу подавать государю

(¹) Акты Арх. Эксп. IV, № 254.

(²) Владимірскій-Будановъ: «Хрестоматія по ист. русск. права», Судебникъ 1550 г., ст. 3, 7 и примѣч. 15.

челобитную въ случаѣ недачи судьею безъ законнаго основанія управы, а судьѣ, который изъ корысти не станетъ вершить суднаго дѣла, угрожаетъ наказаніемъ—„что государь укажетъ"; наказанію, опредѣляемому по указу государя, угрожается здѣсь и судьѣ который, безъ уважительныхъ причинъ, перестанетъ ѣздить присутствовать въ приказѣ своемъ (1). Ясно что, въ приведенныхъ выше случаяхъ, наказаніе, о которомъ упоминается въ самыхъ общихъ выраженіяхъ—„опала", „что государь укажетъ"—опредѣляется на каждый отдѣльный случай государемъ, по докладѣ ему даннаго дѣла. Но не можетъ почти подлежать никакому сомнѣнію участіе въ этомъ опредѣленіи наказанія—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и Думы Боярской; такъ смотритъ на этотъ вопросъ и проф. Дмитріевъ въ своей „Исторіи судебныхъ инстанцій (2).

Судъ по мѣстническимъ дѣламъ составляетъ третій видъ судебной дѣятельности Думы Боярской, въ качествѣ первой инстанціи. Мѣстническія дѣла бывали односторонними или двусторонними. Мѣстническія дѣла перваго рода являлись съ характеромъ простаго протеста извѣстнаго лица противъ касающагося его правительственнаго распоряженія или назначенія, несовмѣстнаго съ его „честью". Мѣстническія дѣла втораго рода являлись также протестомъ противъ извѣстнаго назначенія или правительственнаго дѣйствія, но уже протестомъ не абсолютнымъ, а относительнымъ; здѣсь обиженный видитъ „поруху" или „потерку" чести своей въ томъ, что передъ нимъ возвышено или сравнено съ нимъ другое лице, менѣе честное съ точки зрѣнія мѣстническихъ счетовъ. Мѣстническое дѣло начинается челобитьемъ государю (письменнымъ или словеснымъ) ,со стороны лица, считающаго себя обиженнымъ. Если возникающее дѣло является двустороннимъ,—въ такомъ случаѣ противникъ, въ свою очередь, бьетъ обыкновенно государю челомъ „объ оборони", т. е. объ огражденіи чести его отъ порухи, нанесенной ей предъявленіемъ мѣстническаго спора. Государь указываетъ боярамъ „слушать дѣла" или „сидѣть о томъ дѣлѣ"—и тѣ

(1) Уложеніе, гл. X, ст. 15, 20 и 24.

(2) Дмитріевъ: Ист. судебн. инст., стр. 143.

приступаютъ къ разсмотрѣнію спора, причемъ существенными моментами представляются распросъ челобитчика и разсмотрѣніе и оцѣнка представленныхъ имъ въ основаніе соображеній своихъ „случаевъ". Послѣ достаточнаго выясненія дѣла, бояре постановляютъ приговоръ, или признающій правильною претензію перваго челобитчика, или—что бывало въ большинствѣ случаевъ — признающій ее неосновательною; въ послѣднемъ случаѣ присуждалась второму челобитчику „оборонь", заключавшаяся обыкновенно въ опредѣленіи извѣстнаго наказанія начавшему неправильный споръ,—тюремнаго заключенія, выдачи головою противнику, запрещенія въ теченіе извѣстнаго промежутка времени „видѣть царскія очи" или пониженія въ чести, если обвиненный находился въ думномъ чинѣ,—тюремнаго заключенія или тѣлеснаго наказанія, если онъ не былъ думнымъ человѣкомъ (¹). Но слушаніе мѣстническихъ дѣлъ въ полномъ присутствіи Думы составляетъ лишь одинъ видъ суда по дѣламъ этого рода; въ другихъ случаяхъ государь указывалъ судить мѣстническій споръ одному боярину или окольничему, придавъ ему въ помощь разряднаго дьяка и разряднаго подъячаго для письмоводства (²). Послѣдняя упрощенная форма суда кажется даже предпочиталась челобитчиками; мы имѣемъ по крайней мѣрѣ случай ходатайства боярина, что бы государь его пожаловалъ, „велѣлъ судъ дать, и приказалъ бы одному боярину судить", отказываясь предъявить свои „случаи" полному присутствію Думы „для многіе ссоры съ своею братьею",—что и было государемъ уважено (³). Въ другихъ случаяхъ бояре, въ полномъ составѣ своемъ, обсуждали лишь вопросъ о дачѣ по спорному дѣлу суда,—а затѣмъ самый судъ поручался одному изъ

(¹) Иногда приговоръ тутъ же въ Думѣ и исполнялся. Такъ, въ 1620 г., былъ присужденъ къ кнуту за неправильное мѣстничество Иванъ Чихачевъ; при этомъ думный дьякъ Т. Луговской, съ словами: «долго того ждать»,—схватилъ посохъ, и тутъ же, въ засѣданіи Думы, сталъ бить обвиненнаго по спинѣ и ногамъ, въ чемъ сталъ помогать ему и бояринъ Ив. Нкт. Романовъ, приговоривая при этомъ: «не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру» (Дворц. Разр. I. 436).

(²) Дворц. Разр. I, 550, 730, 834, 897, 994; II, 28 и др.

(³) Дворц. Разр. I, 410; сравни Разр. Кн. I, 82.

нихъ, съ придачею разряднаго дьяка ([1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ свидѣтельства о значительномъ количествѣ мѣстническихъ дѣлъ, судившихся полнымъ присутствіемъ Думы отъ начала и до конца, съ постановленіемъ окончательнаго приговора по дѣлу, притомъ или подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, или въ его отсутствіе ([2]). Въ записяхъ мѣстническихъ процессовъ въ большинствѣ случаевъ не упоминается объ особомъ докладѣ государю боярскаго приговора въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло слушалось въ отсутствіе государя, откуда мы вправѣ заключить, что подобнаго доклада и не требовалось, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда государь желалъ, что бы рѣшеніе бояръ было представлено на его утвержденіе—о такой волѣ государя упоминается въ самой записи процесса ([3]). Рѣшенія по мѣстническимъ дѣламъ записывались въ Разрядномъ Приказѣ, на который возлагалось и приведеніе въ исполненіе наказаній, присуждаемыхъ по мѣстническимъ дѣламъ.

Въ заключеніе разсмотрѣнія судебной дѣятельности Думы Боярской, какъ суда первой инстанціи, должны мы замѣтить, что въ удѣльный періодъ русской жизни этотъ видъ суда князя и думы его былъ весьма обыкновеннымъ. Съ переходомъ русской государственной жизни въ Московскій періодъ, а въ особенности съ развитіемъ приказной организаціи,—онъ долженъ былъ все болѣе и болѣе стѣсняться и наконецъ, ко второй половинѣ XVI в., окончательно принять уже тѣ предѣлы, которые выше были нами разсмотрѣны.

II. *Судебная компетентность Думы въ качествѣ высшей инстанціи.*

Судебная компетентность Думы Боярской въ качествѣ высшей инстанціи возбуждалась, или путемъ *докладовъ* судныхъ дѣлъ изъ приказовъ, или путемъ *челобитій* на рѣшенія послѣднихъ. *Докладъ судныхъ списковъ*, въ значеніи средства ограниченія судебной компетентности—заключавшагося

([1]) Дворц. Разр. I, 550.

([2]) Дворц. Разр. I, 135, 138—139, 248, 435—436, 897, 988, II, 491—494, 730—731, III, 97—98, 896. Разр. Книги, I, 82, 206, 551. Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 18.

([3]) Наприм. Дворц. Разр. I, 730.

въ томъ, что низшаго разряда судьи не могли постановлять по извѣстнымъ дѣламъ окончательнаго рѣшенія безъ доложенія дѣла высшей инстанціи — должно считать институтомъ весьма древнимъ, начало котораго скрывается еще въ глубинѣ удѣльно-вѣчеваго періода русской государственной жизни. Но этотъ видъ доклада, касающійся организаціи мѣстнаго, областнаго суда — не составитъ въ настоящее время предмета изслѣдованія нашего. Мы будемъ говорить въ настоящее время лишь о докладѣ судныхъ дѣлъ государю и Думѣ его изъ приказовъ.

Уже Судебникъ 1550 г. даетъ слѣдующее постановленіе, касающееся доклада: „А кто къ которому боярину, или къ дворецкому, или къ казначею, или къ діаку придетъ жалобникъ его приказу, и ему жалобниковъ своего приказу отъ себя не отсылати . . . . а которому будетъ жалобнику, безъ государева вѣдома, *управы учинити не мочно*, ино челобитье его сказати царю государю" (1). Въ этой статьѣ подъ словами „его приказу", „своего приказу" — было бы весьма смѣло разумѣть приказы въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ слово „приказъ" является здѣсь въ смыслѣ „подсудности", но упоминаніе здѣсь о дворецкомъ, казначеѣ и дьякахъ уже указываетъ намъ, что это опредѣленіе Судебника распространяется и на приказы въ собственномъ смыслѣ слова—въ смыслѣ центральныхъ правительственныхъ установленій, вѣдающихъ между прочимъ и центральный судъ,—изъ которыхъ многіе существовали уже въ половинѣ XVI вѣка. Здѣсь очевидно въ самомъ общемъ выраженіи указываются случаи, въ которыхъ требуется докладъ судныхъ дѣлъ изъ приказовъ государю: если будетъ „управы учинити не мочно" (2). Обращаясь къ Уложенію 1649 г., мы и въ этомъ законодательномъ памятникѣ не находимъ твердаго опредѣленія случаевъ доклада: „А спорныя дѣла, которыхъ въ при-

(1) Судебникъ 1550 г., статья 7.

(2) Сравнимъ выраженіе: «. . . . . . а не возможете имъ управа учинити» или: «. . . . а въ чемъ будетъ вамъ межъ ихъ управы учинити не мочно», — «и вы бъ . . . , . . . прислали къ докладу къ намъ, на Москву», встрѣчающееся въ предписаніяхъ областнымъ судьямъ 1555—1556 г. (Доп. къ Акт. Ист., I, № 51, стр. 72, 73,75, 78, 80 и др.).

казѣхъ зачѣмъ вершити будетъ *не мощно*, взносити изъ приказовъ въ докладъ къ Государю ..... и къ его государевымъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ" (¹). Въ 1694 г. опять встрѣчаемъ мы весьма общее опредѣленіе, по которому „судныхъ и всякихъ розыскныхъ дѣлъ, по которымъ въ приказахъ судьямъ указу за чѣмъ учинить будетъ *немочно* ..... и тѣхъ изъ приказовъ дѣлъ ..... слушать въ вверху въ Передней бояромъ и думнымъ людемъ всѣмъ и ..... великихъ государей указъ чинить" (²).

Такимъ образомъ въ законодательныхъ опредѣленіяхъ XVI и XVII вѣковъ встрѣчаемъ мы одинакія и весьма неопредѣленныя указанія на случаи доклада изъ приказовъ государю и Думѣ его — это именно случаи, когда приказнымъ судьямъ по извѣстному дѣлу „указу учинити не мочно", когда въ приказѣ не можетъ состояться окончательное рѣшеніе по дѣлу. Ясно, что здѣсь прежде всего должно разумѣть тѣ судные случаи, рѣшеніе которыхъ не могло воспослѣдовать въ приказахъ за отсутствіемъ, неполнотою или внутреннимъ противорѣчіемъ законодательныхъ опредѣленій, подъ которыя могли бы они быть подведены, когда слѣдовательно оставалось лишь обратиться за указомъ къ государю и Думѣ его, какъ высшей законодательной и судебной инстанціи (³). Судебное рѣшеніе государя и Думы его являлось въ подобныхъ случаяхъ и новымъ законодательнымъ опредѣленіемъ, обязательнымъ для послѣдующей практики. Выше, говоря объ участіи Думы Боярской въ законодательствѣ, уже имѣли мы случай видѣть, какъ подобные доклады изъ приказовъ и указы по нимъ бояръ и думныхъ людей—способствовали движенію законодательства въ формѣ дополнительныхъ къ Судебнику указовъ и новоуказныхъ статей. Кромѣ доклада суднаго дѣла изъ приказа Думѣ Боярской по неимѣнію для рѣшенія его яснаго опредѣленія въ законѣ, профес. Дмитріевъ допускаетъ, что подъ случаями, въ которыхъ приказнымъ судьямъ

(¹) Уложеніе, гл. X, ст. 2, сравни П. С. З. № 656.

(²) П. С. З. № 1491.

(³) Котошихинъ свидѣтельствуетъ: «..... а будетъ которого дѣла вершити имъ (приказн. судьямъ) за чѣмъ немочно, и то дѣло взнесутъ предъ царя и предъ бояръ, и что по тому дѣлу будетъ царской указъ, и по тому такъ и быти» (гл. VII, ст. 42).

указа „учинити не мочно“—слѣдуетъ разумѣть и такіе, когда не могло состояться единогласнаго приговора по дѣлу,—такъ какъ рѣшеніе по большинству голосовъ не въ характерѣ старинпаго русскаго процесса ([1]). И вотъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приказные судьи разногласили—заявляетъ проф. Дмитріевъ—они вѣроятно и препровождали дѣло на разсмотрѣніе и разрѣшеніе Думы Боярской; этимъ думаетъ объяснить г. Дмитріевъ и многочисленность докладовъ поступавшихъ въ Думу изъ приказовъ ([2]). Нельзя не согласиться съ вѣроятностью этого предположенія, хотя оно и не подкрѣпляется извѣстными до нашего времени памятниками. Укажемъ наконецъ на одну статью Судебника 1550 г., изъ которой выводится заключеніе объ одномъ процессуальномъ дѣйствіи, требующемъ непремѣннаго доклада своего Думѣ. Статья 75 Судебника постановляетъ, что намѣстники, волостели и ихъ тіуны могутъ быть вызываемы въ Москву къ суду по приставнымъ записямъ не иначе, какъ по окончаніи сроковъ службы ихъ; исключеніе допускается лишь въ томъ случаѣ, если „запись велятъ дати бояре, приговоря вмѣстѣ“. Такимъ образомъ намѣстникъ, волостель и тіунъ, до окончанія срока службы, могутъ быть вызваны въ Москву къ суду не иначе, какъ по боярскому приговору; отсюда вѣроятно, что приказы, въ случаѣ необходимости въ такомъ вызовѣ, должны были докладывать о томъ Думѣ.

Укажемъ въ заключеніе, что мы имѣемъ нѣсколько частныхъ примѣровъ производства въ Думѣ судныхъ дѣлъ по докладамъ ихъ изъ соотвѣтствующихъ приказовъ,—не говоря уже о разсмотрѣнныхъ выше ([3]) новоуказныхъ статьяхъ, въ которыхъ судебная дѣятельность Думы тѣсно соприкасается съ участіемъ ея въ дѣятельности законодательной ([4]).

Челобитныя на неправильныя рѣшенія приказовъ со стороны лицъ заинтересованныхъ — представляютъ второй путь возбужденія судебной дѣятельности Думы Боярской, какъ высшей инстанціи.

([1]) Котошихинъ пишетъ, что приказнымъ судьямъ приказано судить «всѣмъ вмѣстѣ и безъ единаго и единому безъ всѣхъ, въ правду . . . . .» (гл. VII, ст. 38).

([2]) Дмитріевъ: Ист. суд. инст., стр. 135 и 141.

([3]) См. стр. 136—138.

([4]) Наприм. П. С. З. № 1151; Дворц. Разр III, 1353, 1579; Доп. къ Акт. Ист. VIII, № 108 (статьи 3, 21).

Хотя Судебники не указываютъ прямо на Боярскую Думу, какъ на инстанцію, разсматривающую въ аппелляціонномъ порядкѣ дѣла производившіяся въ приказахъ, какъ скоро рѣшенія послѣднихъ будутъ обжалованы челобитными на государево имя,—но разбирательство подобнаго рода дѣлъ въ XVI вѣкѣ Думою Боярскою вытекаетъ уже изъ того—какъ справедливо указываетъ профес. Дмитріевъ—что нельзя указать другаго учрежденія, которое могло бы давать въ подобныхъ случаяхъ расправу [1]. Но за то отъ XVII вѣка имѣемъ мы уже вполнѣ опредѣленныя свидѣтельства, указывающія на Думу Боярскую, какъ на высшую апеляціонную инстанцію по дѣламъ, рѣшенія которыхъ въ приказѣ обжаловались передъ государемъ. Уложеніе 1649 г., предусматривая для приказныхъ судей возможность „просудиться", т. е. неправильно обвинить кого либо безъ злаго умысла, по ошибкѣ, опредѣляетъ переносъ такого неправильно рѣшеннаго дѣла на пересмотръ и перерѣшеніе Думы Боярской,—„а дѣло вершити всѣмъ бояромъ". Равнымъ образомъ опредѣляетъ Уложеніе переносъ дѣла на пересмотръ и перевершеніе Думы и въ томъ случаѣ, если рѣшеніе приказнаго судьи будетъ обжаловано передъ государемъ вслѣдствіе неправильнаго рѣшенія его судьею изъ за корыстныхъ видовъ [2]. Еще опредѣленнѣе выражается указъ 1694 года: „... судныхъ и всякихъ розыскныхъ дѣлъ .... которые и вершены (въ приказахъ), а *на вершенья* учнетъ кто имъ великимъ государемъ бить челомъ и вершенья чѣмъ спорить ... и тѣхъ изъ приказовъ дѣлъ и челобитенъ слушать у себя великихъ государей въ вверху въ Передней бояромъ и думнымъ людемъ всѣмъ и ... великихъ государей указъ чинить" [3]. Въ томъ же указѣ опредѣленъ и самый порядокъ подачи государямъ челобитныхъ,—который указанъ уже нами при разсмотрѣніи дѣлопроизводства въ Думѣ Боярской. Для нѣкоторыхъ привиллегированныхъ городовъ Дума Боярская непосредственно являлась второю инстанціею по отношенію къ областному суду, помимо приказовъ, какъ сред-

---

(1) Дмитріевъ: Ист. суд. инст., стр. 142—143.

(2) Уложеніе, гл. X, ст. 7 и 10. Крайне любопытный частный примѣръ пересмотра суднаго дѣла въ Думѣ, вслѣдствіе челобитья обвиненнаго о пристрастномъ рѣшеніи судьи «по старой недружбѣ въ отеческомъ дѣлѣ»,—имѣемъ мы въ IV т. Дворцовыхъ Разрядовъ (стр. 1287).

(3) П. С. З. № 1491.

ней судебной инстанціи (1); такъ въ жалованной грамотѣ городу Могилеву (1654 г.), данной по случаю присоединенія его къ Московскому государству, жителямъ его предоставлено судиться по Магдебургскому праву, при посредствѣ собственныхъ выборныхъ судей, —но „только кто будетъ учнетъ бити челомъ на ихъ (выборныхъ судей) судъ и на приговоръ намъ, великому государю,—опредѣляетъ эта грамота—и тогда ихъ . . . позывати до нашего царствующаго града Москвы, и, по нашему царского величества указу, такихъ дѣлъ выслушаютъ наши царского величества бояре и думные люди и росправу учинятъ“ (2).

Въ заключеніе нашихъ изслѣдованій о Думѣ Боярской—скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ ея съ наступленіемъ XVIII вѣка и началомъ Петровскихъ реформъ. Послѣднее достовѣрное извѣстіе о существованіи еще Думы Боярской относится къ 18 февраля 1700 года. Затѣмъ о послѣдующей судьбѣ этого учрежденія—отживавшаго уже послѣднія минуты предсмертной агоніи своей—ничего не извѣстно. Съ 4 марта 1704 г. видимъ дѣйствующимъ на мѣстѣ Думы уже новое учрежденіе—*Ближнюю Канцелярію*, составленную изъ присутствія лицъ, завѣдывающихъ различными приказами. Наконецъ 22 февраля 1711 года состоялся указъ о первомъ учрежденіи *Сената*—а вслѣдъ за тѣмъ начинается окончательная ломка системы Московскихъ правительственныхъ установленій. Такимъ образомъ уничтоженіе Думы Боярской должно быть отнесено къ промежутку времени между 18 февраля 1700 и 4 марта 1704 года (3). Долѣе просуществовала Расправная Палата, которая, сохраняя прежнее судное значеніе свое, самостоятельно существовала до 1718 года, когда, указомъ отъ 28 августа, она вмѣстѣ съ Помѣстнымъ Приказомъ—подчинена была вновь учрежденной Петромъ Юстицъ-Коллегіи (4).

---

(1) Такъ какъ, въ нормальномъ порядкѣ инстанцій, Дума является третьею инстанціею по отношенію къ областному суду, а второю представляются Московскіе приказы.

(2) Акты Ист. IV. № 88.

(3) Петровскій: О Сенатѣ въ царствов. Петра В.», стр. 26—28.

(4) П. С. З. № 3224.

УЛОЖЕНІЕ
ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА
И
ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ 1648-1649 ГОДА.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета, 5-го ноября 1879 г., доцентомъ Университета,

докторомъ государственнаго права
Н. П. ЗАГОСКИНЫМЪ.

Мм. Гг.

1648 годъ—останется навсегда годомъ, въ высшей степени знаменательнымъ въ лѣтописяхъ отечественнаго законодательства. Этотъ годъ—является рубежемъ, отграничивающимъ древнее и новое законодательство наше. Во второй половинѣ этого года совершилось на Москвѣ великое *„государево и земское дѣло“*—составлено было Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича, важнѣйшій законодательный памятникъ Московсвой Руси. Изданіе Уложенія представляется событіемъ первостепенной важности не только для современной ему юридической жизни, но и для позднѣйшаго развитія русскаго законодательства, являясь, если можно такъ выразиться—концомъ древняго и началомъ новаго законодательства русскаго; величайшій знатокъ духа историческаго развитія нашего юридическагобыта, покойный профессоръ Московскаго Университета, *И. Д. Бѣляевъ*, не безъ основанія начиналъ съ Уложенія курсъ новаго періода исторіи русскаго права. Въ Уложеніи, какъ въ оптическомъ фокусѣ, соединились итоги предшествовавшаго ему законодательства;

въ этомъ памятникѣ послѣднее обновилось, будучи, съ одной стороны, дополнено и видоизмѣнено, сообразно съ измѣнившимися условіями жизни, а съ другой стороны – освобождено отъ излишняго баласта, накопившагося въ теченіи столѣтія, истекшаго со времени изданія Судебника царя Іоанна IV-го. Въ Уложеніи царя Алексѣя древнія начала русскаго права были переданы въ наслѣдіе временамъ позднѣйшимъ. Вамъ конечно извѣстно, Мм. Гг., что Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича продолжало лежать краеугольнымъ камнемъ въ основѣ русскаго законодательства до самаго изданія Свода Законовъ и, въ качествѣ законодательства дѣйствующаго, напечатано во главѣ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи; отсюда, отдѣльными статьями своими (за исключеніемъ конечно утратившихъ уже практическое значеніе),—оно разсѣялось по различнымъ томамъ Свода Законовъ.

Ясно, что исторія составленія и изданія столь важнаго законодательнаго памятника не могла не останавливать на себѣ вниманія русскихъ историковъ - юристовъ. И дѣйствительно, съ легкой руки покойнаго *Строева*, еще въ 1833 году издавшаго въ свѣтъ извѣстное свое „Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, изданнаго царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ“—вопросъ этотъ въ теченіи послѣдующихъ 46 лѣтъ не переставалъ интересовать дѣятелей русской историко-юридической науки (¹).

(¹) Укажемъ сочиненія, посвященныя изслѣдованію интересующаго насъ вопроса: «Объ источникахъ, изъ коихъ взято Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича (Московскій Телеграфъ 1831 г., № 7)»; упомянутое сейчасъ изслѣдованіе *Строева*; *Г. З.*: «Взглядъ на сочиненіе г. Строева объ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича (Спб. 1834)»; *Морошки-*

Имѣя въ текущемъ году высоко-лестное для меня порученіе нашего Университета занять Ваше вниманіе на годичномъ торжествѣ его—я избираю предметомъ моей настоящей бесѣды съ Вами именно одинъ изъ вопросовъ, касающихся исторіи составленія и изданія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича. У весьма многихъ изъ Васъ, Мм. Гг., хотя бы и отчасти только знакомыхъ съ литературою исторіи русскаго права, легко можетъ возникнуть въ мысляхъ вопросъ: можетъ ли избранный мною предметъ служить темою новаго историческаго разслѣдованія, такъ какъ, какъ только что было указано, вопросъ о составленіи и изданіи Уложенія уже 46 лѣтъ занимаетъ русскихъ историковъ-юристовъ? Само собою разумѣется, что въ томъ случаѣ, если бы вопросъ объ исторіи изданія Уложенія былъ совершенно исчерпанъ и выясненъ предшествовавшей литературою, —мнѣ ничего не оставалось бы болѣе, какъ избрать для своей рѣчи другую тему. Къ сожалѣнію сказать этого въ настоящее время невозможно. Не смотря на почти полувѣ-

---

на: «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи (рѣчь на актѣ Моск. Ун-та 1839 г.)»; *Линовскаго*: «Изслѣдованіе началъ уголовнаго права изложеннаго въ Уложеніи ц. Алексѣя Михаиловича (Од. 1847 г.)»; *Забѣлина*: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи ц. Алексѣя Михаиловича (Архивъ ист.-юридич. свѣдѣній Калачова, I, 1850); Кавелина: «Рецензія на I кн. Архива ист.-юр. свѣд. Калачова (Сочиненія, III)»; *Есиповичъ*: «Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 г.»; *Владимірскій-Будановъ*: «Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ ц. Алексѣя Михаиловича (Сборн. Госуд. Знаній, IV т. 1877 г.)». См. также въ сочиненіяхъ болѣе общаго содержанія, напр. у *Рожественскаго* (Обозр. внѣшней ист. рус. зак-ва), *Шпилевскаго* (Объ источникахъ рус. права въ связи съ развитіемъ государства), *Михайлова* (Исторія рус. права), *Пахмана* (Исторія кодификаціи гражд. права), *Сергѣевича* (Земскіе соборы въ Моск. государствѣ), *Бѣляева* (Исторія русск. законодательства), первый томъ моей «Ист. права Моск. гос-ва» и т. п.

ковую давность свою, затронутый нами вопросъ весьма мало подвинулся въ своей разработкѣ послѣ появленія въ свѣтъ вышеприведеннаго сочиненія Строева и до настоящаго времени представляетъ весьма много неяснаго и загадочнаго. Много работъ ожидаетъ еще со стороны нашихъ историковъ-юристовъ Уложеніе Алексѣя Михаиловича, для полнаго выясненія своей исторіи и историческаго значенія. Строевъ, изслѣдуя исторію Уложенія, не имѣлъ подъ руками неизданныхъ еще въ то время актовъ Археографической Коммиссіи—стяжавшихъ ему же впослѣдствіи почетное имя въ лѣтописяхъ русской исторической науки—вслѣдствіе чего всѣ сужденія свои объ этомъ законодательномъ памятникѣ вынужденъ былъ онъ основывать исключительно на собственномъ текстѣ его. Упустивъ изъ виду это весьма существенное обстоятельство, преемники Строева, слѣпо преклонившись передъ авторитетомъ его изслѣдованія—въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій передавали отъ поколѣнія къ поколѣнію выводы почтеннаго ученаго, не сопоставляя ихъ съ сдѣлавшимися вскорѣ доступными изданіями Археографической Коммиссіи. Только въ новѣйшее сравнительно время намѣчено было новое направленіе въ изслѣдованіи исторіи Уложенія царя Алексѣя, благодаря трудамъ покойнаго *Щапова* и затѣмъ *проф. Сергѣевича*. Это новое направленіе выдвинуло впередъ вопросъ о степени участія земщины въ дѣлѣ составленія и изданія этого законодательнаго памятника. На этомъ то именно вопросѣ и имѣю я въ виду остановить, Мм. Гг., Ваше вниманіе въ настоящей рѣчи моей, при чемъ долженъ буду затронуть въ эскизахъ и нѣкоторые другіе вопросы, имѣющіе отношеніе къ исторіи изданія Уложенія.

Вопросъ объ историческихъ условіяхъ, вызвавшихъ въ половинѣ XVII вѣка изданіе Уложенія, достаточно выясненъ уже наукою и въ данную минуту мнѣ не доведется долго на немъ останавливаться. Эти условія коренятся, съ одной стороны — въ обиліи отдѣльныхъ законодательныхъ опредѣленій, накопившихся въ видѣ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ въ теченіи почти столѣтняго промежутка времени, истекшаго со времени изданія послѣдняго законодательнаго сборника, Судебника Іоанна IV, которыя, будучи издаваемы на отдѣльные практическіе случаи и вслѣдствіе этого отличаясь своею казуистичностью и нерѣдкими противорѣчіями, да вдобавокъ въ значительной массѣ потерявши всякое жизненное значеніе—требовали основательнаго пересмотра и освобожденія своего отъ излишняго законодательнаго баласта; съ другой стороны—необходимость кореннаго пересмотра законодательства проистекала изъ расшатанности всего государственнаго и общественнаго быта, рожденной предшествовавшимъ смутнымъ временемъ, которая сильно давало еще чувствовать себя къ половинѣ XVII-го вѣка. Смутное время до самаго основанія поколебало весь строй государственной жизни русской земли и грозило довести ее до края гибели. Цѣлая серія самозванцевъ, притязанія Польши и Швеціи, голодъ, усобицы, внутренняя рознь—губили какъ матеріальныя, такъ и духовныя силы народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ полное безначаліе, своеволія людей сильныхъ, угнетенія слабыхъ, игнорированіе закона —подрывали правомѣрность по всему протяженію государства. На долю царя Михаила Θеодоровича, избраннаго на престолъ въ 1613 году, выпала тяжкая доля прекратить невыносимое положеніе дѣлъ, созданное смутнымъ временемъ;

но ему далеко не удалось, да и было это почти невозможнымъ, довести до конца предстоявшую ему задачу. Царствованіе Михаила—это, такъ сказать, еще время борьбы за существованіе русскаго государства, вышедшаго изъ тяжелой годины смутной эпохи, время борьбы съ внѣшними и внутренними врагами, мѣшавшими мирному ходу развитія жизни, столь необходимому государству послѣ вынесенныхъ имъ испытаній. Безпрерывныя войны, ведшіяся царемъ Михаиломъ, требовали огромныхъ издержекъ со стороны государства,—а между тѣмъ молодой государь, вступивъ на престолъ, принялъ государственную казну на столько пустою, что не на что было даже отдѣлать для его пріѣзда кремлевскихъ хоромъ. Потребны были великія матеріальныя жертвы со стороны народа—и послѣдній, въ лицѣ земскихъ соборовъ, собиравшихся царемъ Михаиломъ въ критическія минуты государственной жизни, съ замѣчательнымъ самопожертвованіемъ клалъ ихъ на алтарь отечества. Дѣйствительно, матеріальныя жертвы русской земщины послѣ смутнаго времени являются почти невѣроятными: достаточно сказать, что, въ краткій промежутокъ времени 1613—1619 гг., земскій соборъ дважды постановлялъ сборъ пятой деньги, т. е. 20% со всѣхъ имуществъ, что за оба раза составило жертвованіе земщиною 40% съ имуществъ. Понятно, какъ отозвались подобныя жертвы на матеріальномъ благосостояніи низшихъ податныхъ классовъ, въ лицѣ посадскихъ и уѣздныхъ черныхъ общинъ. Извѣстно, что древняя Русь не имѣла дѣла съ отдѣльными лицами, какъ податными плательщиками: податною единицею признавалась община, все равно, городская—посадская, или уѣздная—волостная, члены которой связаны были круговою порукою и сами развер-

стывали между собою „по животамъ и промысламъ“ падавшую на всю общину сумму тягостей. Тяглымъ или чернымъ людямъ противопологались бѣломѣстцы, лица освобожденныя отъ государственнаго финансоваго тягла; сюда относилось духовенство, служилые люди и наконецъ гости и торговцы двухъ высшихъ разрядовъ—гостинной и суконной сотенъ. И вотъ массы уѣздныхъ тяглыхъ людей, избывая платежа падающихъ на ихъ долю тягостей---выходятъ изъ своихъ общинъ, переходятъ въ посады, города, гдѣ думаютъ поправить свое матеріальное положеніе занятіями городскими промыслами, или закладываются за монастыри и лицъ, пользующихся правами бѣломѣстцевъ, при посредствѣ и поддержкѣ которыхъ избавляются отъ своего тягла. Въ надеждѣ на улучшеніе своего благосостоянія бѣжали изъ за вотчинниковъ и помѣщиковъ своихъ крестьяне, лишь въ концѣ XVI вѣка прикрѣпленные къ землямъ на которыхъ сидѣли, хотя, въ разсматриваемую нами эпоху (первую половину XVII в.),—прикрѣпленіе это еще не было абсолютнымъ: существовали еще урочныя лѣта (до 1640 года пять лѣтъ, послѣ 1640 года —десять и пятьнадцать лѣтъ), по истеченіи которыхъ вотчинникъ или помѣщикъ, не успѣвшій въ этотъ срокъ розыскать своего бѣглаго крестьянина, уже терялъ право требовать его возвращенія. Избывали финансоваго тягла и посадскіе люди, отчасти выходя изъ своихъ общинъ и закладываясь за монастыри, духовныхъ и служилыхъ лицъ, а отчасти продавая тяглые городскіе дворы и угодья свои бѣломѣстцамъ, вслѣдствіе чего эти дворы и угодья выходили изъ общей массы городскихъ имуществъ, подлежащихъ податному сбору. Легко представить себѣ матеріальный ущербъ, проистекавшій отъ подобнаго порядка вещей для городскихъ и уѣздныхъ общинъ по отношенію къ податной

повинности; за выходомъ изъ общинъ значительнаго количества податныхъ плательщиковъ и за отчужденіемъ бѣломѣстцамъ тяглыхъ дворовъ и угодій—оставшимся членамъ общинъ, связаннымъ круговою порукою, доводилось раскладывать наложенную на общину податную сумму уже между меньшимъ количествомъ податныхъ единицъ, въ ущербъ матеріальному благосостоянію отдѣльныхъ плательщиковъ. Вскорѣ послѣ окончанія смутнаго времени, обусловленная вышеуказанными причинами подвижность народонаселенія приняла столь обширные размѣры, что стала угрожать совершеннымъ разстройствомъ народному и государственному хозяйству. Массами посыпались въ Москву челобитныя общинъ о прекращеніи свободнаго выхода изъ общинъ и тягла и, въ частности, челобитья городскихъ общинъ о запрещеніи посадскимъ людямъ отчуждать городскіе дворы и угодья свои бѣломѣстцамъ. Жаловались правительству на разстройство внутренняго быта своего и служилые люди, ходатайствуя объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ своихъ, объ увеличеніи размѣровъ помѣстныхъ окладовъ своихъ и объ уравненіи служилой повинности для высшихъ и низшихъ служилыхъ чиновъ. Всѣ эти ходатайства различныхъ классовъ населенія облекались или въ форму отдѣльныхъ челобитныхъ, подававшихся на имя государя, или же въ форму петицій, заявлявшихся на земскихъ соборахъ; особенно замѣчателенъ былъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи земскій соборъ 1642 года, созванный для обсужденія Азовскаго вопроса. Результатомъ челобитій, подававшихся государямъ по различнымъ вопросамъ земскаго строенія, явился длинный рядъ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, исподоволь подготовлявшихъ какъ

закрѣпленіе городскаго посадскаго населенія, съ рѣзкимъ отграниченіемъ его отъ населенія волостнаго, уѣзнаго, такъ и окончательное закрѣпленіе крестьянскаго населенія, путемъ увеличенія, а наконецъ и полной отмѣны, урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ. Въ удовлетвореніе же жалобъ населенія на утѣсненія его со стороны лицъ сильныхъ и вліятельныхъ, злоупотреблявшихъ значеніемъ своимъ для притѣсненія лицъ и состояній болѣе слабыхъ,—еще въ царствованіе царя Михаила учреждена была особая приказная коммиссія изъ бояръ, князей Ив. Бор. Черкасскаго и Дан. Ив. Мезецкаго, для сыска и дачи суда по жалобамъ подобнаго рода. Но всѣ мѣры, принимавшіяся правительствомъ для улучшенія внутренней государственной и общественной жизни, не достигали желаемаго результата, какъ вслѣдствіе того обстоятельства, что эти мѣры не имѣли рѣшительнаго характера, такъ и вслѣдствіе ихъ казуистичности и случайнаго происхожденія, вслѣдствіе чего лица, заинтересованныя въ дѣлѣ, всегда умѣли находить способы и лазейки для обхода установлявшихъ ихъ узаконеній.

Всѣ указанныя нами нестроенія государственной и общественной жизни подготовили къ концу первой половины XVII вѣка необходимость кореннаго пересмотра законодательства, необходимость дать твердыя нормы государственному и общественному быту, необходимость дать населенію гарантіи равнаго, праваго и безволокитнаго суда, необходимость начертать опредѣленный кругъ правъ и обязанностей для всѣхъ классовъ населенія. Отвѣтомъ на эти потребности и явилось изданіе въ 1649 году Уложенія царя Алексѣя Михаиловича. Теперь ясно для насъ то весьма важное значеніе, которое должно было имѣть изданіе этого

памятника какъ для интересовъ правительства, такъ и для интересовъ земщины; теперь понятно для насъ, почему само правительство, въ предисловіи къ Уложенію, называетъ его изданіе „государевымъ и земскимъ великимъ дѣломъ“. Изъ предисловія къ Уложенію узнаемъ мы также, что памятникъ этотъ изданъ для того,— чтобы „Московскаго государства всяких чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ ровна“, чтобы „государево царственное и земское дѣло утвердити и на мѣрѣ постанити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла впредь были ничѣмъ нерушимы“.

Существуетъ весьма любопытное указаніе на то, что къ составленію Уложенія приступило Московское правительство въ виду заявленнаго о томъ желанія представителей земщины. Хотя въ самомъ предисловіи къ этому законодательному памятнику о томъ и не упоминается, но въ дошедшей до насъ грамотѣ въ Нагорную половину Обонежской пятины, съ предписаніемъ о присылкѣ въ Москву выборнаго человѣка къ земскому собору, собиравшемуся по поводу составленія Уложенія, читаемъ мы,—что составленіе послѣдняго предпринимается по указу Государя и Патріарха, по приговору бояръ и „*по челобитью* стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и жильцовъ, и дворянъ и дѣтей боярскихъ *всѣхъ городовъ*, и иноземцовъ, и гостей, и гостинныя и суконныя и *всякихъ чиновъ* торговыхъ людей“. Нельзя не остановиться въ недоумѣніи передъ этимъ историческимъ свидѣтельствомъ, достовѣрность котораго, въ виду оффиціальнаго характера акта,—не можетъ подлежать тѣмъ не менѣе сомнѣнію. Когда именно заявлено было челобитье, о которомъ идетъ рѣчь? Въ разрѣшеніе этого вопроса можно

допустить три предположенія: челобитье о составленіи новаго законодательнаго сборника могло быть заявлено или на земскомъ соборѣ 1645 года, созванномъ послѣ кончины царя Михаила Θеодоровича, или на какомъ либо земскомъ соборѣ, свѣдѣнія о наличности котораго до насъ не дошли и который могъ имѣть мѣсто въ промежутокъ времяни отъ 1645 до 1649 года, или подъ заявленіемъ правительства о составленіи Уложенія по челобитью различныхъ чиновъ людей, могло скрываться желаніе указать, что къ этой мѣрѣ прибѣгается вслѣдствіе цѣлаго ряда отдѣльныхъ челобитій различныхъ общинъ, подававшихся до 1649 г., о которыхъ выше упоминали мы. Мы лично болѣе всего склоняемся къ первому предположенію, т. е. что челобитье о составленіи новаго законодательнаго сборника, долженствовавшаго дать твердость расшатанному государственному и общественному быту — было заявлено выборными людьми земскаго собора 1645 года. Еще въ послѣдніе годы жизни царя Михаила, именно на земскомъ соборѣ 1642 года, поданы были различными группами выборныхъ людей весьма серьезныя петиціи, обращавшія вниманіе правительства на многіе недостатки внутренней государственной жизни; ничего не могло быть естественнѣе факта, что, три года спустя, земскій соборъ, при наличности котораго вступалъ на престолъ шестнадцатилѣтній царь Алексѣй, повторяя прежнія петиціи, указалъ и на необходимость пересмотра и систематизаціи законодательнаго матеріала. Какъ бы то нибыло, но до третьяго года царствованія Алексѣя Михаиловича не было приступаемо къ пересмотру законодательства. Но вотъ лѣтомъ 1648 года произошли въ Москвѣ событія, быстро подвинувшія этотъ вопросъ къ его осуществленію. Послѣ брака царя Алексѣя

съ Марьею Милославскою, отецъ послѣдней, Илья Даниловичъ Милославскій и ближайшіе родственники его, Плещеевъ и Траханіотовъ, получивъ важное вліяніе на дѣла правительственныя и пользуясь своимъ новымъ положеніемъ — начали стремиться къ наживѣ, совершенно упуская изъ виду интересы народа; особенный вредъ могъ причинять Леонтій Плещеевъ, бывшій судьею весьма важнаго Земскаго Приказа. Къ старому неудовольствію народонаселенія, еще раньше негодовавшаго на царскаго любимца Морозова, за его симпатіи къ иноземнымъ купцамъ и за увеличенныя пошлины на соль—прибавилось еще новое. Посыпались многочисленныя челобитныя на Государево имя,—но лица окружавшія царя Алексѣя представляли всегда дѣло царю въ такомъ свѣтѣ, что эти челобитныя, если и доходили до него, то тѣмъ не менѣе оставались безъ удовлетворенія. 25 Мая 1648 года неудовольствіе перешло въ открытый бунтъ: народъ потребовалъ казни своихъ обидчиковъ. Безпорядки были прекращены обѣщаніемъ царя замѣстить должности убитыхъ Плещеева и Траханіотова лицами честными и пріятными народу, уменьшить соляную пошлину, уничтожить монополіи и лично наблюдать за тѣмъ, чтобы судъ былъ безпосульный и всѣмъ равный (¹).

И дѣйствительно, менѣе нежели черезъ два мѣсяца послѣ сейчасъ лишь описанныхъ событій—данъ былъ царскій указъ о составленіи новой Уложенной книги, „чтобы, говоритъ этотъ указъ, Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна“. Что дѣлу

(¹) Соловьевъ: Исторія Россіи, X, стр. 153—156.

составленія Уложенія данъ былъ рѣшительный толчокъ выше описанными событіями—на это указываетъ и лихорадочная быстрота, съ которою приступлено было къ выполненію задачи, болѣе раннему осуществленію которой ставились вѣроятно затрудненія со стороны окружавшихъ молодаго царя приближенныхъ, находившихъ въ томъ свой личный интересъ. Первыя распоряженія объ организаціи подготовительныхъ работъ для составленія новаго законодательнаго сборника сдѣланы были 16 іюля 1648 года. Въ этотъ достопамятный день, какъ свидѣтельствуетъ самое предисловіе къ Уложенію, царь Алексѣй Михаиловичъ, по совѣту съ патріархомъ и членами освященнаго собора и по приговору бояръ и думныхъ людей своихъ, указалъ немедленно приступить къ выясненію и собиранію законодательнаго матеріала для будущаго сборника, по слѣдующей програмѣ: „Которые статьи написаны въ правилѣхъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, и въ градскихъ законѣхъ греческихъ царей, а пристойны тѣ статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, *и тѣ бы статьи выписать*; и что бы прежнихъ великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, и отца его Государева, блаженныя памяти великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всея Русіи, *указы и боярскіе приговоры* на всякія государственныя и на земскія дѣла *собрать*, и тѣ государевы указы и боярскіе приговоры *съ старыми Судебники* (¹) *справити*. А на которыя *статьи* (²) въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено и

(¹) Вел. князя Іоанна III-го и царя Іоанна IV-го.
(²) Т. е. законодательные вопросы.

боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, *и тѣ бы статьи по тому же написати* (1) и изложити общимъ совѣтомъ (2)... И указалъ Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ всея Русіи *то все собрати и въ докладъ написати* боярамъ, *князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому*, да *князю Семену Васильевичу Прозоровскому*; да *окольничему князю Өедору Өедоровичу Волконскому*; да *дьякамъ, Гаврилу Левонтьеву* да *Өедору Грибоѣдову*". (3) Такимъ образомъ, одновременно съ начертаніемъ программы для подготовительныхъ работъ по изданію новаго законодательнаго сборника, назначена была и особая коммисія изъ пяти лицъ для выполненія этихъ работъ.

Какъ слѣдуетъ понимать выписанное сейчасъ свидѣтельство о порученіи, возложенномъ на князя Одоевскаго съ товарищами—этотъ вопросъ будетъ ниже затронутъ нами. Возвратимся къ дальнѣйшему разсмотрѣнію мѣропріятій царя, связанныхъ съ задачею изданія Уложенія.

Мы уже видѣли, что Алексѣй Михаиловичъ самъ признавалъ изданіе новаго законодательнаго сборника „своимъ государевымъ и земскимъ великимъ царственнымъ дѣломъ"; видѣли также, что земщинѣ принадлежала до извѣстной степени и самая инициатива пересмотра и обновленія законодательства. Вслѣдствіе сего царь Алексѣй, рѣшившись привести къ исполненію это великое предпріятіе—счелъ нужнымъ привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ представителей всѣхъ классовъ населенія, въ немъ заинтересованныхъ. Одно-

(1) Т. е. сформулировать эти законодательные вопросы.

(2) Здѣсь, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ, подъ этимъ выраженіемъ разумѣется разрѣшеніе вновь сформулированныхъ законодательныхъ вопросовъ земскимъ соборомъ.

(3) См. предисловіе къ Уложенію.

временно съ распоряженіями о предприняніи подготовительныхъ работъ по изданію Уложенія и съ назначеніемъ для того особой коммиссіи изъ пяти лицъ, сдѣланы были и распоряженія о созваніи въ Москвѣ земскаго собора. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ предисловіи къ Уложенію: „А для того своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла указалъ государь, по совѣту со отцемъ своимъ и Богомольцемъ святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Русіи, и бояре приговорили, выбрати: изъ стольниковъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ Московскихъ, и изъ жильцовъ чину, по два человѣка; также всѣхъ городовъ изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ, взяти, изъ большихъ городовъ, опричь Новгорода, по два человѣка, а изъ Новгородцевъ съ пятины по человѣку; а изъ меньшихъ городовъ—по человѣку; а изъ гостей—трехъ человѣкъ; а изъ гостиные и изъ суконные сотенъ—по два человѣка; а изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ, и изъ городовъ съ посадовъ—по человѣку, добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобы его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла, по нынѣшнему его государеву указу и по соборному уложенію, впредь были ничѣмъ нерушимы“. Эта выписка изъ предисловія къ Уложенію знакомитъ насъ такимъ образомъ съ самымъ количествомъ выборныхъ, которое должны были прислать къ собору отдѣльные классы населенія. Дальнѣйшія свѣдѣнія о распоряженіяхъ по организаціи земскаго собора 1648—1649 года (1) почерпа-

(1) Этотъ земскій соборъ означаемъ мы двумя годами потому, что, такъ какъ новый годъ начинался въ то время съ 1-го сентября,— онъ имѣлъ мѣсто, по современному намъ лѣтоисчисленію—въ 1648 г., по старому же лѣтоисчисленію—въ 1649 году.

емъ мы изъ дошедшей до насъ грамоты губному старостѣ Нагорной половины Обонежской пятины, содержащей въ себѣ предписаніе о высылкѣ къ Москвѣ одного выборнаго. Изъ этого замѣчательнаго акта узнаемъ мы, что распоряженіе о созывѣ земскаго собора дѣйствительно состоялось одновременно съ постановленіемъ о составленіи Уложенія; послѣднее состоялось 16-го іюля 1648 года,—а 28-го числа того же мѣсяца послана была изъ Новгородскаго Приказа грамота Новгородскому воеводѣ о высылкѣ въ Москву выборныхъ къ земскому собору. Въ видахъ спѣшности, съ которою приступлено было къ составленію новаго уложенія, самый срокъ, въ теченіи котораго должны были явиться въ Москву выборные—былъ назначенъ краткій до minimum'а: выборные должны были собраться къ новому году по старому лѣтоисчисленію, т. е. къ 1-му сентябрю 1649 года; такимъ образомъ не много болѣе мѣсяца расчитано было на пересылку изъ Москвы грамотъ съ предписаніемъ произвести выборы, на самую процедуру послѣднихъ и на проѣздъ выборныхъ до столицы. По смыслу цитируемой нами грамоты, губному старостѣ предписывается собрать избирателей на губномъ станѣ, прочесть имъ государевъ указъ о производствѣ выбора и велѣть приступить къ самому избранію выборнаго—„человѣка добра и смышлена, кому бъ государевы и земскіе дѣла за обычай", „которому бы быть на Москвѣ для государева земскаго дѣла съ государевы бояры, со княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ съ товарищи". Въ знакъ легитимаціи выборныхъ, составлялись особые подписанные избирателями протоколы,—„выборы за руками",—которые вмѣстѣ съ ними препровождались въ Мос-

кву. Явиться въ Москву предписывается выборнымъ „съ запасомъ“, т. е. съ обезпеченными средствами продовольствія на все продолженіе соборной сессіи. Стремленіе правительства къ возможно скорѣйшему собранію земскаго собора и къ обезпеченію своевременной явки выборныхъ къ указному сроку—1-му сентябрю—невольно бьетъ въ глаза при чтеніи разсматриваемой грамоты (¹).

Вліяніе земщины на дѣла законодательства, выразившееся въ изданіи Уложенія царя Алексѣя Михайловича—было далеко не единственнымъ случаемъ подобнаго рода въ исторической жизни Московскаго государства, далеко не является съ характеромъ явленія исключительнаго. Въ этомъ легко убѣдиться, вглядываясь въ историческія причины тѣхъ или другихъ законодательныхъ мѣропріятій Московскихъ государей. Введеніе во второй четверти XVI вѣка губнаго права и губнаго института, по которому общины получили право собственнаго, земскаго, разслѣдованія, суда и каранія, первоначально только разбойныхъ, а позже и другихъ высшихъ уголовныхъ преступленій,—право предоставлявшееся общинамъ дачею имъ особыхъ губныхъ грамотъ—было вызвано, какъ извѣстно, земскими челобитьями (²). Равнымъ образомъ и уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, содержавшія въ себѣ регламентацію областнаго управленія, въ видахъ гарантіи земщинъ отъ злоупотребленій со стороны мѣстныхъ правителей—намѣстниковъ и волостелей—были вызваны къ жизни

(¹) А. А. Э. IV, № 27.
(²) См. мою «Исторію права Моск. государства», I. стр. 45.

путемъ многочисленныхъ челобитій общинъ ([1]). Далѣе, когда дача областямъ этого рода уставныхъ грамотъ оказалась безсильною улучшить состояніе современнаго областнаго управленія и когда царь Іоаннъ IV, въ видахъ продолжающихся челобитій областей, предпринялъ рѣшительную мѣру —отмѣну въ областяхъ правительственнаго управленія, съ замѣною его самымъ широкимъ земскимъ самоуправленіемъ посредствомъ выборныхъ земскихъ властей — онъ сдѣлалъ это, согласно челобитьямъ и указаніямъ областныхъ земщинъ. Дѣйствительно, первая дошедшая до насъ грамота, предоставляющая право земскаго самоуправленія, данная въ 1552 г. области Вагѣ—сама свидѣтельствуетъ, что она дана по челобитью „всѣхъ Шенкурцовъ и Вельскаго стану посадскихъ людей и всего Важскаго уѣзда становыхъ и волостныхъ крестьянъ"; всматриваясь далѣе въ сущность мѣръ, предлагавшихся Важскими людьми правительству въ видахъ улучшенія администраціи и внутренней жизни области,—мы увидимъ что нормы, данныя царемъ для вводимаго имъ самоуправленія, представляютъ буквальное утвержденіе мѣръ, предложенныхъ самою земщиною ([2]). Вслѣдъ за Важанами стали бить челомъ о введеніи у нихъ земскаго сумоуправленія и другія области русскія, также получавшія это право ([3]),—и такимъ образомъ, путемъ инициативы отдѣльныхъ земщинъ, развивался мало по малу институтъ, который мечталъ Іоаннъ IV распространить на всѣ облас-

([1]) См. тамъ же, стр. 50 и 52.
([2]) А. А. Э. I, № 234.
([3]) Напр. А. А. Э. I, №№ 242, 243, 250, III, № 126 и др

ти своего государства. Задумавъ сдѣлать введеніе земскаго самоуправленія мѣрою всеобщею —Іоаннъ IV предоставилъ тѣмъ не менѣе областнымъ земщинамъ самимъ дѣлать выборъ между прежнею системою казеннаго, приказнаго, управленія и между новою системою земскаго самоуправленія; и вотъ мы видимъ, что однѣ земщины совсѣмъ не приняли дарованнаго имъ права самоуправленія, другія приняли его, но, оказавшись несостоятельными къ его воспріятію, вскорѣ снова возвратилась къ системѣ приказнаго управленія, и наконецъ третьи, принявъ земское самоуправленіе, съ честью удерживали его до самой эпохи Петровскихъ реформъ. Въ концѣ XVI-го вѣка воспослѣдовало, какъ извѣстно, прикрѣпленіе крестьянъ къ землямъ, на которыхъ они сидѣли въ моментъ изданія указа о запрещеніи прежняго права свободнаго перехода ихъ изъ одной общины въ другую, съ земель одного владѣльца на землю другаго. Этотъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землямъ, на которыхъ они въ данный моментъ сидѣли (¹), былъ лишь одною изъ паллиативныхъ мѣръ Московскаго государства, а вовсе не узаконялъ той болѣзненной язвы послѣдующей русской жизни, которая, развиваясь путемъ злоупотребленій изъ первоначальнаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ и получивъ въ позднѣйшее время названіе крѣпостнаго права,—была лишь въ настоящее царствованіе сорвана съ развивающагося организма русскаго народа благодѣтельною рукою нашего обожаемаго Царя-Освободителя. Этотъ указъ о прикрѣпленіи долженъ опять таки почитаться мѣрою, хотя и неудачною, хотя и повлекшею за собою гибельныя для развитія рус-

(¹) Который, къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ и свѣдѣнія о которомъ почерпаются изъ позднѣйшаго указа. См. Бѣляева: «Крестьяне на Руси», стр. 105 и сл.

ской жизни послѣдствія —но предпринятою въ видахъ улучшенія внутренняго строя государственной и общественной жизни; дѣйствительно, бродячій характеръ уѣзднаго населенія, безпрерывные переходы крестьянъ, съ цѣлью избыванія податной повинности, изъ одной общины въ другую, съ земель одного владѣльца на земли другаго —не могли не отзываться гибельно и на интересахъ казны, и на внутреннемъ хозяйствѣ и бытѣ общинъ, и на благосостояніи небогатыхъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей —дворянъ и дѣтей боярскихъ. Казна не добирала податей, а безпрерывныя войны съ окрестными государствами требовали громадныхъ издержекъ; сельскія общины, обложенныя по писцовымъ книгамъ извѣстными суммами податей, должны были, въ силу финансовой круговой поруки, нести тягости не только за наличныхъ, но и за выбывшихъ сочленовъ, и наконецъ служилые люди, помѣстья которыхъ оставались не воздѣланными, жаловались на невозможность отбывать государеву службу съ пустующихъ помѣстій своихъ ([1]). Истощеніе государственной казны и жалобы общинъ и служилыхъ людей на существующій порядокъ вещей—должны были оказать рѣшительное вліяніе на закрѣпленіе крестьянъ къ землямъ, на которыхъ засталъ ихъ указъ о прикрѣпленіи, хотя, какъ мы выше уже замѣтили, прикрѣпленіе до половины XVII-го вѣка смягчалось опредѣленіемъ извѣстныхъ урочныхъ лѣтъ, давностнаго срока (первоначально въ 5, а позже въ 10 и 15 лѣтъ), по истеченіи котораго крестьянинъ, оставившій землю, не могъ уже быть насильственно на нее возвращенъ. Переходя къ XVII вѣку —въ

([1]) Бѣляевъ: Крест. на Руси, стр. 96—104.

первой половинѣ его мы увидимъ громадное вліяніе оказанное челобитьями городскихъ общинъ на законодательство по устройству быта городовъ. Мы видѣли уже, какъ въ исходѣ XVI-го вѣка закрѣплено было населеніе уѣздное; теперь исподоволь подготовляется, подъ вліяніемъ указаній на недостатки внутренняго быта городовъ и на средства ихъ искорененія самихъ городскихъ общинъ—закрѣпленіе населенія городскаго, посадскаго. Это постепенное закрѣпленіе посадскаго населенія, вызванное жалобами общинъ на разстройство внутренняго быта ихъ, вслѣдствіе многочисленныхъ выходовъ изъ общинъ членовъ ихъ съ одной стороны, и переходовъ тяглыхъ городскихъ имуществъ въ руки бѣломѣстцевъ съ другой стороны—выражалось въ изданіи многочисленныхъ узаконеній, какъ воспрещавшихъ самовольный выходъ посадскихъ людей изъ ихъ общинъ, такъ и воспрещавшихъ владѣніе городскими дворами, угодьями и промышленными заведеніями лицамъ, не принадлежавшимъ къ городскому тяглому состоянію (¹). Мы объ этомъ имѣли уже впрочемъ случай сказать нѣсколько словъ выше, при общей характеристикѣ состоянія русскаго государственнаго и общественнаго быта передъ эпохою изданія Уложенія. Замѣтимъ здѣсь лишь тотъ замѣчательный фактъ, что мѣры, принимавшіяся правительствомъ по отношенію къ устройству быта городовъ—въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою утвержденныя законодательнымъ порядкомъ средства, рекомендованныя самими городскими общинами, въ ихъ челобитьяхъ государямъ. Далѣе, въ 1646 году, подана была государю совокуп-

(¹) А. А. Э. III, № 105, IV, № 24; А. И. III; № 92 (IX, XXV, XXVII, XXX, XXXVI. Подробности въ моей статьѣ: «О правѣ владѣнія городскими дворами въ Моск. государствѣ» (Ученыя Зап. Казан. Ун-та 1877 г, № 1 и отдѣльно, Каз. 1877 г.).

ная челобитная торговыхъ людей многихъ городовъ на притѣсненія, причиняемыя имъ иноземными гостями, которымъ, какъ извѣстно, особенно протежировалъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михаиловича бояринъ Морозовъ,—въ которой ходатайствовалось о запрещеніи англійскимъ купцамъ торговать въ самой Москвѣ и о назначеніи Архангельска единственнымъ пунктамъ, въ которомъ могли бы они имѣть свои склады и факторіи [1]; это челобитье было удовлетворено, на точномъ основаніи заявленныхъ въ немъ торговыми людьми желаній, царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ отъ 1-го іюня 1649 года, въ котеромъ прямо сказано, что мотивомъ ему послужили многочисленныя челобитныя торговыхъ людей [2]. Нѣсколько позже, въ 1653 году, били государю челомъ Московскіе и городовые торговые люди о введеніи на всемъ протяженіи государства однообразной рублевой пошлины съ товаровъ и объ уничтоженіи прежняго разнообразія въ взыманіи пошлинъ, объ отмѣнѣ проѣзжихъ пошлинъ, о принятіи мѣръ противъ злоупотребленій таможенныхъ головъ, о введеніи для всего государства однообразія въ мѣрахъ и вѣсахъ и объ изданіи печатной уставной таможенной грамоты [3]; это ходатайство удовлетворено было указомъ 1653 года и уставною грамотою 1654 года [4]. Равнымъ образомъ и въ 1667 г. изданъ былъ, вслѣдствіе челобитья торговыхъ людей, новый Торговый Уставъ—одинъ изъ любопытнѣйшихъ законодательныхъ па-

---

(1) А. А. Э. IV, № 13.

(2) П. С. З. № 9.

(3) А. А. Э. IV, 64.

(4) П. С. З. №№ 107 и 122.

мятниковъ второй половины XVII-го вѣка ([1]). Вспомнимъ, что и уничтоженіе обычая мѣстничества, воспослѣдовавшее въ 1682 г., въ царствованіе Θеодора Алексѣевича,—явилось отвѣтомъ на челобитье о томъ выборныхъ отъ московскихъ и городовыхъ служилыхъ людей, засѣдавшихъ въ Москвѣ съ цѣлью пересмотра ратнаго устава ([2]). Вспомнимъ наконецъ и о коммиссіяхъ изъ представителей различныхъ классовъ населенія, составлявшихся во второй половинѣ XVII вѣка для обсужденія съ государевыми думными людьми различныхъ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію въ законодательномъ порядкѣ, какъ то совѣщаніе въ 1660 году съ Московскими торговыми людьми о причинахъ дороговизны жизненныхъ припасовъ и о средствахъ уравненія цѣнъ ихъ, совѣщанія съ ними же, въ 1672 г., о торговомъ договорѣ заключенномъ съ армянскими купцами, а въ 1976 г., —о торговлѣ шелкомъ съ Персіею и, наконецъ, совѣщаніе въ 1682 г. съ выборными отъ различныхъ торговыхъ и черныхъ классовъ населенія объ уравненіи службъ и податей.

Кромѣ подачи государямъ отдѣльныхъ челобитныхъ съ указаніемъ на различные недуги и темныя стороны современной жизни, вліяніе земщины на дѣла законодательства съ особенною силою обнаруживалось на земскихъ соборахъ. Такъ, земскіе соборы 1613, 1614, 1615, 1616, 1632, 1634 и 1637 годовъ, постановляли чрезвычайные сборы денегъ и припасовъ по случаю оскудѣнія государственный казны и необходимости предпри-

([1]) П. С. З. № 408.
([2]) См. мою «Ист. права Моск. государства», I. стр. 300—303.

нятія значительныхъ военныхъ издержекъ (1). Земскій соборъ 1619 года приговорилъ: производство всеобщей новой уравнительной переписи податныхъ имуществъ; сыскиваніе и возвращеніе на прежнія мѣста жительства посадскихъ и уѣздныхъ людей, вышедшихъ изъ своихъ общинъ и заложившихся за различныхъ собственниковъ, со взысканіемъ съ нихъ всѣхъ податей со времени выхода ихъ изъ общинъ; учрежденіе въ Москвѣ особой приказной коммиссіи для изслѣдованія обидъ и утѣсненій, дѣлаемыхъ сильными и вліятельными людьми болѣе слабымъ; выясненіе количества доходовъ, расходовъ и остатковъ въ текущемъ году по различнымъ городамъ и, наконецъ, постановилъ созваніе новаго земскаго собора изъ выборныхъ, которые умѣли бы „разсказать обиды и насильства и разоренье, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы Московское государство, что бы пришло все въ достоинство“ (2). Любопытны и петиціи, представленныя государю выборными людьми земскаго собора 1642 года. Будучи созваны для обсужденія Азовскаго дѣла и связаннаго съ нимъ вопроса о войнѣ съ Турціею и Крымомъ— выборные люди жаловались здѣсь государю на многія нестроенія внутренней государственной жизни: служилые люди указывали на неравномѣрность въ распредѣленіи выставки даточныхъ людей и въ платежѣ ратныхъ сборовъ и на привиллегіи, предоставленныя въ этомъ отношеніи высшимъ чинамъ служилыхъ людей и монастырямъ, на мздоимство

---

(3) А. А. Э. III, №№ 4, 68, 70, 79, 80, 81, 211. 213, 242, 275.

(2) Ивановъ: «Описаніе Госуд. Разряднаго Архива (М. 1842 г.), стр. 301—304; Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 105.

приказныхъ людей, по низкій уровень своего матеріальнаго благосостоянія и на необходимость увеличенія размѣра помѣстныхъ окладовъ, на необходимость учесть по приходнымъ книгамъ приказныхъ людей, — „что бъ твоя Государева казна безъ вѣдомости не терялась, и тебѣ бъ Государю была въ прибыль" и т. п.; представители торговыхъ классовъ и черныхъ слободъ указывали государю на тяжесть и неравномѣрность податей и повинностей, на паденіе торговли и промышленности, на злоупотребленія воеводъ и приказныхъ людей, на разстройство внутренняго быта общинъ, происшедшее вслѣдствіе того, что многіе тяглые люди отъ скудости „изъ сотенъ и слободъ разбрелися розно и дворишки свои мечутъ" и т. п. (1).

Въ заключеніе нашего общаго обзора вопроса о вліяніи земщины на законодательную дѣятельность государства Московскаго, мы не можемъ не выразить желанія, что бы наши историки-юристы сдѣлали его предметомъ серьезнаго изученія. Изслѣдованіе этого любопытнаго и богатаго матеріаломъ вопроса — дастъ возможность обнаружить односторонность и ошибочность нерѣдко, къ сожалѣнію, встрѣчающихся воззрѣній на Московскую Русь, какъ на эпоху господства грубой силы, какъ на вотчинно-полицейское государство; дастъ съ другой стороны возможность выяснить то высокое довѣріе земщины къ своему Царю, тотъ тѣсный союзъ земли и государства, которыми всегда силенъ былъ русскій народъ, которые возродили повидимому гибнувшее государство послѣ тяжелой эпохи смутнаго времени, которые дали возможность русской землѣ стать на настоящую

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 113.

высокую степень внутренней силы и могущества, поколебать которыя не въ силахъ ни внѣшніе, ни внутренніе враги русскаго народа и государства.

Позволивъ себѣ сдѣланное нами отступленіе, необходимое для полнаго уразумѣнія истиннаго значенія факта изданія въ половинѣ XVII-го вѣка Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, переходимъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію исторіи составленія этого законодательнаго памятника.

И такъ мы видѣли, что царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ отъ 16-го іюля 1648 года организована была, подъ предсѣдательствомъ князя Н. И. Одоевскаго, особая коммиссія изъ пяти лицъ, для совершенія подготовительныхъ работъ по изданію новаго законодательнаго сборника, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы распоряженія о созваніи въ Москву къ 1-му сентябрю, по поводу составленія этого сборника—земскаго собора.

Здѣсь прежде всего становимся мы лицемъ къ лицу съ слѣдующимъ вопросомъ, крайне существеннымъ для всей исторіи составленія Уложенія и для предмета настоящей рѣчи. Какую роль призваны были играть въ дѣлѣ составленія и изданія Уложенія, во первыхъ, коммиссія изъ князя Одоевскаго съ товарищами, а во вторыхъ, выборные созваннаго земскаго собора? Надо признаться, что вопросъ объ обоюдномъ отношеніи этихъ двухъ факторовъ въ дѣлѣ изданія Уложенія почти не затронутъ нашею историко-юридическою литературою. Общепринятое въ литературѣ мнѣніе рисуетъ намъ слѣдующую картину исторіи составленія и изданія Уложенія, построенную на предисловіи къ этому законодательному памятнику. Царскимъ указомъ отъ 16-го іюля 1648 г. поручено коммиссіи изъ князя Н. И. Одоевскаго

съ товарищами составить Уложеніе на основаніи сдѣланныхъ въ томъ же указѣ указаній на источники; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая придать Уложенію особую силу путемъ санкціи его земскимъ соборомъ, сдѣлано было распоряженіе о созваніи въ Москву къ 1-му сентябрю выборныхъ отъ различныхъ классовъ русскаго населенія. Коммиссія по составленіи Уложенія выполнила свою задачу съ замѣчательною, почти невѣроятною, быстротою: черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ изданія перваго указа о составленіи новаго законодательнаго сборника—Уложеніе было уже готово и съ 3-го октября 1649 г. (по старому лѣтоисчисленію, такъ какъ годъ начинался тогда съ 1-го сентября) читалось земскому собору, причемъ царь, члены освященнаго собора и думные люди слушали его отдѣльно отъ выборныхъ людей, которымъ оно читалось въ Отвѣтной Палатѣ, причемъ сидѣлъ депутатомъ отъ правительства бояринъ Юр. Ал. Долгорукій. Это чтеніе Уложенія и безмолвное согласіе выборныхъ людей, выразившееся пассивнымъ слушаніемъ его—и было санкціею Уложенія. По окончаніи чтенія, Уложеніе списано было на столбецъ, закрѣплено рукоприкладствами соборныхъ людей, переписано въ форму книги, закрѣпленной дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ, и наконецъ предано печатанію, по окончаніи котораго (29 января 1849 года) и было разослано къ руководству во всѣ приказы и города. Впрочемъ позднѣйшіе изслѣдователи допускали составленіе нѣкоторыхъ статей Уложенія при участіи выборныхъ людей. Такъ проф. С. М. Шпилевскій и А. П. Щаповъ признаютъ, каждый изъ нихъ, что при участіи соборныхъ людей могли быть составлены двѣ статьи, причемъ первый изъ нихъ указываетъ на 1-ю статью XIII

главы и на 42-ю статью XVII главы, второй — на 1-ю статью XIX главы и на 42-ю статью XVII главы ([1]); такимъ образомъ, изъ сопоставленія указаній обоихъ изслѣдователей, получаются уже три статьи, составленныя при участіи земскаго собора (1-я ст. XIII гл., 42-я ст. XVII гл. и 1-я ст. XIX главы). Несравненно дальше пошелъ въ разрѣшеніи вопроса о вліяніи челобитій выборныхъ людей земскаго собора 1648—1649 года на самое содержаніе Уложенія—проф. В. И. Сергѣевичъ, признающій за ними иниціативу, а отчасти и участіе, въ составленіи уже 19 статей Уложенія ([2]), чѣмъ и сдѣланъ былъ почтеннымъ изслѣдователемъ огромный шагъ впередъ въ дѣлѣ выясненія истиннаго значенія этого законодательнаго памятника.

Таково современное состояніе вопроса объ исторіи составленія и изданія Уложенія 1649 года. Не смотря на значительный успѣхъ въ уясненіи этого вопроса, сдѣланный замѣтками В. И. Сергѣевича, въ этомъ вопросѣ, какъ сознается и самъ уважаемый профессоръ—остается много открытыхъ вопросовъ; таковы вопросы о сущности трудовъ, выполненныхъ къ 3-му октябрю кн. Одоевскимъ съ товарищами, о продолжительности засѣданія земскаго собора, о способахъ и мѣрѣ вліянія и участія соборныхъ людей въ составленіи Уложенія и, наконецъ, о времени санкціи и обнародованія его,—не говоря уже объ источникахъ Уложенія,

---

([1]) *Шпилевскій*: «Объ источникахъ русс. права въ связи съ развитіемъ государства» (Уч. Зап. Казан. Университета 1862 г. и отдѣльно), стр. 316—317. *Щаповъ*: «Земскій Соборъ 1648—49 г. и собраніе депутатовъ 1767 года» (Отеч. Зап. 1862 г. № 11), стр. 6—7.

([2]) «Земскіе Соборы въ Моск. Государствѣ» (Сборн. Госуд. знаній, т. II), стр. 42—43. Эти статьи слѣдующія именно: XIII гл. ст. 1-я; XVII гл. ст. 42; XIX гл. ст. 1, 3, 5—18, 19).

о мѣрѣ и способахъ пользованія ими и т. п. вопросахъ, которые въ настоящее время не могутъ быть затронуты нами.

Будучи далеки отъ мысли исчерпать въ настоящей рѣчи всѣ указанные выше вопросы, — мы позволимъ себѣ лишь высказать нѣкоторыя соображенія, могущія, по нашему мнѣнію, вести къ ихъ выясненію и къ возстановленію въ истинномъ свѣтѣ исторіи составленія Уложенія.

Остановимъ прежде всего наше вниманіе на вопросѣ о томъ: что именно было поручено выполнить, указомъ отъ 16-го іюля, князю Одоевскому съ товарищами? Было-ли имъ поручено составить вполнѣ законченный законодательный сборникъ, который оставалось бы лишь прочесть для формы выборнымъ людямъ, да утвердить ихъ рукоприкладствами,—какъ смотрѣли на это дѣло Строевъ, а за нимъ и позднѣйшіе изслѣдователи? Подобнаго отвѣта не представляется возможнымъ вывести изъ предисловія къ Уложенію, на основаніи котораго строится вышеизложенная ходячая картина составленія Уложенія. Предисловіе это свидѣтельствуетъ намъ, какъ мы это выше видѣли [1], что князю Одоевскому поручено было лишь *„выписать“* подходящія статьи изъ постановленій Св. Апостоловъ и Св. Отецъ и изъ градскихъ законовъ; *„собрать“* всѣ указы и боярскіе приговоры и *„справить“*, сличить ихъ, со старыми Судебниками; сформулировать, для предстоящаго разрѣшенія ихъ земскимъ соборомъ, новые законодательные вопросы, не разрѣшенные предшествовавшимъ законодательствомъ; наконецъ,

[1] См. выше страницу 19—20.

собравъ все это—*„въ докладъ написати“*, т. е. приготовить для доклада царю и земскому собору.

Ясно, что изъ подобнаго рода указаній, даже съ величайшею натяжкою—трудно выводить заключеніе о возложеніи на кн. Одоевскаго съ товарищами задачи самостоятельнаго составленія законченнаго законодательнаго сборника. Здѣсь просто идетъ лишь рѣчь о выпискахъ, снесеніи и сличеніи матеріала, о предварительной обработкѣ его, о подготовленіи почвы для будущей дѣятельности выборныхъ людей, о составленіи проекта сборника, въ смыслѣ расположенія собраннаго и обработаннаго матеріала въ извѣстной системѣ, въ извѣстномъ порядкѣ, — безъ всякой претензіи на законченность выполненной работы. Тѣмъ менѣе можно допускать возможность самостоятельнаго разрѣшенія коммиссіею новыхъ законодательныхъ вопросовъ, затронутыхъ Уложеніемъ, „руководствуясь духомъ прежнихъ отечественныхъ узаконеній“,—какъ утверждаетъ это Строевъ (1). Въ текстѣ предисловія ясно сказано, что эти новые законодательные вопросы должны быть изложены *„общимъ совѣтомъ“*; подъ послѣднимъ выраженіемъ Строевъ хочетъ разумѣть совокупное совѣщаніе кн. Одоевскаго съ товарищами. Это абсолютно невѣрно. Если бы Строевъ и повторявшіе его выводы писатели ближе вникли во внутренній смыслъ предисловія, они сопоставили бы съ этимъ выраженіемъ его повтореніе, находящееся нѣсколько ниже, гдѣ говорится, что проектъ сборника слушался всѣми выборными людьми, „ко-

---

(1) Совершенно самовольно толкуя при этомъ значеніе словъ «потому же» — находящихся въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ предисловія. «Ист.-юрид. изслѣд. Уложенія», стр. 26 и примѣч. 49.

торые къ тому *общему совѣту* выбраны на Москвѣ и изъ городовъ", — откуда прямой и логическій выводъ тотъ, что эти новые вопросы постановлено было разрѣшить земскимъ соборомъ. Все сейчасъ высказанное нами конечно не умаляетъ передъ лицемъ исторіи заслугъ кн. Одоевскаго и сотрудниковъ его, хотя и лишаетъ ихъ чести считаться „сочинителями" Уложенія (1). Собраніе и снесеніе разбросаннаго матеріала, расположеніе его въ извѣстной системѣ и наконецъ формулированіе новыхъ законодательныхъ запросовъ, выдвинутыхъ впередъ приказною практикою предшествовавшаго времени — все это представляетъ собою трудъ немалый, въ особенности если мы вспомнимъ краткій промежутокъ времени, бывшій въ распоряженіи коммиссіи. Этотъ трудъ коммиссіи не теряетъ своего значенія даже въ виду широкаго черпанія ею готоваго матеріала изъ записныхъ указныхъ книгъ приказовъ и изъ Литовскаго Статута, на что указано было К. Д. Кавелинымъ (2) и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ (3), хотя, при всѣхъ указанныхъ условіяхъ, и должно быть устранено обычное удивленіе передъ

(1) Въ доказательство того, что къ 3-му октябрю не могло быть окончено составленіе Уложенія въ окончательной редакціи, можемъ мы сослаться на 24-ю ст. XI главы его, изъ которой явствуетъ, что она составлена уже въ 1649 г., — значитъ послѣ 1-го сентября (здѣсь находимъ выраженіе: «съ 1-го сентября *нынѣшняго* 157 году»). Слѣдовательно, если бы мы допустили составленіе коммиссіею къ 3-му октябрю окончательной редакціи Уложенія, то столкнулись бы съ необъяснимымъ фактомъ, что въ сентябрѣ не была готова еще и половина всего сборника.

(2) Кавелинъ: «Сочиненія», III, стр. 179—180.

(3) См. статью Владимірскаго-Буданова: «Отношеніе между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича», въ IV т. Сборника Госуд. Знаній.

чрезвычайною, едва вѣроятною быстротою составленія Уложенія княземъ Одоевскимъ съ товарищами.

Какъ бы то ни было, но къ 3-му октябрю 1649 года работы коммиссіи были окончены и кн. Одоевскій съ товарищами „выписавъ" все то, что было предписано указомъ отъ 16 го іюля и „написавъ вновь" тѣ вопросы, по которымъ не состоялось опредѣленій въ предшествовавшемъ законодательствѣ—„къ государю приносили", докладывали царю. Здѣсь опять таки нѣтъ и помина о представленіи государю вполнѣ законченнаго сборника. „И... октября съ третьяго числа,—продолжаетъ предисловіе къ Уложенію,—Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи Самодержецъ, со отцемъ своимъ и съ Богомольцемъ Святѣйшимъ Іосифомъ, Патріархомъ Московскимъ и всея Русіи, и съ митрополиты, и со архіепископы и съ епископомъ, также и съ своими государевыми бояры, и съ окольничими и съ думными людьми, *того собранія* слушалъ и выборнымъ людямъ, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ, чтено, что бы то все уложеніе впредь было прочно и неподвижно". Трудно представить себѣ что либо менѣе опредѣленнаго цитированнаго мѣста предисловія. Что чтено выборнымъ? Какъ чтено и кѣмъ? Ограничились ли выборные пассивнымъ слушаніемъ проекта? Какъ продолжительно было это чтеніе? На всѣ эти вопросы предисловіе не даетъ намъ отвѣта, а потому и неудивительно, что Строевъ и его послѣдователи, основываясь на немъ, составили себѣ ложное представленіе о значеніи земскаго собора 1648—1649 года. Если допустить пассивное слушаніе выборными людьми готоваго Уложенія и если допустить даже ихъ участіе въ составленіи двухъ статей этого памятника,

согласно уступкѣ позднѣйшихъ писателей (исключая отсюда проф. Сергѣевича, значительно подвинувшаго вопросъ къ истинному его разрѣшенію)—то вся эта процедура, включая и закрѣпленіе Уложенія рукоприкладствомъ выборныхъ, могла быть окончена, при допущеніи самой значительной степени медленности — въ одну недѣлю; значитъ къ половинѣ октября, т. е., въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, считая отъ указа 16-го іюля, выполнена была вся задача изданія новаго законодательнаго сборника въ 25 главъ и 967 обширныхъ статей, сборника занявшаго 156 страницъ при напечатаніи его въ Полномъ Собраніи Законовъ! Не говоря уже о баснословной быстротѣ выполненія—при подобномъ толкованіи этого темнаго свидѣтельства предисловія отнимается всякое значеніе у земскаго собора 1648—1649 года. Неужели же выборные только для того и вызывались въ Москву, что бы прослушать чтеніе сборника, приложить къ нему руки и вновь разъѣхаться по домамъ? Неужели же могло найти себѣ выходъ въ подобномъ пассивномъ отношеніи къ дѣлу пересмотра законодательства—всеобщее неудовольствіе современнымъ порядкомъ внутренней государственной и общественной жизни, которое и дало именно непосредственный импульсъ дѣлу изданія Уложенія? Конечно нѣтъ. Здравый смыслъ и логика подсказываютъ намъ, что предисловіе къ Уложенію не передаетъ во всей полнотѣ истинной картины составленія этого памятника. Уже изъ самаго предисловія къ Уложенію видно, что князь Одоевскій съ товарищами представили къ 3-му октябрю не законченный законодательный сборникъ, но только выясненный и систематизированный матеріалъ, только проектъ будущаго Уложенія. Каковъ былъ этотъ проектъ и какъ отнеслись къ нему выборные

люди земскаго собора 1648—1649 года, на сколько былъ измѣненъ и дополненъ этотъ первоначальный проектъ—объ этомъ не имѣемъ мы никакихъ свѣдѣній, такъ какъ до насъ не дошли, ни остатки дѣлопроизводства коммиссіи изъ кн. Одоевскаго съ товарищами, ни дѣянія земскаго собора, ни первоначальный проектъ Уложенія, представленный къ 3-му октябрю. Строевъ впалъ въ грубое заблужденіе, утверждая, будто извѣстный уложенный столбецъ, закрѣпленный подписями соборныхъ людей, найденный въ царствованіе императрицы Екатерины Великой и хранящійся нынѣ въ Московской Оружейной Палатѣ—есть первоначальный подлинникъ Уложенія, представленный 3-го октября княземъ Одоевскимъ съ товарищами. Основываясь на томъ, что въ этомъ столбцѣ не замѣтно ни поправокъ, ни исключеній—Строевъ дѣлаетъ выводъ, что всѣ статьи Уложенія приняты выборными людьми безъ всякихъ перемѣнъ ([1]). Этотъ выводъ Строева разбивается его же собственнымъ оружіемъ, тѣмъ же предисловіемъ къ Уложенію, на которомъ строитъ онъ всѣ свои доводы: въ предисловіи ясно сказано, что этотъ столбецъ, закрѣпленный руками соборныхъ людей — написанъ *послѣ* окончанія чтенія сборника выборнымъ людямъ. Напротивъ, всѣ обстоятельства, предшествовавшія изданію Уложенія, невольно наводятъ на мысль, что выборные люди должны были съ большею осторожностью и критикою отнестись къ составленному проекту Уложенія. Этотъ проектъ составлялся представителями того именно класса приказныхъ людей, которые, пользуясь юношествомъ молодаго царя Алексѣя Михайловича, дѣйствовали во вредъ интересамъ

([1]) Историко-юридическое изслѣдов. Уложенія, стр. 26 и прим. 51.

земскихъ классовъ, доведя ихъ до печальныхъ майскихъ событій 1648 года. Кажется даже, что и самъ председатель коммиссіи составленія проекта Уложенія, князь Никита Ивановичъ Одоевскій — не пользовался симпатіями земскихъ классовъ: по крайней мѣрѣ, во время безпорядковъ происходившихъ въ Москвѣ въ маѣ 1648 года, за два мѣсяца до изданія указа о составленіи Уложенія — домъ его былъ разграбленъ наровнѣ съ домами другихъ, ненавистныхъ народу, вельможъ ([1]).

До сихъ поръ мы приводили отрицательные доводы въ пользу невозможности представленія себѣ исторіи составленія Уложенія въ томъ видѣ, какъ изображаетъ ее Строевъ и его послѣдователи, выясняли отрицательными доводами невозможность пассивнаго участія соборныхъ людей въ дѣлѣ изданія Уложенія. Переходимъ теперь къ положительнымъ доводамъ въ пользу активнаго участія земскаго собора 1648—1649 года въ дѣлѣ составленія этого законодательнаго сборника.

Мы уже знаемъ, что самый царскій указъ объ изданіи Уложенія намѣтилъ выборнымъ людямъ извѣстную долю активнаго участія въ составленіи этого законодательнаго памятника, именно по отношенію къ разрѣшенію выдвинутыхъ жизнью новыхъ законодательныхъ вопросовъ, не нашедшихъ себѣ опредѣленія въ предшествовавшемъ законодательствѣ,—разрѣшить которые указано было „общимъ совѣтомъ"; мы видѣли, что подъ послѣднимъ выраженіемъ слѣдуетъ разумѣть именно земскій соборъ. Представляется да-

---

([1]) Соловьевъ: Исторія Россіи, т. X, стр. 154.

же возможнымъ опредѣлить самое количество подобныхъ новыхъ статей, составленныхъ при участіи выборныхъ людей. Въ 1767 году, по случаю учрежденія въ Москвѣ извѣстной коммиссіи для составленія проекта новаго Уложенія, императрица Екатерина Великая пожелала видѣть подлинникъ Уложенія 1649 года, чтобы узнать, какими именно лицами былъ онъ закрѣпленъ. Послѣ продолжительныхъ поисковъ, подлинный уложенный столбецъ, закрѣпленный рукоприкладствами членовъ освященнаго собора, бояръ и думныхъ людей и всѣхъ выборныхъ—найденъ былъ въ помѣщеніи старинной Казенной Палаты, гдѣ онъ хранился въ особомъ железномъ сундукѣ, вмѣстѣ съ первымъ печатнымъ изданіемъ Уложенія (1). Этотъ подлинный уложенный столбецъ пріобрѣтаетъ драгоцѣнное историческое значеніе, благодаря находящимся при многихъ статьяхъ его указаніямъ на источники, изъ которыхъ онѣ заимствованы. Эти указанія, общее число которыхъ простирается до 177, свидѣтельствуютъ о заимствованіяхъ изъ стараго Судебника 1550 года и изъ дополнительныхъ къ нему указовъ, изъ Моисеева закона, градскихъ законовъ, Стоглава и изъ Литовскаго Статута, но при нѣкоторыхъ статьяхъ встрѣчаются отмѣтки, свидѣтельствующія о томъ, что статьи эти составлены *вновь* (2). Число этихъ послѣднихъ отмѣтокъ доходитъ до семнад-

(1) См. статью г. Забѣлина: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича», въ 1-й кн. Архива историко-юридическихъ свѣдѣній Калачева (М. 1850). Подлинный уложенный столбецъ хранится нынѣ въ Московской Оружейной Палатѣ, въ особомъ серебряномъ вызолоченномъ ковчегѣ, сдѣланномъ для его храненія по повелѣнію Екатерины Великой.

(2) Забѣлинъ: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича», въ 1-й кн. Архива ист.—юрид. свидѣній Калачова.

цати—и эти то семнадцать статей и должны почитаться тѣми новыми вопросами, которые разрѣшены были „общимъ совѣтомъ", при участіи земскаго собора. Этими вновь составленными статьями, какъ усматривается изъ подлиннаго уложеннаго столбца, являются именно слѣдующія:

Главы X-й (о судѣ): статьи 137, 146, 147, 149, 185 и 236.

Главы XI-й (о крестьянахъ): статьи 15, 16, 17, 18 и 30.

Главы XV-й (о вершеныхъ дѣлахъ): статьи 2 и 3.

Главы XVII-й (о вотчинахъ): статьи 34 и 35.

Главы XX-й (о холопахъ): статьи 57 и 58.

Вникая въ содержаніе перечисленныхъ здѣсь статей, мы легко поймемъ, почему къ составленію ихъ привлечены были выборные люди: эти статьи касались наиболѣе жгучихъ вопросовъ современной жизни. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ гарантіи противъ злоупотребленій приказныхъ людей—составлявшихъ главную причину народныхъ волненій въ маѣ 1648 года: здѣсь находимъ мы обезпеченіе возможности челобитій во всякое время на бояръ, окольничихъ и другихъ приказныхъ людей въ различнаго рода „обидныхъ дѣлахъ", обезпеченіе безволокитной дачи на нихъ суда, не дожидаясь окончанія ими сроковъ службы,—исключая лишь воеводской службы въ наиболѣе отдаленныхъ окраинахъ, а также полковой и посольской службъ (гл. X, ст. 149); запрещеніе воеводамъ и другимъ приказнымъ людямъ брать служилыя кабалы на лицъ, живущихъ въ предѣлахъ ввѣренныхъ управленію ихъ округовъ, въ видахъ

обезпеченія отъ злоупотребленій приказныхъ людей личной свободы населенія (гл. XX, ст. 58); гарантіи противъ злоупотребленій недѣльщиковъ при отправленіи послѣдними судебно-исполнительныхъ порученій (гл. X, ст. 137, 146 и 147). Далѣе найдемъ мы здѣсь регламентацію наиболѣе спорныхъ сторонъ въ отношеніяхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крестьянамъ и нѣкоторыхъ частностей гражданскаго оборота вотчинъ и помѣстій,—извѣстно, что тяжбы изъ за бѣглыхъ крестьянъ и изъ за правъ владѣнія землями положительно обременяли судебныя учрежденія XVII вѣка и вносили страшную рознь въ жизнь низшихъ разрядовъ служилыхъ людей: здѣсь найдемъ мы регламентацію нѣкоторыхъ частностей, касающихся опредѣленія правъ помѣщиковъ и вотчинниковъ на бѣлыхъ крестьянъ и порядка суда по дѣламъ этого рода (гл. XI, ст. 15—18, XX, ст. 57; ограниченіе для новыхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ права возобновленія судныхъ дѣлъ о бѣглыхъ и отпущенныхъ крестьянахъ, покончениыхъ при прежнихъ владѣльцахъ (гл. XV, ст. 2 и 3), опредѣленіе для покупщиковъ гарантій противъ возможности злонамѣреннаго обмана при отчужденіи собственниками вотчинъ своихъ (гл. XVII, ст. 34 и 35); мѣры противъ возможности пустошенія помѣстій, путемъ перевода помѣстныхъ крестьянъ на вотчинныя земли (гл. XI, ст. 30). Наконецъ здѣсь же найдемъ мы регламентацію двухъ частностей права процессуальнаго: опредѣленіе способа судебнаго представительства для лицъ, не имѣющихъ возможности лично отвѣчать на судѣ, и опредѣленіе способа судебной присяги въ тяжбамъ о правахъ владѣнія землею (гл. X, ст. 185 и 236).

Невольно раждается теперь вопросъ: когда именно составлены были, при участіи въ томъ выборныхъ людей,

исчисленныя нами „новыя" статьи? Были ли онѣ составлены до 3-го октября, а слѣдовательно и включены въ изготовленный къ этому дню проектъ Уложенія, или же были онѣ составлены послѣ 3-го октября, во время самаго чтенія проекта, въ видѣ законодательнаго разрѣшенія вопросовъ, уже сформулированныхъ кн. Одоевскимъ съ товарищами? На этотъ вопросъ трудно отвѣтитъ за отсутствіемъ данныхъ. Мы лично болѣе всего склоняемся въ пользу перваго предположенія, тѣмъ болѣе, что выборные находились въ Москвѣ уже съ 1-го сентября, слѣдовательно слишкомъ за мѣсяцъ до окончательнаго изготовленіи проекта сборника—и въ этотъ промежутокъ времени легко могли быть собираемы для обсужденія поставленныхъ коммиссіею новыхъ законодательныхъ вопросовъ. Но, во всякомъ случаѣ, участіе выборныхъ въ составленіи этихъ семьнадцати статей—еще не было выраженіемъ законодательной инициіативы земскаго собора 1648—1649 года. Послѣдняя выразилась въ челобитныхъ, поданныхъ выборными людьми государю послѣ 3-го октября, слѣдовательно при обсужденіи проекта Уложенія.

Разсмотримъ дошедшія до насъ свидѣтельства о подобнаго рода челобитныхъ соборныхъ людей.

30-го октября 1649 года, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ, поданы были два письменныхъ челобитья отъ выборныхъ людей земскаго собора 1648—1649 года: одно изъ нихъ—отъ лица представителей служилаго класса, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; второе—выборными отъ гостей, торговцевъ гостинной и суконной сотенъ и городовыхъ торговыхъ и посадскихъ людей. Сущность обоихъ челобитій—одна и тоже. Здѣсь выборные

жалуются государю, что въ окрестностяхъ Москвы и другихъ городовъ, на мѣстахъ, гдѣ были прежде городскіе выгоны,—устроены нынѣ слободы и пашни патріаршіи, монастырскія, боярскія и другихъ чиновъ людей; что въ Москвѣ и другихъ городахъ накупили себѣ и взяли въ закладъ тяглые дворы, лавки, погреба и соляныя варницы люди и крестьяне патріаршіи, монастырскіе, боярскіе и другихъ привиллегированныхъ лицъ, что они же заводятъ по городамъ торговлю, берутъ на откупъ таможни, кабаки и др. откупныя статьи,—и тѣмъ отбиваютъ у посадскихъ людей промыслы ихъ, причиняютъ имъ большіе убытки и содѣйствуютъ разстройству внутренняго быта городскихъ общинъ. Оба челобитья оканчиваются ходатайствомъ о запрещеніи заводить частныя слободы и пашни вблизи отъ столицы и другихъ городовъ, о запрещеніи людямъ и крестьянамъ привиллегированныхъ въ податномъ отношеніи лицъ и учрежденій пріобрѣтать въ городахъ тяглыя имущества, производить здѣсь торговлю и брать откупа, о включеніи въ городское тягло всѣхъ безъ исключенія лицъ, живущихъ въ городахъ и подгородныхъ слободахъ и объ опредѣленіи законнаго размѣра городскихъ выгонныхъ земель. Двѣ недѣли спустя, именно 13 ноября, совокупныя челобитья представителей служилыхъ, торговыхъ и посадскихъ людей докладывались Государю и Думѣ его членами редакціонной коммиссіи—князьями Одоевскимъ, Прозоровскимъ и Волконскимъ и дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ—и воспослѣдовавшій поэтому поводу царскій указъ и боярскій приговоръ утвердилъ всѣ ходатайства выборныхъ ([1]). Это утвержденное въ законодательномъ порядкѣ челобитье выборныхъ соборныхъ лю-

([1]) А. А. Э. IV, № 32 (I и II).

дей—дало содержаніе шести статьямъ XIX-ой главы Уложенія (ст. 1, 6, 7, 9, 10, 15) [1]; если же мы допустимъ въ общее число статей, почерпнувшихъ свое содержаніе изъ соборнаго челобитья 30 го октября, и статьи составляющія дальнѣйшее развитіе этихъ шести основныхъ статей (именно еще статьи 2—5, 8, 11, 12, 14,16—17),—то общее число статей XIX главы, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ этому челобитью—дойдетъ до 16-ти. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ ходатайства выборныхъ, не дожидаясь окончательной санкціи и вступленія въ обязательную силу вновь составляемаго Уложенія,—данъ былъ указъ Сыскному Приказу о сыскѣ и отпискѣ на государя въ тягло слободъ, заведенныхъ около Москвы и другихъ городовъ, и всѣхъ людей, въ нихъ живущихъ, начиная съ 1613 года. Это распоряженіе дало поводъ новому челобитью соборныхъ людей. 25-го ноября били челомъ государю „всякихъ чиновъ выборные люди“ объ отпискѣ на государя слободъ, и въ нихъ людей,—„безъ лѣтъ и безъ сыску, гдѣ кто нынѣ живетъ, . . . чтобъ впредь слободамъ со крестьяны и съ бобыли и съ закладчики, съ торговыми и ремесленными людьми . . . всѣмъ быть его государевымъ, а ничьимъ инымъ . . . чтобъ отъ той розни въ

(¹) *Статья 1-я:* «О слободахъ, которые слободы на Москвѣ патріарши и властелинскіе и монастырскіе и бояръ и окольничихъ и думныхъ и ближнихъ и всякихъ чиновъ людей»; *статья 7-я:* «О слободахъ патріаршихъ и пр., которые устроены въ городѣхъ на государевыхъ посадскихъ земляхъ»; *статья 9-я:* «О патріаршихъ и пр. о селѣхъ и о деревняхъ, которые въ рядъ съ посады и около посадовъ и пр.»; *статья 6-я:* «О выгонныхъ земляхъ около Москвы во всѣ стороны»; *статья 10-я:* «О выгонныхъ земляхъ въ городахъ»; *статья 15-я:* «О боярскихъ и иныхъ чиновъ людѣхъ и крестьянѣхъ, которые на Москвѣ и по городомъ покупили и въ закладъ поимали тяглые дворы, и лавки, и амбары, и погребы каменные, и соляныя варницы, и торгують всякими товары».

его государствѣ никакой ссоры и розни межъ людьми не было“; это дополнительное челобитье шло на утвержденіе государя уже не черезъ редакціонную коммиссію, а черезъ Сыскной Приказъ, такъ какъ сюда переданъ былъ на исполненіе царскій указъ и боярскій приговоръ по основному челобитью. Это дополнительное челобитье, также утвержденное царемъ (¹), вызвало къ жизни три новыя статьи XIX главы Уложенія (именно ст. 13, 18 и 20) (²), а если принять въ соображеніе статьи, составляющія ихъ дальнѣйшее развитіе (19, 21—34 ст.),—то мы найдемъ, что общее число статей, вызванныхъ челобитьемъ 25-го ноября—доходитъ до 18-ти. Такимъ образомъ челобитья выборныхъ людей отъ 30-го октября и 25 ноября были причиною изданія 9 статей XIX главы, непосредственно изъ нихъ вытекавшихъ, и 25 статей той же главы, составлявшихъ дальнѣйшее развитіе этихъ основвыхъ девяти статей; если мы примемъ въ соображеніе, что дальнѣйшія статьи XIX-й главы, 35—39, имѣютъ непосредственное и тѣсное отношеніе къ предъидущимъ, а послѣдняя, 40-я, воспрещающая отчужденіе и закладъ Московскихъ дворовъ иноземцамъ, является отвѣтомъ на челобитье о томъ въ 1643 году Московскаго приходскаго духовенства, по всей вѣроятности подтвержденнаго на соборѣ выборными людьми (³)—то окажет-

(¹) А. А. Э. IV, № 32 (III).

(²) *Статья 13-я*: «О Московскихъ и о городскихъ о тяглыхъ людѣхъ, которые . . . нынѣ живутъ въ закладчикахъ»; *статья 18-я*: «О закладчикахъ, которые взяты будутъ въ тягло»; *статья 20-я*: «О посадскихъ людѣхъ, которые живутъ нынѣ въ городѣхъ за патріархомъ и за властьми и за монастыри и за бояры и за окольничими и всякихъ чиновъ людьми въ слободахъ».

(³) Что весьма вѣроятно, въ видахъ общаго раздраженія противъ льготъ, предоставлявшихся иноземнымъ торговцамъ въ первые годы царствованія Алексѣя Михаиловича.

ся, что вся XIX-я глава Уложенія, озаглавленная „О посадскихъ людяхъ“ и заключающая въ себѣ 40 статей, возникла (за исключеніемъ развѣ можетъ быть ст. 40-й, коренящейся въ предшествовавшемъ челобитьи духовенства) по иниціативѣ и при участіи выборныхъ соборныхъ лювей, уже послѣ представленія кн. Одоевскимъ съ товарищами выработаннаго ими проекта Уложенія. Дѣятельное отношеніе выборныхъ къ вопросамъ, получившимъ свое разрѣшеніе въ XIX главѣ Уложенія—теперь должно быть вполнѣ понятно намъ: мы видѣли выше, что нестроенія во внутреннемъ быту городскихъ общинъ, обусловливавшіяся выходомъ посадскихъ людей изъ тяглъ и приливомъ къ посадамъ людей, не тянущихъ городскаго тягла, но тѣмъ не менѣе захватывавшихъ въ свои руки городскіе тяглые дворы, угодья и городскіе промыслы—съ самаго конца смутнаго времени вызывали жалобы посадскихъ людей и соотвѣтственныя имъ мѣропріятія правительства. Уложеніе 1649 года стремилось, хотя, какъ показываютъ событія второй половины XVII вѣка, и не вполнѣ удачно—положить предѣлъ этимъ нестроеніямъ, путемъ закрѣпленія посадскаго населенія и рѣзкаго отграниченія его отъ населенія уѣзднаго, волостнаго: Уложеніе положило начало городскому, въ извѣстномъ смыслѣ замкнутому, сословію.

Переходимъ къ слѣдующему весьма важному челобитью выборныхъ людей земскаго собора 1648—1649 года. По свидѣтельству одного изъ дошедшихъ до насъ актовъ— „били челомъ Государю Ц. и В. К. Алексѣю Михаиловичу всея Русіи.... всѣ выборные люди ото всея земли..... чтобъ Государь указалъ у патріарха, и у властей, и у монастырей, и у протопоповъ и у поповъ вотчинныя земли

взять на себя Государя, которыя даваны съ 88 (1580) году . . . . и велѣлъ бы тѣ земли, взявъ изъ монастырей, роздать по разбору служилымъ людямъ, безпомѣстнымъ и пустопомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ" (¹). Что бы понять истинный смыслъ этого челобитья выборныхъ людей, мы должны замѣтить, что въ эпоху изданія Уложенія монастыри и духовенство находились въ обладаніи огромныхъ массъ земель, съ которыхъ они, въ силу своего привиллегированнаго положенія, не платили податей и не отбывали никакихъ государственныхъ повинностей, распространяя эти льготы, въ силу получаемыхъ ими жалованныхъ грамотъ, и на людей живущихъ на ихъ земляхъ; къ этимъ льготамъ присоединялись еще обширные судебные иммунитеты. Само собою разумѣется, что лица тяглаго состоянія, прельщаемыя льготами предоставлявшимися людямъ, живущимъ за монастырями и духовенствомъ, и удрученныя тягостью падавшихъ на нихъ податей и повинностей—массами выходили изъ общинъ своихъ и закладывались за монастыри и за духовныхъ вотчинниковъ, въ ущербъ интересамъ покинутыхъ ими общинъ. Понятно, что подобный порядокъ вещей долженъ былъ внушать враждебное отношеніе тяглыхъ людей къ поземельному владѣнію духовныхъ лицъ и учрежденій; понятно, что увеличеніе количества вотчинныхъ земель подобнаго рода было не въ интересахъ и самаго правительства, исключая значительную массу земель какъ изъ тягла финансоваго, такъ и изъ тягла служебнаго. И вотъ мы видимъ что, начиная съ в. к. Іоанна III-го, нерѣдко принимаемы были мѣры къ секуляризаціи земель духовныхъ лицъ и

(¹) А. А. Э. IV, № 33.

учрежденій или, по крайней мѣрѣ, къ ограниченію для нихъ права пріобрѣтенія новыхъ вотчинъ, какъ по возмезднымъ, такъ и по безвозмезднымъ основаніямъ (напримѣръ въ видѣ вкладовъ частныхъ лицъ на поминъ души, „по душѣ"). Послѣднее ограниченіе духовенства въ правѣ пріобрѣтенія вновь вотчинъ установлено было соборнымъ приговоромъ 15-го января 1580 года (¹)—и его то и имѣютъ въ виду выборные люди земскаго собора 1648—1649 года, ходатайствуя о секуляризаціи вотчинныхъ земель, пріобрѣтенныхъ съ этого года монастырями и духовенствомъ и о запрещеніи подобныхъ пріобрѣтеній на будущее время. Челобитье выборныхъ было разрѣшено государемъ въ положительномъ смыслѣ лишь по отношенію ко второй половинѣ его, т. е. запрещенію пріобрѣтенія вотчинъ впредь,—и результатомъ этого явилась 42 статья XVII-й главы Уложенія и ея дальнѣйшее развитіе—статьи 43-я и 44-я (²); 42-я статья сама свидѣтельствуетъ намъ, что она „уложена соборомъ". По смыслу 42-й статьи, запрещено на будущее время духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ пріобрѣтеніе вотчинъ какъ путемъ купли, такъ и путемъ принятія ихъ на поминъ душъ,—а Помѣстному Приказу запрещено записывать въ книгахъ своихъ всякаго рода сдѣлки подобнаго рода. И такъ челобитье выборныхъ людей было удовлетворено въ настоящемъ случаѣ

(¹) Подробности въ изслѣдованіи проф. *А. С. Павлова*: «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», Од. 1871 г.

(²) *Статья 42-я*: «Властемъ и въ монастыри вотчинъ всякихъ чиновъ людемъ не давати»; *статья 43-я*: «Будетъ кто вотчинникъ какова чину нибудь, или вдова, постригутся, а за ними будутъ родовые или выслуженые или купленые вотчины и пр.»; *статья 44-я*: «Будетъ которые вотчинники или вдовы постриглися до сего Государева указу, а вотчины за ними есть», (Общее заглавіе XVII главы: «О вотчинахъ»).

лишь на-половину: духовенству запрещено пріобрѣтать вотчины на будущее время, но распоряженія по секуляризаціи вотчинъ, пріобрѣтенныхъ съ 1580 года—не воспослѣдовало и новому закону, не смотря на желаніе выборныхъ, не было придано обратной силы. Тѣмъ не менѣе правительство имѣло кажется первоначально намѣреніе удовлетворить и этой части челобитья земскаго собора: мы имѣемъ по крайней мѣрѣ дошедшую до насъ память Помѣстному Приказу отъ 9 ноября 1649 года, которою предписывается ему собрать и представить государю „вскорѣ" свѣдѣнія о количествѣ вотчинныхъ земель, пріобрѣтенныхъ монастырями и духовенствомъ съ 1580 года ([1]). Весьма вѣроятно, что удовлетвореніе челобитья выборныхъ во всей полнотѣ его встрѣтило весьма естественный протестъ со стороны членовъ Освященнаго собора. Цитированная нами сейчасъ память скрѣплена дьякомъ Ѳедоромъ Грибоѣдовымъ,—ясное доказательство того, что и это челобитье выборныхъ, подобно челобитью отъ 30-го октября, было докладываемо государю редакціонною коммиссіею; изъ этой же грамоты явствуетъ, что настоящее челобитье выборныхъ людей имѣло мѣсто до 9 ноября 1649 года.

Другимъ челобитьемъ соборныхъ людей, направленнымъ противъ привиллегій духовенства—является челобитье ихъ объ учрежденіи особаго Монастырскаго Приказа, время и условія подачи котораго государю совершенно неизвѣстны намъ. Извѣстно, что до изданія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, духовенство пользовалось особою льготою по отношенію къ его подсудности: судъ и расправа на пред-

([1]) А. А. Э. IV, № 33.

ставителей духовенства и на монастыри, какъ юридическія лица, а также и судъ на людей и крестьянъ, числившихся за ними или состоявшими на ихъ службѣ—давался исключительно въ Приказѣ Большаго Дворца, что служило выраженіемъ особаго вниманія къ духовенству со стороны представителей верховной власти. Подобное исключительное процессуальное положеніе духовенства не могло конечно нравиться земскимъ классамъ, причиняя большую волокиту въ судныхъ дѣлахъ съ духовенствомъ и числившимися за нимъ людьми и крестьянами: на духовенство и на лицъ послѣдняго рода нигдѣ, кромѣ названнаго приказа, нельзя было искать суда и расправы. Между тѣмъ, приступая къ составленію Уложенія, правительство основнымъ принципомъ этого законодательнаго сборника возвѣстило установленіе всякихъ чиновъ людямъ „отъ большаго и до меньшаго чина“—суда равнаго. Этому основному принципу сильно противорѣчили всякаго рода судебные иммунитеты, а въ томъ числѣ и особая подсудность духовенства. Поэтому не должно казаться удивительнымъ что, на земскомъ соборѣ 1648—1649 года, выборные люди били государю челомъ объ уничтоженіи этой исключительной подсудности. И вотъ, согласно челобитью выборныхъ людей,—о чемъ свидѣтельствуетъ само Уложеніе,—опредѣлено было учрежденіе особаго Монастырскаго Приказа, на который и перешли всѣ функціи Приказа Большаго Дворца, на сколько онѣ касались, какъ суда надъ лицами духовнаго вѣдомства (глава XIII-я „О Монастырскомъ Приказѣ“, статья 1-я), такъ и общаго вѣданія дѣлъ, касавшихся духовенства. Ограниченіе исключительной подсудности лицъ духовнаго вѣдомства выразилось еще въ двухъ отношеніяхъ: по встрѣчнымъ искамъ разрѣ-

шено искать на представителяхъ духовенства, начиная съ сана архимандрита, а равно и на людяхъ и крестьянахъ всѣхъ духовныхъ властей вообще — въ общихъ приказахъ (гл. XIII-я, ст. 2-я); въ городахъ же право иска на числящихся за духовными лицами и учрежденіями людей и крестьянъ — уравнено съ правомъ иска на людей и крестьянъ всѣхъ вообще вотчинниковъ и помѣщиковъ (гл. XIII-я, ст. 3-я). Если мы примемъ во вниманіе, что остальныя четыре статьи XIII-й главы составляютъ лишь дальнѣйшее развитіе только что приведенныхъ первыхъ трехъ статей,—то должны будемъ признать, что вся XIII-я глава Уложенія возникла по иниціативѣ земскаго собора.

Послѣднее опредѣленіе Уложенія, относительно котораго существуютъ свѣдѣнія, что оно состоялось по челобитью извѣстнаго класса населенія—это первыя двѣ статьи XI-й главы („Судъ о крестьянѣхъ"), отмѣняющія прежній давностный срокъ, прежнія „урочныя лѣта" (въ 15 лѣтъ), установленныя указомъ отъ 1647 года для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ [1]. Но это челобитье было подано уже не при самомъ обсужденіи проекта Уложенія, а ранѣе, въ 156 (1648) году, слѣдовательно до 1-го сентября, до срока назначеннаго для съѣзда въ Москву выборныхъ земскаго собора 1648—1649 года. На это ясно указываетъ намъ грамота, изъ которой почерпается извѣстіе объ этомъ челобитьи, хотя здѣсь и говорится,—что оно подано „всѣхъ городовъ" служилыми людьми. Какъ слѣдуетъ понимать это загадочное свидѣтельство? Нельзя ли допустить предположенія, что представители служилыхъ людей, съѣхавшись въ Москву къ собору до 1-го

---

(1) Подробности можно найти у Бѣляева: «Крестьяне на Руси», стр. 141—143.

сентября, слѣдовательно въ 1648 году, и принимая крайне близко къ сердцу важный для ихъ интересовъ вопросъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ—поторопились ударить объ этомъ челомъ еще до открытія соборной сессіи? Какъ бы то ни было, но ходъ челобитью этому данъ былъ уже во время обсужденія проекта Уложенія, по докладу членовъ редакціонной коммиссіи, кн. Одоевскаго съ товарищами и, по обсужденіи челобитья государемъ, членами освященнаго собора, боярами и думными людьми и служилыми людьми всѣхъ городовъ „которые били челомъ о бѣглыхъ крестьянахъ"— рѣшеніе по этому челобитью было „уложено соборомъ" (¹). Такимъ образомъ возникли 1-я и 2-я статьи XI-й главы Уложенія и до 12-ти статей той же главы, составляющихъ ихъ дальнѣйшее развитіе.

Таковы имѣющіяся въ дошедшихъ до нашихъ дней актахъ свѣдѣнія о статьяхъ Уложенія, возникшихъ по иниціативѣ выборныхъ людей земскаго собора 1648—1649 года. Считаемъ совершенно излишнимъ распространяться на счетъ того, что эти немногіе, случайно дошедшіе до насъ акты—конечно не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ челобитій, поданныхъ выборными людьми, и вмѣстѣ съ тѣмъ, далеко не исчерпываютъ вопроса о законодательной иниціативѣ земскаго собора 1648 — 1649 въ дѣлѣ составленія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича. Поэтому,—разъ дошли до насъ свѣдѣнія о нѣсколькихъ случаяхъ подобнаго рода —бо́льшее основаніе имѣемъ мы полагать, что общее число ихъ было значительнѣе, нежели допустить невѣроятное предположеніе, что бы этими случайными актами исчерпывались

(¹) А. И. IV, № 30.

всѣ случаи вліянія собора на законодательныя опредѣленія Уложенія.

Въ доказательство того положенія, что многія статьи Уложенія составлены были, если и не по иниціативѣ земскаго собора, то во всякомъ случаѣ при его участіи,—хотя бы объ этомъ и не упоминалось въ самомъ текстѣ ихъ,—можемъ мы привести главу VIII Уложенія: „О искупленіи плѣнныхъ" (изъ одной большей основной и шести весьма краткихъ дополнительныхъ статей), въ которой нѣтъ и помину о составленіи ея при участіи земскаго собора, т. е. послѣ 3-го октября. Между тѣмъ до насъ дошла позднѣйшая грамота по тому же вопросу, изъ которой обнаруживается, что постановленія этой главы уложены по совмѣстному совѣщанію государя съ патріархомъ, освященнымъ соборомъ, боярами и думными людьми и „всякихъ чиновъ съ выборными людьми" (1). Основываясь на данномъ случаѣ, мы вправѣ допустить возможность, что и многія другія статьи составлены были при непосредственномъ участіи въ томъ выборныхъ людей, хотя въ самомъ текстѣ ихъ и не встрѣчается на то указаній.

Теперь, выяснивъ дошедшія до насъ свѣдѣнія о статьяхъ Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, составленныхъ, какъ при участіи земскаго собора 1649—1649 года вообще, такъ и по ихъ иниціативѣ его въ частности,—постараемся представить общіе числовые данныя относительно этого любопытнаго вопроса.

Они выразятся въ слѣдующихъ таблицахъ:

---

(1) А. И. IV, № 43.

А. Статьи, составленныя при участіи земскаго собора и возникшія по его иниціативѣ.

Главы:	*Статьи:*	*Общее содержаніе:*
XI. «Судѣ о крестьянѣхъ» (всего 34 статьи).	Статьи, непосредственно вылившіяся изъ челобитій выборныхъ людей: 1 и 2. Ихъ дальнѣйшее развитіе, статьи 3—14. *Всего же до 14 статей.*	Отмѣна урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ. (Челобитье до 1-го сентября).
XIII. «О монастырскомъ приказѣ» (всего 7 статей).	Статья, непосредственно вылившаяся изъ челобитья выборныхъ людей: 1. Ея необходимое дальнѣйшее развитіе, статьи 2—7. *Всего же 7 статей.* Такимъ образомъ вся глава составлена послѣ 3-го октября.	Уничтоженіе подсудности духовенства приказу Больш. Дворца и ограниченіе его судебныхъ привилегій. (Время челобитья неизвѣстно).
XVII. «О вотчинахъ» (всего 55 статей).	Статья, непосредственно вылившаяся изъ челобитья выборныхъ людей; 42. Ея необходимое дальнѣйшее развитіе, статьи 43 и 44. *Всего же 3 статьи.*	Запрещеніе пріобрѣтенія вотчинъ духовенствомъ (Челобитье до 9-го ноября).
XIX. «О посадскихъ людѣхъ» (всего 40 статей).	Статьи, непосредственно вылившіяся изъ челобитій выборныхъ людей: 1, 6, 7, 9, 10, 13, 15, 18 и 20. Ихъ необходимое дальнѣйшее развитіе, статьи: 2—5, 8, 11, 12, 14, 16, 17, 19, 21—34. *Всего до 34 статей.* Болѣе нежели вѣроятно, что вся эта глава составлена послѣ 3-го октября.	Устройство посадскаго населенія и внутренняго быта городовъ. (Челобитья 30-го октября и 25-го ноября).

Такимъ образомъ иниціатива выборныхъ земскаго собора 1648—1649 г.,—на сколько можемъ судить по случайно сохранившимся извѣстіямъ—вызвала составленіе 58 статей Уложе-

нія, распредѣляющихся между четырьмя главами этого памятника и касающихся четырехъ весьма важныхъ вопросовъ внутренней жизни русскаго общества конца первой половины XVII-го столѣтія: a) устройства внутренняго быта городовъ, b) условій возвращенія бѣглыхъ крестьянъ, c) ограниченія вотчинныхъ правъ духовенства и d) уравненія суда путемъ уничтоженія судебныхъ привиллегій. Двѣ относящіяся сюда главы—XIII и XIX—несомнѣнно составлены послѣ 3-го октября.

Б. Статьи, составленныя при участіи выборныхъ людей, но (на сколько по крайней мѣрѣ извѣстно) безъ непосредственной инициіативы ихъ.

Сюда относятся разсмотрѣнныя нами выше новые законодательные вопросы, которые велѣно было сформулировать кн. Одоевскому съ товарищами для „изложенія ихъ общимъ совѣтомъ", и VIII-ую главу „О искупленіи плѣнныхъ". Именно:

Главы:	*Статьи:*	*Общее содержаніе:*
VIII. „О искупленіи плѣнныхъ" (всего 7 статей).	Всѣ семь статей.	Опредѣленіе особаго сбора на выкупъ военно-плѣнныхъ.
X. „О судѣ" (всего 287 статей).	137, 146, 147, 149, 185, 236.	Гарантіи противъ злоупотребленій недѣльщиковъ при вызовѣ на судъ, возможность безволокитнаго полученія суда по „обиднымъ дѣламъ" на бояръ и приказныхъ людей, судебное представительство для лицъ не могущихъ лично отвѣчать на судѣ, форма судебной присяги въ поземельныхъ тяжбахъ.

XI. „Судъ о крестьянѣхъ“ (всего 34 статьи).	15—18 и 30.	О правахъ вотчинниковъ и помѣщиковъ на бѣглыхъ крестьянъ и запрещеніе перевода крестьянъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя.
XV. „О вершеныхъдѣлахъ“ (всего 5 статей).	2 и 3.	Объ окончательной силѣ отпускныхъ и мировыхъ по дѣламъ о бѣглыхъ крестьянахъ, состоявшихся при прежнихъ владѣльцахъ.
XVII. „О вотчинахъ“ (всего 55 статей).	34 и 35.	Мѣры противъ обмановъ при отчужденіи вотчинъ собственниками.
XX. „О холопьѣ судѣ“ (всего 119 статей).	57 и 58.	Запрещеніе иска въ сносѣ отдѣльно отъ иска о бѣгломъ человѣкѣ и запрещеніе приказнымъ людямъ брать служилые кабалы на людей своего присуда.

Всего 24 статьи, распредѣляющіяся въ шести главахъ. Сводя обѣ росписи въ одну, найдемъ, что **вообще при участіи выборныхъ людей составлены слѣдующія статьи:**

Главы:	*Статьи:*	*Общее заглавіе главъ и общее число ихъ статей:*
VIII.	1—7.	„О искупленіи плѣнныхъ“ (7 ст.)
X.	137, 146, 147, 149, 185 и 236.	„О судѣ“ (287 ст.)
XI.	1—14, 15—18 и 30.	„Судъ о крестьянѣхъ“ (34 ст.)

XIII.	1—7.	„О Монастырскомъ Приказѣ“ (7 ст.)
XV.	2—3.	„О вершеныхъ дѣлахъ“ (5 ст.)
XVII.	34—35, 42—44.	„О вотчинахъ“ (55 ст.).
XIX.	1—34 ([1]).	„О посадскихъ людѣхъ“ (40 ст.).
XX.	57—58.	„О холопьѣ судѣ“ (119 ст.).

Въ окончательномъ результатѣ получаемъ мы 82 статьи, размѣщенныхъ въ восьми главахъ, о которыхъ можно несомнѣнно утверждать, что онѣ составлены были при участіи выборныхъ людей земскаго собора 1648—1649 года,— что составляетъ почти 8,5% общаго количества статей Уложенія.

Таковы положительныя данныя, опровергающія теорію Строева и позднѣйшихъ послѣдователей ея о пассивномъ только участіи выборныхъ людей земскаго собора въ дѣлѣ составленія Уложенія 1649 года. Еще разъ повторимъ наше убѣжденіе, что этими случайно до насъ дошедшими данными—конечно не исчерпывается вся мѣра инициативы и участія выборныхъ людей въ составленіи этого законодательнаго памятника, въ этомъ, по подлинному выраженію царскаго указа—„государевомъ и земскомъ великомъ царственномъ дѣлѣ“.

([1]) Выше высказали мы уже вѣроятное предположеніе, что вся XIX глава, въ полномъ ея составѣ, уложена при участіи земскаго собора.

Ознакомившись съ характеромъ участія выборныхъ земскаго собора 1648—1649 года въ дѣлѣ составленія Уложенія, мы можемъ теперь, пользуясь предисловіемъ къ этому памятнику и приведенными выше актами, дополняющими наши свѣдѣнія объ исторіи составленія его—попытаться разрѣшить нѣкоторые вопросы, касающіеся внѣшней, формальной стороны исторіи этого собора.

Первымъ поставимъ мы здѣсь вопросъ о продолжительности сессіи земскаго собора 1648—1649 года,—на который можетъ быть данъ впрочемъ лишь приблизительный отвѣтъ. Начало соборной сессіи извѣстно: выборнымъ предписано было неукоснительно съѣхаться въ Москву къ новому году, т. е. къ 1 сентябрю; это число и должно принять за начальный пунктъ сессіи. Но за то, при настоящемъ состояніи источниковъ, не представляется возможности опредѣлить времени окончанія сессіи; несомнѣнно однако то, что земскій соборъ былъ еще въ наличности въ концѣ ноября, такъ какъ 25 числа этого мѣсяца была подана выборными людьми челобитная. Не было окончено въ концѣ ноября и самое обсужденіе проекта Уложенія: это видно уже изъ предмета челобитья 25 ноября, касающагося статей XIX главы Уложенія: значитъ въ концѣ ноября обсуждалась только XIX глава сборника и собору предстояло еще обсудить почти треть всего Уложенія (по окончательной редакціи его). Такимъ образомъ, зная minimum продолжительности соборной сессіи (1 сентября—25 ноября), мы имѣемъ право предположить окончаніе ея развѣ только къ концу декабря,—а этимъ устраняется до извѣстной степени баснословная быстрота составленія и изданія Уложенія, такъ часто поражавшая изслѣдователей.

Относительно самаго порядка засѣданій земскаго собора дастъ намъ свѣдѣнія предисловіе къ Уложенію. Изъ него узнаемъ мы, что для обсужденія внесеннаго кн. Одоевскимъ съ товарищами проекта, земскій соборъ распался на два отдѣленія или палаты. Первую составили, подъ личнымъ предсѣдательствомъ царя, лица принимавшія участіе въ соборѣ поголовно, въ силу самаго званія своего—патріархъ, прочія высшія духовныя власти и члены Боярской Думы. Вторую, засѣдавшую въ Отвѣтной Палатѣ, составили выборные, засѣдавшіе на соборѣ уже по началу представительства; предсѣдательствовалъ ими, назначенный для того государемъ, бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. Чтеніе проекта производилось безъ сомнѣнія дьяками, участвовавшими въ коммиссіи для его составленія, при чемъ члены коммиссіи конечно давали и необходимыя объясненія относительно источниковъ и редакціи отдѣльныхъ статей; дачею подобнаго рода объясненій могутъ быть толкуемы указанія на источники, находящіяся, какъ мы выше видѣли, на подлинномъ уложенномъ столбцѣ. Сообразно разсужденіямъ и преніямъ соборныхъ людей, та или другая статья проекта отвергалась или принималась, опять таки или безъ всякихъ измѣненій, или съ нѣкоторыми перемѣнами и добавленіями,—конечно послѣ предварительнаго доклада дѣла Государю и Думѣ его. Если выборные люди, всѣ въ совокупности, или только извѣстная фракція ихъ, желали введенія въ проектъ какихъ либо новыхъ опредѣленій—они подавали о томъ письменное челобитье на имя государя; мы теперь уже знакомы съ этимъ видомъ дѣятельности выборныхъ людей. Такое челобитье принималось членами коммиссіи по составленіи проекта Уложенія—кн. Одоевскимъ съ

товарищами—и докладывалось ими Государю, который и обсуждалъ его съ Думою своею, послѣ чего, въ случаѣ утвержденія челобитья выборныхъ людей государемъ—сущность его редактировалась въ форму новыхъ статей, заносившихся въ составляемое въ окончательной редакціи Уложеніе (¹). Эти то обсуженныя, редактированныя въ окончательной формѣ и постепенно записывавшіяся статьи будущаго законодательнаго сборника—и составили вѣроятно къ концу соборной сессіи тотъ подлинный уложенный столбецъ, который былъ закрѣпленъ руками всѣхъ соборныхъ людей и хранится въ наши дни въ Московской Оружейной Палатѣ. На подобное соображеніе наводитъ самый внѣшній видъ уложеннаго столбца: онъ представляетъ весьма большое разнообразіе почерковъ (²) и только первыя десять главъ его имѣютъ заглавія и нумерацію статей, хотя и въ остальныхъ главахъ оставлены между статьями промежутки для позднѣйшей вставки соотвѣтствующихъ чиселъ (³); если бы этотъ столбецъ былъ составленъ единовременно, послѣ окончанія соборной сессіи, единственно для закрѣпленія его рукоприкладствами соборныхъ людей—ему постарались бы конечно придать болѣе тщательный видъ. Что соборнымъ людямъ дали закрѣпить рукоприкладствами ихъ именно тотъ столбецъ, который постепенно составлялся во время обсужденія проекта—въ этомъ, какъ намъ кажется, нѣтъ ничего страннаго: соборная сессія затянулась и такъ долго,—пожелали скорѣе распустить выборныхъ и потому, не дѣлая

(¹) См. А. А. Э. IV, № 32 и А. И. IV, № 30.

(²) Забѣлинъ: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи и пр.», въ Архивѣ ист.-юрид. свѣдѣній, кн. I, отд. II, стр.

(³) Строевъ: «Ист.-юрид. изслѣд. Уложенія», примѣч. 81.

новаго списка Уложенія, который пришлось бы снова читать и свѣрять съ подлинникомъ—дали подписать имъ подлинный столбецъ.

Закрѣпленіе уложеннаго столбца рукоприкладствами соборныхъ людей—было послѣднимъ актомъ дѣяній земскаго собора 1648—1849 года. Рукоприкладства соборныхъ людей находятся на оборотной сторонѣ столбца; здѣсь приложили руки: патріархъ Іосифъ, 2 митрополита, 3 архіепископа, одинъ епископъ, 5 архимандритовъ, одинъ игуменъ, 15 бояръ, 10 окольничихъ, одинъ казначей, одинъ думный дворянинъ, одинъ печатникъ, одинъ думный дьякъ, духовникъ государя, 5 московскихъ дворянъ, 118 городовыхъ дворянъ, 3 гостя, 12 выборныхъ отъ московскихъ сотенъ и слободъ, 89 выборныхъ отъ посадскихъ людей различныхъ городовъ и 15 выборныхъ отъ пятнадцати приказовъ Московскихъ стрѣльцовъ. Склейки отдѣльныхъ листковъ, изъ которыхъ составленъ весь столбецъ, имѣющій 434 аршина длины, скрѣплены съ обѣихъ сторонъ дьяками. На лицевой сторонѣ столбца находится скрѣпа думнаго дьяка Ивана Гавренева, на обратной сторонѣ его—скрѣпы думныхъ дьяковъ Ѳедора Елизарова и Михаила Волошенинова и рядовыхъ (простыхъ) дьяковъ—Гаврила Леонтьева и Ѳедора Грибоѣдова ([1]); первые трое скрѣпили столбецъ въ качествѣ думныхъ дьяковъ, которые, какъ извѣстно, скрѣпляли всѣ государственные акты, двое же послѣднихъ скрѣпили его въ качествѣ дьяковъ редакціонной коммиссіи. Трое старшихъ редакторовъ—князья Одоевскій, Прозоров-

([1]) Всѣ эти свѣдѣнія см. у Забѣлина: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи и пр.» (Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній Калачова, кн. I).

ской и Волконской—приложили руки свои къ столбцу вмѣстѣ съ остальными членами Думы Боярской: приказная практика Московская предоставляла скрѣпу и припись грамотъ исключительно дьякамъ.

Съ закрѣпленнаго руками соборныхъ людей уложеннаго столбца переписано было Уложеніе „въ книгу", закрѣпленную дьяками Гавриломъ Леонтьевымъ и Ѳедоромъ Грибоѣдовымъ,—а съ этой рукописной книги предпринято было печатаніе Уложенія. Несомнѣнно, что вступленіе Уложенія въ обязательную силу должно считать съ момента разсылки напечатанныхъ экземпляровъ его по приказамъ и городамъ [1], исключая конечно тѣхъ частныхъ опредѣленій этого законодательнаго сборника, которые вошли въ обязательную силу раньше цѣлаго, составивъ предметъ отдѣльныхъ царскихъ грамотъ въ приказы и города, разосланныхъ до выхода всего сборника изъ печати. Такимъ порядкомъ, напримѣръ, совершилось вступленіе въ обязательную силу XIX главы Уложенія „о посадскихъ людяхъ", возникшей, какъ намъ уже извѣстно, по инціативѣ выборныхъ людей, выразившейся въ подачѣ ими челобитныхъ отъ 30 октября и 25 ноября 1649 года. И вотъ, по утвержденіи этихъ челобитій государемъ и по окончаніи редакціонною коммиссіею формулировки сущности ихъ въ видѣ статей XIX главы Уложенія,—сдѣланы были послѣднія предметомъ содержанія особыхъ наказныхъ памятей; до насъ дошли двѣ подобныя грамоты, одна отъ февраля 1649 года, вторая—

---

[1] «А закрѣпя то уложеніе руками, указалъ Государь списати въ книгу . . . . а съ тое книги, для утвержденія, на Москвѣ во всѣ приказы и въ городы, напечатать многія книги, и всякія дѣла дѣлать по тому уложенію (предисловіе къ Уложенію)».

отъ января или февраля того же года (¹). Разсматривая содержаніе этихъ грамотъ (напримѣръ № 36, IV т. Актовъ Арх. Эксп.),—мы видимъ что онѣ составляютъ *буквальную* выписку всей XIX главы Уложенія, съ тѣмъ только отличіемъ отъ текста послѣдняго, что здѣсь содержаніе не разбито по отдѣльнымъ статьямъ. Точно также, по утвержденіи государемъ доложеннаго ему кн. Одоевскимъ съ товарищами челобитья выборныхъ отъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ и по „уложеніи соборомъ" соотвѣтствующихъ этому челобитью статей XI главы Уложенія—предписано было „съ нынѣшняго указу и съ соборнаго уложенія" послать во всѣ приказы списки, а изъ приказовъ, въ свою очередь, послать о томъ грамоты въ подвѣдомственные имъ города „чтобъ указъ и соборное уложеніе . . . во всѣхъ приказѣхъ и въ городѣхъ и во дворцовыхъ селахъ было вѣдомо" (²). По счастливому случаю до насъ дошла одна изъ грамотъ послѣдняго рода: это грамота изъ Московскаго Суднаго Приказа Звенигородскому воеводѣ о возвращеніи впредь бѣглыхъ крестьянъ, со 2 января 1649 года, прежнимъ владѣльцамъ безъ урочныхъ лѣтъ; здѣсь сдѣлана ссылка именно на „царскій указъ и соборное уложеніе", сообщенное Московскому Судному Приказу памятью за приписью Гаврила Леонтьева—одного изъ членовъ редакціонной коммиссіи (³). Такимъ образомъ является несомнѣннымъ, что отдѣльныя части Уложенія, сдѣлавшись по ихъ утвержденіи предметомъ содер-

(¹) А. А. Э. IV, № 36 и А. И. IV, № 29.
(²) А. И. IV, № 30.
(³) Ibid.

жанія особыхъ грамотъ—получали обнародованіе и обязательную силу ранѣе своего цѣлаго, въ смыслѣ всего законодательнаго сборника.

Этотъ послѣдній фактъ въ свою очередь наводитъ насъ на небезъинтересныя соображенія относительно времени напечатанія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича.

Когда впервые напечатано было Уложеніе? На этотъ вопросъ весьма трудно отвѣтить: какая то пока необъяснимая таинственность скрываетъ отъ насъ обстоятельства, при которыхъ совершилось печатаніе этого памятника. Время изданія старопечатныхъ (до XVIII вѣка) книгъ Московской печати опредѣляется, какъ извѣстно, ихъ „выходами", помѣщаемыми преимущественно на послѣдней страницѣ книги, обычною формою которыхъ является слѣдующая: „Начата бысть печатаніемъ книга сія (слѣдуетъ подробное указаніе царствованія, имени патріарха, года, мѣсяца и числа) . . . совершена же бысть (слѣдуетъ таковое же подробное указаніе). . .", или: „Напечатана книга сія въ лѣто . . . (слѣдуетъ указаніе времени печатанія)". Въ Уложеніи подобнаго выхода не имѣется, а въ концѣ книги помѣщено слѣдующее послѣсловіе: „Совершена сія книга повелѣніемъ Великого Государя Царя и Великого князя Алексѣя Михаиловича, всея Руссіи Самодержца, въ третье лѣто Богомъ хранимыя его державы, и при сынѣ его Государевѣ Благовѣрномъ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Димитріѣ Алексѣевичѣ въ первое лѣто рожденія его, лѣта 7157 (1649) генваря въ 29 день". Сопоставивъ это послѣсловіе съ слѣдующимъ мѣстомъ предисловія: „И по Государеву . . . . указу, то уложеніе на списокъ (уложенный столбецъ) написано . . . . И съ того уложенія списанъ списокъ въ книгу, слово въ слово.

А съ тое книги напечатана сія книга" (слова, набранныя курсивомъ, не находятся въ самомъ первомъ изданіи Уложенія славянской печати)—мы относимъ *datum* послѣсловія ко времени изготовленія рукописной книги, скрѣпленной дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ, съ которой набиралось печатное Уложеніе,—куда и вошло оно изъ книги рукописной. Ниже увидимъ мы, что такъ называемое *первое* изданіе Уложенія (славянской печати)—на самомъ дѣлѣ составляется изъ двухъ изданій неизвѣстнаго времени, а между тѣмъ въ обоихъ изданіяхъ въ послѣсловіи время „совершенія" книги значится одно и тоже: ясно, что оно относится къ рукописной книгѣ. Наконецъ печатаніе Уложенія и *не могло* окончиться къ 29 январю 1649 года. Мы выше видѣли, что соборная сессія—а слѣдовательно и подписаніе выборными людьми уложеннаго столбца—не могла окончиться ранѣе конца декабря, а быть можетъ перенесена была еще и на январь. Но, допустивъ первое предположеніе, принявъ затѣмъ въ соображеніе наступившіе праздники и время необходимое для переписанія уложеннаго столбца въ книгу—мы получили бы для напечатанія Уложенія срокъ черезъ чуръ уже короткій. Но что положительнымъ образомъ противорѣчитъ предположенію о напечатаніи Уложенія въ январѣ 1649 года—это указанныя выше грамоты съ выписками изъ него, разосланныя въ январѣ и февралѣ 1649 года. Если въ январѣ Уложеніе уже набиралось и предвидѣлась возможность выпуска его изъ Печатнаго двора къ 29 январю—какая могла быть цѣль разсылки выписокъ изъ него, въ родѣ, напримѣръ, цѣлой XIX главы? Ясно, что въ январѣ 1649 года еще не приступали къ его печатанію, но важнѣйшія изъ его опредѣленій (напримѣръ о

крестьянахъ и посадскихъ людяхъ)—получили обнародованіе и обязательную силу въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ, сообщенныхъ приказамъ и городовымъ воеводамъ редакціонною коммиссіею (1). Почему же такъ медлили выпускомъ въ свѣтъ печатнаго Уложенія? Отвѣтить на этотъ вопросъ опять мѣшаетъ таже таинственность, которою облечена исторія Уложенія послѣ распущенія земскаго собора. Быть можетъ будущему удастся разсѣять эту таинственность. При настоящемъ же состояніиисточниковъ, а въ особенности при тѣхъ матеріалахъ, которыми можно располагать въ отдаленной провинціи—сдѣлать это невозможно. Поэтому, избѣгая какихъ либо шаткихъ и натянутыхъ выводовъ—укажемъ лишь тѣ факты, которые невольно заставляютъ задуматься надъ исторіею Уложенія, послѣ момента закрѣпленія соборными людьми подлиннаго уложеннаго столбца.

Помѣты на поляхъ уложеннаго столбца. На подлинномъ уложенномъ столбцѣ, хранящемся въ Оружейной Палатѣ, противъ трехъ статей (2) находятся неизвѣстно кѣмъ сдѣланныя замѣтки, именно: „попомнить", „поговорить о той статьѣ съ бояры", „поговорить съ бояры",—которыя сдѣланы вѣроятно послѣ закрѣпленія столбца и судя по выраженію помѣтъ, съ вѣдома государя, если только не имъ самимъ. Эти помѣты показываютъ, что уже немедлен-

(1) Печатные экземпляры Уложенія разосланы были по городамъ не ранѣе конца 1649 г. (по современному намъ лѣтоисчисленію, и начала 1650 г.—по старому). По крайней мѣрѣ мы имѣемъ грамоту Илимскому воеводѣ о высылкѣ въ Илимскій острогъ «и въ другіе города» печатныхъ экземпляровъ Уложенія, помѣченную только 19-мъ генваря 1650 года. (См. П. С. З. № 23).

(2) 111-й и 189 статей X-й главы и 40-й статьи XVI-й главы.

но по окончаніи составленія Уложенія, явилась мысль о пересмотрѣ нѣкоторыхъ его опредѣленій. Впрочемъ сдѣланное нами сличеніе перваго, неисправленнаго, изданія Уложенія церковнославянскимъ шрифтомъ, съ исправленнымъ вторымъ таковымъ же изданіемъ его—не обнаружило никакого измѣненія въ первоначальной редакціи этихъ статей.

Два изданія Уложенія въ царствованіе Алексѣя Михаиловича и ихъ варіанты. Общепринятое въ наукѣ исторіи русскаго права мнѣніе, будто первымъ печатнымъ изданіемъ Уложенія 1649 является изданіе его въ царствованіе Алексѣя Михаиловича церковно-славянскими буквами, а вторымъ — С.-Петербургское изданіе его въ 1737 году гражданскими буквами,—совершенно невѣрно. При ближайшемъ разсмотрѣніи различныхъ экземпляровъ *такъ называемаго* перваго изданія оказывается, что оно состоитъ изъ двухъ, въ короткое время одно за другимъ слѣдовавшихъ изданій, такъ что изданіе гражданскимъ шрифтомъ 1737 года—является въ сущности уже третьимъ изданіемъ. Различіе обоихъ изданій Уложенія царствованіи Алексѣя Михаиловича указано *Сахаровымъ* во второй книгѣ перваго тома его „Обозрѣнія славяно-русской библіографіи" (Спб. 1849 г., стр. 165),—но авторъ указываетъ здѣсь лишь весьма небольшое количество признаковъ, по которымъ различаются оба изданія, упустивъ при томъ изъ виду то весьма важное обстоятельство, что различіе это идетъ дальше нѣкоторыхъ, чисто-внѣшнихъ, особенностей обоихъ изданій: они различаются и со стороны внутренняго содержанія нѣкоторыхъ статей.

Укажемъ прежде всего внѣшнія особенности обоихъ изданій, по которымъ они различаются между собою:

1. Въ обоихъ изданіяхъ находимъ мы огромное различіе въ наборѣ и, между прочимъ, различный переносъ текста съ одной строки на другую. Послѣднее различіе, за небольшими исключеніями, проходитъ черезъ весь сборникъ, такъ что не представляется никакой возможности перечислить всѣ случаи подобнаго рода.
2. Въ обоихъ изданіяхъ, въ началѣ нѣкоторыхъ главъ, поставлены различныя заставки и красныя буквы (напр. листы 62, 66, 67 обор., 71, 74 об., 85, 86, 93, 180, 183 обор., 188 и мн. др.).
3. Въ первомъ изданіи неопредѣленное наклоненіе глаголовъ вездѣ имѣетъ окончаніе *ти*, напр. ѣхати, вершити, судити, допрашивати и т. п.; во второмъ изданіи оно вездѣ замѣнено окончаніемъ *ть*,—ѣхать, вершить, судить, допрашивать (наприм. листа 25: строка 2—3, строка 15, 17; л. 75, 118 и мн. др.).
4. Въ первомъ изданіи многія опечатки затерты черною краскою (наприм. листъ 61, шестая строка снизу, л. 263 обор., шестая строка снизу, л. 281 об., первая строка снизу, л. 285, первая строка сверху, л. 332, двѣнадцатая строка снизу и др.). Во второмъ изданіи онѣ выправлены.
5. Въ первомъ издаціи на листѣ 285 исправлены числа статей пг и пд, ошибочно набранныя пв и пг; во второмъ изданіи эти опечатки выправлены.
6. Въ первомъ изданіи на 6-омъ листѣ, десятая строка сверху, напечатано: „христіянь"; на 26-мъ л., вторая строка снизу: „ни буди"; на 28-мъ л., двѣнадцатая строка сверху: „послѣ"; на 80-мъ л., девятая строка сверху: „которыя"; на 82 л., одинадцатая строка сверху:

„вдвое"; на 89 л. обор., одинадцатая строка снизу: „впредь". Во второмъ изданіи эти слова исправлены: „крестьянъ", „нибудь", „после", „которые", „въ двое", „въ передъ".

7. Самыми рельефными и бросающимися въ глаза отличіями, по которымъ съ перваго взгляда могутъ быть различены оба изданія Уложенія XVII вѣка,—слѣдующія: а) На первомъ листѣ перваго изданія, послѣдняя строка: „комъ дѣлѣ бити челомъ", во второмъ изданіи—„о какомъ дѣлѣ бити челомъ"; в) въ первомъ изданіи предисловіе къ Уложенію начинается на лицевой сторонѣ 62-го полулиста, во второмъ изданіи—на обратной сторонѣ 61-го полулиста: с) Послѣдняя строка послѣдней страницы перваго изданія заключаетъ одно слово—„день"; во второмъ изданіи слова: „к (вмѣсто в) 29 день".

Считаемъ невозможнымъ указывать остальныя формальныя различія обоихъ изданій, такъ какъ пришлось бы наполнить этими указаніями нѣсколько страницъ.

Переходимъ къ указанію варіантовъ въ матеріальномъ содержаніи нѣкоторыхъ статей Уложенія обоихъ изданій временъ Алексѣя Михаиловича.

Еще въ 1767 г. исторіографъ Миллеръ, изслѣдуя по порученію императрицы подлинный уложенный столбецъ, найденный въ этомъ году въ бывшемъ Казенномъ приказѣ вмѣстѣ съ современнымъ Алексѣю Михаиловичу печатнымъ экземпляромъ Уложенія, съ которымъ онъ хранился тамъ въ особомъ желѣзномъ сундукѣ, и сличая этотъ печатный экземпляръ Уложенія съ позднѣйшимъ изданіемъ его 1737 года—усмотрѣлъ варіанты въ содержаніи нѣкоторыхъ статей обоихъ изданій. Затѣмъ, въ новѣйшее время, имен-

но въ 1850 г., г. Забѣлинъ напечаталъ въ приложеніи къ своей статьѣ „Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи ц. Алексѣя Михаиловича“ (¹) списокъ усмотрѣнныхъ Миллеромъ варіантовъ, подъ заглавіемъ: „Варіанты печатнаго Уложенія изданій 7157 и 1737 г.“ Сличая въ послѣднее время листъ за листомъ первые два изданія Уложенія XVII-го вѣка (которыя обыкновенно, какъ мы видѣли, принимаютъ ошибочно за одно)—мы пришли къ выводу, что указанными варіантами различаются именно эти два первыя изданія памятника, оба выпущенныя при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, причемъ второе изъ этихъ изданій — тожественно по тексту, какъ съ изданіемъ 1737 г., такъ и со всѣми послѣдующими. Такимъ образомъ, если мы сличимъ съ изданіемъ 1737 г. и послѣдующими—первое изданіе временъ Алексѣя Михаиловича, мы увидимъ эти варіанты; если же мы сличимъ съ ними второе изданіе Уложенія временъ Алексѣя Михаиловича (внѣшнія отличія котораго отъ перваго выше указаны нами)—мы не найдемъ никакой разницы въ текстѣ. Слѣдовательно различія текста изданія XVII-го вѣка и 1737 г., указанное Миллеромъ,—коренится въ различіи текста двухъ первыхъ изданій временъ царя Алексѣя; Миллеру попался въ руки экземпляръ именно перваго изданія XVII-го вѣка—и вотъ источникъ заблужденія Забѣлина, повторившаго выводъ Миллера и заявившаго о различіи въ текстѣ изданій Уложенія *1649* и 1737 годовъ: Забѣлину было неизвѣстно различіе обоихъ изданій XVII-го вѣка.

(¹) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній Калачова, кн. 1-я (Спб. 1850).

Укажемъ варіанты въ текстѣ двухъ первыхъ изданій Уложенія, отпечатанныхъ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ:

а) Во второмъ изданіи, на оборотѣ 64-го полулиста, въ концѣ втораго отрывка, стоятъ слова: *„а съ тое книги напечатана сія книга“*. Въ первомъ изданіи этихъ словъ нѣтъ.

в) Въ первомъ изданіи, въ 25 статьѣ X-ой главы (оборотъ 100-го листа), при исчисленіи дней въ году, въ которые запрещается сидѣть въ приказахъ, находится много прибавленій сравнительно со вторымъ изданіемъ часто не имѣющихъ логической связи съ общимъ содержаніемъ этой статьи; выписывая текстъ этихъ опредѣленій, мы отмѣчаемъ курсивомъ всѣ прибавленія, исключенныя во второмъ изданіи:

„Въ день Рожества Христова *съ предпразднествомъ*“.

„Въ день святаго Богоявленія *съ предпразднествомъ*, и въ иные *Владычныя и* въ Господскіе праздники“.

„Сырная недѣля *вся въ чистотѣ*“.

„Первая недѣля великого поста *отнюдъ не пити*“.

„Страстная недѣля *такожъ; а въ четвертокъ великій въ баняхъ не париться*“.

„Седмь дней по Пасцѣ“.

„Да въ Вознесеніевъ день банъ не топити жъ, и на Усѣкновеніе и Рожество Іоанна Предтечи на игрища не ходить“.

„Да въ который день приспѣетъ праздникъ день рожденія государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Русіи, и его благовѣрныя царицы и великія княгини Маріи Ильичны и ихъ благородныхъ чадъ. *Да въ Петровъ постъ во многихъ городѣхъ, заговѣвъ, въ пер-*

вой понедѣльникъ бѣсятся и играютъ,—и то искоренить проклятое дѣло".

c) Въ 28-й статьѣ X-ой главы (оборотъ 101-го листа) въ первомъ изданіи напечатано: „и за митрополичье, и за архіепископле безчестье....“; во второмъ изданіи: „и за митрополичье, и за архіепископле *и за епископле* безчестье....“.

d) Въ 30-й, 83-й, 91-й и 158-й статьяхъ X-ой главы (листы 101 об., 107, 108 об. и 133 об.), при исчисленіи размѣра платы за безчестье, въ имѣвшемся у насъ подъ руками экземплярѣ *перваго изданія*—гости поставлены ниже всѣхъ другихъ чиновъ; *во второмъ* же изданіи гости поименованы выше, между Московскими дворянами и дьяками [1].

e) Въ 5-й статьѣ XIV-й главы (оборотъ 184 листа) во второмъ изданіи находится слѣдующая, отмѣченная ниже курсивомъ, прибавка сравнительно съ первымъ изданіемъ:

---

[1] Это измѣненіе объясняется тѣмъ, что въ 1649 г. гости били челомъ государю на дьяковъ Г. Леонтьева и Θ. Грибоѣдова въ томъ что они, желая «ихъ гостей затѣснить», написали ихъ чинъ въ Уложенной книгѣ ниже всѣхъ другихъ чиновъ. Въ результатѣ этого челобитья явилось то, что дьяку печатнаго двора, Мих. Ерофѣеву, велѣно было перепечатать соотвѣтствующіе листы Уложенія, поставивъ при этомъ чинъ гостей выше дьяковъ. Впрочемъ нѣкоторые экземпляры Уложенія перваго изданія успѣли выйти въ свѣтъ до этой перепечатки: таковъ экземпляръ, которымъ я пользовался при настоящей работѣ, принадлежащій Д. А. Корсакову. Такимъ образомъ должны существовать экземпляры *перваго* изданія Уложенія, въ которыхъ тѣмъ не менѣе чинъ гостей поставленъ выше чина дьяковъ, т. е. перепечатаны листы 101, 107, 108 и 133-й (см. П. С. З. № 247; Иванова: Опис. Госуд. Разр. Архива, стр. 345). Слѣдовательно этотъ варіантъ не можетъ еще быть рѣшающимъ для опредѣленія перваго изданія Уложенія.

"...и учнетъ бити челомъ, чтобъ ему съ чужеземцомъ въ вѣре дати жеребей *кому крестъ цѣловать*, и имъ въ томъ дати жеребей...".

f) Въ 10-й статьѣ XIV-ой главы, въ обоихъ изданіяхъ, замѣчаются слѣдующіе варіанты:

Первое:

«А въ правилѣхъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ про крестное цѣлованіе написано»:

«А будетъ крестьянинъ крестьянина напрасно приведетъ къ крестному цѣлованію и велитъ крестъ поцѣловати, и онъ крестъ поцѣлуетъ на томъ, что онъ правъ, и такимъ въ церковь Божію не входити, и въ домы ихъ попомъ не приходити и свята у нихъ не говорити и свѣщи и просвиры и на молебенъ и на литургію приносу у нихъ не пріимати».

«А будетъ вельможа.... и ихъ потому же попомъ въ церковь Божію не пущати».

«А кто крестъ поцѣлуетъ на кривѣ, и тому тридесять лѣтъ епитемьи, къ церкви не приходити, и приносу отъ нихъ попомъ не пріимати, ни въ домъ къ нимъ не приходити и молитвы имъ не давати».

Второе:

«А въ правилѣхъ Святыхъ Отецъ про крестное цѣлованіе написано»:

«А будетъ крестьянинъ крестьянина напрасно приведетъ къ крестному цѣлованію и велитъ крестъ поцѣловати, и онъ крестъ поцѣлуетъ на томъ, что онъ правъ, и таковаго, по нужди кленьшагося, Великій Василій на шесть лѣтъ запрещенію подлагаетъ, сирѣчь отъ церкве отлучаетъ, по осмь есятъ второму правилу своему».

«А будетъ вельможа.... и таковыхъ священникомъ въ церковь Божію не пущати».

«А кто крестъ поцѣлуетъ на кривѣ (*на поляхъ припечатано:* клянется во лжю), и тому Великій Василій, въ шестьдесятъ четвертомъ своемъ правилѣ, полагаетъ запрещеніе на десять лѣтъ, два лѣта да плачется, три лѣта да послушаетъ Божественныхъ писаній, четыре лѣта да припадаетъ и едино лѣто да стоитъ съ вѣрными и потомъ Божественнаго Причащенія причастится».

О томъ же царя Льва Премудраго (*на поляхъ припечатано:* Матѳ. составъ 5 листъ 114) новая заповѣдь 72-я повелѣваетъ клянущемуся во лжи языкъ урѣзати, аще послѣ обличенъ будетъ».

«А кто проситъ покаянія, и попъ ему заповѣдаетъ тридесять лѣтъ сухо ясти; въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятокъ единою днемъ хлѣбъ съ укропомъ, во вторникъ въ четвертокъ дважды днемъ съ варивомъ безъ масла, а дары ему дати при смерти по нужди.

И того подобаетъ отцемъ духовнымъ дѣтей своихъ духовныхъ поучати»...

«... и отъ недугъ всяческихъ исцѣлевается; не съ вѣрою же и не истиннѣ, но на лжѣ цѣлуяй крестъ, и той убо лжи общникъ есть и не исцѣльно враждаетъ себѣ»...

«А которые люди къ кому приставятъ не въ большихъ искѣхъ меньши рубля, и тѣмъ давати въ иску ихъ жеребей»...

«А кто учнетъ искати рубля, и въ томъ иску давати крестное цѣлованіе».

А кто покаянія проситъ, и попъ дастъ ему заповѣдь, на та лѣта, въ понедѣльникъ въ среду и въ пятокъ единою днемъ ясти хлѣбъ съ укропомъ, во вторникъ же и въ четвертокъ дважды съ варивомъ безъ масла.

«... и отъ недугъ всяческихъ исцѣливаетъ; а невѣрою и не истиннѣ на лжи цѣлуяй крестъ, и той бо лжи обѣщникъ есть и не исцѣльно враждаетъ себѣ»...

«А которые люди къ кому приставятъ не въ большихъ искѣхъ въ рублѣ или меньши рубля, и тѣмъ давати въ иску ихъ жеребей».

«А кто учнетъ искати болши рубля, и въ томъ иску давати крестное цѣлованіе».

Таковы внѣшнія и матеріальныя различія между обоими изданіями Уложенія эпохи царя Алексѣя Михаиловича, которыя принимаютъ обыкновенно за одно изданіе. Замѣтимъ здѣсь между прочимъ одну особенность, общую обоимъ изданіямъ XVII-го вѣка: въ экземплярахъ этихъ двухъ изданій нѣтъ 65-го листа; на оборотѣ 64-го листа кончается предисловіе, а непосредственно за нимъ, на лицевой сторонѣ 66-го листа—начинается первая глава Уложенія.

Что касается вопроса о промежуткѣ времени, раздѣлявшемъ выходъ въ свѣтъ обоихъ изданій Уложенія временъ царя Алексѣя Михаиловича,—то слѣдуетъ замѣтить, что онъ не могъ быть продолжителенъ, не болѣе 3—5 лѣтъ. На это указываетъ сличеніе обоихъ изданій: въ обоихъ най-

демъ мы одну и ту же бумагу, тотъ же самый шрифтъ, во многихъ мѣстахъ тѣже самыя заставки и красныя буквы (наприм. начало главы XX-й). На это указываетъ намъ и отсутствіе выхода у втораго изданія,—ясно, что издатели желали сами пріурочить его къ первому изданію. Сохранена вездѣ таже самая нумерація листовъ, сохраненъ даже пропускъ 65-го листа, сохраненъ по возможности одинъ и тотъ же шрифтъ, вообще, за исключеніемъ указанныхъ выше поправокъ и измѣненій текста—приняты всѣ мѣры для возможнаго замаскированія втораго изданія; что цѣль эта была достигнута удовлетворительна,—на это указываетъ намъ уже то, что до сихъ поръ развѣ только самые рьяные библіофилы знали о существованіи *двухъ первыхъ* изданій Уложенія.

Что касается наконецъ вопроса о причинахъ появленія втораго изданія—то мы врядъ ли ошибемся, поставивъ его въ связи съ горячею дѣятельностью патріарха Никона въ дѣлѣ исправленія книгъ. Если такъ, то время выхода втораго изданія должно быть отнесено къ промежутку времени отъ 1652 г. (принятіе Никономъ патріаршества) до 1658 г. (разрывъ между царемъ и патріархомъ). Извѣстно, что новый законодательный памятникъ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе Никона и всего духовенства нѣкоторыми мѣрами, предпринятыми къ ограниченію привиллегій послѣдняго. Въ своихъ отвѣтахъ Стрѣшневу и Паисію, бывшій патріархъ рѣзко высказываетъ всю свою желчь противъ Уложенія, называя его опредѣленія „ложнымъ и проклятымъ списаніемъ“, „дьявольскимъ закономъ“, „беззаконной книгой“ и т. п., не щадя и князя Одоевскаго, котораго онъ называетъ „лжи предтечею“, „списателемъ неправ-

ды и беззаконія", „богопротивникомъ", „богоборцемъ и истиноборцевъ", „разорителемъ Евангельскихъ заповѣдей", „попирателемъ православной вѣры" и надѣляетъ т. п. нелестными эпитетами (¹). Затѣмъ, въ письмѣ своемъ къ цареградскому патріарху (1666 г.), Никонъ говоритъ объ Уложеніи, что въ немъ „все ложно, св. Апостолъ и св. Отецъ правиломъ и прежнихъ греческихъ царей закономъ противно и о святой церкви и о священномъ чину... и ина многа пребеззаконнія, елика суть въ той книгѣ писана, не возмогохъ писати множества ради". Поэтому не удивительно что, взойдя на патріаршій престолъ, Никонъ употреблялъ все свое вліяніе на то, что бы убѣдить царя отмѣнить силу Уложенія. „И о сей проклятой книгѣ многажды глаголахомъ царскому величеству, чтобъ искоренить ее—пишетъ далѣе Никонъ цареградскому патріарху—и да держитъ Божественныя и св. Евангелія заповѣди и св. Апостолъ и св. Отецъ правила и древнихъ благочестивыхъ царей законы". (²) Не смотря на дружбу патріарха съ царемъ—ему не удалось склонить послѣдняго къ „искорененію" Уложенія и даже къ уничтоженію Монастырскаго приказа; впрочемъ царь сдѣлалъ любимцу своему одну уступку: въ 1654 г. разосланы были воеводамъ выписки изъ Кормчей книги въ дополненіе къ уголовнымъ законамъ Уложенія (³). Сдѣлалъ онъ ему быть можетъ и другую уступку: дозволилъ перепечатать Уложеніе съ нѣко-

---

(¹) Записки отдѣленія рус. и слав. археологіи Императ. Рус. Арх. Общества, т. II., стр. 423—498.

(²) Записки Отдѣл. рус. и слав. археологіи, т. II, стр. 518—519.

(³) См. мою «Исторію права Москов. государства», т. I. (Каз. 1877), стр. 129.

торыми исправленіями первоначальнаго текста. Таково вѣроятное происхожденіе двухъ первыхъ изданій Уложенія и замѣчаемыхъ въ нихъ варіантовъ текста.

Можно впрочемъ допустить и другое объясненіе причины появленія двухъ первыхъ изданій Уложенія, съ усматриваемыми въ нихъ варіантами текста. Это объясненіе, какъ сейчасъ увидимъ, строится нами на предположеніи умышленной порчи текста уложеннаго столбца при первоначальномъ печатаніи Уложенія. Извѣстно, что изданіе Уложенія и сдѣланныя вступленіемъ его въ обязательную силу гражданскія преобразованія—возбудили сильное неудовольствіе въ извѣстной части населенія; по архивнымъ свѣдѣніямъ Соловецкаго монастыря видно, что бояринъ и дворецкій князь Алексѣй Михаиловичъ Львовъ и съ нимъ до 150 другихъ лицъ—были заточены здѣсь, какъ за недовольство гражданскими преобразованіями, такъ и церковнымъ исправленіемъ книгъ (¹). Извѣстно также, что тотъ же бояринъ князь А. М. Львовъ, состоя во время патріаршества Іосифа, а слѣдовательно и въ эпоху составленія Уложенія завѣдующимъ Печатнымъ дворомъ, будучи ревностнымъ адептомъ начинающагося раскола—умышленно допускалъ ложныя вставки и прибавленія въ печатавшіяся у него книги (²). Возникаетъ теперь вопросъ: не умышленно ли иска-

---

(¹) *Муравьевъ*: Расколъ, обличаемый своею исторію (Спб. 1854), стр. 93; *Щаповъ*: Земскій соборъ 1648—1649 г. (Отеч. Зап. 1862 г. № 11, стр. 6).

(²) Муравьевъ: Расколъ и пр., стр. 40—41 и 64. Извѣстно, что кн. Львовъ и сосланныя съ нимъ лица, разжигая страсти противъ исправленныхъ книгъ—подготовили знаменитый раскольничій Соловецкій бунтъ. По послужнымъ спискамъ (Древ. Росс. Вивліоѳика, т. XX, втор. изд.) кн. Львовъ отставленъ въ 1652 году.

женъ при печатаніи, съ вѣдома князя Львова, первоначальный текстъ уложеннаго столбца, вслѣдствіе чего и оказалось необходимымъ приступить уже вскорѣ ко второму исправленному изданію, а для того чтобы не возбудить по этому поводу толковъ, замаскировать это послѣднее? На этотъ весьма интересный вопросъ можетъ дать отвѣтъ лишь тщательное сличеніе текста подлиннаго уложеннаго столбца съ текстами двухъ первыхъ изданій. Если онъ окажется одинаковымъ съ первымъ неисправленнымъ изданіемъ—съ памяти кн. Львова должно быть снято подозрѣніе въ подлогѣ и исправленіе первоначальнаго текста явится дѣломъ патріарха Никона; если же текстъ столбца окажется тожественнымъ со вторымъ исправленнымъ изданіемъ—оправдается наша гипотеза объ умышленной порчи первоначальнаго текста при самомъ печатаніи Уложенія.

Любопытно было бы выяснить, на сколько рѣдко встрѣчается неисправленное первое изданіе Уложенія, сравнительно со вторымъ исправленымъ изданіемъ его? Не было ли оно отобрано въ приказахъ и отъ воеводъ, съ замѣною новымъ изданіемъ, вслѣдствіе чего до насъ могли дойти лишь экземпляры, разошедшіеся между частными лицами, да сохраненные раскольниками? Для настоящей работы могли мы имѣть подъ руками лишь три экземпляра такъ называемаго перваго изданія Уложенія, обязательно предоставленные намъ для изслѣдованія профессорами Казанскаго Университета Д. А. Корсаковымъ, Н. А. Кремлевымъ и С. М. Шпилевскимъ, и кромѣ того рукописный экземпляръ Уложенія, письма первой половины прошедшаго столѣтія, принадлежащій проф. С. М. Шпилевскому. Кромѣ того имѣемъ мы свѣдѣнія еще объ одномъ экземплярѣ Уложенія изданія XVII вѣка, при-

надлежащемъ одному изъ казанскихъ букинистовъ; этотъ экземпляръ, по словамъ видѣвшаго его С. М. Шпилевскаго, ничѣмъ не отличается отъ его собственнаго экземпляра. Въ результатѣ нашихъ работъ оказалось, что одинъ лишь экземпляръ Д. А. Корсакова представляетъ собою неисправленный экземпляръ перваго изданія (¹); всѣ же остальные относятся ко второму исправленному изданію. Любопытную особенность представляетъ рукописный экземпляръ С. М. Шпилевскаго: самый текстъ Уложенія представляетъ списокъ съ перваго неисправленнаго изданія, а предисловіе къ нему—со втораго исправленнаго изданія (²).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что и экземпляры самаго перваго изданія (неисправленнаго) должны представлять между

(¹) Въ этомъ экземплярѣ не перепечатаны даже листы 101, 107, 108 и 133, которые были перепечатываемы по челобитью гостей еще въ 1649 году (см. выше примѣчаніе на стр. 75).

(²) Этотъ списокъ невольно заставляетъ задуматься надъ собою. Зачѣмъ было предпринимать этотъ громадный трудъ въ первой половинѣ XVIII-го стол.,—когда за 3 р. 50 к. можно было (см. ниже) пріобрѣсти печатный экземпляръ,—да вдобавокъ еще съ неисправленнаго экземпляра, списавъ вмѣстѣ съ тѣмъ предисловіе съ исправленнаго изданія (здѣсь находятся характерныя для послѣдняго слова: «а съ тое книги напечатана сія книга»)? Не была ли эта рукопись плодомъ труда какого либо раскольника XVIII-го вѣка, ревнителя старыхъ, неисправленныхъ текстовъ? Имя списателя рукописи не указано. На послѣдней бѣлой страницѣ ея находимъ мы лишь слѣдующія приписки: «Сіе уложеніе с печатнымъ чтено слово в слово». Ниже, и затѣмъ на оборотѣ, другимъ почеркомъ и чернилами: «А печатному Уложенію бываетъ цена в Москве, когда бываетъ кто купитъ нибудь, три рубли петдесятъ копеекъ»; «Сіе Уложеніе Чебоксарскаго купца Петра Михайлова сына Арзамасцева, а куплено в городе Свіяжскомъ въ монастыре у діякона Ѳедота Михайлова въ 776 году сентября 20 числа. Подписалъ Петръ Арзамасцевъ своеручно». Было бы не безъинтересно изслѣдовать другіе рукописные списки Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, сличая ихъ съ двумя первыми печатными изданіями его.

собою различіе: въ однихъ экземплярахъ, случайно проскользнувшихъ въ свѣтъ, гости исчислены на листахъ 101 обор., 107, 108 обор. и 133 обор.—ниже всѣхъ прочихъ чиновъ; въ другихъ экземплярахъ эти листы перепечатаны и гости поставлены между Московскими дворянами и дьяками При тщательномъ изслѣдованіи нѣсколькихъ экземпляровъ перваго изданія—окажутся быть можетъ и другія частныя исправленія въ текстѣ его (¹).

Въ заключеніе еще разъ позволю себѣ высказать мое убѣжденіе относительно необходимости новаго, кореннаго пересмотра вопроса о составленіи и изданіи Уложенія царя Алексѣя Михаиловича. Рѣшеніе этого вопроса нужно искать уже не въ изданныхъ печатныхъ источникахъ,—но въ архивныхъ матеріалахъ, которыми такъ богата наша первопрестольная столица. Не слѣдуетъ изъ ложнаго и вреднаго для интересовъ науки самолюбія—оставлять вопроса открытымъ, слѣпо отстаивая разъ высказанныя неправильныя, по собственному убѣжденію изслѣдователя, мысли; приступая къ настоящему изслѣдованію, и я долженъ былъ, хотя и не безъ нѣкотораго ущерба для своего самолюбія, взять назадъ многое изъ того, что было высказано мною по

(¹) Экземпляръ перваго изданія Д. А. Корсакова, при его разсмотрѣніи, именно наводитъ на мысль о перемѣнѣ и вставкѣ въ него нѣкоторыхъ листовъ послѣ окончанія печатанія. Такъ напр. на 64 листѣ наборъ какъ бы искусственно подогнанъ для окончанія предисловія на его оборотѣ (слѣдущаго 65-го листа не имѣется въ обоихъ изданіяхъ); бумага и наборъ 91 и 92 листовъ рѣзко отличаются отъ предъидущихъ и послѣдующхъ; на послѣднихъ двухъ листахъ нѣтъ нумераціи ихъ, которая приписана уже чернилами. Но само собою разумѣется, что было бы слишкомъ смѣло дѣлать какіе либо выводы, основываясь на одномъ экземплярѣ.

отношенію къ исторіи Уложенія всего два года назадъ, въ первомъ томѣ моей „Исторіи права Московскаго государства“.

Не знаю, Мм. Гг., могла ли поселить въ Васъ моя рѣчь хотя небольшой интересъ къ затронутымъ въ ней вопросамъ. Но если мой малый трудъ и высказанныя въ немъ соображенія дадутъ возможность будущему изслѣдователю сдѣлать хотя одинъ шагъ впередъ въ дѣлѣ изученія важнѣйшаго памятника исторіи отечественнаго законодательства — я буду счастливъ сознаніемъ, что трудъ мой былъ не безплоденъ, не смотря на всю неполноту и недостатки его.

ОТДѢЛЪ

МЕДИЦИНСКИХЪ НАУКЪ.

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
КАЗАНСКОЙ ОКРУЖНОЙ ЛЕЧЕБНИЦЫ
ВО ИМЯ
БОЖІЕЙ МАТЕРИ ВСѢХЪ СКОРБЯЩИХЪ.
(1869—1879).

ВВЕДЕНІЕ.

Всякое лечебное заведеніе, независимо отъ рода болѣзней, подвергаемыхъ въ немъ леченію, составляетъ собой болѣе или менѣе сложный организмъ. Дѣйствіе этого организма приводится къ различнымъ условіямъ. Успѣшная дѣятельность лечебнаго заведенія получается лишь тогда, когда всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ, которыя ставитъ раціональному леченію современная наука.

Не говоря о мелочныхъ причинахъ, могущихъ задерживать общій ходъ дѣла или способствовать ему въ большей или меньшей степени, я остановлю вниманіе читателя лишь на главныхъ данныхъ, на которыхъ опирается успѣшная дѣятельность лечебнаго заведенія.

1) Первое мѣсто занимаетъ устройство его, какъ въ вещественномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Осуществлена ли въ архитектурѣ заведенія извѣстная, руководящая мысль? соотвѣтствуютъ ли помѣщенія, назначаемыя для больныхъ, той цѣли, которой должны служить? Обезпеченъ ли успѣшный ходъ службы, какъ врачебной, такъ и хозяйственной на столько, на сколько онъ зависитъ отъ самого устройства заведенія? Предлагаетъ ли заведенный въ лечебномъ заведеніи внутренній порядокъ больнымъ тѣ удобства, на которыя даетъ имъ право болѣзнь, приводящая ихъ въ заведеніе?

2) Успѣхъ даннаго лечебнаго заведенія, ceteris paribus, вполнѣ зависитъ отъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, находящихся въ его распоряженіи. Начиная съ врачей и кончая послѣднимъ сторожемъ, на долю котораго выпадаетъ охрана заведенія отъ внѣшнихъ безпокойствъ, весь личный составъ лечебнаго заведенія, обусловливаетъ собой ходъ дѣла. Въ теснѣйшей связи съ распредѣленіемъ личнаго состава находится способъ управленія заведеніемъ. Способствуетъ ли онъ свободному развитію дѣла или же стѣсняетъ его излишними формальностями? Пользуется ли управленіе лечебницей авторитетомъ и самостоятельностью на столько, чтобы во всякое время и во всѣхъ случаяхъ обезпечить своими распоряженіями правильный ходъ дѣла?

3) Матеріальныя средства существенно опредѣляютъ собой дѣятельность заведенія. Само собой разумѣется, что ограниченіе этихъ средствъ неминуемо влечетъ за собой болѣе или менѣе значительное затрудненіе въ удовлетвореніи потребностей, признаваемыхъ наукою необходимыми.

4) Наконецъ каковы отношенія общества къ заведенію? Умѣетъ ли общество пользоваться имъ въ то время и въ такой мѣрѣ, какъ это необходимо? Въ самомъ дѣлѣ, на что намъ великолѣпно устроенная лечебница, если мы къ ней не прибѣгаемъ, или желаемъ помѣстить въ ней не тѣхъ больныхъ, для которыхъ она назначена?...

Приступая къ отчету за первое десятилѣтіе (съ 1-го іюля 1869 года по 1-е іюля 1879 года) дѣятельности Казанской Окружной Лечебницы, я не могу не предпослать нѣсколько словъ о тѣхъ болѣзняхъ, леченію которыхъ посвящена она.

Что такое душевное разстройство? Чѣмъ оно проявляется? Какого леченія требуетъ оно? Вотъ вопросы, безъ выясненія которыхъ едва ли возможно составить себѣ точное понятіе о дѣятельности нашей Лечебницы.

Душевное разстройство (помѣшательство, съумашествіе) занимаетъ въ числѣ болѣзней, поражающихъ человѣка, нѣсколько исключительное положеніе. Не смотря на древнее происхожденіе свое ([1]), душевное разстройство по настоя-

---

([1]) Первые слѣды душевнаго разстройства, дошедшіе до насъ, находятся въ литературныхъ памятникахъ древнихъ Индусовъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ, у древнихъ классиковъ.

щее время составляетъ предметъ обильныхъ предразсудковъ и ложнаго толкованія со стороны общества. Даже образованные люди чрезвычайно рѣдко смотрятъ на помѣшательство съ точки зрѣнія, установленной наукою.

Душевное разстройство есто ничто иное, какъ болѣе или менѣе сложный рядъ болѣзненныхъ явленій, служащихъ признакомъ того, что въ нашемъ организмѣ совершается патологическій процессъ. Не выяснивъ себѣ достаточно этаго главнаго положенія современной науки, большая часть людей,—вовсе не думая о болѣзни, относитъ къ *нравственной сферѣ* тѣ явленія, которыми обнаруживается ненормальная душевная дѣятельность. По какому то странному и вмѣстѣ съ тѣмъ упорному недоумѣнію скорѣе соглашаются признать человѣка *нравственно-испорченнымъ*, чѣмъ душевно-больнымъ, считая душевное разстройство клеймомъ безчестія и позора. Правильное пониманіе, однако, явленій помѣшательства безусловно необходимо всякому, кто желаетъ добра своимъ больнымъ, потому собственно, что, предпринимаемыя для возстановленія ихъ здоровья мѣры непосредственно опредѣляются тѣмъ взглядомъ, съ которымъ мы встрѣчаемъ возникающее душевное разстройство.

Душевныя болѣзни были извѣстны уже въ глубокой древности, но весьма долгое время не признавали ихъ за болѣзненное состояніе. Неумѣя себѣ объяснить въ высшей степени странные и загадочные, на первый взглядъ, признаки помѣшательства, приписывали его не посредственному вліянію божества. Если душевное разстройство являлось съ самаго рожденія (безуміе) или въ видѣ тихаго, кроткаго помѣшательства, то больныхъ считали любимцами боговъ и оказывали имъ особыя почести. Если же оно сопровождалось буйнымъ бредомъ или припадками неистовства, то видѣли въ немъ наказаніе свыше и старались жертвоприношеніями умилостивить разгнѣванное божество.

Первые слѣды научнаго изученія душевныхъ болѣзней должно отнести къ V. столѣтію по Р. X. Греческіе врачи (Гиппократъ и его послѣдователи) поняли, что душевное разстройство есть ничто иное, какъ болѣзненное состояніе. Но, не обладая достаточными свѣдѣніями объ устройствѣ нашего организма, они не могли вѣрно опредѣлить ни происхожденія, ни существеннаго значенія этой болѣзни.

Воззрѣнія, разработанныя Греческой медициной, не долго удержались. Въ средніе вѣка почти все было утрачено, что намъ дала древняя культура. Подъ вліяніемъ общаго застоя и совершеннаго упадка научныхъ стремленій, во всей Европѣ господствовало одно лишь суевѣріе и невѣжество. Душевныя болѣзни безусловно относили къ нечистымъ силамъ, и несчастныхъ помѣшанныхъ гнали, преслѣдовали, казнили.

Съ возрожденіемъ наукъ въ XVI и XVII вѣкахъ, правда, и на душевныя болѣзни вновь обращено было вниманіе врачей, но для самихъ больныхъ не находили другаго мѣста, кромѣ остроговъ и тюремъ, гдѣ ихъ держали на цѣпяхъ, рядомъ съ преступниками.

Только въ началѣ текущаго столѣтія бытъ умалишенныхъ сталъ улучшаться.

Пинель въ Парижѣ доказалъ, что помѣшательство ничто иное, какъ болѣзнь и что помѣшанный—не злодѣй, но человѣкъ больной, вполнѣ достойный нашего состраданія и сочувствія. Эскироль довершилъ начатое Пинелемъ, его учителемъ, дѣло преобразованія быта умалишенныхъ. Остроги, гдѣ помѣщались душевно-больные, обращены были въ больничныя заведенія; построены были вновь особыя цѣлесообразныя лечебницы. По мѣрѣ возрастающаго наблюденія и научнаго опыта, ученіе о душевныхъ болѣзняхъ далеко двинулось впередъ.

Было время, когда всякую болѣзнь относили къ какому—то загадочному постороннему существу, вступающему въ борьбу съ здоровьемъ. Исходъ болѣзни зависѣлъ отъ того, кто возьметъ верхъ. Если преодолѣвало здоровье, то слѣдовало выздоровленіе; если же сильнѣе оказывалась болѣзнь, то наступала смерть.

Нынѣ подобное олицетвореніе явленій природы совершенно устранено. Современная медицина признаетъ болѣзнь лишь проявленіемъ жизненныхъ отправленій организма *при измѣненныхъ условіяхъ*, и потому исходъ болѣзни исключительно зависитъ отъ того, на сколько послѣднія опять могутъ быть приведены въ нормальное состояніе. Называя душевное разстройство болѣзнью, мы конечно, должны цѣликомъ примѣнить къ нему то понятіе, которое составила себѣ наука о болѣзни вообще. И въ самомъ дѣлѣ душевное

разстройство, это ничто иное, какъ своеобразная форма жизненныхъ явленій, обнаруживающаяся *сознательными* процессами.

Душевное разстройство выражается тѣми же самыми явленіями, которыми обнаруживается душевное здоровье. Разница между душевнымъ здоровьемъ и душевной болѣзнью приводится лишь къ тому, что извѣстные сознательные акты (ощущеніе, представленіе, стремленіе) являются болѣе или менѣе измѣненными, какъ по содержанію своему, такъ и по способу своего происхожденія. Казалось бы, что приступая къ общему опредѣленію душевной болѣзни, слѣдовало бы предварительно выяснить себѣ, что такое душа? человѣческій духъ? Каковы ихъ отношенія къ тѣлу?

Мыслители всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ не отказывались подъискать отвѣтъ на эти вопросы. Но найденъ ли онъ?

Если мы признаемъ отвѣтомъ на данный вопросъ лишь такое рѣшеніе его, которое обязательно для *всѣхъ* и безусловно удовлетворяетъ *всѣхъ*, то должно сказать, что отвѣта на вышеприведенные вопросы еще *не* послѣдовало. Какъ ни настойчиво умозрительная философія старалась мыслить для насъ всѣхъ, въ концѣ концовъ она должна была согласиться съ тѣмъ, что весь матеріалъ, сулящій ей будущее рѣшеніе возникшаго вопроса, доставляется намъ *опытомъ*. Опытъ же по настоящее время не ушелъ дальше установленія общаго факта, состоящаго въ томъ, что всѣ свѣдѣнія, получаемыя о душевной жизни, мы пріобрѣтаемъ исключительно путемъ *собственнаго сознанія*. Самонаблюденіе учитъ насъ, что душевная дѣятельность проявляется въ трехъ формахъ: въ *ощущеніи*, *представленіи* и *стремленіи*. Какъ ни разнообразны наши ощущенія, какъ ни богато раскидываются наши представленія, какъ ни идеально развиваются наши стремленія—всѣ эти душевные акты приводятся къ одному общему знаменателю, въ силу котораго они лишь пріобрѣтаютъ значеніе *психическихъ* явленій. Этотъ общій моментъ—*сознаніе*.

Сознаніе—это способность человѣка подмѣтить, что въ его собственномъ состояніи или въ окружающемъ его мірѣ произошла какая бы то ни было перемѣна. Смотря по свойству этой перемѣны и по отношеніямъ ея къ намъ, сознаніе наше проявляется различнымъ образомъ.

Находясь постоянно подъ вліяніемъ внѣшняго міра и, скажу болѣе, составляя собой частицу этого міра, мы всегда подвергаемся дѣйствію на насъ окружающихъ условій. Одинъ рядъ послѣднихъ дѣйствуетъ на насъ такъ, что мы непосредственно замѣчаемъ перемѣну въ самомъ себѣ, въ своемъ собственномъ состояніи; другой же рядъ окружающихъ насъ условій дѣйствуетъ такъ, что состоявшаяся перемѣна непосредственно относится нами ко внѣшнему міру. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ ощущеніе *общаго* или *внутренняго* чувства; во второмъ—ощущеніе *внѣшнихъ* чувствъ. Всѣ измѣненія внутренняго чувства отличаются тѣмъ, что производятъ на насъ *пріятное* или *непріятное* впечатлѣніе, болѣе или менѣе опредѣленное; мы чувствуемъ себя хорошо или дурно, начиная съ самаго слабаго измѣненія даннаго состоянія и кончая самой рѣзкой, мучительной болью. Такъ напр. уколъ булавки, толчекъ, огонь, дѣйствуя на насъ, производятъ болѣе или менѣе сильныя измѣненія нашего самоощущенія. Мы ясно сознаемъ, что чувствуемъ въ *собственномъ своемъ тѣлѣ* боль, давленіе, жаръ и т. д. Съ другой стороны ощущенія внѣшнихъ чувствъ не только лишены оттѣнка пріятнаго или непріятнаго, но и отличаются крайнимъ своеобразіемъ. Сюда относятся ощущенія зрительныя, слуховыя, обонятельныя, вкусовыя и осязательныя. Во всѣхъ этихъ ощущеніяхъ не имѣется ничего такого, что могло бы быть непосредственно отнесено къ нашему собственному состоянію, тогда какъ въ нашемъ сознаніи рѣзко выдается впередъ *извѣстный предметъ внѣшняго міра*, вызвавшій данное ощущеніе. Такъ напр. озираясь вокругъ себя, мы видимъ дерево, домъ, или слышимъ шумъ, звукъ, пѣніе, или же ощущаемъ запахъ цвѣтка, и въ то же время мы ясно сознаемся въ томъ, что извѣстные предметы, слышанные или видѣнные нами, находятся *внѣ* насъ, при чемъ совершенно уходитъ отъ нашего вниманія то участіе, которое принимаютъ въ этомъ нашиорганы чувствъ. Въ виду приведеннаго различія, ощущенія внутренняго чувства также называются *субъективными или безпредметными*, а ощущенія внѣшнихъ чувствъ—*объективными или предметными*. Ощущеніе внутренняго чувства, какое нибудь пріятное или непріятное впечатлѣніе черезъ нѣсколько времени поминованіи вызывающаго его стимула, совершенно прекращается, оставляя лишь смутное и слабое вос-

поминаніе о томъ, что когда то мы чувствовали что то непріятное или хорошее. Ощущеніе же внѣшнихъ чувствъ, по минованіи дѣйствія на насъ внѣшняго предмета, прекращается *не вполнѣ*; оно оставляетъ болѣе или менѣе опредѣленный слѣдъ, на столько отчетливый, что при повтореніи того же самаго ощущенія, онъ можетъ служить основаніемъ сравненія новаго ощущенія съ предъидущимъ. Сознавая, что данное ощущеніе возникаетъ *не въ первый разъ*, мы *узнаемъ* предметъ, производящій его.

Слѣды ощущеній, остающіеся въ нашемъ сознаніи, въ высшей степени важны для дальнѣйшаго душевнаго развитія, составляя собой источникъ *представленій*. Представленіе изображаетъ собой предметъ, вызвавшій извѣстное ощущеніе, настолько вѣрно и отчетливо, на сколько отчетливо было ощущеніе, произведенное имъ. Въ высшей степени замѣчательно, что и о тѣхъ предметахъ, которые раздражаютъ наше общее чувство, причиняя намъ пріятныя или непріятныя ощущенія (измѣненія самоощущенія), мы получаемъ какія либо свѣдѣнія лишь только путемъ представленій, возникшихъ при впечатлѣніяхъ на органы внѣшнихъ чувствъ. Такъ напр. никогда не видавши и не ощупавши пальцами булавки, мы на основаніи одного только ощущенія боли отъ укола, - не были бы въ состояніи вывести заключеніе о томъ, что уколъ (боль) послѣдовалъ именно отъ дѣйствія на насъ булавки. По мѣрѣ повторенія однихъ и тѣхъ же ощущеній, возникающее изъ нихъ представленіе все болѣе и болѣе выясняется и пополняется. При этомъ представленіе становится тѣмъ полнѣе и богаче содержаніемъ, чѣмъ большее число ощущеній участвовало въ его произведеніи. Такъ напр. представленіе о данномъ предметѣ путемъ однихъ зрительныхъ или слуховыхъ впечатлѣній будетъ бѣднѣе содержаніемъ представленія, пріобрѣтеннаго помощью ощущеній разныхъ органовъ вмѣстѣ. Представленія наши постоянно находятся въ движеніи. Данное представленіе сознается нами лишь не продолжительное время, уходитъ на задній планъ, уступая мѣсто другому; второе же замѣняется третьимъ, за третьимъ слѣдуетъ четвертое и т. д. Тѣмъ не менѣе скрывавшееся представленіе можетъ быть вопроизводимо—мы *вспоминаемъ* его. Не всегда, однако, удается намъ вспомнить желаемое представленіе. Какъ мы ни стараемся припомнить его—оно не идетъ. Представленія наши кажутся какъ бы не собственностью нашей, которою можно распорядиться во всякое время. Ихъ можно

сравнить съ денежнымъ капиталомъ, розданнымъ нами на храненіе до востребованія. Когда понадобится намъ извѣстное представленіе, то мы стараемся припомнить его, но должникъ не отдаетъ долга: представленіе не является. Черезъ нѣсколько времени помимо вторичнаго настоянія съ нашей стороны, самъ должникъ приноситъ долгъ: забытое представленіе пробуждается само собой.

Представленія, исключительно пріобрѣтенныя черезъ посредство ощущеній *внѣшнихъ* чувствъ, даютъ начало *понятіямъ*. Понятіе это ничто иное, какъ болѣе широкое, общее представленіе, возникшее путемъ слiянія однородныхъ примѣтъ цѣлаго ряда предметовъ и выдѣленія всѣхъ частныхъ признаковъ, свойственныхъ лишь одному или нѣсколькимъ предметамъ означеннаго ряда. Различіе представленія отъ понятія приводится къ тому, что первое всегда выражаетъ собой дѣйствительный, существующій въ природѣ предметъ, производившій нѣкогда впечатлѣніе на наши органы чувствъ, тогда какъ понятіе выражаетъ собой лишь общій типъ предметовъ въ природѣ, вовсе не существующій самъ по себѣ, но тѣмъ не менѣе узнаваемый въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ. Наибольшая часть словъ, употребляемыхъ нами, выражаетъ собой не представленія, но понятія. Такъ напр. въ дѣйствительности въ природѣ нѣтъ дерева, въ точномъ смыслѣ этого слова, но есть только разныя деревья: яблоня, сосна, береза, кленъ и проч. Представленія и понятія наши сочетаются между собой извѣстнымъ порядкомъ. Для того, чтобы два представленія вызывали другъ друга, требуется какой нибудь общій имъ обоимъ признакъ, связывающій ихъ между собой, какъ напр. признакъ пространственнаго протяженія, одновременности, созвучія, случайнаго совпаденія и т. д. Сочетаніе нашихъ представленій называется *мышленіемъ*, когда оно идетъ по извѣстному направленію къ впередъ заданной нами себѣ цѣли. Мышленіемъ руководствуетъ *умъ*, когда цѣль его — одно лишь выясненіе даннаго вопроса; въ мышленіи проявляется *разумъ*, когда дѣло идетъ о постановкѣ принциповъ для нашихъ поступковъ. Человѣкъ умный, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ дѣйствовать неразумно; разумный же можетъ быть ограниченнаго ума.

Какъ способъ сочетанія нашихъ представленій, такъ и содержаніе ихъ вызываетъ извѣстныя измѣненія въ сферѣ

внутренняго или общаго чувства. Мы имѣемъ пріятныя и непріятныя мысли. Мы испытываемъ радость и печаль, удовольствіе и недовольство, надежду и отчаяніе; на насъ находитъ скука, мы чувствуемъ расположеніе, досаду, любовь, ненависть, зависть, ревность и т. д. Всѣ эти измѣненія нашего внутренняго чувства, обязанныя своимъ происхожденіемъ нашимъ представленіямъ и понятіямъ, называются *душевными чувствами*. Высшая степень послѣднихъ—это порывы пріятные (возбуждающіе) и не пріятные (угнетающіе).

Какъ ощущенія наши, такъ и представленія, понятія и душевныя чувства составляютъ собой акты совершенно *субъективные*, т. е. непосредственно доступные лишь только сознанію того лица, въ которомъ они происходятъ. Для того, чтобы обнаруживалось данное субъективное душевное состояніе (ощущеніе, мысль, душевное чувство) необходимо *мускульное сокращеніе*. Языкъ, которымъ говоритъ душевная дѣятельность—это *мышечное движеніе*. По лицевымъ движеніямъ (мимикѣ) мы узнаемъ, что данный субъектъ чувствуетъ радость или грусть. Движенія голосоваго аппарата человѣка сообщаютъ намъ о его мысляхъ, сужденіяхъ, воззрѣніяхъ и проч.; наконецъ движенія конечностей и туловища, сочетаясь извѣстнымъ образомъ, составляютъ собой поступки (дѣйствія, дѣянія) и сообщатъ намъ о стремленіяхъ его.

Поступокъ (дѣйствіе, дѣяніе) приписывается *волѣ*. Многіе считаютъ волю за особую самостоятельную душевную способность. Но внимательный разборъ волеваго акта дѣлаетъ въ высшей степени вѣроятнымъ, что воля, вызываемая мотивомъ (непріятнымъ ощущеніемъ, чувствомъ потребности) и руководимая цѣлью (представленіемъ, сознаніемъ того, чего мы желаемъ достигнуть) есть ничто иное, какъ отношеніе душевной дѣятельности (сознанія) къ извѣстнымъ органическимъ аппаратамъ, т. е. къ мускульной системѣ. То общее направленіе, наконецъ, въ которомъ проявляются поступки людей, называется *характеромъ*. Сложившемуся характеру мы приписываемъ нѣкоторое постоянство и устойчивость; мы разсчитываемъ на извѣстные поступки, смотря по характеру человѣка; мы объясняемъ на первый взглядъ загадочныя дѣйствія его характеромъ (привычками, нравомъ).

Мускульная система не есть система самостоятельная. Мышцы сами собой сокращаться не могутъ. По этому если извѣстное душевное явленіе (воля) вызываетъ собой движеніе (мускульное сокращеніе), то необходимо содѣйствіе еще какого нибудь другаго условія, заставляющаго приходить въ сокращеніе мышцу. Условіе это представляетъ нервная система. Мышцы сокращаются лишь тогда, когда предварительно былъ раздраженъ извѣстный нервъ. Опытъ показываетъ, что, перерѣзывая извѣстный нервъ, мы безусловно уничтожаемъ возможность произвольнаго мускульнаго движенія. Перерѣжьте извѣстную нервную вѣточку руки и самая энергическая воля не будетъ въ состояніи шевелить мизинцемъ.

Установивъ, на основаніи неоднократнаго опыта, зависимость проявленія воли отъ извѣстныхъ нервовъ, мы невольно предложимъ себѣ вопросъ, въ какомъ отношеніи къ нервной системѣ находятся остальные душевные акты. И тутъ опытъ подтверждаетъ тоже самое. Перерѣжьте извѣстные нервы и общая чувствительность прекращается. Перерѣзавъ нервную вѣточку руки, вы можете ее жечь, колоть, не чувствуя ни малѣйшей боли. Точно также проявленіе ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ и проч. дѣлается невозможнымъ, какъ только уничтожены извѣстные нервные аппараты (органы внѣшнихъ чувствъ). Наконецъ и представленія наши возникаютъ лишь тогда, когда сохраняется цѣлость извѣстныхъ частей головнаго мозга (корковое вещество).

Приведенные опыты заставляютъ насъ, нервную систему, преимущественно головной мозгъ, признавать органомъ или орудіемъ душевной дѣятельности, т. е. душевная дѣятельность, разсматриваемая съ физіологической точки зрѣнія, принимаетъ форму отправленія головнаго мозга. О томъ, однако, какимъ образомъ по раздраженіи извѣстныхъ нервныхъ элементовъ возникаетъ сознательный актъ ощущенія, представленія или воли, мы ничего не знаемъ и едва ли наше познаніе много подвинетъ впередъ новѣйшая теорія психо-физики (Fechner). По этой теоріи душевная дѣятельность возникаетъ въ насъ вслѣдствіе волнообразнаго молекулярнаго движенія въ нервныхъ элементахъ, тождественнаго съ тѣмъ общимъ движеніемъ во вселенной, которымъ объясняется большая часть физическихъ явленій природы.

Признавъ головной мозгъ органомъ душевной дѣятельности, мы не затрудняемся признать душевное разстройство извѣстнымъ видоизмѣненіемъ ея вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія головнаго мозга. Какъ выше изложено было, душевное разстройство обнаруживается въ сферахъ ощущеній, представленій и стремленій, стало-быть всѣ эти душевные акты болѣе или менѣе рѣзко отличаются отъ тѣхъ же актовъ человѣка здороваго. Измѣненіе душевной дѣятельности, во время душевнаго разстройства, съ одной стороны приводится къ способу возникновенія, а съ другой къ содержанію сознательной жизни.

Въ нормальномъ состояніи человѣка ощущеніе возникаетъ лишь тогда, когда извѣстнымъ внѣшнимъ предметомъ (стимуломъ) раздраженъ былъ извѣстный нервный аппаратъ. Такъ напр. ощущеніе зрительное или слуховое проявляется лишь тогда, когда волнообразное движеніе свѣта или звука передавалось извѣстнымъ нервнымъ аппаратамъ (органамъ зрѣнія или слуха). Ощущеніе боли возникаетъ лишь по раздраженіи чѣмъ бы то ни было чувствительныхъ нервовъ. За тѣмъ данное ощущеніе вызываетъ собой представленіе о внѣшнемъ предметѣ, производившемъ его. Помощью представленій мы опредѣляемъ свойства и примѣты предметовъ, давшихъ начало извѣстнымъ ощущеніямъ.

Ничего не зная о томъ, каковы могли бы быть предметы внѣшняго міра сами по себѣ, т. е. независимо отъ нашихъ ощущеній, мы, путемъ непосредственнаго сужденія и вывода, какъ бы отождествляемъ свои ощущенія съ свойствами внѣшнихъ предметовъ. Такъ напр. мы называемъ извѣстный предметъ твердымъ или блестящимъ. Но что такое твердость или блескъ? Очевидно ничто иное, какъ выраженіе того, что извѣстный предметъ даетъ нашему осязанію или зрѣнію извѣстныя впечатлѣнія. Человѣкъ, лишенный того или другаго органа чувствъ, никогда не дойдетъ до опредѣленія твердости или блеска, присущихъ предметамъ. Самое вѣское подтвержденіе этого положенія представляютъ намъ слѣпорожденные и глухонѣмые. Первые не имѣютъ понятія о свѣтѣ, послѣдніе ни чего не знаютъ о звукѣ. Всѣ явленія внѣшняго міра, о которыхъ мы получаемъ свѣдѣнія черезъ посредство зрительныхъ ощущеній, совершенно не существуютъ для слѣпорожденнаго; точно также всѣ звуковыя впечатлѣнія (голосъ, рѣчь, пѣніе) безусловно недоступ-

ны глухонѣмому. Первый ходитъ въ глубокомъ мракѣ, послѣдняго же окружаетъ непрерывная тишина. Ясно, что воззрѣніе на природу того и другаго въ значительной степени должно расходиться съ нашимъ взглядомъ. Ни тому, ни другому внѣшній міръ не является таковымъ, каковымъ является онъ намъ, но въ тоже время онъ всѣмъ является таковымъ, каковымъ мы ощущаемъ его. Въ виду приведенныхъ фактовъ, ясно, что сознаніе наше *опредѣляется* внѣшнимъ міромъ, воспринимая данныя имъ впечатлѣнія и, наоборотъ, внѣшній міръ *опредѣляется* нашимъ сознаніемъ, принимая тѣ свойства и примѣты, которыя придаетъ ему наше ощущеніе. Отношеніе, установленное между нами и окружающимъ насъ внѣшнимъ міромъ, я называю *логическимъ отношеніемъ человѣка* къ данной обстановкѣ. Выраженіе это должно лишь указать на общій законъ *взаимной зависимости* нашего сознанія отъ природы и, наоборотъ, природы, насколько она доступна нашему пониманію, отъ нашего сознанія.

Обращаясь теперь къ вопросу: что такое душевное разстройство? Мы получаемъ ясный и краткій отвѣтъ. Душевное разстройство ни что иное, какъ *нарушеніе логическаго отношенія* къ внѣшнему міру вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія головнаго мозга.

Головной мозгъ устроенъ такъ, что приходя какимъ бы то ни было путемъ въ раздраженное состояніе (извѣстное волнообразное движеніе нервныхъ элементовъ), всегда даетъ начало тому душевному явленію, котораго органомъ служитъ раздражаемая часть его, (законъ специфической энергіи). И вотъ вслѣдствіе болѣзненнаго процесса въ головномъ мозгу возникаютъ ощущенія, безъ всякаго участія внѣшняго міра. Подъ вліяніемъ „самобытнаго раздраженія" головнаго мозга (spontane Erregung) больной перечувствуетъ рядъ своеобразныхъ ощущеній, не имѣющихъ никакой связи съ окружающими его условіями. Сущность душевнаго разстройства, говоритъ Гризингеръ, состоитъ въ томъ, что извѣстное состояніе человѣческаго мозга вызываетъ собой настроенія, чувствованія, порывы, сужденія и стремленія *извнутри*, вслѣдствіе болѣзненныхъ условій, тогда какъ въ нормальномъ состояніи наши порывы, сужденія и стремленія проявляются лишь только вслѣдствіи внѣшнихъ причинъ и по-

тому сохраняютъ извѣстное гармоническое отношеніе ко внѣшнему міру. Такъ напр. никто не признаетъ больнымъ того, кто потерпѣвъ большую потерю, становится грустнымъ и печальнымъ, или того, кто, достигнувъ давно желаннаго, проявляетъ шумную радость. Напротивъ того, по всей справедливости, считаютъ душевно-больнымъ того, кто безъ всякаго внѣшняго повода предается глубокой грусти или необузданной веселости. Подъ вліяніемъ болѣзненнаго состоянія головнаго мозга (самобытнаго раздраженія его) у больнаго возникаютъ ложныя зрительныя и слуховыя ощущенія: онъ видитъ предметы вовсе не существующіе или же существующіе въ иномъ видѣ, онъ слышитъ голоса, звуки, опредѣленный шумъ, грохотъ тамъ, гдѣ во все не раздается ничего подобнаго,—словомъ, больной имѣетъ галлюцинаціи и иллюзіи.

Нерѣдко намъ говорятъ, что галлюцинаціи и иллюзіи вовсе не суть дѣйствительныя ощущенія, что больной лишь воображаетъ себѣ слышанное и видѣнное имъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не видѣлъ и не слыхалъ; что уносясь игрой своихъ представленій, онъ придумываетъ свои странныя ощущенія и на нихъ лишь только и настаиваетъ по капризу или упорству характера.....

Физіологія, однако, не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что больной, подвергаясь галлюцинаціямъ и иллюзіямъ, имѣетъ реальныя дѣйствительныя ощущенія потому собственно, что дѣйствительно и реально, хотя болѣзненнымъ путемъ, у него раздражаются извѣстные нервные аппараты. По временамъ подвергаются галлюцинаціямъ и иллюзіямъ и лица вовсе не душевно-больныя. Опытъ этихъ лицъ вполнѣ подтверждаетъ тождество ощущеній нормальныхъ и ложныхъ. Галлюцинаціи и иллюзіи ложны не по отношенію къ реальности ихъ, но лишь только по отношенію къ ихъ происхожденію. Человѣкъ, душевно-здоровый, одержимый галлюцинаціей (т. е. ощущеніемъ, возникшимъ въ немъ отъ болѣзненнаго раздраженія извѣстныхъ нервныхъ элементовъ головнаго мозга безъ всякаго участія внѣшняго предмета) признаетъ свое ощущеніе за произведеніе болѣзненнаго состоянія и потому вполнѣ *сохраняетъ* логическое отношеніе къ внѣшнему міру. Напротивъ того, душевно-больной, подвергаясь ложному ощущенію, относитъ его къ окружающему его міру и признаетъ дѣйствительно существующими тѣ предметы, которымъ приписываетъ свое

ощущеніе, и конечно, поступая такимъ образомъ, *нарушаетъ* логическое отношеніе къ данной обстановкѣ. Онъ нарушаетъ законъ взаимной зависимости, установленной между его сознаніемъ и внѣшнимъ міромъ, ставитъ свое ощущеніе въ зависимость отъ послѣдняго, тогда какъ оно возникло въ немъ непосредственно и безъ его участія.

Пусть читатель вообразитъ себѣ, что смотритъ чрезъ красное стекло, не зная, однако, что стекло окрашено. Всѣ предметы, конечно, ему будутъ представляться въ красномъ свѣтѣ: онъ будетъ вполнѣ увѣренъ, что отъ какого бы то ни было вліянія дѣйствительно измѣнены предметы, видѣнные имъ. На всѣхъ, кто бы сказалъ ему, что онъ ошибается, что предметы вовсе не окрашены, а кажутся ему только въ иномъ свѣтѣ, онъ сталъ бы смотрѣть съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ. Ему покажется непонятнымъ, какъ можно отрицать то, что онъ видитъ *собственными* глазами. Онъ будетъ склоненъ приписывать какія нибудь личныя цѣли всѣмъ, кто оспариваетъ истину его впечатлѣній...

Помѣшанный вполнѣ подходитъ подъ приведенный примѣръ. Онъ въ самомъ дѣлѣ, смотритъ на окружающій міръ (предметовъ, отношеній, людей) чрезъ окрашенное стекло. Болѣзненное раздраженіе его головнаго мозга—вотъ органическая призма, придающая всѣмъ впечатлѣніямъ его особый оттѣнокъ и новый колоритъ, несогласные съ объективной дѣйствительностью. Помѣшанному все кажется *измѣненнымъ* потому, что измѣнился *онъ самъ*. Вслѣдствіе своего собственнаго измѣненія онъ уже не по прежнему относится ко всѣмъ и всему.

Зная, что основаніемъ всего дальнѣйшаго развитія душевной жизни служитъ ощущеніе, дающее начало представленіямъ; зная, что представленія, сочетаясь между собой составляютъ наши сужденія и воззрѣнія, въ разработкѣ и примѣненіи которыхъ проявляется умъ нашъ и разумъ—не трудно убѣдиться и въ томъ, что ложныя ощущенія должны вести къ ложнымъ представленіямъ объ окружающихъ насъ условіяхъ и отношеніяхъ. Входя въ составъ нашихъ сужденій, ложныя представленія (бредъ, delirium) въ большей или меньшей степени извращаетъ и искажаетъ наше сознаніе. Въ самомъ дѣлѣ душевно больной не только имѣетъ ощущенія, совершенно намъ неизвѣстныя и недоступныя,

но и мыслитъ и разсуждаетъ не такъ, какъ мыслимъ и разсуждаемъ мы остальные. Его окружаетъ не тотъ внѣшній міръ (предметовъ, условій, отношеній), въ которомъ живемъ мы; его уноситъ съ собой небывалый, призрачный міръ, создаваемый его ложнымъ ощущеніемъ и бредомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаваемый имъ за дѣйствительный, реальный. Такъ напр. меланхоликъ (одержимый мрачнымъ помѣшательствомъ), вслѣдствіе болѣзненнаго раздраженія извѣстныхъ нервныхъ центровъ, чувствуетъ себя очень дурно, тяжело, на него находитъ тоска, нерѣдко доводящая до отчаянія. И вотъ меланхоликъ, относя свое мучительное состояніе не къ болѣзненному раздраженію своего мозга, но къ нравственной сферѣ, увѣряетъ себя и насъ, что онъ страдаетъ за грѣхи свои, что онъ на вѣки погибъ, что онъ виновенъ въ самыхъ страшныхъ преступленіяхъ, что его тотчасъ будутъ казнить и т. д.

Маніакъ, т. е. больной, одержимый буйнымъ помѣшательствомъ, наоборотъ, вслѣдствіе своеобразнаго раздраженія головнаго мозга, чувствуетъ себя необыкновенно хорошо, легко, свободно. Относя испытанныя имъ пріятныя ощущенія къ какому то загадочному перерожденію, онъ утверждаетъ, что онъ сильнѣе, могущественнѣе, знатнѣе, сознаетъ въ себѣ всесокрушающую силу, высшія способности, необыкновенный умъ, признаетъ себя великимъ человѣкомъ, считаетъ себя героемъ и не признаетъ надъ собой ни чьей власти.... Ясно, что какъ меланхоликъ, такъ и маніакъ *нарушаютъ логическое отношеніе* къ своему прошедшему, настоящему и будущему, признавая существующими такія условія, которыхъ никогда не было... Ясно, что находясь въ такомъ исключительномъ положеніи, больной приходитъ въ противорѣчіе и разладъ съ окружающими его лицами.

Неминуемо даже столкновеніе съ ними, какъ только онъ приступитъ къ приведенію въ исполненіе тѣхъ стремленій, которыя родятся на основаніи бреда, болѣе или менѣе широко раскинутаго.

Это исключительное положеніе душевно-больнаго, это то противорѣчіе и этотъ разладъ его съ окружающими лицами, вынуждаетъ послѣднихъ предпринимать мѣры къ огражденію себя и самого больнаго отъ могущихъ случиться вредныхъ и даже опасныхъ дѣйствій его.

Такой своеобразный оттѣнокъ душевнаго разстройства въ высшей степени затрудняетъ своевременное леченіе его.

Еще въ глубокой древности римскій врачъ Целій Авреліанъ указалъ на необходимость удалить душевно-больнаго, ради болѣе успѣшнаго леченія, изъ обыденной обстановки. Но совѣтъ умнаго врача пропалъ даромъ. Лишь только въ началѣ текущаго столѣтія Эскироль возвелъ воззрѣніе Целія Авреліяна въ *научный* принципъ, признавъ первымъ условіемъ раціональнаго леченія душевнаго разстройства *изолированіе* душевно-больныхъ, т. е. удаленіе ихъ изъ домашней среды и перемѣщеніе въ особыя, соотвѣтственно устроенныя лечебныя заведенія.

Недовольствуясь перемѣщеніемъ душевно-больныхъ въ особыя заведенія, Эскироль также считалъ нужнымъ строго разъобщить ихъ между собой. Единственный домъ умалишенныхъ, устроенный по проэкту самаго Эскироля, былъ возведенъ въ Руанѣ: онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ одноэтажныхъ, прямолинейныхъ корпусовъ, соединяющихся другъ съ другомъ подъ прямымъ угломъ. Каждый корпусъ содержитъ длинный рядъ одиночныхъ помѣщеній, выходящихъ на общій корридоръ. Не говоря объ однообразіи и о казарменномъ, даже нѣсколько острожномъ видѣ своемъ, данный Эскиролемъ архитектурный типъ дома умалишенныхъ не удовлетворительно разрѣшаетъ задачу надлежащаго разъобщенія больныхъ. Послѣдователи Эскироля надѣялись избѣгнуть этотъ недостатокъ тѣмъ, что замѣняли прямыя архитектурныя линіи зданія ломанными, очевидно увлекаясь предположеніемъ о возможности создать обязательный архитектурный типъ дома умалишенныхъ. И вотъ возникли самыя причудливыя постройки: звѣздообразныя, крестообразныя, башнеобразныя и проч.—архитектурныя формы, нынѣ составляющія собой лишь курьезы, свидѣтельствующія о подвижности воображенія ихъ изобрѣтателей.

Сущность дѣла въ томъ, что приступали къ сооруженію новыхъ домовъ умалишенныхъ, не достаточно выяснивъ себѣ всѣ потребности подобныхъ заведеній. Возрастающій опытъ показалъ, что строгое отдѣленіе всѣхъ душевно-больныхъ другъ отъ друга не есть краеугольный камень изолированія ихъ. Напротивъ того, многимъ крайне необходимо общеніе между собой и многіе же требуютъ лишь временнаго удаленія изъ среды окружающихъ больныхъ. Оказалось

что душевно-больные должны быть размѣщены не по архитектурнымъ типамъ [1] заведенія, а наоборотъ, послѣднее должно строиться по естественнымъ группамъ, на которыя распадаются душевно больные по общему характеру своей болѣзни. Независимо отъ предъидущихъ соображеній не разъ былъ поднятъ вопросъ: должно ли строить отдѣльныя заведенія для *излечимыхъ* (Heilanstalten) и *неизлечимыхъ* (Pflegeanstalten). Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу соединенія и того и другаго въ *одно цѣлое* (Heil-und-Pflegeanstalt). Согласно этому всѣ новѣйшіе дома умалишенныхъ, принимая излечимыхъ и неизлечимыхъ, придерживаются принципа раздѣленія больныхъ на извѣстныя группы. Лучшимъ же архитектурнымъ типомъ признается та форма зданій, которая наилучше соотвѣтствуетъ принятому раздѣленію. Наибольшимъ распространеніемъ пользуется слѣдующая группировка больныхъ:

1) Больные спокойные, т. е. больные тихіе, болѣе или менѣе сосредоточенные на самихъ себѣ, скромные, избѣгающіе всякаго рода выходки, болѣе или менѣе способные чѣмъ нибудь заниматься. Къ этой группѣ принадлежатъ также выздоравливающіе.

2) Больные безпокойные, болѣе или менѣе подвижные, развязные, не рѣдко производящіе нѣкоторый шумъ, говоруны, иной разъ и придирчивые, но доступные своевременному усовѣщеванію не нарушать общаго порядка.

3) Параличные и неопрятные.

4) Трудно-больные, т. е. одержимые рядомъ съ душевнымъ разстройствомъ, еще посторонней болѣзнью, заставляющей ихъ лежать въ постели, и наконецъ

5) Буйные больные, подвергающіеся на болѣе или менѣе продолжительное время припадкамъ сильнаго возбужденія, не безопаснаго для окружающихъ ихъ.

Далѣе оказалось, что душевное разстройство не можетъ служить основаніемъ лишить больнаго нѣкоторыхъ удобствъ, которыми онъ пользовался въ здоровомъ состояніи и которыми пользоваться ему болѣзнь не мѣшаетъ. Соображеніе это повело къ устройству въ домахъ умалишенныхъ различныхъ классовъ содержанія, смотря по сословію, званію, образованію, занятію больныхъ.

---

[1] Объ устройствѣ домовъ умалищенныхъ д-ра А. У. Фрезе. Москва, 1862.

Точно также заявила свои требованія гигіена. Принимая во вниманіе, что душевное разстройство въ большинствѣ случаевъ, болѣзнь хроническая, задерживающая человѣка въ лечебномъ заведеніи болѣе продолжительное время и вотъ оказалось нужнымъ отдѣлить дневныя помѣщенія отъ ночныхъ, и устроить особыя помѣщенія для столовыхъ, для занятія, развлеченія и проч.

Удовлетворивъ всѣмъ этимъ требованіямъ, наконецъ нужно было имѣть въ виду и правильный ходъ службы, какъ врачебной, такъ и хозяйственной и административной; нужно было заботиться о надлежащемъ размѣщеніи надзирателей и прислуги, имѣющей уходъ за больными и т. д.

Выполнены-ли всѣ эти условія въ Казанской Окружной Лечебницѣ? Посмотримъ на ея устройство.

Казанская Окружная Лечебница, назначаемая для 200 ч. (100 муж. и 100 жен.), построена въ трехъ верстахъ разстоянія отъ центра города, въ обширной, нѣсколько возвышенной мѣстности, не далеко отъ рѣки Казанки. Она состоитъ изъ трехъ больничныхъ корпусовъ, непосредственно соединенныхъ между собою и нѣсколькихъ зданій. Собственно больничные, двухъ-этажные корпуса, расположеные параллельно другъ къ другу по прямой линій, соединяются между собой по поперечной линіи подъ прямымъ угломъ и переходятъ въ одно-этажныя пристройки. Между больничными корпусами идетъ, по направленію отъ юга къ сѣверу, также по прямой линіи, средній трехъ-этажный административный корпусъ. За нимъ уже слѣдуютъ хозяйственныя строенія.

Обращаясь лицомъ къ главному фасаду, выходящему на юго-востокъ, лѣвая половина дома назначается для больныхъ мужскаго пола, правая для больныхъ женскаго пола. Съ обѣихъ сторонъ боковыхъ фасадовъ больничныхъ корпусовъ устроены загороженные каменными заборами дворы и за ними обширные сады. Главный характеръ расположенія и внутренняго устройства помѣщеній, одинаковыхъ въ обѣихъ половинахъ, заключается въ томъ, что приняты въ соображеніе, съ одной стороны, различіе сословій и образованія больныхъ, съ другой—общія формы душевнаго разстройства.

Такимъ образомъ въ заведеніи получается нѣсколько отдѣленій. Всѣ отдѣленія, хотя сообщаются одно съ другимъ посредствомъ широкихъ и свѣтлыхъ корридоровъ, но такъ

расположены, чтобы не допускать произвольнаго смѣшенія больныхъ.

Съ параднаго крыльца заведенія главныя сѣни ведутъ направо въ управленіе, налѣво—въ канцелярію. Предъ тѣмъ и другимъ помѣщеніемъ небольшая пріемная. Сѣни выходятъ на средній (поперечный) корридоръ главнаго корпуса, соединяющій мужскую и женскую половины. Въ первомъ этажѣ каждой половины помѣщается отдѣленіе безпокойныхъ (demipaisibles), т. е. больныхъ, которые, находясь въ нѣкоторомъ душевномъ волненіи, громко разговариваютъ, смѣются, подчасъ кричатъ, много ходятъ, но не угрожаютъ опасностью ни себѣ, ни другимъ, потому что не производятъ разрушительныхъ дѣйствій.

Къ отдѣленію безпокойныхъ, какъ перваго, такъ и втораго класса принадлежатъ особые дворы, выстланные дерномъ, для пребыванія на свѣжемъ воздухѣ тѣхъ больныхъ, которые, по причинѣ своего безпокойства, не могутъ участвовать въ прогулкѣ по садамъ.

На концѣ средняго корридора каменная лѣстница ведетъ въ отдѣленіе спокойныхъ, занимающее весь второй этажъ, какъ мужской, такъ и женской половины, исключая среднюю часть зданія, составляющую главный фасадъ административнаго корпуса, гдѣ находится домовая церковь. Въ отдѣленіи спокойныхъ находятся квартиры надзирателя и надзирательницы за больными.

Каждое отдѣленіе устроено такъ, что все необходимое, какъ для больныхъ, такъ и для правильнаго хода службы находится въ самомъ отдѣленіи, такъ что для удовлетворенія какой нибудь потребности ни больному, ни служителю не приходится оставлять свое отдѣленіе. Поэтому при каждомъ отдѣленіи, сообразно числу больныхъ, кромѣ дневныхъ и ночныхъ помѣщеній, общихъ и одиночныхъ, имѣются особыя столовыя, буфетныя, гардеробныя, служительскія комнаты и ретирады (ватерклозеты). Для занятія и развлеченія больныхъ служатъ столярный верстакъ, токарный станокъ, билліардъ, рояль, шахматы, шашки, карты, книги, журналы и проч. Мебель во всѣхъ помѣщеніяхъ почти исключительно дубоваго дерева, полированная; въ отдѣленіяхъ больныхъ перваго класса отчасти мягкая, обитая на мужской половинѣ кожей, на женской—пеньковымъ тикомъ; кровати большею частью желѣзныя. Во всемъ заведеніи у

всѣхъ оконъ шторы, въ отдѣленіяхъ перваго класса, кромѣ шторъ разноцвѣтныя занавѣсы. Въ виду большей безопасности больныхъ къ окнамъ придѣланы желѣзныя рѣшетки, приставленныя такимъ образомъ, что совершенно прикрываются оконными переплетами.

Возвращаясь по той же боковой лѣстницѣ въ нижній этажъ и проходя мимо помѣщенія для общихъ ваннъ (въ числѣ трехъ для каждой половины), расположенныхъ на перекресткѣ трехъ корридоровъ такъ, что доступъ къ нимъ одинаково удобенъ изъ обоихъ отдѣленій, мы приходимъ въ одноэтажныя постройки.

Послѣднія соединены съ боковыми больничными корпусами посредствомъ корридора, полъ котораго, во избѣжаніе лѣстницы, образуетъ нѣсколько наклонную плоскость. Въ этихъ пристройкахъ имѣется три отдѣленія: для труднобольныхъ, для паралычныхъ и для буйныхъ (furieux). Первое изъ нихъ устроено на тотъ случай, если кто изъ призрѣваемыхъ заболѣетъ, кромѣ помѣшательства какой нибудь посторонней болѣзнью, какъ напр. горячкою, воспаленіемъ и т. п.

Отдѣленіе паралычныхъ назначается для ряда больныхъ, которые по формѣ своей болѣзни, большею частью бываютъ неопрятны (gateux) и потому требуютъ особенно просторнаго помѣщенія. При этихъ отдѣленіяхъ имѣется особая ванная и кромѣ того подвижная ванна и кресла на колесахъ для катанія слабыхъ больныхъ. Отдѣленіе для буйныхъ и неистовыхъ раздѣляется на три части: среднюю и двѣ боковыя. Каждая боковая часть состоитъ изъ четырехъ одиночныхъ комнатъ (cellules d'isolation, cellules de force), одного, общаго, дневнаго помѣщенія (оно же и столовая), ванной и ретирада. Кромѣ того, тамъ же одна полутемная комната, обитая матрацами. Въ средней части помѣщается квартира помощника надзирателя за больными и такъ называемая переходная комната или помѣщеніе для выздоравливающихъ.

Соображая, что отдѣленіе буйныхъ назначается только для восьми больныхъ на каждой половинѣ, посѣтитель удивится его значительному простору. Общая цѣль заведенія— изолированіе больныхъ—нигдѣ не выражается такъ рѣзко, какъ именно въ отдѣленіи буйныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не требуется большаго изолированія, какъ въ этомъ отдѣленіи, потому что буйные больные всегда находятся въ

болѣе или менѣе бурномъ волненіи и раздражаютъ другъ друга. Отдѣлить ихъ другъ отъ друга по мѣрѣ возможности, чтобы шумъ и крикъ одного не доходилъ до другаго—вотъ основная мысль, руководившая директора заведенія при составленіи плана отдѣленія для буйныхъ. При отдѣленіи какъ буйныхъ, такъ и параличныхъ, также есть особые дворы для прогулки больныхъ.

Изъ средняго корридора главнаго корпуса, оставляя на право парадную лѣстницу, мы входимъ чрезъ небольшой служебный корридоръ въ кухню, раздѣленную на двѣ половины. Въ одной половинѣ готовится кушанье второму классу больныхъ и помѣщается столовая чернорабочихъ; въ другой половинѣ—кухня для перваго класса и приготовленія экстренныхъ порцій и столовая для прислуги, собственно при больныхъ состоящей. Пища для больныхъ отпускается чрезъ внутреннее окно, такъ что приходящей за нею прислугѣ не зачѣмъ входить въ самую кухню. Пища на рукахъ носится въ главныя буфетныя перваго этажа, расположенныя при самомъ входѣ въ отдѣленіе безпокойныхъ. Во второй этажъ она поднимается посредствомъ подъемной машины. За кухней помѣщенія для пекарни и квасной, а за ними квартиры механика и прислуги по хозяйственной части. Парадная чугунная лѣстница ведетъ насъ въ средній корридоръ втораго этажа. Къ этому корридору непосредственно примыкаетъ домовая церковь заведенія. Церковь въ два свѣта устроена весьма просто и скромно, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящно. Иконостасъ въ Византійскомъ стилѣ, дубоваго дерева, рѣзной работы. Иконы писаны членомъ Академіи художествъ въ Петербургѣ. Изъ того же средняго корридора ходъ въ аптеку, съ паровымъ аппаратомъ для приготовленія нѣкоторыхъ лѣкарствъ. Главная лѣстница доходитъ до третьяго этажа административнаго корпуса. Въ немъ помѣщается на одной сторонѣ главный цейхгаузъ, на другой—библіотека, какъ для врачей, такъ и для больныхъ. Остальныя помѣщенія втораго и третьяго этажей административнаго корпуса назначаются для квартиръ служащихъ по медицинской части.

За административнымъ корпусомъ устроена кочегарня съ паровою машиною, затѣмъ прачешная, гладильная-сушильня съ подъемной машиной и баня. Квартиры слу, жащихъ по хозяйственной части и чернорабочихъ въ особомъ трехъ-этажномъ корпусѣ, позади только что упомя-

путыхъ помѣщеній. Далѣе затѣмъ часовня для покойниковъ и нѣсколько въ сторонѣ два холодныхъ строенія. Дворъ замыкается садами для служащихъ.

Давши общее понятіе о размѣщеніи больныхъ согласно ихъ душевному состоянію въ данное время (одинъ и тотъ же больной переводится изъ одного отдѣленія въ другое смотря по измѣненіямъ его болѣзни), остается еще сказать нѣсколько словъ о вентиляціи и отопленіи Казанской Окружной Лечебницы и о способѣ содержанія больныхъ.

Помѣщенія Казанской Окружной Лечебницы въ общей сложности весьма просторны. На каждаго больнаго приходится до десяти кубическихъ саженъ воздуха. Тѣмъ не менѣе, въ виду гигіеническихъ потребностей, въ заведеніи устроена искуственная вентиляція. Вентиляція, дѣйствующая путемъ всасыванія воздуха (par suction) посредствомъ нагрѣвающихъ аппаратовъ, заключается въ постоянномъ притокѣ свѣжаго наружнаго воздуха и столь же постоянномъ удаленіи изъ больничныхъ помѣщеній испорченнаго воздуха. Вентиляція, хотя находится въ тѣснѣйшей связи съ отопленіемъ, но въ лѣтнее время можетъ дѣйствовать совершенно независимо отъ него. Отопленіе совершается паромъ. Въ извѣстныхъ мѣстахъ (камерахъ) устроены весьма несложной конструкціи чугунные аппараты (баттареи), представляющіе огромныя поверхности для соприкосновенія съ поздухомъ и нагрѣваемые расположенными подъ поломъ паропроводными трубами. Изъ построенныхъ на дворахъ въ взвѣстномъ числѣ воздухопріемниковъ свѣжій воздухъ приводится въ камеры, нагрѣвается, насыщается влажностью и сроводится чрезъ жаровыя трубы въ отопляемыя помѣщенія.

Во второмъ и третьемъ этажахъ административнаго корпуса устроено отопленіе горячей водой, обращающейся въ чугунныхъ трубахъ вдоль наружныхъ стѣнъ здания.

По всѣмъ помѣщеніямъ корпусовъ, больничныхъ и административнаго, идетъ водопроводъ. Вода получается отъ особой трубы городскаго водопровода.

Что касается содержанія больныхъ, то главная мысль, на которой оно основано, заключается въ томъ, что призрѣваемые, по свойству своей болѣзни, помѣщаются въ заведеніе не по своей волѣ. Всякое ограниченіе въ привычныхъ удобствахъ, которому мы подвергаемъ ихъ, непремѣнно получило бы въ ихъ глазахъ значеніе лишенія, неспра-

ведливости, притѣсненія, наказанія, такъ какъ они сами по большей части признаютъ себя совершенно здоровыми и равноправными съ нами. Домъ умалишенныхъ не есть острогъ и помѣшанный не есть преступникъ. Задача дома умалишенныхъ — убѣдить больнаго объективной обстановкой въ истинѣ этаго положенія. Поэтому больные въ заведеніи находятъ не только все необходимое для обыденной жизни, но и нѣкоторую роскошь, вошедшую въ привычку образованнаго класса.

Начиная съ внутренняго устройства помѣщеній, различнаго по званію больныхъ, и кончая матеріальнымъ содержаніемъ послѣднихъ, вездѣ выказывается внимательное попеченіе и предупредительное удовлетвореніе всѣмъ справедливымъ требованіямъ больнаго. Въ Казанской Окружной Лечебницѣ уничтожена обычная больничная одежда (полосатые халаты, колпаки, огромные чепчики и т. п.). Больные перваго класса могутъ пользоваться своимъ собственнымъ платьемъ и бѣльемъ, или по неимѣнію на то достаточныхъ средствъ, получаютъ больничныя вещи. Одежда, принадлежащая заведенію, во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ той, которая носится всѣми и внѣ заведенія. Одежда втораго класса также примѣнена къ народному нраву и, по мѣрѣ возможности, разнообразна. Такъ напр. для больныхъ втораго класса (въ особенности для женщинъ) платье не одинаково въ праздничные и будничные дни—обстоятельство, не лишенное психологическаго смысла и вліянія на самихъ больныхъ.

Столъ больныхъ соотвѣтствуетъ ихъ привычкамъ въ нормальномъ состояніи. Помѣшательство не требуетъ строгой діэты, напротивъ того, скудное содержаніе помѣшанныхъ часто ведетъ къ цынгѣ, чахоткѣ, и значительно содѣйствуетъ ихъ неизлечимости. Не менѣе вредное вліяніе производитъ однообразная пища. Въ томъ и другомъ отношеніи Казанская Окружная Лечебница имѣетъ всѣ средства каждому больному дать содержаніе, какъ по количеству, такъ и по качеству, вполнѣ соотвѣтствующее его состоянію.

Механическія занятія, прогулка на свѣжемъ воздухѣ и въ случаѣ неблагопріятной погоды, свободное движеніе по обширнымъ помѣщеніямъ заведенія, составляютъ не маловажныя вспомогательныя средства для успѣшнаго леченія помѣшательства. Сады, огороды, дворы, принадлежащая за-

веденію земля (около 30 десятинъ) и затѣмъ особыя дневныя помѣщенія даютъ полную возможность для каждаго больнаго, способнаго заниматься, найти подходящее благоразумное занятіе или полезное развлеченіе.

Что касается умственной и нравственной обстановки Казанской Окружной Лечебницы, то Высочайше утвержденное Положеніе обезпечило ей всѣ условія успѣха. При Окружной Лечебницѣ, кромѣ директора-врача, состоятъ четыре ординатора, изъ которыхъ одинъ—помощникъ директора. На каждаго ординатора, при полномъ комплектѣ, приходится по 50 человѣкъ больныхъ—число, дающее ему полную возможность посвящать ввѣреннымъ его попеченію больнымъ непрерывное и всецѣлое вниманіе. Врачи (какъ, впрочемъ, всѣ служащіе) живутъ въ самой Лечебницѣ.

Непосредственный надзоръ и присмотръ за больными мужской половины Лечебницы возложенъ на одного надзирателя съ двумя помощниками, женской же половины—на одну надзирательницу съ двумя помощницами; всѣ шестеро имѣютъ свои квартиры въ больничныхъ корпусахъ, въ непосредственной близости отъ больныхъ. Для приведенія въ исполненіе чисто медицинскихъ распоряженій, сдѣланныхъ врачами, (раздачи лекарствъ, приготовленія ваннъ, внимательнаго наблюденія и проч.) при Лечебницѣ состоятъ два фельшера и двѣ фельшерицы.

Наконецъ на каждыхъ пять больныхъ полагается по одному человѣку прислуги, при чемъ, однако, директору предоставляется, по мѣрѣ надобности, уменьшать или увеличивать число служителей и сидѣлокъ.

Кто, хотя нѣсколько, знакомъ съ больничнымъ дѣломъ, тотъ знаетъ, что въ большей части больничныхъ заведеній по сіе время удерживается двойственность управленія: медицинская часть ввѣряется старшему врачу, хозяйственная же смотрителю. Здѣсь не мѣсто входить въ критическій разборъ недостатковъ, являющихся неминуемымъ послѣдствіемъ подобнаго разъединенія власти. Въ виду того, что *всѣ* распоряженія по Лечебницѣ (врачебныя, хозяйственныя или административныя) имѣютъ лишь одну общую цѣль: благосостояніе призрѣваемыхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова—въ Окружной Лечебницѣ введено единство управленія. Казанская Окружная Лечебница состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по медицинскому депар-

таменту. Ближайшее наблюденіе за содержаніемъ больныхъ, за имуществомъ Лечебницы и денежными ея суммами принадлежитъ Казанскому Губернатору. Непосредственное же управленіе Лечебницей возлагается на главнаго доктора оной, коему присвоивается званіе Директора Лечебницы (ст. 1, 11 и 12 Высочайше утвержденнаго Положенія о Казанской Окружной Лечебницѣ 1875 года).

Изложенный способъ управленія, принятый въ лучшихъ домахъ умалишенныхъ за границей, обезпечиваетъ Окружной Лечебницѣ самостоятельное развитіе.

Казанская Окружная Лечебница содержится на счетъ Государственнаго Казначейства по Высочайше утвержденному штату, составляющему 72148 руб. сер. въ годъ. Стало быть на каждую кровать полагается 360 руб. $46^2/_3$ коп.

Принимая въ соображеніе, что кромѣ обыкновенныхъ расходовъ (на пищу, платье, бѣлье, обувь, мебель и проч.) въ штатъ Окружной Лечебницы приняты и расходы, какъ для занятій и развлеченія больныхъ, такъ и для научной библіотеки для врачей—нельзя не сказать, что Окружная Лечебница является могущественнымъ орудіемъ для леченія душевно-больныхъ.

Десять лѣтъ назадъ, при открытіи Лечебницы, мною поставленъ былъ вопросъ: съумѣетъ ли общество пользоваться этимъ орудіемъ? Нами указано было на фундаментальное положеніе научнаго опыта, что душевное разстройство излечивается тѣмъ легче и скорѣе, чѣмъ менѣе времени прошло со дня заболѣванія больнаго до помѣщенія его въ Лечебницу. Мы обращали вниманіе врачей на предсказаніе въ помѣшательствѣ, желая имъ дать хотя нѣкоторое руководство для опредѣленія излечимости больныхъ, присылаемыхъ ими въ Лечебницу. (О предсказаніи въ душевныхъ болѣзняхъ. Казань. 1875). Помощникъ директора издалъ переводъ прекраснаго труда доктора Геккера (Руководство для родственниковъ душевно-больныхъ къ правильному обращенію съ ними до и послѣ помѣщенія ихъ въ Лечебницу. Перевелъ съ Нѣмецкаго И. X. Акербломъ. Казань. 1876). Въ постоянныхъ сношеніяхъ съ родственниками и знакомыми поступившихъ больныхъ, врачи при Окружной Лечебницѣ неустанно стремятся распространить раціональное воззрѣніе на душевное разстройство и необходимость правильныхъ отношеній къ нему со стороны окружающихъ больнаго.

О всѣхъ этихъ данныхъ я упоминаю для того, чтобы указать на тѣ условія, при которыхъ Казанская Окружная Лечебница находилась въ продолженіе перваго десятилѣтія своей дѣятельности. Соотвѣтствуетъ ли всѣмъ этимъ условіямъ то участіе, которое принимало само общество въ помѣщеніи въ Лечебницу душевно больныхъ? Пусть отвѣчаетъ на этотъ вопросъ нижеслѣдующій отчетъ.

ОБЩЕЕ ДВИЖЕНІЕ БОЛЬНЫХЪ

ЗА ДЕСЯТИЛѢТІЕ

съ 1-го іюля 1869 года по 1-е Іюля 1879 года.

Казанская Окружная Лечебница во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ была открыта перваго іюля 1869 года.

Въ продолженіе десяти лѣтъ, со дня открытія Лечебницы по 1-е іюля 1879 года

Поступило:

1281 мужчинъ; 572 женщ.; Итого 1853 чел.

Выбыло:

1001 437 1438

Умерло:

183 72 255

затѣмъ къ 1-му іюля 1879 года

Состоитъ:

97 мужчинъ 63 женщ. Итого 160 чел.

I) О поступившихъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ всего прибыло:

1281 муж. 572 жен. Итого 1853 ч.

Очевидный перевѣсъ числа мужчинъ (69,13%) надъ числомъ женщинъ (30,87%) невольно заставляетъ насъ задуматься. Въ самомъ ли дѣлѣ душевнымъ разстройствомъ заболѣваетъ больше мужчинъ чѣмъ женщинъ?

Для того, чтобы точно отвѣтить на предложенный нами вопросъ, прежде всего было-бы необходимо выяснить, въ

какомъ отношеніи находится, въ здоровомъ народонаселеніи, число мужчинъ къ числу женщинъ. Расчетъ этотъ, конечно, долженъ быть произведенъ по той мѣстности, откуда поступили больные. Но такъ какъ въ Казанскую Окружную Лечебницу приняты были больные почти изъ сорока губерній Россіи, а съ другой стороны, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о тѣхъ душевно-больныхъ, которые въ Окружную Лечебницу не поступили, то рѣшеніе вышеозначеннаго вопроса путемъ сравнительной статистики намъ не доступно.

Чтоже касается того, больше-ли расположенъ къ душевнымъ болѣзнямъ мужской полъ въ сравненіи съ женскимъ, то наука не представляетъ ни какихъ данныхъ въ пользу подобнаго предположенія. A priori, даже невѣроятно, чтобы природа приговорила къ такому грустному отличію тотъ или другой полъ. Какъ то странно, казалось-бы, если человѣкъ больше наклоненъ къ душевному разстройству потому только, что онъ—мужчина, или, на оборотъ, пользовался бы нѣкоторымъ обезпеченіемъ отъ него, потому только, что онъ—женщина.

Если преобладающее число поступившихъ въ Казанскую Окружную Лечебницу мужчинъ, не зависимо отъ случайныхъ причинъ, составляетъ собой статистическій фактъ, то по нашему мнѣнію, таковой долженъ быть отнесенъ къ различнымъ жизненнымъ условіямъ, при которыхъ у насъ живутъ мужчины и женщины. Обсужденіе этихъ условій входитъ въ ученіе о причинахъ душевныхъ болѣзней. Здѣсь мы укажемъ только на два обстоятельства, не лишенныхъ нѣкотораго значенія. Во первыхъ, какъ мы увидимъ ниже, наибольшее число поступившихъ въ Окружную Лечебницу принадлежитъ приволжскому краю. Пароходство и торговля въ этомъ краѣ привлекаютъ множество безсемейныхъ мужчинъ къ различнаго рода труду и тѣмъ нѣсколько увеличиваютъ общее число мужчинъ. Во вторыхъ, не разъ замѣчено было, что въ случаѣ помѣшательства въ данной семьѣ матери и жены, по характеру своему болѣе сострадательныя мужчинъ, скорѣе прибѣгаютъ къ помощи Лечебницы, чѣмъ отцы и мужья, которые, по равнодушію и безпечности, больше полагаются на время. Совершенно согласно съ этимъ наблюденіемъ мы видимъ также, что женщины охотнѣе мужчинъ берутъ на свое попеченіе неизлечимыхъ боль-

ныхъ своихъ, тогда какъ мужчины часто уклоняются отъ этой мѣры.

Общее число поступившихъ (1853 ч.), разложенное по годамъ поступленій, представляетъ слѣдующую таблицу:

Поступило:

Въ 1869 г.	33 м.	11 ж.	Итого	44 чел.
1870	81	43		124
1871	92	42		134
1872	104	40		144
1873	121	69		190
1874	129	61		190
1875	128	52		180
1876	173	71		244
1877	139	66		205
1878	196	74		270
1879	85	43		128
Итого:	1281	572		1853

Незначительное число поступившихъ въ 1869 году (44 ч.) объясняется тѣмъ, что пріемъ больныхъ въ этомъ году начался лишь съ 1-го сентября. Кажущееся-же уменьшеніе числа поступленій въ 1879 году (128 чел.) зависитъ отъ того, что отчетъ нашъ, обнимающій собой первое десятилѣтіе со дня открытія Лечебницы, доведенъ только до 1-го іюля текущаго года.

Колебаніе остальныхъ чиселъ приведенной таблицы не дозволяетъ намъ вывести какое нибудь статистическое заключеніе. Въ 1872 году Lunier (¹) утверждалъ, что во время франко-прусской войны замѣтно уменьшилось число поступленій въ дома умалишенныхъ.

Тоже подтвердилъ въ 1877 году Bouteille (²). Въ Германіи сдѣлано было тоже наблюденіе. Докторъ Tigges (³) замѣчаетъ, что наименьшее число поступленій пало на 1870 годъ.

(¹) De l' influence des grandes commotions politiques et sociales sur le developpement des maladies mentales. Ann. méd. psych. Vol. VIII. стр. 163.

(²) Observations statistiques sur les aliénés du Nord., Annal. Vol. XVIII. 1877 г. стр. 21 и 31.

(³) Bericht über die Irrenheilaustalt Sachsenberg vom Jahre 1871—1875 стр. 1. (Beiträge zur Statistik von Meklenburg. Bd. VIII. Heft 4).

Въ виду приведенныхъ наблюденій мы могли бы уменьшеніе числа поступленій въ 1877 году на 39 челов. противъ 1876 года отнести къ вспыхнувшей въ томъ году съ Турціей войнѣ. Но за 1875 г. мы замѣчаемъ подобное уменьшеніе, правда нѣсколько менѣе значительное (на 10 челов. противъ 1874 г.). И потому вѣроятнѣе всего, что показанное уменьшеніе поступленій какъ въ 1875-омъ, такъ и въ 1879 году, зависѣло отъ случайныхъ условій.

Изъ числа всѣхъ поступившихъ содержалось:

въ 1 классѣ	311 м.	158 ж.	Итого 469 чел.
и въ II	970	414	1384
Итого	1281	572	1853

Стало быть въ I классѣ содержалось 25,31% всѣхъ поступившихъ, а во II классѣ—74,69%.

Это отношеніе явно указываетъ на то, что среднее сословіе, обладающее нѣкоторыми средствами, пользовалось Лечебницей въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ прибѣгалъ къ ней простой народъ, такъ какъ въ нормальномъ народонаселеніи число лицъ простаго званія во всякомъ случаѣ далеко превышаетъ $^1/_4$ всѣхъ жителей, тѣмъ болѣе, что и во второмъ классѣ постоянно находились по ограниченности или неимѣнію средствъ и лица среднихъ сословій.

1) О способѣ поступленія.

Такъ какъ Казанская Окружная Лечебница, согласно II ст. Высочайше утвержденнаго положенія, назначается, какъ для леченія душевно-больныхъ, такъ и для испытанія лицъ, подозрѣваемыхъ въ душевномъ разстройствѣ, то всѣхъ поступившихъ должно раздѣлить на двѣ группы: на пользуемыхъ и испытуемыхъ.

На леченіе поступило:	1071 м.	518 ж.	Итого 1589 ч.
испытаніе	210	54	264
Итого	1281	572	1853

На леченіе больные поступали по распоряженію правительственныхъ учрежденій или же по прошенію своихъ родственниковъ и, наконецъ, по собственному желанію.

Изъ больныхъ первой категоріи принято было:

По предложенію г. Казанскаго Губернатора	40 м.	3 ж.	Итого 43 чел.
По распоряженію Казанскаго Губернскаго Правленія	54	17	71
Военнаго вѣдомства	86	3	89
Духовнаго вѣдомства	32		32
Разныхъ правительственныхъ учрежденій (полицейскихъ управленій, ремесленной управы, волостныхъ правленій и др.)	228	89	317
Земства различныхъ губерній	321	169	490
Итого	761	281	1042

По прошенію родственниковъ своихъ	306	235	541
и по собственному желанію	4	2	6
Итого	1071	518	1589

Ближе всѣхъ къ данному больному безъ сомнѣнія стоятъ его родные, въ средѣ которыхъ онъ живетъ. И потому казалось бы, что въ случаѣ душевнаго разстройства скорѣе всего обратятся за пособіемъ тѣже родные больнаго. Предъидущая таблица, однако, показываетъ совершенно иное. Изъ числа всѣхъ поступившихъ на леченіе въ Окружную Лечебницу (1589 ч.) только 541 чел. = 34,04% помѣщено непосредственно своими родными, тогда какъ 1042 чел. = 65,57%, отправлено въ Лечебницу черезъ посредство правительственныхъ учрежденій.

Исключая земства, на которыя возложено попеченіе о больныхъ, нѣкоторыя изъ остальныхъ правительственныхъ учрежденій очевидно принимали на себя роль передаточныхъ властей. Такъ напр. чрезвычайно рѣдко обращались за пріемомъ больнаго непосредственно къ директору Лечебницы крестьяне, представляя своихъ больныхъ въ уѣздное полицейское управленіе. Послѣднія препровождали больныхъ или прямо въ Лечебницу, или же предварительно въ Губернское Правленіе, откуда больной поступалъ въ Лечебницу. Губернскія Правленія, отославъ въ Лечебницу такихъ больныхъ, обыкновенно дѣлали распоряженіе объ освидѣтельствованіи ихъ особымъ присутствіемъ и такимъ образомъ обращали въ испытуемыхъ и такихъ больныхъ, которые нуждались въ одномъ только леченіи.

Незначительное число поступившихъ по собственному желанію (6 чел. = 0,39%) приведено нами въ подтвержденіе того, что бываютъ случаи помѣшательства, въ которыхъ самъ больной болѣе или менѣе ясно сознаетъ свою болѣзнь и этимъ самымъ опровергаетъ весьма распространенный предразсудокъ, въ силу котораго многіе признаютъ совершенно тождественными помѣшательство и безсознательное состояніе—предразсудокъ, не рѣдко ведущій къ пагубному для больнаго предположенію, что онъ вовсе не помѣшанъ, пока проявляетъ еще признаки сознательнаго отношенія къ окружающимъ.

На испытаніе поступило:

По распоряженію Губернскаго Правленія	96 м.	34 ж.	Итого	130 чел.
По распоряженію Гражданскаго судебнаго вѣдомства	81	20		101
Военнаго судебнаго вѣдомства	33			33
Итого	210	54		264

2) О времени поступленія.

Прибыло:

Въ январѣ	89 м.	36 ж.	Итого	125 ч.
февралѣ	86	27		113
мартѣ	92	43		135
апрѣлѣ	95	28		123
маѣ	165	89		254
іюнѣ	173	77		250
іюлѣ	110	61		171
августѣ	114	55		169
сентябрѣ	119	65		184
октябрѣ	103	35		138
ноябрѣ	67	20		87
декабрѣ	68	36		104
Итого	1281	572		1853

Замѣчательное колебаніе числа поступленій по мѣсяцамъ легко могло-бы вызвать предположеніе о нѣкоторомъ вліяніи различныхъ мѣсяцевъ на поступленіе больныхъ въ Лечебницу. Но было-бы ошибочно увлекаться подобнымъ соображеніемъ. Вліяніе климатическихъ условій на происхожденіе и дальнѣйшее развитіе душевнаго разстройства далеко еще не выяснено. Кромѣ того, время поступленія и время заболѣванія нисколько не соотвѣтствуютъ другъ другу. Не отрицая, что на послѣднее могутъ имѣть вліяніе различныя времена года, мы, однако, не можемъ признавать такое же вліяніе на поступленіе больныхъ въ Лечебницу, зависящее отъ цѣлаго ряда случайныхъ обстоятельствъ. Обстоятельства эти, то скорѣе, то медленнѣе принимаютъ такую форму, что вынуждаютъ окружающихъ больнаго къ перемѣщенію его въ спеціальное заведеніе. Неговоря о разныхъ предраз-

судкахъ [1], на основаніи которыхъ оттягиваютъ своевременное помѣщеніе больнаго, главною причиною перевода его въ Лечебницу бываетъ большая или меньшая степень затрудненія удержать его въ семейной обстановкѣ, не подвергая опасности ни себя, ни самого больнаго. Это затрудненіе наступаетъ въ весьма различное время. Такъ напр. больной буйный обыкновенно помѣщается гораздо скорѣе, нежели тихій и скромный. Какое-нибудь случайное столкновеніе не рѣдко ведетъ душевно-больныхъ въ Лечебницу еще въ то время, когда окружающіе ихъ вовсе не думали о подобной необходимости. Точно также служитъ поводомъ къ немедленному помѣщенію больнаго покушеніе его на самоубійство.

Внимательно разсматривая тѣ условія, при которыхъ Казанская Окружная Лечебница предлагаетъ свои услуги обществу, мы не можемъ не останавливать своего вниманія на томъ, что Лечебница наша принимаетъ больныхъ преимущественно изъ приволжскаго края. При значительномъ растяженіи губерній этого края, ясно, что удобство путей сообщенія должно играть не послѣднюю роль въ доставленіи больныхъ въ Казань. Все, что облегчаетъ сообщеніе, должно увеличить, что затрудняетъ его, должно уменьшить число поступленій. Группируя наши цифры съ этой точки зрѣнія, то есть, по времени пароходства по Волгѣ и Камѣ, мы получаемъ слѣдующую таблицу.

Поступило:

Въ Апрѣлѣ	95	м.	28	ж.	Итого	123 чел.
Маѣ	165		89			254
Іюнѣ	173		77			250
Іюлѣ	110		61			171
Август.	114		35			169
Сентяб.	119		65			184
Октяб.	103		35			138
Итого	879		410			1289

За остальные пять мѣсяцевъ всего получается 402 муж. 162 жен., итого 564 чел.

---

[1] Многіе полагаютъ, что помѣщеніе больнаго въ Лечебницу нужно лишь тогда, когда «*созрѣлъ*» больной, при чемъ, однако, понятія объ этомъ загадочномъ созрѣваніи чрезвычайно смутны. Другіе же опасаются, что въ сообществѣ съ другими подобными себѣ онъ окончательно «сойдетъ съ ума».

Такимъ образомъ оказывается, что во время пароходства получается 69,56%, а во все остальное время года 30,44% поступленій. Тотъ же результатъ еще рѣзче бросается въ глаза, если мы сообразимъ, что два лѣтнихъ мѣсяца (май и іюнь), въ продолженіе которыхъ по полноводію особенно оживленно пароходство, показываютъ 504 поступленія, что составляетъ 27,19%.

3) О возрастѣ поступившихъ.

Поступило:

Отъ 15	до 20 лѣтъ	82 м.	50 ж.	итого	132 ч.
20	25	200	85		285
25	30	221	114		335
30	35	219	89		300
35	40	168	65		233
40	45	148	62		210
45	50	62	32		94
50	55	50	28		78
55	60	36	16		42
60	65	12	6		18
65	70	3	3		6
неизвѣстно какихъ	лѣтъ	98	22		120
Итого		1281	572		1853

По предстоящей таблицѣ наибольшее число поступленій падаетъ на возрастъ

отъ 25 до 30 лѣтъ, а именно 335 ч. = 18,07%

За тѣмъ слѣдуетъ возрастъ

отъ 30 до 35 лѣтъ 300 ч. = 16,13%

20 25 285 ч. = 15,32%

Итого отъ 20 35 лѣтъ 920 ч. = 49,52%

Полученное нами процентное число, однако, подлежитъ нѣкоторому исправленію потому, что возрастъ поступленія у 120 чел. остался не извѣстенъ. За вычетомъ этихъ 120 чел., мы получаемъ на возрастъ:

отъ 35 до 30 лѣтъ 19,33%

30 35 17,25%

20 25 16,41%

Итого отъ 20 35 52,99%

Весьма сходное отношеніе числа поступленій къ возрасту больныхъ сообщаетъ докторъ Hagen, Директоръ Баварскаго дома умалишенныхъ въ Эрлангенѣ ([1]). За 25-лѣтіе съ 1846—1871 г. онъ приводитъ поступившихъ

Отъ 25 до 30 лѣтъ		15,32%
30	35	14,61%
20	25	14,28%
Итого отъ 20	35	44,21%

Нѣсколько меньшее число поступленій этаго возраста получено въ французскомъ домѣ умалишенныхъ Оксерѣ (Auxerre). За время съ 1841—1857 г. Girard ([2]) нашелъ слѣдующія цифры. Изъ 122 человѣкъ

Поступило:

Отъ 25	30 лѣтъ	157	чел.	=12,47%
30	35	149		=12,14%
20	25	121		= 9,86%
Итого отъ 20	35	427		=34,47%

Нашимъ даннымъ почти совершенно соотвѣтствуетъ найденное докторомъ Tigges отношеніе поступленій къ возрасту ([3]). За пятилѣтіе 1871—1875 г. въ сѣверо-германскомъ домѣ умалишенныхъ Sachsenberg на 450 поступившихъ приходилось:

Отъ 25	30 лѣтъ	78	чел.	=17,34%
30	35	55		12,23%
20	25	60		13,34%
Итого Отъ 20	35	193		42,91%

Единственная разница между числами доктора Tigges и нашими заключается въ томъ, что въ возрастѣ отъ 20—35 лѣтъ поступило на одинъ процентъ больше больныхъ противъ возраста отъ 30—35 лѣтъ.

Приведенныя числа едва-ли могутъ оставить сомнѣніе въ томъ, что наибольшее число поступленій совпадаетъ съ возрастомъ отъ 25—30 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, однако, мы не думаемъ, чтобы число лѣтъ, само по себѣ имѣло какое ни-

---

([1]) Statistiche Untersuchungen über Geisteskrankheiten von F. W. Hagen. Erlangen. 1876 стр. 144.

([2]) Etudes practiques sur les maladies nerveuses et mentales. Girard de Cailleux. Paris. 1863. стр. 48.

([3]) О. М. стр. 7.

будь вліяніе на болѣе частое или болѣе рѣдкое заболѣваніе душевнымъ разстройствомъ. Мы желаемъ сказать, что извѣстный возрастъ самъ по себѣ не есть условіе болѣе частаго заболѣванія, точно также какъ мы отвергали подобное значеніе пола. Правда, есть возрасты, которые находятся въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ извѣстнымъ болѣзнямъ. Такъ напр. юношескій возрастъ предрасполагаетъ къ чахоткѣ, старческій—къ болѣзнямъ сосудистой системы. Но первый мы признаемъ періодомъ прогрессивнаго, второй регрессивнаго развитія и этимъ самымъ указываемъ на моментъ, обусловливающій большее предрасположеніе въ заболѣванію вообще. Подобный же моментъ приписать возрасту отъ 25—30 лѣтъ, было-бы совершенно неумѣстно. Этотъ возрастъ, конечно, въ нормальномъ человѣкѣ отличается той силою, той бодростью, той упругостью организма, которыя усвоили ему названіе „цвѣтущаго". Этому возрасту мы приписываемъ наибольшую энергію и способность къ полной дѣятельности. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ, болѣе способный къ борьбѣ съ чѣмъ-бы то ни было, обыкновенно кладетъ прочное основаніе всей своей будущности. Стало-быть, если на этотъ возрастъ падаетъ наибольшее число поступленій въ Лечебницу, то причины тому должны быть отыскиваемы въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ приходится дѣйствовать человѣку въ продолженіи этого возраста. И не трудно убѣдиться въ томъ, что большая часть неблагопріятныхъ условій, ведущихъ къ душевному разстройству [1], обнаруживаетъ свое дѣйствіе преимущественно въ этомъ возрастѣ. Борьба за существованіе, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, напрягаетъ всѣ силы человѣка главнымъ образомъ въ этомъ возрастѣ и потому, истощая его, въ концѣ концовъ ведетъ къ душевному разстройству.

---

[1] См. отдѣлъ 12-й (о причинахъ).

4) О національности поступившихъ.

Поступило:

Русскихъ	1098 м.	506 ж.	Итого 1604 чел.
Поляковъ	33	5	38
Нѣмцевъ по происхожденію, но русскихъ подданныхъ	37	18	55
Латышей	—	1	1
Мордвы	2	2	4
Армянъ	5	—	5
Гречанокъ	—	2	2
Чувашъ	26	8	34
Черемисъ	6	7	13
Татаръ	66	14	80
Киргизовъ	1	—	1
Иностранцевъ	2	6	8
Евреевъ	5	3	8
Итого	1281	572	1853

Показывая 86,61% поступленій на долю русской національности и только 13,39% на всѣ остальныя, таблица наша не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій.

5) О вѣроисповѣданіи поступившихъ.

Принято было въ Лечебницу:

Православныхъ	1147 м.	527 ж.	Итого 1674 чел.
Лютеранъ	32	20	52
Римско-Католиковъ	26	8	34
Армяно-Грегоріанскаго вѣроисповѣданія	5	—	5
Еврейскаго закона	5	3	8
Магометанъ	66	14	80
Итого	1281	572	1853

И здѣсь процентное исчисленіе нашихъ цифръ—90,34% въ пользу православныхъ и 9,66% всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣданій—дѣлаетъ излишнимъ объясненіе нашей таблицы.

6) О брачномъ и небрачномъ состоянiи поступившихъ.

Поступило:

Холостыхъ и дѣвицъ	673	м.	166	ж.	Итого	839 чел.
Женатыхъ и замужнихъ	408		257			665
Вдовцовъ, вдовъ и живущихъ врознь	63		131			194
Неизвѣстно какого состоянiя	137		18			155
Итого	1281		572			1853

Данныя этой таблицы по процентному исчисленiю располагаются слѣдующимъ образомъ:

Несостоящихъ въ брачномъ союзѣ поступило	45,28%
Состоящихъ же въ немъ	35,88%
Вдовствующихъ и живущихъ врознь	10,48%
и наконецъ неизвѣстно какого состоянiя	8,36%
Итого	100,00%

Такимъ образомъ наибольшее число поступленiй (45,28%) падаетъ на небрачное состоянiе.

Но принимая въ соображенiе, что брачныя отношенiя 155 человѣкъ остались неизвѣстны, а съ другой стороны, что брачныя условiя магометанъ далеко не соотвѣтствуютъ такимъ же отношенiямъ христiанъ, слѣдуетъ для большей точности нашего вывода, изъ общаго числа поступившихъ убавить какъ число магометанъ, такъ и число лицъ, коихъ брачное отношенiе осталось неизвѣстнымъ.

Вычитая изъ общаго числа прибывшихъ	1281	м.	572	ж.	=	1853 чел.
число татаръ и киргизовъ	67		14			81
мы получимъ	1214		558			1772

Затѣмъ убавляя число поступившихъ неизвѣстно какого состоянія 137 м. 18 ж. 155 чел.

остается	1077	540	1617

Но такъ какъ въ числахъ приведенныхъ въ таблицѣ о брачномъ состояніи поступившихъ вошли какъ холостые, такъ и женатые татары, то и сама таблица наша подлежитъ измѣненію.

Въ числѣ 67 челов. татаръ было женатыхъ 45 челов., холостыхъ 22 челов., а замужнихъ татарокъ 14, и потому мы получаемъ слѣдующую таблицу:

Небрачнаго состоянія	651 м.	166 м.	Итого	817 чел.
Брачнаго состоянія	363	243		606
И вдовствующихъ	63	131		194
Итого	1077	540		1617

Стало быть на небрачное состояніе поступившихъ приходится 50,53%, на брачное—37,47% и на вдовствующихъ—12,00%.

Этимъ, однако, же неограничивается нашъ выводъ. Очевидно значеніе брачнаго или небрачнаго состоянія на поступленіе мужчинъ и женщинъ не одинаково. Изъ поступившихъ небрачнаго состоянія оказывается 79,68% мужчинъ и 20,32% женщинъ; брачнаго же состоянія 59,90% муж. и 40,10% женщинъ и наконецъ вдовствующихъ 32,47% мужчинъ и 67,53% женщинъ. Такимъ образомъ число поступившихъ холостыхъ мужчинъ превышаетъ число женатыхъ на 29,40%, тогда какъ число поступившихъ замужнихъ женщинъ превышаетъ число дѣвицъ на 18,54%. Наконецъ число поступившихъ вдовъ поразительно превосходитъ число вдовцовъ, а именно на 35,06%.

На основаніи предъидущихъ исчисленій мы позволяемъ себѣ вывести слѣдующія заключенія:

1) Холостые мужчины заболѣваютъ чаще женатыхъ.

2) Замужнія женщины заболѣваютъ чаще дѣвицъ; и наконецъ

3) Вдовы и живущія врозь съ своими мужьями жены расположены къ душевному разстройству больше вдовцевъ и живущихъ врозь съ своими женами мужчинъ.

Сравненіе нашей таблицы о брачномъ и небрачномъ состояніи поступившихъ съ такими же таблицами въ Германіи даетъ нѣсколько иной результатъ.

За восьмилѣтіе съ 1 марта 1846 года по 1 марта 1854 года докторъ Zeller, ([1]) Директоръ Лечебницы для душевно-больныхъ Winnenthal, приводитъ слѣдующія цифры:

Поступило:

Холостыхъ и дѣвицъ	218 м.	100 ж.	Итого	318 чел.
Женатыхъ и замужнихъ	117	82		199
Вдовцовъ, вдовъ и живущихъ врознь	12	21		33
Итого	347	203		550

Стало быть:

Холостыхъ и дѣвицъ было	62,82%	и 49,26%
Женатыхъ и замужнихъ	33,72%	40,39%
Вдовствующихъ и живущихъ врознь	3,46%	10,35%
Итого	100,00%	100,00%

Какъ видно изъ этого изчисленія, число поступившихъ холостыхъ превышаетъ число женатыхъ на 29,10%; тогда какъ, въ противорѣчіе съ нашимъ числомъ, число замужнихъ женщинъ *менѣе* числа поступившихъ дѣвицъ на 8,85%; число вдовъ превышаетъ число вдовцовъ на 6,89%.

Къ такому же результату приходитъ и Damerow ([2]).

Въ продолженіе двадцатилѣтія съ 1844 года до 1863 года включительно, въ домѣ умалишенныхъ при городѣ Галле принято было:

Холостыхъ и дѣвицъ	710 м.	451 ж.	Итого	1161 чел.
Женатыхъ и замужнихъ	532	337		869
Вдовцовъ, вдовъ и живущихъ врознь	92	147		239
Итого	1334	935		2269

Изъ нихъ было небрачнаго состоянія 53,28%, брачнаго состоянія 39,88% и вдовствующаго 6,89% мужчинъ, а небрачнаго состоянія 48,24%, брачнаго 36,04%, и вдовствующаго 15,72% женщинъ.

([1]) Bericht über die Wirksamkeit der Heilanstalt Winnenthal. Medicinisches Correspondenzblatt des Würtembergischen aerztlichen Vereins. Bd. XXIV. № 38. стр. 311.

([2]) Zur Statistik dsr Provincialirrenheilanstalt-Ibei Halle. Allg. Zeitschr. für Psychiatrie. XXI. 1865. Стр. 223.

По этому расчету число холостыхъ мужчинъ *болѣе* числа женатыхъ на 13,35%; число дѣвицъ превышаетъ число замужнихъ на 12,20%, тогда, какъ число вдовъ и живущихъ врозь женъ *болѣе* числа вдовцовъ на 8,83%.

Наконецъ въ новомъ вѣнскомъ домѣ умалишенныхъ за десятилѣтіе (1847—1856) принято было (¹):

Холостыхъ и дѣвицъ	1382 м.	1293 ж.	Итого 2675 чел.
Женатыхъ и замужнихъ	890	676	1566
Вдовцовъ и вдовъ	112	292	404
Итого	2384	2261	4645

Такимъ образомъ приходится на общее число поступившихъ

Холостыхъ и дѣвицъ	59,94% м.	57,18% ж.
Женатыхъ и замужнихъ	37,33%	29,90%
Вдовцовъ и вдовъ	4,73%	12,92%
Итого	100,00%	100,00%

Стало быть число поступившихъ холостыхъ мужчинъ *болѣе* числа женатыхъ на 20,61%; число же дѣвицъ *болѣе* замужнихъ женщинъ на 27,28% и число вдовъ *болѣе* числа вдовцовъ на 8,19%. Спрашивается теперь, чему приписать значительно большее число замужнихъ женщинъ—сравнительно съ числомъ дѣвицъ, поступившихъ въ Казанскую Окружную Лечебницу? Какъ мы видѣли, изъ общаго числа поступившихъ, женщинъ оказалось 40,10% замужнихъ и 20,32% дѣвицъ. Составляетъ ли громадный перевѣсъ числа первыхъ надъ числомъ вторыхъ исключительный статистическій фактъ, зависящій отъ случайныхъ условій или же относится онъ къ неблагопріятной обстановкѣ супружеской жизни поступившихъ? Статистика не даетъ намъ средствъ для отвѣта, обставленнаго числами, на этотъ вопросъ. Мы скажемъ только одно, что къ самымъ частымъ причинамъ душевнаго разстройства принадлежитъ семейный раздоръ, пьянство мужа, затрудненіе воспитывать дѣтей, бѣдность вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что эти условія могутъ имѣть вліяніе на большее число поступившихъ замужнихъ женщинъ.

(¹) Arztliche Berichte über die K. K. Irrenheil und Pflegeanstalt zu Wien. Wien. 1858. стр. 316.

7) О продолжительности душевнаго разстройства до поступленія.

Душевное разстройство продолжалось:

До 3-хъ мѣсяцевъ у	110 м.	45 ж.	=	155 чел.
6	270	148		418
12	292	130		422
2 лѣтъ	248	106		354
болѣе 2 лѣтъ	145	72		217
отъ рожденія	15	9		24
неизвѣстно сколько лѣтъ, но во всякомъ случаѣ не менѣе 5—6 лѣтъ	148	45		193
душевнаго разстройства не оказалось у	53	17		70
Итого	1281	572	=	1853

Принимая въ соображеніе, что въ опредѣленіи излечимости или не излечимости даннаго больнаго чуть-ли ни самую важную роль играетъ продолжительность душевнаго разстройства до поступленія его въ спеціальное заведеніе, мы раздѣляемъ поступившихъ на три группы: 1) на подающихъ надежду на излеченіе, при продолжительности душевнаго разстройства до 6-ти мѣсяцевъ; 2) на подающихъ весьма слабую надежду на выздоровленіе при продолжительности душевнаго разстройства до 2-хъ лѣтъ; и въ третьихъ на совершенно неизлѣчимыхъ, при продолжительности болѣе 2-хъ лѣтъ. За исключеніемъ лицъ (испытуемыхъ), оказавшихся душевно здоровыми (53 м., 17 ж., а всего 70 чел.), мы получаемъ на общее число поступившихъ

Излечимыхъ	573 челов. =	32,14%
Крайне сомнительнаго предсказанія	776	43,52%

и совершенно не излечимыхъ	434	24,34%
Итого	1783	100,00%

результатъ не очень утѣшительный въ виду того, что Казанская Окружная Лечебница *преимущественно* назначается для *излеченія* душевно-больныхъ.

8) О мѣстожительствѣ поступившихъ во время заболѣванія,

Прибыло:

Изъ Акмолинской области	м.	1 ж.	Итого 1 чел.
Амурскаго края		1	1
Архангельской губер.	3		3
Астраханской	11	4	15
Варшавской	2	2	4
Витебской	1		1
Владимирской	9		9
Вологодской	6		6
Воронежской		2	2
Вятской	112	52	164
Земли войска Донскаго	1		1
Закавказскаго края	5	2	7
Енисейской губерніи	1		1
Иркутской	10	2	12
Казанской	827	344	1171
Кіевской	4		4
Ковенской	1		1
Костромской	1	1	2
Курской	2		2
Московской	4	3	7
Нижегородской	31	14	45
Новгородской	1	1	2
Омской	2		2
Оренбургской	9	5	14
Пензенской	15	9	24
Пермской	34	22	56
Петербургской	7		7
Подольской	1		1
Рязанской	1		1

Самарской	66 м.	32 ж.	Итого 98
Саратовской	42	35	77
Симбирской	40	28	68
Сувалкской	1		1
Таврической	2	1	3
Тобольской	4		4
Тульской	1	1	2
Уфимской	16	4	20
Харьковской	4		4
Херсонской	1	2	3
Эстляндской		1	1
Неизвѣстно откуда	3	3	6
Итого	1281	572	1853

Наибольшее число поступленій принадлежитъ Казанской губерніи, а именно 1171 челов. = 63,19%.

Затѣмъ слѣдуютъ остальныя волжско-камскаго бассейна губерніи (Нижегородская, Вятская, Пермская, Уфимская, Самарская, Астраханская, Саратовская и Симбирская) съ	543	= 29,31%
Стало быть на весь приволжскій и прикамскій край приходится	1714	= 92,50%
Изъ Сибири поступило	35	= 1,88%
Наконецъ изъ всѣхъ остальныхъ (изъ числа 40 губерній и областей)	104	= 5,62%
Итого	1853	= 100,00%

Среднимъ числомъ изъ всего края приволжскаго и прикамскаго ежегодно поступало по 171,4 челов.

9) О сословіи и званіи поступившихъ.

Прибыло:

	м.	ж.	Итого	
Дворянъ	23 м.	31 ж.	Итого 54	чел.
Оберъ-офицерскаго званія	57	18	75	
Чиновниковъ (ихъ женъ и дѣтей)	181	88	269	
Врачей	11		11	
Фармацевтовъ	1		1	
Ветеринаровъ	3		3	
Фельшеровъ и фельшерицъ	7	3	10	
Учителей и учительницъ	22	7	29	
Судебныхъ слѣдователей	3		3	
Присяжныхъ повѣренныхъ	3		3	
Студентовъ Университета	53		53	
Слушательницъ женскихъ медицинскихъ курсовъ		2	2	
Гимназистовъ и гимназистокъ	27	2	29	
Телеграфистовъ и телеграфистокъ	9	1	10	
Акушерокъ		1	1	
Лицъ духовнаго званія	105	29	134	
Актеровъ и актрисъ	2	1	3	

Купеческаго званія	64 м.	36 ж.	Итого	100
Мѣщанъ и цѣховыхъ	187	131		318
Крестьянъ	280	155		435
Нижнихъ воинскихъ чиновъ и солдатскихъ женъ	201	58		359
Арестантовъ	32	7		39
Политическо-ссыльныхъ	8			8
Неизвѣстнаго званія	2	2		4
Итого	1281	572		1853

Наибольшее число поступленій показываютъ:

Крестьяне, а именно	435 чел.	= 23,48%
Затѣмъ мѣщане и цѣховые	318	= 17,16%
Чиновники	269	= 14,51%
Нижніе воинскіе чины	259	= 13,98%
и наконецъ лица духовнаго званія	134	= 7,23%
На всѣ остальныя сословія приходится	438	= 23,64%
Итого	1853	= 100,00%

Не лишено нѣкотораго интересса довольно значительное число учителей, студентовъ и гимназистовъ, а именно поступило:

Студентовъ	53 чел.	= 2,86%
Гимназистовъ	27	= 1,45%
и учителей	22	= 1,18%
Итого	502	= 5,49%

10) О степени образованія поступившихъ.

Прибыло:

Получившихъ образованіе				
Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ	135 м.	2 ж.	Итого	137 чел.
Среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	306	81		387
Народныхъ училищахъ	40			40
Грамотныхъ, т. е. умѣющихъ читать и писать	315	138		453
Полуграмотныхъ, то есть умѣющихъ только читать	103	79		182
Неграмотныхъ	338	254		592
Неизвѣстно какого образованія	44	18		62
Итого	1281	572		1853

За исключеніемъ 62 челов., степень образованія которыхъ не могла быть выяснена, остается поступившихъ 1791 челов.

Изъ нихъ получили образованіе вообще 1199 чел. = 66,94%
и не получили никакого образованія 592 чел. = 33,06%
Итого 1791 = 100,00%

По сему исчисленію перевѣсъ числа поступившихъ оказывается на сторонѣ получившихъ образованіе. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что образованіе должно признать условіемъ, способствующимъ развитію душевнаго разстройства?

Нисколько. Число поступившихъ неграмотныхъ (592 чел.) въ сравненіи съ общимъ числомъ жителей простаго званія, по большей части совершенно необразованныхъ, до такой степени ничтожное, что лишаетъ насъ возможности построить на немъ какіе либо выводы.

11) О формахъ душевнаго разстройства поступившихъ.

По настоящее время раздѣленіе душевныхъ болѣзней на формы не имѣетъ достаточно твердаго основанія.

Опытъ ознакомилъ насъ съ душевнымъ разстройствомъ еще въ то время, когда объ отношеніи душевной дѣятельности къ нашему организму врачи имѣли самыя смутныя понятія. Увлекаясь не вполнѣ научно обставленнымъ предположеніемъ, что душевное разстройство не имѣетъ ничего общаго съ органическими условіями, попытались раздѣлить его на различныя формы, на основаніи тѣхъ предположеній, которыя составляли себѣ о нормальной душевной дѣятельности.

Принятіе отдѣльныхъ самостоятельныхъ, болѣе или менѣе не зависимыхъ одна отъ другой душевныхъ способностей, каковы напримѣръ: умъ, разумъ, воображеніе, память, воля и т. д. привело къ тому предположенію, что и различное проявленіе душевнаго разстройства должно подвести подъ уклоненіе отъ нормы той или другой душевной способности.

Такимъ образомъ возникло раздѣленіе душевныхъ болѣзней на болѣзни ума, болѣзни воли и т. п. Извѣстно какую роль еще лѣтъ тридцать тому назадъ играло ученіе о такъ называемомъ однопредметномъ помѣшательствѣ (Monomania) —ученіе, которое допуская самостоятельное заболѣваніе нравственныхъ побужденій человѣка (monomania moralis, folie d'actions, monomania affectiva, folie raisonnante, moral insanity) не разъ приводило психіатрію въ столкновеніе съ судебнымъ вѣдомствомъ. Лишь только новѣйшее время дало психіатріи иное направленіе. Съ одной стороны психологія, мало по малу выходя изъ-подъ опеки умозрительной фило-

софіи, начинала отказываться отъ самостоятельности душевныхъ „способностей".

Воззрѣніе же, что различныя проявленія душевной дѣятельности суть ничто иное, какъ различныя отношенія одного и того-же душевнаго процесса къ различнымъ условіямъ нашего организма, все болѣе и болѣе упрочивается, Съ другой стороны, возрастающіе успѣхи, какъ анатоміи такъ и физіологіи, привели насъ къ фундаментальному положенію, что головной мозгъ (и вся остальная нервная система) составляетъ собой органическое орудіе душевной дѣятельности. Руководствуясь этимъ положеніемъ, общая патологія не могла не отнестись къ душевному разстройству точно также, какъ она относится ко всѣмъ остальнымъ болѣзнямъ нашего организма. Душевное разстройство ничто иное, какъ своеобразная болѣзнь головнаго мозга—болѣзнь, какъ мы видѣли уже прежде, преимущественно обнаруживающаяся *измѣненіемъ сознательныхъ явленій*, свойственныхъ человѣку. Находя весьма опредѣленныя отношенія между признаками болѣзни, доступными нашему наблюденію и тѣмъ органомъ, патологическія измѣненія котораго вызываютъ ихъ, общая патологія не могла не высказать требованія, чтобы тотъ самый способъ изслѣдованія былъ примѣненъ и къ душевнымъ болѣзнямъ. Но здѣсь опытъ и теорія не сошлись. Опытъ, постоянно возрастая, собралъ обильный клиническій матеріалъ,—тогда какъ попытки привести наблюдаемыя ненормальныя явленія къ извѣстнымъ патологическимъ измѣненіямъ головнаго мозга, по настоящее время не увѣнчались успѣхомъ, и физіологія мало двинула впередъ коренные вопросы объ отношеніи душевной дѣятельности къ извѣстнымъ частямъ нервныхъ центровъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ легко понять, что клиническое наблюденіе душевныхъ болѣзней было вынуждено установить формы болѣзни болѣе или менѣе рѣзко отличающіяся одна отъ другой, независимо отъ того, что не могло опредѣлить ихъ отношенія къ вещественному составу головнаго мозга.

Принятыя нами формы душевныхъ болѣзней, основанныя на клиническомъ наблюденіи, вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ формамъ душевнаго разстройства, которыхъ по предложенію докторовъ Nasse и Tigges [1] нынѣ придерживаются

---

(1) Allg. Zeitschr. f. Ps. XXX. Berlin. 1873. стр. 242.

нѣмецкіе психіатры, при составленіи своихъ оффиціальныхъ отчетовъ по домамъ умалишенныхъ.

Наше законодательство признаетъ только два вида душевнаго разстройства: *врожденное*—безуміе и *пріобрѣтенное*—сумасшествіе [1]. Совершенно согласно съ этимъ и мы принимаемъ двѣ формы душевнаго разстройства: врожденный недостатокъ душевной дѣятельности и пріобрѣтенное помѣшательство. Послѣднее мы раздѣляемъ на *первичное* и *вторичное*.

Первичнымъ помѣшательствомъ называется душевное разстройство тогда, когда оно развивается въ человѣкѣ, бывшемъ до сихъ поръ совершенно здоровымъ.

Вторичнымъ помѣшательствомъ считается извѣстное болѣе или менѣе поразительное измѣненіе первичнаго, при чемъ вообще полагаемъ, что во время первичнаго помѣшательства нѣтъ существенныхъ измѣненій въ вещественномъ составѣ головнаго мозга, доступныхъ нашему изслѣдованію (функціональное помѣшательство), тогда какъ вторичное помѣшательство довольно часто сопровождается патологическими процессами въ головномъ мозгу, болѣе или менѣе рѣзко измѣняющими анатомическое строеніе нервнаго вещества (органическое помѣшательство). Къ первичному помѣшательству принадлежитъ также паралитичная форма душевнаго разстройства, которая съ самаго своего начала относится нами къ органическому помѣшательству. Наконецъ мы отдѣляемъ отъ остальныхъ формъ душевнаго разстройства эпилептическое помѣшательство.

Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующія формы душевнаго растройства:

1) Мрачное помѣшательство (Melancholia). Существенные признаки этой формы: угнетающій порывъ (горе, тоска, страхъ, отчаяніе) пониженіе самочувствія, замедленіе сочетанія представленій, ложныя представленія о собственномъ ничтожествѣ, негодности, неспособности, нерѣдко ложныя ощущенія слуха и зрѣнія, угрожающаго и ужасающаго содержанія, замедленіе и задержаніе мускульной дѣятельности, доходящее иногда до совершенной неподвижности больнаго.

---

(1) *Безумными* признаются не имѣющіе здраваго разсудка съ самаго ихъ младенчества; *сумасшедшими* почитаются тѣ, коихъ душевное разстройство происходитъ отъ случайныхъ причинъ. Св. З. Томъ X; ч. 1 ст. 365, 366.

2) Буйное помѣшательство (Mania) отличается возбуждающимъ порывомъ (веселость, радость, гордость, гнѣвъ и проч.), возвышеннымъ самочувствіемъ, ускорѣніемъ сочетанія представленій, бредомъ о своемъ собственномъ превосходствѣ, могуществѣ, достоинствѣ, ложными ощущеніями слуха и зрѣнія возбуждающаго характера, ускорѣніемъ мускульной дѣятельности, наклонностью къ насильственнымъ поступкамъ и разрушительнымъ дѣйствіямъ.

3) Сумасшествіе въ собственномъ смыслѣ слова (Dementia): отсутствіе порыва, равнодушіе, ослабленіе мыслительныхъ силъ, болѣе или менѣе систематическій бредъ, какъ о своей собственной личности, такъ и о самыхъ различныхъ предметахъ и отношеніяхъ; сочетаніе представленій поверхностно, вяло, нерѣдко безсвязно; ложныя ощущенія слуха и зрѣнія (нерѣдко всѣхъ органовъ чувствъ) самаго разнообразнаго содержанія; мускульная дѣятельность проявляется вяло.

4) Слабоуміе (Amentia) представляетъ собой лишь продолженіе предъидущей формы и характеризуется болѣе или менѣе явнымъ упадкомъ всей душевной дѣятельности.

5) Параличное помѣшательство обыкновенно раздѣляется на двѣ формы:

a) Возрастающій общій параличъ (Paralysis generalis progrediens): настроеніе мрачное или развязное, слабый оттѣнокъ порыва, потеря памяти, бредъ о величіи и богатствѣ, ложныя ощущенія разныхъ чувствъ, нерѣдко обонянія и вкуса; при дальнѣйшемъ теченіи крайняя безпечность, совершенно апатичное состояніе, упадокъ мыслительныхъ силъ до уничтоженія; параличныя явленія въ произношеніи словъ, въ движеніяхъ конечностей и всего туловища. Къ концу болѣзни параличъ переходитъ и на растительную сферу организма.

b) Параличное слабоуміе (Dementia paralytica) есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе сумасшествія подъ вліяніемъ мѣстныхъ параличей.

6) Эпилептическое помѣшательство (Insania epileptica) характеризуется совмѣстнымъ появленіемъ эпилептическихъ припадковъ и первичнаго или (чаще) вторичнаго помѣшательства. Наконецъ

7) Врожденный недостатокъ душевной дѣятельности (Imbecillitas congenita, Idiotismus): слабое, неправильное душевное развитіе, тупочувствіе, и мимолетныя впечатлѣнія

органовъ чувствъ, отрывочное сочетаніе представленій, большая или меньшая неспособность говорить, совершенно апатичное состояніе или (по временамъ) усиленная раздражительность, вялая мускульная дѣятельность.

Придерживаясь приведенныхъ семи формъ душевнаго разстройства въ отчетахъ моихъ, ежегодно представляемыхъ въ Медицинскій Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, я конечно и здѣсь не могъ найдти основанія замѣнить ихъ какимъ нибудь другимъ раздѣленіемъ душевныхъ болѣзней.

Въ продолженіи десятилѣтія:

Поступило одержимыхъ:

Мрачнымъ помѣшательствомъ (Melancholia)	396 м.	170 ж.	Итого 566 чел.
Буйнымъ помѣшательствомъ (Mania)	176	105	281
Сумасшествіемъ (Dementia)	328	164	492
Слабоуміемъ (Amentia)	110	80	190
Параличнымъ помѣшательствомъ			
a) возрастающимъ общимъ параличемъ (Paralysis generalis progrediens)	126	8	134
b) параличнымъ слабоуміемъ (Dementia paralytica	16	1	17
Эпилептическимъ помѣшательствомъ (Insania epileptica)	41	16	57
Врожденнымъ недостаткомъ душевной дѣятельности (Imbecillitas congenita)	15	9	24
Сомнительнаго душевнаго состоянія (испытуемыхъ)	73	19	92
Итого	1281	572	1853

За исключеніемъ 92 человѣкъ испытуемыхъ остается 1761 человѣкъ; въ томъ числѣ оказалось одержимыхъ:

Первичнымъ помѣшательствомъ	847	чел.	= 48,10%
вторичнымъ	682		= 38,73%
параличнымъ	151		= 8,58%
эпилептическимъ	57		= 3,24%
и врожденнымъ недостаткомъ душевной дѣятельности	24		= 1,35%
Итого	1761		=100,00%

Не лишено значенія значительная разница между обѣими формами первичнаго помѣшательства. Одержимыхъ таковымъ поступило всего 847 человѣкъ, изъ нихъ оказалось:

Меланхоликовъ	566	чел.	= 66,82%
и Маніаковъ	281		= 33,18%
Итого	847		=100,00%

Спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ чаще заболѣваютъ меланхоліей, чѣмъ маніей.

Въ теченіе пятилѣтія, съ 1859—1863 года въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ въ Петербургѣ, какъ сообщаетъ докторъ Gehewe (¹) поступило: 346 муж. 351 жен. итого 697 чел. изъ нихъ было одержимо:

Melancholia	81 муж.	99 ж.	Итого 180 чел.
Mania	56	73	129
Итого	137	172	309

Стало быть на меланхолію приходится 25,82%, а на манію 18,50%; отношеніе же первичныхъ формъ между собой даетъ на меланхолію 58,25%, а на манію 41,75%.

Въ высшей степени замѣчательно, что въ отчетахъ заграничныхъ домовъ умалишенныхъ мы находимъ совершенно противоположное отношеніе первичныхъ формъ между собой. Такъ напримѣръ за время съ 1 октября 1842 года по 31 декабря 1862 года въ Баденское заведеніе для по-

(¹) Medicinisch—statistischer Bericht über die öffentliche Irrenheil- und-Pflegeanstalt bei St. Petersburg zur Mutter Gottes aller Leidtragenden. Separatabdruck aus der St. Pet. Med. Zeitschrift. Bd. XI. 1866.

мѣшанныхъ Illenau—всего принято было: 2286 мужчинъ и 2091 женщина=4377 челов. въ томъ числѣ одержимо было:

Melancholia	397 м.	702 ж.	=1099 чел.
Mania	746	454	=1200
Итого	1143	1156	=2299

Такимъ образомъ меланхоликовъ оказывается 25,10% и маніаковъ 27,41%; подвергая же расчету однихъ только одержимыхъ первичнымъ помѣшательствомъ, мы получаемъ на общее число ихъ (2299 ч.) 47,81% меланхоликовъ и 52,19% маніаковъ ([1]). За десятилѣтіе (1865—1876) въ земскомъ домѣ умалишенныхъ, недалеко отъ Берлина, (Neustadt-Eberswalde) на общее число 1820 человѣкъ принято было одержимыхъ:

Melancholia	66 м.	121 ж.	=187 чел.
Mania	118	124	=242
Итого	184	245	=429

Стало быть на общее число поступившихъ (1820 ч.) приходится одержимыхъ мрачнымъ помѣшательство 10,27%, буйнымъ же 13,29%. При томъ первичныя формы показываютъ въ пользу меланхоліи 43,59%, а маніи 56,41% ([2]).

Наконецъ въ Вѣнѣ на 4645 человѣкъ поступило одержимыхъ:

Melancholia	384 м.	576 ж.	= 960 чел.
Mania	874	641	=1515
Итого	1258	1217	=2475

Число первичныхъ формъ даетъ въ пользу меланхоліи 20,66%, а въ пользу маніи 32,40%. Изъ одержимыхъ первичнымъ помѣшательствомъ оказалось 38,79% меланхоликовъ и 61,21% маніаковъ ([3]).

([1]) Statistik der Heil-und-Pflegeanstalt Illenau. Allgemeine Zeitsch. f. Psychiatrie Bd. XXIV. 1867. стр. 492.

([2]) Erler, Statistischer Bericht über die Kurmärkische Landesirrenanstalt zu Neustadt — Eberswalde. Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie XXXIV. 1877. стр. 580.

([3]) O. M. стр. 322.

Подобное отношенiе мы находимъ также въ голландскихъ и французскихъ заведенiяхъ. За десятилѣтiе (съ 1844—1853 г.) въ восьми заведенiяхъ для помѣшанныхъ въ Голландiи на общее число поступившихъ 4730 человѣкъ оказалось одержимыхъ:

Melancholia	322 м.	434 ж.	= 756 чел.
Mania	871	981	= 1852
Итого	1193	1415	= 2608

Что составляетъ 39,15% манiи и 15,98% меланхолiи (1).

Съ 1840 — 1857 г. во французскомъ домѣ умалишенныхъ въ Оксерѣ при общемъ числѣ 1227 человѣкъ поступившихъ принято было одержимыхъ:

Melancholia	124 м.	182 ж.	= 306 чел.
Mania	214	207	= 421
Итого	338	389	= 727 (2).

Стало быть меланхоликовъ поступило 24,93%, а манiаковъ 34,31%.

Въ высшей степени замѣчательно, что въ заведенiяхъ Сенскаго департаментта (département de la Seine) во время войны получалось совершенно противоположное отношенiе первичныхъ формъ. Въ 1870 году, въ общемъ числѣ 2519 поступившихъ, было одержимыхъ:

Melancholia	211 м.	352 ж.	= 563 чел.
Mania	89	139	= 228
Итого	300	491	= 791

Что даетъ въ пользу меланхолiи 21,95%, а въ пользу манiи 9,05%.

Въ 1871 году на общее число 2198 человѣкъ поступило одержимыхъ:

Melancholia	178 м.	455 ж.	= 633 чел.
Mania	56	110	= 166

Слѣдовательно 28,79% меланхоликовъ и 7,55% манiаковъ (3).

(1) Cinquième rapport de la commission permanente d'inspection des établissements d'aliénés. Bruxelles. 1859. стр. 187.

(2) Girard de Cailleux, о. м. стр. 55.

(3) Statistique des malades entrés (1870 et 1871) au bureau d'admissions de la Seine. Par Bouchereau et Magnan. Ann. méd. psych. Vol. VIII. 1872 стр, 349 и т. д.

Приведенныя числа не оставляютъ сомнѣнія, что въ заграничныхъ заведеніхъ число поступающихъ больныхъ, одержимыхъ буйнымъ помѣшательствомъ болѣе или менѣе значительно превышаетъ число одержимыхъ мрачнымъ помѣшательствомъ. Это противорѣчіе съ нашими числами допускаетъ лишь двоякое объясненіе. Заграницей или заболѣваютъ чаще маніей, чѣмъ меланхоліей, тогда какъ у насъ наоборотъ, меланхолія встрѣчается чаще маніи, или же заболѣвающіе буйнымъ помѣшательствомъ заграницей препровождаются въ заведенія скорѣе меланхоликовъ, а у насъ скорѣе помѣщаютъ меланхоликовъ, чѣмъ маніаковъ. Мы полагаемъ, что то и другое предположеніе одинаково вѣроятно. Русскій народъ по характеру своему болѣе склоненъ къ пассивному страданію, чѣмъ къ энергической реакціи. Съ другой стороны вообще легче вести въ домъ умалешенныхъ меланхолика, чѣмъ маніака, нерѣдко оказывающаго сильное противодѣйствіе. По крайней мѣрѣ на вопросъ нашъ, отчего не привезли раньше больнаго въ Лечебницу, не однократно отвѣчали намъ, что это было невозможно по причинѣ буйнаго состоянія его, присовокупляя, что пароходныя общества и даже на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ отказывались принимать подобныхъ больныхъ въ число пассажировъ.

Формы душевнаго разстройства имѣютъ чрезвычайно важное вліяніе на исходъ его.

Излечимыми признаются лишь первичныя формы, мрачное и буйное помѣшательство; изъ вторичныхъ представляетъ слабую надежду па выздоровленіе только сумасшествіе (Dementia). При томъ въ большинствѣ случаевъ сумасшествія съ благопріятномъ исходомъ достигается только не полное выздоровленіе (Reconvalescetia cum defectu), т. е. больной становится болѣе или менѣе способнымъ къ продолженію своихъ прежнихъ занятій, онъ успокаивается на столько, что можетъ жить съ родными, не нарушая семейнаго порядка, но мышленіе его стало слабѣе. Слабоуміе совершенно неизлечимо. Возрастающій общій параличъ, хотя принадлежитъ къ первичнымъ формамъ, но не допускаетъ возстановленія здоровья. Точно также неизлечимы параличное слабоуміе, эпилептическое помѣшательство и безуміе.

За исключеніемъ 92 человѣкъ испытуемыхъ изъ общаго числа поступившихъ остается 1761 чел. Изъ нихъ было одержимо:

Первичными формами (melancholia и mania)	847	чел..
вторичною формою сумасшествія (Dementia)	492	чел.
остальными формами	422	чел.
Итого	1761	

Такимъ образомъ оказалось въ числѣ поступившихъ душевно-больныхъ:

1) Излечимыхъ	48,10%
2) Трудно излечимыхъ (или сомнительныхъ)	27,94%
и 3) неизлечимыхъ	23,96%
Итого	100,00%

12) О причинахъ помѣшательства.

Если мы признаемъ причинами помѣшательства, лишь такіе моменты, которые, дѣйствуя на человѣка, всегда и при всѣхъ условіяхъ, производятъ душевное разстройство, то мы должны сознаться, что причины помѣшательства неизвѣстны. Ежедневный опытъ показываетъ, что тѣже самыя обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ заболѣваютъ одни, едва ли оставляютъ какіе-либо слѣды на другихъ. Съ другой стороны, внимательное наблюденіе давно уже показало, что чрезвычайно рѣдко можно помѣшательство отнести къ дѣйствію одного только неблагопріятнаго условія.

Напротивъ того, въ большинствѣ случаевъ развитію душевныхъ болѣзней предшествуетъ цѣлый рядъ вредныхъ условій. При томъ послѣднія, часто производятъ душевное разстройство не потому, что онѣ достигли высшей степени своего дѣйствія, но отъ того, что долгое время подрывали здоровье субъекта. Наконецъ нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что о причинахъ душевныхъ болѣзней намъ доставляютъ свѣдѣнія окружающіе больнаго. Послѣдніе чрезвычайно рѣдко одарены наблюдательностью и обыкновенно передаютъ намъ только свои предположенія и соображенія о происхожденіи болѣзни. Не говоря о томъ, что родственники больнаго вслѣдствіе ложнаго стыда не рѣдко умалчиваютъ о нѣкоторыхъ семейныхъ отношеніяхъ, могущихъ бросить нѣкоторую тѣнь на нихъ самихъ, многіе относятъ развитіе помѣшательства къ какому нибудь случайному обстоятельству, непосредственно предшествовавшему ему, совершенно упуская изъ виду, что подобное обстоятельство едва-ли могло имѣть такое вліяніе, если-бы оно не замыкало собой болѣе или менѣе длинный рядъ неблагопріятныхъ условій, давно тяготѣвшихъ надъ больными.

Въ виду этихъ соображеній мы не могли составить таблицу отдѣльныхъ, опредѣленныхъ причинъ помѣшательства. Мы предпочли сгруппировать предполагаемыя причины помѣшательства такимъ образомъ, какъ онѣ обыкновенно въ жизни сочетаются между собой. И при этомъ способѣ изложенія причинъ мы вполнѣ сознаемъ, что таблица наша, вмѣсто выраженія точныхъ фактовъ, носитъ характеръ болѣе или менѣе основательныхъ предположеній.

При разсмотрѣніи предполагаемыхъ причинъ помѣшательства получали болѣе или менѣе вѣроятное значеніе этіологическихъ условій слѣдующіе моменты:

Усиленные умственные труды совмѣстно съ матеріальными лишеніями, съ бозсонницей и т. п. у	43 муж.	3 жен. =	46 чел.
Угнетающіе порывы (горе, заботы) бѣдность, матеріальные убытки, семейный разладъ и т. п.	187	152	339
Наслѣдственное и семейное предрасположеніе	57	48	105
Неправильное воспитаніе	70	24	94
Неумѣренный образъ жизни, въ особенности пьянство, excessus in venere, семейный раздоръ; недостатокъ средствъ не безъ участія также угнетающихъ порывовъ у	268	25	293
Механическое повреждение головы	12	3	15
Различныя острыя и хроническія болѣзни	69	85	154
Задержаніе душевнаго развитія отъ рожденія	15	9	24
Причины остались неизвѣстными	487	204	691

Оказалось безъ признаковъ душевнаго разстройства	73	19	92
Итого	1281	572	1853

За вычетомъ 92 челов., не бывшихъ душевно-больными, остается 1761 поступленіе.

Наибольшее число падаетъ на случаи, въ которыхъ оказалось невозможнымъ, даже предположительно, опредѣлить причины помѣшательства.

Такихъ случаевъ было:	691 =	39,24%
Затѣмъ слѣдуютъ угнетающіе порывы и проч.	339 =	19,25%
Неправильный образъ жизни	293 =	16,64%
Разныя болѣзни	154 =	8,75%
Наслѣдственное предрасположеніе	105 =	5,96%
Неправильное воспитаніе	94 =	5,34%
Усиленные умственные труды	46 =	2,61%
Безуміе	24 =	1,36%
Поврежденія головы	15 =	0,85%
Итого	1761 =	100,00%

За вычетомъ 691 случая, въ которыхъ причины помѣшательства остались совершенно неизвѣстными, процентное распредѣленіе ихъ на остальныхъ 1170 человѣкъ нѣсколько измѣняется; а именно приходится на

Угнетающіе порывы и проч.	31,68%
Неправильный образъ жизни и т. д.	27,38%
Различныя болѣзни	14,39%
Наслѣдственное предрасположеніе	9,82%
Неправильное воспитаніе	8,79%
Усиленные умственные труды и проч.	4,30%
Врожденный недостатокъ развитія	2,24%
Поврежденія головы	1,40%
Итого	100,00%

Принимая въ соображеніе, что приведенныя нами „причины помѣшательства“ выражаютъ собой только предположеніе родственниковъ больныхъ, мы не можемъ признат

ихъ вполнѣ достовѣрными или доказанными и потому удерживаемся отъ подробнаго разбора. Мы замѣтимъ лишь, что въ числѣ предполагаемыхъ причинъ помѣшательства угнетающіе порывы и злоупотребленіе вина (59,06%) представляютъ наибольшую степень достовѣрностей относительно своего вреднаго вліянія на душевное здоровье, потому собственно, что ихъ участіе нерѣдко замѣчалось и въ тѣхъ случаяхъ, которые, по преобладающимъ этіологическимъ моментамъ, должны были быть отнесены къ другимъ группамъ причинъ.

Что касается „неправильнаго воспитанія" то мы долго колебались: установить-ли эту группу причинъ помѣшательства или нѣтъ. Подъ рубрику „неправильнаго воспитанія" мы подвели не только тѣхъ больныхъ, коихъ воспитаніе, въ точномъ смыслѣ слова, было недостаточно, но и тѣхъ, которые съ юныхъ лѣтъ, лишенные надлежащаго руководства и увлекаемые самолюбіемъ, часто мѣняли свои занятія по поводу слабой подготовки и кончили тѣмъ, что называется „неудавшейся жизнью". Во многихъ изъ этихъ случаевъ нельзя было не подозрѣвать наслѣдственнаго предрасположенія, хотя его и отрицали окружающіе больныхъ; въ другихъ—злоупотребленіе вина, временно-усиленные умственные труды, недостатокъ матеріальныхъ средствъ и неминуемые, конечно, при такихъ условіяхъ, угнетающіе порывы имѣли болѣе или менѣе значительное вліяніе на развитіе душевнаго разстройства.

Наконецъ цифры наши, выражающія наслѣдственное предрасположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ (9,82%) едва-ли совершенно точны, потому собственно, что мы признавали наслѣдственное предрасположеніе за причину помѣшательства лишь только въ тѣхъ случаяхъ, когда получались о немъ положительныя свѣдѣнія. Многіе же случаи, въ которыхъ отвергали наслѣдственное предрасположеніе, нами приняты не были, хотя больные рѣзко представляли форму такъ называемаго наслѣдственнаго помѣшательства (Morel) и потому трудно было согласиться съ несуществованіемъ наслѣдственнаго предрасположенія.

Вслѣдствіи такого строгаго отношенія къ наслѣдственному предрасположенію, получаемая нами цифра (9,82%) и оказалась столь ничтожною въ сравненіи съ данными, по сему предмету, заграничной статистики.

На основаніи наблюденій въ Leubus'ѣ докторъ Iung (1) за 33 года на общее число 3606 больныхъ нашелъ 28,48% наслѣдственныхъ случаевъ помѣшательства. Тотъ же авторъ приводитъ числа многихъ другихъ врачей по тому же предмету. Такъ напримѣръ Grainger опредѣляетъ наслѣдственность въ 59,51%, Thurnam въ 47,70%; Michea въ 50,75%; Iessen въ 65,00% и Moreau даже въ 90,00%. Damerow принмаетъ отъ 25,00% до 32,50% Legrand du Saulle (2) отъ 15% до 90%.

Докторъ Tigges (3) нашелъ на 662 поступленія 32,08% наслѣдственнныхъ случаевъ и приводитъ слѣдующія данныя по нѣкоторымъ другимъ заведеніямъ для помѣшанныхъ. Въ Sachsenberg'ѣ на 366 поступившихъ приходилось наслѣдственныхъ случаевъ 46,50%; въ Stephansfeld'ѣ на 394—47,05%; въ Siegburg'ѣ съ 1867—1869 г. поступили 899 человѣкъ, въ томъ числѣ 49,00% наслѣдственныхъ случаевъ, а съ 1871—1873 г. на 1207 поступившихъ оказалось, 44,70% наслѣдственности. Заведенія Marsberg дало на 501 поступленіе—43,80% и Lengerich на 283—35,00% наслѣдственнаго предрасположенія.

---

(1) Einige Untersuchungen über die Erblichkeit der Seelenstörungen. Allg. Zeitschr. für Psych. XXIV 1866.

(2) Vorlesungen, gehalten an der Ecolpractique zu Paris, von Legrand du Saulle aus dem französ. übersezt von Stark Stuttgart. 1874.

(3) O. M. стр. 6 и 9.

II О СОДЕРЖАНІИ, ЛЕЧЕНІИ И ПРИЗРѢНІИ БОЛЬНЫХЪ.

1) СОДЕРЖАНІЕ.

Выше было сказано, что въ Казанской Окружной Лечебницѣ содержаніе больныхъ раздѣляется на два класса. Въ первомъ помѣщаются больные образованные, болѣе или менѣе достаточные, привыкшіе къ нѣкоторымъ удобствамъ жизни; во второмъ—лица преимущественно простаго званія. Различіе обоихъ классовъ относится какъ къ самымъ помѣщеніямъ занимаемымъ больными, такъ и къ одеждѣ и къ бѣлью, а главнымъ образомъ къ столу. Основаніемъ продовольствія больныхъ служитъ слѣдующая табель, утвержденная Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Количество припасовъ, входящихъ въ составъ пищи и питья для больныхъ Казанской Окружной Лечебницы опредѣляется слѣдующей таблицей:

НАЗВАНІЕ ПРИПАСОВЪ.	Отпускается въ недѣлю каждому больному.									
	по I классу.					по II классу.				
	Фун.	Золот.	Шт.	Круж.	Коп.	Фун.	Золот.	Шт.	Круж.	Коп.
Чаю	—	7	—	—	—	—	$5\frac{1}{4}$	—	—	—
Сахару	—	84	—	—	—	—	42	—	—	—
Хлѣба бѣлаго . . .	$5\frac{1}{4}$	—	—	—	—	$3\frac{1}{2}$	—	—	—	—
— чернаго . .	7	—	—	—	—	14	—	—	—	—
Квасу.	—	—	—	7	—	—	—	—	$10\frac{1}{2}$	—
Соли	—	56	—	—	—	—	42	—	—	—
Говядины	5	—	—	—	—	$3\frac{1}{2}$	—	—	—	—
Телятины	1	—	—	—	—	$\frac{3}{4}$	—	—	—	—
Свѣжей рыбы . . .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Куръ	—	—	$\frac{1}{4}$	—	—	—	—	—	—	—
Муки круп. 1 сорта.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
— 2 —	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
— 3 —	—	24	—	—	—	$\frac{1}{4}$	—	—	—	—
— картофельной .	—	12	—	—	—	—	24	—	—	—
Крупъ манныхъ . .	$\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—
— овсянныхъ. .	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—
— пшенныхъ. .	—	36	—	—	—	—	72	—	—	—
— гречневыхъ .	—	60	—	—	—	1	6	—	—	—
— перловыхъ. .	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—
Гороху	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Яблоковъ сушеныхъ.	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—
Шепталы	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—
Чернослива. . . .	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—

НАЗВАНІЕ ПРИПАСОВЪ.	Отпускается въ недѣлю каждому больному.									
	по I классу.					по II классу.				
	Фун.	Золот.	Шт.	Круж.	Коп.	Фун.	Золот.	Шт.	Круж.	Коп.
Клюквы	—	48	—	—	—	—	—	—	—	—
Сахарнаго песку . .	—	18	—	—	—	—	—	—	—	—
Яицъ куриныхъ . .	—	—	3½	—	—	—	—	½	—	—
Масла коровьяго . .	—	39	—	—	—	—	33	—	—	—
— маковаго . .	—	14	—	—	—	—	—	—	—	—
— конопляннаго	—	—	—	—	—	—	16	—	—	—
Огурцовъ	—	—	4	—	—	—	—	6	—	—
Капусты	—	—	—	1	—	—	—	—	2	—
Луку	—	30	—	—	—	—	42	—	—	—
Зелени и кореньевъ .	—	—	в го	ъ дъ	20	—	—	в го	ъ дъ	20
Картофеля	4	—	—	—	—	3	—	—	—	—
Хрѣну	—	18	—	—	—	—	12	—	—	—
Свеклы.	½	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Уксусу	—	27	—	—	—	—	12	—	—	—

Указанные припасы (въ извѣстномъ количествѣ) ежедневно распредѣляются по слѣдующему росписанію обѣденныхъ порцій.

Дни.	Скоромныя: 1 класса.	Скоромныя: 2 класса.	Постныя: 1 класса.	Постныя: 2 класса.
Понедѣльникъ.	1) Щи съ говяд. 2) Говядина изъ щей подъ картоф. соусомъ. 3) Манная каша.	1) Щи съ говядиной. 2) Каша гречневая.	1) Щи съ грибами. 2) Каша пшен. 3) Клюквенный кисель.	1) Щи съ грибами. 2) Каша гречневая.
Вторникъ.	1) Супъ овсян. съ говядиной. 2) Котлетты съ жарен. картоф. 3) Компотъ.	1) Борщъ съ говядиной. 2) Каша пшенная.	1) Супъ картофельной. 2) Каша гречневая. 3) Компотъ	1) Супъ картофельной. 2) Каша гречневая.
Среда.	1) Борщъ съ говядиной. 2) Курица подъ соусомъ. 3) Оладьи.	1) Супъ картофельной. 2) Винегретъ.	1) Холод. рыба. 2) Супъ гороховый. 3) Жарен. картофель.	1) Щи съ грибами. 2) Винегретъ съ рыбой.
Четвергъ.	1) Супъ или лапш. 2) Говядина изъ супа подъ хрѣн. 3) Каша пшен.	1) Щи съ говядиной. 2) Каша гречневая.	1) Борщъ. 2) Винегретъ. 3) Оладьи.	1) Борщъ. 2) Жарен. картофель.
Пятница.	1) Супъ овсянной съ говядиной. 2) Котлетты съ жарен. картоф. 3) Компотъ.	1) Супъ гороховый. 2) Жаренный картофель съ огурц.	1) Щи съ грибами. 2) Ман. каша. 3) Жар. рыба.	1) Щи съ грибами. 2) Кисель гороховой.

Дни.	Скоромныя.		Постныя.	
	1 классъ.	2 классъ.	1 классъ.	2 классъ.
Суббота.	1) Супъ перл. съ говядиной. 2) Бифшт. съ картофелемъ. 3) Клюкв. кисель.	1) Щи съ говядиной. 2) Каша пшенная.	1) Супъ карт. 2) Котлеты рисовыя съ гриб. соусомъ. 3) Клюк. кис.	1) Супъ картофельной. 2) Каша гречневая.
Воскресеніе.	1) Щи съ говяд. 2) Кулебяка съ гречн. начинкой. 3) Жарен. телят. 4) Блинцы.	1) Борщъ съ гов. 2) Жарен. телят. съ картофелемъ. 3) Пирогъ съ греч. начинкой.	1) Холод. рыба. 2) Пирогъ съ рисовой начинкой и вязигой. 3) Борщъ. 4) Оладьи.	1) Холод. винегретъ съ рыб. 2) Борщъ. 3) Пирогъ съ греч. начинк.

Ужинъ какъ въ постные, такъ и скоромные дни отъ обѣденнаго количества.

Если почему бы то ни было окажется нужнымъ для больнаго отмѣнить обыкновенную порцію показанную въ росписаніи, то можетъ быть ему назначаема одна изъ слабыхъ порцій, а именно: 1) Куриный супъ и манная каша: 2) Телячій супъ и яйца въ смятку; 3) Овсянный супъ съ черносливомъ и 4) Овсянный кисель съ молокомъ.

Для усиленія же питанія предоставляется врачамъ назначать больнымъ сверхъ обыкновенной, еще добавочныя порціи. Такихъ полагается шесть, а именно: 1) Жареная говядина; 2) Битокъ, 3) Бифштексъ съ хрѣномъ; 4) Гречневая каша съ молокомъ; 5) Черный хлѣбъ и 6) Бѣлый хлѣбъ.

Наконецъ, также по особому распоряженію врачей, больные могутъ получать экстренныя порціи, а именно: молочныя (1 круж.), пивныя (1 бутыл.), водочныя (2 унца) и винныя (2 унца).

Для большаго разнообразія, показанные въ предъидущей табели, жизненные припасы, смотря по временамъ года и по другимъ условіямъ, могутъ быть замѣняемы другими, не выходя, конечно, изъ годовой смѣты.

Не лишнимъ считаю присовокупить, что прислуга непосредственно состоящая при больныхъ, получаетъ столъ втораго класса.

2) Леченіе.

Главное положеніе, которымъ руководствуется леченіе помѣшанныхъ, состоитъ въ томъ, что помѣшательство есть болѣзнь головнаго мозга, то есть болѣзнь, по сущности своей, зависящая отъ какихъ-бы то ни было патологическихъ измѣненій въ вещественномъ составѣ нашего организма. Душевное разстройство само по себѣ, какъ уклоненіе отъ нормы душевной дѣятельности, не допускаетъ непосредственнаго леченія. Insania non verbis, sed remediis sanatur, то есть помѣшательство лечится не словами, но лекарствомъ. И въ самомъ дѣлѣ больному не легче отъ того, если мы будемъ ему доказывать, что тоска его, ведущая его къ отчаянію, есть болѣзненное ощущеніе, или, что возникшій у него, вслѣдствіе ложныхъ ощущеній бредъ его не соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ находится больной.

Всѣ наши убѣжденія и усовѣщеванія останутся совершенно безуспѣшными; больной не можетъ не тосковать и не откажется отъ своего бреда, пока продолжаются тѣ ненормальныя органическія условія, вслѣдствіе которыхъ возникаетъ его тоска и бредъ. Но какъ только намъ удалось путемъ примѣненія надлежащихъ лекарствъ привести въ норму всѣ отправленія организма, въ томъ числѣ конечно и головнаго мозга, то тоска и бредъ проходятъ сами собой.

Головной мозгъ не есть самостоятельный органъ, не имѣющій ничего общаго съ другими органами нашего тѣла. Напротивъ того всѣ отправленія нашего организма зависятъ отъ головнаго мозга. Между головнымъ мозгомъ и остальными органами нашего тѣла установлена полная взаимность. Не только состояніе головнаго мозга имѣетъ обширное вліяніе на всѣ растительныя отправленія, но и болѣе или менѣе значительныя измѣненія послѣднихъ легко отражаются на первыхъ. Въ виду этихъ соображеній ясно, что

то разстройство головнаго мозга, которое сопровождается ненормальнымъ проявленіемъ душевной дѣятельности едва-ли можетъ продолжаться долгое время не вовлекая въ болѣзненный процессъ и другія отправленія. Не менѣе ясно, что данное разстройство растительной сферы организма можетъ вести къ тому своеобразному раздраженію головнаго мозга, которое служитъ органической почвой для развитія душевнаго разстройства. Ошибается, кто допускаетъ душевное разстройство при полномъ тѣлесномъ здоровьи. Ошибается, кто увѣряетъ насъ, что данное лицо „только" помѣшано, а физически совершенно въ нормальномъ состояніи. Ошибается, кто утверждаетъ, что душевное разстройство есть „болѣзнь души" и потому недоступно лекарственному леченію. Уже древніе говорили „mens sana in corpore sano". Въ самомъ дѣлѣ, подвергая помѣшаннаго, во время развитія его болѣзни, тщательному изслѣдованію, мы всегда находимъ болѣе или менѣе значительныя уклоненія отъ нормы въ сферѣ растительной. Процессы кровообращенія, дыханія, пищеваренія принимаютъ болѣе или менѣе рѣзкое участіе въ той мозговой болѣзни, которая вызываетъ собой душевное разстройство. Уклоненія отъ нормы означенныхъ растительныхъ отправленій въ началѣ душевной болѣзни до такой степени постоянны, что по всей справедливости заслуживаютъ названія физическихъ признаковъ душевнаго разстройства. Правда послѣдніе по мѣрѣ продолженія помѣшательства часто изглаживаются и тогда неопытный наблюдатель дѣйствительно можетъ придти къ заключенію, что душевно-больной физически совершенно здоровъ, но подобное состояніе встрѣчается лишь тогда, когда помѣшательство стало неизлѣчимо.

Опытъ показываетъ, что приведеніе къ нормѣ разстройства растительныхъ отправленій нерѣдко имѣетъ послѣдствіемъ и прекращеніе раздраженія головнаго мозга и больной выздоравливаетъ.

Поэтому первой задачей психіатра при леченіи душевно-больныхъ является по мѣрѣ возможности точное опредѣленіе того состоянія, въ которомъ находится вся растительная сфера. Опытъ показываетъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ помѣшательства подающихъ еще нѣкоторую надежду на излеченіе, общій процессъ питанія находится въ упадкѣ. Больной блѣденъ, слабъ и вялъ; вѣсъ тѣ-

ла его уменьшенъ. При такихъ условіяхъ мы прежде всего обращали вниманіе на діэту больныхъ. Хорошая пища и, въ случаѣ надобности, добавочная порція и молоко—вотъ средства, рѣдко не приносившія ожидаемой пользы. Само собой разумѣется, что назначенію укрѣпляющей діэты предшествовало тщательное изслѣдованіе органовъ пищеваренія. Катарры желудка и кишекъ и другія болѣзненныя состоянія пищеварительнаго аппарата, конечно, вызывали назначеніе подлежащихъ средствъ. Если отъ одной только укрѣпляющей діэты нельзя было ожидать поправленія больнаго, то прибѣгали къ такъ называемымъ укрѣпляющимъ средствамъ (Roborantia). Точно также уклоненія отъ нормы дѣятельности сердца, кровообращенія и дыхательныхъ органовъ вызывали назначеніе соотвѣтствующихъ средствъ. Само собой разумѣется, что всѣ тѣ лѣкарства, которымъ приписываютъ дѣйствіе на нервную систему, въ особенности на головной мозгъ, не рѣдко были въ употребленіи. Сюда главнымъ образомъ принадлежатъ и снотворныя средства (Narcotica и различные алкалоиды). Обширнымъ примѣненіемъ пользовались теплыя ванны.

Едва-ли требуетъ особаго объясненія, что соотвѣтствующее пособіе было оказываемо и тѣмъ больнымъ, которые во время душевнаго разстройства, заболѣвали посторонними болѣзнями.

Въ теченіе перваго десятилѣтія Казанской Окружной Лечебницы прописано было 73257 рецептовъ; назначено было ваннъ 25290.

Прочитавъ эти строки, многіе читатели, можетъ быть, удивятся тому, что мы ничего не сказали о нравственномъ леченіи помѣшанныхъ. Можетъ быть ихъ удивленіе еще возрастетъ, если мы замѣтимъ, что въ Окружной Лечебницѣ нравственнаго леченія, въ смыслѣ опредѣленнаго способа, вовсе не было. Исторія психіатріи учитъ насъ, что въ то время, когда въ душевной болѣзни видѣли разстройство самой души болѣе или менѣе независимое отъ органическихъ условій ея проявленія, нѣкоторые врачи считали возможнымъ непосредственное психическое вліяніе на больныхъ съ цѣлью лечебнаго дѣйствія. Называя психическими средствами всѣ тѣ вліянія, которыя, дѣйствуя на тѣло или на душу, производятъ неизвѣстную перемѣну въ психиче-

ской сферѣ. Reil ([1]) раздѣляетъ ихъ на слѣдующія группы: 1) психическія средства, дѣйствующія на тѣлесное состояніе человѣка, а именно: a) стимулы производящіе пріятныя ощущенія (Lustgefühle). Сюда принадлежатъ хорошій воздухъ, хорошая пища, чистота, легкое щекотаніе, животный магнетизмъ, половое совокупленіе, прекращеніе боли; b) стимулы, производящіе непріятныя ощущенія (Unlustgefühle): яды, тошнота, утомленіе, голодъ, жажда, мушки, заволоки, моксы, раскаленное желѣзо, крапива, сильное щекотаніе, прививаніе чесотки, не вредные способы пытки (вертящееся кресло, Drehstuhl, розги, погруженіе въ воду). Подобныя мѣры наказанія должны были быть приведены въ исполненіе не врачами или прислугой, но особымъ состоящимъ при заведеніи палачемъ (Büttel).

2) Предметы, дѣйствующіе на органы зрѣнія, слуха и осязанія, каковы напримѣръ различныя произведенія природы и искуства. Строительные ящики, картины, ракеты, пистолетные выстрѣлы, пушечный громъ, глухой колокольный звонъ, хаотическое сочетаніе звуковъ (Katzenclavier), музыка. Для дѣйствія на органы осязанія авторъ предлагаетъ запирать больнаго въ темный подвалъ, наполненный странными подвижными и неподвижными, живыми и мертвыми предметами.

При каждомъ домѣ умалишенныхъ долженъ быть устроенъ театръ.

3) Разные знаки и символы, печать и письмо, главнымъ образомъ для выздоравливающихъ.

Для подготовки больнаго къ дѣйствію подобныхъ лечебныхъ средствъ нужно прибѣгнуть къ принужденію, къ насилію, къ наказанію. Замѣчательны также совѣты, направленные на нѣкоторыя явленія душевнаго разстройства, такъ напримѣръ, противъ бреда о величіи нужно убѣдит- больнаго въ противоположномъ, грозить ему, наказать его. Когда онъ находится въ безсознательномъ состояніи, то для большаго возбужденія нервной системы нужно его внезапно бросать въ воду, нужно палить изъ пушекъ, водить его по склепамъ и магическимъ храмамъ, пугать его змѣями и т. д. Для того, чтобы вызвать въ больномъ собственную

([1]) Reil, Rhapsodien über die Anvendung der psychischen Curmethoden auf Geisteszerrüttung. Halle. 1818.

дѣятельность, нужно подвергнуть его мнимой опасности, какъ напримѣръ нападенію кажущихся дикихъ звѣрей, внезапнымъ обваламъ земли и т. п. При угнетающихъ страстяхъ для возбужденія жизненной силы, между прочимъ, предлагается путешествіе съ опасностью для состоянія и жизни. Отъ такъ называемой „idée fixe" помогаетъ пощечина. Если односторонній бредъ относится къ предметамъ суевѣрія, то нужно дѣйствовать разъиграннымъ заклинаніемъ дьявола, небесными явленіями, музыкой. При неистовствѣ дѣйствіе тѣлесныхъ средствъ дополняютъ испугъ и наказаніе.

Мы привели предстоящія данныя лишь для того, чтобы показать до какихъ чудовищныхъ размѣровъ можетъ заблуждаться воображеніе ученыхъ при недостаткѣ положительныхъ познаній и точнаго опыта. Къ счастію для помѣшанныхъ весьма не многіе способы психическаго леченія, предложенные Reil'емъ, дѣйствительно были введены въ практику. Тѣмъ не менѣе довольно долгое время удержалось въ психіатріи предположеніе, что душевныя болѣзни уступаютъ непосредственному психическому леченію. Такое дѣйствіе главнымъ образомъ приписывали запугиванію (Intimidation) угрозамъ, наказанію больныхъ. Leuret (1) считалъ возможнымъ самостоятельное заболѣваніе души, хотя не отрицаетъ, что во многихъ случаяхъ душевное разстройство зависитъ отъ однихъ только тѣлесныхъ условій. Въ первомъ случаѣ, по его мнѣнію, должно имѣть мѣсто психическое леченіе. Нравственному леченію Leuret даетъ значеніе перевоспитанія больныхъ съ цѣлью дѣлать ихъ болѣе способными успѣшно противостоять тѣмъ вліяніямъ, которымъ они прежде поддавались. Онъ отказывается дать опредѣленныя наставленія, но совѣтуетъ врачу пользоваться всѣмъ, что только могло-бы имѣть желаемое дѣйствіе на больнаго. Онъ считаетъ вполнѣ позволительнымъ прибѣгнуть къ хитрости и къ обману и даже къ безпощадной строгости.

Чѣмъ дальше шло наблюденіе душевныхъ больныхъ, чѣмъ лучше устроивались дома умалишенныхъ, чѣмъ обширнѣе примѣненъ былъ къ дѣлу общій принципъ гуманности,

---

(1) Des indications à suivre dans le traitement moral de la folie. Par T. Leuret. Paris. 1846.

въ обращеніи съ душевно-больными, тѣмъ болѣе отступало на задній планъ нравственное леченіе, основанное гораздо болѣе на теоретическихъ соображеніяхъ, чѣмъ на данныхъ опыта. Въ новѣйшее время одинъ изъ лучшихъ психіатровъ, докторъ Hergt (¹) въ Баденѣ, въ прекрасной статьѣ о леченіи душевныхъ болѣзней, предостерегая насъ принимать на себя роль педагога, чрезвычайно ясно излагаетъ отношенія врача къ больнымъ. Все то, что прежде шло подъ названіемъ нравственнаго леченія, нынѣ приводится лишь только къ практическому вопросу объ обращеніи съ душевно-больными въ домахъ умалишенныхъ. Раціональное обращеніе же съ ними составляетъ собой руководство ихъ призрѣнія.

(²) Einiges zur Behandlung von Seelenstörungen von Dr. Hergt. Allg. Zeitschrift für Psych. XXXIII. 1877. 802.

3) Призрѣніе.

Душевная болѣзнь лишь только въ исключительныхъ случаяхъ заставляетъ больнаго лежать въ постели, сохраняя способность передвиженія съ мѣста на мѣсто. Притомъ сознаніе о болѣзни весьма слабо. Уже эти два обстоятельства придаютъ дому умалишенныхъ своеобразный оттѣнокъ. Больной поступаетъ противъ воли своей и желаетъ пользоваться нѣкоторою свободою движеній. Первое условіе имѣетъ характеръ принудительный, второе—обусловливаетъ собой пространственныя отношенія заведенія. Ясно, что совмѣстное пребываніе множества больныхъ въ однихъ и тѣхъ же помѣщеніяхъ едва-ли мыслимо безъ нарушенія общаго спокойствія, если образъ жизни въ Лечебницѣ не будетъ обставленъ извѣстными правилами. Ясно, что заведенный порядокъ жизни обязателенъ для всѣхъ, на столько, конечно, на сколько каждый способенъ соблюдать его. Способность душевно-больныхъ соблюдать извѣстный порядокъ или исполнять извѣстныя наставленія вполнѣ зависитъ отъ свойства и степени ихъ болѣзни. Поэтому больные помѣщаются въ различныхъ отдѣленіяхъ выше нами указанныхъ.

Въ Казанской Окружной Лечебницѣ введено слѣдующее распредѣленіе дня.

ОБЩІЯ ПРАВИЛА ВНУТРЕННЯГО ПОРЯДКА.

1) Въ лѣтнее время въ 7, въ зимнее въ 8 часовъ утра больные встаютъ, умываются и одѣваются. Затѣмъ изъ числа больныхъ II класса, способные къ тому, при помощи служителей и сидѣлокъ, убираютъ постели и приводятъ въ надлежащій порядокъ ночныя помѣщенія.

2) Послѣ уборки спаленъ больные отправляются въ общія столовыя, въ которыхъ утренній чай подается зимой въ 9, а лѣтомъ въ 8 часовъ.

3) Больнымъ I класса, занимающимъ отдѣльныя комнаты, дозволяется съ разрѣшенія врачей, пить чай въ своихъ комнатахъ.

4) Послѣ чая больные собираются въ назначенныхъ для того помѣщеніяхъ или отправляются въ сады и дворы для занятій. Занятія продолжаются отъ 10—12 часовъ при участіи въ нихъ служителей и сидѣлокъ и по указанію надзирателей и надзирательницъ.

5) Неспособные къ занятіямъ больные проводятъ время въ дневныхъ помѣщеніяхъ или, смотря по погодѣ, на свѣжемъ воздухѣ.

6) Больные I класса, если почему бы то ни было не участвуютъ въ общихъ занятіяхъ, остаются въ дневныхъ залахъ своихъ отдѣленій, предаваясь чтенію книгъ или другимъ какимъ либо развлеченіямъ по указанію врачей.

7) Въ продолженіе дня оставаться въ общихъ спальняхъ недозволяется. Занимающіе отдѣльныя комнаты могутъ въ нихъ оставаться днемъ только съ разрѣшенія врачей.

8) Обѣдъ подается въ 12½ часовъ въ общихъ столовыхъ. Передъ тѣмъ, чтобы садиться за столъ и по окончаніи обѣда, состоящій при отдѣленіи старшій служитель или одинъ изъ больныхъ вслухъ читаетъ краткую молитву.

9) Получающіе экстренныя порціи и неспособные почему бы то ни было участвовать въ общихъ столовыхъ, обѣдаютъ въ отдѣльныхъ комнатахъ.

10) Обѣдъ не долженъ продолжаться болѣе одного часа. Тотчасъ послѣ обѣда больные расходятся: желающіе отдыхать—по общимъ спальнямъ, не желающіе того—по дневнымъ помѣщеніямъ. Способные къ занятіямъ помогаютъ прислугѣ убирать со стола, чистить посуду и проч.

11) Служители и сидѣлки обѣдаютъ въ два раза, въ соотвѣтственномъ числѣ въ половинѣ втораго. Обѣдъ ихъ не долженъ продолжаться долѣе получаса.

12) Послѣ-обѣденный отдыхъ больныхъ продолжается до 4-хъ часовъ.

13) Отъ 4—6 часовъ продолжаются занятія больныхъ въ комнатахъ или на свѣжемъ воздухѣ.

14) Въ 6 часовъ подается вечерній чай въ общихъ столовыхъ. Въ лѣтнее время, въ особенно хорошіе дни, больнымъ чай можетъ быть поданъ и въ саду.

15) Отъ 7—9 часовъ больные пользуются досугомъ для развлеченія чтеніемъ, разными играми и проч.

16) Ужинъ подается лѣтомъ въ 9 час., а зимою въ 8 час. и продолжается не долѣе получаса. До и послѣ ужина читается вслухъ молитва.

17) Служители и сидѣлки, въ соотвѣтственномъ числѣ, ужинаютъ отъ 9½ до 10 часовъ.

18) Спать ложатся въ 10 часовъ.

19) Курить дозволяется больнымъ II класса только на свѣжемъ воздухѣ и въ дневныхъ помѣщеніяхъ, по назначенію главнаго надзирателя. Больные I класса могутъ курить и въ комнатахъ.

20) По всѣмъ отдѣленіямъ ночное освѣщеніе начинается въ 10 часовъ.

21) Нѣкоторымъ больнымъ I класса съ разрѣшенія директора дозволяется въ своихъ комнатахъ пользоваться свѣчею до 11 часовъ.

22) Въ воскресные и праздничные дни больные, съ разрѣшенія директора, могутъ быть допускаемы въ церковь во время совершенія службы.

23) Порядокъ занятій и вообще распредѣленіе дня можетъ быть измѣненъ по усмотрѣнію директора.

24) Посторонніе посѣтители могутъ быть допускаемы въ заведеніе лишь съ разрѣшенія директора.

25) Установленныя правила по сему предмету имѣютъ быть въ потребномъ количествѣ напечатаны и развѣшаны по отдѣленіямъ заведенія.

На нарушеніе этаго порядка врачи смотрятъ съ двоякой точки зрѣнія. Больной *или не можетъ соблюдать* данныя наставленія *или же онъ не желаетъ* ихъ соблюдать. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ переводится въ то отдѣленіе Лечебницы, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ его характеру и во всякое время можетъ быть обращенъ назадъ, какъ только прекратились причины его перемѣщенія. Поступая въ Лечебницу не по своей волѣ и весьма часто считая себя совершенно здоровыми и потому незаконно задержанными, многіе больные оказываютъ болѣе или менѣе насильственное противодѣйствіе тому, чего требуютъ отъ нихъ. Подобныя отношенія больныхъ къ необходимому порядку жизни въ Лечебницѣ, конечно, не могло не вызвать вопроса на сколько позволительно силой заставить слушаться того, кто добровольно не исполняетъ данныхъ наставленій. До новѣйшаго времени нисколько не сомнѣвались въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ сила—совершенно законное средство, дѣлать безвредными непослушаніе и упорство больныхъ. Прибѣгали къ механическимъ смирительнымъ средствамъ. Больнымъ надѣвали горячечныя рубашки, привязывали ихъ къ особымъ тяжеловѣснымъ кресламъ (Zwangsstühle), приковывали цѣпями къ полу и т. д. Между тѣмъ дѣло преобразованія домовъ умалишенныхъ шло впередъ. Возрастающее улучшеніе ихъ не могло не возбудить вопроса: дѣйствительно-ли сила единственное и исключительное средство для сохраненія порядка и спокойствія въ домахъ умалишенныхъ, тѣмъ болѣе, что весьма многіе больные, въ особенности вновь поступающіе вовсе не оказывались недоступными ласковому съ ними обращенію. Еще въ 1813 году въ Англіи въ Retreat въ Іоркѣ сдѣлана была первая попытка прекратить насильственное и принудительное обращеніе съ душевно-больными [1]. Іоркское заведеніе состояло

---

[1] Auszug aus einem Schreiben, von Jon Kitching. Allg. Zeitschr. für Psych. Bd. I. Стр. 598.

въ вѣдѣніи религіознаго „общества друзей“ (квакеровъ). Стремясь къ братскому обхожденію съ своими ближними и движимые истинно гуманнымъ духомъ, квакеры удачно провели свою попытку въ своемъ заведеніи подъ руководствомъ William Tuke. Устраненіе механическихъ принудительныхъ мѣръ для усмиренія душевно-больныхъ оказалось вполнѣ возможнымъ. Въ 1817 году докторъ Hayner издалъ сочиненіе, въ которомъ онъ обратился къ правительствамъ съ предложеніемъ устранить нѣкоторые недостатки въ пользованіи помѣшанныхъ ([1]). Но на это сочиненіе въ то время почти никто не обращалъ вниманія. Въ 1837 году Gardiner Hill, врачъ при заведеніи для помѣшанныхъ въ Lincolnshire, заявилъ, что всѣ принудительныя мѣры должны быть устранены и въ 1838 году успѣшно проводилъ свободное обращеніе съ помѣшанными ([2]). Затѣмъ съ 1839 года докторъ Conolly, завѣдывая домомъ умалишенныхъ въ Hanwell'ѣ близь Лондона, старался искоренить всѣ тѣ злоупотребленія, которыя въ англійскомъ обществѣ не разъ уже вызывали сильное негодованіе. Въ особенности онъ обращалъ вниманіе на устраненіе механическихъ смирительныхъ мѣръ. Мягкому и ласковому обращенію съ помѣшанными онъ придавалъ значеніе *новаго, практически-научнаго принципа*, примѣненіе котораго онъ называлъ: No-restraint-system. Но не суждено было новой системѣ скоро пріобрѣсти общее сочувствіе. Многіе психіатры высказывались противъ системы доктора Conolly. Въ сороковыхъ годахъ возникла довольно оживленная полемика по этому поводу. Самыми горячими противниками „No-restraint'а“ явились въ Германіи Якоби ([3]) и во Франціи Ferrus ([4]). Въ 1860 году Brosius ([5]) перевелъ на нѣмецкій языкъ сочине-

---

([1]) Aufforderung an Regierungen, Obrigkeiten, und Vorsteher der Irrenhäuser zur Abschaffung einiger schwerer Gebrechen in Behandlung der Irren.

([2]) Psychische Zeitfragen von Dr. Roller. Berlin 1874. стр. 84.

([3]) Uber die gänzliche Beseitigung körperlicher Beschränkungsmittel bei der Behandlung der Irren. Allg. Zeitsch. Psych. Bd. I Стр. 583.

([4]) Les aliénés. Considerations sur l'état des maisons, qui leurs sont destinées etc. Par G. Ferrus. Paris. 1834.

([5]) Die Behandlung der Irren ohne mechanischen Zwang von Conolly. Deutsch von Brosius. 1860. Стр. 11.

ніе Conolly, изданное въ 1856 году. Предложеніе доктора Conolly о свободномъ обращеніи съ помѣшанными безусловно было принято Grisinger'омъ (1), который во второмъ изданіи упомянутаго ниже труда высказался ревностнымъ защитникомъ новой системы. Директоръ дома умалишенныхъ, въ Klingenmünster'ѣ въ прирейнской Баваріи, докторъ Dik (2), подвергнулъ строгой критикѣ показанія и противопоказанія къ примѣненію No-restraint-system'a. Эта работа имѣла въ Германіи замѣтное вліяніе. Ludwig Meyer въ Гамбургѣ, первый въ Германіи, на основаніи собственнаго опыта, доказалъ, что леченіе помѣшанныхъ возможно и безъ примѣненія принудительныхъ мѣръ и ведетъ къ благимъ результатамъ (3). Въ Голландіи доктора van Loewen и Everts съ успѣхомъ примѣняли свободное обращеніе съ больными (4). Во Франціи главными защитниками No-restraint-system'a были Lunier (5) и Morel (6) и въ Бельгіи Guislain (7). Съ 1862 года вопросъ о возможности свободнаго обращенія съ душевно-больными можно считать рѣшеннымъ: въ лучшихъ заведеніяхъ для помѣшанныхъ стараются строго придерживаться No-restraint-system'a.

Было-бы, однако, ошибочно предположить, чтобы свободное обращеніе съ помѣшанными безусловно исключало собой примѣненіе механическихъ принудительныхъ мѣръ. Вполнѣ, сознавая, что нѣтъ ничего абсолютнаго въ практической жизни нельзя отрицать, что помѣщеніе душевно-больнаго въ домъ умалишенныхъ противъ его воли, а съ другой стороны запертыя двери и оконныя рѣшетки

---

(1) Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten. Stuttgart. 1861. Стр. 508.

(2) Reiseskizzen über das No-restraint-system. Allg. Zeitschr. für Psych. Bnd. XIII. Стр. 353. Тамъ же, Bnd. XIX, Стр. 506.

(3) Das No-restraint in der deutchen. Psych. Allg. Zeitschr. für Psych.

(4) Die Behandlung der Irren и проч. стр. 196.

(5) Archiv f. Psychiatrie v. L. Meyer und Westphal. Psychiatrische Congresse und Verzammlungen. B. II. стр. 216.

(6) Le No-restraint par M. Morel. Paris. 1861.

(7) Klinische Vorträge uber Geisteskrankheiten. Dentsch bearbeitet von Dr. Heinrich Laehr. Berlin 1854. Стр. 490 и пр.

заведенія уже составляютъ собой своего рода принудительныя мѣры По этому мы не признаемъ нарушеніемъ No-restraint-system'a и примѣненія временныхъ механическихъ принудительныхъ мѣръ, вызваннаго, въ исключительныхъ случаяхъ, особыми условіями.

Устранивъ примѣненіе механическихъ смирительныхъ средствъ, *какъ единственный общеобязательный способъ обращенія съ душевно больными*, спрашивается: какъ поступить съ тѣми изъ нихъ (больными), которые почему-бы то нибыло не подчиняются порядку заведенія или угрожаютъ опасностью себѣ или окружающимъ?

Главныя причины, могущія вызывать насъ на употребленіе механическихъ смирительныхъ средствъ въ домахъ умалишенныхъ слѣдующія:

1) внезапные приступы буйства, подъ вліяніемъ которыхъ больной производитъ насильственныя или разрушительныя дѣйствія,

2) неподчиненіе и явное противодѣйствіе, заведенному внутри Лечебницы порядку,

3) случайныя столкновенія больныхъ другъ съ другомъ или съ прислугой, ведущія къ спорамъ и дракѣ и наконецъ

4) нѣкоторыя вредныя и неприличныя привычки больныхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, взамѣнъ механически-смирительныхъ мѣръ, нынѣ прибѣгаютъ къ *изолированію* больныхъ, то есть удаляютъ ихъ, изъ среды другихъ, въ особыя отдѣльныя для того устроенныя комнаты. Комнаты эти (cellules d'isolation, cellules de force, Tobzellen) должны быть устроены такъ, чтобы больной въ нихъ не находилъ ничего такого, чѣмъ могъ-бы повредить себѣ или другимъ. При этомъ всегда объясняется больному,—если онъ вообще въ состояніи понимать то, что ему говорятъ,—что удаленіе его изъ общества другихъ больныхъ (изолированіе) не есть карательная мѣра, но становится необходимою въ видахъ его собственной пользы и прекратится тотчасъ, какъ только онъ будетъ въ состояніи быть опять съ другими больными.

Какъ ни внезапно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возникаютъ припадки неистовства, тѣмъ не менѣе при внимательномъ наблюденіи, даже не врачъ, можетъ замѣтить, что имъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ предшествуетъ

болѣе или менѣе явное измѣненіе въ состояніи больнаго (является усиленная раздражительность, безсонница, неразговорчивость, мрачное и угрюмое настроеніе, какая-то суетливость, измѣненія въ выраженіи лица и т. п.). Если во время подмѣтить это измѣненіе, какъ-бы незначительно оно бы не было, то не трудно предвидѣть припадокъ, и, съ цѣлью предупрежденія его бурнаго отраженія на окружающихъ, подвергнуть больнаго своевременному изолированію. Многіе больные, подверженные періодическимъ припадкамъ буйства, весьма не рѣдко предчувствуютъ ихъ приближеніе и подчасъ сами напоминаютъ о необходимости своего изолированія.

При неподчиненіи правиламъ, опредѣляющимъ общій ходъ службы и внутренній порядокъ въ Лечебницѣ, изолированіе больнаго является необходимою мѣрою для сохраненія общаго спокойствія. Больные образованные, по большей части хорошо понимаютъ, что въ Лечебницѣ нельзя всякому жить по своему и что отступленіе отъ общаго порядка не можетъ не вести къ непріятнымъ, въ своихъ послѣдствіяхъ, столкновеніямъ и потому легко отказываются отъ своихъ претензій.

Больные же необразованные, менѣе привыкшіе къ проявленію своей самостоятельности, легко покоряются даннымъ условіямъ и лишь только по временамъ позволяютъ себѣ возраженія. Такъ напримѣръ, они, повидимому безъ всякой причины, отказываются идти въ садъ, или обѣдать за общимъ столомъ и т. п. Въ большинствѣ случаевъ, однако, внимательное наблюденіе показываетъ, что такъ называемыя упрямство и капризы подобныхъ больныхъ зависятъ отъ случайно болѣзненнаго состоянія или отъ ложныхъ ощущеній, въ особенности, слуха (они слышатъ голоса, которые не велятъ имъ дѣлать то или другое).

Правильно оцѣнивъ данное состояніе больнаго, мы, въ большинствѣ случаевъ, успѣваемъ уговаривать его и лишь только къ рѣдкихъ случаяхъ приходится прибѣгнуть къ изолированію.

Нѣсколько опытная прислуга скоро понимаетъ, что болѣе мягкое и ровное обращеніе съ больными ведетъ къ цѣли гораздо скорѣе и успѣшнѣе грубаго обращенія съ ними.

Чрезвычайно рѣдко столкновенія больныхъ между собой и прислугой ведутъ къ бурнымъ выходкамъ, если только вниманіе надзирателей будетъ обращено на то, чтобы во время предупредить серьезныя столкновенія. Какъ только замѣчается у одного больнаго нѣкоторое раздраженіе, или у другаго наклонность придираться къ кому либо изъ окружающихъ, то сейчасъ его перемѣщаютъ въ отдѣльную комнату, объясняя, что человѣкъ, неспособный равнодушно отнестись къ окружающимъ или нарушающій общее спокойствіе своими выходками не долженъ и не можетъ оставаться въ обществѣ другихъ. Многіе больные, во избѣжаніе столкновенія, сами уходятъ въ сторону, вполнѣ сознавая, что „съ больнаго человѣка нечего взыскать". Въ другихъ случаяхъ, когда больные относятся другъ къ другу менѣе снисходительно, все-таки къ изолированію нѣтъ надобности прибѣгать, такъ какъ одно лишь перемѣщеніе изъ однаго общаго отдѣленія въ другое уже достаточно для прекращенія дальнѣйшихъ столкновеній. Внимательно индивидуализируя своихъ больныхъ, мы имѣемъ полную возможность размѣстить ихъ такъ, что всѣ члены, создаваемаго нами общества въ извѣстномъ отдѣленіи Лечебницы, уживаются между собой болѣе или менѣе удовлетворительно. Но какъ ни однообразенъ въ этомъ отношеніи личный составъ больныхъ извѣстнаго отдѣленія, всегда въ ихъ числѣ находится нѣсколько человѣкъ, которые не могутъ жить между собой въ добромъ согласіи или принимаютъ на себя роль зачинщиковъ раздора, надсмѣхаясь надъ другими, или подстрекая ихъ къ разнымъ выходкамъ. Такія лица всегда изолируются съ пользою не только для другихъ, общество которыхъ освобождается отъ волнующаго элемента, но и для самихъ себя, такъ какъ нѣсколько продолжительное изолированіе обыкновенно дѣлаетъ ихъ спокойнѣе и миролюбивѣе.

Что-же, наконецъ, касается разныхъ дурныхъ и вредныхъ привычекъ (неприличныя тѣлодвиженія, мастурбація и т. п.) для отвращенія которыхъ чаще всего примѣняли механическія принудительныя средства, то лишь только самый строгій присмотръ и постоянный надзоръ за больными можетъ отъучать ихъ отъ подобныхъ привычекъ.

Изолированіе больныхъ продолжается отъ нѣсколькихъ часовъ или дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Было-бы одна-

ко-жь ошибочно предположить, что въ послѣднемъ случаѣ, больной впродолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ не выходилъ изъ одиночной комнаты. Комнаты для изолированія въ Окружной Лечебницѣ устроены такъ, что больному предоставляется свободное движеніе и выходъ на открытый воздухъ.

Первое и самое необходимое условіе свободнаго обращенія,—это своевременное *предупрежденіе* всякаго рода бурныхъ столкновеній и нарушенія общаго спокойствія. Но предупредить ихъ можетъ лишь тотъ, кто правильно оцѣниваетъ признаки зарождающаго безпорядка. Съ другой стороны, оцѣнка эта возможна только тому, кто вполнѣ знакомъ съ тѣмъ обществомъ, спокойствіе котораго онъ желаетъ сохранить. Полное знаніе своихъ больныхъ въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, вотъ опора, на которой психіатръ основываетъ раціональное обращеніе съ ними. Прежде всего врачъ долженъ пріобрѣсти довѣріе больныхъ и пріобрѣтаетъ его лишь только теплымъ участіемъ, терпѣніемъ, ласковымъ обращеніемъ съ нимъ, исполненіемъ разумныхъ желаній, готовностью оказать имъ добро (Guislain), строгой справедливостью по отношенію къ другимъ больнымъ. Ложь, обманъ и хитрость не допускаемы. Чрезвычайно важно осторожное обращеніе съ бредомъ больнаго. Guislain сравниваетъ бредъ помѣшаннаго съ болящей раной. Какъ опытный хирургъ вводитъ зондъ въ рану, говоритъ Guislain, лишь только съ цѣлью необходимаго изслѣдованія, такъ и врачъ—психіатръ, бесѣдуя съ душевно-больнымъ не долженъ затрогивать его бредъ безъ надобности.

Онъ не долженъ ни поддакивать ложнымъ представленіямъ, высказываемымъ больными, ни оспаривать ихъ; онъ долженъ по мѣрѣ возможности отвлечъ ихъ вниманіе отъ бреда, направляя его на другіе предметы. Здѣсь вступаютъ въ свои права занятіе и развлеченіе, какъ механическое, такъ и умственное.

И такъ, раціональное обращеніе съ душевно-больными приводится къ *постоянному умственному и нравственному вліянію на нихъ*, безъ котораго въ домахъ умалишенныхъ не мыслимо примѣненіе No-restraint'a.

Въ теченіи перваго десятилѣтія намъ удалось въ Казанской Окружной Лечебницѣ провести свободное обращеніе съ больными.

Горячечная рубашка всего была только надѣта на трехъ больныхъ. Въ первый разъ надѣвали ее на перваго больнаго поступившаго въ Лечебницу, который, одержимый буйнымъ помѣшательствомъ, нѣсколько дней находился совершенно одинъ въ заведенiи при неопытной прислугѣ. Во второй разъ употребили рубашку для фиксированiя рукъ одной женщины, которая безпрестанно царапала свое лицо. Въ третiй-же разъ горячечная рубашка была надѣта на одного больнаго, прямо говоря, по дiагностической ошибкѣ. Больной этотъ необыкновенно высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенiя, одержимый бредомъ о преслѣдованiи, имѣлъ на столько угрожающiй видъ, что прислуга побоялась подойти къ нему. Впослѣдствiи оказалось, что не больной угрожалъ прислугѣ, а прислуга, вслѣдствiи его галлюцинацiй зрѣнiя, внушала ему опасенiя, что на него нападутъ служители—враги.

Что касается занятiй, даваемыхъ больнымъ, то мы не имѣемъ сообщить о большихъ успѣхахъ. Правда, на женской половинѣ Лечебницы, больныя довольно удовлетворительно занимались разными рукодѣлiями; но за то на мужской половинѣ рѣдко находился больной, отличающiйся трудолюбiемъ. Не разъ на предложенiе наше чѣмъ нибудь заниматься, мы получали отвѣтъ, что здѣсь не рабочiй домъ и что трудиться, нечего, такъ какъ они „сыты, одѣты и обуты“. Изъ образованныхъ больныхъ нѣкоторые по временамъ усердно занимались въ переплетной, другiе—читали. Нѣсколько большее сочувствiе больныхъ прiобрѣли развлеченiя. Игра въ карты, въ шашки, въ шахматы, въ кегли и на билліардѣ всегда находила охотниковъ.

Впрочемъ нельзя не замѣтить, что занятiя и развлеченiя не могутъ быть дозволяемы во всякое время помѣшательства, такъ напримѣръ, въ перiодѣ развитiя душевнаго разстройства тѣ и другiя вредны, тогда какъ въ исходныхъ перiодахъ (Amentia) многiе неспособны ни къ тому, ни къ другому.

По воскреснымъ, праздничнымъ и табельнымъ днямъ допущены были къ слушанiю службы въ домовой церкви Лечебницы всѣ больные, способные къ тому, не нарушающiе требуемаго спокойствiя; святаго причастiя во время великаго поста въ продолженiе десяти лѣтъ удостоены были 492 человѣка.

По ст. 2. Высочайше утвержденнаго положенія, Казанская Окружная Лечебница, кромѣ леченія, испытанія и призрѣнія душевно-больныхъ назначается и для *практическихъ занятій*, какъ студентовъ медицинскаго и юридическаго факультетовъ, такъ и врачей, командируемыхъ съ цѣлію изученія душевныхъ болѣзней.

По ежегодному росписанію лекцій по Казанскому Университету полагается два часа въ недѣлю (по субботамъ съ 10—12 час. полуд.) для клиническихъ занятій по психіатріи студентовъ 5-го курса медицинскаго факультета, подъ руководствомъ профессора психіатріи; отъ студентовъ же юридическаго факультета, слушающихъ только теоретическій курсъ судебной психологіи, практическихъ занятій по психіатріи не требуется.

Къ сожаленію мы не можемъ сказать, чтобы клиническое преподаваніе душевныхъ болѣзней въ Окружной Лечебницѣ шло совершенно правильно. Студенты 5-го курса медицинскаго факультета посѣщали, въ назначеное время, Окружную Лечебницу лишь тогда, когда благопріятствовали погода и дорога—обстоятельсто вполнѣ понятное, если сообразить, что Окружная Лечебница отстоитъ отъ центра города на три версты. А потому польза клиническаго изученія душевныхъ болѣзней для студентовъ была лишь не большая. Но съ другой стороны, дѣсятилѣтній опытъ показалъ, что клиническое преподаваніе душевныхъ болѣзней не только возможно, но и принимаемо больными сочувственно. Во время клиническихъ лекцій никогда не произошло ни малѣйшаго нарушенія тишины со стороны окружающихъ больныхъ, точно также тѣ изъ нихъ, которые служили предметомъ клиническаго разбора, ни сколько не стѣснялись присутствіемъ студентовъ. Если вѣрить слухамъ, на предположеніе довести городскую конную желѣзную дорогу по направленію къ Окружной Лечебницѣ, въ такомъ случаѣ удобное сообщеніе съ городомъ будетъ на столько обезпечено, что слушаніе полнаго клиническаго курса психіатріи вскорѣ войдетъ въ обычай студентовъ.

Прикомандированы были къ Окружной Лечебницѣ съ цѣлью изученія душевныхъ болѣзней лѣкарь А. Я. Пономаревъ, Пермской губернской Земской Управой, нынѣ самостоятельно завѣдывающій Пермскимъ Пріютомъ для душев-

но-больныхъ, въ 1874 г. на шесть мѣсяцевъ; а въ 1878 г. на три лѣтніе вакаціонные мѣсяца, совѣтомъ Харьковскаго Университета доцентъ психіатріи того же Университета П. И. Ковалевскій, нынѣ состоящій старшимъ врачемъ Харьковской Земской больницы и завѣдывающій отдѣленіемъ при оной для умалишенныхъ.

III. О ВЫБЫВШИХЪ.

Въ теченіе дѣсятилѣтія *выбыло:*

Оказавшихся не одержимыми душевнымъ разстройствомъ	73	м. 19	Итого 92	чел.
За выздоровленіемъ	413	180	593	
Въ улучшенномъ состояніи	247	133	380	
Въ неулучшенномъ состояніи	268	105	373	
Умерло	183	72	255	
Итого	1184	509	1693	

1) О выбывшихъ безъ признаковъ душевнаго разстройства.

Какъ выше было показано (1, о поступившихъ) на испытаніе всего поступило 210 м. 54 ж. Итого 264 чел.

	м.	ж.	Итого
Вычитая изъ этаго числа оказавшихся здоровыми	73	19	92
Остается испытуемыхъ	137	35	172

Всѣ эти испытуемые оказались дѣйствительно душевнобольными.

Большая часть изъ выписанныхъ безъ признаковъ душевнаго разстройства (92 челов.) болѣе или менѣе продолжительное время до поступленія были душевно-больными Помѣщеніе ихъ въ Лечебницу, точно говоря, состоялось менѣе для опредѣленія ихъ даннаго состоянія, чѣмъ для выясненія того душевнаго состоянія, въ которомъ они находились во время совершенія какого нибудь преступленія.

2) О выздоровѣвшихъ.

Всего *выздоровѣло* 593 человѣка, что составляетъ 32,00% всѣхъ поступившихъ, число по видиму довольно скромное.

Въ англійскомъ домѣ умалишенныхъ Colney-Hatch близь Лондона со дня открытія, 17-го іюня 1851 года до 31-го декабря 1868 года принято было 8181 человѣкъ, а выздоровѣло 2087 челов., (1) что даетъ 25,51%.

За десятилѣтіе съ 1864—1874 г. въ Эдинбургскомъ заведеніи для помѣшанныхъ докторъ Clouston (2) на общее число больныхъ 3659 человѣкъ получилъ 1235 выздоровленій или 33,75%.

Въ Лондонскомъ домѣ умалишенныхъ, Bethlem hospital (3) съ 1821—1874 годъ принято было 12,008 человѣкъ; изъ нихъ выздоровѣло 6262 человѣка = 52,14%.

Приведенныя нами первыя три цифры: 32,00%, 25,51%, 33,75% довольно сходны между собой, но рѣзко расходятся съ четвертою цифрою 52,14%.

Такое поразительное различіе чиселъ, выражающихъ процентную цифру выздоровѣвшихъ, по отношенію къ числу всѣхъ пользованныхъ, конечно, не можетъ зависѣть отъ случайныхъ условій. Для того, чтобы выздоравливалъ больной прежде всего требуется, чтобы, поступая въ Лечебницу онъ былъ излечимъ или по крайней мѣрѣ подавалъ нѣкоторую надежду на излеченіе, такъ какъ, само собой разумѣется, что неизлечимые уже при своемъ поступленіи не выздоравливаютъ впослѣдствіи.

---

(1) The eightheen annual report of the visitors of the county lunatic asylum at Colney-Hatch 1868. стр. 27.

(2) Annual report of the Royal Edinbourgh asylum. Edinbourgh. 1874. стр. 29.

(3) Bethlem-Hospital. Report 1874.

Условія излечимости душевно-больныхъ различны. Самые главные моменты излечимости, во первыхъ—*продолжительность* душевнаго разстройства и во вторыхъ—*форма* его. Излечимость душевной болѣзни въ громадномъ большинствѣ случаевъ находится въ обратномъ отношеніи къ продолжительности ея до поступленія больнаго, то есть *помѣшательство излечивается тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ менѣе времени оно продолжалось до поступленія больнаго въ Лечебницу.* Что-же касается формъ душевнаго разстройства, то только *первичныя формы,* исключая общаго паралича, излечимы: изъ *вторичныхъ* формъ лишь только сумасшествіе (Dementia) подаетъ слабую надежду на излеченіе, тогда, какъ всѣ остальныя неизлечимы. Поэтому при сравненіи приведенныхъ нами чиселъ каждый врачь, хотя нѣсколько знакомый съ дѣломъ, тотчасъ скажетъ, что условія пріема больныхъ въ Bethlem hospital были иныя, чѣмъ въ остальныхъ двухъ англійскихъ заведеніяхъ, и въ нашей Лечебницѣ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно, что Bethlem-hospital, расположенный въ центрѣ Лондона, преимущественно принимаетъ больныхъ городскаго населенія, которое по условіямъ своей жизни рѣдко откладываетъ помѣщеніе больнаго въ спеціальное заведеніе.

Болѣе вѣрное и точное число выздоровленій мы получимъ лишь тогда, когда приведемъ его въ отношеніе продолжительности душевнаго разстройства до поступленія и къ формамъ его.

Изъ выздоровѣвшихъ (593 чел.) одержимы были душевнымъ разстройствомъ до поступленія въ Лечебницу:

До 3-хъ мѣсяцевъ	91 муж.	39 ж.	Итого	130 чел.
6	203	86		289
12	84	43		127
Болѣе года, но менѣе 2-хъ лѣтъ	35	12		47
Итого	413	180		593

Сравненіе числа выздоровѣвшихъ съ числомъ поступившихъ, по отношенію того и другаго къ продолжительности помѣшательства до поступленія больнаго, даетъ намъ слѣдующую таблицу: до поступленія больнаго душевное разстройство продолжалось:

	поступившихъ	выздоровѣвшихъ.	
до 3-хъ мѣсяцевъ у	155 чел.	130 чел.	=83,87% вызд.
6	418	289	=69,13%
12	422	127	=30,09%
болѣе года	354	47	= 7,62%

Стало быть на общее число излечимыхъ (I, 7) 573 человѣка мы получаемъ 419 выздоровленій=73,12%. За тѣмъ на 776 крайне сомнительнаго предсказанія оказывается 174 выздоровленія=22,42%, что составляетъ въ общей сложности на 1349 челов. 593 выздоровленія=43,95%.

Сопоставленіе числа поступившихъ и числа выздоровѣвшихъ по формамъ душевнаго разстройства представляетъ слѣдующую таблицу.

Одержимо было:

	поступившихъ	выздоровѣвшихъ.	
Melancholia	566 чел.	348 чел.	=61,48%
Mania	281	203	=72,24%
Dementia	492	42	= 8,61%

Слѣдовательно изъ числа признанныхъ нами по формамъ излечимыми 847 человѣкъ всего выздоровѣло 551 челов.= 65,05,% тогда какъ на 492 крайне сомнительнаго предсказанія получается 42 выздоровленія=8,61%.

Совершенно такое-же отношеніе формъ душевнаго разстройства къ числу выздоровленій мы находимъ въ отчетѣ извѣстнаго заведенія для помѣшанныхъ Sonnenstein близъ Дрездена, представленномъ по случаю съѣзда нѣмецкихъ естествоиспытателей въ 1868 г.

За двадцатипятилѣтіе съ 1843—1867 г. принято было одержимыхъ.

Первичными формами	
Melancholia и Mania	2339 человѣкъ.
Вторичными, а именно	
Dementia	1276
и Amentia	877

Всего выздоровѣло 2255 человѣкъ; стало-быть на одержимыхъ первичными формами приходится 64,70%, тогда какъ за исключеніемъ 877 неизлечимыхъ (какъ одержимыхъ Amentia), на вторичную форму сумасшествія (1276 ч.) получается 35,30% (1).

(1) Bericht über die Psych. Versammlung zu Dresden Supplementheft der Allg. Zeitschrift für Psychiatrie. Bnd. XXV стр. 44—45.

Послѣднее число значительно больше нашей цифры (8, 61%) что объясняется тѣмъ, что на Sonnenstein'ѣ по всей вѣроятности Dementia (Wahnsinn) отчасти признавалось первичною формою.

Приведенныя данныя не могутъ не вызвать желанія, *чтобы врачи, приглашенные къ душевно-больнымъ, со всей строгостью настояли на скоромъ помѣщеніи ихъ въ Лечебницу. Столь-же желательно, чтобы и общество, наконецъ, отказавшись отъ неразумныхъ предразсудковъ, не удерживало своихъ больныхъ дома до развитія вторичной формы душевнаго разстройства.*

Не лишены интереса еще нѣкоторые другіе выводы, допускаемые нашимъ наблюденіемъ въ Окружной Лечебницѣ.

Изъ выздоровѣвшихъ находились въ возрастѣ

отъ 15—20 лѣтъ	38 м.	17 ж.	Итого	55 чел.
20—25	90	36		126
25—30	109	48		157
30—35	76	44		120
35—40	36	16		52
40—45	39	13		52
45—50	12	4		16
50—60	13	2		15
Итого	413	180		593

Какъ видно изъ предстоящей таблицы наибольшее число выздоровленій (403 чел.) падаетъ на возрастъ отъ 20 до 35 лѣтъ, что равняется 67,95%, тогда какъ на всѣ остальные возрасты (190 чел.) получается только 32,05%, стало быть тотъ же возрастъ, который даетъ наибольшее число поступленій, вмѣстѣ съ тѣмъ и больше остальныхъ возрастовъ благопріятствуетъ выздоравливанію.

Изъ выздоровѣвшихъ было выписано:

Въ январѣ	18 муж.	9 жен.	Итого	27 чел.
февралѣ	20	16		36
мартѣ	29	8		37
апрѣлѣ	42	16		58
маѣ	67	27		94
іюнѣ	52	20		72
іюлѣ	35	15		50
августѣ	28	13		41

сентябрѣ	40	18	58
октябрѣ	32	13	45
ноябрѣ	17	9	26
декабрѣ	33	16	49
Итого	413	180	593

Очевидно, наибольшее число выписокъ (418 ч.) приходится на время пароходства, а именно 70,49%, тогда какъ на остальные пять мѣсяцевъ падаетъ 29,51%. Желательно было-бы, на основаніи числовыхъ данныхъ, вывести какое нибудь заключеніе о вліяніи временъ года на выздоровленіе, потому собственно, что нѣкоторые авторы признаютъ его неодинаковымъ. Такъ напримѣръ утверждаетъ Guislain (¹), что въ жаркое лѣто больше выздоравливаетъ помѣшанныхъ, нежели въ зимнее время, присовокупляя, что наибольшее число выписокъ выздоровѣвшихъ падаетъ на осень, что объясняется тѣмъ, что выздоровленіе начинается лѣтомъ и оканчивается только осенью. Нашъ опытъ училъ насъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, выздоравливаніе начинается съ ранней весны и кончается въ маѣ мѣсяцѣ. Но многіе больные, прибывшіе изъ дальныхъ мѣстъ, по неимѣнію средствъ, оставались въ Лечебницѣ до лѣта и даже до осени, хотя выздоровѣли еще весной, поэтому мы не можемъ привести время выписки въ точное отношеніе ко времени выздоравливанія.

Изъ выздоровѣвшихъ пробыли въ Лечебницѣ:

отъ 1— 3 мѣсяц.	156 м.	43 ж.	Итого 199 чел.
3— 6	136	58	194
6— 9	64	50	114
9—12	29	20	49
12—18	28	9	37
Итого	413	180	593

По этой таблицѣ въ Лечебницѣ пробыли
до полугода 393 челов. = 66,27%
до года 163 челов. = 27,49%
и до 2 лѣтъ 37 чел. = 6,24%

Слѣдовательно *наибольшее число больныхъ* выздоравливаетъ *въ теченіе перваго полугода по поступленіи* въ Лечебницу.

(¹) O. M. стр. 376.

3) О выбывшихъ въ улучшенномъ состоянiи.

Въ улучшенномъ состоянiи выбыло—247 м.—133 ж. итого 380 чел., стало быть изъ числа всѣхъ поступившихъ 20,54%, а изъ числа выбывшихъ 22,45%.

Большая часть этихъ больныхъ уже при поступленiи своемъ не подавали надежду на свое излеченiе, какъ по продолжительности болѣзни, такъ и по формамъ ея. Въ особенности поступали такiе больные изъ нѣкоторыхъ земскихъ больницъ приволжскаго края. Такъ напримѣръ еще въ 1878 году одна земская больница помѣстила въ Казанскую Лечебницу 19 человѣкъ; изъ нихъ 18 были признаны совершенно неизлечимыми; лишь только одинъ подавалъ сомнительную надежду на улучшенiе.

Улучшенное состоянiе, въ которомъ выписано было 380 человѣкъ, главнымъ образомъ заключалось въ томъ, что больной привыкшiй болѣе или менѣе продолжительное время къ правильной жизни, къ порядкамъ Лечебницы и поправившись нѣсколько силами, въ проявленiяхъ своей болѣзни сталъ нѣсколько скромнѣе и сдержаннѣе и потому могъ возвратиться въ свою семью, не вызывая непосредственнаго опасенiя, чтобы онъ своими выходками нарушалъ спокойствiе окружающихъ. Всѣ эти больные были отданы на попеченiе ихъ родственниковъ.

4) О выбывшихъ въ неулучшенномъ состояніи.

Въ неулучшенномъ состояніи выбыло: 268 м. и 105 ж. итого 373 челов., то есть 20,13% изъ числа всѣхъ поступившихъ, или 22,03% изъ числа всѣхъ выбывшихъ.

Всѣ эти больные одержимы были вторичными формами, эпилептическимъ помѣшательствомъ и безуміемъ. Улучшеніе ихъ было невозможно, такъ какъ они, крайне запущенные и апатичные, остались совершенно недоступными всякому постороннему вліянію. Они были переведены въ соотвѣтствующіе земскіе дома умалишенныхъ или взяты на попеченіе своими родственниками.

5) Объ умершихъ.

Въ теченіе десятилѣтія умерло—183 м. 72 ж. итого 255 челов., что составляетъ 12,14% всѣхъ поступившихъ или же 15,06% всѣхъ выбывшихъ.

Число это, впрочемъ, выражаетъ смертность не совершенно точно, потому что въ число поступившихъ включены 92 челов., не бывшихъ одержимыми душевнымъ разстройствомъ. За вычетомъ изъ общаго числа прибывшихъ:

	1281 м.	572 ж. =	1853 ч.
	73	19	92
остается	1208	553	1761

Изъ нихъ умерло 183 муж. 72 ж. итого 225 чел., что составляетъ 14,48%.

Изъ умершихъ были одержимы:

Melancholia	21 муж.	16 ж.	Итого	37 чел.
Mania	7	3		10
Dementia	32	26		58
Amentia	19	23		48
Paralysis generalis progrediens	95	3		98
Epilepsia	9			9
Imbecillitas congenita		1		1
Итого	183	72		255

Принимая въ соображеніе, что общій возрастающій параличъ—болѣзнь, всегда ведущая къ смерти,—нужно для болѣе точнаго выраженія общей смертности помѣшанныхъ исключить одержимыхъ параличемъ изъ числа поступившихъ.

Какъ выше было показано, за исключеніемъ 92 челов.,

не оказавшихся душевно-больными, поступило	1208 муж.	553 ж.	=1761 чел.
за вычетомъ одержимыхъ общимъ возрастающимъ параличемъ	126	8	134
остается	1082	545	1627

Затѣмъ за вычетомъ изъ общаго числа умершихъ:	183 муж.	72 ж.	Итого=255 чел.
одержимыхъ общимъ параличемъ	95	3	98
мы получаемъ	88	69	157

Стало быть всего умерло 9,65%.—Число, во всякомъ случаѣ, довольно значительное, если сообразимъ, что по чрезвычайно обширнымъ и точнымъ изслѣдованіямъ доктора Hagen'a [1], смертность помѣшанныхъ въ пять разъ больше смертности здороваго, взрослаго народонаселенія.

[1] О. М. стр. 126.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сознаніе нравственныхъ началъ, долженствующихъ руководствовать наши поступки, далеко не обезпечиваетъ насъ отъ совершенія дѣйствій, порицаемыхъ нами. Точно также великіе принципы гуманности, болѣе или менѣе ясно сознаваемые обществомъ, едва ли вызовутъ въ насъ то глубокое участіе къ страждущимъ, которое, только что замѣтивъ страданіе, тотчасъ приступаетъ къ изцѣленію его.

Въ виду этихъ соображеній, указанный нами фактъ, состоящій въ томъ, что помѣшательство излечивается тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ ранѣе поступаетъ больной въ спеціальное заведеніе, вѣроятно немногихъ побудитъ озаботиться о своевременномъ помѣщеніи душевно-больныхъ въ Лечебницу.

Рядомъ съ гуманными стремленіями общества идетъ другой вопросъ, крайней важности—вопросъ государственно-экономическій.

Наше время часто называютъ періодомъ реализма, чуждаго идеальныхъ отвлеченій и почти безусловно признаютъ характеристикой его — могущество денегъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что капиталъ—сила; но не менѣе сомнительно то, что въ государственномъ быту такую-же силу представляетъ трудъ. Скажу болѣе, оборотный капиталъ государства вполнѣ зависитъ *отъ суммы внутренняго и физическаго труда*, которою распоряжается государство. Ясно, что всякое уменьшеніе этой „суммы“ въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ, должно уменьшить какъ оборотный капиталъ, такъ и общее благосостояніе, создаваемое имъ.

Всѣ расходы, удовлетворяющіе какимъ-бы то не было потребностямъ, подлежатъ естественному раздѣленію *на производительные* и *непроизводительные.* Отношеніемъ другъ къ другу этихъ двухъ видовъ расхода опредѣляется эконо-

мическій бытъ данной страны. Перевѣсъ непроизводительнаго расхода ложится тяжелымъ бременемъ какъ на правительство, такъ и на общество, тогда какъ, на оборотъ, возрастаніе производительнаго расхода увеличиваетъ матеріальныя средства государства.

Расходы, потребные на содержаніе и призрѣніе *неизлечимыхъ* больныхъ — вполнѣ *непроизводительны*, потому что вознаграждаются лишь только сознаніемъ нравственнаго долга помочь безпомощнымъ. Расходы же, назначаемые для излеченія больныхъ *излечимыхъ—производительны*, потому что, возвращая обществу, временно выбывшія единицы трудовой силы, возстановляютъ сумму умственнаго и физическаго труда всего народонаселенія.

Въ Казанской Окружной Лечебницѣ мы встрѣчаемъ тѣ и другіе расходы, такъ какъ въ ней находятся больные излечимые и неизлечимые.

На содержаніе Окружной Лечебницы въ продолженіе десяти лѣтъ правительствомъ израсходовано 567784 руб. 64 коп., стало быть среднимъ числомъ ежегодно 56788 руб. 46 коп. или же 4732 руб. 39 коп. въ мѣсяцъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ поступило въ Лечебницу 1853 человѣка, слѣдовательно среднимъ числомъ въ годъ 185,3 человѣка или же въ мѣсяцъ 15,4 человѣка.

Содержаніе каждаго больнаго среднимъ числомъ, стоило правительству 30 руб. 67 коп. въ мѣсяцъ.

Изъ числа 1853 человѣкъ въ продолженіе 10-ти лѣтъ лѣтъ выздоровѣло 593 человѣка.

Изъ нихъ пробыло въ Лечебницѣ:

			на содержаніе коихъ израсходовано.	
до	3-хъ мѣсяцевъ	199 челов.	18,309 руб.	99 коп.
	6	194	35,699	88
	9	114	31,467	42
	12	49	18,033	96
	18	37	20,426	22
Итого на 593 всего израсходовано:			123937 р.	47 к.
Стало быть на всѣхъ остальныхъ			443947 р.	17 коп.
		А всего	567,884 руб.	64 коп.

Такимъ образомъ производительный расходъ правительства относится къ непроизводительному какъ 1:3 (точнѣе: 3,5), то есть на содержаніе *выздоровѣвшихъ* больныхъ израсходовано *въ три раза менѣе*, чѣмъ на призрѣніе всѣхъ остальныхъ.

За содержаніе больныхъ въ Казанской Окружной Лечебницѣ полагается плата въ первомъ классѣ по 13 руб. 26 коп., а во второмъ—по 8 руб. 64 коп. въ мѣсяцъ, или же безъ различія классовъ, среднимъ числомъ по 10 руб. 95 коп. За содержаніе 593 челов. выздоровѣвшихъ слѣдовало бы взносить

	пробывшихъ въ Лечебницѣ			
за 199 челов.	3 мѣсяца	6537 руб.	15 коп.
194	6	12,745	80
114	9	11,234	70
49	12	6,438	60
37	18	7,686	90
Итого за 593 чел.	1041 мѣсяцъ	44,643 руб.	15 коп.

Стало быть въ продолженіе года за 59,3 человѣка выздоровѣвшихъ слѣдовало-бы взносить 4474 руб. 31 коп., что составляетъ 75 руб. 28 коп. на каждаго или же 6 руб. 37 коп. въ мѣсяцъ.

За содержаніе же каждаго неизлечимаго, на основаніи ст. 29 положенія, остающагося въ Лечебницѣ одинъ годъ, приходится по выше приведенному расчету взноситъ ежемѣсячно по 10 руб. 95 коп. Стало быть непроизводительный расходъ, падающій на общество, превышаетъ производительный на 4 руб. 88 коп. на каждаго больнаго въ мѣсяцъ.

Но къ чему эти изчисленія? спроситъ, можетъ быть, недоумѣвая читатель. Выводы на лицо. Во первыхъ, непроизводительный по части попеченія о помѣшанныхъ расходъ, какъ правительства, такъ и общества *превышаетъ* производительный. Стало быть оборотный капиталъ того и другаго *уменьшается*, а уменьшеніе его равносильно матеріальному убытку.

Во вторыхъ, ежегодно выбываетъ извѣстная часть трудовой силы народонаселенія, составляющей основаніе государственнаго благосостоянія. Выбываетъ трудовая сила тѣхъ душевно-больныхъ, которые, поступая въ специ-

альное заведеніе *своевременно*, могли бы выздоровѣть и быть возвращены обществу. Уменьшеніе же трудовой силы государства болѣе или менѣе явно подрываетъ его экономическій бытъ.

Велика-ли эта доля „трудовой силы народа", погибающая въ лицѣ неизлечимо помѣшанныхъ?

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, ни о числѣ ежегодно заболѣвающихъ, ни о числѣ помѣшанныхъ вообще.

По оффиціальнымъ даннымъ въ 1877 году всего пользовано было душевно-больныхъ 12,223 чел.; больничныхъ же кроватей какъ для леченія, такъ и для призрѣнія ихъ въ Россіи имѣется 4862; въ 45 заведеніяхъ состояло и прибыло 8667 человѣкъ. Цифры эти, конечно, не даютъ намъ никакого права, хотя-бы приблизительно, опредѣлить общее число душевно-больныхъ въ Россіи (1). Griesinger (2) въ 1861 году опредѣляетъ отношеніе помѣшанныхъ и безумныхъ къ здоровому народонаселенію въ Германіи какъ 1:500.

Въ 1865 году Oesterlen (3) сообщилъ слѣдующую таблицу о числѣ душевно-больныхъ въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

(1) Отчетъ Медицинскаго Департамента за 1877-й годъ. С.-Петербургъ. 1878. стр. 147.

(2) Озн. мѣсто стр. 140.

(3) Handbuch der med. Statistik von Dr. F. R. Oesterlen. Tübingen. 1865. Стр. 517.

Названіе страны:	Общее народонаселеніе	Безумныхъ			Помѣшанныхъ			Всѣхъ.			На 100,000 жителей
		муж.	жен.	итого	муж.	жен.	итого	муж.	жеп.	итого	
Саксонія—1858 г.	2,122,148	1915	2084	3999	810	708	1518	2725	2792	5517	260
Вюртембергъ—1853 г. . .	1,700,000	—	—	3740	872	1045	1917	—	—	5657	312
Баварія—1857 г.	4,541,556	—	—	—	—	—	—	—	—	4899	110
Шлезвигъ - Гольштейнъ — 1845 г.	888,750	588	484	1072	572	566	1138	1160	1050	2210	250
Данія—1847 г.	1,350,327	1066	929	1995	799	962	1761	1865	1891	3756	280
Исландія—1845 г..	59,157	66	44	110	10	34	44	76	78	154	260
Швеція—1850 г.	3,482,541	—	—	—	—	—	—	—	—	3489	100
Норвегія—1855 г. . . . , .	1,490,047	1823	1919	3742	619	710	1329	2442	2629	5071	340
Ганноверъ—1856 г.	1,819,777	—	—	1203	—	—	1881	1591	1493	3084	170
Бельгія—1842 г.	4,337,196	—	—	—	—	—	—	—	—	4269	100
Франція—1851 г.	35,783,170	—	—	—	—	—	—	—	—	44970	130
Англія—1860 г.	19,900,000	—	—	—	—	—	—	—	—	22911	116
Шотландія—1858 г.	3,100,000	—	—	—	—	—	—	2718	3030	5748	185
Ирландія—1851 г.	6,552,386	2666	2240	4906	2503	2571	5074	5169	4811	9980	150
Сѣверо - американскіе Соединенные Штаты (бѣлыхъ) —1850 г.	19,553,068	—	—	—	—	—	—	—	—	29229	150
Нью-Іоркъ—1855 г.	3,466,212	1002	810	1812	1215	1527	2742	2217	2337	4554	130
Итого	110,146,371	9126	8510	19579	7400	8123	17404	19963	20111	155498	141

Стало быть на 710 челов. приходится по одному душевно-больному. Однако признавая это число далеко ниже дѣйствительнаго, Oesterlen самъ присовокупляетъ, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ вѣроятно вездѣ окажется по одному душевно-больному на 350—400 чел.

Въ 1867 году народная перепись (1) по прусскому государству дала слѣдующія цифры. Отношеніе помѣшанныхъ и безумныхъ оказалось въ провинціи Пруссіи, какъ 1:814; въ Познаніи 1:941; въ Бранденбургѣ—1:758; въ Помераніи 1:685; въ Силезіи 1:828; въ Саксоніи 1:686; въ Вестфаліи 1:564; въ Прирейнской Пруссіи 1:506; въ Шлезвигъ-Гольштиніи 1:391; въ Ганноверѣ 1:485 и наконецъ въ Гессенъ-Нассау 1:454. Стало быть во всемъ Прусскомъ государствѣ 1:644. Въ 1871 г., докторъ Laehr (2) приводитъ уже гораздо большее число душевно-больныхъ, а именно 1:448. По мнѣнію доктора Gauster'a (3) неподлежитъ сомнѣнію, что въ Нижней Австріи отношеніе помѣшанныхъ къ общему числу народонаселенія равняется 1:600. За 1863 годъ онъ приводитъ слѣдующія цифры: въ округахъ Krain 1:725; Planina 1:831; Laas 1:686, то есть, въ общей сложности 1:705. Въ 1870 году въ четырехъ кантонахъ Швейцаріи найдены были слѣдующія отношенія: въ Бернѣ 1:180; въ Аргау 1:154; въ Золотурнѣ 1:225; и въ Цюрихѣ 1:192, а въ общей сложности 1:187 (4) Въ 1871 году докторъ Kolman (5) опредѣлилъ отношеніе помѣшанныхъ къ народонаселенію въ Великомъ Герцогствѣ Ольденбургѣ какъ 1:330. Въ 1875 году въ Тиролѣ (6) оказалось отношеніе 1:352, а въ герцогствѣ Брауншвейгѣ (7) къ 1 января 1878 года 1:351.

---

(1) Ergebnisse der Volkszählung vom 3 December 1867 „betreffs der Irren und Blödsinnigen. Allg. Zeitschr. für Psych. 1871. Bd. XXXII. Стр. 398.

(2) Heil-und-Pflegeanstalten für Psychischkranke. Berlin. 1875. Стр. 156.

(3) Irrenstatistik für Oesterreich. Allg. Zeitschr. für. Psych. Bnd. XXXII. Стр. 402.

(4) Laehr. O. M. Стр. 168.

(5) Allg. Zeitschr. für Psych. Bnd. XXXII. Стр. 174.

(6) Тамъ-же Bnd. XXXIII. Стр. 186.

(7) Hasse. Тамъ-же 1871. Стр. 551.

Въ Бельгіи, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ замѣтно было значительное возрастаніе числа помѣшаныхъ. Отношеніе послѣднихъ къ здоровому народонаселенію въ 1835 году равнялось 1:816; въ 1842 г.—1:924; въ 1853 г.—1:920; въ 1858 г.—1:714, а въ 1862 г. 1:721 (1). Въ 1866 году во Франціи докторъ Legoyt (2) принялъ отношеніе 1:420, а въ 1869 году Lunier (3) 1:412. Для Англіи и Валиса докторъ C. Lockhart Robertson (4) въ 1869 году привелъ слѣдующія отношенія: въ 1844 году—1:802; въ 1852 г.—1:691; въ 1858 г.—1:544 и въ 1868 г.—1:432. Тотъ же авторъ (5) въ 1870 году даетъ слѣдующую таблицу объ отношеніи числа помѣшанныхъ къ общему народонаселенію въ Великобританіи и въ Ирландіи: 1859 году—1:536; въ 1860 году—1:523; въ 1861 году—1:507; въ 1862 году—1:494; въ 1863 году—1:477; въ 1864 году—1:464; въ 1865 году—1:457: въ 1866 году—1:445; въ 1867 году—1:437; въ 1868 году—1:424 и въ 1869 году 1:411. Наконецъ въ Шотландіи 1875 году найдено было отношеніе 1:434. Въ Швеціи (6) въ 1855 году на 935 человѣкъ оказался 1 помѣшанный, въ 1865 гогу 1:512. Въ Норвергіи 1855 году 1:294, а въ 1865 году—1:327 челов. Наконецъ въ Даніи въ 1860 году—1:493 (7).

И такъ принимая въ Великобританіи и въ Ирландіи (въ 1869 г.) одного помѣшаннаго на 411, въ Прусскомъ государствѣ (1867 г.) одного на 644, во Франціи (1869 г.) одного на 412, въ Бельгіи (1862 г.) на 721, въ Швейцаріи (1870 г.) на 187, въ Нижней Австріи (1863 г.) на 785, въ Даніи (1860 г.) на 493, въ Швеціи и Норвегіи (1865 г.) на 419, мы получаемъ въ западной Европѣ, среднимъ чис-

---

(1) Huitième rapport de la commission permanente d'inspection etc. Bruxelles 1864 Стр 39.

(2) Ann. med. psych. Vol. XV 1876 Стр. 454.

(3) Ann. med. psych. 1870. Ianvier.

(4) Iournal of mental science. Vol. XV. April. 1869. Стр. 2.

(5) State of Lunacy in Great Britain and. Ireland Iournal of mental. science Vol. XV Ianuary 1870. Стр. 592.

(6) Allg. Zeitschr. für. Psych. 1877 Bd. XXXIV Стр. 385.

(7) Allg. Zeitschr für Psych. Bd. XXV Стр. 839.

ломъ на 509 человѣкъ здороваго народонаселенія по одному душевно-больному. (¹) Въ виду этаго числа, основаннаго на довольно точныхъ данныхъ, мы едва-ли допустимъ большую ошибку, принимая въ Россіи по одному душевно-больному на 1000 человѣкъ общаго народонаселенія.

Если это предположеніе вѣрно, то на 80 милліоновъ жителей мы получаемъ 80,000 помѣшанныхъ и безумныхъ. Положимъ, что всѣ эти больные поступили-бы въ спеціальное заведеніе такимъ же образомъ, какъ въ продолженіе 10-ти лѣтъ поступили въ Казанскую Окружную Лечебницу 1853 человѣка. При такихъ условіяхъ изъ общаго числа душевно-больныхъ (80000) выздоровѣло бы всего 32%, то есть 25,600 челов. Слѣдовательно 54,400 человѣкъ остались-бы неизлечимыми. Выбытіе такого числа представителей трудовой силы народа едва ли можно признать незначительнымъ.

На призрѣніе 54,400 человѣкъ неизлечимо-больныхъ обществу приходилось-бы вносить ежемѣсячно (только по второму классу Казанской Окружной Лечебницы) по 8 руб. 64 коп. за каждаго, а за всѣхъ 470016 руб. или-же въ годъ 5,640,194 руб. совершенно непроизводительно. Цифра эта значительно уменьшилась если-бы изъ общаго числа больныхъ (80,000) *излечимые* поступали *своевременно* въ спеціальныя заведенія.

Мы показали выше, что главнѣйшія основанія излечимости душевнаго разстройства—*форма и продолжительность его до поступленія* больнаго. Одержимыхъ первичнымъ помѣшательствомъ въ Окружную Лечебницу поступило 847 человѣкъ или 48%. Перенося это отношеніе на общее число душевно-больныхъ въ Россіи (80,000 чел.), мы получили-бы 38,400 челов. одержимыхъ первичнымъ помѣшательствомъ. Изъ нихъ выздоровѣло-бы 70%, или 26,880 человѣкъ. Но принимая въ соображеніе, что поступающіе съ вторичнымъ помѣшательствомъ въ свое время были одержимы первичнымъ, нужно къ числу 847 прибавить еще 682 челов. поступившихъ въ Лечебницу уже въ періодѣ вторичнаго

(¹) Возрастаніе общаго числа помѣшанныхъ главнымъ образомъ зависитъ отъ большей точности въ новѣйшее время статистическихъ изслѣдованій.

душевнаго разстройства. Такимъ образомъ на 80,000 человѣкъ приходилось-бы излечимыхъ формъ 86% или 68,800 человѣкъ, могущихъ, по формѣ своей болѣзни, выздоравливать. Изъ нихъ выздоровѣло-бы 70%=48,160 чел., вслѣдствіе чего число неизлечимыхъ уменьшилось-бы на 22,560 челов. и вмѣстѣ съ тѣмъ непроизводительный общій расходъ на призрѣніе неизлечимыхъ уменьшился-бы на 2,226,220 руб. 80 коп. въ годъ.

Но такъ, какъ изъ одержимыхъ первичнымъ помѣшательствомъ, если оно до поступленія больнаго въ Лечебницу продолжалось не болѣе трехъ мѣсяцевъ, могутъ выздоравливать 83%, то изъ общаго числа излечимыхъ (68,800 чел.) *при своевременнымъ поступленіи* могли-бы выздоровѣть 57,104 чел., такъ что неизлечимыхъ осталось-бы вмѣсто 54,400 человѣкъ, только 22,896 челов., содержаніе которыхъ обходилось-бы въ годъ въ 2,373,857 руб. 28 к., стало-быть менѣе на 3,266,034 руб. 72 к. въ годъ.

При томъ должно замѣтить, что возвращеніе обществу, по выздоровленіи отъ душевнаго разстройства 57,104 представителей трудовой силы—оцѣнивъ трудъ каждаго лишь въ 25 руб. въ годъ—дало-бы приращеніе оборотнаго капитала на 1,427,600 руб. въ годъ,—сумма, которая, довела-бы непроизводительный расходъ на призрѣніе неизлечимыхъ до 946,257 руб. 28 коп. въ годъ, вмѣсто 2,373,857 руб. 28 коп.

Предстоящія исчисленія основаны на предположеніи, что пріемъ душевно-больныхъ въ спеціальныя заведенія происходилъ-бы такимъ-же образомъ, какъ онъ происходитъ въ Казанской Окружной Лечебницѣ. Но можно-ли, хотя-бы одного только сравненія ради, распространить эти условія на всѣ дома умалишенныхъ въ Россіи? Таблица нашего отчета, приводящая перечисленіе губерній, изъ которыхъ прибывали въ Окружную Лечебницу больные, довольно краснорѣчиво отвѣчаетъ на предложенный вопросъ. Если-бы въ сорока губерніяхъ и областяхъ Россіи оказалось возможнымъ доставить душевно-больному необходимыя для его леченія условія, то, конечно, незачѣмъ было-бы отправить его въ Казань.... Въ столицахъ имѣется нѣсколько заведеній для помѣшанныхъ, по большей части устроенныхъ на столько удовлетворительно, что поступающій больной могъ-бы найдти въ нихъ надлежащее пособіе. Нѣтъ возможности ска-

зать тоже о земскихъ домахъ умалишенныхъ. За исключеніемъ весьма немногихъ губерній, земство которыхъ, серьезно относясь къ призрѣнію душевно-больныхъ, дѣлало достойныя, полнаго вниманія усилія для улучшенія быта умалишенныхъ, большинство земскихъ домовъ умалишенныхъ находится въ самомъ плачевномъ состояніи. Неговоря о переполненіи земскихъ заведеній неизлечимыми призрѣваемыми, устройство ихъ до такой степени неудовлетворительно, что исключаетъ собой возможность благопріятнаго исхода болѣзни даже у тѣхъ больныхъ, которые случайно были приняты своевременно. При весьма многихъ земскихъ домахъ умалишенныхъ, не смотря на большое число призрѣваемыхъ, даже нѣтъ особаго врача и если таковой имѣется, то онъ— не спеціалистъ по части душевныхъ болѣзней. Словомъ всѣ тѣ блестящіе успѣхи, которыми гордится психіатрія за послѣдніе 25 лѣтъ, лишь только изрѣдка и, въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, побудили представителей земства къ стремленію хотя-бы нѣсколько современно устроить подвѣдомственныя имъ заведенія.

При *такихъ* условіяхъ общее положеніе душевно-больныхъ въ нашемъ отечествѣ оказывается еще гораздо хуже того, на которое указало наше предположеніе.

Говорятъ, что цифрами можно доказать все и не доказать ничего. Какъ бы то ни было, цифры наши во всякомъ случаѣ наглядно выражаютъ собой неоспоримый фактъ, что съ государственно-экономической точки зрѣнія, излеченіе душевно-больныхъ обходится дешевле призрѣнія неизлечимыхъ. Фактъ этотъ, независимо отъ своего гуманнаго значенія, не можетъ не вызвать насъ на размышленіе, какимъ образомъ способствовать скорѣйшему помѣщенію душевно-больныхъ въ спеціальное заведеніе. Ясно, что для достиженія, этой цѣли прежде всего необходимо устроить въ достаточномъ числѣ спеціальныя заведенія, соотвѣтствующія требованіямъ современной науки. Здѣсь, однако, не мѣсто входить въ подробное обсужденіе такого широкаго проэкта, тѣмъ болѣе, что не далеко то время, когда возростающее число душевно-больныхъ неизлечимыхъ, постоянно увеличивая непроизводительный расходъ общества, само собой поставитъ на очередь вопросъ объ устройствѣ домовъ умалишенныхъ. А потому я ограничиваюсь на той части нашего вопроса, которая относится къ Казанской Окружной Лечебницѣ.

По нашему мнѣнію первое средство доставить [1] въ Окружную Лечебницу излечимыхъ больныхъ —это *энергическое содѣйствіе врачей* Врачамъ выпадаетъ задача, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ душевнаго разстройства настаивать на томъ, чтобы больной болѣе трехъ мѣсяцевъ не оставался въ домашней обстановкѣ. Если всѣ врачи неспеціалисты проникнуты будутъ убѣжденіемъ въ необходимости этой мѣры, то не мыслимо, чтобы не возрастало число поступающихъ, подающихъ полную надежду на излеченіе. Стремленія врачей еще скорѣе и легче увѣнчались бы успѣхомъ, если бы находили себѣ поддержку со стороны духовенства, не рѣдко приглашаемаго къ душевно-больному ранѣе врача. Не маловажное содѣйствіе могло-бы тоже оказать земская полиція, тѣмъ болѣе, что именно къ ней весьма часто обращаются родственники больнаго, когда имъ дальнѣйшее пребываніе его въ семьѣ почему то оказывается затруднительнымъ.

За тѣмъ, я полагаю, что таже цѣль будетъ достигнута въ значительномъ размѣрѣ *безплатнымъ содержаніемъ душевно-больныхъ, поступающихъ въ Лечебницу*, въ теченіе *первыхъ трехъ мѣсяцевъ* своей болѣзни и нѣкоторымъ пониженіемъ *платы* съ тѣхъ, у которыхъ душевное разстройство продолжалось *до шести мѣсяцевъ*. Предложенную мѣру мы считаемъ даже безусловно необходимою, когда рѣчь идетъ о больныхъ простаго званія и вообще о лицахъ, живущихъ исключительно собственнымъ трудомъ. Положеніе этихъ лицъ въ двойнѣ затруднительнѣе въ сравненіи съ положеніемъ людей хотя-бы нѣсколько состоятельныхъ. Душевное разстройство не только пресѣкаетъ трудъ заболѣвшаго, но и подрываетъ благосостояніе окружающихъ его.

Такъ напр., заболѣваетъ душевнымъ разстройствомъ отецъ семейства и, конечно, лишается возможности добывать своей семьѣ необходимыя средства для жизни. Онъ выздоравливаетъ. Возвращаясь домой, онъ находитъ совершенное разстройство своего хозяйства, бѣдность, долги и, въ добавокъ, съ него-же требуютъ плату за его излеченіе. Пріискивая себѣ занятія, чтобы усиленнымъ трудомъ выдти изъ та-

---

(1) Для пріема больныхъ въ О. Л. требуется только удостовѣреніе въ ихъ личности и свидѣтельство врача, о главныхъ признакахъ и продолжительности ихъ болѣзни. (Выс. утверж. Полж. ст. 24)

кого положенія, онъ вездѣ встрѣчаетъ недовѣріе, подозрительность, предразсудки и весьма часто не находитъ себѣ работы. Мудрено-ли, что убитый горемъ, онъ заболѣваетъ вторично и не рѣдко уже здоровымъ не возвращается изъ Лечебницы.

Попеченіе о выздоровѣвшихъ отъ помѣшательства въ Западной Европѣ давно уже сдѣлалось предметомъ особаго вниманія. Заканчивая эти строки, мы не можемъ не высказать желанія, чтобы и у насъ состоялись общества для вспомоществованія такимъ лицамъ, здоровье которыхъ такъ часто сохраняется лишь только при нравственной и матеріальной поддержкѣ въ первое время по выздоровленіи ихъ.

А. У. Фрезе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

LIĖTÙVIŠKOS DÁJNOS UŽRAŠÝTOS

PAR ANTÁNĄ JUŠKEVIČĘ

APÌGARDOJE PÚŠAŁAČIU ÌR VELŮNÓS

IŠ ŽODŽIU LIĖTÙVIU DAJNINĮNKU IR DAJNINĮNKIU.

(Литовскія народныя пѣсни, записанныя Антоном Юшкевичем в окрестностях Пушолат и Велёны со слов литовских пѣвцев и пѣвиц).

КАЗАНЬ
Типографія Императорскаго Университета.
1880.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета. Казань, 13 апрѣля 1879 года.

Секретарь Совѣта Университета, статскій совѣтникъ *Н. Фастрицкій.*

1 *).

1. Apynėlis mážas,
Alè łabáj grażùs,
Ałùtis putója, } bis
Mełáłes kełója.

2. Viėnùtė sugḗrıau,
Jr jau pasigḗrıau,
Vèskit mȃnę gùlti,
Ne dűkit parpùlti.

3. Kur mergýtė bałtà,
Ta nutółà šałtà,
O katrà raudóna,
Nutóła małóna.

4. Kur bernùkas zrènčnas,
Unt šokìma łongvùs,
Jo katràs ne móka,
Atsiłóšęs šóka.

5. Kur panà bagóta,
Kaj agłà šakóta,
Taj mána panéła,
Taj mána jaunóji.

---

*) Dájnos nů pirmós lýgi penkıóliktos użrašýtos ýra Pùšałačıu o vìsos kìtos Velůnós apìgardoje.

2.

1. Atjós bernùžis par łonkélę,
Atnèš panytěłej dovaněłu,
Atnèš panytěłej dovaněłu,
Żalú rutélu vajnikělį.

2. Pas motyněłę való áugu
Jr po jaunuměłus ulavóje,
Jr po jaunuměłus ulavóje,
Rútu vąjnikělį parnešióje.

3. Papùsk, vėjéli, nu tos pùsės,
Atnèšk żodélį nůg matùšės;
Uż báłtą stáłą sėdėje,
Kajp raudón rôżia żyděje.

4. Kaip raudón różia żyděje,
Jr su motyněła kalběje,
Jr su motyněła kalběje,
Runkó keliškělį turėje.

5. Grażùs kelškělis risavótas
Gardì arełkěła cukravóta;
Gérkit, brolùkaj, ir aš gérsiu,
Kaj rejks użmokěti aš išėjsiu.

6. Ášen turějau dvi sesùti,
Abì sesutěli łabáj mejlì,
Viěna sesùtė žirgą šěrė,
Untrà par łaukélį palyděje.

7. Béržа šakéłes nùlenka,
Visàs giminěłes susìrenka;
Prášom, svetélej, unt vìdų,
Gérsim ałùtį ir mìdų.

3.

1. Brolùks unt żirgéle sĕsdams,
Aukštýn kepurĕlę pakélďams:
Sudiĕu, tetùšiuj ir motynĕłej,
Sudiĕu brolùkam ir sesutĕłam. } bis

2. Matùtė sunùtį išléjsdama,
Nůg véjda ji ášaras šłůstydama:
Atsidĕk, sunùti, unt Diĕva váłes,
Ne żiurĕk panéłes didżiú krejtélu,
Ne żiurĕk panéłes didżiú krejtélu,
Tik żiurĕk panéłes rúnku, kojélu.

3. Pagręnż żirgélis żiĕmu šałáłę,
Girdż, máná panéłe vargély áuga,
Ne pùsės kelélė dar ne nujója,
Išgirda panéłę drobéłę áudant.
Padĕk, Diĕve, ko čen véjki?
Ar támstaj piršłela ar dar ne réjke.

4. Oj! tu, bernéli, tu, jaunułéli,
Kaj pasidabojej man siratĕłej,
Aš viĕna siratà be motynĕłes,
Ne turiù krajtélu, ni pasogĕłes.

5. Tu viĕna siratà be motynĕłes,
Áudi drobĕłes ir servetĕłes,
Rúnkas, kojełes, vis taj dėl mánęs,
Dirba darbéłes, vis ne dėl sávęs.

4.

1. Żálas rutéłes, gełtóni żiĕdaj,
Jósim, brolùkaj, vendravóť sviétą.

2. Mes išjodžiójom tris mýlas
Lýg raudónoja pùtina.

3. Oj! tu, pùtine žalàsis,
Kodě̃l ne toksáj, koks buváj?

4. Ko ášen toksáj vis búsiu,
Kad man unt šàlče vis búti.

5. Oj, če po gìrę vajkščióti,
Sáva matùtės vìs jėškót.

6. Jėškója dıẽną ir úntrą,
Nıẽkur matùtės ne ráda.

7. Mána matùtė pakavóta,
Jũdom żeméłem użkasıóta.

5.

1. Kad atéjs ta adýna,
Kad man rejks numìrti,
Jr nůg tẽvu, nůg mótynas
Rejks man atsiskìrti. } bis

2. Kad man' vė́żė par gojė́lį,
Gojė́lis żaláva,
Kajp įdė̃ja unt kariẽtas,
Kariẽta lingáva.

3. Kajp man' vė́żė par łaukė́lį.
Várpes suzváñyja,
Katrıẽ vérkė ir giėdóje,
Visì apsistóje.

4. Kajp įnešė į bažnyčę,
Unt móru padėje,
Ten kunįgáj, vargamīstras
Giėdóti pradėje.

5. Jr ùždegė šėšes žvákes
Priė mána šałáłes,
Jr untždėja áuksa krýžiu
Unt mána širdėła.

6. Kàskit dűbę lýg stűmenia,
Ten mànę padėkit,
Visī brólej ir sėserės
Mànę palydėkit.

7. Oj! jus brólej, jus sėserės,
Jus visī sugrįnšit,
Mànę viėną siratėłę
Čion viėną palīksit.

8. Diėve mána, Diėve brúngas!
O Diėve aukščiáusis!
Pryīmk mána brúngę dúšę
Unt rànkas švenčiáusės.

6.

1. Kajp tiktáj sułáukia žmónis gerú métu,
Visī bernıukėlej žėnytis akvátus,
Pràded panėłes dabóti,
Mīslyj unt kókię nujóti.

2. Kajp tiktáj ju súnus im kókię dabóti,
Taj tėvam ne tīnka, pràded jį łójoti:
Kad tókię mum błógą parvèsi,
Anī tu kìtas ne ràsi.

3. O jam viẽni sáka, kad ta bútu gražĩ,
O jam kitĩ sáka, kad pasógaj mažĩ,
Pažiurẽk kiek bagotésnės,
Mažù ne but kiek słaunésnės.

4. Kajp tiktáj sutĩnka, tũj dũda runkéłę,
Dżiaúgdamasi gávęs mieláusę panéłę,
Joj, práša póną kùnįgų,
Kad įrašýtu ing knýgų.

5. Kajp tiktáj veséłes, tad żmónes sujója,
Kad abù jaunũsius kóloti nustója,
Unt paskatĩnės adýnas,
Pasibájgs jau vĩsas novýnas.

6. Kajp tiktáj pàmergės im už stáłą vèsti,
Tũjaús unt mergájčiu ir atránda złástį,
Katrą́ kur, kókią kur padẽs,
Katrà unt gáła sėdẽs.

7. Aprĩnk panéłę, kur kiek bėdnésnę,
Sirátą, našłájtę, arbà kiek mažésnę,
Taj jás unt gáła sodĩna,
Słóvę panéłej gadĩna.

8. Jau katráj bagótaj unt gáła atséjna,
Tũj anáj ne tĩnka, ji namũ paréjna,
Ne nor bile kùr sėdẽť,
Nóri papùtus gùrklį turẽť.

9. Da już tẽva prócę da tùri słaunùmą,
Pri jaunú bernùku jazdábą, grażùmą,
Týka gardżiúju čerkélu
Jr gerúju kunsnélu.

10. Katràs tùri rázumą, ne ziúri, kad galìne;
Kłausinēja żmónis, ar bus gaspadìnē,
Ar bus man gerà pri pé̆čiaus?
Ar mokēs kalbēt́ pri svēčiaus.

11. Jůg katriē razùmni, visì jęn uvozókit́,
Jůg katrà galìne, visì jęn dabókit́;
Ne ziurēkit́ bagótų,
Ne búsit́ par viēkų sótus.

7.

1. Kinkỳkite, svečéj, árklus,
Čēsas numū̆ kàkti,
Bo jau nesivēlinkite,
Bo bus tumsì naktìs.

2. Bagasłóvik, póne Diéve,
Jr użłajkỳk svéjkus
Gaspadórių, gaspadìnę
Jr ju visùs vájkus.

3. Pamyłéja vákar
Pamyłéja šendiēn,
Jr dar vēłes jès myłétu,
Kad bačkà tyłétu.

4. Pakłausỳkit́, svetéłėłej,
Kas kamároj šnéka,
Kad bačkéła uzbonēlį
Pasirìtus płáka.

5. Jej ne viē̆ryjat́, pażiurēkit́,
Kas ten pasidárē,
Kad bačkéła uzbonēlį,
Płàkdama išvárē.

6. Čerkytēła, priéjdama,
Butełēlį prášē;
Ne betùri butełélis
Arēłkas ni łáša.

7. Butełélis čerkytēłę
Rykštytēłe płákē:
Tu iš mánęs išvìłójej
Poskutìnį łášą.

8. Jr girìnis kubiłélis,
Tas uż pé̆čiaus dréba,
Taj użnaktavós svetélej,
Bus ir jam nełába.

9. Kinkỳkime arkłálus,
Kógi darỳti,
Vażiókime mes namóle,
Viēnók ne varỳti.

10. Aš pażìnstu gaspadórių,
Kurs svéčią ne mýli,
Susiprášęs giminēłes,
Pats uż péčiaus tyli.

11. Aš pažinstu gaspadóriu,
Kurs svečiám pavýdžia,
Unkstì rýtą išłájsdamas
Karčemón palýdžia.

12. Bagasłóvyk, póne Diẽve,
Jr užłajkýk svéjkus,
Senùs, jáunus, vidutìnius
Jr mažùs vajkélus.

13. Kajp mes Diẽvuj atsakýsim
Už tókię pričýnią,
Kad palìkom báčką, uzbóną
Plìką be čiuprýnas.

8.

1. Migóniu mergájtės tąn vìltį turẽje,
Kad jáunus bernélus sau łabáj myłéje;
Par naktéłę ulója,
Kad jáunus bernélus vilója.

2. Tẽvaj, ir mótynas jómis ne užgýnė,
Visókius ráskažius dėl ju pazvályje;
Tej jums gérti arelkẽłę
Su bernéłejs vìsą naktéłę.

3. Ne viẽryk bernéluj, jũg ýra svietaús
Unt viẽas adýnas jis pamèsť gátaus,
Šendiẽn su tavìm kalbẽje,
Rytó aplìnk kìtą mìslyje.

4. Rýtą, vakarẽlį pažiúr pro łangélį,
Atjója man miẽłas unt bẽra zirgéle;
Kajp jas širdéłą sugraúdė,
Kad báłtas runkéłes suspáudė.

5. Grigùtė su Ołku tarp sávęs kalbẽje,
Anùtė unt kiẽma zirgélį turẽje;
Sudiẽu, sesútė, tu, mána,
Padábnej myłétis bus ganà.

6. Ak! grįnžte ne grįnšιu, grómatas rašýsιu,
Ak! grįnžte ne grįnšιu, grómatas rašýsιu,
Nůg Jůdrupélės sugrįnždams,
Antýtej šιrdélę ramìndams.

7. Migónιu mergájtės, sustója raudóti,
Migónιu mergájtės, sustója raudóti;
Kad jos tas bĕdas pažìntu,
Sàva nejiščĕščιu ne vérktu.

8. Bĕdas man ženótam, kajp vìštaj płunksnůtaj,
Bĕdas man ženótam, kajp vìštaj płunksnůtaj,
Kaip tas płunksnélės papùra,
Atsimájnė mergú notúra.

9.

1. Ne paìmsi Dιĕva súdą
Anì kóžną žmógaus búdą;
Nιĕkur nĕra tos asábas,
Kurì visιĕm pasidabós.

2. Cιĕłam svιéte jėškóť réjkιa
Knrį žmógus ne papéjkιa;
Nιĕkas svιĕtuj ne įtéjkιa
Jr gerιáusį žmógu péjkιa.

3. Kóžnam důda kìtą vàrdą,
Tej vis žmonιú šłóvę árda;
Nej pujkýbė, nej pakára
Żmonιú búrną ne uždára.

4. Błógas búsιu, kad kałbésιu,
Jr netìkęs, kad tyłésιu;
Kurs razùmnas, tąn už dúrną
Apsúdyja žmonιú burnà.

5. Unt ùbagu pikts lιežùvis
Sákė, jogej, pałajstùvis;
Unt pabážna pìrštajs róda,
Ščýraj mélstis jam ne důda.

6. Jr kunįgáj, Dιĕva tárnaj,
Nůg apkałbós nĕra válni,
Ne meščιónis, ni bajóraj,
Ne mužìku nĕra dóros.

7. Taj kas gérιa, tas girtůklis,
Kurs nè geria tas šikštůklis;
Taj kas rĕdas, tas yr plúškis,
Kurs ne rĕdas, tas yr sùskis.

10.

1. Nutrótyjau vajnikėlį
Lunkó po javóru;
Aj, aš jaunà mergužėła,
Kajp aš apsivérsıu?

2. Ar tu gìrdi, bałamútaj,
Kad matùłė vérkıa?
Ar už mána grážią cnátą,
Mokėk už vajnìką.

3. Ar tu žináj, bałamútaj,
Ką tu man žadėjej,
Kaj seklýčıo už stałále
Kresłály sėdėjej?

4. Aš papìlče penkìs šimtùs
Unt žála stałále,
Atsiskajtýk, panytėła,
Ar pakàks dėl távęs?

5. Ar man pakàks, ar man ne teks,
Ne besugrįnš mána cnáta.
Aj, aš jaunà panytėła,
Kur aš pasıdėsıu?

6. Nupìrk tùje, bałamútaj,
Raudóną stunčkėłę,
Nıėks ne žinós ir ne mìslys,
Kad táva panėła.

11.

1. Aj, bėdas mána, kłápataj,
Kur pasıdėsiu be túrtu?
Kur éjsıu, nuéjsıu,
Vis bėdas atrásıu
Dėl sávęs.

2. Kárčıas jam łabáj ášaras,
Didžıáusı pıėtus ášaras,
Po gałvà kumštėlis,
Vis bonketėlis,
Ak, bėda!

3. Nėra jam čėsa vajtóti:
Ligà suspáustam gułėti,
Atėje adýna,
Gaspadórs bùdina:
Ejk dìrbtu.

4. Norìns širdéła jam plýšta,
Nůg súnkias ligás jau mìršta,
Viėnókis bonkė̃tas,
Ejk, šélma, iš vıė̃tas,
Ne dribsók.

5. Girdżiù jaš kitùs, kajp sáka:
Sunélis mána atkáka,
Ejk, bérne, tu viėnók,
Żirgélį nubałnók,
Vesk stájnıon.

6. Kodė̃l tu maż terūpinis?
Kłok patałélį pukìnį,
Sunė̃lį guldýsi,
Durìs użdarýsi,
Te silsıė̃.

7. Aš viė̃nas bė̃dnas nabágas,
Súnkej prazùvęs nevålo;
Nıė̃kas ne użjáuče,
Kad ir smérčį gáuče,
Ak! bė̃das!

8. Éjče aš jau unt kapélu,
Bùdinti sáva tėvélu,
Šáukče motynė̃łę
Bałsù gegūtė̃łes,
Ar ne išgirs?

9. Anù unt mána tėvélu,
Użżė̃lė żolė̃ms takélej,
Kapáj motynė̃łes
Użverstì, šekštélejs,
Ne daėjsıu.

10. Ak! Dievę mána mielâusis,
Tḗve dúngiškas aukščiáusis,
Unt Tàvę šáukiůse
Sunkiůse vargůse,
Prigłáusk man.

12.

1. Susẽda dirvas apártas,
O taj vienas, úntras kártas,
Mána žágrės ne tajsýtas,
O taj ýra ar kas kitas.

2. Susẽda rugéj sužvìła,
Kajpó ładas issìpiła,
Mána dar ir nè išdýga,
O taj ýra piktà ligà.

3. Susẽda rugéj nupjáuti,
Gražéj, kłojiman sukráuti,
O mána šałnà pakúnda,
Visas łaúkas nusigúnda.

4. Susẽdas ałų padárė,
Kajmynẽłus susiprášė,
Suprášė, ałų sukóšė,
Giminẽłes susiprášė.

5. Trinki, géria, ulavója,
Linksmi, sótus runkàs płója;
Aš vienas bẽdnas nusmùrgęs,
Kajpó nabáščikas Jùrgis.

6. Te tau vėjelį vajkýti.
Jr karčemẽłes łunkýti,
Rejks dabàr pakutavóti,
Smẽlu gérklę šeravóti.

13.

1. Sesùtę nutrótysiu,
Rytó márčiu pamatýsiu;
Jšbàłs táva skajstvejdélis, } ds
Nukris nu gałvás kvietkélis.

2. Ne uvóžok, panytẽła,
Geriáusis bernélis,
Tejp kajpó unt łaúka žydi
Gražiáusis kvietkélis.

3. Dėłtó tùjen linksmì búsi,
Dėłtó ulavósi,
Tiktáj unt galvéłes sáva
Nűmetą nešıósi.

4. Ne benešıósıu kasnìką,
Ne bepìnsıu sau vajnìką,
Ne beskìnsıu rutélu,
Ne rejks dıĕmedžıa šakélu.

5. Veversĕlis unt àkmene,
O gulbĕ priė úpej,
Čiviłėlis tankıám krúme
Gıéda atsitúpęs.

6. Tejp mergájtė nutekĕjus
Bus linksmì už výrą,
Bilė bútu padabónė
Jr jas širdìs ščýra.

7. Palìks čė táva mótyna,
Katrà tàvę użugìna;
Ne begułési tam svirnéły,
Użmìrši sávo dukréłę.

8. Vis taj bájgıas unt rùdene
Jr kvıėtkėlej výsta,
Kur ne kłaúsa żmonıú ródas,
Tas visadós klýsta.

9. Jog tau réjki atsiskìrti,
Tùjen patì žináj,
Sakýk: sudıĕu táva tĕvuj
Jr mıĕłaj mótynaj.

14.

1. Važiűsim, važiűsim,
Čionáj ne búsim,
Sáva miĕłaj motynĕłej
Širdéły sugrandȉnsim.

2. Susapnáva panytĕła
łovéły gułėdama,
Kad paskènda mána miĕłas,
Par máres važiűdamas.

3. Ejče kłáusti susėdĕlu:
Ar ne mátėť bernélį?
Ar nę mátėť, ne regĕjoť,
Mána miĕłą bernélį?

4. Jr mes mátęm, ir regĕjom
Támstas miĕłą bernélį,
Viduŕ márıu, viršȕm vándene
Płaűkė, kajp zelzinĕlis.

5. Ejče kłáusti tetušĕle,
Kur kavóti bernélį?
Ar bažnýčıo po ałtórıu?
Ar vidurý šventórıaus?

6. Aš išgirdaú, šit, atlýdžıa
Mána miĕłą bernélį,
Su varpélejs, vargonĕlejs
Jr didžióm paradĕlom.

7. Áuga médis iš ášaru,
Kur aš patȉ stovĕjau,
Tegȕl máta visȉ žmónis,
Kad aš ščýráj mylĕjau.

15.

1. Aj, bĕda, bĕda,
Bĕda prıê bėdós, } ds
Kad mergùžė už vandėns.

2. Pats pùšį kirtaű,
łajvùžį darıaú,
Pats mergűžę parkĕlau.

3. Kólej parkĕlau,
Tólej tylĕju,
Šiłkú šıúbą dėvĕju.

4. O kajp parkĕlau,
Prıadĕju vérkti,
Kajp gegùtė kukűti.

5. Ej, cit, ne vérki,
Mánu mergužė,
Bałtoji lelijĕlė.

6. Galè tėvélu,
Márgu dvarélu
Bałtá jĕva žydĕju.

ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПРОТОКОЛАХЪ ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(Извѣстія и Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета).

1879, вып. 5-й, сентябрь—октябрь.

Стр.	*Строка:*	*Вмѣсто:*	*Слѣдуетъ читать:*
280	20 св.	1877—79	1877—78.
281	19 сн.	ими	имъ
282	2 св.	ими	имъ
285	10 сн.	словѣнскаго	словенскаго
285	9 сн.	Ianez	Janez
285	7 сн.	Благородіе!“	Благородіе!
285	7 сн.	сего сода	т. г.
285	6 сн.	славиться	славится
285	1 сн.	настоящимъ	настояще
286	7 св.	дѣйствовавъ	дѣйствовалъ
286	7 св.	жизнь свою	свою жизнь
286	10 св.	„Janz	Janz
286	10 св.	Хрибаръ“	Хрибаръ
286	11 св.	„въ Казани	въ Казани“
343	10 сн.	wopisad	wopisat
343	10 сн.	Michal	Michat
343	9 сн.	Hornik	Hórnik
343	9 сн.	Budysin	Budyšin
343	9 сн.	сочиненіе	сочиненія
343	8 сн.	Delnoburiske	Delnotužiske
343	8 сн.	Napisab	Napisat

Стр.	*Строка.*	*Вмѣсто:*	*Слѣдуетъ читать:*
343	8 сн.	Budysin	Budyšin
344	1 св.	Будьнпимѣ	Будышинѣ
344	1 св.	Herin	Herrn
344	1 св.	Pfawer	Pfarrer
344	2 св.	Bantzen	Bautzen

1879, вып. 6, ноябрь—декабрь.

356	1 св.	пособіё	пособія
259	3 св.	читасъ	читалъ
359	9 св.	докламаторскаго	декламаторскаго
359	1 сн.	безполезенъ	безполезенъ“
360	5 сп.	; какъ	(какъ
360	4 сп.	строкъ	строкъ)
361	22 сп.	замѣпъ	замѣнѣ
361	13—12 сн.	другими	другимъ
361	6 сн.	посторонпдй	посторонней
361	5 сп.	безукоризцепъ	пе такъ безукоризпенъ
264	3 св.	Leichfešte	Leichteste
364	4 св.	Erlernûng	Erlernung
364	5 св.	untersicht	unterricht
364	5 св.	Erlernnrg	Erlernung
364	6 св.	Rassischen	Russischen
264	6 св.	Ollendorfè	Ollendorf's
364	7 св.	Franfurt	Frankfurt
364	7 св. 8 св.	Russien	Russian
364	8 св.	teachcv	teacher
365	14 сп.	передавать	переводить
372	20 сн.	Курченэ	Куртенэ
373	7 св.	литературѣ,	литературѣ;
373	13 св.	литературѣ,	литературѣ;
373	8 сн.	нарѣчіи	нарѣчій
373	2 сп.	строгіи	строгій
374	18 сн.	филологіи	филологіи,
374	12 сн.	Вѣстникѣ	„Вѣстникѣ
375	10 св.	литотскаго	литовскаго
375	14 св.	словеснотп	словесности
375	18 св.	предложенія	предложенія“

Стр.	*Строка:*	*Вмѣсто:*	*Слѣдуетъ читать:*
377	8 св.	пјеселе	пјесме
377	8 св.	мјелипа	цјелина
377	8—9 св.	издаме	издање
377	15—16 св.	благодарность	благодарить
377	16 св.	Новаковичу	Новаковича
377	20 св.	Српеко	Српско
377	20 св.	другијво	друштво
477	21 св.	Гласникъ	„Гласник
377	10 сн.	обмѣнѣ	обмѣнъ
409	19 сн.	umjętnosci	umiejętnosci
409	18 сн.	Ojjolinskich	Ossolińskich
409	17 сн.	Sevbska	Serbska
409	15 сн.	Ljubejani	Ljubljani
409	14 сн.	Kralovstri	Kralovstvi
409	14 сн.	ceskoho	českého
415	3 св.	комплективныя	коллективныя
467	8 сн.	статики	статистики
467	5 сн.	отрицательный	положительный
477	15—16 св.	Средневскаго	Срезневскаго
543	5 св.	temen	tamen
543	3 сн.	о членѣ	онъ членъ
544	13 св.	первой	перваго
544	23 св.	что его	что это
545	17 св.	Царевококшайскаго	Царевококшайскій
545	17 св.	Съѣзда	Съѣздъ

П—скій М. Князь А. М. Курбскій.—Историко-библіографическія замѣтки по поводу послѣдняго изданія его «Сказаній».—1873. Ц. 50 к.

Смирновъ А. Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и центральной въ связи съ политическимъ ростомъ третьяго сословія. 1873. Ц. 1 р. 50 к.

Степановъ Я. По поводу пересмотра Устава Университетовъ. К. 1878. Ц. 75 к.

Степановъ Н. Опытъ теоріи страховаго договора. Казань. 1875. Ц. 2 р.

Соколовскій И. Петръ Великій, какъ воспитатель и учитель народа. 1873. Ц. 1 р. 25 к.

Суворовъ О. О характеристикахъ системъ трехъ измѣреній. 1871. Ц. 1 р.

Шпилевскій С. Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Шпилевскій С. Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ. 1869. Ц. 2 р.

Ягичъ В. Исторія сербско-хорватской литературы. Древній періодъ. Переводъ съ сербско-хорватскаго. 1871. Ц. 2 р.

Фирсовъ Н. Положеніе инородцевъ Сѣверо-Восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Фирсовъ Н. Инородческое населеніе прежняго казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель. 1869. Ц. 2 р.

Въ магазинѣ ДУБРОВИНА

ВЪ ГОСТИННОМЪ ДВОРѢ.

Осокинъ Н. А. Древне-Римская Имперія. Курсъ чтенія для студентовъ Историко-филологическаго факультета въ 1875—76 акад. году. Изданіе литографированное. Ц. 3 р.

Его-же. Средневѣковая Исторія. 2 тома. Курсы 1876—77 и 1877—78 академ. годовъ. Изд. литогр. Ц. перваго тома 5 р., втораго тома 3 р. 50 к.

Его-же. Новѣйшая Исторія отъ 1815 до 1848 г. Курсы 1875—76 акад. года. Изд. лит. Ц. 3 р. 50 к.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„Извѣстія" и „Ученыя Записки" Казанскаго Университета выходятъ *шесть* разъ въ годъ, начиная съ января мѣсяца, выпусками, содержащими въ себѣ до 15 и болѣе листовъ. По окончаніи года каждое изданіе составитъ отдѣльный томъ, до сорока листовъ съ особымъ заглавіемъ.

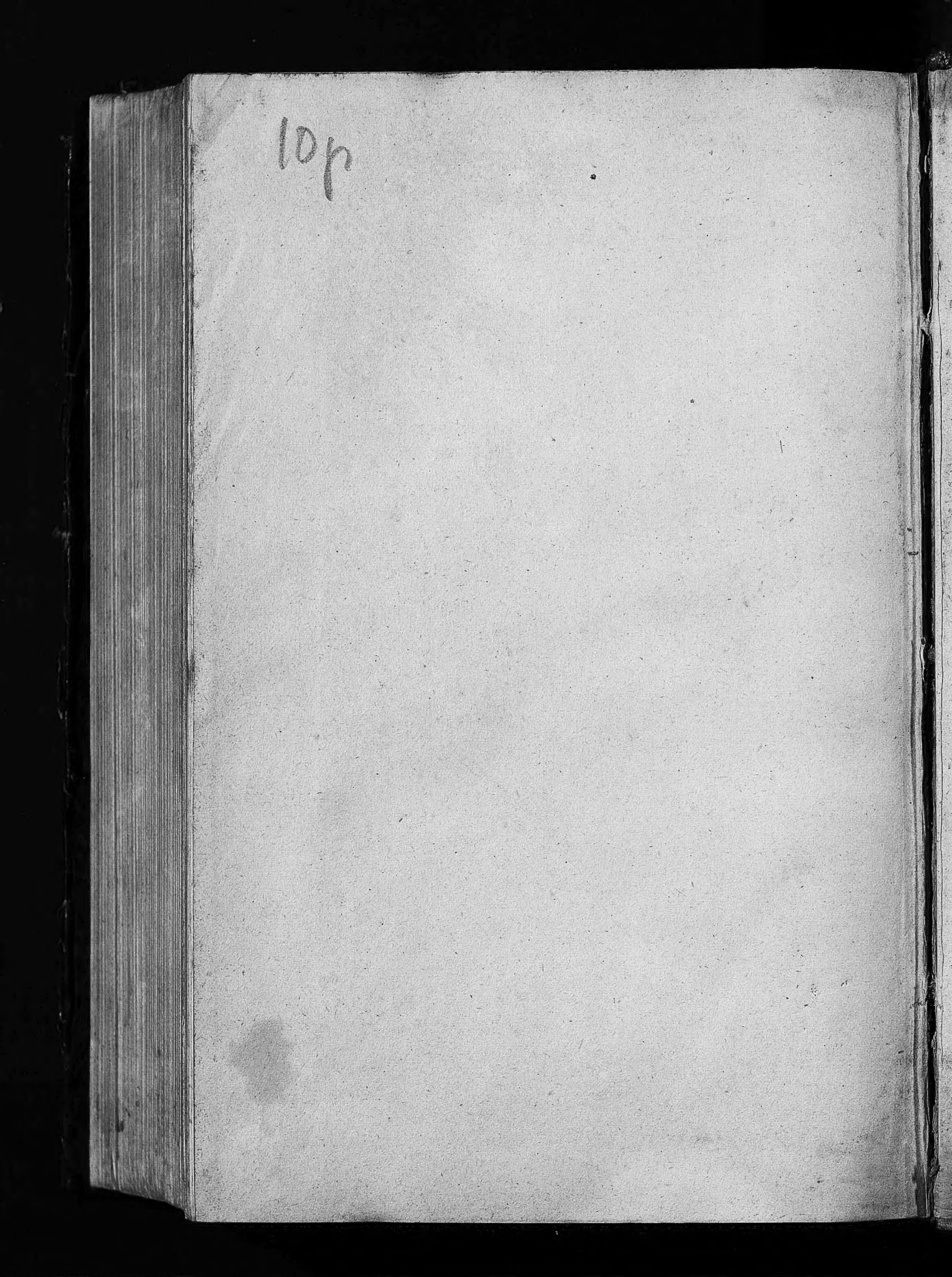
Извѣстія представляютъ собою оффиціальную исторію Университета, протоколы совѣтскихъ засѣданій, мнѣнія о диссертаціяхъ на ученыя степени, отчеты, программы курсовъ, замѣтки, касающіяся университетской жизни.—Ученыя Записки—труды казанскихъ профессоровъ по наукамъ историческимъ, филологическимъ, математическимъ, естественнымъ, юридическимъ и медицинскимъ, магистерскія и докторскія диссертаціи, пробныя и вступительныя лекціи; документы и неизданные памятники, отчеты факультетскихъ клиникъ и лабораторій и критико-библіографическій отдѣлъ, составляемый спеціалистами.

Подписная цѣна за оба изданія шесть рублей съ пересылкою. Студенты Казанскаго Университета платятъ за годовое изданіе *два руб. сер.*; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ Редакціи „Извѣстій" и „Ученыхъ Записокъ" Казанскаго Университета.

Подписка принимается въ Редакціи „Извѣстій" и „Ученыхъ Записокъ" Казанскаго Университета, а также въ книжномъ магазинѣ Дубровина въ Казани.

Редакторъ Орд. Проф. А. М. ОСИПОВЪ.

10p

